#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН
БРЕНДОН САНДЕРСОН

ПАМЯТЬ СВЕТА

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 14

Память Света

Брендон Сандерсон, Роберт Джордан

Аннотация
Роберт Джордан, Брендон Сандерсон. Колесо Времени. Книга 14. Память Света
Пролог. Первая весть
Глава 1. На восток летит ветер
Глава 2. Выбор Айя
Глава 3. Опасное место
Глава 4. Преимущества уз
Глава 5. Сегодня я потребую награду
Глава 6. Судьба
Глава 7. В гущу событий
Глава 8. Этот дымящийся город
Глава 9. Достойная смерть
Глава 10. Как использовать драконов
Глава 11. Еще один наемник
Глава 12. Мимолетный образ
Глава 13. То, что должно быть сделано
Глава 14. Корень вилочника
Глава 15. Петля на шее
Глава 16. Тишина громче крика
Глава 17. Старше и мудрее

Глава 18. Бесполезный
Глава 19. Бутылочное горлышко
Глава 20. В Такан’дар
Глава 21. Ошибка, которую нельзя не учитывать
Глава 22. По прозванию Дивий
Глава 23. На краю времени
Глава 24. Пренебречь знамениями
Глава 25. Калейдоскоп
Глава 26. Раздумья
Глава 27. Удар по своим
Глава 28. Слишком много людей
Глава 29. Отступление с холма
Глава 30. Повадка хищника
Глава 31. Водяной шквал
Глава 32. Желтый цветочный паук
Глава 33. Принцев табачок
Глава 34. По течению
Глава 35. Наигранная ухмылка
Глава 36. Было, есть и будет
Глава 37. Последняя битва
Глава 38. Место, которого не было
Глава 39. Те, кто сражается
Глава 40. Волчий брат
Глава 41. Улыбка
Глава 42. То, чего не может быть
Глава 43. Кристальное поле

Глава 44. Два ремесленника
Глава 45. Завитки тумана
Глава 46. Пробуждение
Глава 47. Наблюдая за извивающимся потоком
Глава 48. Ослепительный шпиль
Глава 49. Свет и Тень
Эпилог. В поисках ответа
Глоссарий

Аннотация

Завершающий том цикла «Колесо Времени». Грандиозная фэнтезийная сага приближается к концу.

Мир замер в ожидании начала Последней битвы, того самого решающего сражения между силами Света и силами Тьмы.

Фактически она уже началась.

Кандор, одна из Пограничных земель, захвачен ордами троллоков. В Тарвиновом ущелье, ведущем из Великого Запустения в населенные людьми земли, кипит сражение.

Подвергшийся нападению сил Тьмы город Кэймлин, столица королевства Андор, пал под ударами приспешников Темного.

В Черной Башне – предательство.

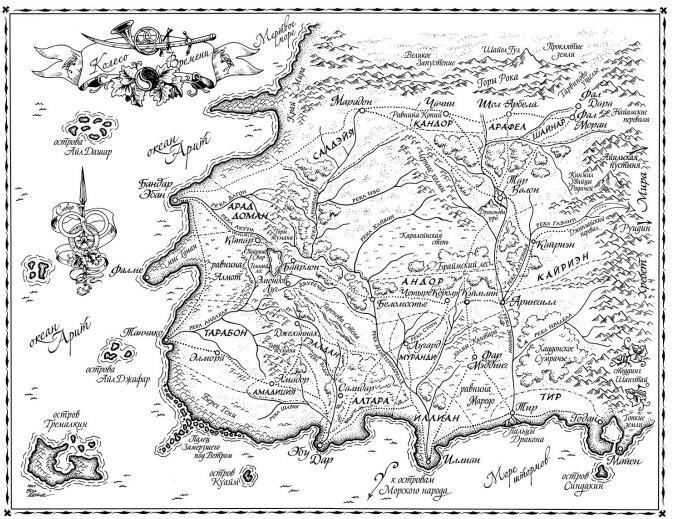
Объединенные силы Света сходятся на свой последний совет перед великим сражением. Ранд ал'Тор – Дракон Возрожденный – заявляет, что собирается поразить Темного и готов пожертвовать ради победы собственной жизнью. Но прежде требует подписать договор о будущем мире между народами.

Впрочем, чем бы ни завершилась битва,

Свет все помнит.
Свет помнит всех.
Память Света светла.
Впервые на русском!

Роберт Джордан, Брендон Сандерсон
Колесо Времени
Книга 14. Память Света

© А. С. Полошак, перевод, 2024
© Т. А. Велимеев, перевод, глоссарий, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®


Колесо Времени
Западное море
Великие Запустения
Шайол Гул
Проклятые реки
Пустошь Аризор
Горы Рога
Фал Дара
Фал Ех Наймлин
перевал
Мерат
Шиенар
Аринора
Илло Арбела
Чачин
Мардон
Кандор
Арафел
Река Эрин
Река Алгин
Река Гленан
Река Ирин
Река Гаэлин
Река Гаэлин
Река Ирин
Река Гленан
Река Алгин
Река Эрин

Харриет, свету жизни мистера Джордана.
И Эмили, свету всей моей жизни

И пала Тень на землю, и раскололся Мир, как камень. И отступили океаны, и сгинули горы, и народы рассеялись по восьми сторонам Мира. Луна была как кровь, а солнце – как пепел. И кипели моря, и живые позавидовали мертвым. Разрушено было все, и все потеряно, все, кроме памяти, и одно воспоминание превыше всех прочих – о том, кто принес Тень и Разлом Мира. И имя ему было – Дракон.

Из «Алет нин Таэрин алта Камора, Разлом Мира». Неизвестный автор, Четвертая эпоха

Пролог. Первая весть

Бэйрд сжал монету двумя пальцами — большим и указательным — и поежился, чувствуя, как сминается и плющится металл. Он убрал большой палец — на твердой меди остался явственный отпечаток, блестевший в неярком свете факела, — и ощутил такой озноб, будто всю ночь просидел в погребе.

В животе заурчало. Снова.

Порыв северного ветра встревожил пламя факелов. Бэйрд сидел близ центра военного лагеря, спиной к большому камню. Провиант давно испортился. Оголодавшие солдаты с ворчаньем

грели руки над кострами или раскладывали по земле мечи, пряжки, кольчуги — все, что было у них металлического, — как раскладывают белье на просушку. Может, надеялись, что под утренним солнцем металл обретет прежние свойства.

Бэйрд скатал испорченную монету в шарик. «Храни нас Свет, — подумал он. — Свет…» Бросил шарик в траву и вернулся к работе над камнями.

— Хочу знать, что здесь случилось, Карам! — выкрикнул лорд Джарид. Он и его советники стояли неподалеку, вокруг стола, устланного картами Андора и окрестностей Кэймлина. — Мне надо знать, каким образом они подошли так близко, и еще мне нужна голова королевы Айз Седай, этой треклятой приспешницы Темного! — Джарид стукнул кулаком по столу.

В прошлом Бэйрд не замечал у него в глазах столь безумного блеска, но под гнетом событий — испортившееся продовольствие, странные создания в ночи — лорд превращался в другого человека.

Позади Джарида бесформенной грудой лежал командирский шатер. Волосы Джарида, отросшие за время изгнания, теперь развевались на ветру, на лице дрожали отблески факела, а к мундиру, когда лорд выползал из шатра, пристали сухие

травинки.

Недоумевающие слуги пытались вытащить из-под складок ткани железные шесты, но те размягчились, как и весь металл в лагере, а крепежные кольца растянулись и разошлись, словно теплый воск.

В ночи пахло как-то не так: древней пылью и затхлыми комнатами, куда не входили уже много лет. Такому запаху не место на лесной полянке. В животе у Бэйрда снова заурчало. О Свет! Вот бы заморить червячка… Он сосредоточил внимание на работе, держа камни так, как в детстве учил его старый Паппил. При ударе камня о камень рождалось чувство, отгонявшее голод и озноб. Хоть что-то в этом мире осталось неизменным.

Лорд Джарид бросил на него недовольный взгляд. Бэйрд входил в число десяти человек, этой ночью выбранных лордом для охраны шатра.

— Принесите мне голову Илэйн, Карам, — произнес Джарид, повернувшись к своим капитанам. — Эта шальная ночь — дело рук ее ведьм.

— Принести голову? — раздался скептический голос стоявшего чуть поодаль Эри. — Каким образом?

Лорд Джарид оглянулся. Все, кто стоял у освещенного факелом стола, последовали его приме-

ру. Эри смотрел в небеса. На плече — нашивка: золотой кабан бросается на красное копье. Знак личного телохранителя лорда Джарида, но голосу Эри недоставало уважения.

— Как именно, Джарид, следует отделить ее голову от тела? Зубами отгрызть?

От столь вопиющей дерзости замер весь лагерь. Бэйрд перестал стучать камнем о камень. Да, поговаривали, что лорд Джарид превратился в форменного сумасброда. Но такое?

— Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне? — брызнул слюной покрасневший от ярости Джарид. — Ты, мой телохранитель!

Эри не отрывал взгляда от запеленутого в хмарь неба.

— Ты лишен денежного довольствия за два месяца! — объявил Джарид, но голос его дрожал. — Разжалован и назначен чистить отхожие места впредь до особого распоряжения. А заговоришь со мною снова, отрежу тебе язык!

Бэйрд вздрогнул под дуновением холодного ветра. Эри был лучшим из всех, кто остался от повстанческой армии. Другие телохранители замялись и потупились.

Эри взглянул на лорда и улыбнулся. Ни слова не сказал. В этом не было необходимости.

«Отрежу тебе язык»? Весь до последнего металл в лагере размяк, как топленое сало. На столе перед лордом лежал покоробленный кинжал, растянувшийся, когда тот доставал его из ножен. Борта расстегнутого мундира хлопали по телу Джарида; в прошлом их украшали серебряные пуговицы.

— Джарид… — произнес Карам. Юный лорд одного из второстепенных Домов, лояльных Дому Саранд, был толстогуб, но худощав лицом. — Ты и правда… Правда считаешь, что это сделали Айз Седай? Что они уничтожили весь наш металл?

— Ну конечно! — рявкнул Джарид. — А кто еще? Только не говори, что веришь в те байки, что травят у костров на привале. Последняя битва? Ха! — Он опустил взгляд на стол, где лежала, придавленная камешками по углам, карта Андора.

Бэйрд вернулся к своим камням. Тук, тук, тук. Сланец и гранит. Непросто оказалось отыскать подходящие камни, но дед Паппил научил внука разбираться в их разновидностях. Когда отец Бэйрда отказался от семейного ремесла, перебрался в город и стал мясником, старик решил, что его предали.

Сланец мягкий, гладкий. Гранит бугристый, с острыми краями. Да, остались в мире неизменные вещи, хоть и немного. Такое уж ныне время,

что кругом обман. В прошлом неколебимые лорды того и гляди размякнут… ну, как металл. В небе бурлят черные тучи, а храбрецы, с которых Бэйрд всегда брал пример, дрожат от страха и поскуливают в ночи.

— Неспокойно мне, Джарид. — Пожилой лорд Дэвиес был кем-то вроде Джаридова наперсника. — Сколько дней прошло, а нам никто не встретился. Ни фермеров, ни солдат королевы. Что-то недоброе творится.

— Она увела людей, — прорычал Джарид. — Готовится внезапно атаковать.

— По-моему, Джарид, она не обращает на нас внимания, — заметил Карам, посмотрев на небо, где по-прежнему клубились тучи. Бэйрд подумал, что уже несколько месяцев он не видел неба без туч. — Зачем ей утруждать себя? Наши люди голодают. Еда как портилась, так и портится. Все признаки…

— Она хочет выдавить нас с этих земель! — заявил Джарид, выпучив горящие глаза. — Все это — дело рук Айз Седай!

В лагере вдруг стало тихо, если не считать стука камней Бэйрда. Мясницкое ремесло ему никогда не нравилось, но так уж вышло, что он обрел пристанище в страже лорда. Поразительно, но

забивать скот и резать людей — почти одно и то же. Неприятно вспоминать, с какой легкостью Бэйрд переменил одно занятие на другое.

Тук, тук, тук.

Эри обернулся. Джарид с подозрением смотрел на Бэйрда, словно собираясь объявить о более строгом взыскании.

«Он же не всегда был настолько плох? — подумал Бэйрд. — Да, хотел усадить жену на трон, но какой лорд этого не хочет?» Трудно понять, что кроется за ширмой его имени. Из поколения в поколение семья Бэйрд почитала семью Саранд.

Эри направился прочь от командного пункта.

— Куда это ты собрался?! — взревел Джарид.

Эри сорвал с плеча нашивку телохранителя семьи Саранд, отшвырнул ее в сторону и, шагнув из созданного факелом круга света, ушел в ночь навстречу северным ветрам.

В лагере мало кто спал. Люди жались у костровых ям, поближе к теплу и свету. Некоторые, вооружившись глиняными горшками, пытались варить пучки срезанной травы, листья или полоски кожи. Что угодно, лишь бы это могло сгодиться в пищу.

Глядя вслед Эри, многие встали.

— Дезертир, — прошипел Джарид. — Сколько

всего пережили, а теперь он уходит. Лишь потому, что настали трудные времена!

— Люди и вправду голодают, Джарид, — повторил Дэвиес слова Карама.

— Знаю, знаю! Большое спасибо, что напоминаешь мне о наших бедах. С каждым треклятым вздохом! — Дрожащей рукой Джарид вытер лоб, а затем хлопнул потной ладонью по карте. — Нужно ударить по одному из крупных городов. Теперь, когда ей известно наше местоположение, от нее не сбежать. Беломостье. Возьмем Беломостье и пополним запасы провианта. После сегодняшнего фокуса ее Айз Седай наверняка ослаблены. Иначе она пошла бы в атаку.

Бэйрд бросил косой взгляд во тьму. Солдаты один за другим вставали, поднимая дубины и боевые посохи. Некоторые уходили без оружия. Они скатывали походные тюфяки, закидывали на спину узлы с пожитками, а затем тянулись прочь из лагеря, безмолвные, будто призраки. Ни звона кольчуг, ни позвякивания застежек на доспехах. Металла больше не было. Казалось, у этих людей отняли душу.

— Илэйн не рискнет выступить против нас большим числом, — сказал Джарид, словно уговаривая себя. — В Кэймлине наверняка неспокойно.

Ты сообщал о множестве наемников, Шив. Чего доброго, они подняли восстание. Элениа, конечно же, действует против Илэйн. Беломостье. Да, Беломостье — идеальный вариант. Видите ли, если удержим его, рассечем страну надвое. Наберем войска, заставим мужчин западного Андора встать под наше знамя. Затем двинем на… Как оно называется, то место? Ах да, Двуречье. Там тоже найдутся годные к службе. — Джарид с презрением фыркнул. — Говорят, у них десятилетиями не было лорда. Дайте четыре месяца, и у меня будет войско, с которым нельзя не считаться. Такое, что она не осмелится натравить на нас своих ведьм…

Бэйрд поднес камень к свету факела. Чтобы получился добрый наконечник копья, надо обрабатывать камень, идя от поверхности к сердцевине. На сланце Бэйрд начертил мелком нужную форму, затем обтесал его от краев к центру, а дальше уже нужно не бить, а постукивать, отсекая маленькие кусочки.

Одну сторону наконечника он успел сделать раньше, и со второй почти закончил. Ему казалось, что Паппил нашептывает: «Наше дело — камень, Бэйрд. Не слушай отца. Если копнуть поглубже, наше дело — камень, да и сами мы

рождены от камня».

Лагерь покидали все новые и новые солдаты. Как ни странно, почти все молчали. Джарид наконец-то заметил, что происходит. Он выпрямился, схватил один из факелов и поднял его повыше:

— Куда они? На охоту? Уже несколько недель как нам не встречалось дичи. Может, капканы ставить?

Никто не ответил.

— Наверное, что-то увидели, — бормотал Джарид. — Или померещилось. Я не потерплю новой болтовни о призраках и прочих глупостях! Эти видения создают ведьмы, чтобы лишить нас присутствия духа. Вот именно… Именно так, а не иначе!

Неподалеку зашуршало: Карам рылся в ворохе парусины, недавно бывшей его палаткой. Наконец он выпрямился, держа в руках какой-то мешочек.

— Карам? — окликнул его Джарид.

Тот взглянул на лорда, опустил глаза и принялся развязывать поясной кошель. Замер, рассмеялся и вытряхнул его содержимое. Золотые монеты слиплись в комок, точь-в-точь как свиные уши в глиняном горшке. Карам сунул золото в карман, порылся в кошельке и выудил перстень. С

кроваво-красным камнем в его центре ничего не стало.

— Пожалуй, в наши дни таким и за яблоко не расплатишься, — проворчал Карам.

— Немедленно объясни, что ты затеял! — рыкнул Джарид. — Твоих рук дело? — Он махнул рукой, указывая на уходящих солдат. — Решил поднять мятеж, да?

— К этому я не причастен, — с виноватым видом ответил Карам. — И ты тоже. Мне… очень жаль.

С этими словами он зашагал прочь от света факелов — к немалому изумлению Бэйрда, ведь лорд Карам и лорд Джарид дружили с самого детства.

Следом за ним побежал лорд Дэвиес. Удержать Карама, велеть ему вернуться? Нет, он догнал Карама, зашагал рядом, и оба скрылись во тьме.

— Считайте, что вы вне закона! — визгливо крикнул им вслед взбешенный Джарид. — Я буду консортом при королеве! Никто не даст укрытия ни вам, ни членам ваших Домов! Никто не предложит помощи! Десять поколений кряду!

Бэйрд опустил взгляд на камень в руке. Остался последний этап — шлифовка. Хороший, дельный наконечник должен быть гладким. Бэйрд взял

еще один обломок гранита, подобранный им для этой цели, и принялся аккуратно водить им по боковине сланцевой заготовки.

«Похоже, это ремесло я помню лучше, чем предполагал», — думал он, а лорд Джарид никак не унимался.

В изготовлении наконечника было что-то могучее. Простые движения словно развеивали мрак. С недавних пор на Бэйрда, да и на весь лагерь, легла какая-то тень. Будто… Будто он, как ни пытайся, не мог оставаться на свету. Каждое утро он просыпался с чувством, что вчера похоронил близкого человека.

Оно может сломить тебя, такое отчаяние. Но акт созидания — любого созидания — дает ему отпор. Таков один из способов противостоять… *ему*. Тому, чье имя не принято произносить вслух. Тому, кто — и это всем известно — стоит за происходящим, независимо от слов лорда Джарида.

Бэйрд встал. Наконечник вышел неплохой, хотя отшлифовать еще разок не помешает. Но это позже. Бэйрд поднял древко копья — металлическое острие отвалилось, когда лагерь накрыло пузырем зла, — и на глазах у остальных гвардейцев прикрепил к нему новый наконечник — так, как в далеком прошлом показывал ему Паппил.

— Такие нам пригодятся, — сказал Мореар. — Можешь сделать еще?

Бэйрд кивнул:

— По пути остановимся у того холма, где я нашел сланец.

Умолкший было Джарид вытаращил глаза, блеснувшие пламенем факелов:

— Нет! Ты же мой телохранитель! Такой дерзости я не потерплю!

Лорд бросился к Бэйрду, и видно было, что он готов пролить кровь, но Мореар и Росс схватили его за руки. Похоже, Росс сам оторопел от своего поступка — как ни крути, это открытый мятеж, — но руку лорда не отпустил.

Бэйрд пошарил возле своей скатки, забрал кое-какие вещи и кивнул остальным. Те подошли к нему, и восемь телохранителей Джарида поволокли изрыгавшего проклятия лорда через лагерь — вернее сказать, через то, что от него осталось, — мимо тлеющих кострищ и упавших палаток, брошенных уходившими в ночь солдатами. Их становилось все больше, и они держали путь на север. Навстречу ветру.

На краю лагеря Бэйрд приметил отличное крепкое дерево. Он дал знак остальным, те взяли у него веревку и привязали лорда Джарида к тол-

стому стволу. Тот не переставал ругаться, пока Мореар не заткнул ему рот носовым платком.

Бэйрд подступил к лорду Джариду и подсунул ему под локоть бурдюк с водой:

— Поменьше дергайтесь, милорд, а не то уроните. Кляп не слишком тугой, так что сумеете его выплюнуть. А как захочется пить, просто приподнимите руку. Вот, пробку я вынул.

Джарид свирепо уставился на него.

— Ничего личного, милорд, — продолжил Бэйрд. — Вы всегда были добры к моей семье. Но поймите, нельзя, чтобы вы увязались следом и усложняли нам жизнь. Пора кое-что сделать, а вы всем мешаете. Может, надо было кому-то раньше сказать, но уж как есть, так есть. Бывает, повесишь мясо вялиться, забудешь про него — и пиши пропало, весь окорок на выброс.

Он кивнул остальным, и те побежали за походными скатками. Затем Бэйрд указал Россу на ближайший выход сланца и объяснил, какой камень годится для наконечников, после чего вернулся к лорду Джариду. Тот рвался из пут.

— Дело не в ведьмах, милорд. Илэйн не виновата… Хотя правильнее называть ее королевой. Даже не верится, что этакая юная красотка стала королевой. Я предпочел бы не кланяться ей, а

усадить себе на колено в какой-нибудь таверне. Но Андору нужна правительница, за которой пойдут в Последнюю битву. И это, уж простите, будет не ваша жена.

Джарид обмяк, обвиснув на веревках. Гнев вытек из него, будто кровь, и теперь лорд плакал. Как-то странно это — видеть, как плачет лорд.

— Когда нам кто-нибудь встретится — если встретится, — я скажу, где вас найти, — пообещал Бэйрд. — И еще скажу, что у вас могут найтись драгоценные камни. Может, за вами придут. Кто знает? — Он помолчал. — Зря вы встали у нас на пути. Ведь все, кроме вас, понимают, что будет. Дракон возродился, былые узы разрушены, старые клятвы забыты… И лучше я буду болтаться в петле, чем позволю Андору отправиться на Последнюю битву без меня.

Он закинул новое копье на плечо и зашагал в ночь. «Так или иначе, есть у меня клятва более древняя, чем перед твоим семейством. Клятва, от которой не в состоянии освободить и сам Дракон». Клятва перед родной землей. Эти камни у него в крови, а его кровь — в камнях Андора.

Бэйрд собрал остальных, и все отправились на север. В ночи за спиной у них всхлипывал одинокий лорд, а по лагерю начинали рыскать

призраки.

Талманес потянул за поводья. Селфар загарцевал и тряхнул гривой. Энергии у чалого было хоть отбавляй — наверное, чуял тревогу хозяина.

В ночном воздухе висел густой дым. Дым и вопли. Талманес вел Отряд по дороге, наводненной перемазанными сажей людьми. Солдаты двигались словно среди обломков кораблекрушения в илистых водах, с беспокойством поглядывая на беженцев.

— Держать строй! — крикнул им Талманес. — Всю дорогу до Кэймлина пробежать не получится. Спокойней!

Он вел солдат со всей возможной быстротой, почти трусцой. Позвякивали доспехи. Половину Отряда Красной руки, включая Истина и почти всю кавалерию, Илэйн забрала с собой на Поле Меррилор. Наверное, допускала, что отступать придется в самом спешном порядке.

Так или иначе, от конников мало толку на городских улицах — вне всяких сомнений, запруженных не меньше, чем эта дорога. Селфар фыркнул и мотнул головой. Уже близко. Вон она, городская стена, чернеет в ночи, озаренная красноватым светом, будто весь город превратился в кострище.

«Помилуй Свет поверженное знамя...» — подумал Талманес, и его пробрал озноб. Над городом висели громадные клубы дыма. Дело скверное. Куда скверней, чем когда айильцы напали на Кайриэн.

В конце концов он отпустил поводья, дав волю коню. Какое-то время чалый галопом летел по обочине, а затем Талманес с неохотой пересек дорогу, игнорируя мольбы о помощи. Удивительно, как повлияло на него время, проведенное в обществе Мэта. Теперь он жалел, что не способен предложить нуждающимся в поддержке реальную помощь. Так уж Мэтрим Коутон действовал на окружающих. В последнее время Талманес видел простых людей в совершенно ином свете. Может, потому, что толком не знал, считать Мэта лордом или нет?

С другой обочины Талманес какое-то время рассматривал горящий город, дожидаясь отставших солдат. Он мог бы посадить всех на лошадей — хотя парни не были обученными кавалеристами, за каждым солдатом в Отряде закрепили коня для дальних переходов, — однако сегодня решил не рисковать. На улицах наверняка встретятся троллоки и мурддраалы, и солдаты Талманеса должны быть готовы к внезапной стычке. Ши-

рокими колоннами маршировали пикинеры; с флангов их прикрывали стрелки с заряженными арбалетами. Талманес не допустит, чтобы его парни остались беззащитны перед атакой троллоков, — и не важно, насколько срочная у них боевая задача.

Но если потерять тех драконов…

«Да осияет нас Свет», — подумал Талманес. Казалось, что окутанный клубами дыма Кэймлин закипает, но в некоторых частях Внутреннего города, находившихся высоко на холме и видимых из-за стены, пожары еще не начались. Дворец не тронуло огнем. Может, гвардейцы еще держат оборону?

Вестей от королевы не поступало. Судя по всему, на подмогу в город никто не торопился. Должно быть, Илэйн до сих пор в неведении, а это плохо.

Очень плохо. Хуже не бывает.

Впереди Талманес заметил Сандипа и нескольких разведчиков Отряда. Стройный лейтенант с трудом пробирался через окружавших его беженцев.

— Умоляю, добрый господин! — причитала какая-то молодая женщина. — Мое дитя, моя дочь осталась на окраине, на северных холмах…

— У меня там лавка без присмотра! — вторил

ей какой-то толстяк. — А в ней посуда!..

— Люди добрые, — въехал в толпу Талманес, — чтобы мы вам помогли, для начала расступитесь. Дайте войти в треклятый город.

Понемногу беженцы перестали напирать, и Сандип с благодарностью кивнул командиру. Этот загорелый и темноволосый офицер Отряда, к тому же еще и превосходный целитель-травник, отличался дружелюбием, но сегодня был мрачнее тучи.

— Сандип, глянь-ка вон туда, — указал Талманес на большую группу бойцов неподалеку. Все они смотрели на город.

— Наемники, — проворчал Сандип. — На пути мы встретили несколько отрядов. Похоже, никто из них не думает и пальцем шевельнуть.

— Это мы еще посмотрим, — заметил Талманес.

Люди рекой вытекали из городских ворот — кашляя, прижимая к груди скудные пожитки, таща за собой плачущих детей. Этот поток иссякнет еще не скоро. Народу в Кэймлине было как в таверне в базарный день, и те, кому повезло сейчас сбежать, — лишь малая крупица по сравнению с теми, кто остался за городскими стенами.

— Талманес, — негромко сказал Сандип, — скоро город превратится в мышеловку. Здесь недостаточно путей к отступлению. Если Отряд загонят в угол…

— Знаю. Но…

По беженцам у ворот вдруг прокатилась волна возбуждения, она была почти осязаема, будто людей охватила дрожь. Разрозненные возгласы сменились чуть ли всеобщим воплем. Талманес развернулся, оглядываясь. За стеной, в тенях у ворот, мелькали массивные фигуры.

— О Свет! — воскликнул Сандип. — Это еще кто?

— Троллоки, — ответил Талманес, поворачивая коня. — О Свет! Они хотят захватить ворота, чтобы перехватить беженцев и не выпустить их.

Из города ведут всего пять ворот, и стоит троллокам их перекрыть…

Значит, бойня уже началась. Если троллоки не дадут испуганным людям сбежать, дело примет совсем скверный оборот.

— Давай быстрей! Бегом! — громко скомандовал Талманес. — Все к воротам!

Он пришпорил Селфара, и тот перешел на галоп.

В любом другом месте такое здание с однообраз-

но-унылыми комнатами назвали бы таверной, хотя Изам ни разу не видел здесь никого, кроме женщин с погасшим взглядом, что занимались уборкой и готовили безвкусную еду. Тут ему всегда было очень неуютно. Он сидел на жестком табурете за сосновым столом, таким старым, что древесина, пожалуй, утратила всякий цвет задолго до рождения Изама. К столешнице он старался лишний раз не касаться, а не то в ладони окажется больше заноз, чем копий у айильцев.

На столе стояла помятая жестяная кружка, наполненная темной жидкостью, но Изам не пил. Он сидел у стены и посматривал в единственное окно на немощеную улицу, тускло освещенную ржавыми фонарями. В окно он глядел украдкой, искоса, стараясь не высовываться, чтобы его не заметили через грязное стекло. В Городе лучше не привлекать ненужного внимания.

Город. Другого названия у этого места не было. Может, оно вообще никак не называлось. На первый взгляд поселение и впрямь походило на город, причем довольно большой. За две с лишним тысячи лет здесь без конца то разрушались, то вырастали здания, одинаково приземистые и невзрачные. Почти все они были построены пленниками, зачастую несведущими в строительском

ремесле, а руководили ими такие же невежды. Многие дома не рушились только потому, что их подпирали стены соседских зданий.

Новый взгляд тайком на улицу. Струйка пота сбежала по щеке. Кто же придет по его душу?

Вечернее небо рассекал едва различимый профиль далекой горы. Где-то в Городе металл скрежетал по металлу, словно билось стальное сердце. За окном мелькали фигуры. Мужчины в запахнутых плащах с капюшонами, лица скрыты кроваво-красными вуалями, одни глаза блестят.

К таким лучше не присматриваться.

Прогремел гром. На склонах горы густо вспыхивали молнии, но какие-то странные, тянувшиеся не вниз, а вверх, к извечным серым тучам. Немногие из людей знали, что Город этот находится неподалеку от долины Такан'дар и сам Шайол Гул высится над ним. Разве что до некоторых доходил слух о его существовании. Что до Изама, он был бы не прочь оставаться в неведении.

Мимо окна прошли еще несколько человек. Красные вуали. Эти парни никогда их не снимают. Ну почти никогда. Если один из них опустит вуаль, значит пора его убить. Ведь иначе он убьет тебя. Казалось, эти люди бесцельно слоняются по улице, разве что хмуро смотрят друг на друга

да охаживают пинками многочисленных бездомных псов, тощих и одичалых, случись тем оказаться на пути. Немногие женщины, рискнувшие выйти на улицу, смотрят в землю и жмутся к стенам домов. Детей не видать, да и вряд ли они тут есть. Город — не место для детей. Изам это знал. Он здесь вырос.

Один из прохожих заглянул в окно и остановился. Изам старался не шевелиться. *Самма Н'Сэй*, Ослепляющие, всегда были вспыльчивыми гордецами. Нет, «вспыльчивые» — это слишком мягко сказано. Чтобы вонзить нож в какого-то Бездарного, им хватит любого пустяка. Обычно кровью платил кто-то из слуг. Обычно, но не всегда.

Человек в красной вуали продолжал смотреть на Изама. Тот совладал с собой и не отпрянул от окна. Нечего устраивать представление из случайной встречи. Его призвали сюда по срочному делу, а такое нельзя игнорировать, если хочешь остаться жив. Тем не менее… Если человек сделает хоть шаг в сторону здания, Изам ускользнет в *Тел'аран'риод*, зная, что отсюда даже Избранные не смогут последовать за ним.

Вдруг Самма Н'Сэй отвернулся от окна и стремительно зашагал прочь. Изам почувствовал, как спадает внутреннее напряжение, однако

полностью оно не растает. Только не здесь. Здесь он не дома, хотя провел здесь все детство. Этот Город — все равно что смерть.

Какое-то движение. Изам глянул вдаль. В конце улицы появился еще один рослый человек — в плаще и черной куртке, но с открытым лицом. Шагает к таверне. Невероятно, но улица опустела: Самма Н'Сэй в мгновение ока разбежались по переулкам.

Значит, это Моридин. Изам не застал того дня, когда Избранный впервые явился в Город, но был о нем наслышан. Самма Н'Сэй считали Моридина одним из Бездарных, пока тот не доказал, что они заблуждаются. И ограничения, наложенные на них, его не сдерживали.

О числе погибших Самма Н'Сэй говорили поразному, но ниже двенадцати оно не опускалось, и по собственному опыту Изам знал, что этим рассказам можно верить.

Когда Моридин приблизился к таверне, на улице оставались только собаки. Он прошел мимо окна. Изам, набравшись храбрости, смотрел во все глаза. Похоже, Моридина не интересовали ни Изам, ни таверна, где тому велено было ждать. Возможно, у Избранного другие дела, а с Изамом он встретится позже.

Когда Моридин скрылся из вида, Изам наконец глотнул темного пойла. Местные нарекли его «огонь». Вполне подходящее название. Предполагалось, что эта жидкость — подобие пустынного напитка. Подобие жалкое, испорченное, как и все остальное в этом Городе.

Как долго Моридин продержит его в ожидании? Изаму это место не нравилось. Навевало воспоминания о детстве. Проходившая мимо служанка в заношенном до дыр платье молча поставила на стол тарелку. Изам тоже промолчал.

Он опустил взгляд на свой ужин: тонкие ломтики вареных овощей, по большей части лука и перцев. Поковырял еду, попробовал и со вздохом отставил тарелку. Вкус пресный, как у ничем не приправленной просяной каши. И никакого мяса. Что, в общем-то, к лучшему: Изам предпочитал есть мясо животных, забитых и разделанных у него на глазах. Эта привычка осталась с детства. Если не видел все самолично, как знать, откуда оно взялось, это мясо? Возможно, оно и в самом деле недавно бегало на юге. Или, может, выросло здесь, в окрестностях Города, — к примеру, корова или коза.

Или еще кто. Бывает, проиграется тут человек, расплатиться с долгами не может, а потом раз — и

нет его, пропал. Зачастую и Самма Н'Сэй, что не блюли чистоту породы, признавали негодными к обучению, и на этом все заканчивалось. Трупы исчезали. Иной раз тело хоронили, но нечасто.

Изама замутило.

«Чтоб оно сгорело, это место! Чтоб ему сгореть, заодно с…»

В таверне стало одним человеком больше. Увы, со своего места Изам не мог уследить, кто подходит к двери с другого конца улицы. Вошедшей оказалась женщина — миловидная, в черном платье с красной оторочкой. Изам не признал ни стройной фигуры, ни тонких черт лица. Он все сильнее верил, что в состоянии опознать всех из Избранных, ведь они частенько являлись ему во снах. Ясное дело, об этом Избранные не подозревали. Они считали себя хозяевами Тел'аран'риода. Впрочем, некоторые и впрямь были весьма искусны.

Но Изам не менее искусен. К тому же он умеет оставаться незамеченным — как никто другой.

Кем бы она ни была, женщина приняла чужой облик, хотя здесь, в Городе, в этом не было необходимости. Так или иначе, Изама наверняка призвала именно она. Никакая другая женщина не станет разгуливать по Городу с таким над-

менным видом, будто стоит ей приказать скале подпрыгнуть — и та подпрыгнет. Изам молча опустился на колено.

От этого движения проснулась и заныла рана в животе, полученная в схватке с волком. От нее Изам еще не оправился. В груди шевельнулась ненависть Люка к Перрину Айбара. Странное дело. Обычно Люк был мягче и сговорчивее непреклонного Изама. По крайней мере, Изам был уверен, что это так.

Так или иначе, в том, что касается этого особенного волка, они пришли к соглашению. С одной стороны, Изам трепетал от азарта — нечасто выпадает случай поохотиться на кого-то вроде Айбара, — однако ненависть гнездилась глубже, чем охотничий трепет. Изам непременно убьет этого волка.

Стараясь не морщиться от боли, он склонил голову. Не разрешив ему встать, женщина уселась за стол и какое-то время постукивала пальцем по жестяной кружке, изучая ее содержимое, и молчала.

Изам не шевелился. Многие из глупцов, называющих себя приверженцами Темного, терпеть не могут, когда на них смотрят свысока. Пожалуй, именно таков, как с неохотой признавал Изам,

и Люк.

Но Изам — охотник, и это его вполне устраивает. Пока ему ничего не угрожает, так что нет причин возмущаться, когда другие подчеркивают его статус.

Но как же ноет бок, чтоб ему сгореть!

— Хочу, чтобы он был мертв, — тихим, но твердым голосом сказала женщина.

Изам молчал.

— Хочу, чтобы его выпотрошили, как животное, чтобы его потроха разбросали по земле, чтобы вороны выпили его кровь, чтобы солнце выбелило и высушило его кости и чтобы они растрескались от жары. Хочу, чтобы он был мертв, — слышишь, охотник?

— Ал'Тор?

— Да. В прошлом ты не справился с заданием. — Ее голос был как лед. Изаму стало зябко. Непреклонная особа. Такая же непреклонная, что и Моридин.

За годы своей службы он понял, что почти все Избранные достойны одного лишь презрения. Несмотря на могущество и предполагаемую мудрость, они вели себя как малые дети. Однако от поведения собеседницы его взяла оторопь, да и говорила она не так, как остальные. Поэтому у

него возникла мысль о том, действительно ли он выследил их всех.

— Ну? — продолжила женщина. — Что скажешь в свое оправдание?

— Всякий раз, когда кто-нибудь из ваших поручает мне эту охоту, — ответил Изам, — является кто-то еще и дает мне другое задание.

По правде говоря, Изам предпочел бы продолжить свою охоту на волка, но он обязан повиноваться, и прямой приказ Избранной не оспоришь. Если не считать Айбара, все охотничьи задания примерно одинаковы. И коли надо, то он убьет этого Дракона.

— На сей раз такого не будет, — сказала Избранная, все еще глядя в кружку. Изама она взглядом не удостоила. И встать ему не разрешила, так что он оставался коленопреклоненным. — Другие отказались от прав на твою службу. И если только Великий повелитель не отдаст тебе иной приказ — если только не призовет тебя самолично, — задание не изменится. Убей ал'Тора.

Краем глаза Изам засек движение на улице и бросил взгляд в окно. Избранная же не подняла глаз. Мимо окна прошли фигуры в плащах с капюшонами, черных и неподвижных, несмотря на ветер.

И еще кареты. Редкие гости на этих улицах. Медленно катятся вперед, мерно покачиваясь на ухабистой дороге. Изаму не надо было заглядывать в занавешенные оконца. Он и без того знал, что в каретах тринадцать женщин — по числу мурддраалов. Все Самма Н'Сэй оставались в переулках. Подобных процессий они старались избегать. По понятным причинам это зрелище пробуждало в Самма Н'Сэй… глубокие чувства.

Кареты скрылись из вида. Итак, поймали еще одного, хотя Изам предполагал, что теперь, когда порчи больше нет, подобное осталось в прошлом.

Прежде чем упереться взглядом в пол, он заметил в темном переулке напротив еще кое-что — куда более неуместное. Маленькое чумазое лицо, широко раскрытые глаза. Появление Моридина и прибытие тринадцати прогнало Самма Н'Сэй с улицы, где беспризорникам теперь ничто не грозило. Наверное.

Изам хотел крикнуть мальчишке, чтобы тот убрался прочь. Чтобы бежал отсюда и рискнул пересечь Запустение, ведь лучше стать добычей гигантского червя-джумары, чем жить в этом Городе, не приносящем ничего, кроме страданий. Ступай! Беги! Умри!

Мальчишка нырнул в тень, и кричать стало некому.

В бытность свою таким же мальчишкой Изам многому научился. Например, как найти пищу, которая не попросится обратно, когда сообразишь, что ты съел. Как драться на ножах. Как оставаться невидимкой для других.

И разумеется, как убивать людей. Не усвоив этот особенный урок, в Городе не выжить.

Избранная по-прежнему смотрела в кружку. На свое отражение, понял Изам. Что же она в нем видит?

— Мне понадобится помощь, — наконец произнес Изам. — Дракона Возрожденного охраняют, и он редко появляется во снах.

— Помощь тебе окажут, — тихо пообещала женщина. — Но ты должен найти его, охотник. И забудь о своих прежних уловках. Не пытайся его приманить. Льюс Тэрин распознает такую ловушку. Кроме того, ал'Тора теперь не отвлечь от цели. Времени почти не осталось.

Она говорила о провальной операции в Двуречье. В тот раз делом заправлял Люк. Что знал Изам о настоящих городах, настоящих людях? Думая о них, он чувствовал что-то вроде тоски, хотя подозревал, что на самом деле тоскует Люк. Изам

— охотник, только и всего. Люди интересовали его лишь с практической точки зрения. Например, куда метить, чтобы стрела пронзила сердце.

Но та операция в Двуречье… От нее разило, как от гниющего трупа. Изам до сих пор не понял ее смысла — то ли требовалось на самом деле выманить ал'Тора, то ли удержать его, Изама, в стороне от важных событий. Избранных восхищали его умения уходить в сны, ведь этот навык им недоступен. Конечно, они способны на подражание, но им для этого нужно направлять Силу, открывать врата, тратить время.

Ему уже надоело быть пешкой в играх Избранных. Лишь бы дали ему поохотиться! Что за прихоть — каждую неделю указывать на разную добычу.

Но такое в подобном тоне Избранным не говорят, и поэтому Изам держал возражения при себе.

В дверях таверны сгустились тени. Служанка исчезла в кладовке, и в общем зале не осталось никого, кроме Изама и женщины в черном платье.

— Можешь встать, — сказала она.

Он поспешно распрямился, и тут в таверну вошли двое мужчин. Они были рослыми и муску-

листыми, лица закрывали красные вуали. Одеты в коричневое, как айильцы, но при себе у них нет ни луков, ни копий. Эти создания убивают куда более смертоносным оружием.

Хотя лицо его осталось бесстрастным, Изам ощутил прилив самых разных чувств. Детство, полное страданий, голода и смерти. Целая жизнь, проведенная в стараниях избежать взгляда таких, как эти двое. С грацией прирожденных хищников они направились к столу. Изам не без труда сдержал дрожь.

Мужчины опустили вуали и оскалили зубы. «Чтоб мне сгореть!» Зубы у них были заостренными.

Значит, Обращенные. Это видно по глазам. Глаза у них не такие, как у людей. Какие-то совсем не человеческие.

Изам едва не сбежал, чуть было не шагнул в сон. Убить сразу двоих он не сумеет, да и прежде чем удастся сразить одного, от него останется горстка пепла. Изам не раз видел, как Самма Н'Сэй лишают других жизни — зачастую из любопытства, прощупывая пределы своего могущества.

Они не напали. Знают ли, что перед ними Избранная? Если так, зачем опускать вуаль? Вуаль они опускают только перед убийством, да и то не

перед каждым. Только перед тем, которого ждали давно и с нетерпением.

— Они отправятся с тобой, — сказала женщина. — Вдобавок получишь горстку Бездарных, чтобы одолеть охрану ал'Тора.

Она повернулась к Изаму и впервые посмотрела ему в глаза. Судя по всему, с отвращением. Будто Избранную коробило прибегать к помощи такого ничтожества.

«Они отправятся с тобой», — сказала она. Не сказала: «Они будут служить тебе».

Вот ведь скотство! Да, мерзкая будет работенка.

* * *

Тяжело дыша, Талманес едва увернулся от топора, с грохотом раздробившего булыжник, пригнулся и с силой вогнал клинок троллоку в бедро. Тот, задрав бычью морду, взревел от боли.

— Чтоб мне сгореть, ну и смердит же у тебя из пасти! — прорычал Талманес.

Он рывком высвободил меч и попятился, а когда троллок упал на колено, отсек ему руку, державшую топор, после чего посторонился, и двое пикинеров пронзили тварь копьями. С этими монстрами нежелательно сражаться в

одиночку. Ясное дело, в любом бою лучше иметь прикрытие, но в стычке со здоровенными силачами-троллоками — особенно.

В темноте мертвые тела походили на груды мусора. Чтобы стало светлее, Талманесу пришлось поджечь караулки у городских ворот, а оставшиеся с полдюжины гвардейцев до поры до времени присоединились к Отряду.

Черной отливной волной троллоки начали отступать от стены. В натиске они переусердствовали. Вернее сказать, их перенапрягли, ведь ими управлял Получеловек. Талманес опустил руку, потрогал рану в боку. Та кровоточила.

Караулки догорали. Придется спалить несколько торговых лавок. Да, есть риск, что пожар распространится, но город уже потерян, так что нет смысла разводить церемонии.

— Бринт! — крикнул Талманес. — Подожги-ка вон ту конюшню!

Бринт схватил факел и бросился выполнять приказ. Тут подошел Сандип:

— Они вернутся. Наверное, уже скоро.

Талманес кивнул. Теперь, когда схватка закончилась, из подворотен и переулков появлялись горожане и робко шли к воротам, за которыми — хотелось бы верить — окажутся в безопасности.

— Мы не можем оставаться здесь и удерживать ворота, — сказал Сандип. — Драконы…

— Знаю. Какие у нас потери?

— Точно пока сказать не могу. Но не меньше сотни.

«О Свет! Мэт, как узнает, с меня за это шкуру спустит». Мэт ненавидел терять бойцов. Полководческий гений в равной мере сочетался в нем с добротой и сердоболием. Странное сочетание. Странное, но воодушевляющее.

— Отправь разведчиков на пригородные тракты. Пусть высматривают, не приближаются ли отродья Тени. Троллочьи трупы нам тоже пригодятся. Пусть их сложат в баррикады. Эй, солдат!

Проходивший мимо усталый воин — судя по мундиру, гвардеец королевы — застыл на месте:

— Милорд?

— Надо известить людей, что через эти ворота можно покинуть город. Есть ли у вас сигнал горна, знакомый этим андорским крестьянам? Такой, чтобы все шли сразу сюда?

— Крестьянам? — задумчиво повторил гвардеец. Похоже, это слово ему не понравилось. Здесь, в Андоре, оно звучало нечасто. — Да, есть. «Марш королевы».

— Сандип?

— Подключу к делу горнистов, — кивнул тот.

— Хорошо. — Талманес опустился на колени, намереваясь вытереть клинок о рубаху павшего троллока. Бок болел, но рана была пустяковая. В обычном бою ее назвали бы царапиной.

Рубаха оказалась настолько грязной, что Талманес чуть было не побрезговал касаться ее клинком, но троллочья кровь вредна для стали, и поэтому он все же вытер меч. Потом он встал, не обращая внимания на боль, и побрел к воротам — туда, где привязал Селфара. В бою с отродьями Тени на этого мерина полагаться не стоило. Скакун он отменный, но в Порубежье его не обучали.

Никто не задавал вопросов, когда Талманес взобрался в седло и повернул Селфара на запад, за ворота, к наемникам, которых он заметил чуть раньше. Увидев, что они подошли к городу, Талманес нисколько не удивился. Битва притягивает воинов, как огонь — озябших путников зимней ночью.

В недавно закончившийся бой они вступать не стали. Подъехавшего Талманеса приветствовала небольшая группа наемников. Шестеро толсторуких и, пожалуй, не слишком сообразительных парней узнали и его, и Отряд Красной руки. С

недавних пор Мэт стал знаменитостью, и это способствовало репутации Отряда. И еще наемники, конечно же, заметили забинтованный бок Талманеса и троллочью кровь у него на одежде.

Вообще-то, рана уже горела как Свет знает что. Талманес осадил Селфара, затем осторожно похлопал по седельным сумкам. «Где-то у меня был припрятан табачок…»

— Ну? — спросил наемник, экипированный лучше своих товарищей. Командира распознать нетрудно: в подобных отрядах им зачастую становится тот, кто дольше прочих остается в живых.

Талманес выудил из сумки курительную трубку — не самую лучшую (ее он в бой не брал, поскольку отец считал такое дурной приметой), но вторую по качеству. Где же табак?

«Ага, вот он». Талманес достал кисет, набил в трубку немного табаку и поднес лучину к факелу настороженного наемника.

— Драться будем, только если заплатят, — предупредил командир, дородный и на удивление опрятный, хотя бороду подстричь ему не помешало бы.

Талманес раскурил трубку, выдохнул клуб дыма. За спиной у него затрубили горнисты. Мелодия у «Марша королевы» оказалась цепкая.

Горнам вторили чьи-то возгласы, и Талманес обернулся. На главной улице появились троллоки, на сей раз отряд побольше.

Арбалетчики выстроились в шеренги и начали стрелять по команде, которой Талманес не услышал.

— Драться будем… — снова начал старшой наемников.

— Знаешь, что это? — негромко спросил Талманес, не вынимая трубки изо рта. — Это — начало конца. Падение государств и объединение человечества. Это и есть Последняя битва, дурень ты треклятый.

Наемники замялись.

— Ты… Ты говоришь от имени королевы? — спросил командир, в надежде хоть на какую-то поживу. — Мне лишь надо, чтобы мои люди не остались ни с чем.

— Если будете драться, — ответил Талманес, — обещаю очень солидную награду.

Предводитель наемников ждал продолжения.

— Даю слово, что вы не перестанете дышать, — сказал Талманес, попыхивая трубкой.

— Это угроза, кайриэнец?

Талманес выпустил очередной клуб дыма, затем наклонился в седле, всматриваясь наемнику

в лицо, и произнес, не повышая голоса:

— Сегодня я убил мурддраала, андорец. Он задел меня такан'дарским клинком, и рана уже почернела. Это значит, что мне осталось несколько часов, и это в лучшем случае. Затем яд с клинка выжжет меня изнутри, и я умру самой мучительной смертью, какой только может умереть человек. Мне совершенно нечего терять, приятель, так что советую отнестись к моим словам со всей серьезностью.

Дородный мужчина оторопел.

— Вариантов у вас два, — объявил Талманес, развернув мерина и обращаясь ко всему отряду наемников. — Драться, как мы все, помочь этому миру увидеть новый день и, быть может, в итоге заработать сколько-то монет, но платы за это обещать не стану. Второй вариант — сидеть здесь, смотреть, как троллоки режут людей, и твердить, что даром вы не работаете. Если повезет и мы спасем мир без вашего участия, еще успеете подышать, прежде чем вас вздернут как подлых трусов.

Молчание. Горны звучали во тьме позади.

Командир наемников взглянул на своих товарищей. Те согласно закивали.

— Ступайте к воротам. Удерживайте их вместе

с остальными, — велел Талманес. — А я отправлюсь вербовать на подмогу другие наемные отряды.

Лильвин обвела глазами многочисленные лагеря, усеявшие место, известное под названием Поле Меррилор. Луна еще не взошла, и в темноте могло показаться, что костры для приготовления пищи на самом деле не костры, а корабельные фонари в оживленном ночном порту.

Этого она, пожалуй, больше не увидит. Лильвин Бескорабельная уже не была капитаном корабля и впредь никогда им не будет. Желать иной судьбы — все равно что игнорировать саму суть того, кем она стала.

Байл положил руку ей на плечо. Сильные пальцы, загрубелые от многодневной работы. Лильвин накрыла его ладонь своей. Проскользнуть через одни из тех переходных врат, что были открыты в Тар Валоне, оказалось нетрудно. Байл прекрасно ориентировался в городе, хотя постоянно ворчал: дескать, надоело здесь сидеть. «От этого места у меня волоски на руках шевелятся, — говорил он. — Вот бы никогда больше не видеть здешних улиц. Честное слово».

Но все равно пошел вместе с ней. Хороший он человек, Байл Домон. Лучший, кого она нашла в

этих чужих для нее землях. Да, бывали у него в прошлом неприглядные моменты, но они остались позади. Если он не понимал, как пристало вести дела, то хотя бы пытался понять.

— Вот это зрелище! — сказал Байл, всматриваясь в тихое море огней. — И чего теперь ты хочешь?

— Найти Найнив ал'Мира или Илэйн Траканд.

Он поскреб бороду, которую носил в иллианском стиле, с выбритой верхней губой. Волосы на голове у него были разной длины; Байл перестал брить половину головы, когда Лильвин дала ему свободу — ясное дело, для того, чтобы они могли пожениться.

Ну и правильно. Бритая голова привлекла бы здесь ненужное внимание. Из Байла вышел неплохой *со'джин* — после того, как были решены некоторые… вопросы. В итоге, однако, Лильвин не могла не признать, что Байл Домон не предназначен для этой роли. Слишком он шершавый, неотесанный, и никакому приливу не сгладить этих острых углов. Собственно, за это Лильвин его и любила, хотя никогда не говорила этого вслух.

— Не поздновато ли, Лильвин? — спросил он. — Не лучше ли подождать до завтра?

Нет. В лагерях тихо, истинная правда, но это не

сонная тишина. Это тишина кораблей, ожидающих попутного ветра.

Лильвин почти не знала, что тут происходит. В Тар Валоне она вопросов не задавала: держала язык за зубами, чтобы ее не выдал шончанский акцент. Невозможно собрать столько людей в одном месте, не спланировав все заранее. Масштаб и впрямь оказался грандиозным; Лильвин слышала, что здесь проведут какое-то собрание, где будут присутствовать почти все Айз Седай, но увиденное превзошло любые ее ожидания.

Она направилась через поле, Байл последовал за ней, и вскоре они присоединились к группе тарвалонских слуг, куда их приняли благодаря предложенной Байлом взятке. Лильвин такое не нравилось, но способа получше ей в голову не пришло. Она старалась не думать о том, с кем у Байла были налажены раньше связи в Тар Валоне. Что ж, раз ей больше не ступить на палубу, впредь у него не будет возможности заниматься контрабандой. Хоть какое-то утешение.

«Ты — капитан корабля. Это все, что ты умеешь, и все, чего ты хочешь. А теперь тебя зовут Бескорабельной». Женщина вздрогнула и сжала кулаки, чтобы не обхватить себя руками. Провести остаток дней в этих неизменных землях,

передвигаясь не быстрее, чем способен бежать конь, не чувствуя запаха открытого моря, не направляя нос судна к горизонту… Без того, чтобы поднять якоря, поставить паруса и просто…

Она опомнилась. Найти Илэйн или Найнив. Пусть ее и назвали Бескорабельной, она не сгинет в этой пучине. Лильвин зашагала вперед, держась прежнего курса. Подозрительный Байл слегка нахохлился, пытаясь держать все вокруг в поле зрения. Крепко сжав губы, он то и дело поглядывал на Лильвин. Теперь-то ей известно значение этих взглядов.

— В чем дело?

— Лильвин, что мы будем здесь делать?

— Я же сказала — надо найти…

— Да, но зачем? Найдем — и что дальше? Они же Айз Седай.

— В прошлом они относились ко мне с уважением.

— И поэтому ты решила, что нас примут?

— Может быть. — Лильвин окинула мужчину взглядом. — Выкладывай, Байл. Что у тебя на уме?

— Зачем это надо, чтобы нас приняли, Лильвин? — вздохнул он. — Найдем себе корабль, где-нибудь в Арад Домане. Где нет ни Айз Седай,

ни шончан.

— Я не стала бы командовать кораблем, который тебе по душе.

Он ответил унылым взглядом:

— Я умею вести честные дела, Лильвин. Незачем…

Она подняла руку, вынуждая умолкнуть, и коснулась плеча Байла. Оба остановились на тропинке.

— Знаю, любовь моя. Знаю. А слова говорю для того, чтобы мы закружились в водовороте, который никуда не ведет.

— Но зачем?

Слово царапнуло ее, как засевшая под ногтем заноза. Зачем… Действительно, зачем она проделала весь этот путь в обществе Мэтрима Коутона и в опасной близости к Дочери Девяти Лун?

— Мой народ, Байл, совершенно не понимает, как устроен мир. И, не понимая этого, сеет несправедливость.

— Не забывай, что тебя отвергли, Лильвин, — тихо произнес он. — Не забывай, что теперь ты больше не одна из них.

— Я навсегда останусь одной из них. У меня забрали мое имя, но не мою кровь.

— Прошу простить за оскорбление.

Она коротко кивнула.

— Я по-прежнему храню верность императрице, да живет она вечно. Но *дамани*… Дамани — самая основа, фундамент ее власти. С их помощью она обеспечивает порядок и целостность империи. И дамани — это обман.

Сул'дам способны направлять Силу. Этому таланту можно научиться. Даже теперь, спустя несколько месяцев после прозрения, Лильвин не могла осмыслить эту истину во всем ее многообразии. Других заинтересовали бы политические преимущества; другие вернулись бы в Шончан и воспользовались этим знанием, чтобы обрести власть.

Временами Лильвин жалела, что не поступила таким образом. Временами.

Но мольбы сул'дам… И понимание, что Айз Седай совсем не такие, как ей говорили…

Надо что-то делать. Но если что-то делать, не сокрушит ли она всю империю? Надо тщательно, очень тщательно обдумывать свои поступки — как последние ходы в игре *шал*.

Вдвоем они следовали в темноту за вереницей слуг. Те или иные Айз Седай нередко посылали прислугу за чем-нибудь оставшимся в Белой Башне, так что переходы туда-обратно были

обычным делом, и это к лучшему. В лагерь Айз Седай они вошли, не вызвав никаких расспросов.

Лильвин даже удивилась этому, но вскоре заметила у тропинки несколько человек. Увидеть их оказалось непросто — по некой причине их фигуры будто сливались с тем, что было вокруг, особенно в темноте. Шончанка заметила одного, только когда он шевельнулся, отделился от остальных и зашагал чуть позади Лильвин и Байла.

Несколькими секундами позже стало ясно, что этот человек распознал в них чужаков. Может, из-за походки или осанки. Из предосторожности они надели самую простую одежду, хотя борода Байла выдавала в нем иллианца.

Лильвин остановилась, тронула мужа за локоть и развернулась лицом к преследователю. Если верить описаниям, это был Страж.

Человек приблизился. Они едва вошли в лагерь, палатки в котором располагались концентрическими кругами. Лильвин с тревогой отметила, что в некоторых горел свет, слишком ровный для свечи или светильника.

— Приветствую! — вежливо поздоровался Байл, подняв руку. — Мы разыскиваем Айз Седай по имени Найнив ал'Мира. Если ее тут нет, тогда

хотелось бы встретиться с другой, которую зовут Илэйн Траканд.

— Ни той ни другой в этом лагере нет, — ответил Страж. Он был долгоруким, грациозным, с длинными темными волосами и лицом… каким-то незаконченным, словно скульптор начал высекать его из камня, но потерял интерес и бросил работу.

— Ой! — сказал Байл. — Стало быть, виноваты. Не подскажете ли, где их лагерь? Дело, видите ли, безотлагательное. — Говорил он как дышал. Куда искуснее, чем Лильвин. При необходимости Байл умел очаровать собеседника.

— Погодите-ка, — ответил Страж. — Ваша спутница тоже ищет этих Айз Седай?

— Она, знаете ли… — начал Байл, но Страж, не отводя внимательного взгляда от Лильвин, поднял руку:

— Пускай сама ответит.

— Еще как ищу! — заявила Лильвин. — Клянусь престарелой бабулей! Эти женщины, они обещали нам заплатить, и без денег я не уйду. Ведь Айз Седай говорят только правду, это известно всем и каждому. Если не хотите указать нам дорогу, дайте другого проводника!

От такого словесного шквала Страж заметно

опешил, широко раскрыл глаза и, хвала всему сущему, кивнул:

— Сюда.

Подозрения его, как видно, улеглись, и он направился к окраине лагеря.

Лильвин украдкой отдышалась и последовала за Стражем. Байл бросил на нее гордый взгляд и ухмыльнулся так широко, что обернись в тот момент их проводник, непременно бы сообразил, что дело нечисто. Да и сама Лильвин не сдержала едва заметной улыбки.

Иллианский акцент давался ей непросто, но они с Байлом пришли к выводу, что ее звучащая по-шончански речь будет небезопасной, особенно среди Айз Седай. Байл утверждал, что ни один настоящий иллианец не примет Лильвин за свою землячку, но дурачить остальных ей пока что удавалось, причем неплохо.

Шагая в ночи прочь из лагеря Айз Седай, Лильвин чувствовала, как легчает на душе. Пусть она дружит с двумя Айз Седай — а они и впрямь подруги, несмотря на возникшие осложнения, — но это не значит, что ей приятно находиться в лагере, где полным-полно подобных женщин. Страж вывел их с Байлом на открытое пространство посреди Поля Меррилор, где стоял огромный

палаточный городок с множеством небольших шатров.

— Айильцы, — шепнул Байл. — Здесь их десятки тысяч.

Любопытно. Об этом народе ходили зловещие слухи и легенды, в которые верилось с большим трудом. В этих рассказах, пусть и полных преувеличений, Айил представали сильнейшими воинами по эту сторону океана. В иной ситуации Лильвин не отказалась бы от тренировочного боя с парой-тройкой айильцев. Она машинально коснулась своей котомки, где в продолговатом кармане, прямо под рукой, хранилась дубинка.

Ну и рослые же они, эти айильцы! Лильвин миновала несколько костров. Сидевшие вокруг них люди казались расслабленными, но за окружающим они следили еще внимательнее, чем Страж. Опасный народ. Они готовы к бою насмерть, даже когда отдыхают у огня. В ночном небе над этим лагерем трепетали флаги, но что на них было изображено, Лильвин рассмотреть не удавалось.

— Что за монарх правит этим лагерем, Страж? — спросила она, и проводник обернулся. Черты его лица терялись в тенях.

— Твой король, иллианка.

Шагавший рядом Байл напрягся.

«Мой…»

Дракон Возрожденный. Хорошо, что она не сбилась с шага. Еще чуть-чуть — и запнулась бы. Мужчина, способный направлять Силу. Это гораздо, гораздо хуже, чем Айз Седай.

Страж остановился возле одной из палаток в центре лагеря.

— Вам повезло. У нее горит свет.

Охраны возле палатки не было. Страж спросил разрешения войти, получил утвердительный ответ, после чего откинул входной клапан и кивнул — дескать, вперед, — но другую руку положил на меч и принял боевую стойку.

Лильвин не очень приятно было оставлять за спиной вооруженного бойца, но какой у нее выбор? Так что она вошла внутрь. В свете той чудно́й сферы за письменным столом сидела, сочиняя какое-то послание, знакомая женщина в зеленом платье. Таких, как Найнив ал'Мира, в Шончан называют *теларти*, что означает «женщина с пламенной душой». Со временем Лильвин поняла, что Айз Седай положено сохранять спокойствие сродни покою тихих вод. Что ж, порой Найнив тоже бывала спокойной, но в одной излучине от этой мирной заводи рокотал бурный водопад.

Когда Лильвин с Байлом вошли, Найнив от письма не отвлеклась. Косы у нее больше не было, и распущенные волосы доходили до плеч. Странное зрелище, будто корабль без мачты.

— Погоди минутку, Слит, — сказала Найнив. — Честное слово, с недавних пор вы, Стражи, суетитесь вокруг меня, будто птички, потерявшие кладку. Неужели у ваших Айз Седай не осталось для вас поручений?

— Многие волнуются за Лана, Найнив Седай, — невозмутимо пророкотал Страж по имени Слит.

— А я, по-твоему, не волнуюсь? Знаешь, надо бы отправить вас рубить дрова или еще чем-то занять. Если еще один Страж заявится с вопросом, не нужна ли мне…

Тут она подняла взгляд и наконец-то увидела Лильвин. Лицо Найнив тут же стало безмятежным. Холодным. Обжигающе холодным. Лильвин бросило в пот. Ее жизнь была в руках этой женщины. Почему же Слит привел их сюда, а не в шатер Илэйн? Пожалуй, не следовало упоминать имя Найнив.

— Эти двое потребовали встречи с вами, — объяснил Слит. Лильвин не заметила, как он вынул меч из ножен. Байл Домон пробурчал что-то себе под нос. — По их словам, пришли за обещанными

деньгами. Однако в Башне они ни к кому не обращались и о себе не заявляли и каким-то образом ухитрились юркнуть в переходные врата. Мужчина — из Иллиана, а женщина откуда-то еще. Свой говор она скрывает.

Итак, с акцентом дела обстояли хуже, чем Лильвин предполагала. Она покосилась на меч. Если откатиться вбок, Страж, наверное, промахнется — при условии, что ударит в грудь или в шею. Можно выхватить дубинку и…

Но они в палатке Айз Седай, и Лильвин не успеет вскочить после переката. Ее обездвижат плетением Единой Силы, и это в лучшем случае.

— Мне знакомы эти люди, Слит, — холодным тоном произнесла Найнив. — Правильно, что привел их сюда. Благодарю.

Меч мгновенно вернулся в ножны, и Лильвин почувствовала на шее легкий ветерок, когда Слит тише мыши выскользнул из палатки.

— Если хочешь просить прощения, — начала Найнив, — ты пришла не к тому человеку. Я подумываю, не передать ли тебя Стражам. Пусть допросят. Глядишь, выудят из твоей вероломной головы кое-что полезное о твоем народе.

— Я тоже рада тебя видеть, — хладнокровно отозвалась Лильвин.

— Так что случилось? — осведомилась Найнив.

Что случилось? О чем говорит эта женщина?

— Только не думайте, что я не пробовал дать отпор, — вдруг начал оправдываться Байл. — Пробовал, но меня с легкостью одолели. Повезло, что не перебили моих людей, не сожгли корабль, не пустили его ко дну!

— Уж лучше бы ты, иллианец, погиб вместе со всеми, кто был на борту! — заявила Найнив. — *Тер'ангриал* оказался в руках у Отрекшейся; Семираг затаилась среди шончан под личиной… Как у них называется судья? «Говорящая Правду» — верно?

— Да, — тихо признала Лильвин. Теперь она все поняла. — Сожалею, что нарушила клятву, но…

— Что-что, Эгинин? Сожалеешь? — Найнив вскочила из-за стола, едва не опрокинув стул. — Не самое подходящее слово в устах человека, поставившего под угрозу весь мир и едва не столкнувшего всех нас с обрыва, за которым нет ничего, кроме тьмы! По приказу Семираг этот тер'ангриал скопировали, женщина, и одна копия оказалась на шее у Дракона Возрожденного. Да-да, Дракона Возрожденного! Представь себе его под контролем одной из Отрекшихся! — Найнив всплеснула руками. — О Свет! Мы были на

волоске, на тончайшем волоске от гибели, и все из-за тебя. Конец всего сущего. Ни Узора, ни мира, ничего! Из-за твоей безалаберности едва не угасли миллионы жизней!

— Я… — Лильвин вдруг поняла, сколь грандиозны ее неудачи. Ее жизнь кончена. Она утратила даже само имя. Ни имени, ни корабля, отобранного самой Дочерью Девяти Лун. Однако в нынешнем свете это утратило всякую важность.

— Я дал отпор, — твердо повторил Байл. — Сражался так, как только мог.

— Как видно, я должна была драться рядом с тобой, — предположила Лильвин.

— Это я и пытался объяснить, — мрачно подтвердил Байл. — Много раз пытался, чтоб мне сгореть.

— О-хо-хо, — схватилась за голову Найнив. — Что ты делаешь здесь, Эгинин? Я-то надеялась, что ты мертва. Случись тебе погибнуть, не нарушив клятвы, и я не смогла бы тебя винить.

«Я сама передала его в руки Сюрот, — подумала Лильвин. — То была цена моей жизни, единственный способ спастись».

— Ну? — сверлила шончанку взглядом Найнив. — Не отмалчивайся, Эгинин!

— Теперь меня зовут иначе. — Лильвин упала

на колени. — У меня отняли все, включая мою честь! Видишь? Позволь расплатиться! Отныне я принадлежу тебе!

— В отличие от вас, шончан, — фыркнула Найнив, — мы не держим людей в качестве домашних животных.

Лильвин не изменила позы. Байл положил руку ей на плечо, но не пытался поднять ее с колен. Без малого цивилизованный, теперь он прекрасно понимал, почему Лильвин ведет себя именно так, а не иначе.

— Встань! — резким тоном приказала Найнив. — О Свет, Эгинин! Помнится, ты была такой сильной, что могла разжевать камни и выплюнуть песок!

— И эта сила вынуждает меня подчиниться, — опустив взор, промолвила Лильвин. Неужели Найнив не понимает, насколько это трудно? Куда проще распороть себе горло, вот только у Лильвин больше нет чести и она не вправе требовать столь легкой смерти.

— Встань!

Лильвин послушалась.

— Пойдем. — Найнив схватила лежавший на койке плащ и накинула его на плечи. — Отведу тебя к Амерлин. Быть может, она знает, что с

тобой делать.

С этими словами она целеустремленно вышла в ночь, и Лильвин последовала за ней. Решение уже принято. Остался лишь один осмысленный путь, единственный способ сохранить жалкий осколок чести и, быть может, помочь своему народу избавиться от лжи, в которой он существовал с незапамятных времен.

Отныне Лильвин Бескорабельная принадлежит Белой Башне. Что бы ей ни приказали, как бы с ней ни поступили, этот факт останется непреложным. Она — собственность Айз Седай. Лильвин станет *да'ковале* этой Амерлин и ринется в грядущий шторм, подобно кораблю, чьи паруса истрепал ветер.

Быть может, остаток чести поможет ей завоевать доверие этой женщины.

— Таким способом в Пограничных землях издавна облегчают боль, — пояснил Мелтен, разбинтовывая рану Талманеса. — Волдырник замедляет распространение порчи, вызванной окаянным клинком.

Этот жилистый парень с буйной шевелюрой носил скромный плащ и такую же рубаху, чем походил на андорского дровосека, но говорил как порубежник, а в сумке таскал разноцветные

шарики, которыми иной раз жонглировал, чтобы потешить ребят из Отряда Красной руки. В прошлой жизни он, наверное, был менестрелем.

Непростой человек. Такого не ожидаешь встретить в Отряде. Хотя кто из «красноруких» простой?

— Понятия не имею, как он ослабляет действие отравы, — продолжал Мелтен, — но как-то приглушает. Имейте в виду, яд не природного происхождения, так что высосать его из раны не получится.

Талманес надавил на бок ладонью. Жжется так, будто под кожей ползает шипастая лоза и при каждом движении впивается в плоть. Он прямо-таки чувствовал, как яд распространяется по телу. О Свет, как же больно!

Неподалеку солдаты Отряда пробивались к дворцу. В город вошли через южные ворота, а удерживать западные оставили наемников под началом Сандипа.

Если в Кэймлине и остался очаг сопротивления, то во дворце, но, к несчастью, по городским кварталам, что отделяли от него воинов Талманеса, блуждали троллочьи кулаки. Раз за разом натыкаясь на своры этих монстров, «краснорукие» вынуждены были вступать в кровопролитные

стычки.

К тому же узнать, действительно ли там, на холме, есть способные сражаться бойцы, было невозможно — для этого требовалось прорваться к дворцу, рискуя попасть в окружение, если один из блуждающих троллочьих кулаков зайдет с тыла. Но деваться некуда: Талманес обязан выяснить, что осталось от обороны дворца — если от нее вообще что-нибудь осталось. А уже оттуда он двинется дальше в город и доберется до драконов.

Повсюду пахло дымом и кровью. Выдалась недолгая передышка, и убитых троллоков оттащили к правой обочине, чтобы очистить проход.

В этой части Кэймлина тоже встречались беженцы — хотя уже не река, но ручеек, который сочился из темноты навстречу Талманесу и его людям, частично занявшим главный проезд ко дворцу. Эти беженцы не требовали защитить их лавки или спасти жилища; они лишь рыдали от счастья при встрече с вооруженными людьми. Мадвин направлял их к свободе по прорубленному бойцами Отряда безопасному коридору.

Талманес посмотрел наверх, на холм, на вершине которого едва виднелся в ночи дворец. Пожары, охватившие почти весь город, не трону-

ли его белых стен, и они вздымались из клубов дыма, будто призраки. Огня нет. Следовательно, дворец защищают — верно? Разве он не стал бы первой целью ворвавшихся в Кэймлин троллоков?

Чуть раньше Талманес отправил вперед разведчиков, чтобы дать своим людям — да и самому себе — хоть какой-то роздых.

Мелтен закончил накладывать припарку и туго затянул бинты.

— Спасибо, Мелтен, — кивнул Талманес. — Такое чувство, что уже помогает. Ты сказал, что это помогает унять боль. А какой еще есть способ?

Мелтен отстегнул от ремня металлическую фляжку и протянул ее Талманесу:

— Шайнарский бренди, очень крепкий.

— Выпивать в бою? Вряд ли это хорошая мысль, приятель.

— Берите, — мягко сказал Мелтен. — Хлебните от души, милорд. Иначе не пройдет и часа, как вы не сможете встать.

Талманес помедлил, потом взял фляжку и сделал долгий глоток. Бренди обжигал едва ли не сильнее, чем рана от клинка мурддраала. Талманес прокашлялся и сунул фляжку за пазуху.

— По-моему, Мелтен, ты перепутал бутылки, а

эту жидкость сцедил из дубильного чана.

— А еще говорят, что лорд Талманес лишен чувства юмора, — хмыкнул Мелтен.

— Напрочь, — подтвердил Талманес. — Лучше ты со своим мечом держись поближе.

Мелтен с торжественным видом кивнул и прошептал:

— Страхоборец…

— В смысле?

— Это порубежный титул. Вы сразили Исчезающего, и теперь вы страхоборец.

— В нем уже торчало штук семнадцать арбалетных болтов.

— Какая разница, страхоборец? — Мелтен положил крепкую руку ему на плечо. — Когда боль станет невыносимой, сожмите кулаки, поднимите руки, и я все сделаю.

Талманес встал и непроизвольно охнул. Оба понимали, что к чему. Те немногие порубежники, кто служил в Отряде, сходились во мнении, что раны, нанесенные такан'дарским клинком, ведут себя непредсказуемо. Некоторые быстро нагнаиваются, от других человеку становится дурно, а если они чернеют, как у Талманеса… Такое хуже всего. Спасти его могли только Айз Седай, да и то лишь в ближайшие несколько часов.

— Знаешь, — пробурчал Талманес, — хорошо, что у меня нет чувства юмора. Иначе я подумал бы, что Узор играет со мной какую-то шутку. Дэннел! Тащи сюда карту, если есть!

«О Свет, как же не хватает Ванина…»

— Милорд! — Из потемок выскочил Дэннел, капитан одного из орудийных расчетов Отряда, с факелом в руке и с наспех нарисованной картой. — По-моему, я нашел короткий путь к тому месту, где Алудра хранит драконов.

— Первым делом пробиваемся к дворцу, — отрезал Талманес.

— Милорд… — Пухлогубый Дэннел понизил голос и принялся оправлять форму, будто она сидела как-то не так. — Если Тень завладеет этими драконами…

— Я прекрасно знаю, Дэннел, насколько это опасно. Большое спасибо. Допустим, мы дошли до склада с драконами — и как быстро ты сможешь их увезти? Не хотелось бы рассредоточиться и выбиться из сил, а Кэймлин горит быстрее, чем надушенное письмо, адресованное любовнице благородного лорда. Я намерен забрать орудия и поскорее покинуть город.

— Парой выстрелов я могу сровнять вражеские укрепления с землей, милорд, но драконы —

штуки очень неповоротливые. Хорошо, что они привязаны к повозкам, но все равно мы не сможем двигаться быстрее… скажем, быстрее обоза. К тому же потребуется время, чтобы подготовить их к залпу.

— В таком случае идем во дворец, — сказал Талманес.

— Но…

— А во дворце, — непреклонно продолжил он, — если посчастливится, мы найдем женщин, умеющих направлять Силу, и те откроют нам переходные врата прямиком на склад Алудры. Кроме того, если дворцовая гвардия еще сражается, то мы хотя бы будем знать, что друзья прикрывают нам спину. Мы непременно заберем драконов, но сделаем это по-умному.

Талманес заметил, что с холма бегом спускаются Ладвин и Мар. Последний сразу же устремился к Талманесу:

— Там троллоки. Числом не меньше сотни, засели на улице.

— Всем построиться! — крикнул Талманес. — Пробиваемся во дворец!

В палатке-парильне стало совсем тихо.

Авиенда предполагала, что ее рассказ встретят скептически, что непременно последуют вопро-

сы, но не ожидала такой болезненной тишины.

Хотя она понимала, почему все молчат. После своих видений о том, как Айил в будущем постепенно утрачивают *джи'и'тох*, она чувствовала то же самое. Она видела бесчестье, упадок и гибель своего народа. Теперь же, по крайней мере, ей было с кем разделить это бремя.

Тихо шипели в котле раскаленные камни. Пора бы плеснуть на них воды, но всем шестерым в палатке было не до этого. Остальные пятеро — Хранительницы Мудрости, обнаженные, как и Авиенда, поскольку именно так принято париться. Сорилея, Эмис, Бэйр, Мелэйн и Кимер из клана Томанелле Айил. Все смотрели в пустоту, на время оставшись каждая наедине со своими мыслями.

Одна за другой они распрямляли спину, садились ровнее, будто принимая на плечи новый груз, и это утешало Авиенду. Пусть она и не ждала, что эти пятеро сломаются под гнетом новостей, приятно было видеть, что они не отворачиваются от опасности, но смотрят ей в лицо.

— Затмевающий Зрение уже в шаге от мира, — сказала Мелэйн. — Узор каким-то образом покоробился. В снах мы по-прежнему видим многое из того, что будет или чего не будет, но

вероятностей слишком много, и для нас они неразличимы. Ходящим по снам неясна судьба нашего народа. Как и судьба *Кар'а'карна* после того, как он в Последний день плюнет в глаза Затмевающему Зрение. Нам неведома правда, стоящая за видением Авиенды.

— Мы должны это проверить. — Сорилея обвела остальных твердым как камень взглядом. — Обязаны все узнать. Это единичный случай или отныне такое видение является каждой женщине взамен предыдущего?

— Эленар из клана Дэрайн, — сказала Эмис. — Ее обучение почти закончено. Она будет следующей, кто отправится в Руидин. Можно попросить Хейд и Шанни, чтобы те приободрили ее.

Авиенда едва не поежилась. Она прекрасно знала, как умеют «приободрять» Хранительницы Мудрости.

— Да, так было бы неплохо, — подалась вперед Бэйр. — А что бывает, когда проходишь через стеклянные колонны во второй раз? Быть может, отсюда и запрет на возвращение?

Никто не посмотрел на Авиенду, но девушка чувствовала, что ее не упускают из вида. Ее поступок и впрямь был запретным. Кстати говоря, рассказывать о произошедшем в Руидине тоже

не разрешалось.

Опасаться наказания не стоило. Руидин не убил ее; все переживания были обусловлены вращением Колеса. Бэйр продолжала смотреть куда-то вдаль. По щекам и груди Авиенды струился пот.

«Я вовсе не скучаю по ваннам», — твердила себе она. Ведь она не изнеженная мокроземка. Однако по эту сторону гор в палатке-парильне не было такой уж необходимости. Ночами здесь не промерзаешь до костей, так что жар был не расслабляющим, а гнетущим, и если воды предостаточно для нормальной ванны…

Нет. Она решительно сжала челюсти, потом спросила:

— Можно высказаться?

— Не глупи, девочка, — заметила Мелэйн, которая, судя по размеру живота, была на сносях. — Теперь ты одна из нас. Незачем спрашивать разрешения.

Девочка? Не скоро они привыкнут воспринимать ее как ровню. Что ж, хотя бы пытаются. Никто не велел ей заварить чай или плеснуть воды на камни. В отсутствие учениц или *гай'шайн* эти обязанности они выполняли по очереди.

— Меня беспокоит не то, повторяются видения или нет, — призналась Авиенда, — а их содержа-

ние. Это действительно произойдет? Можем ли мы этому помешать?

— Руидин являет нам видения двух типов. — Обладательница темно-рыжих волос и вытянутого загорелого лица, Кимер была довольно молода, лет на десять старше Авиенды. — В первое посещение — то, что может быть, а во второе, между колонн, — то, что уже было.

— Это третье видение могло быть и тем и другим, — сказала Эмис. — Колонны безошибочно показывают прошлое; почему бы им не продемонстрировать будущее с равной достоверностью?

У Авиенды екнуло сердце.

— Но зачем, — тихо произнесла Бэйр, — колоннам показывать безнадежность, на которую нельзя повлиять? Нет, я отказываюсь в это верить. Руидин всегда демонстрировал то, что нужно увидеть. Чтобы помочь нам, а не навредить. В этом видении тоже должен быть смысл. Быть может, подтолкнуть нас к обретению большей чести?

— Это несущественно, — отрезала Сорилея.

— Но… — начала Авиенда.

— Несущественно, — повторила Сорилея. — Будь наша судьба предрешена этим видением, будь мы обречены на… как ты говоришь, на упа-

док, неужели кто-то из нас смирился бы с таким положением вещей?

В палатке снова стало тихо. Авиенда помотала головой.

— Надо исходить из того, что будущее можно изменить, — сказала Сорилея. — Лучше не задумывайся о своем вопросе, Авиенда. Мы должны выбрать предпочтительный путь.

— Я… — Авиенда поняла, что кивает. — Да-да, ты права, Хранительница Мудрости.

— Но каков он, этот путь? — спросила Кимер. — Что мы должны изменить? Сперва необходимо выиграть Последнюю битву!

— Отчасти, — сказала Эмис, — мне даже хочется, чтобы видение оказалось истинным и неизменным. Ведь оно хотя бы доказывает, что мы одержим верх в этом сражении.

— Ничего оно не доказывает, — возразила Сорилея. — Победа Затмевающего Зрение разорвет Узор, а посему видениям будущего нельзя безоговорочно доверять. Даже с учетом пророчеств о том, что готовят грядущие эпохи, если Затмевающий Зрение победит в битве, то все превратится в ничто.

— Мое видение как-то связано с тем, что планирует Ранд, — сказала Авиенда, и все взгляды

устремились к ней. — Судя по вашим словам, завтра он поведает нечто важное.

— У Кар'а'карна… есть склонность устраивать нечто впечатляющее, — с теплотой в голосе произнесла Бэйр. — В этом он подобен крокошипке, всю ночь вьющей гнездо, чтобы утром спеть о нем любому, кто станет слушать.

Авиенда не без удивления узнала о встрече на Поле Меррилор, да и то лишь благодаря узам, связывающим ее с Рандом, — когда решила выяснить, где он находится. Увидев собравшиеся здесь впечатляющие силы мокроземцев, она задалась вопросом, не является ли все это отправной точкой ее видения.

— Такое чувство, что я узнала нечто лишнее, — промолвила она, ни к кому не обращаясь.

— Ты заглянула вглубь одной из версий будущего, — заметила Кимер, — и никогда не станешь прежней.

— Завтра все станет ясно, — сказала Авиенда. — Когда мы узнаем, каков его план.

— По твоему рассказу, — продолжила Кимер, — складывается ощущение, что он намерен отвернуться от Айил. От своего народа. Почему он раздает дары всем подряд — кроме тех, кто заслуживает его внимания больше остальных?

Он что, хочет оскорбить нас?

— По-моему, вряд ли, — ответила Авиенда. — Думаю, он не станет наделять дарами за просто так, а выдвинет явившимся сюда какие-то требования.

— Он упоминал цену, — сказала Бэйр. — Цену, которую по его требованию должны заплатить другие. Но о какой цене речь? Никто не сумел выведать этого секрета.

— Чуть раньше этим вечером он отправился через переходные врата в Тир и вернулся не с пустыми руками, — подхватила Мелэйн. — Об этом сообщили Девы. Теперь он держит слово и всегда берет их с собой. Когда мы спросили насчет цены, он ответил, что о ней Айил можно не беспокоиться.

Авиенда нахмурилась:

— Он хочет получить плату за то, что и так должен сделать? Не слишком ли много времени он проводит с той опекуншей, которую к нему прислал Морской народ?

— Нет, это справедливо, — заметила Эмис. — Эти люди многого требуют от Кар’а’карна. Он вправе потребовать что-то взамен. Они слабовольны; быть может, он намерен придать им жесткости.

— А нам и без того ее хватает, — тихо добавила Бэйр. — Зная об этом, он нас не учитывает.

В палатке снова повисла тишина. Эмис с озабоченным видом подлила воды на разогретые камни, и та с шипением превратилась в клубящийся пар.

— Вот именно, — сказала Сорилея. — Он хочет не оскорбить нас, а почтить — конечно, в своем понимании. — Она покачала головой. — Что ж, ему виднее.

— Иногда Кар'а'карн оскорбляет непреднамеренно, по-детски, — согласилась Кимер. — Мы сильны, и поэтому его требования, какими бы они ни были, к нам не относятся. Если другие способны уплатить эту цену, мы и подавно сможем.

— Этих ошибок можно было избежать, будь он надлежащим образом обучен согласно нашим обычаям, — проворчала Сорилея.

Авиенда невозмутимо встретила ее взгляд. Да, она обучила Кар'а'карна не так хорошо, как могла бы, но всем известно, насколько упрям Ранд ал'Тор. Кроме того, теперь все присутствующие в этой палатке равны. Хотя Авиенде трудно было в это поверить, глядя на неодобрительно поджатые губы Сорилеи.

Быть может, сказалось время, проведенное с

мокроземцами вроде Илэйн, но Авиенда вдруг увидела все глазами Ранда. Освобождая Айил от уплаты некой цены — если он и впрямь намеревался взять ее с остальных, — Ранд оказывал им честь. Потребуй он от них того же, чего и от остальных, вот эти же Хранительницы Мудрости возмутились бы, что Айил ставят в один ряд с мокроземцами.

Что же у Ранда ал'Тора на уме? В видениях проскальзывали намеки на его план, но Авиенда все тверже верила, что завтра Айил вступят на путь, ведущий к незавидной судьбе.

И она обязана сделать так, чтобы этого не случилось. Такова ее первая задача в роли Хранительницы Мудрости. Первая и, пожалуй, самая важная из всех, которые ей доводилось выполнять. Поэтому Авиенда не подведет — должна не подвести.

— Обучением Кар'а'карна ее задание не ограничивалось, — заметила Эмис. — Я отдала бы что угодно, лишь бы знать, что за ним как следует присматривает надежная женщина. — И она со значением взглянула на Авиенду.

— Он будет моим, — твердо заявила Авиенда. «Но не ради тебя, Эмис, и не ради нашего народа». Эта мысль потрясла девушку до глубины души.

Ведь она — Айил и для нее нет ничего важнее ее народа.

Но это решение принимать не народу. Право выбора принадлежало Авиенде.

— Имей в виду, — коснулась ее запястья Бэйр, — с тех пор как ты ушла, он изменился. Стал сильнее.

— В каком смысле? — сдвинула брови Авиенда.

— Он объял смерть, — с гордостью в голосе объявила Эмис. — Пускай он носит меч и одежды мокроземца, но теперь он наш — окончательно и бесповоротно.

— Я должна это увидеть, — сказала, вставая, Авиенда. — И должна узнать о его планах все, что удастся выяснить.

— Времени почти не осталось, — предупредила Кимер.

— Вся ночь впереди, — ответила Авиенда. — Этого предостаточно.

Ей ответили кивками, и Авиенда начала одеваться. Как ни странно, остальные последовали ее примеру. Должно быть, они сочли сказанное девушкой настолько важным, что решили прервать собрание и поделиться новостями с другими Хранительницами Мудрости.

Авиенда первой вышла в ночь, на свежий воз-

дух, приятно ласкавший кожу после душного жара парильни, и глубоко вздохнула. Утомленный разум требовал отдыха, но сну придется обождать.

Зашуршал клапан палатки, откуда стали выходить Хранительницы Мудрости. Мелэйн и Эмис, тихо переговариваясь, торопливо зашагали во тьму. Кимер целеустремленно направилась туда, где стояли лагерем Томанелле Айил — наверное, чтобы переговорить с Ганом, вождем клана и ее сестрой-отцом — первым братом ее матери.

Авиенда хотела было уйти, но на плечо ей легла костлявая рука. Оказалось, за спиной стояла Бэйр, снова в юбке и блузе.

— Хранительница Мудрости, — машинально произнесла Авиенда.

— Хранительница Мудрости, — с улыбкой отозвалась Бэйр.

— Чем могу?..

— Хочу посетить Руидин, — сказала Бэйр, взглянув на небо. — Будь добра, открой мне переходные врата.

— Ты намерена пройти сквозь лес стеклянных колонн!

— Кто-то из нас должен это сделать. Что бы ни говорила Эмис, Эленар еще не готова, и в особен-

ности не готова увидеть… нечто подобное. Эта девочка только и делает, что ноет и пищит, словно канюк над последним куском тухлой падали.

— Но…

— О-о, только не начинай. Да, теперь ты одна из нас, Авиенда, но я-то еще за твоей бабушкой присматривала, когда она ребенком была. — Бэйр качнула головой. Казалось, ее белые волосы светятся в неровном лунном свете. — Будет лучше, если туда отправится не кто-то, а я. Тем, кто способен направлять, надо набираться сил перед грядущей битвой. Я не допущу, чтобы какое-то неопытное дитя оказалось среди тех колонн. Ну же, что насчет переходных врат? Выполнишь мою просьбу или придется заставить Эмис, чтобы та открыла мне путь в Руидин?

Авиенде хотелось бы посмотреть, каково это — заставить Эмис что-то сделать. Вряд ли на такое способен кто-то, кроме Сорилеи. Однако девушка молча сотворила плетение, открывая переходные врата.

При мысли о том, что ее видение узрит кто-то другой, скрутило живот. Что, если Бэйр переживет то же самое? Придется считать эту версию будущего более вероятной?

— Все было настолько плохо, да? — тихо спро-

сила Бэйр.

— Ужасно. Так ужасно, Бэйр, что копья пустили бы слезу, а камни раскрошились в пыль. Я предпочла бы станцевать с самим Затмевающим Зрение.

— В таком случае правильно, что туда отправлюсь именно я. Это должна сделать сильнейшая из нас.

Авиенда едва не заломила бровь. Бэйр крепка, как добротно выделанная кожа, но не сказать, что другие Хранительницы Мудрости похожи на цветочные лепестки.

— Бэйр, — спохватилась она, — ты не встречала женщину по имени Накоми?

— Накоми… — Бэйр словно попробовала слово на вкус. — Древнее имя. Не знаю никого, кто носил бы его. А что?

— По пути в Руидин я встретила одну женщину из Айил, — объяснила Авиенда. — Она не представилась Хранительницей Мудрости, но было в ней что-то… — Она покачала головой. — Это я так, из праздного любопытства.

— Что ж, пора узнать, насколько правдивы эти видения, — подытожила Бэйр и шагнула к переходным вратам.

— Что, если они и впрямь правдивы? — вырва-

лось у Авиенды. — Что, если мы ничего не можем сделать?

— Говоришь, ты видела своих детей? — обернулась Бэйр.

Авиенда кивнула. В подробности этой части видения она не вдавалась. Считала, что это личное.

— Измени одно из имен, — сказала Бэйр. — И никому, даже нам, не говори, под каким именем это дитя появилось в видении. Так ты все узнаешь. Где одно отличие, там непременно будут и другие. Должны быть. Это не наша судьба, Авиенда. Это путь, которого мы избежим. Вместе.

Авиенда поняла, что кивает. Да. Изменение небольшое, незначительное, но полное смысла.

— Спасибо, Бэйр.

Пожилая Хранительница Мудрости тоже кивнула, потом ступила в переходные врата и побежала к ночному городу.

Талманес врезался плечом в гигантского троллока — с кабаньим рылом, облаченного в грубо сработанную кольчугу. Запах от чудища исходил отвратительный, напоминающий смешанную вонь едкого дыма, мокрой шерсти и немытого тела. От силы удара троллок недоуменно хрюкнул; почему-то эти твари всегда удивлялись, когда он на них нападал.

Талманес отступил и высвободил меч из живота упавшей зверюги, после чего, не обращая внимания на ногти, царапавшие ему ногу, наклонился, вгоняя клинок троллоку в горло. В глазах-бусинках, слишком похожих на человеческие, померкла жизнь.

Люди сражались, кричали, хрипели, убивали. На улице, круто поднимавшейся ко дворцу, окопались троллочьи орды; они держали оборону, не позволяя Отряду добраться до вершины холма.

Талманес устало привалился к стене какого-то здания. Соседний дом горел, озаряя улицу буйными отсветами и опаляя лицо, хотя по сравнению с чудовищным жжением в ране все эти пожары казались дуновением прохладного ветерка. Огонь стекал по ноге до самой стопы и понемногу подбирался вверх, к плечу.

«Кровь и треклятый пепел! — подумал Талманес. — Все бы отдал за пару спокойных часов с трубкой и книжкой». Те, кто распинается о славной гибели в бою, — распроклятые конченые болваны. Что славного в смерти посреди всего этого огненно-кровавого месива? Мирная смерть — совсем другое дело, это за милую душу.

Он заставил себя встать. По лицу градом катил пот. С тыла напирали монстры, перекрывшие

дорогу за спиной у Отряда, но у Талманеса осталась возможность идти вперед и вверх, вырезая троллоков на своем пути.

Отступление оказалось бы трудновыполнимой задачей. Ведь троллоки заполонили не только главный проезд; их отряды, пусть и небольшие, шастают по городским улицам и в любой момент могут напасть с флангов, что по пути туда, что по дороге обратно.

— Врежьте им со всей силы, парни! — выкрикнул Талманес и бросился вверх, к преграждавшему путь вражескому отряду.

До дворца было рукой подать. Талманес отбил щитом меч козломордого троллока, прежде чем тот снес бы Дэннелу голову с плеч, и попробовал отпихнуть руку с оружием… Но Свет! Какие же они сильные, эти троллоки! При толчке сам Талманес едва устоял на ногах, а Дэннел пришел в себя и свалил троллока на землю, подрубив ему бедренные сухожилия.

Рядом с Талманесом дрался Мелтен. Порубежник держал слово и не отходил ни на шаг — на тот случай, если придется оборвать жизнь раненого командира ударом меча. Вдвоем они возглавляли натиск на холм. Троллоки — рычащая, ревущая масса темной шерсти, злобных глаз и клинков,

мерцавших в свете пожара, — начали было отступать, но затем возобновили сопротивление с удвоенной силой.

Их было слишком много.

— Держать строй! — проорал Талманес. — За лорда Мэта и Отряд Красной руки!

Будь здесь лорд Мэт, он, наверное, сперва облегчил бы душу отборной площадной бранью, понял, что дело дрянь, а затем спас бы всех гениальным тактическим решением. Талманес не обладал присущей Мэту амальгамой безумия и вдохновения, но его возглас как будто воодушевил солдат, и ряды сомкнулись. Гавид разместил свои две дюжины стрелков — последних в отряде Талманеса — на крыше здания, еще не охваченного огнем, и те давали один залп за другим, осыпая неприятеля градом арбалетных болтов.

Под таким обстрелом дрогнуло и побежало бы человеческое войско, но не троллоки. Некоторые погибли под обстрелом, но Талманес надеялся, что потерь у врага будет куда больше.

«Там, наверху, еще один Исчезающий, — подумал он. — Гонит их в нашу сторону. О Свет, еще одного мурддраала мне не одолеть, да и с первым драться не следовало!»

Как ни странно, он еще держался на ногах.

Фляжку Мелтена он выбросил, давно допив бренди, чтобы приглушить боль — насколько это вообще было возможно, — и в голове порядком шумело. Плечом к плечу с Дэннелом и Лондредом Талманес сосредоточенно рубился в авангарде, и по мощеной мостовой с холма ручьями текла троллочья кровь.

«Краснорукие» сражались на совесть, но выбились из сил и уступали врагу числом. Внизу, за спиной Талманеса, к бою присоединился еще один кулак троллоков.

Вариантов раз-два и обчелся: нанести удар по тем троллокам, что заходят с тыла, повернувшись спиной к тем, кто впереди, — или разделиться на маленькие отряды, после чего отступить параллельными улицами и перегруппироваться у городских ворот.

Талманес приготовился было отдать приказ, но тут услышал возгласы: «Вперед, Белый лев! За королеву и Андор!» Он развернулся. Воины в красно-белой форме смяли строй троллоков на вершине холма. Из переулка позади троллочьей орды, недавно замкнувшей окружение, появился второй отряд андорских пикинеров. Под их натиском монстры дрогнули; несколькими секундами позже вражеская группировка лопнула,

будто гнойный волдырь, и троллоки бросились врассыпную.

Талманес пошатнулся, едва устояв на ногах. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться на меч. Мадвин принял командование контрударом на себя, и его люди перебили множество удиравших врагов.

По склону сбежали офицеры в окровавленной форме королевских гвардейцев, и выглядели они не лучше «красноруких». Возглавлял эту группу Гэйбон.

— Спасибо, что объявился, наемник, — сказал он Талманесу, и тот нахмурился:

— Как будто это мы вас спасали. По-моему, все было наоборот.

— Благодаря вам у нас появилось пространство для маневра. Эти троллоки, — поморщился в свете пожаров Гэйбон, — осаждали дворцовые ворота. Приношу извинения, что не подоспели раньше. Не сразу сообразили, почему они уходят в этом направлении.

— О Свет! Дворец еще не пал?

— Нет, — ответил Гэйбон, — но беженцев там битком набилось.

— Есть те, кто способен направлять Силу? — с надеждой спросил Талманес. — И королева с

андорской армией — она так и не вернулась? Почему?

— Из-за приспешников Темного, — хмуро ответил Гэйбон. — С ее величеством ушла почти вся Родня. По крайней мере, самые способные в Силе женщины. Четыре остались, и сил у них хватало, чтобы открывать переходные врата, но… во время атаки какой-то убийца лишил жизни двоих из них, прежде чем остальные успели ему помешать. Уцелевшие недостаточно сильны, чтобы послать за подмогой. Так что сейчас они Исцеляют раненых.

— Кровь и проклятый пепел! — выругался Талманес, хотя в душе затеплилась искорка надежды. Пусть эти женщины не способны открыть переходные врата, но вдруг Исцеление спасет ему жизнь? — Выводи беженцев за городские стены, Гэйбон. Мои люди удерживают южные ворота.

— Великолепно, — приосанился Гэйбон. — Но исход беженцев возглавишь ты. Я обязан защищать дворец.

Талманес, глядя на офицера-гвардейца, приподнял бровь. Гэйбон не мог ему приказывать. Отряд сохранил собственную структуру командования и подчинялся только королеве. Мэт особо настоял на этом, когда заключал контракт.

К несчастью, и Талманес не мог приказывать Гэйбону. Он набрал полную грудь воздуха, но тут у него закружилась голова, и Мелтен едва успел подхватить пошатнувшегося командира под руку.

О Свет, как же больно… Ну почему бы ране не повести себя прилично, просто взять и онеметь? Кровь и треклятый пепел! Надо как-то добраться до этой Родни.

— Где эти женщины, что умеют Исцелять? — спросил Талманес, надеясь на лучшее.

— Я уже послал за ними, — ответил Гэйбон. — Как только увидел твой отряд.

Ну, это уже кое-что.

— Я не отступлюсь от своего решения, — предупредил Гэйбон, — и не оставлю пост.

— Но почему? Дружище, город пал!

— Королева приказала регулярно присылать вестовых через переходные врата, — сказал Гэйбон. — Рано или поздно она задумается, почему не приходят гонцы, и пришлет того, кто способен направлять Силу, — выяснить, что к чему. Посланный прибудет на дворцовую площадку для Перемещения, а там…

— Милорд! — крикнул кто-то. — Милорд Талманес!

Гэйбон умолк, а Талманес обернулся. По залитой кровью мостовой на холм поднимался Филджер, тощий малый, с залысинами и двухдневной щетиной. Увидев его, Талманес похолодел от ужаса. Филджер был одним из тех, кто остался защищать ворота.

— Милорд, — тяжело выдохнул он, — троллоки захватили городские стены и укрепляют оборонительные валы. Любого, кто рискнет подойти, осыпают стрелами и копьями. Лейтенант Сандип говорит, что вам надо об этом знать.

— Кровь и пепел! Что с воротами?

— Держимся, — ответил Филджер. — Пока что.

— Гэйбон! — взглянув на гвардейца, сказал Талманес. — Прояви милосердие, дружище. Кому-то надо защищать те ворота. Прошу, уведи беженцев и помоги моим людям. Через эти ворота лежит единственный путь из города.

— Но гонец королевы…

— Проклятье! Как только королева додумается сюда заглянуть, она сразу поймет, что случилось. Глянь по сторонам! Защищать дворец — чистой воды безумие. У тебя и города-то не осталось, сплошное пожарище!

Гэйбон крепко сжал губы. В глазах у него отражались противоречивые чувства.

— Сам знаешь, что я прав, — продолжил Талманес, чье лицо исказилось от приступа боли. — Лучшее, что ты можешь сделать, — это помочь моим людям у южных ворот, чтобы вывести из города как можно больше беженцев.

— Допустим, — согласился Гэйбон. — А как же дворец? Пусть горит?

— Сделай так, чтобы он сгорел не напрасно, — сказал Талманес. — Что, если оставить оборонять его сколько-то солдат? Пусть сдерживают троллоков — чем дольше, тем лучше. Это отвлечет врага от покидающих город людей, а когда твои солдаты поймут, что все кончено, они покинут территорию дворца с другой стороны и обходным путем выйдут к южным воротам.

— Хороший план, — проворчал Гэйбон. — Так и сделаю. Но как же ты?

— Мне надо добраться до драконов, — объяснил Талманес. — Нельзя допустить, чтобы они достались Тени. Орудия находятся на складе, на окраине Внутреннего города. Королева держала их подальше от чужих глаз и наемников, стоявших за городскими стенами. Я должен их найти. Если получится, заберу. Если нет — уничтожу.

— Ну что ж… — Гэйбон отвернулся, с явной неохотой смиряясь с неизбежным. — Мои лю-

ди сделают так, как ты предлагаешь. Половина выведет беженцев и поможет твоим солдатам у южных ворот. Другая половина останется удерживать дворец, а затем отступит. Но я пойду с тобой.

— Нам что, и правда нужно здесь столько светильников? — осведомилась Айз Седай, сидевшая у дальней стены с таким видом, будто под ней был не табурет, а самый настоящий трон. — Подумайте, сколько масла тратите!

— Нет, не обойтись, — пробурчал Андрол.

В окно стучался ночной дождь, но Аша'ман не обращал на него внимания. Он сосредоточился на отрезе кожи, с которым работал. Будет седло. В настоящий момент Андрол шил подпругу — ремень, что затягивают под брюхом лошади.

Проделывая шилом двойной ряд ромбовидных отверстий, он чувствовал, как работа приносит покой. При желании можно было воспользоваться деревянной колотушкой — так вышло бы быстрей, но сейчас Андролу нравилось обходиться без нее.

Маркировочным колесиком с шипами он наметил места для новых стежков, после чего проколол очередные отверстия. Надо, чтобы боковые грани ромбов шли параллельно друг другу,

иначе при натяжении они потеряют форму, а благодаря аккуратным стежкам седло годами не утратит красивого вида. Для усиления конструкции ряды должны располагаться близко, но не слишком, чтобы не порвалась разделяющая их полоса кожи. Для этого отверстия располагают зигзагообразно.

Мелочи. Надо лишь убедиться, что с мелочами все в порядке, и…

Рука дрогнула, и Андрол пробил отверстие не там, где надо, зацепив при этом соседний ромб.

От злости он едва не зашвырнул будущую подпругу в угол. Надо же, пятый раз за вечер!

«О Свет! — подумал он, прижав ладони к столешнице. — Где же мое самообладание?»

Увы, ответ был очевиден. «Все из-за Черной Башни». Андрол чувствовал себя как многоногий *начи*, очутившийся в высохшем при отливе затоне и тщетно ожидающий прихода воды, в то время как по берегу бродят дети, собирая в корзины все, что выглядит съедобным…

Он вдохнул, выдохнул и поднял кожаную деталь. Давненько Андрол не создавал такой некачественной вещицы, но работу он все же закончит. Бросить дело на полпути едва ли не сквернее, чем напортачить по ходу работы.

— Любопытно, — заметила Айз Седай — ее звали Певара, и она была из Красной Айя. Андрол спиной чувствовал на себе ее взгляд.

Красная сестра. Что ж, как гласит старая тайренская пословица, в один и тот же порт плывут самые разные попутчики. Хотя не уместнее ли вспомнить другую присказку, салдэйскую? «Если меч у горла твоего врага, некогда вспоминать, как этот же меч был у твоего горла».

— Итак, — напомнила Певара, — ты рассказывал, как тебе жилось до прихода в Черную Башню.

— Разве? — Андрол занялся стежками. — А что? О чем тебе хотелось бы узнать?

— Просто любопытствую. Ты явился сюда по собственному желанию, чтобы тебя проверили, или же тебя нашли во время… охотничьей вылазки?

— Я сам пришел. — Он крепко затянул нить. — Насколько помню, вчера об этом рассказал Эвин, когда ты спрашивала его, кто я такой.

— Хм, — протянула она. — Как погляжу, за мной наблюдали.

Андрол отвлекся от шитья и взглянул на Певару:

— Этому вас тоже учат?

— Чему? — невинно спросила та.

— Изворачиваться, перекручивать слова. В сущности, ты сказала, что я шпионил за тобой, хотя сама выспрашивала обо мне у моих друзей.

— Хочу знать, с кем я имею дело.

— Нет, ты хочешь знать, зачем мужчины без всякого принуждения отправляются в Черную Башню. Чтобы учиться направлять Единую Силу.

Певара не торопилась с ответом. Андрол видел, как она подбирает слова, дабы не нарушить Три Клятвы. Говорить с Айз Седай — все равно что ловить изумрудную змейку в мокрой траве.

— Да, — наконец произнесла она.

Андрол оторопел.

— Да, я хочу это знать, — продолжила Айз Седай. — Мы союзники, и не важно, хотим мы того или нет. Я хочу знать, с каким человеком оказалась в одной постели. — Она смерила его взглядом. — Само собой, фигурально выражаясь.

С глубоким вздохом Андрол заставил себя успокоиться. Он терпеть не мог разговаривать с Айз Седай. Эта их изворотливость, да еще напряженный вечер, и работа валится из рук…

Он должен сохранять спокойствие. Должен, да испепелит его Свет!

— Давайте попробуем создать круг, — предложила Певара. — Тогда, если нагрянут люди Таима, у нас будет преимущество, пусть и незначительное.

Андрол отодвинул неприязнь к этой женщине на задворки сознания. Сейчас у него хватает других забот, и надо мыслить беспристрастно.

— Круг?

— Знаешь, что это такое?

— Боюсь, что нет.

— Иной раз забываю, какие вы невежды… — Она поджала губы и умолкла, словно понимая, что сказала лишнее.

— Невежественны все, Айз Седай. Все, без исключения, — сказал Андрол. — Аспекты нашего невежества могут разниться, но природа мира такова, что никому не дано знать все на свете.

По-видимому, подобного ответа она не ожидала. Но не перестала буравить Андрола твердым взглядом. Ей не нравились мужчины, способные направлять Силу, — а кому они нравятся? Но дело не только в этом. Всю жизнь Певара провела в охоте на мужчин вроде Андрола.

— Чтобы сформировать круг, — сказала она, — мужчины и женщины объединяют свои навыки владения Единой Силой. И делается это особым

образом.

— В таком случае М’Хаэлю о нем известно.

— Для создания круга мужчинам необходимы женщины, — продолжила Певара. — Вообще-то, за исключением немногих случаев, женщин в круге должно быть больше, чем мужчин. Связь можно установить между женщиной и мужчиной, между женщиной и двумя мужчинами, между двумя женщинами и двумя мужчинами. Наш предел — это круг из троих: меня и двоих из вас. Тем не менее и такой круг может оказаться нам полезен.

— Пару человек для тренировки я найду, — пообещал Андрол. — Налаам, пожалуй, самый сильный из всех, кому я доверяю. Эмарин тоже очень силен, и, по-моему, он еще не достиг предела возможностей. То же самое могу сказать про Джоннета.

— Они сильнее остальных? Не ты? — заметила Певара.

— Нет, не я. — Андрол вернулся к работе.

За окном опять зарядил дождь. Из-под двери сквозило. Один из светильников догорал, и Андрол с беспокойством посматривал, как в комнате сгущаются тени.

— Верится с трудом, мастер Андрол, — сказала

Певара. — Другие очень тебя уважают.

— Можешь верить во что угодно, Айз Седай, но по сравнению с ними я слаб. Может статься, я слабее всех в Черной Башне.

После этих слов Певара надолго замолчала. Андрол встал, чтобы наполнить гаснущий светильник, а когда садился вновь, стук в дверь возвестил о прибытии Эмарина и Канлера. От дождя оба вымокли одинаково, но в остальном отличались друг от друга как небо и земля. Один рослый, осмотрительный, с благородными манерами, другой же — своенравный сплетник, но между ними нашлось что-то общее, и оба, похоже, были довольны своей дружбой.

— Ну? — спросил Андрол.

— Шансы у нас имеются. — Эмарин повесил на крючок за дверью промокшую черную куртку, под которой обнаружилась рубашка, расшитая в тайренском стиле. — Но нужна сильная гроза. Охрана бдит.

— Чувствую себя призовым бычком на ярмарке, — проворчал Канлер. Он тоже снял и повесил сушиться мундир, а затем потопал ногами, сбивая грязь с подошв. — Куда ни сунься, любимчики Таима следят за нами краешком глаза. Кровь и пепел, Андрол! Они знают! Знают, что мы хотим

сбежать.

— Как насчет слабых мест? — спросила, подавшись к ним, Певара. — К примеру, небрежно охраняемый участок стены?

— Смотря кого назначат в караул, Певара Седай, — заметил Эмарин, кивнув ей в знак приветствия.

— Хм… Пожалуй, ты прав. Я не говорила, сколь занятным нахожу тот факт, что с наибольшим уважением ко мне относится уроженец Тира?

— Вежливость, — пояснил Эмарин, — признак не уважения, Певара Седай, а хорошего воспитания и уравновешенного характера.

Андрол улыбнулся. Эмариновы оскорбления — это что-то с чем-то. В половине случаев человек до самого конца не понимает, что над ним насмехаются.

— Значит, так, — надула губы Певара, — станем следить за сменами часовых. А во время следующей грозы переберемся через стену там, где караульные будут не особо внимательны.

Двое мужчин повернулись к Андролу, а тот поймал себя на том, что смотрит в угол, на тень от стола. Она что, увеличилась в размерах? Ползет к нему?..

— Не хочется мне бросать людей. — Андрол с

трудом отвел глаза от темного пятна. — Здесь десятки, если не сотни, мужчин и мальчиков, которые еще не попали под влияние Таима. Тайком всех не вывести. Если же оставить их, мы рискуем…

Продолжать он не стал. Остальные не знали, что происходит — по-настоящему. Люди менялись. Сегодня верный союзник, а завтра — заклятый враг. Те, кто изменился, выглядели как прежде, но в то же время как-то иначе. Было что-то у них в глазах… Андрол поежился.

— Женщины, присланные мятежными Айз Седай, еще у ворот, — сообщила Певара. Да, они довольно давно стояли там лагерем, утверждая, что Дракон Возрожденный обещал им Стражей, но Таим до сих пор не позволил им войти. — Если объединиться с ними, можно взять Башню штурмом и вызволить остальных.

— Но так ли это просто? — спросил Эмарин. — У Таима целая деревня заложников. Многие пришли сюда вместе с родными и близкими.

Канлер кивнул. Здесь была его семья, и расставаться с ней он не хотел.

— Кроме того, — негромко произнес Андрол, повернувшись так, чтобы видеть Певару, — ты и правда считаешь, что Айз Седай могут победить

в этой схватке?

— У многих за плечами десятилетия опыта. У некоторых — столетия.

— И сколько из этих лет они провели в бою?

Певара не ответила.

— Здесь сотни мужчин, способных направлять Силу, Айз Седай, — продолжил Андрол. — И каждый подолгу обучался тому, чтобы быть живым оружием. Мы не штудируем историю или искусство управления. Не изучаем, как влиять на политику государств. Мы учимся убивать. Каждого из здешних мальчиков и мужчин довели до предела возможностей, вынуждая расти над собой, обрести еще бóльшие силы и оттачивать свою разрушительную мощь. И многие из них безумны. По зубам ли они твоим Айз Седай? Пойми, многие из тех, кому мы доверяем, — те самые мужчины, которых мы пытаемся спасти, — скорее всего, станут сражаться на стороне Таима, увидев, что Айз Седай надумали захватить Черную Башню.

— Твои доводы заслуживают внимания, — согласилась Певара.

«Ни дать ни взять королева», — подумал Андрол, против воли впечатленный ее самообладанием.

— Однако надо переслать наши сведения за пределы Черной Башни, — продолжила Певара. — Вероятно, полномасштабная атака — не самое разумное решение, но сидеть и ждать, пока нас не перебьют поодиночке…

— Полагаю, уместно будет послать гонца, — предложил Эмарин. — Мы должны предупредить лорда Дракона.

— Лорда Дракона? — презрительно фыркнул Канлер, усаживаясь у стены. — Он отвернулся от нас, Эмарин. Для него мы никто, и…

— У Дракона Возрожденного на плечах целый мир, Канлер, — тихим голосом перебил его Андрол. — Не знаю, зачем он оставил нас здесь, но предпочитаю верить, что в его глазах мы способны постоять за себя. — Он коснулся пальцами кожаных полосок, затем встал. — Настало время нам проявить себя и проверить Черную Башню на прочность. Если побежать к Айз Седай с просьбой защитить нас от себе подобных, мы подчинимся их власти. А если призвать на помощь лорда Дракона, кем мы будем, когда его не станет? Правильно, никем!

— О примирении с Таимом и речи не идет, — напомнил Эмарин. — Все мы знаем, чем он занимается.

На Певару Андрол не смотрел. Она уже рассказывала о своих подозрениях — и, несмотря на многолетний опыт контроля над эмоциями, в ее голосе слышался страх, который ей не удавалось скрыть. Тринадцать мурддраалов и тринадцать тех, кто способен направлять Силу, объединившись в нечестивом ритуале, могут обратить к Тени любого, кто в состоянии прильнуть к Источнику. Причем против его воли.

— Он творит чистое, концентрированное зло, — сказала Певара. — Отныне вопрос не в том, что люди разделились и кто-то следует за одним лидером, а кто-то — за другим. Это дело рук Темного, Андрол. Черная Башня подпала под власть Тени. Примите это как факт.

— Черная Башня — это мечта. — Андрол посмотрел в глаза Айз Седай. — Мечта об убежище для мужчин вроде меня, где не надо жить в страхе, спасаться бегством или чувствовать всеобщую ненависть. И я не отдам эту мечту Таиму. Не отдам, и все тут.

Если не считать дождя за окнами, в комнате стало тихо. Эмарин покивал, а Канлер встал и схватил Андрола за руку:

— Ты прав. Чтоб мне сгореть, если это не так, Андрол. Но что мы сделать-то можем? Нас мало,

и мы слабы.

— Эмарин, — сказал Андрол, — слыхал ли ты о Нокском восстании?

— Разумеется. Немалый переполох оно вызвало — даже за пределами Муранди.

— Треклятые мурандийцы! — прошипел Канлер. — И плащ сопрут, и морду набьют, если башмаки вдобавок не предложишь.

Эмарин приподнял бровь.

— Нокс находился довольно далеко от Лугарда, Канлер, — сказал Андрол. — Думаю, вряд ли бы ты счел, что тамошние жители отличаются от андорцев. Дело было… ну да, десять лет назад.

— Фермеры свергли своего лорда, — подхватил Эмарин. — И поверь, он того заслуживал. Ужасный он был человек, этот Дезартин, особенно по отношению к тем, кого считал ниже себя. Держал частную армию, одну из крупнейших за пределами Лугарда, и, как видно, вознамерился выкроить для себя маленькое королевство. И король ничего не мог с этим поделать.

— И Дезартина свергли? — спросил Канлер.

— Простые мужчины и женщины, уставшие от его зверств, — подтвердил Андрол. — В конце концов многие из его прихвостней-наемников перешли на нашу сторону. С виду Дезартин был

силен, но его подвело гнилое нутро. Нам тут кажется, что дело дрянь, но мало кто из людей Таима верен ему. Такие, как он, не вдохновляют на преданность. Их приспешники надеются на свою долю власти или богатства. Мы можем найти способ свергнуть Таима, и мы его найдем.

Мужчины закивали, хотя Певара просто смотрела на него, крепко сжав губы. Отчасти Андрол чувствовал себя глупцом; он не считал, что остальным следует равняться на него, когда рядом есть более достойные кандидаты — к примеру, высокородный Эмарин или могущественный Налаам.

Уголком глаза он заметил, как тени под столом удлиняются и ползут в его сторону, и скрипнул зубами. Они не рискнут забрать его, когда рядом столько людей — верно? Если тени хотят сожрать Андрола, то они дождутся момента, когда он останется один и попробует уснуть.

Ночь приводила его в ужас.

«Они приходят, когда я не удерживаю *саидин*, — подумал Андрол. — Но ведь Источник очищен, чтоб мне сгореть! И я уже не обречен на потерю рассудка!»

Он вцепился в табурет. Наконец страх отступил, тьма отпрянула. Канлер — с неестественно

бодрым видом — объявил, что принесет чего-нибудь попить. Он направился было на кухни, но остановился — поскольку предполагалось, что никто из них не будет ходить поодиночке.

— Пожалуй, мне тоже не помешает утолить жажду, — вздохнула Певара и ушла вместе с ним.

Андрол снова принялся за работу. Эмарин взял табурет и подсел рядом — так беспечно, будто лишь искал место поудобнее и с видом на улицу.

Однако он был не из тех, кто совершает бесцельные поступки, и поэтому тихо произнес:

— Ты участвовал в Нокссском восстании?

— Разве я так говорил? — спросил Андрол, не отвлекаясь от подпруги.

— Ты сказал, что наемники перешли на «вашу» сторону, а говоря о повстанцах, назвал их «мы».

Андрол обмер. «Чтоб мне сгореть! Надо следить за языком». Если Эмарин заметил эту оговорку, Певара тоже не пропустила ее мимо ушей.

— Я так, был неподалеку, — сказал он, — вот и угораздило…

— У тебя довольно необычное и богатое прошлое, друг мой, — заметил Эмарин. — Чем больше я узнаю, тем сильнее разгорается мое любопытство.

— Не сказал бы, что я тут единственный человек с интересным прошлым, — отозвался Андрол и после паузы добавил: — Лорд Алгарин из Дома Пендалоан.

Эмарин отшатнулся и выпучил глаза:

— Как ты узнал?

— У Фаншира была книга по генеалогии тайренской аристократии, — объяснил Андрол, сославшись на одного из Аша'манов-солдат, который до прихода в Башню был ученым. — Там встретилось любопытное примечание. О знатном Доме, мужчины из которого имели некую запретную особенность, о том, что несколькими десятилетиями раньше один из них навлек на семью тень позора.

— Понятно. Как вижу, тебя не особо удивляет тот факт, что я благородного происхождения.

— Причем имеющий опыт общения с Айз Седай, — продолжил Андрол, — и относящийся к ним с уважением, несмотря на то — или, напротив, благодаря тому — что они сотворили с твоей семьей. Обрати внимание, речь не просто о каком-то аристократе, а о тайренце, который не против служить под началом мальчишек с фермы — ты же назвал бы их именно так, верно? И сочувствует повстанцам-горожанам. Позволь

заметить, друг мой, среди твоих соотечественников такие встречаются нечасто. Допускаю, что у тебя тоже занимательное прошлое.

— Очко в твою пользу, — улыбнулся Эмарин. — В Игре Домов, Андрол, ты добился бы впечатляющих результатов.

— Это вряд ли, — поморщился Андрол. — Последний раз, когда пробовал себя в ней, чуть не… — Он осекся.

— Чуть не что?

— Давай не будем об этом, — покраснел Андрол, не желая рассказывать об этом периоде своей жизни. «О Свет! Если продолжать в том же духе, меня сочтут пустомелей похлеще Налаама».

Эмарин повернулся и стал смотреть, как дождь стучит по окну.

— Если мне не изменяет память, — произнес он, — Ноксское восстание закончилось триумфом, но недолгим. Двумя годами позже знатная фамилия вернулась к власти, а несогласных изгнали или казнили.

— Да, — тихо подтвердил Андрол.

— Поэтому здесь надо стараться получше, — сказал Эмарин. — Я на твоей стороне, Андрол. Как и все мы.

— Нет, — возразил Андрол. — Все мы на стороне

Черной Башни. Если придется, я возглавлю вас, но дело не во мне, не в тебе и не в ком-то из нас по отдельности. Я останусь за старшего лишь до тех пор, пока не вернется Логайн.

«Если он вообще вернется, — подумал Андрол. — Через переходные врата в Черную Башню больше не попасть. Что, если Логайн пытается вернуться и пробует открыть их, но тщетно?»

— Вот и хорошо, — сказал Эмарин. — Что будем делать?

Снаружи громыхнул гром.

— Погоди. — Андрол опустил взгляд на кожу и взялся за инструменты. — Дай часок на размышления.

— Простите, — прошептала Джесамин, стоя на коленях подле Талманеса, — но я бессильна. Мне недостает навыков для лечения подобных ран.

Талманес кивнул и вернул повязку на место. Весь бок почернел, как после глубокого обморожения.

Женщина из Родни — златовласая и с виду совсем молодая, хотя внешность у тех, кто умеет направлять Силу, бывает крайне обманчивой, — хмуро посмотрела на него:

— Поразительно, что вы еще ходить в состоянии.

— Не уверен, что это ковыляние можно назвать ходьбой, — заметил Талманес и похромал к солдатам. Пока что он по большей части передвигался без посторонней помощи, но головокружение накатывало все чаще.

Гэйбон спорил с Дэннелом. Тот жестикулировал, то и дело указывая на карту. Дыма было столько, что многие закрыли лица носовыми платками, отчего сделались похожи на трекляятых айильцев.

— …Отсюда даже троллоки уходят, — настаивал Гэйбон. — Повсюду пожар.

— Куда ни глянь, везде они отступают к городским стенам, — возражал Дэннел. — Хотят, чтобы Кэймлин горел всю ночь. Единственный сектор без огня — тот, где находятся Путевые врата. Троллоки разрушили там все здания, чтобы создать преграду для огня.

— Они используют Единую Силу, — сказала Джесамин, стоявшая за спиной у Талманеса. — Я это чувствую. Черные сестры. Не советую идти в том направлении.

Из Родни осталась только она, вторая женщина погибла. Джесамин была недостаточно сильна, чтобы создать переходные врата, но пользу все же приносила: Талманес собственными глазами

видел, как она сожгла шестерых троллоков, прорвавших строй его солдат.

В той схватке он не участвовал — сидел в стороне и мучился от боли. К счастью, у Джесамин нашлись какие-то целебные травы. Стоило пожевать их, и в голове начинался шум, но боль отступала. Казалось, все тело медленно сжимают в тисках, но Талманес хотя бы мог держаться на ногах.

— Пойдем кратчайшей дорогой, — решил он. — Квартал, где нет пожаров, находится совсем рядом с драконами. Рисковать не будем. Нельзя, чтобы отродья Тени обнаружили Алудру и ее орудия.

«Если этого еще не случилось».

Гэйбон бросил на него сердитый взгляд. Ну и ладно. Спасибо за помощь, но права приказывать у него нет. Это операция Отряда.

Бойцы Талманеса пробирались по темному городу, высматривая засады. Где находится склад, они примерно знали, но добраться до него оказалось непросто. Почти все крупные улицы были перекрыты пожаром, завалами или троллоками, и путь лежал по таким извилистым улочкам и переулкам, что в их лабиринте даже Гэйбон и другие кэймлинцы ориентировались с трудом.

Они обогнули квартал, выжженный огнем настолько жарким, что от него, наверное, плавились булыжники мостовой. Талманес смотрел на языки пламени, пока не заболели пересохшие глаза, а затем повел людей окольным путем.

Дюйм за дюймом они приближались к складу Алудры. Дважды солдаты наткнулись на троллоков, охотившихся на горожан, и перебили оба отряда: оставшиеся арбалетчики расстреляли половину монстров прежде, чем те успели понять, что происходит.

Талманес наблюдал за побоищем, но в схватку вступать больше не рисковал. Иначе вконец обессилел бы. О Свет! Что же он бросил коня? Сглупил, однако. Хотя чалого все равно спугнули бы троллоки.

«Ну все, уже ум за разум заходит». Он указал мечом на следующий перекресток. Разведчики подбежали к нему, осмотрелись и дали знак, что все чисто. «Думать все труднее. Недолго осталось, прежде чем меня заберет тьма».

Но сперва он спасет драконов. Обязан их спасти.

Нетвердо ступая, Талманес вышел из переулка на знакомую улицу. Так, уже близко. Сбоку догорали какие-то здания, и украшавшие их

скульптуры походили на бедолаг, которых сжигают заживо. Пламя лизало белый мрамор, который понемногу покрывался черной сажей.

На другой стороне улицы было тихо. Никакого огня. Тени от статуй плясали, будто выпивохи, отмечающие сожжение врагов. Из-за дыма было нечем дышать, и с трудом соображавший Талманес подумал, что эти тени — и эти статуи — похожи на танцующих созданий тьмы, прекрасных, умирающих, пожираемых расползающейся по коже чернотой, что убивает саму душу…

— Мы уже рядом! — Превозмогая себя, он кое-как перешел на бег. Нельзя замедлять остальных.

«Если пожар перекинется на склад с драконами…»

Они остановились перед выгоревшим недавно участком земли; когда-то здесь стоял большой деревянный склад, но теперь от него остались только развалины, среди тлеющих балок, обугленных бревен и остатков каменной кладки валялись полусгоревшие трупы троллоков.

Солдаты, собравшиеся возле командира, молчали. Талманес не слышал ничего, кроме потрескивания пламени. По лицу струился холодный пот.

— Опоздали, — прошептал Мелтен. — Видать, забрали наших драконов. В огне они взорвались бы. Отродья Тени заявились сюда, забрали драконов, а склад сожгли дотла.

До смерти уставшие бойцы Отряда стали опускаться на колени. «Прости, Мэт, — подумал Талманес. — Мы сделали все, что могли. Мы…»

По городу раскатился звук, похожий на удар грома. Талманес вздрогнул всем телом. Остальные стали озираться.

— О Свет! — воскликнул Гэйбон. — Неужто отродья Тени пустили в ход драконов?

— Вряд ли, — отозвался Талманес. Чувствуя прилив сил, он сорвался с места, и остальные побежали следом за ним.

Каждый шаг отзывался мучительной болью в боку. Талманес направился по улице со статуями, справа — пламя, слева — неподвижный холод.

БУМ!

Бабахнуло громко, но драконы стреляют громче. Неужто его надежды сбылись и в городе появились Айз Седай? Заслышав этот грохот, Джесамин тоже собралась с силами и, подобрав юбки, бежала наравне с остальными. На третьем перекрестке от склада отряд свернул за угол и выскочил на рычащий арьергард отродий Тени.

Издав невероятно свирепый возглас, Талманес обеими руками поднял меч. К тому времени жжение распространилось по всему телу, дойдя до самых пальцев. Такое чувство, что он превратился в одну из тех статуй, обреченных на погибель в огне вместе с городом.

Срубив голову зазевавшемуся троллоку, он бросился на следующего оказавшегося перед ним врага. Тот плавно отпрянул, с текучей грацией повернув к противнику безглазое лицо и злой оскал, окаймленный бледными губами. Черный плащ оставался недвижим при порывах ветра.

К собственному изумлению, Талманес рассмеялся. «Почему бы и нет?» А еще говорят, у него нет чувства юмора. Он принял стойку «Лепестки яблони на ветру» и нанес удар, силой и яростью не уступавший тому огню, что пожирал его изнутри.

Естественно, преимущество было на стороне мурддраала. Даже в лучшие времена в такой схватке Талманесу понадобилась бы помощь. Тварь двигалась точно тень, перетекая из одной позиции в другую, стремясь ужалить противника жутким клинком. Мурддраал понимал, что для победы хватит одной царапины.

Он задел щеку Талманеса самым кончиком

меча, срезав тонкий лоскут кожи. Талманес рассмеялся и с силой парировал вражеский клинок. Не ожидавший подобной реакции, Исчезающий растерялся, изумленно раскрыв рот. Человек должен был кричать, испытывая жгучую боль, должен вопить от осознания, что жизни его пришел конец.

— Таким растреклятым мечом меня уже рубили, ты, сын козла! — заорал Талманес, проводя атаку за атакой. «Кузнец кует клинок». Этот грубый выпад идеально соответствовал его настроению.

Мурддраал оступился. Искусный боковой удар Талманеса пришелся в локтевой сустав. Отсеченная рука закувыркалась в воздухе, и меч Исчезающего выпал из сведенных судорогой бледных пальцев. Талманес развернулся всем корпусом и следующим ударом — наискось, держа меч обеими руками, — отделил голову Исчезающего от тела.

Хлынула черная кровь, и мурддраал упал, хватаясь второй рукой за окровавленную культю. Меч Талманеса — клинок вдруг страшно потяжелел — выскользнул из пальцев и со звоном упал на мостовую, а сам Талманес потерял равновесие и шлепнулся бы на поверженного неприятеля, не

подхвати его сзади чья-то рука.

— О Свет! — воскликнул Мелтен, глядя на мертвое тело. — Что, еще один?!

— Я разгадал секрет, — прошептал Талманес. — Чтобы убить мурддраала, надо быть мертвецом. — И усмехнулся в ответ на недоуменный взгляд товарища.

Вокруг, корчась, падали на землю десятки троллоков — они были связаны с убитым Исчезающим. Отряд собрался вокруг Талманеса. Несколько человек пали в бою, некоторые были ранены, и все без исключения выбились из сил: бой с этой шайкой троллоков мог оказаться для них последним.

Мелтен поднял меч, вытер его дочиста и протянул Талманесу, но тот едва держался на ногах, а потому убрал клинок в ножны и велел одному из солдат подать троллочье копье, чтобы было на что опереться.

— Эй, там, на перекрестке! — крикнули издалека. — Кем бы вы ни были — спасибо!

Талманес похромал вперед. Не дожидаясь приказа, Филджер и Мар уже ушли на разведку. Темную улицу загромоздили тела троллоков, погибших вместе с мурддраалом; и чтобы разглядеть, кто кричал, пришлось перебираться через

трупы.

Близ следующего перекрестка была возведена баррикада. На ней стояли люди, в их числе женщина с воздетым факелом. Простое коричневое платье, белый передник и волосы, заплетенные в косы. Это была Алудра.

— Солдаты Коутона, — продолжила она без особой радости в голосе. — Не очень-то вы торопились. — В другой руке она держала цилиндрический кожаный мешочек размером чуть больше мужского кулака. Талманес знал: если поджечь торчащий из него черный фитиль и бросить этот цилиндр, то он взорвется. Пращники Отряда как-то уже использовали такие штуковины. Не драконы, конечно, но разрушительная сила у них немалая.

— Алудра! — крикнул Талманес в ответ. — Драконы у вас? Умоляю, скажите, что вы их спасли!

Она хмыкнула и помахала факелом людям на баррикаде, чтобы те пропустили «красноруких». За преградой обнаружилось несколько сотен — если не тысяч — горожан. Они понемногу расступались, и Талманесу наконец открылось прекрасное зрелище: сотня драконов в самом сердце толпы.

Бронзовые орудия были закреплены на особых

деревянных тележках, в каждую из которых обычно запрягали пару лошадей. Вообще-то, весьма маневренная конструкция, если так посмотреть. Талманес знал, что, если выпрячь лошадей и закрепить тележки, чтобы те не откатывались после выстрела, драконы будут готовы к бою. Людей вокруг предостаточно, и они вполне способны тянуть их вместо лошадей.

— Думал, что я их брошу? — спросила Алудра. — Эти люди, стрелять они не обучены, но повозки тащить умеют не хуже других.

— Надо вывезти драконов из города, — сказал Талманес.

— Что, тебя новое озарение посетило? — фыркнула Алудра. — Чем я, по-твоему, занимаюсь? Твое лицо, что с ним случилось?

— Как-то раз мне достался кусок довольно острого сыра. С тех пор никак не отделаюсь от послевкусия.

Алудра непонимающе склонила голову. «Может, надо сопровождать шутки улыбкой? — подумал Талманес, устало прислонившись к баррикаде. — Чтобы все понимали, что я шучу». Но вот вопрос: надо ли, чтобы люди знали, что он шутит? Ведь если не знают, выходит куда смешнее. К тому же улыбаться — это уже чересчур.

Юмор должен быть тонким. И еще…

Да, ему и впрямь трудно сосредоточиться. Он проморгался. В свете факела Алудра обеспокоенно нахмурилась.

— Так что там у меня с лицом? — Талманес провел ладонью по щеке. Кровь. Мурддраал. Точно. — Мелочь, царапина…

— А вены?

— Вены? — сперва не понял он, но затем обратил внимание на руку. Черные жгутики будто проросшими под кожей побегами плюща обвивали запястье и тянулись к пальцам. Буквально на глазах они становились чернее прежнего. — Ах вот ты о чем! Увы, я умираю. Ужасная трагедия. У тебя, случаем, не найдется бренди?

— Я…

— Милорд! — крикнул кто-то.

Талманес снова поморгал, после чего с трудом обернулся, тяжело опираясь на копье.

— Да, Филджер?

— Снова троллоки, милорд. Очень много! Идут с той стороны, прямо на нас.

— Изумительно. Ставьте стол. Надеюсь, приборов хватит. Так и знал, что надо было отправить служанку за пять тысяч семьсот тридцать первым комплектом посуды.

— Ты… Ты себя хорошо чувствуешь? — спросила Алудра.

— Не лучше, чем выгляжу, женщина. Кровь и треклятый пепел! Гэйбон! Путь к отступлению отрезан. Далеко ли до восточных ворот?

— Восточных? — откликнулся Гэйбон. — Примерно полчаса ходу. Зато прямо, вниз по склону.

— В таком случае — вперед, — распорядился Талманес. — Бери разведчиков и выдвигайся. Дэннел, организуй местных, чтобы тянули драконов. И будь готов привести орудия в боевую готовность.

— Талманес! — вмешалась Алудра. — Порошок и драконьи яйца, их немного у нас осталось. Понадобятся запасы из Байрлона. А сегодня, если развернете драконов… Могу позволить по несколько выстрелов из каждого, не больше.

Дэннел кивнул:

— Драконам без поддержки не место на первой линии обороны, милорд. Им нужна защита — чтобы враг не подошел слишком близко и не уничтожил орудия. Стрелять-то можно, но без пехоты драконам долго не продержаться.

— Вот поэтому мы и бежим. — Талманес развернулся, сделал шаг и едва не упал из-за подкатившей слабости. — И по-моему… По-моему, мне

нужен конь…

Могидин ступила на платформу, зависшую в воздухе посреди открытого моря. Под редкими дуновениями бриза прозрачные синие воды шли рябью, но волн не было. Земли в пределах видимости — тоже.

У края платформы, сцепив руки за спиной, стоял Моридин. Море перед ним было объято пламенем, бездымным, но таким жарким, что вокруг пузырилась кипящая вода. Каменные подмостки над безбрежным морем. Горящая вода. В своих осколках сна Моридин обожал создавать всякую небыль.

— Сядь, — велел он, не оборачиваясь.

Могидин послушно выбрала одно из четырех кресел, возникших в центре платформы. В безоблачном голубом небе висело солнце, проделавшее три четверти пути к зениту. Давненько она не видела солнца в Тел'аран'риоде… В последнее время небо укутывали грозовые тучи, черные и вездесущие. С другой стороны, это же не совсем Тел'аран'риод. И не сон Моридина. Скорее, слияние двух пространств, нечто вроде временной пристройки к миру сновидений. Пузырь совмещенных ипостасей реальности.

Могидин облачилась в черное с золотом. Кру-

жевные рукава походили на паутину, но лишь слегка. С паучьей темой лучше не переусердствовать.

Усаживаясь, Могидин постаралась напустить на себя властный и надменный вид. В прошлом подобное давалось ей без труда, но сегодня лучиться самоуверенностью было не проще, чем ловить в воздухе семена одуванчика: хвать, а они все равно ускользают. Гневаясь на саму себя, Могидин скрипнула зубами. Она не кто-то, а Избранная. Перед ней дрожали целые армии, а короли проливали слезы. Из поколения в поколение матери стращают детей ее именем. А теперь…

Она провела рукой по шее и нащупала медальон. Конечно же, он на месте, но прикосновение к нему успокаивало.

— Не слишком-то надейся на эту вещицу, — промолвил Моридин. Порыв ветра взволновал безмятежную водную гладь и принес с собой отголоски чьих-то криков. — Тебя простили, Могидин, но не до конца. Это испытательный срок. Подведешь снова — и я задумаюсь, не отдать ли ловушку для разума Демандреду.

— Чтобы тот отшвырнул ее в приступе скуки? — Могидин хмыкнула. — Демандреду нужно

только одно. И это — ал'Тор. Любой, кто не помогает ему приблизиться к цели, не имеет для него значения.

— Ты его недооцениваешь, — тихо сказал Моридин. — Великий повелитель доволен Демандредом. Очень доволен. Ты, однако…

Могидин вжалась в кресло, чувствуя, как возобновляются мучения. Боль, которую мало кто испытывал в этом мире. Боль, выходящая за пределы того, что способно вынести человеческое тело. Могидин вцепилась в *кор'совру* и обняла *саидар*. Это принесло некоторое облегчение.

В прошлом направлять Силу даже в одной комнате с кор'соврой было мучительно больно. Теперь же, когда медальоном владел не Моридин, а она, ощущения изменились. «Это не просто какой-то кулон, — подумала Могидин, сжимая его в руке. — Это моя душа». Тьма всемогущая! Могидин подумать не могла, что из всех людей именно она окажется объектом подобной пытки. Разве не была она паучихой, осторожной во всех своих поступках?

Второй рукой она обхватила первую, которой сжимала медальон. Что, если он упадет? Что, если его отберут? Нет, она не потеряет кор'совру. Нельзя ее потерять.

«Вот в кого я превратилась… — Могидин стало дурно. — Надо прийти в себя. Так или иначе». С этой мыслью заставила себя отпустить ловушку для разума.

Грядет Последняя битва, и троллоки уже хлынули в южные земли. Началась новая Война Тени, но только Могидин и другим Избранным известны самые сокровенные тайны Единой Силы. Секреты, которые так и не сумели вырвать из нее те кошмарные женщины…

«Нет, не думай об этом». Боль, страдание… Неудача.

В этой войне им противостоят не Сто спутников и не Айз Седай, за плечами у которых столетия опыта и практики. Могидин покажет, на что она способна, и ошибки прошлого будут забыты.

Моридин все разглядывал невероятные языки пламени. Было тихо, если не считать гула пламени и шипения вскипающей воды. Рано или поздно он объяснит, зачем призвал ее. Объяснит же, верно? В последнее время он какой-то странный, и чем дальше, тем страннее. Наверное, он снова теряет рассудок. В прошлом человек по имени Моридин — или Ишамаэль, или Элан Морин Тедронай — с восторгом забавлялся бы с кор’соврой одного из соперников. Он бы изобретал новые

пытки и млел от страданий оппонента.

Поначалу так оно и было, но потом… Потом Моридин утратил интерес. Он стал проводить все больше времени в одиночестве, глядя на пламя и размышляя. Кары, выбранные им для Могидин и Синдани, оказались какими-то шаблонными.

По мнению Могидин, в таком расположении духа он становился куда опаснее.

Воздух у края платформы рассекли переходные врата.

— Моридин, мы что, и правда должны встречаться чуть ли не каждый день? — осведомился, ступая в Мир снов, Демандред. Рослый красавец с угольно-черными волосами и выдающимся носом, он мельком глянул на Могидин, заметил у нее на шее ловушку для разума и продолжил: — Ты отвлекаешь меня от важных дел.

— Тебе надо кое с кем познакомиться, — невозмутимо негромким голосом ответил Моридин. — И если Великий повелитель не нарек тебя Ни'блисом, не уведомив меня, ты будешь выполнять приказы. Твои игрушки подождут.

Демандред помрачнел, но от возражений воздержался. Он позволил переходным вратам закрыться, затем встал у края платформы и хмуро уставился вниз, на море. Что там, под водой? Мо-

гидин не знала. И чувствовала себя глупо, оттого что не узнала. Где только ее осмотрительность?

Демандред подошел к одному из кресел, но садиться не спешил. Он остался стоять, задумчиво глядя Моридину в затылок. Чем же он так занят, этот Демандред? За то время, когда Могидин оказалась поймана в ловушку для разума, она не раз выполняла поручения Моридина, но ответа на вопрос, что же замышляет Демандред, Избранная так и не получила.

Она снова содрогнулась, вспомнив о месяцах, проведенных во власти Моридина. «Я отомщу. Непременно».

— Как вижу, Могидин ты отпустил, — заметил Демандред. — А что с той… как там ее… Синдани?

— Не твоя забота, — отрезал Моридин.

Могидин не преминула заметить, что ловушка для разума Синдани по-прежнему при нем. На древнем наречии слово «синдани» означает «последний шанс», но истинная природа этой женщины была одним из тех секретов, что Могидин все-таки сумела раскрыть. Моридин собственноручно вызволил Ланфир из *Синдола*, чьи обитатели пировали на ее способности направлять Силу.

Чтобы спасти ее — и, разумеется, наказать, — он лишил эту женщину жизни, тем самым дав возможность Великому повелителю вернуть душу Ланфир и поместить ее в новое тело. Великий повелитель предпочитает именно такие решения: жестокие, но эффективные.

Моридин неотрывно смотрел на пламя, Демандред — на Моридина, а Могидин тем временем выскользнула из кресла и приблизилась к краю парящей каменной платформы. Вода под ней оказалась совершенно прозрачной. В глубине Могидин отчетливо видела людей, чьи руки были связаны за спиной, а сковывающие ноги цепи уходили куда-то в глубину, к чему-то далекому и тяжелому. Люди извивались, будто водоросли.

Их были тысячи, и каждый смотрел вверх, обратив к небу широко раскрытые, полные ужаса глаза. Эти несчастные тонули, причем тонули они целую вечность. Они не были мертвы. Им не дозволялось умереть. Из раза в раз они пытались сделать вдох, но вместо воздуха в легкие попадала вода. На глазах у Могидин нечто черное поднялось со дна и утащило одного из несчастных в пучину. Цветущим бутоном распустилось кровавое облако. Остальные задергались с удвоенной силой.

Могидин улыбнулась. Приятно видеть, как страдает кто-то другой, а не ты. Возможно, ее взору предстала просто какая-то иллюзия, хотя нельзя исключать, что эти люди подвели Великого повелителя.

Над платформой раскрылись новые переходные врата, откуда вышла незнакомая женщина, на диво страшненькая — нос сразу и крючком, и картошкой, косящие водянистые глаза. Платье из желтого шелка, сшитое с претензией на изысканность, лишь подчеркивало уродливые черты его владелицы.

С презрительной усмешкой Могидин вернулась в кресло. С какой стати Моридин вызвал незнакомку на их встречу? Женщина обладала даром направлять Силу; должно быть, это одно из тех ничтожеств, в нынешней эпохе величающих себя Айз Седай.

«Надо признать, — подумала Могидин, вновь усаживаясь в кресло, — она и впрямь сильна». Как же Могидин проглядела среди Айз Седай такой талант? Треклятую вертихвостку Найнив ее соглядатаи вычислили почти сразу, а это страшилище, значит, упустили?

— Это с ней ты хотел меня познакомить? — заметно скис Демандред.

— Нет, — рассеянно отозвался Моридин. — С Хессалам ты уже знаком.

Хессалам? На древнем наречии это значит… «тот, кому нет прощения». Женщина с вызовом посмотрела Могидин в глаза, и в ее позе было что-то знакомое.

— У меня много дел, Моридин, — заявила новоприбывшая. — Лучше бы…

Могидин охнула. Эти нотки в голосе…

— Не смей разговаривать в подобном тоне, — не оборачиваясь, негромко одернул ее Моридин. — Ни со мной, ни с остальными. Теперь даже Могидин находится в большем фаворе, чем ты.

— Грендаль?! — с ужасом прошептала Могидин.

— Не произноси это имя! — обернулся к ней Моридин, и горящая вода вспыхнула ярче прежнего. — Этого имени ее лишили!

Грендаль — Хессалам — уселась, не удостоив Могидин повторным взглядом. Да, держится эта женщина как прежде. Это и в самом деле она.

Могидин едва удержалась от злорадного смеха. Грендаль всегда пользовалась своей внешностью как тараном; что ж, теперь в ее распоряжении таран совершенно иного рода. Как чудесно! Можно представить, как ее корежит! Чем же она

заслужила такое наказание? Положение, власть Грендаль, ходившие о ней слухи — все это было связано с ее красотой. Ну а теперь? Станет ли она подбирать себе любимцев среди людей настолько страшных, чтобы они могли потягаться с ней уродством?

На сей раз Могидин все же рассмеялась. Тихонько, но Грендаль услышала этот смех и бросила на нее взгляд, способный разжечь в море новый костер.

Могидин невозмутимо выдержала ее взор. Ей стало спокойнее, и она сумела не коснуться кор'совры. «Дерзай, Грендаль, — подумала Могидин. — Отныне мы в равных условиях. Посмотрим, кто первой придет к финишу».

Налетел новый порыв ветра, теперь сильнее, и морская гладь покрылась рябью, но платформа не шелохнулась. Моридин позволил пламени угаснуть, и рядом поднялись волны, в которых Могидин разглядела человеческие тела, походивших на черные тени. Некоторые были мертвы. Другие, лишившись цепей, рвались к поверхности, но вынырнуть не успевали: нечто всегда утаскивало их обратно в глубины.

— Нас теперь осталось немного, — сказал Моридин. — Четверо, и еще одна, наказанная строже

других. Больше никого. Напрашивается вывод, что мы сильнее всех.

«Некоторые — да, — подумала Могидин. — Одного из нас сразил ал'Тор, Моридин, и только длань Великого повелителя вернула его». Почему Моридина так и не покарали за эту неудачу? Впрочем, в деяниях Великого повелителя вряд ли стоит искать справедливость.

— И все же нас слишком мало. — Моридин повел рукой, и на платформе появился каменный дверной проем. Не переходные врата, просто дверь. Этот осколок сна принадлежал Моридину, и здесь он творил что хотел.

Дверь открылась, и на платформу шагнул брюнет с салдэйскими чертами лица — нос с легкой горбинкой, раскосые глаза. Он был высоким и красивым, и Могидин узнала его.

— Вожак этих желторотых юнцов, тех Айз Седай мужского пола? Я его знаю, это — Мазри…

— Это имя осталось в прошлом, — перебил ее Моридин. — Как и в нашем случае. Став Избранными, мы отринули былую жизнь и имена, которыми нас называли. Отныне и впредь этот человек будет известен только как М'Хаэль. Один из Избранных.

— Избранный? — Хессалам едва не подавилась

этим словом. — Этот *мальчишка*? Он… — И она умолкла.

Никто не вправе обсуждать, почему кто-то вошел в число Избранных. Можно спорить между собой и даже плести интриги, если делать это с осторожностью, но подвергать сомнению решение Великого повелителя… Такое не дозволяется. Никогда.

Больше Хессалам ничего не сказала. Моридин не посмел бы назвать этого человека Избранным, не будь на то воля Великого повелителя. Спорить было не о чем. Могидин, однако, пробрала дрожь. Таим… М'Хаэль… Говорят, что он силен — быть может, не слабее их всех, — но возвысить человека из этой эпохи, с присущим ему, как и всем прочим людям этого времени, глубоким невежеством… При мысли, что М'Хаэля нужно считать себе ровней, Могидин охватила злоба.

— По глазам вижу, вас переполняет несогласие, — сказал Моридин, обращаясь ко всем троим, — хотя лишь одной из вас достало глупости открыть рот. М'Хаэль заслужил эту награду. Слишком многие из нас вступили в состязание с ал'Тором, когда предполагалось, что он слаб. М'Хаэль же вместо этого завоевал доверие Льюса Тэрина, после чего возглавил подготовку тех, кто

является его оружием. Именно он воспитывает новое поколение Повелителей ужаса на славу и во благо Тени. А вы трое? Покажите, чего вы добились с тех пор, как вас освободили!

— Ты узнаешь о плодах моих трудов, Моридин, — мрачно пообещал Демандред, — и увидишь их несметное множество. Главное, не забудь о моем требовании: я встречусь с ал'Тором на поле брани. Его кровь принадлежит мне и никому другому.

По очереди посмотрев в глаза всем присутствующим, он повернулся к М'Хаэлю. Похоже, эти двое знали друг друга. Они уже встречались.

«У тебя появился конкурент, Демандред, — подумала Могидин. — Ал'Тор нужен ему не меньше, чем тебе».

В последнее время Демандред изменился. В прошлом ему было плевать, кто прикончит Льюса Тэрина. Главное, чтобы тот был мертв. Почему же теперь он твердит, что должен убить его своей рукой?

— У Демандреда имеются планы на грядущую войну, — сказал Моридин. — И ты, Могидин, должна ему помочь.

— Помочь? Ему? — удивилась она. — Я…

— Не забываешься ли ты, Могидин? — Голос

Моридина стал мягким как шелк. — Сделаешь, как велено. Демандред хочет, чтобы ты понаблюдала за одной армией. К ней еще не приставлено должной слежки. Скажи хоть слово наперекор — и поймешь, что боль, которую ты чувствовала до сих пор, — лишь тень истинных мучений.

Ее рука взметнулась к ловушке для разума. Глядя Моридину в глаза, Могидин поняла, что от ее уверенности в себе не осталось ни следа. «Ненавижу тебя, — подумала она. — И еще сильнее ненавижу за то, что унижаешь меня перед другими».

— Наступают последние дни, — сказал Моридин, поворачиваясь ко всем спиной. — И в эти оставшиеся часы вы заслужите последнюю награду. Забудьте о взаимной неприязни и об обидах. Доведите свои замыслы до завершения. Разыграйте сильнейшие козыри, ибо это… Это конец.

Талманес лежал на спине и смотрел в темное небо. Казалось, в тучах отражаются огни гибнущего под ними города. Неправильно это. Светить должно не снизу, а сверху — так?

С коня он свалился вскоре после выступления к городским воротам. Вообще-то, он помнил, как это произошло. Ну, почти все. Однако из-за боли думать становилось все труднее. Вокруг перекри-

кивались люди.

«Надо было… Надо было мне почаще шутить над Мэтом… — При этой мысли губы Талманеса изогнулись в слабой улыбке. — Как глупо… Не время думать о таких вещах. Я должен… должен найти драконов. Или мы уже их нашли?..»

— Повторяю, с этими треклятыми штуковинами так не получится! — Голос Дэннела. — Проклятье, это ж вам не Айз Седай на колесиках! Огненную стену нам не создать. Можно лишь швырять в троллоков вот эти металлические шары.

— Они же взрываются! — Голос Гэйбона. — Так давайте сделаем, как я говорю. Взорвем все сразу!

Веки Талманеса сомкнулись.

— Да, шары взрываются, — подтвердил Дэннел. — Но сперва ими нужно выстрелить. Если же выстроить их в ряд, а троллоки набегут и прорвутся через них, то никакого толка не будет.

Чья-то рука потрясла Талманеса за плечо.

— Лорд Талманес! — сказал Мелтен. — Нет бесчестья в том, чтобы закончить все прямо сейчас. Знаю, как вы мучаетесь. Пусть вас укроют последние объятия матери.

Шелест, с которым меч выходит из ножен. Тал-

манес собрался с духом.

И вдруг он понял, что не хочет, совсем не хочет умирать.

Заставив себя открыть глаза, Талманес посмотрел на стоявшего над ним Мелтена и поднял руку: мол, погоди. Рядом, скрестив руки на груди, замерла Джесамин. У нее был озабоченный вид.

— Помоги встать, — велел Талманес.

Мелтен помедлил, затем выполнил приказ.

— Вам лучше прилечь, — сказала Джесамин.

— Нет, мне лучше постоять, вместо того чтобы дать себя с почетом обезглавить, — проворчал Талманес и стиснул зубы. Ну и боль… О Свет! Что это, его рука? Так почернела, будто ее обугливали на костре. — Что… Что происходит?

— Нас загнали в угол, милорд. — Судя по мрачному голосу и полному решимости взгляду, Мелтен уже списал Отряд со счетов. — Дэннел и Гэйбон спорят, как лучше поставить драконов для последнего боя. Алудра отмеряет заряды.

Талманес наконец-то сумел выпрямиться в полный рост и тут же схватился за Мелтена. Перед ним была просторная городская площадь, где собралось две тысячи людей. Они жались друг к другу, словно путники в пустыне, ищущие тепла зябкой ночью. Дэннел и Гэйбон расположили

драконов полукругом, развернув орудия к центру города. За этим барьером теснились беженцы. Бойцы Отряда сосредоточились возле драконов; для стрельбы каждому орудию требовались три пары рук, и почти все солдаты прошли какую-никакую подготовку.

Соседние здания горели, но отблески пожара вели себя как-то странно. Почему пламя не освещает улицу? На ней слишком темно. Будто ее выкрасили черной краской. Или…

Талманес сморгнул слезы, навернувшиеся от мучительной боли, и его осенило. Улицу заполонили троллоки. Будто потекшие чернила, они приближались к полукругу направленных в их сторону драконов.

Но троллоки не торопились. Что-то их сдерживало. «Ждут, пока не наберется масса для решающего удара», — понял Талманес.

За спиной раздались возгласы и какое-то порыкивание. Талманес резко развернулся и тут же схватил Мелтена за руку — мир заходил ходуном. Дожидаясь окончания этой качки, Талманес подумал, что боль… тускнеет — как пламя, которому недостает свежего угля. Эта боль пожирала его, но теперь пищи для нее почти не осталось.

Когда все встало на прежние места, Талманес

увидел источник этого рычания. Площадь, на которой они находились, выходила на городскую стену, но солдаты и горожане держались от нее подальше. Будто густая сажа, гребень стены облепили троллоки. Потрясая оружием, они смотрели вниз, на людей, и рычали от нетерпения.

— Если подойти слишком близко, получишь копье, — сказал Мелтен. — Мы надеялись добраться до стены, а затем пройти вдоль нее к воротам, но теперь, когда эти твари закидывают нас смертью, ничего не выйдет. Остальные пути перекрыты.

К Дэннелу и Гэйбону подошла Алудра.

— Заряды, их я могу установить под драконами, — сказала она им тихо, но громче, чем следовало бы. — Эти заряды уничтожат орудия. Но людей могут сильно поранить.

— Займись этим, — сказал Гэйбон куда тише, чем она. — Страшно подумать, что сделают с людьми троллоки, и нельзя допустить, чтобы драконы оказались в лапах у Тени. Вот почему троллоки ждут. Их командиры надеются, что неожиданной и мощной атакой сумеют сломить нас и завладеть этим оружием.

— Идут! — крикнул солдат, стоявший возле драконов. — О Свет, они приближаются!

Черной слизью забурлили в дальнем конце

улицы отродья Тени — зубы, когти, клыки и почти человеческие глаза. Они хлынули из всех переулков, в жажде убивать, предвкушая кровопролитие. Те троллоки, что на стенах, зарычали громче прежнего.

«Мы окружены, — тяжело вздохнув, подумал Талманес. — Прижаты к стене, пойманы в сеть. Мы…»

Прижаты к стене.

— Дэннел! — крикнул Талманес, перекрывая всеобщий гул, и командир, руководивший солдатами у драконов, обернулся. Он стоял рядом со своими людьми, уже зажегшими труты в ожидании приказа дать единственный залп.

Талманес сделал такой глубокий вдох, что легкие загорелись огнем, и продолжил:

— Ты говорил, что всего несколькими выстрелами можно разбить вражеские укрепления.

— Ну конечно, — отозвался Дэннел. — Если бы мы шли на приступ… — И умолк.

«О Свет, как же все устали! — подумал Талманес. — Никому и в голову не пришло…»

— Эй, там, в центре! Расчет Райдена! Кругом! — крикнул Талманес. — Остальным — стоять на месте и вести огонь по троллокам! Живее давайте! Живо, живо!

Драконiры пришли в движение. Райден и его команда под скрип колес развернули свои орудия. Другие драконы дали нестройный залп по улицам, выходившим на площадь. Грохот стоял оглушительный, и беженцы стали с криками зажимать уши. Казалось, наступил конец света. Когда драконьи яйца стали разрываться в гуще неприятельского войска, сотни и тысячи троллоков полегли в лужах крови. Над площадью повис белый дым, исторгнутый орудийными жерлами.

Горожане, толпившиеся ближе к стене и перепуганные представшим их взорам зрелищем, истошно завопили, когда к ним развернули драконов Райдена. Большинство в ужасе попадало на землю, тем самым расчистив пространство перед кишевшей троллоками городской стеной. Драконов Райдена выстроили вогнутой дугой — так же, как линию обороны, только направив стволы орудий не в стороны, а на один и тот же участок стены.

— Дайте треклятый пальник! — крикнул Талманес, вытянув руку.

Кто-то из драконiров вложил ему в ладонь трут, кончик которого ало светился. Талманес оттолкнулся от Мелтена. В этот судьбоносный момент ему хотелось стоять на своих двоих.

Подошел Гэйбон. Талманес почти ничего не слышал, и голос гвардейца показался ему шепотом.

— Эти стены простояли сотни лет. Бедный город. Бедный мой город…

— Он больше не твой. — Глядя на захваченную троллоками стену, Талманес решительно поднял разгоревшийся факел. За спиной у него пылал Кэймлин. — Теперь он принадлежит им.

С этими словами он опустил факел, описав во тьме алую дугу. По этому его сигналу над площадью разнесся рев драконов.

Троллоков — кого целым, кого разорвав на части — разметало во все стороны. Стена под ними разлетелась на куски, словно башенка из детских кубиков, по которой ударили ногой с разбегу. Талманес покачнулся. В глазах у него потемнело, но он успел увидеть, как осыпаются наружу камни. Затем он лишился чувств и упал, и могло показаться, что земля содрогнулась под тяжестью его тела.

Глава 1. На восток летит ветер

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается

давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, над Горами тумана поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но это было началом.

На восток ветер дул, спускаясь с величественных гор, миновал бесплодные холмы и оказался в месте, известном под названием Западный лес, в прошлом густо поросшем соснами и болотными миртами. Однако не нашел здесь почти ничего, кроме неопрятного густого подлеска — повсюду, но не вокруг редких высоких дубов. Судя по отслоившейся коре и поникшим сучьям, этих великанов поразила какая-то болезнь. В других же местах опавшие сосновые иглы покрывали землю бурым одеялом, а иссохшие голые ветви не давали почек.

На северо-восток повернул ветер. На пути у него похрустывал и потрескивал подлесок. Была ночь, и по лесному перегною, тщетно выискивая добычу или падаль, сновали костлявые лисицы. Ни весеннего пения птиц, ни — что важнее — волчьего воя.

Покинув безмолвный Западный лес, ветер пронесся над Таренским Перевозом — вернее,

над тем, что от него осталось. Городок с мощеной улицей и высокими зданиями на фундаментах из краснокамня стоял на границе области, известной под названием Двуречье, и по местным меркам считался очень красивым.

Теперь же черные развалины давно перестали дымить, и от городка почти ничего не осталось. Одичавшие псы рылись в мусоре и в грудах обломков — вдруг найдется какое-нибудь мясо? — и провожали ветер голодными глазами.

Тот свернул на восток и пересек реку, за которой, несмотря на поздний час, по длинному тракту от Байрлона к Беломостью брели разрозненные группы понурых обездоленных созданий с факелами в руках. Некоторые, судя по коже цвета меди, были доманийцами, чьи изношенные одежды рассказывали печальную историю о голодном переходе через горы. Другие же пришли из совсем уж дальних краев: тарабонцы — испуганные глаза над грязной вуалью — и фермеры из северного Гэалдана со своими женами. До всех доходили слухи, что там, в Андоре, есть еда — и еще в Андоре есть надежда.

Сейчас у этих людей не было ни того ни другого.

На восток летел ветер, вдоль реки, что вилась

меж оставшихся без урожая ферм, высохших пастбищ и бесплодных фруктовых садов.

Брошенные села. Деревья как обглоданные кости. На этих ветвях нередко собиралось воронье, — бывало, в жухлой траве проскальзывал тощий кролик, а то и дичь покрупнее. И над всей землей довлели вездесущие грозовые тучи, и непросто было разобрать, день сейчас или ночь.

На подлете к великому и славному Кэймлину ветер свернул на север, прочь от объятого яростным красно-оранжевым пламенем города, питавшего ненасытные тучи клубами черного дыма. В ночной тиши в Андор пришла война, и беженцам еще предстояло узнать, что идут они навстречу опасности. Неудивительно. Опасность была повсюду, и ты так или иначе приближался к ней, если не стоял на месте.

Направляясь на север, ветер миновал людей с погасшим взором, сидевших на обочинах поодиночке или небольшими группами. Некоторые так оголодали, что не могли сидеть, и поэтому лежали, глядя в бурлящее грозовое небо. Другие брели дальше, а куда — и сами не знали. На север, на Последнюю битву, что бы это ни значило. В этих двух словах нет надежды, только смерть, но люди чувствовали, что обязаны быть именно

там, на месте Последней битвы.

В вечерней мгле ветер добрался до громадного сборища далеко к северу от Кэймлина. За перелесками начиналось широкое поле, но теперь на нем выросли палатки — ни дать ни взять грибы на гниющем бревне. Десятки тысяч вооруженных людей ждали у костров, в пламени которых быстро исчезали росшие в округе деревья.

Ветер пронесся между ними, обдавая клубами дыма солдатские физиономии, на которых, в отличие от лиц беженцев, читалось не отчаяние, а благоговейный страх. Эти люди видели хворую землю, чувствовали гнет нависающих туч и понимали, что мир умирает. Они смотрели, как огонь пожирает дрова, уголек за угольком, и то, что некогда было живым, обращается в прах.

Бойцы одного из отрядов осматривали доспехи, на совесть смазанные маслом, но все равно начавшие ржаветь. Набирали воду айильцы в белых одеждах — бывшие воины, ныне отказавшиеся брать в руки оружие, несмотря на искупленный *тох*. Кучка перепуганных слуг, уверенных, что завтра грянет война между Белой Башней и Драконом Возрожденным, раскладывали припасы в дрожавших на ветру палатках.

В ночи мужчины и женщины нашептывали

слова истины. «Конец близок. Мир обречен. Приходит конец всему сущему. Конец близок».

И тут кто-то громко рассмеялся.

Из большого шатра в центре лагеря лился теплый свет, выплескиваясь из-за поднятого входного клапана и вырываясь из-под парусиновых стенок.

А в этом шатре хохотал, запрокинув голову, Ранд ал'Тор — Дракон Возрожденный.

— И что она сделала? — отсмеявшись, спросил он и налил два кубка красного вина — один себе, другой Перрину, которого этот вопрос вогнал в краску.

«Он заматерел, — подумал Ранд, — но каким-то образом не утратил частицу присущей ему скромности». Настоящее чудо, вроде жемчужины, найденной в брюхе у форели. Перрин был могуч, но эта мощь не сломила его.

— Ну, — ответил кузнец, — ты же знаешь, какова наша Марин. Даже на Кенна смотрит так, будто он мальчишка, нуждающийся в материнской заботе. Когда она увидела меня и Фэйли на полу, будто двух бестолковых подростков… Наверное, она не знала, что делать — то ли смеяться, то ли отправить нас на кухню мыть посуду. Поодиночке, чтобы не наделали глупостей.

Ранд с улыбкой представил эту картину. Перрин — здоровенный, крепкий Перрин — настолько слаб, что едва ходит. Какой нелепый образ! Ранд предположил бы, что друг преувеличивает, но за Перрином такое не водилось. Он всегда говорил только правду. Как странно, он изменился так, что не узнать, но нутро осталось прежним. Удивительное дело.

— Как бы то ни было, — продолжил Перрин, отхлебнув вина, — Фэйли помогла мне встать, усадила на коня, и мы с важным видом стали гарцевать туда-сюда. Я, считай, пальцем о палец не ударил. Сражались другие, а я и чашку бы не смог ко рту поднести. — Он умолк. Взгляд золотистых глаз устремился куда-то вдаль. — На твоем месте я бы гордился ими, Ранд. Без Даннила, без твоего отца и отца Мэта, безо всех этих людей я не сделал бы и половины — нет, даже десятой части — того, что сделано.

— Верю, — сказал Ранд, рассматривая вино. Льюс Тэрин знал толк в этом напитке, и Ранд — вернее, тот закоулок его сознания, где хранилась память человека, которым он когда-то был, — остался недоволен этим винтажом. В нынешнем мире мало какое вино могло сравниться с лучшими образцами Эпохи легенд — по крайней мере,

ни одно из тех, что ему доводилось пробовать.

Он сделал глоточек и отставил кубок. В глубине шатра, в той части, что была отделена занавеской, по-прежнему дремала Мин, но после увиденного во снах Ранд пробудился — и теперь был рад, что Перрин помогает ему отвлечься от мыслей о Тел'аран'риоде.

«Майрин…» Нет. Нельзя чтобы эта женщина отвлекала его. В этом, пожалуй, весь смысл его видения.

— Пойдем прогуляемся, — сказал Ранд. — Надо проверить кое-что перед завтрашним днем.

Оба вышли в ночь и в сопровождении нескольких Дев, державшихся немного позади, отправились к Себбану Балверу, чьи услуги Перрин предоставил Ранду. Балвера подобный поворот событий вполне устраивал, поскольку ему было свойственно тяготеть к наиболее влиятельным персонам.

— Послушай, Ранд, — начал Перрин, не снимавший руки с *Мах'аллейнира*, — я же обо всем рассказал. И об осаде Двуречья, и о сражении. Зачем спрашивать снова?

— Раньше меня интересовали события, Перрин. И я спрашивал о том, что было, но не о людях, с которыми это случилось. — Он взглянул на

Перрина и сотворил светящуюся сферу, чтобы та озаряла дорогу. — Мне надо запомнить людей, Перрин. В прошлом я зачастую не обращал на них внимания, а так нельзя.

Неподалеку стояли лагерем войска Перрина. Порыв ветра принес запахи костров и звон кузнечных молотов по заготовкам для мечей. До Ранда доходили слухи, что вновь раскрыт секрет изготовления оружия с помощью Единой Силы. Люди Перрина работали без продыху, стараясь создать как можно больше подобных клинков, и два его Аша'мана совсем выбились из сил.

Ранд прислал Перрину всех мужчин, умеющих направлять Силу, без кого мог обойтись, — хотя бы потому, что к нему, едва прознав об этой новости, явились десятки Дев и потребовали снабдить их сработанными с использованием Силы наконечниками для копий. «Сам подумай, Ранд ал'Тор, — объясняла Берална, — кузнецы Перрина Айбара могут делать целых четыре наконечника вместо одного меча». Произнося последнее слово, она поморщилась, будто на вкус оно было как морская вода.

В отличие от Льюса Тэрина, Ранд не знал вкуса морской воды. В прошлом подобные воспоминания изрядно его тревожили, но теперь Ранд

научился примиряться с ними.

— Уму непостижимо, что с нами стало, — продолжал Перрин. — О Свет, иной раз мне кажется, что с минуты на минуту объявится хозяин всей этой прекрасной одежды, наорет на меня, а затем велит не задирать нос и отправит чистить конюшни.

— Колесо плетет так, как желает Колесо, Перрин. Мы стали теми, кем должны были стать.

Перрин кивнул. Они шагали по тропинке меж палаток, освещенные сферой, что висела в воздухе над правой ладонью Ранда.

— На что… На что они похожи? — спросил Перрин. — Полученные тобой воспоминания?

— Бывало ли, что ты видел сон, а проснувшись, помнил его во всех подробностях? И эти образы не меркли, а оставались с тобой целый день?

— Да, — ответил Перрин с какой-то странной сдержанностью. — Могу сказать, что случалось такое.

— Со мной то же самое, — сказал Ранд. — Я помню, как был Льюсом Тэрином и делал то, что делал он, как мы помним поступки, совершенные во сне. Да, они мои, но не всегда мне нравятся — и вряд ли я поступил бы так в здравом уме. Но факт остается фактом: во сне эти действия кажутся

рациональными.

Перрин кивнул.

— Я — это я, — продолжил Ранд. — И я — это он. Но вместе с тем мы — не единое целое.

— Ну, ты все еще похож на себя, — сказал Перрин, хотя Ранду показалось, что на слове «похож» он слегка запнулся. Может, хотел сказать «пахнешь собой»? — Изменился, но не настолько.

Ранд сомневался, что сумеет подобрать такие слова, чтобы Перрин не счел его сумасшедшим. Человек, которым он становился, когда выступал от лица Дракона Возрожденного… Это была не маска и не поза. Именно такова была его сущность. Он не изменился. Не преобразился. Он попросту *принял* все как есть.

Это не значило, что он узнал ответы на все вопросы. Несмотря на обретенные воспоминания за четыреста лет, Ранд все еще волновался насчет того, что ему предстояло сделать. Льюс Тэрин не знал, как запечатать Скважину. Его попытка привела к катастрофе — к порче, к Разлому Мира — и ненадежности узилища, печати на котором ныне стали хрупкими, как стекло.

Но один вопрос не шел у Ранда из головы. Опасный вопрос. Тот, которым не задавался Льюс Тэрин.

Вдруг суть не в том, чтобы снова запечатать Темного в узилище? Вдруг ответ, последний и окончательный, кроется в чем-то другом? В чем-то более постоянном?

«Да, — в сотый раз подумал Ранд. — Но возможно ли это?»

Они подошли к нужной палатке, где трудились писари. Девы рассыпались вокруг веером, а Ранд с Перрином ступили внутрь. Разумеется, писари еще не спали, и, увидев вошедшего Ранда, они не особо удивились.

— Милорд Дракон, — чопорно поклонился Балвер, стоявший у стола с картами и стопками документов.

Сухонький и невысокий, он нервными движениями раскладывал бумаги. Из прорехи в камзоле, который был ему великоват, то и дело выглядывал шишковатый локоть.

— Докладывай, — велел Ранд.

— Роэдран обещал быть, — ясным тонким голосом произнес Балвер. — Королева Андора послала за ним и обещала, что эта ее Родня откроет для него переходные врата. Соглядатаи при его дворе сообщают, что Роэдран гневается. Дескать, предпочел бы обойтись без ее помощи. Но настаивает, что ему надо здесь показаться — хотя бы для того,

чтобы не выглядеть изгоем.

— Замечательно, — сказал Ранд. — Говоришь, Илэйн не догадывается о твоих шпионах?

— Милорд! — возмутился Балвер.

— Ты выяснил, кто из наших писарей шпионит на нее?

— Никто… — пролепетал Балвер, и Ранд улыбнулся:

— Кто-нибудь да шпионит, Балвер. В конце концов, Илэйн сама говорила, как вести подобные дела. Чуть ли не учила. Ну да ладно. После завтрашнего дня мои намерения станут известны всем и каждому, так что в секретах нет нужды.

«Кроме тех, что у меня на душе, сокрытых глубоко-глубоко».

— То есть на встрече будут все? — спросил Перрин. — Все важнейшие правители? И Иллиана, и Тира?

— Амерлин убедила их присутствовать, — ответил Балвер. — Если милорды желают взглянуть, у меня есть копия их переписки.

— Я бы ознакомился, — сказал Ранд. — Пусть документы принесут ко мне в шатер. Ночью пролистаю.

Земля вдруг содрогнулась. Писари стали хвататься за стопки бумаг, чтобы те не рассыпались,

вскрикивая, когда вокруг падала походная мебель. Снаружи раздавались голоса, но людские вопли перекрывал звон металла и треск ломавшихся деревьев. В глубинах земли что-то зарокотало и застонало.

Для Ранда этот звук был чем-то сродни болезненному мышечному спазму.

Далеко в небесах, словно предвестником будущего, громыхнул гром. Дрожь земли улеглась, но писари так и стояли со стопками документов в руках, будто боялись, что те разлетятся по сторонам.

«Вот оно, — подумал Ранд. — Я не готов — мы не готовы… Но все равно — вот оно».

Многие месяцы он провел в страхе перед этим днем. С тех самых пор, как в ночи явились троллоки, с тех самых пор, как Лан и Морейн увели его из Двуречья, Ранд боялся того, что будет.

Последняя битва. Конец. Но теперь, на пороге Последней битвы, Ранд понял, что не боится. Он волновался, но страха не было.

«Скоро я приду за тобой», — подумал он и повернулся к писарям:

— Разошлите предупреждения. Расскажите людям, что впереди новые землетрясения. И бури, самые настоящие, чудовищные. Произойдет

Разлом, и этого не избежать. Темный попробует стереть этот мир в порошок.

В свете фонарей писари закивали, с тревогой поглядывая друг на друга, а Перрин сделал задумчивое лицо, но тоже кивнул — едва заметно, будто соглашаясь с самим собой.

— Еще новости есть? — спросил Ранд.

— Не исключено, что сегодня ночью королева Андора что-то предпримет, — ответил Балвер.

— Слово «что-то», Балвер, мало что описывает, — заметил Ранд, и тот, слегка изменившись в лице, произнес:

— Простите, милорд, но точнее сказать не могу. Пока что. Я только-только получил это сообщение. Совсем недавно королеву Илэйн разбудили несколько ее советников. Зачем? Этого сказать не могу. У меня нет никого, кто был бы настолько приближен к ее особе.

Ранд нахмурился и положил ладонь на висевший на поясе меч Ламана.

— Может, это «что-то» она планирует на завтра, — предположил Перрин.

— Может быть, — согласился Ранд. — Балвер, если что-то выяснишь, дай мне знать. Спасибо. Ты молодец.

Секретарь приосанился. В мрачной атмосфере

этих последних дней все старались принести какую-нибудь пользу. В своем деле Балвер разбирался как никто другой и был уверен в собственных силах, однако всегда приятно услышать об этом от нанимателя. Особенно если твой наниматель — не кто иной, как Дракон Возрожденный.

Ранд вышел из палатки. Перрин последовал за ним.

— Зачем бы ни разбудили Илэйн, — сказал он, — беспокойства у тебя прибавилось.

— Ее не стали бы поднимать с постели без весомой причины, — тихо отозвался Ранд. — С учетом ее положения.

Беременна. Носит его детей. О Свет! Об этом он только узнал. Почему же она сама не рассказала?

Ответ был прост. Илэйн чувствовала эмоции Ранда — так же, как он чувствовал ее эмоции, — и знала, каково ему пришлось в последнее время. До Драконовой горы, когда…

Понятно, она не захотела бы говорить о беременности, пока Ранд пребывал в подобном состоянии. Кроме того, он сделал так, чтобы найти его было не очень-то просто.

И все равно новость стала потрясением.

«Я стану отцом», — подумал Ранд. И эта мысль пришла ему в голову не впервые. Да, у Льюса

Тэрина были дети, и Ранд мог вспомнить и детей, и отцовскую любовь, но это не то же самое.

Отцом станет он, Ранд ал'Тор. При условии, что победит в Последней битве.

— Илэйн не стали бы будить просто так, должна быть веская причина, — повторил он, возвращаясь к насущным делам. — Но беспокоит меня не то, что произошло, а то, что случившееся может отвлечь от главного. Завтра важный день, и, если Тень имеет хоть какое-то понятие о его важности, будет сделано все, чтобы не дать нам объединиться.

— Я знаю людей, близких к Илэйн, — поскреб бороду Перрин, — и они посматривают, что да как.

— Надо поговорить с ними, — поднял руку Ранд. — Сегодня у меня масса дел, но… Да, ситуация требует внимания.

И они сразу же, убыстряя шаг, направились к лагерю Перрина, а следом тенями скользнули телохранительницы Ранда с вуалями на лицах и копьями в руках.

Ночь была подозрительно тихой. Сидя в своем шатре, Эгвейн трудилась над письмом, адресованным Ранду, хотя и не знала, отошлет ли свое послание. Что не так важно. Главное — написать

его, тем самым привести в порядок мысли и определиться с тем, что она хочет сказать.

Зашелестел плащ Стража, и в шатер снова ввалился Гавин, не снимавший ладони с навершия меча.

— На сей раз останешься? — поинтересовалась Эгвейн, обмакнув перо в чернила. — Или опять куда-то уйдешь?

— Не нравится мне эта ночь, Эгвейн. — Гавин бросил взгляд за спину. — Что-то с ней не так.

— Мир затаил дыхание, Гавин, и ждет событий завтрашнего дня. Ты сделал, как я просила? Отправил гонца к Илэйн?

— Да. Но она наверняка уже спит. Для нее слишком поздно.

— Посмотрим.

В скором времени из лагеря Илэйн прибыл человек со сложенной запиской. Эгвейн прочла ее и улыбнулась.

— Пойдем, — сказала она Гавину, встала, захватила кое-какие вещицы, взмахнула рукой, и воздух рассекли переходные врата.

— Предлагаешь Переместиться? — спросил Гавин. — Тут пешком-то всего ничего.

— Даже недолгая прогулка у всех на виду — это официальный визит Амерлин к королеве Андо-

ра, — объяснила Эгвейн, когда Гавин шагнул в переходные врата и осмотрелся на той стороне. — Иногда лучше не давать окружающим повода для ненужных вопросов.

«Суан все отдала бы за такую способность», — подумала Эгвейн. Сколько новых интриг сплела бы эта женщина, умей она так легко, быстро и скрытно навещать других?

Шагнув через переходные врата, девушка оказалась перед разогретой жаровней. Округлившийся живот королевы обтягивало светло-зеленое платье. Илэйн поспешила сразу же подойти и поцеловать перстень Амерлин. Сбоку, у входного клапана, стояла Бергитте: широкие небесно-голубые штаны, короткий красный жакет, руки на груди и золотистая коса через плечо.

— Удивлен, что ты не спишь, — заломил бровь Гавин, глядя на сестру.

— Жду донесения. — Королева повернулась к Амерлин и указала на пару мягких кресел у жаровни.

— Что-то важное? — спросила Эгвейн.

— Джесамин забыла прислать весточку из Кэймлина, — нахмурившись, ответила Илэйн. — Я строго-настрого велела ей присылать гонца каждые два часа, а она все тянет. О Свет! Навер-

няка ничего серьезного. Но я все равно отправила Серинию на площадку для Перемещения. Пусть выяснит, что к чему. Надеюсь, ты не против.

— Тебе надо отдохнуть, — скрестил руки на груди Гавин.

— Большое спасибо за совет, — заметила Илэйн, — который я проигнорирую, как проигнорировала в точности такой же совет Бергитте. О чем ты хотела поговорить, мать?

Эгвейн протянула ей письмо, над которым трудилась.

— Оно для Ранда? — спросила Илэйн.

— Ты видишь его в ином свете. Скажи, что думаешь об этом письме. Может, я и не стану его отправлять. Еще не решила.

— Какой… убедительный тон, — заметила Илэйн.

— На другой он, похоже, не реагирует.

Просмотрев текст, Илэйн опустила руку с письмом и промолвила:

— Может, позволим ему действовать по своему разумению?

— Сломать печати? — уточнила Эгвейн. — Освободить Темного?

— Почему бы и нет?

— О Свет, Илэйн!

— Разве это не должно произойти? — спросила Илэйн. — Я о том, что Темный собирается сбежать. Он уже практически освободился.

— Касаться мира — это одно, а освободиться — совсем другое. — Эгвейн помассировала виски. — Во время Войны Силы его так и не выпустили в мир по-настоящему. Скважина позволила Темному коснуться реальности, но эту дыру запечатали прежде, чем он успел вырваться. Окажись Темный на воле, само Колесо было бы сломано. Вот, хочу кое-что показать.

Она достала из сумки стопку заметок. Эти примечания были спешно составлены библиотекарями Тринадцатого книгохранилища.

— Я не утверждаю, что мы не должны ломать печати, — сказала Эгвейн. — Хочу лишь сказать, что в этом деле нельзя полагаться на Ранда и его безумные планы.

Илэйн нежно улыбнулась. О Свет, да она без ума от Ранда! «Я же могу на нее положиться — верно?» С недавних пор ответить на этот вопрос становилось все труднее. Ее выходка с Родней…

— К несчастью, в твоем библиотечном тер'ангриале не нашлось ничего, что относилось бы к делу. — Статуя улыбающегося бородача едва не вызвала в Башне самый настоящий бунт,

поскольку каждой сестре хотелось прочесть содержавшиеся в ней тысячи книг. — Как видно, все тома были написаны до того, как проделали Скважину. Исследования продолжаются, но в этих конспектах содержатся все сведения, какие нам удалось отыскать, касающиеся узилища, печатей и самого Темного. Если сломать печати в неподходящий момент, боюсь, всему сущему придет конец. Вот, почитай. — Она передала Илэйн одну из страниц.

— Кариатонский цикл? — с любопытством произнесла Илэйн. — «Не станет света, не будет рассвета, и останется узник в темнице томиться». Узник — это Темный?

— Пожалуй, — ответила Эгвейн. — Пророчества всегда неоднозначны. Ранд намерен развязать Последнюю битву и сразу же сломать печати, но это чудовищная мысль. Впереди долгая война, и освобождение Темного ослабит нас и укрепит силы Тьмы. Если это необходимо сделать — в чем я по-прежнему не уверена, — лучше подождать до последнего момента. По самой меньшей мере, подобное деяние надо обсудить. Во многом Ранд оказывался прав, но, бывало ведь, и ошибался. Нельзя, чтобы он принимал такое решение в одиночку.

Илэйн пролистала примечания и задержалась на одном из них.

— «Его кровь даст нам Свет…» — Она задумчиво потерла страницу большим пальцем. — «Дождись Света». Кто добавил эту строчку?

— Этот экземпляр Кариатонского цикла в переводе Термендал принадлежал Дониэлле Аливин, — ответила Эгвейн. — В ученой среде ее собственноручно сделанные замечания породили не меньше споров, чем сами пророчества. Известно ли тебе, что она была сновидицей, единственной Амерлин, обладавшей этим даром? До меня, во всяком случае.

— Да, известно, — подтвердила Илэйн.

— Занимавшиеся исследованиями сестры пришли к тому же выводу, что и я, — сказала Эгвейн. — Возможно, в нужное время печати должны быть сломаны, но никак не перед началом Последней битвы, что бы ни думал себе Ранд. Надо дождаться подходящего момента, и только я, как Блюстительница печатей, буду решать, наступил этот момент или нет. Такова моя обязанность, и я не собираюсь рисковать целым миром ради драматических уловок Ранда.

— Да, есть в нем что-то от менестреля, — согласилась Илэйн, и снова с нежной улыбкой. — Твои

аргументы убедительны, Эгвейн. Озвучь их Ранду. Тебя он послушает. Все-таки он не глупец, и его можно убедить.

— Посмотрим. Теперь же я…

Вдруг она ощутила всплеск тревоги Гавина и увидела, как тот разворачивается, заслышав конский топот. Слух у него был не лучше, чем у Эгвейн, но прислушиваться к подобным звукам входило в обязанности Стража.

Эгвейн обняла Истинный Источник. По ее примеру Илэйн поступила так же. Бергитте, схватившись за меч, уже откинула входной клапан шатра.

С коня спрыгнула взмыленная посланница. С широко раскрытыми глазами она кое-как доковыляла до шатра. Бергитте и Гавин тут же встали по бокам от нее — на случай, если подойдет слишком близко. Но женщина остановилась и, тяжело дыша, выпалила:

— На Кэймлин напали, ваше величество.

— Что?! — вскочила на ноги Илэйн. — Как? Неужели Джарид Саранд наконец…

— Троллоки, — перебила ее вестница. — Ближе к сумеркам.

— Быть такого не может! — Илэйн схватила женщину за руку и вытащила из шатра. Эгвейн

выбежала следом. — Прошло больше шести часов! Почему мы узнали обо всем только сейчас? Что случилось с Родней?

— Мне не сказали, моя королева, — ответила посланница. — Капитан Гэйбон велел привести вас, и как можно быстрее. Сам он только что прибыл через переходные врата.

Площадка для Перемещения находилась неподалеку от шатра Илэйн. Там уже собралась целая толпа, но мужчины и женщины расступались, пропуская Амерлин и королеву.

Через несколько секунд те увидели открытые переходные врата и людей — в окровавленной одежде, почерневших от сажи и пахнувших дымом; они тащили за собой тележки с драконами — новым оружием Илэйн. Многие из новоприбывших едва держались на ногах, а некоторые теряли сознание, едва солдаты Илэйн приходили на помощь и подхватывали тележки. Очевидно, тянуть их должны были не люди, а лошади.

Поблизости открылись новые переходные врата, созданные Серинией Седай и сильнейшими женщинами из Родни, хотя Эгвейн по-прежнему не хотела думать о них как о подданных королевы Андора. Беженцы хлынули на Поле Меррилор, словно прорвавшая плотину река.

— Ступай, — сказала Эгвейн Гавину и сплела еще одни переходные врата, ведущие на площадку для Перемещения в лагере Белой Башни. — Пусть сюда бегут все Айз Седай, которых можно призвать. Скажи Брину, чтобы готовил солдат. По приказу Илэйн они Переместятся через переходные врата на окраины Кэймлина. Так мы проявим солидарность с Андором.

Гавин кивнул и юркнул во врата. Эгвейн закрыла их и направилась к Илэйн. Та стояла возле раненых солдат, с трудом понимавших, что происходит. Сумеко из Родни следила, чтобы все, чьей жизни грозила непосредственная опасность, были Исцелены.

В воздухе висел тяжелый запах дыма. Подходя к Илэйн, Эгвейн мельком увидела в проеме одних из переходных врат объятый огнем Кэймлин.

«О Свет!» На миг девушка обмерла, затем поспешила дальше. Илэйн говорила с Гэйбоном, капитаном гвардии королевы. Красивый, представительный мужчина чуть не падал от усталости. На руках, на форме — кровь. Похоже, он ранен.

— Приспешники Темного убили двух женщин из той четверки, что вы оставили для передачи донесений, ваше величество, — с трудом выгова-

ривал он. — Третья погибла в бою. Но драконов мы спасли. А когда… когда сбежали… — Похоже, ему было больно об этом говорить. — Когда сбежали через пролом в городской стене, оказалось, что несколько наемничьих отрядов, обойдя город, подходят к воротам, которые защищали люди лорда Талманеса. По чистому совпадению наемники оказались совсем рядом и помогли нам отступить.

— Вы молодец, — сказала Илэйн.

— Но город…

— Вы молодец, — твердо повторила Илэйн. — Забрали драконов, спасли всех этих людей. Я прослежу, чтобы вас наградили, капитан.

— Лучше наградите бойцов Отряда Красной руки, ваше величество. Кто-кто, а они заслужили награду. И умоляю, если можете как-то помочь лорду Талманесу… — Он указал на беспомощного человека, которого только что вынесли из переходных врат несколько «красноруких».

Илэйн опустилась перед ним на колени. К ней присоединилась Эгвейн. Кожа Талманеса совсем почернела, и поначалу Эгвейн решила, что он мертв, но затем услышала прерывистое дыхание.

— О Свет! — Илэйн обследовала распростер-

тое тело Искательством. — Никогда такого не видела.

— Такан'дарские клинки, — объяснил Гэйбон.

— Нам с тобой такое не под силу, Илэйн. Я… — Эгвейн осеклась, расслышав что-то за стонами солдат и скрипом тележек.

— Эгвейн? — тихо окликнула ее королева.

— Сделай для него все, что можешь.

Эгвейн вскочила и, следуя на голос, торопливо протолкалась через беспорядочную толпу. Откуда же… Да, вот отсюда. На краю площадки для Перемещения Эгвейн увидела открытые переходные врата, из которых спешили на помощь раненым Айз Седай в самых разнообразных одеждах. Гавин выполнил поручение на совесть.

Довольно громким голосом Найнив спрашивала, кто заведует всем этим бардаком. Эгвейн подбежала к ней, схватила за плечо, и Найнив вздрогнула:

— Мать? Что случилось? Почему в Кэймлине пожар? Я…

Увидев раненых, она умолкла, оцепенела, затем собралась было броситься к ним, но Эгвейн потащила ее туда, где лежал Талманес:

— Вот его надо осмотреть в первую очередь.

Найнив охнула, упала на колени и мягко

отстранила Илэйн. Осмотрела Талманеса Искательством и замерла, широко раскрыв глаза.

— Найнив? — спросила Эгвейн. — Ты сможешь?..

И тут Найнив буквально взорвалась плетениями, словно из-за туч вдруг вышло солнце. Соединив Пять Сил в единый сияющий столп, она решительно направила его в тело военачальника.

Эгвейн не вмешивалась. Талманес, судя по виду, едва цеплялся за жизнь, но, быть может, искусства Найнив окажется достаточно. Да будет на то воля Света, и этот мужчина не умрет. В прошлом он произвел на Эгвейн глубокое впечатление. Именно в таком человеке нуждались и Отряд, и сам Мэт.

Илэйн, стоявшая рядом с драконами, о чем-то расспрашивала женщину с заплетенными в косички волосами — должно быть, Алудру, создательницу этих орудий. Эгвейн подошла к ним и коснулась пальцами длинной бронзовой трубы. Разумеется, о драконах ей докладывали. Некоторые утверждали, будто эти штуковины — что-то вроде Айз Седай, отлитых из металла и питающихся горючим порошком из фейерверков.

Из переходных врат выходили все новые бе-

женцы, по большей части горожане.

— О Свет! — прошептала Эгвейн. — Их бесчисленное множество! Нельзя же разместить весь Кэймлин здесь, на Поле Меррилор!

Илэйн, завершив расспросы, направилась к переходным вратам. Алудра же вернулась к осмотру своих повозок, очевидно решив не давать себе отдыха и проверить все сейчас, не дожидаясь утра.

— По словам солдат, за городскими стенами безопасно, — сказала Илэйн, проходя мимо Эгвейн. — Пойду погляжу, что к чему.

— Илэйн… — начала было следовавшая за ней Бергитте.

— Значит, пойдем вместе. Ну же!

Оставив их наедине с королевскими делами, Эгвейн вернулась к целительницам, где Айз Седай под руководством Романды сортировали пострадавших по тяжести их ранений.

Наблюдая за этой суетой, Эгвейн заметила поблизости мужчину и женщину, судя по виду — иллианцев.

— Что вам нужно?

Женщина — светлокожая, черноволосая, высокая и стройная, но с волевым лицом — бухнулась на колени.

— Меня зовут Лильвин, — назвалась она с ак-

центом, который ни с чем не спутаешь. — Я была с Найнив Седай, когда прозвучал призыв к Исцелению, и поэтому пришла вместе с ней.

— Ты шончанка! — изумилась Эгвейн.

— Я здесь, чтобы служить вам, Престол Амерлин.

Шончанка. Эгвейн по-прежнему касалась Источника. О Свет! Далеко не каждый из встреченных ею шончан был опасен, но… лучше не рисковать. Заметив вышедших из переходных врат нескольких гвардейцев Башни, она обратилась к ним, указав на шончанскую парочку:

— Уведите их в безопасное место и держите под присмотром. Позже я с ними разберусь.

Солдаты кивнули. Мужчина последовал за гвардейцами без особой охоты, женщина — без возражений. Она не обладала способностью направлять Силу, так что не была освобожденной дамани, хотя это не значило, что она не сул'дам.

С этой мыслью Эгвейн вернулась к Найнив, до сих пор стоявшей на коленях подле Талманеса. Болезненная чернота его кожи сменилась бледностью.

— Положите его где-нибудь в тихом месте. Пусть отдыхает, — утомленно велела Найнив стоявшим поблизости «красноруким». — Я сделала,

что могла.

Когда солдаты унесли Талманеса, она подняла глаза на Эгвейн и прошептала:

— О Свет, сколько же сил я затратила! И это еще с *ангриалом*. Помнишь, как давным-давно Морейн Исцелила Тэма? Впечатляющее деяние…

В ее голосе прозвучала нотка гордости. Она сама хотела вылечить Тэма, но не сумела бы — хотя, конечно, тогда толком и не осознавала, что делает. Но с той поры много воды утекло.

— Это правда, мать? — спросила Найнив, встав. — Насчет Кэймлина?

Эгвейн кивнула.

— Ночь будет долгой, — заметила Найнив, окинув взглядом бесконечный поток раненых.

— А завтрашний день — еще дольше, — сказала Эгвейн. — Давай объединимся. Одолжу тебе свои силы.

— Мать?! — потрясенно воскликнула Найнив.

— Ты Исцеляешь лучше, чем я, — улыбнулась Эгвейн. — Пусть я — Амерлин, Найнив, но я по-прежнему Айз Седай. Слуга всего сущего. И моя сила тебе не помешает.

Найнив кивнула. Установив между собой связь, девушки присоединились к тем Айз Седай, кому Романда поручила Исцелять беженцев, получив-

ших самые тяжелые раны.

— Фэйли занимается моей сетью глаз-и-ушей, — сказал Перрин Ранду, когда оба торопливо шагали к его лагерю. — Возможно, сегодня вечером она с ними. Предупреждаю: не уверен, что ты ей понравишься.

«Еще бы! — подумал Ранд. — Она же не дура. И наверняка понимает, чего я от тебя потребую, прежде чем все это закончится».

— Но, думаю, ей нравится, что мы с тобой друзья, — продолжил Перрин. — В конце концов, она кузина королевы. По-моему, она все еще беспокоится, что ты спятишь и причинишь мне вред.

— Я уже спятил, — сказал Ранд, — но держу безумие под контролем. Хотя насчет вреда она, наверное, права. Вряд ли у меня получится не навредить тем, кто находится рядом со мной. Непросто было выучить этот урок.

— Спятил, говоришь? — Перрин не снимал ладони с висевшего на бедре молота. Здоровенный он, этот молот — стоило бы смастерить для него специальный чехол, — но сработан потрясающе. Ранд все хотел спросить, не изготовлен ли он с помощью Силы, как то оружие, что создают Аша'маны. — Но это не так, Ранд. По-моему, ты не сумасшедший.

Ранд улыбнулся мысли, скользнувшей по грани сознания:

— Нет, Перрин, я безумен. Мое безумие заключено в этих воспоминаниях. В тех душевных порывах. Льюс Тэрин пробовал взять верх. Я был не одним человеком, а двумя. Они боролись за мое тело, и один из них был напрочь лишен рассудка.

— О Свет, — прошептал Перрин, — жуть-то какая…

— Да, приятного мало. Но вот в чем дело, Перрин. Я все сильнее убеждаюсь, что мне нужны эти воспоминания. Льюс Тэрин был хорошим человеком. И я тоже, но потом все пошло наперекосяк. Я возгордился и решил, что могу обойтись без чьей-либо помощи. Спасла только память. Без этого безумия… без этих воспоминаний я опять кинулся бы напролом. Один.

— Значит, хочешь объединить усилия с остальными? — Перрин бросил взгляд туда, где стояли лагерем представители Белой Башни. — Все это очень, очень похоже на встречу армий, собравшихся воевать друг с другом.

— Я сумею убедить Эгвейн в своей правоте, — сказал Ранд. — Потому что я прав, Перрин. Надо сломать печати. Понять не могу, почему она

отвергает это.

— Теперь она — Амерлин, — почесал бороду Перрин. — Она — Блюстительница печатей, Ранд, и ей принимать решение, ломать их или нет.

— Это так. Вот я и растолкую ей, что мои намерения верны.

— А ты уверен, что их непременно нужно сломать? — спросил Перрин. — Ни капли не сомневаешься?

— Скажи мне, Перрин, если треснул металлический предмет — оружие или инструмент, — можно ли подлатать его? Чтобы действовать им снова как раньше?

— Ну, вообще-то — да, — сказал Перрин. — Но лучше так не делать. Текстура металла… Как правило, надежнее переплавить такую вещь и выковать заново, с самого начала.

— Здесь то же самое. Печати растрескались, будто меч. Залепить эти трещины невозможно, и поэтому надо убрать обломки и заменить поврежденные печати на нечто новое. Нечто лучшее.

— Ранд, — сказал Перрин, — объяснение предельно доходчивое. Ты не пробовал растолковать все Эгвейн такими же словами?

— Она же не кузнец, друг мой, — улыбнулся Ранд.

— Зато она умная, Ранд. Поумнее нас с тобой. Если подобрать верные слова, Эгвейн все поймет.

— Вот и посмотрим, — сказал Ранд. — Завтра.

Перрин остановился в свете сферы Ранда, созданной Единой Силой. Его лагерь, разбитый по соседству с лагерем Ранда, вмещал в себя армию не менее внушительную, чем все, что явились в тот день на Поле Меррилор. Ранду до сих пор не верилось, что Перрин собрал такое количество людей — включая, подумать только, белоплащников! Глаза-и-уши Ранда утверждали, что все в лагере Перрина сохраняли ему верность. Даже сопровождавшие Перрина Хранительницы Мудрости и Айз Седай были склонны прислушиваться к его мнению.

Перрин стал королем, это ясно как день. Не таким, как Ранд, но королем, живущим среди своего народа. Ранд не мог выбрать такой же путь. У Перрина есть возможность оставаться человеком, но еще какое-то время Ранду придется быть чем-то большим, нежели человеком. Он должен быть символом и той силой, на которую могут положиться все остальные.

Это страшно утомляло. Отчасти усталость была не физической, но куда более глубокой. Быть тем, кто нужен людям… Это изматывало Ранда,

точило его, как вода точит камень, — а в конце концов вода всегда одерживает верх.

— В этом я тебя поддержу, — пообещал Перрин. — Но дай слово, что не позволишь делу дойти до драки. С Илэйн я сражаться не стану. И схватка с Айз Седай ничем хорошим не закончится. Ссоры между нами недопустимы.

— Драки не будет.

— Дай слово. — Лицо Перрина сделалось настолько твердым, что им можно было бы дробить камни. — Пообещай мне, Ранд.

— Обещаю, друг. На Последнюю битву мы выйдем в полном единении.

— Этого достаточно.

На входе в лагерь Перрин кивнул часовым. Это были двуреченцы — Рид Солен и Керт Фургонер. Оба отсалютовали Перрину, после чего отвесили неуклюжие поклоны Ранду.

Рид и Керт. Ранд знал обоих — Свет, в детстве он брал с них пример! — но уже привык, что люди видят в нем незнакомца, и чувствовал, как тяжелеет на плечах мантия Дракона Возрожденного.

— Милорд Дракон? Мы что… в смысле… — Керт сглотнул и посмотрел на небо, где пузырились, несмотря на присутствие Ранда, черные тучи. — На вид дело плохо, да?

— Бури нередко приносят беду, — ответил Ранд, — но в прошлом Двуречье выжило. Выживет и теперь.

— Но на вид дело плохо, — повторил Керт. — Плохо дело, чтоб мне сгореть!

— Все будет так, как пожелает Колесо. — Ранд глянул на север и тихо продолжил: — Сохраняй спокойствие, Керт. И ты, Рид. Почти все пророчества исполнены. Предстоящие испытания известны, день определен, и мы не встретим его в неведении.

Он не стал обещать, что они победят или хотя бы выживут, но оба двуреченца распрямились, улыбнулись и кивнули. Людям нравится знать, что существует некий план, что кто-то держит все под своим контролем, и Ранд не мог предложить им большего утешения.

— Хватит донимать лорда Дракона расспросами, — вмешался Перрин. — Несите караул как положено — не спать на посту, Керт, и не играть в кости.

Оба снова отсалютовали, и Ранд с Перрином прошли в лагерь, где было повеселее, чем в других биваках, раскинувшихся на Поле Меррилор. Казалось, костры здесь горят чуть ярче, а смех звенит чуть громче, будто двуреченцы каким-то

образом принесли с собой дух родных мест.

— Ты настоящий вождь для своих людей, — негромко сказал Ранд, быстрым шагом идя рядом с Перрином, и тот кивнул на ближайший костер:

— Да я им и не нужен. Незачем говорить им, что делать. Вот и все.

Однако, когда в лагерь примчался посыльный, Перрин мигом превратился в военачальника. Он окликнул долговязого гонца по имени, а заметив его покрасневшее лицо и подгибавшиеся от страха перед Рандом колени, отвел парнишку в сторону и заговорил — тихо, но твердо.

Наконец юноша убежал искать леди Фэйли, а Перрин вернулся:

— Мне нужно снова поговорить с Рандом.

— С ним ты и разговариваешь…

— Нет, с настоящим Рандом, а не с человеком, научившимся разглагольствовать как Айз Седай.

Ранд вздохнул.

— Я — это настоящий я, Перрин, — возразил он. — Более настоящий, чем когда бы то ни было.

— Как скажешь, но мне не нравится, когда ты прячешь свои чувства под маской.

Их поприветствовала проходившая мимо группа двуреченцев, и при виде их Ранд ощутил внезапный укол холодного одиночества, с

тяжелым сердцем понимая, что никогда больше не станет одним из них. Так уж устроены эти люди. Но… ради Перрина он позволил себе слегка расслабиться.

— Так в чем дело? Что сказал гонец?

— Не зря ты беспокоился, — ответил Перрин. — Ранд, Кэймлин пал. Город захватили троллоки.

Лицо Ранда окаменело.

— Ты не удивлен, — добавил Перрин. — Встревожен, но не удивлен.

— Да, это так, — признал Ранд. — Я думал, они нанесут удар на юге. Говорят, там видели троллоков, и я наполовину уверен, что это дело рук Демандреда. Без армии он всегда чувствовал себя неуютно. Но Кэймлин… Да, неглупый ход. Помнишь, я говорил, что нас попытаются отвлечь? Если враг сумеет оттянуть на себя силы Андора, это плохо скажется на прочности нашего альянса.

— Но разве тебе не на руку, что Илэйн отвлечется на спасение Кэймлина? — Перрин бросил взгляд в сторону ее лагеря, устроенного по соседству со стоянкой Белой Башни. — В этом противостоянии она не на твоей стороне.

— Здесь нет другой стороны, Перрин. Сторона у нас лишь одна, но с разногласиями насчет того,

что делать дальше. Илэйн, пожалуй, самая могущественная из монархов, и ее отсутствие на завтрашней встрече поставит под угрозу все, чего я пытаюсь достичь.

Разумеется, Ранд чувствовал ее через связывающие их узы, и всплеск тревоги Илэйн дал понять, что ей известно о бедах в столице. Не проведать ли ее? Может, отправить к ней Мин? Она уже проснулась и, когда он уходил, тоже вышла из шатра, а затем…

Ранд изумленно моргнул. Авиенда. Она здесь, на Поле Меррилор. Но ведь совсем недавно ее тут не было — верно? Перрин бросил на друга взгляд, и Ранд не потрудился стереть с лица потрясенное выражение.

— Нельзя допустить, чтобы Илэйн ушла, — сказал он.

— Даже на защиту родной страны? — с недоверием спросил Перрин.

— Если троллоки захватили Кэймлин, то уже слишком поздно. Ничего Илэйн не добьется. Ее войска должны заняться спасением людей оттуда. Королеве при этом присутствовать необязательно, но завтра утром она непременно должна быть здесь.

Как же убедиться, что она не уйдет? Подобно

всем женщинам, Илэйн скверно реагировала на приказной тон, но если намекнуть…

— Ранд, — сказал Перрин, — может, отправим в Кэймлин Аша'манов? Всех сразу? Они дадут троллокам славный бой.

— Нет, — отрезал Ранд, хотя это слово причинило ему боль. — Перрин, если город и впрямь захвачен — а я отправлю через переходные врата людей, чтобы убедиться в этом, — то его не спасти. Вернуть эти стены можно лишь ценой нечеловеческих усилий, а это недопустимо. По крайней мере, пока. Нельзя, чтобы наша коалиция распалась прежде, чем у меня появится шанс сплотить ее. Нас спасет единство. Если каждый ринется тушить пожары в родных землях, мы проиграем. В этом весь смысл атаки на Кэймлин.

— Допустим, ты прав… — нахмурился Перрин, поглаживая молот.

— Это нападение способно вывести Илэйн из себя, подтолкнуть ее к опрометчивым действиям, — продолжил Ранд, просчитывая десятки вариантов будущего. — Вероятно, она с большей готовностью согласиться с моим планом. Быть может, падение Кэймлина сыграет нам на руку.

Перрин нахмурился.

«Как же быстро я научился использовать дру-

гих людей…»

И еще он снова научился смеяться. Научился принимать судьбу и шагать ей навстречу с улыбкой на лице. Научился мириться с тем, кем он был, и с тем, что он делал.

Но осознание всего этого не помешает ему использовать людей в качестве необходимых инструментов. Те, кто пришел на Поле Меррилор, нужны ему, нужны все, без исключения. Разница заключалась в том, что теперь он видел в них не только инструменты, но и людей. По крайней мере, так он себе говорил.

— Все равно я думаю, что надо как-то помочь Андору, — заметил Перрин, запустив пальцы в бороду. — Как, по-твоему, троллоки проникли в город?

— Через Путевые врата, — рассеянно отозвался Ранд.

Перрин хмыкнул.

— Ты говорил, что троллоки не способны Перемещаться через переходные врата. Неужто они нашли способ избавиться от этого изъяна?

— Молись Свету, дабы этого не случилось, — ответил Ранд. — Единственными отродьями Тени, которых сумели создать со способностью проходить через переходные врата, были *голамы*. И

Агинор, не будь дурак, создал лишь несколько этих тварей. Нет, я побился бы об заклад против самого Мэта, что троллоки заявились через кэймлинские Путевые врата. А я-то думал, что Илэйн держит их под охраной!

— Если дело и впрямь в Путевых вратах, мы можем кое-что сделать, — заметил Перрин. — Нельзя допустить, чтобы троллоки бесчинствовали в Андоре; стоит этим тварям покинуть Кэймлин, и они окажутся у нас за спиной. Это будет катастрофа. Но если они прибывают через единственный портал, то мы можем остановить нашествие — атаковать их именно в этом месте.

Ранд усмехнулся.

— Что смешного?

— У меня хотя бы имеется оправдание насчет знаний, которых не должно быть у простого паренька из Двуречья.

— Иди-ка нырни в Винную реку, — фыркнул Перрин. — Ты и правда думаешь, что за нападением стоит Демандред?

— Он поступил бы именно так. Раздели врагов и сокруши их по очереди. Такова одна из древнейших военных стратегий.

Демандред самолично отыскал эти сведения в древних писаниях. Когда впервые проделали

Скважину, им ничего не было известно о том, что такое война. Вернее, им казалось, будто они что-то понимают в военном искусстве, но то было понимание ученого, оглядывающегося на нечто древнее, занесенное пылью веков.

Много кто перешел на сторону Тени, но предательство Демандреда представлялось самым прискорбным. Этот человек мог стать героем. Он должен был им стать.

«И в этом тоже моя вина, — подумал Ранд. — Встреть я его рукопожатием, а не презрительной ухмылкой… Если бы радовался его успехам, а не соперничал с ним… Будь я тогда тем, кем стал сейчас…»

Но довольно пустых размышлений. Надо послать кого-нибудь к Илэйн. Пора помочь со спасением из города уцелевших жителей. Надо, чтобы Аша'маны и верные Дракону Возрожденному Айз Седай открыли переходные врата и вывели как можно больше людей. А заодно нужно удостовериться, что троллоки еще не покинули пределов Кэймлина.

— Значит, есть кое-какая польза в этих твоих воспоминаниях, — сказал Перрин.

— Хочешь знать, Перрин, от чего у меня мозги узлом завязываются? — тихо спросил Ранд. —

От чего меня пробирает дрожь, как под зябким дуновением самой Тени? Эта порча, сделавшая меня безумным и заодно наделившая памятью о прошлой жизни… Воспоминания приходили как шепот Льюса Тэрина. Безумие подсказывает ответы на вопросы и ведет меня к победе. Понимаешь? Если я одержу верх, именно безумие, именно эта самая порча приведет к падению Темного.

Перрин негромко присвистнул.

«Искупление, — подумал Ранд. — Когда я предпринял попытку в прошлый раз, мое безумие уничтожило нас. А теперь оно нас спасет».

— Ступай к жене, Перрин, — сказал Ранд, окинув взглядом небо. — Сегодня последняя ночь, которую можно назвать спокойной, пусть и отчасти. Другого покоя ты не изведаешь до самого конца. А я выясню, насколько плохи дела в Андоре. — Он посмотрел на друга. — И обещания своего не забуду. Единство — прежде всего. В прошлый раз я проиграл именно потому, что игнорировал важность единства.

Перрин кивнул, затем положил руку Ранду на плечо:

— Да осияет тебя Свет.

— И тебя, друг мой.

Глава 2. Выбор Айя

Певара изо всех сил скрывала свой ужас.

Эти Аша'маны почти не знали ее. Иначе поняли бы, что сидеть спокойно и молчать ей несвойственно. Певара прибегла к фундаментальному правилу, которым при обучении руководствовались Айз Седай: делать вид, что все под контролем, когда это совсем не так.

Она заставила себя встать. Эмарин и Канлер отправились проведать ребят из Двуречья и убедиться, что никто не ходит поодиночке, и Певара опять осталась наедине с Андролом, тихо возившимся с кожаными деталями. За окном

продолжал лить дождь. С сосредоточенностью искусного ремесленника Андрол работал двумя иглами сразу — так, чтобы стежки ложились крест-накрест.

Певара приблизилась, а когда Андрол резко вскинул взгляд, едва сдержала улыбку. По виду не скажешь, но при необходимости она умела ходить, не издавая никакого шума.

Айз Седай выглянула в окно. Дождь усилился, и стекло покрылось пелериной брызг.

— Столько недель казалось, что в любой миг начнется гроза, — и вот она, наконец.

— Рано или поздно эти тучи должны были пролиться дождем, — заметил Андрол.

— Неестественный он, этот дождь. — Певара заложила руки за спину. Холод дождевой воды ощущался даже через стекло. — Не усиливается, не ослабевает. Льет равномерным потоком. Молний множество, а грома почти нет.

— Думаете, дождь — тоже из тех?.. — Договаривать не было нужды. Чуть раньше на неделе обитатели Башни — простые люди, ни одного Аша'мана, — начали воспламеняться. Просто… вспыхивать без причины. Погибло четыре десятка человек. Многие грешили на спятившего Аша'мана, хотя парни клялись, что Силу побли-

зости никто не направлял.

Она покачала головой, глядя, как по размокшей улице с трудом пробирается группа людей. Поначалу Певара входила в число тех, кто списывал череду загадочных смертей на выходки обезумевшего Аша'мана, но теперь смирилась с мыслью, что у этих событий и у прочих странностей иная, куда более скверная причина.

Мир слабел, и его плетение распускалось.

Так, не время раскисать. Певара сама разработала план — привести сюда женщин, чтобы те связали Аша'манов узами, — хотя предложила эту идею не она, а Тарна. Нельзя, чтобы мужчины узнали, сколь ей тревожно очутиться в этой ловушке, перед лицом врагов, способных заставить человека обратиться на сторону Тени. Единственными союзниками Певары были мужчины из тех, кого — всего лишь несколько месяцев назад — она рьяно преследовала и безжалостно укрощала.

Певара села на табурет, на котором недавно восседал Эмарин.

— Хотелось бы обсудить этот ваш «план», — произнесла она.

— Вряд ли можно сказать, что он уже разработан, Айз Седай.

— Быть может, я смогу внести новые предложения.

— Не отказался бы их выслушать, — сказал Андрол, но прищурил глаза.

— Что-то не так? — спросила Певара.

— Те люди на улице. Не узнаю их. И…

Она снова глянула за окно. Единственное, что освещало эту промозглую ночь, было красно-оранжевое сияние в окнах домов. Прохожие все еще медленно брели по улице, то выходя на свет, то скрываясь в тени.

— У них сухая одежда, — прошептал Андрол.

Певара поняла, что он прав, и ее пробрал озноб. Первым шагал человек в шляпе с широкими, но поникшими полями, с которых не струилась вода. Грубый деревенский наряд не был тронут ливнем, а платье шедшей рядом женщины совсем не развевалось на ветру. И еще Певара заметила, что один из путников — тот, что помоложе, — держит руку за спиной, словно тянет за поводья вьючное животное. Вот только никакого животного не было.

Певара и Андрол смотрели во все глаза, пока фигуры не скрылись из вида. Все чаще и чаще в мире живых появлялись образы мертвецов.

— Говорите, у вас имеются предложения? — Го-

лос Андрола дрожал.

— У меня… Да. — Певара с трудом отвела взгляд от окна. — Пока что Таим сосредоточился на Айз Седай. Всех других сестер забрали. Осталась только я.

— Предлагаете себя в качестве приманки?

— За мной непременно придут, — сказала Певара. — Это лишь вопрос времени.

— Надо бы тайком вывести вас из деревни. — Андрол погладил кожаный ремешок и, судя по виду, остался доволен своей работой.

— Неужели? — Певара приподняла бровь. — Как вижу, мой статус повышен до девы, нуждающейся в спасении. Какое беспримерное геройство с вашей стороны!

— Что это, сарказм? — покраснел Андрол. — Из уст Айз Седай? Никогда бы не подумал, что услышу нечто подобное.

— Ох, Андрол, Андрол! — рассмеялась Певара. — Неужели вы ничего, совсем ничего о нас не знаете?

— Честно? Нет. Таких, как вы, я избегал всю свою жизнь.

— Что ж, с учетом ваших… врожденных способностей это, пожалуй, было вполне разумно.

— В прошлом я не мог направлять Силу.

— Но подозревали, что сможете. И пришли сюда, чтобы научиться.

— Мне было любопытно, — сказал Андрол. — Ведь раньше я этого не пробовал.

«Интересно, — подумала Певара. — Неужели тобой руководит любопытство, кожевенник? Заставляет дрейфовать по ветру, перебираясь с места на место?»

— Подозреваю, — произнесла она вслух, — что вы никогда не прыгали со скалы. Если человек чего-то не делал, совсем не факт, что стоит начинать.

— Вообще-то, я прыгал со скалы. Даже с нескольких скал.

Она недоверчиво заломила бровь.

— Так принято у Морского народа, — объяснил Андрол. — Прыгать со скалы в океан. Чем ты храбрее, тем выше скалу выбираешь. И вы снова сменили тему разговора, Певара Седай. Ловко это у вас получается.

— Спасибо.

— Причина, по которой я предлагаю скрытно вывести вас отсюда, такова. — Он поднял палец. — Это не ваша битва, и вам не следует в ней погибать.

— Неужели замысел не в том, чтобы побыстрее

спровадить Айз Седай, которая сует нос в ваши дела?

— Я пришел к вам, чтобы помочь, — сказал Андрол. — Не хочу от вас избавляться и вашу помощь приму с радостью. Однако, случись вам расстаться с жизнью здесь, в Черной Башне, вы погибнете в чужой схватке, а это несправедливо.

— Позвольте кое-что объяснить, Аша'ман, — подалась к нему Певара. — Эта схватка — и моя тоже. Если Тень завладеет Черной Башней, на Последней битве произойдут ужасные вещи. Я приняла на себя ответственность за вас и вам подобных. И я не собираюсь от нее отказываться.

— Приняли ответственность? За нас? Что это значит?

«Ох… Наверное, мне не стоило об этом упоминать». Хотя, раз уж они намереваются стать союзниками, пусть знает.

— Черной Башне требуется руководство, — объяснила она.

— Так вот зачем связывать нас узами? — спросил Андрол. — Чтобы… загнать в стойло, как необъезженных жеребцов?

— Что за глупости! Не станете же вы спорить, что Белая Башня обладает ценнейшим опытом?

— Позволю себе не согласиться, — сказал Анд-

рол. — С опытом приходят стремление держаться привычного, нежелание нового опыта. Все Айз Седай считают, что если некие вещи всегда делались определенным способом, то этот способ единственный. Что ж, Черная Башня не перейдет к вам в подчинение. Мы сами в состоянии позаботиться о себе.

— И добились в этом прямо-таки выдающихся успехов — верно?

— А вот это было нечестно, — тихо промолвил Андрол.

— Наверное, — признала Певара. — Простите.

— Ваши побуждения меня не удивляют, — сказал Андрол. — То, чем вы здесь занимались, было очевидно даже слабейшим из Аша'манов-солдат. Но мне не дает покоя вопрос: почему при всем богатстве выбора Белая Башня прислала к нам именно Красных сестер?

— А кого надо было прислать? Жизнь каждой из нас целиком и полностью посвящена тому, чтобы разбираться с мужчинами, способными направлять Силу.

— Ваша Айя обречена.

— Да что вы говорите?

— Вы существуете только для того, чтобы охотиться на мужчин, обладающих даром направ-

лять Силу, — сказал Андрол. — Чтобы укрощать их. Чтобы… избавляться от нас. Но теперь, когда Источник очищен…

— Очищен? Это вы так говорите.

— Он действительно очищен, Певара. Все приходит и уходит, и Колесо продолжает вращаться. Однажды Источник был чист и не мог не очиститься снова. Так и случилось.

«А то, как ты поглядываешь на тени, Андрол? Неужели это признак очищения? Как Налаам бормочет что-то на неведомых языках? Думаешь, мы не замечаем подобных мелочей?»

— Вашей Айя надо выбрать одно из двух, — продолжил Андрол. — Или продолжить охоту на таких, как мы, игнорируя предлагаемые нами доказательства очищения Источника, или отказаться от звания Красных.

— Чушь. Из всех Айя Красные сестры будут самыми ярыми вашими союзниками.

— Вы существуете для того, чтобы уничтожать нас!

— Мы существуем для того, чтобы мужчины, направляя Силу, случайно не навредили себе или окружающим. Вы же не станете спорить, что Черную Башню создали для этой же цели?

— Допускаю, что отчасти это так. Единственная

цель, о которой мне рассказывали, — стать оружием Дракона Возрожденного, но также важно уберечь хороших людей, не дать им причинить себе вред, для чего и требуется должное обучение.

— Значит, эта идея объединяет нас. Разве нет?

— Хотелось бы верить, Певара. Но я видел, как вы и ваши сестры смотрите на таких, как я. Видите в нас… какое-то пятно, которое надо вывести. Или яд, который надо запечатать в бутылке.

Певара покачала головой:

— Если вы говорите правду и Источник действительно очищен, перемен не миновать, Андрол. Со временем Красная Айя и Аша'маны сплотятся во имя общей цели. Я же хочу сотрудничать с вами здесь и сейчас.

— Обуздать нас.

— Направить вас. Прошу. Доверьтесь мне.

Он внимательно смотрел на нее в свете множества расставленных по комнате ламп. Да, у него и впрямь честное лицо. Теперь Певара поняла, почему другие следуют за Андролом, хотя он и слабее остальных. Он являет собой необычное соединение страсти и скромности, а такие люди встречаются крайне редко. Жаль, что он один из… ну… жаль, что он тот, кем является.

— Хотелось бы вам верить, — произнес Андрол, отворачиваясь. — Признаю, вы отличаетесь от других сестер. Совсем не похожи на Красную.

— Думаю, со временем вы узнаете, что все мы очень разные, — сказала Певара. — Как и причины, по которым женщины выбирают Красную Айю.

— Если не считать одной, одинаковой для всех. Ненависти к мужчинам.

— Если мы ненавидим мужчин, разве пришли бы сюда, чтобы связать вас узами? — По правде говоря, эти слова являлись отступлением от истины. В отличие от самой Певары, многие Красные питали к мужчинам неприязнь — или, по меньшей мере, смотрели на них с подозрением. Певара надеялась это изменить.

— Иной раз мотивы поступков Айз Седай выходят за рамки понимания, — сказал Андрол. — Это ни для кого не секрет. Как бы то ни было, пусть вы и отличаетесь от многих сестер, я замечал за вами этот взгляд. — Он качнул головой. — Не верится, что вы здесь, чтобы помочь нам. Так же, как никогда не верилось, что Айз Седай, укротившие столько способных направлять Силу мужчин, сделали это из искреннего желания им помочь. Так же, как не верится, что обезглавли-

вающий преступника палач уверен, что делает ему одолжение. Какие-то действия могут быть необходимы, но это не значит, что совершающий их становится твоим другом, Певара Седай. Уж прошу меня извинить.

Придвинув поближе стоявшую на столе лампу, он снова занялся кожаными ремешками.

Певара ощутила всплеск досады. Еще чуть-чуть — и она подцепила бы Андрола на крючок. Ей нравились мужчины, и она нередко приходила к выводу, что Стражи могут принести немало пользы. Неужели этот болван не понимает, что стоит над пропастью и ему протягивают руку помощи?

«Успокойся, — велела она себе. — Если дать волю гневу, ты ничего не добьешься». Ей надо было заручиться поддержкой этого мужчины.

— Вы шьете седло, верно? — спросила она.

— Да.

— И кладете стежки зигзагообразно?

— Это мое изобретение, — ответил он. — Если кожа где-то порвется, прореха не расползется. Да и выглядит красиво.

— Как вижу, у вас прочная льняная нить? Вощеная? И каким шилом для шнуровки вы пользуетесь, одинарным или двойным? Я не рассмотрела.

Андрол бросил на нее недоверчивый взгляд:

— Вы знакомы с кожевенным делом?

— Мой дядя был кожевенником, — ответила Певара. — Когда я была маленькой, разрешал приходить в мастерскую. Он и научил меня некоторым тонкостям.

— Быть может, я с ним встречался.

Певара замерла. Как бы ни хвалил Андрол ее умение направлять разговор, теперь она оказалась там, куда ей совершенно не хотелось ступать.

— Итак, где он живет? — спросил Андрол.

— Дома, в Кандоре.

— Так вы кандорка? — удивился он.

— Ну да. Разве не заметно?

— Я-то считал, что могу уловить любой акцент. — Он туго затянул очередную пару стежков. — Бывал я в Кандоре. Может, и правда знаком с вашим дядей.

— Он умер, — ответила она. — Погиб от рук приспешников Тьмы.

— Соболезную, — помолчав, произнес Андрол.

— Прошло уже больше сотни лет. Я тоскую по родным, но они не дожили бы до этого дня, даже не убей их приспешники Темного. Все, кого я знала в родных краях, уже умерли.

— В таком случае соболезную еще искреннее. Всем сердцем.

— Дело прошлое, — сказала Певара. — Вспоминаю их с любовью, без приступов душевной боли. Но расскажите о своей семье. Есть ли у вас братья? Сестры, племянники?

— Есть, всех понемножку, — ответил Андрол.

— Вы с ними видитесь?

Андрол задумчиво посмотрел на нее:

— Пробуете завязать дружеский разговор, чтобы доказать, что не чувствуете себя неловко рядом со мной? Но я же видел, как вы, Айз Седай, смотрите на меня и мне подобных.

— Я…

— Ну скажите, что не считаете нас омерзительными.

— Едва ли уместно…

— Дайте прямой ответ, Певара.

— Ну ладно, хорошо. Рядом с мужчинами, способными направлять Силу, мне и впрямь неуютно. Я места себе не нахожу, а чем дольше бываю среди Аша'манов, тем хуже мне становится.

Добившись от нее честного ответа, Андрол удовлетворенно кивнул.

— Однако, — продолжила Певара, — эти чув-

ства укоренялись во мне долгими десятилетиями. Ваши деяния до ужаса противоестественны, но сами вы не внушаете мне отвращения. Вы лишь человек, пытающийся жить на пределе возможностей. Что в этом отвратительного? Так или иначе, ради всеобщего блага я намерена переборoть свои недостатки.

— Пожалуй, это превосходит мои ожидания. — Он снова выглянул в мутное от дождя окно. — Источник очищен. Значит, в наших поступках больше нет ничего противоестественного. Вот бы… Вот бы сделать так, чтобы вы, женщины, увидели все своими глазами. — Он вскинул на нее пронзительный взгляд. — Вы говорили о круге. Как его создать?

— Вообще-то, — ответила Певара, — я никогда не проделывала такое вместе с мужчиной, кто способен направлять. Перед тем как сюда отправиться, я кое-что прочитала, но большая часть сведений не выходит за пределы обычных слухов. Слишком многое было утрачено. Для начала необходимо остановиться на самой грани, перед тем как обнять Источник, а потом вам нужно открыться мне. Таким образом мы установим связь.

— Хорошо, — сказал Андрол. — Но сейчас вы не

касаетесь Источника.

Как же несправедливо, что мужчины в состоянии чувствовать, когда женщина удерживает Единую Силу, а когда нет! Певара обняла Источник и вмиг наполнилась тем сладким нектаром, которым была саидар.

Она потянулась к Андролу так же, как если бы устанавливала связь с женщиной. Если верить обнаруженным документам, именно с этого нужно было начинать. Но теперь все оказалось совсем иначе. Саидин нахлынула на нее, и прочитанное оказалось правдой: совладать с этим бурным потоком было невозможно.

— Получается! Моя сила перетекает к вам.

— Да, — согласилась Певара. — Но когда объединяются мужчина и женщина, в этой связи главенствует мужчина. Вы должны взять руководство на себя.

— Но как? — спросил Андрол.

— Не знаю. Попробую передать контроль вам. Это вы должны управлять потоками.

Андрол внимательно посмотрел на нее. И пока Певара готовилась наделить его ведущей ролью, он каким-то образом вдруг перехватил контроль, и ее резко, будто за волосы, втянуло в ураган связующего круга.

Ощущение бушующей мощи было настолько сильным, что у Певары едва не застучали зубы. Казалось, с нее сдирают кожу. Она зажмурилась, сделала глубокий вдох и запретила себе сопротивляться. Ей давно хотелось создать подобный круг, ведь он мог принести немало пользы, но удержаться от мимолетной паники Певара не сумела — ведь она установила связь не с кем-то, а с мужчиной, владеющим Единой Силой! А это едва ли не страшнее всего, что бывает на белом свете. И теперь Андрол полностью контролировал ее. Сила Певары текла через нее, омывая Андрола, и тот охнул:

— Так много… О Свет, как же вы сильны!

Она позволила себе улыбнуться. Созданная связь наполнила ее неколебимой уверенностью. Певара чувствовала эмоции Андрола. Ему тоже было очень страшно, но этот мужчина оказался стойким и цельным. В прошлом мысль о связи с Андролом приводила Певару в ужас, ведь он был безумен, но теперь она не чувствовала никакого безумия.

Но вот саидин… Этот жидкий огонь, с которым он боролся, как боролся бы со змеем, стремящимся пожрать его. Певара отпрянула. Что это, порча? Трудно сказать. Саидин была совершенно чужой,

ни капли не похожая на саидар. В разрозненных древних писаниях порча сравнивалась с маслянистой пленкой на поверхности реки. Что ж, реку она видела. Вернее, не реку, а бурный ручей. Похоже, Андрол был с нею честен: силой он действительно не отличался. Никакой порчи Певара не ощущала — но, с другой стороны, откуда ей знать, что искать.

— Интересно… — задумчиво промолвил Андрол. — А не сможем ли мы вдвоем открыть переходные врата?

— В Черной Башне это плетение больше не действует.

— Знаю, — сказал он. — Но у меня такое чувство, что вот они, рукой подать.

Певара открыла глаза и взглянула на него. Связующий круг подтверждал, что Андрол не лукавит, но для создания переходных врат требуется много, очень много Единой Силы. По крайней мере, когда их открывает женщина. У Андрола куда меньше способностей, чем надо для этого плетения. Может, уровень владения Силой у мужчин измеряется как-то иначе?

Он протянул руку, каким-то образом зачерпнул саидар и смешал ее с саидин. Певара чувствовала, как Андрол тянет через нее Единую Силу, и

пыталась сохранять самообладание. Но ей совершенно не нравилось, что процессом руководит Андрол, а сама она ничего не может сделать.

— Андрол, — попросила она. — Отпустите меня.

— Просто чудо… — прошептал он, глядя в пустоту, и поднялся на ноги. — Так вот каково это, быть одним из них? Тех, кто настолько могуществен в Силе?

Он снова зачерпнул через Певару саидар и пустил ее в дело. Стоявшие в комнате предметы начали подниматься в воздух.

— Андрол! — Паника. Такая же паника охватила Певару при известии, что ее родители мертвы. Больше сотни лет, с тех самых пор, как она прошла испытание на шаль, Певара не чувствовала такого ужаса.

Этот мужчина обрел полный контроль над ее способностью владеть Единой Силой. Едва дыша, Певара потянулась к нему. Она не могла использовать саидар, пока Андрол не вернет ей контроль над Силой — в то же время сам он способен был обратить этот поток против нее. Перед мысленным взором Айз Седай предстала жуткая картина, как Андрол, используя собственную мощь Певары, связывает ее созданным из саидар

плетением Воздуха. Оборвать эту связь она была не в состоянии. Такое мог сделать только он.

Вдруг он все понял и широко раскрыл глаза. В мгновение ока круг исчез, и Певара поняла, что ее мощь снова принадлежит только ей. Не задумываясь, она хлестнула Андрола плетением. Такое не повторится. Отныне контролировать эту связь будет только она. Прежде чем Певара сообразила, что делает, созданные ею пряди устремились к Андролу.

Он рухнул на колени, запрокинув голову, стал хвататься за столешницу, и кожаные детали со швейными инструментами посыпались на пол.

— Что вы наделали? — выдохнул он.

— Таим говорил, что мы можем выбрать любого из вас, — еле слышно произнесла Певара, сообразив, что только что произошло. В каком-то смысле, она сотворила то же самое, что и он с нею, только наоборот: связала Андрола узами Стража. Она пыталась унять гулкое сердцебиение. В глубине сознания распустился цветок связи с новоиспеченным Стражем — чувство походило на то, которое она испытала в круге, но оно было гораздо более личным. Даже интимным.

— Таим — чудовище! — прохрипел Андрол. — Вам это известно! И вы последовали его словам и

даже разрешения у меня не спросили?

— Я… Я…

Андрол стиснул зубы, и Певара тут же почувствовала… что-то новое, странное и чужеродное, словно смотрела в зеркало и видела бесконечные отражения своих эмоций.

Самое ее «я» соединилось с личностью Андрола — казалось, на целую вечность. И Певара узнала, каково это, быть Андролом и думать его думы. За пару мгновений она увидела всю его жизнь, растворилась в его воспоминаниях. С тяжелым вздохом Певара опустилась перед ним на колени.

Связь померкла. Не исчезла, но померкла, как если проплыть сотню лиг в кипящей воде, а затем вынырнуть, забыв, что такое нормальные ощущения.

— О Свет… — прошептала Певара. — Что это было?

Оказалось, Андрол упал на спину и теперь, моргая, смотрел в потолок.

— Я видел, как один из наших это делал. Некоторые Аша'маны связывают узами своих жен.

— Вы что, связали меня узами?! — испуганная и ошеломленная, спросила она.

— Не я первый начал. — Он застонал и перека-

тился на живот.

Певара с ужасом поняла, что по-прежнему чувствует его эмоции, его «я», и даже может прочесть некоторые из его мыслей. Вернее, не сами мысли его прочитать, а осознать впечатления об этих мыслях.

Андрол был смущен, встревожен… и его снедало любопытство, порожденное новыми ощущениями. «Вот же глупый мужчина!»

Певара надеялась, что взаимные узы каким-то образом нейтрализуют друг друга, но этого не случилось.

— Так, это надо прекращать, — сказала она. — Я отпущу вас. Клянусь. Но сперва… вы меня отпустите.

— Я не знаю, как это сделать. — Андрол встал и отдышался. — Простите.

Он говорил правду.

— Скверная была идея насчет этого круга, — заметила Певара и поднялась, отказавшись принять протянутую руку Андрола.

— По-моему, эта скверная идея принадлежала вам. А я поддержал ее.

— Так и есть, — признала она. — Со мной такое не впервые, но хуже еще не бывало. — Она опустилась на табурет. — Надо все обдумать. Найти

способ…

Дверь мастерской с грохотом распахнулась.

Певара обняла Источник. Андрол резко развернулся, схватил пробойник и выставил его перед собой наподобие оружия, одновременно с тем вбирая Единую Силу. Певара чувствовала в нем эту расплавленную мощь. Вернее, фонтанчик магмы — скудный, поскольку Андролу недоставало таланта, но оттого не менее обжигающий. И еще она чувствовала его благоговейный трепет. Стало быть, они не такие уж разные. Удерживать Единую Силу — все равно что впервые открыть глаза и увидеть, как оживает мир.

К счастью, ни оружие, ни Единая Сила им не понадобились. На пороге стоял юный Эвин, по щекам у него струились капли дождя. Он захлопнул дверь и подбежал к верстаку.

— Андрол, там… — Он осекся, увидев Певару.

— Эвин! — сказал Андрол. — Ты что, один?

— Оставил Налаама наблюдать, — объяснил запыхавшийся юнец. — Там что-то важное происходит, Андрол.

— Нельзя ходить поодиночке, Эвин, — напомнил Андрол. — Вообще нельзя. Всегда передвигаемся парами. Какое бы срочное дело ни было.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Эвин. — Извини,

Андрол, но тут такие новости… — Он покосился на Певару.

— Говори, — велел Андрол.

— Вернулся Вэлин со своими Айз Седай, — сообщил Эвин.

Певара почувствовала, как Андрол вдруг напрягся.

— Он по-прежнему… один из нас?

— Один из них, — сокрушенно помотал головой Эвин. — Дженаре Седай, по-моему, тоже. Я плохо ее знаю, поэтому наверняка не скажу. Но вот Вэлин… Глаза у него стали совсем чужими, и теперь он служит Таиму.

Андрол застонал. Вэлин уходил с Логайном. У Андрола и остальных оставалась надежда, что, хотя Мезара поработили, Логайн и Вэлин еще свободны.

— А Логайн? — прошептал он.

— Его здесь нет, — ответил Эвин, — но Вэлин говорит, что Логайн скоро вернется. Что они с Таимом встретились и уладили между собой все разногласия. Вэлин обещает, что завтра Логайн объявится и сам все расскажет. Вот, собственно, и все, Андрол… Остается признать, что его тоже забрали.

Певара ощутила согласие Андрола и его ужас

— как зеркальное отражение своего.

Авиенда молча шла по ночным лагерям.

Столько отрядов… Здесь, на Поле Меррилор, собралось по меньшей мере сто тысяч человек. И все ждут, будто затаив дыхание перед гигантским прыжком.

Айил видели ее, но к ним она подходить не стала. Мокроземцы ее не замечали, если не считать Стража, который засек, как Авиенда огибает лагерь Айз Седай. Этот лагерь был охвачен какой-то кипучей деятельностью. Что-то стряслось, хотя Авиенда уловила только обрывки фраз. Где-то ударили троллоки?

Она прислушалась внимательнее и поняла, что нападению подвергся андорский город Кэймлин. Все волновались, что троллоки покинут столицу и примутся разорять окрестные земли.

Надо узнать побольше — не будет ли сегодня ночью танца копий? Наверное, Илэйн поделится с нею новостями. Авиенда тихонько выскользнула из лагеря Айз Седай. В мокрых землях с их буйной растительностью ходить бесшумно оказалось непростой задачей, сопряженной с трудностями, неизвестными в Трехкратной земле. Там иссохшую почву, как правило, покрывала пыль, приглушавшая осторожные шаги, а здесь под

влажной травой могла скрываться сухая ветка.

Авиенда старалась не вспоминать о безжизненном виде этой бурой растительности. В свое время она считала ее роскошной, но теперь знала, что мокроземские растения никак не должны выглядеть такими чахлыми и… пустыми.

Пустые растения. О чем она только думает? Авиенда покачала головой и тишком скользнула в тени за пределами лагеря Айз Седай. Ненадолго задумавшись о том, не прокрасться ли обратно, чтобы застать того Стража врасплох — он прятался в замшелых развалинах какого-то старинного здания, откуда наблюдал за периметром Айз Седай, — она отказалась от этой мысли. Ей хотелось добраться до Илэйн и разузнать у нее о нападении во всех подробностях.

На подходе к очередному оживленному лагерю Авиенда скользнула под лишенное листьев дерево — как оно называлось, она не знала, но его ветви были раскидистыми и тянулись к небу — и пересекла границу стоянки, охраняемую двумя мокроземцами в красно-белой форме. Авиенду они не заметили даже мельком, хотя вскинулись и направили алебарды на чащу в добрых тридцати футах от своего костра, когда там закопошился какой-то зверек.

Авиенда покачала головой и прошла мимо солдат.

Вперед. Ей надо двигаться вперед. Как быть с Рандом ал'Тором? Каковы его планы на завтра? Ответы на эти вопросы она тоже хотела получить у Илэйн.

Когда Ранд ал'Тор закончит дела с Айил, им понадобится новый смысл существования. Это ясно из ее видений. Авиенда должна найти этот смысл и предложить его своему народу. Быть может, им лучше вернуться в Трехкратную землю. Но… нет. Нет. У нее разрывалось сердце, но она не могла не признать, что поступи так Айил — и их ждет смерть. Смерть всего народа — и она непременно придет, пускай и не будет мгновенной. Меняющийся мир, где рождаются новые орудия войны, новые способы сражаться, обрушится на Айил, к тому же шончан никогда не оставят их в покое. Только не с женщинами, способными направлять Силу, и не с армиями, насчитывающими множество копий и в любой момент готовыми к вторжению.

Приближался патруль. Авиенда вжалась в землю у засохшего куста, сгребла на себя для маскировки кучу бурой опавшей листвы и замерла в полной неподвижности. Солдаты прошли в двух

пядях от нее.

«Мы могли бы напасть на шончан прямо сейчас, — подумала она. — В моих видениях Айил медлили едва ли не целое поколение — и за это время шончан упрочили свое положение».

Айил уже поговаривали о шончан и о том, что столкновение неизбежно. «Шончан навяжут нам войну», — перешептывались все. Вот только в видении Авиенды прошли годы, а шончан все не нападали. Почему? Что, во имя Света, могло им помешать?

Авиенда встала и бесшумно двинулась по тропинке вслед за патрульными. Девушка достала нож, вонзила его в землю у шеста с фонарем, да там и оставила — на самом виду, даже для мокроземских глаз. Потом она скользнула обратно в ночь и спряталась возле громадного шатра, куда и стремилась попасть.

Присев в его тени, Авиенда пригнулась пониже и припомнила технику беззвучного дыхания, пользуясь его ритмом, чтобы успокоиться. Из шатра доносились глухие встревоженные голоса. Авиенда изо всех сил старалась не внимать разговору. Подслушивать нехорошо.

Патруль снова прошел мимо, и она встала. Когда солдаты обнаружили ее кинжал и подняли

шум, стремительно обошла шатер и метнулась к входному клапану. Стоявшие рядом охранники отвлеклись на переполох, и Авиенда, не привлекая внимания, проскользнула у них за спиной, приподняла клапан и ступила внутрь.

У дальней стенки просторного шатра стоял стол, на столе горела лампа, вокруг которой собралось несколько человек. Они были настолько увлечены разговором, что Авиенду даже не заметили, а потому девушка уселась возле каких-то подушек и стала ждать.

Теперь, когда она была совсем рядом, не подслушивать оказалось очень трудно.

— …Должны, просто обязаны отправить войска обратно! — с жаром доказывал мужчина. — Падение столицы — это символ, ваше величество, причем важнейший! Нельзя допустить потери Кэймлина, ведь иначе вся страна погрузится в хаос.

— Вы недооцениваете стойкость андорцев, — возразила Илэйн. Ее рыжевато-золотистые волосы буквально сияли в свете лампы, а сама она выглядела очень сильной и невероятно властной.

За спиной у королевы с авторитетным видом стояли военачальники, отчего собрание приоб-

ретало вес и основательность. Авиенде приятно было видеть, как горят глаза ее первой сестры.

— Я побывала в Кэймлине, лорд Лир, — продолжила Илэйн, — и оставила там небольшой отряд солдат. Они будут наблюдать; и если троллоки выйдут из города, нас предупредят. С помощью переходных врат разведчики тайно проникнут в город и узнают, где оставшиеся там троллоки держат пленников. Потом мы сможем организовать вылазки для спасения людей, если исчадия Тени продолжат удерживать город.

— Но как же сама столица?! — воскликнул лорд Лир.

— Кэймлин потерян, Лир, — отрезала леди Дайлин. — И пытаться вернуть его прямо сейчас попросту глупо.

Илэйн кивнула:

— Я совещалась с верховными опорами других Домов, и они согласны с моим мнением. Те, кто спасся бегством, сейчас в безопасности. Я выделила им охрану и отправила в Беломостье. Если в городе остались выжившие, мы попробуем вызволить их с помощью переходных врат, но я отнюдь не намерена бросать своих солдат в решительную атаку на стены Кэймлина.

— Но…

— Освобождение города ничего не даст, — твердо заявила Илэйн. — Я прекрасно понимаю, какие потери понесет армия при штурме этих стен! Андор не развалится, потеряв один город, сколь бы важен он ни был. — Лицо у нее было неподвижное, будто маска, а голос холодный, как добрая сталь. — Троллокам нет смысла удерживать город — в конце концов они вымрут там от голода. Поэтому рано или поздно отродья Тени покинут Кэймлин, после чего мы дадим им бой, но уже на более подходящей местности. Если желаете, лорд Лир, можете сами побывать в городе и убедиться в правдивости моих слов. Находящихся там солдат непременно воодушевит встреча с верховной опорой Дома Бэрин.

Лир нахмурился, но кивнул:

— Пожалуй, так и сделаю.

— В таком случае выслушайте мой план. Разведчиков отправим еще до рассвета. Пусть отыщут места, где держат горожан, которых надо спасти, и еще… Авиенда, так тебя растак и козлиные яйца на закуску, что ты творишь?!

Авиенда, подреза́вшая ногти запасным ножом, оторвалась от своего занятия. «Козлиные яйца на закуску»? Это что-то новенькое. В арсенале у Илэйн всегда найдется какое-нибудь занятное

ругательство.

Трое верховных опор вскочили из-за стола, опрокидывая стулья, и схватились за мечи. Илэйн осталась сидеть на месте — с широко раскрытыми глазами и разинутым ртом.

— Да, привычка дурная, — согласилась Авиенда и сунула нож за голенище. — Ногти сильно отросли, но зря я стала заниматься ими у тебя в шатре. Прости, Илэйн. Надеюсь, ты не обиделась.

— При чем тут треклятые ногти, Авиенда?! — взвилась Илэйн. — Как… Когда ты пришла? Почему охрана не доложила?

— Меня никто не видел, — объяснила Авиенда. — Не хотелось никого тревожить. Мокроземцы бывают крайне раздражительны. И я подумала, что меня могут не впустить, раз уж ты теперь королева.

Последние слова она произнесла с улыбкой. Илэйн заслужила большую честь; пусть вождем мокроземцев она стала не самым надлежащим образом — здесь, в этих краях, многое поставлено с ног на голову, — но завоевала трон, и ее поступки достойны уважения. Авиенда гордилась ею, как гордилась бы сестрой по копью, взявшей в гай'шайн вождя какого-нибудь клана.

— Тебя никто не… — начала Илэйн и вдруг

расплылась в улыбке. — Ты пробралась через весь лагерь, к моему шатру, стоящему в самом центре, а затем проскользнула внутрь, расселась меньше чем в пяти футах от меня? И тебя никто не увидел?

— Говорю же, не хотелось никого тревожить.

— Странные у тебя понятия о том, как никого не тревожить.

Собеседники Илэйн отреагировали на появление Авиенды с куда меньшим спокойствием. Один из троицы, юный лорд Периваль, встревоженно озирался, словно выискивая других незваных гостей.

— Моя королева! — сказал Лир. — Подобное упущение охраны не должно остаться безнаказанным! Я найду тех, кто считал ворон на посту, и прикажу…

— Спокойно! — перебила его Илэйн. — Со своими телохранителями я поговорю сама. Посоветую, чтобы они чуть зорче следили за происходящим. Но все равно выставлять караул у входа в шатер — глупая затея. И сейчас, и раньше. Как будто нельзя разрезать ткань и войти с другой стороны.

— И тем самым испортить хорошую палатку? — хмыкнула Авиенда. — Не бывать этому,

пока между нами нет кровной вражды.

— Можете осмотреть город, лорд Лир, если вам так угодно, но только с безопасного расстояния. — Илэйн встала. — Если остальные желают составить ему компанию, я не против. Дайлин, с тобой мы увидимся утром.

— Да будет так, — по очереди сказали лорды и вышли из палатки, с подозрением косясь на Авиенду. Дайлин просто покачала головой и последовала за ними. Военачальников Илэйн отправила организовывать разведку города, после чего они с Авиендой остались наедине.

— О Свет, Авиенда! — воскликнула Илэйн, заключив подругу в объятия. — Если бы те, кто желает мне смерти, были хотя бы вполовину такими ловкими…

— Я что, сделала что-то не так? — спросила Авиенда.

— Если не считать того, что проникла в мой шатер, будто наемный убийца…

— Но ты моя первая сестра… Надо было спросить разрешения войти? Но мы не под сенью крова… Или у мокроземцев считается, что шатер — то же, что и кров, как в холде? Прости, Илэйн. Получается, теперь за мной тох? Вы, мокроземцы, такие непредсказуемые! Трудно понять, на что

обидитесь, а на что нет.

— Авиенда, ты просто прелесть, — рассмеялась Илэйн. — Прелестнейшая прелесть! О Свет, как же приятно видеть твое лицо! Сегодня мне очень нужен друг.

— Кэймлин пал? — спросила Авиенда.

— Почти, — помрачнев, ответила Илэйн. — Всё эти треклятые Путевые врата. Я-то думала, они под надежной охраной. Велела заложить их кирпичом, поставила у порога полсотни стражников. Убрала листья *Авендесоры* и поместила снаружи…

— Значит, их впустил кто-то из горожан.

— Приспешники Темного, — подтвердила Илэйн. — Дюжина гвардейцев. Повезло, что один из наших ускользнул от этих предателей живым. О Свет, даже не знаю, стоит ли удивляться. Если такие имеются в Белой Башне, то будут и в Андоре. Но эти люди отказались служить Гейбрилу и вели себя как верноподданные короны. Все это время они ждали момента, чтобы предать нас.

Авиенда поморщилась, но пересела на стул у стола, поближе к Илэйн, решив, что оставаться на полу не стоит. Ее первая сестра предпочитала сидеть в кресле — наверное, из-за довольно большого живота.

— Бергитте с солдатами я отправила в город. Пусть посмотрят, что можно сделать, — сказала Илэйн. — Но на сегодня, пожалуй, все: за городом наблюдают, беженцы под присмотром. О Свет, как же хочется сделать побольше! Когда ты королева, хуже всего не груз обязанностей, а вещи, которых ты не можешь сделать.

— Скоро мы дадим им бой, — сказала Авиенда.

— Так и будет, — сверкнула глазами Илэйн. — Я ниспошлю на них огонь и ярость — то же пламя, которое они принесли моему народу!

— Помнится, тем людям ты говорила, что не собираешься атаковать город.

— Нет, конечно, — сказала Илэйн. — Не позволю удерживать мою столицу против моих же войск. Не доставлю врагу такого удовольствия. В конце концов троллоки покинут Кэймлин, в этом нет никаких сомнений, и я отдала Бергитте приказ. Она отыщет способ поторопить троллоков убраться восвояси, чтобы мы перебили этих тварей за пределами городских стен.

— Не позволяй врагу выбирать поле боя, — кивнула Авиенда. — Хорошая стратегия. А это… собрание Ранда?

— Я буду присутствовать, — ответила Илэйн. — Таков мой долг, и я его исполню. Но лучше бы

Ранд не тянул время и обошелся без нарочитости. Гибнут мои люди, горит мой город, и мир находится в двух шагах от пропасти. Я пробуду здесь до завтрашнего вечера, а затем вернусь в Андор. — Она помолчала. — Пойдешь со мной?

— Илэйн… — промолвила Авиенда. — Я не могу оставить свой народ. Теперь я — Хранительница Мудрости.

— Ты побывала в Руидине? — спросила Илэйн.

— Да, — подтвердила Авиенда, но не стала говорить о видениях, хотя ей было больно хранить этот секрет.

— Прекрасно. Я… — начала Илэйн, но ее прервал дежуривший снаружи стражник:

— Моя королева, к вам с донесением.

— Впустите.

Поднялся входной клапан, и в шатер вбежала девушка с нашивкой ординарца на мундире королевской гвардии. Она исполнила вычурный поклон, одной рукой сняв шляпу, а другой протянув королеве послание.

Илэйн взяла записку, но разворачивать ее не стала. Посыльная удалилась.

— Быть может, Авиенда, мы еще повоюем вместе, — сказала Илэйн. — Если все выйдет по-моему, айильцы помогут мне вернуть Андор.

Троллоки в Кэймлине представляют серьезную угрозу для всех нас. Даже если я сумею выманить их основные силы, Тень не перестанет присылать своих отродий через Путевые врата. Каким-то образом надо будет сделать город негостеприимным для исчадий Тьмы, и пока мои войска будут сражаться с главными отрядами троллоков за пределами Кэймлина, думаю, стоит отправить небольшой отряд для захвата Путевых врат. Если бы я заручилась помощью Айил…

Тем временем Илэйн обняла Источник — Авиенда видела окружившее ее характерное сияние — и рассеянно вскрыла записку, взломав восковую печать струйкой Воздуха. Авиенда приподняла бровь.

— Прошу прощения, — сказала Илэйн. — На этом сроке беременности я снова могу уверенно направлять Силу и пользуюсь любой возможностью…

— Смотри детям не навреди, — напомнила Авиенда.

— Не собираюсь я им вредить! Ты прямо как Бергитте. По крайней мере, здесь ни у кого нет козьего молока. Мин говорит…

Она умолкла. Глаза ее забегали по строчкам послания. Лицо у нее помрачнело, и Авиенда при-

готовилась узнать что-то крайне неприятное.

— Ох уж этот мужчина… — прошипела Илэйн.

— Ранд?

— Когда-нибудь я точно его придушу, и этот день не за горами!

— Если он тебя обидел… — Авиенда скрипнула зубами, а Илэйн перевернула записку:

— Он настаивает — представляешь, настаивает! — чтобы я вернулась в Кэймлин и позаботилась о своих людях. Перечисляет десяток причин, по которым я должна так поступить, и даже освобождает от обязательств, касающихся завтрашней встречи!

— Он не имеет права тебе приказывать.

— В особенности так настойчиво, — сказала Илэйн. — О Свет! Умный ход. Очевидно, Ранд добивается, чтобы я не ушла, а осталась. Есть в этом письме что-то от *Даэсс Дей'мар.*

— Похоже, ты гордишься Рандом, — заявила Авиенда после паузы. — Но эта записка — без пяти минут оскорбление!

— Да, горжусь, — подтвердила Илэйн. — И злюсь на него. Но горжусь потому, что он знает, как меня разозлить. О Свет! Ты у нас еще королем станешь, Ранд! Почему же он так хочет видеть меня на завтрашнем собрании? Думает, я встану

на его сторону только из любви к нему?

— То есть тебе неизвестно, в чем состоит его план?

— Нет. Очевидно, он касается всех правителей. Но завтра я буду присутствовать, пусть даже меня может ждать бессонная ночь. Через час я встречаюсь с Бергитте и другими военачальниками. Будем думать, как выманить троллоков из города, а затем уничтожить этих тварей. — В глазах Илэйн по-прежнему горел огонь. Она была воительницей не менее яростной, чем другие воины, которых Авиенда повидала на своем веку.

— Мне надо пойти к нему, — сказала она.

— Сегодня? — уточнила Илэйн.

— Прямо сейчас. Грядет Последняя битва.

— По мне, она началась в тот момент, когда растреклятые троллоки сунулись в Кэймлин, — заметила Илэйн. — Да хранит нас Свет. Она уже здесь.

— Стало быть, близится день смерти, — сказала Авиенда. — Многие из нас вскоре очнутся от этого сна. Возможно, другой ночи у нас с Рандом не будет. Отчасти я пришла сюда, чтобы спросить твоего разрешения.

— Благословляю тебя, — тихо произнесла Илэйн. — Ты же моя первая сестра. Скажи, ты

пообщалась с Мин?

— Недостаточно, и при других обстоятельствах не преминула бы наверстать упущенное. Но времени нет.

Илэйн кивнула.

— Все же я думаю, что ее отношение ко мне улучшилось, — продолжила Авиенда. — Она оказала мне великую честь, когда помогла осмыслить последний шаг к званию Хранительницы Мудрости. Бывает уместно изменить некоторые из обычаев. И мы неплохо тогда справились, учитывая обстоятельства. Если будет время, мы поговорим с Мин. Вместе. Я и ты.

— Между совещаниями я сумею выкроить минутку-другую, — снова кивнула Илэйн. — Я пошлю за Мин.

Глава 3. Опасное место

— Лорд Логайн и впрямь уладил разногласия с Таимом, — говорил Вэлин, сидя в общем зале «Славной гулянки». Он широко улыбался и позванивал колокольчиками, вплетенными в черные косицы. Вэлин всегда был чересчур улыбчивым. — Обоих тревожил раскол в наших рядах, и оба пришли к выводу, что он пагубно влияет на моральный дух. Сейчас не время для ссор. Надо сосредоточиться на Последней битве.

Андрол стоял у входа, вместе с Певарой. Даже не верилось, как быстро преобразилось это здание и бывший склад превратился в таверну. Линд потрудилась на совесть. Здесь поставили весьма

приличную стойку с высокими табуретами, и хотя столы и стулья были разных форм и размеров, зал вмещал несколько десятков человек. Еще Линд держала здесь внушительную библиотеку, хотя брать книги дозволяла далеко не каждому. На втором этаже она собиралась устроить отдельные кабинеты для посетителей, а еще спальни для гостей Черной Башни — при условии, что Таим снова откроет ее для посторонних.

В зале было не протолкнуться. Среди присутствующих хватало новых рекрутов, еще не успевших принять какую-либо сторону в углублявшемся расколе между теми, кто хранил верность Логайну, и Таимом с его людьми.

Слушая эти речи, Андрол чувствовал, как по спине пробегает холодок. Рядом, нежно касаясь руки Вэлина, сидела его Айз Седай по имени Дженаре. Ее Андрол почти не знал, но Вэлина… Вэлина он знал прекрасно, и это лицо, этот голос принадлежали другому человеку.

— Мы встречались с лордом Драконом, — продолжал Вэлин, — когда он обозревал Порубежье и готовился к схватке человечества с Тенью. Под своим стягом он собрал армии всех государств. Нет никого, кто не поддержал бы его, — за исключением шончан, разумеется, но тех оттеснили

обратно. Время пришло, и вскорости нас призовут к оружию. Надо сосредоточиться на отработке своих навыков. В последующие две недели многих удостоят значками меча и дракона. Усердно трудитесь, и мы станем тем оружием, силой которого эту землю вырвут из лап Темного.

— Говоришь, Логайн скоро будет? — осведомился кто-то. — А почему он еще не здесь?

Андрол повернулся на голос. Над столиком Вэлина навис Джоннет Даутри. Со скрещенными на груди руками и сердитым взглядом он производил довольно грозное впечатление. Обычно этот уроженец Двуречья вел себя дружелюбно, и легко было забыть, что он на голову выше тебя, а руки у него что медвежьи лапы. Сегодня на нем был черный мундир Аша'мана, хоть на высоком воротнике и не имелось никаких значков — несмотря на тот факт, что по уровню Силы Джоннет не уступал любому из посвященных.

— Почему он не здесь? — напирал Джоннет. — Говоришь, вы вернулись вместе и Логайн беседовал с Таимом? Так где же он?

«Полегче, парень, — подумал Андрол. — Пусть Вэлин думает, что мы купились на его ложь!»

— Они с М'Хаэлем отправились к лорду Дракону, — ответил Вэлин. — Наутро, в крайнем случае

послезавтра, оба должны вернуться.

— Почему Таиму Логайн в провожатые понадобился? Ему что, дорогу надо указывать? — упрямился Джоннет.

— Ну что за болван этот мальчишка… — прошипела Певара.

— Он честный малый, — шепотом ответил Андрол, — и хочет получить честные ответы.

Хорошие ребята эти двуреченцы, преданные и прямодушные, но не особо искушены в искусстве уверток и лжи.

Певара ничего не сказала, но Андрол чувствовал — именно что чувствовал, — как она прикидывает, не утихомирить ли Джоннета каким-нибудь плетением Воздуха. То были не серьезные намерения, а праздные мысли, но Андрол их чувствовал. О Свет! Что же они сотворили друг с другом?

«Она у меня в голове, — подумал он. — У меня в голове — Айз Седай».

Певара вздрогнула, потом покосилась на него.

Андрол обратился к пустоте. То был старый солдатский трюк, помогавший ему обрести ясность мысли перед битвой. В этой пустоте, конечно же, витала саидин, но ее Андрол касаться не стал.

— Что вы сделали? — тихо спросила Певара. —

Я продолжаю чувствовать вас, но читать мысли стало труднее.

Ну, это уже хоть что-то.

— Джоннет! — крикнула Линд от стойки, когда парень собирался задать Вэлину новый вопрос. — Ты что, не слышал, сколько раз ему пришлось Перемещаться? Человек из сил выбился. Дай ему выпить эля и чуток отдохнуть, а там уже приставай с расспросами.

Джоннет обиженно оглянулся на нее, потом, растолкав собравшихся, выбежал из таверны под дождь. Вэлин улыбнулся до ушей и продолжил рассказывать о том, как замечательно идут дела у лорда Дракона и насколько сильно ему понадобятся все присутствующие.

Напряжение схлынуло, так что Андрол высвободился из пустоты. Он обвел взглядом общий зал, пытаясь сообразить, кому из находящихся тут можно доверять. Многие из этих ребят ему нравились, и далеко не все всецело поддерживали Таима, однако положиться на них он не рискнул бы. Ныне Таим полностью контролировал Башню, и новоприбывшие жаждали индивидуальных занятий с ним или его приближенными. На какую-то поддержку можно было рассчитывать только от двуреченцев, а большин-

ство из них, за исключением Джоннета, слишком неопытны и, следовательно, бесполезны.

В другом конце общего зала рядом с Налаамом стоял Эвин, и Андрол кивнул ему — дескать, ступай за Джоннетом, нельзя ходить поодиночке, — после чего стал слушать хвастливые байки Вэлина и заметил, что к нему пробирается Линд.

Линд Таглиэн, невысокая брюнетка в красиво расшитом платье, всегда казалась ему образцом, на который стоило бы равняться Черной Башне. Образованная, культурная, влиятельная…

Мужчины расступались перед ней. Все знали, что в этой таверне лучше не проливать напитков и не затевать потасовок. Чего не хотел бы любой здравомыслящий человек, так это навлечь на себя гнев Линд. Она правила в «Славной гулянке» железной рукой, и это, пожалуй, к лучшему: в поселении, где полно мужчин, способных направлять Силу, обычная пьяная драка может привести к самым неприятным последствиям.

— Тебя все это тревожит не меньше, чем меня? — тихо спросила Линд, приблизившись к Андролу. — Разве не Вэлин всего лишь пару недель назад говорил, что кое-какими своими поступками Таим заслужил суд и казнь?

Андрол не ответил. Что тут скажешь? Что, по

его мнению, человека, которого все они знали под именем Вэлин, больше нет в живых? Что вскоре вся Черная Башня превратится в скопище монстров с чужими глазами, фальшивыми улыбками и мертвыми душами?

— Не верю я тому, что он говорит про Логайна, — продолжила Линд. — Тут дело нечисто, Андрол. Попрошу-ка я Фраска проследить, куда сегодня вечером он…

— Нет, — сказал Андрол. — Не надо. Не проси.

Фраск был ее мужем. Его наняли в помощь Генри Хаслину, обучавшему новобранцев Черной Башни фехтованию. Таим полагал, что Аша'манам эта наука ни к чему, но лорд Дракон настоял, чтобы людей обучили биться на мечах.

Линд смерила Андрола взглядом:

— Неужели ты считаешь…

— Я считаю, Линд, что нам грозит огромная опасность и нельзя, чтобы Фраск усугубил ситуацию. Сделай мне одолжение. Вэлин будет говорить, а ты запоминай. Может, что-то из сказанного им окажется для меня полезным.

— Ну ладно, — согласилась она, но, судя по виду, отнеслась к его просьбе скептически.

Андрол кивнул Налааму и Канлеру. Оба встали и направились к выходу. По крыше и по крыльцу

барабанил дождь. Вэлин продолжал говорить, и люди слушали его. Да, трудно поверить, что он так быстро переметнулся на другую сторону, и кто-то из парней обязательно заподозрит неладное. Но многие уважают Вэлина, и, если не знать его как облупленного, не заметишь, что с ним что-то не так. Совсем чуть-чуть, но не так.

— Линд! — сказал Андрол, когда хозяйка таверны собралась отойти. Она снова взглянула на него. — Сегодня… запрись покрепче. Договорились? А затем вам с Фраском лучше, наверное, перебраться в погреб с припасами. Дверь там надежная?

— Да, — ответила Линд. — Если это хоть как-то поможет.

Ведь если к тебе заявился кто-то владеющий Единой Силой, то его не остановит даже самая крепкая дверь.

Подошли Налаам и Канлер. Андрол собрался было уйти, но налетел на стоявшего в дверях позади него человека, чьего приближения не услышал. С куртки Аша'мана стекала дождевая вода, на высоком воротнике поблескивали значки в виде меча и дракона. Атал Мишраиль поддерживал Таима с самого начала. Глаза его не были пусты: этого человека не переманивали на

сторону Тьмы — зло было в нем самом. Высокий, с длинными золотистыми волосами, он улыбался — но улыбка никогда не находила отражения во взгляде.

Увидев его, Певара едва не подскочила от неожиданности, а Налаам выругался и обратился к Источнику.

— Тихо, тихо, — раздался мужской голос. — Давайте-ка обойдемся без стычек.

Появившийся из-за пелены дождя Мезар встал рядом с Мишраилем. В волосах низкорослого доманийца поблескивала седина, и его, несмотря на недавнее преображение, отличали умудренный вид и степенные манеры.

Андрол заглянул ему в глаза, и это были не глаза, а глубокие пещеры, где никогда не бывает света.

— Здравствуй, Андрол, — сказал Мезар и положил руку Мишраилю на плечо, словно эти двое давно дружили. — Зачем же нашей доброй Линд дрожать от страха и запираться в погребе? Разве где-то безопаснее, чем в Черной Башне?

— Не в такую темную ночь, полную грома и грозовых молний, — ответил Андрол.

— Быть может, ты прав, — заметил Мезар. — Но зачем же ты выходишь в эту ночь? Почему бы

не остаться в тепле? Налаам, мне хотелось бы услышать одну из твоих историй. Не поведаешь ли, как вы с отцом побывали в Шаре?

— Нет в этой истории ничего особенного, — сказал Налаам. — Мне плохо запомнилась та поездка.

Мезар рассмеялся, и Андрол услышал, как за спиной у него встал из-за стола Вэлин:

— А вот и ты! Я тут как раз говорил, что ты расскажешь о защитных укреплениях Арафела.

— Останься и послушай, — велел Мезар. — Перед Последней битвой это особенно важно.

— Может, вернусь, — ответил Андрол без энтузиазма. — Когда доделаю другие дела.

Они смотрели друг на друга. Стоявший рядом Налаам по-прежнему удерживал Единую Силу. Он был не слабее Мезара, но шансов совладать с обоими — Мезаром и Мишраилем — у него не было. Особенно в общем зале, полном людей, которые, по всей вероятности, встанут на сторону двоих полноранговых Аша'манов.

— Не трать время на этого пажа, Вэлин, — сказал Котерен из-за спины Мишраиля, и тот посторонился, пропуская вперед третьего спутника. Грузный мужчина с глазами-бусинками положил ладонь на грудь Андрола и отпихнул его

в сторону. — Ой, погоди. Теперь ты не можешь играть роль пажа — верно?

Андрол вошел в пустоту и коснулся Источника.

Тени в общем зале немедленно пришли в движение. Они удлинялись.

Мало света! Почему в таверне не зажгли больше ламп? Темнота зазывала эти тени, и Андрол собственными глазами видел, как они тянутся к нему. Они были реальными, эти черные щупальца — стремившиеся его схватить, уволочь, уничтожить…

«О-о-о Свет! Я безумен, безумен!»

Пустота разлетелась вдребезги, и тени — благодарение Свету! — отступили. Андрол понял, что тяжело дышит, весь дрожит и вжимается в стену. Певара смотрела на него с безучастным лицом, но Андрол чувствовал ее тревогу.

— Да, кстати, — произнес Котерен. Он принадлежал к числу самых влиятельных прихвостней Таима. — Ты уже слышал?

— О чем? — сумел выдавить Андрол.

— Тебя лишили звания, паж. — Котерен указал на значок с мечом. — По приказу Таима. Как раз сегодня. Отныне ты опять простой солдат, Андрол.

— Ах да, — подтвердил стоявший посреди общего зала Вэлин. — Совсем забыл сказать. Уж прости, Андрол, но твое разжалование согласовано с лордом Драконом. Тебя и повышать-то не следовало. Без обид, дружище.

Андрол коснулся значка в виде меча на воротнике. Эта безделка не должна иметь для него никакого значения — так?

Нет, не так. Вся жизнь Андрола прошла в беспрестанных поисках. Подмастерьем он изучил десяток ремесел. Он участвовал в мятежах, переплыл два моря. И все это время он что-то искал, а что — и сам не мог понять.

И нашел это, когда оказался в Черной Башне.

Андрол отринул страх — чтоб им сгореть, этим теням! Потом он расправил плечи, твердо посмотрел Котерену в глаза и снова открыл себя саидин, чувствуя, как наполняется Единой Силой.

Здоровяк улыбнулся и тоже обратился к Единой Силе. Затем к Источнику прильнул Мезар, после него — стоявший на прежнем месте Вэлин. Обеспокоенный Налаам, бросая быстрые взгляды по сторонам, что-то бормотал себе под нос. У обнявшего саидин Канлера был отрешенный вид.

Андрол вобрал всю Единую Силу, что мог удержать. По сравнению с прочими — считай что

нисколько. Он был слабейшим в этой таверне, даже те, кто пришел в Черную Башню совсем недавно, без труда заткнули бы его за пояс.

— Ну что, рискнешь? — тихо спросил Котерен. — Я просил, чтобы тебя не трогали, — как знал, что рано или поздно ты начнешь первым. К моему удовольствию, паж. Ну давай. Бей. Посмотрим, что у тебя получится.

Андрол попробовал сделать единственное, что умел: открыть переходные врата, бывшие для него не заурядным плетением, а чем-то глубоко личным, чем-то инстинктивным. Только он и Единая Сила.

Но когда он попробовал создать врата теперь, ему показалось, будто он пытается взобраться на стофутовую стеклянную стену, цепляясь за нее лишь ногтями. Он подпрыгивает, соскальзывает, старается изо всех сил… Но ничего не происходит. Он чувствовал, что результат близок, и если добавить чуть больше Силы, то…

Тени удлинились. Его вновь охватила паника. Скрипнув зубами, Андрол сорвал с воротника значок и швырнул его под ноги Котерену. Металл звякнул, ударившись о половицы. Никто в общем зале не сказал ни слова.

Затем, поправ стыд монолитом решительно-

сти, он отпустил Единую Силу, оттолкнул Мезара и вышел в ночь, слыша за спиной торопливые шаги Налаама, Канлера и Певары.

Андрол остановился под струями дождя и понял, что предпочел бы лишиться руки, нежели этого значка.

— Андрол, — окликнул его Налаам. — Мне так жаль…

Громыхнул гром, и все четверо пошлепали вперед, по грязным лужам немощеной улицы.

— Нечего тут жалеть, — сказал Андрол.

— Может, надо было драться? — предположил Налаам. — Кто-то из парней поддержал бы нас, не все они в кармане у Таима. Однажды мы с отцом дали отпор полудюжине гончих Тьмы — озари Свет мою могилку, так оно и было! А коли мы выжили в том бою, стоит ли бояться нескольких псов-Аша'манов?

— От нас ничего не осталось бы, — сказал Андрол.

— Но…

— Ничего не осталось бы! — повторил Андрол. — Нельзя, чтобы они выбирали место схватки, Налаам.

— Но эта схватка… Будет ли она? — спросил Канлер, нагнавший остальных и шагавший те-

перь рядом.

— Они схватили Логайна, — сказал Андрол. — Иначе не стали бы ничего обещать. Если потеряем его, всему конец — и нашему восстанию, и шансу объединить Черную Башню.

— Значит…

— Значит, мы его спасем, — заключил Андрол, не останавливаясь. — Сегодня ночью.

Ранд работал при мягком и ровном свете сотворенной саидин сферы. До Драконовой горы он начал избегать столь банального применения Единой Силы. Когда он касался Источника, то чувствовал себя нехорошо, и использование Силы вызывало в нем все большее и большее отвращение.

Это изменилось. Саидин стала частью его существа, и страх перед нею сгинул вместе с порчей. Что важнее, Ранд перестал считать Силу — и себя — просто оружием.

Под светящимися сферами он будет работать при любой возможности. Он намеревался попросить Флинна, чтобы тот поучил его Исцелению. Способности к целительству у него были невелики, но даже скромные навыки помогут спасти раненого от смерти. Слишком уж часто Ранд пользовался этим чудом — этим даром, — чтобы

сеять смерть и разрушение. Стоит ли удивляться, что люди смотрят на него со страхом в глазах? Что сказал бы Тэм?

«Почему бы и не спросить?» — рассеянно подумал Ранд, делая для себя еще одну пометку на листе бумаги. Непросто было привыкнуть к мысли, что Тэм рядом, в соседнем лагере. Чуть раньше тем вечером Ранд обедал вместе с ним. Поначалу атмосфера была неловкой, но чего еще ожидать, когда король приглашает своего отца — простого селянина — пообедать. Оба посмеялись над этой шуткой, и Ранд почувствовал себя много лучше.

Вместо того чтобы осыпать Тэма почестями и богатствами, Ранд позволил ему вернуться в лагерь Перрина. Тэм не желал, чтобы его провозгласили отцом Дракона Возрожденного. Он хотел остаться тем, кем был всегда, — не лордом, а солидным и надежным во всех отношениях человеком по имени Тэм ал'Тор.

Ранд вернулся к лежавшему перед ним документу. Секретари в Тире помогли с выбором стиля, но слова на бумагу Ранд переносил самостоятельно: нельзя доверять их чужим рукам — или глазам.

Не слишком ли он осторожничает? Не зная, каков твой следующий ход, враг не успеет под-

готовиться. Едва не угодив в плен к Семираг, Ранд стал чрезмерно подозрительным и признавал свою возросшую недоверчивость к другим. Однако когда так долго носишь в себе секреты, непросто выпустить их на волю.

Он принялся перечитывать документ с самого начала. Однажды Тэм отправил его проверять изгородь, нет ли в ней каких-то слабых мест, а когда Ранд осмотрел ее и вернулся, Тэм велел ему осмотреть изгородь еще раз.

Лишь с третьего захода Ранд нашел расшатавшийся шест, просивший замены. Он до сих пор не мог понять, знал ли Тэм про этот шест или проявлял свойственную ему педантичность.

Этот документ куда важнее той ограды. До утра Ранд наверняка просмотрит его еще раз десять, выискивая осложнения, которых не предусмотрел.

К несчастью, сосредоточиться было трудно. Женщины что-то затевали. Ранд чувствовал их через клубки эмоций, что пульсировали у него в сознании. Этих сгустков чувств было четыре — Аланна по-прежнему была там, но она оставалась где-то на севере. Остальные же трое всю ночь провели рядом друг с другом, а теперь подходили к его шатру. Что же у них на уме? Надо бы…

Стоп. Одна отделилась от остальных. Она почти здесь. Авиенда?

Ранд встал, подошел к выходу и отбросил клапан.

Авиенда застыла на месте — такое чувство, будто она собиралась тайком проскользнуть к нему в шатер. Девушка вздернула подбородок и посмотрела Ранду в глаза.

Ни с того ни с сего тишину разорвали возгласы, и Ранд только сейчас заметил, что охраны нет на месте. Вместо этого Девы устроили лагерь неподалеку от его шатра и теперь кричали на Ранда. Эти вопли не были восторженными или радостными — каких он мог ожидать. Отнюдь — его осыпали оскорблениями, причем самыми чудовищными, а некоторые ярко живописали, что сделают с определенными частями его тела, когда сумеют его изловить.

— Что это такое? — оторопел Ранд.

— Они не всерьез, — объяснила Авиенда. — Для них это символизирует, что ты забираешь меня у Дев, — но я уже покинула их ряды, когда решила стать Хранительницей Мудрости. Это… обычай Дев. Вообще говоря, знак уважения. Если бы ты им не нравился, они вели бы себя совсем иначе.

Ох уж эти Айил…

— Погоди, — сказал он. — Я тебя забираю? Каким образом?

Авиенда снова посмотрела ему в глаза, и щеки ее порозовели. Авиенда? Зарделась? Вот дела…

— Пора бы понять, — сказала она. — Будь ты внимательнее, когда я говорила о нас с тобой…

— Увы, у тебя был не ученик, а шерстеголовый болван.

— Повезло ему, что я решила продлить обучение. — Авиенда подступила на шаг ближе. — Есть многое, чему мне все еще нужно тебя обучить. — Девушка покраснела пуще прежнего.

О Свет, какая же она красивая! Но Илэйн тоже красавица… а Мин… а…

А он глупец. Ослепленный Светом идиот.

— Авиенда! — сказал Ранд. Я люблю тебя. Всем сердцем люблю. Но в том-то и беда, чтоб ей сгореть! Я люблю вас всех. Всех троих. Разве можно смириться с этим и выбрать…

Вдруг она расхохоталась:

— Ты и впрямь глупец! Да, Ранд ал'Тор?

— Временами. Но о чем ты…

— Мы — первые сестры, Ранд ал'Тор. Илэйн и я. Когда я получше узнаю Мин, она присоединится к нам. И мы втроем разделим все, что у нас есть.

«Первые сестры»? С учетом этой странной

связи он должен был что-то заподозрить. Ранд схватился за голову. «Мы *разделим* тебя», — говорили они.

Нет ничего хорошего в том, чтобы бросить наедине со страданиями четырех женщин, связанных с ним узами, но… Эта влюбленная в него троица? О Свет, Ранду совсем не хотелось принести им боль!

— Многие говорят, ты изменился, — продолжила Авиенда. — Я вернулась совсем недавно, но уже устала выслушивать эти рассказы. Что ж, лицо твое безмятежно — в отличие от чувств. Неужели мысль о том, чтобы принадлежать нам троим, наводит на тебя такой ужас?

— Мне этого хочется, Авиенда. Сгореть мне от стыда, но хочется. Но боль…

— Ты же принял ее, разве нет?

— Не моя боль страшит меня, но ваша.

— Значит, мы настолько слабы, что не вынесем того, что вынес ты?

Этот ее взгляд… Ранд вконец лишился присутствия духа.

— Конечно же нет, — ответил он. — Но как можно причинить боль тем, кого любишь?

— Мы сами решаем, принять или нет эту боль, — вздернув подбородок, заявила Авиен-

да. — Ранд ал'Тор, ты пытаешься все усложнить, хотя ответить проще простого. Скажи «да» или «нет», но предупреждаю: или все трое, или ни одной. Мы не позволим тебе посеять раздор между нами.

Он помедлил, а затем, чувствуя себя конченым распутником, поцеловал ее. За спиной у него Девы — Ранд и думать забыл, что стоит у них на виду, — принялись выкрикивать новые, еще более громкие оскорбления, хотя в них слышалась неуместная радость. После поцелуя Ранд погладил Авиенду по щеке:

— Дуры вы, дуры. Все трое.

— В таком случае все хорошо. Мы такие же, как ты. Тебе следует знать, что теперь я Хранительница Мудрости.

— В таком случае я тебе не ровня, — сказал Ранд, — поскольку только что начал понимать, что мудрость мне совсем не свойственна.

Авиенда фыркнула:

— Довольно разговоров. Веди меня в постель!

— О Свет! — воскликнул Ранд. — Не слишком ли бесцеремонно? Что, у Айил так принято?

— Нет. — Девушка снова покраснела. — Просто… я не очень искусна в подобных делах.

— Это вы втроем решили, да? Договорились,

кто ко мне придет?

После паузы она кивнула.

— И у меня никогда не будет права выбора?

Она помотала головой, и Ранд со смехом притянул ее к себе. Поначалу Авиенда напряглась, но затем растаяла.

— Так что, сперва я должен сразиться с ними? — кивнул он в сторону Дев.

— Только в случае свадьбы. Если мы решим, что за такого безмозглого дурака стоит выходить замуж. И сражаться будешь не с Девами, а с нашей родней. Как вижу, ты пропустил мимо ушей все мои наставления.

— Что ж… — Ранд посмотрел на нее с высоты своего роста. — Рад, что можно обойтись без драки. Не знаю, сколько у нас времени, и до утра я надеялся хоть немного вздремнуть. Но… — Перехватив ее взгляд, он осекся. — Сна мне не видать, верно?

Авиенда решительно кивнула.

— Ну что поделать! На сей раз хотя бы не буду волноваться, что ты замерзнешь до смерти.

— Но может статься, что умру от скуки, Ранд ал'Тор, если не перестанешь молоть языком.

Под выкрики Дев, еще более громкие, цветистые и оскорбительные, Авиенда взяла его за

руку и нежно, но настойчиво потянула в шатер.

— Подозреваю, дело в каком-то тер'ангриале, — сказала Певара. Она сидела на корточках рядом с Андролом в одном из складов Черной Башни и находила эту позу весьма неудобной. В кладовой пахло пылью, зерном и деревом. Большинство здешних строений возвели совсем недавно, и этот склад не был исключением. Кедровые доски еще не высохли.

— Вам известно о тер'ангриале, который препятствует открытию переходных врат? — спросил Андрол.

— Нет, ничего конкретного. — Певара устроилась поудобнее. — Но принято считать, что о тер'ангриалах нам известна лишь малая толика того, что о них знали в прежние времена. Их разновидностей тысячи; и если Таим — приспешник Темного, у него есть доступ к Отрекшимся, а те, пожалуй, способны объяснить ему, как создавать и использовать такие вещи, о которых мы можем только мечтать.

— Значит, надо найти этот тер'ангриал, — сказал Андрол. — И заблокировать его. Или, по крайней мере, выяснить, как он действует.

— А потом сбежать? — спросила Певара. — Разве вы не пришли к выводу, что побег — не

лучший вариант?

— Ну… да, — признал Андрол.

Певара сосредоточилась и сумела уловить отголоски его мыслей. Она слышала, что узы позволяют сопереживать Стражу, но связь между нею и Андролом оказалась более глубокой. Он… Да, он и впрямь страдал, что не может открыть переходные врата. Утратив эту способность, Андрол чувствовал себя обезоруженным.

— Таков мой талант, — с неохотой произнес он, зная, что рано или поздно Певара выяснит, что к чему. — Я умею плести переходные врата. По крайней мере, умел.

— Правда? С вашим уровнем владения Единой Силой?

— Вернее сказать, его отсутствием.

Певара чувствовала, о чем думает Андрол. Он смирился с тем, что слаб, но опасался, что эта слабость делает его непригодным для роли лидера. Занятная смесь уверенности в себе и застенчивости…

— Да, — продолжил он, — для Перемещения требуется громадный объем Единой Силы, но я могу открывать переходные врата большого размера. До того как тут все пошло наперекосяк, мне удалось создать врата, шириной в тридцать

футов.

— Вы преувеличиваете! — удивленно заморгала Певара.

— Показал бы, да не могу. — Ни малейшего намека на ложь.

Или он говорит правду, или это заблуждение, вызванное его безумием. Певара молчала, не зная, как реагировать на его слова.

— Ничего страшного, — продолжил Андрол. — Я знаю, что со мной… не все в порядке. Как и с большинством из нас. Поспрашивайте парней насчет моих переходных врат. Котерен называет меня пажом не без причины. Просто единственное, что я умею, — препровождать людей из одного места в другое.

— Это выдающийся талант, Андрол. Представляю, с каким интересом его изучили бы в Башне. Только подумайте, сколько людей родились с подобным даром, но так и не узнали о нем — ведь плетения для Перемещения оставались неизвестными!

— В Белую Башню я не пойду, Певара, — сказал он, выделив интонацией слово «Белую».

Певара сменила тему:

— Вы обожаете Перемещаться и в то же время не хотите покидать Черную Башню. Так какое

вам дело до этого тер'ангриала?

— Переходные врата… принесли бы немало пользы, — ответил Андрол.

Он о чем-то задумался, но Певара никак не могла уловить его мысли. Чувствовала только мимолетные образы и впечатления.

— Но если мы никуда не собираемся… — возразила она.

— Вы глазам своим не поверите. — Он привстал, наклонился к окну и выглянул в переулок. Ливень наконец-то сменился моросью, хотя небо оставалось черным. До рассвета было несколько часов. — Я… экспериментировал. Пробовал такое, что вряд ли кто-то пытался делать до меня.

— Думаю, в мире не осталось ничего неизведанного, — усомнилась Певара. — У Отрекшихся имелся доступ к знаниям других эпох.

— Вы и правда думаете, что в Черной Башне орудует Отрекшийся?

— Почему бы и нет? — спросила она. — Представьте, что вы готовитесь к Последней битве и хотите обеспечить себе победу над врагами. Неужели вы допустите, чтобы те, кто способен направлять Силу, собравшись вместе, тренировались, обучали друг друга и набирались сил?

— Да, — тихо ответил Андрол. — Допущу. А

затем подчиню их своей воле.

Певара сжала губы. Пожалуй, он прав. Упоминание об Отрекшемся взбудоражило Андрола, и теперь его мысли читались куда яснее.

Какие противоестественные узы… Ей необходимо от них избавиться. После чего Певара с радостью свяжет Андрола с собой должным образом.

— Я отказываюсь брать на себя ответственность за случившееся, Певара, — сказал Андрол и снова выглянул в окно. — Вы первой наложили на меня узы.

— После того, как вы предали то доверие, которое я вам оказала, предложив объединение в круг.

— Я не причинил вам вреда. Чего вы, собственно, ожидали? Разве смысл круга не в том, чтобы объединить наши силы?

— Препирания ни к чему не приведут…

— Вы говорите так лишь потому, что проигрываете в споре. — Эти слова были сказаны самым ровным тоном, да и внутри Андрол был совершенно спокоен. Певара начала понимать, что вывести этого мужчину из себя не так-то просто.

— Я говорю так потому, что это правда, — возразила она. — Вы не согласны?

И почувствовала, что ему смешно. Он видел, как Певара направляет разговор в удобное русло. И еще… он был впечатлен и думал, что неплохо бы перенять ее навыки.

Дверь кладовки со скрипом приоткрылась, и внутрь заглянула Лейш, кругленькая приятная женщина с белыми волосами. Она была странной парой для своего мужа, вечно угрюмого Аша'мана Канлера. Лейш кивнула Певаре, давая понять, что прошло полчаса, и снова притворила дверь. Поговаривали, будто Канлер связал жену узами. И кто она теперь? Женщина-Страж?

С этими мужчинами все шиворот-навыворот. Певара полагала, что связывать узами свою половину не так уж неуместно — по крайней мере, каждый будет спокоен, зная, где находится муж или жена, — однако использовать подобные узы в столь приземленных целях представлялось каким-то неправильным. Такое плетение предназначено для Айз Седай и ее Стража, а не для мужа и жены.

Андрол разглядывал Певару. Как видно, пытался распутать беспорядочный клубок ее мыслей. Странный он, этот Андрол Генхальд. Как можно быть таким целеустремленным и вместе с тем неуверенным в себе? Эти качества сплетались

в нем, будто две бечевы. Он делал все, что требовалось, но не переставал волноваться, что на его месте должен быть кто-то более достойный. Непонятно…

— Да я и сам себя не понимаю, — сказал Андрол.

И в придачу он еще умеет выводить людей из себя! Ее сознание для него все равно что открытая книга, хотя сама Певара едва в состоянии улавливать ход его мыслей! Когда это он успел?

— Вы не могли бы подумать об этом снова? — попросил он. — Я не разобрал.

— Идиот! — буркнула Певара.

Андрол улыбнулся, затем снова глянул поверх подоконника.

— Еще рано, — сказала Певара.

— Уверены?

— Да. А если и дальше будете высовываться, спугнете его, когда все же придет.

Андрол снова присел на корточки, хоть и без особой охоты.

— Значит, так, — сказала Певара. — Когда он явится, командовать буду я.

— Лучше бы нам объединиться в круг.

— Нет. — Отныне она не окажется в его власти. Только не после того, что было в прошлый раз.

Певара поежилась, и Андрол взглянул на нее.

— Есть серьезные причины, — продолжила Айз Седай, — чтобы не формировать круг. При всем уважении, Андрол, ваши способности не настолько велики, чтобы оправдать пользу от соединения. Нам двоим лучше действовать по отдельности. Поймите меня правильно. Что бы вы предпочли на поле боя? Одного солдата? Или двоих — пусть один из них и чуть менее искусен, — но оба способны выполнять разные задачи?

Он задумался над услышанным, затем вздохнул и кивнул:

— Ладно, уговорили. На сей раз ваши речи не лишены здравого смысла.

— Они никогда не лишены здравого смысла. — Певара встала. — Пора. Приготовьтесь.

Оба встали по бокам от двери, выходившей в переулок. Ее намеренно оставили приоткрытой, а здоровенный замок висел снаружи так, словно его забыли защелкнуть.

Они молча ждали, и Певара начала беспокоиться, что ее расчеты оказались неверны. Андрол будет покатываться со смеху, и…

Дверь распахнулась, и в кладовую сунулся Добзер. Чуть раньше Эвин как бы невзначай

обмолвился при нем, что Лейш забыла запереть дверь и он стащил из задней комнаты бутылку вина. Андрол знал, что Добзер — горький пьяница, и за этот грешок Таим не раз избивал его до бесчувствия.

Певара чувствовала отношение Андрола к этому человеку. Печаль. Глубокая, всепоглощающая печаль. В глазах у Добзера не осталось ничего, кроме тьмы.

Певара нанесла удар без промедления: спеленала Добзера прядями Воздуха и выставила щит, отсекая ничего не подозревавшего мужчину от Источника. Андрол занес дубинку, но необходимости в этом не было: Добзер, с широко раскрытыми глазами, завис над полом, а Певара, заложив руки за спину, критически рассматривала своего пленника.

— Вы уверены? — тихо спросил Андрол.

— Поздно уже сомневаться, — ответила Певара, закрепляя плетения Воздуха. — По всему судя, рассказы в этом сходятся. Чем более предан Свету человек до своего падения, тем глубже он провалится в Тень. А значит…

А значит, довольно-таки бесхребетного Добзера, наверное — наверное! — будет проще сломать, подкупить или обратить на свою сторону. Это

важно, ведь подхалимы Таима поймут, что случилось, как только…

— Добзер? — раздался чей-то голос. В дверном проеме возникли две черные фигуры. — Нашел вино? Следить за передним входом незачем. Этой женщины здесь…

То были Вэлин и Лимс, еще один из фаворитов Таима.

Певара отреагировала мгновенно: накинула на обоих плетения, одновременно с тем сотворив прядь Духа. Ее попытка отсечь их щитом закончилась неудачей — весьма непросто выставить барьер между Источником и человеком, уже удерживающим Единую Силу, — но кляпы встали на место, и вопли прекратились.

Певара почувствовала, как ее обвивает Воздух и как кто-то из противников пытается разорвать ее связь с Источником. Певара прикинула, где может находиться щит, и рассекла его, стегнув тесьмой Духа.

Поняв, что его плетение исчезло, Лимс озадаченно попятился. Певара метнулась вперед, на ходу сплетая новый щит и обрушивая его между мужчиной и Источником. Она всем телом врезалась в Лимса и впечатала его в стену. Уловка сработала, и созданный Певарой барьер отделил

мужчину от Единой Силы.

Очередной щит предназначался Вэлину, но тот ударил Певару своими собственными плетьми Воздуха, швырнувшими женщину через всю кладовую. Налетев спиной на стену, она охнула, но сумела создать тесьму Воздуха. Хотя в глазах у нее потемнело, Певара сумела удержать это единственное плетение и инстинктивно метнуть его вперед, и оно обвило ногу Вэлина, когда тот рванул было на улицу.

Певара почувствовала, как земля дрогнула под тяжестью чьего-то падения. Он оступился, наверное. Голова у нее кружилась, перед глазами все плыло…

Она села. Несмотря на боль во всем теле, Певара не отпустила свитые из Воздуха кляпы. Как только их не станет, люди Таима поднимут крик. Если так, Певара умрет. Все они погибнут. И это в лучшем случае.

Айз Седай сморгнула слезы боли и увидела, что Андрол стоит над двумя Аша'манами с дубинкой в руке. Похоже, он оглушил обоих, не доверяя невидимым для него щитам. Тоже неплохо, поскольку со вторым барьером вышла промашка, и теперь Певара поставила его на место.

Добзер, с выпученными глазами, висел на

прежнем месте. Андрол взглянул на Певару.

— О Свет! — воскликнул он. — Певара, это невероятно. Почти в одиночку вы одолели двоих Аша'манов!

Она удовлетворенно улыбнулась, кое-как нащупала руку Андрола и с его помощью поднялась на ноги.

— Чем, по-вашему, занимаются Красные сестры? Сидят и жалуются на мужское поведение? Да, Андрол? Мы обучаемся сражаться с теми, кто умеет направлять Силу.

Она чувствовала, что Андрол проникся к ней уважением. Тем временем он затащил Вэлина в кладовую, закрыл дверь и глянул в окна, проверяя, нет ли на улице свидетелей, после чего поспешно задернул занавески и сплел светящуюся сферу.

Певара сделала глубокий вдох и оперлась о стену, чтобы не упасть.

Андрол окинул ее острым взглядом:

— Вам надо к кому-то из ваших, чтобы Исцелиться.

— Со мной все будет хорошо, — сказала Певара. — Просто стукнулась головой, и теперь вся комната кружится. Это пройдет.

— Дайте-ка посмотрю. — Андрол приблизился

к ней, и висевшая в воздухе светящаяся сфера последовала за ним. Певара решила не спорить. Андрол проверил ей глаза, ощупал голову в поисках шишек и приблизил сферу к лицу. — Гляньте на свет. Больно?

— Да, — признала она и отвела глаза.

— Тошнит?

— Подташнивает.

Он хмыкнул, достал из кармана носовой платок и смочил его водой из фляги. Лицо его сделалось сосредоточенным, и свет померк. Платок тихо захрустел, а когда Певара взяла его, оказалось, что мокрая ткань замерзла.

— Приложите к месту ушиба, — сказал Андрол. — Если станет клонить в дрему, скажите. Если уснете, может стать хуже.

— Вы что, беспокоитесь за меня? — с веселым удивлением спросила Певара, делая как велено.

— Просто… Помните, вы недавно говорили, что у нас каждый боец на счету?

— Помню. — Она покрепче прижала к голове промерзший платок. — Так вы, помимо прочего, и в приемах врачевания разбираетесь?

— Было дело, ходил в учениках у одной Мудрой женщины, — отмахнулся Андрол, после чего опустился на колени, чтобы связать веревкой

лежавших на полу.

Певара с облегчением распустила путы Воздуха, но щиты оставила на месте.

— Неужели Мудрая женщина того городка взяла в ученики мужчину?

— Не сразу, — ответил Андрол. — Это… долгая история.

— Отлично. Долгий рассказ поможет не уснуть, пока за нами не придут.

Эмарину и остальным было указано повернуться на виду, обеспечивая алиби всей группе — на тот случай, если Добзера кто-то хватится.

Андрол вновь зажег сферу и пару секунд смотрел на Певару, затем он пожал плечами и вернулся к Аша'манам.

— Все началось, когда один мой друг умер от лихорадки. Мы тогда ловили нерестящуюся щуку-серебрянку неподалеку от Майена. По возвращении на материк я не мог отделаться от мысли, что Сэйера можно было спасти. Вот только как это сделать, никто из нас не знал. Поэтому я отправился искать того, кто меня научит…

Глава 4. Преимущества уз

— Так все и закончилось, — подытожила Певара, по-прежнему сидевшая у стены.

Андрол чувствовал ее эмоции. Оба находились в той же кладовой, где они одолели людей Таима, и ждали Эмарина — тот утверждал, что сумеет разговорить Добзера. Сам Андрол не особо умел проводить допросы. Запах зерна сменился тошнотворной вонью. Бывало, продукты портились — ни с того ни с сего.

Рассказав, как старые друзья убили всю ее родню, Певара какое-то время молчала и ни о чем не думала.

— До сих пор ненавижу их, — наконец, сказала она. — О семье научилась вспоминать без боли, но приспешники Темного… Их я ненавижу. По крайней мере, моя жажда мести хоть как-то утолена, ведь Темный определенно не защитил этих людей. Всю жизнь они следовали за ним, надеясь получить теплое местечко в его новом мире, но умерли задолго до Последней битвы. Думаю, ныне живущим тоже ничего не светит. Когда мы победим в Последней битве, Темный заберет души своих подручников. Хочется верить, их наказание будет долгим.

— Вы так уверены, что мы победим? — спросил Андрол.

— Ну конечно. К чему этот вопрос, Андрол? Сомнениям не может быть места.

— Вы правы, — кивнул он. — Продолжайте.

— Больше сказать нечего. Как-то странно это — выговориться после стольких лет молчания. Прежде мне не хватало сил об этом рассказать.

В кладовой стало тихо. Добзер висел в своих путах лицом к стене. Певара заткнула ему уши каким-то своим плетением. Двое других лежали без сознания. Андрол приложил их как следует, а теперь следил, чтобы они не очнулись раньше времени.

Певара отгородила их от Источника, но если кто-то попробует освободиться, сразу с тремя щитами она не справится. Обычно щит для одного мужчины удерживали как минимум две Айз Седай, а тут целых три Аша'мана… Нет, такое не по зубам ни одному человеку, способному направлять Силу, — и не важно, насколько он силен. Даже если Певара закрепит свои плетения, по настоянию Таима Аша'маны регулярно практиковались в том, как выскальзывать из-под закрепленных щитов, отрезавших их от Истинного Источника.

Да, за этими двумя нужен глаз да глаз, чтобы не очнулись. По-хорошему стоило бы перерезать им горло, да у него рука не поднялась. Вместо этого Андрол протянул к их векам по крохотной ниточке из Духа и Воздуха. Плетение он сотворил одно, причем слабенькое, но исхитрился накинуть его на все четыре глаза, так что сразу узнает, если веки хоть чуть шевельнутся. Этого будет достаточно.

Певара все еще думала о своей семье. Она говорила правду: приспешники Темного и впрямь были ей ненавистны. Все без исключения. Даже спустя столько лет эта ненависть не ослабела, но Певара держала ее под контролем.

Андрол ни в жизнь не заподозрил бы, что эта улыбчивая женщина носит в себе столь глубокое чувство. Он ощущал ее боль. И как ни странно, ее… одиночество?

— Мой отец покончил с собой, — неожиданно для себя признался Андрол, а когда Певара взглянула на него, продолжил: — Мать годами делала вид, что это был несчастный случай. Он ушел в лес и спрыгнул со скалы. А перед этим отец всю ночь просидел с мамой и рассказал, что собирается сделать.

— Она не попыталась его остановить? — ужаснулась Певара.

— Нет, — сказал Андрол. — Лишь за несколько лет до того, как она обрела последнее объятие матери, я сумел добиться от нее хоть каких-то ответов. Она боялась отца. Я был потрясен, ведь отец всегда вел себя по-доброму. Что изменилось в те последние годы? Почему мать стала его бояться? — Андрол повернулся к Певаре. — По ее словам, он видел всякое в тенях. Так начал терять рассудок.

— Ах вот как…

— Вы спрашивали, зачем я пришел в Черную Башню. Хотели понять, почему я сам попросил, чтобы меня проверили. Что ж, ответит на этот

вопрос та сущность, что живет во мне. Объяснит, кем был мой отец и почему он сделал то, что, по его мнению, должен был сделать. Теперь я понимаю, как все было. Наши дела шли в гору, причем с небывалым успехом. Отец умел находить залежи камня и рудные жилы там, где о них никто не подозревал. Его нанимали для поиска ценных месторождений. Он разбирался в этом лучше всех. Был сверхъестественно хорош. Ближе к концу я… все увидел, Певара. Мне было каких-то десять лет, но я помню. Помню ужас в его глазах. И теперь этот ужас знаком и мне. — Он помолчал. — Отец спрыгнул с той скалы, чтобы уберечь близких от гибели.

— Сочувствую… — прошептала Певара.

— Я рад, что знаю, кто я такой и кем был мой отец. Это помогает.

Снова начался ливень, и крупные капли застучали в стекло, будто камешки. Входная дверь открылась, и в кладовую наконец-то заглянул Эмарин. Увидев зависшего в воздухе Добзера, он с облегчением выдохнул. А потом заметил других двоих и вздрогнул от неожиданности:

— Что вы тут натворили?!

— Что надо. — Андрол встал. — Почему ты так долго?

— Едва не ввязался в очередную стычку с Котереном, — ответил Эмарин, не отводя взгляда от плененных Аша'манов. — Думаю, время поджимает, Андрол. Как бы они нас ни провоцировали, мы на их уловки не повелись, но Котерен выглядел недовольным. Даже больше обычного. По-моему, их терпение подходит к концу.

— Так или иначе, из-за пленников мы все равно стеснены во времени, — заметила Певара. Она передвинула Добзера, освобождая место для Эмарина. — Вы действительно считаете, что сумеете заставить этого человека говорить? Мне доводилось допрашивать приспешников Тьмы. Крепкие орешки.

— Да бросьте, — сказал Эмарин. — Ну какой из него друг Темного? Это всего лишь Добзер.

— Сомневаюсь, что это он. — Андрол внимательно разглядывал висевшего в путах мужчину. — Мне не верится, что кого-то можно силком заставить служить Темному.

Он чувствовал, что Певара с ним не согласна; она и впрямь думала, что Добзера и других обратили насильно. Любого, кто способен направлять Силу, возможно Обратить, объясняла она. Об этом говорится в древних текстах.

От этой мысли Андрола чуть не стошнило.

Заставить кого-то превратиться в носителя зла? Такое недопустимо, просто невозможно! Судьба играет человеком, швыряет его в самые чудовищные ситуации, забирает жизнь, рассудок. Но отобрать у него выбор, чему служить — Темному или Свету… Нет, вне всяких сомнений, подобный выбор должен оставаться за самим человеком.

Тьма, которую Андрол видел в глазах у Добзера, служила для него очевидным доказательством. Человека, которого он знал, больше не было. Он мертв, убит, и в его теле поселилось нечто иное. Нечто злое и скверное. Новая душа. Иначе и быть не могло.

— Кем бы он ни был, — сказала Певара, — сомневаюсь, что вы сумеете его разговорить.

— Важнейшие признания, — заметил Эмарин, заложив руки за спину, — делаются не по принуждению. Певара Седай, будьте добры, снимите плетения, блокирующие ему слух, — но не полностью, а совсем чуть-чуть, как будто они начали распускаться и слабеть. Пусть он услышит, что я буду говорить.

Она повиновалась. Так по крайней мере предположил Андрол. Возникшие между ними двойные узы не означали, что они с Певарой способны видеть плетения друг друга. Однако

Андрол чувствовал ее тревогу. Певара думала о приспешниках Темного, которых ей случалось допрашивать, и жалела… О чем?.. О том, что под рукой нет привычного инструмента?

— Я все же думаю, что надо спрятаться у меня в поместье, — надменно заявил Эмарин и горделиво приосанился.

Андрол даже моргнул от неожиданности, увидев перед собой столь властного человека, чей голос стал звучным, а тон пренебрежительным. Р-раз — и его друг превратился в высокородного аристократа.

— Никто и не подумает, что мы там, — продолжил Эмарин. — Предлагаю вам стать моим союзником, а тех, кто помоложе и пониже рангом — к примеру, юного Эвина, — приму к себе в услужение. Если верно разыграть эту партию, создадим еще одну Черную Башню, в противовес этой.

— Я… Даже не знаю, разумно ли… — подыграл ему Андрол.

— Молчать! — велел Эмарин. — Когда понадобится твое мнение, я сам тебя спрошу. Айз Седай, существует единственный — подчеркиваю, единственный! — способ соперничать с обеими Башнями, Белой и Черной. Нужно создать место,

где и мужчины, и женщины, способные направлять Силу, работали бы заодно. Пусть это будет… допустим, Серая Башня.

— Интересное предложение.

— И единственное. Все иные варианты бессмысленны, — заявил Эмарин, потом повернулся к пленнику. — Он нас не слышит?

— Нет, — ответила Певара.

— В таком случае снимите путы. Я с ним поговорю.

Певара с неохотой выполнила приказ. Добзер оказался на полу, колени у него подогнулись. Он оступился, едва устоял на ногах, но удержал равновесие и сразу же глянул в сторону двери.

— Мастер Добзер? — Эмарин, подойдя к нему со спины, вытащил что-то из-за пояса и бросил на пол. Мешочек со звонким содержимым.

— Что это? — поинтересовался Добзер. Осторожно присев, он взял мешочек, заглянул внутрь, и его глаза заметно увеличились в размерах.

— Плата, — объяснил Эмарин.

— За какую такую работу? — прищурился Добзер.

— За кого вы меня принимаете, мастер Добзер? — спросил Эмарин. — Я ничего от вас не требую, но предлагаю эту сумму в качестве из-

винения. Андрол должен был попросить вас о помощи, но, как видно… самодеятельно вышел за рамки данных ему указаний. Я просто хотел поговорить с вами, но по чистой случайности вас обездвижили и подвергли пытке.

— Откуда у тебя такие деньги, Эмарин? — с подозрением оглянулся Добзер. — Кто дал тебе право отдавать приказы? Ты — простой Аша'ман-солдат… — И он снова заглянул в мешочек.

— Как вижу, мы говорим на одном языке, — улыбнулся Эмарин. — Ну что, подыграете мне?

— Я… — Добзер нахмурился и покосился на бесчувственные тела Вэлина и Лимса у двери.

— Вот именно, — подтвердил Эмарин. — Назревает серьезная проблема. Разве можно просто свалить все на Андрола и отдать его Таиму?

— На Андрола? — фыркнул Добзер. — На этого пажа? Никто не поверит, что он уложил двоих Аша'манов. Вообще никто.

— Здравая мысль, мастер Добзер, — подтвердил Эмарин.

— Просто отдай Таиму эту Айз Седай. — Добзер указал пальцем на Певару.

— Увы, она мне нужна. Непростая ситуация, да, весьма непростая…

— Ну, — произнес Добзер, — допустим, я замол-

вил бы за тебя словечко перед М'Хаэлем. Как бы объяснил, что к чему.

— Моя признательность не знала бы границ. — Эмарин взял стоявший у стены стул, поставил его напротив второго, сел и жестом пригласил Добзера последовать его примеру. — Андрол, займись делом. Принеси нам с мастером Добзером какого-нибудь питья. Чаю. Вы будете с сахаром?

— Нет, — отказался Добзер. — Говорят, здесь где-то имеется вино…

— Вина, Андрол, — щелкнул пальцами Эмарин.

«Что ж, — подумал Андрол, — придется доигрывать роль до конца». Он поклонился и бросил на Добзера нарочито сердитый взгляд, после чего ушел в соседнюю комнату за вином и кубками, а когда вернулся, Добзер и Эмарин уже вели дружескую беседу.

— Так и есть, — сказал Эмарин. — Не представляете, как трудно найти здесь нормальных помощников. Видите ли, категорически недопустимо, чтобы в Черной Башне узнали, кто я такой.

— Оно понятно, м'лорд, — закивал Добзер. — Узнай кто, что среди нас благородный лорд Тира, вам бы все сапоги обслюнявили, это уж как пить

дать! А М'Хаэль… ну, вряд ли бы ему понравилось, что в Башню залетела такая важная птица. Совсем не понравилось бы!

— Теперь вы понимаете, почему мне приходится держать дистанцию, — заметил Эмарин и, протянув не глядя руку, принял кубок с вином, который налил Андрол.

«Благородный лорд Тира?» — улыбнулся про себя Андрол. Добзер, как видно, заглотил наживку с той же жадностью, с какой опрокидывал рюмку бренди.

— А мы-то все думали, вы лебезите перед Логайном из-за скудоумия! — воскликнул Добзер.

— Увы, таков мой удел. Будь я ближе к Таиму, он вмиг понял бы, с кем имеет дело. Поэтому пришлось встать на сторону Логайна. Что он, что этот парнишка-Дракон — они оба простые фермеры, не умеющие распознать высокородного человека.

— Признаться, м'лорд, — сказал Добзер, — я кое-что подозревал.

— Так я и полагал. — Эмарин сделал глоточек вина. — Видите, не отравлено. — Он протянул кубок Добзеру.

— Ну что вы, м'лорд! Вам-то я доверяю. — Добзер одним махом заглотнул вино. — Если не верить

благородному лорду, то кому вообще верить? Правда?

— Истинная правда, — подтвердил Эмарин.

— Вот что я вам скажу. — Добзер поднял пустой кубок и покачал им, делая знак Андролу — дескать, повтори. — Найдите лучше новый способ держаться в стороне от Таима. Фокус с Логайном больше не сработает.

— Значит, Логайн у Таима… — Эмарин задумчиво отпил из кубка. — Понятно. У меня возникли подозрения, что так оно и есть, когда объявились Вэлин и остальные со своими байками.

— Ага, — сказал Добзер, и Андрол снова подлил ему вина. — Но Логайн-то посильнее прочих. Обратить такого человека не так-то просто. Сила воли, ясно? Еще пару дней провозятся. Так или иначе, вам стоит объясниться с Таимом и рассказать, что у вас на уме. Он все поймет. Таим постоянно твердит, что люди, которых не надо Обращать, полезны ему куда больше. Не знаю почему. Но Логайна Обратить придется, иного варианта тут нет. — Добзер передернулся. — Процесс, конечно, жуткий…

— Стало быть, мастер Добзер, я поговорю с ним. Вы, случаем, не поручитесь за меня? Я прослежу, чтобы… ваши труды не остались без вознаграж-

дения.

— Ясное дело, — согласился Добзер. — Почему бы и нет? — Он допил остатки вина и кое-как поднялся на ноги. — Сейчас Таим проверяет, как дела у Логайна. Каждый вечер к нему заглядывает, примерно в это время.

— И где же его держат? — спросил Эмарин.

— В потайных комнатах, — ответил Добзер. — Там, где тот фундамент, что мы строим… Помните, как обрушилась восточная часть и пришлось расширять котлован? Так вот, ничего там не обрушилось. Это был предлог, чтобы скрыть дополнительную работу. И… — Он вдруг задумался.

— И этого достаточно. — Певара вновь опутала его плетением, подвесила в воздухе и запечатала ему уши, после чего сложила руки на груди и взглянула на Эмарина. — Признаться, увиденное произвело на меня впечатление.

— Я всегда обладал даром сделать так, чтобы человек почувствовал себя как дома, — скромно поклонился Эмарин. — Честно говоря, я предложил взяться за Добзера не потому, что он падок на подкуп. Я выбрал его из-за… так сказать, не самых выдающихся умственных способностей.

— Обратить человека к Тени не значит сделать его умнее, — заметил Андрол. — Но стоило ли

нападать на Добзера, если ты и так сумел бы его разговорить?

— Это вопрос контроля над ситуацией, Андрол, — объяснил Эмарин. — На человека вроде Добзера не получится надавить, пока он в своей стихии, в окружении приятелей, которые соображают получше, чем он. Надо было напугать его, заставить суетиться и юлить, а затем предложить способ выкрутиться. — Он помолчал, глядя на Добзера. — Кроме того, мы же не хотели рисковать тем, что он отправится к Таиму. А Добзер запросто мог так поступить, если бы с подобным предложением я обратился к нему с глазу на глаз и не угрожая его жизни и здоровью.

— И что теперь? — спросила Певара.

— А теперь, — ответил Андрол, — мы вырубим этих троих так, чтобы провалялись без чувств до самого Бэл Тайна. Возьмем Налаама, Канлера, Эвина и Джоннета. Дождемся, пока Таим не закончит свою проверку, а потом ворвемся в темницу, вызволим Логайна и вырвем Башню из лап Тени.

Какое-то время все трое молчали. Кладовую освещала одна-единственная мерцавшая лампа. В окно стучал дождь.

— Что ж, — произнесла наконец Певара, — раз

уж все так просто, как ты говоришь, Андрол…

Во сне Ранд открыл глаза и даже удивился, сообразив, что уснул. Наконец-то Авиенда дала ему отдохнуть. По правде говоря, она, скорей всего, сама сейчас отдыхала. Наверняка она умаялась не меньше Ранда. А то и больше.

Он встал, оказавшись посреди лужайки, покрытой мертвыми травами. Волнение Авиенды ощущалось не только через узы, но и в том, как она обнимала Ранда. Авиенда — боец, воин, но даже воину порой бывает нужна опора. Свету ведомо: если кто уж точно нуждался в опоре, так это Ранд.

Он глянул по сторонам. По всем ощущениям, это место не было Тел'аран'риодом, хотя и походило на него, пусть и с оговорками. Мертвое поле простиралось во все стороны — предположительно до бесконечности. Нет, это не истинный Мир снов, а некий осколок сна, созданный кем-то из могущественных сновидцев или ходящих по снам.

Ранд отправился в путь. Любопытство влекло его вперед. Под ногами шуршала палая листва, хотя деревьев тут не было. Не забрел ли он в одно из прошлых своих сновидений? Это Ранд умел, хотя в хождении по снам почти все Отрекшиеся

могли бы дать ему фору.

«Мне здесь не место, — подумал он. — Ведь я выставил малых стражей». Как он здесь оказался и кто сотворил это мертвое поле? Ранд кое-что заподозрил. Был один любитель использовать осколки снов…

Ранд почувствовал поблизости чье-то присутствие, но продолжил идти вперед, не оборачиваясь. Он шел дальше, но знал, что теперь кто-то шагает рядом.

— Элан, — сказал он.

— Льюс Тэрин. — Элан по-прежнему пребывал в своем самом последнем теле — высокий мужчина приятной наружности в черно-красных одеждах. — Грядет смерть, и скоро воцарится прах. Да, прах… а за ним ничто.

— Как ты обошел моих малых стражей?

— Понятия не имею, — сказал Моридин. — Я знал, что, если создать это место, ты присоединишься здесь ко мне. Ты не способен меня избегать. Этого не позволит Узор. Мы сплетены воедино, ты и я. И так из раза в раз, снова и снова. Два корабля, что пришвартованы у одного берега и ударяются бортами при каждом приливе.

— Поэтично, — заметил Ранд. — Насколько я заметил, ты в конце концов спустил Майрин с

поводка.

Ранд умолк и посмотрел на Моридина. Тот остановился. От него исходили жаркие волны ярости.

— Она приходила к тебе?! — требовательным тоном спросил Моридин.

Ранд ничего не ответил.

— Не смей делать вид, будто знал, что она жива. Ты не знал и знать никак не мог.

Ранд не двигался и хранил молчание. Его чувства к Ланфир — или как она теперь себя называет — были неоднозначными. Льюс Тэрин презирал ее, но Ранд знал ее главным образом как Селин, и она ему нравилась. По крайней мере до тех пор, пока не попыталась убить Эгвейн и Авиенду.

При мысли о Селин Ранду вспомнилась Морейн, и его захлестнули напрасные надежды.

«Если Ланфир выжила… Быть может, жива и Морейн?»

Ранд посмотрел на Моридина со спокойной уверенностью.

— Теперь это бессмысленно, — промолвил Ранд. — Она больше не имеет власти надо мной.

— Да, — сказал Моридин. — Верю. Не имеет. Но, думаю, до сих пор… точит зуб на женщину, которую ты предпочел. Как там ее? Ту, что называет

себя Айил, но ходит с оружием?

Ранд не утратил самообладания, оставив без ответа попытку вывести его из себя.

— Как бы то ни было, теперь Майрин ненавидит тебя, — продолжил Моридин. — Думаю, она винит тебя в том, что с нею стало. Тебе следует называть ее Синдани. Ей запрещено пользоваться тем именем, которое она себе выбрала.

— Синдани… — Ранд попробовал слово на вкус. — Последний шанс? Как погляжу, у твоего хозяина появилось чувство юмора.

— Шутить он и не думал, — заметил Моридин.

— Да, понимаю. — Ранд окинул взглядом бесконечное поле жухлой травы и высохших опавших листьев. — Трудно поверить, что поначалу я так боялся тебя. Скажи, ты приходил ко мне во сны? Или забирал меня в те осколки снов? Я так и не понял, что это было.

Моридин не ответил.

— Помнится, однажды… — задумчиво произнес Ранд. — Я сидел у костра в окружении кошмаров, по ощущениям похожих на Тел'аран'риод. Ты не смог бы полностью увлечь кого-то в Мир снов, и в то же время я не способен проникнуть в него самостоятельно, ведь я не ходящий по снам.

Подобно многим из Отрекшихся, Моридин

обычно посещал Тел'аран'риод во плоти, и это было опасно. Говорили, что входить в Мир снов во плоти — порочный шаг, что так теряешь частицу человечности. Но также и становишься сильнее.

Моридин ни слова не сказал о событиях той ночи. Свое путешествие в Тир Ранд помнил смутно. Ему вспоминались ночные видения, в которых друзья или родственники пытались убить его. Моридин… Ишамаэль… против воли втягивал его во сны, пересекавшиеся с Тел'аран'риодом.

— В те дни ты был безумен, — тихо сказал Ранд, глядя Моридину в глаза. Он почти видел полыхавшее в этих глазах пламя. — И по-прежнему безумен, верно? Просто ты обуздал свое безумие. Чтобы служить ему, необходимо быть умалишенным. Хотя бы отчасти.

— Насмехайся сколько угодно, Льюс Тэрин, — шагнул вперед Моридин. — Близится рассвет последнего дня. Тогда все сущее сгинет в великой Тени, растянется, разорвется и задохнется.

Ранд тоже сделал шаг, и теперь они с Моридином — две фигуры одинакового роста — стояли лицом к лицу.

— Ты ненавидишь себя, — прошептал Ранд. — Я чувствую, как ты себя ненавидишь, Элан. Когда-то ты служил ему ради власти; теперь ты

служишь ему, поскольку ничто, кроме его победы — и гибели всего сущего, — не принесет тебе облегчения. Ты предпочел бы не существовать вовсе, чем быть тем, кто ты есть. Ты же знаешь, что он тебя не отпустит. Никогда. Только не тебя.

— Прежде чем все закончится, — недобро усмехнулся Моридин, — он позволит мне убить тебя, Льюс Тэрин. Тебя, златовласую, и женщину из Айил, и ту маленькую брюнетку…

— Ты ведешь себя так, Элан, будто мы в чем-то состязаемся, — перебил его Ранд.

Моридин расхохотался, запрокинув голову:

— Ну конечно! Разве ты до сих пор этого не понял? Клянусь водопадами крови, Льюс Тэрин! Все дело в нас с тобой. Так же, как в ушедшие эпохи, мы сражаемся друг с другом, снова и снова! Ты и я.

— Нет, — сказал Ранд. — Не в этот раз. Между нами все кончено. Мне предстоит битва иного масштаба.

— Даже не пытайся…

Тучи рассек солнечный свет. В Мире снов редко появлялось солнце, но теперь оно приласкало Ранда своими лучами.

Моридин попятился. Он взглянул на свет, уставился на Ранда и прищурился:

— Только не думай… не думай, что я поведусь на твои нехитрые уловки, Льюс Тэрин. То, что ты сделал с Вейрамоном, потрясло его — но удерживать саидин и слушать, как убыстряется человеческое сердцебиение, не так уж трудно.

Повинуясь волевому усилию Ранда, сухие мертвые листья под ногами начали изменяться, стали зеленеть. Между ними принялась пробиваться свежая трава. Зелень распространялась вокруг Ранда, будто пролитая краска, а тучи над головой вспучились и сгинули.

Моридин выпучил глаза и едва не упал, глядя, как очищается небо… Ранд чувствовал, насколько тот потрясен, — ведь этот осколок сна принадлежал Моридину.

Однако, чтобы привести сюда другого человека, он должен был разместить свой осколок вблизи от Тел'аран'риода. У этого правила нет исключений. И было здесь что-то еще, некая связь между ними…

Ранд раскинул руки в стороны и зашагал вперед. Волнами поднимались над мертвой травой зеленые ростки и красные бутоны, словно зарумянилась сама земля. Буря улеглась, и черные тучи выжег солнечный свет.

— Ступай к своему хозяину! — приказал Ранд. —

Передай ему, что эта битва не будет похожа на прочие! Передай, что мне надоели его прислужники, что я устал от ничтожных ходов его пешек! Передай, что на сей раз мне нужен он — и только ОН!

— Не может быть, — с явным потрясением вымолвил Моридин. — Этого не… — Под палящим солнцем он недолго смотрел на Ранда, а затем исчез.

Ранд тяжело вздохнул. Трава вокруг него пожухла, солнечный свет померк, небо разом затянули черные тучи. Хотя Моридин и ушел, Ранд осознал, насколько трудно давалась ему трансформация окружающего ландшафта. Тяжело дыша, он опустился на землю, пытаясь прийти в себя. Вдох, выдох…

Здесь, в снах, желания становились явью. Стоило лишь поднапрячься. Вот бы так в реальном мире…

Он закрыл глаза и отправил себя прочь отсюда. Пора немного отдохнуть и хоть недолго поспать по-настоящему. Ведь скоро вставать. Вставать и спасать мир. Если у него получится.

Певара присела рядом с Андролом под ночным дождем. Ее плащ промок насквозь. Она знала пару плетений, способных защитить от этого

ливня, но не рискнула направлять Силу, когда рядом есть подвергнутые Обращению Айз Седай и женщины из Черной Айя. Если она направит хоть малую струйку, то они почувствуют ее плетение.

— Здесь определенно есть охрана, — шепнул Андрол.

Впереди земля сменялась лабиринтом траншей и кирпичной кладки — здесь сооружалось будущее основание здания, которое со временем станет собственно самой Черной Башней. Если Добзер был прав, здесь, в подвальном этаже, на уровне фундамента, имелись и другие помещения: уже готовые потайные комнаты, о которых никто не узнает даже после возведения Башни.

Неподалеку переговаривались двое Аша'манов Таима. Они старательно напускали на себя беззаботный вид, но эффект портила погода: кто же по собственной воле будет торчать на улице в такую ночь? Хотя обоих освещала теплая жаровня, а плетение Воздуха защищало от дождя, эти двое выглядели подозрительно.

«Караульные», — подумала Певара, пытаясь донести свою догадку до Андрола.

Получилось. Певара почувствовала, как он удивился, обнаружив у себя в сознании чужую мысль, после чего дал неотчетливый ответ:

«Воспользуемся преимуществом».

«Да», — согласилась она. Следующая мысль была слишком сложной, так что Певара озвучила ее шепотом:

— Как вы раньше не заметили, что ночью стройка находится под охраной? Если здесь и правда есть потайные комнаты, их тоже строили по ночам!

— Таим ввел комендантский час, — прошептал Андрол в ответ. — Но когда надо, смотрит на нарушения сквозь пальцы — например, как сегодня, когда вернулся Вэлин. Кроме того, ходить здесь опасно: сплошь ямы да канавы. Весомая причина, чтобы выставить охрану, вот только…

— Вот только, — подхватила Певара, — Таим не из тех, кто будет переживать, если какой-нибудь мальчуган свернет себе шею.

Андрол кивнул.

Они ждали под дождем, считая удары сердца. Наконец ночь пронзили три огненные тесьмы, и оба караульных, сраженные меткими ударами в голову, упали, словно мешки с зерном. Налаам, Эмарин и Джоннет справились на отлично. Молниеносные прикосновения к Источнику: если повезет, их не заметят или сочтут делом рук охранников Таима.

«О Свет! — подумала Певара. — Андрол и остальные — и впрямь ходячее оружие». Ей не давали покоя мысли, что атаки Эмарина и остальных оказались смертоносными. Это совершенно выбивалось за рамки ее опыта как Айз Седай. Если была возможность, Айз Седай старались даже Лжедраконов не убивать.

— Укрощение убивает, — заметил Андрол, глядя прямо перед собой. — Пускай и медленно.

О Свет! Да, хотя преимущества связавших их уз очевидны, но сколько же неудобств… Проклятье! Впредь надо ограждать свои мысли щитом.

Из темноты выступил Эмарин, а за ним остальные, кроме Канлера — тот тоже рвался в бой, но его, как человека семейного, благоразумно оставили с другими парнями из Двуречья: возглавить попытку к бегству из Черной Башни, если что-то пойдет не так.

Певара и Андрол встретились с Эмарином и его товарищами у жаровни. Мертвецов оттащили в тень, но огонь гасить не стали. Если кому-то вздумается проверить караульных, он увидит свет, но из-за тумана и дождя не поймет, что Аша'маны исчезли, пока не подойдет вплотную.

Несмотря на вечные жалобы — мол, непонятно, почему парни считают его за старшего, — Андрол

с ходу принял руководство на себя и отправил Джоннета с Налаамом дежурить возле строительной площадки. Джоннет захватил с собой лук, хотя из-за сырой погоды тетиву пришлось снять. Однако все надеялись, что дождь перестанет и Джоннет сможет пустить свое оружие в ход — в том случае, когда направлять Силу будет слишком рискованно.

По раскисшему склону Андрол, Певара и Эмарин соскользнули в вырытый котлован. Певара приземлилась в самую грязь и вся перепачкалась. Ничего страшного: она и без того промокла до нитки, а пятна уже начал смывать дождь.

Фундамент возводили так, чтобы каменная кладка образовала стены между комнатами и коридорами; здесь, внизу, под непрекращающимся ливнем, они образовывали настоящий лабиринт. Утром сюда отправят Аша'манов-солдат, чтобы просушить площадку перед новыми работами.

«Как мы найдем вход?» — мысленно спросила Певара.

Андрол встал на колени, и над ладонью у него вспыхнула миниатюрная светящаяся сфера. Пролетая через освещенное ею пространство, дождинки ярко вспыхивали и исчезали, будто крошечные метеоры.

Кончиками пальцев Андрол коснулся лужицы на земле и поднял взгляд.

— Утекает вон туда, — указал он. — Там-то мы и найдем Таима.

Эмарин одобрительно хмыкнул. Взмахнув рукой, Андрол подозвал Джоннета и Налаама, а когда те спустились в котлован, осторожно двинулся вперед.

«Вы. Так. Тихо. Ступаете», — подумала Певара.

«Учился на разведчика, — откликнулся Андрол. — В лесах. В Горах тумана».

Кем он только не был, чем не занимался… Поначалу Певара тревожилась за него. То, какую жизнь вел Андрол, могло указывать на нетерпеливость и недовольство миром вокруг. Однако его слова о Черной Башне и страсть, с которой он рвался в бой, говорили совершенно иное. И дело было не только в преданности Логайну. Да, Андрол и другие уважали этого человека, но для них Логайн олицетворял нечто несравнимо большее. Место, где рады таким, как они.

Жизненный путь Андрола мог бы навести на мысль, что он не способен достичь цели и успокоиться — или что он всегда был в поиске. Что он человек, который знает, что существует место, где он сможет жить так, как считает нужным.

Ему оставалось лишь найти это место.

— Где вы научились так анализировать людей? В Белой Башне? — шепотом осведомился Андрол и вдруг застыл у дверного проема. Посветил своей сферой внутрь, а затем подал знак остальным: «За мной».

«Нет, — подумала Певара, желая отточить новый способ общения, а заодно и успокоить мысли. — Такому женщины учатся в первые сто лет жизни».

Андрол ответил натянутой улыбкой. Они миновали несколько незаконченных комнат, все без кровли, и остановились перед участком голой земли. Здесь стояли бочки с варом, но их сдвинули к стене, а доски, на которых они обычно стояли, были убраны. Под ними обнаружилась яма. Вода, подтекавшая к ее краю, струйкой уходила в темноту. Андрол присел, прислушался, потом кивнул остальным и соскользнул в яму. Секундой позже Певара услышала всплеск.

Она последовала за Андролом. Падение оказалось недолгим, всего несколько футов, а вода на дне — холодной, но промокнуть сильнее было уже невозможно. Андрол пригнулся, прошел под низким земляным потолком и оказался в туннеле. Маленькая сфера осветила канаву,

выкопанную для стока дождевой воды. Певара поняла, что стоит под тем местом, где убили двоих охранников.

«Добзер прав, — подумала она, слушая, как за спиной шлепают по лужам остальные. — Таим строит потайные туннели и комнаты».

Они перешагнули канаву, продолжили путь и вскоре оказались на развилке, где земляные стены удерживались крепью, как в шахте. Все пятеро посмотрели в одну сторону, затем в другую. Два пути.

Эмарин прошептал, указав налево:

— Там подъем. Может, еще один вход в эти туннели?

— Пожалуй, нам надо вниз, — заметил Налаам. — Что думаете?

— Согласен, — сказал Андрол. Он послюнявил палец и проверил направление движения воздуха. — Ветер дует направо. Туда мы для начала и пойдем. Только внимательней. Там тоже будут караульные.

Маленький отряд потихоньку углубился в туннель. Интересно, как долго Таим строил этот комплекс? Грандиозным он не был — новых ответвлений Певара не заметила, — но все равно производил впечатление.

Вдруг Андрол замер, остальные тоже. По тунелю эхом раскатились отголоски недовольного голоса, негромкие, а потому неразборчивые, и на стенах запрыгали отблески света. Певара обняла Источник и приготовила плетения. Если направить Силу, заметит ли это кто-нибудь из находящихся в этих подвалах? Андрол, как видно, тоже не спешил: те огненные тесьмы, что прикончили охрану, могли вызвать подозрения. Если же люди Таима почувствуют, что здесь используют Единую Силу…

К ним приближалась освещенная фигура.

Рядом с Певарой что-то скрипнуло: Джоннет успел вновь набросить тетиву на свой двуреченский лук — такой здоровенный, что тот едва не касался потолка, — и натянул его. Щелчок, посвист рассекаемого воздуха — и свет померк, а недовольное ворчанье оборвалось.

Подобравшись ближе, они увидели Котерена: в груди его торчала стрела, а остекленевшие глаза смотрели в потолок. Рядом, судорожно мигая, догорал фонарь. Джоннет выдернул стрелу и вытер ее об одежду мертвеца:

— Вот зачем я ношу с собой лук, ты, треклятое козлиное отродье.

— Сюда. — Эмарин указал на крепкую деревян-

ную дверь. — Это ее сторожил Котерен.

— Приготовьтесь, — прошептал Андрол.

За дверью обнаружился ряд голых тюремных камер, встроенных в земляную стену — по сути, маленьких крытых землянок с дверцами на входе. Певара заглянула в первую. Темно и пусто. Потолок такой низкий, что человеку и не выпрямиться. В такой темнице быстро покажется, что тебя похоронили заживо.

— О Свет! — сказал Налаам. — Андрол! Он здесь. Логайн здесь!

Остальные подбежали к нему, и Андрол на удивление ловко вскрыл замок. Дверь камеры распахнулась, и в коридор со стоном выкатился Логайн, весь покрытый глубоко въевшейся грязью. Выглядел он ужасно. В прошлом Логайн был красив — вьющиеся темные волосы, волевое лицо, — но теперь походил на изможденного побирушку.

Он закашлялся, и Налаам помог ему привстать. Андрол тут же опустился рядом на колени, но не из благоговения. Он заглянул Логайну в глаза, в то время как Эмарин поил лидера Аша'манов из своей фляги.

«Ну?» — спросила Певара.

«Это он, — ответил Андрол, и эта мысль сопро-

вождалась волной облегчения. — По-прежнему он».

«Будь он Обращен, его отпустили бы», — предположила Певара, все больше привыкая к такому способу общения.

«Возможно. Если это не ловушка».

— Милорд Логайн?

— Андрол… — прохрипел Логайн. — Джоннет. Налаам. И Айз Седай? — Он внимательно посмотрел на Певару. Для человека, который провел в заточении несколько дней, а то и недель, Логайн казался на удивление здравомыслящим. — Я тебя помню. Из какой ты Айя, женщина?

— Какая разница? — ответила она вопросом на вопрос.

— Огромная, — сказал Логайн и попробовал встать. Но он был совсем слаб, и Налааму пришлось поддерживать его. — Как вы меня нашли?

— Расскажу, когда будем в безопасности, милорд, — ответил Андрол и выглянул в туннель. — Пойдемте. Впереди трудная ночь. Я… — Он осекся и захлопнул дверь.

— Что такое? — спросила Певара.

— Там направляют, — бросил Джоннет. — Мощный поток.

Из туннеля донеслись вопли, приглушенные

дверью и земляными стенами.

— Нашли караульных, — сказал Эмарин. — Милорд Логайн, вы в состоянии сражаться?

Логайн попробовал стоять без поддержки и тут же осел на пол. Лицо его исполнилось решимости, но Певара ощутила разочарование Андрола. Или Логайна напичкали корнем вилочника, или же он просто слишком ослабел, чтобы направлять Силу. Неудивительно. Певаре доводилось видеть, как женщины, находясь даже в лучшей форме, чем Логайн, не могли обнять Источник из-за усталости.

— Назад! — крикнул Андрол, шагнув в сторону и вжавшись в земляную стену. Сокрушенная огненным плетением дверь разлетелась на куски.

Не дожидаясь, пока обломки упадут на пол, Певара, не скованная Тремя Клятвами — ведь ей противостояли приспешники Темного, а то и создания пострашнее, — сплела тесьму Огня, и разрушительный луч устремился в туннель.

Она услышала крики, но огонь столкнулся с каким-то препятствием, и Певару немедленно попытались отсечь от Источника. Она едва успела отбить щит и, тяжело дыша, отскочила в сторону.

— Кто бы там ни был, он очень силен! — отме-

тила она.

Где-то вдалеке отдавал приказы раскатистый голос.

— О Свет! Это Таим! — С луком на изготовку Джоннет опустился на колено рядом с Певарой.

— Надо уходить, — сказал Логайн. — Андрол! Врата.

— Пытаюсь, — откликнулся Андрол. — О Свет, я пытаюсь!

— Да ну! — Налаам усадил Логайна у стены. — Бывал я в переделках и похуже! — И вместе с остальными принялся запускать плетения в коридор. От взрывов содрогались стены и с потолка сыпались комья земли.

Певара подскочила к дверному проему, наугад бросила заготовленное плетение и присела подле Андрола. Тот невидящими глазами смотрел вперед. Лицо его застыло в сосредоточенной гримасе. Чувствуя через узы, как в нем пульсируют решимость и отчаяние, Певара коснулась его предплечья и прошептала:

— У вас все получится.

Дверной проем осыпался, и Джоннет с обгоревшей рукой упал на спину. Земля дрогнула, и по стенам поползли трещины.

Андрол, по щекам которого струился пот, скре-

жетнул зубами, побагровел и широко раскрыл глаза. В темницу повалили клубы дыма, отчего Эмарин закашлялся. Налаам пытался Исцелить Джоннета.

Андрол закричал, и Певара почувствовала, что он почти взобрался на гребень той стены в своем сознании. Еще чуть-чуть — и он сможет…

Гулко ухнуло плетение, земляные стены пошли волнами, потолок темницы, не выдержав, раскололся пополам. На Певару обрушились комья земли, и все вокруг утонуло во мраке.

Глава 5. Сегодня я потребую награду

Ранд ал’Тор проснулся в своем шатре, втянул воздух полной грудью, выскользнул из-под одеяла, оставив на койке спящую Авиенду, и накинул халат. В воздухе пахло сыростью.

Ему почему-то вспомнилось, как в детстве он вставал ни свет ни заря, чтобы подоить корову. Доить ее требовалось дважды в день. Закрыв глаза, он будто наяву слышал звуки того, как в сарае уже проснувшийся Тэм обтесывает новые колья для ограды. Он припомнил ощущение от стылого воздуха, как надевает сапоги, как плещет в лицо водой из ведра, оставленного у теплой печки.

Всяким утром фермер мог открыть дверь и окинуть взглядом новехонький мир. Хрустящий иней. Робкое пение первых птиц. Солнечный луч над горизонтом, будто утренний зевок всего сущего.

Ранд вышел из палатки, закрыл входные клапаны и кивнул стоявшей в карауле невысокой золотоволосой Деве по имени Кэтерин, после чего взглянул на мир — уже давно не новый. Это был изрядно потрепанный мир, дряхлый и усталый, словно торговец, пешком сходивший к Хребту Мира и обратно. Поле Меррилор густо пестрело палатками, и столбы дыма от походных кухонь тянулись ко все еще хмурому утреннему небу.

Повсюду трудились не покладая рук. Солдаты смазывали маслом доспехи. Кузнецы острили наконечники копий. Женщины готовили оперения для стрел. С повозок кухонные работники раздавали завтрак невыспавшимся мужчинам. Все знали: ждать недолго, вот-вот грянет буря.

Ранд закрыл глаза. Он прямо-таки чувствовал ее, саму землю, как будто связанный с нею слабыми узами Стража. Глубоко под ногами сквозь почву ползли черви. Травы медленно-медленно вытягивали корни в поисках питательных веществ. Похожие на скелеты деревья не были

мертвы, поскольку впитывали влагу. Они впали в спячку. На одном из них собрались синешейки. Они не приветствовали рассвет своими трелями, но жались друг к другу, как будто стараясь согреться.

Земля еще жила — как живет человек, цепляясь кончиками пальцев за край обрыва.

Ранд открыл глаза:

— Скажи, мои секретари уже вернулись из Тира?

— Да, Ранд ал'Тор, — ответила Кэтерин.

— Отправь весть другим правителям, — велел Ранд. — Я встречусь с ними через час в центре поля. Там, где запретил ставить палатки.

Кэтерин отправилась передавать приказ, оставив в карауле трех других Дев. Ранд вернулся в шатер, закрыл входные клапаны, обернулся и чуть не подскочил от неожиданности, увидев, что Авиенда — в чем мать родила — стоит посреди шатра.

— Застать тебя врасплох непросто, Ранд ал'Тор, — с улыбкой заявила она. — Наши узы наделяют тебя весомыми преимуществами. Мне пришлось двигаться очень медленно, как ящерице в полночь, чтобы ты не сразу почувствовал, где именно я нахожусь.

— О Свет, Авиенда! Но зачем тебе заставать меня врасплох?

— Вот за этим, — сказала девушка и, подскочив к Ранду, схватила за голову, поцеловала и прижалась к нему всем телом.

Он расслабился и ответил на поцелуй.

— Насколько же приятнее заниматься подобными вещами, когда не боишься что-нибудь отморозить, — сказал он, не прекращая целоваться. — Впрочем, я не удивлен.

Авиенда отпрянула от него:

— Тебе не следует упоминать о том случае, Ранд ал'Тор.

— Но…

— Мой тох выплачен сполна, и теперь я первая сестра Илэйн. Не напоминай о забытом позоре.

Позор? Чего тут стыдиться, если совсем недавно… Ранд покачал головой. Он слышит, как дышит земля, чувствует, как в полулиге отсюда жук взбирается на травинку, но понять айильцев иной раз было невозможно. Или это какая-то женская логика?

В нынешнем случае, пожалуй, и то и другое.

— Вряд ли у нас есть время на ванну, — задумалась Авиенда, глядя на стоявшую в шатре бочку свежей воды.

— Ого! Теперь ты любишь ванны?

— Я смирилась с ними, они стали частью жизни, — сказала девушка. — Раз уж я буду жить в мокрых землях, надо принять некоторые мокроземские обычаи. Если они не совсем дурацкие. — Ее тон намекал, что дурацких обычаев здесь большинство.

— Что не так? — подступил к ней Ранд.

— Не так?

— Тебя что-то тревожит, Авиенда. Я же вижу. И чувствую.

Авиенда окинула его критическим взглядом. О Свет, какая же она красивая!

— Тобой было куда легче управлять, пока ты не обрел древнюю мудрость своего прошлого «я», Ранд ал'Тор.

— Неужели? — улыбнулся он. — Не припомню, чтобы ты мною управляла.

— Тогда я была неопытной девочкой, не знавшей, что занудство Ранда ал'Тора не имеет границ. — Она сложила ладони лодочкой, набрала воды и умылась. — Но это к лучшему. Знай я, что оно идет к тебе в довесок, навсегда облачилась бы в белое.

Ранд улыбнулся, затем сплел прядку Воды и опустошил бочку, потоком вытянув ее содержимое

в воздух. Авиенда попятилась, с любопытством глядя на происходящее.

— Как вижу, тебя уже не тревожит мысль о том, что мужчина способен направлять Силу, — заметил он, придав массе воды форму раскрытого веера и подогревая ее плетением Огня.

— Для тревоги больше нет причин. Иначе я вела бы себя как мужчина, который не желает забыть позор женщины, после того как она оплатила тох, — пронзила его взглядом Авиенда.

— Даже не представляю, что за бестолочь способна на такую грубость. — Ранд сбросил халат и подступил к Авиенде. — Вот. Это пережиток «древней мудрости», которую ты находишь столь занудной.

Вода, согретая до идеальной температуры, обрушилась на них облаком мелких брызг, обоих окутало густым теплым туманом. Авиенда охнула и вцепилась в руку Ранда. Может, она понемногу и привыкала к обычаям мокроземцев, но вода по-прежнему пробуждала в ней чувство неловкости, смешанной с благоговением.

Нитью Воздуха Ранд подхватил немного мыла, накрошив его стружкой, и смешал с водой, взбив в пену. Ранда с Авиендой окружил восходящий вихрь пузырьков. Волосы Авиенды колонной

поднялись к потолку, а затем вновь легко опустились ей на плечи.

Следующей волной теплой воды Ранд смыл мыльную пену, а затем подсушил тела, оставив кожу влажной, но не мокрой. Потом он вернул воду в бочку и — с некоторой неохотой — отпустил саидин.

— Это… — сказала Авиенда, тяжело дыша, — это совершенно сумасбродно и крайне безответственно!

— Спасибо, — ответил Ранд и набросил на девушку полотенце. — Почти все, чем мы занимались в Эпоху легенд, ты сочла бы безответственным и сумасбродным. То было другое время, Авиенда. Тогда было огромное множество умеющих направлять Силу, и обучали нас с младых ногтей. Нам не требовалось знать, что такое война или как убивать. Мы искоренили боль, голод, покончили со страданиями и кровопролитием. Вместо этого мы использовали Единую Силу в самых обыденных случаях.

— Покончили с кровопролитием? Искоренили войну? Вам это лишь казалось, — хмыкнула Авиенда. — Вы ошибались, и невежество сделало вас слабыми.

— Так и есть. Хотя не знаю, стал бы я что-то

менять. Было множество хороших лет. Хороших десятилетий, даже веков. Мы верили, что живем в раю. Возможно, эта вера стала причиной нашего краха. В стремлении к идеальной жизни мы игнорировали любое несовершенство. Бездумно оставленные без решения проблемы нарастали, и война могла стать неизбежной, если бы не была проделана Скважина. — Он вытерся досуха.

— Ранд, — подступила к нему Авиенда. — Сегодня я потребую награду.

Она коснулась его руки. С тех дней, когда Авиенда была Девой Копья, ее ладони остались шершавыми и мозолистыми. Она никогда не станет кисейной барышней, каких предостаточно при дворах Кайриэна и Тира. Ее руки знали, что такое работа, и Ранда это вполне устраивало.

— Какую награду? — спросил он. — Сегодня, Авиенда, я вряд ли смогу в чем-то тебе отказать.

— Какую? Пока не знаю.

— Не понял…

— Тебе не надо понимать, — сказала она. — И не надо обещать, что согласишься. Я решила, что должна предупредить тебя, поскольку некрасиво заставать любовника врасплох. Эта награда потребует от тебя изменить свои планы — вероятно, самым радикальным образом — и будет очень

важна.

— Ну хорошо… — согласился Ранд.

Авиенда кивнула — со свойственным ей загадочным видом — и начала одеваться. Наступил новый день.

В своем сне Эгвейн прохаживалась вокруг замороженной стеклянной колонны. Она сильно походила на колонну света. Что же означает этот образ? Ей никак не удавалось его истолковать.

Видение изменилось, и теперь Эгвейн обнаружила сферу. С трещиной. Это мир, каким-то образом поняла она и лихорадочно перетянула сферу бечевой, чтобы та не развалилась на части. Да, ее можно сохранить целой, но какие невероятные усилия потребуются…

Сон померк. Эгвейн пробудилась, сразу же обняла Истинный Источник и сплела огонек. Где она?

В Белой Башне, в постели, в ночной рубашке, но не у себя в спальне: ее покои еще не отремонтировали после нападения убийц. При кабинете Амерлин имелась комнатка для отдыха, и Эгвейн ночевала там.

В голове шумело. Эгвейн смутно припомнила, как в своем шатре на Поле Меррилор она с затуманенным взором выслушивала донесения о

падении Кэймлина. Ближе к утру Гавин настоял, чтобы Найнив открыла переходные врата в Белую Башню, где Эгвейн могла бы поспать в нормальной постели, а не на походном тюфяке.

Ворча себе под нос, девушка встала. Пожалуй, Гавин был прав, хотя Эгвейн отчетливо помнила, как разозлилась на его тон. И никто не одернул ее Стража. Никто. Даже Найнив. Эгвейн потерла виски. Головная боль была не настолько сильной, как в те времена, когда об Эгвейн «заботилась» Халима, но причиняла ощутимые неудобства. Вне всяких сомнений, ее тело восстало против хронического недосыпа в последние недели.

Вскоре — одевшись, умывшись и чувствуя себя получше, но совсем чуть-чуть — Эгвейн вышла из каморки и увидела Гавина. Тот сидел за столом Сильвианы и просматривал какой-то отчет, не обращая внимания на переминавшуюся в дверях послушницу.

— Застань она тебя за этим делом, подвесила бы за окном, головой вниз. За пальцы ног, — сухо заметила Эгвейн.

Гавин вздрогнул от неожиданности и возразил:

— Это доклад не с ее стола. Это последние новости от моей сестры. Насчет Кэймлина. Письмо

принесли через переходные врата буквально пару минут назад.

— И ты решил его прочесть?

— Чтоб мне сгореть, Эгвейн! — покраснел он. — Это же мой родной город, а послание не было запечатано, вот я и подумал…

— Ладно тебе, Гавин, — вздохнула она. — Давай посмотрим, что там пишут.

— Почти ничего, — поморщился Гавин и протянул ей письмо.

Он кивнул послушнице, и та убежала, но вскоре вернулась с подносом — хлеб, сморщенные колокольники и кувшин молока. Потом девчушка удалилась окончательно, и Эгвейн села за стол и приступила к завтраку. Ей было неловко. Почти все Айз Седай и солдаты Башни ночевали в палатках на Поле Меррилор, а она спала в мягкой постели — и теперь подкрепляет силы фруктами, пусть и несвежими.

Однако в доводах Гавина имелось здравое зерно. Пусть все — включая гипотетических убийц — думают, что Амерлин у себя в шатре. После того как она едва не погибла от рук шончанских головорезов, не грех принять дополнительные меры предосторожности. Особенно если они помогут как следует выспаться.

— Та шончанка, что пришла с иллианцем, — вспомнила Эгвейн, не отводя взора от чашки с молоком. — Ты говорил с ней?

Гавин кивнул:

— За этой парочкой присматривают гвардейцы Башни. Найнив поручилась за них — в некотором смысле.

— То есть?

— Несколько раз назвала шончанку шерстеголовой дурой, но заявила, что преднамеренного вреда эта женщина тебе не причинит.

— Великолепно. — Что ж, Эгвейн не откажется от беседы с желающей поговорить шончанкой. О Свет! Что, если придется вести войну одновременно и с троллоками, и с Шончанской империей?

Гавин уселся на стул перед ее письменным столом. Заметив его покрасневшие глаза, Эгвейн сказала:

— А сам ты собственному совету не последовал.

— Кто-то же должен был охранять твой покой, — ответил он. — Стоило позвать охрану — и все поняли бы, что ты здесь, а не на Поле Меррилор.

Эгвейн попробовала хлеб — интересно, из какой муки его выпекли? — и просмотрела доне-

сение. Гавин был прав, но ей не нравилось, что он совсем не спал перед таким важным днем. До сих пор он держался только благодаря узам Стража.

— Значит, город и впрямь потерян, — признала она. — Стены разрушены, дворец захвачен. Хотя, как вижу, троллоки не все здания сожгли. Многие, но не все.

— Да, — подтвердил Гавин. — Но нельзя отрицать, что Кэймлин пал.

Эгвейн чувствовала, как ему горько.

— Соболезную…

— Многие спаслись, но с таким числом беженцев, нашедших прибежище в стенах Кэймлина, трудно сказать, сколько народу было в городе до нападения. Думаю, погибли сотни тысяч.

Эгвейн невольно охнула. Сотни тысяч?! Считай, что огромная армия стерта с лица земли за одну-единственную ночь. И это лишь начало грядущих зверств. А сколько уже погибло в Кандоре? Можно лишь предполагать…

В Кэймлине хранилась значительная часть провианта андорской армии. Эгвейн представила, как толпы людей — сотни тысяч! — бредут прочь от горящего города, и ей действительно стало дурно. Но мысль о голоде в войсках Илэйн внушала еще больший ужас.

Эгвейн черкнула записку Сильвиане с требованием снарядить всех сестер, искушенных в Исцелении, на помощь беженцам и отправить их через переходные врата в Беломостье. Быть может, туда получится доставить продовольствие, хотя и сама Белая Башня испытывала потребность в припасах.

— Видела приписку в самом низу? — спросил Гавин.

Нет, не видела. Эгвейн нахмурилась, а затем отыскала взглядом предложение, добавленное рукой Сильвианы. Ранд ал'Тор требовал, чтобы все явились к нему ровно в…

Она взглянула на стоявшие в кабинете старинные часы в высоком деревянном корпусе. Полчаса до назначенного времени. Эгвейн застонала и, забыв о манерах, в спешке принялась доедать завтрак. Сожги ее Свет, если она пойдет на встречу с Рандом на голодный желудок.

— Я придушу этого мальчишку. — Она вытерла губы. — Все, нам пора.

— Всегда можно явиться с опозданием, — встал Гавин. — Показать, что он нам не указ.

— Чтобы он говорил со всеми без меня и моих возражений? Мне это не по душе, но сейчас решающий голос за Рандом, и всем крайне любопытно

узнать о его планах.

Эгвейн сплела переходные врата, ведущие обратно — в угол шатра, отведенный ею для Перемещения. Шагнув через проем, она вместе с Гавином вышла наружу, на шумное Поле Меррилор. Там переговаривались и перекрикивались люди, вдалеке грохотали копыта: кто галопом, кто кентером, но войска занимали позиции перед встречей монархов. Понимает ли Ранд, что натворил? Собрать такое количество ничего не понимающих, а потому нервных солдат — все равно что бросить пригоршню фейерверков в чугунок и сунуть его в печь. Рано или поздно все закончится взрывом.

Эгвейн должна была взять этот хаос под контроль. Она сделала невозмутимое лицо и решительно двинулась прочь от шатра. Гавин последовал за ней, отстав на шаг и держась чуть левее. Этому миру требовалась Амерлин.

Снаружи ожидала Сильвиана, облаченная в официальное одеяние, с палантином на плечах и с посохом в руке, как будто она собиралась на заседание Совета Башни.

— Когда начнется встреча, проследи, чтобы все было сделано, — распорядилась Эгвейн, передав Сильвиане записку.

— Да, мать, — ответила Хранительница летописей и последовала за ней, но справа.

Даже не оборачиваясь, Эгвейн понимала, что Сильвиана и Гавин демонстративно игнорируют друг друга.

У западной границы лагеря обнаружилась группа споривших о чем-то Айз Седай. Эгвейн прошла ее насквозь, и споров как не бывало. Конюх привел Ситечко — норовистого мерина чубарой масти в таких мелких яблоках, что его шкура походила на решето. Эгвейн взобралась в седло и оглянулась на Айз Седай:

— Только восседающие.

Эти слова породили волну протестов, но спокойных, упорядоченных, высказанных со всей присущей Айз Седай авторитетностью. Каждая считала, что имеет право присутствовать на встрече. Эгвейн продолжала смотреть на женщин, пока те наконец не выстроились в ряд. Ведь они не Свет весть кто, они — Айз Седай, и пререкаться из-за пустяков ниже их достоинства.

Пока собирались восседающие, Эгвейн окинула взглядом Поле Меррилор — громадный треугольник шайнарской степи, с одной стороны ограниченный лесом, а с двух других — сливающимися реками Мора и Эринин. Посреди травя-

нистой равнины возвышался Дашарский бугор, стофутовый выход горной породы с отвесными склонами, а на арафелском берегу Моры виднелся Половский взгорок — плосковерхий холм сорока футов высотой, с пологими склонами, лишь с одной стороны заметно круче спускавшийся к реке. К юго-западу от взгорка были топи, а по соседству с ними находился мелководный участок Моры, известный под названием Хаувальский брод, — удобное место для переправы на пути из Арафела в Шайнар.

Чуть дальше к северу, напротив каких-то древних каменных развалин, располагался огирский *стеддинг*. Вскоре после своего прибытия на Поле Меррилор Эгвейн нанесла огирам визит, засвидетельствовав им свое почтение, но их на собрание Ранд не пригласил.

Армии сближались. С запада, где Ранд разбил свой лагерь, шли солдаты под знаменами порубежников. Среди них развевался флаг Перрина. Как-то странно, что у Перрина теперь есть собственный стяг.

С юга тянулась к месту встречи — проплешине в самом центре Поля — процессия Илэйн, во главе которой ехала верхом гордая королева, у которой больше не было дворца. Между нею и Перрином

отдельными колоннами двигались иллианцы и тайренцы. Правители этих стран привели сюда почти всех своих солдат. О Свет! Кто же допустил, чтобы их армии оказались так близко одна от другой?

Лучше не медлить. Присутствие Амерлин, хотелось бы верить, предотвратит неприятности и успокоит правителей — вряд ли им понравится соседство с таким множеством айильцев. А своих представителей сюда прислали все кланы, за исключением Шайдо. И Эгвейн до сих пор знать не знала, кого они поддержат: ее или Ранда. Некоторые из Хранительниц Мудрости, похоже, вняли ее мольбам, но твердых заверений она так и не услышала.

— Посмотри вон туда, — сказала Саэрин, догнав Эгвейн. — Это ты пригласила Морской народ?

— Нет, — покачала головой Эгвейн. — Подумала, что вряд ли они выступят против Ранда.

По правде говоря, после встречи с Ищущими Ветер в Тел'аран'риоде она не горела желанием пускаться в новые переговоры с Морским народом. Боялась, что проснется и поймет, что у нее выторговали не только первенца, но и всю Белую Башню.

С гордостью монархов пестро одетые Госпожи

Волн и Господа Мечей выступали из переходных врат неподалеку от лагеря Ранда. Из своего прибытия они устроили целое представление.

«О Свет, — подумала Эгвейн, — вот бы узнать, сколько лет минуло с последней встречи подобного масштаба». Сюда явились делегации почти всех государств, а сверх того — айильцы и Морской народ. Не было только представителей Муранди, Арад Домана и тех стран, которые захватили шончан.

Последняя из восседающих наконец-то взобралась в седло и присоединилась к кавалькаде Амерлин. Эгвейн страшно хотелось поскорее отправиться к месту встречи, но проявлять нетерпение было неуместно, и поэтому она послала мерина вперед неспешным шагом. За конной процессией, воздев пики и громко топоча сапогами, следовали эскорт из солдат Брина в белых табарах, украшенных Пламенем Тар Валона. Но эти одежды не затмевали великолепия нарядов Айз Седай, и само построение делало акцент на находившихся в центре женщинах. Другие войска полагались на силу оружия, у Белой Башни имелись козыри посерьезнее.

Все армии стекались к самому центру поля, где Ранд запретил ставить палатки. Столько солдат

на идеальном пространстве для сражения… Не хотелось бы, чтобы что-то пошло не так.

Прецедент создала Илэйн. Оставив основную часть своего войска на полпути, она продолжила шествие в сопровождении охраны из сотни гвардейцев. Ее примеру последовала Эгвейн, а за ней потянулись вперед другие монархи, чей эскорт образовал в итоге громадное кольцо вокруг участка в центре.

На подходе к нему Эгвейн озарил солнечный свет. Нельзя было не заметить, как тучи раздвинул идеально очерченный большой круг чистого неба. Ранд и впрямь влиял на окружающий мир самым причудливым образом. Ему не требовалось знамя; он не нуждался в глашатаях, возвещающих о присутствии Дракона Возрожденного. Там, где он появлялся, расступались тучи и светило солнце.

Однако в центре поля его еще не было. Эгвейн подъехала к Илэйн и далеко не впервые произнесла:

— Мне очень жаль, Илэйн.

— Город потерян. Но город — это еще не страна, — отозвалась золотоволосая женщина, глядя прямо перед собой. — Собрания не избежать, но оно должно пройти побыстрее, чтобы я могла

вернуться в Андор. Где же Ранд?

— Не торопится, — заметила Эгвейн. — Как всегда.

— Я говорила с Авиендой, — продолжила Илэйн. Ее гнедой всхрапнул и ударил копытом. — Эту ночь она провела с Рандом, но так и не выведала его планов.

— Он упоминал какие-то требования, — сказала Эгвейн, разглядывая правителей и их свиты. Первым подъехал Дарлин Сиснера, король Тира. Хотя короной он обязан Ранду, но поддержит Амерлин. Его по-прежнему глубоко тревожила угроза со стороны шончан. Этот мужчина средних лет с остроконечной бородой был не особенно красив, но держался спокойно и уверенно. Не спешиваясь, он поклонился Эгвейн, и та протянула ему руку с кольцом.

Дарлин помедлил, затем спрыгнул с коня, приблизился, склонил голову и поцеловал кольцо:

— Да осияет вас Свет, мать.

— Рада видеть вас, Дарлин.

— Главное, помните о данном слове. В случае необходимости сразу же откройте переходные врата в мои родные земли.

— Так и будет.

Он снова поклонился и бросил взгляд на чело-

века, подъехавшего к Эгвейн с другой стороны. Грегорин, наместник в Иллиане, был ровней Дарлину — во многом, но не во всем. Ранд провозгласил Дарлина наместником в Тире, но по просьбе благородных лордов возвысил его до коронованного короля. Грегорин же оставался наместником. В последнее время этот рослый мужчина исхудал, и его круглое лицо с типичной иллианской бородкой казалось осунувшимся. Подсказки со стороны Эгвейн он ждать не стал: мигом спешился, исполнил изысканный поклон, схватил руку Амерлин и припал губами к кольцу.

— Приятно видеть, что вы на время забыли о разногласиях и присоединились ко мне в этом начинании, — помолвила Эгвейн, старательно не замечая свирепых взглядов, которыми обменивались эти двое.

— Намерения лорда Дракона… вызывают тревогу, — признался Дарлин. — В свое время он поставил меня во главе Тира, поскольку я счел необходимым выступить против его воли. Полагаю, он прислушается к моим словам, коль скоро они будут благоразумны.

— Его благоразумие не вызывает никаких сомнений, — фыркнул Грегорин. — Надо лишь

предоставить лорду Дракону весомые аргументы, и я склонен считать, что к ним прислушаются.

— Хранительница летописей должна вам кое-что сказать, — предупредила Эгвейн. — Прошу, прислушайтесь к ее словам. Ваше содействие не будет забыто.

Сильвиана подъехала к Грегорину и увела его на разговор — не особо важный, но Эгвейн опасалась, что рано или поздно эти двое поцапаются, и хранительнице летописей было велено держать их подальше друг от друга.

Дарлин бросил на нее проницательный взгляд. Похоже, он понял, в чем тут дело, но без возражений вернулся в седло.

— У вас озабоченный вид, король Дарлин, — сказала Эгвейн.

— Старые распри бывают глубже океанской бездны, мать. Поневоле думается, не Темный ли замыслил эту встречу. Остается надеяться, что мы не поубиваем друг друга ему на потеху.

— Понимаю, — кивнула Эгвейн. — Пожалуй, будет лучше, если вы предупредите своих людей — если еще так не сделали, — что никаких «случайных» происшествий сегодня быть не должно.

— Разумная мысль. — И Дарлин с поклоном удалился.

Оба на ее стороне. Плюс Илэйн. Если Эгвейн не ошибается насчет королевы Аллиандре, Гэалдан поддержит Ранда. Гэалдан недостаточно силен, так что Аллиандре ее не беспокоила — в отличие от порубежников, чьей симпатией Ранд, похоже, сумел заручиться.

Над армиями Пограничных земель развевались соответствующие флаги. На Поле Меррилор явились все правители Порубежья, за исключением королевы Этениелле: та находилась в родном Кандоре, пытаясь организовать исход беженцев. На собрание она прислала внушительный контингент — в том числе и Антола, своего старшего сына, — словно бы желая подчеркнуть, что для выживания Кандора происходящее имеет не меньшую важность, чем сражения на границе.

Кандор. Первая жертва Последней битвы. Говорят, пламенем объята вся страна. Кто будет следующим? Андор? Двуречье?

«Спокойствие, Эгвейн», — приказала она себе.

Прикидывать, кто на чьей стороне, весьма неприятно, но таков ее долг как Амерлин. Ранд не мог единолично определять ход Последней битвы, как бы ему того ни хотелось. Его задача — сразиться с Темным; ему не хватит ни времени, ни хладнокровия, чтобы одновременно с тем

выступать еще и в роли главнокомандующего. Эгвейн намеревалась сделать так, чтобы Белую Башню признали главенствующей силой альянса против Тени, и не собиралась снимать с себя ответственность за печати.

Насколько она может доверять Ранду — вернее, тому человеку, в которого он превратился? Он уже не тот мальчишка, которого она знала с самого детства. Теперь он сродни Ранду, знакомому ей по событиям в Айильской пустыне, только ставшему еще самоувереннее и, пожалуй, хитрее. И вдобавок он теперь вполне освоил тонкости Игры Домов.

Но эти перемены не критичны — при условии, что Ранда по-прежнему можно урезонить.

«Что это? Знамя Арад Домана?» — изумилась Эгвейн. Да не простое знамя, а королевский штандарт. Стало быть, силы, только что прибывшие на Поле Меррилор, возглавляет сам монарх. Неужели Родел Итуралде наконец-то взошел на трон? Или Ранд выбрал кого-то другого? Стяг короля доманийцев развевался рядом со знаменем Даврама Башира, дяди королевы Салдэйи.

— О Свет! — Гавин остановил своего коня рядом с Эгвейн. — Этот флаг…

— Вижу, — кивнула Эгвейн. — Придется до-

пытаться у Суан: неужели ее соглядатаи не сообщили, кто занял трон? Я опасалась, что доманийцы выйдут на битву без вождя.

— При чем тут доманийцы? Я вон о ком говорю.

Она проследила за его взглядом. К месту встречи в явной спешке приближалась еще одна армия — под знаменем с изображением красного быка.

— Муранди, — отметила Эгвейн. — Любопытно… Роэдран наконец-то решил присоединиться к остальному миру.

Мурандийцы прибывали с северо-запада и держались, пожалуй, с незаслуженным апломбом. Впрочем, вид у них был довольно-таки нарядный: красно-желтые накидки поверх кольчуг, медные шлемы, напоминающие широкополые шляпы. На пряжках широких красных ремней красовалась эмблема в виде атакующего быка. Держались они подальше от андорцев, пропустив вперед себя отряды айильцев.

Эгвейн посмотрела в сторону лагеря Ранда. Сам Дракон Возрожденный еще не появлялся.

— Вперед, — сказала она, тронув бока Ситечка пятками, и конь двинулся в сторону мурандийского войска. Гавин ехал рядом с Эгвейн, за ним следовал Чубейн вместе с двумя десятками гвар-

дейцев.

Сегодня Роэдран облачился в красное с золотом. Его волосы, в прошлом черные, поредели и подернулись сединой. Эгвейн практически слышала, как его конь при каждом шаге постанывает под тяжестью дородного наездника, смотревшего на Амерлин с неожиданной проницательностью. По сути, король Муранди был правителем единственного города под названием Лугард, но в полученных ею донесениях сообщалось, что этот человек не без успеха расширяет свои владения. Дайте ему несколько лет, и Роэдран вполне сможет прибрать под свою королевскую руку всю страну целиком.

Он поднял мясистую руку, и его процессия остановилась. Эгвейн осадила мерина и стала ждать, когда Роэдран приблизится, как того требовал обычай. Однако этого не произошло.

Гавин негромко выругался, и Эгвейн позволила уголкам губ изогнуться в легкой улыбке. Стражи бывают полезны хотя бы для проявления эмоций, которые ей выражать не следует. Наконец она направила мерина вперед.

Роэдран смерил девушку взглядом:

— Значит, вы новая Амерлин. Уроженка Андора.

— Амерлин не является чьей-то подданной, — холодно ответила Эгвейн. — Не ожидала встретить вас здесь, Роэдран. Когда же Дракон отправил вам приглашение?

— Ничего он не отправлял. — Роэдран взмахом руки подал знак виночерпию, требуя принести вина. — Я подумал, что для Муранди самое время принять участие в событиях мира.

— И кто открыл для вас переходные врата? Иначе бы вам пришлось пересечь весь Андор.

Роэдран не ответил.

Эгвейн пристально посмотрела на него:

— Вы явились с юга. Со стороны Андора. За вами послала Илэйн?

— Она за мной не посылала, — отрезал Роэдран. — Треклятая королева дала слово, что, если я выступлю на ее стороне, она обнародует декларацию с обещанием не вторгаться в Муранди. — Он помолчал. — Кроме того, мне любопытно взглянуть на этого Лжедракона. Такое чувство, что все в мире от него без ума.

— Вы же знаете, какова цель этого собрания? — спросила Эгвейн, и Роэдран махнул рукой:

— Сбить с этого парня завоевательскую спесь или что-то вроде того.

— Уже неплохо. — Эгвейн наклонилась к ко-

ролю. — Слышала, вас называют «собирателем земель», и говорят, что в кои-то веки Лугард обрел реальную власть над Муранди.

— Да, это так, — расправил плечи Роэдран, и Эгвейн подалась к нему еще ближе.

— Меня благодарить не надо, — тихо произнесла она, улыбнулась, развернула мерина и увела свой кортеж прочь.

— Эгвейн, — шепнул Гавин, держась рядом, — ты и правда это сказала? Ушам своим не верю.

— Какой у него вид? Встревоженный?

— Очень, — подтвердил Гавин, глянув за плечо.

— Отлично.

Какое-то время Гавин ехал рядом молча, а затем расплылся в широкой ухмылке:

— Да, добрым твой поступок не назовешь…

— Мне докладывали, что этот человек — воплощение хамства, — сказала Эгвейн. — Так оно и есть. Пускай пару-тройку ночей повертится с боку на бок, теряясь в догадках, за какие ниточки дергает Белая Башня, хозяйничая в его королевстве. А если на меня найдет по-настоящему мстительное настроение, устрою так, чтобы он выведал пару занятных секретов. Итак, где же наш овечий пастух? Ему хватило наглости требо-

вать, чтобы мы…

Она осеклась, увидев Ранда. Одетый в красное с золотом, он шагал по Полю Меррилор, и рядом с ним по воздуху плыл огромный сверток, удерживаемый плетениями, которых Эгвейн не видела.

Под ногами Дракона жухлая бурая трава окрашивалась в зеленый цвет.

Перемены не были грандиозными, но там, куда ступал Ранд, дерн оживал, и зелень расходилась от его ног, будто волна мягкого света из открытых ставен. Люди пятились, кони били копытами, и через несколько минут все выстроившиеся кольцом войска уже стояли на ожившей вновь траве.

Сумрачный день сделался чуть светлее. Сколько же времени миновало с тех пор, как Эгвейн видела самое обычное зеленое поле?

— Я бы хорошо заплатила, чтобы узнать, как он это делает, — выдохнула она.

— Плетение? — предположил Гавин. — Я видел, как Айз Седай заставляют растения выпускать бутоны. Даже зимой.

— Плетения такой силы мне неведомы, — призналась Эгвейн. — Все это выглядит так… так естественно! Ступай посмотри. Попробуй понять, как ему это удается. Может, сумеешь выведать правду у какой-нибудь Айз Седай, связанной

узами с Аша'маном.

Гавин кивнул и, не привлекая внимания, отправился выполнять приказ.

Дракон Возрожденный продолжал идти, не сбавляя шага. За ним следовал громадный сверток, отряд Аша'манов в черном и почетный караул из айильцев. Остальные айильцы, презирая регулярный строй, веером рассыпались по полю, покрыв его, словно рой насекомых. Они внушали страх даже тем, кто следовал за Рандом. Бывалые вояки знали: в бою эта желто-коричневая волна означает верную смерть.

Ранд шагал спокойно и решительно. Тканевый сверток, подвешенный на плетении Воздуха, опередил его и стал разворачиваться. Громадные полосы парусины, сплетаясь друг с другом, затрепетали перед Рандом. Из свертка выпали деревянные шесты с металлическими стойками — и закружились, подхваченные невидимыми нитями Воздуха.

Ранд даже с шага не сбился, не взглянул на вихрь ткани, дерева и металла, и парусина трепетала перед ним, будто рыба, выловленная из морских глубин.

На глазах у завороженных солдат земля исторгла фонтанчики пыли.

«Из него вышел незаурядный лицедей», — подумала Эгвейн, глядя, как шесты встают в проделанные для них ямки, а парусиновые отрезы обертывают получившийся каркас и сами собой скрепляются узлами. Не прошло и нескольких секунд, как на поле появился гигантский шатер. С одной стороны над ним реяло знамя Дракона, а с другой — стяг с древним символом Айз Седай.

Не сбавляя шага, Ранд приблизился к шатру, и перед ним разошлись парусиновые стены.

— Каждый может взять с собой пятерых, — объявил он и шагнул внутрь.

— Сильвиана, — сказала Эгвейн. — Саэрин, Романда, Лилейн. Гавин будет пятым, когда вернется.

Восседающие за спиной у Эгвейн встретили ее слова угрюмым молчанием, но спорить было не о чем. Своего Стража Эгвейн выбрала для защиты, хранительницу летописей — для поддержки, а остальные трое считались в Башне одними из самых влиятельных персон. К тому же из четырех Айз Седай две были из тех сестер, которые во время раскола бежали в Салидар, а другие две оставались тогда лояльны Белой Башне.

Монархи пропустили Эгвейн вперед. Все понимали, что все происходящее сводится, по сути,

к противостоянию между нею и Рандом. Вернее сказать, к противостоянию Престола Амерлин и Дракона Возрожденного.

Стульев в шатре не оказалось, хотя Ранд развесил по углам яркие светившие сферы из саидин, а кто-то из Аша'манов поставил в середину небольшой столик. Эгвейн по-быстрому пересчитала сферы. Их было тринадцать.

Ранд стоял к ней лицом, заложив руки за спину и привычным уже жестом придерживая культю. Рядом с ним встала Мин и положила ладонь ему на руку.

— Мать, — произнес Ранд, склонил голову.

Ага, стало быть, намерен делать вид, что уважает ее? Ну хорошо. Эгвейн кивнула в ответ:

— Лорд Дракон.

В сопровождении скромной свиты появлялись другие правители, многие не без робости, и наконец в шатер влетела Илэйн, и ее хмурое лицо просветлело от теплой улыбки Ранда. Эта женщина с шерстью вместо мозгов была без ума от возлюбленного — и радовалась той ловкости, с которой он заставил всех явиться на эту встречу. Как видно, Илэйн считала его успехи поводом для гордости.

«А ты? Разве ты не гордишься им, хотя бы от-

части? — спросила себя Эгвейн. — Ранд ал'Тор, когда-то простой деревенский мальчишка, за которого ты едва не пообещала выйти замуж, а теперь — самый могущественный человек в мире. Неужели ты не гордишься его достижениями?»

Чуть-чуть. Может быть.

В шатер вошел король Изар Шайнарский, а за ним — другие порубежники, и держались они куда увереннее остальных. Доманийцев возглавлял старик, которого Эгвейн не знала.

— Алсалам, — изумленно прошептала Сильвиана. — Он вернулся…

Эгвейн сдвинула брови. Почему никто из осведомителей не донес о его появлении? О Свет! Известно ли Ранду, что Белая Башня пыталась взять Алсалама под стражу? Сама Эгвейн узнала об этом факте лишь несколько дней назад, копаясь в груде бумаг Элайды.

Появилась Кадсуане — без пятерых спутников, — и Ранд кивнул ей, словно разрешая войти. Похоже, он решил не требовать включать ее в пятерку Эгвейн, и та сочла это досадным прецедентом. Затем вошел Перрин с женой. Оба встали у парусиновой стенки. Перрин, на поясе у которого висел новый молот, сложил на груди руки — толстенные, как стволы деревьев. По его лицу

можно было легко все прочитать, куда легче, чем в случае с самим Рандом: Перрин был встревожен, но доверял своему другу. Как и Найнив, чтоб ей сгореть. Войдя, она заняла место рядом с Перрином и Фэйли.

Вожди айильских кланов и Хранительницы Мудрости явились целой толпой. Недавние Рандовы слова, должно быть, означали, что каждому вождю разрешено взять с собой пятерых сопровождающих. Некоторые из Хранительниц Мудрости, включая Сорилею и Эмис, направились туда, где стояла Эгвейн.

«Благослови их Свет», — подумала она, поняв, что затаила дыхание. Ранд бросил острый взгляд в их сторону, и Эгвейн заметила, что он поджал губы. Видать, удивился, что не все айильцы до единого приняли его сторону.

Король Роэдран Мурандийский вошел одним из последних, и Эгвейн заметила нечто странное. За спиной у него тут же встали несколько Аша'манов Ранда, причем один из них — арафелец. Другие, стоявшие возле Ранда, выглядели настороженными, точно коты, почуявшие, что поблизости рыщет волк.

Ранд подошел к приземистому толстяку и заглянул ему в глаза. Роэдран заметно вздрогнул,

а затем достал носовой платок и принялся вытирать лоб. Ранд продолжал смотреть на него.

— В чем дело? — осведомился Роэдран. — Говорят, ты Дракон Возрожденный. Не знаю, позволил бы я…

— Стоп. — Ранд поднял палец, и Роэдран тут же умолк. — Сожги меня Свет. Ты же не он? Или он?

— Кто? — не понял Роэдран.

Ранд отвернулся и махнул рукой, дав Аша'манам, стоявшим за спиной Роэдрана и настороженно за ним наблюдавшим, команду отступить. Те неохотно повиновались.

— Я был уверен… — промолвил Ранд, качая головой. — Но где же, где же ты?

— Кто? — громко повторил Роэдран. Вернее сказать, пропищал.

Но Ранд потерял к нему всякий интерес. Входные клапаны шатра наконец повисли без движения.

— Итак, — сказал Ранд, — все в сборе. Спасибо, что пришли.

— Как будто у нас был треклятый выбор, — проворчал Грегорин. С собой он привел нескольких иллианских аристократов. Каждый из пятерых его спутников входил в Совет девяти. — Мы угодили в ловушку, оказавшись между тобой и

самой Белой Башней. Да сожжет нас всех Свет.

— Вам уже известно, — продолжил Ранд, — что Кандор пал, Кэймлин захвачен Тенью. Последние из малкири принимают бой в Тарвиновом ущелье. Конец близок.

— Тогда почему мы стоим в этом шатре, Ранд ал'Тор? — осведомился король Пейтар Арафелский, на чьей голове сохранился лишь тонкий ободок седых волос, но пожилой король оставался широкоплеч и грозен на вид. — Не хватит ли позировать друг перед другом? Пора заняться делом. Нас ждет битва!

— Битву я тебе обещаю, Пейтар, — тихо произнес Ранд. — Такую, что насытишься ею по горло. Три тысячи лет назад я сошелся в бою с силами Темного. В нашем распоряжении имелись все чудеса Эпохи легенд, у нас были Айз Седай, способные творить такое, от чего у тебя голова пошла бы кругом, и тер'ангриалы, наделявшие людей умением летать и выдерживать любой удар. Да, мы победили, но едва-едва. Об этом ты подумал? Сегодня Тень в той же силе, как три тысячи лет назад, и Отрекшиеся нисколько не состарились. Но мы-то — далеко не те же люди.

В шатре стало тихо. Входные клапаны заволновались на ветру.

— Что ты хочешь сказать, Ранд ал'Тор? — Эгвейн скрестила руки на груди. — Что все мы обречены?

— Я говорю лишь, что нам нужен план. План совместной атаки, — пояснил Ранд. — В прошлый раз мы не уделили ему должного внимания и чуть не потерпели поражение. Каждый из нас думал, что знает, куда идти и что делать. — Он посмотрел Эгвейн в глаза. — В те времена все мужчины и женщины считали себя вождями на поле боя. У нас была армия полководцев. Вот почему мы едва не проиграли. Вот что в итоге обернулось порчей, Разломом, безумием. И я виноват в этом не меньше других. Если не больше. Повторения я не допущу. Я не стану спасать этот мир ради того, чтобы увидеть новый Разлом. Я отказываюсь умирать за людей только затем, чтобы они набросились друг на друга в тот самый миг, когда падет последний троллок. Вот что у вас на уме. И сожги меня Свет, если это не так!

Другой не заметил бы обжигающих взглядов, которыми обменялись Грегорин и Дарлин, или жадного блеска в глазах Роэдрана, когда тот покосился на Илэйн. Какие государства падут жертвами этого конфликта, а какие помогут соседям — разумеется, из чистого альтруизма?

Как скоро этот альтруизм сменится алчностью и желанием захватить чужой трон?

Многие из явившихся на Поле Меррилор правителей слыли приличными людьми, но этого мало: когда в твоих руках сосредоточена такая власть, непросто не поглядывать по сторонам. Даже Илэйн при первой же возможности слопала соседнюю страну. И она сделает так снова. Такова природа властителей, природа самих государств. Поступок Илэйн выглядел вполне уместно, поскольку от ее правления Кайриэн только выигрывал.

Но кто еще рассуждает подобным образом? Кто решит, что именно он способен обеспечить лучшее правление или восстановить порядок в другой стране?

— Никто не хочет войны, — заявила Эгвейн, и все взгляды устремились к ней. — По-моему, ты пытаешься прыгнуть выше головы, Ранд ал'Тор. Ты не способен изменить человеческую природу. Тебе не под силу прогнуть мир и заставить его потакать твоим капризам. Позволь людям жить своей жизнью и выбирать собственный путь.

— Не позволю, Эгвейн. — В глазах у него вспыхнул тот самый огонь, что Эгвейн видела, когда Ранд впервые пробовал переманить айильцев на

свою сторону. Да, ему очень шло это чувство: разочарование, что люди не видят мир столь же ясно, как он, хотя эта ясность ему лишь мерещится.

— Не понимаю, что еще ты можешь сделать, — продолжила Эгвейн. — Назначить императора, чтобы тот правил всеми нами? Хочешь стать настоящим тираном, Ранд ал'Тор?

Он не стал огрызаться в ответ. Он протянул руку в сторону, и один из его Аша'манов вложил в нее свиток. Ранд положил бумагу на стол, а затем с помощью Силы развернул и распрямил объемный документ, плотно заполненный убористым текстом.

— Я называю это Драконовым договором о мире, — тихо промолвил он. — И это первое из трех моих требований. Ваша плата в обмен за мою жизнь.

— Дай-ка посмотреть. — Илэйн потянулась к свитку, и Ранд, очевидно, не возражал, поскольку королева Андора успела стащить документ со стола прежде других изумленных монархов.

— По этому договору ныне существующие границы ваших стран считаются неизменными, — произнес Ранд, снова заложив руки за спину. — Государствам запрещается нападать друг на друга. Также в каждой из столиц должна

открыться школа — полностью обеспеченная всем необходимым из казны, и двери ее будут открыты для всех, кто пожелает учиться.

— И более того, — отметила Илэйн, водя пальцем по документу. — В случае нападения на любую державу, включая мелкие приграничные стычки, все остальные государства обязаны встать на защиту атакованной стороны. О Свет! Тарифные ограничения, дабы предотвратить давление на экономику, запрет на заключение браков между монархами при отсутствии четкого разделения между двумя правящими династиями, изъятие земельных владений у лорда, давшего начало конфликту… Ранд, ты и в самом деле рассчитываешь, что мы это подпишем?

— Да.

Монархи незамедлительно пришли в негодование, хотя Эгвейн, сохраняя бесстрастный вид, лишь покосилась на других Айз Седай. Вид у них был обеспокоенный, и не напрасно. А ведь это лишь часть цены, о которой упоминал Ранд.

Над собранием повис невнятный гул. Всем правителям хотелось взглянуть на документ, но не в толчее и не из-за плеча Илэйн. К счастью, Ранд все продумал, и присутствующим раздали уменьшенные копии договора.

— Но иной раз для конфликта имеются веские причины! — заявил Дарлин, просматривая свой экземпляр. — К примеру, создание буферной зоны между тобой и агрессивным соседом.

— А если вышло так, что кое-кто из народа твоей страны проживает за границей? — добавил Грегорин. — Неужели у тебя нет полномочий вступиться за этих людей, если их притесняют? Что, если кто-то, подобно шончан, заявит права на твои земли? Запретить войну — что за смехотворная нелепость!

— Согласен, — подтвердил Дарлин. — Лорд Дракон, нам необходим мандат на защиту земель, по праву являющихся нашими!

— Мне, — перебила обоих Эгвейн, — куда интереснее услышать остальные два требования.

— Одно из них тебе известно, — сказал Ранд.

— Печати? — предположила Эгвейн.

— Этот документ никак не затрагивает Белую Башню, — произнес Ранд, демонстративно игнорируя ее замечание. — Не могу же я запретить всем вам оказывать влияние на других. Это была бы откровенная глупость.

— Все это уже и так откровенная глупость, — бросила Эгвейн, а про себя отметила, что лицо Илэйн уже не лучится гордостью за возлюблен-

ного.

— Покуда существуют политические игры, — продолжил Ранд, — Айз Седай будут в них успешны. По сути дела, от заключения этого договора вы только выиграете. Белая Башня всегда считала, что война, говоря вашими словами, дело недальновидное. Поэтому от вас я требую нечто иное. Печати.

— Но я — их Блюстительница!

— Лишь номинально. Их обнаружили совсем недавно, и находятся они в моем распоряжении. Эти переговоры я начал только из уважения к твоему традиционному титулу.

— Переговоры? Ты не обратился с просьбой, не выдвинул требований. Просто явился, рассказал мне о своих планах и ушел восвояси.

— Печати у меня, — повторил Ранд. — Я их сломаю. И никому — даже тебе — не позволю встать между мной и спасением этого мира.

В шатре продолжались споры насчет документа. Пока взволнованные правители приглушенными голосами переговаривались с приближенными и стоявшими по соседству участниками встречи и больше ни на что не обращали внимания, Эгвейн подошла к столику и встала перед Рандом:

— Ты этого не сделаешь, если я остановлю тебя, Ранд.

— Почему ты так хочешь мне помешать, Эгвейн? Назови хоть одну причину, по которой не следует разломать печати.

— Одну? Кроме той, что тогда Темный вырвется в мир?

— Когда разразилась Война Силы, этого не произошло, — возразил Ранд. — Да, он получит возможность прикоснуться к миру, но открыть Скважину — еще не значит, что он сразу же окажется на свободе.

— И какова была цена того, что он смог дотянуться до мира? Оглянись. Кругом ужас, хаос и разрушение. Ты знаешь, что творится с нашими землями. Мертвые восстают из могил, Узор искажается самым невероятным образом. Это происходит, когда печати всего лишь ослаблены! Одному Свету ведомо, что случится, если их сломать!

— Это необходимый риск.

— Я не согласна. Ранд, ты понятия не имеешь, к чему могут привести твои действия. Вдруг Темный сумеет сбежать? Ты не знаешь, насколько близок он был к высвобождению, когда в прошлый раз запечатали Скважину. Разбей печати

— и, не ровен час, уничтожишь весь мир! Вдруг наша единственная надежда в том, что он скован? Не полностью свободен?

— Это не вариант, Эгвейн.

— Откуда ты знаешь? Как ты можешь это знать?

— В жизни хватает неопределенностей, — ответил он после паузы.

— Значит, ничего ты не знаешь, — сказала Эгвейн. — Ну а я искала ответы, слушала других, читала летописи. Ты знаком с работами тех, кто изучал этот вопрос, тех, кто размышлял на эту тему?

— С домыслами Айз Седай?

— Иными сведениями мы не обладаем, Ранд! Это все, что у нас есть. Открой узилище Темного — и можно все потерять. Надо быть осторожнее. Вот для чего существует Престол Амерлин, отчасти именно с этой целью основали Белую Башню!

Он задумался. О Свет! Он усомнился! Неужели она сумела до него достучаться?

— Мне это не по нраву, Эгвейн, — тихо сказал Ранд. — Если я выйду против него, не сломав печати, то не смогу предложить ничего, кроме новых полумер. Очередной заплатки, причем еще менее надежной, чем в прошлый раз. Ведь

печати стареют, слабеют, и кто знает, сколько еще они продержатся? Тогда я лишь замажу новой штукатуркой глубокие трещины, а через несколько веков эта война повторится.

— Неужели все настолько плохо? — спросила Эгвейн. — По крайней мере, такое решение даст гарантированный результат. В прошлый раз ты запечатал Скважину и знаешь, как это сделать.

— А если все снова закончится появлением порчи?

— На сей раз мы будем к ней готовы. Нет, это не идеальный вариант, но… Ранд, неужели мы действительно хотим рискнуть судьбой всех живых существ? Почему бы не выбрать простой и известный путь? Заделай печати и укрепи узилище!

— Нет, Эгвейн. — Ранд попятился. — О Свет! Так вот в чем дело? Ты хочешь, чтобы саидин вновь оказалась запятнана порчей! Вы, Айз Седай… вы не переносите даже мысли о мужчинах, способных направлять Силу и тем самым подрывающих ваш авторитет!

— Не смей делать вид, что ты настолько глуп, Ранд ал'Тор!

Он посмотрел ей в глаза. Монархи, похоже, не обращали внимания на разговор у столика, хотя от него зависела судьба всего мира. Они сосре-

доточенно изучали предложенный им договор и обменивались возмущенными возгласами. Быть может, именно этого Ранд и хотел: отвлечь присутствующих, чтобы не лезли под руку в настоящей схватке.

Понемногу с лица его схлынула ярость, и он поднял руку к виску:

— О Свет, Эгвейн… Ты как сестра, которой у меня никогда не было, — по-прежнему умеешь завязать мои мозги в узел и сделать так, чтобы я вышел из себя, но и любить тебя не перестал.

— По крайней мере, я последовательна в своих поступках.

Теперь они говорили на пониженных тонах, стоя по разные стороны столика, но подавшись друг к другу. Находившиеся поблизости Перрин и Найнив, наверное, все слышали, и к ним еще присоединилась Мин. Гавин вернулся, но подходить не стал. Кадсуане прохаживалась по шатру, демонстративно глядя куда угодно, только не на Эгвейн и Ранда. Она явно подслушивала.

— Я стою на своем не из какой-то дурацкой надежды вернуть порчу, — сказала Эгвейн. — Ты же знаешь, что до такого я не опущусь. Моя цель — защитить человечество. Поверить не могу, что ты готов пойти на такой риск ради сомнитель-

ного шанса.

— Сомнительного шанса? — переспросил Ранд. — Речь о выборе: или погрузиться во тьму, или положить начало новой Эпохе легенд. Мы можем добиться мира и покончить с всеобщими страданиями. Или же можем получить новый Разлом. Свет, Эгвейн! Я даже не знаю, сумею ли вообще починить печати или создать новые. А Темный, несомненно, готов к такому развитию событий.

— У тебя есть другой план?

— О нем я и пытаюсь рассказать. Я сломаю печати, избавившись от старой, далекой от совершенства затычки на узилище Темного, и попробую создать их заново, но уже по-другому.

— Цена неудачи — весь мир, Ранд. — Эгвейн ненадолго задумалась. — Это не все. Что ты недоговариваешь?

Ранд насупился и на секунду стал похож на мальчишку, которого вместе с Мэтом застукали за кражей пирогов у госпожи Коутон.

— Я собираюсь убить его, Эгвейн.

— Кого?

— Темного.

— Прошу прощения, — потрясенно сказала она. — О чем ты…

— О том, что намерен его убить, — выпалил Ранд. — Намерен покончить с Темным. Не видать нам настоящего мира, пока он где-то таится. Я вскрою узилище, войду туда и дам ему бой. Если придется, возведу новую тюрьму, но сперва попробую все закончить. Защитить Узор и Колесо, раз и навсегда!

— О Свет, Ранд! Ты и впрямь безумен!

— Да. Такова часть уплаченной мною цены. И это к лучшему. Только безумец отважится на подобный шаг.

— Я буду драться с тобой, Ранд, — прошептала Эгвейн. — Я не позволю втянуть всех нас в этот кошмар. Прислушайся к голосу рассудка. В этом деле Белой Башне следует наставлять и вести тебя.

— Эгвейн, я уже познакомился с наставлениями Белой Башни, — ответил Ранд. — Когда сидишь в ящике и тебя ежедневно избивают.

Они неотрывно смотрели друг другу в глаза, а вокруг продолжались споры.

— Я готова подписать этот договор, — заявила Тенобия. — Меня он вполне устраивает.

— Ха! — с досадой воскликнул Грегорин. — Вам, порубежникам, никогда не было дела до политических дел на юге. Готовы подписать? Ну и на

здоровье! Я же отказываюсь сажать свою страну на цепь.

— Интересно… — Невозмутимый Изар покачал головой, увенчанной пучком белоснежных волос. — Насколько я понимаю, это не твоя страна, Грегорин. Разве что ты исходишь из предположения, что лорд Дракон погибнет, а Маттин Стефанеос не потребует свой трон обратно. Поверьте, он предпочел бы, чтобы Лавровую корону надел лорд Дракон, а не вы.

— Разве все это не бессмысленно? — спросила Аллиандре. — Ведь сейчас наша главная забота — Шончанская империя. О каком мире может идти речь, пока она существует? Верно?

— Да, — согласился Грегорин. — Шончан и эти проклятые белоплащники.

— Мы подпишем договор, — заявил Галад.

Каким-то образом оригинал документа оказался в руках у лорда капитан-командора Детей Света. Эгвейн даже не взглянула в его сторону, хотя не смотреть на Галада было непросто. Да, она любила не его, а Гавина, но… в общем… трудно было на него не смотреть.

— Майен тоже его подпишет, — сказала Берелейн. — Волю лорда Дракона я нахожу совершенно справедливой.

— Ну конечно, вы-то его подпишете, — хмыкнул Дарлин. — Милорд Дракон, этот документ составлен так, чтобы защитить некоторые государства лучше, чем остальные.

— Пора бы услышать, каково его третье требование, — сказал Роэдран. — Разговор о печатях меня не касается; это дело Айз Седай. Он говорил, что условий будет три, но мы услышали лишь два.

Ранд поднял бровь:

— Третья и последняя цена, которую вы заплатите за мою жизнь на склонах Шайол Гул, такова: я поведу ваши войска в Последнюю битву и буду командовать ими единолично, целиком и полностью. Вы станете подчиняться моим приказам. Пойдете, куда я вас отправлю, и сразитесь с теми, на кого я укажу.

Его слова вызвали новую и более сильную бурю возражений. Ясно, что это требование оказалось наименее возмутительным, но выполнить его было невозможно по уже понятным Эгвейн причинам.

Властители восприняли третье условие Дракона Возрожденного как посягательство на свой суверенитет. Сохраняя лишь самые основы приличия посреди всеобщего шума, Грегорин бросал

на Ранда свирепые взгляды, что выглядело весьма забавно, поскольку из всех присутствующих этот человек обладал наименьшей властью. Дарлин качал головой, а Илэйн покраснела — вернее сказать, побагровела от ярости.

Занявшие сторону Ранда — в основном, порубежники — отвечали контраргументами. «Это безнадежно, — подумала Эгвейн. — Их вот-вот растопчут». Должно быть, они полагали, что лорд Дракон, получив командование, тут же выступит на защиту Пограничных земель. На что Дарлин и Грегорин никогда не дадут своего согласия — только не теперь, когда шончанские войска дышат им в затылок.

О Свет, ну и неразбериха!

Эгвейн прислушивалась к спорам, надеясь, что они выведут Ранда из себя. В прошлом так и случилось бы, но теперь он просто стоял, заложив руки за спину, и смотрел на происходящее. Лицо его стало безмятежным, хотя Эгвейн все яснее понимала, что это маска, и видела, что внутри он весь бурлит. Вне всяких сомнений, Ранд научился контролировать себя, но бесчувственным он не стал.

Эгвейн поймала себя на том, что улыбается. Несмотря на все жалобы насчет Айз Седай, несмотря

на упрямое нежелание действовать под руководством Белой Башни, своим поведением Ранд все сильнее напоминал одну из сестер. Эгвейн приготовилась заговорить в голос, взять собрание под свой контроль, но в шатре что-то изменилось. Теперь в воздухе витало… нечто новое. Казалось, Ранд притягивает к себе ее взгляд. Снаружи донеслись звуки, источник которых Эгвейн не сумела определить. Легкий хруст… Дело рук Ранда? Что он затеял?

Споры смолкли. Один за другим присутствующие повернулись к Дракону Возрожденному. Солнечный свет снаружи потускнел. Эгвейн порадовалась, что Ранд создал те световые сферы.

— Вы нужны мне, — негромко произнес он, обращаясь ко всем сразу. — В вас нуждается сама наша земля. Вы спорите; я знал, что так и будет, но на споры больше нет времени. Знайте: вам не отговорить меня и не сделать так, чтобы я подчинился. Ни сила оружия, ни плетения Единой Силы не заставят меня встретиться с Темным ради вас. Я должен сделать это по собственному выбору.

— Вы и впрямь намерены сыграть в игру, где ставка — целый мир, лорд Дракон? — спросила Берелейн, и Эгвейн улыбнулась: теперь эта верти-

хвостка была уже не так уверена в правильности своего выбора.

— Мне и не придется, — ответил Ранд. — Вы все подпишете. А если нет, то умрете.

— Это шантаж! — выкрикнул Дарлин.

— Нет, — сказал Ранд и улыбнулся представителям Морского народа, стоявшим рядом с Перрином. Те молча прочли документ и, явно под впечатлением от прочитанного, покивали друг другу. — Нет, Дарлин. Это не шантаж. Это соглашение. У меня есть то, чего вы хотите. В чем нуждаетесь. Я. Моя кровь. Я погибну. Все мы знали это с самого начала, ведь так говорится в пророчествах. И ценой за мою жизнь будет мирное наследие, чтобы уравновесить те беды, что я причинил миру в прошлый раз.

Он обвел глазами собравшихся, по очереди останавливая взгляд на каждом правителе. Казалось, еще чуть-чуть — и Эгвейн физически ощутит его решимость. Вероятно, дело было в природе *та'верена*, или же, возможно, сказывалось бремя момента. Напряжение в шатре росло, и ей стало трудно дышать.

«Он сделает по-своему, — подумала она. — А они уступят. Пускай неохотно, но уступят».

— Нет, — разорвал тишину громкий голос

Эгвейн. — Нет, Ранд ал'Тор, ты не заставишь нас подписать этот документ или передать тебе единоличное командование войсками. И я не поверю, что в случае отказа ты позволишь миру — твоему отцу, друзьям, всем тем, кого ты любишь, и всему человечеству — погибнуть от лап троллоков. А если думаешь иначе, ты конченый глупец.

Ранд посмотрел ей в глаза, и Эгвейн слегка растерялась. О Свет! Он ведь не откажется, правда? Неужели он готов принести в жертву весь мир?

— Как вы посмели назвать лорда Дракона глупцом? — осведомился один из Аша'манов.

— С Амерлин не разговаривают в подобном тоне, — сказала Сильвиана, встав рядом с Эгвейн.

Споры возобновились, на сей раз громче. Ранд не позволял Эгвейн отвести от него взгляд, и она видела, как его щеки краснеют от гнева. Голоса повышались, напряжение росло. Смятение. Гнев. Застарелая ненависть, разгорающаяся заново, подпитанная ужасом.

Одной рукой Ранд взялся за меч с драконами на ножнах — с ним он ходил последнее время, — а другую продолжал прятать за спиной.

— Я непременно получу назначенную плату,

Эгвейн, — прорычал он.

— Требуй, чего пожелаешь, Ранд, но ты — не Создатель. И если отправишься на Последнюю битву, не отказавшись от этих глупостей, все мы неминуемо погибнем. А если мы с тобой сразимся, есть шанс, что ты все-таки передумаешь.

— Белая Башня всегда держала копье у моего горла! — огрызнулся Ранд. — Всегда, Эгвейн! А теперь ты и впрямь стала одной из них.

Эгвейн твердо смотрела ему в глаза, но чувствовала, что начинает сомневаться. Что, если эти переговоры сорвутся? Неужели она прикажет своим солдатам вступить в бой с войсками Ранда?

Такое чувство, будто она запнулась о камень на краю утеса и уже падает с обрыва. Но должен быть способ спастись, остановить это падение!

Ранд развернулся. Если он выйдет из шатра, всему конец.

— Ранд! — позвала Эгвейн, и он замер.

— Я не отступлюсь, Эгвейн.

— Не делай так, — попросила она. — Не перечеркивай все, чего достиг.

— Ничего не поделаешь…

— Вовсе нет! Просто хотя бы раз перестань быть упертым шерстеголовым болваном, чтоб тебе сгореть!

Эгвейн взяла себя в руки. Разве можно говорить с ним так, будто они снова оказались в Эмондовом Лугу, в самом начале всего этого?

Какое-то время Ранд смотрел на нее.

— Ну а тебе, Эгвейн, не помешало бы — для разнообразия — перестать вести себя как избалованная, самонадеянная, дурно воспитанная девчонка. — Он всплеснул руками. — Кровь и пепел! Это пустая трата времени.

Его слова были недалеки от истины. Эгвейн не заметила, как в шатер вошел еще один человек. Но его появление не прошло мимо внимания Ранда: он развернулся, когда, впуская в шатер свет, приподнялся входной клапан, и мрачно воззрился на незваного гостя.

Но хмурое выражение сразу исчезло с его лица, едва он понял, кто вошел в шатер.

Перед ним была Морейн.

Глава 6. Судьба

В шатре вновь воцарилась тишина. Перрин не выносил суеты и шумихи, но человеческие запахи были ничем не лучше. Разочарование, гнев, страх. Ужас.

Почти все эти чувства были вызваны женщиной, стоявшей у входа.

«Мэт, дурень ты блаженный, — усмехнулся Перрин, — ты справился! У тебя и правда получилось».

Впервые за последнее время мысль о друге сопровождалась разноцветной круговертью.

Перрин видел, как Мэт едет верхом по пыльной дороге, поигрывая каким-то предметом, и сморгнул этот образ. Во что же Мэт ввязался на сей раз? Почему не вернулся вместе с Морейн?

Это не имеет значения. Вот она, прямо здесь. О Свет! Морейн — собственной персоной! Он шагнул было к ней, чтобы обнять, но Фэйли цапнула его за рукав, и Перрин проследил за ее взглядом.

Ранд. Он побледнел. Нетвердо отступил от столика, будто забыл обо всем на свете. Протолкался к Морейн. Он нерешительно протянул руку, коснулся ее лица и прошептал:

— Клянусь могилой матери… — Потом он упал перед ней на колени и промолвил: — Как?!

— Колесо плетет так, как желает Колесо, Ранд. — Морейн с улыбкой положила ладонь ему на плечо. — Неужели забыл?

— Я…

— Не так, как желаешь ты, Дракон Возрожденный, — мягко продолжила она. — И не так, как желает любой из нас. Возможно, когда-нибудь оно выплетет себя из реальности. Но мне не верится, что это произойдет сегодня или в обозримом будущем.

— Кто эта женщина? — вопросил Роэдран. — И что за околесицу она несет? Я…

Он осекся и вздрогнул, когда нечто невидимое хлестнуло его по виску. Перрин глянул на Ранда, затем заметил улыбку на губах Эгвейн и уловил нотки удовлетворения в исходящем от нее запахе, что резко отличало его от запахов всех прочих собравшихся в шатре.

От стоявших рядом Найнив и Мин пахло глубоким потрясением. Будь на то воля Света, еще какое-то время Найнив будет пребывать в состоянии шока. Шумное выяснение отношений с Морейн ничуть не поможет в сложившейся ситуации.

— Ты не ответила на мой вопрос, — напомнил Ранд.

— Нет, ответила, — с теплотой в голосе отозвалась Морейн. — Просто не теми словами, что ты хотел услышать.

Не вставая с колен, Ранд запрокинул голову и расхохотался:

— О Свет, Морейн! Как вижу, ты нисколько не изменилась!

— Все мы меняемся изо дня в день, — ответила она и снова улыбнулась. — И за последнее время я изменилась сильнее некоторых. Встань. Это я должна преклонить пред тобой колени, лорд Дракон. Всем нам следует это сделать.

Ранд послушался и отступил, пропуская Морейн к центру собрания. Перрин уловил еще один запах и улыбнулся, потому что в шатер следом за Морейн скользнул Том Меррилин. Старый менестрель подмигнул Перрину.

— Морейн! — шагнула к ней Эгвейн. — Белая Башня приветствует тебя с распростертыми объятиями. Сослуженная тобою служба не забыта.

— Хм… — протянула Морейн. — Как вижу, тогда я отыскала будущую Амерлин. Да, это должно благоприятно сказаться на моей судьбе. Какое облегчение! Ведь раньше я полагала, что мне могло грозить усмирение, если не казнь.

— Многое изменилось.

— Вполне очевидно… мать, — кивнула Морейн.

Проходя мимо Перрина, она сжала его плечо и сверкнула глазами.

Один за другим монархи Пограничных земель обнажали клинки и склоняли головы или приседали в реверансе. Похоже, каждый из них был лично знаком с Морейн. Другие правители стояли с озадаченными лицами, хотя Дарлин явно знал, кто она такая, и был скорее… задумчив, нежели смущен.

Морейн остановилась подле Найнив, чей запах

вдруг сделался для Перрина неуловимым. Ему показалось это недобрым знаком. «Ох, Свет! Начинается…»

Найнив заключила Морейн в крепкие объятия.

Пару секунд Морейн стояла, не поднимая рук. Судя по запаху, она была потрясена. В конце концов она тоже обняла Найнив, как-то по-матерински, и погладила ее по спине.

Найнив отпустила Морейн, отодвинулась, потом смахнула слезинку и проворчала:

— Только не смей рассказывать об этом Лану.

— И не подумала бы. — С этими словами Морейн продолжила свое шествие и остановилась наконец на середине шатра.

— Несносная женщина, — буркнула Найнив, стирая слезинку с другой щеки.

— Морейн, — сказала Эгвейн, — ты явилась как всегда кстати.

— Такова уж моя судьба.

— Итак, — продолжила Эгвейн, когда Ранд вернулся к столику, — Ранд… Дракон Возрожденный… решил взять этот мир в заложники, и если мы откажемся потакать его причудам, то не станет выполнять свой долг.

Морейн поджала губы, взяла оригинал мирного договора, положенный перед нею Галадом, и

пробежала глазами по тексту.

— Так кто эта женщина? — повторил Роэдран. — И почему мы… Эй, хватит уже!

Словно получив шлепок прядью Воздуха, он схватился за голову и бросил свирепый взгляд на Эгвейн, хотя на сей раз удовлетворением пахнуло от одного из Аша'манов.

— Отлично вышло, Грейди, — шепнул Перрин.

— Спасибо, милорд.

Разумеется, Грейди знал Морейн только понаслышке, но среди последователей Ранда она стала фигурой легендарного масштаба.

— Ну так что? — промолвила Эгвейн.

— «И свершится так, что созданное людьми будет разрушено, — прошептала Морейн, — и Тень проляжет чрез Узор эпохи, и Темный вновь наложит длань свою на мир людей. Жены возрыдают, а мужей охватит ужас, когда государства земные распадутся, будто сгнившая ветошь. Не устоит ничто и не уцелеет…»

Обеспокоенные, люди переступали с ноги на ногу. Перрин вопросительно взглянул на Ранда.

— «Но будет рожден один, дабы, не дрогнув, встретить Тень, — продолжила Морейн уже громче, — рожден вновь, как был рожден прежде, и будет рожден опять, и так бесконечно! Возрожден

будет Дракон, и при его новом рождении станут причитать и скрипеть зубами. В рубище и пепел облачит он людей и своим явлением вновь расколет мир, разрывая скрепляющие узы! Словно раскованная заря, ослепит он нас и опалит нас, но в то же время Дракон Возрожденный встанет против Тени в Последней битве, и кровь его дарует нам Свет. Пусть струятся слезы, о люди мира! Восплачьте свое спасение!»

— Простите, Айз Седай, — произнес Дарлин, — но все это звучит очень зловеще и мрачно.

— По крайней мере, спасению быть, — отозвалась Морейн. — Ваше величество, ответьте мне: пророчество требует, чтобы вы проливали слезы. Станете ли вы плакать из-за того, что спасение дается ценой невыразимых мук? Или восплачете его спасение? Оплачете человека, который станет страдать ради вас? Того единственного, кто, как нам доподлинно известно, не увильнет от этой битвы?

Она повернулась к Ранду.

— Его требования несправедливы, — заявил Грегорин. — Он настаивает, чтобы впредь мы держались тех границ, которые существуют ныне!

— «Он поразит свой народ мечом мира, — сказала Морейн, — и уничтожит их листом».

«Это же Кариатонский цикл. Я слышал раньше такие слова», — вспомнил Перрин.

— Печати, Морейн, — сказала Эгвейн. — Он намерен их разломать. И бросает вызов власти Престола Амерлин.

Похоже, Морейн нисколько не удивилась. Перрин подозревал, что она, прежде чем войти, постояла снаружи и послушала, о чем говорят в шатре. Это очень на нее похоже.

— Ох, Эгвейн… — вздохнула она. — Ты что, не помнишь? «Незапятнанная и несокрушимая доселе Башня, сломленная, преклоняет колени пред знаком, давно позабытым…»

Эгвейн покраснела.

— «И нет здравия в нас, и не прорастет добрых всходов, — цитировала Морейн, — ибо земля едина с Драконом Возрожденным, а он — един с землею. Душа из огня, сердце из камня».

Она взглянула на Грегорина:

— «В гордыне покоряет он, принуждая высокомерие уступать».

На порубежников:

— «Он горы поставит на колени».

На Морской народ:

— «И моря расступятся пред ним».

На Перрина, затем на Берелейн:

— «И склонятся самые небеса».

На Дарлина:

— «Молитесь, дабы сердце из камня помнило слезы…»

И наконец — на Илэйн:

— «А душа из огня не забыла любовь». — Морейн помолчала, затем продолжила: — Никто из вас не способен этому противостоять. Простите. Думаете, он пришел сюда по собственной воле? — Она подняла документ. — Узор — это баланс. Не добро или зло, не глупость или мудрость. Эти понятия не имеют для Узора никакого значения, и все же он найдет равновесие. Прежняя эпоха закончилась Разломом, и поэтому следующая начнется миром — даже если придется запихнуть его вам в глотку, как лекарство капризному малышу.

— Позвольте высказаться? — вышла вперед Айз Седай в коричневой шали.

— Позволяю, — разрешил Ранд.

— Этот документ составлен весьма разумно, лорд Дракон, — сказала тучная Коричневая более резким тоном, чем Перрин мог бы ожидать от представительницы этой Айя. — Но я вижу в нем существенный недостаток, о котором уже упоминалось. Покуда из вашего договора исключены

шончан, он не будет иметь значения. О каком мире может идти речь, когда они завоевывают наши земли?

— Вопрос интересный, — скрестила руки Илэйн. — Но не единственный. Ранд, я понимаю, чего ты хочешь добиться, и за это люблю тебя сильнее прежнего, но нельзя отрицать, что у твоего предложения имеются фундаментальные изъяны. Чтобы подобный договор имел вес, мира должны желать обе стороны, поскольку им это выгодно. Он не предлагает способа, каким возможно уладить разногласия, — а они появятся, ведь они всегда появляются. И любой такого рода документ должен четко и ясно объяснять, каким образом решаются подобные проблемы. Надо установить кару за его нарушение — любую, кроме вступления других государств во всеобщую войну. Без этой поправки мелкие обиды будут нарастать из года в год, пока не закончатся взрывом. Если так посмотреть, от государств едва ли не требуется привести в чувство того, кто первым нарушит мир. Но договор не помешает установить марионеточный режим в проигравшем королевстве — или, если уж на то пошло, в любой другой державе. Боюсь, что со временем этот договор изживет себя: что толку, если он защищает

лишь на словах? И конечным результатом будет война, беспредельная и всеобъемлющая. На какое-то время ты установишь мир, особенно пока живы те, кто почитает тебя. Но за каждый год такого мира ты заплатишь годом хаоса и разрушений, когда все начнет расползаться по швам.

— Я заключу мир с шончан. — Ранд постучал пальцем по документу. — Внесем еще одно условие. Если их правительница не поставит свою подпись, этот договор недействителен. Тогда согласны?

— Это решение наименьшей из проблем, — тихо сказала Эгвейн, — но не наибольшей.

— Есть еще более важный вопрос, — послышался чей-то голос.

Перрин изумленно обернулся. Авиенда? Она, как и все остальные айильцы, в спорах и обсуждениях не участвовала. Айильцы лишь следили за происходящим. Перрин даже почти забыл, что они здесь.

— И ты? — спросил Ранд. — Решила пройтись по осколкам моих сновидений, Авиенда?

— Пора бы повзрослеть, Ранд ал'Тор. — Она подошла к столику и ткнула пальцем в свиток. — За тобой тох.

— Тебя он не касается, — возразил Ранд. — Я

доверяю тебе — как и твоему народу.

— Айильцы остались в стороне?! — спросил Изар. — О Свет! Как же мы это проглядели?

— Это оскорбление, — заявила Авиенда.

Перрин нахмурился. От девушки остро потянуло решимостью. Любой айилец, от которого так пахнет, в следующее мгновение наденет вуаль и вскинет копье.

— Авиенда, — улыбнулся ей Ранд, — другие готовы вздернуть меня за то, что я принуждаю их к этому договору, а ты сердишься, что в нем не упомянуты Айил?

— Я требую от тебя свою награду, — объявила Авиенда. — И она такова: включи Айил в свой документ, в этот твой «Драконов договор о мире». Иначе мы отвернемся от тебя.

— Ты не можешь говорить за всех, — сказал Ранд, — и тебе нельзя…

Все присутствующие Хранительницы Мудрости, как по команде, выстроились за спиной у Авиенды. Ранд изумленно моргнул.

— Авиенда несет нашу честь, — произнесла Сорилея.

— Не глупи, Ранд ал'Тор, — подхватила Мелэйн.

— Это дело женщин, — добавила Саринда. — Мы

не успокоимся, пока с нами не будут обращаться так же, как с мокроземцами.

— Неужели мы не сможем блюсти твой договор? — спросила Эмис. — Хочешь оскорбить нас, намекая, что мы слабее других?

— Да вы рехнулись! — воскликнул Ранд. — Вы хоть понимаете, что в таком случае вам будет запрещено сражаться друг с другом?

— Не просто сражаться, — возразила Авиенда, — а сражаться без причины.

— Война — смысл вашей жизни, — сказал Ранд.

— Если ты так считаешь, Ранд ал'Тор, — холодно ответила девушка, — я в самом деле скверно тебя обучила.

— Ее слова полны мудрости, — вышел вперед Руарк. — Смысл нашей жизни был в том, чтобы подготовиться к тому моменту, когда ты призовешь нас на эту Последнюю битву. В том, чтобы стать сильными и дожить до нее. И теперь нам будет нужна новая цель. Ради тебя, Ранд ал'Тор, я забыл о кровной вражде. Забыл навсегда и вновь о ней вспоминать не хочу. Теперь у меня есть друзья, которых я предпочел бы не убивать.

— Это безумие, — покачал головой Ранд. — Ну хорошо. Я включу вас в договор.

Авиенда выглядела довольной, но Перрина что-то смущало. Он не понимал айильцев — Свет, он не понимал даже Гаула, с которым провел столько времени, — но замечал, что эти люди не любят сидеть сложа руки. Даже в минуты отдыха они были настороже. В то время как другие развлекались игрой — к примеру, в кости, — айильцы потихоньку делали что-нибудь полезное.

Перрин подошел к Ранду и коснулся его плеча:

— Можно тебя на минутку?

Ранд помедлил, затем кивнул и повел рукой:

— Теперь нас никто не слышит. Чего ты хотел?

— Ну… я только что понял, что айильцы — они как рабочие инструменты.

— Так-так?

— А если инструмент лежит без дела, он ржавеет, — объяснил Перрин.

— Потому-то они и совершают набеги друг на друга. — Ранд потер висок. — Чтобы не утратить навыков. Поэтому я не стал упоминать их в договоре. О Свет, Перрин! Похоже, грядет катастрофа. Если добавить их в этот документ…

— Вряд ли теперь у тебя есть выбор, — сказал Перрин. — Другие ни за что не подпишут договор, если не включить в него айильцев.

— Да и с ними могут не подписать. — Ранд

бросил тоскливый взгляд на документ. — Это была прекрасная мечта, Перрин. Мечта о благе для людей. Я думал, что сумел их убедить, пока Эгвейн не поняла, что я блефую.

Хорошо, что другие не чувствовали запаха эмоций Ранда. Иначе вмиг поняли бы, что он ни за что не откажется от схватки с Темным. На лице — ни намека на волнение, но в душе он нервничал, как мальчишка, впервые стригущий овцу.

— Неужели ты не видишь? — спросил Перрин. — Вот же оно, решение.

Ранд, посмотрев на него, озадаченно сдвинул брови.

— Айильцы, — пояснил Перрин. — Инструмент, которому нельзя лежать без дела. И договор, соблюдение которого должна обеспечивать некая сила…

Ранд помедлил, затем улыбнулся до ушей:

— Перрин, ты гений!

— Когда речь заходит о кузнечном деле — да, в нем я кое-что смыслю.

— О кузнечном деле?.. Какое отношение оно имеет к договору?

— Самое прямое, — сказал Перрин, а про себя подумал: «Ну как можно этого не понимать?»

Ранд повернулся — очевидно, снимая плетение

против подслушивания. Он шагнул к столику, взял документ и передал его писарям, стоявшим в ожидании в дальней части шатра:

— Надо добавить два пункта. Во-первых, договор не имеет силы, пока он не подписан шончанской императрицей или Дочерью Девяти Лун, а во-вторых… Айил — все, кроме клана Шайдо, — должны быть указаны в документе как гаранты мира и посредники в спорах между государствами. Любая страна, которая сочтет себя обиженной или пострадавшей, может обратиться к ним, и Айил — повторяю, Айил, а не враждующие армии — обеспечат разрешение конфликта. Они получат право преследовать преступников, не обращая внимания на границы государств. Они обязаны будут подчиняться законам той страны, в которой находятся, но при этом они не будут считаться ее подданными. — Он повернулся к королеве Андора. — Вот она, принуждающая сила, и она не даст разрастись тем семенам раздоров.

— Айил? — усомнилась Илэйн.

— Согласны ли вы принять это бремя, Руарк? — спросил Ранд. — Бэил, Джеран, все остальные? Вы заявляете, что останетесь без цели в жизни, а Перрин видит в вас инструмент, которому требуется работа. Возьметесь ли вы за нее? Станете ли

предотвращать войны, карать преступников и сотрудничать с правителями стран, дабы стоять на страже справедливости?

— Справедливости? В чьем понимании, Ранд ал'Тор? — спросил Руарк. — В нашем? Или в понимании тех самых правителей?

— Айил будут поступать так, как велит им совесть, — ответил Ранд. — Те, кто призовет вас, должны знать, что правосудие будет вершиться так, как принято у Айил. Тогда вы не станете орудием в чужих руках. Независимость станет гарантией действенности этого решения.

Грегорин и Дарлин начали было возражать, но Ранд заставил их замолчать одним-единственным взглядом. Перрин сложил руки на груди и удовлетворенно кивнул. Протесты звучали куда слабее прежнего, и от многих в шатре пахнуло… задумчивостью.

«Они увидели новую возможность, — понял он. — Считают айильцев дикарями и думают, что ими будет легко манипулировать, когда Ранда не станет». Перрин усмехнулся, представив, сколь горьким будет разочарование, попробуй кто-нибудь из властей предержащих взять айильцев на поводок.

— Все это очень неожиданно, — заметил Руарк.

— Добро пожаловать на званый ужин, — добавила Илэйн, не отводя от Ранда кинжально-острого взгляда. — Угощайтесь супом. — Как ни странно, от нее пахнуло гордостью. Удивительная женщина.

— Предупреждаю, Руарк, — сказал Ранд, — вам придется изменить уклад своей жизни. В подобных делах Айил должны будут действовать сообща. Вожди и Хранительницы Мудрости будут держать совет и принимать совместные решения. Отдельный клан не сможет отправиться на битву, если остальные поддержат противоборствующую сторону.

— Мы это обсудим, — сказал Руарк, кивнув на других вождей. — Твое предложение — это конец истории Айил.

— И новое начало, — возразил Ранд.

Вожди кланов и Хранительницы Мудрости отошли в сторону и стали негромко переговариваться. Авиенда осталась на прежнем месте. Ранд с тревогой смотрел куда-то вбок и шептал что-то себе под нос и так тихо, что Перрин едва разбирал слова:

— …Теперь твой сон… Когда пробудишься от этой жизни, нас больше не будет…

Писари Ранда — от них пахнуло рвением — ли-

хорадочно взялись за исправление документа. Женщина по имени Кадсуане суровым взглядом следила за происходящим.

Пахло от нее невероятной гордостью.

— Добавьте еще один пункт, — велел Ранд. — Если Айил сочтут, что их сил недостаточно, они вправе призвать на помощь другие государства. И перечислите, к каким средствам возможно прибегнуть, чтобы обратиться к Айил с просьбой об удовлетворении своей жалобы или за дозволением атаковать врага.

Писари покивали и с удвоенным энтузиазмом вернулись к работе.

— Ты ведешь себя так, будто все уже решено, — взглянула на Ранда Эгвейн.

— Ох, до решения еще далеко, — сказала Морейн. — Ранд, я должна тебе кое-что сказать.

— А эти слова мне понравятся?

— Подозреваю, что нет. Объясни, зачем ты хочешь самолично командовать армиями? Ведь ты отправишься в Шайол Гул, а оттуда — вне всяких сомнений — не сможешь ничем управлять.

— Кто-то же должен вести войска, Морейн.

— Думаю, с этим согласятся все без исключения.

— Я взял на себя ответственность за этих людей,

Морейн. — Ранд заложил руки за спину. От него пахло тревогой. — И должен проследить, чтобы они не остались без присмотра, а ужасы этой битвы были сведены к минимуму.

— Боюсь, это не лучшая цель для полководца, — негромко заметила Морейн. — В сражении главное — не сберечь войска, а одержать победу. Тебе не обязательно командовать этими армиями, Ранд. Вернее, тебе не нужно их возглавлять.

— Я не допущу, чтобы эта битва превратилась в беспорядочный клубок противоречий, Морейн. Знала бы ты, какие ошибки мы допустили в прошлый раз, что за неразбериха бывает, если каждый мнит себя главным! Битва — это хаос, но нам все равно не обойтись без главнокомандующего, который будет принимать решения и следить, чтобы все действовали вместе.

— Как насчет Белой Башни? — спросила Романда, подступив — точнее, протолкавшись — к Эгвейн. — У нас имеются возможности быстро перемещаться от одной армии к другой, мы умеем оставаться хладнокровными там, где другие потеряют голову, и нам доверяют правители всех государств.

Услышав окончание фразы, Дарлин приподнял бровь.

— Белая Башня и впрямь представляется оптимальным вариантом, лорд Дракон, — добавила Тенобия.

— Нет, — ответил Ранд. — Амерлин способна на многое, но вести войска в бой… Не думаю, что это разумный выбор.

Эгвейн, как ни странно, молчала. Перрин внимательно посмотрел на нее. Прежде он подумал бы, что Эгвейн с готовностью сразу же ухватится за это предложение.

— На этом месте должен быть один из нас, — сказал Дарлин. — Выбранный из тех, кто пойдет в бой на этом поле.

— Пожалуй, — кивнул Ранд. — Если все будут знать, кто руководит сражением, я откажусь от последнего требования. Но с первыми двумя вам надо смириться.

— Ты все еще настаиваешь на том, чтобы разломать печати? — спросила Эгвейн.

— Не беспокойся, Эгвейн, — улыбнулась Морейн. — Он не будет ломать печати.

Ранд помрачнел, а Эгвейн расцвела в улыбке.

— Их сломаешь ты, Эгвейн, — продолжила Морейн.

— Что? Ни в коем случае!

— Ты — Блюстительница печатей, мать. Разве

ты не слышала моих слов? «И свершится так, что созданное людьми будет разрушено, и Тень проляжет чрез Узор эпохи, и Темный вновь наложит длань свою на мир людей…» Это должно случиться.

Теперь помрачнела и Эгвейн.

— Ты же видела это, не так ли? — прошептала Морейн. — Что тебе снилось, мать?

Поначалу Эгвейн не ответила.

— Что ты видела? — подступила к ней Морейн.

— Видела, как Ранд делает шаг за шагом, — ответила Эгвейн, глядя ей в глаза, — и под ногами у него хрустят осколки узилища Темного. А еще видела, как Ранд пытается пробить в нем брешь. Но я ни разу не видела, чтобы Ранд на деле открывал его, Морейн.

— А как же осколки, мать? — спросила Морейн. — Печати были сломаны!

— Сновидения не стоит толковать буквально. Необходима интерпретация.

— Ты же понимаешь, о чем на самом деле этот сон. Печати необходимо сломать, и за них отвечаешь ты. Вот ты их и сломаешь, когда пробьет час. Ранд, лорд Дракон Возрожденный, отдай ей печати.

— Мне это не нравится, Морейн, — заявил

Ранд.

— Стало быть, мало что изменилось, — беспечно произнесла она. — Насколько помню, ты зачастую отказывался делать то, что должен. Особенно когда указания исходили от меня.

Он пару секунд помолчал, затем рассмеялся, сунул руку в карман куртки и выложил на столик три диска из *квейндияра*. Каждый был разделен на черную и белую половину волнистой линией.

— Как она узнает, что час пробил? — спросил Ранд.

— Узнает, — ответила Морейн.

Судя по запаху, Эгвейн была настроена скептически, и Перрин ее не винил. Морейн всегда считала, что надо следовать плетению Узора и склонять голову перед оборотами Колеса. Перрин же придерживался иного мнения. Он полагал, что каждый выбирает свой путь, верил в свои силы и делал, что должен, а Узор… На Узор лучше не рассчитывать.

Но Эгвейн — Айз Седай, и сейчас она, похоже, приняла точку зрения Морейн. Или же готова была согласиться с ней, чтобы заполучить печати.

— Разломаю их, когда почувствую, что пора, — сказала она, забирая черно-белые диски.

— Значит, подпишешь? — Под протестующие

возгласы писцов, сокрушавшихся о спешке и недостатке отпущенного им времени, Ранд взял договор, к тексту которого снизу были добавлены новые строки. Один из секретарей вскрикнул и потянулся за склянкой с песком, но Ранд сделал что-то с помощью Единой Силы, и чернила мгновенно высохли. На столик перед Эгвейн лег уже готовый документ.

— Да, подпишу, — сказала Эгвейн и протянула руку за пером.

Она внимательно прочла внесенные дополнительно пункты. Другие сестры поглядывали на текст договора из-за ее плеча и по очереди кивали.

Эгвейн коснулась бумаги пером.

— А теперь остальные. — Ранд повернулся и прошелся взглядом по присутствующим, оценивая их реакцию.

— О Свет, как же он поумнел! — шепнула Перрину Фэйли. — Ты хоть понимаешь, что он сделал?

— Что? — почесал бороду Перрин.

— Привел с собой всех, в чьей поддержке не сомневался, — шепотом объяснила Фэйли. — Порубежников, готовых подписать что угодно, лишь бы их родные земли не остались без помощи. Арад Доман, которому Ранд подсобил совсем

недавно. Айильцев… хотя как знать, что придет им в голову? В общем, тебе понятно. А затем он позволил Эгвейн объединить вокруг себя остальных. Гениально, Перрин. Она повела за собой всю эту коалицию, выступив против него. И на самом деле Ранду требовалось убедить одну лишь Эгвейн. Как только он добился ее согласия, другие не останутся в стороне, чтобы не потерять лицо.

Явившиеся на встречу правители и впрямь начали подписывать договор. Берелейн подошла первой и охотно поставила на документе размашистый росчерк. Сторонники Эгвейн стали проявлять нетерпение. К столику шагнул Дарлин, взял перо, пару мгновений помедлил и потом поставил свою подпись.

За ним расписался Грегорин. Затем порубежники, каждый по очереди, а после них — король Арад Домана и даже Роэдран, считавший, судя по виду, что собрание закончилось полным провалом. Перрин счел это занятным.

— Он много шумит, — сказал он Фэйли, — но знает, что договор пойдет на пользу его королевству.

— Да, — подтвердила Фэйли. — Отчасти он устроил это фиглярство, чтобы его списали со счетов, — мол, с шута и взятки гладки. В документе

говорится, что нынешние границы государств останутся неизменными, а это великое благо для человека, желающего придать устойчивости своему трону. Но…

— Но?

— Но как же шончан? — тихо спросила Фэйли. — Если Ранд сумеет их убедить, останутся ли завоеванные страны под их властью? А женщины, обращенные в дамани… Неужели шончан позволено будет защелкивать эти ошейники на любой женщине, пересекающей границу их владений?

В шатре стало тихо. По-видимому, последние слова Фэйли произнесла громче, чем намеревалась. Иной раз Перрину было трудно понять, что обычные люди слышат, а что — нет.

— С шончан я разберусь, — сказал Ранд. Он навис над столом, наблюдая, как монархи просматривают документ, переговариваются с сопровождающими их советниками и ставят потом свои подписи.

— Как? — спросил Дарлин. — Они отнюдь не горят желанием заключить с тобой мир, лорд Дракон. Я все же думаю, что из-за них твой договор так и не войдет в силу.

— Как только мы тут закончим, — вполголо-

са сказал Ранд, — я отправлюсь к ним. Они все подпишут.

— А если нет? — осведомился Грегорин.

— В таком случае придется их уничтожить. — Ранд шлепнул пятерней по столику. — Или, по крайней мере, лишить их возможности развязать войну — в обозримом будущем.

Все замерли.

— Ты и впрямь на такое способен? — спросил Дарлин.

— Не уверен, — признался Ранд. — Если да, то я, вероятно, растрачу силы, причем в тот момент, когда больше всего в них нуждаюсь. О Свет! Возможно, это единственный выход. И это чудовищный выбор, ведь когда я расстался с ними в прошлый раз… Нет, нельзя, чтобы они ударили нам в спину в самый разгар битвы с Тенью. Это недопустимо. — Он покачал головой, и подошедшая Мин взяла его за руку. — Я найду способ разобраться с ними. Как-нибудь, но найду.

Властители продолжали подписывать договор — одни с большой помпезностью, другие самым будничным манером. Под документом поставили свои имена также Перрин, Гавин, Фэйли и Гарет Брин. Похоже, Ранд хотел получить подписи всех, кто мог бы занять высокое положение или взять

на себя руководящую роль.

Наконец осталась одна Илэйн. Ранд протянул ей перо.

— Ты требуешь от меня непростого решения, — сказала Илэйн.

Она скрестила руки на груди, ее золотистые волосы блестели в свете Рандовых сфер. Но почему снаружи стало так темно? Похоже, Ранда это не беспокоило, но Перрин опасался, что небо вновь затянули тучи. Если они превозмогли волю Дракона, это тревожный знак.

— Знаю, что оно непростое, — подтвердил Ранд. — А если я дам тебе кое-что взамен?..

— Что?

— Войну. — Он повернулся к правителям. — Вы хотите, чтобы Последнюю битву возглавил один из вас. Примете ли вы в этом качестве Андор и его королеву?

— Она слишком молода, — отметил Дарлин. — И неопытна. Без обид, ваше величество.

— Кто бы говорил! — фыркнул Алсалам. — Половина из присутствующих здесь монархов сидит на троне всего лишь год, а то и меньше!

— Как насчет порубежников? — спросила Аллиандре. — Они сражаются с Запустением всю свою жизнь.

— Наши страны под ударом превосходящего числом врага, — покачал головой Пейтар. — Ни один из нас не может вести эту войну. Андор — такой же кандидат, как и все остальные.

— В Андор тоже вторглись вражеские войска, — заметил Дарлин.

— Это коснется всех вас, если еще не коснулось, — сказал Ранд. — Илэйн Траканд — прирожденный вождь; она научила меня почти всему, что я знаю об управлении людьми. Тактике она обучалась у великого военачальника, и не сомневаюсь, что за советом она обратится к столь же выдающимся полководцам. Кто-то непременно должен возглавить наши войска. Доверите ли вы ей этот пост?

Пусть и неохотно, но присутствующие ответили утвердительными кивками. Ранд взглянул на Илэйн.

— Ладно, Ранд, — сказала та. — Я согласна и подпишу твой договор, но смотри не забудь о шончанском вопросе. На этом листе должна стоять подпись их правителя. Пока ее нет, нам всем грозит опасность.

— Как насчет женщин, находящихся в плену у шончан? — спросил Руарк. — Должен признать, Ранд ал'Тор, после победы в более насущных бит-

вах мы намеревались объявить этих захватчиков нашими кровными врагами.

— Если их правитель подпишет договор, — ответил Ранд, — я буду просить обменять способных направлять Силу пленниц на что-нибудь ценное. И попробую убедить шончан освободить захваченные ими земли и вернуться в пределы своей собственной страны.

— А если они откажутся? — качнула головой Эгвейн. — Позволишь им подписать договор без учета этих условий? Порабощены тысячи, Ранд.

— Нам их не одолеть, — тихо промолвила Авиенда. Перрин взглянул на нее. От Авиенды пахло отчаянием, но и решимостью. — Если пойдем на них войной, проиграем.

— Авиенда права, — подхватила Эмис. — Айил не станут воевать против шончан.

Руарк изумленно смотрел на обеих — то на одну, то на другую.

— Они натворили немало ужасных вещей, — сказал Ранд, — но пока что захваченные ими земли даже выигрывают под их уверенным правлением. Если будет необходимо, я готов отдать шончан занятые ими земли — при условии, что они прекратят захватывать новые. А женщины… Что случилось, то случилось. Давайте сперва

подумаем о судьбе мира, а затем сделаем для оказавшихся в плену все, что в наших силах.

Какое-то время Илэйн держала договор в руках — возможно, для пущего драматического эффекта, — а затем склонилась над столиком и добавила к списку имен внизу свой пышный росчерк.

— Готово, — сказала Морейн, когда Ранд потянулся за договором. — На этот раз ты все же добьешься мира, лорд Дракон.

— Сперва надо выжить, — заметил он, с благоговением взяв документ. — Готовьтесь к битве. Я оставлю вас. Надо закончить кое-какие дела, в том числе и с шончан разобраться. А затем я отправлюсь к Шайол Гул. Однако у меня есть еще одна просьба. Близкому другу очень нужна наша помощь…

Обложенное тучами небо рассекали шрамы яростных молний. Несмотря на тень, по шее Лана струился пот, а волосы под шлемом слиплись во влажный клубок. Шлема Лан не надевал уже много лет; в бытность Стражем Морейн от него требовалось не привлекать внимания, а шлем всегда бросается в глаза.

— Насколько… Насколько все плохо? — Андер, морщась, взялся за бок и привалился к скале.

— Хорошего мало, — ответил Лан, глядя на поле боя. Отродья Тени собирались с новыми силами. Казалось, эти завывающие монстры — единое целое, гигантская сила мрака, сочащаяся миазмами ненависти, густой, как сам воздух, вбиравший жар и влагу, словно купец, что запасается коврами тонкой работы.

— Так и знал. — Андер дышал быстро и прерывисто. Из-под прижатых к телу пальцев сочилась кровь. — Назар?

— Мертв, — сказал Лан. Седой воин пал в той же схватке, в которой чудом выжил Андер. Лан хотел помочь ему, но не успел. — Его сразил троллок, но Назар успел распороть тому брюхо.

— Да примет последнее… — Андер содрогнулся от боли. — Да примет…

— Да примет тебя к себе последнее объятие матери, — тихо закончил за него Лан.

— Что ты так смотришь, Лан? — спросил Андер. — Все мы знали, что будет, когда… когда пошли за тобой.

— Потому-то я и пытался вас остановить.

— Я… — нахмурил брови Андер.

— Успокойся, Андер. — Лан поднялся на ноги. — Мои поступки были эгоистичны. Я здесь, чтобы умереть за Малкир. У меня нет права отказывать

другим в этой привилегии.

— Лорд Мандрагоран! — К ним подъехал принц Кайзель. Когда-то он щеголял в красивой новенькой броне, но теперь ее покрывали вмятины и кровавые потеки. Слишком юный для подобной битвы, кандорский принц сражался с хладнокровием бывалого ветерана. — Они строятся для новой атаки.

По каменистой земле Лан направился туда, где конюх придерживал Мандарба. Бока черного жеребца были иссечены троллочьим оружием. Благодарение Свету, раны оказались неглубокими. Лан потрепал коня по шее, и Мандарб всхрапнул. Стоявший поблизости знаменосец — уже пятый за последние сутки, — бритоголовый парень по имени Джофил, поднял флаг Малкир, знамя Золотого журавля.

Первым ударом отряд Лана захватил ущелье — длинную и узкую полосу усеянной камнями земли, зажатую промеж отвесных скал и крутых пиков, — отбросив отродья Тени, не дав им прорваться в долину. Признаться, Лан не ожидал такого результата.

Чтобы удерживать такую позицию, особого ума не надо. Стоишь, пока жив, и убиваешь всех, до кого сумел дотянуться.

Лан командовал конницей. Не самое идеальное войско для подобной работы, ведь лучше всего кавалерия показывает себя на широком поле, где хватает места для рассыпной атаки, но Тарвиново ущелье было настолько узким, что одновременно пройти в него могли лишь несколько троллоков. Такая теснота играла Лану на руку: по крайней мере, воспользоваться своим преимуществом в численности враг нее мог, и за каждый завоеванный ярд троллоки платили кровавую цену.

Шерстяным одеялом каньон устилали троллочьи трупы. Всякий раз, когда монстры шли на приступ, воины Лана встречали их в теснине пиками и алебардами, мечами и стрелами. Троллоки гибли тысячами, и следующим волнам приходилось уже перебираться через горы трупов. Однако в этих схватках редело и войско Лана.

После каждой атаки отродий Тени его люди отступали чуть дальше. К выходу из ущелья. Сейчас до него оставалось меньше сотни футов.

Лан чувствовал, как в мускулы вгрызается усталость.

— Каковы наши силы? — спросил он у принца Кайзеля.

— Примерно шесть тысяч, еще способных дер-

жаться в седле, Дай Шан.

Меньше половины из тех, кто пришел сюда днем раньше.

— Пусть садятся в седла.

— Мы что, отступаем? — потрясенный, спросил Кайзель.

Лан повернулся к пареньку, и тот побледнел.

Видать, не зря Лану говорили, что одним взглядом он может напугать кого угодно. Морейн любила шутить, что в гляделки он способен переиграть даже камень, а терпение у него поистине дубовое. Если честно, уверенности в нем было куда меньше, чем казалось со стороны, но этому мальчишке следовало бы крепко призадуматься, прежде чем заикаться об отступлении.

— Ну конечно, — ответил Лан. — А затем будем атаковать.

— Атаковать? — произнес Кайзель. — Так мы же обороняемся!

— Тут нас сомнут, — объяснил Лан, забираясь в седло. — Мы измотаны, изранены, еле стоим на ногах. Если оставаться на нынешней позиции, то еще пара атак — и от нас даже мокрого места не останется.

Лан был реалистом. Конец — значит, конец.

— Передайте такие мои приказы, — сказал

Лан принцу Кайзелю. — Мы станем медленно отступать из ущелья. Вы собирайте оставшиеся войска на равнине — верхом, готовые ударить по отродьям Тени, когда те выйдут из ущелья. Они не успеют ничего понять, и этой атакой мы нанесем громадный урон.

— А не получится ли так, что, если мы оставим проход, они нас окружат и сомнут? — спросил Кайзель.

— Это лучшее, что мы можем сделать имеющимися у нас силами.

— А потом?

— А потом они рано или поздно прорвутся, рассекут наше войско на части и перебьют всех до единого.

Пару секунд Кайзель просто сидел в седле, а затем кивнул, и Лан в очередной раз восхитился этим мальчишкой. Поначалу он предполагал, что принц последовал за ним, мечтая прославиться, сражаться в битве бок о бок с Дай Шаном и разгромить врага. Но нет. Кайзель был порубежником до мозга костей. Он пришел сюда не ради славы, а из чувства долга. «Хороший парень».

— Передайте приказ, и чем быстрее, тем лучше. Парни с радостью вернутся в седла. — Слишком многим пришлось биться в пешем строю,

поскольку в такой тесноте всаднику не развернуться.

Кайзель сделал, как было сказано, и слова Лана согрели его людей, как осенний костер. Лан заметил, как Булен помогает Андеру взобраться на коня.

— Андер? — окликнул воина Лан, ударом каблуков направляя к нему Мандарба. — Ты не в состоянии ехать верхом. Ступай в дальний лагерь, к раненым.

— Чтобы лежать на травке и позволить троллокам прирезать меня — после того, как они вас перебьют? — Он шатко поерзал в седле, и Булен поднял озабоченный взгляд, но Андер отмахнулся и заставил себя сесть прямо. — Мы уже свернули целую гору, Лан. Давай же сдвинем с места перышко и покончим с этим.

Возразить было нечего. Лан прокричал приказ к отступлению, адресованный передним рядам. Выжившие собрались вокруг него и начали отходить в сторону равнины.

Возбужденные, троллоки завыли и заулюлюкали, понимая, что стоит им вырваться из тесных каменных стен, и вот она, победа, рукой подать.

Лан и его небольшой отряд покинули узкие пределы ущелья. Те, кто двигался в пешем поряд-

ке, бросились к лошадям, возле входа в каньон.

Троллоки — в кои-то веки они не стали ждать, пока их подхлестнут мурддраалы, — гулко топоча по каменистой земле, устремились в атаку.

В нескольких сотнях ярдов от ущелья Лан придержал бег Мандарба и обернулся. Его не без труда догнал Андер, а затем и остальные всадники, которые выстроились длинными рядами. С Ланом поравнялся Булен, пустивший коня легким галопом.

Бурный поток несущихся в атаку отродий Тени приближался к устью ущелья. Еще немного — и тысячи троллоков вырвутся на открытое пространство, где сделают все, чтобы уничтожить людей.

Лана окружили молчаливые всадники. Многие были в возрасте — последние подданные их погибшего королевства. Этот отряд сумел перекрыть узкую теснину ущелья, но на просторной равнине казался крошечным.

— Булен! — окликнул воина Лан.

— Да, лорд Мандрагоран?

— Говоришь, много лет назад ты подвел меня?

— Да, милорд. Дело в том…

— Отныне все твои оплошки забыты, — объявил Лан, глядя вперед. — Я горжусь, что вручил

тебе *хадори*.

Подскакавший к Лану Кайзель кивнул ему:

— Мы готовы, Дай Шан.

— И это к лучшему, — кривясь от боли, сказал Андер. Он по-прежнему зажимал рану и едва держался в седле.

— Не к лучшему, а как есть, — поправил его Лан, и не только ради спора.

— Нет, — возразил Андер. — Это важнее, чем кажется, Лан. Малкир — как дерево, чьи корни подточил белый червь, а ветви понемногу засыхают. Пусть лучше это дерево сгорит в ослепительной вспышке.

— По мне лучше атаковать, — сказал Булен, чей голос сделался тверже, — чем ждать, пока нас сметут. Предпочту умереть в атаке, с нацеленным на врага клинком.

Лан кивнул, развернул коня и воздел меч высоко над головой. Речей говорить не стал. Все уже сказано, и его люди знают, что их ждет. Еще одна атака, пока остались силы. Она кое-что да будет значить. Благодаря ей станет меньше отродий Тени, которые вот-вот наводнят цивилизованные земли. Меньше троллоков придет убивать тех, кто не в состоянии защитить себя.

Казалось, врагам нет конца. Бешеная орда без

намека на дисциплину и боевой порядок. Воплощение ярости и разрушения. Их тысячи тысяч. Они вытекали на равнину, будто прорвавший запруду бурный поток.

Перед такой силищей маленький отряд Лана — все равно что камешек в сравнении с лавиной.

Люди молча подняли мечи, в последний раз салютуя своему королю.

— Вперед! — крикнул Лан.

«Теперь, когда они рассыпаются в стороны, мы нанесем наибольший ущерб». Он пришпорил Мандарба и помчался вперед во главе отряда.

Рядом, вцепившись обеими руками в луку седла, скакал Андер. Поднять оружие он даже не пробовал, иначе свалился бы с коня.

Найнив находилась слишком далеко, и Лан плохо чувствовал ее через узы, но иногда самые сильные эмоции могут быть переданы другому, несмотря на расстояние. Надеясь, что это у него получится, он постарался отправить ей всю свою любовь, а еще то, какую испытывает гордость за своих людей, как уверен в себе и в правом деле. Лан отчаянно желал, чтобы эти чувства были последним, что запомнит о нем Найнив.

«Рука моя станет клинком…»

Копыта грохотали по равнине. Троллоки за-

ухали от предвкушения и восторга, понимая, что добыча уже не отступает, а атакует, и что люди несутся прямо к ним в лапы.

«Сама грудь моя — щитом…»

Лан слышал голос, отцовский голос, произносящий эти слова. Глупость, конечно. Когда пала Малкир, Лан был еще младенцем.

«И, защищая Семь Башен…»

Ему не довелось видеть, как Семь Башен сдерживают Запустение. Об этом он знал только по рассказам.

«Обуздывая тьму…»

Грохот копыт превратился в оглушительный гром. Прежде Лан не поверил бы, что бывают настолько громкие звуки. Не опуская оружия, он расправил плечи.

«Я выстою там, где другие падут».

Расстояние между противоборствующими силами сокращалось, и троллоки выставили перед собой копья.

«Ал Чалидолара Малкир. — За милую моему сердцу Малкир».

Эту клятву малкирские солдаты давали, в первый раз отправляясь на Рубеж Запустения. Лан никогда не произносил этих слов.

Но теперь произнес — от самого сердца.

— Ал Чалидолара Малкир! — выкрикнул он. — Копья — к бою!

О Свет, как же гремят копыта! Неужели шесть тысяч лошадей подняли такой шум? Лан глянул за спину, на свой отряд.

И увидел по меньшей мере десять тысяч конников.

«Это как?..»

Несмотря на изумление, Лан гнал Мандарба навстречу врагу.

— Вперед! За Золотого журавля!

Голоса, возгласы, крики, полные силы и радости.

Впереди и слева воздух вдруг рассекла — нет, распорола! — вертикальная черта. Переходные врата шириной в три дюжины шагов — такие громадные врата Лан видел впервые — раскрылись, словно из-за туч вышло солнце. С другой стороны пролился — нет, вырвался! — ослепительный свет, а вместе со светом из переходных врат явились всадники в полной броне. Несясь во весь опор, они немедленно примкнули к левому флангу атакующей кавалерии. Над ними реяло знамя Арафела.

Новые переходные врата — три, и четыре, и дюжина. Открываясь в строгом порядке, они

исторгали скачущих конников с копьями на изготовку, и над всеми отрядами развевались стяги Салдэйи, Шайнара, Кандора. В считаные секунды шеститысячный отряд превратился в стотысячную армию.

Первые ряды троллоков охватило смятение. Многие завопили, заверещали, одни по-прежнему бежали навстречу атакующим, другие остановились, перехватывая и наклоняя копья так, чтобы встретить несущихся на них лошадей. А сзади на них — лишенная возможности видеть, что происходит впереди, — напирала, потрясая огромными, похожими на косы мечами и двойными боевыми топорами, разъяренная орда.

Тех троллоков в первых рядах, что выставили перед собой копья, вдруг разметало взрывом.

Где-то за спиной у Лана Аша'маны творили разрушительные плетения, и те взрывали землю, подчистую выбивая передние ряды врага. Когда от троллочьего авангарда остались одни лишь валяющиеся на земле трупы, следующие шеренги оказались совершенно беззащитны перед ураганом копыт, мечей и копий.

Мандарб врезался в гущу рычащих троллоков. Лан принялся рубить направо и налево. Андер расхохотался.

— Назад, дурень! — бросил ему Лан, не переставая орудовать мечом. — Отправь Аша'манов к раненым, пусть защитят лагерь!

— Хочу увидеть улыбку на твоем лице, Лан! — крикнул в ответ Андер, крепко державшийся за седло. — Перестань делать каменное лицо — хотя бы разок! Поверь, сегодняшний день этого достоин!

Лан окинул взглядом битву, о победе в которой раньше и помыслить не мог, увидел, что последний бой превратился в многообещающую сечу, и не сдержался. Он не просто улыбнулся. Он захохотал.

Удовлетворенный, Андер отправился выполнять приказ — сперва получить Исцеление, а затем навести порядок в тылу.

— Джофил! — крикнул Лан. — Подними повыше мое знамя! Ведь сегодня Малкир еще жива!

Глава 7. В гущу событий

Когда встреча закончилась, Илэйн вышла из шатра — и очутилась в роще. Деревьев было немногим больше десятка, зато каких! Высоченные, пышущие здоровьем красавцы с громадными ветвями и массивными стофутовыми стволами. Илэйн замерла и разинула рот, совершенно не стесняясь своего изумления, поскольку все остальные сделали то же самое. Она глянула в сторону, где Эгвейн — тоже с раскрытым ртом — рассматривала кроны гигантских деревьев. В небе по-прежнему сияло солнце, но зеленая листва затеняла пространство вокруг шатра. Так

вот почему в нем стало темновато.

— Эти деревья… — Перрин шагнул вперед и положил ладонь на толстую рубчатую кору. — Это же Великие Древа. Такие я уже видел. В стеддинге!

Илэйн обняла Истинный Источник. Вот оно, сияние саидар — тепло, сравнимое с теплом солнца. Она вдохнула Силу и с интересом отметила, что при упоминании стеддинга почти все способные направлять Силу женщины поступили так же.

— Знаете, кем бы ни был теперь Ранд, — сказала Эгвейн, скрестив на груди руки, — он не способен сделать так, чтобы здесь взял и появился стеддинг.

Такое чувство, что она сказала это для собственного успокоения.

— Куда он ушел? — спросила Илэйн.

— Вон туда. — Перрин махнул рукой в сторону деревьев. — И пропал.

Меж могучих стволов ходили, запрокинув голову, солдаты из самых разных лагерей. Илэйн услышала, как поблизости переговаривается с лордом Агельмаром кто-то из шайнарцев:

— Они выросли у нас на глазах, милорд. Проклюнулись из земли и меньше чем за пять минут достигли вот таких размеров. Клянусь, милорд,

или пусть я никогда больше не обнажу клинок.

— Ну ладно. — Илэйн отпустила Источник. — Давайте начнем, пока наши государства не сгорели дотла. Карты! Нам нужны карты!

Другие правители повернулись к ней. На собрании, в присутствии Ранда, мало кто оспаривал назначение Илэйн. Рядом с Рандом такое случалось: человека подхватывало приливом воли Дракона Возрожденного. Когда Ранд озвучивал некую мысль, она казалась совершенно логичной.

Теперь же, как видно, многие были недовольны тем, что Илэйн оказалась поставлена выше их. Так что лучше не давать им времени на размышления.

— Где мастер Норри? — спросила она у Дайлин. — Не мог бы он…

— Карты у меня, ваше величество, — сказал Гарет Брин, выходя из шатра вместе с Суан.

Илэйн даже удивилась, увидев, как он поседел с их последней встречи. Сегодня Брин был в плотных белых штанах и такой же куртке, на груди которой красовалась эмблема Пламени Тар Валона. Он вежливо поклонился, но приближаться не стал. Мундир Брина, равно как и ладонь Суан, покровительственно лежащая у него на руке,

ясно давали понять, на чьей он стороне.

Илэйн помнила, как Брин с таким же невозмутимым видом стоял за спиной у ее матери. Неизменно почтителен и сдержан и всегда защищал королеву — ту, что в итоге отправила его в отставку. В этом не было вины Илэйн, но в глазах Брина читалось недоверие.

Ну да ладно, сделанного не воротишь. Ей остается лишь смотреть в будущее.

— Если у вас есть карты этой местности и предполагаемого поля битвы, мы с радостью взглянули бы на них, лорд Брин. Еще мне хотелось бы видеть карты областей между Полем Меррилор и Кэймлином, подробную карту Кандора и карты прочих Пограничных земель — лучшие из тех, что имеются в вашем распоряжении. Срочно соберите военачальников и советников! — продолжила она, обращаясь к монархам. — Пора встретиться с другими великими капитанами и обсудить наши следующие шаги.

Распоряжение вскоре было выполнено, хоть и не без сумятицы, поскольку делом занялись две дюжины разных групп. Слуги подняли парусиновые стенки шатра. Илэйн велела Сумеко собрать Родню и с помощью гвардейцев доставить из андорского лагеря через переходные врата столы

и стулья. Еще она запросила подробные рапорты о происходящем в Тарвиновом ущелье, куда по просьбе Ранда отправились основные силы порубежников — выручать Лана. Монархи и великие капитаны остались планировать грядущее сражение.

Прошло немного времени, и Илэйн с Эгвейн уже стояли над разложенными по четырем столам картами Брина. Правители держались в сторонке, предоставив полководцам возможность поразмыслить и все обсудить.

— Хорошие у вас карты, Брин, — признал лорд Агельмар. Шайнарец считался одним из четырех великих капитанов — выдающихся полководцев своего времени. Другим был Брин, а остальные двое — Даврам Башир и Родел Итуралде — стояли бок о бок у другого стола, исправляя и дополняя карту западной части Пограничных земель. Под глазами у Итуралде набрякли мешки, а руки порой дрожали. Насколько было известно Илэйн, на долю военачальника совсем недавно выпало тяжелейшее сражение в Марадоне и на выручку ему пришли в самый последний момент. Откровенно говоря, она удивилась, увидев его на Поле Меррилор.

— Итак, — начала Илэйн, обращаясь к собра-

нию. — Мы должны сражаться. Но где? И как?

— Крупные силы исчадий Тени атакуют на трех участках, — сказал Брин. — В Кэймлине, Кандоре и Тарвиновом ущелье. Сворачивать оборону в ущелье не следует, при условии, что наших войск хватит, чтобы лорду Мандрагорану удалось стабилизировать ситуацию. По всей вероятности, наш сегодняшний удар оттеснит противника обратно в каньон. Однако сдерживать врага в этом бутылочном горлышке… неподходящая задача для одной лишь тяжелой конницы малкири. Не стоит ли усилить их отрядами пикинеров? Если лорд Мандрагоран продолжит блокировать ущелье, основные наши войска можно отправить в Андор и Кандор.

— Да, — кивнул Агельмар. — План жизнеспособный, если мы окажем Дай Шану должную поддержку. Но нельзя допустить, чтобы в Шайнаре повторилось то же, что и в Кандоре. Если же враг вырвется из ущелья…

— Мы готовы к продолжительной битве, — заявил король Изар. — Сопротивление кандорцев и бой Лана в ущелье позволили нам выиграть время. Люди уже укрываются в наших крепостях. Мы продержимся, даже если ущелье будет потеряно.

— Это слова храбреца, ваше величество, — ска-

зал Гарет Брин, — но не хотелось бы подвергать шайнарцев подобному испытанию. Давайте условимся, что будем удерживать ущелье всеми силами, какие для этого потребуются.

— А Кэймлин? — спросила Илэйн, и Родел Итуралде кивнул:

— Вражеские войска так глубоко у нас в тылу, да еще и получают подкрепление через Путевые врата… Это проблема.

— Судя по первым утренним донесениям, — сказала Илэйн, — троллоки пока остаются на месте. Значительная часть городских кварталов сожжена, но другие остались нетронутыми — и теперь, захватив город, троллоки занимаются тушением пожаров.

— В конце концов им придется уйти, — подхватил Брин. — Но чем раньше мы их выгоним, тем лучше.

— Почему бы не задуматься об осаде? — спросил Агельмар. — По-моему, основную массу войск надо отправить в Кандор. Я не допущу, чтобы Облачный трон и Три торговые палаты постигла участь Семи Башен.

— Кандор уже пал, — негромко заметил принц Антол.

Великие капитаны взглянули на старшего сына

королевы Кандора, высокорослого молчуна, у которого вдруг прорезался уверенный голос.

— Мать сражается за нашу страну, — продолжил Антол, — но это битва искупления и возмездия. Кандор пылает, и сердце мое обливается кровью, но этот пожар не остановить. Сосредоточьте свое внимание на Андоре; он чрезвычайно важен с тактической точки зрения, и я не желаю видеть, как силы Тени разоряют еще одну страну — так же, как разорили мою.

— Спасибо за мудрый совет, ваше высочество, — сказал Башир, и остальные согласно кивнули.

— Помимо прочего, не забывайте про Шайол Гул, — подал голос Руарк, стоявший несколько поодаль, вместе с Перрином, несколькими Айз Седай и остальными вождями айильских кланов.

Великие капитаны повернулись к нему с таким видом, словно только что вспомнили о его существовании.

— Уже скоро Кар'а'карн пойдет на приступ горы Шайол Гул, — продолжил Руарк, — и тогда для прикрытия ему понадобятся копья.

— Он их получит, — пообещала Илэйн. — Хотя в таком случае нам предстоит воевать на четыре фронта: Шайол Гул, Тарвиново ущелье, Кандор и Кэймлин.

— Предлагаю сперва сосредоточиться на Кэймлине, — сказал Итуралде. — Мысль об осаде мне не по душе. Нужно, обязательно нужно прогнать троллоков вон из города. Если просто осадить Кэймлин, у врага появится время привести подкрепление через те Путевые врата. Надо уничтожить его прямо сейчас, на наших условиях.

Агельмар утвердительно хмыкнул и опустил взгляд на карту Кэймлина, развернутую на столе одним из помощников:

— Нельзя ли перекрыть тот поток троллоков? Взять контроль над Путевыми вратами?

— Я пыталась, — сообщила Илэйн. — Сегодня утром мы выслали через переходные врата три отдельных отряда в тот подвал, где находятся Путевые врата, но Тень ожидала подобного и подготовилась. Никто из наших не вернулся. Даже не знаю, можно ли отбить Путевые врата или хотя бы уничтожить их.

— А что, если атаковать с другой стороны? — предложил Агельмар.

— С другой стороны? — спросила Илэйн. — В смысле, изнутри? Со стороны Путей?

Агельмар кивнул.

— Никто не ходит по Путям! — воскликнул пораженный ужасом Итуралде.

— Троллоки же ходят, — заметил Агельмар.

— Однажды я путешествовал по Путям, — сказал Перрин, подойдя к столу. — Простите, милорды, но вряд ли удастся штурмовать Путевые врата с той стороны. Насколько я понимаю, уничтожить их мы не можем — даже с помощью Единой Силы. И удерживать их изнутри тоже не получится, пока Пути пронизывает Черный ветер. Лучший наш вариант — каким-то образом выманить троллоков из Кэймлина, а затем перекрыть Путевые врата с этой стороны. Если охранять Путевые врата как следует, Тень не сумеет использовать их против нас.

— Ну хорошо, — согласилась Илэйн. — Рассмотрим и другие варианты. Хотя мне кажется, что пора бы послать гонцов в Черную Башню за другими Аша'манами. Сколько их там?

Перрин покашлял:

— Думаю, стоит предупредить вас, что с Черной Башней не все так просто, ваше величество. Там что-то происходит.

— Что-то? — нахмурилась Илэйн.

— Что именно — не знаю, — сказал Перрин. — Я говорил об этом с Рандом. Он был встревожен и пообещал выяснить, что к чему. Так или иначе… просто будьте осторожны.

— Я всегда осторожна, — отмахнулась Илэйн. — И как же нам выманить троллоков из Кэймлина?

— Пожалуй, можно спрятать в Браймском лесу крупный штурмовой отряд. Вот здесь, без малого в пятидесяти лигах к северу от Кэймлина. — Брин указал место на карте. — Если небольшая группа солдат приблизится к городским воротам, а троллоки заглотят наживку и погонятся за ними до самого леса… Я всегда испытывал тревогу, что вторгнувшаяся в страну неприятельская армия могла бы устроить там плацдарм для атаки на город. Мне и в голову не приходило, что я сам стану рассматривать подобный вариант.

— Интересно. — Агельмар внимательно разглядывал карту окрестностей Кэймлина. — Ваше предложение заслуживает самого пристального внимания.

— А как же Кандор? — спросил Башир. — Принц прав, спасти страну уже не удастся. Но нельзя же закрыть глаза на троллоков, наводняющих наши земли!

— Все это дело обещает быть непростым. — Итуралде поскреб подбородок. — Три троллочьих армии, и мы вынуждены уделить внимание каждой. Да, я все отчетливее понимаю, что пра-

вильнее сосредоточиться на одной из них, а против двух остальных выставить сдерживающие силы.

— В Кэймлине, скорее всего, действует самая малочисленная армия Тени, — сказал Агельмар, — поскольку размер Путевых врат не позволяет ввести в город значительное по численности войско.

— Верно, — согласился Башир. — Если хотим одержать быструю победу на одном из фронтов, лучше всего взяться за Кэймлин: отправить туда самый крупный ударный отряд и атаковать со всей мощью. Если сумеем победить в Андоре, то фронтов останется три — что будет крайне благоприятно.

— Да, — подтвердила Илэйн. — Лану мы выделим подкрепление, но объясним, что его задача — как можно дольше продержаться в ущелье. Вторую армию разместим на кандорской границе: пусть стоит на месте или медленно отступает, это уж как продиктуют обстоятельства. Сдерживая оба фронта, мы сосредоточим наше внимание — и наше самое большее войско — на троллоках в Кэймлине. По ним и нанесем основной удар.

— Хорошо, — сказал Агельмар. — Мне нравится. Но какие силы разместить у границ Кандора?

Что за армия способна остановить троллоков, не требуя при этом участия множества солдат?

— Белая Башня? — предположила Илэйн. — Если отправить Айз Седай на границу, они сумеют замедлить продвижение троллоков из Кандора. Тогда остальные получат возможность заняться Кэймлином.

— Да, — кивнул Брин. — Это мне по душе.

— А четвертый фронт? — спросил Итуралде. — Шайол Гул? Кому-нибудь известны планы лорда Дракона?

Тишина.

— Обо всем, что ему нужно, позаботятся Айил, — сказала Эмис, стоявшая с вождями кланов. — О нас не беспокойтесь. Планируйте свою битву, а мы спланируем нашу.

— Нет, — заявила Илэйн.

— Но, Илэйн, мы… — начала было Авиенда, но Илэйн твердо продолжила:

— Именно этого Ранд и хотел избежать. Айильцы будут действовать заодно с нами. Битва у Шайол Гул может оказаться важнейшей из всех. Нельзя допустить, чтобы вы делали вид, будто она касается только вас, и сражались сами по себе. Айил примут нашу помощь.

«И, — добавила про себя она, — наше руковод-

ство». Айильцы — великолепные воины, но не признают кое-каких очень полезных вещей. К примеру, кавалерии.

Вождей кланов, как видно, вовсе не радовала перспектива оказаться под командованием мокроземцев. Они, сердито щурясь, посматривали на военачальников.

— В качестве иррегулярной армии айильцы — само совершенство, — взглянул на них Брин. — Я сражался с вами в Битве-на-Кровавом Снегу и знаю, как умело вы сеете смерть. Однако, если лорд Дракон атакует Шайол Гул, нам, по всей вероятности, необходимо будет захватить долину и потом удерживать ее, пока не закончится схватка с Темным. Не знаю, сколько она продлится. Быть может, несколько часов. А может, дней. Скажите, вам когда-нибудь доводилось окапываться рвами и держать долгую оборону?

— Мы сделаем все, что потребуется, — отрезал Руарк.

— Руарк, вы сами настояли на том, чтобы подписать Драконов договор, — сказала Илэйн. — Сами настояли на том, что примкнете к нашей коалиции. Ожидаю, что вы сдержите слово и не станете обсуждать приказы.

Вопросы Итуралде и Брина вывели айильцев из

себя, но прямые указания вернули их в чувство.

— Разумеется, — кивнул Руарк. — На мне тох.

— Чтобы искупить его, слушайте внимательно, — сказала Илэйн, — и вносите свои предложения. Раз уж нам предстоит война сразу на четыре фронта, без согласования действий не обойтись. — Она повернулась к военачальникам. — Кстати говоря, у нас четыре фронта и четыре великих капитана…

— Совпадение? Не думаю… — протянул Башир.

— Может, и совпадение.

— Совпадений не бывает, ваше величество, — возразил Башир. — Именно это я постиг, проведя немало времени с лордом Драконом. Нас четверо, и четыре места сражения. Каждый из нас отправится на свое, а вы, королева Илэйн, будете координировать наши действия и следить за общим ходом битвы.

— Я отправлюсь к малкири, — сказал Агельмар. — Там сейчас большинство порубежников.

— Кто в Кандор? — спросила Илэйн.

— Если туда пойдут Айз Седай, то я с ними, — вызвался Брин. — Мое место — с Белой Башней.

«Он не хочет сражаться в Андоре, рядом со мной, — подумала Илэйн. — Решил окончательно отмежеваться от меня». А вслух она произнесла:

— В таком случае кто отправится со мною в Андор?

— Я, — вызвался Башир.

— Стало быть, я — к Шайол Гул, — кивнул Итуралде. — Драться вместе с айильцами. Разве мог я подумать, что наступит такой день?

— Решено, — подытожила Илэйн, отодвигая стул. — Пора погрузиться в гущу событий и проработать детали. Нам понадобится единый центр, где я смогу работать, поскольку Кэймлин потерян. Так что устроимся пока на Поле Меррилор. Оно удалено от мест сражений, и здесь достаточно места для перемещения войск и припасов. Перрин, не мог бы ты заняться обустройством этого лагеря? Разместить площадку для Перемещения и организовать тех, кто способен направлять Силу, чтобы они наладили передачу приказов и сообщений и снабжение всем необходимым?

Перрин кивнул.

— Что до остальных, — продолжила Илэйн, — займемся распределением войск и подробной проработкой планов. Нам надо определиться с идеей, каким именно образом выманить троллоков из Кэймлина и одолеть их на удобном для нас поле боя.

Через несколько часов Илэйн вышла из шатра.

Голова у нее шла кругом от тактических нюансов, потребностей в припасах и особенностей расстановки войск. Закрывая глаза, она видела перед собой карты, покрытые убористыми пометками Гарета Брина.

Остальные тоже начали расходиться по своим лагерям, чтобы заняться конкретными действиями согласно принятым на этой встрече планам. Небо потемнело, и в шатре пришлось зажечь светильники. Илэйн смутно помнила, как на собрание принесли обед, затем ужин. Она же успела поесть? Ведь успела? Столько дел, что всего не упомнишь!

Она обменивалась прощальными кивками с проходившими мимо правителями. По сути, первоначальные планы были детально обговорены и уже осуществляются. Назавтра Илэйн со своими войсками отправится в Андор и положит начало первому этапу контратаки против Тени.

Землю теперь покрывала мягкая, пружинистая темно-зеленая трава. Ранд ушел, но его влияние сохранялось. Илэйн стала рассматривать громадные деревья, и тут к ней подошел Гарет Брин.

Она удивленно обернулась. Ей казалось, Брин давно уже покинул шатер, где оставались только слуги и телохранители Илэйн.

— Лорд Брин?

— Хотел лишь сказать, что горжусь, — вполголоса произнес Брин. — Ты прекрасно справилась.

— Мне почти нечего было добавить.

— Ты взяла на себя руководство, — сказал Брин. — Ты не военачальник, Илэйн, и от тебя не ждут полководческих прозрений. Но когда Тенобия стала сокрушаться, что Салдэйя осталась беззащитной, именно ты вернула ее внимание к делам первостепенной важности. Существуют немалые разногласия, но ты объединила нас, помогла забыть о былых обидах и предотвратила раздор. Хорошая работа, ваше величество. Очень хорошая.

Илэйн усмехнулась. О Свет, как же трудно не расплыться в искренней улыбке до ушей, услышав от Брина такие слова! Во многом этот человек заменил ей отца — насколько это вообще было возможно.

— Спасибо. И еще, Брин, корона приносит извинения за…

— Ни слова больше, — сказал он. — Колесо плетет так, как желает Колесо. Я не виню Андор за то, что со мною стало. — Он помолчал. — Но сражаться буду в рядах Белой Башни, Илэйн.

— Понимаю.

Брин поклонился ей и удалился в сторону лагеря Эгвейн.

— Ну что, пора к себе? — спросила подошедшая Бергитте.

— Я… — Илэйн осеклась, услышав негромкий, но глубокий и мощный звук. Бергитте начала было спрашивать, что случилось, но Илэйн, нахмурившись, подняла руку — дескать, погоди — и отправилась смотреть, что происходит.

Вдвоем они обогнули шатер и по зеленой траве, усыпанной цветками утродыханьицы, направились на звук, становившийся все громче и громче. Песня. Прекрасная песня, не похожая ни на одну из тех, что доводилось слышать Илэйн, и такая звучная, что от нее пробирала дрожь и вибрировало все тело.

Это дивное пение, полное благоговейной радости, омывало и обволакивало душу, хотя слов Илэйн не понимала. Она приблизилась к группе существ, громадных, как сами деревья. Они стояли, касаясь шишковатых стволов деревьев, выращенных Рандом, и глаза их были закрыты.

Три дюжины огиров, все разного возраста. У некоторых брови белые, как свежевыпавший снег, а другие были не старше Лойала. Он тоже был здесь и пел, и широкая улыбка поднимала

уголки губ.

Неподалеку, сложив руки на груди, стоял Перрин, а рядом — его жена.

— Когда вы упомянули Аша'манов, мне подумалось: раз уж нам требуются союзники, как насчет огиров? Я собирался поискать Лойала, но он сам нашелся — прямо здесь, среди деревьев.

Илэйн кивнула. Песнь достигла кульминации, затем стихла, огиры склонили головы, и на какое-то время наступила тишина.

Наконец один из древних огиров — с белой бородой до пояса и такими же белыми длинными вислыми усами — открыл глаза и повернулся к Илэйн. Потом он зашагал к ней, и за ним двинулись и другие старейшины обоих полов. С ними подошел Лойал.

— Ты — королева, — поклонился Илэйн древний огир. — Та, кто возглавляет это путешествие. А я — Хаман, сын Дала, сына Морела. Мы пришли, чтобы предложить топоры для вашей битвы.

— Мне очень приятно, — кивнула ему Илэйн. — Три дюжины огиров добавят силы нашим войскам.

— Три дюжины, юница? — зычно расхохотался Хаман. — Не для того собирался Великий Пень, не для того велись бесконечные споры, чтобы при-

слать к тебе каких-то три десятка бойцов! Огиры — все, кто способен держать топор или длинный нож, — будут сражаться наравне с людьми.

— Прекрасно! — воскликнула Илэйн. — Я найду применение вашему оружию.

— Так быстро, — покачала головой пожилая женщина-огир. — Так поспешно… Знай же, юница, что некоторые из нас предпочли бы отвернуться от тебя — и всего этого мира — перед лицом Тени.

— Что, вы и правда так поступили бы? — изумленно моргнула Илэйн. — Просто… оставили бы нас наедине с этой битвой?

— Некоторые высказывались за такое решение, — сказал Хаман.

— Я сама разделяла подобное мнение, — добавила женщина, — и аргументировала его, хотя сомневалась, что мои доводы верны.

— Что? — спросил Лойал, неуверенно ступая вперед. Похоже, он впервые услышал об этом. — Сомневалась?

— Если Темный завладеет этим миром, перестанут расти деревья, — взглянула на него женщина.

— Но почему ты?.. — удивленно посмотрел на нее Лойал.

— Чтобы в споре родилась истина, сын мой, необходимы контрдоводы. Через возражения спорщик познает незыблемость своей позиции. Разве тебе неведомо, что самые крепкие корни дерево пускает под натиском ветра? — Она покачала головой, но этот жест был полон материнской любви. — Не говоря уже о том, что ты покинул стеддинг раньше, чем следовало. Не стоило так поступать, причем в одиночку. К счастью, этот вопрос уже решен.

— Решен? — переспросил Перрин.

— Ну… видишь ли, Перрин, теперь я женат, — покраснел Лойал.

— Об этом ты еще не рассказывал!

— Все произошло так быстро… Я женился на Эрит, — кстати, она вон там. Слышал, как поет? Разве песня ее не прекрасна? Быть женатым не так уж плохо, Перрин. Почему ты мне не говорил, что это не так уж плохо? Мне очень даже нравится.

— Рада за тебя, Лойал, — вмешалась Илэйн. Огиры могут часами говорить на одну и ту же тему, если их не остановить. — И спасибо вам всем, что присоединились к нам.

— Думаю, оно того стоило, — сказал Хаман. — Хотя бы ради того, чтобы узреть эти деревья. Всю

мою жизнь люди только срубали Великие Древа, и увидеть, как их не уничтожают, но выращивают… Мы приняли верное решение. Да-да, верное. Остальным надо это увидеть…

Лойал помахал рукой Перрину — по всей видимости, желая поговорить и наверстать упущенное.

— Позволь украсть его на пару минут, Лойал, — сказала Илэйн и увела Перрина к центру рощи.

За ними последовали Фэйли и Бергитте, а Лойал остался ждать. Казалось, он не может налюбоваться на могучие деревья.

— Есть у меня одно дельце, и я хочу поручить его тебе, — тихим голосом обратилась к Перрину Илэйн. — Потеря Кэймлина грозит всем нашим армиям кризисом с поставками. Несмотря на возмутительные цены на провизию, мы продолжали кормить всех досыта, а также запасались перед грядущей битвой. Теперь этих запасов нет.

— Как насчет Кайриэна? — спросил Перрин.

— Там, а также в Тире и Белой Башне, еще имеются съестные припасы, — ответила Илэйн. — В Байрлоне хранятся значительные запасы металлов и горючего порошка. Надо выяснить, чем располагают другие государства и что можно у них получить, а также выяснить, какова у них

ситуация с продовольствием. Обеспечить поставки провизии и всего необходимого для всех армий — незаурядная задача. Я хочу, чтобы ею занимался один человек.

— То есть я? — спросил Перрин.

— Да.

— Прости, Илэйн, но я нужен Ранду.

— Ранду нужны мы все.

— Но я — в первую очередь, — сказал Перрин. — По его словам, Мин это видела. Если меня не будет рядом в Последней битве, он погибнет. Кроме того, мне надо довести несколько дел до конца.

— Вопросами снабжения займусь я, — подала голос Фэйли и продолжила, когда Илэйн, сдвинув брови, повернулась к ней: — Я веду дела армии моего мужа. Таков мой долг, а поскольку Перрин — вассал короны Андора, ваше величество, то ваши потребности становятся нашими. Раз вы командуете Последней битвой, Двуречье проследит, чтобы войска были сыты. Обеспечьте меня переходными вратами достаточного размера, чтобы в них могли проехать подводы, выделите солдат для конвоя, предоставьте доступ ко всем записям квартирмейстеров о поставках, и я прослежу, чтобы все было сделано.

Что ж, логично и разумно. Но с решением Ил-

эйн не торопилась. Можно ли доверять этой женщине? И если можно, то насколько? Фэйли зарекомендовала себя искусным политиком. Это полезное качество, но действительно ли она смотрит на себя как на часть Андора? Илэйн задумчиво смотрела на нее.

— Илэйн, никто не справится с этой задачей так, как она, — сказал Перрин. — Под присмотром Фэйли все будет сделано в лучшем виде.

— Не в этом вопрос, Перрин, — возразила Илэйн. — Нельзя ли нам побеседовать с глазу на глаз?

— Ваше величество, потом я все равно расскажу Фэйли, о чем шла речь, — предупредил Перрин. — От жены у меня секретов нет.

Фэйли улыбнулась.

Илэйн посмотрела на нее, на Перрина и тихонько вздохнула:

— На совете ко мне обратилась Эгвейн. Ей нужно доставить один… предмет, крайне важный для Последней битвы.

— Рог Валир, — кивнул Перрин. — Надеюсь, он еще у вас.

— Да, у нас. Спрятан в Белой Башне. Хорошо хоть мы успели убрать его из кладовой для ценностей. Прошлой ночью ее взломали. Об этом мне извест-

но лишь благодаря оповещениям, полученным от установленных нами ранее малых стражей. Тень знает, что Рог у нас, Перрин, и прислужники Темного ищут этот артефакт. Воспользоваться Рогом они не смогут — он пожизненно связан с Мэтом. Но, завладев им, подручные Тени лишат Мэта возможности протрубить в него. Или, что еще хуже, убьют Мэта, а потом протрубят в Рог сами.

— И вы хотите скрыть его перемещение, — заключила Фэйли. — Втайне вывезти Рог в одной из повозок с припасами.

— Говоря откровенно, мы предпочли бы сразу передать его Мэту, — сказала Илэйн. — Но с Мэтом порой бывает… непросто. Я надеялась увидеть его на этой встрече.

— Он в Эбу Дар, — пояснил Перрин. — Там у него какие-то дела с шончан.

— Это он тебе сказал? — спросила Илэйн.

— Не совсем, — замялся Перрин. — У нас с ним… что-то вроде связи. Иногда я вижу, где он и чем занят.

— Этот человек, — вспыхнула Илэйн, — никогда, никогда не бывает там, где он нужен!

— Но все-таки, — заметил Перрин, — он всегда оказывается именно там.

— Шончан — наши враги, — сказала Илэйн. —

Судя по поступкам Мэта, он этого не понимает. О Свет! Надеюсь, он не ввязался в какие-нибудь неприятности…

— Я это сделаю, — заявила Фэйли. — Позабочусь о Роге Валир, буду охранять его и прослежу, чтобы он попал к Мэту.

— Только не обижайтесь, — предупредила Илэйн, — но мне не хочется доверять Рог тому, кого я почти совсем не знаю. Поэтому я и обратилась к тебе, Перрин.

— В том-то и закавыка, Илэйн, — сказал Перрин. — Если враги и впрямь ищут этот артефакт, то они явно предполагают, что вы с Эгвейн передадите Рог хорошо вам знакомому человеку. Советую выбрать Фэйли. Ей я доверяю, как никому другому, и она не попадет под подозрение, поскольку напрямую никак не связана с Белой Башней.

— Ну хорошо, — помедлив, кивнула Илэйн. — Чуть позже я сообщу, каким образом доставят Рог. А до той поры займитесь распределением припасов, чтобы создать прецедент. О Роге Валир известно слишком многим. Передав его вам, я отправлю из Белой Башни пять вызывающих подозрения посланников и посею нужные слухи. Будем надеяться, Тень решит, что Рог находится у

одного из этих посланцев. Хочу, чтобы артефакт оказался там, где никто не станет его искать — во всяком случае, пока он не попадет в руки Мэтрима.

— Четыре поля боя, лорд Мандрагоран, — повторил Булен. — Вот что говорят гонцы. Кэймлин, Шайол Гул, Кандор и тут, в ущелье. Надо сдерживать троллоков здесь и в Кандоре, а они приложат все силы, чтобы сначала нанести им поражение в Андоре.

Лан хмыкнул. Мандарб обогнул зловонную груду мертвых чудовищ. Теперь эти трупы служили оборонительным валом: пятеро Аша'манов сложили их в окровавленные черные курганы перед Запустением, где бурлило воинство отродий Тени.

Вонь, конечно, стояла жуткая. Чтобы заглушить ее, многие часовые, мимо которых проезжал Лан во время обхода постов, подбрасывали в костры пучки ёрш-листа.

Близился вечер, а с ним — самые опасные часы. По счастью, из-за тех черных туч над головой ночами было так темно, что троллоки почти ничего не видели. А вот в сумерках зрение у отродий Тени, в отличие от людей, было отменным.

Под мощным напором объединенных отрядов

порубежников троллоки были оттеснены к устью ущелья. Чтобы помочь удержать занятые позиции, к Лану ежечасно поступали новые отряды пикинеров и других пехотинцев. В общем и целом ситуация выглядела куда лучше, чем вчера.

Но все равно скверно. Если Булен не ошибается, размещенная здесь армия Лана должна отвлекать на себя силы противника. А значит, войск пришлют меньше, чем ему хотелось бы. Однако к выбранной тактике было не придраться.

Проезжая мимо площадки, где обихаживали своих лошадей шайнарские конные копейщики, Лан заметил, что к нему скачет король Изар — невысокий, с белым пучком волос на макушке, он недавно прибыл с Поля Меррилор, где весь день провел за планированием битвы. Не спешиваясь, Лан начал было исполнять подходящий случаю поклон, но замер, увидев, как ему кланяется сам король.

— Ваше величество?.. — удивленно промолвил Лан.

— Агельмар привез распоряжения для этого фронта, Дай Шан, — сказал король Изар, пустив своего коня рядом с Мандарбом, — и хочет, чтобы мы вместе ознакомились с ними. Ваше присутствие необходимо, ведь мы, по общему согласию,

сражаемся под знаменем Малкир.

— И Тенобия? — искренне изумился Лан.

— Ей пришлось кое-что посулить, но в итоге она дала добро. Также мне сообщили, что королева Этениелле покинет Кандор и примкнет к нам. В этой битве порубежники будут драться вместе — и под твоим началом.

В меркнущем свете они ехали вдоль нескончаемых шеренг конных копейщиков, и все они салютовали Изару. Пожалуй, шайнарская кавалерия была лучшей тяжелой конницей в мире. Не счесть, сколько раз эти люди сражались — и умирали — среди этих скал, защищая богатые южные земли.

— Я приду, — согласился Лан. — Признаться, после ваших слов у меня такое чувство, будто на плечи давят сразу три горы.

— Знаю, — сказал Изар. — Но мы будем следовать за тобой, Дай Шан. Пока не разверзнутся небеса, пока не расколются камни под ногами, пока не перестанет вращаться само Колесо. Или, если на то будет благословение Света, пока каждый меч не обретет благоволение мира.

— Но как же Кандор? Если королева явится в ущелье, кто возглавит битву там?

— В те края сражаться с отродьями Тени отправ-

ляется Белая Башня, — ответил Изар. — Ты же поднял знамя с Золотым журавлем. Мы давали клятву прийти тебе на помощь, и вот мы здесь. — Он помолчал и мрачно продолжил: — Королева признала, что Кандор уже не спасти, Дай Шан. Цель Белой Башни не в том, чтобы отвоевать его, а в том, чтобы не дать отродьям Тени захватить новые земли.

Они повернули коней и поскакали сквозь шеренги копейщиков. В сумерках солдатам было велено держаться в нескольких шагах от своих скакунов, и, чтобы не сидеть без дела, люди приводили в порядок оружие, доспехи и лошадей. У каждого воина за спиной был пристегнут длинный меч, а то и два, а на поясе висели булава и кинжал. Шайнарцы не полагались на одни только пики; даже лишив этих воинов пространства для конной атаки, враг мигом обнаруживал, что и в ближнем бою они представляют весьма серьезную опасность.

На большинстве солдат были кольчужно-пластинчатые доспехи, поверх которых они носили желтые накидки-сюрко с изображением черного ястреба. Салютовали латники с прямыми спинами и суровыми лицами. Да, эти шайнарцы — серьезный народ. Так уж на людей влияет

жизнь в Пограничных землях.

Лан помедлил, потом зычным голосом произнес:

— Чего печалимся?

Оказавшиеся поблизости солдаты обернулись на его голос.

— Разве не к этому мы готовились? — громко сказал Лан. — Разве не в этом смысл нашей жизни и сама наша жизнь? Война — не повод для уныния! Пусть другие размякли, но мы-то ждали сечи, и вот он, наш славный час! Смейтесь, ликуйте! Восславьте павших, выпейте за наших предков и вознесите им благодарность за добрую науку. А назавтра, случись вам погибнуть, с гордостью ждите перерождения. Началась Последняя битва, и мы — к ней — готовы!

Лан и сам не понял, что заставило его произнести эту речь. За ней последовали возгласы «Дай Шан! Дай Шан! Вперед, за Золотым журавлем!» — и он увидел, как некоторые записывают его слова, чтобы передать их остальным.

— У вас душа прирожденного вождя, Дай Шан, — сказал Изар, когда они поехали дальше.

— Дело не в этом, — отозвался Лан, глядя перед собой. — Терпеть не могу, когда человек жалеет себя. А те парни выглядели так, будто шили соб-

ственный саван.

— «Лопнула кожа на барабане, — промолвил негромко Изар, щелкнув поводьями, — арфа без струн, да и голос пропал, но петь эту песню мне. Но петь ее мне…»

Лан повернулся к нему и непонимающе сдвинул брови, но король не стал объяснять, к чему этот повтор. Еще более серьезный, чем его подданные, Изар страдал от глубоких душевных ран и, как видно, не желал выставлять их на всеобщее обозрение. В этом Лан его не винил: с ним творилось то же самое.

Сегодня, однако, он увидел, как Изар улыбается — очевидно, думая о том, что́ заставило его вспомнить эти строки.

— Кто автор? Анасай из Риддингвуда?

— Вы читали ее произведения? — удивленно спросил Изар.

— Она любимая поэтесса Морейн Седай. Вполне может быть, что это стихотворение принадлежит ее перу.

— Все ее стихи написаны в жанре элегии, — сказал Изар. — А это посвящено ее отцу. Анасай наказала, чтобы ее сочинения читали вслух только в самый необходимый момент, но не объяснила, что это за момент и когда он наступит.

Как только они спешились возле походных палаток, раздались звуки труб — то был сигнал тревоги. Оба вздрогнули, и Лан непроизвольно схватился за пристегнутый к поясу меч.

— Вперед, к лорду Агельмару! — крикнул Лан поверх солдатских возгласов и звона брони. — Раз уж вы сражаетесь под моим стягом, я с радостью приму роль полководца.

— Без малейших колебаний? — уточнил Изар.

— Кто я, по-вашему? — спросил Лан, одним махом вскочив в седло. — Какой-то овечий пастух из глухомани? Я сделаю, что велит долг. А если люди настолько глупы, что ставят меня во главе своего войска, найду занятие для всех и каждого.

Изар кивнул, затем отсалютовал, приподняв уголки рта в очередной улыбке. Лан ответил тем же и галопом помчался к центру лагеря, вдоль границы которого были разожжены костры. Благодаря Аша'манам недостатка в дровах солдаты не испытывали: созданные ими переходные врата вели в один из многочисленных засохших лесов на юге. Если все пройдет, как задумано, пятерым мужчинам, способным направлять, не придется тратить силы на уничтожение троллоков. От этих парней в черном и без того предостаточно пользы.

Наришма встретил Лана приветственным салютом. Не факт, что великие капитаны нарочно прислали к нему в ущелье Аша'мана-порубежника, но вряд ли это совпадение. Теперь в армии Лана оказалось по меньшей мере по одному Аша'ману из каждой страны Пограничных земель — один даже был рожден от родителей-малкири.

«Мы сражаемся вместе. Все как один».

Глава 8. Этот дымящийся город

Верхом на Лунной Тени, темной гнедой кобыле из королевских конюшен, Илэйн Траканд въехала в собственноручно созданные врата.

Конюшни теперь были в лапах у троллоков, и товарищи по стойлу Лунной Тени, вне всяких сомнений, окончили жизненный путь в котлах полевых кухонь. Илэйн старалась не задумываться о том, что еще угодило в те котлы. Вернее сказать — кто. Она сделала решительное лицо. Неуверенность на королевской физиономии — совсем не то, что хотят видеть солдаты.

Илэйн решила вывести свою армию на холм, что находился примерно в тысяче шагов к северо-западу от Кэймлина, за пределами досягаемости выстрела из лука, но все же довольно близко к городским стенам. После Войны за престолонаследие на этих холмах, откуда открывался вид на город, три-четыре недели стояли лагерем несколько отрядов наемников. Теперь они или присоединились к армиям Света, или разбрелись воровать и разбойничать.

Авангард уже осмотрел прилегающую к холму местность и удостоверился в отсутствии опасности, и капитан Гэйбон отсалютовал королеве. Илэйн тут же окружили гвардейцы. В воздухе до сих пор пахло пожаром, и вид Кэймлина, дымящегося, как сама Драконова гора, подбросил в переполнявшие Илэйн чувства пригоршню горькой приправы.

Величественный когда-то город погиб, превратился в пожарище, от которого к черным тучам тянулись сотни дымных столбов. Дым напомнил Илэйн о весеннем пале травы, когда фермеры порой выжигают поля, расчищая их перед посевной. И еще о том, что она правила Кэймлином меньше сотни дней и уже успела его потерять.

«Если драконы способны сотворить такое с

городской стеной, — думала она, разглядывая пробитую Талманесом брешь, — мир непременно изменится. Как и все, что мы знаем об искусстве войны».

— Напомните, сколько их там? — спросила она у ехавшего рядом человека.

После ранения, которое должно было оказаться смертельным, прошел всего лишь день, и Талманесу, пожалуй, следовало остаться в лагере, на Поле Меррилор, и набираться сил; на передовых позициях ему и вовсе делать нечего — по крайней мере, в ближайшем будущем.

— Сосчитать невозможно, поскольку они прячутся по всему городу, ваше величество, — ответил он с вежливым поклоном. — Десятки тысяч. Но полагаю, все же не сотни.

Рядом с ней Талманес нервничал и вел себя в высшей степени по-кайриэнски — выражался цветисто и с глубоким почтением. Говорили, что он один из самых доверенных офицеров Мэта; Илэйн предполагала, что Мэт успел оказать на Талманеса самое дурное влияние, но тот при ней ни разу не выругался. Какая жалость!

Над пожелтевшей травой развернулись еще одни переходные врата. Выйдя из них на холм, армия Илэйн растеклась по полям и пригоркам. Она

привела с собой огромное число солдат, включая множество *сисвай'аман*, чтобы поддержать гвардию королевы и регулярные войска Андора под командованием Бергитте и капитана Гэйбона. Другую часть Айил — Дев Копья, Хранительниц Мудрости и оставшихся воинов — приберегли для путешествия на север, к горе Шайол Гул, вместе с Рандом.

С Илэйн отправилось лишь несколько Хранительниц Мудрости — те, что примкнули к армии Перрина, — и ей хотелось бы иметь при себе побольше тех, кто может направлять Силу. Однако у нее был Отряд Красной руки с его драконами, и это должно было компенсировать тот факт, что остальными способными направлять женщинами в армии Илэйн были представительницы Родни, чей уровень владения Силой оставлял желать лучшего.

Следом появилась армия Перрина, в том числе Крылатая гвардия Майена, гэалданская конница, белоплащники — Илэйн до сих пор не определилась, как к этому относиться, — и отряд двуреченских лучников под командованием Тэма. В довесок к вышеозначенным силам шла самопровозглашенная «Волчья гвардия» — по большей части беженцы, решившие стать солдатами и

овладевшие боевыми навыками. И разумеется, капитан Башир с его Легионом Дракона.

Илэйн одобрила составленный им план битвы за Кэймлин. «Сражение должно состояться в лесу, — объяснял он. — Надо выманить туда врага. Приближающихся троллоков лучники осыплют смертоносным дождем стрел. Мне говорили, что эти парни чувствуют себя в лесу как рыба в воде. Если так, они будут опасны даже после того, как мы отойдем».

Как и айильцы, поскольку троллоки, оказавшись в лесу, лишатся возможности взять противника числом. Сам же Башир ехал неподалеку. По всей видимости, Ранд велел ему присматривать за Илэйн. Как будто рядом нет Бергитте, делающей стойку, будто охотничья собака, при каждом ее движении.

«Лучше бы Ранд уцелел, чтобы я могла высказать все, что о нем думаю», — сказала себе она, пока Башир негромко беседовал с Бергитте. Этот кривоногий мужчина с густыми усами говорил с Илэйн не так, как положено общаться с королевой. Впрочем, с другой стороны, его племянница — королева Салдэйи. Наверное, он привык проводить время в обществе коронованных особ.

«Он первый в числе претендентов на трон», —

напомнила себе Илэйн. Совместные действия откроют новые возможности для укрепления ее связей с Салдэйей. Ей по-прежнему хотелось видеть на этом троне кого-то из своих детей. Она положила ладонь на живот. Теперь малыши пинались все чаще. Никто не говорил, что это будет так похоже на… ну, на несварение. Увы, но Мелфани как-то исхитрилась найти козье молоко.

— Какие вести? — спросила Илэйн, когда Бергитте с Баширом приблизились, а Талманес посторонился, уступая им место.

— Из города поступили донесения разведчиков, — ответил Башир.

— Башир был прав, — подхватила Бергитте. — Исчезающие обуздали троллоков, и пожар почти закончился. Добрая половина города осталась нетронутой. По большей части мы видим дым от походных костров, а не от горящих зданий.

— В отличие от Полулюдей, троллоки глупы, — сказал Башир. — Они с радостью разорили и сожгли бы весь город, но пожар мог выйти из-под контроля. Так или иначе, нам совершенно неизвестно, каковы здесь планы Тени, но троллоки по меньшей мере — и при желании — в состоянии какое-то время удерживать город.

— А станут? — спросила Илэйн.

— Честно говоря, не знаю, — ответил Башир. — Их цели нам неведомы. Зачем они напали на Кэймлин? Чтобы посеять хаос и вселить страх в наши войска? Или хотели овладеть укрепленным пунктом и долгое время удерживать его в качестве плацдарма для вылазок против наших сил? Во время Троллоковых войн Исчезающие, бывало, захватывали города с подобной целью.

Илэйн кивнула.

— Прошу прощения, ваше величество, — раздался чей-то голос.

Илэйн обернулась и увидела, что к ней приближается один из двуреченских командиров. Заместитель Тэма. «Даннил, — подумала она. — Да, его зовут Даннил».

— Ваше величество, — повторил он, застеснялся и витиевато продолжил: — В соответствии с приказом лорда Златоокого его люди расположились в лесу.

— Драконы уже на позиции, лорд Талманес?

— Почти, — ответил тот. — Простите, ваше величество, но я сомневаюсь, что после первого залпа тех орудий нам понадобятся луки. Вы уверены, что не хотите начать с драконов?

— Надо вовлечь троллоков в битву, — сказала Илэйн, — и для этого лучше всего подойдет вы-

бранная мною диспозиция. Башир, что с моим планом насчет самого города?

— Думаю, все уже почти готово, но не помешает проверить. — Башир задумчиво разгладил усы согнутым пальцем. — Ваши женщины создали неплохие переходные врата, а Майен обеспечил нас маслом. Вы и впрямь намерены прибегнуть к столь радикальным мерам?

— Да.

Башир подождал более развернутого ответа — быть может, объяснения. Но его не последовало, и он уехал отдавать последние распоряжения. Илэйн направила Лунную Тень вдоль опушки леса, возле которой выстраивались шеренгами солдаты, — здесь предполагалась передовая линия обороны. В эти последние минуты, когда командиры давали перед боем приказы своим воинам, ей уже нечего было делать, но зато Илэйн могла гордо покрасоваться у всех на виду. Там, где она появлялась, бойцы расправляли плечи и приветственно поднимали копья.

Илэйн не отводила глаз от тлеющего города. Нет, она не отвернется. И не позволит гневу вырваться из-под контроля. Напротив, она найдет применение этому гневу.

Вскоре вернулся Башир:

— Все готово. Подвалы неразрушенных зданий заполнены маслом. Талманес и остальные уже на местах. Когда ваш Страж вернется и доложит, что Родня готова открыть новые переходные врата, можно будет начинать.

Илэйн кивнула и под взглядом Башира убрала руку с пояса. Она даже не заметила, как снова взялась за живот.

— Идти в бой при беременности… Думаете, это ошибка?

— Нет, — покачал головой Башир. — Это лишь доказывает, насколько наше положение отчаянно. Пусть солдаты задумаются. Настроятся на серьезный лад. И кроме того…

— Что?

— Быть может, — пожал плечами Башир, — они вспомнят, что не все в этом мире умирает.

Обернувшись, Илэйн бросила еще один взгляд на далекий город. По весне фермеры выжгли поля, чтобы подготовить их к новой жизни. Быть может, то же самое случилось сейчас и с Андором.

— Скажите, вы не собираетесь рассказать солдатам, что носите дитя лорда Дракона? — спросил Башир.

«Детей», — поправила про себя Илэйн, а вслух

ответила:

— Ваши предположения, лорд Башир, могут оказаться как истинными, так и ложными.

— У меня есть жена и дочь. Мне знаком взгляд, каким вы смотрите на лорда Дракона. С таким благоговением женщина касается рукой живота лишь в одном случае: когда глядит на отца своего ребенка.

Илэйн поджала губы.

— Зачем вы это скрываете? — продолжил Башир. — Я слышал, что говорят люди. Толкуют об одном мужчине, некоем приспешнике Темного по имени Меллар, в прошлом капитане ваших гвардейцев-женщин. Понимаю, это ложные слухи, но многие солдаты умом не блещут. При желании вы могли бы положить конец этим пересудам.

— Дети Ранда станут мишенью для врагов, — сказала Илэйн.

— Ах вон оно что… — отозвался Башир и какое-то время молча поглаживал усы.

— Если не согласны с моим мнением, Башир, выкладывайте, что у вас на уме. Подхалимства я не потерплю.

— Я не подхалим, женщина! — рассердился он, но тут же взял себя в руки. — Так или иначе,

вряд ли ваш ребенок окажется в большей опасности, нежели та, в которой он — или она — уже находится. Вы — главнокомандующий армий Света! Думаю, вашим людям следует знать, за что конкретно они сражаются.

— Знать — это не их дело, — отрезала Илэйн. — И не ваше.

— Хотите сказать, что наследник короны, — глядя на девушку, приподнял бровь Башир, — не имеет отношения к подданным королевства?

— Хочу сказать, что вы выходите за рамки дозволенного, генерал.

— Может, так оно и есть, — согласился Башир. — Слишком много времени я провел в обществе лорда Дракона, и это не могло не повлиять на мои манеры и поступки. Этот человек… Никогда не поймешь, о чем он думает. Бывало, он требовал, чтобы я говорил все как есть, а другой раз казалось, что он разорвет меня напополам за упоминание о том, что небо стало чуть темнее прежнего. — Он покачал головой. — Просто обдумайте мое предложение, ваше величество. Вы похожи на мою дочь. Окажись она в подобной ситуации, я дал бы ей в точности такой же совет. Зная, что под сердцем вы носите наследника Дракона Возрожденного, ваши люди будут сражаться

с удвоенной храбростью.

«Мужчины, — подумала Илэйн. — Те, что помоложе, пытаются впечатлить меня любыми выходками, что взбредут им в дурную голову. А те, что постарше, считают, что молодые женщины жить не могут без их нравоучений».

Она снова воззрилась на город, и тут подъехала Бергитте. Она кивнула. Стало быть, подвалы наполнены маслом и дегтем.

— Поджигайте, — громко сказала Илэйн.

Бергитте взмахнула рукой. Женщины из Родни открыли несколько переходных врат, и в подвалы Кэймлина полетели зажженные факелы. Вскоре дым над городом сгустился и стал более зловещим.

— Такой пожар быстро не потушить, — тихо произнесла Бергитте. — Тем более в такую сушь. Весь город вспыхнет, как стог сена.

Вся армия — в первую очередь андорские солдаты и гвардейцы королевы — смотрели на Кэймлин. Некоторые отдавали воинский салют, будто перед ними разгорался погребальный костер павшего героя.

Илэйн сцепила зубы, а затем сказала:

— Бергитте, пусть гвардейцы узнают, что отцом детей, которых я ношу, является Дракон Возрож-

денный.

Этот несносный Башир улыбнулся шире прежнего, а Бергитте — тоже с улыбкой и такая же несносная — отправилась выполнять приказ.

Глядя, как пылает столица, люди Андора гордо расправляли плечи. Гонимые огнем, из городских ворот потоком хлынули троллоки.

Убедившись, что враг заметил ее армию, Илэйн выкрикнула:

— На север! — Потом она развернула Лунную Тень. — Кэймлин погиб. Уходим в леса, и пусть отродья Тени последуют за нами!

Андрол пришел в себя и понял, что в рот набилась земля. Он застонал и попробовал повернуться, но обнаружил, что стеснен в движениях. Сплюнув, Андрол облизнул губы и с трудом разлепил веки.

Рядом с ним у земляной стены лежали Джоннет и Эмарин. Все связаны веревками. Теперь он вспомнил… О Свет! На них обвалился потолок.

«Певара?» — подумал он. Невероятно, каким естественным становился этот способ общения.

Ответом было хаотичное нагромождение мыслей. Узы дали понять, что Певара рядом и, вероятно, тоже связана. Андрол не чувствовал Единой Силы. Он потянулся к Истинному Источ-

нику, но наткнулся на щит. Оказалось, за спиной его путы привязали к торчавшему из земли крюку, отчего двигаться было почти невозможно.

Кое-как Андрол совладал с приступом паники. Налаама нигде не было видно. Где он? Весь отряд уложили в просторном помещении. Пахло здесь сырой землей. Значит, они по-прежнему где-то в потайных норах Таима.

«Если обрушился потолок, — подумал Андрол, — то засыпало и темницы». Вот почему он и остальные связаны, но не заперты в камерах.

Кто-то всхлипнул.

Андрол с трудом обернулся и увидел рядом Эвина. Юноша содрогался от сдавленных рыданий.

— Тихо, тихо, — прошептал Андрол. — Как-нибудь выберемся.

— Андрол? — Эвин поднял на него изумленные глаза. Парня связали не так, как остальных: просто усадили на пол и стянули веревкой руки за спиной. — Прости меня, Андрол…

— За что? — Сердце Андрола ушло в пятки.

— Они явились сразу, как вы ушли. По-моему, искали Эмарина. Хотели Обратить его. А когда не нашли, стали наседать с вопросами, Андрол. Все допытывались, и я сломался. Вот так запросто взял и сломался. Прости…

Стало быть, Таим не нашел мертвых охранников.

— Твоей вины тут нет, Эвин.

Рядом послышались чьи-то шаги. Андрол притворился, что лежит без сознания, но его пнули под ребра.

— Я видел, как ты болтаешь, паж, — склонился к нему златовласый Мишраиль. — И с радостью прикончу тебя за то, что ты сделал с Котереном.

Андрол открыл глаза и увидел, как Мезар и Вэлин подтаскивают обмякшего Логайна и грубо швыряют его на пол. Когда они его связывали, Логайн шевельнулся и застонал. Все трое выпрямились. Кто-то из них плюнул в лицо Андролу, а затем перешел к Эмарину.

— Нет, — раздался голос Таима — он тоже находился где-то рядом. — Следующим пусть будет юнец. Великий повелитель требует результатов. Слишком долго мы возились с Логайном.

Всхлипывания Эвина возобновились с удвоенной силой. Мезар и Вэлин подхватили его под руки.

— Нет! — извернулся Андрол. — Нет! Таим, чтоб тебе сгореть! Оставь его в покое! Лучше меня возьми!

Таим стоял чуть в стороне — сцепив руки за

спиной, в элегантной черной куртке, напоминавшей форму, какую носили Аша'маны, но с серебристой оторочкой и без значков на воротнике. Он взглянул на Андрола и презрительно усмехнулся:

— Тебя? То есть я должен представить Великому повелителю бойца, неспособного с помощью Силы даже камешек раздробить? Давным-давно надо было тебя отбраковать!

И он последовал за Мезаром и Вэлином, уводившими Эвина. Парень обезумел от ужаса. Андрол принялся кричать на них — и кричал, пока не охрип. Эвина уволокли в дальний угол помещения — скорее даже громадного зала. Что там происходит, Андрол не видел — повернуться не позволяли тугие путы. Он уронил голову на пол и зажмурился, но это не помешало ему слышать полные ужаса вопли бедняги Эвина.

— Андрол? — шепнула Певара.

— Цыц! — Голос Мишраиля, затем глухой удар.

Охнув от боли, Певара подумала, обращаясь к Андролу: «Этого я и впрямь начинаю ненавидеть».

Андрол не ответил.

«Они потрудились выкопать нас из-под обвала, — продолжила Певара. — Кое-что я помню,

но потом меня оградили щитом и вырубили. Думаю, с тех пор прошло меньше суток. Наверное, Таим еще не выполнил квоту по обращенным на сторону Тени».

Последняя мысль сопровождалась… улыбкой?

Где-то в углу Эвин перестал кричать.

«Ох, Свет! Что с ним? — пришла мысль от Певары. Улыбки как не бывало. — Что происходит?»

«Его Обращают, — ответил Андрол. — Способность сопротивляться этому как-то связана с силой воли. Вот почему Логайн еще держится».

Тревога Певары ощущалась через узы как теплая волна. Неужели все Айз Седай такие же, как она? Андрол предполагал, что им чужды эмоции, но Певара чувствовала то же, что и любой человек, — разве что контролировала эти чувства с поистине нечеловеческим умением, не позволяя им влиять на ее поступки. Еще один результат многолетних тренировок?

«Как нам сбежать?» — спросила она.

«Пытаюсь развязать веревки. Пальцы не слушаются».

«Вижу узел. Непростой, но попробую подсказать, как его распутать».

Андрол кивнул, и они приступили к делу. Певара описывала хитросплетения узла, и Андрол

пытался подцепить веревку, выгибая пальцы, но как следует ухватиться не мог. Он повращал запястьями, чтобы вытянуть руки из пут, но тщетно: узел оказался слишком тугим.

К тому времени, как Андрол признал фиаско, пальцы у него вконец онемели от недостаточного кровообращения.

«Ничего не выйдет», — подумал он.

«Я пробую вырваться из-под щита, — ответила Певара. — Это возможно. Думаю, наши щиты могут быть не подметаны. А не закрепленные узлами щиты ненадежны».

Андрол ответил согласием, хотя радости это не добавило. Как долго продержится Эвин?

Тишина не давала ему покоя. Почему он ничего не слышит? Затем Андрол кое-что ощутил. Кто-то направлял Силу. Неужели тринадцать человек? О Свет… Если мурддраалов тоже тринадцать, пиши пропало. Что они сделают, даже если получится сбежать? Одолеют такое количество врагов? Исключено.

«Какую скалу вы выбрали?» — спросила Певара.

«Что?»

«Вы говорили, что у Морского народа принято прыгать со скалы, чтобы доказать свою храб-

рость. Чем выше скала, тем храбрее прыгун. Вы жили среди них. Какую скалу вы выбрали?»

«Самую высокую», — признал Андрол.

«Почему?»

«Решил, что если уж прыгать со скалы, то почему бы не с самой высокой? Рискуешь — так рискуй ради главного приза».

Певара ответила одобрением: «Мы сбежим, Андрол. Как-нибудь да сбежим».

Он кивнул — больше для самоуспокоения — и вновь занялся веревочным узлом.

Несколькими секундами позже вернулись прихвостни Таима. Эвин остановился подле Андрола и присел на корточки. В глазах у него таилось нечто новое. Нечто иное и жуткое. Он улыбнулся:

— Ну, я ожидал, что будет хуже, Андрол.

— Ох, Эвин…

— Обо мне не беспокойся. — Эвин положил руку ему на плечо. — Самочувствие у меня прекрасное. Больше ни страха, ни тревоги. Зря мы затеяли это противостояние. Мы же Черная Башня. Надо действовать сообща.

«Ты не мой друг, — подумал Андрол. — Пусть у тебя его внешность, но Эвин… Эвин мертв. Ох, Свет…»

— Где Налаам? — спросил он.

— Увы, погиб при обвале, — покачал головой Эвин и склонился над Андролом. — Тебя хотят убить, Андрол, но я, пожалуй, смогу уговорить остальных, чтобы заменили казнь Обращением. Потом ты мне еще спасибо скажешь.

Чудовищное создание в обличье Эвина улыбнулось, похлопало Андрола по плечу, выпрямилось и завело разговор с Мезаром и Вэлином.

За спиной у этой троицы Андрол сумел разглядеть тринадцать теней. Они схватили Эмарина и уволокли прочь, намереваясь Обратить его следующим. Это были Исчезающие — плащи недвижимо свисали у них с плеч.

Андрол подумал, что погибшему под завалом Налааму очень повезло.

Глава 9. Достойная смерть

Лан развалил голову мурддраала напополам, до самой шеи. Повинуясь движению коленей всадника, Мандарб попятился, и Исчезающий забился в предсмертных конвульсиях, роняя осколки черепа и заливая зловонной черной кровью скалу, окровавленную уже больше десятка раз.

— Лорд Мандрагоран!

Лан обернулся на зов. Один из его людей указывал в сторону лагеря, где к небу поднимался луч ярко-красного света.

«Уже полдень?» — подумал Лан и поднял меч,

давая своим малкири сигнал к отступлению. На смену им спешили кандорские и арафелские войска — легкая кавалерия, вооруженная луками и осыпавшая троллочью массу тучами стрел, волна за волной.

Повсюду стоял тяжелый смрад. Покинув передовую линию, Лан и его люди проехали мимо двоих Аша'манов и одной Айз Седай — Коладара настояла, что, будучи советницей короля Пейтара, останется здесь, — поджигавших трупы троллоков плетениями Огня. Таким образом они затрудняли продвижение следующей волны отродий Тени.

Войска Лана продолжали выполнять отвратительную работу, сдерживая врага в ущелье, как смола сдерживает воду, пробивающуюся через течь в днище лодки. Отряды сменяли друг друга поочередно, ежечасно. Ночью местность освещали костры и плетения Аша'манов, не давая исчадиям Тени шанса пробить оборону.

После двух суток изнурительной битвы Лан понимал, что в конечном итоге эта тактика сыграет троллокам на руку. Люди вырезали их во множестве — хоть возами вывози, — но Тень годами накапливала силы. По ночам троллоки пожирали трупы, так что заботиться о снабже-

нии продовольствием им не приходилось.

Заставив себя расправить плечи, Лан ехал прочь от передовой, навстречу сменным отрядам, и мечтал лишь об одном: как бы завалиться на тюфяк и проспать несколько дней кряду. Несмотря на солидное подкрепление, присланное Драконом Возрожденным, каждый солдат бывал в бою по несколько раз в день, а сам Лан то и дело заступал на дежурство без очереди.

Выкроить время для сна было непростой задачей, поскольку бойцам требовалось ухаживать за оружием, заботиться о снаряжении, собирать хворост для костров и доставлять припасы через переходные врата. Глядя на спутников, Лан размышлял, как бы добавить им сил. Рядом понурил плечи верный Булен. Надо бы сказать ему, чтобы больше спал, а не то…

Булен соскользнул с седла.

Лан выругался, осадил Мандарба и спрыгнул на землю. Метнулся к Булену и обнаружил, что его невидящий взгляд устремлен в небеса. В боку у парня зияла огромная рана. Кольчугу разорвало, будто парус под сильнейшим порывом ветра. Получив рану, Булен спрятал ее под плащом. Этого Лан не заметил — как не видел и рокового удара.

«Глупец!» — подумал он и коснулся шеи Бу-

лена.

Пульса нет. Мертв.

«Глупец! — повторил про себя Лан и склонил голову. — Не хотел расставаться со мной? Поэтому и прикрыл рану. Боялся, что я погибну, пока тебя будут Исцелять в лагере. Или не хотел утруждать владеющих Силой, зная, что они и без того на пределе…»

Стиснув зубы, Лан поднял безжизненное тело и закинул себе на плечо, затем встал, уложил его на Буленова коня и привязал поперек седла. Андер и принц Кайзель — кандорский юноша со своей сотней бойцов обычно шел в бой вместе с Ланом — торжественно стояли рядом. Чувствуя на себе их взгляды, Лан положил руку на плечо мертвеца:

— Ты выбрал верный путь, друг мой, и тебя будут воспевать из поколения в поколение. Да защитит тебя длань Создателя. И да примет тебя к себе последнее объятие матери. — Он повернулся к остальным. — Я не буду горевать! Пусть горюют те, кто испытывает сожаление, а я не жалею о том, что пришел сюда! Булен принял лучшую из смертей, и я не стану оплакивать его. Я стану его прославлять!

Не выпуская поводьев второго коня, Лан вско-

чил в седло Мандарба и выпрямился во весь рост. Нельзя, чтобы другие видели, насколько он измотан. Или как ему горько.

— Кто-нибудь видел, как погиб Бакх? — спросил он у тех, кто ехал рядом. — К седлу его коня был приторочен арбалет. Бакх и шагу без него не ступал. Я поклялся, что если арбалет случайно выстрелит, то велю Аша'манам оплести Бакху пальцы ног и свесить его со скалы. Вчера он погиб, когда его меч застрял во вражеской броне. Бакх потянулся за запасным, но еще двое троллоков завалили его коня вместе с всадником. Я думал, он уже мертв, и хотел было забрать тело, но гляжу — он встает, а в руках у него этот растреклятый арбалет, и Бакх пускает стрелу прямо в глаз одному из троллоков. В упор, с двух футов, навылет. Второй троллок добил его, но перед смертью Бакх успел распороть ему глотку засапожным ножом. — Лан кивнул. — Помню тебя, Бакх. Ты принял достойную смерть.

Какое-то время все ехали молча, а потом принц Кайзель добавил:

— Рагон. Его смерть тоже была достойной. Он направил коня прямиком в отряд из тридцати троллоков. Те выскочили на нас с фланга. Пожалуй, этим маневром Рагон спас жизнь десятку

человек. Выиграл для нас время. Лягнул одного в морду, а остальные стащили его с коня.

— Да, полоумный он был, наш Рагон, — сказал Андер. — Я один из тех, кого он спас. — Он улыбнулся. — Да, достойная смерть. Светом клянусь, достойная. Но самое безумное, что я видел за последние дни, — это бой Крагила с Исчезающим. Помнит ли кто из вас?..

Въезжая в лагерь, бойцы уже пересмеивались и чествовали павших пусть не вином, но хотя бы словом. Лан отделился от остальных и отвез Булена к Аша'манам. Наришма — он как раз открыл переходные врата для повозок с припасами — кивнул Лану:

— Лорд Мандрагоран?

— Положим его в холод. — Лан спрыгнул с коня. — Когда все закончится и мы отвоюем Малкир, надо будет похоронить павших героев в достойной усыпальнице. А до той поры я не допущу, чтобы тело Булена сгорело или разложилось. Он был первым из малкири, кто вернулся под знамя короля Малкир.

Наришма кивнул, и в его косицах звякнули арафелские колокольчики. Пропустив первую подводу, он поднял руку, давая остальным знак повременить, после чего закрыл врата и потом

открыл еще одни, ведущие на вершину горы.

Лан поежился под порывом налетевшего оттуда ледяного ветра и снял Булена с коня. Наришма хотел было помочь, но Лан отмахнулся и, покряхтывая, взвалил тело товарища на плечо, после чего ступил в переходные врата. Кусачий ветер царапал щеки так, словно то был не ветер, а заледеневший кинжал.

Лан положил Булена на снег, опустился на колени и почтительно снял с головы друга хадори. Его он возьмет с собой в битву, чтобы Булен не перестал сражаться, а после победы вернет хадори обратно. Таков был древний малкирский обычай.

— Ты молодец, Булен, — тихо молвил Лан. — Спасибо, что не отвернулся от меня.

Наконец он выпрямился — под сапогами захрустел снег — и с хадори в руке шагнул через переходные врата обратно в лагерь. Наришма закрыл врата, и Лан спросил у него, где находится эта гора — чтобы самому отыскать тело Булена в том случае, если Аша'ман погибнет в бою.

Конечно, сохранить таким образом тела всех павших малкири не получится, но один — лучше, чем ни одного. Лан обернул кожаную полоску хадори вокруг рукояти своего меча, прямо под

крестовиной эфеса, и крепко затянул узел. Препоручив Мандарба конюху, он поднял палец и посмотрел в живые черные глаза скакуна и строго наказал:

— Впредь не кусай тех, кто за тобой ухаживает.

После этого Лан отправился искать лорда Агельмара. Военачальника он обнаружил близ лагеря салдэйцев, тот разговаривал с Тенобией. Шеренгами по двести человек стояли лучники и смотрели в небо, ожидая очередной атаки драгкаров. Когда Лан подходил к Агельмару, почва дрогнула и заурчала.

Солдаты хранили молчание. Они уже привыкли слышать, как стонет сама земля.

Голая каменная плита рядом с Ланом раскололась надвое, и он встревоженно отскочил. Новый толчок — и по плите поползли крошечные трещины толщиной с человеческий волос, и выглядели они крайне неестественно: чересчур глубокие и слишком черные. Хотя земля еще не перестала трястись, Лан шагнул вперед, не отводя взгляда от этих трещинок и пытаясь рассмотреть их во всех подробностях.

Казалось, за ними нет ничего, кроме пустоты. Эти трещины притягивали и впитывали свет. Лану казалось, что он смотрит на разломы в самой

реальности.

Дрожь земли прекратилась, а несколькими вздохами позже сгинула тьма в глубине тончайших трещинок, и те приобрели самый обычный вид. Лан осторожно присел и принялся осматривать камень. Эта тьма… Может, померещилось? Что все это значит?

Его пробрал озноб, но Лан выпрямился и продолжил путь. «Устают не только люди, — подумал он. — Слабеет и мать-земля».

Он спешным шагом прошел через салдэйский лагерь — самый ухоженный из всех близ ущелья, поскольку за порядком здесь следили офицерские жены, а с ними попробуй поспорь. Большинство из тех малкири, кто не годился в строй, Лан оставил еще в Фал Дара, а в пришедших ему на подмогу отрядах почти все были воинами, обозников — раз-два и обчелся.

Но у салдэйцев все устроено иначе. Они, как правило, в Запустение не совались, но в остальных походах жены сопровождали мужей. Все они умели драться на ножах и при необходимости защищали лагерь до последней капли крови. Сейчас же они оказывали неоценимую помощь при сборе и распределении припасов, а также в уходе за ранеными.

Тенобия затеяла с Агельмаром новый спор по тактическим вопросам. Шайнарский полководец кивал, соглашаясь с требованиями королевы. Послушав, о чем идет речь, Лан пришел к выводу, что Тенобия неплохо разбирается в предмете, но дерзости ей не занимать. Она желала, чтобы войска вошли в Запустение и дали бой троллокам на той земле, которая их породила.

В конце концов она заметила Лана.

— Лорд Мандрагоран! — поприветствовала его Тенобия, окинув взглядом. Это была довольно красивая женщина, с горящими глазами и длинными волосами цвета воронова крыла. — Как ваша последняя вылазка? Увенчалась успехом?

— Убито еще больше троллоков, — ответил Лан.

— Мы сражаемся в славной битве, — с гордостью изрекла Тенобия.

— Я потерял близкого друга.

Тенобия молча посмотрела ему в глаза. Наверное, хотела увидеть проявление чувств, но их Лан не выказывал. Булен принял достойную смерть.

— Бойцы обретают славу, — сказал он, — но сами битвы славными не бывают. Битвы — это просто битвы. Лорд Агельмар, на пару слов.

Тенобия отступила в сторону, и Лан увел от

нее пожилого военачальника, ответившего ему благодарным взглядом. Какое-то время Тенобия смотрела им вслед, а затем удалилась. По пятам за ней быстрым шагом следовали двое телохранителей.

«Если оставить королеву без присмотра, через какое-то время она сама ринется в бой, — подумал Лан. — Наслушалась песен и сказок…»

А разве не он только что рассказывал спутникам такие же сказки? Нет. Это другое. Лан чувствовал разницу. Объяснять воинам, что они смертны, учить их почтению к павшим… Это вам не песенки петь о том, как дивно было биться в первых рядах.

Как ни жаль, но эта разница познается лишь в настоящем бою. Да ниспошлет Свет, чтобы Тенобия не бросилась принимать необдуманные решения. Лан повидал немало юнцов с таким же огнем в глазах. Потушить его можно несколькими неделями изнурительной муштры, когда новобранец думает только об отдыхе, а не о грядущей «славе». Впрочем, Лан сомневался, что королеве подойдет такой способ выбивания дури.

— С тех пор как Калиан взял в жены Этениелле, Тенобия становится все более взбалмошной, — шепнул лорд Агельмар, шагая рядом с Ланом

вдоль границы лагеря и кивая встречным солдатам. — Думаю, Калиан в какой-то степени сумел бы умерить ее пыл, но теперь, когда рядом нет ни его, ни Башира… — Он вздохнул. — Ну да ладно. Что ты хотел обсудить, Дай Шан?

— Мы сражаемся на совесть, — сказал Лан. — Но меня беспокоит усталость солдат. Боюсь, мы не сумеем сдержать натиск троллоков.

— Ты прав. Рано или поздно враг пробьется из ущелья, — согласился Агельмар.

— И что тогда? — спросил Лан.

— Будем биться здесь, на равнине, — сказал Агельмар. — А затем, когда больше не сможем держаться, станем отступать, стараясь выиграть время.

Лан оцепенел:

— Отступать?

Агельмар кивнул:

— Наша задача тут — замедлить продвижение троллоков. Какое-то время будем обороняться здесь, а затем станем постепенно отступать через Шайнар.

— Я пришел к Тарвинову ущелью не для того, чтобы отступать, Агельмар.

— Рискну предположить, Дай Шан, что ты явился сюда в поисках смерти.

Истинная правда.

— Я не оставлю Малкир на растерзание Тени. Только не снова, Агельмар. И я — и те малкири, что последовали за мной, — явились в ущелье, чтобы показать Темному, что мы не сломлены. И уйти после того, как мы сумели закрепиться…

— Дай Шан, — еще тише произнес лорд Агельмар, — ты настроен драться, и я уважаю твое решение. Все мы его уважаем. Сам факт твоего похода вдохновил тысячи людей. Допускаю, что ты того не хотел, но так пожелало Колесо — и сплело для тебя соответствующую цель. Трудно закрыть глаза на решимость человека, который вершит правое дело. Однако иной раз надо забыть о своих интересах ради чего-то более важного.

— Думайте, что говорите, лорд Агельмар. — Лан остановился и смерил седовласого военачальника генерала взглядом. — По-моему, меня только что назвали эгоистом.

— Верно, Лан, — ответил Агельмар. — Ты и есть эгоист.

Лан и бровью не повел.

— Ты здесь, чтобы расстаться с жизнью во имя Малкир. Цель, конечно, благородная. Но теперь, когда началась Последняя битва, глупее ничего не придумаешь. Ты нужен нам. Из-за твоего

упрямства погибнут люди.

— Я не просил их следовать за мной. О Свет! Я сделал все, что мог, чтобы им помешать.

— Долг тяжелее горы, Дай Шан.

На сей раз Лан все же вздрогнул. Давненько его не выбивали из колеи одними словами. Он вспомнил, как втолковывал эту же истину пареньку из Двуречья — овечьему пастуху, не ведавшему, каков мир, и дрожавшему перед судьбой, что предназначил ему Узор.

— Некоторые, — продолжил Агельмар, — обречены умереть и страшатся этого. Другие обречены жить и вести за собой людей, но находят это обременительным. Если хочешь сражаться до последнего бойца — пожалуйста. Все они погибнут, воспевая эту славную битву. Или можешь сделать то, что нужно нам обоим. Отступить, когда стоять не будет сил, подладиться под ситуацию и продолжать сдерживать Тень — чем дольше, тем лучше. Пока другие армии не пришлют нам подмогу.

У нас исключительно подвижное войско. Все прислали сюда своих лучших конников. Я собственными глазами видел, как девять тысяч легкой кавалерии салдэйцев выполняют сложнейшие маневры с такой ловкостью, что комар

носа не подточит. Мы нанесем здесь Тени немалый урон, но троллоков слишком много. Больше, чем я ожидал. И при отступлении мы будем бить врагов. Мы найдем способы наказать их, и за каждый шаг они расплатятся своей смердящей кровью. Да, Лан. Ты поручил мне командовать на поле битвы, и таков мой совет. Не сегодня, и не завтра, и, наверное, не на следующей неделе, но отступить нам придется.

Лан молча шагал вперед. Прежде чем он сформулировал ответ, небеса разорвала голубая вспышка. Сигнал тревоги из ущелья. Сменным отрядам срочно понадобилась помощь.

«Потом поразмышляю об этом», — подумал Лан. Гоня от себя усталость, он бросился к коновязям, где конюх должен был оставить Мандарба.

Он только что сменился, отправляться в бой от него не требовалось, но Лан уже принял решение. Он поймал себя на том, что кричит Булену, чтобы тот седлал коня, и почувствовал себя круглым идиотом. О Свет, как же он привык к этому парню…

«Агельмар прав, — думал Лан, когда конюхи, мешая друг другу, готовили Мандарба к новой вылазке. Конь волновался, почуяв настроение хозяина. — Они пойдут за мной, как пошел Булен.

И умрут во славу давно погибшего королевства… И сам я тоже умру… И чем это отличается от геройства Тенобии?»

Вскоре, пустив Мандарба галопом, он примчался к линии обороны, где обнаружил, что троллоки вот-вот ее прорвут. Вместе с прибывшим подкреплением Лан вступил в кипевший здесь бой, и той ночью они выстояли. Но рано или поздно этого не произойдет — и что тогда?

А тогда… Тогда Лан опять покинет Малкир и сделает то, что должен.

Войска Эгвейн собрались в южной части Поля Меррилор. Планировалось, что их Переместят в Кандор, как только армия Илэйн будет отправлена в Кэймлин. Силы Ранда еще не ушли в Такан'дар; вместо этого они сосредотачивались на севере Поля, где было проще собрать припасы. Ранд утверждал, что время для его выступления еще не настало; да ниспошлет Свет, чтобы он добился успеха в переговорах с шончан.

Перемещение такого количества людей — та еще головная боль. Созданные Айз Седай переходные врата вытянулись в длиннейший ряд, словно двери, ведущие в гигантский пиршественный зал. Повсюду толпились солдаты, ожидавшие своей очереди. К задаче по Перемещению войск

не стали привлекать самых способных из владеющих Силой: в скором времени им предстояло вступить в сражение, а создание переходных врат лишь отняло бы у них силы, необходимые для более важного дела.

Несмотря на всеобщую толчею, солдаты — ясное дело — расступались перед Амерлин. Авангард уже на месте, полевой лагерь на той стороне разбит, так что пора и ей отправиться в путь. На утреннем собрании Эгвейн вместе с членами Совета просмотрела донесения о характере местности и отчеты поставщиков и квартирмейстеров. Как же хорошо, что она позволила Совету Башни принять действенное участие в этой войне! Многим из восседающих было больше сотни лет от роду, и порой они давали невероятно мудрые советы.

— Терпеть не могу, когда приходится так долго ждать, — признался ехавший рядом Гавин.

Эгвейн пристально посмотрела на него:

— Поле для сражения выбирал генерал Брин. Мы с Советом полностью доверяем его мнению.

Они проехали мимо иллианских Спутников, чьи начищенные до блеска нагрудники украшали Девять пчел Иллиана, а лица скрывались за решетчатыми забралами конических шлемов.

Воины встретили Эгвейн приветственным салютом.

Она не была уверена, что рада видеть этих людей в рядах своей армии — ведь они присягнули на верность Ранду, а не Амерлин, — но Брин настоял на своем. По его мнению, в громадном войске Белой Башни не хватало элитного подразделения — такого, как Спутники.

— Все равно я считаю, что мы засиделись, — сказал Гавин, когда они миновали переходные врата и выехали к границе Кандора.

— Прошло каких-то несколько дней…

— И эти несколько дней троллоки разоряли Кандор.

Эгвейн чувствовала его недовольство. И еще она чувствовала его горячую любовь. Теперь Гавин — ее муж. Прошлым вечером Сильвиана провела незамысловатую церемонию бракосочетания. Как-то странно это, что Эгвейн пришлось поручать кому-то устроить собственную свадьбу, — но если ты наделен верховной властью, разве могут быть варианты?

На въезде в лагерь, разбитый на кандорской границе, они увидели Брина. Тот отдавал короткие приказы патрулям и разведчикам. Заметив Эгвейн, генерал приблизился, спрыгнул с коня и

с глубоким поклоном поцеловал перстень Амерлин, после чего вскочил в седло и отбыл по своим делам. Вел он себя весьма учтиво, хотя его, по сути, чуть ли не силой заставили возглавить эту армию. Хотя… все выдвинутые им требования были удовлетворены, так что еще вопрос, кто кого больше понуждал. Вести в бой войска Белой Башни — пожалуй, большая удача для Брина, ведь никто не рад, когда его отправляют в отставку и списывают со счетов. А человек, которого современники называют великим капитаном, — тем более.

Заметив, что рядом с Брином едет Суан, Эгвейн удовлетворенно улыбнулась. «Теперь он тесно связан с нами».

Она обвела взглядом холмы на юго-восточной границе Кандора. Хотя на них, как и почти везде в нынешнем мире, недоставало зелени, по мирной безмятежности этих возвышенностей нельзя было подумать, что страна за ними объята огнем. От столицы, под названием Чачин, остались одни руины. Прежде чем примкнуть к остальным порубежникам, королева Этениелле вверила спасательные операции Эгвейн и Совету Башни, и те сделали все, что могли: через переходные врата выслали разведчиков на главные тракты,

поручив им высматривать беженцев и Перемещать их в безопасное место — если хоть какое-то место могло теперь называться безопасным.

Основные силы троллоков покинули горящие города и теперь двигались на юго-восток, к холмам и реке, по которой проходила граница между Кандором и Арафелом.

Подскакавшая Сильвиана заняла место рядом с Эгвейн — так, чтобы Амерлин оказалась между нею и Гавином. Хранительница летописей бросила на Стража один-единственный свирепый взгляд — честное слово, Эгвейн уже надоело смотреть, как эти двое беспрестанно грызутся между собой, — и поцеловала перстень.

— Мать.

— Сильвиана.

— Поступили новости от Илэйн Седай.

Эгвейн позволила себе улыбнуться. Что она, что Сильвиана, не сговариваясь, взяли за обыкновение величать Илэйн не по титулу, а по званию сестры Белой Башни.

— И?

— Она предлагает выбрать отдельное место, куда раненых станут отправлять для Исцеления.

— Мы уже решили, что Желтые будут Перемещаться от одного поля боя к другому, — заметила

Эгвейн.

— Илэйн Седай беспокоится, что они попадут под удар, — объяснила Сильвиана, — а потому хочет организовать постоянный лазарет.

— Это и впрямь целесообразнее, мать, — заметил Гавин, потирая подбородок. — Выискивать раненых после битвы — весьма неприятное занятие. Даже не знаю, как расценивать идею отправлять сестер на поле сражения, усеянное мертвыми телами. Если верить великим капитанам, война может затянуться на несколько недель или даже месяцев. Рано или поздно Тень начнет уничтожать Айз Седай.

— Илэйн Седай была крайне… настойчива. — Лицо Сильвианы оставалось бесстрастным, тон — ровным, но каким-то образом она сумела выказать глубокое недовольство. В этом ей не было равных.

«Я сама помогла сделать Илэйн главнокомандующим, — напомнила себе Эгвейн. — Если откажу ей, создам дурной прецедент». Хотя, если подчиниться ее воле, все равно велика вероятность рассориться.

— Слова Илэйн Седай полны мудрости и здравого смысла, — наконец произнесла Эгвейн. — Передай Романде, что так и надо поступить. Пускай

вся Желтая Айя соберется в месте, предназначенном для Исцеления. Но не в Белой Башне.

— Мать? — удивилась Сильвиана.

— Шончан, — напомнила Эгвейн и приструнила змею, что свивалась кольцами у нее в глубине души всякий раз, когда она думала об этой угрозе. — Я не допущу, чтобы на Желтых сестер напали, когда они остались одни и истощены после Исцеления. В Белой Башне небезопасно. Она находится под пристальным вниманием врага — если не шончан, то самой Тени.

— Разумно, — с неохотой признала Сильвиана. — Но где, если не в Башне? Кэймлин пал, а Пограничные земли под ударом. В Тире?

— Едва ли, — ответила Эгвейн. Устроить лазарет во владениях Ранда? Слишком очевидно. — Передай Илэйн такое предложение: не согласится ли Первенствующая Майена предоставить для этих целей какое-нибудь здание — из тех, что побольше? — Эгвейн хлопнула по седлу. — Отправь с Желтыми послушниц и принятых. На поле боя им делать нечего, так что пусть направят силы на Исцеление.

Вступив в соединение с Желтой сестрой, даже слабейшая из послушниц могла предоставить Айз Седай ручеек Силы для спасения человече-

ской жизни. Многие будут разочарованы: они уже рисовали в своем воображении картины, как сражают троллоков. Ничего. К бою они не подготовлены, так что пускай вносят свой вклад в общее дело, не путаясь под ногами.

Эгвейн глянула за плечо. Переход через врата завершится еще не скоро.

— Сильвиана, передай мои слова Илэйн Седай, — сказала она. — Гавин, мне еще нужно кое-что сделать.

Чубейна они нашли в долине к западу от реки, разделявшей Кандор и Арафел, где он распоряжался возведением лагеря для командования. Отсюда войска отправятся по этой холмистой местности, навстречу троллокам; ударные отряды займут соседние долины, а на холмах будут развернуты лучники и оборонительные отряды. План состоял в том, чтобы причинить троллокам максимальный ущерб, а для этого атаковать их тогда, когда они попытаются захватить холмы. Ударные отряды смогут смять вражеские фланги, пока оборона будет удерживать пригорки, покуда достанет сил.

По всей вероятности, в итоге армию Эгвейн вынудят отступить с холмов и вытеснят в Арафел, но на этих широких равнинах кавалерия будет

иметь преимущество, тогда и настанет ее черед. Силы Эгвейн, как и войска Лана, должны были замедлить продвижение троллоков, пока Илэйн не разобьет врага на юге. В идеале надо продержаться до прибытия подкреплений.

Чубейн отсалютовал и сопроводил новоприбывших к установленной поблизости палатке. Эгвейн спешилась и хотела было войти, но Гавин коснулся ее плеча. Вздохнув, она кивнула и пропустила Стража вперед.

Внутри, скрестив ноги, сидела на полу та шончанская женщина, которую Найнив называла Эгинин, хотя она и настаивала, что ее зовут Лильвин. За ней и ее мужем-иллианцем присматривали трое гвардейцев Башни.

Увидев Эгвейн, Лильвин тут же встала на колени и отвесила грациозный поклон, коснувшись лбом парусинового пола. Ее муж поступил так же, хотя с некоторой неохотой. Быть может, ему просто недоставало актерского мастерства.

— Свободны, — сказала гвардейцам Эгвейн.

Спорить они не стали, но вышли не сразу. Как будто Амерлин и ее Страж не совладают с парочкой, не способной направлять Силу. Мужчины…

Гавин отступил в сторону, и Эгвейн обратилась к пленникам:

— По словам Найнив, тебе можно доверять, Лильвин, хоть и в самой малой степени. Ой, да сядь уже. В Белой Башне никто так низко не кланяется. Даже самые распоследние слуги.

Лильвин уселась, но продолжала смотреть в пол.

— Я совершенно не оправдала доверия, не справилась с данным мне поручением и поставила под угрозу сам Узор.

— Да, — кивнула Эгвейн. — Браслеты. Я в курсе. Хочешь, чтобы у тебя появилась возможность вернуть этот долг?

Женщина снова поклонилась, упершись лбом в пол. Эгвейн вздохнула, но, прежде чем успела приказать ей выпрямиться, Лильвин заговорила:

— Клянусь Светом и своей надеждой на спасение и возрождение, что буду служить тебе и защищать тебя, Амерлин, правительницу Белой Башни. Хрустальным троном и кровью императрицы я связываю себя с тобой, обязуюсь выполнять все твои приказы и беречь тебя ценой собственной жизни. Именем Света, да будет так. — И она поцеловала пол палатки.

Эгвейн ошеломленно смотрела на нее. Нарушить такую клятву способен только приспешник

Темного. Хотя любой из шончан — без пяти минут друг Тени.

— По-твоему, меня недостаточно хорошо защищают? — спросила она. — Думаешь, я испытываю недостаток в слугах?

— Я думаю только о том, как выплатить долг, — ответила Лильвин.

В ее голосе чувствовалось напряжение. Искренняя горечь, которую не подделаешь. Этой женщине совсем не нравилось так пресмыкаться.

Встревоженная Эгвейн сложила руки на груди:

— Что ты можешь рассказать о шончанской армии, ее численности, вооружении и о планах императрицы?

— Кое-что мне известно, Амерлин, — ответила Лильвин. — Но я была капитаном корабля. То, что я знаю, касается шончанского флота, а в этом для тебя не много пользы.

«Ну разумеется», — подумала Эгвейн и взглянула на Гавина. Тот пожал плечами.

— Умоляю, — тихо промолвила Лильвин, — позволь мне проявить себя. Я утратила почти все. Даже мое имя больше мне не принадлежит.

— Для начала, — велела Эгвейн, — расскажи про шончан. Все, что знаешь, пусть даже эти сведения кажутся тебе несущественными. Они

все равно могут быть полезны. — Или помогут разоблачить Лильвин как лгунью, что тоже неплохо. — Гавин, принеси мне стул. Послушаю, что она скажет. А там будет видно…

* * *

В свете стоявшей на столе единственной лампы Ранд, заложив руку за спину, копался в груде карт, записок и донесений. По пустому шатру кружил ветерок, и вместе с ним танцевал за стеклом лампы язычок пламени.

Оно живое? Этот огонек питается, движется сам по себе. Его можно притушить, придушить, так что по-своему он дышит. Да и что это вообще такое — быть живым?

Может ли быть живой мысль, идея?

«Мир без Темного. Мир без зла».

Ранд вернулся к картам. Увиденное впечатляло. Илэйн готовилась на совесть, и Ранду незачем было присутствовать на военных советах и планировать каждую битву. Все свое внимание он сосредоточил на севере. На горе Шайол Гул. На своей судьбе и своей могиле.

Ему больно было видеть, как эти карты, испещренные отметками о том, как расположены войска и отдельные отряды, сводят человече-

ские жизни к закорючкам на бумаге. Цифры, статистические данные… Да, он понимал, что для полководца жизненно важна ясность, определенная дистанция, отстраненный взгляд на происходящее. Но от этого становилось еще больнее.

Здесь, прямо перед ним, было пламя, которое жило, — и были люди, которые уже мертвы. Теперь, уже не возглавляя самолично войну, Ранд надеялся, что ему не придется смотреть на подобные карты. Он понимал, что, глядя на эти планы, будет горевать о солдатах, которых не может спасти.

По телу пробежал внезапный озноб, и волоски на руках вздыбились: знакомая отчетливая дрожь, нечто среднее между ужасом и приятным волнением. Неподалеку направляла Силу женщина.

Ранд поднял голову и увидел замершую у входа в палатку Илэйн.

— О Свет! — воскликнула она. — Ранд! Что ты тут делаешь? Хочешь, чтобы я умерла от испуга?

Опершись пальцами на одну из карт, Ранд повернулся и окинул Илэйн взглядом. Вот она, жизнь. Пунцовые щеки, золотистые волосы с медово-розовым оттенком, горящий в глазах костер.

Под малиновым платьем круглый живот. Дети. О Свет, как же она красива!

— Ранд ал'Тор? — окликнула его Илэйн. — Скажешь хоть слово или так и будешь пожирать меня глазами?

— Кого еще мне пожирать, если не тебя? — спросил Ранд.

— Не смей так ухмыляться, фермерский мальчишка. Тайком пробрался ко мне в шатер? Ну и ну! Что скажут люди?

— Скажут, что я хотел тебя видеть. Кроме того, я не пробирался. Меня впустила охрана.

— Мне никто ничего не сказал. — Илэйн скрестила руки на груди.

— Это я попросил, чтобы не говорили.

— Значит, как ни крути, ты проник сюда тайком. — Илэйн скользнула мимо. От нее исходил приятнейший аромат. — Честное слово, не будь Авиенда такой…

— Не хотел попадаться на глаза рядовым солдатам, — объяснил Ранд. — Боялся, что в лагере поднимется переполох. Вот и попросил гвардейцев не говорить, что я здесь. — Он подошел к Илэйн, положил ладонь ей на плечо. — Я должен был увидеть тебя снова, прежде чем…

— Ты видел меня на Поле Меррилор.

— Илэйн…

— Прости, — сказала девушка, поворачиваясь спиной. — Нет-нет, я рада тебя видеть. И счастлива, что ты здесь. Просто пытаюсь уложить в голове, какое отношение ты… какое отношение все мы имеем к тому, что происходит.

— Не знаю, — ответил Ранд. — Сам до сих пор не понял. Извини.

Она со вздохом опустилась в кресло у стола:

— Думаю, тебе не помешает знать, что не все на свете можно уладить мановением руки.

— Я многое не способен уладить, Илэйн. — Он взглянул на стол, затем на карты. — Слишком многое.

«Выбрось это из головы».

Он встал перед ней на колени. Илэйн заломила бровь, но тут Ранд тронул ладонью ее живот — поначалу нерешительно.

— Я не знал, — сказал он. — До самого недавнего времени. Узнал только в ночь перед встречей. Значит, близнецы?

— Да.

— Выходит, Тэм станет дедом. А я…

Как мужчине реагировать на такое известие? Должен ли он испытать шок, оторопь, потрясение? Жизнь преподнесла Ранду немало сюрпри-

зов. Теперь же, казалось, он и двух шагов сделать не может без того, чтобы не изменить мир.

Но это… Никакой это не сюрприз. Оказалось, в глубине души Ранд всегда надеялся стать отцом. Вот и стал. По телу прошла теплая волна. Многое, очень многое в этом мире пошло не так — но хоть что-то происходит как надо.

Дети. Его собственные дети. Ранд закрыл глаза и сделал глубокий вдох, наслаждаясь этой мыслью.

Он никогда их не увидит. Еще до рождения его дети останутся без отца. С другой стороны, Джандуин тоже оставил Ранда сиротой — и ничего, тот вырос вполне приличным человеком. Если не считать пары-тройки шероховатостей…

— Какие имена ты им дашь? — спросил он.

— Если будет мальчик, подумываю назвать его Ранд.

Он замер, не отнимая ладони от живота Илэйн. Что это? Движение? Ребенок шевельнулся?

— Нет, — тихо возразил Ранд. — Прошу, не называй детей в мою честь. Пусть живут своей жизнью. Я и без того отброшу на них слишком густую тень.

— Ладно. Хорошо.

Ранд заглянул ей в глаза. С нежной улыбкой

Илэйн коснулась его щеки мягкой ладонью:

— Ты будешь прекрасным отцом.

— Илэйн…

— Ни слова больше. — Она подняла палец. — Никаких разговоров о долге и смерти.

— Нельзя же игнорировать то, что будет!

— Незачем мусолить эту тему, — сказала Илэйн. — Я научила тебя быть королем, Ранд, но, похоже, забыла преподать еще один урок. Готовиться к худшему вполне нормально, но нельзя застаиваться на черных мыслях. Прежде всего у короля должна быть надежда.

— Я надеюсь, надеюсь на лучшее! — воскликнул Ранд. — На лучшее для мира, для тебя, для всех, кто пойдет в бой. Но это не отменяет того факта, что я смирился с неминуемой смертью.

— Хватит, — отрезала Илэйн. — Довольно разговоров на эту тему. Сегодня я намереваюсь спокойно отужинать в обществе мужчины, которого люблю.

Ранд вздохнул, но поднялся с пола и сел на стул рядом с ее креслом, а Илэйн выглянула из шатра и велела гвардейцам подать кушанья.

— Давай хотя бы тактику обсудим, — предложил Ранд. — Я искренне впечатлен тем, что ты здесь сделала. Вряд ли я сумел бы добиться чего-

то подобного.

— Почти все это — заслуга великих капитанов.

— Я видел пометки, сделанные твоей рукой, — возразил Ранд. — Башир и остальные — замечательные полководцы, кто-то даже гений военного искусства, но каждый из них думает только о своем поле сражения. Кто-то должен объединять их усилия, и ты чудесно справилась. У тебя к этому талант.

— Ничего подобного, — возразила Илэйн. — Просто меня, как дочь-наследницу Андора, всю жизнь готовили к возможным в будущем войнам. Если ты что-то разглядел во мне, скажи спасибо генералу Брину и моей матери. Нашлось ли среди моих записей то, что тебе захотелось бы исправить?

— Между Кэймлином и Браймским лесом, где ты планируешь устроить засаду на силы Тени, больше ста пятидесяти миль, — заметил Ранд. — Рискованное дело. Что, если твои войска разобьют раньше, чем они дойдут до лесов?

— Если не заманить троллоков в Браймский лес, ничего не получится. У отрядов, что станут совершать набеги на врага, будут самые быстрые и выносливые кони. Гонка предстоит изнурительная, тут нет сомнений, и под конец животные

будут при смерти. Но мы надеемся, что к тому времени троллоки тоже выбьются из сил, и это упростит нашу задачу.

За обсуждением тактики они не заметили, как вечер сменился ночью. Слуги принесли ужин: бульон и мясо дикого вепря. Ранд хотел сохранить в тайне свое присутствие в лагере, но теперь, когда его видела прислуга, об этом не могло быть и речи.

Он приступил к еде, позволив себе бездумно плыть по волнам беседы. Какое из полей сражений представляет наибольшую опасность? Кого из великих капитанов Илэйн поддержит в случае разногласий — ведь споры между полководцами происходят чаще, чем хотелось бы? Каким образом все остальные смогут действовать заодно с армией Ранда, которая до сих пор ожидает нужного момента для атаки на Шайол Гул?

Разговор напоминал ему о времени, проведенном в Тире, когда в перерывах между изучением тонкостей политики они с Илэйн украдкой целовались в Твердыне. Тогда-то Ранд влюбился в нее. Это была настоящая любовь, а не восторг мальчишки, что свалился со стены, когда во все глаза пялился на принцессу. В те дни он понимал, что такое любовь, не лучше, чем фермерский

сынок с мечом в неумелой руке понимает, что такое война.

Эта любовь родилась от всего, что было между ними общего. В обществе Илэйн Ранд мог говорить о политике и бремени правления. Она разбиралась в этом по-настоящему — лучше всех, с кем был знаком Ранд, — и знала, каково это, принимать решения, влияющие на жизнь многих тысяч людей. Она понимала, что значит долг перед народом своей страны. Ранд удивлялся, что их связь, несмотря на частые разлуки, осталась прежней. Более того, она сделалась сильнее. Теперь, когда Илэйн стала королевой, когда носит его детей…

— Ты поморщился, — сказала Илэйн.

Ранд отвлекся от тарелки, поднял взгляд на девушку. Отвечая на многочисленные вопросы, Илэйн не съела и половины того, что ей принесли, но, как видно, уже насытилась и держала в руках чашку теплого чая.

— Чего? — спросил Ранд.

— Поморщился, когда я заговорила о войсках, сражающихся в Андоре. И даже вздрогнул, хоть и едва заметно.

Неудивительно, что она это заметила. Ведь именно Илэйн учила его следить за самыми

незначительными проявлениями эмоций собеседника.

— Все эти люди проливают кровь с моим именем на устах, — сказал Ранд. — Многие умрут за меня, а я их даже не знаю.

— Таково извечное бремя воюющего правителя.

— Должен быть способ их защитить…

— Если думаешь, что способен защитить всех на свете, Ранд ал'Тор, ты куда глупее, чем прикидываешься.

— Всех? Я так не считаю, — посмотрел ей в глаза Ранд, — но каждая смерть ложится мне на плечи тяжким грузом. Я чувствую, что должен сделать нечто большее — теперь, когда я все помню. Он пробовал сломить меня, и у него ничего не вышло.

— Так вот что случилось в тот день на вершине Драконовой горы?

Ранд никому об этом не рассказывал. Он взял свой стул и подсел к Илэйн:

— Там, наверху, я осознал, что слишком полагался на силу. Хотел стать крепче, тверже и сильнее, до самого предела. Преследуя эту цель, я рисковал утратить сострадание, а так нельзя. Чтобы победить, я должен испытывать это чув-

ство. Увы, это означает, что я должен позволить себе испытывать боль за каждую смерть.

— И теперь ты помнишь Льюса Тэрина? — прошептала Илэйн. — Знаешь все, что знал он? Значит, это не просто поза?

— Я и есть Льюс Тэрин. Всегда им был. Теперь я это помню.

— Какое невероятное преимущество! — выдохнула Илэйн, широко раскрыв глаза. Из всех, кому Ранд говорил эти слова, только она отреагировала подобным образом. Замечательная женщина.

— Я обладаю всеми его знаниями, но они не подсказывают, как быть. — Он встал и принялся расхаживать по шатру. — У меня непременно должна быть возможность сделать так, чтобы люди перестали гибнуть за меня. Это моя битва. Зачем остальным выносить такие страдания?

— Ты отказываешь нам в праве сражаться? — расправила плечи Илэйн.

— Нет! Конечно же нет! Я ни в чем не могу тебе отказать. Лишь хочу положить этому конец — как-нибудь, хоть как-то… Я жертвую своей жизнью. Разве этого мало?

Илэйн встала, взяла его за руку, и Ранд обернулся.

Затем она поцеловала его, а после промолвила:

— Я люблю тебя. Ты и впрямь настоящий король. Но если попробуешь отнять у добрых людей Андора право встать на свою защиту, право выйти на Последнюю битву… — Щеки девушки раскраснелись, в глазах огонь… О Свет! Ее не на шутку рассердили его последние слова.

Ранд никогда не знал, что она скажет, что сделает, и это волновало его. С таким волнением наблюдаешь за запуском ночных цветков: да, они будут красивы, но никак не угадаешь, какую форму примет эта красота.

— Я же сказал, что не отказываю тебе в праве на битву, — повторил он.

— Дело не только во мне, Ранд. Дело во всех нас. Неужели ты не можешь этого понять?!

— Пожалуй, могу.

— Вот и молодец. — Илэйн вернулась в кресло, отхлебнула чаю из чашки и скроила гримаску.

— Испортился? — спросил Ранд.

— Да, но я уже привыкла. Хотя это едва ли не хуже, чем вообще ничего не пить, — с учетом того, как испорчено все остальное.

Ранд приблизился, взял у нее чашку, недолго подержал в руке, но Силу направлять не стал.

— Совсем забыл. Я кое-что тебе принес.

— Чай?

— Нет. Чай — это мелочи. — Он вернул ей чашку. Илэйн сделала глоток и захлопала ресницами:

— Он просто чудесный! Как ты это сделал?

— Это не я, — опустился на стул Ранд. — Это Узор.

— Но…

— Я — та'верен, — сказал Ранд, — и вокруг меня творятся непредсказуемые вещи. Очень долго все пребывало в равновесии. Скажем, в одном городке, где я оказывался, кто-то вдруг находил под лестницей богатый клад, а в другом следующем, где я побывал, люди обнаруживали, что все их деньги — ненастоящие, подсунутые ловким фальшивомонетчиком. Кто-то принимал кошмарную смерть, а кто-то спасался самым чудесным образом. Гибель и рождение, браки и разводы. Однажды я видел, как с неба упало перышко, вонзилось кончиком в землю и осталось стоять, а за ним точно так же упали еще десять перьев. Все это происходило случайно, как при броске монетки.

— Но чай… Разве это случайность?

— Да, — подтвердил Ранд. — Но видишь ли, последнее время монетка падает одной и той же стороной. То есть плохое творю не я, а кто-то еще.

Темный населяет мир ужасами, сеет зло, безумие и смерть. Но Узор… Узор — это равновесие. Он восстанавливает баланс, а я — его посредник. Чем усерднее трудится Темный, тем сильнее я влияю на все, что меня окружает.

— Зеленеет трава, — поняла Илэйн, — расступаются тучи, испорченная еда обретает прежние качества…

— Да. — Ну, временами помогали кое-какие уловки, но о них Ранд умолчал. Он нащупал у себя в кармане мешочек, выудил его.

— Если это правда, — сказала Илэйн, — в мире не может быть добра.

— Конечно же может!

— Разве Узор не уравновесит его?

Ранд задумался. Эта логическая цепочка слишком уж походила на его размышления до того, как он ступил на склон Драконовой горы, — уверенность, что его жизнь предопределена и у него нет выбора.

— Пока нам не все равно, — ответил он, — в мире есть место добру. Узору нет дела до чувств. Он не добрый и не злой. А Темный — чужеродная сила, влияющая на него извне.

И Ранд положит этому конец. Если сумеет.

— Вот, — сказал он. — Подарок, о котором я

говорил. — И пододвинул к ней мешочек.

Илэйн с любопытством взглянула на Ранда, развязала тесемки и взяла в руки статуэтку женщины. Распрямив спину, та стояла с шалью на плечах, но не походила на Айз Седай. У нее было пожилое лицо, мудрое, с улыбкой на устах.

— Это ангриал? — спросила Илэйн.

— Нет. Это Семя.

— Семя?..

— У тебя талант к созданию тер'ангриалов, — сказал Ранд. — Но ангриалы создаются иначе. Процесс начинается с одной из подобных вещиц, специально изготовленных для того, чтобы впитать твою Силу и поместить ее в нужный предмет. Процесс небыстрый, и несколько месяцев ты будешь ослаблена, поэтому даже не думай начинать, пока идет война. Но когда я нашел эту забытую статуэтку, сразу же вспомнил о тебе. Не хотелось возвращаться без подарка.

— Ой, Ранд! У меня тоже для тебя кое-что есть! — Илэйн подбежала к костяному сундучку для украшений, стоявшему на одном из походных столиков, и достала из него кинжал с коротким незаточенным клинком и рукоятью из оленьего рога, увитой золотой проволокой.

— Не обижайся, Илэйн, — сказал Ранд, озада-

ченно глядя на кинжал, — но оружие из него никудышное.

— Это — тер'ангриал. Пригодится, когда отправишься к Шайол Гул. С ним ты будешь невидим для Тени.

Потянувшись к Ранду, она коснулась его лица.

Он накрыл ее ладонь своей.

Они пробыли вместе почти до утра.

Глава 10. Как использовать драконов

Перрин ехал на Трудяге, а за ним следовала легкая кавалерия Илэйн: белоплащники, майенцы, гэалданцы и сколько-то бойцов из Отряда Красной руки. Лишь малая часть их армии. В том-то и смысл.

Они двигались наискось в сторону троллоков, разбивших лагерь за пределами Кэймлина. Город все еще дымился: задумка Илэйн — с маслом и пожарами — помогла выгнать монстров из города, но некоторые оставались на стенах.

— Лучники! — выкрикнул Арганда. — Пускай!

За ревом атаки, фырканьем коней и топотом копыт приказ услышали немногие, но в троллоков полетели стрелы, а остальные бойцы и без того знали, что делать.

Перрин пригнулся к шее Трудяги, надеясь, что в нынешней вылазке молот не понадобится. Его отряд пронесся мимо троллоков, осыпая тех дождем стрел, а затем свернул прочь от города.

На полном скаку Перрин глянул за спину и был вознагражден видом издыхающих чудовищ. За его конницей следовала кавалерия Отряда Красной руки, и парни уже приблизились к вражескому лагерю на расстояние полета стрелы.

В ответ, вслед нападавшим, понеслись троллочьи стрелы — толстые и черные, очень похожие на копья, выпущенные из громадных луков. Хотя атака была молниеносной, нескольких бойцов Перрин потерял.

Однако троллоки не двинулись с места. Всадники замедлили ход. Поглядывая через плечо, Арганда подъехал к Перрину:

— Они все равно не атакуют…

— Значит, будем бить снова и снова, — сказал Перрин. — Пока не поведутся.

— Наши атаки продолжаются, ваше величе-

ство, — доложил гонец, прибывший в лесной лагерь Илэйн через переходные врата, открытые двумя женщинами из Родни. — Лорд Златоокий велел передать, что при необходимости будет дразнить троллоков до самого вечера.

Илэйн кивнула, и посыльный вернулся туда, откуда прискакал. Браймский лес спал. Из-за голых ветвей казалось, что сейчас зима.

— Слишком много сил требуется на обмен известиями с Перрином, — недовольно сказала Илэйн. — Жалко, что не заработали те тер'ангриалы; по словам Авиенды, один позволяет видеть на расстоянии, а другой — переговариваться. Но, как говаривает Лини, о хотелки и споткнуться немудрено. Но все же я предпочла бы видеть сражение собственными глазами…

Бергитте ничего не сказала, глядя куда-то вдаль и делая вид, что не слышала последней фразы.

— В конце концов, — продолжила Илэйн, — я могу постоять за себя. И не раз это доказывала.

Нет ответа. Под глухой перестук копыт по мягкой почве обе всадницы не спеша объезжали лагерь, разбитый так, чтобы в любой момент можно было без промедления сняться с места. «Палатками» для солдат служили полосы парусины, наброшенные на туго натянутые промеж

деревьев веревки. Походная мебель имелась только в двух шатрах, командном и королевском. Группа женщин из Родни была готова по первому слову открыть переходные врата и переправить Илэйн и ее полководцев подальше в лес.

Войска ждали битвы. Почти все были напряжены, словно лук с наложенной на натянутую тетиву стрелой. Илэйн, однако, не собиралась драться с троллоками на их условиях. Если верить донесениям, троллочьи кулаки еще не спустились с городских стен, при этих условиях прямая атака закончится полным провалом: людей попросту расстреляют сверху тяжелыми черными стрелами.

Нет, врагов надо выманить в лес, и если для этого нужно терпение, так тому и быть.

— Вот что я решила. — Илэйн повернулась к Бергитте. — Просто шагну во врата и одним глазком взгляну сама на троллочью армию. С безопасного расстояния. Я могла бы…

Страж, качнув золотистой косой, достала из-под блузы свой медальон в виде диска с изображением розы. Он действовал так же, как и три созданных Илэйн копии Мэтова медальона с лисьей головой, хотя дубликаты и были далеки от совершенства. Мэту вернули оригинал и две

его копии; третью копию стащил Меллар.

— Только попробуй выкинуть подобный растреклятый фортель, — предупредила Бергитте, не глядя на Илэйн, — и я закину тебя на плечо — как буйно загулявший пьянчуга поступает со служаночкой из таверны — и отнесу обратно в лагерь. Именно так и будет, Илэйн, и да поможет мне Свет.

— Напомни-ка, — сдвинула брови Илэйн, — по какой именно причине я отдала тебе этот медальон?

— Точно не скажу, — ответила Бергитте. — Но действовала ты так из чувства самосохранения, продемонстрировав тем самым исключительную дальновидность. Что совершенно на тебя не похоже.

— По-моему, это несправедливо, Бергитте.

— Знаю! Мне вечно приходится с тобой возиться, а это в высшей степени несправедливо! Даже не верится, что до тебя это дошло. Неужели все юные Айз Седай отличаются такой безответственностью? Или мне просто достался лучший щенок из этого особенного помета?

— Хватит ныть, — пробурчала Илэйн, но заставила себя улыбнуться и кивнуть проходившим мимо солдатам, которые приветствовали ее

воинским салютом. — Я начинаю думать, что лучше бы у меня был Страж, обученный в Башне. Тогда не пришлось бы выслушивать столько дерзких речей.

Бергитте рассмеялась:

— Илэйн, вряд ли ты понимаешь Стражей хотя бы вполовину так хорошо, как тебе представляется.

Илэйн не ответила, решив, что тему пора закрыть. Они миновали площадку для Перемещения, где Сумеко и другие женщины из Родни занимались отправкой и приемом гонцов с разных мест сражений. Пока что соглашение между Илэйн и Родней оставалось в силе.

В кармане платья у девушки лежал официальный ответ Эгвейн — вернее, Престола Амерлин — насчет означенного соглашения. Илэйн прямо-таки чувствовала, как от письма исходит жар, замаскированный официальным языком и заверениями, что сейчас не время тревожиться о подобных вещах.

Илэйн стоит приложить кое-какие усилия и окончательно разобраться с этим вопросом. Рано или поздно Эгвейн поймет, что деятельность Родни в Андоре под присмотром королевы — самое логичное решение.

Рядом с площадкой для Перемещения Илэйн заметила, как явно усталый шайнарец принимает из рук какого-то двуреченца бурдюк с водой. Этот мужчина с пучком волос на макушке и повязкой на глазу показался ей знакомым.

— Уно? — Не веря своим глазам, Илэйн осадила Лунную Тень.

Мужчина вздрогнул и чуть не облился.

— Илэйн? — Он вытер лоб рукавом. — Слыхал, ты теперь растрек… королева. И чего тут удивляться, ведь ты была треклятой дочерью-наследницей. Ой, прости, — поморщился шайнарец. — Дочерью-наследницей. Вовсе не треклятой.

— Можешь не сдерживаться, Уно, — сухо разрешила Илэйн. — Найнив поблизости нет. Как ты тут оказался?

— Это все Амерлин. Ей, видишь ли, потребовался треклятый гонец, и выбрали меня. Проклятье! Я уже передал растреклятое сообщение Эгвейн твоим полководцам, если это, будь я проклят, хоть как-то поможет. Мы уже обустроили боевые позиции, чтоб им сгореть, и отправили разведчиков в Кандор. Разор там, конечно, страшенный. В подробностях рассказывать?

— Я выслушаю доклад полководцев, Уно, —

улыбнулась Илэйн. — Отдохни и прими растреклятую ванну, ты, прыща пастушьего сын.

Услышав эти слова, Уно выплюнул полный рот воды. Илэйн улыбнулась шире прежнего. Днем раньше она услышала это ругательство от одного из солдат и до сих пор не понимала, почему его считают настолько грубым, но действовало оно безотказно.

— Я… Без треклятой ванны обойдусь… эм-м… ваше величество, — сказал Уно. — Уже пять минут как отдыхаю, хватит. В Кандоре треклятые троллоки вот-вот попрут в атаку, и я не допущу, чтобы ребята сражались без меня. — Он отсалютовал Илэйн, приложив руку к груди, поклонился и заторопился в сторону площадки для Перемещения.

— Какая жалость! — заметила Бергитте. — Он славный собутыльник. Вот бы задержался ненадолго.

Но благодаря узам Илэйн ощутила от Стража иную реакцию, да и так все было ясно, поскольку Бергитте не отводила глаз от задницы Уно.

— Сейчас не время для подобных развлечений, — покраснела Илэйн. — Что одного, что другого.

— Просто смотрю, — невинно отозвалась Бер-

гитте. — Не пора ли нам выслушать донесения с других фронтов?

— Пора, — твердо согласилась Илэйн.

Она чувствовала недовольство Бергитте, хотя та его не высказала вслух. Страж терпеть не могла планировать битвы — что Илэйн находила странным для женщины, побывавшей в тысячах великих сражений и в решающие моменты истории геройски спасавшей бесчисленное множество жизней.

В командном шатре — одной из немногих полноценных палаток в армии Илэйн — Башир проводил совещание с другими военачальниками: Абеллом Коутоном, Галленне и Тромом, замещавшим командующего белоплащников. Сам Галад, как и Перрин, участвовал в набегах на троллоков возле стен Кэймлина. Илэйн сочла Трома на удивление учтивым — куда более учтивым, чем сам Галад.

— Итак? — спросила она.

— Ваше величество, — поклонился Тром.

Ему не нравилось то обстоятельство, что Илэйн — Айз Седай, но он старательно скрывал свою неприязнь. Остальные ограничились воинским салютом, хотя Башир лишь по-дружески махнул рукой, после чего указал на военные карты:

— Поступили донесения со всех участков сражений. Беженцы из Кандора стекаются к войскам Амерлин. Среди них довольно много тех, кто умеет сражаться, — по большей части это солдаты того или иного Дома, а также купеческие охранники. Силы лорда Итуралде по-прежнему ожидают момента, когда лорд Дракон отправится к горе Шайол Гул. — Он разгладил усы согнутым пальцем. — Когда они войдут в долину, отступать будет некуда.

— А армия Пограничных земель? — спросила Илэйн.

— Держится. — Башир указал на другую карту, теперь Шайнара. У Илэйн не к месту мелькнула мысль, не предпочел бы Уно сражаться в ущелье, среди соплеменников. — По словам последнего гонца, есть опасения, что их сомнут, и они задумываются об организованном отступлении.

— Настолько все плохо? — нахмурилась Илэйн. — Предполагалось, что они будут держать оборону, пока я не покончу с троллоками в Андоре, после чего присоединюсь к ним. Таков был наш план.

— Был, — согласился Башир.

— Хотите сказать, что в военном деле планы имеют силу лишь до той поры, пока не обнаже-

ны первые клинки? — спросила Илэйн. — Или, может, пока не выпущена первая стрела?

— Пока не поднято первое копье, — буркнул Башир себе под нос.

— Это я понимаю. — Илэйн ткнула пальцем в карту. — Но еще мне известно, что лорд Агельмар обладает достаточным опытом, чтобы сдержать троллочью свору. Тем более при поддержке армий Пограничья.

— Пока что они держатся, — повторил Башир, — но натиск там чудовищный. — Он поднял руку, пресекая возражения Илэйн. — Понимаю, отступление беспокоит вас, но советую прислушаться к мнению Агельмара. Он заслужил свое звание великого капитана. В отличие от нас, он видит ситуацию непосредственно на поле боя. Он знает, как поступать.

— Да, — глубоко вздохнула Илэйн. — Вы правы. Прошу узнать, не сможет ли Эгвейн выслать ему подкрепление. А нам тем временем надо сосредоточиться на скорейшей победе в Андоре.

Похоже, сражение на четырех фронтах стремительно истощит все ресурсы. Однако на стороне Илэйн не только знакомая местность, но и наилучшие шансы на успех. Если другие армии дождутся ее победы над троллоками в Андоре, она

присоединится к Лану и Агельмару, и нынешняя патовая ситуация в ущелье может обернуться разгромом там сил Тени, после чего объединенные войска помогут Эгвейн отвоевать Кандор.

Исход военных действий целиком зависел от армии Илэйн. Если ей не удастся победить в Андоре, остальные не получат подкрепления. Силы Итуралде и Лана будут истощены изнурительными атаками. Допустим, шансы выстоять имеются у Эгвейн; все зависит от того, что противопоставит ей Тень, — но Илэйн вовсе не хотелось узнать, каковы они, эти шансы, и есть ли они вообще.

— Троллоков надо спровоцировать на атаку, — сказала она. — Прямо сейчас.

Башир кивнул.

— Усильте натиск, — велела Илэйн. — Постоянно осыпайте их стрелами. Дайте ясно понять, что если враги не дадут отпор, со временем мы перебьем их подчистую.

— А если они просто отступят в город? — спросил Тром. — Пожары начинают угасать…

— В таком случае, нравится нам это или нет, мы выставим драконов и начнем ровнять Кэймлин с землей. Больше медлить нам нельзя.

Андрол боролся со сном. То питье, которым их напоили… От него клонило в дрему. Зачем они

это сделали?

«Наверное, чтобы не дать использовать Единую Силу», — подумал он сквозь дурман. Андрол не мог дотянуться до Истинного Источника, хотя щитом его не оградили. Что же это за напиток, способный сотворить такое с человеком?

Бедняга Эмарин плакал. Он был связан. Его еще не сумели Обратить, но с каждым часом он, похоже, приближался к пределу своих возможностей. Андрол вытянул шею и повернул голову. В темной комнате смутно виднелись тринадцать созданий, помогавших Таиму довести Обращение до конца. Понурив плечи, они сидели вокруг стола. Видимо, выбились из сил.

Андрол вспомнил, как днем раньше Таим устроил скандал: орал на подручных, что дело идет слишком медленно. Они затратили слишком много энергии, Обращая первых мужчин и женщин, и теперь им приходилось несладко.

Певара спала, потеряв сознание от чая, которым позже напоили Андрола — с таким видом, будто он никого не интересовал. По большей части о нем не вспоминали. Узнав, что Певара находится под воздействием этого настоя, Таим не на шутку рассердился. Видать, хотел Обратить ее следующей, а для этого процесса необходимо, чтобы

жертва была в состоянии направлять Силу.

— Пустите меня!

Андрол извернулся и глянул в ту сторону, откуда прозвучал новый голос. Аборс и Мишраиль втащили в комнату еще одну пленницу — невысокую, с кожей цвета меди. То была Тувин, одна из Айз Седай, которых Логайн связал с собой узами.

Рядом, не открывая глаз, шевельнулся сам Логайн. Он выглядел так, будто его избила разъяренная толпа.

— Что вы творите?! — возмутилась Тувин. — О Свет! Я…

И тут Аборс заткнул ей рот. Этот густобровый мужчина переметнулся на сторону Таима добровольно, когда тот еще не начал Обращать Аша'манов.

Все еще плохо соображавший Андрол попробовал высвободить руки из пут, но веревки оказались затянуты туже прежнего. Ну да, правильно. Эвин заметил слабину и связал пленника заново.

Андрол чувствовал себя беспомощным. Бесполезным. Он ненавидел это чувство, ведь для него смысл жизни — если он вообще был, этот смысл, — заключался в том, чтобы приносить пользу. И держать ситуацию под контролем.

— Обратите ее следующей, — раздался голос Таима.

Андрол вывернул шею. Таим сидел за столом. Он любил присутствовать при Обращениях, но на Тувин не смотрел. Пальцами он нежно поглаживал какой-то предмет. Что-то вроде диска…

Вдруг он встал и сунул вещицу в поясной кошель:

— Сетуете, что из-за стольких Обращений выбились из сил. Что ж, если Обратить эту женщину, ее способности усилят ваши. Мишраиль, пойдешь со мной. Пора.

Мишраиль и еще несколько человек, стоявших там, где Андрол не мог их видеть, подошли к Таиму. Тот направился к двери.

— К моему возвращению она должна быть Обращена, — сказал он, выходя.

Мандарб галопом мчался по каменистой земле. Лану казалось, что он скачет к ущелью чуть ли не в сотый раз, хотя с начала сражения не прошло и недели.

Рядом скакали во весь опор принц Кайзель и король Изар.

— Что такое, Дай Шан? — выкрикнул Кайзель. — Новая атака? Я не видел сигнала тревоги!

Пригнувшись к шее Мандарба, Лан мрачно

всматривался в сумерки. По обеим сторонам горели костры, сложенные из дров и мертвых тел, а за спиной гремели копытами сотни коней малкири. Жечь трупы непросто, но костры не только дают свет. Они лишают троллоков пищи.

Впереди раздавались звуки, которых Лан совсем не хотел услышать. Звуки, приводившие его в ужас.

Взрывы.

Далекий грохот, будто сталкивались друг с другом огромные камни, и при каждом таком столкновении содрогался воздух.

— О Свет! — Лана нагнала королева Этениелле Кандорская. Ее белый мерин несся галопом. — Это то, о чем я думаю?

Лан кивнул. У врага появились те, кто владел Силой.

Этениелле — женщина в теле, почтенная матрона по стандартам порубежников, — крикнула что-то своей свите, но Лан не разобрал ее слов. Среди спутников королевы были лорд Балдер, носивший звание хранителя меча, и седовласый Калиан Рамсин, ее новый муж.

Всадники подъехали к ущелью, где воины Лана с трудом сдерживали натиск исчадий Тени. Близ первых костров взлетел на воздух передовой

отряд кандорских конников.

— Лорд Мандрагоран! — помахал рукой человек в черном мундире. Наришма. Он подбежал к Лану вместе со своей Айз Седай. Лан всегда держал на передовой кого-то из тех, кто мог направлять Силу, но при этом отдал приказ в бой не вступать. Силы Аша'манов требовались ему для чрезвычайных случаев.

Таких, как этот.

— Кто-то направляет Силу? — спросил Лан, осаживая Мандарба.

— Да, Дай Шан. Повелители ужаса, — ответил Наришма, тяжело дыша. — Пожалуй, не меньше двух десятков.

— Их там два десятка, и это в лучшем случае, — заметил Агельмар. — Они рассекут нас, как меч рассекает молочного ягненка.

Лан обвел взглядом суровый ландшафт. Когда-то это была его родина. Родина, которой он никогда не знал.

Малкир придется оставить. При этой горькой мысли в сердце у Лана как будто провернули кинжал, но деваться было некуда.

— Вот и ваше отступление, лорд Агельмар, — сказал он. — Наришма, твои товарищи могут хоть что-то сделать?

— Если подъехать поближе, можно попытаться рассечь их плетения прямо в воздухе, — ответил Аша'ман. — Но это сложно. Пожалуй, даже невозможно, если они используют только тесьмы из Земли и Огня. К тому же на той стороне их довольно много… ну, мы станем для них мишенями. Боюсь, нас одолеют…

Рядом прогремел взрыв, земля содрогнулась, Мандарб вскинулся на дыбы, чуть не сбросив седока наземь. Ослепленный вспышкой Лан едва удержался в седле.

— Дай Шан! — Голос Наришмы.

Лан сморгнул слезы и прорычал в ответ:

— Ступай к королеве Илэйн! Приведи владеющих Силой, чтобы прикрыли наш отход. Без поддержки нас порвут в клочья. Давай, парень!

Агельмар уже выкрикивал приказы к отступлению. Выдвинувшись вперед, лучники готовились загнать Повелителей ужаса в укрытие. Лан выхватил из ножен меч и галопом помчался к защитникам ущелья.

«Да обережет нас Свет», — думал он, вопя что было мочи и пытаясь собрать остатки своей кавалерии. Тарвиново ущелье было потеряно.

* * *

Изводясь от тревоги, Илэйн ждала у самой опушки Браймского леса — такого древнего, что он, казалось, обладал собственной душой, а вековые деревья, служившие ему заскорузлыми пальцами, тянулись из земли навстречу ветру.

В таком лесу трудно не почувствовать себя песчинкой. Хотя на деревьях почти не было листвы, Илэйн ощущала на себе взгляды тысяч глаз, смотревших на нее из чащи. Ей вспомнились сказки, что она слышала в детстве: мол, в Браймском лесу полно разбойников — и благородных, и совершенно бесстыдных, с сердцами черными, все равно что у приспешников Темного.

«Кстати…» Илэйн задумалась над одной из этих сказок, а затем повернулась к Бергитте:

— Разве не ты однажды верховодила воровской шайкой, скрывавшейся в этом лесу?

— Я-то надеялась, что эту историю ты не знаешь, — поморщилась Бергитте.

— Ты ограбила королеву Алдешара! — воскликнула Илэйн.

— И сделала это с исключительной вежливостью, — заметила Страж. — Смею заметить, королева из нее вышла скверная и многие сомне-

вались в ее праве на трон.

— Но дело же в принципе!

— Именно поэтому я ее и ограбила, — насупилась Бергитте. — По крайней мере… мне так кажется.

Илэйн решила не продолжать разговор. Бергитте всегда нервничала, чувствуя, как меркнут ее воспоминания о прошлых жизнях. Временами она вообще ничего не могла вспомнить; другой раз ее обуревали образы каких-то былых событий — причем порой нахлынут и тут же исчезнут.

Илэйн возглавляла арьергард. Теоретически ее войска должны были нанести врагу основной урон.

Под аккомпанемент шороха палой листвы с площадки для Перемещения прискакала запыхавшаяся посланница.

— Я прибыла из-под Кэймлина, ваше величество, — коротко поклонилась она, не сходя с седла. — Лорд Айбара вынудил троллоков пойти в атаку. Теперь они движутся прямо на вас.

— О Свет! Заглотили-таки наживку! — обрадовалась Илэйн. — Пора готовиться к бою. Ступай отдохни. Скоро тебе понадобятся все силы без остатка.

Посланница кивнула и галопом умчалась

прочь, а Илэйн передала полученные известия Талманесу, айильцам и Тэму ал'Тору.

* * *

Услышав в лесу какой-то подозрительный шум, Илэйн подняла руку, прерывая рапорт женщины из королевской гвардии. Встревоженная Лунная Тень пошла вперед, мимо прятавшихся в подлеске солдат. Никто не сказал ни слова. Казалось, все затаили дыхание.

Илэйн обняла Истинный Источник, и прилив Силы раскрасил мир чудесными красками. В сладостных объятиях саидар умирающий лес как будто обрел новые цвета. Да, так и есть. Неподалеку кто-то поднимался на холм. Это были ее солдаты. Тысячи защитников Андора, нахлестывая измученных коней, стремительно приближались к Браймскому лесу. Илэйн подняла зрительную трубу. Конницу преследовала бурлящая масса троллоков — словно черные волны, набегающие на сумеречный берег.

— Наконец-то! — воскликнула Илэйн. — Лучники — вперед!

Двуреченцы выбрались из цепких кустов и построились у самой границы леса. В армии Илэйн их дружина была самой малочисленной, но, если

рассказы об их меткости не приукрашены, эти парни принесут столько пользы, сколько не принесет втрое больший отряд обычных лучников.

Некоторые стрелки — те, что помоложе, — принялись накладывать стрелы на тетиву.

— Отставить! — завопила Илэйн. — Там, впереди, наши люди!

Тэм и его командиры повторили приказ, и бойцы неохотно опустили оружие.

— Ваше величество! — промолвил Тэм, подойдя ближе к Лунной Тени. — С такого расстояния ребята не промахнутся.

— Пока что наши конники слишком близко, — сказала Илэйн. — Ждем, пока они не разойдутся в стороны.

— Прошу прощения, миледи, — возразил Тэм, — но никто из двуреченцев не ошибется с целью. Всадникам ничто не грозит, а у троллоков свои луки тоже имеются.

Насчет этого он был прав. Некоторые твари, прекратив преследование, натягивали массивные луки из черного дерева. Люди Перрина не были защищены с тыла. Что в коней, что во всадников то и дело впивались стрелы с черным оперением.

— Пускай! — скомандовала Илэйн. — Лучники,

пускай!

Бергитте помчалась вдоль шеренги стрелков, повторяя приказ, а Тэм выкрикивал указания тем, кто стоял поблизости.

Илэйн опустила зрительную трубу. По лесу пронесся ветерок. Захрустели сухие листья, застучали голые ветви. Двуреченцы натянули тетивы. О Свет! Неужто они и впрямь не промахнутся? С такого-то расстояния? Ведь между ними и троллоками — несколько сотен шагов!

Словно ястребы с насеста, высоко взмыли в небо стрелы. Илэйн не раз слышала, как Ранд похваляется своим оружием, и ей доводилось видеть двуреченский длинный лук в деле, но теперь… Столько стрел, с невероятной точностью летящих прямо в цель…

Описав высокую дугу, стрелы посыпались вниз, и ни одна из них не упала слишком близко. Нет, смертоносным дождем пролились они на вражеский строй, и в первую очередь на троллочьих лучников. Чудища ответили несколькими шальными стрелами, но двуреченцы умело проредили вражеские ряды.

— Вот это я понимаю, меткость, — заметила Бергитте, подскакав к Илэйн. — Меткость что надо!

Тем временем двувреченцы давали один залп за другим, а всадники Перрина ворвались в лес.

— Арбалетчики! — крикнула Илэйн, выхватив меч и воздев его высоко над головой. — Легион Дракона — вперед!

Двувреченцы отступили в лес, а на смену им вышли арбалетчики, два полных знамени из Легиона Дракона, и Башир вымуштровал их на славу. Они выстроились в три шеренги — одна стреляла из положения стоя, две другие опускались на колено и перезаряжали оружие. Смерть обрушилась на троллоков всеуничтожающей волной. Тысячи упали замертво, и по вражескому войску прокатилась дрожь.

Илэйн опустила меч, направив его на троллоков. Взобравшись на деревья на краю леса, двувреченцы продолжали осыпать врага стрелами. При стрельбе со столь ненадежной опоры, как древесные сучья, о прежней меткости можно было забыть, однако ее и не требовалось. Что спереди, что сверху троллоков разила смерть, и монстры спотыкались о своих мертвецов.

«Ну же, давайте…» — приговаривала про себя Илэйн.

Наметив своей целью лучников, троллоки шли вперед. От основной массы отделился большой

отряд. Он направился на восток — туда, где вдоль границы Браймского леса тянулся широкий тракт. Троллокам имело смысл занять дорогу и двигаться дальше по ней, чтобы взять силы Илэйн в окружение. По крайней мере, так сочли бы Исчезающие.

— Отступаем в лес! — взмахнула мечом Илэйн. — Живо!

Арбалетчики дали последний залп и растворились в подлеске. Двуреченцы ловко попрыгали с ветвей и скрылись среди деревьев. Илэйн, развернув Лунную Тень, пустила ее легкой рысью и в скором времени выехала к знаменному отряду гэалданцев Аллиандре: выстроившись шеренгами, здесь стояли пехотинцы, вооруженные пиками и алебардами.

— Не забудьте: отступить, как только они ударят! — крикнула им Илэйн. — Надо заманить их поглубже в лес!

Туда, где троллоков поджидали сисвай'аман.

Солдаты закивали. Илэйн проехала мимо самой Аллиандре, сидевшей на коне в окружении небольшого отряда телохранителей. Темноволосая королева приветствовала Илэйн почтительным поклоном, уместным для той, кто сидит в седле. Свита Аллиандре настаивала,

чтобы ее величество отправилась в майенский лазарет вместе с Берелейн, но та отказалась. Должно быть, на ее решение повлиял вид королевы Андора, возглавившей свою армию.

Когда гэалданцы остались за спиной, в Браймский лес, рыча, ухая и вопя, ввалились первые троллоки. Сражаться среди деревьев им будет несподручно, ведь люди куда эффективнее пользуются теми преимуществами, которые им предоставляет лес. На ломящихся через чащу огромных троллоков можно нападать из засады, можно зайти сзади и ударить врага со спины или подрезать ему поджилки. Подвижные отряды лучников и арбалетчиков будут расстреливать чудовищ из укрытий. Если сделать все правильно, троллоки даже не поймут, откуда прилетели стрелы.

Уводя гвардию королевы к тракту, Илэйн услышала далекие взрывы и вопли троллоков: из-за деревьев пращники запускали в неприятеля взрывающиеся громыхалки Алудры. Вспышки света отражались от темных стволов.

К дороге Илэйн вышла как раз вовремя: большак заполонили троллоки, возглавляемые несколькими мурддраалами в иссиня-черных плащах. Еще немного — и они ударили бы по

войску Илэйн с фланга, но Отряд Красной руки уже выкатил им навстречу могучих драконов. Позади них на груде ящиков стоял Талманес, сцепив руки за спиной и обозревая свою небольшую армию. За спиной у него трепетало знамя Отряда — кроваво-красная ладонь на белом поле с красной окантовкой, — в то время как Алудра громко руководила прицеливанием, указывала поправки и временами выдавала проклятия в адрес драконiров, когда те допускали ошибку или двигались слишком медленно.

Перед Талманесом были выставлены сами драконы — почти сотня орудий четырьмя рядами поперек широкого тракта и в прилегающих к нему полях. Илэйн находилась слишком далеко и не слышала, как он отдал команду открыть огонь. Пожалуй, к лучшему: от грохота она содрогнулась так, будто началось извержение Драконовой горы. Лунная Тень взбрыкнула, заржала, и королеве пришлось приложить все силы, дабы не шлепнуться задницей на палую листву. В конце концов девушка заткнула лошадиные уши плетением Воздуха, а драконiры откатили орудия в сторону, давая возможность выстрелить второму ряду.

Успокаивая Лунную Тень, Илэйн пришла к

выводу, что и себе заткнуть уши не помешает. Бергитте продолжала сражаться со своим перепуганным скакуном и в конце концов соскочила с седла, но Илэйн не обращала на нее внимания. Она вглядывалась в повисший над дорогой дым. Тем временем на позицию выкатили третий ряд драконов.

Несмотря на заткнутые уши, Илэйн всем телом ощутила, как сотрясается земля и содрогаются деревья. За третьим залпом последовал четвертый, и он пробрал королеву до самого нутра. Илэйн глубоко подышала, чтобы унять сердцебиение, и стала ждать, пока не рассеется дым.

Перво-наперво она разглядела Талманеса, стоявшего выше других. Затем — первую линию драконов, уже подготовленных к новому залпу. Остальных лихорадочно перезаряжали, отмеряя и отсыпая горючий порошок и засовывая в жерла большие металлические сферы.

С запада задул ветер, достаточно сильный, чтобы разогнать дымовую завесу, и… Илэйн негромко охнула.

Дорогу устилали тысячи троллочьих тел — дымящихся, разорванных на части. Некоторых отшвырнуло в поле. Среди ям в пару шагов в поперечнике были разбросаны руки, ноги, кло-

чья жесткой шерсти и другие неприглядные ошметки. От тысяч и тысяч троллоков остались только дым, кровь и переломанные кости, от ближайших деревьев — расщепленные стволы, а от двигавшихся в авангарде мурддраалов вообще ничего не осталось.

Вместо того чтобы дать новый залп, драконеры опустили горящие пальники. Те немногие троллоки, что уцелели благодаря тому, что поотстали от своих собратьев, теперь удирали в лес.

Илэйн с ухмылкой взглянула на Бергитте. Страж не отводила серьезных глаз от побоища — видать, была под впечатлением, — в то время как несколько женщин-гвардейцев пытались изловить ее коня.

— Ну? — спросила Илэйн, возвращая себе слух.

— По-моему, — ответила Бергитте, — эти штуковины не отличаются точностью. И разводят страшную грязь. Но чтоб мне сгореть, они вполне себе эффективны.

— Да, — с гордостью подтвердила Илэйн.

Бергитте покачала головой. Ей вернули коня, и она взобралась в седло.

— Прежде я думала, что человек и его лук — самая смертоносное сочетание из существующих на земле, Илэйн. А теперь появились эти шту-

ковины, как будто мало нам было мужчин, в открытую использующих Силу, и шончан, у которых способные направлять женщины служат оружием. Не нравится мне все это. Если мальчишка с металлической трубой способен уничтожить целую армию…

— Ну что же ты никак не поймешь?! — воскликнула Илэйн. — Не будет больше никаких войн! Победим в этой, и настанет мир. Ведь того хочет и сам Ранд. Зная о таком оружии, в бой не пойдет никто, кроме троллоков!

— Может быть, — покачала головой Бергитте. — А может быть, я куда меньше твоего верю в человеческую мудрость.

Илэйн фыркнула и, вскинув меч, отсалютовала Талманесу, и тот ответил, обнажив свой клинок и повторив ее жест.

Итак, сделан первый шаг по уничтожению вторгнувшейся в Андор армии троллоков.

Глава 11. Еще один наемник

— Понимаю, что в прошлом между нами не обошлось без… разногласий, — говорила, проезжая через лагерь бок о бок с Эгвейн, стройная и величественная Аделорна Бастине, чьи раскосые глаза и темные волосы свидетельствовали о салдэйском происхождении. — Не хотелось бы, чтобы ты думала, что мы враждуем.

— Я не считаю нас врагами, — осторожно ответила Эгвейн, — и никогда не считала.

Она не стала спрашивать, кого Аделорна подразумевает под словом «мы». Ее собеседница была из Зеленой Айя, и Эгвейн какое-то время подозревала в ней капитан-генерала — так Зеленые

сестры называют главу своей Айя.

— Это хорошо, — произнесла Аделорна. — Кое-кто из нашей Айя наделал глупостей. Этих сестер… уведомили о совершенных ошибках. В дальнейшем ты не встретишь сопротивления со стороны тех, кто должен любить тебя сильнее других, мать. Забудем же старые обиды.

— Забудем, — с улыбкой согласилась Эгвейн, а про себя подумала: «Вот это да! После всего, что было, Зеленые пытаются завоевать мое расположение?»

Что ж, она не упустит этот шанс. Эгвейн опасалась, что отношения между ними уже никогда не наладятся. После выбора Сильвианы на должность хранительницы летописей многие стали считать Амерлин личным врагом. До Эгвейн доходили кое-какие слухи: многие полагали, что будь у нее такая возможность, свой выбор она остановила бы на Красной Айя. Несмотря на то, что у нее имелся Страж и, более того, она вышла за него замуж.

— Если позволишь спросить, — начала Эгвейн, — этот… мостик, перекинутый через пропасть наших разногласий, появился вследствие какого-то происшествия?

— Некоторые принципиально не желают

знать о твоих подвигах при вторжении шончан, мать, — ответила Аделорна. — Ты доказала, что у тебя дух воина. Дух полководца. На такое Зеленая Айя не может закрыть глаза. Надо относиться к произошедшему как к назидательному уроку. Так было решено, и главы каждой Айя сказали свое слово. — Аделорна посмотрела Эгвейн в глаза, а затем едва заметно поклонилась.

Намек ясен. Аделорна — и впрямь капитан-генерал Зеленой Айя. Говорить об этом напрямую было бы неуместно, но Аделорна, поделившись с Эгвейн этими сведениями, выказала немалую толику доверия и уважения.

«Если бы ты возвысилась из наших рядов, — говорил этот ее поступок, — то знала бы, кто ведет нас. Тебе были бы ведомы наши секреты. А теперь я доверяю их тебе». И еще в этом поклоне читалась благодарность. При нападении шончан на Белую Башню Эгвейн спасла Аделорне жизнь.

Амерлин не принадлежит ни к какой Айя, и Эгвейн обладала этой добродетелью в большей степени, нежели любая из ее предшественниц, поскольку так никогда и не была принята ни в одну из Айя. Однако жест Аделорны тронул ее до глубины души. Эгвейн с благодарностью коснулась ее руки, после чего позволила Зеленой

сестре удалиться.

Гавин, Сильвиана и Лильвин ехали чуть поодаль — там, куда Эгвейн отослала их, когда Аделорна попросила о разговоре с глазу на глаз. Эта шончанка… Эгвейн до сих пор не определилась, держать ли ее поблизости, но под неусыпным надзором или отправить куда подальше — и чем дальше, тем лучше.

Сведения о шончан, которыми она поделилась, и в самом деле оказались весьма полезны. Насколько Эгвейн могла судить, Лильвин рассказала ей правду. Пожалуй, до поры до времени лучше оставить эту женщину при себе — хотя бы потому, что в голову Эгвейн нередко приходили все новые вопросы насчет шончан. Лильвин считалась пленницей, но вела себя как ее телохранительница. Как будто Эгвейн доверила бы свою охрану кому-то из шончан. Она покачала головой, проезжая среди армейских походных костров и установленных палаток — по большей части опустевших, поскольку Брин уже велел солдатам строиться в боевые порядки. Он предполагал, что и часа не пройдет, как здесь объявятся троллоки.

Сам же военачальник занимался бумагами и картами в шатре неподалеку от центра лагеря.

Там же, сложив руки на груди, стояла Юкири. Эгвейн спешилась и ступила в шатер.

В тот же миг Брин резко поднял голову и воскликнул:

— Мать!

Эгвейн застыла на месте, затем опустила взгляд. В полу шатра зияла дыра, и она едва не угодила в нее.

То были переходные врата, и они открывались в небе над двигавшейся через холмы армией троллоков. За минувшую неделю произошло множество стычек: лучники и конники Эгвейн истребляли врагов на марше, большим числом направлявшихся в сторону холмогорья и границы Арафела.

Эгвейн вгляделась во врата. Они висели в самой вышине, далеко за пределом досягаемости луков, но от взгляда на троллоков вниз с такой высоты у девушки даже голова закружилась.

— Даже не знаю, как это назвать, — сказала Эгвейн Брину. — То ли гениальным решением, то ли безумной авантюрой.

Брин улыбнулся, вновь обратив свой взор к картам:

— Войны выигрывает тот, кто лучше осведомлен, мать. Если увидеть в точности, что они

делают — где намерены нас обойти, а где подтягивают резервы, — то я смогу дать им надлежащий отпор. Такие врата куда лучше смотровой башни. Давно уже пора было придумать эту хитрость.

— У Тени имеются Повелители ужаса, способные направлять Силу, генерал, — заметила Эгвейн. — Выглянете в эти врата, и вас, не ровен час, сожгут, так что и пепла не найдется. Не говоря уже о драгкарах. Если их стая залетит в лагерь…

— Драгкары — отродья Тени, — сказал Брин. — Насколько мне известно, при Перемещении эти твари погибают.

— Думаю, так оно и есть, — согласилась Эгвейн. — Но разве вам нужна в шатре стая дохлых драгкаров? К тому же через такие переходные врата все равно могут атаковать владеющие Силой.

— С учетом неоценимых преимуществ — я, пожалуй, готов рискнуть.

— И тем не менее я предпочла бы, чтобы наблюдение через переходные врата вели разведчики, а не командующий моим войском, — сказала Эгвейн. — Вы — один из ценнейших ресурсов, имеющихся в нашем распоряжении. Риск неизбежен, но будьте любезны свести его к минимуму.

— Хорошо, мать, — согласился Брин.

Эгвейн проверила плетения, а затем взглянула на Юкири, намереваясь поинтересоваться, почему восседающая занимается такой мелочью, как открытие переходных врат, но та заговорила, не дожидаясь вопроса:

— Я сама вызвалась, мать. Генерал отправил к нам посыльного — выяснить, возможно ли открыть переходные врата не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости, — и эта задача показалась мне любопытной.

Неудивительно, что Брин обратился к Серым сестрам. Среди Айз Седай все больше распространялось мнение, что Серой Айя надлежит уделять особое внимание работе с переходными вратами — как Желтые специализируются на Исцелении, а Зеленые — на боевых плетениях. По всей видимости, они смотрели на способность путешествовать как на неотъемлемую часть их призвания в качестве послов и посредников.

— Можешь показать наши войска? — спросила Эгвейн.

— Конечно, мать. — Юкири закрыла эти переходные врата и открыла другие, и Эгвейн, посмотрев вниз, окинула взглядом порядки своей армии, занявшей оборонительные позиции на холмах.

Да, это и впрямь куда нагляднее карт. Ни одна карта не способна в полной мере передать рельеф местности и то, как именно двигаются массы войск. Эгвейн показалось, что она смотрит на представленную в миниатюре точную копию места будущего сражения.

Нахлынуло головокружение. Эгвейн стояла на самом краю, и от земли ее отделяли сотни футов. Ум зашел за разум; она попятилась и сделала глубокий вдох.

— Надо обнести врата веревкой, — предложила она. — Вдруг кто-нибудь оступится и упадет. «Или засмотрится на землю и полетит вниз головой…»

— Я велел Суан придумать что-нибудь в этом роде, — хмыкнул Брин. Помолчав, он добавил: — Ей не очень-то нравится выполнять приказы. Нельзя исключать, что она предложит нечто совершенно бесполезное.

— Я вот что думаю, — заметила Юкири. — Нельзя ли создать подобные переходные врата, но пропускающие только свет? Что-то вроде окна. Можно будет стоять прямо на них и смотреть вниз без боязни упасть. А если подобрать нужные плетения и сделать врата невидимыми с той стороны…

«Стоять на них? О Свет! Да ты, верно, спятила!»

— Лорд Брин, — сказала Эгвейн, — ваше боевое построение выглядит очень внушительно.

— Спасибо, мать.

— Но никуда не годится.

Брин поднял голову. Другой бы на его месте возмутился, но не он. Вероятно, военачальник был закален общением с Моргейз.

— Почему это?

— Вы расставили солдат как обычно, — объяснила Эгвейн. — Впереди и на холмах — лучники, чтобы замедлить наступление врага. Затем тяжелая кавалерия для внезапных и кратковременных ударов. Пикинеры должны держать оборону, а легкая кавалерия — защищать фланги и пресекать попытки к окружению нашей армии.

— Лучшей стратегией битвы является та, что проверена временем, — сказал Брин. — Да, с учетом множества преданных Дракону наша армия велика, но соотношение сил все равно не в нашу пользу. Действовать агрессивнее у нас не получится.

— Нет, получится, — возразила Эгвейн, невозмутимо глядя ему в глаза. — Эта битва не похожа на те, в которых вам довелось сражаться. И в прошлом вы никогда не вели в бой подобную армию, генерал. Вы позабыли о важнейшем преимуще-

стве, которое у вас есть.

— Имеете в виду Айз Седай?

«Еще как, чтоб мне сгореть!» — подумала Эгвейн. О Свет! Не многовато ли времени она провела в обществе Илэйн?

— О вас я не забыл, мать, — сказал Брин. — По моему плану, Айз Седай останутся в резерве и будут помогать при ротации отрядов, чтобы ввести в бой свежие силы.

— Простите, лорд Брин, ваш план не лишен мудрости, и некоторым Айз Седай следует поручить именно эту задачу, — возразила Эгвейн. — Однако Белая Башня тысячелетиями готовилась к Последней битве вовсе не для того, чтобы пересидеть ее в тылу как резерв.

Брин кивнул, после чего выудил из стопки документов какую-то папку и протянул ее Эгвейн:

— Только не подумайте, что я не учел более… динамичные варианты. Просто не хотелось выходить за рамки полномочий.

Просмотрев полученные бумаги, Эгвейн приподняла бровь. А потом улыбнулась.

* * *

Мэт не припоминал, чтобы возле Эбу Дар когда-нибудь собиралось столько Лудильщиков. Ярко

раскрашенные фургоны походили на крепкие, свежие, полные жизни грибы, заполонившие уныло-коричневое поле. Проклятье! Их тут считай что целый город. Город Лудильщиков? Это ж все равно что… город айильцев. Так не бывает.

Не съезжая с тракта, Мэт пустил Типуна рысью. Нет, дело ясное, один-то город у айильцев все же имеется. Может, и у Лудильщиков когда-нибудь появится. Тогда они скупят все запасы цветных красок, а остальным — всем остальным в мире — придется ходить в серо-бурых робах. В этом треклятом городе не будет драк — что само по себе уже скука смертная, — но еще в нем не сыщется ни единой дырявой кастрюли, причем не только в городе, но и на тридцать миль вокруг!

Мэт с улыбкой потрепал гриву Типуна, к чьему седлу был приторочен *ашандарей*, замаскированный, насколько это вообще было возможно, под дорожный посох. Шляпа и шикарные наряды покоились в свертке, привязанном к переметным сумам, а с того кафтана, что был на нем самом, Мэт пообрывал кружева. Стыд и позор, конечно, но ему не хотелось, чтобы его опознали.

Обмотанная вокруг головы грубая повязка прикрывала пустую глазницу. У Ворот Дал Эйра Мэт встал в очередь ожидавших разрешения войти

в город. Надо, чтобы в нем видели еще одного раненого наемника, желающего найти в Эбу Дар пристанище или, быть может, работу.

Он старательно горбился в седле. Не высовывайся: этот совет хорош и на поле боя, и при въезде в город, где примелькалась твоя физиономия. Мэтриму Коутону сюда путь заказан. Мэтрим Коутон оставил королеву этого города в путах — ждать смертоубийства, в котором многие его и заподозрят. О Свет, да он и сам себя заподозрил бы! Небось Беслан теперь его ненавидит, а предсказать, как его встретит Туон — теперь, когда они какое-то время провели порознь, — нет никакой возможности.

Да, лучше не высовываться и держать рот на замке, пока не сообразишь, что тут к чему. Если вообще дождешься, чтобы тебя впустили. Проклятье, где это видано, чтобы на въезде в город собиралась целая очередь?

Наконец он оказался перед городскими воротами, где скучал солдат, чье лицо походило на старую лопату — наполовину чумазое, и самое место ему в темном углу какого-нибудь сарая. Стражник оглядел Мэта с головы до пят.

— Принес ли ты клятвы, путник? — спросил он с медлительно-протяжным шончанским вы-

говором.

С другой стороны ворот еще один солдат жестом подозвал к себе следующего в очереди.

— Ну а как же, — ответил Мэт. — Клятвы великой Шончанской империи и самой императрице, да живет она вечно. Я всего лишь неприкаянный наемник без гроша в кармане. В свое время служил Дому Хаак, это благородное мурандийское семейство. Пару лет тому назад в Малышовом лесу встретилась мне маленькая девочка, и я взялся ее защищать, да какие-то лихие люди наполовину лишили меня зрения. Девочку я растил как свою, вот только…

Солдат махнул рукой: дескать, проезжай. Похоже, он пропустил историю мимо ушей, и Мэт подумал, не остаться ли на месте — чисто из принципа. С какой это стати стражники вынуждают людей томиться в длиннейшей очереди, дают им время измыслить о себе какую-нибудь побасенку, а затем не желают ее слушать? Так и обидеть недолго — кого угодно, только не Мэтрима Коутона, ведь тот всегда бодр, весел и ни на кого не обижается. Но другой непременно обиделся бы.

Обуздав недовольство, Мэт поехал дальше. Осталось лишь добраться до нормального постоялого двора. Жаль, что заведение Сеталль уже не

вариант, ведь там…

Типун лениво побрел себе дальше, но Мэт вдруг одеревенел в седле. Он только что сообразил, на кого упал его мимолетный взгляд. Тем вторым стражником у городских ворот был не кто иной, как Петра, силач из странствующей труппы Валана Люка!

Мэт отвернулся и вконец сгорбился в седле, после чего бросил за спину еще один быстрый взгляд. Точно, Петра — руки как колоды, шея как ствол дерева. Такого ни с кем не спутаешь. Ростом он не вышел, но вширь таков, что в его тени может укрыться целая армия. Что Петра делает тут, в Эбу Дар? Почему на нем шончанская форма? Мэт едва не развернул коня, чтобы порасспросить его, ведь они с Петрой всегда были на короткой ноге. Однако вид шончанского мундира заставил его передумать.

Что ж, по крайней мере, его удача по-прежнему при нем. Не попади Мэт к той чумазой лопате, а предстань перед Петрой, старый знакомец непременно признал бы его. Мэт выдохнул, слез на землю и, взяв Типуна под уздцы, повел коня за собой. На улицах было не протолкнуться, и Мэту совсем не хотелось, чтобы конь кого-нибудь случайно сбил с ног или потоптал. Вдобавок

нагруженный поклажей Типун смахивал на вьючную лошадку — в глазах того, кто вообще не разбирается в лошадях, — и если идти пешком, Мэт будет не так заметен.

Наверное, поиски подходящей таверны следовало начать в Рахаде, где всегда полно слухов, как и партнеров для игры в кости. Там еще хватает желающих сунуть ножик тебе в брюхо, а в Эбу Дар это кой-чего да значит. Люди в Рахаде клинки обнажают и убивают друг друга с той же легкостью, с которой говорят «доброе утро».

Но туда он заезжать не стал. Теперь Рахад выглядел иначе. Возле него стояли лагерем солдаты. Из поколения в поколение правители Эбу Дар позволяли Рахаду нагнаиваться без присмотра, но шончан подобной снисходительности проявлять не собирались.

Мэт пожелал им удачи. До сей поры Рахад отбивался от любого вторжения. О Свет! С чего это Ранда потянуло на Последнюю битву? Мог бы просто переждать ее в Рахаде. Да, за ним явились бы приспешники Тьмы со своими троллоками, но рахадцы попросту бросили бы их где-нибудь в подворотне — с вывернутыми карманами, без сознания, и еще без обуви, чтобы было что сменять на плошку супа. Перед мысленным взором

промелькнул образ бреющегося Ранда, но Мэт отогнал это видение.

Протискиваясь по переброшенному через канал людному мосту, Мэт зорко приглядывал за своими седельными сумками, но пока что ни один воришка не попробовал их стащить. Быстро стало понятно почему — на каждом углу маячили шончанские патрули. Какой-то мужчина выкрикивал новости дня, намекая, что за пару монет готов поделиться полезными слухами, и Мэт поймал себя на том, что улыбается. Удивительно, насколько знакомым и даже уютным ощущался этот город. В недавнем прошлом Мэту здесь нравилось. Хотя он смутно помнил, как ныл, что неплохо было бы убраться подальше отсюда. Наверное, сразу после того, как на него обвалилась стена, ведь Мэтрима Коутона нечасто застанешь за нытьем. Теперь же он понимал, что время, проведенное в Эбу Дар, где хватает и карт, и игральных костей, было едва ли не лучшим в его жизни.

Тайлин. Кровь и пепел, то была игра что надо. Тайлин то и дело обставляла его, раз за разом оставляя в дураках. Да ниспошлет ему Свет побольше женщин, способных на такое, только не всех сразу и не без передышки — и так, чтобы Мэт

всегда знал, как смыться через заднюю дверь. Хотя… Туон тоже из таких, и если поразмыслить, то вряд ли Мэту понадобится кто-то еще. Ее любому парню более чем достаточно. Он с улыбкой похлопал Типуна по холке, и конь в ответ фыркнул ему в шею.

Здесь Мэт чувствовал себя как дома — как ни странно, даже в Двуречье он так себя не чувствовал. Да, эбударцы — люди вспыльчивые, но у всех народов имеются свои заскоки. Если подумать, Мэт не видал еще народа без той или иной чудинки. Порубежники, к примеру, непостижимы — как и айильцы, но о тех даже упоминать не стоит. Кайриэнцы со своими странными играми, тайренцы с их нелепой иерархией, шончан со своим… шончанством.

Вот она, истинная правда. Все за пределами Двуречья и, в меньшей степени, Андора, все они умалишенные. Все как один! Просто к этому надо быть готовым.

Мэт шагал вперед и вел себя исключительно вежливо, чтобы не схлопотать ножик в брюхо. Повсюду пахло засахаренными фруктами и прочими сладостями, а рокот толпы отзывался у него в ушах гулкими раскатами грома. Эбударцы попрежнему носили цветастые одежды — может,

поэтому сюда и стянулись Лудильщики, ведь яркие цвета манят их примерно так же, как солдат притягивает ужин, — а женщины наряжались в платья с такими туго зашнурованными корсетами, что грудь, того и гляди, сама выскочит, хотя Мэт на них и не смотрел. И под юбками у них были еще одни юбки, тонкие и тоже разноцветные, и эти негодницы подкалывали верхние юбки сбоку или спереди, выставляя напоказ нижние. Вот этого Мэт вообще никогда не понимал. В чем смысл пододевать разноцветные юбки, а потом прикрывать их другими и подкалывать верхние, чтобы видно было, что под ними надето?

Мужчины щеголяли в длинных жилетах, таких же цветастых — наверное, чтобы скрыть пятна крови от недавних ранений. С какой стати выбрасывать хороший жилет, если его прежнего владельца зарезали за вопрос, какая завтра будет погода? Хотя… шагая по улицам, Мэт видел куда меньше дуэлей, чем ожидал. В этой части города они никогда не были так популярны, как в Рахаде, но в иной день непросто было сделать и пару шагов, не пройдя мимо пары мужчин, обнаживших свои ножи. Сегодня Мэт ничего подобного не увидел. Ни единого поединка.

Некоторые эбударцы — уроженцев этого

города чаще всего можно было отличить по желтовато-коричневой, оливкового оттенка коже, — разгуливали в шончанских нарядах. Все вели себя чрезвычайно благовоспитанно — как шестилетний сорванец, прослышавший, что у тебя на кухне имеется свежеиспеченный яблочный пирог.

Город остался прежним, но ощущался иначе — совсем чуть-чуть, но по-новому. И не только потому, что в порту больше не было кораблей Морского народа. С тех пор как Мэт покинул Эбу Дар, шончан, по всей очевидности, установили здесь свои порядки. Но какие?

Мэт оставил Типуна в конюшне, на вид вполне приличной, — к такому выводу он пришел, окинув быстрым взглядом ухоженных лошадок. Правильнее доверять конюшням, где о животных заботятся на совесть, пусть это и обойдется в пару лишних монет.

Туго свернутую в узел одежду Мэт забрал с собой, а замотанным в тряпки ашандареем пользовался вместо дорожного посоха. Найти правильную таверну не проще, чем определиться с выбором хорошего вина. Она должна быть старой, но не запущенной. Чистая, но не вылизанная — если таверна сверкает чистотой и выглядит

безупречно, в ней мало что происходит. Мэт терпеть не мог заведения, куда приходят чинно-мирно попить чайку, на людей посмотреть да себя показать.

Нет, хорошая таверна, она как добрые сапоги — поношенная, потрепанная, но крепкая, тоже как надежные сапоги. А если еще и эль вкусом не походит на сапоги, поиски можно заканчивать. Лучшие места, где можно обо всем разузнать, находились в Рахаде, но в той дорогой одежде, какая была у Мэта, туда лучше не соваться, и еще ему совсем не хотелось связываться с шончан и с тем, что они там затеяли.

Он сунулся было в постоялый двор под названием «Зимний бутон», но, завидев в зале людей в форме Стражи Последнего часа, тут же развернулся и выскочил на улицу. Пускай шанс наткнуться на Фурика Карида весьма невелик, риск все равно неприемлемый. В следующей гостинице было слишком светло, в третьей — чересчур темно. После часа поисков — так и не увидев ни одной дуэли — Мэт отчаялся было, что вообще не найдет подходящее место, но тут услышал, как гремят в стаканчике игральные кости.

Он сперва вздрогнул, решив, что это те треклятые кости у него в голове. По счастью, кости

оказались самые обычные. Благословенные, чудесные игральные кости. Мгновением позже ветер подхватил этот звук, и он растворился в толпе, сквозь которую двинулся и Мэт, закинув узелок на плечо, держась за поясной кошель и бормоча скупые извинения. Вскоре в одном из переулков он заметил на стене вывеску.

Он подступил ближе, и медные буквы сложились в слова: «Ежегодный замес». На вывеске были изображены хлопающие в ладоши люди, а из дверей тянуло вином и элем под милый сердцу перестук игральных костей. Мэт вошел в общий зал. Внутри, у самых дверей, лениво подпирая стену, стоял круглолицый шончанин с мечом на поясе. Он смерил Мэта подозрительным взглядом. Ну и ладно. Мэту не попадался еще вышибала, не встречающий таким взглядом любого посетителя. Мэт поднял было руку — коснуться шляпы в качестве приветствия, — но никакой шляпы на голове, конечно же, не оказалось. Кровь и пепел. Без шляпы он чувствовал себя совершенно голым. Временами.

— Джейм! — крикнула из-за стойки в глубине общего зала невысокая белокожая брюнетка. — Что ты там опять клиентов отпугиваешь?

— Лишь тех, кто этого заслуживает, Каса-

на, — по-шончански растягивая слова, отозвался круглолицый малый. — А этот, как погляжу, из таких.

— Я всего лишь скромный путник, — возразил Мэт. — Ищу, где бы в кости сыграть да вина выпить. Только и всего. И уж точно мне неприятности не нужны.

— Потому и таскаешь с собой копье? — спросил Джейм. — Обмотал тряпкой и ходишь, как будто так и надо?

— Ой, да хватит тебе! — Касана пересекла общий зал, вцепилась Мэту в рукав и с материнской настойчивостью — хотя была не настолько уж старше гостя — потащила его к стойке. — Не обращай на него внимания. Просто не безобразничай, и ему не придется тыкать в тебя ножом и всякое такое, пока не сделаешься мертвее мертвого.

Усадив Мэта на высокий табурет, она принялась хлопотать за стойкой. В общем зале было сумрачно, но по-хорошему. У стены играли в кости какие-то люди, и тоже без эксцессов — посмеивались и дружески хлопали проигравших по спине. И никаких встревоженных взглядов, свидетельствующих о том, что на кону последняя монета.

— Тебе надо поесть, — заявила Касана. — Вы-

глядишь так, будто неделю жил впроголодь. Ну а глаза ты как лишился?

— Служил телохранителем у одного лорда в Муранди, — ответил Мэт. — Попал в засаду.

— Врешь как дышишь! — Касана подтолкнула к нему тарелку свинины с подливкой. — Лучше многих. Да так уверенно… Еще чуть-чуть — и я поверила бы. Джейм, перекусить не хочешь?

— А кто будет дверь сторожить? — отозвался вышибала.

— О Свет! По-твоему, кто-то спереть ее надумал? Иди-ка сюда!

Джейм проворчал что-то невнятное, но подошел к стойке и опустился на табурет рядом с Мэтом. Касана поставила перед ним кружку эля. Вышибала поднес ее к губам и шепнул Мэту, глядя прямо перед собой:

— Я с тебя глаз не спускаю.

Тут Мэт начал сомневаться, что попал в нужное ему заведение, но не был уверен, что сумеет выйти отсюда цел-невредим, пока не очистит свою тарелку, как велела хозяйка. Он попробовал свинину. Хорошая. Касана тем временем переместилась к одному из столиков и, подняв палец, отчитывала какого-то мужчину. Похоже, она была из тех, кто и дерево отчитает: мол, зачем

растешь не там, где надо?

«Никак нельзя, чтобы эта женщина оказалась в одной комнате с Найнив. По крайней мере, когда я буду в пределах слышимости», — подумал Мэт, а пока ворочал мозгами, Касана вихрем ворвалась за стойку. На шее у нее висел брачный кинжал, впрочем на ее грудь Мэт смотрел какие-то считаные мгновения — поскольку он теперь человек женатый. Верхняя юбка у Касаны была сбоку приподнята и подколота на манер эбударских простолюдинов. Пока хозяйка собирала перекус для Джейма, Мэт перехватил его влюбленный взгляд и тут же догадался, что к чему.

— Давно вы женаты? — спросил он.

Джейм долго смотрел на него. Наконец ответил:

— Нет. Я, считай, только обосновался по эту сторону океана.

— Оно и видно, — произнес Мэт и отхлебнул из поставленной перед ним кружки. Не так уж плохо, если учесть, насколько паршивыми на вкус стали в нынешние дни почти все напитки и кушанья. Эль тоже оказался паршивым, но не очень.

Касана подошла к игрокам с требованием, чтобы те ели побольше, а то вон какие бледные.

Просто чудо, что этот Джейм еще не отожрался до конских размеров. Однако хозяйка таверны оказалась из говорливых, так что, может, и получится выудить у нее нужные сведения.

— Как вижу, поединков здесь стало меньше, чем раньше бывало, — заметил Мэт, когда Касана пробегала мимо.

— Это из-за шончан, — отозвалась женщина. — Из-за новой императрицы, да живет она вечно. Полностью запрещать дуэли она не стала — и будь я проклята, если это не к лучшему. Ведь эбударцы не взбунтуются против такой мелочи, как чужеземное завоевание, но если лишить их дуэлей… Вот тогда-то они покажут, на что способны. Как бы то ни было, теперь на дуэли должен присутствовать свидетель — какое-нибудь официальное лицо. Да еще сперва надо ответить на сотню разных вопросов, уплатить пошлину, а потом уже браться за нож. В общем, скучно стало жить.

— Зато люди целы, — заметил Джейм, — Если кому неймется, он по-прежнему может принять смерть от ножа. Зато у него будет время остыть и подумать, нужно ли ему такое удовольствие.

— Дуэли — они не про то, чтобы подумать! — возразила Касана. — Но теперь можно не бояться,

что кто-нибудь на улице исполосует тебе нежное личико.

Джейм усмехнулся и положил руку на меч. На рукояти — Мэт только сейчас ее как следует рассмотрел — красовались цапли, хотя были они на клинке или нет — непонятно. Прежде чем Мэт успел задать новый вопрос, Касана отправилась ругаться на парней, проливших эль на стол. На месте ей не стоялось, это уж точно.

— Как там погода на севере? — спросил Джейм, не поворачивая головы.

— Скверная, — признался Мэт. — Как и везде.

— Говорят, это из-за Последней битвы.

— Верно говорят.

— Если так, — хмыкнул Джейм, — сейчас не лучшее время лезть в политику. Согласен?

— Чтоб мне сгореть, если это не так, — согласился Мэт. — Пора бы всем покончить с этими играми и взглянуть на небо.

— Истинная правда, — посмотрел на него Джейм. — Тебе не помешало бы прислушаться к своим словам.

«О Свет! — подумал Мэт. — Он принял меня за какого-то шпиона».

— Выбирать не приходится, — ответил он. — Иной раз люди слышат только то, что хотят

услышать.

Он отправил в рот еще один ломтик свинины, не удивляясь ее привкусу. Ужинать в преддверии Последней битвы — все равно что ходить на танцы, где вместо нормальных девчонок одни страхолюдины. Впрочем, нынешнее блюдо было одним из лучших среди всей той дряни, которой Мэт в последнее время имел несчастье утолять голод.

— Разумному человеку не мешало бы просто узнать правду, — не отставал Джейм.

— Для начала ее отыскать надо, — сказал Мэт. — А это сложнее, чем многим кажется.

— Правду? — фыркнула у него за спиной вездесущая Касана. — Ту, о которой спорят, надравшись так, что и собственного имени не помнят? Стало быть, в доброй компании ее не найдешь. Да и не стала бы я возлагать особых надежд на эту твою правду, путник.

— По имени Мандеввин, — назвался Мэт.

— Кто бы сомневался! — отозвалась Касана и смерила его взглядом. — Тебе не говорили, что пора бы надеть шляпу? Одноглазым она весьма к лицу.

— Да ну? — холодно произнес Мэт. — Значит, ты не только людей кормишь, причем насильно,

но еще и советы, кому что из одежды носить, раздаешь?

— Ешь давай. — Касана шлепнула его тряпкой по затылку.

— Послушай, друг, — повернулся к нему Джейм. — Я знаю, для чего ты здесь и чем занимаешься. Меня не одурачить фальшивой повязкой на глазу. У тебя в рукавах метательные ножи, и еще шесть штук я насчитал на поясе. Но я ни разу не встречал одноглазого, способного выиграть метанием ножей хотя бы сухую фасолину. Что бы вы, чужестранцы, ни думали, императрица — не настолько легкая мишень. Ты даже дворцовую стражу не пройдешь, не говоря уже о ее телохранителях. Лучше найди себе честную работу.

Мэт даже рот разинул от изумления. Неужто вышибала увидел в нем наемного убийцу?! Он приподнял повязку, чтобы собеседник увидел пустую глазницу, и Джейма передернуло.

— А что, — спокойно спросил Мэт, — за Туон охотятся убийцы?

— Не называй ее так! — накинулась на него Касана, снова принявшись лупцевать его тряпкой.

Не глядя, Мэт закинул руку за голову, поймал тряпку за кончик, единственным глазом переиграл Джейма в гляделки и даже не поморщился.

— Так что, за Туон охотятся убийцы? — повторил он спокойнее прежнего, и Джейм кивнул:

— По большей части чужеземцы, не знающие, как все устроено. Некоторые побывали здесь, у нас. Но лишь один рассказал о том, зачем сюда заявился. И я позаботился, чтобы его кровь напоила пыльную землю дуэльной площадки.

— В таком случае я считаю тебя другом, — сказал Мэт, вставая. Он вытащил из узла с одеждой шляпу и нахлобучил ее на голову. — Кто за этим стоит? Кто назначил награду за жизнь императрицы и подсылает к ней убийц?

Касана внимательнейшим образом осмотрела его шляпу, удовлетворенно кивнула, а после паузы вгляделась Мэту в лицо.

— Все не так, как ты думаешь, — сказал Джейм. — Он не нанимает лучших убийц. Все они — чужестранцы, а потому у них нет шансов добиться своего.

— Проклятье! Плевать мне на их шансы! — рыкнул Мэт. — Кто их нанимает?

— Он — слишком важная персона, и тебе…

— Кто? — тихо повторил Мэт.

— Генерал Лунал Галган, — ответил Джейм. — Командует шончанскими армиями. Не пойму, друг, кто ты — убийца или охотник на убийц?

— Никакой я не убийца. — Мэт поглубже натянул шляпу и поднял с пола свой узел с одеждой. — Никогда не убью человека, если он сам того не требует — причем с такой оглушительной громкостью, что невежливо будет не сделать ему одолжение. Если пырну тебя, друг, ты не удивишься. И поймешь, зачем я это сделал. Обещаю.

— Джейм, — прошипела Касана. — Это он!

— Какой такой «он»? — спросил вышибала, в то время как Мэт протиснулся мимо него и закинул замотанный тряпками ашандарей на плечо.

— Тот, кого ищут городские стражники! — Касана покосилась на гостя. — О Свет! Каждому солдату в Эбу Дар наказали высматривать твое лицо. Как ты вообще миновал городские ворота?

— Меня удача провела, — ответил Мэт и вышел в переулок.

— Чего ты ждешь? — спросила Морейн.

Ранд обернулся к ней. Они находились в Шайнаре и сейчас стояли в командном шатре Лана. Пахло гарью: при отступлении из Тарвинова ущелья Лан и лорд Агельмар подожгли сухие поля.

Они отдали огню те земли, что предпочли бы защищать. Отчаянный ход, но весьма уместный. В Эпоху легенд Льюс Тэрин и его люди не рискнули прибегнуть к тактике войны без правил — по

крайней мере, поначалу, — и эта нерешительность дорого им обошлась.

Но порубежникам подобная робость несвойственна.

— Зачем мы здесь? — напирала, подступив к Ранду, Морейн. Его Девы стерегли вход в шатер изнутри; врагу лучше не знать, где находится Ранд. — Прямо сейчас ты должен быть у горы Шайол Гул. Там твоя судьба, Ранд ал'Тор. Там, а не в этих второстепенных схватках.

— Тут гибнут мои друзья.

— Мне казалось, ты выше таких слабостей.

— Сострадание — не слабость.

— Разве? — спросила Морейн. — Допустим, из сострадания ты пощадишь врага — и тот прикончит тебя. Что тогда, Ранд ал'Тор?

Ответа у него не было.

— У тебя нет права рисковать собой, — продолжила Морейн. — И считаешь ты свою мягкосердечность недостатком или нет, идти у нее на поводу — несомненная слабость.

Ранд часто вспоминал тот момент, когда потерял Морейн. Ее гибель причинила ему мучительные страдания, а возвращение до сих пор наполняло радостью, но временами он забывал, насколько… настойчивой бывает эта женщина.

— Я выйду против Темного, когда настанет время, — ответил он, — и не раньше. Пускай он думает, что я вместе с войсками, что хочу захватить еще больше земель, а уже потом нанести удар. Мы должны убедить его военачальников, что все силы надо бросить на юг. Иначе не успею я объявиться возле Шайол Гул, как нас растопчут.

— Это не имеет значения, — сказала Морейн. — Ты встретишься с ним, и время вашей встречи предопределено. Все остальное вращается вокруг этого момента, Дракон Возрожденный. Все нити Узора сходятся на этом событии, и к нему приближает тебя вращение Колеса. Не отрицай, что ты это чувствуешь.

— Чувствую.

— Тогда ступай.

— Еще не время.

— Упрямец, — глубоко вздохнула Морейн. — Впрочем, как всегда.

— Разве это плохо? — спросил Ранд. — Смотри, как далеко я зашел благодаря своему упрямству. — Он помолчал, затем сунул руку в карман, пошарил там и извлек что-то, блеснувшее серебром. Это была монета — тарвалонская марка. Ранд протянул ее Морейн: — Вот. Я хранил ее.

Она поджала губы:

— Не может быть, чтобы это была…

— Та же самая? Нет. Боюсь, та давно утрачена. А эту я носил с собой как подарок на память, наверное сам не понимая зачем.

Морейн взяла монету, повертела в пальцах, и все еще рассматривала ее, когда Девы, насторожившись, взглянули на входной клапан. Секундой позже клапан приподняли, и в шатер вошел Лан. Его сопровождали двое малкири. С одинаково мрачной миной на суровых лицах, эти трое могли бы сойти за братьев.

Ранд шагнул вперед и положил руку Лану на плечо. Тот выглядел не уставшим — ведь у камней не бывает усталого вида, — но сильно состарившимся, и Ранд понимал, каково ему.

В ответ Лан кивнул, после чего взглянул на Морейн:

— Вы что, спорили?

Сделав невозмутимое лицо, Айз Седай спрятала серебряную марку. Ранд понять не мог, что происходит между этими двумя с тех пор, как вернулась Морейн. Оба вели себя вежливо, но держали дистанцию. Такого Ранд не ожидал.

— Тебе следует прислушаться к Морейн, — повернулся к нему Лан. — Она готовилась к этим временам с тех дней, когда тебя еще на свете не

было. Позволь ей направлять тебя.

— Она хочет, чтобы я покинул это поле боя, — сказал Ранд, — и немедленно ударил по Шайол Гул. Вместо того чтобы вступить в сражение с теми врагами, которые применяют Силу, и помочь тебе отвоевать ущелье.

— В таком случае последуй ее… — начал Лан после паузы, но Ранд перебил его:

— Нет. Ты оказался в тяжелом положении, старый друг. А я могу кое-что сделать, и сделаю. Если не остановить этих Повелителей ужаса, они заставят тебя отступать до самого Тар Валона.

— Я слышал о твоих деяниях в Марадоне, — сказал Лан, — и не откажусь от чуда, когда оно само идет мне в руки.

— В Марадоне он допустил ошибку, — отрезала Морейн. — Тебе нельзя подставляться, Ранд.

— И не подставляться тоже нельзя. Я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как гибнут люди. Ведь я могу их защитить!

— Порубежникам защита не требуется, — заметил Лан.

— Верно, — согласился Ранд, — но я не встречал еще человека, который отказался бы от меча, предложенного в трудную минуту.

Лан посмотрел ему в глаза. Затем кивнул:

— Сделай, что в твоих силах…

Ранд кивнул двум Девам. Те кивнули в ответ.

— …Овечий пастух, — закончил фразу Лан.

Ранд приподнял бровь.

Лан отсалютовал ему, приложив руку к груди и склонив голову. Ранд кивнул ему в ответ.

— Вон там, на полу, для тебя кое-что есть, Дай Шан.

Лан нахмурился, затем подошел к стопке одеял. Столов в этом шатре не было. Он опустился на колени и взял в руки ярко сверкнувшую серебром корону, тонкую, но крепкую.

— Корона Малкир! — прошептал он. — Но она была утрачена…

— Мои кузнецы изучили древние рисунки и сделали все, что могли, — сказал Ранд. — Вторая корона предназначена Найнив; думаю, она придется ей впору. Ты всегда был королем, друг мой. Илэйн рассказала мне, как править людьми, но ты… ты научил меня стоять на своем. Спасибо тебе. — Он повернулся к Морейн. — Устрой так, чтобы для моего возвращения тут оставалось свободное место.

Ранд ухватился за Единую Силу, открыл переходные врата и, бросив взгляд на коленопреклоненного Лана, следом за Девами ступил на черное

поле. В воздухе здесь клубился дым, а под ногами хрустели горелые колосья.

Девы немедленно укрылись в небольшой впадине, низко пригнувшись к обугленной земле, и приготовились к буре.

Она определенно назревала. Вытаптывая почву и круша развалины ферм, перед Рандом клокотало неисчислимое троллочье воинство. Рядом уносила вдаль свои воды быстрая река Мора; то были первые возделанные поля к югу от Тарвинова ущелья. Войска Лана сожгли их, когда готовились отступать вниз по реке, опережая наступление троллоков.

Их собралось десятки тысяч. Если не больше. Ранд поднял руки, сжал кулак и сделал глубокий вдох. В поясном кошеле он носил знакомый предмет — фигурку дородного коротышки с мечом, этот ангриал он не так давно нашел близ Колодцев Дюмай. Он тогда вернулся туда, чтобы окинуть прощальным взглядом место прошлого сражения, и обнаружил статуэтку под слоем грязи. В Марадоне она пригодилась. А главное, никто не знал, что эта фигурка теперь у Ранда. Вот что важно.

Но сюда он пришел не только для того, чтобы творить губительные плетения. Вокруг него, пе-

рекрывая вопли троллоков, зашумел ветер, хотя Ранд еще не начинал направлять Силу.

Он просто был здесь. И противостоял Темному.

Там, где сталкиваются два течения, по морской глади проходит рябь. Там, где горячий воздух встречается с холодным, набирают мощь ветры. И там, где Свет сходится против Тени… Там быть урагану. Ранд закричал, и сама его природа породила бурю. Темный давил на эту землю, желая удушить ее. Узор требовал вмешательства. Он просил равновесия.

Он нуждался в Драконе.

Ветер усилился, и к рассеченным молнией небесам вихрем взмыли горелые колосья и черная пыль. А когда мурддраалы погнали троллоков в атаку, Ранд наконец обратился к Силе, и шедших против ветра отродий Тени стала разить направляемая им молния.

Направлять куда проще, чем создавать и держать под контролем. Буря уже началась, и призывать молнии не было нужды. Ранду оставалось лишь указать ей цель.

Одна за другой сотни молний уничтожали передовые отряды троллоков, и вскоре запах обугленных злаков перекрыла едкая вонь горелого мяса, но враги не останавливались. Ранд

взревел, и его окружили «врата смерти», они зигзагом заскользили над землей, будто водомерки, увлекая троллоков в небытие. При Перемещении отродья Тени не выживают.

Овеянный ураганными ветрами, Ранд разил наседавших на него троллоков. Что, Темный, решил воцариться на этой земле? Так узри, что здесь уже есть свой король! Узри, что эта битва не…

Ранда попытались отсечь от Источника. Он с хохотом развернулся, высматривая того, кто поставил щит.

— Таим! — Его крик растворился в объятиях бури. — Я ждал тебя, Таим!

Этой битвы беспрестанно требовал от него Льюс Тэрин, но Ранд не осмеливался начать ее — до нынешнего момента, до тех пор, пока не обрел контроль над происходящим. Он призвал на помощь все свои силы, и тут на него обрушился новый щит, а за ним третий.

Ранд зачерпнул еще больше Единой Силы — вобрав почти все, что можно было принять через ангриал в виде толстяка, — а щиты продолжали жалить его, словно кусачие мухи. Поодиночке ни один не был достаточно крепок, чтобы разъединить его с Источником, но этих щитов появились десятки.

Ранд заставил себя остыть и отыскал в глубине души покой. Безмятежность разрушения. Он — жизнь, и он же — смерть, и он же — соль самой земли.

Он нанес удар и уничтожил невидимого Повелителя ужаса, что прятался неподалеку в развалинах сгоревшего дома, после чего призвал огонь, направил его на второго врага и спалил того дотла.

Плетений, создаваемых женщинами, он не видел. Только чувствовал их щиты.

Мелочь. Поодиночке щиты были ничтожны, но эти атаки докучали ему. Они следовали одна за другой. По меньшей мере три дюжины Повелителей ужаса пытались отсечь его от Источника. Дело выходило опасным: его тут ждали. Вот зачем владеющие Силой с такой яростью обрушились на войска Лана. Чтобы выманить Ранда.

Он отражал атаки, ни одна из которых не представляла для него реальной угрозы. Тот, кто обладает даром владеть Силой, в одиночку не способен отсечь щитом человека, удерживающего такой объем саидин, как сейчас Ранд. Для этого надо…

Он едва успел сообразить, что к чему, когда началась настоящая атака. Те, прежние, были

прикрытием, обманкой, а эту проводил круг из мужчин и женщин. И возглавлял этот круг мужчина.

«Вот оно!» Перед ним появилась преграда, но Ранду все же хватило времени приготовиться. Инстинктивно обратившись к воспоминаниям Льюса Тэрина, он создал в буре плетение Духа и отразил последний щит. Оттолкнул его, но уничтожить не сумел.

О Свет! Значит, на их стороне полный круг. Ранд захрипел, когда щит — дрожащий узор в небесах, не поддающийся на свирепые порывы ветра, — скользнул ближе. Сдерживая его, как сдерживают руку с ножом, нацеленным в горло, Ранд противостоял этому щиту волнами Духа и Воздуха.

Он утратил контроль над бурей.

Вокруг него били в землю молнии. Те, кто был способен направлять Силу, своими плетениями добавили урагану мощи, не пытаясь взять его под контроль, поскольку в этом не было нужды. Хаотичность стихии играла им на руку, ведь одна из молний в любой момент могла угодить в Ранда.

Он снова взревел, на сей раз громче и решительней. «Я одолею тебя, Таим! Наконец-то сделаю то, что должен был сделать много месяцев назад!»

Но жизнь научила его не идти на поводу у дикой, первобытной ярости, которая заставляет его лезть в драку. Такого он не мог себе позволить.

Здесь не место для этого сражения. Нельзя вступать в бой здесь. Если он станет драться, то проиграет.

Волной Силы он отбросил щит Таима и, воспользовавшись мимолетной передышкой, сплел переходные врата. Девы, не мешкая ни секунды, юркнули туда, и Ранд, пригнув голову против ветра, неохотно последовал за ними.

Он очутился в шатре Лана, где Морейн держала свободным пространство для его прибытия. Ранд закрыл переходные врата, и шум стих, а ветры улеглись.

Крепко сжав кулак, он тяжело дышал. По щекам струился пот. Здесь, на позициях армии Лана, бури еще не было, хотя издалека доносились ее раскаты и парусиновые стенки шатра колыхались от несильного ветерка.

С трудом удерживаясь от того, чтобы не рухнуть на колени, Ранд лихорадочно глотал воздух. Со временем бешеное сердцебиение улеглось, а лицо снова стало спокойным. Он хотел сражаться! Сражаться, а не удирать! Он мог бы одолеть Таима!

Но ценой таких усилий, что Темный одержал бы над ним, ослабевшим, верх, причем играючи. Ранд заставил себя разжать кулак и обуздать эмоции.

Потом он поднял взгляд на безмятежное, понимающее лицо Морейн.

— Это была ловушка? — спросила она.

— Не столько ловушка, — ответил Ранд, — сколько подготовленное поле боя, с расставленными повсюду караульными. Им известно, что случилось в Марадоне. Должно быть, отряды Повелителей ужаса всегда готовы Переместиться туда, где меня заметят, и нанести удар.

— Теперь ты понял, в чем ошибка подобных атак?

— Ошибка?.. Нет. Неизбежный исход? Да.

Он не мог вести войну в одиночку. Не в этот раз.

Придется найти другой способ защитить своих людей.

Глава 12. Мимолетный образ

Бергитте мчалась сквозь лес в сопровождении тридцати айильцев с луками наготове. Этот забег сопровождался неизбежным шумом, но айильцы передвигались куда тише других — не останавливаясь, запрыгивали на упавшие деревья, ловко пробегали по валежнику, старались ступать на камни. Они петляли между стволами, пригибались и уворачивались от нависших ветвей.

— Здесь, — вполголоса сказала Бергитте, обогнув неправильной формы холм. К счастью, пещера осталась на прежнем месте. Перед ней бежал ручеек. Айильцы ныряли в заросший лозой вход, а вода смывала запах их следов.

Двое побежали дальше, по звериной тропе, но теперь гораздо громче, задевая все ветви на своем пути, а Бергитте присоединилась к тем, кто спрятался в пещере. Внутри было темно. Пахло землей и плесенью.

Скрывалась ли она в этой пещере — много веков назад, когда вела разбойничью жизнь в здешних лесах? Этого Бергитте не знала. Она редко вспоминала свои прошлые жизни, и зачастую то были мимолетные образы промежуточных лет, проведенных в Мире снов, перед тем как ее, нарушив порядок вещей, вырвала в этот мир Могидин.

Стоило Бергитте подумать об этом, как ей стало тошно. В перерождении с чистого листа нет ничего необычного. Но когда лишаешься памяти — самой сути того, кто ты есть на самом деле… Неужто она, утратив воспоминания о своем пребывании в Мире снов, полностью забудет Гайдала? И забудет саму себя?

Бергитте стиснула зубы. «Началась Последняя битва, тупица, — напомнила себе она. — Кому какое дело до твоих воспоминаний?»

Верно, никому. Кроме нее. Бергитте все сильнее тревожил вопрос: а если она, будучи выброшена из Мира снов, оказалась отторгнута от Рога

Валир? Она не знала, возможно ли подобное. Раньше, может, и знала, но теперь почти ничего не помнила.

Но если это так, то для нее Гайдал потерян навсегда.

Снаружи зашуршали листья и оглушительно затрещали ветви. Бергитте готова была поклясться, что мимо пещеры марширует тысяча солдат, если бы не знала, что в троллочьем кулаке насчитывается всего лишь полсотни монстров. Тем не менее численное преимущество было на их стороне. Однако Бергитте это не беспокоило. В разговорах с Илэйн она нередко сетовала, что не очень-то разбирается в военном деле, но скрываться в лесу с командой умелых бойцов… Такое с ней случалось. Десятки раз. А то и сотни, хотя ее воспоминания были настолько смутными, что наверняка не скажешь.

Когда мимо проходили последние троллоки, отряд Бергитте выскочил из укрытия. Зверюги двинулись по ложному следу, оставленному двумя айильцами чуть раньше, и по ним ударили с тыла. Множество троллоков полегло под стрелами, прежде чем остальные успели отреагировать на внезапную атаку.

Прикончить троллока непросто. Зачастую

требуется две-три стрелы, чтобы сбить его с шага, — конечно, если не попадешь в горло или глаз. А Бергитте никогда не промахивалась, и ее стрелы разили монстров одного за другим. До того как начался бой, троллоки шли под горку, а это значило, что каждый, в кого попала стрела айильца или Бергитте, становился еще одним препятствием на пути у сородичей, пытавшихся добраться до стрелков.

В считаные секунды от полусотни чудовищ осталось три десятка. Все тридцать рванули вверх по склону, и пятнадцать айильцев, сменив луки на копья, вступили с троллоками в рукопашную схватку, а Бергитте и остальные спустились по склону на несколько шагов и ударили по врагу с флангов.

Двадцать троллоков полегли на месте, а остальные десять попробовали удрать. Несмотря на лесистую местность, попасть в них было нетрудно, хотя целиться приходилось в ноги или загривок, чтобы враг упал и принял смерть от копья.

Десять айильцев занялись павшими троллоками: пронзали копьями каждую тушу, чтобы удостовериться, что враг действительно мертв. Остальные собирали стрелы. Бергитте подала знак двум айильцам, Ничилу и Лудину, и втроем

они отправились на разведку.

Все вокруг казалось знакомым — деревья, почва под ногами, — и не только из-за прошлых жизней, которых Бергитте уже не помнила. Из сотен лет, прожитых в Мире снов, не один год они с Гайдалом провели в этих лесах. Бергитте вспомнила, как он ласково гладил ее по щеке. По шее.

«Нельзя это потерять, — думала она, отгоняя панику. — О Свет, нельзя. Умоляю…» Бергитте не понимала, что с ней творится. Нахлынули туманные воспоминания о споре… насчет чего? Она не помнила. Нельзя же освободить человека от уз, связывающих его с Рогом, верно? Может, об этом знает Ястребиное Крыло. Надо бы у него спросить. Или она уже спрашивала?

«Чтоб мне сгореть!»

Из чащи донесся какой-то звук, и Бергитте застыла на месте. Она присела у валуна, выставив перед собой лук. Совсем рядом хрустнул подлесок. При первом же звуке Ничил и Лудин скрылись из вида. О Свет, как же они хороши! Чтобы понять, где они спрятались, у Бергитте ушло не меньше секунды.

Она подняла палец, указала на себя, затем вперед: «Пойду посмотрю, что там, а вы меня прикройте» — и бесшумно снялась с места: пора

бы этим айильцам узнать, что не только они умеют оставаться незамеченными. Кроме того, эти леса ей как родные, и Бергитте не допустит, чтобы обитатели пустыни заткнули ее за пояс.

Она осторожно продвигалась к цели, избегая шипастых зарослей. Похоже, в последнее время этих колючих кустов стало больше. Из всех растений только они не высохли полностью. От земли исходил застарелый запах, совсем не похожий на обычные лесные ароматы, а поверх него густо стояла вонь смерти и разложения. Бергитте миновала еще одно скопище убитых троллоков. Кровь уже высохла: эти твари погибли несколько дней назад.

Илэйн велела своим солдатам забирать тела павших товарищей. В этом лесу кишмя кишели тысячи и тысячи троллоков. Илэйн хотела, чтобы они находили только своих мертвецов: глядишь, и получится нагнать на них страху.

Бергитте продолжала идти на звук, и скоро в тусклом свете замаячили громадные тени. Принюхиваясь, троллоки ломились через лес. Трактов они избегали, чтобы не напороться на смертоносную засаду драконириров. По плану Илэйн, отряды вроде того, который возглавляла Бергитте, должны были изматывать чудовищ

внезапными атаками, уводить подальше в лес и постепенно сокращать их число.

Увы, но эта группа была великовата. С ней айильцы Бергитте не справятся. Она отступила, жестом позвала за собой спутников и бесшумно направилась в сторону лагеря.

Той ночью, после неудачной попытки помочь Лану и его армии, Ранд сбежал в свои сны.

Там он отыскал свою долину мира и покоя. Та возникла посреди рощи диких вишен в полном цвету. Повсюду витал аромат прекрасных белых цветков с розовой сердцевиной, благодаря которым казалось, что деревья объяты пламенем.

Ранд был в простой двуреченской одежде, льняной рубахе и свободных шерстяных штанах, очень уютных после многомесячного ношения ярких королевских нарядов, сшитых из мягких тканей. На ногах он вообразил себе крепкие сапоги вроде тех, что носил в детстве и юности, и они сидели как влитые. Новая обувь, независимо от ее качества, не бывает настолько удобной.

Теперь ему не позволяли носить старые сапоги. При первой же потертости или царапине кто-нибудь из слуг менял их на новые.

Ранд остановился посреди холмов своего сна и создал дорожный посох, после чего зашагал

вверх по горному склону. В реальности этого места уже не существовало. Ранд создал его из воспоминаний и желания вновь побывать в этих краях, смешав между собой знакомые образы и тягу к первооткрывательству. Пахло свежестью, живицей и прелой листвой. В подлеске сновали животные. Издали донесся крик ястреба.

Льюс Тэрин знал, как создавать подобные осколки снов. Хотя сновидцем он не был, почти все Айз Седай той эры так или иначе использовали Тел'аран'риод. Они умели вычленить для себя частицу сновидения, прибежище внутри собственного разума, которое могли контролировать в большей степени, нежели обычные сны. Они научились посещать подобные фрагменты во время медитации, пока тело набиралось сил не хуже, чем при погружении в настоящий ночной сон.

Льюс Тэрин знал все это — и не только. Еще он знал, как коснуться чужого разума, если кто-то проник в твой осколок сна. Знал, как определить, что в твои сновидения вторгся незваный гость. Знал, как открыть и показать свои сны другим. Льюсу Тэрину нравилось узнавать что-то новое — так путешественник складывает в походный мешок все, что может пригодиться.

Однако Льюс Тэрин мало пользовался собранными знаниями, редко применял эти инструменты, и они собирали пыль на дальней полке его разума. Гуляй он каждую ночь по тихим местам вроде этого, сложилось бы все иначе? Как знать… И, откровенно говоря, эта долина уже не была безопасной. Слева виднелась глубокая пещера. Ранд ее не создавал. Очередная ловушка Моридина? Ранд миновал пещеру, даже не заглянув в ее темный зев.

Сад уже не выглядел таким живым, как несколько мгновений назад. Ранд шагал дальше, пытаясь навязать этим местам свою волю, но опыта в таких делах у него было маловато, и в выцветавшем саду стали преобладать серые оттенки.

Снова пещера. Ранд остановился возле нее. Из пещеры потянуло зябким и влажным воздухом, пахнущим затхлостью и холодом обдавшим кожу. Ранд отбросил посох и ступил внутрь, во мрак, одновременно с тем создав у виска сферу бело-голубого света. Тот, отражаясь от влажных стен, выхватывал из темноты глубокие трещины и гладкие наросты на камнях.

Из глубины пещеры донеслось эхо сдавленного дыхания, затем судорожные вздохи. И еще… всплески? Ранд пошел на звук, хотя уже дога-

дался, с чем имеет дело. Он не раз задавался вопросом, повторит ли она свою попытку.

Ранд вступил в маленькое — шагов десять в ширину — помещение в конце туннеля, где камень сменялся идеально круглым прозрачным озерцом, чьи голубые глубины, казалось, уходили в бесконечность.

Посреди этого озерца пыталась удержаться на плаву женщина в белом платье.

Ткань трепетала в воде, образуя ровный круг. Лицо и волосы женщины были мокрыми. На глазах у Ранда она охнула и ушла под кристально-чистую воду.

Мгновением позже женщина вынырнула, лихорадочно работая руками, и стала ловить ртом воздух.

— Здравствуй, Майрин, — тихо произнес Ранд, сжимая ладонь в кулак. Нет, он не станет прыгать в эту воду, чтобы спасти женщину. Это же осколок сна. Не исключено, что в озерце действительно вода, но, скорее всего, она символизирует нечто иное.

Похоже, его появление ободрило женщину, и ее энергичные всплески стали более действенными.

— Льюс Тэрин… — промолвила она и, тяжело

дыша, вытерла лицо рукой.

О Свет! Покоя как не бывало. Ранд снова почувствовал себя ребенком, мальчишкой, считавшим Байрлон самым роскошным городом на свете. Да, ее лицо стало другим, но лица уже не имели для Ранда почти никакого значения. Эта женщина осталась прежней.

Из всех Отрекшихся одна лишь Ланфир сама выбрала себе новое имя. Ей всегда хотелось это сделать.

Он вспомнил. Да, действительно вспомнил. Вспомнил, как появлялся на грандиозных приемах, и она держала его под руку. Как звенел на фоне музыки ее смех. Как вместе они проводили ночь за ночью. Ему не хотелось вспоминать о занятиях любовью с другими женщинами — в особенности с одной из Отрекшихся, — но он не имел власти над тем, что шло ему в голову.

Эти воспоминания смешались с его собственными — о том, как Ранд желал женщину, которую знал как леди Селин. Глупая мальчишеская похоть… Такого он больше не чувствовал, но воспоминания никуда не делись.

— В твоих силах освободить меня, Льюс Тэрин, — сказала Ланфир. — Он забрал меня, считая своею. Мне что, умолять тебя? Он забрал меня!

— Ты присягнула Тени, Майрин, — напомнил ей Ранд. — Такова твоя награда. Или надеешься, что я сжалюсь над тобой?

Из глубин поднялось нечто черное, обвило ноги женщины и снова увлекло ее в пучину. Несмотря на произнесенные слова, Ранд против воли шагнул вперед, словно собираясь прыгнуть в озерцо.

Но сдержался. Наконец-то, после долгой борьбы, он чувствовал себя цельным человеком. Это придавало сил, но в его безмятежности имелось слабое место, всегда наводившее на него страх. На эту слабость указывала Морейн, и она была совершенно права. Эта слабость — сострадание.

Ему необходима эта слабость, как воину необходима в закрытом шлеме смотровая щель, чтобы видеть поле боя. Но соперник непременно попытается воспользоваться твоей слабостью. Ранд признавал, что это так.

На поверхности озерца, отфыркиваясь, появилась Ланфир. Выглядела она совсем беспомощной.

— Мне что, умолять тебя? — снова спросила она.

— Не думаю, что ты на это способна.

— Прошу… — прошептала она, опустив глаза, и внутренности Ранда стянулись в тугой узел. В

поисках Света он сразился с внутренней тьмой и одолел ее. Дал себе второй шанс. Разве не следует дать его еще одному человеку?

О Свет! Ранд медлил, вспоминая, каково это было, в тот момент, когда он коснулся Истинной Силы. Он чувствовал мучительную боль, восторг, мощь и ужас. Ланфир отдала себя Темному — но и Ранд, пусть по-своему, поступил так же.

Он пытливо заглянул ей в глаза. Такие знакомые… В конце концов Ранд покачал головой:

— В искусстве *лжи* ты добилась некоторых успехов, Майрин. Но этого мало.

Она помрачнела. Секундой позже озерца не стало. Его сменил каменный пол, где в серебристо-белом платье, скрестив ноги, сидела Ланфир. С новым лицом, но та же, что и прежде.

— Значит, ты и впрямь вернулся, — без особой радости сказала она. — Ну что ж… Больше не придется иметь дело с фермерским мальчишкой. Это уже кое-что.

Ранд хмыкнул и вошел в комнату. Ланфир по-прежнему находилась в неволе — ее окружало какое-то затемнение, что-то вроде теневого купола, от которого Ранд держался подальше. Но озерцо, как и само утопление, оказалось просто эффектной иллюзией. Когда того требовала

ситуация, надменная Ланфир не брезговала прикинуться слабой женщиной. Приди воспоминания Льюса Тэрина к Ранду чуть раньше, он не позволил бы ей с такой легкостью одурачить себя в Пустыне.

— В таком случае обращусь к тебе иначе, нежели попавшая в беду девица, которой нужен герой. — Ланфир не отводила глаз от Ранда, огибавшего ее темницу. — Как равная в поисках убежища.

— Равная? — рассмеялся Ранд. — С каких это пор, Майрин, ты ставишь себя на одну доску с кем бы то ни было?

— Неужели тебе плевать, что меня держат в заточении?

— Мне больно это видеть, — признал Ранд, — но не больнее, чем было, когда ты присягнула Тени. Знала ли ты, что я был рядом, когда это случилось? Ты не видела меня, поскольку я пожелал остаться невидимым, но сам смотрел во все глаза. О Свет, Майрин, ты же клялась убить меня!

— Уверен, что я говорила всерьез? — уточнила она, глядя ему в глаза.

Уверен ли? Нет. Тогда это были пустые слова. Ланфир не убивала людей, если те могли принести ей пользу, а его она всегда считала

небесполезным.

— Когда-то между нами было нечто общее, — продолжила она. — Нечто уникальное. Ты был моим…

— Я был для тебя украшением! — перебил ее Ранд и, пытаясь успокоиться, сделал глубокий вдох. О Свет, прийти в себя рядом с Ланфир оказалось непросто. — С прошлым покончено. Мне нет до него никакого дела, и я с радостью дал бы тебе под Светом второй шанс. Но мне, увы, известно, кто ты такая и на что способна. Ты просто повторяешь все снова. Хочешь обвести нас вокруг пальца — всех, включая самого Темного. Тебе нет никакого дела до Света. Тебе нужна лишь власть, Майрин. Или ты и правда хочешь, чтобы я поверил, что ты изменилась?

— Ты знаешь меня хуже, чем тебе кажется. — Она смотрела, как Ранд обходит вокруг место ее заточения. — И так было всегда.

— В таком случае докажи. — Ранд остановился. — Открой мне свой разум, Майрин, без утайки. Передай контроль над своим существом — здесь, в мире созданных снов. И если твои намерения чисты, я освобожу тебя.

— То, о чем ты просишь… это запрещено.

Ранд рассмеялся:

— Не припомню, чтобы тебя останавливали запреты.

Казалось, Ланфир задумалась над его словами; видать, эта тюрьма причиняла ей изрядные неудобства. В прошлом она лишь посмеялась бы над подобным предложением. Ведь здесь, по всей очевидности, Ранд полностью властвовал над этим местом — и, ответь Ланфир согласием, мог бы обнажить ее сущность и обшарить ее разум.

— Я… — начала она.

Ранд подступил к самой кромке тюремного купола. Эта дрожь в ее голосе… Она казалась неподдельной. Искреннее проявление чувств — впервые за этот разговор.

«О Свет! — подумал Ранд, заглядывая ей в глаза. — Она что, и в самом деле готова на это пойти?»

— Не могу, — сказала Ланфир и повторила чуть тише: — Не могу.

Ранд выдохнул и понял, что у него дрожат руки. Так близко… Так близко к Свету, но она ведет себя как одичавшая кошка ночью — то подкрадется к освещенному амбару, то шмыгнет в темноту. Он понял, что злится и злится пуще прежнего. Вечно она так! Заигрывает с истиной, но из раза в раз выбирает собственный путь.

— Между нами все кончено, Майрин. — Ранд направился прочь из комнаты. — Навсегда.

— Ты во мне ошибаешься! — крикнула она. — Ты всегда, всегда во мне ошибался! Ну а сам? Готов ли ты открыться перед другим человеком? Я так не могу. Слишком часто мне доставалось от тех, кому я хотела доверять, а вместо любви мне отвечали предательством.

— И ты винишь в этом меня? — резко обернулся к ней Ранд.

Она не отвела глаз. Такая высокомерная, будто сидит не в узилище, а на троне.

— Тебе и правда все это помнится в таком ключе? — спросил Ранд. — Думаешь, я предал тебя ради нее?

— Ты говорил, что любишь меня.

— Говорил? Ни разу. Никогда. Я не мог такого сказать. Я не знал, что такое любовь, хотя прожил несколько веков. А узнал, только когда встретил ее. — Он замолчал, а потом продолжил так тихо, что его голос не отражался от стен маленькой пещеры: — Ты никогда такого не чувствовала — верно? Ну конечно нет. Кого ты смогла бы полюбить? Твое сердце уже занято — неутолимой жаждой власти. В нем не осталось свободного места.

Ранд порвал с ней — так, как не сумел порвать с ней Льюс Тэрин. Даже после встречи с Илиеной, даже поняв, что Ланфир использовала его, Льюс Тэрин лелеял в себе ненависть и презрение. «Или ты надеешься, что я сжалюсь над тобой?» — чуть раньше спросил ее Ранд.

Но теперь он не чувствовал ничего, кроме жалости. Жалости к женщине, не знавшей любви. Не позволившей себе узнать, что такое любовь. Жалости к женщине, не способной выбрать ничью сторону, кроме собственной.

— Я… — прошептала Ланфир.

Ранд поднял руку, а затем открылся перед ней, и в вихре могучих эмоций показал ей свои намерения и мысли. Показал ей самого себя.

Широко раскрыв глаза, Ланфир смотрела на это разноцветье, как разглядывают картины на стене. Ранд не мог ничего скрыть. Ланфир увидела мотивы всех его поступков, все его желания и стремления, все, чего он хотел для человечества. Она увидела его замысел. Узнала, что он намерен отправиться к горе Шайол Гул и убить Темного. Оставить мир в лучшем состоянии, чем несколько тысяч лет назад.

Ранд не боялся раскрывать эти мысли. Он уже прикоснулся к Истинной Силе, а потому Темный

знал, что у него на сердце. И еще он не готовил никаких сюрпризов — вернее, не планировал того, что могло бы удивить врага.

Но Ланфир все же удивилась — да так, что разинула рот, узрев истину и понимая, что стержнем стоявшего перед ней человека был не Льюс Тэрин. Нет, этим стержнем был Ранд, овечий пастух, воспитанный Тэмом ал'Тором. Перед Ланфир мелькали мгновения его жизней, выставляя напоказ все чувства и воспоминания.

Наконец он продемонстрировал ей свою любовь к Илиене — похожую на сияющий кристалл, которым любуются, поставив его на полку. Затем — любовь к Мин, Авиенде, Илэйн. Подобную пылающему костру, жаркую, ободряющую, полную страсти.

В том, что показал Ранд, не было ни намека на любовь к Ланфир. Ни малейшего. И еще он исключил из этих образов ненависть Льюса Тэрина. Так что для него Ланфир и впрямь была никем.

Она охнула.

Окружавшее Ранда сияние померкло.

— Мне очень жаль, — произнес он. — Я не лукавил. Между нами и впрямь все кончено, Майрин. Когда начнется буря, пригнись и не высовывайся. Если я выиграю эту битву, у тебя не будет при-

чин бояться за свою душу. Мучить тебя станет некому.

Она молчала, а Ранд развернулся и покинул пещеру.

Вечер в Браймском лесу сопровождался запахом дыма от тлеющих в ямах походных костров. Похрапывали и постанывали бойцы, забывшиеся тревожным сном с мечами под рукой. Вроде лето, но было как-то неестественно зябко.

Перрин шагал по лагерю, поглядывая на своих солдат.

Сеча в этих лесах была жестокая. Его люди беспощадно истребляли троллоков, но… О Свет! Такое чувство, будто на смену одному отродью Тени приходили двое.

Проследив, что люди как следует накормлены, караулы выставлены и все знают, что делать, если ночью их разбудит троллочья атака, Перрин отправился искать айильцев. В первую очередь — Хранительниц Мудрости. Почти все они собирались пойти за Рандом к Шайол Гул и теперь дожидались его приказа, но несколько женщин отправились с Перрином в Андор. Среди них была Эдарра.

Приказывать ей и другим Хранительницам Мудрости Перрин не мог, но все же они, подобно

Гаулу, остались с ним, хотя их соплеменники выбрали иной путь. Перрин не спрашивал, почему они приняли такое решение. Честно говоря, их мотивы его не очень-то интересовали. Они рядом, это полезно, и Перрин им признателен.

Айильцы пропустили его в свой лагерь. Эдарра сидела у костра, аккуратно обложенного камнями, чтобы не сбежала шальная искра. Сухой лес мог вспыхнуть быстрее сарая с лежалым сеном.

Хранительница Мудрости взглянула на Перрина, когда тот усаживался рядом. Выглядела она молодо, но от нее пахло терпением, пытливостью и самообладанием. Мудростью. Не спрашивая о цели визита, Эдарра ждала, пока не заговорит Перрин.

— Ты умеешь ходить по снам? — спросил он.

Эдарра внимательно смотрела на него в ночи, и у Перрина сложилось впечатление, что мужчине — или вообще чужаку — не следует задавать подобные вопросы.

Поэтому он удивился, когда Эдарра ответила:

— Нет.

— Многое ли знаешь об этом даре?

— Кое-что.

— Мне нужно знать, есть ли возможность физически войти в Мир снов, — сказал Перрин. — Не

мысленно, а в своем настоящем теле. Не знаешь, существует ли такой способ?

— Даже не думай, Перрин Айбара! — обмерла Хранительница. — Это пагубно!

Перрин нахмурился. Сила в волчьем сне — понятие щекотливое. Чем глубже Перрин вступал в волчий сон — чем больше его самого становилось в волчьем сне, — тем легче ему оказывалось влиять на Тел'аран'риод.

Однако чем сильнее было его присутствие в сне, тем больше Перрин рисковал: он мог забыть себя, оборвать связь, соединяющую его сознание с телом, спящим в реальном мире.

Губителя, по всей видимости, это обстоятельство не беспокоило. В Тел'аран'риоде тот был силен, чрезвычайно силен, и Перрин все больше утверждался в мысли, что Губитель физически присутствует в Мире снов.

«Наше состязание не закончится, — подумал он, — пока ты, Губитель, не станешь моей добычей. Охотник на волков. Я непременно прикончу тебя».

— Во многом ты еще дитя, хоть и обрел немалую честь, — задумчиво произнесла, глядя на него, Эдарра. Перрин уже привык, что женщины, выглядевшие его ровесницами, разговаривают

с ним в таком тоне. Привык, но терпеть этого не мог. — Никто из ходящих по снам не станет учить тебя тому, чего ты хочешь. Это пагубно.

— Почему?

— Входя в Мир снов во плоти, ты теряешь частицу того, что делает тебя человеком. Более того, если во сне ты погибнешь — будучи там во плоти, — то, по всей вероятности, умрешь навсегда. Никаких больше перерождений, Перрин Айбара. Твоя нить в Узоре закончится, а сам ты будешь уничтожен. Поэтому даже не думай.

— Подобное практикуют слуги Тени, — сказал Перрин. — Идут на этот риск — в стремлении господствовать. Надо пойти на такой же риск, чтобы остановить их.

Эдарра со свистом втянула воздух и покачала головой:

— Стоит ли отсекать себе ступню из боязни, что ее ужалит змея, Перрин Айбара? Не совершай чудовищную ошибку из страха перед тем, что видится тебе еще более чудовищным. Вот и все, что я скажу на эту тему.

Она встала, а он остался сидеть у костра.

Глава 13. То, что должно быть сделано

Эгвейн направлялась к холмам юго-восточного Кандора, где вскоре должен был начаться бой с подступавшим противником, и перед ней расступались войска. Она вела за собой больше сотни Айз Седай, в основном из Зеленой Айя. Брин споро внес небольшие, но важные поправки в план предстоящей битвы. Теперь он располагал кое-чем получше лучников, чтобы сломать хребет вражеской атаке, — и кое-чем помощнее тяжелой кавалерии, чтобы причинить макси-

мальный урон.

Настало время воспользоваться этой силой.

На оба фланга направлялись еще два отряда Айз Седай, но поменьше числом. Когда-то эти холмы покрывала буйная зелень; теперь же они стали желто-бурыми, словно выгорели на солнце. Эгвейн прикинула, какие у нее преимущества. По крайней мере, земля здесь твердая, и хотя небо время от времени рассекали молнии, дождя, похоже, не намечалось.

Накатывающаяся бесконечная волна троллоков словно заполнила собой весь горизонт. У Эгвейн была громадная армия, но теперь она казалась крошечной. К счастью, одно преимущество у нее все же имелось. Троллоков гнала необходимость постоянно двигаться вперед. Иначе их масса утрачивала единство, распадалась, они начинали цапаться между собой и страдать от недостатка еды.

Армия Эгвейн играла роль барьера. И приманки. Отродья Тени не рискнут оставить у себя в тылу такое многочисленное войско. Это недопустимо. И поэтому Эгвейн вовлечет их в бой на своих условиях.

Ее Айз Седай заняли свои места на поле сражения. Брин разделил армию на крупные и в

высшей степени мобильные ударные отряды, чтобы бить троллоков в любой момент, когда в их рядах обнаружится уязвимое место.

Казалось, атакующее построение человеческих войск сбило троллоков с толку. По крайней мере, на такую мысль наводила суета в их рядах, хаотичное движение и усилившийся шум. Нечасто троллокам приходилось держать оборону. Как правило, эти чудовища нападали, а люди защищались. Боялись. Люди были для троллоков едой.

Эгвейн поднялась на невысокий холм и взглянула на кишевшую троллоками кандорскую равнину. По обеим сторонам от своей предводительницы выстроились в длинную шеренгу Айз Седай. Оставшимся у них за спиной солдатам было не по себе. Еще бы! Ведь это были Айз Седай, а рядом с женщинами из Белой Башни любой мужчина чувствует себя не в своей тарелке.

Из кожаного чехла, висевшего на поясе, Эгвейн вытянула длинный и тонкий белый предмет — рифленый жезл, *са'ангриал* Воры. В руку он лег как влитой. Хотя пользоваться этим артефактом ей довелось лишь однажды, Эгвейн чувствовала, что они с этим жезлом — единое целое. Он служил ей оружием во время битвы с шончан. Впервые

ей стало понятно, почему солдат ощущает некую связь со своим мечом.

Женщин окружило сияние Силы — так, словно разом вспыхнул ряд из сотни фонарей. Обняв Истинный Источник, Эгвейн почувствовала, как Единая Сила наполняет ее, будто могучий водопад, и раскрывает ей глаза. Мир стал ярче и богаче цветами, а запахи истоптанной травы и смазанных маслом доспехов — сильнее.

В объятиях саидар Эгвейн замечала признаки того, что пыталась скрыть от нее Тень. Трава не умерла: крошечными светло-зелеными побегами она цеплялась за жизнь. В ней сновали полевки: теперь Эгвейн отчетливо видела, как рябит бурое покрывало, когда зверьки, отказываясь умирать, выискивают и глодают сухие корни.

С широкой улыбкой она вобрала Единую Силу через рифленый жезл и в этом потоке мощи и энергии почувствовала себя одиноким мореплавателем, поймавшим попутный ветер. Троллоки — ревущая, зловонная масса оружия, клыков и глаз, слишком похожих на человеческие, — наконец-то пришли в движение. Быть может, мурддраалы, заметив в переднем ряду Айз Седай, решили пойти в атаку, чтобы уничтожить способных направлять людей.

Другие женщины ждали знака Эгвейн. В круг Айз Седай соединяться не стали, поскольку тот больше подходит для точной работы сфокусированным потоком Единой Силы, а сегодняшняя цель состояла не в этом. Сегодня требовалось просто уничтожить врага.

Когда троллоки преодолели половину расстояния до холмов, Эгвейн приступила к делу: создала самое простое и разрушительное плетение Земли, в работе с которым отличалась необычайной силой. Она пронзила прядями Земли почву под ногами троллоков, сформировав длинную полосу, а затем вздернула ее к небу. С помощью са'ангриала Воры проделать это оказалось не труднее, чем подбросить пригоршню камешков.

Следуя ее примеру, женщины в шеренге создали собственные плетения, и воздух расчертили сияющие пряди. На троллоков проливался огонь, под ними дыбилась земля, а порывы ветра швыряли их друг на друга, замедляя продвижение всего войска.

Подброшенные Эгвейн троллоки, многие без конечностей, начали падать на землю. Ломались кости, и монстры завывали от боли под ногами у своих собратьев. Эгвейн дождалась, пока вторая шеренга не запутается в первой, а затем ударила

снова, на сей раз сосредоточившись не на земле, а на металле. На броне, наручах и оружии. Она дробила мечи и топоры, разрывала кольчуги и нагрудники, хотя те попадались нечасто, и во все стороны разлетались смертоносные осколки. Воздух покраснел от фонтанов крови. Третий ряд было остановился, чтобы не угодить под град металла, но напор следующих шеренг оказался слишком силен, и троллоки выталкивали своих собратьев в зону смерти, после чего втаптывали их тела в землю.

Следующую волну Эгвейн прикончила тем же способом. Разрушать металл трудно — труднее, чем взрывать землю, — зато не так заметно для задних рядов, и пока те, не понимая, что творится, толкали товарищей вперед, Эгвейн уничтожала шеренгу за шеренгой.

Затем она вернулась к разрывным плетениям Земли, чьи простейшие формы, полные природной силы, наполняли ее энергией. В тот момент — разрушая, калеча, сея смерть во вражеских рядах — Эгвейн чувствовала, что она заодно с этой землей, что выполняет работу, которую надо было сделать уже давным-давно. Запустение и порожденные им исчадия Тени — это болезнь. Инфекция. Охваченная Единой Силой, словно

пылающий маяк, олицетворяя собой судью и палача, Эгвейн была очистительным пламенем, несущим исцеление этому миру.

Троллоки изо всех сил пробивались через плетения Айз Седай — лишь для того, чтобы в пределах досягаемости Белой Башни оказывались все новые твари. Зеленые сестры полностью оправдывали свою репутацию, обрушивая на троллоков одно уничтожающее плетение за другим, но прочие Айя тоже проявили себя с самой лучшей стороны.

Земля содрогалась, и в воздухе стало тесно от воя умирающих. Разрывались тела, обугливалась плоть, и при виде всего этого солдат Брина, стоявших в первых рядах, то и дело выворачивало наизнанку. Но Айз Седай продолжали наносить удары по армии троллоков. Некоторые сестры, выполняя приказ Амерлин, выискивали во вражеских рядах мурддраалов. Одного Эгвейн сразила сама, отделив его безглазую голову от шеи плетением из Огня и Воздуха. Когда погибал Исчезающий, связанный с ним кулак троллоков издыхал вместе с ним.

Эгвейн удвоила свои атаки. Она взрывала землю под шеренгой троллоков, а затем проходилась волной воздуха по упавшим телам, отталкивая

их к тем, кто напирал следом. Она проделывала отверстия в земле, заставляла разлетаться осколками скрытые в грунте камни. Она безжалостно уничтожала троллоков несколько часов напролет — по крайней мере, так ей казалось, — пока отродья Тени не попятились, невзирая на хлысты мурддраалов. Чувствуя, что силы на исходе, Эгвейн сделала глубокий вдох и сразила еще нескольких Исчезающих. Наконец они тоже дрогнули и побежали от холмов.

Опустив са'ангриал, Эгвейн обмякла в седле. Она не знала, сколько времени прошло. Стоявшие поблизости солдаты смотрели на Амерлин во все глаза. В тот день им не потребовалось проливать кровь.

— Вот это было впечатляющее зрелище, — заметил подъехавший Гавин. — Все выглядело так, будто они идут на штурм городских стен, пытаются приставить к ним лестницы… только без лестниц и без стен.

— Они вернутся, — устало произнесла Эгвейн. — Мы уничтожили лишь малую их часть.

Наутро, в крайнем случае днем позже, троллоки вновь пойдут в атаку. Быть может, выберут новую тактику — к примеру, рассредоточат волны нападающих, чтобы Айз Седай не могли

уничтожать их в таком количестве.

— Мы застали их врасплох, — продолжила Эгвейн. — Следующий бой будет труднее. Но пока что, на сегодня, мы продержались.

— Ты не просто продержалась, Эгвейн, — сказал с улыбкой Гавин. — Ты обратила их в бегство. По-моему, я впервые видел настолько разгромленную армию.

Солдаты, как видно, были согласны с его мнением, поскольку воздели оружие, сопровождая этот жест ликующими возгласами. Стряхнув усталость, Эгвейн убрала ребристый жезл. Рядом с ней другие Айз Седай опускали статуэтки, браслеты, броши, кольца и жезлы. Из хранилищ Белой Башни выгребли все подчистую — как ангриалы, так и са'ангриалы, хотя последних было немного, — и распределили между сестрами на передовой. На исходе каждого дня эти ценные предметы Силы будут собирать и передавать женщинам, ответственным за Исцеление.

Айз Седай развернули коней и направились через ряды прославлявшей их армии. Увы, неизбежно придет и время скорби, ведь сестры Белой Башни не могли выиграть все битвы до единой. Однако сегодня Эгвейн довольствовалась радостью солдат. Пусть празднуют самую лучшую

из побед — ту, что не оставила брешей в рядах их войск.

— Лорд Дракон и его разведчики начали рекогносцировку у Шайол Гул. — Башир указал на одну из карт, что лежали в тени. — Наши действия в Кандоре и Шайнаре вынуждают Тень бросать в это пекло все больше войск. Вскоре Проклятые земли опустеют — если не считать какого-никакого отряда защитников. Тогда лорду Дракону будет легче предпринять атаку.

Илэйн кивнула. Где-то в глубине своего сознания она чувствовала Ранда. Он о чем-то волнуется, но ничего больше сказать она не могла. Он находился слишком далеко. Иногда Ранд заходил к ней в лагерь в Браймском лесу, но теперь находился совсем на другом поле сражения.

— Амерлин должна продержаться в Кандоре, — продолжил Башир, — ведь в ее распоряжении большое число владеющих Силой. О ней я не беспокоюсь.

— Но беспокоитесь о порубежниках, — предположила Илэйн.

— Да. Их выдавили из Тарвинова ущелья.

— Жаль, что они не сумели удержать свои позиции, но против такого численного превосходства троллоков… Единственное, что можно сделать, —

это направить к ним все силы, которыми мы можем поделиться.

Башир кивнул:

— Пожалуй, лорд Мандрагоран сумел бы перейти в наступление, будь у него побольше Айз Седай или Аша'манов.

Но эти бойцы были наперечет. Чтобы помочь с отходом от ущелья, Илэйн уже послала к Лану нескольких Айз Седай из армии Эгвейн, и они справились с задачей. Но если сам Ранд не сумел дать там отпор Повелителям ужаса…

— Лорд Агельмар знает, что делать, — сказала Илэйн. — Будь на то воля Света, он сумеет отвлечь троллоков от населенных областей.

— Такое отступление, — пробурчал Башир, — мало чем отличается от бегства и, как правило, не дает возможности переломить ход битвы. — Он указал на карту Шайнара.

Илэйн внимательно изучила ее. Троллоки непременно пойдут по заселенным местам. Фал Дара, Мос Шираре, Фал Моран… Против Повелителей ужаса городские стены окажутся бесполезны.

— Пошлите весточку Лану и лордам Шайнара, — тихо сказала она. — Прикажите, чтобы Фал Дара и Анкор Дейл сожгли — вместе с Фал Мора-

ном и селениями вроде Медо. Они уже предают огню все возделанные поля у себя на пути, так пусть же опустошат города. Уводите жителей в Тар Валон.

— Мне очень жаль, — тихо сказал Башир.

— Это должно быть сделано. Верно?

— Да, — подтвердил он.

О Свет, ну и бардак! «А чего ты ожидала? Простоты и порядка?»

Шорох листьев под ногами возвестил о прибытии Талманеса с одним из его командиров. У кайриэнца был усталый вид. Да и у остальных — тоже. Они сражались уже неделю, но это было лишь начало, и боевой задор угасал. Начались трудовые будни войны, дни сражений или ожидания битвы, и ночи, когда спишь с мечом в руке.

Нынешнее местоположение Илэйн — ее день начался в тысяче шагов южнее, но с тех пор она отступила глубже в лес — было идеальным. Совсем рядом протекали три ручья, предостаточно места для солдатского лагеря, и на вершине холма высятся деревья, выполнявшие роль сторожевых башен. Жаль, что утром придется покинуть это место.

— Троллоки контролируют всю южную часть леса. — Башир разгладил усы. — Открытых мест

избегают. Иными словами, эффективность нашей конницы снизилась.

— Драконы здесь практически бесполезны, ваше величество, — заметил вошедший в шатер Талманес. — Теперь, когда троллоки держатся подальше от трактов, нанести им урон весьма непросто. В лесу драконам почти невозможно маневрировать, а когда все же появляется возможность сделать выстрел, то мы больше деревьев убиваем, чем отродий Тени.

— Как насчет… ну, того, о чем говорила Алудра?

— Вы про драконьи зубы? — уточнил Талманес. — Когда драконы стреляют не одним шаром, а ворохом металлических обрезков? Да, штука полезная. Разлетаются они широко, и в лесу такие заряды неплохо себя показали, но я склоняюсь к мнению, что драконы, подвергаясь немалому риску, наносят врагу весьма скромный урон.

— Полагаю, в лесу нам больше делать нечего. — Башир передвинул на картах несколько фигурок троллоков. — Мы изрядно подсократили число врагов, но троллоки набираются ума-разума, уходят в чащу и пытаются нас окружить.

— Что вы предлагаете?

— Отступить, — сказал Башир. — Отойти на

восток.

— К реке Эринин? Здесь, так далеко на севере, нет мостов, — заметил Талманес.

Башир кивнул:

— Поэтому вы понимаете, что я сейчас предложу. У вас есть люди, способные навести переправу. Дайте им несколько драконов для прикрытия и отправьте на восток. Пусть соорудят наплавные мосты. Другие войска отстанут от них, но не сильно. На открытом пространстве у нашей кавалерии и драконов появится шанс нанести приличный урон. Река непременно задержит троллоков, особенно когда мы сожжем мосты, а несколько драконов замедлят их продвижение. Затем пойдем дальше на восток, к Алгуэнье, и повторим маневр. Потом выйдем на дорогу, ведущую к Кайриэну. Оттуда двинемся на север, а когда найдем подходящее место для боя — кстати, есть у меня одно на примете, — развернемся и встретим Тень, а за спиной у нас будет Кайриэн.

— Неужели вы думаете, что нам придется проделать такой путь? — спросила Илэйн.

Башир, прищурившись, пристально вгляделся в карту, словно за пергаментом видел изображенные на нем земли.

— Мы подстегиваем эту битву, — негромко ска-

зал он, — но не управляем ею. Скачем на ней, как всадник на понесшей от испуга лошади. Трудно сказать, когда закончится такая скачка. Я могу поворотить эту лошадь, направить в колючие кусты, но мне не удастся ее остановить, пока троллоки продолжают прибывать.

Илэйн нахмурилась. Бесконечное отступление ее совершенно не устраивало; ей требовалось как можно скорее одолеть этих отродий Тени, окончательно и бесповоротно, чтобы остатки ее войск могли отправиться на подмогу армиям Лана и Эгвейн, дающим отпор вторжению на севере.

Только так они смогут победить. В ином случае усилия Ранда, направленные против Темного, не будут иметь никакого значения.

О Свет, ну и бардак!

— Приступайте.

Положив молот на плечо, Перрин выслушивал приказы Илэйн в пересказе взмыленного юного гонца. За спиной у него шевелил лесные ветви легкий ветерок. Там сражались огиры. Перрин боялся, что они откажутся подвергать деревья опасности, но в бою… О Свет! Перрин впервые видел столь свирепых воинов.

— Неплохая задумка, — заметил Тэм, читая письменный приказ. — Королева неплохо подна-

торела в военном деле.

Перрин жестом отправил гонца обратно, а проходя мимо Галада — тот стоял неподалеку, совещаясь с командирами белоплащников, — сказал:

— Она прислушивается к тем, кто разбирается в тактике, и старается им не мешать.

— Именно об этом я и говорю, парень, — улыбнулся Тэм. — Возглавлять армию — не всегда то же самое, что командовать ею. Иной раз лучше отойти в сторонку и не лезть знающим людям под руку.

— Мудрые слова, Тэм, — сказал Перрин и свернул на север. — Не забывай о них, ведь теперь за главного будешь ты.

Он увидел Ранда. Цветная круговерть. Ранд говорит с Морейн на мрачном горном хребте. Незнакомое место. Они почти готовы выступить в поход на Шайол Гул. Перрин чувствовал, как его тянет к Ранду, тянет все сильнее. Вскоре он понадобится Ранду.

— Перрин, — удивился Тэм, — в каком это смысле я буду за главного? Что за чушь?

— Наши войска, Тэм, в твоем распоряжении, — пояснил Перрин. — Теперь все действуют заодно, так что пусть тебе помогут Арганда, Галленне

и Галад.

Неподалеку Грейди открыл переходные врата, через которые раненых в недавней схватке переправляли в лазарет, устроенный в Майене Желтыми сестрами под руководством Берелейн. Из проема врат дул теплый ветер.

— Не знаю, Перрин, станут ли они меня слушать, — сказал Тэм. — Я же простой фермер.

— Раньше-то слушали, и довольно-таки внимательно.

— Тогда мы шли через пустоши, — возразил Тэм. — Да и ты всегда был рядом. Во мне видели твоего заместителя. — Он потер подбородок. — Судя по тому, как ты поглядываешь на север, скоро мы расстанемся.

— Я нужен Ранду, — тихо сказал Перрин. — Чтоб мне сгореть, Тэм, мне это совсем не по душе, но я не могу драться здесь, в Андоре, бок о бок с тобой. Кто-то должен прикрывать Ранда и… В общем, этим «кем-то» буду я. Почему-то я об этом знаю.

— Значит, — покивал Тэм, — скажем Арганде или Галленне, что теперь они возглавляют наши силы. Все равно большинство приказов отдает королева Илэйн, и…

— Эй, парни! — крикнул Перрин, обернувшись к собравшимся воинам.

Арганда беседовал с Галленне. Оба повернулись к Перрину, равно как и оказавшиеся рядом солдаты из Волчьей гвардии, а их примеру последовали Галад и его белоплащники. Молодой Борнхальд мрачно уставился на Перрина. В последнее время этот темноглазый малый становился все более непредсказуемым. Да ниспошлет Свет, чтобы Галад сумел удержать его от пристрастия к бренди.

— Признаете ли вы мою власть, дарованную короной Андора? — спросил Перрин.

— Разумеется, лорд Златоокий, — откликнулся Арганда. — Я полагал, это не вызывает сомнений.

— Сим произвожу Тэма ал'Тора в лорды! — объявил Перрин. — И назначаю его наместником Двуречья от имени его сына, Дракона Возрожденного. Передаю ему все свои полномочия — то есть полномочия самого Дракона. И если я не выживу в этой битве, Тэм станет моим преемником.

В лагере стало тихо. Затем мужчины закивали. Кое-кто отсалютовал Тэму, и тот простонал — так тихо, что вряд ли его слышал кто-то, кроме Перрина:

— Отправить бы тебя к Кругу женщин для крепкого нагоняя. Или отшлепать по заднице и на недельку снарядить таскать воду вдовушке

ал'Тон, — пробурчал Тэм. — Но боюсь, уже поздновато.

— Извини, Тэм, — сказал Перрин. — Неалд, попробуй открыть врата в Черную Башню.

Юный Аша'ман принял сосредоточенный вид. Затем сообщил:

— По-прежнему не получается, лорд Златоокий.

Перрин покачал головой. В донесениях с поля боя Лана говорилось, что на стороне Тени сражаются члены Черной Башни. Там что-то случилось. Что-то ужасное.

— В таком случае возвращаемся на Поле Меррилор, — решил Перрин.

Неалд кивнул и снова наморщил лоб. Пока он открывал переходные врата, Перрин повернулся к солдатам:

— Очень не хочется покидать вас, но что-то неудержимо тянет меня на север. Я обязан пойти к Ранду, и тут нет места спорам. Постараюсь вернуться, а если нет… Что ж, знайте, что я горжусь вами. Всеми до единого. Когда все закончится, буду рад принять вас у себя дома. Откупорим бочонок-другой лучшего бренди мастера ал'Вира. Помянем павших и расскажем нашим детям, как не дрогнули, когда почернели облака, а мир

оказался при смерти. Расскажем, как стояли плечом к плечу — так тесно, что Тени негде было просочиться.

Он воздел Мах'аллейнир и выслушал торжествующие возгласы соратников — не потому, что заслуживал их, но потому, что так было нужно остальным.

Неалд открыл переходные врата. Перрин направился к ним, но остановился, когда его окликнули по имени. Он хмуро взглянул на бегущего к нему Дэйна Борнхальда и осмотрительно положил руку на молот. Этот человек спас его и от троллоков, и от своих собратьев-белоплащников, но его неприязнь была очевидной. Пусть он не винил Перрина в гибели своего отца, но это не значило, что лед в их отношениях растаял.

— На пару слов, Айбара, — сказал Борнхальд, поглядывая на стоявшего рядом Гаула. — Наедине.

Перрин махнул рукой Гаулу, и айилец неохотно удалился.

— В чем дело? — спросил Перрин, когда они с Борнхальдом отошли в сторону от открытых переходных врат. — Если речь о твоем отце…

— О Свет! Просто выслушай меня, — отвел глаза Борнхальд. — Не хочу об этом говорить. Мне противно произносить эти слова, но ты должен все

узнать. Испепели меня Свет, ты должен знать!

— Знать? О чем?

— Айбара, — выпалил Борнхальд, — твою семью убили не троллоки.

По телу Перрина прошла холодная дрожь.

— Прости, — продолжил, глядя в сторону, Борнхальд. — Это сделал Ордейт. Твой отец оскорбил его. Ордейт перерезал твою родню, и мы свалили все на троллоков. В убийстве я не участвовал, но слова поперек не сказал. Столько крови…

— Что?! — Перрин схватил белоплащника за плечо. — Но мне говорили… То есть…

О Свет! Ведь он уже справился с этим, справился! Но теперь, когда он смотрел Борнхальду в глаза, в нем снова все всколыхнулось. Чувство утраты, а с ним — боль, ужас и ярость.

Борнхальд схватил Перрина за запястье и сбросил его руку со своего плеча:

— Знаю, сейчас самое неподходящее время для такого разговора. Но я больше не мог. Я… Мы можем погибнуть. О Свет! Погибнуть может весь мир! Я обязан был это высказать. Произнести это вслух.

Понурив взор, он ушел к другим белоплащникам. Перрин остался один, чувствуя, как содрогается весь его мир.

Затем он взял себя в руки. Он уже оплакал свою семью. Пережил эту трагедию. Она осталась в прошлом.

Он может и должен жить дальше. О Свет! Открылись старые раны, но Перрин снова запечатал их и повернулся к переходным вратам. К Ранду и своему долгу.

Сейчас у него были другие дела. Но Ордейт… Падан Фейн… Как оказалось, к числу злодеяний этого человека прибавилось еще одно жуткое преступление. Перрин проследит, чтобы он заплатил за содеянное — так или иначе.

Он направился к переходным вратам, готовый Переместиться и найти Ранда. Тут к нему подошел Гаул.

— Прости, друг, но тебе со мной нельзя, — тихо произнес Перрин, чувствуя, как унимается боль.

— Ты идешь в сон, который во сне, — сказал Гаул и зевнул. — Так уж вышло, что я тоже хочу спать.

— Но…

— Я пойду с тобой, Перрин Айбара. Хочешь, чтобы я остался? Тогда убей меня.

Не рискнув настаивать на своем, Перрин кивнул.

Снова подняв молот, он бросил взгляд через

плечо и мельком увидел проем других переходных врат — тех, которые до сих пор держал открытыми Грейди и которые вели в Майен. Оттуда на Гаула смотрели двое в белых одеждах. Гаул приветствовал их поднятым копьем. Каково им приходится, этим воинам, не имеющим права участвовать в Последней битве? Быть может, Ранду стоило попробовать на несколько недель освободить гай'шайн от их клятв.

Но в таком случае против него, наверное, восстали бы все айильцы до единого. Да оберегает Свет мокроземца, посмевшего попрать джи'и'тох.

Перрин пригнулся, ступил в переходные врата и вышел на землю Поля Меррилор. Там они с Гаулом стали собираться, как собираются в долгое путешествие. Воды и еды взяли вдоволь, сколько могли унести.

Не меньше получаса Перрин уговаривал Рандовых Аша'манов рассказать, куда отправился Дракон Возрожденный. В конце концов недовольный Наэфф открыл ему переходные врата. Покинув Меррилор, Перрин оказался там, где холодными были только камни. По всей видимости, в Запустении.

Здесь пахло смертью и безысходным отчаяни-

ем. Перрин так оторопел от этого зловония, что нормальные запахи стал различать лишь спустя несколько минут. Ранд стоял чуть впереди, на краю горного гребня, сложив руки за спиной. Позади него столпились советники, военачальники и телохранители, в их числе — Морейн, Авиенда и Кадсуане. В тот момент, однако, на краю обрыва Ранд был совершенно один.

Далеко впереди высился пик Шайол Гул. Перрина пробрала дрожь. Несмотря на огромное расстояние, отделявшее его от горы, на лице Ранда, смотревшего на темный пик, он ясно прочел предельную сосредоточенность.

— О Свет! — выдохнул Перрин. — Что, пора?

— Нет, — тихо ответил Ранд. — Это проверка. Хочу понять, чувствует ли он мое присутствие.

— Перрин? — донесся со склона голос Найнив. Она закончила говорить с Морейн, и в кои-то веки от нее совершенно не пахло ненавистью. Между этими двумя женщинами что-то произошло.

— Я на минутку, — отозвался Перрин, подошел к обрыву и остановился на каменной плите подле Ранда. Там, за спиной, были айильцы, и Перрину не хотелось, чтобы они — особенно Хранительницы Мудрости — слышали вопрос, который он собирался задать.

— У тебя есть и эта минутка, и множество других, Перрин, — сказал Ранд. — Я многим тебе обязан. Чего ты хочешь?

— Ну… — Перрин глянул за спину. Как бы Морейн или Найнив не сообразили, что к чему, и не попытались ему помешать. А это не исключено, поскольку женщины вечно норовят встать между мужчиной и его долгом, будто волнуются, как бы он не свернул себе шею. И кому какое дело, что началась Последняя битва.

— Перрин? — спросил Ранд.

— Ранд, мне надо войти в волчий сон.

— В Тел'аран'риод? — переспросил Ранд. — Перрин, я не знаю, чем ты там занимаешься. Ты мне почти ничего не рассказывал. Насколько я понимаю, ты и без меня способен…

— Мне известен лишь один способ войти туда, — прошептал Перрин, чтобы его не услышали Хранительницы Мудрости и все остальные. — Легким путем. Но теперь мне требуется нечто иное. Ты многое знаешь, многое помнишь. Нет ли в древнем содержимом твоей головы воспоминаний о том, как войти в Мир снов во плоти?

— Опасные ты задаешь вопросы, — помрачнел Ранд.

— Такие же опасные, как то, что собираешься

сделать ты?

— Быть может. — Ранд сдвинул брови. — Знай я об этом, когда… Скажем так: некоторые назвали бы твою просьбу пагубной, квинтэссенцией зла.

— Никакое это не зло, Ранд, — возразил Перрин. — Зло я распознаю по запаху. В моем вопросе нет ничего пагубного. Одна лишь беспредельная глупость.

— И все же ты задаешь его, этот вопрос, — улыбнулся Ранд.

— Хороших решений у меня не осталось, Ранд. Лучше сделать что-нибудь отчаянное, чем вовсе ничего не делать.

Ранд не ответил.

— Помнишь, мы говорили о Черной Башне? — спросил Перрин. — Знаю, ты о ней беспокоишься.

— Мне придется ее посетить. — Ранд помрачнел еще сильнее. — И конечно же, это ловушка.

— Думаю, отчасти мне известно, кого в этом винить, — сказал Перрин. — Я должен кое с кем сразиться, но победить его смогу лишь в бою на равных. Там, во сне.

Ранд медленно кивнул.

— Колесо плетет так, как желает Колесо, — произнес он. — Придется оставить Проклятые земли;

ты не сможешь войти в сон, находясь…

Он умолк, затем что-то сделал, формируя какое-то плетение. Рядом открылись переходные врата — немного иные, чем-то отличающиеся от обычных.

— Понимаю, — продолжил Ранд. — Миры сжимаются, притягиваются один к другому. И то, что однажды было раздельным, больше не является таковым. Эти врата приведут тебя в сон. Будь осторожен, Перрин. Если погибнешь там во плоти, могут быть… последствия. И они окажутся хуже самой смерти. Особенно теперь, в нынешние времена.

— Знаю, — ответил Перрин. — Мне понадобится выход. Нельзя ли, чтобы кто-то из твоих Аша'манов открывал мне переходные врата — раз в день, на рассвете? Допустим, на меррилорской площадке для Перемещения?

— Опасно, — прошептал Ранд. — Но я это сделаю.

В знак благодарности Перрин кивнул.

— Если будет на то воля Света, мы увидимся снова, — сказал Ранд и протянул Перрину руку. — Приглядывай за Мэтом. Честно говоря, не знаю, что он собирается сделать, но чувствую: это крайне опасно для всех, кто окажется вовлечен.

— Только не для нас. — Перрин ответил Ранду крепким рукопожатием. — Мы с тобой прекрасно умеем держаться безопасных тропинок.

— Да обережет тебя Свет, Перрин Айбара, — улыбнулся Ранд.

— И тебя, Ранд ал'Тор. — Перрин замешкался и вдруг понял, что происходит. Они прощались. Он заключил Ранда в объятия.

Потом Перрин отступил на шаг от Ранда и, обращаясь к Найнив и Морейн, сказал:

— Позаботьтесь о нем, вы, обе, — поняли меня?

— Ах вот как! — подбоченилась Найнив. — Теперь ты хочешь, чтобы я о Ранде позаботилась? Я не переставала о нем заботиться, Перрин Айбара. Не думай, что я не слышала, как вы перешептываетесь. Что, снова затеяли какую-то глупость?

— Как обычно. — Перрин поднял руку, прощаясь с Томом. — Гаул, ты уверен, что хочешь пойти со мной?

— Уверен. — Айилец проверил, легко ли выходят копья из чехлов, и заглянул в Рандовы переходные врата.

Не говоря больше ни слова, оба подхватили тяжелые вьюки и ступили в Мир снов.

Глава 14. Корень вилочника

— О Свет!.. — прошептал Перрин Гаулу, глядя по сторонам. — Этот мир умирает.

Текучее, кипучее, бурлящее черное небо — никакая не новость, но буря, что месяцами назревала в волчьем сне, наконец-то вступила в свои права. Невероятные порывы ветра самым неестественным образом налетали то оттуда, то отсюда, и Перрин запахнул плащ, затем силой воображения сделал его ткань плотнее, а крепкие завязки — туго затянутыми.

Вокруг него, отражая натиск свирепейшего из ветров, возник небольшой пузырь тишины

и спокойствия. Создать подобную сферу оказалось проще, чем он думал, — будто подхватил тяжелое дубовое полено, а оно оказалось легким, как сосна.

Пейзаж выглядел менее реальным, чем обычно. Буйный ветер сглаживал холмы — прямо на глазах, будто эрозия ускорилась в тысячи раз. В других местах почва сама вспучивалась, рождая новые косогоры и неровные скалы. Взлетая на воздух, комья земли немедленно рассыпались в пыль. Весь мир вокруг трещал по швам.

Как заподозрил Перрин, дело в том, что они слишком близко к Ранду. Он схватил Гаула за плечо и перенес его и себя подальше от этого места. И действительно, на знакомой равнине дальше к югу — там, где Перрин охотился с Прыгуном, — буря была уже не такой могучей.

Тяжелые тюки с едой и водой припрятали в густо разросшихся кустах. Перрин не знал, сгодится ли в пищу то, что найдется в волчьем сне, и выяснять это на себе ему совсем не хотелось. Припасов должно было хватить на неделю, и пока его с Гаулом будут ждать переходные врата, он готов был считать нынешний риск допустимым. Вернее сказать, не таким уж неприемлемым.

Здешний пейзаж не разрывался и не рассыпал-

ся на части так, как это происходило близ Шайол Гул, однако немного дольше разглядывая ту или иную деталь окружающего пространства, Перрин замечал, как ветер подхватывает крошечные фрагменты… ну, чего угодно — мертвых колосьев, древесных стволов, комьев земли, осколков камня — и понемногу утягивает их ввысь, к ненасытному черному небу. В волчьем же сне обычно бывало так, что стоило отвернуться и взглянуть еще раз — и что-то разбитое или обломанное снова оказывалось целым; так уж тут заведено. Поэтому Перрин понимал, что это место, как и мир яви, постепенно приходит в упадок. Просто здесь это куда заметнее.

Их с Гаулом хлестал ветер, но не настолько сильный, чтобы пришлось создавать защитную преграду. Подобный ветер бывает в самом начале бури, перед проливным дождем, громом и молниями. Этот же был вестником скорого конца.

Гаул, уже надвинувший на лицо *шуфу*, с подозрением озирался по сторонам. Его одежда изменила цвет, и теперь он сливался с местностью.

— Здесь нужно быть предельно осторожным, Гаул, — предупредил его Перрин. — В этих местах праздные мысли могут обрести самую реальную

форму.

— Буду слушать тебя и делать как велено, — кивнул Гаул и с неохотой опустил с лица вуаль.

Отрадно было видеть, что, когда они вышли в поле, цвет одежды Гаула почти не изменился.

— Просто не забивай себе голову, — сказал Перрин. — Ни о чем не думай. Действуй по инстинкту и следуй за мной.

— Буду охотиться, как охотится *гара*, — подтвердил Гаул. — Мое копье принадлежит тебе, Перрин Айбара.

Перрин шагал по равнине, опасаясь, что Гаул случайно переместится, подумав о какой-нибудь местности, но особенности волчьего сна не оказывали на айильца почти никакого влияния. Когда Гаул чему-то удивлялся, его одежда слегка меняла цвет, а на лице сама собой вдруг появлялась вуаль, но больше ничего не случалось.

— Ладно, — сказал Перрин. — Сейчас я перенесу нас к Черной Башне. Охотиться будем на опасную добычу. Человека по имени Губитель. Помнишь лорда Люка?

— Побегунчика? — уточнил Гаул, а когда Перрин непонимающе сдвинул брови, продолжил: — Это птица такая, водится в Трехкратной земле. Я нечасто видел этого человека, но, кажется, он из

тех, у кого храбрые речи, но трусливое нутро.

— Это была ширма, — ответил Перрин. — К тому же здесь, во сне, он совершенно другой человек — хищник по имени Губитель, охотник на волков и людей. Он могуч. Если надумает убить тебя, то в один миг появится за спиной — и представь, что тебя оплела лоза. Так, что не шевельнуться. В общем, ты не сможешь ничего сделать, а он перережет тебе горло.

Гаул рассмеялся.

— Что смешного? — спросил Перрин.

— Тебя послушать, так это что-то новенькое, — объяснил Гаул. — Даже в первом сне, где бы я ни оказался, меня окружают мужчины и женщины, способные связать человека усилием мысли, подвесить над землей и лишить жизни. Так что я привык к некоторой беспомощности, Перрин Айбара. Так уж сведены грани нашего мира.

— И все же, — строго продолжил Перрин, — если мы обнаружим Губителя — парня в темной коже, с квадратным лицом и не вполне живыми глазами, — держись от него подальше. Драться с ним буду только я.

— Но…

— Ты обещал, что будешь слушаться, Гаул, — напомнил спутнику Перрин. — Поверь, это крайне

важно. Он забрал Прыгуна, и я не допущу, чтобы ты тоже пал его жертвой. Так что с Губителем ты драться не будешь.

— Ну хорошо, — согласился Гаул. — Клянусь, что мои копья не станут танцевать с этим человеком без твоего приказа.

Перрин вздохнул, представив, как Губитель убивает Гаула, стоящего с зачехленными копьями — в полном соответствии с его клятвой. О Свет, как же трудно бывает с этими айильцами!

— Если он нападет, можешь с ним сражаться, — разрешил Перрин, — но лишь для того, чтобы защитить себя. Не преследуй его, а если увидишь, что я вступил с ним в бой, не беги на помощь. Понял?

Гаул кивнул. Перрин положил руку ему на плечо и перенес обоих в сторону Черной Башни. Прежде он там никогда не бывал, а посему направление пришлось угадывать. Первая попытка *сдвига* привела его в ту часть Андора, где поросшие травой холмы будто бы плясали и содрогались под порывами ветра. Перрин предпочел бы просто перепрыгивать с холма на холм, но решил, что к такому Гаул не готов, и поэтому продолжил использовать *сдвиг*.

После четырех или пяти попыток он заметил

возвышавшийся вдали полупрозрачный купол с легким фиолетовым отливом.

— Что это? — спросил Гаул.

— Наша цель, — ответил Перрин. — Из-за этой штуковины Неалд и Грейди не могут создать переходные врата в Черную Башню.

— То же самое было с нами в Гэалдане, верно?

— Да.

При виде этого купола Перрину явственно вспомнились гибнущие волки, но он отогнал эти воспоминания, ведь здесь они могут вызвать ненужные мысли. Он позволил себе ощутить глубокий гнев — не жгучий, а скорее теплый, как Мах'аллейнир, — но на этом все.

— Пойдем. — Перрин *сдвинул* их обоих к подножию купола. Тот казался стеклянным. — Если потеряю сознание, вытащи меня, — велел он Гаулу, а сам подступил к барьеру, уперся в нечто невероятно холодное, которое враз лишило его сил.

Перрин едва устоял на ногах, но не забыл о своей цели. Губитель. Убийца волков. Тот, кто убил Прыгуна.

Силы вернулись, и Перрин расправил плечи. Все оказалось проще, чем в прошлый раз; приходя в волчий сон во плоти, ты и впрямь становишься

сильнее. К тому же можно не волноваться, что слишком сильно погрузишься в сон и забудешься, а тело останется умирать в реальном мире.

Он преодолел преграду — медленно, будто перед ним была водная толща, — и очутился на другой стороне, под куполом. За спиной у него Гаул, явно заинтересовавшись, вытянул руку, а затем стукнул по стенке купола указательным пальцем.

И в следующее мгновение он рухнул наземь обмякшей тряпичной куклой, а его копья и стрелы разлетелись по сторонам. Айилец лежал без движения, он даже не дышал. Перрин с трудом просунул руку через барьер, ухватил Гаула за ногу и потянул к себе.

Под куполом айилец судорожно вдохнул, потом задышал нормально, потом, застонав, перекатился на спину и сел, держась за голову. Перрин тем временем молча собрал его стрелы и копья.

— Это будет неплохой способ заработать побольше *джи*, — промолвил Гаул. Он встал, потирая ушибленное при падении плечо. — Хранительницы Мудрости считают, что прийти сюда во плоти пагубно для нас? По-моему, они с радостью приводили бы сюда людей на обучение.

Перрин смерил айильца взглядом, впервые

поняв, что Гаул слышал его разговор с Эдаррой о волчьем сне, и спросил — больше, пожалуй, у самого себя:

— Какими поступками я заслужил твою преданность, Гаул?

— Дело не в поступках, — рассмеялся тот.

— В смысле? Я вызволил тебя из той клетки — вот ты и последовал за мной.

— Поначалу, — согласился Гаул. — Но оставался я с тобой не поэтому. Пойдем. Разве не пора нам охотиться на опасную добычу?

Перрин кивнул, Гаул закрыл лицо вуалью, и вместе они направились к строению, стоявшему в центре купола. До него было довольно далеко, но Перрин не хотел переноситься в неизведанное место. Поэтому они шли пешком по бескрайнему пастбищу, время от времени минуя небольшие перелески.

Примерно через час в поле зрения появились стены. Высокие и внушительные, они выглядели так, будто окружали крупный город. Перрин с Гаулом подошли к стенам; айилец осматривался с великой осторожностью, будто ожидая, что в него в любой момент полетят стрелы. Однако в волчьем сне эти стены не охранялись. Если Губитель здесь, он затаился в самом сердце купола, в

его центре. И наверняка поставил капканы.

Перрин положил ладонь на плечо Гаула и мгновенно перенес обоих на гребень стены. Пригнувшись пониже, айилец подкрался к ближайшей сторожевой башенке и заглянул под ее крышу, а Перрин подошел к внутреннему краю стены, по контрасту с которой сама Черная Башня выглядела, как оказалось, не очень-то внушительно: скромная деревушка, избушки и хибарки, а за ними — обширное пространство, на котором ведется какое-то масштабное строительство.

— Не слишком ли они самонадеянны, как по-твоему? — раздался женский голос.

Перрин вздрогнул, развернулся, вообразив в руке молот, а вокруг себя — защитную кирпичную стену. Рядом стояла невысокая молодая женщина с серебристыми волосами, в белом платье, перетянутом на талии серебряным поясом. Она выпрямилась во весь рост, словно пытаясь казаться выше. Лицо было незнакомым, но Перрин узнал ее запах.

— Лунная Охотница. — Его голос мог бы сойти за рык. — Ланфир.

— Мне больше не позволено пользоваться прежним именем, — сказала она и постучала пальцем по стене. — С именами у него все очень

строго.

Перрин попятился. Глянул по сторонам. Она заодно с Губителем? Гаул выскочил из сторожевой башенки, увидел женщину и замер. Перрин поднял руку, останавливая айильца. Успеет ли он перенестись к Гаулу и удрать с ним прежде, чем Ланфир нападет?

— Лунная Охотница? — Она облокотилась на зубчатую стену, доходившую ей до груди. — Так вот как меня называют волки? Но они не правы, это совершенно неверно. Я не охочусь за луной. Она и так моя.

— Что тебе нужно? — осведомился Перрин.

— Месть, — прошептала Ланфир и взглянула на него. — То же, что и тебе, Перрин.

— Я что, должен поверить, что ты тоже желаешь Губителю смерти?

— Губителю? Этому сиротке, мальчишке на побегушках у Моридина? Меня он не интересует. Моя месть падет на другого.

— Кого?

— Того, по чьей вине я оказалась в заключении, — произнесла женщина тихо, но страстно. Вдруг она посмотрела в небо, с тревогой распахнула глаза и исчезла.

Перрин переложил молот из одной руки в дру-

гую, а Гаул тем временем приблизился, пытаясь уследить за всеми направлениями сразу.

— Кто это? — прошептал он. — Айз Седай?

— Хуже, — поморщился Перрин. — Каким именем айильцы зовут Ланфир?

Гаул резко, с присвистом вдохнул.

— Не знаю, чего она хочет, — продолжил Перрин. — Я ее вообще никогда не понимал. Возможно, наши пути пересеклись по случайности, и если повезет, она уйдет по своим делам.

Но в это ему не верилось. Только не после того, что поведали ему волки. Лунная Охотница искала его. «О Свет! Только ее мне не хватало!»

С этой мыслью он перенес себя и Гаула к подножию стены, и они продолжили свою охоту.

Андрол был вынужден смотреть, как Тувин, опустившись на колени подле Логайна, гладит его по лицу. С трудом открыв глаза, Логайн в ужасе смотрел на нее.

— Все хорошо, — промурлыкала Тувин. — Незачем сопротивляться. Расслабься, Логайн. Уступи.

Обратить ее оказалось нетрудно. По всей очевидности, владеющие Силой мужчины, вступившие в соединение с тринадцатью мурддраалами, с относительной легкостью Обращали способных направлять женщин — и наоборот. Вот почему с

Логайном у них не заладилось.

— Берите его, — промолвила Тувин, указав на Логайна. — Покончим с этим раз и навсегда. Он заслужил покоя, этой награды Великого повелителя.

Прихвостни Таима уволокли Логайна прочь. Андрол проводил его безнадежным взглядом. Как видно, Таим считал Логайна желанной добычей. Стоит Обратить его — и проблем с остальной Черной Башней больше не будет. По приказу Логайна многие из оставшихся наверху ребят охотно примут эту незавидную судьбу.

«Откуда же у него столько сил для борьбы?» — подумал Андрол. За каких-то два сеанса полный достоинства Эмарин превратился в скулящее ничтожество, хотя его процедуру пока что не довели до конца. Логайна же терзали не меньше десяти раз, но он еще держался.

Но это изменится, ведь теперь в распоряжении Таима появились женщины. Вскоре после Обращения Тувин явились другие — сестры из Черной Айя под началом невероятно уродливой, но весьма властной женщины. К ним присоединились все Красные, что прибыли в Черную Башню с Певарой.

Сонная тревога передалась Андролу через узы

Певары. Та не спала, но ее опоили тем зельем, что лишает возможности направлять Силу. Хотя в голове у Андрола было относительно ясно. Сколько же времени прошло с тех пор, как его заставили допить ту чашку, которую сперва дали Эмарину?

«Логайн… долго не продержится. — В мысленном послании Певары чувствовались усталость и растущее смирение. — Что мы… — Ее мысли путались. — Чтоб мне сгореть! Что мы будем делать?»

Логайн закричал от боли. Такого прежде не случалось. Скверный знак, очень скверный. Стоя у двери, Эвин наблюдал за происходящим. Вдруг он глянул за плечо — так, словно чего-то испугался.

«О Свет! — подумал Андрол. — Может, это… порожденное порчей безумие? Вдруг оно никуда не делось?»

Он впервые заметил, что его оградили щитом, чего не делали с другими пленниками, если только действие настоя из корня вилочника не шло на спад, — тогда жертву можно было подвергнуть Обращению.

Его, точно копьем, пронзила паника. Он что, будет следующим?

«Андрол? — пришло от Певары. — У меня идея».

«Что за идея?»

Андрол закашлялся. Эвин вздрогнул, потом подбежал к нему и полил кляп пленника водой из фляжки. Аборс — один из Таимовых лизоблюдов — стоял в сторонке, лениво прислонившись к стене. Именно он удерживал щит. Он бросил взгляд на Андрола, но что-то, происходящее в другом углу комнаты, отвлекло его.

Андрол еще сильнее закашлялся. Эвин вытащил кляп и перекатил кожевника на бок, чтобы тот выплюнул воду.

— Давай-ка потише, — промолвил он, глянув на Аборса, но тот был все-таки довольно далеко и ничего не слышал. — Не надо их сердить, Андрол.

Обращение человека к Тени не бывает идеальным. Да, он встает на другую сторону, обязуясь верно служить Темному, но многое в нем остается прежним. Тварь, что поселилась у Эвина в голове, обладала его личностью, его воспоминаниями и — да ниспошлет то Свет — его недостатками и слабостями.

— Ты убедил их? — шепнул Андрол. — Уговорил не убивать меня?

— Ясное дело! — Эвин пригнулся к нему, сверкая безумными глазами. — Они все твердят, что от тебя никакой пользы — мол, силенок маловато. Но никому из них не нравится открывать

переходные врата и переводить людей с места на место. Я сказал, что этим будешь заниматься ты. Будешь, ведь правда?

— Ну конечно, — подтвердил Андрол. — Лучше уж так, чем умереть.

Эвин кивнул:

— Тебя перестали поить настоем из корня вилочника. Пойдешь следующим, после Логайна. Великий повелитель наконец-то прислал М'Хаэлю новых женщин, не измотанных постоянным обращением с Силой. С ними, Тувин и Красными дело наверняка пойдет куда быстрее. Думаю, к вечеру М'Хаэль получит Логайна.

— Я им послужу, — сказал Андрол. — И принесу клятву Великому повелителю.

— Это хорошо, Андрол, — признал Эвин. — Но мы не можем тебя отпустить, покуда ты не будешь Обращен. Одной клятвы М'Хаэлю недостаточно. Все пройдет как по маслу. Я сказал им, что Обратить тебя — плевое дело. Ты же не станешь сопротивляться?

— Не стану.

— Благодари Великого повелителя, — сказал Эвин, явно испытывая облегчение.

«Ох, Эвин… Никогда ты умом не отличался».

— Кстати, Эвин, — тихонько произнес Анд-

рол, — берегись Аборса. Да ты и сам это знаешь, верно?

— Андрол, теперь я один из них, — напомнил Эвин. — Можно не бояться. Они меня не тронут.

— Вот и славно, — шепнул Андрол. — Значит, не важно, как он о тебе отзывался.

Эвин беспокойно заерзал. Этот его взгляд… В нем читался страх, хотя порчи больше нет, и Джоннету, Эмарину и другим новоиспеченным Аша'манам не придется страдать от безумия.

У разных людей оно проявлялось по-разному и с разной быстротой. Однако самым распространенным его признаком был страх. Безумие накатывало волнами; оно пожирало Эвина, когда случилось очищение саидин. Андрол видел, как приходилось умерщвлять вконец обезумевших из-за воздействия порчи Аша'манов. И он прекрасно знал этот страх, что видел теперь в глазах Эвина. Хотя парнишка Обращен, безумие останется с ним навсегда, пусть даже и не будет нарастать.

— А что он говорил? — спросил Эвин.

— Ему не понравилось, что тебя Обратили, — ответил Андрол. — Думает, ты займешь его место.

— Да ну?

— Эвин… По-моему, он хочет тебя убить. Давай-

ка поосторожнее.

Эвин встал:

— Спасибо, Андрол.

И он ушел, а Андрол остался лежать на полу. Но уже без кляпа.

«Ничего… не выйдет», — сонно подумала Певара.

Она мало прожила среди них. Она не видела, на что способно безумие, не умела распознать его во взгляде Аша'мана. Обычно, когда кто-то из них впадал в такое состояние, его хватали и запирали одного, дожидаясь, пока он не придет в себя. А если этого не происходило, Таим подмешивал что-то несчастному в вино, после чего тот засыпал и не просыпался.

Если безумца не остановить, он начнет крушить все, на что упадет его взгляд. Убьет любого, кто окажется рядом, — начиная с тех, кого любит.

Андрол знал это безумие. И еще он знал, что такое же безумие дремлет в его сознании. «Ты ошибся, Таим, — подумал он. — Решил использовать наших друзей против нас, но мы знаем их лучше, чем ты».

Эвин ударил Аборса, хлестнув скрученной Единой Силой, и секундой позже ограждавший

Андрола щит исчез.

Андрол обнял Источник. Высоким уровнем в Силе он не отличался, но веревки на окровавленных руках сжечь сумел, а когда высвободился из своих пут, окинул комнату оценивающим взглядом. Прежде у него не было возможности рассмотреть ее во всех подробностях.

Помещение оказалось просторнее, чем он думал, размером с небольшой тронный зал. В глаза бросалось широкое круглое возвышение у дальней стены, где двойным кольцом стояли женщины и мурддраалы. Увидев Исчезающих, Андрол содрогнулся. О Свет! Эти их безглазые лица — жуть что такое.

У той же стены стояли изнуренные люди Таима — Аша'маны, не сумевшие Обратить Логайна, — а тот, обмякший, был привязан к подобию трона, стоявшему на возвышении в центре двойного кольца. Голова на плече, глаза закрыты. Казалось, он что-то нашептывает.

Разъяренный Таим уже повернулся к обугленному трупу Аборса, рядом с которым боролись на полу Эвин и Мишраиль. Оба удерживали Единую Силу. В руке у Эвина блестел нож.

Андрол кое-как подобрался к Эмарину и чуть не упал лицом вниз, когда отказали ноги. О Свет, как

же он ослаб! Но все же Андрол сумел сжечь путы Эмарина, а затем и Певары. Та встрепенулась, пытаясь прийти в себя, а Эмарин благодарно кивнул.

— Плести можешь? — шепотом спросил Андрол. Внимание Таима было отвлечено дракой Эвина.

Эмарин помотал головой:

— Это питье, которым нас напоили…

Андрол вцепился в Единую Силу. Тени вокруг стали удлиняться.

«Нет! — подумал он. — Только не сейчас!»

Врата. Ему нужны переходные врата! В попытке создать плетение Перемещения Андрол припал к Источнику, но, как и прежде, наткнулся на какой-то барьер — что-то вроде стены, не позволяющей открыть переходные врата. В отчаянии он попробовал сплести еще одни, теперь поближе, ведущие наверх, на склад Канлера. Быть может, все дело в расстоянии?

Снова стена, и Андрол ударил в нее изо всех сил, поднатужился, почувствовал, как дюйм за дюймом она уступает, уже вот-вот, почти…

— Умоляю, — прошептал он, чувствуя, как что-то меняется. — Умоляю, откройтесь. Нам надо выбраться отсюда…

Сразив Эвина плетением, Таим проревел:

— Что это было?

— Понятия не имею, — ответил Мишраиль. — Эвин набросился на нас! Сперва говорил с пажом, а затем…

Оба повернулись к Андролу. Тот, бросив попытки сплести переходные врата, от безысходности запустил в Таима тесьмой Огня.

Таим улыбнулся. Не долетев до него, язык пламени растворился в плетении Воздуха и Воды.

— Ты и впрямь настырный. — С этими словами Таим прядью Воздуха прижал Андрола к стене, и тот охнул от боли.

Эмарин стал было подниматься, но второе плетение Воздуха сшибло его с ног. Оглушенный, Андрол почувствовал, как его поднимают над полом и тянут через всю комнату.

Безобразная женщина в черном покинула круг Айз Седай и подошла к Таиму.

— Вот как, М'Хаэль, — сказала она. — Ты утверждал, что это место у тебя под контролем. Но, как вижу, это совсем не так.

— У меня негодные инструменты, — заявил Таим. — Надо было предоставить мне женщин — пораньше да побольше!

— Ты довел своих Аша'манов до изнеможе-

ния, — заметила женщина. — Безрассудно растратил их силы. Теперь всем тут займусь я.

Таим стоял на помосте, рядом с обмякшим Логайном, Исчезающими и Айз Седай. Похоже, эту женщину — вероятно, одну из Отрекшихся, — он считал самой большой угрозой в этом зале.

— Думаешь, у тебя все получится, да? — спросил он.

— Когда Ни'блис узнает, какой ты безрукий…

— Ни'блис? Какое мне дело до Моридина? Я уже преподнес дар самому Великому повелителю. Помни, что он благоволит мне. В моих руках ключи, Хессалам.

— То есть… Что, правда? Ты украл ключи?

Таим улыбнулся. Он повернулся к висевшему в воздухе Андролу. Тот пытался вырваться, но тщетно. Щитом его не оградили — сочли, что незачем тратить энергию на такого слабака, — и он снова атаковал Таима, но тот равнодушно блокировал его плетение, потом расплел пряди Воздуха, и Андрол тяжело упал на пол.

— Как давно ты учишься тут, Андрол? — спросил Таим. — Ты позоришь меня. Неужели это лучшее, на что ты способен, когда надо убить человека?

Андрол кое-как поднялся на колени, чувствуя

боль и тревогу оставшейся за спиной Певары, одурманенной настоем корня вилочника. Перед ним в окружении врагов сидел привязанный к трону Логайн — глаза закрыты, сам едва в сознании.

— Здесь больше нечего делать, — сказал Таим. — Мишраиль, убей этих пленников. Тех, кто наверху, заберем к Шайол Гул. Великий повелитель обещал, что там мне предоставят дополнительные ресурсы для работы.

Прислужники Таима приближались. Стоявший на коленях Андрол поднял взгляд. Со всех сторон наползала тьма, и в ней бесновались тени. Эта тьма… она приводила его в ужас. Надо, надо отпустить саидин — но Андрол не мог этого сделать.

Он должен был начать плетение.

Таим взглянул на него, затем улыбнулся и сотворил погибельный огонь.

«Тени, они повсюду!»

Андрол вцепился в Единую Силу.

«Мертвецы, они идут за мной!»

Он инстинктивно создал плетение, которое знал лучше всего. Переходные врата. И наткнулся на стену. Все ту же треклятую стену.

«Так устал… Тени… Меня заберут тени».

С кончиков пальцев Таима сорвался добела

раскаленный луч света. Он был направлен на Андрола. Андрол вскрикнул, поднапрягся, выставив перед собой руки и закончив плетение. Он ударил в ту стену и пробил, сокрушил, преодолел ее.

Перед ним открылись переходные врата размером с монету, принявшие в себя погибельный огонь. Смертоносный луч угодил в них и исчез.

Таим нахмурился, и в зале стало тихо. Потрясенные Аша'маны отвлеклись от своих плетений.

И в этот миг дверь, сорванная с петель, разлетелась на куски.

В зал с воплем вломился Канлер, преисполненный Единой Силой и в компании двух десятков парней из Двуречья, пришедших в Черную Башню на обучение.

— На нас напали! — заорал Таим, вновь обращаясь к Источнику.

Судя по всему, центр купола находился над тем местом, где велось строительство. Это плохо: там полно всевозможных начатков фундамента и разных ям, так что Губителю не составит труда устроить засаду.

Когда они с Гаулом добрались до деревни, Перрин указал на самое крупное здание — двухэтажное, с крепкой деревянной крышей, что-то вроде сельской гостиницы, — и прошептал:

— Отправлю тебя наверх, вон туда. Держи лук наготове. Если заметишь, что ко мне подкрадываются, кричи. Договорились?

Айилец кивнул, и Перрин *сдвинул* обоих на крышу, где Гаул укрылся за печной трубой. Цвет его одежды изменился, чтобы та не бросалась в глаза на фоне глиняных кирпичей. Он присел и поднял лук — не такой дальнобойный, как двуреченские, но на таком расстоянии не менее смертоносный.

Перрин спрыгнул на землю, замедлив падение на последнем дюйме, чтобы не нашуметь, пригнулся и перенес себя дальше, к стене соседнего здания, а затем — к углу последнего дома в том ряду, за которым начиналась стройка, и потом оглянулся через плечо. Гаул — снизу его почти не было видно — поднял руку с растопыренными пальцами: мол, «слежу за тобой».

Оттуда Перрин пополз на животе, не желая переноситься в место, которого не видел. У края первого котлована, похожего на огромную яму, он остановился и посмотрел вниз. Ветер не унимался, и над земляным дном, скрывая любые возможные следы, клубилась потревоженная пыль.

Перрин привстал на корточки и двинулся впе-

ред, вдоль края громадного рва под фундамент. Где же может быть центр купола? Трудно сказать. Купол слишком велик. Поэтому Перрин не расслаблялся и смотрел во все глаза.

Он так сосредоточился на ямах и канавах, что едва не натолкнулся на караульных. Об опасности его предупредил негромкий смешок кого-то из них. Перрин тут же *сдвинулся* на другую сторону стройки. Он упал на колени, призвав в руки двуреченский длинный лук, и обвел внимательным взором место, где только что находился, а теперь оказавшееся на значительном расстоянии.

«Вот дурень!» — отчитал он себя, заметив наконец двоих охранников. Парочка бездельничала под навесом возле котлована. Под такими навесами обычно кормят строительных рабочих. Перрин с тревогой огляделся, но Губитель не набросился на него из засады, а караульные, похоже, ничего не видели.

Рассмотреть все в подробностях не было никакой возможности, поэтому Перрин осторожно *сдвинулся* поближе к прежнему месту. Потом он спрыгнул в ров и, создав у его стенки земляные ступеньки, взобрался на эту импровизированную лесенку и глянул поверх края котлована в сторону навеса.

Да, караульных было двое. Мужчины в черных мундирах. Аша'маны. Их лица показались Перрину знакомыми. Не эти ли парни наряду с другими спасли Ранда возле Колодцев Дюмай? Они же были верны Дракону? Или нет? Может, Ранд прислал Перрину подмогу?

«Чтоб ему сгореть! — подумал Перрин. — Неужели нельзя хоть раз повести себя искренне, без подобных выкрутасов?»

Ясное дело, даже Аша'маны могут оказаться приспешниками Темного. Перрин задумался, не стоит ли выскочить из ямы и дать им бой.

— Сломанные инструменты, — раздался у него над ухом чей-то ленивый голос.

Перрин вздрогнул, выругался и обнаружил, что рядом на земляной ступеньке, пристально глядя на Аша'манов, стоит Ланфир.

— Их Обратили, — продолжила она. — Я всегда считала, что Обращение — пустая и затратная затея. При трансформации что-то теряется, и эти двое никогда не станут служить столь же ревностно и хорошо, как если бы пришли к Тени по собственной воле. О да, они будут верны, но без огонька. Мотивация, изобретательность, та искра, что делает человека человеком… она угасла.

— Тише, — сказал Перрин. — Обратили? О чем

ты? То есть…

— Тринадцать мурддраалов и тринадцать Повелителей ужаса, — презрительно усмехнулась Ланфир. — Так грубо. И так бессмысленно.

— Не понимаю…

Ланфир вздохнула и заговорила таким тоном, будто втолковывала ребенку нечто общеизвестное:

— Тех, кто способен направлять, при определенных условиях возможно насильно обратить к Тени. Но М'Хаэль испытывает сложности с этим процессом. Дело идет труднее, чем ему хотелось бы. Для быстрого Обращения мужчин ему нужны женщины.

«О Свет!» — подумал Перрин. Известно ли Рэнду, что с людьми можно сотворить такую жуть? Может, и с ним хотят проделать то же самое?

— На твоем месте я остерегалась бы этих двоих, — предупредила Ланфир. — Они сильны.

— В таком случае не следует ли говорить потише? — прошептал Перрин.

— Ха! Тут изменить направление звука проще простого. Я могла бы голосить как резаная, и они ничего не услышали бы. Ты только погляди, они выпивают! Вино с собой притащили. Разумеется, эти двое здесь во плоти. И вряд ли главарь преду-

предил их, насколько это опасно.

Перрин снова посмотрел на караульных. Они потягивали вино и пересмеивались. На глазах у Перрина один завалился набок, а за ним и второй. Соскользнув с табуретов, оба растянулись на земле.

— Что ты сделала?

— Добавила в вино настой из корня вилочника, — сказала Ланфир.

— Зачем ты помогаешь мне? — требовательно спросил Перрин.

— Затем, Перрин, что ты мне очень нравишься.

— Но ты одна из Отрекшихся!

— Уже нет, — ответила Ланфир. — Меня лишили этой… привилегии. Темному стало известно, что я намеревалась помочь Льюсу Тэрину одержать победу. И теперь я…

Она осеклась и снова взглянула на небо. Что она видит в этих тучах? Надо полагать, нечто неприятное, поскольку Ланфир побледнела, а секундой позже исчезла.

Перрин размышлял, пытаясь понять, как быть дальше. Ясно, что доверия Ланфир не заслуживает. Но здесь, в волчьем сне, она большая искусница. Дважды появилась рядом, не издав

ни звука, а это труднее, чем кажется: ведь ей пришлось сделать так, чтобы при ее появлении не всколыхнулся воздух, — то есть убрать его с дороги. К тому же ей необходимо было приглушить шелест платья и точно рассчитать место своего появления, дабы не потревожить какой-нибудь камешек.

И тут до Перрина дошло, что на сей раз она скрыла еще и свой запах. Легкий аромат ночной лилии он почуял, только когда Ланфир заговорила.

Он нерешительно выбрался из ямы и подошел к навесу. Оба караульных спали. Что будет, если человек уснет в Мире снов? В обычном случае он вернется в реальный мир — но эти двое явились сюда во плоти.

Перрин содрогнулся, задумавшись о том, что с ними сделали. «Обратили»? Да, так сказала Ланфир. О Свет! Как несправедливо! «Узору неведома справедливость», — напомнил себе Перрин и по-быстрому обыскал пространство под навесом.

Шип сновидений он обнаружил под столом. Его просто воткнули в землю. Серебристую металлическую штуковину, похожую на длинный колышек для шатра, по всей длине украшала какая-то вязь. Шип походил на тот, первый, что уже

попадался Перрину, но были и отличия. Перрин вытащил штырь из земли, положил ладонь на молот и стал ждать Губителя.

— Его здесь нет, — сказала Ланфир.

— О Свет! — вздрогнув и машинально занеся оружие, воскликнул Перрин. — Зачем ты появляешься так внезапно, женщина?

— Он ищет меня. — Ланфир подняла глаза к небесам. — Предполагается, что на такое я не способна, но он что-то заподозрил, и теперь ищет, а если найдет, все узнает. Уничтожит меня, пленит, предаст огню, и я буду гореть до скончания времен.

— Хочешь, чтобы я пожалел тебя, Отрекшаяся? — резко бросил Перрин.

— Я выбрала своего господина, — ответила Ланфир, задумчиво глядя на него. — Такова плата за выбор — если только я не найду способ освободиться.

— То есть?

— Думаю, у тебя наилучшие шансы на успех, — сказала она. — Мне надо, чтобы ты победил, Перрин, а когда это произойдет, я должна быть рядом с тобой.

— Так и не выучила новых трюков, да? — фыркнул он. — С этим предложением ступай к

кому-нибудь другому. Меня оно не интересует.

Перрин покрутил в руке шип сновидений. Он так и не разобрался, как работают такие штуковины.

— Поверни вон там, сверху, — подсказала Ланфир, показывая пальцем.

Перрин с подозрением покосился на нее.

— Ты же не думаешь, что при желании я не смогла бы забрать его себе? — с веселым удивлением спросила она. — Напомни-ка, кто тебе помог? Кто усыпил выкормышей М'Хаэля?

Перрин помешкал, потом нерешительно протянул ей артефакт. Ланфир провела по нему большим пальцем, от кончика к середине — внутри металлического стержня что-то щелкнуло, — после чего повернула верхушку, и бледно-фиолетовая преграда скукожилась, а затем исчезла.

Ланфир отдала вещицу Перрину:

— Поверни снова, чтобы включить барьер, — чем дольше поворачиваешь, тем шире будет купол. А чтобы зафиксировать его, проведи пальцем по стержню. Так же, как я, только наоборот. Будь осторожен. Где бы ты ни установил шип, он повлияет как на реальный мир, так и на этот. Даже твои союзники не смогут ни войти, ни выйти. Преодолеть это ограничение ты сможешь с

помощью ключа, но мне неизвестно, что за ключ подходит к этому шипу.

— Спасибо, — проворчал Перрин. Спавший у его ног Аша'ман что-то пробормотал и перекатился на бок. — А что, этому… этому Обращению никак нельзя противостоять? Они ничего не могли сделать?

— Сопротивляться можно, но недолго, — ответила Ланфир. — Совсем недолго. Рано или поздно сломаются даже сильнейшие. Если за мужчину взялись женщины, они быстро добьются своего.

— Так быть не должно. — Перрин встал на колени. — Нельзя, чтобы человека силой обращали на сторону Тени. Даже если тебя лишили всего остального, этот выбор должен остаться за тобой.

— О да, выбор у них имелся. — Ланфир небрежно тронула Аша'мана носком туфли. — Они могли выбрать укрощение. Избавились бы от своей слабости, и Обратить их стало бы невозможно.

— Разве это выбор?

— Таково плетение Узора, Перрин Айбара. Не все варианты выгодны. Иной раз приходится выбирать наименьшее зло и пытаться оседлать бурю.

— Хочешь сказать, что так ты и поступила? —

Перрин бросил на нее острый взгляд. — Выбрала наименьшее зло и присоединилась к Тени? Ни на миг не поверю. Все знают: ты сделала это ради власти.

— Верь во что хочешь, волчонок, — ответила Ланфир, и ее взгляд ожесточился. — Я дорого заплатила за свои решения. И продолжаю платить. Мучительной болью и невыносимой тоской при мысли о том, что я сделала в жизни. Тебе не осознать моих страданий, они выходят за границы твоего понимания.

— И из всех Отрекшихся только ты выбрала свое место и с готовностью приняла его, — сказал Перрин.

Она фыркнула:

— Думаешь, стоит верить россказням, которым три тысячи лет?

— Всяко лучше, чем доверять такой, как ты.

— Как пожелаешь. — Она снова опустила взгляд на спящих мужчин. — Если эти сведения пойдут тебе на пользу, волчонок, знай: многие — по крайней мере, некоторые — уверены, что при Обращении человек погибает, и в его тело потом вселяется иная сущность.

С этими словами она исчезла. Перрин вздохнул, сунул за пояс шип сновидений и *сдвинулся*

обратно на крышу, где Гаул мгновенно нацелил на него лук:

— Это ты, Перрин Айбара?

— Это я.

— Думаю, мне нужны доказательства, — сказал Гаул, не опуская оружия. — По-моему, в таком месте довольно легко изменить внешность.

— Внешность — это еще не все, — улыбнулся Перрин. — Я знаю, что у тебя две гай'шайн. Одна нужна тебе, другая нет, и обе не довольствуются своей ролью. Если мы выживем, одна из них может выйти за тебя замуж.

— Одна? Может, — согласился Гаул, опуская лук. — Но пока что все выглядит так, что мне придется взять в жены обеих. Или ни одну из них. Быть может, это мое наказание за то, что им пришлось отказаться от копья, хотя выбор сделал не я, а они сами. — Он покачал головой. — Купол исчез.

— Да. — Перрин показал ему шип сновидений.

— Что будем делать дальше?

— Ждать. — Перрин уселся на крышу. — Посмотрим, не привлечет ли исчезновение купола внимание Губителя.

— А если не привлечет?

— Тогда отправимся искать его в другое под-

ходящее место. — Перрин запустил пальцы в бороду. — Туда, где есть волки, которых можно убить.

— Мы тебя слышали! — крикнул посреди огненного сражения Канлер, обращаясь к Андролу. — Чтоб мне сгореть, если это не так! Сидели наверху, у меня в мастерской, а как услышали твои слова — твои мольбы! — тут же решили, что пора в бой. Сейчас или никогда!

Повсюду взрывались плетения и вспучивался земляной пол. От возвышения, где стояли люди Таима, к двуреченцам устремлялись тесьмы Огня. Исчезающие в недвижных плащах, обнажив клинки, рассыпались по залу.

Андрол, пригнувшись, отполз от Канлера — туда, где остались Певара, Джоннет и Эмарин. Канлер услышал его? Через те переходные врата, что он создал перед тем, как Таим подвесил его в воздухе? Должно быть, они получились совсем крошечные, и Андрол их не заметил.

То есть… он снова может открывать переходные врата. Правда, очень маленькие. И какая от них польза? «Достаточная, чтобы остановить погибельный огонь Таима», — подумал Андрол, добравшись до Певары и остальных. Все трое были не в состоянии драться. Андрол начал

плести переходные врата, наткнулся на стену, приналег…

И что-то изменилось.

Стена исчезла.

Пару секунд Андрол просто сидел, не понимая, что случилось. В ушах стоял грохот взрывов. Канлер и остальные сражались как могли, но двуреченцам противостояли отлично подготовленные Айз Седай и, быть может, одна из Отрекшихся, и парни — хоть и отменные бойцы — гибли один за другим.

Но стены больше не было.

Андрол медленно встал и направился обратно к центру зала. Не сходя с возвышения, Таим и его люди отбивались от атаки; плетения Канлера и его людей становились все слабее.

Глядя на Таима, Андрол чувствовал могучий прилив всепоглощающей ярости. Черная Башня принадлежала Аша’манам, а не этому человеку.

Пора вернуть им власть над этим местом.

Андрол взревел, вскинул руки и сплел переходные врата, чувствуя, как его наполняет неостановимый поток Силы. Как всегда, его врата распахнулись в мгновение ока. Для человека его способностей они были просто громадными — в такие без труда проедет широкая подвода — и

открылись перед орудующими Силой прислужниками Таима за миг до того, как те дали новый залп смертоносных плетений.

Вход во врата находился прямо перед ними. А портал выхода — в нескольких шагах у них за спиной.

Плетения, сотворенные Таимовыми мужчинами и женщинами, влетели в открытые переходные врата — со стороны Андрола они выглядели как туманное марево — и ударили в спину своим создателям.

Плетения поразили своих создателей, сжигая Айз Седай, убивая Аша'манов и нескольких уцелевших мурддраалов. От напряжения Андрол взревел громче прежнего, миниатюрными переходными вратами рассек путы Логайна. Потом он открыл еще одни врата, в полу, прямо под стулом Логайна, которые вели в место подальше от Черной Башни — где, да ниспошлет Свет, будет безопасно.

Женщина по имени Хессалам сбежала. Как только она юркнула в сотворенные ею переходные врата, за нею последовали Таим и еще двое. Остальным не хватило ума сделать то же самое — поскольку секундой позже Андрол создал переходные врата шириной во весь пол, и враги

отправились в последний свой полет с высоты в несколько сотен футов.

Глава 15. Петля на шее

Таразинский дворец в Эбу Дар, столице Алтары, даже близко не был самым охраняемым местом из тех, куда Мэту доводилось проникать. Он твердил это про себя снова и снова, болтаясь под балконом на высоте трех этажей от земли.

Одной рукой он цеплялся за мраморный выступ, а другой придерживал шляпу. Что касается ашандарея, тот был привязан к спине. Узел Мэт припрятал внизу, в саду. Ночной воздух приятно холодил взмокшее от пота лицо.

На балкон, бряцая доспехами, вышли двое Стра-

жей Последнего часа. Кровь и треклятый пепел! Неужто эти парни никогда не снимают брони? Они походили на жуков. Мэт едва различал их силуэты. Балкон окружали затейливые кованые ставни, чтобы из сада не подглядывали за обитателями дворца, но с такого близкого расстояния Мэту все было видно.

О Свет! Когда же они уйдут, эти стражники? У Мэта уже рука разболелась. Мужчины негромко переговаривались. Может, сейчас рассядутся прямо здесь, на балконе, начнут чай распивать. Книжку достанут и устроят полуночные чтения. Надо бы сказать Туон, чтобы выгнала этих двоих. Ишь, досужие, стоят себе да языками чешут — а вдруг по дворцу шныряют убийцы?

В конце концов, благодарение Свету, стражники ушли. Прежде чем взобраться на балкон, Мэт решил сосчитать до десяти, но продержался только до семи. Толкнув рукой незапертый ставень, он перелез через балконные перила, отдышался, стараясь не шуметь, и потряс затекшей рукой.

Таразинский дворец, даже несмотря на этих двоих стражников, по неприступности никак не мог сравняться с Тирской Твердыней, а туда Мэт уже пробирался. Здесь у него, конечно, имелось преимущество: в прошлом он жил в этом дворце.

Входил и выходил, когда заблагорассудится. По большей части. Он почесал прикрытое шарфом горло, и ему показалось, что это не шарф, а ошейник. Вернее, не ошейник, а самая натуральная цепь.

Отец Мэта говаривал: всегда знай, куда ехать собираешься. Не бывало на свете человека честнее, чем Абелл Коутон, это известно всем и каждому, но некоторые — вроде тех, из Таренского Перевоза, — вообще не заслуживают никакого доверия. Если торгуешь лошадьми, не уставал повторять Абелл, будь готов мигом вскочить в седло и заранее определись, куда поскачешь.

За два месяца жизни во дворце Мэт изучил все способы выйти за его стены. Знал тут каждую лазейку, каждый коридор, каждое неплотно закрытое окно. Помнил, какие балконные ставни отворяются без особого труда, а какие обычно бывают крепко заперты. Если знаешь, как выбраться, то и внутрь пробраться несложно. Какое-то время Мэт отдыхал на балконе, но в комнату рядом с ним входить не рискнул. Здесь, на третьем этаже, останавливались гости. Да, он мог бы проскользнуть во дворец и этим путем, но нутро здания всегда стерегут лучше, чем его наружность, так что правильнее будет взобрать-

ся по стене.

Главное же в этом процессе — поменьше смотреть вниз. К счастью, покорить дворцовую стену было совсем нетрудно: резные камень и дерево — множество мест, за которые можно ухватиться. Мэт вспомнил, как однажды отчитал за это Тайлин.

Словно муравьи по склону холма, капли пота ползли по лбу Мэта, когда он взобрался на балконный ставень, подтянулся и полез на четвертый этаж. Время от времени по ногам постукивал ашандарей. Дул легкий ветерок, и пахло морем. Наверху всегда дышится приятнее, чем внизу. Наверное, потому, что голова пахнет лучше, чем ноги.

«Да ну, глупости», — перебил себя Мэт. Хотя… Все, что угодно, лишь бы не думать о высоте. Мэт зацепился за деталь каменной резьбы, начал подтягиваться, нога соскользнула с опоры, и он едва не упал. Мэт сделал тяжелый вдох, выдохнул и продолжил путь.

Вот он, нужный балкон, уже рукой подать. Хотя в покоях Туон балконов, ясное дело, предостаточно, сегодня Мэт решил, что заберется в спальню, а не в гостиную, балкон которой выходил на площадь Мол Хара, откуда человек на стене бросался

бы в глаза, как муха на сливочном пудинге.

Он поднял глаза на скрытый затейливым кованым орнаментом железный балкон. Мэту всегда было любопытно, сумеет ли он на него взобраться, — и, конечно же, он задавался вопросом, как лучше спуститься с этого балкона.

Нет уж, больше глупить он не станет. В другой раз по стене не полезет, это уж точно. Только сегодня, да и то без особого желания. Мэтрим Коутон знает, что за собственной шеей нужен глаз да глаз. Удача или что другое, а дожил он до этого дня вовсе не потому, что сдуру рисковал направо и налево. Если Туон хочет жить в городе, где командующий ее же армиями желает ей смерти, это ее выбор.

При этой мысли Мэт утвердительно кивнул. Да, он взберется в покои Туон и самым рассудительным образом объяснит ей, что ей необходимо убраться из города и что этот генерал Галган — предатель. А потом он сам распорядится своим временем и отправится туда, где можно поиграть в кости. В конце концов, именно для этого он в Эбу Дар и приехал. Если Ранд на севере — там, где собрались все троллоки, — тогда Мэт будет держаться как можно дальше от него. Жаль Ранда, конечно, но любой здравомыслящий человек

поймет, что Мэт принял единственно верное решение. В голове закружился разноцветный хоровод, но Мэт отогнал его прочь.

Рассудительность — первейшее дело, и он будет предельно рассудительным.

Когда Мэт, ругаясь себе под нос, добрался до четвертого этажа, он весь взмок от пота, а руки болели так, что того и гляди отвалятся. Одна из задвижек держалась на честном слове, как и в те времена, когда Мэт жил во дворце. Пара-тройка движений проволочным крючком — и все, добро пожаловать. Мэт перелез через ограждение, снял ашандарей и улегся на спину. Запыхался он так, будто пробежал от Андора до самого Тира.

Через несколько минут он заставил себя встать, глянул за открытый ставень вниз, с высоты четырех этажей, и страшно загордился своим восхождением.

Потом Мэт поднял ашандарей и подошел к дверям, ведущим с балкона в спальню. Туон, несомненно, перебралась сюда, в покои Тайлин. Они самые лучшие во всем дворце. Мэт чуть-чуть приоткрыл дверь. Для начала глянет в щелочку, одним глазком, а затем…

Что-то вылетело из темноты комнаты и вонзилось в дверь у него над головой.

Мэт упал, откатился, одной рукой выхватывая нож, а другой сжимая ашандарей. Арбалетный болт ударил в дверь с такой силой, что та со скрипом распахнулась.

Мгновением позже на балкон выглянула Селусия. Правая половина ее головы была выбрита, левая прикрыта тканью; кожа у женщины была цвета сливок, но любого мужчину, кто счел бы ее нежной и податливой, очень скоро ждало горькое разочарование. Жесткости у нее могла бы поучиться и наждачная бумага.

Селусия направила на него маленький арбалет, и Мэт поймал себя на том, что улыбается.

— Так и знал! — воскликнул он. — Ты — телохранительница и всегда ею была.

— Что ты здесь делаешь, болван? — хмуро глядя на непрошеного гостя, спросила Селусия.

— Да так, прогуляться вышел. — Мэт встал и спрятал нож. — Говорят, от ночного воздуха парням сплошная польза — морской ветерок и все такое…

— Ты что, по стене сюда забрался? — изумилась Селусия, взглянув на балконную ограду и не увидев за балконом ни лестницы, ни веревки.

— А ты разве по стенам не лазаешь? Это очень полезно для рук. Улучшает хватку.

Она бросила на него страдальческий взгляд, и Мэт ухмыльнулся до ушей. Если наемных убийц ждет встреча с Селусией, Туон, пожалуй, ничто не грозит. Он кивнул на арбалет, по-прежнему направленный в его сторону:

— Нельзя ли?..

Помешкав, Селусия вздохнула и опустила оружие.

— Премного благодарен, — сказал Мэт. — Такой штуковиной человеку глаз выбить можно, и в обычном случае я бы не возражал, но с недавних пор мои запасы глаз подходят к концу.

— Что ты натворил? — холодно осведомилась Селусия. — Сыграл в кости с медведем?

— Надо же! — воскликнул Мэт, проходя мимо нее к двери в спальню. — Это было похоже на шутку, Селусия. Не совсем, но почти. Думаю, если постараться, есть шанс развить у тебя чувство юмора. Это будет такая диковинка, что сможем показывать тебя в зверинце за деньги. «Гвоздь программы! Со'джин, которая смеется! Только сегодня — всего лишь два медяка!»

— Ты проиграл свой глаз в какую-то игру, верно?

Открывая дверь, Мэт едва не зацепился ногой за порог. Затем усмехнулся. О Свет! Как ни стран-

но, слова Селусии были недалеки от истины.

— А ты сообразительная…

«Эту ставку я выиграл, — подумал он, — кто бы что ни говорил». Мэтрим Коутон — единственный человек на свете, сыгравший в игру, где на кону стояла судьба всего мира. В следующий раз, понятное дело, пусть лучше найдут на его место какого-нибудь героического дурачка. Вроде Ранда или Перрина. У них героизма хоть отбавляй, разве что изо рта не сочится и с подбородка не капает. Мэт отогнал разноцветье, предвещавшее новые видения. О Свет! Об этих двоих лучше не вспоминать.

— Где она? — спросил он, обводя взглядом спальню.

Постельное белье в беспорядке — честное слово, Мэт вовсе не представил, что к изголовью привязаны розовые ленты, — но Туон нигде не видно.

— Вышла, — ответила Селусия.

— То есть как это вышла? Ночь на дворе!

— Да. Время, когда не приходит никто, кроме убийц. Тебе повезло, что я промахнулась, Мэтрим Коутон.

— Проклятье! Ничего подобного! Ты же ее телохранительница!

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. — Арбалет Селусии исчез в складках одежды. — Я — со'джин императрицы, да живет она вечно, я — ее Глашатай и ее Говорящая Правду.

— Прелестно. — Мэт снова глянул на кровать. — И выступаешь в роли приманки? Лежишь в ее постели? С взведенным арбалетом — на тот случай, если нагрянут злодеи?

Селусия промолчала.

— Так где она? — осведомился Мэт. — Кровь и пепел, женщина, дело-то нешуточное! Убийц нанял сам генерал Галган!

— Так вот о чем ты беспокоишься? — уточнила Селусия. — Об этом?

— Проклятье! Ну конечно!

— Насчет Галгана не волнуйся, — сказала Селусия. — Как хороший солдат, он не стал бы подвергать риску наши попытки стабилизировать ситуацию. Но Криза — совсем другое дело. Привезла троих убийц из Шончан. — Она глянула на дверь балкона, и Мэт впервые заметил на полу пятно — нельзя исключать, что кровавое. — Двоих я уже подловила, а тебя приняла за третьего. Жаль.

Селусия смерила его взглядом, будто прикидывая — вразрез со здравым смыслом, — не является

ли Мэт тем третьим убийцей.

— Да ты рехнулась, так тебя растак! — Мэт надвинул на лоб шляпу и перехватил ашандарей. — Я иду к Туон.

— Теперь у нее, да живет она вечно, другое имя. Она известна как Фортуона, но так ее тоже не называй. Обращайся к ней «Высочайшая» или «Величайшая».

— Как захочу, так и буду обращаться. Кровь и пепел! Где она?

Селусия продолжала смотреть на него.

— Никакой я не убийца, — заявил Мэт.

— Убийцей я тебя не считаю. Я пытаюсь понять, угодно ли ей, чтобы я сказала тебе, где ее найти.

— Вообще-то, я ее муж.

— Цыц! — одернула его Селусия. — Сперва пытаешься убедить меня, что ты не убийца, а затем поднимаешь эту тему? Глупец. Она в дворцовом саду.

— Посреди…

— Да, посреди ночи, — закончила за него Селусия. — Знаю. Но она не всегда… прислушивается к голосу рассудка. — В ее тоне слышались нотки недовольства. — Ее охраняет целый отряд Стражей Последнего часа.

— Да хоть сам Создатель, — отрезал Мэт, возвра-

щаясь на балкон. — Плевать. Мне надо усадить ее на скамейку и растолковать пару вещей.

Селусия последовала за ним, прислонилась к дверному косяку и окинула Мэта скептическим взглядом.

— Ну… Может, обойдемся без скамейки. — Мэт посмотрел вниз, на далекий сад. — Но я объясню — самым рассудительным образом, буквально разложу по полочкам, — почему ей не следует ночами ошиваться в саду. По крайней мере, упомяну об этом. Кровь и треклятый пепел! Все-таки высоковато здесь, да?

— Нормальные люди по лестницам ходят.

— Меня разыскивает каждый солдат в городе, — сказал Мэт. — Думаю, Галган хочет сделать так, чтобы я исчез.

Селусия поджала губы.

— А ты разве не в курсе? — спросил Мэт.

Она помолчала, затем мотнула головой:

— Нельзя исключать, что Галган разыскивает тебя. При обычных обстоятельствах Принц воронов составил бы ему конкуренцию. Галган — наш главнокомандующий, но руководство армией зачастую препоручают Принцу воронов.

Принц воронов.

— Проклятье! Не напоминай, — попросил

Мэт. — Я-то думал, что получил титул, когда женился на Дочери Девяти Лун. Он что, сохранился за мной даже после возвышения Туон?

— Пока что да, — подтвердила Селусия. — Сохранился.

Мэт кивнул, со вздохом окинул взглядом стену, по которой предстояло спуститься, и закинул ногу на ограждение.

— Есть и другой путь, — заметила Селусия. — Пойдем, пока ты свою дурную шею не свернул. Не знаю, что ей от тебя надо, но вряд ли она хочет, чтобы ты расшибся до смерти.

Мэт с поставил ногу обратно на балкон и проследовал за Селусией в спальню. Там она распахнула дверцы шкафа, за которыми открылся темный потайной ход с традиционной для дворца отделкой — камень и дерево.

— Кровь и треклятый пепел! — Мэт сунул голову в шкаф. — Он что, всегда здесь был?

— Да.

— Наверное, вот как сюда проник голам, — предположил Мэт. — Надо заколотить этот лаз досками, Селусия.

— У меня появилась идея получше. Когда приходит время сна, императрица — да живет она вечно — ложится спать в мансарде. В этой ком-

нате она не почивает. Мы не забыли, с какой легкостью была убита Тайлин.

— Молодцы, — сказал Мэт и поежился. — Кстати, я выследил ту тварь, и больше она никому не вырвет горло. Тайлин и Налесин могут станцевать небольшой танец по этому поводу. Прощай, Селусия. И спасибо тебе.

— За то, что показала потайной ход? — спросила она. — Или за то, что не пристрелила тебя из арбалета?

— За то, что не называешь меня треклятым «высочайшим», как Музенге и другие, — пробурчал Мэт и шагнул в шкаф. На стене висел фонарь. Мэт достал трут, кремень — и темноты как не бывало.

— Если тебе есть до этого дело, Коутон, — рассмеялась Селусия у него за спиной, — знай, что тебя ждет незавидная жизнь. Избавиться от титула Принца воронов можно лишь одним способом — с петлей на шее.

И дверь шкафа закрылась.

«Какая же она милашка!» — подумал Мэт, не без тепла вспомнив о тех деньках, когда Селусия отказывалась с ним разговаривать. Потом он тряхнул головой и пустился вперед, понимая, что Селусия так ему и не сказала, куда именно ведет

потайной ход.

В сопровождении двух Дев Ранд шагал по лагерю Илэйн близ восточной опушки Браймского леса. Стемнело, наступил глубокий вечер, но спали немногие. Солдаты готовились сняться с лагеря и утром отступить на восток, в сторону Кайриэна.

Всего лишь две телохранительницы… С ними Ранд чувствовал себя беззащитным, хотя совсем недавно считал, что ему вообще не нужна охрана. Неумолимое вращение Колеса переменило его точку зрения так же верно, как меняет времена года.

Ранд шел по освещенной фонарями дорожке. По всей очевидности, в прошлом здесь была звериная тропа — ведь лагерь разбили совсем недавно и других тропинок протоптать не успели. Ночную тишь нарушали негромкие звуки: на телеги грузили припасы, на оселках правили мечи, голодным солдатам раздавали пищу.

Никто не повышал голоса — и не только потому, что стояла ночь. Где-то рядом в лесу рыскали отряды Тени, а у троллоков прекрасный слух, так что лучше перешептываться, а не кричать через весь лагерь. Фонари завесили так, чтобы они еле светили, а пламя походных костров еле

теплилось.

Держа в руках длинный сверток, Ранд сошел с тропы и по шуршащей высокой траве на поляне направился к палатке Тэма. Он кивнул встретившимся солдатам, и те отсалютовали ему, — увидев Дракона Возрожденного, они явно испытали потрясение, но не удивились такой встрече, поскольку чуть раньше Илэйн сообщила армии о его предыдущем визите. Но сегодня Ранд задержится здесь ненадолго.

«Я возглавляю эти армии, — сказала при расставании в прошлый раз Илэйн, — но ты — их сердце. Ты собрал их, Ранд. Они сражаются за тебя. Прошу, покажись им, когда придешь».

Вот он и показывался. Жаль, что он не может их защитить, но надо смириться с этим бременем. Как оказалось, секрет не в том, чтобы стать жестче, зачерстветь настолько, что еще чуть-чуть — и сломаешься. Не в том, чтобы утратить чувствительность, онеметь, но в том, чтобы жить с болью — подобной той, что терзала его раны в боку, — и принять ее как часть самого себя.

Палатку Тэма охраняли двое парней из Эмондова Луга. Ранд кивнул им, а они распрямились и встретили его приветственным салютом. Подумать только… В прошлом Ранд и представить не

мог, что Бан ал'Син и Дэв ал'Тон будут отдавать ему честь. Да еще так молодцевато.

— Вы занимаетесь серьезным делом, ребята, — сказал он. — Не менее важным, чем все остальные на этом поле боя.

— Защищаем Андор, милорд? — не понял Дэв.

— Нет, — ответил Ранд. — Приглядываете за моим отцом. Так что смотрите в оба. — Оставив Дев у входа, он вошел в палатку.

Тэм стоял у складного столика и рассматривал карты. Ранд улыбнулся. С таким же видом Тэм рассматривал овцу, случись ей запутаться в колючих кустах.

— Похоже, ты думаешь, что за мной нужен глаз да глаз, — сказал Тэм.

Реагировать на это замечание, решил Ранд, все равно что подбежать к засидке лучника с криком: «Ну давай, стрельни в меня!» Поэтому он промолчал и опустил свою ношу на стол. Тэм окинул взглядом длинный матерчатый сверток, а затем развернул ткань. Под нею скрывался великолепный меч в черных лакированных ножнах, украшенных обвивающими их красно-золотыми драконами.

Тэм вопросительно поднял взор на Ранда.

— Ты отдал мне свой меч, — объяснил Ранд. —

И я не смог его вернуть. Поэтому взамен принес тебе этот.

Тэм обнажил клинок и широко раскрыл глаза:

— Не дороговат ли подарок, сын?

— Не дороже, чем ты заслужил, — прошептал Ранд. — Для тебя мне ничего не жаль.

— Он окажется забыт где-нибудь в сундуке, — покачал головой Тэм, убирая меч в ножны, — как и тот, прежний. Не стоило приносить его домой. Слишком уж многое ты на него возлагаешь. — Он хотел было отдать меч, но Ранд положил ладонь Тэму на руку:

— Прошу. Мастер клинка заслуживает соответствующего оружия. Возьми его, и на душе у меня полегчает. Свету ведомо, любая ноша, которую я могу сбросить с плеч, облегчит мне будущее.

— Это подлый прием, Ранд, — поморщился Тэм.

— Знаю. Последнее время я вращаюсь среди не самых приятных людей: короли, чиновники, лорды и леди…

Тэм неохотно положил меч обратно на стол.

— Считай, что это знак благодарности, — сказал Ранд. — Тебе от всего мира. Если бы ты давным-давно не рассказал мне о пламени и пустоте… о Свет, отец, меня бы здесь не было! Я был бы мертв.

Вне всяких сомнений. — Ранд опустил взгляд на меч. — Подумать только… Не пожелай ты сделать из меня хорошего лучника, я никогда не узнал бы того, что помогало мне сохранить рассудок в худшие из времен.

— Пламя и пустота никак не связаны со стрельбой из лука, — хмыкнул Тэм.

— Да, знаю. Это техника мечников.

— И с мечами они тоже не связаны, — заметил Тэм, пристегивая подарок Ранда к поясу.

— Но…

— Пламя и пустота — это сердцевина, — пояснил Тэм. — Стержень. Равновесие. Покой. Будь у меня такая возможность, я бы учил этому приему каждого солдата, да и всех вокруг. — Его лицо смягчилось. — О Свет! Чем я занимаюсь? Читаю тебе нотации? Скажи, где ты взял этот меч?

— Нашел.

— Такого прекрасного клинка я в жизни не видел. — Тэм снова обнажил меч и стал разглядывать изгибы металла. — Он древний. И бывал в деле. Много раз. За ним ухаживали, это точно, но он не лежал в сундуке с трофеями какого-нибудь полководца. Этому мечу довелось испить вражеской крови.

— Он принадлежал… родственной душе.

— Ну, — пытливо заглянул ему в глаза Тэм, — в таком случае пойдем. Надо бы его опробовать.

— Ночью?

— Еще не ночь, а вечер, — сказал Тэм. — Хорошее время. На тренировочной площадке будет не так людно.

Ранд приподнял бровь, но посторонился, пропуская Тэма. Тот, обойдя походный столик, вышел из палатки, и Ранд последовал за ним. Девы пристроились позади него, и все четверо отправились на тренировочную площадку, где в тусклом свете развешенных на шестах фонарей упражнялись несколько Стражей.

Возле стойки с учебным деревянным оружием Тэм вытащил свой новый меч и сделал с ним несколько движений. Несмотря на седые волосы и морщины у глаз, Тэм ал'Тор двигался как шелковая лента на ветру. Ранд ни разу не видел отца в бою, даже в учебной схватке. Честно говоря, ему трудно было представить, что спокойный и учтивый Тэм ал'Тор способен убить кого-то, кроме куропатки для походного котелка.

Но теперь Ранд все увидел. В неровном свете фонарей Тэм перетекал из одной фехтовальной позиции в другую так, словно надевал привычные сапоги. Как ни странно, Ранд почувствовал

зависть — не к отцу, но ко всем, кому знаком покой тренировки с мечом. Он поднял одну руку, затем культю второй. Многие приемы требовали участия обеих рук. Сражаться подобно Тэму — не то же самое, что орудовать коротким мечом и щитом, как это делает большинство пехотинцев. Искусство мастера клинка — совсем другое дело. Пусть Ранд еще способен сражаться, повторить такие приемы он никогда не сможет. Это все равно что танцевать, не имея одной ноги.

Тэм закончил стойкой «Заяц находит нору» и одним плавным движением убрал меч в ножны, сверкнув напоследок клинком в оранжевом свете фонарей.

— Красота. Вес, баланс… О Свет! Он выкован с помощью Силы?

— Думаю, что так, — ответил Ранд.

Ему так и не выпало случая испробовать этот меч в бою.

Тэм принял чашку воды у мальчишки-прислужника. Чуть дальше, разучивая перестроения пикинеров, заработались дотемна новые рекруты. Пользу любой минуты, потраченной на тренировку, трудно переоценить — особенно для тех, кто нечасто оказывается в передних рядах.

«Новые рекруты, — подумал, глядя на них,

Ранд. — Они тоже мое бремя. Как и всякий, кто взял в руки оружие».

Он найдет способ одолеть Темного. А если нет, эти люди сражаются напрасно.

— Тебя что-то тревожит, сынок, — заметил Тэм, вернув чашку мальчугану.

Ранд успокоил себя, обретая спокойствие, и поворотился к Тэму. Из глубин древней памяти всплыли слова из какой-то книги: «Ключ к лидерству кроется в ряби на воде». Если под водой неспокойно, поверхность водоема непременно взволнуется. Так и группа людей не сможет сосредоточиться на деле, если у лидера неспокойно на душе.

Тэм внимательно смотрел на Ранда, но не стал спрашивать, зачем тот вдруг нацепил маску самообладания. Вместо этого он взял со стойки учебный меч и бросил его Ранду. Тот поймал деревяшку и заложил изувеченную руку за спину.

— Отец, — предупредил он, когда Тэм вооружился другим учебным мечом, — это не самая лучшая мысль.

— Говорят, ты стал незаурядным фехтовальщиком. — Тэм пару раз взмахнул деревянным мечом, проверяя баланс оружия. — Хочу посмотреть, на что ты способен. Назовем это отцовской

гордостью.

Ранд со вздохом поднял вторую руку — вернее, культю. Взгляды соскальзывали с нее, будто люди видели не уродливый обрубок, а Серого Человека. Никому не нравилось видеть, что у Дракона Возрожденного имеется изъян.

Ранд не позволял себе выказывать внутренней усталости, но она была чудовищной. Тело износилось, как изнашивается жернов, проработавший не одну сотню лет. Нет, ему хватит сил, чтобы сделать свою работу, и он ее сделает, но… О Свет! Временами он чувствовал себя невероятно усталым. Оказалось, нести на своих плечах надежды миллионов куда тяжелее, чем поднять гору.

Культя не произвела на Тэма никакого впечатления. Он достал носовой платок, обернул им кисть левой руки и затянул узел зубами.

— Теперь она тоже бесполезна. — Он снова взмахнул мечом. — Бой будет честный. Давай же, сынок.

В его тоне слышалась отцовская властность — такая же, как в прошлом, когда Тэм поднимал Ранда с постели, чтобы тот вычистил доильню.

Не подчиниться было невозможно. Только не Тэму. Это повиновение было у Ранда в крови, и он со вздохом шагнул вперед.

— Для сражения мне больше не нужен меч. У меня есть Единая Сила.

— Это замечание было бы уместным, — сказал Тэм, — имей наш учебный бой хоть что-то общее со сражением.

Ранд нахмурился. О чем он?..

Тэм налетел на него.

Ранд нерешительно парировал удар. Тэм крутанул мечом, нанося второй удар и переходя в стойку «Перья на ветру». Его Ранд тоже отразил, отступив на пару шагов и чувствуя, как в душе просыпается бойцовский азарт. При новой атаке он поднял меч и — машинально — попробовал взять его двумя руками.

Вот только кисти второй руки у него не было, а посему хват оказался слабым и защита вышла слабая, и когда Тэм ударил вновь, то едва не обезоружил Ранда.

Стиснув зубы, тот снова попятился. Что сказал бы Лан, глядя, как его ученик демонстрирует довольно-таки паршивую технику? «Что бы он сказал? А вот что: „Ранд, не ввязывайся в бой на мечах. В нем тебе не победить. Теперь это невозможно“».

Сделав ложный выпад вправо, Тэм зашел с другой стороны и крепко шлепнул сына по бедру.

Ранд отскочил, морщась от боли. Тэм на самом деле ударил его, причем сильно. Он определенно не сдерживался.

Сколько же времени прошло с тех пор, как Ранд бился на деревянных мечах с противником, по-настоящему желавшим причинить ему боль? Почти все относились к нему как к стеклянному. Лан — никогда.

Ранд сам устремился вперед, применив прием «Вепрь несется с горы», и несколько секунд атаковал Тэма, но затем удар отцовского меча опять едва не лишил его оружия. Без второй руки трудно действовать длинным мечом, предназначенным для опытного мечника.

Ранд зарычал от досады, когда снова попытался взять оружие двуручным хватом и опять ничего не вышло. К этому времени он уже научился обходиться без руки — по крайней мере, в обычной жизни. Но после этой потери он не уделял времени учебным схваткам на мечах, хотя и собирался возобновить тренировки.

У Ранда возникло ощущение, что он превратился в стул без ножки. Если постараться, можно найти равновесие, но положение будет неустойчивым. Ранд отбивался, старался выполнять приемы и выпады, но едва сдерживал атаки

Тэма.

Ничего особо приличного он показать не мог, а если так — зачем напрягаться? В бою на мечах Ранд неполноценен, и в этой тренировочной схватке нет никакого смысла. Он отступил, вытер струившийся по лбу пот, сбросил куртку и попробовал снова, осторожно ступая по вытоптанной траве, и снова Тэм взял его умением, едва не сбив сына с ног.

«Глупость какая-то! Зачем драться на мечах, если у тебя не хватает руки? Почему бы не найти другой способ? Почему бы?..»

Но Тэм… Он-то дерется!

Не спуская с него глаз, Ранд ушел в защиту. Похоже, Тэм умел сражаться одной рукой и практиковал этот навык. Это читалось в его движениях. В том, как он не пытался инстинктивно взяться за рукоятку меча ладонью, обвязанной носовым платком. Если так подумать, Ранду тоже не мешало бы освоить подобный стиль боя. Кисть несложно ранить, и целый ряд приемов предназначен для нанесения удара по руке противника. Лан говорил, чтобы Ранд периодически менял хват — правая рука вверху, левая внизу, и наоборот. Наверное, после этого он научил бы Ранда сражаться одной рукой.

— Забудь, сынок, — сказал Тэм.

— Что забыть?

— Все. — С этими словами Тэм — темный силуэт в неверном свете фонарей — бросился на него, и Ранд обратился к пустоте. Все эмоции сгинули в языках пламени, оставив его совершенно пустым. Пустым и в то же время цельным.

Следующая атака едва не разбила ему голову. Ранд выругался и принял стойку «Цапля в тростнике» — так, как обучил его Лан: меч поднят вверх, чтобы заблокировать следующий удар. И снова отсутствующая рука дернулась к рукояти меча. После многолетних тренировок за один вечер не переучишься!

«Забудь».

По лужайке пронесся ветер, принеся с собой запах умирающей земли. Затхлость, плесень, гниение.

Но затхлое болото полнится жизнью. Плесень — живой организм. Гниение дерева — неотъемлемый этап жизни и ее продолжение.

Однорукий человек — все еще человек, и с мечом в единственной руке он по-прежнему опасен.

Сменив стойку на одну из самых агрессивных — «Ястреб видит зайца», — Тэм перешел в атаку.

И Ранд увидел следующие несколько мгновений прежде, чем они стали реальностью. Он увидел, как поднимает меч, парируя удар противника соответствующим образом, но теперь, когда у него не было второй руки, подобный блок означал скверный и ненадежный хват и утрату баланса оружия. Увидел, как Тэм рубящим ударом выбивает меч у него из руки. Увидел следующую атаку, направленную сзади ему в шею.

Тэм остановит движение, даже не коснувшись его кожи, но Ранд проиграет этот бой.

«Забудь».

Действуя по наитию, не задумываясь, он перехватил меч. Когда Тэм приблизился, Ранд вскинул левую руку для равновесия и одновременно с тем повернул меч в сторону. Тэм нанес удар. Его оружие скользнуло по мечу Ранда, но тот остался в руке.

Второй удар, как Ранд и ожидал, был направлен Ранду в шею, но пришелся в локоть изувеченной руки — как оказалось, не такой уж бесполезной, поскольку она эффективно остановила Тэмов меч, хотя что-то хрустнуло, и всю руку до самого плеча пронзила боль.

Тэм замер с широко раскрытыми глазами, сперва удивленный, что выпад не достиг цели, затем

встревоженный, что так сильно ударил Ранда — по всей вероятности, сломав ему кость.

— Ранд, — сказал он, — я…

Ранд отступил, заложил пострадавшую руку за спину и поднял меч. Он сделал вдох, ощущая глубинные ароматы мира — раненого, но не мертвого.

Затем он перешел в атаку. «Зимородок влетает в крапиву». Ранд не выбирал этот прием. Он случился сам собой. Быть может, из-за занятой им стойки — меч впереди, рука за спиной, — подсказавшей наиболее эффективное действие — наступление.

Тэм настороженно парировал и отшагнул вбок, на бурую траву. Перетекая в следующую стойку, Ранд сделал то же самое. Теперь он отказался от попыток не прислушиваться к своим инстинктам, и его тело приспосабливалось к новым условиям. Пребывая в безопасности пустоты, не нужно задумываться, как и что делать.

Теперь они с Тэмом состязались всерьез. Резко щелкали, с силой сталкиваясь, деревянные мечи. Держа руку за спиной, Ранд даже не понимал, но чувствовал, каким должен быть его следующий удар. Сражался он менее искусно, чем в прошлом. Да и неудивительно, ведь теперь некоторые

приемы стали ему недоступны, и он не имел возможности наносить удары с былой силой.

Тэму он не ровня. До поры до времени. В бою любой мечник понимает, кто лучше — он или его противник. Или, по крайней мере, знает, на чьей стороне преимущество. Сейчас им обладал Тэм. Ранд моложе и сильнее, но Тэм… он непробиваемый! Как ни крути, он обучался биться, используя хват одной рукой. Теперь Ранд в этом не сомневался.

Да и какая разница? Эта сосредоточенность… Ранд потерял ее, упустил из виду. Тяжелейшая ноша, множество забот — все это лишило его возможности подготовиться к простейшей дуэли. Однако теперь Ранд нащупал эту сосредоточенность и чувствовал, как наполняется ею.

На какое-то время он перестал быть Драконом Возрожденным. Он перестал быть даже сыном своего отца. Он был учеником, оставшимся наедине с учителем, и теперь понимал: не важно, насколько он стал хорош, не важно, сколько и какие навыки он вспомнил. Важно лишь то, чему он по-прежнему способен учиться.

Бой продолжался. Ранд не вел счета побед в отдельных схватках. Он просто сражался, наслаждаясь покоем схватки. Наконец он понял, что

совсем вымотался — по-хорошему, а не так, как начинал чувствовать себя в последнее время. То была усталость от работы, сделанной на совесть.

Весь покрытый испариной, он поднял деревянный меч, давая Тэму понять, что учебный бой окончен. Седой мужчина отступил, поднимая руку с мечом. Он широко ухмылялся.

Стоявшие у фонарей Стражи зааплодировали. Не слишком-то много зрителей — всего лишь полдюжины человек, однако Ранд заметил их только сейчас. Девы приветственно вскинули копья.

— Приятно было избавиться от этого груза, скажи? — заметил Тэм.

— Какого груза? — не понял Ранд.

— Отсеченной руки, которую ты носил с собой.

— Да. — Ранд опустил глаза на культю. — Пожалуй, так.

Потайной ход Тайлин вел в сады. Мэт кое-как выполз из невероятно тесного лаза неподалеку от того места, где начал свое восхождение на четвертый этаж. Отряхнув плечи с коленками, он задрал голову к далекому балкону спальни. Сперва, значит, покорил такую верхотурину, а затем выполз из ее недр. Пожалуй, в этом есть какая-то наука. Может, впредь Мэтриму Коутону надо искать тайные переходы, а потом уже взбираться

на четырехэтажный, будь он неладен, дворец.

Тихонько ступая, Мэт двинулся вперед. Дела у садовых растений обстояли так себе. У этих вот папоротников явно не хватало листовидных отростков, а деревья были голые, что твои Девы в палатке-парильне. Неудивительно. Мир хирел быстрее, чем парнишка, которому на Бэл Тайн не досталось партнерши по танцам. Понятное дело, в этом виноват Ранд. Ранд или Темный. В этом Мэт был совершенно уверен. Ведь все без исключения проблемы Мэта связаны либо с тем, либо с другим. Проклятье! Ну вот, опять эти треклятые цвета…

Но лишайники-то и мхи остались живы. Мэт впервые видел их в качестве садовых растений, но готов был поклясться, что на камнях они образуют рукотворный узор. Наверное, когда все другие растения засохли, садовники стали хвататься за все, что попалось под руку.

Чтобы найти Туон, пришлось потрудиться, высматривая ее между засохшими кустами и ползая по мертвым цветочным клумбам. Мэт ожидал застать ее погруженной в мирные размышления, но не тут-то было.

Он присел за папоротниками, невидимый для десятка или около того Стражей Последнего часа,

кольцом окружавших Туон, пока та отрабатывала боевые стойки и удары в свете двух фонарей, источавших странное ровное голубое свечение. Что бы в них ни горело, это не было обычное пламя.

Этот странный свет бросал отблески на мягкую гладкую кожу цвета плодородной почвы и светлую *а'солму* — платье с разрезами по бокам, из-под которого выглядывали облегающие голубые штаны. Фигура у Туон была стройной, и однажды Мэт допустил ошибку, сочтя стройность девушки признаком хрупкости. Ничего подобного.

Теперь, когда Туон больше уже не скрывалась, она снова обрила голову по всем шончанским правилам, и это отсутствие волос, как ни странно, очень ей шло. В голубом свечении она с закрытыми глазами оттачивала приемы рукопашного боя. Казалось, Туон ведет учебную схватку с собственной тенью.

В рукопашном бою Мэт предпочитал полагаться не на голые руки, а на добрый нож — или, что еще лучше, на свой ашандарей. Чем больше расстояние между тобой и тем, кто хочет тебя убить, тем лучше. Но Туон, похоже, не нуждалась в каком бы то ни было оружии. Глядя на девушку, Мэт понял, как повезло ему в ту ночь, когда судь-

ба свела его с Дочерью Девяти Лун. Безоружная, она была смертоносной.

Движения Туон замедлились. Она грациозно повела руками перед собой, будто выписывала ими какой-то узор, после чего сделала ими молниеносный выпад вправо. Вдох, и разворот всем телом с выпадом влево.

Ну а любовь?

Любит ли он ее? Этот вопрос причинял Мэту немалые неудобства, уже несколько недель как царапал мозги, будто крыса в попытке добраться до зерна. Вопрос не из тех, которыми должен бы задаваться Мэтрим Коутон. Мэтрима Коутона должна волновать лишь девица у него на колене, да следующий бросок костей. Вопросы о делах вроде любви лучше оставить огирам, раз уж им хватает времени сидеть и смотреть, как растут деревья.

Да, он женился на ней. Женился по случайности — разве нет? Треклятые лисицы сказали, что Мэт на ней женится. А Туон пошла за него замуж, и он до сих пор не понимал почему. Из-за тех знамений, о которых она говорила? В ухаживаниях было больше игры, чем романтики. Играть Мэт любил, но всегда — только на выигрыш. В этой игре главным призом была рука Туон, и вот те-

перь он завоевал ее руку — и что, спрашивается, с ней делать?

Гибкая, как тростник на ветру, Туон продолжала тренировку — то склонится в одну сторону, то метнется в другую. Айильцы называют бой танцем. Что бы они сказали, глядя, как Туон движется с поистине айильской грацией? Если драка — это танец, чаще всего он исполняется под шум и гам питейного заведения, но Туон как будто танцевала под чарующую мелодию искусного певца.

Что-то мелькнуло у нее за плечом, и Мэт напряженно вгляделся в темноту. А, всего лишь садовник, самый обычный парень в шапочке и с веснушчатыми щеками. На такого и смотреть не стоит. Выбросив его из головы, Мэт подался вперед и улыбнулся, глядя на Туон. Какая же она красивая!

«Но что садовник делает здесь в столь поздний час? — подумал Мэт. — Какой-то он странный».

Мэт снова поискал его взглядом, но нашел не сразу: теперь садовник стоял меж двух Стражей Последнего часа. Те не обращали на него внимания, а значит, Мэту тоже волноваться не о чем. Раз уж телохранители не видят в этом парне угрозы…

Он вытянул из рукава метательный нож и занес его, даже не задумываясь почему, но этим движением потревожил — едва задел рукой — одну из ветвей.

Туон вмиг раскрыла глаза и, несмотря на скудное освещение, устремила взгляд прямиком на Мэта. И заметила у него в руке готовый к броску нож.

А затем оглянулась.

Мэт распрямил руку, и нож, сверкнув в голубом свете, пролетел меньше чем в одном пальце от подбородка Туон, после чего угодил в плечо садовнику, когда тот уже поднял свой нож. Парень охнул и нетвердо попятился. Мэт предпочел бы попасть ему в горло, но в таком случае мог зацепить Туон, а рисковать ее здоровьем ему не хотелось.

Вместо того чтобы поступить самым разумным образом и убежать куда подальше, Туон прыгнула на садовника, целя руками ему в глотку. Мэт снова улыбнулся. Увы, равновесие Туон поймала не сразу, и у парня хватило времени вырваться, юркнуть между растерянными Стражами Последнего часа. Злоумышленник растворился во мраке в тот самый миг, когда второй Мэтов кинжал вонзился в землю рядом с его пяткой.

Секундой позже трое солдат — каждый весом примерно с небольшой домик — обрушились на Мэта и вмяли его физиономию в пересохшую землю. Один наступил ему на запястье, а другой вырвал из руки ашандарей.

— Стоять! — выкрикнула Туон. — Отпустите его! Бегите за другим, болваны!

— За каким другим, ваше величие? — спросил кто-то из стражников. — Не было тут никакого другого…

— Тогда чья это кровь? — указала Туон на темное пятно, оставленное на земле убийцей. — Принц воронов увидел то, чего не заметили вы! Немедленно обыщите сад!

Стражи Последнего часа неохотно слезли с Мэта, и тот застонал. Чем кормят этих громил? Кирпичами? Мэт не любил, когда его называли «высочайшим», но в тот момент немного почтительности к его особе не помешало бы. По крайней мере, чтобы больше никто на него не садился.

Он не без труда поднялся на ноги, повернулся к оробевшему стражнику, на чьем лице было больше шрамов, чем нормальной кожи, и протянул руку. Парень вложил в нее ашандарей и убежал помогать обыскивать сад.

Туон с невозмутимым видом сложила руки на груди:

— Как вижу, ты решил не торопиться с возвращением ко мне, Мэтрим.

— Решил не… Проклятье! Я пришел предупредить тебя! Никакое это не возвращение. Тем более к тебе. Я сам себе хозяин.

— Можешь притворяться как угодно, — заявила Туон, бросив взгляд через плечо на Стражей Последнего часа, что обшаривали высохшие кусты. — Но твое место здесь, и даже не думай возражать. Ты важен для империи, и я найду тебе применение.

— Восхитительно, — проворчал Мэт.

— Что это было? — тихо спросила Туон. — Я не видела этого человека, пока ты не привлек к нему мое внимание. Мои охранники — лучшие во всей империи. Я своими глазами видела, как вон тот, Даруо, голой рукой поймал летящую стрелу, а Баррин не дал человеку дыхнуть на меня, заподозрив, что это убийца и во рту у него всяческие яды. И оказался прав.

— Таких называют Серыми Людьми, — поежился Мэт, — и в них есть что-то до ужаса заурядное. Таких убийц трудно заметить. Взгляд с них как будто соскальзывает.

— Серые Люди… — протянула Туон. — Оживают все новые и новые мифы. Вроде твоих троллоков.

— Троллоки — никакие не мифы, Туон. Проклятье! Они настоящие!..

— Ну конечно настоящие, — подтвердила Туон. — С чего бы мне в них не верить? — Она с вызовом взглянула на Мэта: «Ну давай, напомни, сколько раз я говорила, что никаких троллоков не существует». — И этот Серый Человек, как видно, тоже настоящий. Как иначе объяснить, что его пропустила моя охрана?

— Стражам Последнего часа я вполне доверяю. — Мэт потер плечо там, где один из Стражей придавил его коленом. — Но если честно, не знаю, что сказать. Тебя пытается убить генерал Галган; не исключено, что он действует заодно с врагом.

— Насчет убить меня — это он понарошку, — равнодушно сказала Туон.

— Проклятье! Ты в своем уме? — возмутился Мэт.

— Проклятье! Ты совсем дурак? — отозвалась Туон. — Он нанимал убийц лишь из этих земель, а они ненастоящие.

— Этот Серый Человек из этих самых земель, — резонно указал Мэт.

Такой довод заставил девушку угомониться, но, недолго помолчав, она спросила:

— Кому ты проиграл свой глаз?

О Свет! Неужели все теперь будут спрашивать про его глаз только так, а не иначе?

— Я шел тернистыми путями, — ответил Мэт. — И остался в живых, а остальное не имеет значения.

— Хм… Так ты спас ее? Ту, кого ходил спасать?

— Откуда ты об этом знаешь?

— Я решила не ревновать, — уклонилась от ответа Туон. — Тебе повезло. И отсутствие глаза тебе к лицу. Раньше ты был слишком красив.

Слишком красив? О Свет! Это еще к чему?

— Кстати говоря, приятно тебя видеть, — промолвил Мэт и подождал немного. — Обычно, когда парень говорит что-нибудь подобное, принято отвечать, что, мол, тоже рада встрече.

— Теперь я императрица, — сказала Туон. — Не жду никого и не нахожу «приятным», если кто-то вернулся. Чье-то возвращение — вовсе не неожиданность, поскольку он служит мне.

— Да-а, умеешь же сделать так, чтобы парень почувствовал, насколько его любят. Хотя я знаю, как ты ко мне относишься.

— И откуда?

— Ты оглянулась.

— Я уж и забыла, сколь искусно ты умеешь произносить бессмысленные речи, Мэтрим, — покачала головой Туон.

Мэт объяснил:

— Увидев меня с ножом в руке — будто я собирался тебя прикончить, — ты не стала звать стражу. Не испугалась, что я заявился сюда убить тебя. Нет, ты глянула за спину, чтобы посмотреть, в кого я целюсь. Пожалуй, это лучшее доказательство любви, какое только может продемонстрировать женщина. Если только ты не планируешь посидеть у меня на коленках…

Она не ответила. О Свет, что же она такая бесчувственная? Неужто теперь, когда она стала императрицей, все изменилось? Не может такого быть, чтобы Мэт потерял ее! Или может?

Тут подоспел Фурик Карид, капитан Стражи Последнего часа. За ним шагал Музенге. У Карида было такое лицо, будто он увидел, как горит его дом. Стражи Последнего часа отсалютовали ему и выглядели при этом не на шутку напуганными.

— Императрица, мои глаза опущены долу, — промолвил Карид и ничком распластался перед Туон. — Я присоединюсь к тем, кто подвел вас, и мы лишим себя жизни, как только для вашей

охраны прибудет новый отряд.

— Ваша жизнь принадлежит мне, — сказала Туон, — и вы не покончите с ней, пока я не дам на это соизволения. Этот убийца не рожден от матери и отца. Он — создание Тени. Поднимите свои взоры. А чтобы впредь вас не застали врасплох, Принц воронов объяснит вам, как замечать подобных существ.

Мэт почти не сомневался, что на самом деле Серые Люди все-таки рождены естественным путем, равно как троллоки и мурддраалы, но оставил это мнение при себе, решив, что перечить неуместно. Тем более что слова Туон привлекли его внимание не только по этой причине.

— Что-что я сделаю? — спросил он.

— Обучишь мою охрану, — шепнула Туон. — Ты же Принц воронов, и это входит в твои обязанности.

— А вот это надо обсудить, — заявил Мэт. — Чтобы все называли меня «высочайшим»? Так не пойдет, Туон. Не пойдет, и все тут.

Она не ответила. Просто стояла и ждала, когда закончатся поиски. И похоже, не собиралась отсиживаться во дворце.

Наконец снова подошел Карид:

— Высочайшая, в саду мы не нашли ни следа

этой твари, но один из моих людей обнаружил кровь на стене. Подозреваю, что убийца сбежал в город.

— Сегодня, когда мы настороже, он вряд ли повторит свою попытку, — сказала Туон. — Нельзя, чтобы эти новости дошли до обычных солдат или гвардейцев. Сообщите моему Глашатаю, что нашу хитрость разгадали, и надо придумать новую уловку.

— Да, императрица. — Карид снова отвесил земной поклон.

— Тем временем, — продолжила Туон, — разойдитесь и обеспечьте безопасность по внешнему кольцу. Я намерена провести время со своим консортом. Он желает убедиться, насколько его любят.

— Вообще-то, не совсем… — начал было Мэт, но Стражи Последнего часа растворились в ночи.

Какое-то время Туон рассматривала его, а затем начала снимать с себя одежду.

— О Свет! — воскликнул Мэт. — Ты что, серьезно?

— Я не собираюсь сидеть у тебя на коленях. — Туон высвободила руку из платья, обнажив при этом грудь. — Хотя могу позволить тебе посидеть на моих. Сегодня ты спас мне жизнь, тем самым

заслужив особую привилегию. Она…

Мэт крепко обнял девушку, поцеловал, и она умолкла. Даже окаменела от изумления. «В треклятом саду, — подумал Мэт. — Где повсюду солдаты. Которым все слышно». Что ж, если Туон рассчитывала, что с Мэтримом Коутоном случится приступ застенчивости, ее определенно ждет сюрприз.

Когда Мэт перестал целовать ее, Туон прижалась к нему всем телом, и приятно было чувствовать, что она еле дышит.

— Я не буду твоей игрушкой, — твердо сказал он. — Такого, Туон, я не потерплю. Если ты намерена сделать из меня игрушку, я уйду. Попомни мое слово. Иногда я прикидываюсь болваном, — например, так было с Тайлин. Но с тобой все будет иначе, поняла?

Она с удивительной нежностью коснулась его лица:

— Считай я тебя простой игрушкой, не сказала бы того, что сказала. Человек, у которого недостает одного глаза, никакая не игрушка. Ты знаешь, что такое битва, и теперь это очевидно для всех и каждого. Тебя не примут за болвана, а игрушка… Игрушка мне не нужна. Мне нужен принц.

— Так ты меня любишь? — с трудом выговорил

Мэт.

— Императрица и любовь несовместимы, — ответила Туон. — Прости. Я с тобой, поскольку того потребовали знамения, и с тобой я подарю Шончанской империи того, кто ее унаследует.

Тут Мэт совсем упал духом, но Туон продолжила:

— Однако я, пожалуй, могу признать, что… рада тебя видеть.

«Ну, — подумал Мэт, — меня это вполне устраивает. Для начала».

И закрыл ей рот новым поцелуем.

Глава 16. Тишина громче крика

Лойал, сын Арента, сына Халана, в глубине души всегда обожал спешку, но старательно это скрывал.

Зато он совсем не скрывал, что восхищается людьми, и не сомневался, что об этом знают все его друзья, хотя полной уверенности у него не было. Разве не удивительно, что люди почти ничего не слушают? С ними можно говорить весь день напролет, а потом обнаружить, что из сказанного они услышали лишь малую часть. Неужели, по их мнению, кто-то станет говорить, не намереваясь, чтобы его выслушали?

Лойал слушал их речи и с каждым словом узнавал о людях что-нибудь новое. Люди — они как молния. Вспышка, взрыв, мощь, энергия. Раз — и все, нет человека. Каково это, когда раз — и нет тебя?

Спешка. Она многому может научить. Бывало, Лойал задавался вопросом, не слишком ли хорошо он усвоил ее уроки.

Он шагал по лесу молчаливых, чересчур молчаливых деревьев. Рядом шла Эрит, вокруг — другие огиры, кто с топором на плече, кто с длинным ножом в руке. Они направлялись к передовой. У Эрит подергивались уши; древопевцем она не была, но чувствовала: с деревьями что-то не так.

Кошмар, сущий кошмар. Ощущение, что с рощей все в порядке, Лойал не сумел бы выразить словами — так же, как не мог бы описать чувство, когда кожу ласкает ветерок. Здоровые деревья безупречны, словно аромат утреннего дождя, с ними все правильно, и эта безупречность — не звук, а все равно что мелодия. Когда ему доводилось петь таким деревьям, Лойал чувствовал, что купается в их правильности, их безупречности.

Но здешним деревьям ее недоставало, с ними что-то было не то. Если подойти ближе, Лойал как будто что-то слышал. Тишину громче крика.

Не звук, а отзвук. Ощущение.

Впереди, за деревьями, бушевала битва. Силы королевы Илэйн, понемногу отступая на восток, приближались к опушке Браймского леса. Покинув его, солдаты направятся к мостам и, перейдя на другой берег, сожгут их, а затем примутся осыпать смертью вражеские войска, пока те будут наводить переправу. На реке Эринин, перед маршем на восток, Башир рассчитывал нанести троллокам немалый урон.

Лойал не сомневался, что все эти ценные сведения пригодятся для его книги. Когда он за нее усядется. Если вообще будет в состоянии ее написать. Когда огиры затянули боевую песнь, он прижал уши к голове и его голос слился с другими голосами. Эта жуткая песнь призывала к смертоубийству и кровопролитию, но Лойал радовался ей, ведь она заполняла тишину, что оставили деревья.

Другие побежали, и он побежал, поначалу рядом с Эрит. Потом Лойал вырвался вперед, воздев топор над головой, очищенной от всяких мыслей, кроме гнева и даже ярости, направленной на троллоков. Они не просто убивают деревья. Они отнимают у деревьев покой.

Призыв к смертоубийству, кровопролитию…

Завывая в унисон с товарищами, Лойал принялся крушить троллоков топором. Эрит и другие огиры следовали его примеру, и мощная фланговая атака троллоков захлебнулась в зловонной крови. Лойал вовсе не собирался вести огиров в бой, но так уж вышло.

Он рубанул по плечу троллока с бараньей мордой и начисто отсек ему руку. Монстр с визгом упал на колени, а пинок Эрит, угодивший ему в лицо, отбросил троллока под ноги кому-то из сородичей.

Лойал не переставал петь, призывая к смертоубийству и кровопролитию. Пусть, пусть они слышат! Пусть чувствуют удар за ударом. Лойал рубил мертвые деревья — вот что делал Лойал. Рубил мертвые, гниющие, чудовищные деревья. Рядом с Эрит сражался старейшина Хаман. С прижатыми ушами у него был чрезвычайно свирепый вид. Миролюбивый старец тоже проникся всеобщей ненавистью.

Отряд белоплащников, спасенный от окружения и верной гибели, отступил, давая дорогу огирам.

Лойал пел и сражался, рычал и убивал, рубил троллоков топором, предназначенным для рубки древесины, но никак не вражеской плоти. Работа

с деревом — благословенное занятие, ну а это… все равно что уничтожать сорняки. Ползучие, ядовитые, сорные травы.

Он продолжал кромсать врагов, забывшись в кровопролитии и смертоубийстве, и троллоков обуревал ужас. Лойал видел смятение в мерзких глазах-бусинках, и от этого ужаса у него теплело на душе. Троллоки привыкли драться с людьми, а те — некрупные создания, ну а теперь судьба свела их с противниками такого же размера.

Порыкивая, троллоки отступали под натиском огиров. Лойал наносил удар за ударом, разрубал торсы и отсекал конечности. Пробившись к двум троллокам с медвежьими головами, он уложил обоих и взревел от ярости, вспомнив, как эти твари поступили с огирами. Ведь те сейчас должны были наслаждаться покоем стеддинга, петь, строить и растить деревья.

Но не могли — а все из-за этих… этих сорняков! Из-за них огирам пришлось убивать. Троллоки превратили созидателей в разрушителей, заставили огиров и людей уподобиться им в кровопролитии и смертоубийстве.

Что ж, теперь Тень узнает, насколько опасны бывают огиры. Узнает, как они сражаются и как убивают — искусней, чем мог бы представить

любой человек, троллок или мурддраал.

И ужас в перепуганных глазах троллоков подсказывал Лойалу, что те начинают это понимать.

— О Свет! — выдохнул Галад, когда вырвался из пучины боя. — О Свет!

Атака огиров — существ с прижатыми к голове ушами, огромными глазами и широкими и плоскими, будто наковальни, лицами — была чудовищна в своем великолепии. Куда только делось их миролюбие? Они клином врезались в строй троллоков и теперь втаптывали их в землю, а огиры из второго ряда, состоящего в большинстве своем из женщин, добивали уцелевших врагов длинными ножами.

В прошлом Галада страшили троллоки с их противоестественной смесью человеческих и звериных черт, но огиры теперь пугали его куда сильнее. Троллоки — всего лишь чудовища… но огиры — мягкие, добрые, обходительные, и видеть, как они в ярости выводят леденящую кровь песнь, размахивая топорами длиной с человека… О Свет!

Галад подал Детям Света знак к отступлению и едва успел пригнуться, когда в соседнее дерево врезался троллок. Некоторые огиры хватали

раненых монстров за руки и отшвыривали в сторону, прочь с дороги, а другие, окровавленные по пояс, с мясницкой сноровкой орудовали топорами. Временами кто-то из них падал, так что неуязвимостью они не отличались, но с такой толстой кожей вполне обходились без брони.

— О Свет! — подбежал к Галаду Тром. — Видел когда-нибудь такое зрелище?

Галад покачал головой. Честнее ответа он не придумал.

— С армией огиров мы могли бы… — замечтался Тром.

— Они — приспешники Темного, — присоединился к ним Голевер. — Отродья Тени, это как пить дать.

— Тогда можешь и меня вместе с огирами записать в отродья Тени, — сухо заметил Галад. — Ты только глянь, какую бойню они устроили троллокам.

— А теперь в любой момент набросятся на нас. Вот смотри… — Голевер умолк, вслушиваясь в огирский боевой напев.

Крупный отряд троллоков, отколовшись от остальных, устремился к изрыгавшему проклятия мурддраалу, но разъяренные великаны-строители не дали им уйти. Они нагнали троллоков и

принялись подрубать вражеские ноги длинными топорами, и монстры падали, исторгая фонтаны крови и завывая от мучительной боли.

— Ну что? — спросил Тром.

— Может… это какая-то хитрость, — предположил Голевер. — Чтобы втереться к нам в доверие.

— Не будь дураком, Голевер, — одернул его Тром.

— Да я не…

— Соберите раненых, — поднял руку Галад. — Пора выдвигаться к мосту.

Ранд сморгнул разноцветную круговерть.

— Мне почти пора, — сказал он.

— В бой? — уточнила Морейн.

— Нет, к Мэту. Он в Эбу Дар.

Из лагеря Илэйн он вернулся на Поле Меррилор. В голове крепко засел разговор с Тэмом. «Забудь». Проще сказать, чем сделать. И все-таки после разговора с отцом ему стало легче. «Забудь». Это слово куда весомее, чем кажется.

Ранд тряхнул головой. Не стоит тратить время на подобные мысли. Надо сосредоточься на Последней битве.

«Я сумел подойти вплотную и не привлечь внимания, — подумал он и коснулся висевшего на

поясе кинжала с рукоятью из оленьего рога. — Судя по всему, именно из-за этой вещицы Темный и впрямь не чувствует моего появления».

Прежде чем отправляться сражаться с Темным, Ранду надо как-то решить вопрос с шончан. Если верить словам Тома, в этом может посодействовать Мэт. Шончан непременно должны присоединиться к Драконову договору о мире, а если нет…

— Вот это выражение лица я помню. И на ум приходит слово «оцепенение», — негромко произнесли за спиной. — И оно тебе подходит, Ранд ал'Тор.

Он повернулся к Морейн. Позади нее на походном столике лежали карты, принесенные гонцом Авиенды, — с обозначением мест в Запустении, где могла бы занять позиции его армия.

Морейн сделала шаг вперед:

— Знаешь ли ты, что в прошлом я часами пыталась понять, что творится у тебя в голове? Просто чудо, что из-за отчаяния я не вырвала себе волосы — все, до последнего волоска.

— С моей стороны было глупо не доверять тебе, — признал Ранд, и Морейн рассмеялась тихим смехом Айз Седай, держащей ситуацию под контролем:

— Ты доверял мне в достаточной мере. И тем печальнее было видеть, как ты не хочешь делиться со мною своими соображениями.

Ранд вздохнул полной грудью. Здесь, на Поле Меррилор, воздух был слаще, чем в других местах. Ранд вернул эту землю к жизни. Теперь тут росли травы и распускались цветы.

— Пеньки и люди, — сказал он Морейн. — В Двуречье хватает и тех и других. И что одних, что других крайне трудно сдвинуть с места.

— По-моему, это слишком грубое сравнение, — возразила Морейн. — Ты руководствовался не только упрямством, но еще и желанием доказать и себе, и другим, что сумеешь справиться без посторонней помощи. — Она тронула его за руку. — Но не сумеешь. Верно?

Ранд кивнул и коснулся пристегнутого к спине *Калландора*. Последняя тайна меча перестала быть для него тайной. Меч был ловушкой, причем весьма хитроумной. Ведь это оружие — са'ангриал не только для Единой Силы, но еще и для Истинной Силы.

От ключа доступа Ранд избавился, но меч за спиной беспрестанно вводил его в искушение. В мире нет ничего притягательней и слаще Истинной Силы, этой самой сущности Темного, и он

когда-то прикоснулся к ней. А с помощью Калландора он способен зачерпнуть столько, сколько не довелось ни единому человеку. У этого предмета нет ограничений, присущих большинству ангриалов и са'ангриалов и не позволяющих их обладателю переступить безопасный порог, а потому нельзя предсказать, сколько какой-то из Сил способен пропустить через себя Калландор.

— Ну вот опять, — пробормотала Морейн. — Что у тебя на уме, Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный? Не пора ли наконец-то расслабиться и обо всем мне рассказать?

— Ты что, затеяла этот разговор, чтобы выудить у меня еще один секрет? — взглянул на нее Ранд.

— Не слишком ли ты высокого мнения о моем умении направлять беседу в нужное русло?

— Это не ответ, а пустые слова.

— Верно, — подтвердила Морейн. — Но позволь заметить, что ты первым уклонился от моего вопроса.

Ранд прокрутил в голове последние фразы. Да, так и есть.

— Я собираюсь убить Темного, — сказал он. — Не просто запечатать его в узилище, а уничтожить раз и навсегда.

— Я-то думала, ты повзрослел, пока меня не

было рядом, — заметила Морейн.

— Повзрослел только Перрин. А мы с Мэтом лишь научились притворяться взрослыми. — Ранд помолчал. — Хотя не сказать, что Мэт в совершенстве овладел этим искусством.

— Темного нельзя убить, — сказала Морейн. — Он существует вне пределов жизни и смерти.

— Думаю, у меня получится, — возразил Ранд. — Я помню, что сделал Льюс Тэрин, и был один момент… вернее сказать, краткий миг… Это возможно, Морейн. Я сумею — и уверен, сделать это будет проще, чем запечатать Темного в узилище. — Он не кривил душой, хотя не был уверен ни в том, ни в другом.

Вопросы. Столько вопросов… Не пора ли ему получить хоть какие-то ответы?

— Темный является частью Колеса, — сказала Морейн.

— Нет. Темный существует вне Узора, — парировал Ранд, — и не имеет к Колесу никакого отношения.

— Ну конечно же он часть Колеса, — не сдавалась Морейн. — Мы — нити, составляющие ткань Узора, и Темный оказывает на нас влияние. Ты не сможешь убить его. Это глупая затея.

— Я уже бывал глупцом, — сказал Ранд. — И

снова им стану. Временами, Морейн, вся моя жизнь… все мои поступки кажутся совершенной глупостью. Что изменит еще одна нерешаемая задача? С такими я уже сталкивался — и решал их. Быть может, решу и эту.

— Ты очень повзрослел, — крепче сжала его руку Морейн, — но остаешься юнцом, не так ли?

Ранд тут же обуздал свои эмоции и подавил желание ответить какой-нибудь колкостью, ведь свойственная незрелому человеку склонность к импульсивности — вернейший способ выставить себя несмышленым мальчишкой. Вместо этого он расправил плечи и тихо заговорил:

— Я прожил четыре столетия. Быть может, я все еще юн, как и все мы в сравнении с возрастом самого Колеса, существующего с начала времен. Но все же я один из старейших людей, что ходят по этой земле.

— Очень мило, — улыбнулась Морейн. — И что, на других это действует?

Он помолчал. Затем, как ни странно, понял, что ухмыляется.

— На Кадсуане подействовало, да еще как!

— На кого, на нее? — хмыкнула Морейн. — Зная Кадсуане, предположу, что вряд ли ты сумел ее одурачить. Воспоминания четырехсотлетнего

человека не делают тебя древним старцем, Ранд ал'Тор. Иначе Мэтрим Коутон был бы нашим патриархом.

— Мэт? Но почему?

— Да так, — ответила Морейн. — Предполагается, что мне об этом знать не следует. В глубине души ты по-прежнему овечий пастух, который смотрит на все чистыми, широко открытыми глазенками. Я не допущу, чтобы это как-то изменилось. При всех своих мудрости и могуществе Льюс Тэрин не сумел совершить того, что должен сделать ты. А теперь будь так добр, принеси мне чаю.

— Да, Морейн Седай, — отозвался Ранд и шагнул было к висевшему над огнем чайнику, но замер и обернулся. Морейн бросила на него лукавый взгляд:

— Просто хотела убедиться, что это еще действует.

— Я никогда не приносил тебе чай, — возразил Ранд, возвращаясь на прежнее место. — Насколько помню, это ты у меня на побегушках. По крайней мере, последние несколько недель.

— Так и было, — согласилась Морейн. — Обдумай мои слова насчет Темного. Но теперь я задам совершенно другой вопрос. Что будешь делать

прямо сейчас? Зачем тебе в Эбу Дар?

— Шончан, — ответил Ранд. — Как и обещал, я постараюсь привлечь их на нашу сторону.

— Если мне не изменяет память, — сказала Морейн, — ты не обещал, что постараешься. Ты обещал, что сделаешь.

— Обещания «постараться» не имеют особого веса в политических переговорах, — заметил Ранд, — независимо от того, насколько они искренни.

Он вытянул руку перед собой и между растопыренных пальцев бросил взгляд за поднятые входные клапана шатра — как будто хотел взять в горсть южные земли, сжать в руке, объявить своими и забрать под защиту.

Дракон на предплечье у Ранда сверкнул кроваво-красным и золотом.

— Раз — Дракон, за память утраченную. — Он поднял вторую руку, что оканчивалась культей у запястья. — Два — Дракон… за цену, что заплатить обязан.

— Что будешь делать, если предводительница шончан снова ответит отказом? — спросила Морейн.

Ранд не говорил ей об исходе первых переговоров, когда императрица отвергла его пред-

ложение. Но Морейн в этом не нуждалась. Она попросту узнавала все сама.

— Не знаю, — тихо ответил он. — Если они не вступят в битву, Морейн, мы проиграем. А если не присоединятся к Драконову договору о мире, у нас вообще ничего не останется.

— Не слишком ли ты носишься с этим договором? — спросила Морейн. — Он отвлекает тебя от цели. Не мир несет Дракон, но разрушение, и это не изменить клочком бумаги.

— Посмотрим, — сказал Ранд. — Спасибо за советы. И сегодня, и всегда. Вряд ли я устану это повторять. Я перед тобой в долгу, Морейн.

— Что ж, — заметила она, — мне по-прежнему нужна чашка чая.

Ранд бросил на нее скептический взгляд, затем рассмеялся и ушел за чайником.

Морейн держала в руках теплую чашку. Ранд заварил ей чай, а затем ушел. С тех пор как они расстались, он стал могущественным правителем, но остался таким же скромным парнем, как при первой их встрече в Двуречье. Или даже стал еще скромнее.

«Наверное, так он ведет себя только со мной, — подумала Морейн. — Он считает, что способен убить Темного, а скромникам такое несвой-

ственно». Ранд ал'Тор, столь причудливая смесь гордости и самоумаления… Обрел ли он наконец то равновесие, что искал? Несмотря на пылкие речи, его отношение к Морейн подтверждало, что перед ней не юнец, но мужчина.

Но мужчинам все равно свойственно ошибаться. И зачастую их ошибки более опасны.

— Колесо плетет так, как желает Колесо, — прошептала она себе под нос и сделала глоток чая. Заваренный Рандом, а не кем-то другим, напиток был таким же насыщенным и вкусным, как в лучшие времена. Его нисколько не коснулась тень Темного.

Да, Колесо плетет так, как желает Колесо. Иной раз Морейн жалела, что его плетения столь сложны для понимания.

— Все знают, что делать? — повернувшись в седле, спросил Лан.

Андер кивнул. Он самолично передал приказ монархам, те донесли его до своих генералов и других военачальников, а солдаты услышали слова Дай Шана в самый последний момент.

Среди них есть приспешники Темного. И всегда были. Невозможно уничтожить всех крыс в городе, сколько бы кошек ты не выпустил на улицы. Если будет на то воля Света, крысы узнают

новости так поздно, что не успеют предупредить Тень.

— Выступаем, — промолвил Лан, тронув каблуками бока Мандарба.

Андер повыше поднял знамя Золотого журавля и галопом поскакал рядом с Ланом, за ним последовали шеренги малкири. У многих в жилах текла лишь малая толика малкирской крови, и в действительности они принадлежали к другим народам Пограничных земель, но все равно выбрали знамя Малкир и надели хадори.

Многие тысячи всадников следовали за Ланом, и от топота копыт дрожала мягкая земля. Отступление оказалось долгим и трудным. Троллоки превосходили людей Лана числом, и возможное окружение представлялось серьезной угрозой. В высшей степени подвижная конница не могла оторваться — ее маневры ограничивали пехотинцы, в то время как троллоки на марше передвигались куда быстрее людей — особенно когда их подхлестывали Исчезающие. К счастью, пожары в сельской местности замедлили армию Тени, а иначе, быть может, армии Лана не удалось бы сбежать.

Вокруг загремели взрывы, знаменуя собой начало атаки Повелителей ужаса. Лан пригнулся.

Слева от него ехал Аша'ман Дипе, привязанный к седлу, поскольку у него недоставало одной ноги. Когда огненный шар, потрескивая, описал в воздухе дугу и устремился к Лану, Дипе принял сосредоточенный вид и вскинул руки. Губительная сфера взорвалась на излете, осыпавшись жгучими углями, которые оставляли за собой дымный чадящий след. Один упал на шею Мандарба, и Лан смахнул его ладонью в латной рукавице. Похоже, конь ничего не заметил.

Почва здесь была глинистая. Местность являла собой множество покатых холмов, покрытых иссохшей травой, каменистыми выходами и рощицами голых деревьев. Отступающие держались берега Моры: река помешает троллокам провести атаку с западного фланга.

На горизонте ясно виднелись два дымных столба: Фал Дара и Фал Моран. Два величайших шайнарских города преданы огню самими шайнарцами — вместе с фермами, пашнями, фруктовыми садами и всем, что могло бы обеспечить пришлых троллоков хотя бы горстью пищи.

Защита этих городов не входила в план битвы, а это значило, что они были обречены на уничтожение.

Настало время для ответного удара. Лан вел своих бойцов в самый центр троллочьего войска. Враги ощетинились копьями, готовясь встретить наступающую галопом тяжелую кавалерию малкири и шайнарцев. Лан опустил кавалерийское копье так, чтобы его древко легло на шею Мандарба, привстал на стременах, крепко сжав коня коленями, и взмолился Свету, чтобы способные направлять Силу бойцы — теперь, когда Эгвейн прислала небольшое подкрепление, их у Лана было четырнадцать — справились со своей задачей.

Впереди вспучилась земля, и первая шеренга троллоков бросилась врассыпную.

Своей целью Лан выбрал массивного троллока с кабаньим рылом. Тот вопил что-то в адрес сотоварищей, разбегавшихся от взрывов кто куда. Лан бил ему в шею; копье пронзило плоть, а Мандарб отшвырнул троллока в сторону, не переставая топтать копытами припавших к земле монстров. Рев кавалерии сменился грохотом, когда всадники врезались во врага, позволив инерции увлечь их в самую гущу троллоков.

Когда они замедлились, Лан бросил копье Андеру, и тот ловко поймал его. Окруженный телохранителями, Лан выхватил меч из ножен.

«Дровосек срубает молодое деревце». «Яблоневый цвет на ветру». Когда ты в седле, троллоки представляют собой легкую мишень. Из-за большого роста их морды, шеи и плечи находятся на самой удобной для удара мечом или копьем высоте.

Под прикрытием Андера Лан быстро и безжалостно делал свою работу, а Дипе отражал атаки Повелителей ужаса.

Знамя Лана притягивало отродий Тени, будто магнит. Они с рычанием впадали в ярость, и Лан слышал, как двое троллоков снова и снова повторяли на своем языке: *«Мурдру Кар. Мурдру Кар. Мурдру Кар»*, пока он не пролил их кровь, погруженный в холодную, равнодушную пустоту.

Они уже дважды отняли у него Малкир. Этим тварям не дано ощутить его чувство поражения, утраты, расставания с родиной — на сей раз по собственной воле. Но Лан, да поможет ему Свет, заставит их ощутить нечто подобное, а самый действенный способ добиться этого — раз за разом вонзать меч в косматые туши.

Битва, как большинство подобных сражений, превратилась в хаос. Троллоки впали в бешенство; за последние четыре дня армия Лана ни разу не дралась с ними. Лишь отступала, наконец-то обретя некоторый контроль над своим продвиже-

нием и избегая стычек — не в последнюю очередь благодаря пожарам.

Четыре дня без боя, затем полномасштабная атака. Таков был первый этап плана.

— Дай Шан! — крикнул кто-то. Принц Кайзель. Он указывал туда, где под натиском троллоков телохранители Лана подались в стороны, открыв брешь в своих рядах. Знамя Малкир склонялось к земле.

Андер! Увидев, как упал его конь, Лан направил Мандарба промеж двух троллоков. Принц Кайзель и горстка солдат последовали за ним.

Продолжать бой верхом Лан не мог, чтобы случайно не затоптать друга, поэтому спрыгнул с коня и тут же присел, уклоняясь от размашистого троллочьего удара, а Кайзель отсек нападавшему ногу чуть ниже колена.

Оставив падающего троллока за спиной, Лан метнулся вперед. Заметил знамя, а рядом с ним — тело. Жив Андер или мертв, Лан не понял. Зато увидел мурддраала, занесшего над знаменосцем темный клинок.

Стальным вихрем налетел Лан на Исчезающего и заблокировал такан'дарский меч своим, поправ при этом собственное знамя. В пустоте нет времени на раздумья, здесь правят бал действие

и инстинкт. Здесь…

Здесь вставал из-за павшего скакуна Андера второй мурддраал. Итак, ловушка. Уронить знамя, привлечь внимание Лана…

Оба Исчезающих атаковали его с двух сторон. Пустота оставалась пустой. Недрогнувшей. Меч не испытывает страха, и в тот момент Лан сам превратился в меч. «Цапля расправляет крылья». Размашистые рубящие удары, в одну сторону, в другую, отбивая своим мечом вражеские клинки. Мурддраалы текучие, как вода, но Лан — сам ветер. Скользя и кружась между черными клинками, он отразил атаку справа, затем слева.

В ярости Исчезающие стали сыпать ругательствами. Тот, что слева, бросился на Лана, его бледные губы кривила презрительная усмешка. Лан отступил вбок, парировал выпад Получеловека, отсек ему руку по локоть и, продолжив этот же плавный удар, зная, куда рванется второй мурддраал, отрубил второму противнику кисть руки.

Оба такан'дарских клинка, звякнув друг о друга, упали на землю. На секунду Исчезающие замерли, остолбенев. Воспользовавшись моментом, Лан обезглавил первого, резко развернулся, и его меч пронзил горло второму. «Черная галька на снегу». Отступив на пару шагов, Лан отряхнул

клинок. Оба мурддраала завалились друг на друга, забрызгивая камни ядовитой черной кровью и содрогаясь в диких конвульсиях. За ними попадали на землю, корчась от мучительной боли, добрых полторы сотни троллоков, которые были связаны узами с Исчезающими.

Лан подскочил к Андеру — тот, судя по виду, плохо соображал, смотрел, моргая, мутным взором, и рука у него была вывернута под неестественным углом. Лан помог ему подняться с окровавленной размякшей земли, закинул на плечо, а другой рукой схватил, подбросив носком сапога, древко знамени.

Троллоков вокруг уже больше не было, и он подбежал к Мандарбу и передал знамя одному из солдат принца Кайзеля:

— Проследи, чтобы его очистили и подняли снова.

С этими словами Лан закинул Андера — тот был ранен, но, похоже, не смертельно — на шею Мандарба, вскочил в седло и вытер свой клинок о войлочный потник. Он едва расслышал, как за спиной у него принц Кайзель произнес:

— Клянусь праотцами! Я знал, что вы искусный мечник, но… но… О Свет!

— Сойдет, — процедил Лан, отринув пустоту и

осматривая поле боя. — Дай сигнал, Дипе.

Аша'ман кивнул, и к небу устремился красный луч. Развернув Мандарба, Лан указал мечом на лагерь. Вокруг собирались его бойцы. Все их атаки неизменно были скоротечными: ударить и отступить. Ничего похожего на какую-то линию, вдоль которой и идет бой, не было. Держать постоянный фронт — это не для кавалерийских наскоков.

Сменить отряд Лана явились салдэйцы и арафелцы. Волна за волной они обрушивались на троллоков, прикрывая отступление товарищей. Мандарб покрылся испариной; нести двух человек в полной броне — непростая задача, тем более после атаки, и Лан, отдалившись на безопасное расстояние, придержал коня.

— Дипе, — спросил он, направившись к лагерю, — что там с Андером?

— Вряд ли он сейчас может сосчитать до десяти, — ответил Аша'ман, — но бывает и хуже. Несколько сломанных ребер, рука и рана на голове, которую я Исцелю. С остальным можно подождать.

Лан кивнул, осаживая коня. Один из телохранителей — угрюмый парень по имени Бениш, носивший хадори поверх тарабонской вуали, —

помог снять Андера с Мандарба. Они поднесли его к лошади Дипе и приподняли. Одноногий Аша'ман, пристегнутый к седлу ремнями, положил руку Андеру на лоб и сосредоточился.

В пустых глазах Андера затеплилось сознание, а потом он начал ругаться.

«Значит, поправится», — подумал Лан, глядя на поле боя, где союзные войска теснили отродий Тени. Близились сумерки.

К Лану легким галопом подскакал принц Кайзель.

— На салдэйском флаге красная полоса королевы, — сказал он. — Она снова в их рядах, Лан.

— Она же королева. Может делать все, что ей вздумается.

— Поговорили бы вы с ней, — покачал головой Кайзель. — Так нельзя, Лан. Глядя на нее, другие салдэйки тоже рвутся в бой.

— Я видел учебные схватки салдэйских женщин, — сказал Лан, не отводя взора от поля битвы. — В бою кого-то из них с любым мужчиной из южных армий я без раздумий поставлю на салдэйку.

— Но…

— Суть этой войны — все или ничего. Будь у меня возможность призвать всех порубежниц и

дать им по мечу, я бы так и поступил. А теперь постараюсь не делать глупостей — наподобие того, чтобы запрещать обученным и рвущимся в драку солдатам участвовать в битве. Если вы, однако, сочтете мое мнение недостаточно дальновидным, можете сами сказать им, что думаете. Обещаю устроить вам достойные похороны, как только мне позволят снять вашу голову с шеста.

— Я… понял вас, лорд Мандрагоран, — сказал Кайзель.

Лан вооружился зрительной трубой и продолжил осматривать равнину.

— Лорд Мандрагоран? — спросил Кайзель. — Вы и правда думаете, что наш план сработает?

— Троллоков слишком много, — ответил Лан. — Предводители армий Темного разводили их на протяжении многих лет. Выращивали, как сорную траву. Троллоки прожорливы, и пищи им требуется куда больше, чем людям. В Запустении они, должно быть, уже сожрали все, что можно. На создание этой армии Тень потратила все имеющиеся у нее запасы провианта, рассчитывая, что троллоки прокормятся телами павших.

И верно: теперь, когда сражение закончилось, троллоки наводнили недавнее поле боя. Эти падальщики предпочитали человеческое мясо,

но не брезговали и своими мертвецами. Лан уже четыре дня как отступал, опережая вражеские войска и не оставляя на поживу троллокам ни одного погибшего.

Армии Лана удалось оторваться только потому, что были преданы огню Фал Дара, Фал Моран и другие города западного Шайнара. Пока троллоки искали на пожарищах, чем бы поживиться, войска людей сумели организовать отступление.

В близлежащих шайнарских городах не осталось ничего съестного. Четыре дня без пищи. Никакого снабжения у троллоков не было; они питались тем, что попадалось на пути, и теперь эти ненасытные твари оголодали не на шутку. Лан рассматривал их в зрительную трубу. Мало кто из троллоков ждал, пока разведут походные костры. Неудивительно; ведь в них куда больше звериного, чем человеческого.

«В них куда больше Тени, чем в ком-то еще… Истинные отродья Тени», — подумал Лан, опуская зрительную трубу. Придуманный им план омерзителен, но, если будет на то воля Света, он увенчается успехом: люди пойдут в бой, некоторые из них погибнут, и павшие станут приманкой для троллоков. А затем начнется настоящая битва.

— Пора, — прошептал он.

Лорд Агельмар тоже видел, что происходит. Затрубил рог, потом другие, и к небу взмыл луч желтого света. Лан развернул Мандарба, и конь всхрапнул. Он устал, и его наездник тоже, но еще одну атаку оба выдержат. Должны выдержать.

– *Тай'шар Малкир!* — взревел Лан, опустил меч и повел свое войско обратно на равнину. На разбредшуюся орду троллоков, занятых перебранками из-за трупов и совершенно смешавших ряды, обрушились все пять армий Пограничных земель.

За топотом копыт Лан услышал пронзительные вопли мурддраалов, пытавшихся привести в порядок свои войска. Поздно, слишком поздно. Изголодавшиеся твари даже не подняли глаз, пока на них не налетела конница.

На сей раз атака отрядов Лана имела совершенно иной результат. Раньше удар кавалерии встречали тесно сомкнутые ряды троллоков, и спустя десяток шагов всадникам приходилось браться за мечи и топоры. Теперь же троллоки были рассеяны по полю. Лан подал знак шайнарцам бить первыми. Их волна была настолько плотной, что расстояние между конями не превышало двух шагов, и у троллоков не оставалось

места, чтобы уклониться или обратиться в бегство. Кони топтали их грохочущими копытами и сминали звонкими бардами, а всадники насаживали тварей на копья, расстреливали из кавалерийских луков и полосовали двуручными мечами. В атаке шайнарцев, облаченных в доспехи из плоских пластин и шлемы без забрал, чувствовалась какая-то особая злость.

После них в бой вступила малкирская кавалерия во главе с Ланом. Конники двигались поперек равнины и добивали троллоков, переживших первый удар. После этого шайнарцы свернули вправо, готовясь к новому заходу, и пришел черед арафелцев — эти громили отродий Тени, не позволяя им построиться в боевые порядки. Следом нахлынула волна салдэйцев — задача у них стояла та же, что и у малкирской конницы, — а затем кандорцы, двигаясь с противоположной стороны, довели зачистку до логического завершения.

Рука с мечом болела от усталости, по лицу градом катил пот, но Лан приготовился к новой атаке — и только тут заметил, что знамя Малкир несет сам принц Кайзель. Парнишка юн, но сердце у него славное. Хотя, когда речь заходит о женщинах, мозгов ему явно не хватает.

«Как и всем нам в той или иной степени», — по-

думал Лан, находя утешение в далеких эмоциях Найнив, хотя из-за расстояния не чувствовал через узы почти ничего, кроме ее целеустремленности.

На втором заходе под людьми Лана начала взрываться земля. Повелители ужаса наконец-то сообразили, что происходит, и вернулись на передовую. Лан направил Мандарба в сторону от кратера, что возник прямо перед ними, осыпав обоих комьями грязи. Появление Повелителей ужаса послужило сигналом к окончанию зачистки; Лан планировал вихрем налететь на троллоков, ударить что есть силы и тут же ускакать восвояси. Для сражения с Повелителями ужаса пришлось бы вводить в дело всех имевшихся в его распоряжении бойцов, владеющих Силой, а этого ему совсем не хотелось.

— Кровь и треклятый пепел! — ругнулся Дипе, когда Лан объезжал новую воронку. — Лорд Мандрагоран!

Лан оглянулся, увидел, что Аша'ман осадил коня, и сделал то же самое.

— Не стой на месте, парень! — Он подал знак остальным, чтобы продолжали движение, но принц Кайзель и боевой телохранитель Лана остановились рядом с ним.

— Ох, Свет… — прошептал Дипе и сосредоточился.

Лан обвел глазами поле боя. Вокруг валялись мертвые троллоки, а умирающие подвывали и поскуливали. Слева запоздало строился в шеренги отряд исчадий Тени. Вскоре они сомкнут ряды; и если не торопиться, Лан и его спутники останутся тут в одиночестве.

Дипе пристально смотрел на что-то вроде осадной машины с плоским основанием на громадных деревянных колесах, имевшей в высоту футов двадцать и приводимой в движение группой троллоков.

И на верху этой здоровенной конструкции стоял человек. Даже не один, а несколько. На отступавших порубежников посыпались огненные шары и разряды молний, и Лан вдруг почувствовал себя мишенью на стрельбище во время тренировки лучников.

— Дипе!

— Это М’Хаэль! — воскликнул Аша’ман.

Последнюю неделю или около того Таим не появлялся в рядах вражеской армии — но теперь, как видно, вернулся. Разглядеть наверняка с такого расстояния было почти невозможно, но быстрота, с которой этот человек метал плете-

ния… Похоже, он был чем-то разгневан.

— Уходим! — выкрикнул Лан.

— Я мог бы его одолеть, — сказал Дипе. — Мог бы…

Лан увидел вспышку, и Мандарб вдруг взметнулся на дыбы. Выругавшись, Лан пытался проморгаться, чтобы избавиться от светового послеобраза. С ушами тоже что-то случилось.

Мандарб дрожал, брыкался и шарахался из стороны в сторону. Вывести его из себя было непросто, но такой близкий удар молнии испугает любого коня. Еще одна вспышка — и Лан вылетел из седла. Ударился о землю, охнул, но в душе — в самой ее глубине — знал, что делать. В себя он пришел, уже вскочив на ноги и выхватив меч. Голова пошла кругом. Лан застонал и едва удержался на ногах.

Его подхватили, подняли, усадили в седло. Поводья держал принц Кайзель, весь в крови после недавнего побоища. Телохранитель Лана убедился, что тот держится в седле, и все трое сорвались с места.

Лан еще успел заметить, что Дипе — изувеченный, разорванный на куски — остался лежать там, где принял смерть.

Глава 17. Старше и мудрее

— Поиски не увенчались успехом, ваше величие, — пробился через сон чей-то голос, и Мэт, просыпаясь, почувствовал, как лицо колют какие-то иголки. Этот матрас был наихудшим из всех, на которых ему доводилось спать. Надо бы поколотить хозяина гостиницы, чтобы тот вернул уплаченные за ночлег деньги.

— Найти убийцу весьма непросто, — не унимался надоедливый голос. — Встречным он не запоминается. Если у Принца воронов имеются сведения о том, как можно выследить это существо, я буду крайне признателен.

С какой стати хозяин гостиницы впустил этих

людей в Мэтову комнату? Мэт окончательно очнулся от приятнейшего сна, в котором фигурировала Туон, а мир был самым беззаботным местом. Он приоткрыл глаз, и перед его все еще затуманенным взором предстал… нет, не гостиничный потолок, а затянутое тучами небо.

«Кровь и пепел!» — со стоном подумал Мэт, вспомнив, что они с Туон уснули в саду. Потом он сел и обнаружил себя совершенно голым, если не считать шарфа на шее. Одежда — и его, и Туон — играла роль простыни, а подушкой ему служил кустик сорной травы.

Рядом сидела Туон — в чем мать родила — и как ни в чем не бывало беседовала со Стражем Последнего часа. Музенге опустился на колено, склонил голову и смотрел в землю — но тем не менее!

— О Свет! — воскликнул Мэт и потянулся за одеждой. Он попробовал выдернуть из-под Туон свою рубашку, но девушка наградила его недовольным взглядом.

— Досточтимый, — сказал стражник, не поднимая головы и обращаясь к Мэту, — приветствую ваше пробуждение.

— Туон, ну что ты расселась в таком виде? — осведомился Мэт, в конце концов вызволив

рубашку из-под ее соблазнительных ягодиц.

— Поскольку ты мой консорт, — строго сказала Туон, — можешь называть меня Фортуона или «ваше величие». Поскольку ты начинаешь мне нравиться, то очень не хотелось бы казнить тебя прежде, чем ты подаришь мне ребенка. Что касается этого человека, он принадлежит к Страже Последнего часа. Они обязаны следить за мной все время. Он и его товарищи нередко присутствуют при моих купаниях. Таков их долг. К тому же его взгляд опущен долу.

Стараясь не представлять, как стражник пожирает глазами его законную жену, Мэт в спешке начал одеваться, и Туон тоже, хотя не так быстро, как ему хотелось бы. Место, где они спали, было окружено небольшими голубыми елочками, диковинными в этих южных краях и, наверное, высаженными в саду из-за своей экзотичности. Хвоя, хоть и побуревшая, обеспечивала какую-никакую приватность, а за елочками виднелось кольцо других деревьев, как решил Мэт, вроде бы персиковых, но без листьев точно не скажешь.

Из-за садовой стены доносились приглушенные звуки просыпающегося города, а в воздухе стоял легкий запах еловых иголок. Было тепло — настолько, что сон под открытым небом не

доставил никаких неудобств, хотя Мэт был рад снова оказаться в одежде.

Как только Туон привела себя в порядок, к ней, хрустя сухими иголками, подошел офицер из Стражи Последнего часа. Он отвесил низкий поклон:

— Императрица, мы схватили еще одного убийцу. Не то создание, что было здесь вчера ночью, поскольку у этого нет никаких ран, но он пытался тайком проникнуть во дворец. Мы решили, что вы пожелаете взглянуть на него, прежде чем мы начнем допрос.

— Приведите, — сказала Туон, разглаживая платье. — И пошлите за генералом Каридом.

Направившись выполнять распоряжение, стражник миновал Селусию — та стояла возле тропинки, ведущей к кольцу елочек. Теперь же она приблизилась и остановилась рядом с Туон, а Мэт нахлобучил шляпу и встал с другой стороны, уперев древко ашандарея в жухлую траву.

Ему было жаль того бедолагу, что пробрался во дворец. Может, он и убийца, а может, всего-навсего нищий попрошайка. Или какой-нибудь дурачок в поисках приключений. Или же он…

…Дракон Возрожденный.

Мэт застонал. Да, по тропинке вели именно

Ранда. Он выглядел старше и мудрее, чем в их последнюю встречу. Ясное дело, в тех треклятых видениях он появлялся довольно часто. Хотя Мэт насобачился не думать о Ранде, чтобы не глядеть на разноцветную круговерть, время от времени подобные мысли лезли в голову сами по себе, против его воли.

Так или иначе, свидеться с Рандом вживую — совсем другое дело. Минуло уже… О Свет, сколько ж времени прошло? «Последний раз мы виделись, когда он отправил меня в Салидар за Илэйн». Все равно что целую вечность тому назад. Еще до того, как Мэт появился в Эбу Дар. До того, как впервые столкнулся с голамом. До Тайлин и до Туон.

Мэт хмуро смотрел, как Ранда со связанными за спиной руками подводят к императрице. Та крутила пальцами, безмолвно переговариваясь с Селусией на языке жестов. Судя по спокойному лицу Ранда, его, похоже, вообще ничего не волновало. На нем были черные штаны и красивая красно-черная куртка поверх белой рубашки. Ни золота, ни украшений, ни какого-либо оружия.

— Туон, — начал Мэт, — это…

Она обернулась, увидела Ранда и воскликнула, не дослушав:

— Дамани! Веди сюда дамани! Быстрее, Музикар! Бегом!

Страж Последнего часа нетвердо попятился, а затем сорвался с места, голося во всю глотку:

— Дамани! Знаменный генерал Карид!

Ранд проводил его взглядом. Похоже, связанные руки не причиняли ему никаких неудобств. «Вообще-то, — праздно подумал Мэт, — он и впрямь выглядит как король». Ясное дело, скорее всего, Ранд окончательно спятил. Чем еще объяснить, что он вот так запросто взял и заявился к Туон?

Или спятил, или планирует ее убить. Связан он или нет — без разницы. Ранд умеет направлять Силу. «Кровь и пепел! — подумал Мэт. — Как же я очутился в такой ситуации?» Ведь он всеми силами старался избегать Ранда!

Ранд смотрел императрице в глаза. Мэт набрал полную грудь воздуха и потом вскочил на ноги, встав так, чтобы закрыть собой Туон.

— Ранд, постой, погоди! Давай-ка успокоимся.

— Здравствуй, Мэт, — любезным тоном произнес Ранд. О Свет, да он и правда спятил! — Спасибо, что привел меня к ней.

— Привел?..

— Что он имеет в виду? — осведомилась Туон, и Мэт развернулся к ней:

— Да так… Я… Ну, это…

— Это все ты. — Своим взглядом она могла бы прожечь дыру в стальной пластине. — Пришел, навеял на меня любовное настроение, а затем вызвал его сюда. Признавайся!

— Не вини его, — сказал Ранд. — Нам с тобой надо было встретиться снова. Да ты и сама об этом знаешь.

Мэт втиснулся между ними и развел руки: одну в сторону Мэта, другую — в сторону Туон:

— Так, хватит! Угомонитесь, вы, оба! Меня послушайте!

Какая-то сила приподняла его над землей.

— Ранд, перестань! — сказал Мэт.

— Это не я. — Ранд принял сосредоточенный вид. — Ах вот оно что! Меня оградили щитом.

Болтаясь в воздухе, Мэт ощупал грудь. Медальон. «Где мой медальон?!»

Мэт уставился на Туон. На мгновение она смущенно отвела взгляд, а затем извлекла из кармана платья нечто серебристое. Должно быть, надеялась, что медальон защитит ее от Ранда.

«Великолепно!» — снова мысленно застонал Мэт. Стащила у него, спящего, медальон, а он ничего не заметил. И копий медальона в кармане у него нет..

Плетение Воздуха опустило его на землю рядом с Рандом; в саду появился Карид, а с ним — сул'дам и дамани. Все трое раскраснелись, словно от быстрого бега. Должно быть, Силу направляла эта самая дамани.

Туон взглянула на Ранда, на Мэта, повернулась к Селусии и принялась быстро обмениваться с нею знаками своего языка жестов.

— Большое тебе спасибо, — пробурчал Мэт, обращаясь к Ранду. — Ты, чтоб тебя, настоящий друг.

— Я тоже рад тебя видеть, — с едва заметной улыбкой откликнулся Ранд.

— Ну вот, пожалуйста, — вздохнул Мэт. — Ты снова втянул меня в неприятности. Как всегда.

— Да ну?

— Ну да. В Руидине, в Пустыне, в Твердыне Тира… Да и дома, в Двуречье. Ты хоть понимаешь, что я отправился на юг, чтобы не появляться на вашей с Эгвейн вечеринке на Поле Меррилор? Чтобы спастись бегством?

— Неужели ты думал, что сумеешь сбежать от меня? — с улыбкой спросил Ранд. — Взаправду думал, что Колесо тебя отпустит?

— Проклятье! Попытка не пытка. Без обид, Ранд, но ты вот-вот сдуреешь, ну и так далее, начнешь

убивать друзей, и мне подумалось, что пусть лучше ты убьешь одним другом меньше. Избавлю хоть от одной неприятности. Кстати, куда делась твоя рука?

— А куда делся твой глаз?

— Потерялся во время инцидента со штопором и тринадцатью разгневанными трактирщиками. Ну а рука?

— Лишился ее, когда брал в плен одну из Отрекшихся.

— Брал в плен? — удивился Мэт. — Не размяк ли ты, дружище?

— Кто бы говорил! — хмыкнул Ранд. — Сам-то чем похвастаешь?

— Я убил голама, — объявил Мэт.

— А я освободил Иллиан от Саммаэля.

— А я женился на императрице Шончан.

— Мэт, — сказал Ранд, — ты что, надеешься одержать верх, состязаясь с Драконом Возрожденным в самохвальстве? — Он помолчал. — Помимо прочего, я очистил саидин. Победа за мной.

— Так себе достижение, — отмахнулся Мэт.

— Так себе? Это важнейшее событие со времен Разлома!

— Вот еще! Вы с Аша'манами и так уже свихнулись, так что какая разница? — Он покосился на

Ранда. — Кстати, неплохо выглядишь. В последнее время ты стал лучше следить за внешностью.

— Стало быть, тебе не все равно, — заметил Ранд.

— А то! — буркнул Мэт и оглянулся на Туон. — В смысле — тебе ведь выжить надо, верно? Чтобы явиться на эту вашу дуэльку с Темным и спасти всех нас? Приятно видеть, что твой образ соответствует этой затее.

— Спасибо на добром слове, — с улыбкой ответил Ранд. — А что, острот по поводу моей красивой куртки не будет?

— Чего? Острот? Только не говори, будто до сих пор обижаешься, что я чуток поддразнил тебя пару лет назад.

— Поддразнил? — переспросил Ранд — Ты неделями отказывался со мной разговаривать.

— Да ладно тебе, — сказал Мэт. — Не все так плохо было. Я прекрасно помню те времена.

Ранд, словно в изумлении, покачал головой. Скотина неблагодарная, вот он кто. По его же просьбе Мэт отправился за Илэйн — и где, спрашивается, слова признательности? Ну да, после этого Мэт свернул немного в сторону, но поручение все же выполнил, разве нет?

— Ну ладно, — тихо-тихо произнес он, проверяя

путы Воздуха на прочность. — Я сделаю так, что мы выкрутимся. Ведь я же ее муж, в конце концов. Только давай-ка говорить буду я…

— Дочь Артура Ястребиное Крыло, — перебил его Ранд, обращаясь к Туон, — близится время конца всего сущего. Началась Последняя битва, и в Узоре сплетаются соответствующие нити. Близок час моего последнего испытания.

Селусия едва успела закончить свою фразу на языке жестов, как Туон шагнула вперед и спокойным твердым голосом объявила:

— Тебя доставят в Шончан, Дракон Возрожденный.

Мэт улыбнулся. О Свет, императрица из нее получилась что надо. «Хотя незачем было красть мой медальон», — подумал он. Что ж, они еще поговорят на эту тему. При условии, что он останется жив после сегодняшнего. Она же не станет казнить собственного мужа, верно ведь?

Он снова проверил на прочность невидимые путы.

— В самом деле? — усомнился Ранд.

— Ты сам явился ко мне, — ответила Туон. — Это — знамение. — Казалось, она о чем-то сожалеет. — Ты же не думал, что я позволю тебе уйти как ни в чем не бывало? Я должна заковать тебя

в цепи, как человека, не подчинившегося моей воле. Поступить с тобой так же, как поступила с прочими, кто населяет эти земли. У твоих предков была короткая память, и ты за это заплатишь. Напрасно вы забыли о принесенных клятвах.

— Понятно, — сказал Ранд.

«Однако, — подумал Мэт, — он и держаться по-королевски тоже научился». О Свет, ну и угораздило же Мэта попасть в такое окружение! Что за люди вокруг! Куда только подевались симпатичные служаночки из таверн и подгулявшие солдаты?!

— Скажи мне, императрица, — произнес Ранд, — как бы вы поступили, вернувшись на эти берега и обнаружив, что здесь по-прежнему правят армии Артура Ястребиное Крыло? Что, если мы не забыли бы наши клятвы и остались верны им? Что тогда?

— Тогда мы приветствовали бы вас как братьев и сестер, — ответила Туон.

— Ой ли? — не поверил Ранд. — И ты склонила бы голову перед здешним троном? Троном Артура Ястребиное Крыло? Живи его империя в наши дни, ею правил бы его наследник. Ты попробовала бы подмять его под себя? Или, напротив, приняла бы его власть?

— Но дело обстоит иначе, — сказала Туон, хотя слова Ранда, похоже, заинтриговали ее.

— Согласен, — кивнул Ранд.

— Если верить твоим аргументам в этом споре, ты должен подчиниться нам, — улыбнулась Туон.

— Никакого спора я не начинал, — возразил Ранд, — но если тебе так угодно… По какому праву ты властвуешь над этими землями?

— По праву единственной законной наследницы Артура Ястребиное Крыло.

— И при чем тут твое происхождение?

— При том, что это его империя. Именно он объединил ее и правил ею во всем своем величии и великолепии.

— Здесь ты заблуждаешься, — понизил голос Ранд. — Согласна ли ты признать меня Драконом Возрожденным?

— Пожалуй, — ответила после паузы Туон, словно опасаясь ловушки.

— В таком случае ты не станешь оспаривать то, кто я такой, — продолжил Ранд уже громче, резче, и его голос напомнил Мэту звук боевого рога. — Я — Льюс Тэрин Теламон, Дракон. Именно я правил здешними землями, объединив их во времена Эпохи легенд. Это я возглавлял все армии Света,

и это я носил кольцо Тамерлина. Я стоял первым среди Слуг, был верховным Айз Седай, и я мог призывать девять Жезлов владычества. — Он сделал шаг вперед. — Это мне подчинялись и хранили верность все семнадцать генералов Ворот Утренней зари. Моя власть попирает твою, Фортуона Атаэм Дэви Пейндраг!

— Но Артур Ястребиное Крыло…

— Мое владычество превыше власти Артура! Признавая власть по праву завоевания, ты должна склониться передо мной. Ибо я завоевал эти земли до Артура Ястребиное Крыло, пусть и не мечом, поскольку меча мне не понадобилось. Ты на моей земле, императрица, и только по моей милости!

Вдалеке прогремел гром. Мэт понял, что дрожит. О Свет, это же просто Ранд! Всего лишь Ранд… Или нет?

Туон попятилась, приоткрыв рот и широко распахнув глаза. На лице ее читался такой ужас, будто она только что увидела казнь собственных родителей.

Под ногами у Ранда зазеленела трава. Глядя на эту волну жизни, стражники отскочили и схватились за мечи. Желто-бурые травинки, будто спрыснутые зеленой краской, потянулись к небу,

как потягивается человек после долгого сна.

Зелень распространилась по всей лужайке.

— Он отсечен щитом! — крикнула сул'дам. — Досточтимая, он по-прежнему под щитом!

Мэт задрожал сильнее прежнего, а затем уловил кое-что. Очень тихую, почти неслышную мелодию.

— Ты что, песенку напеваешь? — шепотом спросил он у Ранда.

Да, точно: Ранд и впрямь пел себе под нос. Мэт притопнул ногой:

— Клянусь, я где-то слышал эту мелодию… Это ж «Две девицы у воды», верно?

— Не мешай, — шепнул Ранд. — Помолчи.

И продолжил напевать. Зеленая волна жизни достигла елочек, и те расправили лапы, а на других деревьях — они и впрямь оказались персиковыми — стремительно появлялась молодая листва.

Стражники вертели головами, пытаясь уследить за всеми растениями сразу. Селусия съежилась от испуга, но Туон стояла совершенно прямо и не отводила взора от Ранда. Оторопевшие от ужаса сул'дам и дамани, должно быть, совсем утратили самообладание и, по-видимому, перестали направлять Силу, поскольку Мэт

почувствовал, что обхватывавшие его путы исчезли.

— Отрицаешь ли ты мое верховенство? — осведомился Ранд. — Отрицаешь ли, что мое право на эти края старше твоего на несколько тысяч лет?

— Я… — Туон сделала глубокий вдох и непокорно уставилась на Ранда. — Ты разорил эту землю, бросил ее. У меня имеются все основания не признавать твое право на власть.

За спиной у нее деревья буквально взорвались фейерверком белых и темно-розовых бутонов, и лужайку окружило всем этим разноцветьем. Лепестки, выросшие за считаные секунды, отделялись от ветвей и кружили в воздухе, подхваченные ветром.

— Я мог бы уничтожить тебя в мгновение ока, — продолжил Ранд, — но не сделал этого, потому что при твоем правлении людям живется лучше прежнего, хоть это и не отменяет твоей вины в том, как обошлись с некоторыми из них. Твоя власть хрупка, как стекло, и ты удерживаешь эту землю одной лишь силой стали, подкрепленной могуществом дамани, в то время как твоя отчизна объята огнем. Тебе, императрица, принес я не смерть, но мир. Я пришел сюда один, без армии — и не собираюсь демонстрировать силу, по-

скольку верю, что ты нуждаешься во мне, равно как и я в тебе нуждаюсь. — Ранд сделал еще один шаг вперед и — надо же! — опустился на колено, склонил голову и протянул Туон руку. — Я предлагаю заключить союз. Началась Последняя битва. Присоединись ко мне и дай отпор Тени.

На лужайке воцарилась тишина. Перестал греметь гром, унялся ветер, и персиковые лепестки опустились на позеленевшую траву. Ранд стоял на колене с протянутой рукой, и Туон смотрела на нее, будто ей протягивали не руку помощи, а ядовитую гадину.

Мэт торопливо подбежал к нему.

— Ловкий фокус, — шепнул он Ранду. — Очень ловкий.

Затем он приблизился к Туон, взял ее за плечи и развернул лицом к себе. У Селусии был совершенно ошалелый вид, у Карида — не лучше, и Мэт пришел к выводу, что помощи от этих двоих ждать не стоит.

— Послушай, — тихо произнес он, — Ранд неплохой парень. Временами бывает грубоват, но его слову можно верить. Если он предлагает заключить союз, то свою часть уговора выполнит.

— Впечатляющая демонстрация, — негромко промолвила Туон. Она едва заметно подрагива-

ла. — Что он такое, этот твой друг?

— Чтоб мне сгореть, если знаю, — признался Мэт. — Пойми, Туон: мы с ним выросли вместе. Я готов за него поручиться.

— В этом человеке есть тьма, Мэтрим. Я видела это при нашей прошлой встрече.

— Посмотри на меня, Туон. На меня посмотри.

Она заглянула ему в глаза.

— Можешь препоручить Ранду ал'Тору судьбу всего мира, — продолжил Мэт. — А если не доверяешь ему, доверься мне. Он — наш единственный вариант, и везти его в Шончан попросту некогда. Я достаточно долго пробыл в городе и успел посмотреть на твои войска и оценить их. Если планируешь выйти на Последнюю битву и заодно отвоевать свою родину, тебе понадобится крепкий тыл — здесь, в Алтаре. Прими его предложение. Он только что заявил права на эту землю. Что ж, пусть признает нынешние границы твоих владений и объявит об этом остальным. Думаю, его послушают, и это хоть немного облегчит тебе жизнь. Если, конечно, ты не хочешь сражаться разом и с троллоками, и с государствами по эту сторону океана, и с мятежниками в Шончан.

— Наши войска, — поправила его Туон.

— Чего?

— Ты сказал «твои войска», — объяснила она, — но эта армия — наша. Теперь ты — один из нас, Мэтрим.

— Что ж… Пожалуй, так оно и есть. Послушай, Туон, тебе надо пойти ему навстречу. Умоляю!

Ранд стоял на колене в самом центре узора, в который сложились персиковые лепестки. Ни один из них не коснулся его тела.

— Что ты предлагаешь? — взглянула на него Туон.

— Мир, — сказал Ранд, вставая, но не опуская руку. — Мир на сотню лет. Или дольше, если это в моих силах. Я убедил других правителей подписать договор и объединиться, чтобы дать отпор армиям Тени.

— Мне нужна гарантия неприкосновенности границ, — сказала Туон.

— Алтара и Амадиция останутся за тобой.

— Равно как Тарабон и равнина Алмот, — добавила Туон. — Сейчас они под моей властью, и твой договор не заставит меня отказаться от этих земель. Хочешь мира? Дай мне то, чего я хочу.

— Тарабон и половину равнины Алмот, — согласился Ранд. — Ту, что уже контролируешь.

— И всех женщин, что находятся по эту сторону океана Арит и способны направлять Силу, я забе-

ру в качестве дамани, — продолжила Туон.

— Не искушай удачу, императрица, — холодно ответил Ранд. — Я… позволю тебе творить что угодно в Шончан, но потребую, чтобы ты освободила всех дамани, захваченных на этих землях.

— В таком случае мы не договоримся, — сказала Туон.

Мэт затаил дыхание, а Ранд помолчал и опустил руку:

— От твоего согласия зависит участь всего мира, Фортуона. Прошу.

— Раз уж этот договор так важен, — твердо произнесла она, — прими мои требования. Наша собственность останется нашей. Хочешь прийти к соглашению? Тогда вот тебе мое условие: все нынешние дамани останутся у нас. Взамен я позволю тебе уйти.

— Торгуешься не хуже тех женщин из Морского народа, — поморщился Ранд.

— Хотелось бы надеяться, что лучше, — ответила Туон без намека на эмоции. — За судьбу мира отвечаю не я, а ты, Дракон. Я забочусь о своей империи, и мне позарез нужны эти дамани. Выбирай. Если мне не изменяет память, ты сказал, что времени почти не осталось.

Ранд помрачнел. Затем снова поднял руку:

— Да будет так. Помилуй меня Свет, пусть будет так. Я приму на себя это бремя вдобавок ко всему прочему. Оставь себе всех дамани, что имеешь, но не бери новых из народов моих союзников, пока мы сражаемся в Последней битве. После нее пленение дамани, не находящихся в пределах твоих владений, будет расценено как нарушение договора и нападение на другое государство.

Туон шагнула вперед, затем пожала руку Ранда. Мэт выдохнул.

— У меня с собой документы. Прочти и подпиши, — сказал Ранд.

— Их возьмет Селусия, — ответила Туон. — Мэтрим, за мной. Пора готовить империю к войне.

Она ступила на тропинку и не торопясь зашагала прочь, хотя Мэт подозревал, что ей хочется как можно быстрее оказаться подальше от Ранда. Что вполне понятно.

Мэт двинулся было за девушкой, но задержался возле Ранда и вполголоса произнес:

— Похоже, тебе передалась частичка везения самого Темного. Поверить не могу, что ты ее уговорил.

— Если честно, мне тоже не верится, — так же тихо отозвался Ранд. — Спасибо, что замолвил словечко.

— Пожалуйста, — сказал Мэт. — Кстати говоря, это я спас Морейн. Обмозгуй это хорошенько, когда будешь решать, за кем из нас победа.

С этими словами он последовал за Туон, а у него за спиной захохотал Дракон Возрожденный.

Глава 18. Бесполезный

Гавин стоял в открытом поле неподалеку от того места, где Айз Седай дали первый бой троллокам. Потом они спустились с холма и продвинулись вглубь кандорской равнины, не переставая отбивать троллочьи атаки и даже сумев оттеснить главные силы Тени на несколько сотен шагов. В общем и целом дела шли лучше, чем ожидалось.

Бои здесь продолжались уже неделю, и обугленное, изрытое безымянное кандорское поле выглядело так, будто его готовили к посевной. Трупов — по большей части исчадий Тьмы — было столько, что даже ненасытные троллоки не

могли пожрать всех мертвецов.

Гавин стоял перед скакуном Эгвейн. В одной руке — щит, в другой — меч. Его задача — сразить троллоков, пробившихся сквозь ряды Айз Седай. Гавин предпочитал двуручный хват, но против троллоков нужен щит. Многие бойцы с недоумением поглядывали на его меч. Наверное, считали его за глупца, отдавая предпочтение пикам, алебардам… да чему угодно, лишь бы держать троллоков на расстоянии.

Однако с пикой в руках настоящего поединка, один на один, не бывает. Пикинер — это кирпич в стене других пикинеров. Ты не столько воин, сколько просто преграда. Алебарда — другое дело; по крайней мере, у нее есть клинок, владение которым требует определенного мастерства. Но ни то ни другое не сравнится с мечом. Сражаясь мечом, Гавин обретал контроль над схваткой.

На него бросился фырчащий троллок, обличьем — наполовину баран, наполовину человек. В сравнении с остальными — больше человек, чем зверь, рот совсем как человеческий, с окровавленными зубами… Фу, мерзость! Тварь размахивала булавой с Пламенем Тар Валона на рукояти — должно быть, взятой с мертвого тела гвардейца Башни. Тяжелая двуручная штуковина, но трол-

лок без труда удерживал его в одной руке.

Гавин сдвинулся вбок, выставил щит вправо и вверх — навстречу ожидаемому удару, — и тот содрогнулся, раз, другой и третий. Типичный для троллоков прием и их обычное боевое исступление — бей яростно, бей сильно и быстро и надейся, что противник не выстоит.

Со многими так и было: то подкашивались ноги, то руки немели от тяжелых ударов. Такова плата за стену пик или алебард. Брин пользовался обеими, а еще импровизированным смешением того и другого, о котором Гавин читал в книгах по истории. Отличный способ резать троллокам поджилки: лес пик не даст подойти, в то время как алебарды дотянутся до ног.

Гавин, пригнувшись, отскочил в сторону. Не ожидавший от него такой прыти троллок развернулся, но слишком медленно, и приемом «Вихрь на горе» Гавин отсек ему кисть руки. Монстр завопил от боли, а Гавин тем временем развернулся и вогнал клинок в брюхо другому троллоку, прорвавшему оборону Айз Седай.

И тут же высвободил меч, вонзил его первому в горло, и мертвое чудище — четвертое за сегодня — соскользнуло с клинка. Гавин аккуратно вытер меч о примотанную к поясу полосу окровавлен-

ной ткани, а потом бросил взгляд на Эгвейн.

Та сидела в седле и Единой Силой разрывала троллоков на куски. Десятками. Айз Седай сражались, поочередно сменяя друг друга и вступая в бой небольшими отрядами, так что основное бремя сражения ложилось на солдатские плечи; зато женщины успевали отдохнуть и набраться сил. Их задача — сеять хаос во вражеских рядах, разбивая строй, а солдаты добьют тех немногих троллоков, кто переживет удары Айз Седай.

Битва, хоть и суровая, продвигалась неплохо. Не позволяя троллокам построиться в плотные штурмовые порядки, Айз Седай уже неделю как сдерживали их натиск, и после ухода с холмов отступать не было нужды.

Рядом с Эгвейн сидела на чалом мерине Сильвиана, делавшая все возможное, чтобы держать троллоков подальше. Ее атаки перепахали землю, оставив по всему полю множество рытвин и ям, но временами случайный монстр выползал из грязи, и такими уже занимался Гавин.

Заметив в ближней канаве какое-то движение, Гавин двинулся туда и обнаружил в яме скрючившегося троллока с волчьей мордой. Увидев человека, монстр зарычал и ринулся в атаку.

«Поток сбегает с холма».

Троллок рухнул обратно в яму. Гавин вытер меч об окровавленную тряпку. Пятеро. Неплохо для двухчасовой смены. По большей части с троллоками справлялись и Айз Седай, а Гавин просто стоял возле Эгвейн. Разумеется, сегодня ее сопровождала Сильвиана — на передний край женщины всегда выходили парами, — и Гавина не оставляла мысль, что хранительница летописей порой оставляет врагов в живых, чтобы ему было чем заняться.

Гавина хлестнуло ударной волной от внезапной серии близких взрывов. Он попятился и глянул за спину. Подоспела смена. Слит занял позицию возле Стража Пиавы Седай, и Гавин приветствовал его поднятым мечом, после чего отправился следом за Эгвейн и Сильвианой, ощущая растущую усталость Эгвейн — та не жалела себя и выходила на поле сражения чаще других.

Пробираясь по истоптанной равнине, они миновали направлявшихся в бой иллианских Спутников. Всей картины битвы Гавин не видел, а потому не знал, на каком именно участке понадобился этот отряд, и с легкой завистью посмотрел ему вслед.

Он знал, что Эгвейн нуждается в нем и даже больше, чем когда-либо. По ночам в лагерь прони-

кали Исчезающие, вооруженные выкованными в Такан'даре клинками. Их целью были Айз Седай. Гавин лично стоял на страже, когда Эгвейн спала, рассчитывая, что она избавит его от усталости, если та станет невыносимой. Сам он отсыпался, когда Эгвейн уходила на Совет Башни.

Гавин настаивал, чтобы каждую ночь Эгвейн проводила в новой палатке. Несколько раз ему удалось уговорить ее Переместиться в Майен и заночевать во дворце. Этого не случалось уже несколько дней. Гавин твердил, что пора бы проведать Желтых и узнать, как они справляются с Исцелением, но аргументы были так себе: в лазарете командовала Росил Седай, и в помощи она не нуждалась.

Следом за женщинами Гавин вошел в лагерь. Отдыхавшие солдаты встречали их поклонами; другие спешили на поле боя. Гавин окинул их взглядом. Слишком молодые и неопытные.

А эти преданные Дракону… Как знать, что они за люди? Среди них хватало айильцев, и это вполне естественно — по мнению Гавина, все до единого айильцы, судя по всему, были преданы Дракону. Однако в их число входили еще и Айз Седай, Гавин же считал, что эти женщины сделали не самый верный выбор.

Он покачал головой и двинулся дальше. В громадном лагере практически не было маркитантов и им подобного люда. Провиант доставляли ежедневно — привозили на подводах через переходные врата. Некоторые из них приводились в движение теми ненадежными железными машинами из Кайриэна. Обратно подводы отправлялись, нагруженные грязной одеждой, сломанным оружием и прохудившейся обувью — на стирку и починку.

В итоге лагерь функционировал как хорошо отлаженный механизм, хотя народу в нем было немного: почти все проводили долгие часы на поле боя. Все, кроме Гавина.

Он понимал, что делает нужное и важное дело, но не мог не чувствовать себя бесполезным. Один из лучших мечников в армии, он стоял на поле боя по паре часов в день и временами убивал троллока-другого из тех, кому хватало дурости атаковать сразу двух Айз Седай. Гавин не сражался, а скорее наносил удары милосердия.

На прощание кивнув Сильвиане, Эгвейн повернула коня к штабной палатке.

— Эгвейн… — начал было Гавин, но та спокойно произнесла:

— Просто хочу проверить, как обстоят дела.

Илэйн должна была прислать новые приказы.

— Тебе нужно выспаться.

— Такое чувство, что последние дни я только и делаю, что сплю.

— На поле боя ты стоишь тысячи солдат, — не сдавался Гавин. — Если для того, чтобы ты могла как следует защищать наших людей два часа, тебе требовалось бы спать двадцать два часа в сутки, то я настоял бы на таком распорядке. К счастью, этого не нужно, а тебе незачем доводить себя до изнеможения.

Он почувствовал, как по узам скользнуло недовольство, но Эгвейн немедленно взяла себя в руки.

— Конечно же ты прав. — Она опустила взгляд на Гавина. — И незачем удивляться, что я признала твою правоту.

— Я не удивился, — возразил он.

— Гавин, я же чувствую твои эмоции.

— Это было не удивление, а нечто совершенно иное. Несколько дней назад Слит рассказал анекдот, и его смысл дошел до меня только сейчас. — И Гавин невинно воззрился на Эгвейн.

Наконец-то она улыбнулась. Едва заметно, но это уже кое-что. Последнее время Эгвейн редко улыбалась. Да и все остальные тоже.

— К тому же, — продолжил он, взяв поводья и помогая Эгвейн спуститься с коня у штабной палатки, — я не особо задумывался о том, что Страж не связан Тремя Клятвами и способен нарушить их. Любопытно, часто ли сестры пользуются столь благоприятным обстоятельством?

— Надеюсь, что не слишком часто, — заметила Эгвейн.

Ответ искусного дипломата…

В штабной палатке Гарет Брин смотрел в открытые на полу и ставшие уже привычными переходные врата. Открытыми их удерживала похожая на мышку Серая сестра, которую Гавин не знал. Наконец Брин подошел к рабочему столу, где Суан пыталась навести порядок, сделал пометки на одной из многочисленных карт, удовлетворенно покивал и поднял взгляд на вошедших.

— Мать. — Он взял руку Эгвейн и поцеловал ее кольцо.

— Похоже, битва идет неплохо, — сказала ему Эгвейн, поприветствовав Суан кивком. — Мы хорошо держимся. Как вижу, вы планируете перейти в наступление?

— Нельзя вечно топтаться на месте, мать, — ответил Брин. — Королева Илэйн спрашивала,

нельзя ли продвинуться вглубь Кандора, и это решение представляется весьма разумным. Меня беспокоит, что троллоки уйдут в холмы и соберутся с силами. Вы же заметили, что каждую ночь они уносят с поля все больше трупов?

— Да.

Гавин чувствовал ее досаду: жаль, что у Айз Седай недостает энергии для каждодневного сжигания мертвых троллоков с помощью Единой Силы.

— Они собирают пищу, — продолжил Брин. — Не исключено, что попробуют обойти нас с востока. Надо удержать их здесь — то есть наступать в сторону холмов. В обычном случае задача будет дорого стоить, но теперь… — Он покачал головой, подошел к наблюдательным переходным вратам и опустил взгляд на передовую. — Ваши Айз Седай господствуют на поле боя, мать. Никогда не видел ничего подобного.

— Тень не без причины прилагала столько усилий, пытаясь уничтожить Белую Башню, — ответила Эгвейн. — Враг знал, чего мы будем стоить в этой войне.

— Надо остерегаться Повелителей ужаса, — сказала Суан, пролистывая какие-то бумаги. Донесения разведчиков, догадался Гавин. Он

плохо знал Суан Санчей, хотя та была обязана ему жизнью, но Эгвейн не раз говорила, что эта женщина жадна до всяких сведений.

— Да, — согласилась Эгвейн. — Они непременно объявятся.

— Черная Башня, — нахмурившись, промолвил Брин. — Верите ли вы лорду Мандрагорану?

— Как самой себе, — кивнула Эгвейн.

— По его словам, Аша'маны сражаются на стороне врага. Почему же Дракон Возрожденный упустил это из вида? О Свет, если остальные Аша'маны перейдут на сторону Тени…

Эгвейн покачала головой и сказала:

— Брин, отправьте конников к Черной Башне. Как можно ближе, туда, где переходные врата еще открываются. Пусть во весь опор скачут к сестрам, которые стоят лагерем возле Черной Башни.

— Хочешь, чтобы они пошли в атаку? — оживился Гавин.

— Нет. Пускай отступят туда, где сумеют открыть переходные врата, после чего присоединятся к нам. Дальнейшее промедление недопустимо. Сестры нужны мне здесь. — Она постучала пальцем по столу. — Таим обязательно приведет сюда Повелителей ужаса. Пока что они сосредоточены

на войсках лорда Мандрагорана и господствуют на том поле боя так же, как мы господствуем здесь. Я отберу побольше сестер и отправлю их в армию порубежников. Рано или поздно нам придется сразиться с Повелителями ужаса.

Гавин молча поджал губы. Чем меньше здесь останется Айз Седай, тем больше будет работы у Эгвейн и остальных.

— Теперь же мне надо… — Увидев лицо Гавина, Эгвейн осеклась. — Пожалуй, мне надо выспаться. При необходимости найдете меня… О Свет, я даже не знаю, где буду сегодня спать! Гавин?

— Сегодня — в палатке Маэрин Седай. Она вот-вот заступит на дежурство, и несколько часов тебя никто не потревожит.

— Если я никому не понадоблюсь, — напомнила ему Эгвейн и направилась к выходу.

— Разумеется. — Но прежде чем последовать за ней, Гавин посмотрел на Брина, на Суан и со значением помотал головой.

Брин ответил кивком и улыбкой. Мало что на поле боя могло бы потребовать немедленного внимания Амерлин. Войска находились под непосредственным присмотром Совета Башни.

Покинув шатер, Эгвейн со вздохом закрыла глаза. Одной рукой Гавин обнял ее, и Эгвейн

прижалась к нему всем обмякшим телом. Она постояла так несколько секунд, а затем отпрянула, расправила плечи и нацепила маску Амерлин. «Такая юная, — подумал Гавин, — и несет такое бремя…»

Конечно, она не намного моложе ал'Тора. При мысли об этом человеке Гавин не почувствовал гнева, что было приятно и отчасти удивительно. У ал'Тора своя битва — да и какое Гавину до него дело?

Он проводил Эгвейн к лагерю Зеленой Айя. Охранявшие внешнюю границу лагеря Стражи встретили их уважительными кивками. Палатка у Маэрин Седай оказалась просторной. Большинству Айз Седай разрешили обставить временные жилища по собственному вкусу — если женщина способна открыть переходные врата, а ее Страж принесет все, что нужно. Но в случае, если армии придется срочно выступить на марш, то всю меблировку придется бросить на месте. Так что многие Айз Седай обходились малым, хотя некоторые из них… Словом, Маэрин была из тех, кто не привык к аскетизму, и палатку свою она обставила соответствующим образом.

У входа ждали Лильвин и Байл Домон. Это они оповестили Маэрин Седай, что ее палатку поза-

имствуют для Амерлин, и попросили Зеленую сестру не распространяться об этом. Конечно, секрет этот можно было выведать обычными расспросами — ведь Гавин и Эгвейн пришли сюда не таясь, — но человек, интересующийся местом ночлега Амерлин, непременно привлечет к себе внимание. Других мер предосторожности Гавин предложить не мог, поскольку Эгвейн отказывалась каждый день Перемещаться ради нескольких часов сна.

Едва увидев Лильвин, она заметно скисла, и ее недовольство тут же передали узы.

— Ты же говорила, что хочешь держать ее поближе к себе, — тихо напомнил Гавин.

— Плохо, что она знает, где я буду спать. Если в лагере объявятся шончанские убийцы и станут искать меня, то она может оказаться той, кто приведет их ко мне.

Гавин хотел было возразить, но сдержал это инстинктивное желание. Эгвейн — женщина хитрая и проницательная, но во всем, что связано с шончан, слепа как крот. С другой стороны, сам же Гавин чувствовал, что доверяет этой Лильвин. Она производила впечатление женщины открытой и прямолинейной.

— Я буду за ней присматривать, — только и

сказал он.

Эгвейн вздохнула, взяла себя в руки и вошла в палатку, не сказав Лильвин ни слова. Гавин остался снаружи.

— Как видно, Амерлин упрямо отказывается от моей службы, — произнесла Лильвин со свойственным всем шончан протяжным выговором.

— Она тебе не доверяет, — честно ответил Гавин.

— Неужели по эту сторону океана слова ничего не стоят? — спросила Лильвин. — Я дала ей клятву, которую не рискнет преступить никто, даже Муями!

— Приспешник Темного легко нарушит любую клятву, — возразил Гавин, и Лильвин невозмутимо уставилась на него:

— Складывается впечатление, что она считает всех шончан приспешниками Темного.

— Вы избивали ее, — пожал плечами Гавин, — заключили в темницу и надели на нее ошейник с поводком, будто она не человек, а животное.

— Лично я этого не делала! — вскинулась Лильвин. — Если пекарь продал тебе испорченный хлеб, неужели будешь считать, что тебя хотят отравить все пекари на свете? Ха! И не спорь со мной. Это бессмысленно! Если она отвергает мою

преданность, я буду служить не ей, а тебе, Страж. Скажи, ел ли ты сегодня?

Гавин задумался. А когда он вообще ел? Утром? Нет, утром он рвался в бой. В животе заурчало.

— Знаю, ты не оставишь ее, — продолжила Лильвин. — Особенно под присмотром шончанки. Пойдем, Байл. Принесем этому глупцу какой-нибудь еды, чтобы не грохнулся в обморок, если вдруг нагрянут убийцы.

Она решительно зашагала прочь, и громадный иллианец последовал за ней, бросив на Стража взгляд, способный прожечь дыру в кожаной броне.

Вздохнув, Гавин опустился на землю и выудил из кармана три черных кольца. Выбрав одно, остальные он сунул обратно.

Слово «убийцы» всегда напоминало ему о кольцах, снятых им с трупов шончан, что явились по душу Эгвейн. Это были не украшения, а тер'ангриалы; благодаря им Кровавые Ножи двигаются с невероятной быстротой и сливаются с тенями.

Гавин поднял кольцо к свету. Оно не походило на виденные им тер'ангриалы, но предмет Силы может выглядеть как угодно. Эти вещицы были сделаны из незнакомого Гавину тяжелого черного камня; снаружи кольца были покрыты резьбой

в виде шипов, а внутри — там, где соприкасаются с кожей, — оставались совершенно гладкими.

Он повертел черное кольцо в пальцах, понимая, что надо бы показать его Эгвейн, но Гавин знал также, как в Белой Башне поступают с тер'ангриалами: не желая экспериментировать с ними и нарываться на неприятности, их убирают с глаз долой и запирают под замок. Но теперь, когда началась Последняя битва, разве не время рискнуть?..

«Ты решил жить в тени Эгвейн, — сказал себе он. — Решил защищать ее и делать все, что она потребует». Она выигрывала эту войну. Она и ее Айз Седай. Стоит ли завидовать ей так же, как он завидовал ал'Тору?

— Что это? То, что я думаю?

Гавин вскинул голову, пряча кольцо в кулаке. Лильвин с Байлом Домоном побывали в обеденной палатке и принесли ему миску с едой. Судя по запаху, опять ячменная похлебка, да еще и повара так сдабривали ее перцем, что тошно становилось, — наверное, чтобы за черными хлопьями в глаза не бросались кусочки долгоносика.

«Нельзя вести себя так, будто я занят чем-то подозрительным, — тут же подумал Гавин. — И подпускать эту женщину к Эгвейн тоже нельзя».

— Это? — Он поднял руку, показывая кольцо. — Одна из вещиц, найденных при шончанских убийцах, подосланных к Эгвейн. Мы считаем их некими тер'ангриалами, хотя в Белой Башне о таких никто не слышал.

— Ими наделяет только императрица, — присвистнула шончанка, — да живет она… — Лильвин осеклась и сделала глубокий вдох. — Такое кольцо дозволено носить лишь тому, кто именуется Кровавым Ножом и отдал свою жизнь императрице. Не надевай его. Это очень, очень плохая штука.

— К счастью, — заметил Гавин, — я его не надевал.

— Такие кольца опасны, — продолжила Лильвин. — О них мне известно не так много, но говорят, что они убивают тех, кто их носит. Не допускай, чтобы твоя кровь коснулась этого кольца, Страж, иначе приведешь его в действие, а это смертельно опасно.

Она отдала Гавину миску с похлебкой и ушла прочь, однако Домон остался.

— Моя жена, она не всегда сама вежливость, — промолвил он, поглаживая короткую бороду, — но она сильна и мудра. Прислушайся к ее совету. Это в твоих интересах.

— Начнем с того, — сказал Гавин, пряча кольцо в карман, — что Эгвейн ни за что не позволит мне надеть его. — Да, это так. Если узнает об этих кольцах. — Передай своей жене, что я благодарен за предупреждение. И должен предостеречь, что в разговоре с Амерлин не следует упоминать Кровавых Ножей или их тер'ангриалы. Это больная тема, и советую обходить ее стороной.

Домон кивнул и ушел следом за Лильвин. Гавин ощутил легкий укол совести, хотя на самом деле не сказал ни слова неправды. Просто ему не хотелось, чтобы Эгвейн начала задавать неудобные вопросы.

Что бы ни представляли собой эти кольца, путь Стража заключается в защите Эгвейн от любых опасностей, и долг на поле боя Гавин исполнит не героическими выходками, а верной службой Амерлин.

Он не раз повторял себе эти слова, пока справлялся с похлебкой. К тому времени как миска опустела, Гавин почти не сомневался, что сумел себя убедить.

Но Эгвейн о шончанских кольцах он так и не рассказал.

Ранд помнил, как впервые увидел троллоков. Но не тогда, когда они напали на их с отцом фер-

му в Двуречье. Нет, по-настоящему в первый раз он увидел их в минувшую эпоху.

«Наступит время, когда их больше не будет», — подумал он, плетениями Огня и Воздуха создав стену яростного пламени, с ревом ожившую посреди троллочьего отряда. Солдаты Волчьей гвардии Перрина вскинули оружие в знак благодарности, и Ранд кивнул им в ответ. В этом бою он принял облик Джура Грейди. На некоторое время.

Было время, когда троллоки не терзали эту землю. Было — и может вернуться. Произойдет ли это в тот самый миг, когда — и если — Ранд убьет Темного?

Лоб вспотел от жаркого пламени созданного им огненного барьера. Ранд аккуратно зачерпнул Силу через ангриал в виде толстячка — осторожно, чтобы не показаться слишком могучим, — и сразил еще одну группу троллоков здесь, на этом поле боя, чуть к западу от реки Алгуэньи. Войска Илэйн, пересекшие Эринин и восточные фермерские угодья, дожидались сооружения переправ через Алгуэнью. Мосты были почти готовы, но тут объявился передовой отряд троллоков, и армия Илэйн заняла оборону, ожидая возможности перейти на другой берег.

Ранд был рад помочь. Настоящий Джур Грейди, измотанный Исцелением, набирался сил в кандорском лагере, а его личина удобна тем, что не привлекает внимания Отрекшихся.

Отрадно было слышать вопли горящих троллоков. Ближе к окончанию Войны Силы Льюс Тэрин прямо-таки влюбился в эти звуки — они всегда давали ему понять, что он и вправду занят нужным делом.

Впервые увидев троллоков, он не знал, что представляют из себя эти создания. Впрочем, об экспериментах Агинора ему было известно. Льюс Тэрин неоднократно называл его безумцем. Подобно большинству современников, он не понимал, что происходит. В плодах своего творчества Агинор души не чаял, и Льюс Тэрин допустил ошибку, предположив, что тот, подобно Семираг, обожает пытку как вид искусства.

А затем явились отродья Тени.

Монстры продолжали корчиться в пламени.

И все же Ранда волновало, что эти… эти твари могут быть перерожденными людьми. Ведь при создании троллоков и мурддраалов Агинор использовал людей. Неужто их судьба — переродиться в этих противоестественных существ? От одной мысли об этом становилось тошно.

Ранд глянул на небо. Над головой, по обыкновению, начали расступаться тучи. Он мог бы воспрепятствовать этому, но… Нет. Людям нужен свет, а Ранд не мог сражаться здесь слишком долго, не наводя окружающих на мысль, что этот Аша'ман слишком, даже противоестественно силен.

Пусть будет свет.

По всему берегу реки бойцы поднимали лица навстречу лучам солнца и смотрели, как отступают черные тучи.

«Довольно прятаться», — подумал Ранд, сбросил Маску зеркал и поднял над головой сжатый кулак. Сплел Воздух, Огонь и Воду, и в небеса устремился столб света. Солдаты встретили его приветственными возгласами.

Нет, он не попадет в ловушки, расставленные для него Темным. Ранд шагнул в переходные врата, ведущие на Поле Меррилор. На поле боя он надолго не задерживался, но перед уходом всегда обозначал себя. Позволял тучам расступиться, доказывая, что он — это он, а затем отступал.

На площадке для Перемещения его ждала Мин. Ранд оглянулся на смыкавшиеся врата, за которыми остались сражаться его бойцы. Мин коснулась его руки. Рядом ждали Девы; они неохотно отпус-

кали Дракона Возрожденного сражаться одного, но были вынуждены это делать, понимая, что иначе сразу выдадут его своим присутствием.

— Ты опечален, — тихо сказала Мин.

Откуда-то с севера задул горячий ветер. Стоявшие поблизости солдаты отсалютовали Ранду. Здесь в основном были доманийцы, тайренцы и айильцы. Это войско, составлявшее ударный кулак, под командованием Родела Итуралде и короля Дарлина постарается удержать долину Такан'дар, пока Ранд будет бороться с Темным.

Еще немного — и придет время этой схватки. Тень видела, как Ранд по очереди вступает в бой на всех трех полях сражений — у Лана, Илэйн и Эгвейн. В настоящее время она сосредоточила свои основные силы на юге. Близилось время удара по Шайол Гул.

Ранд взглянул на Мин:

— Морейн считает, что участие в этих боях — глупая затея. Говорит, что вся оказанная мною помощь не оправдывает малейшего риска для моей персоны.

— Не исключено, что она права, — сказала Мин. — Она нередко бывает права. Но я предпочитаю видеть в тебе человека, способного на такие поступки. Того, кто не может сидеть и стро-

ить планы, когда гибнут другие. Именно такой человек победит Темного.

Ранд обнял ее за талию. О Свет, что бы он без нее делал? «Сдался бы и погиб, — подумал он. — В те месяцы, полные мрака… Я непременно сдался бы и погиб».

За спиной у Мин Ранд увидел седовласую женщину. Та направлялась к нему, а чуть дальше стояла, демонстративно отвернувшись, еще одна женщина — в голубом платье и пониже ростом. В лагере Кадсуане и Морейн обходили друг друга стороной. Ранду показалось, что глаза Морейн гневно сверкнули, когда она поняла, что заметила Ранда второй, а не первой.

Кадсуане приблизилась, обошла Ранда кругом, смерила его взглядом и несколько раз удовлетворенно кивнула.

— Пытаешься понять, подхожу ли я для этой задачи? — спросил Ранд, стараясь не выказывать никаких эмоций, сейчас — раздражения.

— Я никогда в этом не сомневалась, — ответила Кадсуане. — Еще не зная, что ты возродился, я была уверена, что сумею превратить тебя в того человека, который нужен. Сомневаться — по крайней мере, в подобных вопросах — это удел глупцов. Скажи, Ранд ал'Тор, ты глупец?

— Ответить на этот вопрос невозможно, — сказала Мин. — Если он признает себя глупцом, то станет таковым. А если нет, сложится впечатление, что он не стремится стать мудрее.

— Ха! Ты слишком много читаешь, дитя мое, — заметила Кадсуане не без симпатии в голосе и повернулась к Ранду. — Надеюсь, ты подаришь ей что-нибудь прекрасное.

— В смысле? — не понял Ранд.

— Ты готовишься к смерти, — объяснила Кадсуане, — и даришь людям подарки. Такое свойственно старикам — или мужчинам, кто идет в битву, не надеясь на победу. Меч — отцу, тер'ангриал — королеве Андора, корона — Лану Мандрагорану, украшения — айильской девчонке и вот этой, — кивнула она на Мин.

Ранд оцепенел. В глубине души он осознавал, что делает, но слова Кадсуане вывели его из равновесия.

Помрачневшая Мин крепче сжала его руку.

— Пройдемся? — спросила Кадсуане. — Только ты и я, лорд Дракон. — Она покосилась на него. — Если тебе угодно.

Мин взглянула на Ранда, но тот погладил девушку по плечу и кивнул:

— Встретимся в шатре.

Она вздохнула, но удалилась. Кадсуане уже шагала по тропинке, и, чтобы догнать ее, Ранду пришлось чуть пробежаться. По всей вероятности, Кадсуане получила удовольствие от этого зрелища.

— Ты не торопишься, и Морейн Седай начинает нервничать, — заметила она.

— Ну а ты что скажешь?

— Скажу, что она не глупа. Однако я не считаю твой план откровенно идиотским, хотя затягивать с его воплощением не стоит.

Ранд нарочно не говорил, когда отдаст приказ атаковать Шайол Гул. Пусть гадают. Если никому из его окружения не известно, когда будет нанесен удар, можно допустить, что Темный тоже останется в неведении.

— Тем не менее, — продолжила Кадсуане, — я здесь не для того, чтобы обсуждать это промедление, поскольку не сомневаюсь, что Морейн Седай… твердо держит руку на пульсе событий. Куда сильней меня беспокоит нечто иное.

— Например?

— То, что ты настроен погибнуть. Что не скрываешь этого и даже не пытаешься найти возможности выжить.

Ранд глубоко вздохнул. По пятам за ним сле-

довали несколько Дев. Процессия миновала небольшой лагерь Ищущих Ветер. Те совещались, толпясь вокруг Чаши Ветров, и встретили Ранда и Кадсуане безмятежными взглядами.

— Позволь мне смириться с будущим, Кадсуане, — сказал Ранд. — Я объял смерть и приму ее, когда настанет время.

— Рада слышать, — заметила Кадсуане, — и даже думать не смей, что я не обменяла бы твою жизнь на спасение мира.

— Ты с самого начала высказала свое мнение, — ответил Ранд. — Теперь-то зачем беспокоиться? Эта битва неминуемо заберет мою жизнь. Значит, так оно и будет.

— Не следует исходить из того, что ты непременно погибнешь, — сказала Кадсуане. — Даже если смерть почти неизбежна, не забывай о слове «почти».

— Илэйн сказала примерно то же самое.

— В таком случае она хотя бы раз в жизни проявила мудрость, чем превзошла мои ожидания.

Ранд не стал реагировать на эту колкость, и Кадсуане тонко улыбнулась. Ей приятно было видеть, что он держит эмоции под контролем. Потому-то она и проверяет его. Интересно, закончатся ли они когда-нибудь, эти проверки?

«Нет, — подумал он. — Пока не придет время последней. Той, что важнее всех других».

Кадсуане остановилась на тропинке, вынуждая Ранда последовать ее примеру.

— Для меня тоже будет подарок?

— Я дарю их тем, кто мне дорог.

В ответ она широко улыбнулась:

— Наше общение не всегда шло ровно и гладко, Ранд ал'Тор.

— Можно и так сказать.

— Однако, — продолжила Кадсуане, глядя ему в глаза, — знай, что я довольна тем, в кого ты превратился.

— Значит, дозволяешь мне спасти мир?

— Да. — Она взглянула на небо, где клубились черные тучи. Те начали расступаться, поскольку Ранд не желал обратного и не пытался сохранить свое присутствие в тайне. — Да, дозволяю. Но только приступать надо в самое ближайшее время. Тьма сгущается.

Словно подтверждая ее слова, зарокотала земля. В последние дни такое случалось все чаще. Лагерь содрогнулся, его обитатели насторожились.

— Когда я проникну в узилище, явятся Отрекшиеся, — сказал Ранд. — Кто-то должен будет

противостоять им. Возглавить отпор. Об этом я намерен просить Авиенду, и ей пригодится твоя помощь.

— Я к этому готова, — кивнула Кадсуане.

— Возьми с собой Аливию, — продолжил Ранд. — Она сильна, но не хотелось бы оставлять ее с кем-то другим. Она не чувствует границ — так, как должна бы их чувствовать.

Кадсуане снова кивнула, и по ее глазам Ранд понял, что именно так она и собиралась поступить.

— А Черная Башня?

Ранд скрежетнул зубами. Черная Башня — это ловушка. Он знал, что это ловушка. Таим хотел заманить Ранда туда, где побег через переходные врата невозможен.

— Я отправил в Черную Башню Перрина. Он поможет.

— Помнится, ты хотел пойти туда сам…

«Надо помочь им. Хоть как-то. Я позволил Таиму собрать этих людей и не могу допустить, чтобы он подмял их под себя…»

— По-прежнему сомневаешься, — огорчилась Кадсуане. — И готов ступить в капкан, рискуя собой, рискуя всеми нами.

— Я…

— Они свободны. — Кадсуане отвернулась,

собираясь идти дальше. — Таима и его людей вышвырнули из Черной Башни.

— Что? — схватил ее за руку Ранд.

— Твои люди завоевали свободу, — сказала Кадсуане, — хотя, насколько я слышала, их изрядно потрепали. Об этом почти никто не знает. Какое-то время королева Илэйн не сможет отправить их в бой. Подробности мне неизвестны.

— Завоевали свободу? Сами? — переспросил Ранд.

— Да.

«Значит, они справились. Или справился Перрин», — возрадовался Ранд, но его тут же захлестнуло чувством вины. Сколько человек погибло? Остались бы они живы, приди он в Черную Башню? Уже несколько дней он знал, что эти люди в беде, но бросил их, повинуясь настоятельным советам Морейн: мол, это ловушка, и ее необходимо избегать.

И теперь обитатели Черной Башни спасены.

— Жаль, мне не получить ответа на вопрос, что ты намеревался там делать. — Кадсуане вздохнула, затем покачала головой. — У тебя есть слабые места, Ранд ал'Тор, но я вынуждена довольствоваться тем, что имею.

С этими словами она ушла.

— Дипе был славным малым, — говорил Антайл. — Он пережил падение Марадона. Стоял на стене, когда она взорвалась, но остался жив и продолжил драться. В итоге Повелители ужаса прикончили его той молнией, но до последней секунды Дипе разил их своими плетениями. Он принял достойную смерть.

В ответ малкири подняли кубки, чествуя павшего, и Лан сделал то же самое, хотя стоял поодаль от собравшихся вокруг костра. Жаль, что Дипе не послушал приказа. Лан выпил вино до дна и покачал головой. Была ночь, но его люди не спали. Сегодня выпал их черед быть наготове на случай внезапной атаки.

Лан повертел кубок в пальцах, снова задумался о Дипе и понял, что не может распалить в себе гнев на погибшего Аша'мана. Дипе хотел убить одного из опаснейших бойцов врага. Если бы самому Лану выпала подобная возможность, он не преминул бы ею воспользоваться.

По ежевечерней традиции, распространившейся в лагерях порубежников, воины продолжили вспоминать павших. Лана воодушевляло, что в Антайле и Наришме солдаты начали видеть соратников. Прежде Аша'маны держались особняком, но гибель Дипе перекинула мостик через

пропасть, отделявшую парней в черных мундирах от обычных воинов. Теперь все они уплатили кровавую цену, и, увидев горюющего Антайла, бойцы пригласили его опрокинуть чарку за павших друзей.

Лан отошел от костра и, прохаживаясь по лагерю, задержался у коновязей, чтобы проверить состояние Мандарба. Жеребец держался молодцом и шел на поправку, хотя Лану подумалось, что шерсть на огромной ране в левом боку больше не почернеет. Конюхи до сих пор вполголоса рассказывали друг другу о том, как после битвы, в которой пал Дипе, из темноты вышел раненый конь. В тот день многие всадники погибли или лишились скакунов. Сбежать от троллоков и вернуться в лагерь удалось далеко не каждому коню.

— Скоро отдохнем, друг мой, — шепнул Лан, похлопывая жеребца по шее. — Обещаю.

Мандарб всхрапнул. Из темноты донеслось ржание других лошадей.

— У нас появится дом, — продолжил Лан. — Когда Тень будет повержена, мы с Найнив вернем себе Малкир, очистим озера и сделаем так, что зацветут поля и зазеленеют сочные пастбища. И никаких больше троллоков. Будешь катать дети-

шек, старый друг. Станешь жить в мире, хрустеть яблоками и крыть кобылок, что придутся тебе по вкусу.

Давно уже Лан не думал о будущем хоть с какой-то надеждой. Как-то странно обрести ее сейчас, в этом месте, на этой войне. Жесткий и загрубелый, временами Лан чувствовал, что у него больше общего с камнями и песком, нежели с людьми, что смеялись сейчас у костра.

Он стал таким по собственному выбору. Из необходимости. Стал человеком, который однажды отправится в Малкир, чтобы не уронить честь своей семьи. Первые трещины в этой скорлупе проделал Ранд ал'Тор, а любовь Найнив разбила ее окончательно.

«Интересно, понял ли это Ранд?» — подумал Лан, проводя скребницей по шкуре Мандарба. О Свет! Он прекрасно знал, каково это — с самого детства быть избранным, избранным для гибели, когда тебе указывают на Запустение и говорят, что там тебе суждено пожертвовать жизнью. Наверное, Ранд ал'Тор никогда не узнает, насколько они с Ланом похожи.

Какое-то время Лан чистил коня, хотя сам от усталости едва держался на ногах. Пожалуй, надо поспать. Найнив велела бы ему выспаться. Он

прокрутил в голове воображаемый разговор с женой и позволил себе улыбнуться. Она добилась бы своего, объяснив, что полководцу нужен сон, а лошадьми пусть занимаются конюхи, коих в лагере предостаточно.

Но Найнив здесь не было, и поэтому Лан продолжил чистить Мандарба.

Кто-то приблизился, хотя шаги Лан, разумеется, услышал задолго до того, как человек подошел к коновязям. Кивнув дежурному конюху, лорд Балдер взял со стойки щетку, подошел к своему коню и только тогда заметил Лана.

— Лорд Мандрагоран?

— Лорд Балдер. — Лан кивком поприветствовал стройного кандорца с седыми прядями в черной шевелюре, хранителя меча при королеве Этениелле.

Хотя Балдер не входил в число великих капитанов, он оставался превосходным военачальником, верой и правдой служившим Кандору с тех пор, как в стране не стало короля. Многие предполагали, что королева возьмет его в мужья. Глупости, конечно. Этениелле относилась к нему как к родному брату. Кроме того, стоило присмотреться — и сразу становилось ясно, что Балдер отдает предпочтение мужчинам, а не

женщинам.

— Простите, что помешал, Дай Шан, — сказал он. — Не думал, что встречу здесь кого-то еще. — Он хотел было уйти, но Лан остановил его:

— Я почти закончил, и вы мне нисколько не мешаете.

— Конюхи неплохо справляются, и я здесь не для того, чтобы проверять их работу, — объяснил Балдер. — Временами простые и знакомые занятия помогают мне думать.

— Не только вам, — заметил Лан, продолжая расчесывать Мандарба.

Балдер усмехнулся, помолчал и продолжил:

— Скажите, Дай Шан, не беспокоитесь ли вы насчет лорда Агельмара?

— С какой стати?

— По-моему, он перенапрягается, — сказал Балдер. — Некоторые его решения… ставят меня в тупик. Не говорю, что они никуда не годятся… Но его приказы — не слишком ли они агрессивны?

— Мы на войне. Вряд ли можно проявить чрезмерную агрессию, убивая врагов.

— Конечно, — согласился после паузы Балдер. — Но вы же заметили потерю двух эскадронов лорда Йокаты?

— Это прискорбно, но никто не застрахован

от ошибок.

— Лорду Агельмару такие ошибки несвойственны, Дай Шан. Он уже бывал в подобных ситуациях и должен был знать, к чему приведет его решение.

Речь шла о недавнем набеге на троллоков, когда Аша'маны предавали огню Фал Эйсен и окрестности. По приказу Агельмара Йоката повел свою конницу вокруг подножия большого холма, чтобы ударить по правому флангу троллочьей армии, наступавшей на Аша'манов. Чтобы получились классические клещи, Агельмару надо было отправить больше кавалерии и на левый фланг, оставив Аша'манов встречать лобовой удар троллоков.

Но военачальники Тени раскусили этот маневр, и, прежде чем к делу подключились Аша'маны и конница Агельмара, крупный отряд троллоков перебрался через холм и атаковал Йокату с правого фланга, а остальные ударили в лоб. Всадники оказались окружены, и троллоки перебили всех до единого, после чего сразу же накинулись на Аша'манов, и те едва успели спастись.

— Он переутомился, Дай Шан, — сказал Балдер. — Я же знаю Агельмара. Будь он в ясном уме, не допустил бы такой ошибки.

— Ее мог допустить кто угодно, Балдер.

— Лорд Агельмар — один из великих капитанов и как выдающийся полководец обязан видеть битву полнее, нежели простые люди.

— Не слишком ли многого вы от него ожидаете? — спросил Лан. — Агельмар — просто человек. Как и все мы в конечном счете.

— Я… Наверное, вы правы, — согласился Балдер. Он держал руку на мече — так, словно его что-то тревожило. Оружия королевы при нем, разумеется, не было. Тот меч Балдер носил, только когда сопровождал Этениелле как официальное лицо. — Все сводится к инстинкту, Лан. К интуиции. Агельмар совершенно вымотался, и боюсь, как бы это не сказалось на его способности планировать и командовать войсками. Прошу, присмотрите за ним.

— Присмотрю, — пообещал Лан.

— Спасибо, — с явным облегчением поблагодарил Балдер.

Похлопав Мандарба на прощание, Лан оставил хранителя королевского меча ухаживать за конем, а сам направился в штабную палатку, ярко освещенную и хорошо охраняемую. Тем не менее часовых расставили так, чтобы те не видели военных карт.

Лан отодвинул висевшую во входном проеме занавеску, вошел и кивнул двум шайнарским командирам, подчинявшимся непосредственно Агельмару, а потому допущенным в святая святых. Один из них изучал разложенные на полу планы боевых действий. Самого Агельмара здесь не было: время от времени главнокомандующему тоже надо отдыхать.

Лан присел на корточки и уставился на карты. Похоже, после завтрашнего отступления войска окажутся в местечке под названием Кровавые Ручьи — из-за цвета скрывавшихся под водой камней тамошняя река казалась красной. Возвышавшиеся возле реки холмы дадут определенное тактическое преимущество, и здесь Агельмар намеревался атаковать троллоков силами лучников и кавалерии. Также он собирался предать огню все урожайные поля.

Опустившись на колено, Лан просмотрел пометки Агельмара, касающиеся расположения войск, направления атак и выделения сил. План был амбициозный, но особых подозрений не вызывал.

Тут зашуршали входные клапаны, и в палатку вошел сам Агельмар. Он негромко переговаривался с леди Эллс Салдэйской, но, увидев Лана,

остановился. Потом, тихо извинившись перед собеседницей, Агельмар направился к Лану.

Не сказать, что он едва переставлял ноги от изнурения, но Лан умел прочесть признаки усталости во внешнем виде. Красные глаза. Дыхание с легким запахом плосколиста — эту травку жуют, чтобы сохранить ясность ума при длительном бодрствовании. Да, великий капитан утомился — но не больше, чем любой другой в этом лагере.

— Одобряешь увиденное, Дай Шан? — опустившись на колени, поинтересовался Агельмар.

— Не слишком ли напористый маневр для отступления?

— Разве нам доступны другие? — спросил Агельмар. — За собой мы оставляем выжженную землю, уничтожая Шайнар так же верно, как если бы его захватила Тень. Я хочу удобрить это пепелище кровью троллоков.

Лан кивнул.

— К тебе приходил Балдер? — продолжил Агельмар. Лан вскинул взгляд, и полководец грустно улыбнулся. — Наверное, говорил о гибели Йокаты и его людей?

— Да.

— Несомненно, это была ошибка, — сказал Агельмар. — Я все гадал, когда же мне ее при-

помнят. Балдер — один из тех, кто считает, что я напрасно отдал тот приказ.

— Он думает, что вы переутомились.

— Балдер сведущ в тактике, — признал Агельмар, — но знает меньше, чем ему кажется. Он наслушался рассказов о великих капитанах. Я не безупречен, Дай Шан. Эта моя ошибка — не последняя, но я увижу все свои просчеты, как увидел этот, и сделаю соответствующие выводы.

— И все же вам надо больше отдыхать.

— Я в полном порядке, лорд Мандрагоран. Свои пределы я знаю. Недаром на их изучение ушла целая жизнь. Эта битва выжмет из меня все соки, и я к этому готов.

— Но…

— Или освободи меня от командования, или не наседай, — перебил его Агельмар. — К совету я прислушаюсь, ведь я не глупец, но решения буду принимать самостоятельно.

— Так тому и быть. — Лан встал. — Я доверяю вашей прозорливости.

Агельмар кивнул и опустил глаза на карту. Некоторое время Лан смотрел, как полководец трудится над своим планом, а затем повернулся к выходу.

Глава 19. Бутылочное горлышко

Илэйн застала Башира расхаживавшим по восточному берегу реки.

Речные берега входили в число тех немногих мест, где в эти дни по-прежнему чувствовалась жизнь — теперь, когда вокруг сплошная мертвечина, деревья без новой листвы, так и не выросшая жухлая трава и звери, не желающие выбираться из нор.

Реки продолжали течь, и в этом движении сохранялось нечто живое, хотя прибрежная растительность производила самое удручающее впечатление.

Алгуэнья была одной из тех могучих рек, что

издали выглядят обманчиво спокойными, но стоит женщине сунуться в воду, и она непременно утонет. Илэйн вспомнила, как однажды на охоте Брин преподал Гавину урок насчет речного течения. К ней он тогда тоже обращался. Быть может, в первую очередь к ней, хотя при общении с дочерью-наследницей Брин строго соблюдал правила этикета.

«Берегись течений, — говорил он. — Речное течение — одна из опаснейших вещей под Светом, но только потому, что люди его недооценивают. Гладь воды кажется спокойной, поскольку с течением никто не борется. Не имеет такого желания. Рыбы плывут по течению, а люди — за исключением глупцов, которых хлебом не корми, дай покрасоваться, — держатся от него подальше».

По каменистому берегу Илэйн направилась к Баширу, оставив охрану за спиной, — в тот момент Бергитте рядом не было. Она руководила лучниками в нескольких милях вниз по реке, где ее бойцы расстреливали троллоков, мастеривших плоты для переправы. Лучники Бергитте и драконы Талманеса методично уменьшали вражеское поголовье, но рано или поздно громадная армия переберется на другой берег Алгуэньи. Это лишь вопрос времени.

Неделей раньше Илэйн вывела войска из Андора, и они с Баширом были вполне довольны ходом дела. Пока не обнаружили ловушку.

— Загляденье, не правда ли? — заметила Илэйн, спустившись к Баширу, который стоял возле самой воды. Тот посмотрел на нее и кивнул:

— В наших землях подобного не увидишь.

— А как же Аринелле?

— В пределах Салдэйи она не столь широка, — рассеянно отозвался Башир. — А эта, она как океан, прямо передо мной, отделяет берег от берега. Как представлю айильцев, впервые увидевших ее после перехода через Хребет… Не могу не улыбнуться.

Какое-то время оба молчали. Наконец Илэйн спросила:

— Насколько все плохо?

— Плохо, — отозвался Башир. — Чтоб мне сгореть, я должен был это понять. Должен был предвидеть…

— Нельзя предусмотреть всего, Башир.

— Уж извините, — сказал он, — но именно в этом заключается моя задача.

Отступление из Браймского леса и марш-бросок на восток прошли в соответствии с планом. Разрушив и предав огню мосты через Эринин и

Алгуэнью, солдаты уничтожили немалое число преследователей. Теперь Илэйн находилась на дороге, ведущей вверх по реке, в сторону столичного Кайриэна. В холмах близ этого тракта, в двадцати лигах от города, Башир собирался дать троллокам последний бой.

Но Тень перехитрила его. Чуть севернее нынешней позиции разведчики обнаружили еще одну армию троллоков. Те двигались на восток, к самому Кайриэну, откуда Илэйн забрала всех воинов, и теперь защитить город, где беженцев скопилось не меньше, чем в Кэймлине, было некому.

— Откуда они взялись? — спросила Илэйн. — Не могли же эти троллоки прийти из Тарвинова ущелья?

— У них не хватило бы времени, — согласился Башир.

— Еще одни Путевые врата?

— Может быть, — допустил Башир. — Или нет.

— В таком случае как? — не унималась Илэйн. — Как здесь оказалась эта армия?

Еще немного — и троллоки сорвут с петель городские ворота. О Свет!

— Знаете, в чем я ошибся? — спросил Башир. — В том, что думал как человек. Взял в расчет то,

как быстро идут на марше троллоки, но не учел, что их могут подгонять мурддраалы. Глупейший просчет. Должно быть, в лесу их армия разделилась надвое, и половина ушла в северо-восточном направлении, на Кайриэн. Других вариантов я не вижу.

— Мы двигались так быстро, как только могли, — сказала Илэйн. — Как они сумели нас обогнать?

В распоряжении ее армии имелись переходные врата. Да, переправить через них все войско она не могла, так как подолгу держать врата открытыми затруднительно, — слишком мало было у Илэйн тех, кто обладал способностью направлять Силу. Тем не менее их вполне хватало, чтобы посылать вперед обозы с провиантом, ранеными и маркитантами. Таким образом, армия шла с быстротой хорошо обученных солдат.

— Да, мы двигались быстро, но и о людях думали, — возразил Башир. — Командующий человеческой армией никогда не погнал бы солдат в такой жуткий марш. Местность, которую троллокам пришлось преодолеть, — реки, леса, болотины… О Свет! Должно быть, тысячи погибли от истощения, но Исчезающие пошли на этот риск — и теперь могут взять нас в клещи, а заодно

уничтожить еще один город.

Илэйн надолго замолчала. Потом заявила:

— Этого я не допущу. Только не снова. Только не в том случае, если мы сможем им помешать.

— Разве у нас есть выбор?

— Да, — сказала она. — Башир, вы один из величайших военных гениев известного мира. У вас есть ресурсы, о которых другие могли только мечтать. Драконы, Родня, рвущиеся в бой огиры… У вас все получится. Знаю, вы справитесь.

— Не слишком ли большие надежды вы возлагаете на человека, с которым знакомы столь недолго?

— Вам доверяет Ранд, — сказала Илэйн. — Даже в худшие из времен, Башир, когда на каждого второго он смотрел сквозь тьму в глазах, Ранд доверял вам.

— Есть один способ… — задумчиво протянул Башир.

— Какой?

— Перехватим вторую армию троллоков у Кайриэна. Как можно быстрее. Они устали — иначе и быть не может. Если перебьем их прежде, чем подойдет южная орда, у нас появится шанс. Да, будет трудно. Северная армия наверняка намеревается захватить город и использовать его против

нас, когда с юга подоспеют их сородичи.

— Может, открыть переходные врата прямо в город и удержать его?

— Сомневаюсь, что получится, — ответил Башир. — Те, кто у нас способен направлять Силу, и без того изнурены сверх всякой меры. Кроме того, нам надо не просто продержаться, а именно уничтожить северную армию. Иначе троллоки получат время для отдыха, восстановятся после перехода, дождутся подкрепления с юга, и под натиском Повелителей ужаса Кайриэн лопнет, как перезрелое яблоко. Нет, Илэйн. Надо идти в атаку и сокрушить ту северную армию, покуда она слаба; лишь в этом случае у нас будет шанс выстоять против южной. Если не справимся, они возьмут нас в окружение и сомнут.

— Значит, необходимо рискнуть, — заключила Илэйн. — Разработайте план, Башир, и мы приведем его в действие.

Эгвейн вступила в Тел'аран'риод.

Мир снов всегда был опасным местом, опасным и непредсказуемым. В последнее время — даже опаснее прежнего. В сновидении величественный Тир приобрел непривычный вид, будто сотни лет его терзали бури и ураганы. Выветренные городские стены — не выше десяти футов,

зубцы на них скруглены и сглажены ветром. От зданий не осталось ничего, кроме фундаментов и источенных ноздреватых каменных глыб.

Похолодев от этого зрелища, Эгвейн повернулась к Твердыне. Та хотя бы осталась на месте — высокая, крепкая, неподвластная губительным ветрам. Это успокоило Эгвейн.

Она перенеслась в Сердце Твердыни, где ее ждали Хранительницы Мудрости. Еще одно утешение. Даже в эти бурные и переменчивые времена Эмис, Бэйр и Мелэйн оставались незыблемыми, как сама Твердыня Тира. Прежде чем ее заметили, Эгвейн услышала обрывок беседы.

— Я видела то же, что она, — говорила Бэйр. — Пусть потомки, одолжившие мне свои глаза, были не ее потомками, а моими. Думаю, если вернуться в третий раз — а это необходимо, — вы тоже все увидите.

— Три посещения? — спросила Мелэйн. — Это и впрямь все меняет. До сих пор неизвестно, что явится нам во второй раз: такое же видение или предыдущее.

Вспомнив, что о ее присутствии Хранительницы Мудрости не знают, Эгвейн кашлянула, и те тут же умолкли и обернулись.

— Я не собиралась прерывать ваш разговор, —

заметила Эгвейн. Миновав кольцо колонн, она приблизилась к остальным.

— Ничего страшного, — сказала Бэйр. — Это мы виноваты. Надо следить за языком. В конце концов, ты здесь по нашему приглашению.

— Рады видеть тебя, Эгвейн ал'Вир, — с любезной улыбкой подхватила Мелэйн. Судя по ее виду, близилось время родов. — Если верить сообщениям, твоя армия зарабатывает немало джи.

— Дела идут неплохо, — подтвердила Эгвейн, устраиваясь на полу рядом с женщинами. — Но тебе тоже выпадет случай проявить себя, Мелэйн.

— Кар'а'карн медлит, — сдвинула брови Эмис. — Терпение наших копий на исходе. Пора выступать против Ослепляющего.

— Дракон любит все продумать и спланировать. — Эгвейн помолчала. — Надолго задержаться не могу. Сегодня у нас с ним встреча.

— По какому поводу? — с интересом придвинулась к ней Бэйр.

— Понятия не имею, — призналась Эгвейн. — Записку я обнаружила в палатке, на полу. Он хочет увидеться, но это будет встреча не Дракона и Амерлин, а старых друзей.

— Передай ему, чтобы перестал тянуть вре-

мя, — сказала Бэйр. — Но сейчас у нас к тебе другой разговор.

— Какой? — полюбопытствовала Эгвейн.

— Видела когда-нибудь нечто подобное? — Мелэйн сосредоточилась, и камень на полу перед ними пошел трещинами. Усилием воли Хранительница Мудрости меняла Мир снов, желая показать Эгвейн что-то особенное.

Поначалу та ничего не поняла. Трещины в камне? Ну конечно, Эгвейн уже видела трещины в камне. А теперь, когда то и дело случаются землетрясения, подобные зрелища стали вполне обыденными.

Но эти трещины… Они отличались от других. Эгвейн подалась вперед, присмотрелась, но не увидела за ними ничего, кроме пустоты. Неестественной чернильно-черной пустоты.

— Что это? — спросила она.

— О них сообщают наши люди, — тихо ответила Эмис. — Те, кто сражается в Андоре, и те, кто находится в Проклятых землях с Рандом ал'Тором. Похоже, это разрывы в самом Узоре. На несколько секунд они чернеют, а затем исчезают, оставляя после себя обычные трещины.

— Очень опасный знак, — сказала Бэйр. — Одну из наших мы отправили в Пограничные земли

— туда, где сражается Лан Мандрагоран. Похоже, там такие трещины — обычное дело.

— Чаще всего они появляются там, где нам противостоят Повелители ужаса, — отметила Эмис. — Когда те применяют плетение, известное под названием «погибельный огонь».

— Оно ослабляет Узор, — поежилась Эгвейн, глядя в эту пустоту. — В ходе Войны Силы даже Отрекшиеся страшились пускать в ход погибельный огонь. Иначе бы расплелась, расползлась сама ткань мира.

— Надо сообщить нашим союзникам, — сказала Эмис, — что на это плетение наложен запрет.

— Для Айз Седай оно уже давно запрещено, — ответила Эгвейн. — Но я оповещу сестер, чтобы и думать забыли о нарушении этого правила.

— Разумно, — кивнула Мелэйн. — Как представительница народа, скованного множеством предписаний, я обнаружила, что Айз Седай весьма искусно игнорируют любые правила, если того позволяет ситуация.

— Сестрам стоит доверять, — сказала Эгвейн. — Их сдерживают Клятвы; в остальном же Айз Седай руководствуются здравым смыслом. Не рискни Морейн пренебречь этим правилом, Перрин был бы мертв. Как и Мэт, если бы Ранд не

проигнорировал это ограничение. Но с женщинами я непременно поговорю.

Погибельный огонь вселял в нее тревогу. Он беспокоил ее не мощью или фактом своего существования, но единственной в своем роде опасностью для мироздания. И все же… Что сказал ей Перрин в том сне? «Это же просто плетение…»

Несправедливо, что лишь у Тени имеется доступ к подобному оружию, способному расплести Узор. Как с ним бороться? Как ему противостоять?

— Но мы позвали тебя не только по этой причине, Эгвейн ал'Вир, — сказала Мелэйн. — Ты заметила, как меняется Мир снов?

— Здесь усилилась буря, — кивнула Эгвейн.

— В будущем мы будем приходить сюда реже прежнего, — сообщила Эмис. — Решение уже принято. И сколько бы мы ни жаловались на Кар'а'карна, он все же готовит свои армии к бою. Уже скоро мы отправимся в собственный холд Тени.

Эгвейн медленно кивнула.

— Итак, все начинается, — промолвила она.

— Я горжусь тобой, девочка. — В глазах у Эмис, твердой и незыблемой, как скала, стояли слезы.

Все Хранительницы Мудрости встали, и Эгвейн по очереди обняла каждую из них:

— Эмис, Мелэйн, Бэйр — да укроет вас Свет. Передайте остальным мой привет и наилучшие пожелания.

— Будет сделано, Эгвейн ал'Вир, — пообещала Бэйр. — Да найдешь ты воду и прохладу, сегодня и всегда.

Одна за другой Хранительницы Мудрости исчезли. Сделав глубокий вдох, Эгвейн подняла взгляд. Твердыня стонала, будто корабль под натиском бури, и казалось, что сама скальная основа меняет свои очертания.

В прошлом Эгвейн обожала это место — не Твердыню, а Тел'аран'риод. Здесь она многому научилась, но, готовясь уйти, напомнила себе, что Мир снов опасен, как река во время разлива. Пусть она знает и любит его, но рисковать своей жизнью недопустимо — только не теперь, когда в ней нуждается Белая Башня.

— Прощай, старый друг, — сказала она здешнему воздуху. — До новых встреч во сне.

И позволила себе проснуться.

Гавин, как обычно, ждал у постели. Они снова находились в Башне, в покоях, смежных с кабинетом Амерлин. Эгвейн была полностью одета.

Вечер еще не наступил, но ей совсем не хотелось игнорировать просьбу Хранительниц Мудрости.

— Он здесь, — тихо промолвил Гавин, бросив взгляд на дверь в кабинет.

— Значит, нам пора встретиться, — сказала Эгвейн.

Она встала, собираясь с мыслями, разгладила юбку, кивнула Гавину, и оба вошли в комнату, где их ждал Дракон Возрожденный.

Увидев Эгвейн, Ранд улыбнулся. Его сопровождали две Девы, которых Эгвейн не знала.

— В чем дело? — без интереса спросила она. — Будешь уговаривать, чтобы я сломала печати?

— Ты стала циничной, — заметил Ранд.

— В последние две встречи, — ответила Эгвейн, — ты намеренно пытался довести меня до белого каления. Разве не стоит сегодня ожидать того же?

— Я не собираюсь тебя сердить, — сказал Ранд. — Вот, взгляни. — Он достал что-то из кармана — ленту для волос — и протянул ее Эгвейн. — Ты всегда ждала момента, когда сможешь заплести волосы в косу.

— То есть теперь ты намекаешь, что я малое дитя?! — вспыхнула Эгвейн, и Гавин коснулся ее плеча: мол, успокойся, возьми себя в руки.

— Что? Нет! — Ранд вздохнул. — О Свет, Эгвейн! Я хочу загладить вину. Ты мне как сестра, ведь родных братьев и сестер у меня нет. Вернее, брат есть, но о нашем родстве он не знает. Прошу… Я вовсе не пытаюсь тебя разгневать.

В тот момент Эгвейн показалось, что перед ней прежний добрый Ранд, каким она знала его много лет. Невинный и честный парень, и ее недовольство растаяло.

— Ранд, я занята. Все мы заняты. Сейчас не время для подобных вещей. Твоим войскам уже не терпится приступить к делу.

— Скоро их время придет, — сразу посерьезнел Ранд. — И прежде чем все закончится, они спросят себя, куда торопились, и с тоской вспомнят благие дни ожидания. — Он все так же держал ленту в руке, сжав ее в кулаке. — Просто… Мне не хотелось идти в бой с мыслью о том, что наша последняя встреча закончилась ссорой, пускай спорили мы об очень важном.

— Ох, Ранд… — Эгвейн сделала шаг вперед, взяла ленту и заключила Ранда в объятия. О Свет! Последнее время с ним было совсем непросто — но в прошлом и о своих родителях она порой думала точно так же. — Я поддерживаю тебя. Это не значит, что по твоему приказу я сломаю

печати, но все же я тебя поддерживаю.

Она разомкнула объятия. Нет, никаких слез. Хотя все это и выглядит как последнее прощание.

— Погоди, — сказал Гавин. — Брат? У тебя есть брат?

— Я — сын Тигрейн, — пожал плечами Ранд. — Она родила меня после того, как ушла в Пустыню и стала Девой Копья.

Вид у Гавина был ошеломленный, хотя Эгвейн давным-давно все поняла.

— Так Галад — твой брат?! — воскликнул Гавин.

— Единоутробный, — подтвердил Ранд. — Хотя для белоплащника это вряд ли имеет значение. У нас была одна мать. Его отцом, как и твоим, был Таринге́йл, но мой отец — айилец.

— Думаю, Галад удивил бы тебя, — тихо произнес Гавин. — Но Илэйн…

— Только не подумай, что я намерен пересказывать историю твоей семьи, но между мной и Илэйн нет родственных уз. — Ранд повернулся к Эгвейн. — Можно взглянуть на них? На печати? Хочу увидеть их еще разок, прежде чем отправлюсь в Шайол Гул. Даю слово, что ничего с ними не сделаю.

Неохотно Эгвейн выудила печати из сумочки

на поясе, где нередко их хранила. Гавин, еще не оправившийся от потрясения, распахнул окно, чтобы в комнате стало светлее. В Белой Башне царила… тишина. Безмолвие. Ее хозяйки, как и армии, и полководцы, отбыли на войну.

Эгвейн развернула первую печать и передала ее Ранду. Все сразу она отдавать не рискнула. Мало ли что. Она доверяла его слову; в конце концов, это же Ранд, но… На всякий случай.

Ранд поднял печать и всмотрелся в нее, словно желая получить от этой волнистой линии мудрый совет.

— Я их изготовил, — прошептал он. — Создал такими, чтобы они никогда не сломались. Но уже тогда я понимал, что в конце концов они не выдержат, — становится негодным все, чего он касается…

Эгвейн взвесила на ладони следующую печать — осторожно, чтобы не повредить ненароком. Каждый диск находился в своей обертке, а сумочка была наполнена мягкой тканью, чтобы не расколоть печати при переноске, но… Морейн особо отметила, что сломает их Эгвейн.

Она понимала, что все это глупо, но прочитанные ею тексты и слова Морейн… Что ж, если придет время сломать эти диски, ей надо иметь

их под рукой. Поэтому Эгвейн и держала печати при себе. Носила на поясе возможную гибель всего мира.

Ранд вдруг стал белее мела.

— Эгвейн! — произнес он. — Этим меня не обманешь.

— Что такое?

Он взглянул на Эгвейн.

— Это фальшивка. Прошу, скажи мне правду. Не бойся. Скажи, что сделала копию и отдала ее мне.

— Ничего такого не было.

— Ох… О Свет! — Ранд снова поднял печать. — И все же это подделка.

— Что?! — Эгвейн выхватила диск у него из руки. На ощупь все нормально. — Откуда ты знаешь?

— Это я их сделал, — ответил Ранд. — Я помню свою работу. Нет, это не моя печать. Это… О Свет! Их кто-то подменил.

— Они всегда были со мной! С того самого момента, как ты отдал их мне! — воскликнула Эгвейн.

— Значит, их подменили раньше, — прошептал Ранд. — Раздобыв их, я не особо за ними следил. Он как-то разузнал, где они находятся. — Он взял

вторую печать и покачал головой. — Тоже ненастоящая. — Рассмотрел третью. — И эта.

Ранд снова взглянул на Эгвейн.

— Печати у него, Эгвейн. Каким-то образом он выкрал их. Темный завладел ключами от своего узилища.

* * *

Почти всю жизнь Мэт хотел, чтобы люди поменьше на него пялились. Они бросали на него хмурые взгляды из-за неприятностей, которые он якобы им причинил — на самом деле в том вовсе не было его вины, — и неодобрительно смотрели, как он, ни в чем не виноватый, изо всех сил старается вести себя прилично. Ведь любой мальчишка время от времени ворует пироги. Ну и какая в том беда? Этому почти никто не удивляется.

Нормальная жизнь давалась Мэту труднее, чем остальным мальчуганам. С него глаз не спускали, и без всякой на то причины. Перрин мог бы воровать пироги с утра до вечера, а взрослые только улыбались бы и ерошили ему волосы. Но Мэт… Мэта они гоняли метлой.

Входя в гостиницу или таверну, чтобы сыграть в кости, он притягивал к себе все взгляды. Люди

смотрели на него, как смотрят на пройдоху — хотя он никогда не жульничал — или с завистью в глазах. Да, Мэт всегда знал, что хорошее это дело, когда на тебя никто не смотрит. Хороший повод это отметить и опрокинуть стаканчик за свое здоровье.

Теперь же на него никто не смотрел, и от этого было тошнее тошного.

— Можешь посмотреть на меня! — взмолился он. — Честное слово! Чтоб тебе сгореть, ничего не случится, если ты на меня посмотришь!

— Мои глаза будут опущены долу, — промолвила служанка, складывая ткань на низенький столик у стены.

— Они и так опущены! Смотрят в треклятый пол, разве нет? Я хочу, чтобы ты их подняла!

Шончанка продолжала заниматься своим делом. У нее были веснушки под глазами и светлая кожа, хотя в последнее время Мэт предпочитал более темные оттенки. Тем не менее он был бы не прочь увидеть на лице этой девушки адресованную ему улыбку. Какой вообще смысл разговаривать с женщиной, если в ответ она не улыбается?

Потупив взоры, с новыми отрезами тканей в руках вошли другие служанки. Мэт стоял посре-

ди дворцовых покоев — по всей очевидности, «своих». Комнат тут было куда больше, чем требуется нормальному человеку. Вот бы Талманес и несколько парней из Отряда переехали в это жилище, чтобы здесь не было так пусто!

Мэт лениво подошел к окну. Внизу, на площади Мол Хара, собирались войска, и этот процесс, как видно, продлится дольше, чем ему хотелось бы. Галган — Мэт общался с ним совсем недолго и не доверял этому парню, сколько бы Туон ни твердила, будто убийц тот подсылает понарошку, — отводил шончанские силы от границ, но слишком медленно. Из-за отступления он опасался потерять равнину Алмот.

Что ж, лучше бы он прислушался к голосу рассудка. У Мэта почти не имелось причин симпатизировать этому человеку, а коли тот мешкает из-за…

— Досточтимый? — окликнула его служанка.

Мэт обернулся и приподнял бровь. В комнату вошли несколько да’ковале с последними образцами тканей, и Мэт понял, что краснеет. На них почти ничего не было, а то, что было, просвечивало насквозь. Хотя смотреть не возбраняется, верно? Так одеваются только для того, чтобы привлечь мужское внимание. Что подумала бы

Туон?

«Я ей не принадлежу, — решительно подумал Мэт, — и подкаблучником быть не намерен».

Веснушчатая служанка — она была со'джин, судя по наполовину выбритой голове, — жестом приветствовала вошедшую следом за да'ковале коренастую брюнетку средних лет, чья фигура наводила на мысли о груше или колоколе. Ее волосы были собраны в пучок, и бритва их явно не касалась.

Новоприбывшая, которую так и хотелось назвать бабушкой, внимательно оглядела Мэта. Ну хоть кто-то не стал отводить глаз! Вот только с лица ее не сходило выражение, свойственное торговцам лошадьми, когда на рынке они приценяются к животным.

— Черный как знак нового статуса, — заявила женщина и один раз хлопнула в ладоши. — Зеленый как символ наследия. Насыщенный болотный, но в разумных пределах. Принесите мне несколько повязок на глаз, и еще сожгите эту шляпу.

— Что?! — воскликнул Мэт. Служанки, окружив его пчелиным роем, уже стаскивали с него одежду. — Погодите! Что это такое?

— Новое платье, досточтимый, — сказала

женщина. — Меня зовут Ната, и я ваша личная портниха.

— О том, чтобы сжечь шляпу, и речи быть не может, — заявил Мэт. — Только попробуйте, и мы проверим, как вам летается с четвертого, чтоб ему сгореть, этажа! Понятно?

Немного помолчав, женщина сказала:

— Да, досточтимый. — Потом она обратилась к остальным: — Одежду не сжигайте. Сохраните ее на случай нужды. — Хотя она, похоже, сомневалась, что в будущем старый наряд кому-то понадобится.

Мэт хотел было выразить очередной протест, но тут да'ковале открыла шкатулку, в которой сверкали украшения. Изумруды, рубины, огневики… У Мэта перехватило дух. В этой шкатулке лежало целое состояние!

Он настолько обалдел, что почти не заметил, как слуги споро принялись раздевать его. С него стянули рубашку, против чего он вовсе не возражал, хотя шарф оставил при себе, и вовсе не стеснялся, а покраснел отнюдь не потому, что остался без штанов, а из-за того, что залюбовался всеми этими блестящими штучками.

И тут один из юных да'ковале схватил его за подштанники, и Мэт прорычал:

— Вот потеха-то будет, когда без пальцев останешься!

Да'ковале поднял лицо, побледнел, широко раскрыл глаза и тут же уставился в пол, поклонился и попятился. Мэт, конечно, не самый стеснительный парень, но подштанники — это уж чересчур.

Ната прищелкнула языком, и ее помощницы принялись обертывать Мэта богатыми тканями черного и болотного цветов — последний был такого темного оттенка, что тоже казался черным.

— Пошьем вам четыре костюма: военный, для придворных выходов, для частных приемов и еще парадный для общения с подданными. Они…

— Нет, — перебил портниху Мэт. — Только военный.

— Но…

— Проклятье, женщина! На пороге Последняя битва! Если переживем ее, можете хоть шутовской колпак на меня напялить! А до тех пор мы на войне, и одежда мне нужна только военная!

Ната кивнула.

Мэт неохотно стоял с расставленными в стороны руками, а его завертывали в разные ткани и снимали с него мерки. Раз уж приходится терпеть все эти «досточтимости» и «величия», можно

хотя бы одеться по-человечески.

Откровенно говоря, он давно уже устал от старого наряда. Похоже, кружева шончанская портниха не особо жаловала — что, конечно, стыд и позор, но Мэту не хотелось учить ее портновскому делу. Нельзя же ныть по поводу всякой мелочи. Нытики никому не по нраву, ну а Мэту — в первую очередь.

Пока разбирались с мерками, подоспела служанка с отделанной бархатом коробочкой, где хранились глазные повязки всех цветов и фасонов, некоторые даже были орнаментированы, красиво расшиты или разукрашены драгоценными камнями.

Мэт подумал, повыбирал и наконец указал на самую скромную — черную, с двумя узкими и длинными небольшими рубинами по краям. И ее быстро приладили на пустую глазницу, а другие слуги тем временем закончили возиться с мерками и тканями.

После этого портниха велела помощницам обрядить Мэта в принесенный ею уже готовый костюм. По всей видимости, носить старую одежду, пока не сошьют новую, ему было нельзя.

Одевание началось безо всяких фокусов. Сначала — длинная шелковая рубашка тонкой работы

— вполне удобная, хотя Мэт предпочел бы штаны, — но поверх рубашки на него напялили натуральный халат, поплотнее и побольше размером, тоже шелковый, темно-зеленый и сплошь расшитый витиеватыми узорами. Тяжелые и громоздкие рукава были такой ширины, что через них могла бы проехать целая лошадь.

— Я же сказал, что хочу одеться по-военному! — оскорбленно воскликнул Мэт.

— Это церемониальное облачение воина, принадлежащего к семье императрицы, высочайший, — объяснила Ната. — Многие воспримут вас как чужака, и, хотя никто не усомнится в вашей верности, будет лучше, если солдаты сперва увидят в вас Принца воронов, а потом уже иноземца. Согласны ли вы с моим мнением?

— Пожалуй, — признал Мэт.

Затем слуги подпоясали его богатым кушаком, а на руки под громадными рукавами натянули нарукавники, расшитые тем же узором. Оно и к лучшему, решил Мэт, поскольку из-за туго затянутого кушака халат уже не казался таким безразмерным.

Увы, но следующий предмет одежды выглядел совсем уж нелепым. На Мэта накинули отрез жесткой светлой ткани с дыркой для головы: что-

то вроде плаща-табара с открытыми боками, но на подбитых плечах у него имелось по лишнему футу материи — на вид как наплечники от тяжелой брони, — отчего Мэт сделался нечеловечески широким.

— Постойте, — сказал он. — Это какой-то розыгрыш для новичков, верно?

— Розыгрыш, высочайший? — изумилась Ната.

— Нельзя же и вправду… — Мэт осекся, заметив в проеме двери проходившего по коридору человека.

Еще один военачальник. Одет примерно как Мэт, хотя вышивка победнее, а плечи не такие широкие. Тоже церемониальный доспех, но не члена императорской семьи, а кого-то из Высокородных. Впрочем, наряд был почти такой же роскошный.

Мужчина остановился, отвесил Мэту поклон и ушел по своим делам.

— Чтоб мне сгореть! — промолвил Мэт.

Ната снова хлопнула в ладоши, и служанки принялись увешивать Мэта драгоценными камнями — по большей части рубинами, отчего Мэту стало неуютно. Это же совпадение, правда? Он понять не мог, нравится ли ему носить такое обилие самоцветов. Допустим, их можно продать

— а если выложить на игорный стол, то в итоге Мэт, наверное, выиграет весь Эбу Дар…

«Которым уже владеет Туон, — сообразил он. — А я — ее муж». И тут до него дошло, что он богат. Просто-таки безмерно богат.

Потом ему красили лаком ногти, а он сидел и думал, что все происходящее значит. Ну, в прошлом он не особо беспокоился о деньгах, поскольку всегда мог выиграть сколько нужно. Но это… Это совсем другое дело. Какой смысл в игре, если ты и без того ни в чем не нуждаешься? Как-то невесело, когда тебя одаривают такими богатствами. Куда веселее добыть их самому, ловкостью, смекалкой или удачей.

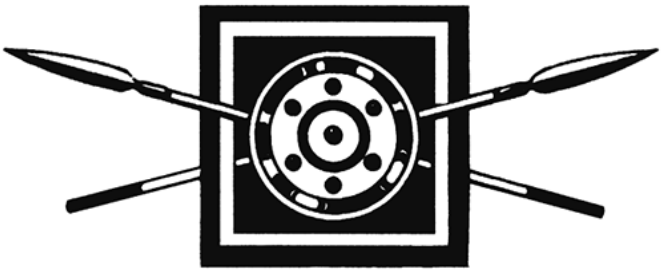
— Чтоб мне сгореть… — промолвил Мэт, опустив руки с покрытыми лаком ногтями. — Теперь я растреклятый аристократ.

Он вздохнул и выхватил свою шляпу из рук оторопевшей служанки — та как раз проходила мимо с его старой одеждой — и нахлобучил ее на голову.

— Досточтимый! — сказала Ната. — Прошу простить меня за прямолинейность, но по долгу службы я обязана давать советы по стилю, если то будет вам угодно. Эта шляпа… совершенно не подходит к вашей военной форме.

— Кому какое дело? — бросил Мэт и чинно вышел из комнаты. Будь этот треклятый табар чуть пошире в плечах, пришлось бы протискиваться боком. — Раз уж мне суждено иметь дурацкий вид, добавлю к нему хоть немного форсу. Кто-нибудь, покажите, где совещаются ваши треклятые генералы. Пора мне узнать, сколько у нас солдат.

Глава 20. В Такан’дар



Ближе к вечеру, уже после встречи с Рандом, Эгвейн выставила перед собой са’ангриал Воры и сплела Огонь. Когда нити сошлись воедино, перед нею возник замысловатый узор из крошечных светящихся лент, окрасивших ее кожу в зловеще-оранжевый цвет. Девушка едва ли не ощущала кожей исходящий от них жар.

Эгвейн закончила плетение, и ревущий огненный шар размером с добрый валун, описав дугу, метеором обрушился на вершину далекого холма. Взрыв разметал троллочьих лучников, и их обугленные трупы разлетелись во все стороны.

Рядом с Эгвейн открыла переходные врата

Романда, настоявшая, что останется на поле сражения в числе других Желтых, чтобы в случае самых тяжелых ранений обеспечить немедленное Исцеление. Ее маленький отряд оказался неоценим в деле спасения жизней.

Сегодня, однако, возможности для Исцеления вряд ли представятся. Как и предполагал Брин, троллоки отступили к холмам. После полутора суток отдыха почти все Айз Седай сумели оправиться и восстановить силы — не полностью, ведь изнурительная битва длилась уже вторую неделю, но в достаточной мере.

Едва переходные врата развернулись, в них, с мечом в руке, прыгнул Гавин. За ним последовали Эгвейн, Романда, Лилейн, Лиане, Сильвиана, Рэймасса, а также горстка солдат и Стражей. Они вышли на вершину того холма, которую только что очистила своим ударом Эгвейн. От почерневшей земли под ногами исходил жар. В воздухе висел запах горелого мяса.

Холм находился в самом центре троллочьей армии. Куда ни глянь, везде искали укрытие отродья Тени. Романда удерживала переходные врата, и Сильвиана стала творить из Воздуха купол против стрел. Остальные принялись хлестать врагов плетениями.

Реагировали троллоки небыстро. Они ждали там, на этих холмах, готовые ринуться вниз, в лощины, как только туда войдет армия Эгвейн. В обычном случае это закончилось бы трагедией. Троллоки засыпали бы солдат градом стрел, а конница, пытаясь взобраться по склонам, оказалась бы в самом невыгодном положении. С высоты холмов Исчезающие и троллоки легко бы разглядели слабые места в построении войск Эгвейн и организовали атаку соответствующим образом.

Эгвейн и ее военачальники не желали давать врагу такое преимущество. Утратив контроль над ходом битвы, троллоки рассыпались меж холмов, захваченных Айз Седай. Некоторые пытались атаковать, чтобы вновь завладеть высотами, но остальные спасались бегством. Загремели копыта, и лощины наводнила тяжелая конница Эгвейн. Позиция, которую троллоки считали крайне выгодной для себя, превратилась для них в бойню; теперь, когда троллочьи лучники были уничтожены Айз Седай, кавалерия получила возможность практически без сопротивления убивать исчадий Тени, расчищая тем самым дорогу для боевых построений пехоты.

Троллоков с тыла теснили к холмам, где Айз Седай могли бы выжигать их десятками и сотнями.

Увы, но отродья Тени привыкли к противостоянию Единой Силе — или же мурддраалы подхлестывали их с удвоенной силой.

Так или иначе, вскоре куда более организованные отряды троллоков устремились к вершинам холмов, в то время как другие сумели встретить пехотинцев нешуточным сопротивлением.

«Брин прав, — подумала Эгвейн, ровняя с землей вражеский отряд, почти пробившийся к ее позиции. — Исчезающие опять связали себя узами с троллоками». В последнее время отродья Тени все чаще отказывались от этого тактики, поскольку стоило прикончить мурддраала, как погибали и все его подопечные. Теперь же, как подозревала Эгвейн, это был единственный способ бросить троллоков на холмы, заставить их лезть по склонам навстречу почти неминуемой смерти.

Чтобы остановить ближайших троллоков, требовалось одно-единственное точно нацеленное плетение Огня — стоило лишь найти связанного с ними мурддраала. Однако, к сожалению, с недавних пор эти коварные твари стали прятаться в общей массе троллоков.

— Нас окружают, — сказала, тяжело дыша, Лилейн.

— Отходим, — приказала Эгвейн.

В созданные Романдой переходные врата юркнули Айз Седай, за ними — их Стражи. Последней — в тот самый миг, когда троллоки появились на макушке холма, — сбежала сама Романда. За нею через врата проскочило, едва не упав, косматое медведеподобное чудище.

В то же мгновение тварь рухнула замертво, и над трупом поднялся слабый завиток дыма. По ту сторону переходных врат ревели и завывали его собратья. Эгвейн глянула на остальных сестер, пожала плечами и запустила в троллоков плетением Огня прямо через врата. Несколько из забравшихся на холм монстров упало, дергаясь в предсмертных конвульсиях, а остальные с воплями разбежались, побросав оружие.

— Действенно, — заметила Лиане.

Сложив руки на груди и приподняв безупречную бровь, она смотрела на врата. Даже в разгар Последней битвы эта женщина все равно находила время, чтобы каждое утро прихорошиться и накраситься.

Переходные врата перенесли всех обратно в лагерь, который сейчас почти опустел. Так как подкрепления собирали и готовили к выступлению по мере необходимости, то здесь оставался

лишь отряд из пяти сотен бойцов, охранявших штабную палатку Брина.

На поясе у Эгвейн по-прежнему висла сумочка с поддельными печатями. Слова Ранда потрясли ее до глубины души. Как же вернуть печати? Если прихвостни Тени сломают их в неподходящий момент, последствия будут катастрофическими.

Или печати уже сломаны? Узнал бы об этом мир? Эгвейн охватил неодолимый ужас. Но война продолжается, и выбора у нее нет: надо сражаться. По возможности они с Рандом найдут способ все исправить и вернуть печати. Ранд поклялся, что попробует их отыскать. Эгвейн же сомневалась, что это в его силах.

— Они себя не жалеют, — сказал Гавин.

Эгвейн повернулась к своему Стражу. Тот стоял неподалеку со зрительной трубой в руках и разглядывал поле боя. Эгвейн чувствовала через узы снедавшую его жажду действия, зная, что в подобных схватках ее Страж — когда-то командовавший Отроками — ощущает себя бесполезным без собственного отряда.

— Троллоков гонят в бой мурддраалы, — заметила она. — Связующие их узы дают Исчезающим больший контроль над троллоками.

— Да, но с какой стати такое ожесточенное

сопротивление? — вслух размышлял Гавин, не опуская зрительной трубы. — Им плевать на эти земли. Очевидно, что холмы для них потеряны, и все равно они дерутся как бешеные. Троллоки примитивны: они или сражаются и побеждают, или разбегаются и отступают. Они не удерживают территории. Здесь же они ведут себя совсем иначе. Похоже… Похоже, Исчезающие уверены, что даже после этакого разгрома окажутся в выгодном положении.

— Как знать, почему Исчезающие действуют именно так, а не иначе? — заметила Лилейн. Подобно Лиане, она стояла, скрестив руки, и смотрела в по-прежнему открытые переходные врата.

Эгвейн повернулась и тоже стала наблюдать за происходящим по ту сторону врат. Теперь на вершине холма было пусто, что казалось странным — ведь вокруг кипела битва. Войска Брина оттеснили троллоков в небольшую долину, где под аккомпанемент доносящегося оттуда металлического лязга, торжествующих воплей и предсмертных хрипов началась яростная сеча. Под натиском чудовищ один из отрядов отступил, подняв к небу окровавленные пики, и на смену им, пытаясь остановить троллоков, пришли бой-

цы с алебардами в руках.

Отродья Тени несли чудовищные потери. Да, это и впрямь странно; Брин ожидал, что они обратятся в бегство.

— Что-то здесь не так. — Чувствуя, как вздыбились волоски на руках, Эгвейн и думать забыла про печати. Ее армия была в опасности. — Передайте войскам приказ к отступлению и соберите всех Айз Седай.

Женщины взглянули на нее как на умалишенную, но Гавин, не задавая вопросов, сорвался с места и убежал в сторону штаба.

— Мать… — Романда перестала удерживать переходные врата, и те исчезли. — О чем ты…

На краю лагеря войск Белой Башни, на противоположной от поля сражения стороне, воздух рассекла светящаяся линия. Она была длиннее любых врат, что доводилось видеть Эгвейн, — едва не больше, чем имел в ширину весь ее лагерь.

Линия развернулась, раскрывшись в переходные врата, и представшая в их проеме местность, поросшая папоротниками и развесистыми повислыми деревьями — пусть бурыми, как и все остальное, но абсолютно нездешними, — совершенно не походила на юг Кандора.

На этой чужой земле застыла в безмолвном

строю громадная армия. Над нею развевались тысячи знамен, расшитых незнакомыми Эгвейн символами и эмблемами. Пехотинцы были облачены в некое подобие набивного доспеха, доходившего до колен и усиленного крупными прямоугольными кольчужными накладками, или же в сверкавшие металлом рубахи, которые выглядели так, словно были изготовлены из рядов связанных вместе монет.

Многие воины держали в руках боевые топоры странного вида: длинное и тонкое топорище оканчивалось утолщением, а своей узкой и тонкой головкой они очень напоминали кирку. Рукояти всего прочего оружия, от мечей до алебард — гладкие, сработанные из какого-то темно-красного дерева и украшенные разноцветными точками, — отличались плавной и естественной формой.

Подмечая все это, Эгвейн лихорадочно рылась в памяти, пытаясь найти хоть какое-то объяснение как появлению этого странного воинства, так и того, откуда оно взялось, но не обнаружила ни единой зацепки, пока не почувствовала, что за этими огромными вратами направляют Силу. Сияние саидар окружило даже не десятки, но сотни всадниц в необычных строгих платьях, по-

шитых из плотного черного шелка и не имевших поясов; они туго обтягивали плечи, а книзу расходились широким колоколом. На груди у каждой женщины, прямо под горлом, висело на завязках нечто похожее на длинную прямоугольную разноцветную кисть. Лица всех этих женщин были покрыты татуировками.

— Отпустите Силу, — велела Эгвейн, перестав касаться Истинного Источника, — иначе они вас почувствуют.

Она метнулась в сторону. Лилейн последовала за ней, и окружавшее ее сияние саидар погасло.

Пропустив слова Эгвейн мимо ушей, Романда выругалась и начала творить плетение, чтобы открыть переходные врата для бегства.

Вдруг в то место, где она стояла, разом ударила дюжина огненных плетений. Женщина даже вскрикнуть не успела. Эгвейн и остальные бросились бежать, в то время как плетения Единой Силы уничтожали шатры, пожирали припасы и предавали весь лагерь огню.

У штабной палатки Эгвейн оказалась в тот самый миг, когда из нее выскочил ошеломленный Гавин, схватила его, заставила пригнуться, и вовремя: пронесшийся над головой огненный шар уничтожил несколько соседних шатров.

— О Свет! — воскликнул Гавин. — Что это?!

— Шарцы, — присела рядом с ними запыхавшаяся Лилейн.

— Точно? — прошептала Эгвейн, и Голубая сестра кивнула:

— Свидетельства кайриэнцев, записанные перед Айильской войной, многочисленны, пусть и не очень содержательны. Очевидцам мало что позволили рассмотреть, но увиденное весьма походило на эту армию.

— На армию? — Гавин высунулся из-за палатки, бросил взгляд на войско, выходившее из неестественно широких переходных врат, тут же отпрянул и выругался: — Кровь и треклятый пепел! Их там тысячи!

— С такой силищей нам не потягаться, — согласилась Эгвейн, лихорадочно размышляя. — Только не здесь, зажатыми между ними и троллоками. Придется отступить.

— Я только что передал приказ Брину, чтобы тот выводил войска из боя, — сказал Гавин. — Но, Эгвейн… Как же быть? Спереди троллоки, в тылу эта армия! Они нас раздавят!

Медлить Брин не станет. Он сразу же пошлет через переходные врата гонцов к командирам отрядов. «О нет!..»

Эгвейн схватила Гавина и потащила прочь от штабной палатки, едва почувствовав, что там направляют Силу. Лилейн с криком метнулась в противоположную сторону.

Едва лишь женщины из Шары ощутили, что рядом направляют Силу, как немедленно последовал их ответ. Земля под штабным шатром вспучилась, и палатка исчезла в невероятно мощном взрыве. От нее ничего не осталось, не считая обрывков парусины, взлетевших на воздух вперемешку с камнями и комьями земли.

Эгвейн упала на спину, и Гавин оттащил ее к опрокинувшейся дровяной подводе со сломанным колесом. Оба забрались под нее и притаились в столь ненадежном укрытии, хотя по рассыпавшимся дровам, перепрыгивая на сухую траву, уже танцевали язычки пламени. Жар был неприятный, но терпимый.

Эгвейн прижалась к земле. Из-за дыма на глаза навернулись слезы, но она не переставала высматривать Лилейн. Или… О Свет! В той палатке находились Суан и Брин, а также Юкири и много кто еще из военачальников.

Так они с Гавином прятались, пока над лагерем бушевала всеуничтожающая огненная буря. Шарцы наносили удары при первых же признаках

движения. Несколько женщин бросились было прочь, но их испепелили на месте.

— Готовься бежать, — предупредил Гавин, — как только закончится огненный дождь.

И пламя действительно поугасло, но тут же в лагерь с гиканьем и улюлюканьем ворвались всадники в шарской броне, направляя луки на всех, кто попадался им на глаза, и десятки людей Эгвейн приняли смерть со стрелой в спине. Затем шарские войска тесным строем двинулись по пепелищу, в которое превратился лагерь Брина. Эгвейн напряженно ждала, пытаясь придумать, как незаметно отсюда сбежать.

Увы, никакой возможности для бегства она не видела. Гавин затащил Эгвейн подальше под телегу, вымазал ей щеки сажей, после чего жестом велел прижаться к земле и накрыл обоих своим плащом Стража. Быть может, дым от горящего дерева поможет им остаться незамеченными.

Сердце у Эгвейн едва не выпрыгивало из груди. Гавин сунул что-то ей в лицо — это оказался платок, смоченный водой из бурдюка. Другой влажный платок он прижал к своему лицу и дышал через него. Платок Эгвейн взяла, но о том, как дышать, девушка едва ли думала — вот они, вражеские солдаты, рядом, рукой подать!

Один из них повернулся к перевернутой телеге, всмотрелся в груду дров, скользнул взглядом по задымленному пространству, но, похоже, ничего не заметил. Эгвейн мысленно поблагодарила Гавина за смекалку: меняющий цвета плащ Стража делал обоих практически невидимыми — если, конечно, оставаться в полной неподвижности.

«Как вышло, что у меня нет такого плаща? — раздраженно подумала она. — Почему ими владеют только Стражи?»

Солдаты тем временем разбирались с прислугой. Тех, кто бежал, расстреливали из луков, оказавшихся поразительно дальнобойными, а прочих, не столь проворных, окружали и заставляли лечь на землю.

Эгвейн невыносимо хотелось обнять Источник и хоть что-нибудь сделать. Обрушить на этих захватчиков огонь и молнии, ведь у нее оставался са'ангриал Воры. С его помощью…

Она велела себе отбросить эти мысли. Кругом враги, и молниеносная реакция способных направлять Силу врагов говорит о том, что они охотятся на Айз Седай. Стоит ей только начать создавать любое плетение — обратиться к Источнику хотя бы на миг, — и Эгвейн сразу же убьют. Шансов сбежать нет. Прижавшись к Гавину, она

затаилась под его плащом, надеясь, что ни одна из владеющих Силой женщин из Шары не подойдет настолько близко, чтобы почувствовать ее дар. Эгвейн могла бы скрыть его с помощью соответствующего плетения, но для этого надо обнять Источник. Нет, это неприемлемый риск…

Они просидели под плащом добрый час, а то и больше. Если бы не густая пелена туч, из-за которых на земле царили бесконечные сумерки, Эгвейн с Гавином непременно заметили бы, несмотря на скрывающий их плащ. Девушка едва не вскрикнула, когда шарские солдаты выплеснули на тлеющие дрова несколько ведер воды, заодно облив их с Гавином.

Она не знала, что происходит с ее войсками, но опасалась худшего. Значительная часть армии Шары, вместе со способными направлять Силу женщинами, устремились к полю боя. Теперь, без Брина и Амерлин, да еще при внезапной атаке с тыла…

Ей стало плохо. Сколько же там мертвых и умирающих? Почувствовав, как Эгвейн шевельнулась, Гавин нашел ее руку, качнул головой и одними губами произнес: «Дождись ночи».

«Они гибнут!» — беззвучно выговорила она.

«Ты не сможешь им помочь».

Да, это так. Эгвейн замерла у него в объятиях. Знакомый запах его тела успокаивал, но… Как можно сидеть и ждать, когда безжалостно убивают ее солдат и Айз Седай, которые на нее полагаются? О Свет, да ведь там находится почти вся Белая Башня! Если этой армии и этих женщин не станет…

«Я — Престол Амерлин. Я буду сильной. Я выживу. А пока я жива, живет и Белая Башня», — твердо напомнила себе она, но от Гавина не отстранилась.

Авиенда ползла по скале, как зимняя ящерица в поисках тепла. Кончики пальцев, хотя и загрубелые, уже начинали гореть, словно от сильного мороза. Близ Шайол Гул было холодно, а воздух отдавал такой затхлостью, будто исходил из склепа.

Слева полз Руарк, справа — Каменный Пес по имени Шен, оба с красными головными повязками сисвай'аман. Авиенда не понимала, что заставило надеть ее Руарка, вождя клана. Он никогда о ней не упоминал — словно ее и не было вовсе. Так же вели себя и другие сисвай'аман. По правую руку от Шена ползла Эмис. В кои-то веки никто не возражал против участия Хранительниц Мудрости в разведке. В таком месте и в такое

время глаза тех, кто способен направлять, увидят больше, чем обычные глаза.

Авиенда бесшумно подтянулась вперед, и даже ее ожерелья не издали ни звука. На здешних скалах не было ни растений, ни даже лишайника или плесенного грибка. Авиенда и остальные находились сейчас посреди Проклятых земель. Мало кто забредал так далеко.

Первым до гребня добрался Руарк, и Авиенда не могла не увидеть, что он явно напрягся. Она была следующей. Осторожно, чтобы остаться незамеченной, девушка выглянула из-за камня, и у нее перехватило дух.

Она слышала рассказы об этом месте. О громадной кузнице у самого подножия и о черной реке, что течет с ней рядом. Реке, вода которой так ядовита, что коснись ее — и упадешь замертво. По всей долине — горнила, будто открытые раны, и рядом с ними туман приобретает красноватый оттенок. В бытность свою юной Девой Копья Авиенда с широко распахнутыми глазами слушала, как престарелая хозяйка крова говорит о тружениках наковален Тени, созданиях ни живых ни мертвых. Неразумные, безмолвные, чудовищные твари передвигались так, словно жизни в них было не больше, чем в стрелках тикающих часов.

И они почти не обращали внимания на клетки, полные людей, чья кровь будет пролита для закалки только что откованных мечей. Для этих существ пленники ничем не отличались от железных заготовок. На таком расстоянии Авиенда не слышала людских воплей. Не слышала, но чувствовала. Ее пальцы крепко обхватили камень.

Над долиной господствовала гора Шайол Гул, черные склоны которой зазубренными лезвиями вздымались к небу. Покрытые трещинами, они напоминали исхлестанную сотней розог человеческую кожу, где из каждой раны валит пар. Наверное, поэтому в долине было так туманно; испарения клубились над ней, будто над чашкой с горячим питьем.

— Какое жуткое место… — прошептала Эмис.

Авиенда никогда не слышала в ее голосе такого ужаса, и девушку пробрало ознобом — едва ли не сильнее, чем от трепавшего одежду колючего холодного ветра. От дальних наковален доносился звон, а над ближней вздымался столб черного дыма, и этот дым, что никак не хотел развеиваться, пуповиной тянулся к небесным тучам, с пугающей частотой исторгавшим разряды молний.

Да, Авиенда слышала рассказы о горе Шайол Гул, но они не передавали и не могли передать

всей правды. Человек попросту не способен описать такое место. Его надо видеть собственными глазами.

Сзади донесся шорох, и несколькими мгновениями позже к Руарку подполз Родел Итуралде. Передвигался он почти беззвучно — для мокроземца.

— Так не терпелось, что ты не стал дожидаться нашего доклада? — тихонько спросил Руарк.

— Ни один доклад не передаст того, что способны увидеть глаза, — ответил Итуралде. — Я не обещал, что останусь в тылу. Просто велел вам идти вперед. Что вы и сделали. — Он поднял зрительную трубу, а ладонью другой руки принакрыл сверху ее переднюю часть, хотя под хмаристым небом в этом, наверное, и не было необходимости.

Руарк нахмурился. Он и другие Айил, отправившиеся на север, согласились подчиняться военачальнику-мокроземцу, хотя подобное их не очень устраивало. Да и не должно было устраивать. Но свое дело они сделают даже при самых неудобных обстоятельствах. Ведь что убивает человека? Правильно, комфорт и удобство.

«Пускай этого хватит, — подумала Авиенда, снова устремив взгляд на долину. — Хватит для

моего народа. Хватит для Ранда и того деяния, что ему предстоит совершить».

Глядя, как заканчивается история народа Айил, Авиенда чувствовала тошнотворный ужас, но это видение пробудило ее. Если гибель Айил — жертва, необходимая Ранду для победы, она принесет эту жертву. С воплями и с проклятиями, обращенными самому Создателю, но Авиенда заплатит эту цену. Так поступил бы любой воитель. Пусть лучше сгинет один ее народ, чем весь мир окажется под гнетом Тени.

Но если будет на то воля Света, до этого не дойдет. Если будет на то воля Света, дополнение Авиенды к Драконову договору убережет и сохранит Айил. Риск неудачи не остановит ее. Они будут сражаться. Когда танцуют копья, всегда есть шанс пробудиться ото сна.

— Любопытно, — прошептал Итуралде, не опуская зрительной трубы. — Что думаешь, айилец?

— Надо отвлечь врага, — сказал Руарк. — Можно спуститься по склону к востоку от кузни, освободить пленников и разорить всю эту равнину. Тогда поток оружия для мурддраалов иссякнет, и Темный станет следить за нами, а не за Кар'а'карном.

— Сколько времени потребуется Дракону? —

спросил Итуралде. — Что скажешь, айилка? Сколько времени надо отвести ему на спасение мира?

— Он будет сражаться, — ответила Эмис. — Войдет внутрь горы, вступит в поединок с Ослепляющим, и эта схватка продлится столько, сколько нужно. Быть может, несколько часов. Я не видела, чтобы единоборство — даже между искуснейшими бойцами — длилось много дольше.

— Давай предположим, — улыбнулся Итуралде, — что произойдет нечто большее, чем дуэль.

— Я не глупа, Родел Итуралде, — холодно отозвалась Эмис, — и понимаю, что вряд ли Кар'а'карн станет сражаться на копьях и отбивать удары щитом. Однако разве при очищении Источника он не уложился в один-единственный день? Думаю, здесь будет то же самое.

— Может быть, — сказал Итуралде. — А может быть, и нет. — Опустив зрительную трубу, он взглянул на Авиенду. — К чему ты предпочла бы готовиться?

— К худшему, — ответила та.

— Значит, надо держаться, пока Дракон не сделает то, что должен, — заключил Итуралде. — Дни, недели, месяцы… Годы? Столько, сколько потребуется.

Помедлив, Руарк неспешно кивнул.

— Что ты предлагаешь?

— Вход в долину напоминает бутылочное горлышко, — ответил Итуралде. — Судя по донесениям разведчиков, почти все отродья Тени, оставшиеся в Запустении, избегают этого Светом забытого места, стараясь бывать здесь как можно реже. Если перекрыть вход в долину и захватить ее, перебив при этом кузнецов и нескольких Исчезающих, можно удерживать ее до бесконечности. Вы, айильцы, отлично владеете тактикой «бей и беги». Чтоб мне сгореть, если я не прочувствовал это на собственной шкуре. Короче, вы атакуете кузницу, а мы перекрываем проход сюда.

— Годный план, — кивнул Руарк.

Все четверо спустились с гребня туда, где в сопровождении двадцати Дев и шести Аша'манов, а также Найнив и Морейн, ожидал, заложив руки за спину, Ранд, облаченный в красное с золотом. Авиенда чувствовала его тревогу. Похоже, Ранд был не на шутку чем-то обеспокоен — хотя ему бы радоваться, ведь он уговорил шончан присоединиться к битве! Таким он стал после встречи с Эгвейн ал'Вир. Что же послужило причиной его беспокойства?

Ранд повернулся и посмотрел вверх, на вер-

шину Шайол Гул, и его эмоции переменились. Теперь он походил на человека, что глядит на фонтан в Трехкратной земле и наслаждается самой мыслью о прохладной влаге. Авиенда чувствовала его надежду — и еще, конечно же, страх. Никому из воинов не дано полностью избавиться от страха, но Ранд держал его под контролем, подавлял жаждой вступить в бой и проверить свои силы.

Никто из мужчин и женщин не знает себя по-настоящему, пока не придет пора действовать на пределе возможностей, пока не начнется смертоносный танец с копьями, пока не увидишь, как твоя кровь пятнает землю, пока не пронзишь пульсирующее сердце врага. Вот чего хотел Ранд ал'Тор, и Авиенда прекрасно его понимала. После всего, что было, как-то странно осознавать, насколько они похожи.

Она подошла к Ранду, и тот встал так, чтобы их плечи соприкоснулись. Он не стал ее обнимать, и Авиенда тоже не взяла его за руку, ведь он не принадлежит ей, а она — не принадлежит ему. Сам факт его движения и то, что теперь они смотрят в одну сторону, означали для Авиенды больше, чем любой другой жест.

— Прохлада моего сердца, — тихо заговорил

Ранд, глядя, как его Аша'ман открывает переходные врата, — скажи, что ты видела?

— Могилу, — ответила Авиенда.

— Мою?

— Нет. Могилу твоего врага. Место, где его похоронили когда-то и где он упокоится снова.

Что-то в Ранде окаменело. Авиенда чувствовала его решимость.

— Ты собираешься убить его, — прошептала она. — Убить самого Ослепляющего.

— Да.

Она ждала продолжения.

— Из-за этого другие называют меня глупцом, — добавил Ранд, когда его охрана ступила в переходные врата, ведущие обратно на Поле Меррилор.

— Воину не следует начинать битву, если он не намерен довести ее до конца, — сказала Авиенда и умолкла, поскольку в голову ей пришла новая мысль.

— Что такое? — спросил Ранд.

— Видишь ли, величайшая из побед — та, когда ты делаешь врага своим гай'шайн.

— Вряд ли он на такое согласится, — заметил Ранд.

— Не своди все к шутке, — сказала Авиенда,

ткнув его локтем в бок, отчего Ранд сипло охнул. — Подумай об этом, Ранд ал'Тор. Как следует поступить по канонам джи'и'тох? Заключить Темного в узилище — это схоже с тем, чтобы сделать его гай'шайн? Если так, это правильный путь.

— Поверь, Авиенда, на сей раз «правильный» путь меня не интересует.

— Воин обязан следовать джи'и'тох. Всегда, без исключений, — строго произнесла она. — Я что, ничему тебя не научила? Не говори так, иначе опозоришь меня перед другими Хранительницами Мудрости.

— С учетом развития наших отношений я надеялся, что нравоучений больше не будет, Авиенда.

— Ты думал, что наша близость положит конец нравоучениям? — озадачилась она. — Ранд ал'Тор, я видела немало мокроземских жен, и знаю, что они…

Он покачал головой и направился к переходным вратам. Авиенда последовала за ним. Похоже, Ранд развеселился, и это хорошо. Его тревога отчасти растаяла. Но насчет джи'и'тох… Авиенда вовсе не шутила. У мокроземцев скверное чувство юмора, и они порой вообще не понимают,

над чем смеяться.

Лагерь по другую сторону врат делили между собой разные союзники Ранда. В одной его части обосновались Девы Копья и сисвай'аман, а также бóльшая часть Хранительниц Мудрости.

К айильским палаткам примыкал бивак Айз Седай, которых под началом Ранда было около трех дюжин — все Айз Седай, лично принесшие ему клятву верности, и большинство тех, кто связал себя узами с Аша'манами. Последних, имевших разные ранги, насчитывалось еще две дюжины.

Чуть дальше располагались войска Родела Итуралде, преимущественно доманийцы. Их король — мужчина с жиденькой бородой и мушкой на щеке — оставался при своей армии, но командование передал великому капитану. Монарх помахал рукой, и Итуралде отправился к нему с отчетом о проделанной работе. По всей видимости, рядом с Драконом Алсалам чувствовал себя неуютно, а потому не сопровождал Ранда в его вылазках. Авиенде это нравилось. По ее убеждению, Алсалам доверия не заслуживал.

Позади палаток Айил стояло еще одно крупное войско — тайренская армия, включавшая в себя элитный отряд, известный как Защитники Твердыни, под командованием некоего Родривара

Тихеры. Их король, также оставшийся с подданными, в командной иерархии объединенной армии, как все считали, стоял выше прочих, за исключением самого Ранда.

В планах Родела Итуралде тайренцам отводилась ключевая роль. Пусть и ценой уязвленного самолюбия, но Авиенда признавала, что доманиец прав: Айил несвойственно держать оборону, и хотя при необходимости они смогли бы удерживать проход в долину, куда уместнее поручить им наступательные операции.

Что касается тайренцев, они идеально подходили для ведения обороны. Их армия располагала несколькими ротами прекрасно обученных пикинеров и целым знаменем стрелков, вооруженных арбалетами с новой системой взведения, о которой кузнецы-оружейники узнали совсем недавно. Всю последнюю неделю потратили на переделку привычного оружия.

В войске Ранда имелась еще одна армия, состоявшая из множества присягнувших Дракону, и оно приводило Авиенду в наибольшее смятение. В общем лагере, над которым реял флаг с изображением дракона над древним символом Айз Седай, собрались простолюдины, солдаты, лорды и леди. Там были даже несколько Айз Седай со

своими Стражами. Они принадлежали к разным народам, в том числе и Айил, и роднило этих людей лишь одно: они отказались от верности своим странам и сеньорам, отвергли данные ими клятвы, разорвали былые связи, чтобы сразиться в Последней битве. До Авиенды доходили неприятные слухи, что многие из тех Айил — гай'шайн, которые сняли белые одежды и обещали надеть их снова после победы в Последней битве.

Утверждалось, что пришествие Ранда освобождает людей от прежних обязательств. Рядом с ним теряли силу любые обеты, а преданность стране или альянсу меркла на фоне неодолимого желания служить ему в последней схватке за человечество. В глубине души Авиенде хотелось назвать все это мокроземской глупостью, но… не слишком ли вольно она вешает такие ярлыки? Хранительнице Мудрости пристало иметь более трезвый взгляд на вещи.

Теперь, когда они оказались по эту сторону переходных врат, Авиенда позволила себе наконец-то отпустить Истинный Источник. То ощущение яркости жизни и чуда, которое придавала саидар, испарилось, и мир вокруг потускнел. Всякий раз при расставании с Единой Силой, когда отступали дарованные ею радость и трепет,

Авиенда испытывала легкое опустошение.

Итуралде и Руарк вместе с королем Дарлином принялись обсуждать план сражения. Ранд направился к своему шатру, и Авиенда нагнала его.

— Кинжал не подвел. — Ранд коснулся черных ножен с тупым кинжалом. — Артэм… В Эпоху легенд мне доводилось слышать о таких предметах, но тогда никто уже не создавал ничего подобного. Интересно, кому же наконец это удалось…

— Ты уверен, что дело в ноже? — усомнилась Авиенда. — Быть может, он видел тебя, но не стал показывать свою длань?

— Нет, я ощутил бы его внимание, — ответил Ранд. — Так что кинжал сработал. Если он на поясе, Темный не почувствует меня, пока я не подступлю вплотную к Скважине. А когда почувствует, ему будет непросто понять, где я, и нанести точный удар. Авиенда, в самый нужный момент ты нашла эту вещицу и определила, что она делает, а Илэйн отдала ее мне… Видишь, как Узор сплетает наши нити и расставляет по местам? — Ранд улыбнулся и добавил: — Когда Илэйн передавала мне этот кинжал, голос у нее был печальный. Думаю, она предпочла бы оставить его себе, чтобы вставлять в свои ругательства именование Темного, не привлекая его

внимания.

— По-твоему, сейчас самое время дурачиться? — хмуро посмотрев на Ранда, спросила Авиенда.

— Сейчас дурачиться надо больше, чем когда бы то ни было, — заметил Ранд, но в голосе его уже не слышалось смеха. По мере приближения к шатру в нем нарастало беспокойство.

— Что тебя тревожит? — спросила Авиенда.

— Печати. Ими завладел враг, — ответил Ранд.

— Что?!

— Об этом знает только Эгвейн, но так и есть. Печати украдены. То ли из моего тайника, то ли после того, как я отдал их Эгвейн.

— Тогда их уже сломали.

— Нет, — сказал Ранд. — Такое я почувствовал бы. Думаю, враг ждет. Наверное, понимает: стоит сломать печати — и ничто не помешает мне воссоздать узилище Темного. Вернуть его к изначальному состоянию. Их сломают в самый неподходящий для нас момент, чтобы Темный прикоснулся к миру, набрался сил и одолел меня в бою…

— Мы найдем способ все исправить, — твердо заявила Авиенда.

Ранд с улыбкой посмотрел на девушку:

— Слова воительницы. Как всегда.

— Естественно. — Ну а кто она, если не воительница?

— Меня тревожит нечто иное. Когда я войду в узилище, Отрекшиеся попробуют нанести по мне удар. Темный не знает, где я нахожусь, ведь он не видит меня, а потому распределяет силы по разным фронтам. Тень теснит Лана, пытаясь уничтожить его, и Темный почти с тем же упорством наседает на Илэйн в Кайриэне. Некоторого успеха добилась, похоже, одна лишь Эгвейн. И на всех полях сражений Темный ищет меня, бросая в бой громадное число своих созданий. Атаковав Шайол Гул, мы должны будем удержать долину и выстоять под натиском сил Тени. Но Отрекшиеся и Повелители ужаса — что мужчины, что женщины — явятся через переходные врата, и перекрытое ущелье их не остановит. Мое противостояние с Темным привлечет их, как это произошло при очищении саидин, но в тысячу раз сильнее. Они придут с огнем и молниями, и они будут убивать.

— Мы тоже.

— На это я и рассчитываю, — сказал Ранд. — Но не могу допустить, Авиенда, чтобы ты вошла в пещеру вместе со мной.

У Авиенды защемило в груди, но она поймала

это чувство за хвост, пронзила ножом и бросила умирать.

— Нечто подобное я ожидала услышать. Даже не думай отсылать меня в безопасное место, Ранд ал'Тор. Ты…

— Я бы и не посмел, — ответил он. — Ведь такой поступок мог бы стоить мне жизни. К тому же в мире не осталось безопасных мест. Я не могу взять тебя в пещеру, потому что ты понадобишься в долине, чтобы выследить Отрекшихся и вернуть печати. Ты очень мне нужна, Авиенда. Вы нужны мне все трое. На время этой схватки вы станете моими глазами и руками. Моим сердцем. Мин я отправлю туда, где сражается Эгвейн. Там скоро произойдет нечто неожиданное. В этом я уверен. Илэйн останется на юге, а ты… Мне надо, чтобы ты прикрыла меня в долине Такан'дар. Я оставлю приказы для Айз Седай и Аша'манов, Итуралде возглавит наши войска, но возле Шайол Гул командовать теми, кто способен направлять Силу, будешь ты — и только ты, Авиенда. Сделай так, чтобы враг не последовал за мной в пещеру. Стань моим копьем в этой битве. В недрах Шайол Гул я не сумею отразить атаку Отрекшихся. Все мое внимание, все мои силы без остатка уйдут на противостояние Темному. Там я буду беспо-

мощным, как младенец в пустыне, беззащитный перед дикими зверьми.

— И чем это отличается от твоего обычного состояния, Ранд ал'Тор? — спросила Авиенда.

Он рассмеялся. Приятно было слышать и одновременно чувствовать этот смех.

— По-моему, ты говорила, что сейчас не время дурачиться.

— Кто-то же должен тебя одергивать, — возразила Авиенда. — Нельзя, чтобы ты задрал нос и возомнил себя важным человеком только потому, что вот-вот спасешь мир.

Он снова рассмеялся и вошел вместе с ней в шатер, где ждала Мин, а также Найнив и Морейн — первая с недовольным лицом, вторая с безмятежно-спокойным. Без косы Найнив выглядела очень странно. Сегодня она зачесала короткие волосы назад и закрепила прическу заколками.

Морейн молча сидела на большом камне, осмотрительно положив руку на рукоять Калландора — Меча-Который-не-Меч, — что покоился у нее на коленях. Примостившийся рядом с нею Том строгал прутик и насвистывал себе под нос. Найнив сложила руки на груди:

— Ты должен был взять меня с собой, Ранд.

— У тебя было другое дело, — возразил он. — Ты

сделала то, что я просил?

— Пробовала, и не раз, — ответила Найнив. — Ранд, обойти изъян Калландора невозможно. Тебе нельзя использовать этот меч. Опасность слишком велика.

Ранд подошел к камню, протянул руку, а когда Морейн вложила в нее Калландор, поднес его к глазам и посмотрел сквозь кристаллический клинок. Тот засветился мягким светом.

— Для тебя есть поручение, Мин, — прошептал Ранд. — Дела у Эгвейн идут неплохо, и у меня складывается ощущение, что ее сражение — это ключ к победе. Хочу, чтобы ты отправилась туда и присмотрела за ней, а также за шончанской императрицей. Я просил ее подготовить войска и вступить в битву на стороне Эгвейн.

— На стороне Эгвейн? Шончанская армия?! — ошеломленно переспросила Морейн. — По-твоему, это мудрое решение?

— В последние дни я разучился отличать мудрость от дерзости, — ответил Ранд. — Но мне будет спокойнее, если эти две группировки окажутся под надзором. Ну что, Мин, выполнишь мою просьбу?

— Я надеялась… — Мин отвела взгляд.

«Надеялась, что он возьмет тебя в пещеру», —

подумала Авиенда. Но этого Ранд, разумеется, сделать не мог.

— Прости, Мин, — сказал он, — но так надо.

— Я согласна, — кивнула Мин.

— Ранд, ты намерен взять Калландор на схватку с Темным? — спросила Найнив. — Не забывай о его дефекте. Стоит направить Силу в этот… предмет — и кто угодно сможет взять тебя под контроль. Они смогут тебя использовать, смогут черпать через Калландор Единую Силу и вкачивать ее в тебя, пока она не выжжет тебя изнутри. Ты лишишься всей своей мощи, а враг обретет силу, способную ровнять горы и уничтожить целые города.

— Все равно я захвачу его с собой, — ответил Ранд.

— Но это ловушка! — воскликнула Найнив.

— Да, — устало подтвердил Ранд. — Ловушка, в которую я должен угодить. И позволить, чтобы за мной захлопнулась дверца. — Вдруг он запрокинул голову и расхохотался. — Как всегда! Чему здесь удивляться? Разнеси весть, Найнив! Скажи Итуралде, Руарку, королю Дарлину, что завтра мы войдем в долину Такан'дар и объявим ее своей! Раз уж надо сунуть голову в львиную пасть, сделаем так, чтобы лев подавился нашей плотью!

Глава 21. Ошибка, которую нельзя не учитывать

Суан повела плечом и поморщилась от острой боли.

— Юкири, — проворчала она, — над этим твоим плетением еще работать и работать.

Миниатюрная Серая сестра тихонько выругалась и отошла от солдата, потерявшего руку. Исцелять его она не стала, предоставив эту работу обычным врачевателям с их бинтами. Тратить энергию на этого человека — пустое дело, ведь он уже не вернется в строй. Лучше сберечь силы

для помощи тем воинам, которые смогут снова сражаться.

Аргументация жестокая и бесчеловечная. Что поделать, уж такие настали времена. У лишившегося руки солдата, скорей всего, есть шанс выжить без Исцеления, а потому Суан и Юкири перешли к следующему раненому в очереди. В Майене хватало Желтых сестер, но их силы уходили на Исцеление Айз Седай, которые выжили при бегстве, и бойцов, по-прежнему способных держать оружие.

Над импровизированным лагерем, устроенном на арафелской земле к востоку от речного брода, раздавались стоны и хрипы солдат. Раненых было так много, и Суан с Юкири были в числе тех немногих Айз Седай, у кого еще оставались силы на Исцеление. Большинство прочих сестер потратили свою энергию на создание переходных врат, через которые выводили войско Эгвейн, зажатое в клещи двумя атакующими армиями.

Шарцы действовали напористо, но задержались, обыскивая и уничтожая лагерь Белой Башни. Этого времени хватило, чтобы армия Эгвейн — вернее, ее остатки — сумели спастись.

Юкири обследовала Искательством следующего раненого, затем кивнула, и Суан, опустившись

на колени, принялась творить плетение Исцеления. Она никогда не была особенно искусна в этом и даже с помощью ангриала тратила на Исцеление немало сил, но уберечь солдата от смерти все же удалось. Рана в боку закрылась, а мужчина охнул, хватая ртом воздух, ведь значительную часть энергии для Исцеления отдал его собственный организм.

Покачнувшись, Суан в изнеможении опустилась на колени. О Свет! Ноги держали ее не лучше, чем аристократку в первый день на корабельной палубе!

— Ступай отдохни, Суан, — окинув напарницу взглядом, велела ей Юкири и протянула руку.

Суан стиснула зубы, но все же отдала ей ангриал — маленький каменный цветок, — и Единая Сила ускользнула от нее. Она глубоко вздохнула, отчасти с облегчением, отчасти с печалью от расставания с прекрасной саидар.

Юкири направилась к следующему солдату, а Суан улеглась там, где была, чувствуя, как все тело жалуется на многочисленные синяки и ссадины. События битвы затянуло туманной пеленой: Суан помнила лишь, как юный Гавин Траканд ворвался в штабную палатку, крича, что Эгвейн приказала армии отступать.

Брин тут же отправил послание через переходные врата на полу. Таков был новый способ передачи распоряжений командования: к древку стрелы приматывали длинной лентой записку и отправляли приказ через врата на поле боя. Стрелы были без наконечников, вместо них для нужного веса и баланса к древку прикрепляли небольшой камешек.

Перед появлением Гавина Брин места себе не находил. Ему не нравился ход битвы. По поведению троллоков ему стало ясно, что Тень что-то замышляет. Суан не сомневалась, что приказы к отступлению были подготовлены заранее.

Затем в лагере загремели взрывы, и Юкири крикнула, чтобы все прыгали в открытые на полу переходные врата. О Свет, но в тот миг Суан подумала, что эта женщина рехнулась! Рехнулась настолько, что в итоге спасла их от гибели.

«Чтоб мне сгореть, если я собираюсь здесь валяться, как рыбина из вчерашнего улова», — подумала Суан, глядя в небо. Потом она кое-как поднялась на ноги и отправилась осматривать новый лагерь.

Юкири утверждала, что ее плетение не такое уж неизвестное, хотя Суан узнала о нем впервые. То была громадная подушка Воздуха, предна-

значенная для спасения людей, падающих с большой высоты. Создав такое плетение, Юкири привлекла внимание шарцев — подумать только, шарцев! — зато и Суан, и Брину, и Юкири, и нескольким помощницам удалось сбежать. Чтоб ей сгореть, они все-таки удрали, хотя Суан содрогалась при мысли о том падении, а Юкири все твердила, что, по ее убеждению, это плетение может быть тем самым секретом, благодаря которому люди минувшей эпохи умели летать. Ну что за глупости! Создатель не дал людям крыльев, и на то имелись весомые причины.

Брина Суан нашла на краю нового лагеря, он сидел на пеньке, вконец измученный. На земле перед ним, прижатые камнями, лежали две военные карты — сильно измятые, поскольку Брин схватил их в самый последний момент перед тем, как палатку разметало в клочья взрывом.

«Глупец, — подумала Суан. — Рисковать жизнью ради пары бумажек…»

— …Если судить по донесениям, — говорил генерал Хаэрм, новый командир иллианских Спутников. — Прошу прощения, милорд, но разведчики не рискнули приблизиться к прежнему лагерю.

— Никаких известий об Амерлин? — спросила

Суан.

Брин и Хаэрм отрицательно помотали головами.

— Продолжайте искать, молодой человек, — погрозила она пальцем Хаэрму, и тот заломил бровь на слове «молодой». Чтоб ему сгореть, этому юному лицу, которым судьба наградила Суан. — Я не шучу. Амерлин жива. Вы найдете ее, понятно?

— Я… Да, Айз Седай. — Какое-никакое уважение он проявил, пусть и не в должной мере. Эти иллианцы понятия не имеют, как положено вести себя с Айз Седай.

Брин жестом велел Хаэрму удалиться и в кои-то веки к нему не подбежали с очередным донесением. Должно быть, все слишком устали. Нынешний лагерь походил не на стоянку армии, а на сборище погорельцев после чудовищного пожара. Большинство мужчин закутались в плащи и улеглись спать. В умении уснуть при первой возможности, где и когда угодно, солдаты дадут фору даже матросам.

Кто-кто, а Суан не могла их винить. Она вымоталась еще до появления войска Шары, а теперь устала как сама смерть, а потому уселась прямо на землю рядом с Бриновым пеньком.

— Рука еще болит? — спросил Брин, растирая

ей плечо.

— Ты же чувствуешь, что болит, — пробурчала Суан.

— Я лишь пытаюсь проявить обходительность, Суан.

— Думаешь, я не помню, что получила этот ушиб по твоей вине?

— По моей? — спросил Брин с веселым удивлением в голосе.

— А кто толкнул меня в ту дыру?

— Потому что ты стояла столбом.

— Я собиралась прыгнуть. Еще чуть-чуть — и прыгнула бы.

— Вне всяких сомнений, — покивал Брин.

— Это ты виноват, — настаивала Суан. — Я полетела кувырком, хотя кувыркаться вовсе и не хотела. А плетение Юкири — просто ужас что такое.

— Оно сработало, — заметил Брин. — Вряд ли многие могут похвастать, что выжили после падения с высоты в три сотни шагов.

— Юкири переусердствовала, — не унималась Суан. — Наверное, страшно хотела, чтобы мы прыгнули. Все эти разговоры о Перемещении и плетениях движения… — Она умолкла — отчасти потому, что была недовольна собой. День и без

того выдался тяжелый, так что пилить Брина совершенно незачем. — Скольких мы потеряли? — Тоже не лучшая тема, но Суан должна была об этом узнать. — У нас есть такие сведения?

— Считай что каждого второго солдата, — тихо ответил Брин.

Хуже, чем она предполагала.

— Что насчет Айз Седай?

— Осталось примерно две с половиной сотни, — сказал Брин. — Причем многие в шоке из-за потери Стражей.

А вот это — настоящая катастрофа. Сто двадцать Айз Седай погибли за считаные часы? От такого Белая Башня оправится очень не скоро.

— Мне очень жаль, Суан, — добавил Брин.

— Да ну, — отмахнулась Суан. — Для большинства из них я была чем-то вроде рыбьих потрохов. Я им не нравилась в качестве Амерлин, они смеялись, когда меня свергли, а когда вернулась, сделали меня служанкой.

Не переставая массировать ей плечо, Брин кивнул. Несмотря на все эти слова, он чувствовал, как ей горько. Среди погибших хватало славных женщин. И отличных сестер.

— Она где-то там, — упрямо произнесла Суан. — Эгвейн сумеет преподнести нам сюрприз, Брин,

так что смотри в оба.

— Если смотреть в оба, сюрприза не получится, верно?

— Дурак! — фыркнула Суан.

— Ты права, — мрачно признал Брин. — В обоих случаях. Эгвейн непременно удивит нас, а я и правда дурак.

— Брин…

— Так и есть, Суан. Как же я не понял, что они тянут время? Отвлекали внимание, дожидаясь, пока не подоспеет вторая армия? Троллоки отступили в те холмы. Это оборонительный маневр, а такое троллокам несвойственно. Я предполагал, что они лишь пытаются устроить засаду. Вот почему они забрали трупы и приготовились ждать. Ударь мы чуть раньше, всего этого не случилось бы. Я действовал чересчур осторожно.

— Нет смысла горевать об улове, упущенном из-за шторма и скверной погоды. Не то потеряешь время, когда небо расчистится.

— Мудрая присказка, Суан, — согласился Брин. — Но у полководцев популярна другая, записанная Фогхом Неутомимым: «Если не учиться на ошибках, они возьмут над тобой верх». Понять не могу, как я допустил подобное. Я ведь прекрасно обученный и подготовленный военачальник,

и тут это! Такую ошибку нельзя не учитывать, Суан. На кону сам Узор.

Он вздохнул, сгорбился и потер лоб. В тусклом свете закатного солнца Брин выглядел старше своих лет; лицо казалось морщинистым, а руки — по-стариковски слабыми. Эта битва словно украла у него десяток-другой лет жизни.

Суан хотела что-нибудь сказать, но не нашла подходящих слов.

Поэтому оба сидели в тишине.

Лирелле ждала возле ворот так называемой Черной Башни. Чтобы скрыть разочарование, ей требовалось все мастерство, отточенное годами тренировок.

С самого начала вся эта затея была сущим наказанием. Сперва им запретили входить в Черную Башню, покуда Красные не закончат своих дел. Затем перестали открываться переходные врата, а после этого лагерь три раза накрывало пузырями зла, приспешники Темного дважды пытались перебить всю экспедицию, и, наконец, Амерлин прислала предупреждение, что Черная Башня присоединилась к Тени, вступив в сражение на ее стороне.

По настоянию Амерлин почти все женщины из экспедиционного отряда Лирелле отправились

сражаться под началом Лана Мандрагорана, и наблюдать за Черной Башней остались совсем немногие. А теперь… Теперь такое. Как это понимать?

— Уверяю вас, — говорил юный Аша'ман, — опасность миновала. Мы изгнали М'Хаэля и всех, кто обратился к Тени. Остались только те, кто ступает в Свете.

Лирелле повернулась к своим спутницам: представительницам от каждой Айя и к подкреплению — которое она в срочном порядке вызвала поутру, когда в лагерь впервые явились Аша'маны. В общем и целом сестер было три десятка, и все они, пускай неохотно, но признавали главенство Лирелле.

— Мы это обсудим, — сказала она и кивком головы позволила Аша'ману удалиться.

— Что будем делать? — спросила Мирелле. Зеленая сестра была здесь с самого начала; она относилась к числу тех немногих, кого Лирелле не стала отсылать прочь — отчасти потому, что ей не хотелось оставаться без Стражей этой женщины. — Если кто-то из них сражается на стороне Тени…

— Переходные врата снова можно открыть, — перебила ее Сине. — С тех пор, как мы почув-

ствовали, что там, внутри, направляют Силу, в Черной Башне что-то изменилось.

— Как-то не верится, — заметила Мирелле.

— Надо узнать наверняка, — заявила Сине. — Черную Башню нельзя оставлять без присмотра. Особенно теперь, когда началась Последняя битва. Так или иначе, но мы просто обязаны присмотреть за этими мужчинами.

Обитатели Черной Башни утверждали, что лишь немногие из них переметнулись на сторону Тени, а Силу здесь направляли из-за нападения Черной Айя.

Такие речи вызвали у Лирелле приступ желчной злобы. Эти слова: Черная Айя. Не одно столетие Белая Башня отрицала, что среди Айз Седай могут быть приспешницы Темного. Как ни прискорбно, тайное стало явным, однако это не значило, что Лирелле нравилось слышать, как мужчины — а в особенности мужчины вроде этих — с подобной небрежностью бросаются такими словами.

— Будь у них желание напасть на нас, — задумчиво произнесла она, — они сделали бы это раньше, когда мы не могли сбежать через переходные врата. Пока что предположу, что они… навели порядок в своих рядах. Так же, как это

потребовалось и в самой Белой Башне.

— Стало быть, войдем? — спросила Мирелле.

— Да. Свяжем узами мужчин, которых нам обещали, и вытянем из них правду, если не узнаем ее раньше.

Дракон Возрожденный отказался отдать им Аша'манов высокого ранга, и этот факт вызывал у Лирелле тревогу, но, придя сюда, она разработала план, и он, по идее, должен остаться в силе. Для начала она попросит мужчин продемонстрировать свои способности, выявит сильнейшего и свяжет его с собой узами, после чего заставит того указать на самых талантливых выучеников Черной Башни, которых свяжут узами другие сестры.

А затем… что ж, она надеялась, что этим способом получится обуздать большинство мужчин. О Свет, ну и дела! Где это видано, чтобы мужчины, способные направлять Силу, разгуливали по миру как ни в чем не бывало?! Лирелле не верила в сказки о том, что порчи больше нет. С самого начала было ясно, что эти… люди… станут утверждать нечто подобное.

— Временами, — пробурчала Лирелле, — возникает желание вернуться в прошлое и отшлепать себя за то, что согласилась на эту затею.

Мирелле рассмеялась. К любой ситуации она относилась без должной серьезности. Лирелле с недовольством подумала обо всем, что пропустила за время долгого отсутствия в Белой Башне. Воссоединение, битва с шончан… В такие времена куда проще заработать репутацию сильной женщины и доказать свое право на лидерство.

Когда происходят бурные события, тогда открываются новые возможности. А теперь эти возможности для нее утрачены. О Свет! Лучше не думать на эту тему.

— Мы входим! — крикнула Лирелле, подняв голову и обратившись к стенам, обрамлявшим ворота Черной Башни. Затем она негромко сказала своим спутницам: — Зачерпните Единую Силу и будьте настороже. Неизвестно, что ждет нас за этими воротами.

Ее женщины смогут дать отпор большому числу необученных Аша'манов. Если до этого дойдет. С логической точки зрения — не должно. Правда, эти мужчины, скорее всего, безумны, и ожидать от них логичного поведения было бы неосмотрительно.

Громадные створки раскрылись. Обитатели Черной Башни решили сперва обнести свои владения стеной, а затем уже построить саму башню,

и это говорило о многом.

Лирелле тронула лошадь коленями, и та двинулась вперед. За ней под стук копыт последовали Мирелле и остальные. Лирелле обняла Источник и сотворила новое плетение: оно даст знать, если поблизости кто-то из мужчин вздумает направлять Силу. За воротами их, однако, ждал совсем не тот юноша, который встречал посетительниц раньше.

— Что происходит?! — изумилась Лирелле, когда к ней приблизилась Певара Тазановни. С Красной восседающей Лирелле была знакома, пусть и хуже, чем со многими другими.

— Меня попросили сопроводить вас, — приветливо отозвалась Певара. — Логайн решил, что знакомое лицо поможет вам чувствовать себя спокойнее.

Лирелле едва удержалась от презрительной усмешки. Айз Седай не следует проявлять такую жизнерадостность. Сестрам к лицу безмятежность, собранность и — в первую очередь — безжалостная строгость. При виде Айз Седай мужчина должен немедленно задать себе вопрос, в чем он провинился и как это исправить.

Лирелле со своими спутницами неспешно ехала по территории Черной Башни, рядом при-

строилась Певара.

— Логайн передает вам привет, — продолжила Красная сестра. — Теперь он здесь за главного, но еще не оправился от серьезного ранения, полученного при нападении.

— Он выздоровеет?

— О да, конечно. Через день-другой будет на ногах. Подозреваю, что именно ему нужно будет повести Аша'манов в Последнюю битву.

«Какая жалость!» — подумала Лирелле. Лучше бы он погиб. Не будь во главе Черной Башни этот Лжедракон, контролировать ее было бы куда проще.

— Не сомневаюсь, что его помощь принесет пользу, — сказала она вслух. — Однако его главенствующая роль… Что ж, посмотрим. Скажи-ка вот что, Певара. Мне говорили, что связывание узами мужчины, способного направлять Силу, отличается от наложения уз на обычного мужчину. Тебе знаком этот процесс?

— Да, — ответила Певара.

— Так это правда? — уточнила Лирелле. — Наложенные узы принуждают к подчинению нормальных мужчин, но не этих Аша'манов?

Певара улыбнулась с мечтательно-задумчивым видом и сказала:

— Ах, тебе не представить, на что это похоже. Нет, узы не заставят Аша'мана стать послушной овечкой. Чтобы подчинить его, придется проявить изобретательность.

Плохо дело.

— Насколько они послушны? — спросила Аледрин, ехавшая по другую сторону от Лирелле.

— Полагаю, это зависит от конкретного человека, — ответила Певара.

— Если их нельзя заставить подчиняться, — задумалась Лирелле, — станут ли они повиноваться своей Айз Седай во время битвы?

— Наверное, — сказала Певара, хотя не без сомнения в голосе. — Вам всем следует кое-что знать. Порученное мне задание, как и преследуемая всеми вами цель… это безнадежная затея.

— Неужели? — ровным тоном осведомилась Лирелле. В ее глазах Красные сестры не заслуживали доверия — особенно после того, что они сотворили с Суан. — Почему это?

— В прошлом я ничем не отличалась от вас, — объяснила Певара. — Была готова связать всех Аша'манов, чтобы взять их под контроль. Но поедете ли вы в чужой город, чтобы по своему капризу выбрать полсотни случайных мужчин и сделать их своими Стражами? Связывать Аша'ма-

нов только ради уз — глупая затея. Узы не помогут их подчинить. Не сомневаюсь, что из некоторых Аша'манов выйдут превосходные Стражи, но из всех подряд? Исключено. В точности так же, как с обычными мужчинами. Предлагаю вам отказаться от плана связать ровно сорок семь человек. Лучше ограничьтесь теми, кто сам выразит такое желание, и получите отменных Стражей.

— Это ценный совет, — согласилась Лирелле, — но, как ты уже говорила, Аша'маны понадобятся на передовой. Времени нет, и поэтому мы выберем сорок семь сильнейших.

Певара вздохнула, но промолчала. Проезжая мимо нескольких мужчин в черных мундирах с двумя значками на высоких воротниках, Лирелле почувствовала, как кожа зудит, будто под ней ползают насекомые. Эти мужчины способны направлять Силу…

Лилейн считала, что Аша'маны жизненно важны для планов Белой Башни. Что ж, Лирелле принадлежала не ей, а самой себе, и оставалась полноправной восседающей. Если она найдет способ прибрать к рукам Черную Башню и подчинить ее себе, то, пожалуй, наконец-то сумеет вывернуться из-под пяты Лилейн.

Подобная награда оправдывает всю возню с

Аша’манами. О Свет, ничего хорошего она от этого не ожидала. Но им нужно хоть как-то взять этих мужчин под контроль. Дракону в этом отношении нельзя доверять; наверное, он уже спятил от порчи, вызванной прикосновением Темного к саидин. Нельзя ли хитростью сделать так, чтобы он позволил связать узами всех мужчин, кто находится в Черной Башне?

«Но узы не добавляют им послушания… А это опасно». Лирелле вообразила, как идет в бой с двумя-тремя десятками Аша’манов, связанных с нею узами и подвластных ее воле. Как же этого добиться?

Айз Седай подъехали к шеренге мужчин в черном, ожидавших на краю деревни. Лирелле по-быстрому пересчитала их. Сорок семь человек, включая того, что расположился перед остальными. Что за трюк они хотят провернуть?

Тот, что стоял наособицу, — крепкий мужчина средних лет — сделал несколько шагов вперед. Мешки под глазами, болезненно-серая кожа… Он выглядел так, будто совсем недавно перенес суровое испытание. Однако поступь его была твердой, а взгляд — уверенным. Мужчина посмотрел Лирелле в глаза и поклонился:

— Добро пожаловать, Айз Седай.

— Не представитесь?

— Меня зовут Андрол Генхальд, — сказал мужчина. — Меня поставили во главе ваших сорока семи, покуда вы не свяжете их узами.

— Чьих сорока семи? Моих? Как вижу, вы забыли условия договора. Нам обязаны предоставить любого Аша'мана в ранге солдата или посвященного по нашему выбору, и они не вправе отказать нам.

— Да, вы правы, — согласился Андрол. — Так оно и есть. К сожалению, все остальные мужчины в Черной Башне — или полноранговые Аша'маны, или отозваны по неотложным делам. Будь они здесь, непременно выполнили бы приказ Дракона. Но, как видите, мы все равно приберегли для вас сорок семь человек. Вернее, сорок шесть, поскольку я уже связан узами с Певарой Седай.

— Мы дождемся остальных, — холодно объявила Лирелле.

— Увы, — сказал Андрол, — вряд ли они вернутся в обозримом будущем. Если хотите участвовать в Последней битве, советую поторопиться с выбором.

Лирелле прищурилась, а затем взглянула на Певару. Та пожала плечами.

— Это уловка, — сказала Лирелле Андролу. —

Причем детская.

— Я счел бы ее весьма искусной, — невозмутимо отозвался Андрол. — Даже, если можно так выразиться, достойной Айз Седай. Вам обещали, что любой мужчина из Черной Башни, за исключением полноправных Аша'манов, откликнется на ваш зов. Так и будет. Откликнется любой, до кого докричитесь.

— Готова поспорить, что здесь представлены самые слабые из вас.

— Вообще-то, — ответил Андрол, — перед вами добровольцы. Хорошие парни, все до единого. Здесь те, кто изъявил желание стать Стражем.

— Дракон Возрожденный непременно об этом узнает.

— Насколько мне известно, — сказал Андрол, — он вот-вот отправится в Шайол Гул. Хотите последовать за ним ради одной-единственной жалобы?

Лирелле поджала губы.

— В общем, так, Айз Седай, — продолжил Андрол. — Сегодня утром Дракон Возрожденный прислал нам весточку. Велел усвоить последний урок: запомнить, что мы не оружие, не имеющее права голоса, а люди. У оружия нет выбора, люди же вправе сами выбирать свою судьбу. Вот

они, ваши люди, Айз Седай. Отнеситесь к ним с уважением.

Он снова поклонился и ушел. Немного помешкав, Певара развернула лошадку и последовала за ним. Когда она смотрела на этого мужчину, Лирелле видела у нее в глазах нечто особенное.

«Ах вот как! — подумала Лирелле. — Она ничем не лучше Зеленых. Не этого я ожидала от Красной сестры ее возраста».

Ее так и подмывало пресечь эту махинацию, отправиться к Амерлин и опротестовать произошедшее… Вот только новости с полей сражений поступали самые сумбурные — дескать, нежданно появилась какая-то новая армия, — и подробностей никто не знал.

Сейчас определенно не время для жалоб. Амерлин будет недовольна. И, отметила про себя Лирелле, ей самой тоже хочется закончить эту историю с Черной Башней.

— Каждая из вас выберет двоих, — сказала она спутницам. — Некоторые удовольствуются одним. Фаолайн, Теодрин, последнее и к вам относится. И не тяните. Я хочу побыстрее покинуть это место.

Певара догнала Андрола у входа в хижину.

— О Свет! — сказала она. — Я уж и забыла, на-

сколько бесчувственными бывают Айз Седай.

— Ну, не знаю, — ответил Андрол. — Слыхал, что некоторые Айз Седай — вполне приятные женщины.

— Поосторожнее с ними, Андрол, — оглянулась Певара. — Многие увидят в вас только угрозу или полезный инструмент.

— Мы их переиграли, — заметил Андрол, входя в комнату, где ждали Канлер, Джоннет и Эмарин с чашками теплого чая в руках.

Все трое понемногу приходили в себя после боя, Джоннет оправлялся быстрее остальных. Эмарину — вернее, его душевному состоянию — досталось сильнее всего. Подобно Логайну, его подвергали процессу Обращения. Певара заметила, что временами в глазах у него становилось пусто, а на лице отражался страх, будто Эмарин вспоминал нечто чудовищное.

— Вам троим здесь не место, — подбоченилась Певара, глядя на него и остальных. — Знаю, Логайн обещал повысить ваш ранг, но на воротниках у вас по-прежнему только меч. Если попадетесь на глаза тем женщинам, они сделают из вас Стражей.

— Они нас не увидят, — усмехнулся Джоннет. — Андрол забросит нас в переходные врата с такой

быстротой, что мы даже выругаться не успеем!

— Что будем делать дальше? — спросил Канлер.

— Все, что прикажет Логайн, — сказал Андрол.

После тех мучений Логайн… изменился. Если судить по сказанным Певаре шепотом осторожным фразам Андрола, он стал мрачнее. Он меньше говорил, все так же стремился на Последнюю битву, но пока что собирал людей и сосредоточенно изучал предметы, найденные в комнатах Таима. По мнению обеспокоенной Певары, при попытке Обращения в нем что-то надломилось.

— Он считает, что военные карты, обнаруженные в покоях Таима, не лишены важности, — сказал Эмарин.

— Отправимся туда, где, по мнению Логайна, можно принести наибольшую пользу, — продолжил Андрол. Ответ прямой, но не сказать, что содержательный.

— А как же лорд Дракон? — осторожно поинтересовалась Певара.

Она чувствовала, что Андрол растерян. Явившийся к ним Аша'ман Наэфф принес новости и приказы, а с ними — и некоторые намеки. Дракон Возрожденный знал, что в Черной Башне не все

гладко.

— Он оставил нас не без причины, — сказал Андрол.

— Дракон Возрожденный пришел бы, будь у него такая возможность! — заявил Джоннет. — Даже не сомневайся!

— Он хотел, чтобы мы спаслись самостоятельно, — добавил Эмарин, — или погибли без его помощи. Он стал суровым. Или даже бесчувственным.

— Это не имеет значения, — сказал Андрол. — Черная Башня научилась выживать без него. О Свет! Мы всегда выживали без него! Он не оказал нам почти никакой поддержки. В отличие от Логайна, подарившего нам надежду. Поэтому свою верность я отдам Логайну.

Остальные покивали. Певара чувствовала, что в этой комнате происходит нечто важное. «Так или иначе, они не могли бы вечно рассчитывать на Дракона Возрожденного, — подумала она. — Ведь он погибнет в Последней битве». Случайно или нет, но Дракон Возрожденный научил их обходиться без посторонней помощи.

— Однако я прислушаюсь к его последнему наказу, — продолжил Андрол, — и перестану считать себя оружием. Порчи больше нет. Будем

сражаться не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы жить. У нас есть причина жить! Разнесите эту весть среди остальных, и пусть все поклянутся поддерживать Логайна как нашего лидера. А затем — вперед, на Последнюю битву! И не прислужниками Дракона Возрожденного и не пешками Престола Амерлин, но мужчинами Черной Башни, принадлежащими себе, а не другим!

— Себе, а не другим, — шепотом повторили остальные.

Глава 22. По прозванию Дивий

Эгвейн проснулась, и Гавин немедленно зажал ей рот. Она вздрогнула и замерла. Воспоминания прибывали, как свет утреннего солнца. Эгвейн и ее Страж по-прежнему прятались под сломанной телегой. Вокруг пахло горелым деревом, и земля стала угольно-черной. Наступила ночь.

Эгвейн посмотрела на Гавина и кивнула. Неужели она задремала? Даже не верится, что в таких обстоятельствах можно уснуть.

— Я попробую выскользнуть и отвлечь врагов, — шепнул Гавин.

— Я с тобой.

— Если пойду один, будет меньше шума.

— Как вижу, ты ни разу не подкрадывался к двуреченцу, Гавин Траканд, — сказала Эгвейн. — Готова спорить на сотню тарвалонских марок, что я передвигаюсь тише тебя.

— Да, — шепотом ответил Гавин, — но, если подойдешь на десяток шагов к одному из них, кто способен направлять Силу, тебя заметят, даже если ты себя ни единым звуком не выдашь. Они патрулируют лагерь. В особенности вдоль его границы.

Эгвейн нахмурилась. Как он об этом узнал?

— Ты ходил на разведку?

— Очень осторожно, — шепнул он. — Меня не заметили. Они обыскивают палатки и берут в плен всех, кого находят. Здесь прятаться мы больше не сможем.

Не следовало ему уходить без спроса.

— Мы…

Гавин замер, и Эгвейн умолкла и прислушалась. Шаги. Кто-то приближался, волоча ноги по земле. Сжавшись под телегой, оба смотрели, как на открытом пространстве возле того места, где располагалась уничтоженная теперь штабная палатка, шарцы расставили шесты с факелами.

Сюда они привели и десять или двенадцать оборванных пленников: несколько солдат, избитых до такой степени, что они едва держались на ногах, а также поваров и лагерных работников, истерзанных ударами кнута. Все были без рубах, в одних лишь поношенных штанах.

На спине у каждого был красовался символ, который Эгвейн не узнала. Она предположила, что это татуировки. Но вполне возможно, что эти символы были выжжены раскаленным железом.

Когда пленников согнали в кучку, неподалеку раздался чей-то вопль. Через несколько минут появился темнокожий шарец. Он тащил за собой мальчишку-посыльного — по всей видимости, не сумевшего спрятаться и пойманного где-то в лагере. Посреди площадки шарец остановился, сорвал рубаху с плачущего паренька и толкнул его на землю. Как ни странно, одежды шарцев имели на спине большие вырезы в виде ромбов, и Эгвейн заметила, что новоприбывший нес на спине какую-то татуировку, но какую именно, ей разглядеть не удалось — символ был едва различим на темной коже. Одежда стражника выглядела крайне официально — широкая и плотная мантия-безрукавка, доходившая почти до колен, и рубаха с длинными рукавами и таким

же ромбовидным вырезом на спине.

Из темноты выступил еще один шарец, почти совсем обнаженный — без рубахи и в штанах, от которых осталось одно название. Вместо символа на спине у него были татуировки на руках; ползучими лозами они обвивали горло, охватывали подбородок, заканчиваясь на щеках, и походили на сотню переплетенных рук, чьи длинные когтистые пальцы помогали голове держаться на плечах.

Человек подошел к стоявшему на коленях юному посыльному, и остальные шарцы отпрянули. Кем бы ни был этот парень, в его присутствии другие чувствовали себя неуютно. Он поднял руку, оскалил зубы, и на спине у мальчишки вдруг появился символ — такой же, как у остальных пленников. От кожи повалил дым, и посыльный закричал от боли. Потрясенный Гавин тихо выдохнул сквозь стиснутые зубы. Тот мужчина, у которого татуировки доходили до лица… Он умел направлять Силу.

Шарцы стали переговариваться, и Эгвейн показалось, что, если бы не тяжелый акцент, она сумела бы разобрать слова. Владеющий Силой шарец что-то отрывисто сказал — все равно что пролаял, как одичалый пес. Его соплеменники

расступились, и он бесшумно растворился во тьме.

«О Свет!» — подумала Эгвейн.

Под шелест свободных шелковых платьев из тени явились две женщины, одна из них была со светлой кожей. Эгвейн обвела взглядом солдат и только теперь поняла, что среди них тоже хватает белокожих людей. Выходит, не все шарцы черны как те, кого ей удалось до этого разглядеть.

Женщины отличались какой-то особой, утонченной красотой. Эгвейн съежилась. Судя по тому, что она сумела увидеть раньше, эти двое могли оказаться способными направлять Силу — а значит, почувствуют ее, случись им подойти поближе.

Высоко подняв фонари, женщины осмотрели пленников, и Эгвейн увидела, что женские лица тоже татуированы, хоть и не так уродливо, как мужские. Эти узоры походили на листья, что брали начало сзади на шее, тянулись под ушами и бутонами распускались на щеках. Женщины тихо заговорили друг с другом, и Эгвейн снова показалось, что еще немного — и она поняла бы их речь. Осталось лишь сотворить плетение, усиливающее звук…

«Идиотка», — одернула себя она. Это плетение

стало бы последним в ее жизни.

Остальные собрались вокруг пленников, и Эгвейн затаила дыхание. Сотня, другая… Подходили все новые люди, по большей части молча: они, эти шарцы, производили впечатление людей мрачных и неразговорчивых. Одежды большинства пришедших имели открывавшие татуировку вырезы на спине. Может, это символ статуса?

Поначалу Эгвейн предположила, что чем выше положение человека, тем замысловатей его татуировка, но у офицеров — таковыми она сочла мужчин в оперенных шлемах, богатых шелковых кафтанах и золотистых доспехах, как будто сделанных из монет, пришитых к основе через отверстия в их центрах, — вырезы были совсем небольшие, и в них виднелись крошечные татуировки, нанесенные на спине между лопатками.

«Чтобы открыть эти символы, они сняли часть доспехов», — подумала Эгвейн. Ясное дело, в бой они не пойдут с открытой шеей. Должно быть, такая форма одежды предназначалась для каких-то официальных случаев.

Последними к этой толпе присоединились совсем уж странные фигуры, причем им уступили дорогу. Это были двое мужчин и одна женщина,

они ехали на низкорослых осликах, украшенных золотыми и серебряными цепями. Все трое — в причудливых головных уборах, украшенных перьями, образующими полукруг вроде веера и самых ярких оттенков, и в пышных шелковых юбках. Они были обнажены по пояс, в том числе и женщина, если не считать ожерелий и украшений, закрывавших почти всю грудь. Спины оставлены открытыми, затылки выбриты так, чтобы была видна шея. Татуировки отсутствовали.

Выходит, эти трое — какие-то важные особы? Вот только лица у них пустые, испуганные, вид изможденный, глаза потуплены, плечи поникли. А руки тоненькие, кожа да кости. Такие хрупкие… Что же с ними сотворили, с этими людьми?

Вообще ничего не понять. Ясно одно: шарцы — непостижимый народ, еще загадочней айильцев. «Но почему же они появились именно сейчас? — думала Эгвейн. — Почему после долгих веков изоляции они решились на вторжение в эти земли?»

Совпадений такого масштаба попросту не бывает. Шарцы устроили засаду на войска Эгвейн и, стало быть, действовали заодно с троллоками. Девушка ухватилась за эту мысль. Все, что

получится здесь узнать, будет иметь жизненно важное значение. Помочь сейчас своим войскам Эгвейн не могла — да ниспошлет Свет, чтобы хоть кому-то удалось сбежать, — а потому постарается собрать хоть какие-то сведения, любые крохи, что только сможет.

Гавин легонько толкнул ее. Эгвейн посмотрела на Стража и почувствовала его тревогу.

«Пора?» — спросил он одними губами и указал за спину. Быть может, теперь, когда всеобщее внимание приковано… к непостижимому ритуалу, они смогут улизнуть? Оба тихонько поползли назад…

Одна из способных направлять женщин из войска Шары что-то выкрикнула. Эгвейн замерла. Ее заметили!

Нет. Нет… Она отдышалась, чтобы успокоить сердце, норовившее выскочить из груди. Женщина обращалась к своим соплеменникам. Эгвейн показалось, что, несмотря на сильный акцент, она разобрала слово «готово».

Почти все шарцы опустились на колени. Обремененная драгоценностями троица понурилась сильнее прежнего. А затем воздух рядом с пленниками… изогнулся?

Эгвейн не могла подобрать слов, чтобы как-то

иначе объяснить то, что предстало ее глазам… Воздух будто покоробился, подернулся рябью, как бывает над укатанным трактом в жаркий день, и, извернувшись, разошелся в стороны, пропустив в разрыв рослого мужчину в сверкающей броне, но без шлема.

Он был светлокожий и темноволосый и, даже несмотря на слегка крючковатый нос, очень красив, особенно в этом облачении. Казалось, оно целиком составлено из перекрывающих друг друга самых настоящих серебряных монет, отполированных до такого блеска, что человеческие лица отражались в них, как в зеркале.

— Вы славно потрудились, — объявил он тем, кто преклонил перед ним колени. — Можете встать. — У него в голосе явственно слышался шарский акцент, но даже близко не такой сильный, как у прочих.

Все поднялись на ноги, а мужчина положил ладонь на навершие своего меча. Из темноты у него за спиной робко вышла группа согбенных в поклоне людей — и они явно способны были направлять Силу. Темноволосый снял латную рукавицу и небрежно, по-хозяйски потрепал по голове одного из своих прислужников — так лорд ласкает любимого охотничьего пса.

— Значит, это новые *инакалы*, — задумчиво произнес мужчина в сияющих доспехах. — Знаете, кто я?

Пленники съежились. Пусть шарцы уже распрямились, этим несчастным хватило ума остаться лежать на земле. Ни один не вымолвил ни слова.

— Так и думал, что никто не знает, — продолжил мужчина. — Хотя слава распространяется самым непредсказуемым образом. Если знаете, скажите, кто я. Говорите, и я отпущу вас.

Молчание.

— В таком случае внимайте и запоминайте. Я — Бао, по прозванию Дивий. Я — ваш спаситель. Я сумел выползти из пучин страданий и отчаяния и возвыситься, обретя величие. Я пришел за тем, что у меня отобрали. Запомните эти слова.

Пленники съежились сильнее прежнего. Очевидно, они не понимали, чего от них хотят. Гавин снова потянул Эгвейн за рукав, указав за спину, но та не сдвинулась с места. Было в этом Бао нечто особенное…

Вдруг он вскинулся, обвел глазами обладавших даром направлять женщин, а затем стал всматриваться в темноту и спросил:

— Знаете ли кто-то из вас, инакалы, Дракона? —

Но тон у него был какой-то отсутствующий. — Говорите. Скажите мне.

— Я его видел, — признался кто-то из пленных солдат. — Несколько раз.

— Ты говорил с ним? — спросил Бао, отступая от него и его товарищей.

— Нет, великий лорд, — ответил солдат. — С ним говорили Айз Седай, а мне не довелось.

— Да. Я опасался, что вы окажетесь бесполезны, — сказал Бао. — Слуги, за нами следят. Вы говорите, что тщательно обыскали лагерь, но это не так. Я чувствую неподалеку женщину, способную направлять Силу.

Эгвейн захлестнуло волной тревоги. Гавин потянул ее за руку, намереваясь бежать, но в таком случае их непременно поймают. О Свет! Она…

Тут все обернулись на внезапный шум — он раздался где-то возле одной из разгромленных и разбитых палаток. Бао поднял руку, и из темноты донесся истошный вопль, а несколькими секундами позже на освещенную площадку выплыла Лиане, крепко связанная невидимыми для Эгвейн прядями Воздуха. Женщина широко раскрыла глаза, и Бао подтянул ее ближе к себе.

Сердце Эгвейн заколотилось с удвоенной силой. Лиане жива! Как она сумела спрятаться? О

Свет! Что же делать? Эгвейн хотела помочь ей — но каким образом?

— Ага, — сказал Бао. — Одна из этих… Айз Седай. Скажи, а ты говорила с Драконом?

Лиане не ответила. Более того, ее лицо сделалось бесстрастным.

— Впечатляет. — Бао коснулся пальцами подбородка женщины, потом повел другой рукой, и согнанные перед ним пленники вдруг закричали, корчась от боли, а затем вспыхнули ярким пламенем и взвыли от невообразимых мучений.

Глядя на эту картину, Эгвейн едва удержалась, чтобы не потянуться к Истинному Источнику. Когда все закончилось, ее щеки были мокрыми от слез, хотя она не помнила, как начала плакать.

По толпе шарцев прошла волна недовольства.

— Не ропщите, — обратился к ним Бао. — Знаю, вы взяли их для меня живьем ценой немалых усилий, но из этих людей вышли бы скверные инакалы. Они не получили должного воспитания, а во время этой войны их некогда переучивать. Так что смерть — настоящее милосердие по сравнению с тем, что им пришлось бы пережить. Кроме того, нашей цели послужит вот эта… Айз Седай.

Бесстрастной маски как не бывало, и даже изда-

ли Эгвейн видела, как лицо Лиане перекосилось от ненависти.

Бао по-прежнему держал ее за подбородок снизу.

— Ты очень красива, — сказал он. — Увы, красота не имеет никакого смысла. Ты, Айз Седай, должна доставить мое послание Льюсу Тэрину. Тому, кто называет себя Драконом Возрожденным. Скажи, что я пришел убить его и тем самым заявить права на этот мир. Я возьму то, что изначально принадлежало мне, и только мне. Так и передай ему. Скажи, что видела меня, и расскажи, как я выгляжу. Он узнает меня. Так же как люди этих земель ожидали его, полагаясь на предсказания, а затем осыпали его почестями, мой народ ожидал меня, и я исполнил его пророчества. Я — истина, а ваш Дракон — ложь. Передай ему, что я наконец получу расплату за оскорбление. Пусть он придет ко мне, чтобы мы встретились лицом к лицу. Если этого не случится, я стану разрушать и убивать. Я захвачу его народ, порабощу его детей и присвою его женщин. Из раза в раз я буду крушить, уничтожать и подчинять себе все, что ему дорого. Избежать этого он сможет, лишь сразившись со мной один на один. Передай ему мои слова, малышка Айз Седай. Скажи, что его ждет

старый друг. Я — Бао Дивий, Тот-Кому-Одному-Принадлежит-Земля. Убийца Дракона. Когда-то он знал меня под именем, которое я отверг как презренное, под именем Бэрид Бел.

«Бэрид Бел? — Эгвейн вспомнились уроки, выученные в Белой Башне. — Бэрид Бел Медар… Демандред».

В волчьем сне буря вела себя переменчиво. Перрин часами рыскал по Пограничным землям, бегая по высохшим речным руслам и морщинистым холмам, и встречался со стаями волков.

Гаул оказался способным учеником. Конечно, против Губителя ему не простоять и пары мгновений, но кое-чему он обучился: одежда его перестала менять цвет, хотя при всякой неожиданности у него на лице сразу возникала вуаль.

Вдвоем они промчались по Кандору, размытыми образами перепрыгивая с холма на холм. Буря иногда то затихала, то усиливалась. В Кандоре, к примеру, царило жуткое безмолвие. Поросшие травой холмистые равнины устилал всевозможный мусор — палатки, черепица, парус большого корабля и даже кузнечная наковальня, воткнутая острым концом в глинистый склон холма.

В волчьем сне когда угодно мог разбушеваться опасный ураган, гибельный для лесов и городов.

По пути в Шайнар Перрину то и дело попадались сорванные ветром бесхозные тайренские шляпы.

Он остановился передохнуть на вершине холма. Гаул стремительно нагнал его и встал за спиной. Как долго они разыскивают Губителя? Вроде бы несколько часов, но если задуматься, какой они проделали путь… Трижды они возвращались к запасам провизии, чтобы перекусить. Означает ли это, что прошел целый день?

— Сколько времени прошло, Гаул? — спросил Перрин.

— Трудно сказать, Перрин Айбара. — Гаул бросил взгляд на небо без солнца. — Много. Должны ли мы остановиться и поспать?

Хороший вопрос. В животе у Перрина вдруг заурчало, и он усилием мысли создал ломоть вяленого мяса и краюшку хлеба. Половину отдал Гаулу. Способна ли пища, созданная в волчьем сне, поддерживать их силы? Или же она попросту исчезает, если ее съесть?

Похоже, верно последнее. Никакого насыщения Перрин не чувствовал — хлеб будто исчезал, едва попав в рот. Придется рассчитывать на принесенные с собой припасы. Быть может, стоит пополнить их через переходные врата, раз в день

открываемые Аша'маном Ранда? Ну а пока что Перрин сместился к тайнику, нашел в тюках немного вяленого мяса и вернулся к Гаулу на север.

Когда, устроившись на склоне холма, они с айильцем принялись за еду, Перрин поймал себя на мысли о шипе сновидений. Тот, выключенный по наущению Ланфир, оставался при нем. Фиолетового купола теперь не было, но при желании Перрин мог создать его в любой момент.

Ланфир буквально подарила ему этот предмет. Но зачем? Что все это значит? Почему она поддразнивала Перрина?

Он отгрыз кусок вяленого мяса. Как там Фэйли? Если Тени станет известно, чем она занимается… Вот бы проверить, как у нее дела.

Перрин сделал большой глоток из бурдюка, а затем отправил приветственное послание волкам — свой образ, смешанный с запахом. Здесь, в Порубежье, волков были сотни. Может, и тысячи. Ближайший десяток ответил ему — не словами, но разум Перрина воспринимал эти ответы как слова.

Юный Бык! — откликнулся волк по имени Белоглазый. *Началась Последняя охота. Станешь ли ты нашим вожаком?*

В последнее время Перрин часто слышал этот вопрос, но не знал, как его истолковать.

Зачем вы хотите, чтобы я стал вожаком?

Мы откликнемся на твой зов, ответил Белоглазый. *Ты завоешь, и мы услышим.*

Не понимаю, о чем ты. Разве вы не способны охотиться самостоятельно?

Не на эту добычу, Юный Бык.

Перрин покачал головой. Такой ответ он получал не впервые.

Белоглазый, ты видел Губителя? — отправил он вопрос. *Убийцу волков? Он здесь не объявлялся?*

Перрин задал этот вопрос всем сразу, и некоторые ответили. Да, они знали о Губителе. Его образ и запах передавали от стаи к стае, от волка к волку, как образ и запах Перрина. С недавней поры его никто не видел, но волки воспринимают время по-своему, и Перрин не мог сказать наверняка, сколь она недавняя, эта пора.

Он набил рот вяленым мясом, понял, что тихонько рычит, и подавил этот рык. Он примирился с волком внутри себя, но это не означало, что теперь зверю можно оставлять по всему дому следы грязных лап.

Юный Бык, окликнула его Вертолука, зрелая волчица, возглавлявшая собственную стаю. *Лун-*

ная Охотница снова ходит по снам. Она ищет тебя.

Спасибо, ответил Перрин. *Знаю. Постараюсь ее избегать.*

Избегать луны? Трудное дело, Юный Бык. Непростое.

Это уж точно.

Я только что видел Ловчую Сердец, сообщил Резвый, юный волк с черной шерстью. *У нее новый запах, но она все та же.*

Другие волки ответили согласием. Да, Ловчая Сердец здесь, в волчьем сне. Кто-то видел ее на востоке; другим она встречалась на юге.

Но что насчет Губителя? Где он, если не охотится на волков? — И снова Перрин непроизвольно зарычал.

Ловчая Сердец. Должно быть, это одна из Отрекшихся, хотя Перрин не узнал ее образы в полученных посланиях. Она была древней, как и память волков, но зачастую эти воспоминания — лишь крошечные осколки от фрагментов увиденного их прародителями.

— Какие новости? — спросил Гаул.

— Здесь еще одна из Отрекшихся, — проворчал Перрин. — Обделывает какие-то делишки на востоке.

— Нас это касается?

— Если тут замешаны Отрекшиеся, то это всегда нас касается, — заметил Перрин.

Он встал, тронул Гаула за плечо и перенес обоих в направлении, что указал Резвый. Точное местоположение осталось неизвестным, но, появившись там, Перрин отыскал нескольких волков, которые днем раньше видели Ловчую Сердец, направлявшуюся в Порубежье. Волки с радостью приветствовали Юного Быка и принялись спрашивать, станет ли он их вожаком. Ответив отказом, Перрин стал выяснять, где именно в последний раз заметили Ловчую Сердец. Оказалось, на Поле Меррилор.

Перрин перенесся туда и обнаружил, что по полю стелется странный туман, а над ним величественно возвышаются верхушки громадных деревьев — тех самых, что вырастил Ранд.

Разбросанные повсюду шатры походили на торчащие из земли шляпки грибов. Среди множества айильских палаток тускло светились походные костры. Лагерь айильцев находился здесь достаточно давно, чтобы проявиться в волчьем сне, хотя входные клапаны то и дело меняли положение, а уложенные в скатки постели и тюфяки исчезали, мерцая в нематериальном

мареве этого мира.

Перрин повел было Гаула меж стоявших аккуратными рядами палаток и пустых коновязей, но оба замерли, услышав, как кто-то бормочет себе под нос. Вспомнив о трюке Ланфир, Перрин создал вокруг себя пузырь… какой-то невидимой субстанции — по сути дела, прослойку безвоздушной пустоты, непонятно почему не пропускавшей звук.

Они с Гаулом осторожно подкрались к парусиновой стенке шатра. Судя по знамени над ним, он принадлежал Роделу Итуралде, одному из великих капитанов. Внутри они увидели женщину в штанах, она перебирала лежавшие на столе документы, и те исчезали у нее в руках.

Было в ней что-то до боли знакомое, хотя Перрин не узнал ее, и он никогда не подумал бы, что у Отрекшихся бывает такая внешность: громадный лоб, нос картошкой, жиденькие волосы и неровно посаженные глаза. Женщина бурчала что-то на незнакомом языке, но по тону было ясно, что она сквернословит.

Гаул взглянул на него. Перрин потянулся за молотом, но передумал. Напасть на Губителя — это одно, но теперь, когда перед ним Отрекшаяся… В волчьем сне он умеет противостоять плетениям

и в своих силах уверен, но тем не менее…

Документ, который читала женщина, исчез буквально у нее в руках, и она снова выругалась, после чего подняла голову.

В мгновение ока Перрин создал между собой и Отрекшейся стену толщиной с бумажный лист: одна сторона прозрачная, на другой в точности повторялся ландшафт у Перрина за спиной. Глядя прямо на него и не заметив ничего необычного, женщина отвернулась.

Гаул испустил тишайший вздох облегчения. «Как я это сделал?» — подумал Перрин. Такому он не учился, но воздвиг этот барьер машинально, поскольку так было надо.

Ловчая Сердец — это определенно была она — повела рукой, сделала какое-то движение пальцами, и потолок шатра у нее над головой разошелся надвое. Женщина, поднявшись в воздух, улетела в черное грозовое небо.

— Жди здесь и смотри в оба, — шепнул Гаулу Перрин.

Айилец кивнул. Усилием мысли Перрин оторвался от пола и осторожно последовал за Ловчей Сердец. Он попробовал создать перед собой еще один маскировочный барьер, но сохранять нужный образ в движении оказалось слишком

трудно. Вместо этого Перрин решил держаться поодаль, а преграду между собой и женщиной раскрасил в буро-зеленый цвет, надеясь, что Отрекшаяся, ненароком глянув вниз, не заметит ничего подозрительного.

Она двигалась все быстрее и быстрее. Перрин старался не отставать. Он опустил взгляд, и живот подвело от высоты. Затем стремительно удалявшееся Поле Меррилор потемнело и растворилось в черноте.

Нет, вовсе не из-за того, что Перрина окружили тучи. Они исчезли, когда исчезла земля, и вслед за Отрекшейся Перрин очутился в месте, объятом кромешной тьмой, которую испещряли крапинки света. Женщина, летевшая выше Перрина, остановилась, на несколько мгновений зависла в воздухе, а потом резко устремилась направо.

Перрин последовал за ней, окрасив себя — кожу, одежду, зубы, волосы, ногти — в черный цвет. Женщина остановилась у одной из ярких крапинок, и та выросла до размеров неба.

Ловчая Сердец энергично простерла руки к свету, прижала к нему ладони. Она что-то тихонько приговаривала. Чувствуя, что должен, просто обязан услышать ее слова, Перрин рискнул приблизиться, хотя подозревал, что его выдаст гулкое

сердцебиение.

— …Забрать его у меня? — говорила женщина. — Думаешь, мне есть до этого дело? Дай мне хоть расколотый булыжник вместо лица — какая разница? Это не я! Я займу твое место, Моридин. И оно будет, будет принадлежать мне! А из-за этой образины меня лишь станут недооценивать, только и всего! Чтоб тебе сгореть!

Не понимая, о чем толкует женщина, Перрин наморщил лоб.

— Давайте, бросайте на них свои войска, глупцы! — продолжала та. — Настоящая победа будет за мной. Пусть у насекомого тысяча ног, но голова-то у него одна. Уничтожь голову и выиграешь, а ты лишь обрываешь ему ножки, безмозглый глупец! Тупой, чванливый, несносный болван! Я получу то, что мое по праву! Я…

Она умолкла и резко обернулась. Испуганный Перрин немедленно отправил себя обратно на землю. К счастью, ему это удалось, хотя он не знал, действуют ли там, в том мраке, испещренном крапинками света, законы волчьего сна. Гаул подскочил от неожиданности, а Перрин отдышался и сказал:

— Давай-ка…

Шар ослепительного света врезался в землю

рядом с ним. Перрин выругался, откатился в сторону, остудил себя порывом ветра и вообразил в руке молот.

Неподалеку приземлилась Ловчая Сердец, окруженная энергетической волной такой силы, что от нее дрожал воздух.

— Кто ты? — осведомилась она. — Где ты? Я… — Вдруг ее взор сосредоточился на Перрине. Теперь, когда он уже не был скрыт чернотой, сошедшей с лица и одежды, Ловчая Сердец впервые увидела его целиком.

— Ты! — прошипела она. — Это ты виноват!

Она вскинула руки; глаза ее засветились… нет, ослепительно засияли. Несмотря на порывы ветра, Перрин чуял исходивший от этой женщины запах ненависти. Из ладоней у нее вырвался добела раскаленный луч света, но Перрин велел ему изогнуться и ударить в сторону.

Ловчая Сердец оторопела. Что же они все такие непонятливые? Неужели не понимают? Здесь реально лишь то, что сам считаешь реальным. Перрин исчез, возник за спиной у Отрекшейся, поднимая молот. Но он медлил. Убить женщину?

Она развернулась, завизжала, и земля у него под ногами вспучилась и раскололась. Перрин прыгнул высоко в небо, где его попытался схва-

тить самый воздух, но он успел создать уже знакомый пузырь пустоты. Так что цепкого воздуха там уже не было. Юноша задержал дыхание, снова исчез и появился на земле, где вообразил земляной вал, и тот остановил летевшие в его сторону огненные шары.

— Чтоб ты сдох! — голосила женщина. — Ты и должен был сдохнуть! В полном соответствии с моим безупречным планом!

Перрин снова исчез, оставив на прежнем месте точную копию самого себя, и появился возле палатки, где Гаул с поднятым копьем внимательно следил за происходящим. Перрин выставил стену между ними и женщиной, окрасил ее в маскировочные цвета и создал не пропускающий звуки барьер.

— Теперь она нас не слышит.

— Здесь ты силен, — задумчиво промолвил Гаул. — Очень силен. Известно ли об этом Хранительницам Мудрости?

— По сравнению с ними я щенок, — ответил Перрин.

— Может быть, — не стал спорить Гаул. — Их я здесь не видел, и они не рассказывают нам, мужчинам, об этом месте. — Он покачал головой. — Большую честь ты заслужил, Перрин

Айбара. Большую честь.

— Надо было убить ее, — произнес Перрин, когда Ловчая Сердец разбила его копию и озадаченно уставилась на обломки, после чего лихорадочно завертела головой.

— Да, — согласился Гаул. — Воин, не сразивший Деву, бесчестит ее. Разумеется, чтобы заслужить еще больше чести, ты должен…

Должен взять ее в плен. Но справится ли он? Набрав полную грудь воздуха, Перрин перенесся за спину Отрекшейся и вообразил, как ползучие растения не дают ей сдвинуться с места. Изрыгая проклятия, женщина принялась рассекать путы невидимыми клинками, затем потянулась к Перрину, и тот *сдвинулся* в сторону.

Под ногами хрустнули льдинки, которых он прежде не замечал. Тут же обернувшись на звук, Ловчая Сердец запустила в Перрина новым плетением погибельного огня. «Умно», — подумал Перрин, едва успев отвести смертоносный луч в сторону, и тот прожег сквозную дыру в холме у него за спиной.

Ловчая Сердец оскалилась, скривив мерзкую физиономию, но не перестала творить плетение. Чувствуя, как погибельный огонь изгибается в его сторону, Перрин скрипнул зубами, но удержал

его в узде. Эта женщина и впрямь была незаурядным противником. Она налегала что было сил, но в конце концов отпустила плетение и тяжело выдохнула:

— Как?.. Как ты сумел?..

Перрин наполнил ей рот настоем из корня вилочника. Сделать это было непросто. Вносить изменения напрямую в человеческий образ всегда труднее, чем менять окружающий мир, но все-таки куда легче, чем, к примеру, превратить человека в животное. Ловчая Сердец вскинула руку к губам; ее глаза наполнились паническим ужасом. Она принялась кашлять и отфыркиваться, а затем, вконец отчаявшись, открыла переходные врата для бегства.

Перрин зарычал и вообразил, что к ней тянутся веревки, но женщина уничтожила их плетением Огня — должно быть, настой она уже выплюнула, — после чего метнулась в сторону переходных врат. Перрин *сдвинулся* и возник прямо перед ними, готовый последовать за беглянкой, но замер, увидев по ту сторону переходных врат ночь, а в ночи — гигантскую армию Исчезающих и троллоков, многие из которых жадно смотрели прямо на раскрытые врата.

Он попятился. Ловчая Сердец снова поднесла

руку ко рту и с недоуменным видом выкашляла остатки настоя корня вилочника. Переходные врата сомкнулись.

— Надо было убить ее, — заметила Ланфир.

Она стояла неподалеку со сложенными на груди руками. Ее волосы были уже не серебристыми, а темно-каштановыми, да и лицо изменилось, сделавшись почти таким же, как два года назад, когда Перрин увидел ее впервые.

Он молча сунул молот в петли на ремне.

— Это слабость, Перрин, — продолжила Ланфир. — В свое время слабость Льюса Тэрина казалась мне очаровательной, но от этого она не превратилась в силу. Тебе надо преодолеть ее.

— Преодолею, — сухо произнес Перрин. — Что она делала там, наверху, среди крапинок света?

— Вторгалась в сны, — ответила Ланфир. — Она была здесь во плоти, что дает тут некоторые преимущества, особенно когда играешь с чужими сновидениями. Эта потаскушка… Думает, что в Мире снов она как рыба в воде, но он всегда принадлежал мне. Лучше бы ты убил ее, Перрин.

— Это была Грендаль, верно? — спросил он. — Или Могидин?

— Грендаль, — подтвердила Ланфир. — Хотя мы не должны называть ее этим именем. Ее пе-

реименовали, и теперь она Хессалам.

— Хессалам. — Перрин попробовал незнакомое слово на вкус. — Впервые слышу. Что означает это имя?

— «Та, кому нет прощения».

— А твое новое имя? Как тебя теперь называть?

— Это не важно. — Трудно поверить, но Ланфир покраснела. — В Тел'аран'риоде ты весьма искусен. Гораздо искуснее, чем был Льюс Тэрин. Я всегда считала, что мы с ним будем править вместе, что меня достоин только мужчина, способный направлять Силу, но ты демонстрируешь здесь такую мощь… Пожалуй, я могла бы удовольствоваться ею в качестве замены.

Перрин хмыкнул. В тесном пространстве меж двумя палатками появился Гаул — копье поднято, на лице шуфа, — но Перрин жестом велел ему расслабиться. Во-первых, Ланфир куда лучше — намного лучше — ориентируется в мире волчьего сна, а во-вторых… Пока что она не сделала ничего, что можно было счесть угрозой.

— Если ты следила за мной, — сказал Перрин, — то знаешь, что я женат и вполне доволен своим браком.

— Да, насколько я видела.

— Тогда хватит пялиться на меня, как на говяжий отруб в мясницкой лавке! — прорычал Перрин. — Что здесь делала Грендаль? Чего ей надо?

— Трудно сказать, — беззаботно ответила Ланфир. — Она, как всегда, одновременно проворачивает три-четыре махинации. Не стоит недооценивать ее, Перрин. Она менее искусна, чем другие, но весьма опасна и настроена на драку. В отличие от Могидин, которая сбежит от тебя при первой же возможности.

— Буду иметь это в виду. — Перрин подошел к тому месту, где врата Отрекшейся прочертили полосу в жухлой траве, и поворошил землю носком сапога.

— Знаешь, ты справился бы, — сказала Ланфир.

— С чем? — обернулся он.

— Ты смог бы возвращаться обратно в мир яви и приходить сюда. Без помощи людей вроде Льюса Тэрина.

Перрину не нравилось, как она кривила губы, произнося это имя. Ланфир пыталась скрыть ухмылку, но всякий раз при его упоминании от нее разило ненавистью.

— Я не умею направлять Силу, — сказал Пер-

рин. — Быть может, если вообразить, что я…

— Это не сработает, — перебила его Ланфир. — Независимо от силы разума, здесь имеются свои ограничения. Умение взаимодействовать с Силой относится не к телу, но к душе. Но все же для подобных тебе есть способы перемещаться между мирами во плоти. Как в случае того, кого ты называешь Губителем.

— Он не волчий брат, — возразил Перрин.

— Нет, но между вами есть нечто общее. Честно говоря, не знаю, обладал ли кто-то до него подобными умениями. Темный сделал… что-то с этим Губителем, когда захватил его душу — или, вернее сказать, обе души. Подозреваю, что Семираг могла бы нас просветить. Жаль, что она мертва.

Но жалостью от нее не пахло. Вовсе нет. Ланфир опять взглянула на небо, но теперь спокойно, без тревоги.

— Как вижу, ты уже не боишься, что тебя найдут, — заметил Перрин.

— Мой прежний хозяин… занят. Всю прошедшую неделю, наблюдая за тобой, я редко чувствовала его взгляд.

— Неделю? — изумился Перрин. — Но…

— Время здесь бежит по-своему, — сказала Ланфир, — и его границы истираются. Чем ближе

ты к Скважине, тем сильнее искажается ход времени. С теми, кто приблизится к горе Шайол Гул в реальном мире, произойдет то же самое. Для них пройдет день, а для остальных, кто далеко от них, — три или четыре.

Неделя? О Свет! Сколько же всего произошло в реальном мире?! Кто выжил, а кто погиб во время охотничьей вылазки Перрина? Пожалуй, пора отправляться на площадку для Перемещения и дождаться открытия переходных врат. Но в мире яви, судя по тьме за переходными вратами Грендаль, сейчас ночь, и портал для Перрина появится лишь через несколько часов.

— Ты могла бы создать для меня врата, — сказал он. — Сначала отсюда, потом обратно. Поможешь?

Обдумывая его просьбу, Ланфир коснулась одной из то исчезавших, то появлявшихся палаток, и трепетавшая на ветру парусина исчезла.

— Нет, — наконец ответила она.

— Но…

— Научись проделывать это самостоятельно, раз уж нам суждено быть вместе.

— Мы никогда не будем вместе, — отрезал Перрин.

— Тебе самому необходимо это умение ходить

между мирами, — продолжила Ланфир, не обратив внимания на его слова. — Будучи заперт в одном из миров, ты слаб. Научись приходить сюда по собственному желанию — и обретешь великую власть.

— Плевать мне на власть, Ланфир, — сказал Перрин, глядя, как она прогуливается по лагерю. Да, она красива. Конечно, Фэйли красивее. Но Ланфир тоже ничего.

— Неужели? — обернулась она. — Ты когда-нибудь задумывался о том, что дают сила, могущество, власть?

— Ты не соблазнишь меня…

— Спасти людей? — подхватила она. — Уберечь малышей от голодной смерти? Защитить беспомощных, положить конец злу, вознаградить доблесть? Сделать так, чтобы люди стали прямолинейны и честны друг с другом?

Он помотал головой.

— Ты мог бы сделать столько добрых дел, Перрин Айбара… — Она приблизилась, пальцами коснулась его щеки и провела по бороде.

— Научи меня тому, что умеет Губитель, — отвел ее руку Перрин. — Как он перемещается между мирами?

— Этого я объяснить не могу, — отвернулась

она. — Я не пробовала овладеть этим навыком, поскольку использую иные способы. Быть может, ты сумеешь силой выбить из него этот секрет. Но не стану тебя задерживать. Полагаю, ты хочешь остановить Грендаль.

— Остановить? — переспросил он.

— Ты что, не понял? — снова взглянула на него Ланфир. — Думал, что сон, в который она вторглась, снится кому-то из этого лагеря? Нет, Перрин. Для снов расстояние и пространство не имеют никакого значения. То сновидение, рядом с которым ты ее видел… оно принадлежит Давраму Баширу. Отцу твоей жены.

С этими словами Ланфир исчезла.

Глава 23. На краю времени

Гавин настойчиво потянул Эгвейн за плечо. Что же она сидит как вкопанная? Кем бы ни был этот человек в доспехах из серебряных дисков, он чуял способных направлять женщин. Он выволок Лиане из кромешной тьмы; то же самое может проделать и с Эгвейн. О Свет, именно так он и поступит, как только почувствует ее присутствие.

«Если не пойдет сама, взвалю ее на плечо, — подумал Гавин, — и без разницы, что при этом она поднимет шум. И да поможет мне Свет, ведь нас все равно поймают, если мы не…»

Тот, кто называл себя Бао, сошел с места. Лиане, все еще опутанная тесьмами Воздуха, полетела

за ним. Следом толпой побрели все остальные, оставив позади обугленные останки пленников.

— Эгвейн? — шепнул Гавин.

Она взглянула на него холодно и расчетливо, а затем кивнула. О Свет! Как можно сохранять такое спокойствие, когда даже Гавину пришлось стиснуть зубы из опасения, что они вот-вот заклацают?

Ползком на животе, ногами вперед, они кое-как выбрались из-под телеги. Поднявшись на ноги, Эгвейн бросила взгляд в ту сторону, куда ушли шарцы, и разум Гавина пронзило проникшее через узы ледяное чувство самоконтроля. Оно появилось после того, как Эгвейн услышала имя того человека, и первоначальное сильное потрясение сменилось мрачной решимостью. Что это было за имя? Бэрид… а дальше? Вроде бы Гавин слышал его не впервые.

Ему хотелось лишь одного: вызволить Эгвейн из этой смертельной ловушки. Он накинул ей на плечи плащ Стража и прошептал:

— Лучше всего идти прямо на восток. Мимо трапезной палатки — вернее, ее остатков, — а затем к границе лагеря. Там, где у нас была площадка для Перемещения, поставили караульный пост. Обойдем его с севера.

Эгвейн кивнула.

— Я пойду первым, — продолжил Гавин. — Если что-то замечу, брошу в твою сторону камешек. Прислушивайся, ладно? Сосчитай до двадцати и медленно следуй за мной.

— Но…

— Тебе нельзя идти первой. Вдруг наткнемся на кого-то из тех, кто способен направлять? Впереди должен быть я.

— Хотя бы плащ возьми, — рассердилась Эгвейн.

— Обойдусь, — шепнул Гавин и ускользнул, чтобы избежать дальнейших споров. Однако он успел почувствовать вспышку недовольства и заподозрил, что в будущем ему крепко достанется. Что ж, если они переживут эту ночь, он с радостью примет любой выговор.

Удалившись от девушки на несколько шагов, Гавин надел кольцо Кровавого Ножа. Памятуя слова Лильвин, он заранее активировал эту вещицу своей кровью.

И еще Лильвин говорила, что это кольцо может убить его.

«Ты глупец, Гавин Траканд», — думал он, чувствуя, как по телу распространяется покалывание. До этого он лишь однажды использовал

тер'ангриал, но знал, что его силуэт расплылся, почернел, и случись кому-то посмотреть в его сторону, взгляд человека скользнет мимо него. Лучше всего кольцо действовало в тени, и отрадно было думать, что хотя бы раз эти тучи, заслоняющие свет звезд и луны, принесут пользу.

Гавин осторожно двинулся вперед. Чуть раньше этой ночью, когда Эгвейн спала, а он впервые опробовал кольцо, ему удавалось пройти в считаных шагах от караульных с фонарями в руках. Один посмотрел прямо на Гавина, но не увидел его. Ну а в этой густой темноте он считай что невидимка.

К тому же тер'ангриал позволял ему двигаться быстрее. Перемена была незначительной, но ощутимой, и Гавина подзуживало проверить эту способность в поединке с врагом. Скольких шарцев он мог бы уложить, когда на пальце это кольцо? Дюжину? Две?

«Все закончится тем, что тебя поджарит одна из тех, кто владеет Силой», — сказал себе Гавин. Он поднял с земли несколько камешков, чтобы предупредить Эгвейн, если на пути ему встретятся женщины с татуированными лицами.

Следуя разведанным ранее маршрутом, он обогнул разрушенную палатку, где в прошлом

кормили обитателей лагеря. Но об осторожности забывать нельзя, продолжал напоминать он себе; при первой вылазке пьянящая легкость движений вскружила ему голову.

Не так давно Гавин убеждал себя, что не станет использовать эти кольца, но то было во время битвы, когда он испытывал искушение заслужить громкое имя каким-нибудь подвигом. Теперь все было иначе. Теперь он защищал Эгвейн и мог сделать исключение из любого правила.

Досчитав до двадцати, Эгвейн нырнула во тьму. Скрытность давалась ей труднее, чем Найнив или Перрину, но она была родом из Двуречья. Каждый ребенок в Эмондовом Лугу умел передвигаться по лесу так, чтобы не спугнуть дичь.

Эгвейн сосредоточилась на тропинке, проверяя босыми ногами — обувь она сняла заранее, — нет ли на земле веточек или сухих листьев. Это было ее второй натурой, и ей не приходилось задумываться о каждом шаге — наверное, к несчастью, ведь разум тут же наводнили иные мысли.

Шарцев привел Отрекшийся. По словам этого Бао нетрудно было догадаться, что за ним идет вся эта страна. Так что Шара ничем не лучше Шончан. Даже хуже. Шончан захватывали Айз Седай и использовали их, но они не убивали

обычных людей направо и налево.

Эгвейн должна остаться в живых. Обязана доставить эти сведения в Белую Башню. Айз Седай предстояло сразиться с Демандредом. Да ниспошлет Свет, чтобы как можно больше Айз Седай сумело спастись после недавней битвы.

Почему Демандред послал Лиане за Рандом? Ведь всем известно, где сейчас находится Дракон Возрожденный.

Эгвейн дошла до остатков палатки-столовой, крадучись обогнула ее. Совсем неподалеку переговаривались караульные. Шарская речь такая странно-монотонная, будто эти люди лишены всяких эмоций. Словно… из их говора исчезла музыкальность, которой Эгвейн прежде не замечала, считая ее естественным атрибутом человеческой речи.

Говорили мужчины. Пожалуй, не стоило беспокоиться, что они почувствуют рядом женщину, способную направлять Силу. Однако Демандред отыскал Лиане. Вероятно, с помощью соответствующего тер'ангриала. Такие существуют.

Как бы то ни было, Эгвейн обошла мужчин по широкой дуге и продолжила путь через темное пространство, где еще утром стоял ее лагерь. Она шла мимо упавших палаток, вдыхая запах

тлеющих пожарищ, а когда пересекла тропинку, по которой ходила едва ли не каждый вечер, собирая войсковые донесения, с ужасом задумалась о том, как стремительно власть имущие могут быть низвергнуты со своих высот и что теперь вынуждена тайком пробираться через лагерь, точно какая-то крыса. Теперь, когда Эгвейн не могла коснуться Источника, все изменилось самым радикальным образом.

«В основе моей власти лежит не умение направлять Силу, — сказала она себе, — но самообладание и чуткость, понимание и осторожность. Я непременно сбегу отсюда и буду сражаться дальше».

Она повторяла эти слова, отгоняя чувство жуткой беспомощности и отчаянную жалость к множеству погибших, в то время как между лопатками свербило, будто за ней наблюдали из темноты. О Свет, бедняжка Лиане!..

Что-то стукнуло в землю у ее ног. Камешек, за ним второй и третий. Как видно, Гавин счел, что одного сигнала будет маловато. Эгвейн метнулась к ближайшей палатке, наполовину сгоревшей — остатки парусины болтались на шестах, — и скорчилась в ее тени.

И тут она в свете молнии, вспыхнувшей среди

клубящихся в небе туч, увидела, что в нескольких дюймах от нее лежит почерневший труп. Это был шайнарец, хотя и с эмблемой Белой Башни на рубахе. Одним глазом мертвец смотрел в небо, а другая половина его лица обуглилась до самого черепа.

Впереди замерцал свет. Эгвейн напряженно застыла, глядя на двоих шарцев-дозорных с фонарями в руках. Они, не перемолвившись ни словом, свернули на юг и продолжили обход. Сзади на их доспехах Эгвейн разглядела выгравированные символы, которые очень походили на те татуировки, что она видела чуть раньше. Своей витиеватостью символы наводили ее на мысль, что патрульные имеют весьма невысокий ранг.

Думая об этой системе знаков, Эгвейн поежилась. Татуировку всегда можно изменить, но способов избавиться от нее не существует. По крайней мере, Эгвейн о таких не слышала. Чем причудливее и сложнее татуировка, тем ниже стоял человек на социальной лестнице, а это значило, что впасть в немилость легче легкого, но уже невозможно возвыситься, однажды лишившись высокого положения — или же будучи низкого происхождения.

Эгвейн ощутила за спиной присутствие способ-

ной направлять Силу женщины лишь за миг до того, как щит отсек ее от Источника.

Реакция Эгвейн была молниеносной. Не дав ужасу и панике овладеть собой, она выхватила поясной нож, развернулась и бросилась навстречу женщине, приближение которой почувствовала. Но руку ей крепко сдавило плетением Воздуха, а во рту появился созданный тоже из Воздуха кляп.

Эгвейн пробовала вырваться, но другие плетения подхватили ее, подняли над землей. Нож выпал из сведенных судорогой пальцев.

Неподалеку возникла светящаяся сфера — мягкое голубое свечение, куда тусклее, чем свет фонаря, — созданная стройной темнокожей красавицей с точеным носом и тончайшими чертами лица. Когда женщина выпрямилась, оказалось, что ростом она почти не уступает мужчинам.

— А ты опасный зайчонок, — сказала она.

Понять ее речь было непросто не только из-за монотонного выговора. Многие звуки женщина произносила невнятно, делала в словах неверные ударения. Татуировки, что тянулись от загривка, наползая на щеки, походили на тонкие, изящные ветви. На женщине было одно из тех платьев, напоминающих своей формой колокольчик-ботало,

что вешают на коров, — черное, с белыми плетеными тесьмами, повязанными в пяди от горла.

Она коснулась своей руки — там, куда чуть не угодил нож Эгвейн.

— Да, очень опасный, — произнесла женщина. — Мало кто из Айяд способен так быстро выхватить кинжал, вместо того чтобы обратиться к Источнику. Тебя неплохо обучили.

Эгвейн забилась в путах. Бесполезно. Слишком крепкие. Сердце бешено заколотилось, но паника — скверный помощник, и поэтому Эгвейн приказала себе успокоиться.

«Нет, — подумала она, — паника не спасет меня… Но быть может, предупредит Гавина». Она чувствовала, что он встревожен, находится где-то там, во тьме. Сделав над собой усилие, Эгвейн позволила ужасу захлестнуть ее, для чего ей потребовалось отринуть подготовку Айз Седай. Что оказалось не так-то просто.

— Твоих шагов не слышно, зайчонок, — продолжила женщина из Шары, рассматривая Эгвейн. — Я не сумела бы выследить тебя, если бы уже не знала, что ты крадешься в этом направлении. — Она обошла вокруг девушки, с любопытством ее разглядывая. — Ты досмотрела представление Дивого до конца, верно? Отважно.

Или глупо.

Закрыв глаза, Эгвейн сосредоточилась на чувстве ужаса и бесконечной паники, призванном дать сигнал Гавину. Она нащупала плотный клубок эмоций, спрятанный в самой глубине души, — страх, что она снова попадет в шончанский плен.

Шею обхватил *ай'дам*. Она чувствовала его. В памяти всплыло, как ее называли. Тули. Кличка домашнего животного.

Тогда Эгвейн была моложе, но такой же беспомощной, как сейчас. Все повторится. Она станет никем. У нее отберут собственное «я». Лучше умереть. Ох, Свет! Почему она не умерла? Ведь она поклялась, что не позволит снова взять себя в плен…

Ужас вырвался на волю, и Эгвейн часто задышала.

— Ну-ну, тише, тише, — сказала шаранка. Похоже, происходившее ее веселило, хотя с этим их монотонным говором было трудно разобрать эмоции. — Все не так уж плохо, так ведь? А теперь мне надо решить — что для меня выгоднее. Отдать тебя ему или оставить себе? Хм…

В дальней части лагеря — там, куда ушел Демандред, — вздыбилась волна Силы. Кто-то

создавал мощное плетение. Женщина глянула в ту сторону, но без опаски.

Эгвейн чувствовала, как приближается Гавин. Он был крайне обеспокоен. Всплеск эмоций Эгвейн сделал то, что должен был сделать, но Гавин двигался недостаточно быстро и находился дальше, чем она предполагала. Почему? Что случилось? Теперь, когда Эгвейн отдалась во власть чувств, ею овладел ритмичный пульс тревоги.

— Твой мужчина… — сказала шарка. — У тебя есть один из тех… Как же таких называют?.. Надеяться, что тебя защитит мужчина, — не странно ли это? Впрочем, мне говорили, что в этих землях ваш потенциал никогда не раскрывается полностью. Твоему мужчине конец, его схватят. Я уже послала за ним.

Именно этого и боялась Эгвейн. О Свет! Она подставила Гавина. Привела свои войска к сокрушительному поражению. Эгвейн крепко зажмурилась. Из-за нее падет Белая Башня.

Убьют ее родителей. Двуречье погибнет в огне…

Ведь она была недостаточно сильна.

Была недостаточно сообразительна.

«Нет!»

Шончан не сломили ее. Не сломят и шарцы.

Разомкнув веки, Эгвейн твердо посмотрела в глаза своей мучительнице, освещенной тускло-голубым сиянием. Девушка обуздала и умерила свои чувства и вернулась к спокойствию Айз Седай.

— Ты… необычная. Отличаешься от других, — прошептала шарка, не в силах отвести взгляд.

Словно зачарованная, она смотрела на Эгвейн и не заметила, как у нее за спиной шевельнулась тень. Эта тень не могла быть Гавином, поскольку тот был еще далеко.

Что-то тяжелое обрушилось сзади на голову женщины. Она обмякла и упала ничком. Светящаяся сфера тут же померкла, путы исчезли, и Эгвейн, упав на землю, нащупала в траве свой нож.

Тень приблизилась. Подняв нож, Эгвейн приготовилась обнять Истинный Источник. Пусть это привлечет внимание — ну и что? Она не позволит, чтобы ее вновь взяли в плен.

Но кто же это?

— Не шуми, — промолвила тень.

Эгвейн узнала голос:

— Лильвин?!

— Другие почувствовали, как она направляет Силу, — продолжила Лильвин. — И скоро придут

узнать, что происходит. Надо уходить!

— Ты спасла меня, — прошептала Эгвейн. — Ты меня вызволила!

— Я серьезно отношусь к своим клятвам, — ответила Лильвин и потом еле слышно добавила: — Быть может, слишком серьезно. Эта ночь полна самых жутких знамений…

Они бросились бежать, и вскоре Эгвейн почувствовала, что ее Страж где-то поблизости. Она тщетно поискала его взглядом в темноте и наконец шепнула:

— Гавин?

Внезапно он возник совсем рядом.

— Эгвейн? Кого ты нашла?

Лильвин словно одеревенела, затем негромко зашипела сквозь стиснутые зубы. Что-то сильно ее огорчило. Должно быть, она терпеть не могла, когда кто-то к ней подкрадывается. Если так, Эгвейн разделяла ее чувства. Девушка гордилась своими способностями, но теперь ее застали врасплох — сперва та способная направлять женщина из Шары, а потом еще и Гавин! Как этому городскому мальчишке удалось подойти к ней незамеченным?

— Никого, — прошептала она. — Это Лильвин меня нашла… и спасла от верной гибели.

— Лильвин? — спросил Гавин, вглядываясь в темноту.

Эгвейн почувствовала его удивление. И недоверие.

— Нам нужно уходить, — повторила шончанка.

— Бесспорно, — согласился Гавин. — Еще немного — и мы выберемся из лагеря, хотя советую держаться чуть севернее. Справа я оставил несколько трупов.

— Трупов? — переспросила Лильвин.

— На меня накинулось полдюжины шарцев, — подтвердил Гавин.

«Полдюжины?» — мысленно повторила Эгвейн. Он произнес это слово так, будто бой с шестью противниками — плевое дело.

Ладно, не время и не место спорить, решила Эгвейн, и они с Гавином последовали за Лильвин. Она и повела их. Опасаясь, что убитых обнаружат, Эгвейн вздрагивала от малейшего шума и доносившихся из лагеря окриков и чуть не подскочила до небес, затянутых грозовыми тучами, когда из темноты спросили:

— Вы ли это?

— Мы, Байл, — тихо ответила Лильвин.

— Ты что, нашла ее?! — изумился Байл Домон. —

Клянусь своей престарелой бабулей! Женщина, ты не перестаешь меня удивлять! — Он помолчал. — Но все же зря ты не взяла меня с собой.

— Ты смел и крепок телом, муж мой, — шепнула в ответ Лильвин, — и любая была бы счастлива видеть тебя на своем корабле. Но шума ты издаешь не меньше, чем медведь, переходящий через реку.

Домон хмыкнул, но присоединился к ним, и все четверо, стараясь идти как можно тише, направились к границе лагеря. Десятью минутами позже Эгвейн рискнула обнять Источник и, купаясь в сиянии Силы, открыла переходные врата для Скольжения, которые и вывели их в Белую Башню.

Вместе с одноплеменниками Авиенда скользнула в переходные врата, и в Такан'дар, словно вода в паводок, хлынуло войско Айил — двумя волнами с противоположных концов долины.

Копья у Авиенды не было. Здесь ему не место. Вместо этого Авиенда сама стала копьем.

К ней присоединились двое мужчин в черных мундирах, пять Хранительниц Мудрости, женщина по имени Аливия и десять присягнувших Ранду Айз Седай со своими Стражами. Никто из них, кроме Аливии, не был рад, что отрядом

командует Авиенда. Аша'манам не нравилось подчиняться женщине, Хранительницы Мудрости вообще не любили выполнять распоряжения Ранда, а Айз Седай по-прежнему относились к способным направлять Силу айилкам как к тем, кто стоит ниже их. Однако оспаривать приказ Дракона Возрожденного никто не рискнул.

Когда выпала спокойная минутка, Ранд шепнул Авиенде, чтобы та остерегалась приспешников Темного — не из пустых опасений, но потому, что он был реалистом и понимал, что тени могут прокрасться куда угодно.

В долине хватало троллоков и мурддраалов, но они не ожидали нападения. Воспользовавшись их растерянностью, Айил устроили резню. Авиенда повела свой отряд к кузне — массивному зданию под серой крышей, и кузнецы Тени в легком намеке на смятение отвлеклись от извечной работы.

Одного Авиенда сразила плетением Огня. Голова молотобойца отделилась от плеч, а тело обратилось в хрупкий пористый камень, который сразу стал осыпаться.

Это послужило сигналом для других владеющих Силой, и по всей долине загремели взрывы, уничтожающие кузнецов Тени. Говорили, что

если раздразнить такого кузнеца, то он выкажет себя опаснейшим воином, поскольку меч не берет его толстую кожу. Не исключено, что слухи не имели под собой оснований, поскольку мало кому из Айил доводилось вступать в танец с копьями против подобных существ.

Авиенде не особо хотелось выяснять, правда это или вымысел. Вместе со своим отрядом она разделалась с первой группой кузнецов, стараясь не задумываться о том, сколько смертей и бед принесли эти твари за всю их противоестественную жизнь.

Отродья Тени пытались организовать оборону. Мурддраалы пронзительно вопили и подхлестывали своих троллоков, понуждая их контратаковать широкий фронт Айил. Проще было бы остановить реку пучком хворостинок. Айил не сбавили темпа, и те порождения Тени, что пытались оказать сопротивление, гибли на месте, зачастую пронзенные сразу несколькими копьями или стрелами.

Троллоки в своем большинстве дрогнули и ринулись прочь, подальше от айильских боевых кличей. Тем временем Авиенда и ее отряд добрались до кузнечных горнов, близ которых стояли загоны, полные чумазых пленников, с

безжизненными глазами ожидавших смерти.

— Быстрее! — скомандовала Авиенда сопровождавшим ее Стражам, и те принялись взламывать клетки, в то время как остальные атаковали последних кузнецов Тени. Умирая — обращаясь в камень и осыпаясь в пыль, — те роняли на скалы недоделанные такан'дарские клинки.

Авиенда бросила взгляд вверх и направо — туда, где длинная тропинка змеей вилась к зеву пещеры в склоне горы, вершина которой едва не касалась грозовых туч. Темное, почти черное устье походило на ловушку, готовую навечно захлопнуться, как только в нее проникнет свет.

Авиенда сплела вместе Огонь и Дух, потом подбросила плетение к небу. Мгновением позже на тропе, ведущей к Шайол Гул, открылись переходные врата. Из них выступили четверо. Женщина в голубом платье, невысокая ростом, но наделенная невероятной силой воли. Пожилой седовласый мужчина в разноцветном плаще. Брюнетка в желтом, чьи коротко стриженные волосы украшало множество драгоценных камней, оправленных в золото.

И рослый парень с волосами цвета жарких углей и в красной с золотом богатой куртке, надетой поверх простой двуреченской рубахи. Кем он был

и кем он стал… Его прошлое и настоящее слились воедино. Подобно шайнарцам, молодой мужчина имел при себе два меча. Первый, висевший за спиной, выглядел так, будто был сделан из стекла, а второй клинок — тот, что на поясе, — когда-то принадлежал Древоубийце, королю Ламану. Его парень взял с собой ради Авиенды. Глупец…

Авиенда подняла руку, приветствуя его, и он ответил тем же. Если он потерпит неудачу или Авиенда погибнет в бою, этот жест станет их последним прощанием. Бросив на Ранда последний взгляд, девушка сосредоточилась на своей задаче.

Две Айз Седай из ее отряда, вступив между собой в соединение, создали переходные врата, чтобы Стражи переправили освобожденных узников в безопасное место. Многих приходилось уводить силой. Они шли, едва переставляя ноги, и во взгляде у них было не больше жизни, чем в глазах молотобойцев Тени.

— Кузню тоже проверьте, — велела Авиенда, и несколько Стражей со своими Айз Седай бросились выполнять приказ. Чуть позже здание содрогнулось от плетений Единой Силы. По всей видимости, в нем тоже обнаружились кузнецы Тени, и двое Аша’манов поспешили отправиться

на подмогу.

Авиенда обвела поле битвы зорким взглядом. Сражение принимало скверный оборот; у выхода из долины скопилось немало отродий Тени, и им хватило времени подготовиться и выстроиться к бою. За Айил следовали войска Итуралде, закрепляясь на очищенной от врага местности.

«Терпение», — напомнила себе Авиенда. Ее задача — не рваться в битву, а прикрывать Ранда, пока он будет подниматься на гору и потом, когда он войдет в Бездну Рока.

Авиенде не давала покоя одна мысль. Не смогут ли Отрекшиеся Переместиться непосредственно в саму пещеру? Ранда это, похоже, не волновало, но все его внимание занимала предстоящая схватка. Может, надо догнать его и…

Но почему так темно? Авиенда, сдвинув брови, посмотрела вверх, где высоко в беспокойных небесах, среди грозовых туч, местами угольно-черных, местами ослепительно-белых, сияло солнце, но теперь его внезапно затмило не облако, а нечто плотное и черное — так, будто встала на место последняя деталь головоломки.

Авиенде стало зябко, и она поняла, что дрожит. Свет ускользнул и померк, и землю накрыло истинной тьмой.

По всему полю боя солдаты — кто с благоговением, кто с ужасом — поднимали глаза к небу. Свет исчез. Миру пришел конец.

На дальнем конце обширной долины вдруг начали направлять Силу. Авиенда встрепенулась, приходя в себя, и развернулась. Вокруг не осталось ничего, кроме мертвых тел, изорванных одежд и оброненных мечей. Бой теперь шел вдалеке, у входа в ущелье, где Айил пытались вытеснить отродий Тени из долины.

Трудно было разглядеть хоть что-то в этой тьме, но Авиенда знала, что солдаты смотрят в небо. Даже троллоков, похоже, охватил благоговейный трепет. Но тут черное нечто в небесах пришло в движение, открыв взорам краешек солнца, а затем все солнце целиком. О Свет, значит, это еще не конец.

Битва у входа в долину возобновилась, но явно шла куда труднее прежнего. Принудить троллоков к отступлению в такое узкое ущелье — все равно что пропихнуть коня сквозь трещинку в стене. Невозможно, пока не возьмешься за нож.

— Туда! — Авиенда указала вглубь долины, позади айильских рядов. — Чувствую, Силу там направляет женщина!

— О Свет, она невероятно сильна… — выдох-

нула Несан.

— Круг! — выкрикнула Авиенда. — Быстрее!

Остальные объединились в круг, передав контроль над ним Авиенде, и девушку переполнила невероятная мощь. Она словно сделала вдох, а легкие расширились до бесконечности, и у нее появилась возможность вбирать все больше и больше воздуха. Едва не искрясь от энергии, Авиенда превратилась в грозу, в бескрайний океан Единой Силы.

Она простерла руки вперед, в сторону врага, и отправила туда грубое, наполовину сформированное плетение из Воздуха и Огня, ведь придать форму такому грандиозному объему Силы почти невозможно. С пальцев Авиенды сорвалась колонна густого, как жидкость, пламени толщиной с человека, стоящего с разведенными руками. Это не был погибельный огонь, ведь Авиенда куда умнее и так не поступит, но огненный луч сосредоточил в себе уничтожение и смерть.

Он пронесся над полем сражения, оплавляя каменистую почву, поджигая трупы. Громадное облако тумана с шипением исчезло и сотряслась земля, когда огненный столб врезался в склон долины, откуда владевшая Силой женщина — Авиенда предположила, что это одна из Отрек-

шихся, судя по ее мощи, — наносила удары по арьергарду Айил.

Когда Авиенда отпустила плетение, вся ее кожа покрылась испариной. Там, куда ударил луч, поднимался к небу чадящий столб черного дыма. По склону струился расплавленный камень. Авиенда замерла, насторожилась, стала ждать, и переполнявшая ее Единая Сила… напряглась?.. словно пытаясь покинуть ее. Не потому ли, что часть энергии, что она использовала, поступила от мужчин? В прошлом Авиенде не доводилось чувствовать, как Сила будто стремится уничтожить ее.

Ждать пришлось недолго. Предупреждением послужил краткий, но невероятно мощный всплеск Силы на той стороне долины, а за ним сразу последовал чудовищный порыв ветра.

Авиенда рассекла его надвое невидимой прядью размером с исполинское лесное дерево и ответила еще одним огненным лучом, на сей раз более оформленным. Нет, она не станет рисковать и создавать погибельный огонь. Ранд предупреждал ее. Применив такое плетение, можно расширить Скважину, разорвать структуру реальности в том месте, где эта перепонка уже истончилась.

Но Отрекшаяся себя не сдерживала. Следующим ее плетением стал добела раскаленный луч, едва не угодивший в Авиенду. Он пронзил воздух в пальце от ее головы и ударил в стену кузни за спиной. Погибельный огонь с легкостью рассек кирпичи и каменную кладку, отделив немалый кусок стены, и здание с грохотом обвалилось, превратившись в бесформенную груду.

«Туда ему и дорога», — подумала Авиенда, а сама распласталась на земле, остальным же приказала:

— Рассредоточьтесь! Не делайте из себя удобную мишень!

Первым своим плетением девушка взбаламутила воздух, создав перед своим отрядом бурю из пыли и каменных осколков, а вторым, не дающим противнику определить, что она удерживает Единую Силу, замаскировала и спрятала себя от врага. Потом, пригнувшись пониже, она юркнула за ближайшее укрытие — груду шлака и обломков железа, ожидавших плавильной печи.

Снова ударил погибельный огонь — туда, где только что была Авиенда, — и пронзил камень с легкостью копья, пробивающего дыню. Спутники Авиенды укрылись кто где, не переставая наполнять ее головокружительной мощью.

Авиенда прикинула, откуда прилетел погибельный огонь.

— Готовьтесь пойти за мной, — бросила Авиенда остальным и создала переходные врата, ведущие туда, где был источник вражеского плетения. — Как войдете, сразу прячьтесь!

С этими словами она бросилась во врата, чувствуя, как по всему телу укрощенной грозой бурлит Единая Сила, и под шелест юбок приземлилась на горном склоне, откуда открывался вид на поле боя. Внизу мужчины и Девы сражались с троллоками. Со стороны казалось, что Айил сдерживают напор черного прилива.

Авиенда окинула происходящее беглым взглядом и, не тратя даром времени, взрыла почву примитивным плетением Земли, после чего подбросила в воздух обломок скалы размером с лошадь. Мгновением позже в каменную глыбу ударил направленный в девушку луч погибельного огня.

Это плетение — все равно что острейшее копье в руках бывалого воина. Иногда оно прошивает насквозь, но при попадании в отдельный объект — каким может быть, например, и человек — тот вспыхивает и от него ничего не остается. Погибельный огонь, вспыхнув на миг, выжег

валун из ткани существования, оставив от него лишь тускло светящиеся пылинки, да и те вскоре развеялись. За спиной у Авиенды мужчины и женщины — весь ее круг — выскочили из проема переходных врат и залегли за камнями.

Она едва успела заметить, что скалы поблизости покрываются трещинами, за которыми нет ничего, кроме черной пустоты. Когда перед глазами померк след от ослепительного луча, Авиенда сплела столб жгучего огня, и на сей раз он угодил в человеческую плоть, уничтожив меднокожую стройную женщину в красном платье. Две ее спутницы с руганью отползли в сторону, и Авиенда ударила по ним новой огненной колонной.

Одна из женщин — та, что посильнее, — создала контрплетение, да так сноровисто и быстро, что Авиенда почти ничего не разглядела. Оно столкнулось с огненным столбом, и результатом этого столкновения стал взрыв, породивший облако раскаленного пара. Огонь Авиенды погас, а сама она охнула, на время утратив зрение.

Ею овладели боевые инстинкты. Невидимая за обжигающим облаком, девушка упала на колени и сразу откатилась вбок, одновременно подхватив пригоршню камней и отшвырнув их в сторону, отвлекая внимание врага.

Маневр увенчался успехом. Сморгнув слезы, Авиенда увидела, как туда, где упали камешки, ударил жаркий белый луч. Те покрывшие скалу черные трещины стали длиннее.

Плетением Воздуха Авиенда развеяла клубы пара. Глаза по-прежнему слезились, но теперь на фоне скалы четко проступили две черные фигуры. Не разгибаясь, одна из женщин повернула голову, разглядела очередное плетение Авиенды, охнула… а затем попросту исчезла.

Переходных врат она не открывала. Женщина как будто бы свернулась, съежилась, уменьшившись в размерах до полного исчезновения. Что страннее всего, Авиенда не почувствовала, чтобы та направляла Силу. Зато девушка ощутила что-то иное — слабое, легкое… нечто. Какую-то дрожь в воздухе, но природа этой дрожи осталась для нее загадкой.

— Нет! — крикнула вторая женщина. В слезившихся глазах она казалась мутным пятном. — Не надо…

Зрение Авиенды прояснилось настолько, что она различила черты вытянутого лица, обрамленного черными волосами, а затем в женщину ударило плетение, и ее конечности отделились от тела. Прежде чем упасть, обугленная рука опи-

сала в воздухе дугу из завитков черного дыма.

Авиенда закашлялась, затем отпустила круг. С трудом поднявшись на ноги, она крикнула:

— Исцеление!

Первой к ней подбежала Бера Харкин, и от целительного плетения Авиенду пробрал озноб. Тяжело дыша, она чувствовала, как покрасневшая кожа и обожженные глаза возвращаются к привычному состоянию, и, наконец, с благодарностью кивнула Бере, которую теперь видела четко и ясно.

Тем временем Сарен — Айз Седай с миндалевидным лицом и многочисленными темными косичками — в сопровождении своего Стража, по имени Витальен, приблизилась к женщинам, убитым Авиендой и покачала головой:

— Духара и Фалион. Они стали Повелительницами ужаса.

— А что, есть разница между ними и Черной Айя? — спросила Эмис.

— Разумеется, — ответила Сарен, являя собой само спокойствие.

Остальные по-прежнему удерживали Силу, ожидая новой атаки, но Авиенда предполагала, что ее не будет. Та женщина, третья и самая сильная, охнула от изумления, и сбежала так, будто

ее охватил панический испуг. Должно быть, не ожидала, что почти сразу встретит настолько могучее сопротивление.

— Жаль, мы не взяли их живыми, чтобы допросить. — Носком туфли Сарен поддела руку, в прошлом принадлежавшую Фалион. — Наверняка узнали бы имя третьей. Она кому-нибудь знакома?

Члены отряда отрицательно покачали головами.

— Некоторым Черным сестрам удалось сбежать, но она не из Черной Айя. — Сарен взяла Стража за руку. — У нее примечательное лицо. Уродливое, как гнилая луковица. Я непременно вспомнила бы ее.

— Она сильна, — сказала Авиенда. — Очень сильна.

В своей догадке она не сомневалась: то определенно была Отрекшаяся, но точно не Могидин, и описанию Грендаль она тоже не соответствовала.

— Разделимся на три круга, — продолжила Авиенда. — Один возглавит Бера, два других — я и Эмис. Да, теперь круг не ограничен тринадцатью участниками, но незачем тратить силы. Чтобы убить врага, мне не нужна такая мощь. Один

круг атакует троллоков у подножия этого склона. Остальные спрячутся поблизости и будут наблюдать, не направляя Силу. Так мы приманим ту, третью. Она решит, что мы по-прежнему действуем в одном большом кругу. Как объявится, ударим по ней с флангов.

Эмис улыбнулась, узнав в этом плане базовую тактику Дев, применяемую при набегах. Теперь, уже не злясь на Ранда и его самонадеянную наглость, она вполне охотно следовала приказаниям. Более того, Эмис и другие Хранительницы Мудрости поглядывали на Авиенду с гордостью в глазах.

Когда отряд разделился на три группы, Авиенда почувствовала, что на поле боя появились новые владеющие Силой. Кадсуане и те, кто последовал за ней, решили, что приказы Ранда их не касаются. Они вступили в битву, а еще одна группа Айз Седай и Аша'манов открыла несколько переходных врат, впуская в долину доманийские и тайренские войска.

С таким числом тех, кто применяет Силу, засечь и поразить Отрекшуюся будет весьма непросто.

— Надо выделить место под площадки для Перемещения, — сказала Авиенда, — и распределить, кто и где будет направлять Силу. Так мы не

упустим эту страхолюдину, когда она даст о себе знать. — Она потерла лоб. — Да, похоже, работа будет нелегкой…

Эмис улыбнулась шире прежнего. «Теперь ты за главную, — казалось, говорила эта улыбка, — так что терпи головную боль, свойственную всем вождям».

Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, повернулся, оставив Авиенду и Итуралде готовиться к сражению. Ему предстояла совсем другая битва.

Наконец-то пробил его час.

У подножия Шайол Гул Ранд поднял глаза на черное устье пещеры в горном склоне, единственный путь в Бездну Рока. Морейн запахнула трепетавшую на ветру шаль, отороченную голубой бахромой.

— Помни: это не Скважина и это не узилище Темного. Это лишь место, где его прикосновение чувствуется в мире сильнее всего. Здесь хозяйничает он, и только он.

— Нет такого места, где не чувствуется его прикосновение, — возразил Ранд. — В той или иной степени.

— Ну а здесь — в наибольшей.

Ранд кивнул и коснулся кинжала у себя на поясе.

— Не направляйте Силу, пока не придет время нанести удар непосредственно по Темному. По возможности мне хотелось бы избежать битвы вроде той, что была при очищении саидин. Для грядущего противостояния потребуются все мои силы.

Найнив кивнула. Ее желтое платье — на родине в Двуречье о таком красивом наряде она и мечтать не могла — украшали ангриалы и тер'ангриалы в виде ювелирных изделий. Без косы, с волосами до плеч, она выглядела для Ранда совершенно непривычно. Она казалась старше. Так не должно быть, ведь в Двуречье именно коса — это символ зрелого возраста. Почему же без нее Найнив выглядит куда как старше?

Приблизившись к Ранду, Том покосился на черную дыру в горном склоне:

— Пожалуй, с тобой я не пойду.

Морейн взглянула на него и поджала губы.

— Кто-то должен охранять вход в пещеру, жена моя, — объяснил Том. — С уступа — вон того, справа, — открывается прекрасный вид на поле боя. Буду следить за битвой внизу. Может, заодно сочиню парочку красивых баллад.

В глазах у него загорелась смешинка, и Ранд улыбнулся. Даже здесь, на краю времени, Том

Меррилин все-таки нашел повод для шутки.

Над головой кружили черные тучи, и центром их коловращения была вершина горы Шайол Гул. Тьма наползла на солнце и поглотила его совсем. И оно исчезло — так, будто его и не было.

Воины Ранда остановились, в ужасе уставившись на небо, и даже троллоки, прекратив сражаться, зарычали и заухали. Но когда солнце мало-помалу вырвалось из плена, свирепая битва в долине возобновилась. Ею Ранд недвусмысленно заявлял о своих намерениях, но кинжал должен был оградить его от взгляда Темного. Если будет на то воля Света, военачальники Тени сосредоточатся на сражении в долине, полагая, что Ранд, лишь дождавшись его исхода, намерен нанести свой удар.

— Ну что, пора? — спросила Найнив, глядя на узкую каменистую тропу, что поднималась к пещере.

Ранд кивнул и двинулся первым. Поднявшийся ветер безжалостно трепал одежду всей четверки. Свой наряд Ранд выбрал не случайно. Красная куртка — с вышитыми на рукавах ветвями шиповника с длинными шипами и золотыми цаплями на воротнике, — в точности повторяла одну из тех, которые Морейн велела передать ему

в Фал Дара. Белая рубаха, со шнуровкой спереди, была сшита в Двуречье. За спиной у Ранда висел Калландор, у бедра — меч Ламана… Давно уже Ранд не надевал такого наряда, но сегодня счел его вполне уместным.

Ветер хлестал его, угрожая сбросить с высоты, но Ранд неуклонно взбирался по крутому склону, стиснув зубы, чтобы не застонать от боли в боку. Ход времени здесь как будто изменился, и, выбравшись на плоскую площадку у входа в пещеру, Ранд чувствовал себя так, словно шагал пешком несколько дней кряду. Повернувшись и опершись рукой о камень, обрамлявший разверстое устье мрака, он окинул взглядом долину Такан'дар.

Его войско казалось таким скудным, таким малочисленным… Сумеют ли эти люди продержаться сколько потребуется?

— Ранд… — взяла его за руку Найнив. — Пожалуй, тебе стоит отдохнуть.

Проследив за ее взглядом, Ранд понял, что она смотрит на его бок, где вновь открылась старая рана. В сапоге стало мокро от стекавшей по ноге крови, а когда Ранд сделал шаг, на камне остался кровавый отпечаток.

«Кровь Дракона пятнает скалу Шайол Гул…»

Найнив вскинула ладонь к губам.

— Так и должно быть, Найнив, — сказал Ранд. — Этого не остановить. В пророчестве ничего не говорится о том, останусь ли я жив. Всегда находил это странным. А ты? Почему там говорится о крови, но не о том, что будет потом? — Он покачал головой, а затем достал из ножен Калландор. — Морейн, Найнив… Не одолжите ли свою силу, соединившись со мною в круг?

— Хочешь, одна из нас будет ведущей? — нерешительно спросила Морейн. — Чтобы ты мог пользоваться Силой без опасности для себя?

— Безопасности я не ищу, — сказал Ранд. — В круг, пожалуйста.

Женщины переглянулись. Пока возглавлять круг будет Ранд, враг может нанести удар и взять его под контроль. Очевидно, эта просьба пришлась им не по нраву. Ранд не знал, стоит ли ему радоваться, что эти двое начали ладить друг с другом. Быть может, правильнее беспокоиться, что они объединят усилия в пику его намерениям.

То была мысль, свойственная прежним дням, простым и легким. Ранд криво усмехнулся, зная, что улыбка не нашла отражения в его глазах. Морейн и Найнив напитали его своей силой, и Ранд принял ее. Том поцеловал Морейн, а затем все

взоры обратились ко входу в пещеру. Та уходила вниз, к основанию горы и к огненной бездне, к тому месту, которое в этом мире находилось ближе всего к обиталищу Темного.

Вход в пещеру скрадывала тень, отброшенная Рандом в лучах вновь вышедшего солнца. Ветер подталкивал его, а ногу грела его собственная кровь.

«Я не выйду отсюда живым», — подумал он.

Но теперь ему было все равно. С недавних пор выживание не входило в его планы.

Он хотел сделать все как надо. Он должен сделать все как надо. Верно ли выбрано время? В достаточной ли мере продуман план?

— ПОРА. ДА СВЕРШИТСЯ ТО, ЧЕМУ СУЖДЕНО СВЕРШИТЬСЯ!

Голос прозвучал с неумолимостью землетрясения, и Ранд почувствовал, как от этих слов завибрировало все его существо. Это были не просто колебания воздуха, а нечто большее. Слова прозвучали так, будто одна душа бросила вызов другой. Морейн ахнула, широко раскрыв глаза.

Ранд не удивился. Однажды он уже слышал этот голос, а теперь понял, что ждал его. По крайней мере, надеялся его услышать.

— Спасибо, — прошептал он и шагнул вперед,

во владения Темного, оставляя за собой кровавый след.

Глава 24. Пренебречь знамениями

Фортуона, императрица Шончанской империи, смотрела, как ее муж отдает приказы войскам. Те выстроились перед дворцом в Эбу Дар, а сама Фортуона расположилась на искусно сработанном переносном троне, оснащенном шестами по бокам, благодаря чему для его перемещения хватало дюжины солдат.

Трон не только подчеркивал величие императрицы, но и создавал иллюзию неподвижности. Убийца предположит, что в этих официальных

шелках и в платье, пышный подол которого накрывает мостовую, Фортуона не способна на резкие и стремительные движения, — и тогда его ждет сюрприз, поскольку облачение специально создано так, чтобы от него можно было освободиться в любой момент.

— Он изменился, Величайшая, — сказал ей Беслан. — Но в то же время остался прежним, и я уже не знаю, как к нему относиться.

— Он — то, что прислало нам само Колесо, — ответила Фортуона. — Ты уже решил, что будешь делать?

Беслан упрямо смотрел вперед. Он был горяч и порывист; бывало, он шел на поводу у чувств — довольно часто, но не чаще прочих алтарцев. Они подвержены страстям, но теперь, после надлежащего приручения, этот страстный народ превосходно дополняет империю.

— Я поступлю так, как мне посоветуют, — наконец ответил он, покраснев.

— Разумно, — похвалила его Фортуона.

— Да пребудет трон во веки вечные, — добавил Беслан. — И да продлится столько же ваше дыхание, Величайшая.

И он с поклоном удалился — исполнять положенное. Фортуона отправлялась на войну, и

управлять этими землями надлежало Беслану. Он же рвался в битву, но теперь все-таки понял, что должен остаться здесь.

Глядя ему вслед, Селусия одобрительно кивнула и сказала на языке жестов: «Он учится сдерживать себя, и его ценность возрастает».

Фортуона не ответила. В жестах Селусии имелся подтекст, который Фортуона упустила бы, не будь они давно знакомы. Беслан-то учится, но вот остальные…

Стоявший среди шончанских военачальников Мэтрим вдруг разразился бранью. Фортуона не слышала, о чем те говорили, поэтому так и не поняла, что вывело его из себя. Не зря ли она впряглась в это брачное ярмо?

«Я следовала знамениям», — подумала Фортуона.

Она заметила, как он бросил взгляд в ее сторону, после чего ругань возобновилась. Да, в нем непременно нужно воспитать сдержанность, но вот наставлять его… Это будет ох как непросто.

Гораздо труднее, чем в случае с Бесланом. По крайней мере, Селусия не высказала свое неодобрение вслух. Теперь она была Говорящей Правду при императрице, хотя Фортуона чувствовала, что эти обязанности ей в тягость. Селусия пред-

почла бы остаться Глашатаем императрицы. Быть может, знамения укажут на кого-то другого, подходящего для этой должности?

«Мы и правда станем подчиняться его приказам?» — прожестикулировала Селусия.

«Мир погрузился в хаос», — уклончиво отозвалась Фортуона тем же манером. В тот момент ей не хотелось отвечать напрямик. Селусия поймет, что имеется в виду.

Обычно при упоминании императрицы шончан добавляют: «Да живет она вечно». Для некоторых эти слова — банальная присказка или просто ритуальное выражение преданности, но Фортуона всегда воспринимала их как нечто большее. В этой фразе заключена сила империи. Чтобы выжить, императрица должна быть сильной, хитрой, искусной, ведь только достойнейшим даруется право воссесть на Хрустальный трон. Если кто-то из ее братьев, сестер или верховных Высокородных вроде Галгана сумеет убить ее, эта смерть пойдет на пользу империи, доказав, что Фортуона была слишком слаба для своей роли.

Да живет она вечно. Пусть ей достанет сил, чтобы жить вечно. Да будет она сильна, чтобы вести к новым победам. Она непременно принесет порядок в этот мир. Таково ее предназначение.

Расхаживая перед собравшимися войсками, Мэтрим прошелся в десяти шагах от Фортуоны. На нем была форма верховного генерала империи, но носил он ее без должного почтения, постоянно цепляясь палтронами то за одно, то за другое. Предполагалось, что парадный наряд высших военачальников придаст ему властности, а выверенные колыхания складок ткани подчеркнут изящество движений. Однако Мэтрим больше походил на задрапированную в шелка скаковую лошадь, выведенную на бега. Да, ему присуща грация, но не та, которую ожидаешь увидеть при имперском дворе.

За ним следовали военачальники более низшего ранга. Высокородных Мэтрим приводил в замешательство, выбивал их из привычной колеи, и это неплохо, но его импульсивность и постоянные выпады в адрес признанных авторитетов несли с собой неразбериху и сумятицу. Фортуона же олицетворяла закон и порядок, и она выбрала в мужья вот это воплощение хаоса. О чем она только думала?

— Но как насчет Морского народа, высочайший? — спросил, догнав Мэта, генерал Йулан.

— Да забудьте про растреклятый Морской народ, — отрезал Мэтрим. — Помянешь его снова

— и я подвешу тебя за ногти ног к одному из этих ваших летающих *ракенов*, а потом отправлю его прямиком в Шару!

— Высочайший, я… — озадаченно произнес Йулан, но осекся, когда Мэт завопил во всю глотку:

— Савара, да-да, ты, тупое козлиное отродье! Ты что, совсем идиотка? Первыми ставим пикинеров, а не кавалерию, и плевать мне на твое мнение! Любой конник уверен, что справится с боевой задачей лучше пехоты, но это не так! Кто ты вообще, благородная леди Тира? Продолжай в том же духе — и я наделю тебя этим почетным званием!

С этими словами Мэтрим стрелой подлетел к темнокожей Саваре — та с недовольной гримасой на лице сидела верхом, сложив руки на груди, — а вконец растерявшийся Йулан забормотал себе под нос так тихо, что Фортуона едва расслышала его слова:

— За ногти ног? Как это? Вряд ли такое возможно. Они же не выдержат вес человеческого тела!

Покачивая головой, он отошел в сторону.

«Внимание, Галган уже близко», — показала стоявшая рядом Селусия, и Фортуона собралась с духом.

На подъехавшем капитан-генерале была не

форма наподобие Мэтовой, а доспехи черного цвета, и Галган носил их со всем возможным достоинством. Этот человек-гора был ценнейшим инструментом Фортуоны и ее опаснейшим соперником — впрочем, как и любой, кому случилось бы оказаться на его месте. Так устроена — и должна быть устроена — жизнь при императорском дворе.

Мэтрим никогда не станет соперничать с Фортуоной, и она до сих пор не понимала, как к этому относиться. Отчасти — но с этим «отчасти» нельзя не считаться — она понимала, что именно по этой причине его следует если не убить, то бросить в тюрьму. Кто, как не Принц воронов, обязан держать императрицу в тонусе, беспрестанно представляя для нее смертельную опасность? *«Са'рабат шайкен най батайн пиаст»*. Тем изобретательней женщина, чем острее нож у ее горла. Так говаривала Варуота, прапрапрабабка Фортуоны.

Но убивать Мэтрима ей очень не хотелось — да она и не могла этого сделать, не зачав от него ребенка, поскольку нельзя пренебрегать знамениями.

Какой же он необычный… Нередко Фортуона думала, что предугадывает его следующий шаг,

но всякий раз ошибалась.

— Мы почти готовы, Величайшая, — доложил Галган.

— Принц воронов недоволен задержкой, — заметила Фортуона. — Он опасается, что мы слишком поздно вступим в битву.

— Если у Принца воронов имеется реальный опыт в управлении войсками на поле сражения, — произнес Галган тоном человека, которому не верится в сказанное, — он непременно поймет, что выступление в поход армии такого размера требует немалых усилий.

Пока не объявился Мэтрим, Галган был самым высокопоставленным Высокородным в этих землях — разумеется, за исключением Фортуоны — и теперь опасался, что его отодвинут на второй план. Тем не менее он продолжал командовать ее армиями, и Фортуона намеревалась сохранить за ним пост главнокомандующего. Сегодня утром Галган спросил у Мэта, каким образом тот предпочел бы собрать войска. Мэт воспринял его вопрос как руководство к действию, и теперь Принц воронов расхаживал среди военачальников, раздавая приказы, но не командуя армией — вернее, командуя ею не в полной мере, поскольку Галган мог бы остановить его единственным словом.

Но этого не случилось. По всей очевидности, Галгану хотелось изучить, как Мэтрим справится с командованием. Капитан-генерал внимательно следил за соперником, прищурив глаза и не до конца понимая, какое место в командной иерархии занимает Принц воронов. Однако и сама Фортуона еще не определилась, каким будет ее решение в отношении Мэтрима.

Из-под пыли, растревоженной порывом ветра, выглянул маленький череп какого-то грызуна. Еще одно знамение. С недавних пор ими наполнена вся жизнь Фортуоны.

Понятное дело, этот череп предвещает опасность. Такое чувство, будто Фортуона пробирается через высокую траву, где рыщут голодные *лопары*, а под ногами сплошь ловчие ямы для тех, кто не смотрит под ноги. Дракон Возрожденный преклонил колени перед Хрустальным троном, и это сопровождалось цветением персиковых деревьев — самым сильным из известных Фортуоне знамений.

Мимо маршировали войска, офицеры выкрикивали приказы в такт с топотом солдатских сапог, которому словно бы вторили вопли ракенов. Теперь, когда войска Фортуоны уйдут на непонятную войну в малознакомых краях, эти ее

владения останутся практически беззащитными, а управлять ими останется чужеземец, совсем недавно признавший власть империи.

Все изменилось раз и навсегда. Решения Фортуоны способны положить конец ее правлению, да и всей империи. Но этого Мэтрим не понимал.

«Призови моего консорта», — велела она, постучав по подлокотнику трона. Селусия огласила ее приказ посыльному, и вскоре верхом на своем коне подъехал Мэт. Фортуона предлагала подарить ему нового скакуна, какого он сам выберет, однако Мэт отказался, и не без причины. В лошадях он разбирался получше главного императорского конюшего. Но Типун… Что за дурацкая кличка!

Фортуона встала, и тотчас все ее ближайшее окружение склонило голову. Галган спешился и опустился на колени. Все прочие распростерлись ниц на земле. Поднявшись на ноги, императрица провозглашала волю Хрустального трона.

— Кровь и пепел! — воскликнул Мэтрим. — Снова поклоны? Вам что, делать больше нечего? Если сами не соображаете, могу подкинуть десяток вариантов!

Краем глаза Фортуона заметила, что Галган улыбается — будто знает, что сейчас произойдет.

Но он ошибался.

— Нарекаю тебя Кнотай, поскольку ты несешь погибель врагам империи. И пусть только этим именем тебя называют отныне и впредь, Кнотай. Сим объявляю, что в войсках империи Принц воронов Кнотай возводится в ранг Жезлоносца. Да будет мое волеизъявление донесено до всех и каждого.

Жезлоносец. Галган уже не улыбался. Случись ему пасть в бою, командование перейдет к Мэтриму. Теперь он будет вынужден постоянно озираться, чтобы консорт императрицы не перешагнул через него.

Фортуона опустилась на трон.

— Кнотай?! — переспросил Кнотай.

Она прожгла его взглядом. «Придержи язык. Хотя бы разок, — мысленно обратилась она к нему. — Очень прошу».

— Вообще-то, мне нравится. — Кнотай развернул коня и был таков.

Галган вернулся в седло.

— Пора бы ему научиться преклонять колени, — пробурчал он, после чего ударил коня каблуками и ускакал прочь.

Дерзость обдуманная, преднамеренная, но едва заметная. Слова Галгана не были адресованы

Фортуоне. Он как бы размышлял вслух, а чуть раньше защитил себя, назвав ее Величайшей.

Но этой малости было достаточно, чтобы Селусия негромко зарычала и вопросительно изогнула пальцы.

«Нет, — ответила жестом Фортуона. — Он нам нужен».

И снова от Кнотая, как видно, ускользнул смысл ее поступка, равно как и риски, ему сопутствующие. Отныне Галгану придется обсуждать с Принцем воронов план любой битвы. Жезлоносец получит доступ на любые совещания, поскольку в любой момент должен быть готов принять командование на себя. Галган будет вынужден прислушиваться к его советам и воплощать их в жизнь.

Фортуона делала ставку на своего принца, надеясь, что в бою он снова проявит неожиданную гениальность, столь впечатлившую Фурика Карида.

«Смелое решение, — сказала Селусия. — Но что, если он не справится?»

«Мы справимся, — ответила Фортуона. — Ведь это Последняя битва».

Сам Узор привел Кнотая к ней — буквально впихнул ее в его объятия. Дракон Возрожденный

увидел истину и озвучил ее, ведь при всей иллюзии порядка правление Фортуоны походило на тяжелый камень, балансирующий на микроскопической выпуклости. Императрица пыталась навести порядок в землях, не приученных к дисциплине, и это отнимало у нее все силы. Чтобы устранить этот хаос, требовалось пойти на самый серьезный риск.

Она надеялась, что Селусия разделяет эту точку зрения и не станет публично осуждать императрицу. Фортуоне и впрямь требовалось найти нового Глашатая или назначить на должность Говорящей Правду кого-то еще. При дворе уже перешептывались, что негоже одному человеку занимать обе должности, а это…

Вдруг она увидела, что Кнотай, придерживая шляпу, мчится обратно.

— Туон!

«Неужели ему так трудно запомнить правильное имя?» — спросила Селусия, заламывая пальцы так, что Фортуона практически услышала ее тяжелый вздох.

— Можешь приблизиться, Кнотай, — разрешила она.

— Вот и славно, чтоб мне сгореть, — сказал Кнотай, — поскольку я уже приблизился. Туон, пора

выступать. Прямо сейчас. Только что вернулись разведчики. Армия Эгвейн попала в беду!

Подъехавший вслед за ним Йулан спешился и растянулся на земле.

— Встань, — велела Фортуона. — Это правда?

— Армия *марат'дамани* потерпела тяжелое поражение, — подтвердил Йулан. — Небесные Кулаки вернулись с подробным донесением: войска этой самой Амерлин рассеяны и спешно отступают.

Галган остановился неподалеку, чтобы выслушать гонца — несомненно, с такой же вестью, — после чего взглянул на императрицу.

— Надо прикрыть отступление Эгвейн, — сказал Кнотай. — Понятия не имею, кто такой «Жезлоносец», но, судя по тому, как все реагируют, кажется, теперь я командую твоей армией.

— Нет, — ответила Фортуона. — Ты третий. После меня и после Галгана.

— Тогда прикажи немедленно выступать, — не унимался Кнотай. — Прямо сейчас! Иначе враг растопчет Эгвейн и всю ее армию!

— Сколько там марат'дамани? — спросила Фортуона.

— Мы следили за этой армией, — сказал Йулан. — Их там сотни. Все, что остались в Белой

Башне. Они выбились из сил, спасаясь от нового войска; кто они такие — установить не удалось.

— Туон… — предупредил Кнотай.

Все изменилось раз и навсегда. Вот что значило Драконово знамение. Фортуона могла бы одним махом захватить всех дамани. Сотни и сотни. С такой армией она сокрушила бы всякое противодействие своему правлению в Шончан.

Но теперь началась Последняя битва, и от решений императрицы зависела судьба всего мира. Что правильнее — поддержать тех марат'дамани в их отчаянной борьбе здесь или, пользуясь случаем, вернуться в Шончан, отвоевать власть и упрочить свое положение там, а затем сокрушить троллоков, да и саму Тень, всей мощью империи?

— Ты дала слово, — тихо напомнил Кнотай.

— Я подписала договор, — возразила она. — Любой договор может быть нарушен. В особенности императрицей.

— Некоторые императрицы на такое способны, — согласился Кнотай. — Но не ты. Верно? О Свет, Туон… Ты же слово ему дала!

В одной руке порядок, нечто знакомое, нечто измеримое, а в другой хаос. Хаос, обретший обличье одноглазого мужчины, лично знавшего

Артура Ястребиное Крыло…

Разве не она только что сказала Селусии, что делает на него ставку?

— Императрицу не ограничивают слова, написанные на бумаге, — изрекла Фортуона, — однако… в нынешнем случае причина, по которой я подписала договор, остается в силе. Мы искореним Тень, и мы защитим этот мир в темнейшие из дней. Генерал Галган, ты отправишь наши войска на защиту этих марат'дамани, ибо в борьбе с Тенью нам потребуется их помощь.

— Вот и славно, — расслабился Кнотай. — Йулан, Галган — айда планировать! И пошлите за этой вашей Тайли. Проклятье! По-моему, она здесь единственный треклятый генерал с головой на плечах. И еще…

Не умолкая, он поехал раздавать приказы, хотя это оставалось прерогативой Галгана. Тот, не сходя с коня, с непроницаемым лицом смотрел на императрицу. Должно быть, считал все это чудовищной ошибкой, но… Знамения были на ее стороне.

Давно уж висели над головой эти страшные черные тучи, и Лан невероятно устал каждодневно смотреть, как они, уходя в бесконечность, застилают собой все небо, и слушать, как за этой

пеленой, будто в брюхе голодного зверя, урчит гром.

— Сегодня они вроде как еще ниже, — сказал Андер, чей конь шел рядом с Мандарбом, — и молнии бьют прямо в землю. Не каждый день такое увидишь.

Лан кивнул. Андер был прав: небо выглядело хуже прежнего. Но это ничего не меняло. Место для битвы Агельмар выбрал рядом с бурной рекой, рассчитывая, что ее воды защитят его армию на западном фланге. На близлежащих холмах расположились лучники, а на одной из вершин ждали Лан и Андер.

Там, впереди, собирались перед атакой троллоки. Скоро они будут здесь. Чуть ближе, в низинах, Агельмар разместил тяжелую конницу для фланговых ударов, а позади холмов — легкую кавалерию, чтобы та в нужный момент прикрыла отступление бронированных всадников. Агельмар не уставал ворчать из-за отсутствия пикинеров, хотя удачному отступлению в первую очередь способствовало то, что армию не обременяла пехота.

«Если в этом отступлении вообще был толк», — мрачно думал Лан, глядя на бескрайнее море троллоков. Его отряды сражались осмотрительно,

разменивая тысячу своих на десятки тысяч врагов; Шайнар пылал, лишая троллоков провианта и замедляя продвижение, но все это, похоже, не имело никакого значения.

Люди проигрывали битву. Да, они задержали троллоков, но ненадолго — и не сказать, что успешно. Уже скоро их окружат и уничтожат. Помощи ждать неоткуда, ведь войскам Илэйн тоже приходится несладко.

Небо потемнело. Лан вскинул голову. Извечные тучи приобрели еще более зловещий вид, и земля погрузилась в густой сумрак.

— Чтоб его! — воскликнул Андер. Он тоже смотрел в небо. — Неужто Темный ухитрился каким-то образом пожрать само солнце? Вроде бы середина дня, а в бой придется идти с фонарями!

Лан коснулся нагрудника, под которым у самого сердца хранилось письмо Найнив. «О Свет! Пусть ее битва пройдет лучше, чем моя». Чуть раньше в этот день Найнив и Ранд отправились в саму Бездну Рока.

По всему полю боя владеющие Силой мужчины и женщины, усталые и измотанные, перестав смотреть в жуткое черное небо, зажгли огни — пусть тусклые, но уже хоть что-то. Затем, однако, тьма отступила, и вернулся дневной свет, хотя

небо по-прежнему затягивали тучи.

— Соберите Верховную гвардию Малкир, — распорядился Лан.

Так называли себя те воины, что защищали его в бою. Именно так в Малкир издревле именовались королевские телохранители, сражавшиеся вместе с ним в битвах. Лан до сих пор не определился, как ему относиться к тому факту, что одним из его гвардейцев считал себя принц Кайзель, который, вообще-то, был из Кандора.

В жилах многих из тех, кто, назвавшись малкири, последовал за Ланом, текло совсем немного истинно малкирской крови, но они почли за честь примкнуть именно к нему. Но вот принц — это совсем иное дело. Лан уже обращался к Кайзелю и к его людям с вопросом, стоит ли им присягать чужому королю, пусть даже и дружественному, и получил единственный ответ: «Дай Шан, в этой войне Малкир представляет все Пограничные земли».

Неподалеку сверкнула молния, и раскат грома молотом ударил Лану в грудь. Мандарб едва заметно вздрогнул. Конь уже попривык к подобным звукам. Собралась Верховная гвардия; Андер поднял знамя Лана и установил древко в специальное гнездо на седле, освобождая руки

для боевой работы.

В соответствии с полученными от Агельмара приказами отряд Лана должен был оказаться на острие атаки. Как только начнется наступление троллоков, тяжелая кавалерия зайдет с флангов, чтобы сломить натиск исчадий Тьмы, а Лан и его люди ударят им в лоб.

Лана это вполне устраивало, и Агельмар понимал: что-что, а оберегать Дай Шана не требуется. Отряд Лана остановит троллоков на подходе к холмам, связав их боем по центру позиции, и лучники несколькими залпами накроют их задние ряды. Подкрепление по большей части останется в резерве, чтобы помешать врагу обойти правый фланг, а протекающая слева река будет для троллоков естественной преградой. Неплохой план, хотя при столь неблагоприятном соотношении сил любой план трудно назвать неплохим. Тем не менее, по мнению Лана, ошибок Агельмар не допустил. С недавних пор он сетовал на скверные сны о битвах и смерти, но, принимая во внимание текущие события, Лана сильнее обеспокоило бы отсутствие подобных сновидений.

Троллочья масса пришла в движение.

— Вперед! — скомандовал Лан, когда к раскатам грома в небесах добавился звук сигнальных

горнов.

Верхом на Лунной Тени Илэйн ехала вдоль передовой близ стен Кайриэна. Армия выстроилась в соответствии с приказами Башира, но на душе у королевы было неспокойно.

Они успели. Скорым маршем прошли вверх по реке, вдоль дороги, и заняли позиции у города, опередив армию троллоков. Илэйн расположила войска лицом к армии, идущей с севера, а отряд лучников с несколькими драконами оставила у реки, чтобы не дать троллокам навести там переправу. Когда сдерживать их станет невозможно, эти бойцы должны будут быстро отступить к северу.

Разбить орду, идущую на Кэймлин, а затем ту, что подоспеет с тыла. Таков их единственный шанс. Женщины Родни выбились из сил, открывая множество переходных врат для войск Илэйн, и это значило, что в сражении от них не будет никакого толку. В лучшем случае они сумеют создавать маленькие переходные врата, через которые удастся отправлять раненых в Майен, в тамошний лазарет для Исцеления.

Войско Илэйн слегка превосходило армию Тени числом, но ее бойцов изнурил стремительный марш-бросок. Несмотря на волнение перед бит-

вой, многие из рядовых дремали, опершись на копья, а у тех, кто стоял прямо, глаза покраснели от недосыпа. Зато у них имелись драконы Алудры, и этого преимущества должно было хватить для победы.

Прошлой ночью Илэйн тоже было не до сна: не желая произносить бессмысленных речей, она подбирала слова, способные воодушевить солдат перед битвой. Но что можно сказать, когда конец уже близок?

Она остановила Лунную Тень перед строем андорских воинов. Благодаря соответствующим плетениям слова Илэйн разнесутся надо всей армией. Не без удивления девушка заметила, что кое-кто из айильцев подходит ближе, чтобы услышать ее слова. Она и подумать не могла, что им будет дело до речей мокроземской королевы.

Она приготовилась говорить, и тут наступила тьма.

Илэйн обмерла и с ужасом посмотрела в небеса. Тучи над головой немного расступились — так нередко проявляли себя узы, связывающие ее с Драконом, — и поэтому Илэйн ожидала, что бой пройдет при свете ясного дня.

Солнце находилось на прежнем месте, но теперь его заслонило нечто плотное и непрони-

цаемо-черное.

Поглощенные тьмой бойцы армии Илэйн поднимали взоры к небу и указывали пальцами на невиданное затмение. О Свет! При таких обстоятельствах трудно сдержать нервную дрожь.

По шеренгам прокатились возгласы тревоги и стоны отчаяния. Кто-то причитал. Собрав волю в кулак, Илэйн направила Лунную Тень вперед.

— Здесь и сейчас, — объявила она, усилив голос Единой Силой так, чтобы его слышали все без исключения, — я должна пообещать вам победу. Сказать, что жизнь продолжается, что эти земли станут такими же, как прежде. Здесь и сейчас я должна пообещать, что вернется свет, что воскреснет надежда и что мы увидим новый день.

Она помолчала. За спиной у армии на стенах Кайриэна собрались его жители — старики, женщины и дети, вооруженные домашними ножами и кухонной посудой, которая полетит на головы троллоков, случись им разбить армию Илэйн и подойти к городу. Организовывать оборону не было времени; в столичном гарнизоне насчитывалось совсем немного солдат, и теперь они, съежившись от страха, смотрели, как тьма пожирает небо.

Безопасность за этими стенами была обманчи-

вой: что толку в укреплениях, если у врага есть Повелители ужаса? Первую троллочью армию требовалось разбить быстро и не прячась; если сражение затянется, с юга подойдет еще более многочисленное вражеское войско.

— Я должна вселить в вас уверенность! — выкрикнула Илэйн. — Но не могу! Я не стану говорить, что мир выживет, а Свет одержит победу над Тенью! Сказать такое — значит снять с себя ответственность! Сегодня прольется наша кровь. Таков наш долг, ведь мы здесь для того, чтобы сражаться! А если не выстоим, мир погибнет и Свет падет перед Тенью. Сегодня не тот день, когда уместны пустые обещания. Наша кровь пылает жарким огнем. И наша кровь и этот огонь помогут нам победить Тень!

Развернув свою лошадь, девушка сплела высоко над головой световую сферу, чтобы привлечь внимание солдат, и те стали отводить глаза от затмения.

— Наша кровь — это вместилище нашей страсти! — громогласно продолжила Илэйн. — Частенько я слышу, как в моей армии говорят о сопротивлении. Но простого сопротивления мало! Надо показать им наш гнев, нашу ярость, нашу ненависть к тому, что они сотворили с

нашей землей. Сегодня мы будем не сопротивляться, но уничтожать! Наша кровь окропит родную землю, что принадлежит нам по праву, и мы отвоюем ее! Отвоюем — ради наших отцов и матерей, ради наших детей! Наша кровь — это наша жизнь, и мы готовы отдать ее за правое дело. Другие наши армии отступают, но мы не отступим, и наша кровь прольется в атаке. О нет, мы не будем стоять на месте! Если хотим, чтобы стало светлее, надо вернуть себе Свет! Мы должны взять его силой оружия, изгнав Тень прочь! Желая победить еще до начала битвы, Темный пытается наполнить наши сердца отчаянием. Ну уж нет! Мы не дадим ему такого удовольствия! Разбив первую армию, за ней мы уничтожим вторую, после чего предложим нашу кровь — нашу жизнь, наш огонь, нашу страсть — тем, кто бьется на других полях сражений. Именно здесь, на этой земле, будет положено начало победному торжеству Света!

Честно говоря, Илэйн не знала, какого отклика ожидать на речь, произнесенную на поле боя. В юности она не раз читала знаменитые напутствия — в особенности принадлежавшие королевам Андора, — воображая, как солдаты встречают их рукоплесканиями и ликующими

возгласами. Примерно так же, как приветствуют менестреля в шумной таверне.

Но вместо этого воины воздели оружие. Обнажили мечи, подняли копья, стукнули древками о землю. Со стороны айильцев донеслись какие-то возгласы и выкрики, но андорцы молчали, торжественно глядя на свою королеву. Не радость дали им слова Илэйн, но искреннюю и благородную решимость. Забыв о темноте в небе, солдаты обратили взоры в будущее.

Ведя свою лошадь под уздцы, подошла Бергитте:

— Неплохо сказано, Илэйн. Когда ты успела изменить речь?

Илэйн покраснела, вспомнив, как тщательно готовила и заучивала слова, а затем не меньше полудюжины раз репетировала ее перед Бергитте. Та речь, изобиловавшая множеством отсылок к высказываниям прежних королев Андора, была произведением искусства.

Но как только наступила тьма, Илэйн напрочь забыла все заготовленные фразы и выпалила первое, что пришло на ум.

— Да ладно тебе. — Оглянувшись, она увидела, что армия троллоков уже на подходе. — Мне пора занять свое место.

— Занять свое место? — переспросила Бергитте. — Хочешь сказать — вернуться в штабную палатку?

— Не пойду я ни в какую палатку! — сказала Илэйн, разворачивая Лунную Тень.

— Как это не пойдешь?! Кровь и пепел! Я…

— Бергитте! — перебила ее Илэйн. — Я твой командир, а ты мой солдат. Изволь выполнять приказы.

Бергитте вздрогнула, будто ее ударили по лицу.

— В штабе пусть работает Башир, — продолжила Илэйн. — В нашей армии я — одна из немногих, кто способен направлять Силу, и пусть меня выпотрошат и четвертуют, если я стану отсиживаться в тылу. Ведь на этом поле боя я сильнее тысячи солдат!

— Но дети…

— Даже если бы не видение Мин, я все равно не отступилась бы. Думаешь, дети этих солдат ничем не рискуют? Многие из них стоят на стенах этого города! Если мы проиграем, их перережут — всех до единого! Нет, я не собираюсь бежать в безопасное место, и я не буду сидеть и ждать у моря погоды. Если ты думаешь, будто твой долг как моего Стража — остановить меня, то я, будь

оно все проклято, разорву наши узы прямо здесь и сейчас, а потом отправлю тебя к кому-нибудь другому! И я не собираюсь всю Последнюю битву валяться на кушетке, попивая козье молоко!

Бергитте молчала. Через узы Илэйн почувствовала, что Страж шокирована ее тирадой.

— О Свет! — наконец вымолвила Бергитте. — Останавливать тебя я не стану, но хотя бы дай слово, что не полезешь под первые залпы стрел. Ты принесешь больше пользы, укрепляя ослабленные ряды.

Следом за Бергитте и ее охраной Илэйн подъехала к склону холма близ расположения драконов. Талманес, Алудра и команды драконириров ждали боя с нетерпением, превосходившим азарт прочих отрядов. Они тоже устали, но в лесных боях и при отступлении им так и не выпало случая блеснуть своей разрушительной мощью. Ничего, скоро наступит их час.

План Башира был не проще других тактических замыслов, знакомых Илэйн. Основная часть армии расположилась за развалинами Слободы, почти что в миле к северу от городских стен. Боевые порядки протянулись на восток от Алгуэньи, вдоль косогора, спускавшегося к дороге, что вела по равнине в сторону Джангайских ворот до

самых руин квартала иллюминаторов.

По фронту войск Илэйн полумесяцем выстроилась пехота — по большей части андорцы и кайриэнцы, но также гэалданцы и белоплащники. На макушку холма позади них закатили шесть драконьих отрядов.

Троллоки не смогут подойти к городу, не разгромив эту армию. Один ее фланг прикрывал Истин с конницей Отряда Красной руки, а на другой поставили Крылатую гвардию Майена. Остальную кавалерию держали в резерве.

Илэйн терпеливо ждала, наблюдая, как войско троллоков готовится к атаке. Больше всего она опасалась, что северная троллочья армия попросту дождется южной, и обе ударят одновременно. К счастью, этого не случилось. По всей очевидности, троллокам было приказано взять город, и они собирались именно так и поступить.

Разведчики Башира сообщали, что вторая армия находится в полутора днях пути от Кайриэна и, если поспешит, будет здесь завтра после полудня. К тому времени армия Илэйн обязана была разгромить северное войско.

«Ну же, давайте, — подумала Илэйн. — Начинайте!»

Троллоки наконец-то двинулись вперед. Ил-

эйн и Башир надеялись, что те применят свою обычную тактику — действовать грубой силой, используя свое подавляющее численное преимущество. Сегодня они и впрямь устремились к городу всей толпой, явно намереваясь смять защитников и посеять хаос в их рядах.

Войска Илэйн не дрогнули и не двинулись с места, прекрасно понимая, что будет дальше. Выплевывая в небо клубы белого дыма, загрохотали драконы — каждый как бесчисленное множество молотов, разом опустившихся на гигантскую наковальню. Даже находясь от них в доброй сотне шагов, Илэйн хотелось заткнуть уши.

После нескольких недолетов драконiры под началом Алудры поправили прицел, и драконьи яйца стали прорежать вражеские ряды, подбрасывая троллоков в воздух. Землю, забрызганную темно-красным, усеяли тысячи ошметков мертвых тел, и Илэйн впервые устрашилась собственного оружия.

«О Свет, Бергитте с самого начала была права», — подумала она, представляя, каково это, идти на штурм укреплений под огнем драконов. Обычно на войне человек мог полагаться по крайней мере на одно: что он превзойдет врага умением. Один меч против другого, но теперь…

Даже на троллоков больно смотреть. Что же будет, если такая мощь обрушится на человеческую армию?

«Такого мы не допустим. Обязаны не допустить», — сказала себе Илэйн. Не зря же Ранд навязал всем этот свой мирный договор.

Драконiров обучили на славу, и быстрота перезарядки впечатляла. Прежде чем троллоки добрались до передних рядов пехоты, орудия успели сделать три залпа. За перестрелкой лучников Илэйн не следила, поскольку сосредоточила внимание на драконах, но все же заметила, что некоторые из ее солдат падали и истекали кровью, сраженные стрелами с черным оперением.

Троллоки врезались в первые ряды арбалетчиков и пикинеров, уже отступавших, чтобы освободить место для солдат, вооруженных алебардами. Мечом и булавой против троллоков старались не пользоваться — по крайней мере, в пешем строю.

— Пора, — сказала Илэйн и направила Лунную Тень вперед.

Бергитте последовала за ней. Илэйн чувствовала ее нежелание и вынужденное смирение. Вдвоем они спустились с холма, миновав строй резервных отрядов, и вступили в битву.

Родел Итуралде уже забыл, каково это — иметь в своем распоряжении адекватные ресурсы.

Немало воды утекло с тех пор, как он командовал легионами бойцов и полноценными знаменами лучников. В кои-то веки его люди не голодали, а целители, кузнецы и мастера по изготовлению стрел еженощно приводили в порядок оружие и самих солдат. Как же чудесно, когда просишь о чем угодно, о любой диковинке — и ее находят и доставляют, зачастую не позднее чем какой-то час спустя!

И все равно бой будет проигран. Против его войск сражалось бесчисленное множество врагов, десятки Повелителей ужаса и даже кто-то из Отрекшихся. Итуралде привел свое войско в эту долину, из которой не было выхода, и захватил жемчужину земель Темного — его любимую скамеечку для ног, черную гору. А тут еще и само солнце исчезло, хотя Айз Седай говорили, что это временно.

Попыхивая трубкой, Итуралде ехал вдоль кряжа, окаймлявшего долину с севера. Да, он проиграет. Но с такими ресурсами он проиграет красиво.

Он не останавливался, покуда не достиг выступа над входом в Такан'дар. Долина в самом сердце

Проклятых земель простиралась с востока, где находилось означенное ущелье, к западу, где высилась гора Шайол Гул. На восточные скалы можно было попасть после нескольких часов тяжелого и опасного восхождения — или просто шагнуть через переходные врата. Удобно, ничего не скажешь. Идеальное место для наблюдения за обороной.

К Шайол Гул вел длинный и узкий каньон, до верха которого с восточной стороны добраться было возможно только через переходные врата. Именно таким способом Итуралде оказался наверху. И теперь он смотрел вниз, на ущелье — идеальное бутылочное горлышко шириной с полсотни человек, если выстроить их плечом к плечу. И здесь, на склонах, он мог еще разместить лучников, чтобы расстреливали всех, кто рискнет войти в каньон.

Будто капля расплавленной стали, солнце наконец прожгло застилавшую его тьму. Стало быть, Айз Седай не ошиблись, хотя темные грозовые тучи вновь закружили вокруг пика Шайол Гул, будто желая поглотить все небо.

Здесь, в сердце Проклятых земель, воздух был настолько холоден, что Итуралде надел шерстяной зимний плащ, и при каждом выдохе перед

собой видел белое облачко пара. Над долиной клубился туман, хотя не такой густой, как во время работы кузнечных горнов.

Покинув устье каньона, Итуралде вернулся к своим спутникам. Ищущие Ветер и другие высокопоставленные представители Морского народа ждали его в длинных стеганках, которые выменяли у кого-то — разумеется, не без выгоды для себя — перед тем, как отправиться на север. Из-под стеганок выглядывали яркие наряды. Они, как и многочисленные украшения на лицах, разительно контрастировали с бурым цветом верхней одежды.

Итуралде был доманийцем. Вести дела с Морским народом ему доводилось чаще, чем хотелось бы, и если в битве они окажутся хотя бы вполовину так искусны, как в переговорах, он будет просто счастлив иметь их в своем распоряжении. Они тоже пожелали подняться на горный кряж, чтобы осмотреть долину и ущелье с высоты птичьего полета.

Впереди стояла сама Госпожа Кораблей, Зайда дин Парид Черное Крыло, невысокая темнокожая женщина с седыми прядями в коротких черных волосах.

— Ищущие Ветер передают тебе весть, Родел

Итуралде, — сказала она. — Атака началась.

— Атака?

— Несущий Бури. — Она подняла глаза к небу, где бурлили, погромыхивая, темные тучи. — Отец Штормов. Он бы уничтожил тебя силой своего гнева.

— Но ваши люди с этим справятся, верно?

— Ищущие Ветер уже противостоят ему, благодаря могуществу Чаши Ветров, — ответила Зайда. — Не будь это так, нас уже уничтожили бы его ураганы.

Она, как и многие ее спутники, продолжала разглядывать небо. Если не считать Ищущих Ветер, в армии Итуралде Морской народ был представлен лишь сотней человек. Почти все остальные служили в обозе, доставляя стрелы, провиант и прочие припасы на все четыре поля сражения. Похоже, особый интерес они проявляли к паровым фургонам, хотя Итуралде понять не мог почему, ведь подобное транспортное средство не могло соперничать с доброй упряжкой лошадей.

— Буря в ответ на бурю, противостояние с самим Темным, — промолвила Зайда. — Мы будем воспевать этот день. — Она снова взглянула на Итуралде и строго добавила, словно делая ему выговор: — Ты должен защитить Корамура.

— Я выполню свой долг, — отозвался Итуралде, продолжив путь, — а вы не забудьте о своем.

— Эта сделка заключена давным-давно, Родел Итуралде, — бросила Зайда ему вослед.

Он кивнул, шагая обратно вдоль кряжа. По пути дозорные приветствовали его воинским салютом. Точнее, все, кроме айильцев. Тех здесь тоже хватало: их лукам найдется должное применение. Внизу — там, где максимальную пользу принесут пики, секиры и алебарды, — Итуралде поставил тайренцев. Им предстояло удерживать тропу, ведущую к Шайол Гул.

Вдалеке протрубил айильский рог. То был сигнал одного из разведчиков. Троллоки вошли в ущелье. Пора.

Пустив коня галопом, Итуралде направился вдоль хребта в сторону долины. Следом потянулись другие военачальники и король Алсалам. Когда кавалькада достигла места, где был установлен первый наблюдательный пост, откуда ущелье просматривалось на несколько миль, Итуралде расчехлил зрительную трубу.

В каньоне двигались тени. Несколькими секундами позже Итуралде увидел орды троллоков; до озверения исхлестанные мурддраалами, те ломились вперед. На мгновение он снова очутился в

Марадоне, где его солдаты — отличные парни — погибали один за другим, сперва на укрепленном холме, а затем на улицах города. После того как взорвалась стена.

Отчаянные меры, снова и снова. Убить как можно больше врагов, подобно человеку, что с воплями отбивается от волков, пока те рвут его на части, и надеется забрать хотя бы одного из них с собой в вечную тьму.

Рука, державшая зрительную трубу, дрогнула. Сделав над собой усилие, Итуралде вернулся в настоящее, к своей нынешней задаче. Такое чувство, будто всю жизнь он только и делал, что проигрывал битвы, и это не проходило даром. После Марадона он каждую ночь будто наяву слышал, как приближаются троллоки. Фыркают, принюхиваются, стучат копытами по мостовой. Воспоминания…

— Спокойно, старый друг, — сказал, остановившись рядом с ним, король Алсалам.

Его голос успокаивал. Король всегда умел унять тревогу собеседника. Итуралде не сомневался, что именно поэтому купцы Арад Домана посадили Алсалама на трон. Что война, что торговля, которых доманийцы держали за двух зверей одного вида, способствуют росту напряжения. Но

Алсалам… Он мог утихомирить кого угодно. Даже обезумевшую купчиху, только что потерявшую в море весь свой флот.

Итуралде кивнул. Оборона Такан'дара — вот о чем надо думать. Он выстоит и не даст волне троллоков выплеснуться из ущелья. Чтоб ему сгореть, он будет держаться здесь месяцами, если так будет надо Дракону Возрожденному. Все остальные битвы — и в прошлом, и в настоящем — утратят всякий смысл, если Итуралде потеряет эту долину. Пора вспомнить все известные ему уловки, все отчаянные трюки, все нюансы стратегии, ведь каждая выигранная в этой битве секунда означает, что у Ранда ал'Тора будет больше столь нужного ему времени.

— Напомните солдатам, чтобы стояли как вкопанные, — сказал Итуралде, глядя в зрительную трубу. — И готовьте бревна.

Адъютанты отправились к переходным вратам — передавать приказы соответствующим отрядам. В свете молний, раздиравших пелену грозовых туч, по ущелью шумно двигалось то чудовищное войско троллоков, вооруженных громадными мечами и кривыми алебардами или опасными для конников ловчими шестами и боевыми ухватами.

«Первым делом бревна», — подумал Итуралде.

Когда троллоки оказались на полпути к долине, айильцы на скалах справа и слева от ущелья развязали и подожгли штабеля облитых маслом древесных стволов. В лесах ныне хватало мертвых деревьев, и доставить их через переходные врата оказалось совсем нетрудно.

В переполненное троллоками ущелье покатились сотни горящих бревен. С промасленного дерева пламя перекидывалось на тела чудовищ, и, охваченные огнем, они — в зависимости от того, у кого какой был рот, — заходились истошным воем, визгом или верезгом. Итуралде, глядя на них в зрительную трубу, испытывал чувство глубокого удовлетворения.

Это что-то новенькое. В прошлом он никогда не радовался гибели врагов, хотя часто бывал доволен, когда битва шла по плану. По правде говоря, смысл любого сражения заключается в том, чтобы смотреть, как гибнут чужие парни, в то время как твои остаются живы, — но особой радости это не доставляет. Чем дольше участвуешь в сражениях, тем яснее понимаешь, что враг от тебя мало чем отличается. Меняются стяги и флаги, но солдаты во многом оказываются схожи. Да, неприятель хочет победить, но куда больше

его интересует сытный ужин, теплое одеяло и крепкие сапоги.

Но здесь… Здесь совсем другое дело. Итуралде хотелось видеть, как издыхают эти твари. Он жаждал этого зрелища. Если бы не троллоки, ему не пришлось бы пережить марадонский кошмар. Если бы не троллоки, руки у него не дрожали бы при звуках боевого горна. Эти чудовища погубили его.

И он отплатит им той же монетой.

С огромным трудом троллоки пробирались через завалы из бревен; многие пылали, и мурддраалам приходилось без устали подхлестывать кнутами своих подчиненных. Другим, как видно, хотелось утолить голод телами павших, чье зловоние пробудило в них нешуточный аппетит. Жареные трупы. Для них это все равно что аромат свежеиспеченного хлеба.

Исчезающие успешно гнали троллоков вперед, покуда те не напоролись на новую оборонительную линию Итуралде. Придумать ее было непросто. В ущелье, где кругом один лишь камень, не воткнешь в землю колья и не выроешь ям, не отняв при этом все силы у тех, кто способен направлять. Можно было перекрыть проход земляными валами и грудами камней, но

действенность такого решения виделась сомнительной. Подобные препятствия хороши против людей, но вряд ли задержали бы громадных троллоков. Кроме того, для перемещения столь больших объемов земли и камней пришлось бы отвлечь работников от сооружения настоящих укреплений в самой долине. Итуралде давно уже усвоил, что в оборонительной войне каждая следующая преграда должна быть неприступнее предыдущей. Так ты продержишься дольше, а враг не сумеет взять разгон.

В конце концов он остановился на самом простом решении: ежевичные кусты.

В Арад Домане сохранились громадные заросли шипастой ежевики, теперь мертвой и высохшей. Отец Итуралде был фермером и постоянно сетовал, что через эти чащобы ни пройти ни проехать. Чего уж хватало нынче у человечества, так это погибших растений. И еще рабочей силы. На призыв Дракона откликнулись тысячи людей, но мало кто из этих преданных Дракону обладал серьезным боевым опытом.

Придет час, и он все равно пошлет их в бой, но для начала Итуралде отправил их за громадными колючими кустами. Их срезали и приволокли в ущелье, где, связывая вместе в кипы высотой

футов восемь, а шириной во все двадцать, укладывали поперек прохода. Работа с колючими вязанками шла относительно легко — куда легче, нежели с землей или камнями, — и надежды Итуралде оправдались: эти нагромождения прекрасно устояли перед натиском троллоков. Первые ряды врезались в них, попробовав сдвинуть вязанки в сторону, но не получили ничего, кроме впившихся в плоть пятидюймовых шипов. Следующие шеренги тем временем напирали, и наступавшим в авангарде оставалось лишь развернуться и выместить злобу на собратьях.

Таким образом основная масса троллочьей армии застряла в ущелье — на что и рассчитывал Итуралде.

Особой жалости к отродьям Тени он не испытывал.

Итуралде подал сигнал, и стоявший рядом Аша'ман — звали его Аулстен, и он служил под началом Итуралде еще в Марадоне — запустил в небо ярко-красную вспышку. После нее на скалах появилось еще больше айильцев, и они принялись заваливать попавших в ловушку отродий Тени валунами и горящими бревнами, за которыми последовали стрелы, камни и все, чем можно швырнуть во врага с высоты, — причем так,

чтобы бóльшая часть снарядов обрушивалась в самую середину троллочьей массы. В итоге, спасаясь от стрел и камней, половина врагов сдала назад, а другая стала давить на тех, кто уже и так был изранен ежевичными шипами.

Некоторые троллоки — те, что имели при себе щиты, — пытались защититься от смертоносного града, но стоило только им сформировать строй для обороны, прикрываясь сверху стеной щитов, по ним наносили удар те, кто владел Единой Силой, и троллоков разрывало в клочья.

Владеющих Силой в войске Итуралде было немного: большинство из них остались в долине — они занимались тем, что создавали переходные врата для подвоза припасов и выискивали Повелителей ужаса, с которыми уже состоялись две стычки. Авиенда и Кадсуане Седай держали там ситуацию под контролем.

Некоторые троллоки пытались отстреливаться от защитников ущелья, выпуская вверх тяжелые стрелы, а другие старались прорываться сквозь шипастые завалы, но дело это небыстрое, и число погибших исчадий Тени неуклонно росло.

Холодный, словно воздух в здешних местах, Итуралде смотрел, как мурддраалы бичами гонят троллоков в эту толчею, тем самым вынуждая

задние ряды топтать сородичей и насаживать их на шипы.

К восточному выходу из ущелья потекла кровавая река, отчего троллоки то и дело поскальзывались на камнях, но под натиском сзади первые пять или шесть рядов продвигались вперед по колким засекам, обламывая и срывая шипы своими телами.

И все равно на прорыв ушло больше получаса. Оставив позади несколько тысяч погибших, троллоки хлынули вперед — лишь для того, чтобы столкнуться со второй преградой, плотнее и выше первой. Всего завалов было семь — Итуралде расположил их через примерно равные промежутки, — но уже второе, самое крупное, помогло добиться желаемого результата. Завидев его, троллоки в передних рядах застыли на месте, а затем развернулись и ринулись обратно.

В результате воцарилась полная неразбериха. Задние ряды с воем и воплями продвигались к долине. Те из троллоков, кому не посчастливилось застрять впереди, оскалившись и взрыкивая, бросились штурмовать ежевичную преграду. Многие стояли как оглушенные, и все это время на вражескую армию не переставали сыпаться камни, стрелы и горящие поленья.

— Красота, — прошептал Алсалам, а Итуралде понял, что рука уже не дрожит, и опустил зрительную трубу:

— Пойдемте.

— Но битва еще не окончена! — возразил король.

— Нет, окончена, — развернул коня Итуралде. — На сегодня.

Словно дождавшись этих слов, вся троллочья армия у него за спиной дрогнула и бросилась бежать на восток, прочь из ущелья и подальше от долины. Оборачиваться не было нужды: Итуралде прекрасно слышал, что происходит.

«День простояли», — подумал он. Назавтра троллоки вернутся, уже зная, чего ожидать. Захватят побольше щитов и острого оружия, чтобы прорубаться через колючие барьеры.

Но им снова пустят кровь — да так, что мало не покажется.

В этом Итуралде нисколько не сомневался.

Глава 25. Калейдоскоп

Глядя, как Амерлин с пылающими глазами выходит из переходных врат и направляется к лагерю в обществе Дозин, Саэрин и еще нескольких восседающих, Суан не сдержала облегченного вздоха.

Появившийся следом за ними Брин торопливо подошел к Суан.

— Что решили? — спросила она.

— Пока что стоим в обороне, — ответил Брин. — Таковы приказы Илэйн, и Амерлин с ними согласна.

— Нас превосходят числом, — заметила Суан.

— Как и всех остальных, — сказал Брин, глядя

на запад.

Последние несколько дней шарцы собирали свои войска в паре миль от армии Эгвейн, стоявшей спиной к широкой реке — естественной границе между Кандором и Арафелом.

Не решаясь на массированную атаку, силы Тени ждали подхода медлительной армии троллоков, а тем временем совершали через переходные врата спорадические вылазки на позиции Эгвейн. К несчастью, троллоки теперь явились сюда. Армия Эгвейн могла бы снова отступить через переходные врата, но Суан признавала, что смысла в этом немного. Рано или поздно придется вступить в бой.

Брин выбрал это место на юго-восточной оконечности Кандора, поскольку здешняя местность давала его войскам преимущество, пускай и незначительное. К югу и северу от восточной границы Кандора река отличалась глубиной, но примерно в четверти мили от холмов, тянувшихся с востока на запад вдоль южной кандорской границы, был брод. Туда-то, чтобы войти в Арафел, наверняка и направится армия Тени. Разместив свои войска у переправы и на господствующих над нею близлежащих холмах, Брин получал возможность атаковать наступавшего неприятеля

с двух сторон. При необходимости он мог отойти на арафелский берег, поскольку водная преграда задержит троллоков. Да, преимущество невелико, но даже такая мелочь способна переломить ход битвы.

На равнинах к западу от реки построились две армии Тени, шарская и троллочья, после чего обе двинулись на Айз Седай и армию Брина.

Эгвейн осматривала лагерь. О Свет, каким же облегчением было узнать, что Амерлин осталась в живых. Суан предполагала, что так и будет, но все же… О Свет! Так приятно видеть лицо Эгвейн.

Если это и впрямь ее лицо. После недавно пережитого испытания Амерлин впервые вернулась в лагерь, но ранее она успела провести неизвестно где несколько тайных встреч с восседающими, так что у Суан еще не было случая поговорить с Эгвейн наедине.

— Эгвейн ал'Вир! — крикнула она. — Напомни, где мы с тобой встретились впервые!

Другие оглянулись на Суан, возмущенные подобной наглостью, но Эгвейн, похоже, все поняла.

— В Фал Дара. А когда плыли оттуда вниз по реке, ты связала меня плетением Воздуха, и этот

урок в Силе я помню по сей день.

Теперь Суан, еще раз с облегчением выдохнув, окончательно успокоилась. На том суденышке не было никого, кроме Эгвейн и Найнив. Суан, к несчастью, рассказывала о том случае Шириам, наставнице послушниц и сестре из Черной Айя, но теперь не сомневалась, что перед ней действительно Эгвейн. Подделать черты лица нетрудно, но с воспоминаниями дело обстоит совершенно иначе.

Суан не забыла заглянуть девушке в глаза. Вовсю ходили толки о том, что происходило в Черной Башне. Мирелле поведала о тех событиях и о том, что пережили ее новые Стражи, и в ее рассказе не было ничего хорошего.

Говорят, это заметно. Суан увидела бы, что Эгвейн изменилась, — верно?

«Если нет, — подумала она, — мы уже обречены». Оставалось довериться Амерлин — так же, как Суан уже не раз доверялась ей в прошлом.

— Соберите Айз Седай, — велела Эгвейн. — Генерал Брин, вы получили приказ: надо стоять у реки, покуда потери не станут настолько неприемлемыми, что… — Она осеклась. — И давно они здесь?!

Суан подняла взгляд к небу, где сновали развед-

чики на ракенах.

— С самого утра. Ты же получила его записку?

— Треклятый мужчина! — выругалась Эгвейн.

Сообщение Дракона Возрожденного, доставленное Мин Фаршав, было кратким.

«Шончан вступили в битву против Тени».

Он отправил сюда эту женщину по причинам, которых Мин не могла объяснить. Брин немедленно пристроил ее к делу, и теперь она служила писарем у снабженцев.

— Ты веришь слову Дракона Возрожденного, мать? — спросила Саэрин.

— Не знаю, — ответила Эгвейн. — Так или иначе, стройтесь в боевые порядки, но поглядывайте на этих летающих тварей. Мало ли, вдруг они надумают напасть.

Когда Ранд вошел в пещеру, в воздухе что-то изменилось. Только сейчас Темный ощутил его вторжение — и был этим удивлен. Кинжал выполнил свою задачу.

Пещера вела вниз, и они — слева Найнив, справа Морейн, посередине и чуть впереди Ранд, — спускаясь, теряли высоту, набранную при восхождении. Этот путь был знаком Ранду — по другой памяти, по другой эпохе.

Такое чувство, что пещера проглатывала их и

тянула вниз, к далеким огням. Чем дальше, тем как будто ниже нависал свод пещеры, усеянный клыками сталактитов. С каждым шагом он чуть-чуть опускался, хотя на самом деле не двигался, да и пещера не сужалась. Она попросту становилась иной: сейчас высокая, а спустя секунду чуть пониже.

Пещера походила на челюсти, которые медленно и понемногу смыкались на добыче. Ранд задел головой кончик сталактита; Найнив пригнулась, бросила взгляд на потолок и тихо выругалась.

— Нет, — остановился Ранд. — Я не приползу к тебе на коленях, Шайи'тан.

Пещера заурчала. Казалось, ее темные пределы давят, наползают на Ранда, но тот стоял без движения, словно застрявшая шестеренка, которую пытается провернуть часовой механизм, но та упрямо отказывается делать, что велено.

Стены задрожали, затем расступились. Теперь, когда давление ослабело, Ранд шагнул вперед и вздохнул полной грудью. Начатое уже не остановить. Промедление не поможет ни ему, ни Темному; его противник был таким же пленником неизбежности. Пусть Темный существовал вне плетений Колеса, но Узор все равно влиял на него — так или иначе.

Там, где останавливался Ранд, на полу осталась лужица крови.

«Надо справиться побыстрее, — подумал он. — Нельзя, чтобы в самый разгар Последней битвы я умер от потери крови».

Недра горы снова пробрала дрожь.

— Все верно, — прошептал Ранд. — Я иду за тобой, Шайи'тан, и сегодня я не овца, которую ведут на заклание. Сегодня я охотник.

Дрожь пещеры походила на чудовищный хохот. Судя по лицу шагавшей рядом Морейн, она была встревожена, но Ранда это нисколько не волновало.

Они спускались все ниже. Ранд почувствовал нечто странное. Кто-то из женщин в беде. Илэйн? Авиенда? Трудно сказать. Свойства этой пещеры, искажающие и деформирующие мир вокруг, влияли и на узы. Теперь Ранд двигался сквозь время по-иному и уже не знал, где находятся его возлюбленные. Чувствовал лишь, что одной из них больно.

Он зарычал от досады и ускорил шаг. Если Темный причинил им боль… Разве здесь не должно становиться светлее? Оставалось полагаться на сияние Калландора, разгоравшееся, когда Ранд вбирал саидин через кристаллический клинок.

— Где же огни? — произнес Ранд, и его голос эхом отразился от стен. — Где расплавленный камень в конце пути?

— Огни догорели, Льюс Тэрин, — ответили из темноты.

Ранд замер, затем шагнул вперед, выставив перед собой Калландор, чье сияние выхватило из мрака стоявшую на одном колене человеческую фигуру со склоненной головой. В руке у человека был меч, обращенный острием к полу, а за спиной…

Ничто. Кромешная тьма.

— Ранд! — коснулась его руки Морейн. — Темный входит в силу и вот-вот вырвется на волю. Не касайся этой черноты.

Человек встал, поднял голову, и свечение Калландора озарило уже знакомое Ранду лицо Моридина. Рядом на полу лежала… скорлупа? Иного слова Ранд подобрать не мог. Она походила на оболочку, сброшенную насекомым по мере роста, но имела форму человека. Человека без глаз. Мурддраал?

Моридин проследил за взглядом Ранда.

— Сосуд, в котором мой властелин больше не нуждается, — объяснил он. В белках глаз у него плавали, дрожали, сновали с безумной быстро-

той хлопья *саа*. — Сосуд, давший рождение тому, что у меня за спиной.

— Там ничего нет.

— Вот именно. — Моридин торжественно поднял перед собой меч, и белки его глаз окончательно почернели.

— Вызываешь меня на дуэль? — Ранд жестом велел женщинам отступить на несколько шагов, а сам двинулся вперед. — Здесь? Сейчас? Ты же знаешь, Элан, что мое деяние неотвратимо, а потому задерживать меня бессмысленно.

— Бессмысленно, Льюс Тэрин? — рассмеялся Моридин. — Ослабив тебя хотя бы на гран, разве не облегчу я существование моему господину? Нет, я все же встану у тебя на пути. А если одолею тебя — что тогда? Победу тебе никто не гарантировал. Никто и никогда.

«Я снова одерживаю верх, Льюс Тэрин…»

— Ты мог бы посторониться. — Ранд поднял Калландор, и его свет соскользнул с черной стали меча в руке у Моридина. — Если моя победа не гарантирована, то же самое можно сказать и о твоей неудаче. Дай мне пройти. Ты знаешь, что это правильный выбор. Так сделай его хотя бы однажды.

— Что? — снова рассмеялся Моридин. — Имен-

но теперь ты умоляешь меня вернуться к Свету? Мне обещано забвение. Пустота, истинная гибель моего существа. Подлинный конец. Ты не отберешь у меня этих благ, Льюс Тэрин! Клянусь своей могилой, не отберешь!

С этими словами он бросился в атаку.

«Вишневый лепесток целует пруд». Непростой прием, когда сидишь в седле, ведь он не предназначен для конного боя. Меч Лана рассек горло троллока всего лишь на дюйм в глубину, но этого оказалось достаточно, чтобы фонтаном брызнула зловонная кровь. Существо с бычьей мордой выронило боевой ухват и, схватившись за рану, испустило то ли крик, то ли стон.

Сбоку набежал еще один троллок, и Лан, заставив Мандарба податься назад, с разворота отсек врагу руку. От удара троллок упал, угодив под копыта коня подоспевшего сзади Андера. Тот остановил своего скакуна подле Мандарба. За шумом битвы Лан слышал тяжелое дыхание друга. Как долго они сражаются здесь, в первых рядах? Он повел онемевшими, будто налитыми свинцом плечами.

Ему вспомнился Кровавый Снег. Там было худо, но здесь — еще хуже.

— Лан! — крикнул Андер. — Их все больше и

больше!

Лан кивнул, затем направил Мандарба навстречу паре троллоков, пробиравшихся через трупы. Оба с ловчими шестами. Сообразив, что для них конный опаснее пешего, они все чаще пользовались как этим оружием, так и боевыми ухватами, но Лан все же задумался, не хотят ли эти твари изловить его живьем.

Они с Андером подпустили чудовищ поближе. Рядом, отвлекая на себя внимание неприятеля, появились два всадника из Верховной гвардии, но троллоки бросились прямиком на Лана. Тот метнулся вперед и, единожды взмахнув мечом, разрубил надвое оба древка троллочьего оружия.

Монстры не остановились и продолжали тянуть к нему по-звериному грубые пальцы, надеясь стащить его с коня. Вонзая клинок в горло врага, Лан чуял его смердящее дыхание. Как же медленно работают мышцы! И где, кстати говоря, Андер? Почему его нет рядом?

Легок на помине. Неожиданным галопом примчался Андеров конь, двинул бронированной грудью второго троллока, и тот отлетел в сторону, где двое конных гвардейцев зарубили его насаженными на длинные древки секирами.

Парни были изранены, как и Андер. Как и сам

Лан, хотя он почти не помнил, как вражеский клинок ужалил его в бедро. Как же он устал… Драться в таком состоянии невозможно.

— Отходим, — неохотно приказал он. — Пусть нас кто-нибудь сменит.

Лан и его люди, возглавлявшие тяжелую конницу в самом сердце этой сечи, бронированным клином рассекали троллочий строй, разбивая и смешивая их ряды, и те становились легко уязвимы для фланговых атак.

Его товарищи согласно кивнули, и Лан чувствовал их облегчение, когда полсотни с лишним воинов из Верховной гвардии, уступив место шайнарскому отряду, возвращались на исходные позиции. Лан обтер клинок и убрал меч в ножны. Над головой сверкнула молния. Да, сегодня тучи и впрямь опустились к земле. Подобно длани, что давит на человека, пока не задавит до смерти.

Воздух с треском рассекла еще одна молния, за ней вторая и третья. Лан немедленно развернул Мандарба. Молний сегодня хватало, но эти угодили в одно и то же место. В воздухе стоял запах дыма.

— Повелители ужаса? — спросил Андер.

Лан утвердительно кивнул и обвел пытливым взором вражеские ряды, но не увидел ничего,

кроме схватки шайнарцев с очередной волной, что выплеснулась из бурного моря троллоков. Надо подняться повыше.

Указав на один из холмов, Лан направил к нему Мандарба. Солдаты в тыловом охранении, мимо которых он проезжал, приветствовали его поднятой рукой и словами «Дай Шан». Их доспехи пятнала кровь. За день резервы то отправляли на передний край, то отзывали обратно, и так несколько раз.

Тяжелой поступью Мандарб поднимался на холм. Лан потрепал его по загривку, спешился и пошел рядом с жеребцом. На вершине он остановился и обвел взглядом поле боя. Армии порубежников вдавались в безбрежное море монстров разноцветно-серебристыми шипами.

Повелители ужаса снова явились на громадной платформе, приводимой в движение десятками троллоков: чтобы точнее направлять свои удары, им требовался хороший обзор. Их было много. Стиснув зубы, Лан смотрел, как в кандорцев одна за другой бьют молнии, подбрасывая тела в воздух и пробивая бреши в рядах бойцов.

Владеющие Силой из армии Лана нанесли ответный удар огнем и молниями, не позволяя троллокам сунуться в прорехи, возникшие в

строю порубежников. Это сработало, но долго так не продлится: у Лана было куда меньше Айз Седай и Аша'манов, чем Повелителей ужаса у Тени.

— О Свет! — подъехал к нему принц Кайзель. — Дай Шан, если они прорвут шеренги в нескольких местах…

— Подкрепление уже на подходе. Вон там, — указал Андер. Он все еще сидел на коне, и, чтобы проследить за его жестом, Лану пришлось выйти вперед. Отряд шайнарских всадников мчался туда, где сверкали молнии.

— И вон там. — Кайзель кивнул на восток, откуда приближался отряд арафелцев. Обе группы объединились, одновременно подоспев к месту прорыва.

На платформу обрушились разряды молний. Это хорошо. Наришма и Мериса получили приказ находить Повелителей ужаса и стараться их уничтожить. Быть может, это отвлечет врага. Но Лана заинтересовало нечто иное.

Почему закрыть одну и ту же брешь были отправлены сразу два резервных отряда? Для подобной задачи хватило бы одного; теперь же, при такой многочисленности, они будут мешать друг другу. Ошибка?

Он взобрался в седло Мандарба. Без особой

охоты, ведь конь и так уже устал. Но надо было разобраться с этим недоразумением.

* * *

В глубинах волчьего сна Перрин и Гаул остановились на горном хребте, возвышавшемся над долиной, в дальнем конце которой стояла гора. Над горою, едва не задевая верхушку, чудовищным вихрем кружились черные тучи.

В долине бушевали ветры, и, чтобы уберечься от всевозможного мусора, Перрину пришлось создать вокруг себя и айильца пузырь спокойного воздуха. Внизу был виден быстро меняющийся калейдоскоп грандиозной битвы. Словно из клубов дыма и пыли, в волчьем сне на мгновение возникали айильцы, троллоки и облаченные в доспехи люди с занесенным оружием и пропадавшие, едва успев появиться. Их были тысячи.

И еще волки. Повсюду в сне были волки, и все чего-то ждут, а чего именно, объяснить Перрину не могут. Ранда они называют Убийцей Тени. Наверное, хотят стать свидетелями его свершений.

— Перрин? — окликнул его Гаул.

— Наконец-то он здесь, — тихо отозвался Перрин. — Вошел в Бездну Рока.

Рано или поздно Ранду понадобится помощь

Перрина в этой битве. Увы, но Перрин не мог просто стоять и ждать; у него имелись другие дела. С подсказки волков они с Гаулом обнаружили Грендаль близ Кайриэна. Она являлась в сны к каким-то людям и говорила с ними. Быть может, в войсках завелись приспешники Темного?

«Перед тем она заглядывала в сны Башира, — подумал Перрин. — Или же так утверждала Ланфир». Он ни на миг не поверил ни единому ее слову.

Как бы то ни было, чуть раньше он отыскал Грендаль и едва не одолел ее, но та вдруг исчезла. Однако Перрин знал, как выследить человека, когда тот смещался в другое место волчьего сна. Собственно говоря, так он и оказался здесь, в Такан'даре.

Внизу, посреди долины, ее запах вдруг исчез. Грендаль Переместилась в реальный мир. Перрин не знал, сколько времени прошло в волчьем сне. Съестные припасы у них с Гаулом еще не закончились, но по ощущениям миновали долгие дни. Ланфир говорила, что чем ближе к Ранду, тем сильнее будет искажаться время. А вот эти ее слова можно было и проверить.

Он здесь, Юный Бык! — вдруг прилетело срочное послание — отсюда, из долины, от волка по

имени Восход. *Губитель среди нас! Торопись!*

Перрин зарычал, схватил, ни слова не говоря, Гаула за плечо и перенес обоих на каменистую тропу, что поднималась к дыре, зиявшей в горном склоне, за которой начинался путь вниз, в саму Бездну Рока.

Неподалеку лежал волк со стрелой в боку. От него пахло смертью. Вдалеке выли другие волки. Перрин — его хлестал жуткий ветер, — опустив голову, ринулся вперед. Гаул не отставал.

Внутри, Юный Бык, передал волк. *Он за устьем тьмы.*

Отмахнувшись от мыслей о смертельной опасности, Перрин ворвался в длинный и узкий коридор, пол и свод которого покрывали зазубренные камни. Впереди пульсировало нечто яркое, и по темному пространству пробегали волны света. Перрин прикрыл глаза ладонью, едва успев заметить силуэты в дальнем конце пещеры.

Двое мужчин со скрещенным оружием.

Две женщины — словно ледяные статуи.

А в нескольких футах от Перрина — Губитель с луком в руках и натянутой до самой щеки тетивой.

Перрин взревел, переместил себя в точку между

Губителем и Рандом. Взмахнув молотом, он отбил летевшую стрелу через долю секунды после того, как она покинула тетиву. Губитель изумленно раскрыл глаза, а затем исчез.

Перрин *сдвинулся* обратно, схватил Гаула за руку, перенес обоих туда, где только что стоял Губитель, и уловил запах его нового местоположения.

— Будь начеку, — велел он Гаулу, после чего оба прыгнули следом за охотником на волков и оказались в окружении айильцев. Вот только вместо привычной шуфы у каждого была странная вуаль красного цвета.

Переместились они недалеко, в какую-то деревню, откуда виднелась вершина Шайол Гул.

Красные вуали ринулись в атаку. Перрин не особо удивился, увидев, что айильцы сражаются на стороне Тени. Среди любого народа встречаются приспешники Темного. Но зачем обозначать себя цветом вуали?

Перрин описал молотом широкий круг, чтобы враги держались подальше, после чего переместился им за спину и размозжил одному череп. Гаул превратился в ураган копий и коричневой одежды; он уклонялся от красных вуалей, наносил удар и тут же исчезал, появлялся и бил снова.

Да, он способный ученик. Способнее этих парней, поскольку те за ним не успевали. Еще одному Перрин раздробил коленный сустав, а затем стал высматривать Губителя.

Вот он, стоит на пригорке и смотрит. Перрин бросил взор на Гаула; тот исчез, появился и, поймав взгляд Перрина, коротко кивнул. Красных вуалей осталось восемь, но…

Земля под ногами у Гаула вспучилась и взорвалась в тот самый миг, когда айилец подскочил в воздух. Перрин сумел защитить друга, создав стальную пластину между ним и ударной волной — да, успел, но в самый последний момент. Гаул приземлился, чуть не упав, и Перрину пришлось сместиться к нему и атаковать человека в красной вуали, подбиравшегося к айильцу со спины.

— Берегись! — крикнул он Гаулу. — Среди них точно есть один, способный направлять!

О Свет… Как будто мало было айильцев, перешедших на сторону Тени. Так еще и айильцы, владеющие Силой. Да еще и мужчины!.. О Свет!

Когда Перрин занес молот над следующим врагом, появился Губитель: в одной руке меч, в другой длинный охотничий нож — такой обычно применяют для свежевания добычи.

Перрин с гулким рыком бросился в бой, и за-

теялся странный танец: один атаковал, второй исчезал, появлялся поблизости и сам начинал атаку. Они кружили рядом друг с другом, поочередно смещались в пространстве, пытаясь найти уязвимое место в защите врага. Перрин чуть было не сокрушил Губителя, а тот едва не вспорол ему живот.

Гаул приносил немало пользы. В схватке разом с Губителем и с красными вуалями Перрину пришлось бы несладко. К сожаленью, Гаул главным образом отвлекал врагов, причем давалось это ему с немалым трудом.

Когда айилец едва не угодил под огненный столб, сотворенный одним из красновуальных, Перрин принял решение. Он *сдвинулся* к Гаулу — и едва не получил копьем в плечо, однако успел превратить вражеское оружие в мягкую ткань, и та лишь хлестнула его по руке.

Увидев Перрина, Гаул вздрогнул и хотел было что-то сказать, но Перрин не дал ему такой возможности. Он схватил друга за руку, и оба вышли из боя — исчезли в тот самый миг, когда их окружили языки пламени.

Появились они у входа в Бездну Рока. Плащ Перрина дымился. Бедро Гаула стало мокрым от крови. Когда он успел получить эту рану?

Вы здесь? — немедленно спросил Перрин, и ему ответили десятки волков:

Мы здесь, Юный Бык.

Станешь ли ты нашим вожаком, Юный Бык? Ведь это Последняя охота!

Берегись Лунной Охотницы, Юный Бык. Она выслеживает тебя, будто львица в высокой траве.

Вы нужны мне, передал волкам Перрин. *Здесь Губитель. Сразитесь ли вы с ним и его спутниками? Ради меня?*

Это же Последняя охота! — отозвался один, и, ответив безмолвным согласием, волки появились на склонах Шайол Гул. Перрин чуял их настороженность: волкам здесь не нравилось. Они избегали этого места — и во сне, и в реальном мире.

Затем пришел Губитель. То ли понял, что Перрин будет охранять пещеру, то ли хотел снова напасть на Ранда. Так или иначе, Перрин заметил, что Губитель — темная фигура в терзаемом буйными ветрами черном плаще и с луком в руках — стоит на высокой скале и смотрит вниз, в долину. Под ним в клубах темной пыли кипела битва. Многие тысячи людей умирали, убивали, сражались в реальном мире, и здесь, в волчьем сне, мелькали их фантомные образы.

— Ну давай, попробуй, — прошептал Перрин, сжимая рукоятку молота. — Я не тот, что прежде, и сегодня ты это узнаешь.

Губитель поднял лук, затем спустил тетиву. Стрела будто разделилась, превратилась в четыре, в шестнадцать, в целую тучу стрел, и все они летели точно в Перрина.

Тот зарычал и ударил по воздушному туннелю, созданному Губителем, чтобы потоки воздуха не помешали точному выстрелу. Туннель исчез, и яростный порыв ветра, подхватив стрелы, разбросал их в разные стороны.

С хищно блестевшим ножом и с занесенным мечом Губитель возник перед Перрином, и Перрин бросился в бой. Рядом появились красные вуали, но с ними разберутся волки и Гаул. На сей раз Перрин мог сосредоточить внимание на главном противнике. Он с ревом отбил меч, а следующий удар нацелил в голову врага.

Губитель увернулся и создал гранитные руки, что потянулись из земли к Перрину, осыпая его острыми каменными осколками. Перрин сосредоточился — и руки взорвались, а их остатки осыпались обратно на землю. От Губителя остро пахнуло удивлением.

— Ты здесь во плоти, — прошипел он.

Перрин прыгнул к нему, а посреди прыжка сместился, чтобы побыстрее достичь цели, но Губитель заблокировал удар щитом, возникшим у него на предплечье. Мах'аллейнир оставил в нем широкую вмятину — и только.

Губитель исчез, а затем возник в пяти долгих шагах от Перрина, на краю тропы, ведущей вверх, к пещере.

— Как же я рад, что ты выследил меня, волчонок. Мне запретили искать тебя, но ты сам пришел. Я освежевал взрослого самца, а теперь заберу и щенячью шкуру.

Перрин бросился к нему одним из тех прыжков, что оставляли размытый след в воздухе при перемещении с холма на холм. Врезавшись в Губителя, он сшиб его со скального уступа перед зевом Бездны Рока, и оба кувырком полетели вниз, к земле, до которой оставались десятки футов.

Молот висел на поясе, хотя Перрин не помнил, как убрал его в петлю, — но он не собирался бить врага молотом. Он хотел почувствовать, как его кулак расплющивает Губителю лицо. Удар совпал с моментом приземления, но физиономия Губителя вдруг сделалась каменно-твердой.

В этот миг схватка, бывшая борьбой мускулов,

превратилась в нечто иное — воля против воли. Падая, Перрин вообразил, как кожа Губителя становится мягкой, а его кости хрустят под ударом кулака. Губитель же, в свою очередь, представил, что состоит из камня.

Его лицо сделалось твердым как скала, но Перрин все равно расколол ее, эту скалу, после чего оба откатились друг от друга, а когда Губитель встал, его щека, покрытая мелкими трещинами, походила на щеку статуи, по которой ударили молотком.

Из трещин сочилась кровь. Недоуменно раскрыв глаза, Губитель коснулся щеки, и та вновь обросла человеческой кожей, но теперь покрытой швами, да такими ровными, будто над ними потрудился умелый хирург. В волчьем сне невозможно исцелить себя полностью, и от любой раны останется след.

С презрительной усмешкой Губитель метнулся к Перрину, и оба вступили в танец, то сближаясь, то расходясь в окружении облаков пыли, где появлялись и тут же исчезали лица и тела людей, боровшихся за жизнь в другом месте и в другом мире. Взмахом Мах'аллейнира Перрин задел двоих, и те обратились в сыпучий песок. Губитель увернулся — вернее, создал порыв ветра, чтобы

тот отбросил его от опасности, — а затем молнией устремился вперед.

Не задумываясь, Перрин обернулся волком, и меч Губителя прошел у него над головой. Юный Бык прыгнул на врага, обрушившись на него всем телом, и оба пролетели сквозь образы двух сражавшихся друг с другом айильцев. Те лопнули, рассыпавшись песком и пылью. Повсюду появлялись новые фигуры, но их тут же развеивал ветер.

В ушах у Юного Быка ревел и завывал ураган. Пыль царапала и скребла кожу, колола глаза. Он перекатился через Губителя и хотел было впиться клыками ему в горло, представляя, насколько сладкой будет кровь этого двуногого, но враг исчез.

Юный Бык превратился в Перрина, с молотом на изготовку присевшего на равнине, полной мимолетных фрагментов битвы. «Осторожнее, — подумал он. — Ты волк, но в первую очередь ты человек». И вдруг понял, что некоторые из этих образов были не вполне человеческими. В двух фигурах отчетливо виделось нечто змеиное, но прошел миг, и они исчезли.

«Быть может, в волчьем сне отражаются и другие миры?» — задался вопросом Перрин, не

понимая, как истолковать эти видения.

На него опять налетел Губитель, крепко стиснувший зубы. Молот обжег Перрину пальцы, а в ноге запульсировала боль — исцеленная рана, что он получил в прошлой схватке с охотником на волков, вновь напомнила о себе. Перрин взревел, слишком близко подпустив вражеский меч — тот оцарапал ему щеку, — и, уклонившись, врезал Губителю по ребрам своим оружием.

Человек в черном испарился, а молот по инерции ударил в землю.

На мгновение Перрин решил, что одержал победу — но нет, его выпад едва задел Губителя, прежде чем тот исчез. Он был настороже и готовился выйти из боя в любой момент. Перрин почувствовал, как по щеке на подбородок струится кровь; клинок оставил царапину примерно там же, куда Перрин ударил Губителя при падении.

Он покрутился на месте, пытаясь унюхать местоположение врага. Ничего. Куда же он делся?

Ясно, что не в другое место в пределах волчьего сна. Он знал, что Перрин последует за ним. Вместо этого Губитель, наверное, выскочил в мир яви. Поняв, что добыча ускользнула, Перрин взвыл от досады. Волка разозлила неудачная охота, и взять

его под контроль оказалось непросто.

В этом Перрину помог запах подпаленной шерсти, и этот запах сопровождался воем, полным мучительной боли.

Перрин сместился наверх, на тропу возле входа в пещеру, где среди мертвых айильцев лежали обгоревшие, умирающие волки. Двое в красных вуалях еще держались на ногах, спиной к спине; оба, как ни странно, опустили вуали с лиц. Они скалили остро заточенные зубы и безумно ухмылялись, направляя Силу — сжигая одного волка за другим. Гаулу пришлось спрятаться за валуном. Его одежда дымилась, и от него пахло болью.

Похоже, эту парочку владеющих Силой, щерящихся в диких улыбках, нисколько не волновало, что рядом их товарищи истекают кровью. Перрин зашагал к ним. Один поднял руку, и его ладонь исторгла огненную струю. Перрин превратил ее в завихрения серо-черного дыма, прошел сквозь них, и дым развеялся.

Второй айилец попытался взорвать землю у Перрина под ногами, но Перрин знал, что она не взорвется, ведь плетения ей нипочем. Так оно и вышло. Плетений Перрин не видел, но знал, что земля, ставшая вдруг много тверже обычного, противится приказу человека с заостренными

зубами.

Первый айилец, негромко рыча, потянулся за копьем, но Перрин схватил его за горло.

Ему страшно хотелось раздавить этому парню гортань, ведь Губитель снова ускользнул, а волки погибли из-за этих двоих, но он сдержался. Губитель… За свои деяния он заслуживал участи куда худшей, чем смерть, но об этих двоих Перрин ничего не знал — и не был уверен, что, убив их тут, не убьет их навсегда, без права на перерождение.

Каждому, в том числе и подобным созданиям, полагается последний шанс. Тем временем айилец с красной вуалью бился у него в руке, пытаясь обездвижить Перрина плетением Воздуха.

— Ты идиот, — негромко сообщил ему Перрин. Затем взглянул на второго. — И ты тоже.

Оба заморгали; потом тупо посмотрели на Перрина, и в глазах их не было никакой мысли. Один пустил слюни, и Перрин покачал головой. Губитель их вообще не подготовил. Даже Гаул спустя всего лишь… кстати говоря, сколько времени прошло? В любом случае даже Гаул уже знал, что не стоит попадать в руки к тому, кто способен воздействовать на твой разум.

Чтобы поддержать эту трансформацию, Перри-

ну оставалось и дальше считать врагов идиотами. Он наклонился к павшим волкам, выискивая раненых, кому мог помочь. Нашел, вообразил бинты на ранах. Здесь, в волчьем сне, эти раны затянутся довольно быстро, ведь волки знают секрет исцеления, но восьмерых уже нельзя было спасти, и Перрин завыл в их честь. Выжившие подхватили его вой, но в этих посланиях не было скорби. Волки пришли сюда, чтобы сражаться, и некоторые погибли в бою. Бывает.

Затем Перрин осмотрел поверженных айильцев. Все они были мертвы. Придерживая обожженную руку, подхромал Гаул. Рана выглядела скверно, однако угрозы для жизни не представляла. Пока что.

— Надо увести тебя отсюда, — сказал Перрин, — и найти кого-то, кто тебя Исцелит. Не знаю, сколько сейчас времени в реальном мире, но, пожалуй, нам пора на Поле Меррилор. Там дождемся, когда откроют переходные врата.

Гаул ответил зубастой ухмылкой:

— Двоих я убил своими руками, Перрин Айбара. Один был способен направлять. Признаться, я счел себя великим воином, заслужившим немало чести, но тут явился ты и взял двоих в плен. — Он покачал головой. — Узнай об этом Байн, хохотала

бы всю дорогу до Трехкратной земли.

Перрин повернулся к пленникам. Убить их на месте? Это жестоко. Отпустить? Тогда они снова полезут в драку, и Перрин потеряет еще больше волков. Еще больше друзей.

— По-моему, они не следуют законам джи'и'тох, — сказал Гаул. — Да и взял бы ты в гай'шайн человека, способного направлять Силу? — Он демонстративно поежился.

— Просто убей их, и дело с концом, — посоветовала Ланфир.

Перрин смерил ее взглядом. На сей раз, услышав ее голос, он не вздрогнул. Уже привык к ее внезапным появлениям и исчезновениям. Но все равно приятного мало.

— Если убить их здесь, они умрут навсегда?

— Нет, — ответила она. — К мужчинам это не относится.

Поверил ли ей Перрин? В тот момент — по некой причине — оказалось, что да, поверил. Зачем ей лгать? Однако прикончить безоружных людей… Они же считай что младенцы.

«Нет, — подумал Перрин, глядя на погибших волков. — Никакие они не младенцы. И намного опаснее».

— Тех двоих подвергли Обращению, — за-

метила Ланфир, кивком указав на способную направлять Силу парочку, потом сложила руки на груди. — Многие были рождены ныне для такой жизни, но у этих двоих подпилены зубы… Их схватили и Обратили насильно.

Гаул что-то пробурчал. Похоже, выругался, но с некоторым трепетом. Слова были на древнем наречии, и Перрин не уловил их значения. А потом Гаул — от него пахнуло сожалением — поднял копье:

— Вы плюнули ему в глаза, братья, и так он использует вас. Ужасно и отвратительно…

«Обращенные», — подумал Перрин. Как те мужчины в Черной Башне. Он нахмурился, подошел к одному, обхватил ладонями его голову. Нельзя ли усилием воли вернуть человека к Свету? Его принудили ко злу — но, быть может, это обратимый процесс?

Коснувшись сознания этих людей, Перрин наткнулся на что-то твердое, и его воля отразилась от этой сущности, как отскакивает деревянная палка, если ею ударить по железным воротам. Он нетвердо попятился, взглянул на Гаула и покачал головой:

— Ничем не могу им помочь.

— Я все сделаю, — сказал Гаул. — Они же бра-

тья мне.

Перрин неохотно кивнул, и Гаул перерезал обоим айильцам горло. Так было правильно, хотя у Перрина все равно разрывалось сердце. Страшно подумать, в кого из-за беспрестанных сражений превращаются люди. В кого превратился он сам. Тот Перрин, что топтал землю несколько месяцев назад, не смог бы просто стоять и смотреть на подобное смертоубийство. О Свет… Если бы не Гаул, пришлось бы зарезать их своими руками. Да, пришлось бы.

— Иногда ты ведешь себя как ребенок. — Ланфир смотрела на Перрина, по-прежнему сложив руки под грудью. Затем, вздохнув, она взяла его за запястье, и по телу Перрина прокатилась ледяная волна Исцеления. Рана на щеке затянулась.

Перрин перевел дух, после чего кивнул на Гаула.

— Я тебе не девочка на побегушках, волчонок, — сказала Ланфир.

— Хочешь, чтобы я поверил, что ты не желаешь мне зла? — спросил он. — Для начала помоги моему другу.

С новым вздохом Ланфир раздраженно поманила айильца. Тот прихромал к ней, и она Исцелила его.

В глубинах пещеры что-то заурчало. Ланфир обернулась, прищурила глаза.

— Мне нельзя здесь оставаться, — заявила она и сразу исчезла.

— Даже не знаю, что думать, — признался Гаул, потирая здоровую кожу под обгоревшим рукавом. — По-моему, она играет с нами, Перрин Айбара, но в какую игру — мне неведомо.

Перрин утвердительно хмыкнул.

— Этот Губитель… Он вернется, — продолжил Гаул.

— Я все думаю, как бы это предотвратить. — Перрин протянул руку и высвободил из ремешков на поясе шип сновидений. — Смотри в оба, — велел он Гаулу и вошел в пещеру.

Здесь, среди каменных клыков, складывалось ощущение, что он забрался в пасть гончей Тьмы. Свет в конце уходящего вниз туннеля слепил глаза, но Перрин создал вокруг себя затемненный пузырь, что-то вроде полупрозрачной стеклянной преграды. После этого он увидел, как Ранд, размахивая мечом, сражается с кем-то на краю глубокой пропасти.

Нет. Это не пропасть, с крайним изумлением понял Перрин. Туннель вел в пустоту, в ничто, где заканчивался весь мир. Это было извечное, без-

граничное пространство, чем-то похожее на мрак Путей, вот только эта тьма как будто притягивала к себе — и его, и все остальное. Привыкший к неистовствовавшей снаружи буре, Перрин поначалу не замечал, что здесь тоже дует ветер. Теперь же он чувствовал, как поток воздуха, пронизывая пещеру, устремляется в эту пропасть.

Глядя в нее, Перрин осознал, что впервые видит столь черную пустоту, столь полное отсутствие чего бы то ни было. Вот он, несомненный конец всего сущего. Иная тьма пугает, поскольку неведомо, что в ней таится. Здесь же дело обстояло иначе. Стоит этой тьме поглотить человека, и он перестанет существовать.

Перрин с трудом попятился, хотя ветер в тунеле был не сильным, а скорее… напористым, словно ручей, струящийся в никуда. Покрепче сжав в руках шип сновидений, Перрин заставил себя отвернуться от Ранда и увидел рядом коленопреклоненную женскую фигуру. Женщина склонила голову, словно противясь чудовищной силе, что исходила из черной пустоты. Морейн? Да, она. А справа Найнив, тоже на коленях.

Разделявшая миры вуаль была здесь особенно тонка. Если Перрин видел Найнив и Морейн… наверное, они тоже увидят его. Или хотя бы услы-

шат. С этой мыслью он подступил к Найнив:

— Найнив? Ты меня слышишь?

Она вздрогнула и подняла голову. Да, она его слышит! Но похоже, не видит. Цепляясь за торчащий каменный зубец, как цепляются за саму жизнь, Найнив обвела пещеру растерянным взглядом.

— Найнив! — крикнул Перрин.

— Перрин? — прошептала она, не переставая смотреть по сторонам. — Ты где?

— Сейчас я кое-что сделаю, Найнив, — сказал он. — Устрою так, чтобы в эту пещеру нельзя было войти через переходные врата. Если захочешь Переместиться сюда или отсюда, придется сделать это на тропе у входа в пещеру. Понятно?

Она кивнула, не переставая ощупывать туннель взглядом. Неудивительно, что Найнив не увидела его. Ведь реальный мир отражается в волчьем сне, но обратное неверно: у волчьего сна нет отражения в реальности. Перрин вогнал шип сновидений в пол, привел в действие так, как показывала Ланфир, а когда пещеру накрыло фиолетовым куполом, поспешил к выходу из туннеля. Пройдя сквозь стеклянно-фиолетовую стену, он присоединился к волкам и Гаулу.

— О Свет! — воскликнул Гаул. — Я чуть было не

отправился тебя искать. Что ты так долго?

— Долго? — переспросил Перрин.

— Тебя не было больше двух часов!

— Это все Скважина, — покачал головой Перрин. — Она искажает ощущение времени. Что ж, теперь, когда здесь шип сновидений, Губителю будет труднее подобраться к Ранду.

Этот тер'ангриал враг использовал против Перрина, и как же приятно было обратить теперь против Губителя его же шип сновидений. Защитный купол Перрина был небольшим и накрывал только Ранда, его спутников и Скважину — таким образом оставаясь целиком в толще скалы, не считая входа в пещеру.

Губителю не удастся появиться в гуще событий и нанести удар; ему придется или войти в пещеру на своих двоих, или найти способ проделать ход в камне. В волчьем сне возможно и такое, предположил Перрин. Но, так или иначе, на это уйдет время, а именно время столь нужно Ранду.

Охраняйте вход в пещеру, велел Перрин собравшимся волкам. Многие из них зализывали раны. *Там, внутри, сражается Убийца Тени. Он охотится на опаснейшую добычу, которую только знал этот мир. Нельзя, чтобы Губитель ему помешал.*

Мы будем стоять на страже, Юный Бык, ответил кто-то из волков. *К нам присоединятся другие. Губитель не пройдет.*

Справитесь? — К этому вопросу Перрин присовокупил образ волков — в Пограничных землях их собрались многие тысячи, — передающих друг другу короткие послания.

Получилось на редкость убедительно. То были не слова или набор изображений, но единый образ, смешанный с множеством запахов, взывавший также и к волчьим инстинктам. Теперь волки были настороже. Если явится Губитель, Перрин сразу же об этом узнает.

Справимся, ответили ему волки.

Перрин кивнул, затем жестом подозвал Гаула.

— Мы что, уходим? — спросил тот.

— Повсюду много чего происходит, — ответил Перрин, — а время здесь течет слишком медленно. Не хочу пропустить всю битву.

Кроме того, необходимо выяснить, что затеяла Грендаль.

Глава 26. Раздумья

— Драться вместе с шончан? Мне это не нравится, — тихо промолвил Гавин, стоявший рядом с Эгвейн.

Ей тоже это не нравилось, и Гавин, разумеется, чувствовал ее эмоции, но что тут поделаешь? Тень привела под свои знамена шарцев, и поэтому Эгвейн придется брать все, что имеется в ее распоряжении. Нужно использовать любые возможности. Отказываться от помощи шончан попросту неразумно.

Шагая к месту встречи примерно в миле к востоку от арафелского брода, где Брин сосре-

доточил почти всю армию, Эгвейн то и дело почесывала зудевшую шею. На вершинах южных холмов собрались Айз Седай, а ниже, на склонах, стояли крупные отряды лучников и пикинеров. Несколько дней отступления позволили войскам немного отдохнуть от изнурительных сражений, хотя враг то и дело пытался втянуть их в сражение.

Теперь многое для Эгвейн зависит от шончан. От того, примут ли они участие в битве и сумеют ли отвлечь на себя владеющих Силой шарцев? У Эгвейн засосало под ложечкой. Как-то ей довелось услышать рассказ о забаве, популярной среди кэймлинского отребья, когда в яму бросают оголодавших псов, а затем делают ставки, пытаясь угадать, кто из них выживет в драке. Здесь было примерно то же самое. Шончанские дамани не обладали свободой выбора и шли в бой не по собственному желанию, и, судя по тому, что видела Эгвейн, способные направлять мужчины из Шары сами мало чем отличались от животных.

Эгвейн должна была всеми силами противостоять Шончанской империи, а не заключать с нею союз. Все ее существо противилось каждому шагу, приближавшему ее к делегации шончан. Шончанская предводительница потребовала

аудиенции с Эгвейн, и да ниспошлет Свет, чтобы та оказалась недолгой.

Эгвейн уже сообщали об этой Фортуоне, и она представляла, чего ожидать. С невысокого помоста шончанская императрица наблюдала за приготовлениями к битве — миниатюрная, в блестящем платье, до нелепого длинный шлейф которого поддерживали восемь слуг-да'ковале в крайне откровенных нарядах. Вокруг, держась группками, толпились Высокородные; судя по их напряженным позам, все настороженно ждали, что будет дальше. Стражи Последнего часа в массивной, почти черной броне окружали императрицу, словно каменные глыбы.

В сопровождении своих гвардейцев и большинства восседающих Эгвейн приблизилась к помосту. Поначалу Фортуона настаивала, чтобы Амерлин явилась в шончанский лагерь, но на это предложение ответили, разумеется, отказом, и окончательные условия обговорили лишь спустя несколько часов: императрица и Амерлин встретятся здесь, в Арафеле, и обе будут стоять, а не сидеть, чтобы не создалось впечатление, будто одна из них превосходит другую. Тем не менее Эгвейн была недовольна, обнаружив, что ее ожидают. Ей хотелось так рассчитать время,

чтобы прийти на место встречи одновременно с Фортуоной.

Шончанка отвлеклась от созерцания войск и взглянула на Эгвейн. По-видимому, многие отчеты Суан мало в чем соответствовали действительности. Да, телосложением и чертами лица Фортуона и впрямь походила на дитя, но сходство оказалось поверхностным, поскольку у детей не бывает столь прозорливого и расчетливого взгляда. Эгвейн рассчитывала увидеть в императрице изнеженную баловницу судьбы, но теперь пересмотрела свои ожидания.

— Я раздумывала, уместно ли будет говорить с тобой в личном порядке, собственным голосом, — сказала Фортуона.

Стоявшие поблизости Высокородные — ногти накрашены, головы частично выбриты согласно шончанским обычаям — изумленно ахнули, но Эгвейн даже не посмотрела в их сторону, поскольку там же находились несколько сул'дам со своими дамани, коих она предпочла игнорировать, дабы не выйти из себя.

— А я раздумывала, — ответила она, — уместно ли вообще говорить с такой, как ты, повинной в чудовищных зверствах.

— И решила, что будет уместно, — продолжи-

ла Фортуона, пропустив ремарку Эгвейн мимо ушей. — Думаю, пока что правильнее видеть в тебе не марат'дамани, но королеву тех, кто населяет эти земли.

— Нет, — сказала Эгвейн. — Ты будешь видеть во мне ту, кем я являюсь, женщина. Таково мое требование.

Фортуона поджала губы.

— Ну хорошо, — объявила она после паузы. — Я уже говорила с дамани; тренировать их — мое хобби. Расценивая тебя одной из них, я не нарушу протокол, ибо императрице можно разговаривать как со своими собаками, так и с прочими питомцами.

— В таком случае я тоже буду говорить с тобой напрямую, — отозвалась Эгвейн, сохраняя бесстрастное лицо. — Ибо Амерлин, нередко выступающая в роли судьи, должна уметь говорить с убийцами и насильниками, дабы вынести им приговор. Думаю, в их компании тебе самое место — хотя подозреваю, что насильники и убийцы сочли бы твое общество тошнотворным.

— Как вижу, союз между нами будет ненадежным, — заметила Фортуона.

— Ты ожидала иного? — спросила Эгвейн. — Ты держишь моих сестер в плену, и сотворенное

с ними куда хуже насильственной смерти. Ты пытала их, пока не сломила их волю. Светом клянусь, лучше бы ты лишила их жизни.

— Вряд ли ты поймешь суть вещей. — Фортуона окинула взглядом поле сражения. — Ведь ты — марат'дамани, а для них вполне… естественно искать личную выгоду.

— Да, это естественно, — тихо согласилась Эгвейн. — Именно поэтому я и настаиваю, чтобы ты видела во мне ту, кем я являюсь, поскольку я представляю собой вернейшее доказательство лживых устоев твоего общества и твоей империи. Перед тобой женщина, на которую, по твоим настояниям, ради общего блага надо надеть ошейник. Однако, вопреки твоим утверждениям, я не проявляю склонности к диким безумствам и не представляю опасности для окружающих. И покуда я свободна от твоего ошейника, любой из ныне живущих, будь то мужчина или женщина, увидит во мне доказательство твоей лжи.

Над группками шончан прокатился ропот. Фортуона, чье лицо оставалось невозмутимым, ответила:

— С нами ты была бы куда счастливее.

— Да неужели? — усомнилась Эгвейн.

— Да. Говоришь, тебе ненавистен ошейник,

но надень его — и увидишь, как все упростится. Мы не пытаем наших дамани. Мы заботимся о них, позволяя им жить спокойной и достойной жизнью.

— Так ты не знаешь, верно? — спросила Эгвейн.

— Я — императрица, — ответила Фортуона. — Мое владычество простирается за моря и океаны, и пределы моего покровительства объемлют все знания и помыслы человечества. Если есть что-то, чего не знаю я, это знают подданные моей империи, ибо я олицетворяю собой империю.

— Восхитительно, — промолвила Эгвейн. — А известно ли твоей империи, что я уже носила такой вот ошейник? Что меня дрессировала одна из твоих сул'дам?

Лицо Фортуоны окаменело. Она бросила на Эгвейн потрясенный взгляд, но тут же скрыла свое изумление.

— Я была в Фалме, — продолжила Эгвейн. — Была там дамани, и мною занималась Ринна. Да, женщина, я носила твой ошейник, но мира и покоя в нем не обрела. Вместо этого я нашла унижение, боль и ужас.

— Как вышло, что я об этом не знаю? — громко спросила Фортуона, повернувшись к Высокород-

ным. — Почему мне не сказали?

Эгвейн бросила взгляд на собравшуюся тут шончанскую знать. Похоже, Фортуона обращалась к мужчине — тому, что красовался в богатом, черном с золотом наряде, отороченном белыми кружевами. Один его глаз прикрывала повязка, тоже черная, а ногти на обеих руках были выкрашены в темно…

— Мэт?! — пролепетала Эгвейн.

Мэт со смущенным видом слегка помахал ей рукой.

«Ох, Свет! Во что он ввязался?» — подумала Эгвейн, а затем прокрутила в голове заранее составленный план. Мэт прикидывается шончанским аристократом. Должно быть, эти люди не знают, кто он такой на самом деле. Что же предложить императрице в обмен на него?

— Подойди, — велела Фортуона.

— Этот человек не… — начала было Эгвейн, но Фортуона перебила ее:

— Кнотай, знал ли ты, что эта женщина — беглая дамани? Ведь вы, по-моему, знакомы с самого детства.

— Тебе известно, кто он? — спросила Эгвейн.

— Ну конечно, — ответила Фортуона. — Его имя Кнотай, но в прошлом он звался Мэтрим Коутон.

Только не подумай, марат'дамани, что он будет подчиняться тебе, хоть вы и выросли вместе. Отныне он — Принц воронов и титула удостоился потому, что женат на мне. Он служит Шончан, Хрустальному трону и императрице.

— Да живет она вечно, — добавил Мэт. — Привет, Эгвейн! Рад был узнать, что ты сбежала от этих шарцев. Как там Белая Башня? Предположу, что… все еще белая?

Эгвейн перевела взгляд с Мэта на шончанскую императрицу, потом опять посмотрела на Мэта, снова на императрицу и, не зная, что еще сделать, расхохоталась:

— Ты вышла замуж за Мэтрима Коутона?!

— Так велели знамения, — ответила Фортуона.

— Ты чрезмерно сблизилась с та'вереном, — объяснила Эгвейн, — и Узор связал тебя с ним!

— Это глупые предрассудки, — заявила Фортуона, а Эгвейн опять глянула на Мэта.

— От этого та'веренства мне никакой пользы, — кисло произнес тот. — Наверное, надо сказать спасибо, что Узор не схватил меня за сапоги и не утащил в Шайол Гул. Такое себе счастье…

— Ты не ответил на мой вопрос, Кнотай, — напомнила Фортуона. — Знал ли ты, что эта женщина — беглая дамани? А если знал, почему

не сказал мне?

— Да я как-то об этом особо не задумывался, — ответил Мэт. — Да и в ошейнике она проходила совсем недолго, Туон.

— На эту тему поговорим в другой раз, — сказала Фортуона, понизив голос, — и разговор будет не из приятных. — Она снова повернулась к Эгвейн. — Вести беседу с бывшей дамани — не то же самое, что общаться с недавно пойманной или той, что всегда была свободна. О таком станет известно всем и каждому. Ты доставила мне… некоторое неудобство.

Эгвейн озадаченно смотрела на императрицу. О Свет! Эти шончан — совершенные безумцы.

— С какой целью ты настояла на встрече? Дракон Возрожденный сообщил, что вы нам поможете в битве. Так помогайте.

— Нам надо было познакомиться, — сказала Фортуона, — ведь ты — моя противоположность. Я согласилась присоединиться к мирному договору, который предложил Дракон, но на определенных условиях.

«Ох, Свет! — Эгвейн приготовилась к худшему. — Ранд, что ты им пообещал?»

— Давая согласие вступить в битву, — продолжила Фортуона, — я признаю суверенитет

государств в ныне существующих границах. Мы не станем принуждать к подчинению марат'дамани — кроме тех, кто окажется в пределах наших владений.

— И каковы же они, эти ваши владения? — осведомилась Эгвейн.

— В данный момент, как я уже…

— Конкретнее, женщина, — твердо сказала Эгвейн. — Ответь четко и ясно, где пролегают ваши границы.

Фортуона — очевидно, не привыкшая, что ее перебивают, — крепко сжала губы. Наконец она произнесла:

— Под нашей властью Алтара, Амадиция, Тарабон и равнина Алмот.

— А Тремалкин? — спросила Эгвейн. — Его вы уступите, как и другие острова Морского народа?

— Их я не стала упоминать, поскольку с материком эти земли не связаны. Они принадлежат океану и не имеют к тебе никакого отношения. Кроме того, острова не являются частью соглашения с Драконом Возрожденным. Их он не упоминал.

— Его мысли заняты другими делами. Тремалкин станет частью нашего с тобой договора.

— Я не собиралась с тобой договариваться, —

спокойно возразила Фортуона. — Тебе требуется наша поддержка. По моему приказу мы можем уйти отсюда в мгновение ока. Что ты противопоставишь вражеской армии без нашей помощи, о которой только что умоляла?

«Умоляла?» — изумилась про себя Эгвейн, а вслух произнесла:

— Понимаешь ли ты, что будет, если мы проиграем Последнюю битву? Темный сломает Колесо, убьет Великого Змея, и на этом закончится все сущее. Если нам повезет. А если нет, Темный переделает мир в соответствии со своими извращенными фантазиями. Все люди, все последующие поколения будут обречены на рабскую жизнь и мучительные страдания.

— Это мне известно, — подтвердила Фортуона. — Но ты ведешь себя так, будто все решится в предстоящем сражении. Здесь, на этом поле боя.

— Если мою армию уничтожат, — объяснила Эгвейн, — под угрозой окажется всеобщий успех. Да, все и впрямь может зависеть от того, что происходит здесь и сейчас.

— Я не согласна, — возразила Фортуона. — Твои войска, состоящие из потомков клятвопреступников, не имеют первостепенной важности. Вы противостоите Тени, и это делает вам честь. Если

вы проиграете, я вернусь в Шончан, призову к оружию Непобедимую армию, и та всей своей мощью сокрушит весь этот… ужас. Мы все равно одержим победу в Последней битве. Без вас нам придется труднее, и мне не хотелось бы напрасно терять людей, которые могли бы принести пользу, и лишаться потенциальных дамани, но я уверена, что мы и сами выстоим против Тени.

Она посмотрела Эгвейн в глаза.

«Такая равнодушная, — подумала та. — Она блефует. Вне всяких сомнений». В донесениях глаз-и-ушей Суан утверждалось, что на родине Фортуоны разгорелся связанный с престолонаследием кризис, и вся Шончан охвачена хаосом.

Быть может, Фортуона и правда верит, что империя в одиночку выстоит против Тени. Если так, она заблуждается.

— Ты обязана сражаться бок о бок с нашим войском, — сказала Эгвейн. — Ты заключила договор с Рандом. Предполагаю, что дала ему слово.

— Тремалкин останется за нами.

— Да ну? Ты уже назначила там наместника? — спросила Эгвейн. — Кого-то из Морского народа, признавшего твою власть?

Фортуона промолчала.

— Тебе подчинились почти все завоеванные

земли, — продолжила Эгвейн. — К добру или к худу, но алтарцы и амадицийцы поддерживают тебя, и тарабонцы, как видно, тоже. Но вот Морской народ… Мне ни разу не сообщали, чтобы хоть кто-то из тамошних обитателей выступил на твоей стороне или продолжил мирно существовать под твоей пятой.

— Но границы…

— Согласно упомянутым тобой границам — тем, что проведены на современных картах, — Тремалкин относится к землям Морского народа. Он не ваш. Если в договоре значится, что нынешние рубежи неизменны, тебе надо, чтобы правитель Тремалкина признал твою власть.

Эгвейн понимала всю слабость этого довода. Шончан — завоеватели. Какое им дело до законности своих притязаний? Но Фортуона, похоже, задумалась над ее словами. Она сдвинула брови и наконец произнесла:

— Это… весомый аргумент. На Тремалкине нас не признали. С их стороны глупо отвергать предложенный нами мир, но что сделано, то сделано. Ну хорошо. Мы покинем Тремалкин, но я, подобно тебе, добавлю к соглашению еще одно условие.

— И какое же?

— Ты объявишь и донесешь до сведения всех,

кто проживает в твоей Башне и на твоих землях, что любой марат'дамани будет позволено явиться в Эбу Дар и должным образом надеть ошейник, — сказала Фортуона.

— По-твоему, людям захочется, чтобы их посадили на привязь? — Нет, шончанка точно спятила. Иначе и быть не может.

— Конечно, — ответила Фортуона. — В Шончан мы ищем способных направлять Силу — но, бывает, упускаем, хоть и случается такое крайне редко. Обнаружив, кто они такие на самом деле, эти люди приходят к нам и требуют, чтобы на них надели ошейник, поскольку он должен быть надет. Ты не станешь удерживать никого, кто захочет поступить таким же образом.

— Поверь, желающих не найдется.

— В таком случае не вижу преград для обнародования упомянутого воззвания, — сказала Фортуона. — Мы снарядим эмиссаров, и они расскажут твоему народу о преимуществах жизни в статусе дамани. Наши наставники придут с миром, поскольку мы не станем нарушать договор. Думаю, многие удивятся их словам, а некоторые сумеют отличить хорошее от плохого.

— Поступай как знаешь, — с некоторым изумлением сказала Эгвейн. — Если будешь действовать

в рамках закона, предположу, что многие правители примут твоих… эмиссаров. Хотя за всех говорить не стану.

— Как насчет земель под твоим управлением? Насчет Тар Валона? Ты примешь наших эмиссаров?

— Если они не станут преступать никаких законов, — сказала Эгвейн, — я не стану затыкать им рот. Я и белоплащников впустила бы, вот только любое их слово подстрекает людей к бунту. Но Свет, женщина, неужели ты действительно веришь…

Глядя на Фортуону, она осеклась. Да, та и впрямь не сомневалась в истинности своего убеждения. По крайней мере, признаков умышленной лжи Эгвейн не увидела.

«Что ж, она хотя бы не лукавит, — подумала Эгвейн. — Умалишенная, но говорит искренне».

— А те дамани, которых ты держишь в плену? — спросила она. — Отпустишь их, если они захотят уйти?

— Этого не пожелает никто из прошедших надлежащую дрессировку.

— Условия должны быть одинаковы для обеих сторон, — сказала Эгвейн. — Допустим, вы обнаружите девушку со способностями, но она не

захочет становиться дамани. Будет ли ей позволено покинуть ваши владения и присоединиться к нам?

— Это все равно что выпустить на городскую площадь разъяренного *гролма*.

— Ты сказала, что люди сумеют отличить хорошее от плохого, — напомнила Эгвейн. — Смогут увидеть истину. Если ваш уклад крепок, а идеалы верны, желающих уйти не найдется. В ином случае ты не станешь никого принуждать. Пусть те, кто хочет свободы, обретут ее, и я дозволю твоим людям вести… свои речи в Тар Валоне. О Свет! Да я предоставлю им бесплатный стол и кров и еще прослежу, чтобы так было в каждом городе!

Фортуона внимательно посмотрела на Эгвейн.

— Многие сул'дам отправились на эту войну в надежде пленить новых дамани из числа тех, кто служит Тени. К примеру, этих шарцев. Предпочтешь, чтобы их — или этих твоих сестер Тени — отпустили на свободу? Чтобы они продолжили сеять смерть и разрушения?

— Нет. Во имя Света их должно судить и казнить.

— Почему бы не найти им применение? Зачем отнимать у них жизнь безо всякой на то пользы?

— То, что вы творите, омерзительно! — сказала

Эгвейн, сдерживая приступ гнева. — Такого не заслуживает даже Черная Айя.

— Не следует так бездумно разбрасываться ресурсами.

— Да? — спросила Эгвейн. — Понимаешь ли ты, что каждая из твоих сул'дам, твоих драгоценных дрессировщиц, тоже представляет собой марат'дамани?

— Хватит разносить эту ложь! — с возмущением повернулась к ней Фортуона.

— Хватит? Так давай проверим, Фортуона! Говоришь, ты сама обучала дамани? Значит, могу предположить, что ты — сул'дам? Тогда надень ай'дам на шею. Я не прошу, но бросаю тебе вызов. Если я ошибаюсь, ты ничего не почувствуешь, но в ином случае окажешься во власти ошейника и поймешь, что ты — такая же марат'дамани!

Глаза Фортуоны расширились от гнева. Ей было нипочем, когда Эгвейн обзывала ее преступницей, но это обвинение, похоже, задело императрицу за живое… и Эгвейн не преминула провернуть кинжал в ране:

— Да, давай-ка узнаем реальную ценность твоих убеждений. Если окажется, что ты способна направлять Силу, защелкнешь ли ты ошейник на собственной шее, Фортуона? Поступишь ли так

же, как, по твоему мнению, должны поступать другие? Подчинишься ли своим же законам?

— Я всегда им подчинялась, — холодно ответила Фортуона. — Ты совершенно ничего не знаешь. Быть может, ты права — и сул'дам могут научиться направлять Силу, но это не то же самое, что быть марат'дамани, — так же, как человек, способный стать убийцей, не может считаться таковым.

— Посмотрим, что будет, — сказала Эгвейн, — когда твои люди начнут понимать, что все это время их обманывали.

— Когда-нибудь твой народ передаст тебя в мои руки, — негромко произнесла Фортуона, — и я сама займусь твоей дрессировкой и сломлю тебя. Или ты забудешься, и высокомерие приведет тебя к нашим границам. Я буду ждать.

— Я собираюсь прожить несколько веков, — тоже понизила голос Эгвейн. — И я увижу, как рушится твоя империя, Фортуона. Поверь, я буду смотреть на это с радостью.

Она подняла палец, собираясь ткнуть императрицу в грудь, но Фортуона с головокружительной быстротой, несопоставимой с ее ростом, схватила Эгвейн за запястье, не позволив коснуться себя.

Эгвейн инстинктивно обняла Истинный Источ-

ник. Стоявшие поблизости дамани изумленно ахнули, и их разом окружило сияние Единой Силы.

Мэт протиснулся между императрицей и Амерлин и, положив ладони обеим на грудь, оттолкнул женщин друг от друга. Повинуясь инстинкту, Эгвейн сотворила прядь Воздуха, чтобы убрать его руку, но плетение, разумеется, тут же расплелось.

«Кровь и пепел, как некстати!» Эгвейн совсем забыла, что рядом Мэт, а на нем — медальон с лисьей головой.

— Давайте-ка повежливее, дамочки, — велел Мэт, глянув сперва на одну, затем на другую. — Не делайте так, чтобы мне пришлось вас отшлепать.

Эгвейн свирепо посмотрела на него, а когда Мэт не отвел взгляда, сообразила, что он пытается отвлечь ее гнев на себя, тем самым защитив императрицу.

Она опустила взор на его руку, оказавшуюся в опасной близости от ее грудей. Фортуона тоже смотрела на ладонь Мэта.

Руки тот в конце концов убрал, но не особо торопился, будто в этих прикосновениях не было ничего особенного.

— В вас обеих нуждаются люди этого мира — так что хватит дурить, поняли? По сравнению с тем, что творится, мы никто и ничто. Когда вы ссоритесь, победу не одерживает никто, кроме Темного. Так что довольно с меня этих детских выходок.

— Сегодня вечером я скажу много слов на эту тему, Кнотай, — предупредила Фортуона.

— Обожаю слова, — сказал Мэт. — Порой они милы и восхитительны. Допустим, «улыбнись». Я всегда считал, что это прелестное слово. Тебе так не кажется? Или, к примеру, такие слова: «Я обещаю не убивать Эгвейн за то, что она пыталась коснуться меня, императрицы, да живу я вечно, потому что в ближайшую пару недель нам, так-перетак, понадобится ее растреклятая помощь». — И он со значением посмотрел на Фортуону.

— Ты что, и правда вышла за него замуж? — спросила у нее Эгвейн. — В самом деле?

— Все сложилось… не самым обычным образом. — Взяв себя в руки, Фортуона прожгла ее пылающим взглядом. — Он мой, и я не намерена его отпускать.

— По-моему, ты не из тех, кто отпускает хоть что-то, попавшее в руки, — заметила Эгвейн. — В

данный момент меня интересует не Мэтрим, а твоя армия. Так ты будешь сражаться или нет?

— Буду, — ответила Фортуона, — но мои войска тебе не подчиняются. Пусть твой командующий присылает свои предложения, и мы их рассмотрим. Но, как вижу, вам непросто будет оборонять брод от захватчиков, не имея значительного числа марат'дамани. Поэтому некоторых сул'дам и дамани я отправлю на подмогу твоей армии. Пока что на этом все. Идем, Кнотай. — С этими словами она направилась к Высокородным.

— Не знаю, как тебя угораздило так вляпаться, — тихонько шепнула Мэту Эгвейн, — да и знать не хочу. Но после битвы сделаю все, что в моих силах, чтобы ты снова обрел свободу.

— Это очень мило с твоей стороны, Эгвейн, но я и сам справлюсь. — И Мэт убежал следом за Фортуоной.

Что ж… Он всегда так говорит. Но Эгвейн найдет способ ему помочь. Она покачала головой и вернулась туда, где ее ждал Гавин. Лильвин отказалась сопровождать ее, хотя Эгвейн думала, что шончанке будет приятно увидеть соотечественников.

— Надо держать их подальше от себя, — тихо посоветовал Гавин.

— Согласна, — кивнула Эгвейн.

— И ты будешь сражаться бок о бок с шончан? Несмотря на все, что они сделали?

— Да — пока они будут отвлекать на себя владеющих Силой из армии Шары. — Эгвейн бросила взгляд на горизонт — туда, где Ранд, наверное, уже вступил в главный бой своей жизни. — У нас не так много вариантов, Гавин, а союзников становится все меньше. Любой, кто готов убивать троллоков, — наш друг. Вот, собственно, и все.

Прорвав андорский строй, троллоки — скалящие клыки твари, чье зловонное дыхание клубилось в зябком воздухе, — ринулись вперед. Вооруженные алебардами солдаты Илэйн, спотыкаясь, бросились бежать. Первые троллоки не обратили на них внимания; они с воем неслись все дальше, освобождая место для своих собратьев, и те хлынули в образовавшуюся брешь, подобно темной крови, что хлещет из открытой раны.

Илэйн попыталась собраться со скудными остатками сил. Казалось, саидар готова ускользнуть от нее в любой момент, но бойцам, что сражались и умирали у этих стен, приходилось не слаще, чем их королеве, — ведь сражение длилось почти целый день.

Каким-то чудом Илэйн сумела найти энергию для своих плетений и тут же поджарила ближайших троллоков огненными сферами, задержав поток, хлынувший из бреши в человеческих рядах. Белыми росчерками воздух рассекли стрелы, выпущенные из лука Бергитте, и несколько троллоков схватились за горло, издавая булькающие звуки.

Верхом на Лунной Тени Илэйн удар за ударом громила врагов, вцепившись онемевшими пальцами в седло. Веки налились свинцом, и она моргала куда чаще обычного. Мертвых троллоков становилось все больше. Словно корка на ссадине, они закрывали образовавшуюся прореху, мешая остальным прорваться за ряды андорцев. Наконец подоспел резервный отряд, и монстров удалось оттеснить.

Илэйн выдохнула и сгорбилась в седле. О Свет! Такое чувство, что ее заставили бегать вокруг Кэймлина со свинцовыми гирями в руках. Она едва сидела в седле, не говоря уже о том, чтобы удерживать Единую Силу. Звуки сделались приглушенными, в глазах сгустился туман, а затем стало… черным-черно.

Сперва вернулся слух. Отдаленные возгласы, лязг оружия. Тихий-тихий горн. Завывания трол-

локов. Временами — грохот драконов. «Реже, чем хотелось бы», — подумала Илэйн. Ритм ведения огня выбирала Алудра. Время от времени Башир давал одному из отрядов приказ к отступлению, чтобы бойцы могли отдохнуть. В образовавшийся разрыв устремлялись троллоки; их встречали короткими залпами из орудий, а когда монстры пытались приблизиться к драконам, появлялась кавалерия и добивала их с флангов.

Троллоков полегла тьма-тьмущая. Такова нынче людская работа — убивать троллоков.

«Медленно, — подумала Илэйн. — Слишком медленно…»

Оказалось, она лежит на земле, а над ней маячит озабоченное лицо Бергитте.

— Ох, Свет! — кое-как выговорила Илэйн. — Я что, с лошади упала?

— Тебя вовремя подхватили, — пробурчала Бергитте. — Считай, ты лишилась чувств у меня на руках. Нам пора. Отступаем.

— Я…

Бергитте приподняла бровь в ожидании возражений, но их не последовало, поскольку трудно спорить, лежа на спине в нескольких шагах от передовой. Илэйн чувствовала, что саидар покинула ее и вряд ли вернется сейчас даже в случае

смертельной опасности.

— Да, — промолвила она. — Пора узнать… узнать, как дела у Башира.

— Мудрое решение. — Бергитте жестом подозвала гвардейцев, чтобы те помогли Илэйн вернуться в седло, и добавила после паузы: — Ты молодец, Илэйн. Солдаты видели, как сражается королева, и это пошло на пользу.

За этими словами последовало торопливое отступление в тыл, где мало кто оставался; почти все солдаты отправились в бой, чтобы одержать победу, пока не подоспела вторая армия троллоков.

Илэйн, однако, удивилась малочисленности резервов, которые были выделены для смены отрядов в передних линиях, чтобы солдаты могли немного передохнуть. Сколько же времени прошло?

Зачастую небо над Илэйн расчищалось, но теперь его затянуло тучами. Дурной знак.

— Будь они прокляты, эти облака! — проворчала Илэйн. — Который час?

— Наверное, два часа после заката, — ответила Бергитте.

— О Свет! Что ж ты раньше не сказала, что мне давно пора вернуться в лагерь?!

Страж бросила на нее сердитый взгляд. Илэйн смутно вспомнила, как Бергитте не раз пыталась увести ее с поля боя. Что ж, теперь спорить бесполезно. Силы понемногу возвращались к Илэйн. Она заставила себя расправить плечи, пока Лунную Тень вели в лощинку меж холмами неподалеку от Кайриэна. Отсюда Башир руководил битвой.

Илэйн подъехала прямиком к командному пункту, опасаясь, что ноги откажутся ее держать, и, не спешиваясь, обратилась к Баширу:

— У нас получилось?

Тот поднял на нее взгляд и сказал:

— Полагаю, что на вас рассчитывать уже не приходится?

— Пока что я слишком слаба, чтобы направлять Силу. Простите.

— Вы продержались дольше, чем я предполагал. — Он сделал пометку на карте. — И это хорошо. Вероятно, только благодаря вам не обрушился восточный фланг. Надо бы послать туда новое подкрепление.

— Так все получилось?!

— Поезжайте, посмотрите. — Башир кивнул в сторону холма.

Илэйн скрипнула зубами, но направила Лун-

ную Тень на вершину, где достала зрительную трубу, обнаружив, что руки дрожат куда сильнее, чем ей того бы хотелось.

Троллочьи войска врезались в выстроившихся полумесяцем защитников города. В результате, что вполне естественно, пехота подалась назад и отступила, и под натиском чудовищ дуга выгнулась в обратную сторону. Из-за этого отродья Тени решили, будто преимущество на их стороне, но так и не сумели понять, к чему все идет.

По мере продвижения троллоков вперед пехота обходила их с обоих флангов, окружая врага. Илэйн пропустила самый важный момент — тот, когда Башир бросил в атаку отряды айильцев, чей стремительный удар по троллокам с тыла принес именно тот результат, на который все рассчитывали.

Войска Илэйн замкнули троллоков в кольцо, и теперь отродьям Тени, скованным в этом громадном, сжимающемся кругу, приходилось противостоять натиску со всех сторон.

Получилось. О Свет, еще как! Айильцы уничтожали арьергард троллоков, и петля понемногу затягивалась.

Но кто же трубит в те троллочьи рога?

Илэйн обвела ищущим взглядом темную массу

отродий Тени, но не заметила ни одного, кто давал бы эти сигналы. Зато она увидела близ айильских рядов нескольких мертвых мурддраалов. И еще всадников Отряда Красной руки, а с ними — одного из драконов Алудры — установленного на тележке, которую тянули две лошади. Выходит, орудия перемещали на другие холмы, чтобы вести оттуда огонь по окруженным врагам.

— Илэйн… — окликнула ее Бергитте.

— Ах да, извини. — Илэйн протянула ей зрительную трубу. — На, посмотри. Все идет как надо.

— Илэйн! — повторила Бергитте, в чьем голосе слышалось сильнейшее беспокойство. Илэйн повернулась, проследила за взглядом Стража, устремленным далеко за городские стены. Эти рога… Только сейчас Илэйн сообразила, что их негромкий звук доносится с юга.

— О нет!.. — Она тут же подняла к глазу зрительную трубу.

Растекшейся по горизонту черной слизью к городу приближалась вторая троллочья армия.

— Разве Башир не говорил, что они объявятся не раньше завтрашнего утра? — спросила Бергитте. — Ближе к полудню?

— Теперь это не имеет значения, — сказала

Илэйн. — Так или иначе, они уже здесь. Надо развернуть драконов в другую сторону. Передай приказ Талманесу и разыщи лорда Тэма ал'Тора! Пусть двуреченцы готовятся к бою. О Свет! И арбалетчики тоже. Надо задержать эту вторую армию во что бы то ни стало!

«Башир, — мелькнула у нее мысль. — Я должна рассказать об этом Баширу».

Развернув Лунную Тень, Илэйн поскакала в лощинку так быстро, что у нее закружилась голова. Девушка попробовала коснуться Источника, но тщетно. Она так устала, что с трудом удерживала поводья.

Каким-то чудом ухитрившись не вылететь из седла, Илэйн все же спустилась с холма. Бергитте отправилась передавать ее приказы. Умница. Подъехав к лагерю, Илэйн увидела, что в штабе тем временем разгорается перепалка.

— …Слышать не желаю! — кричал Башир. — И не потерплю, чтобы меня оскорбляли в собственном лагере! Проклятье!

Гнев его был обращен не на кого иного, как на Тэма ал'Тора. Невозмутимый двуреченец взглянул на Илэйн и широко раскрыл глаза, словно изумился, увидев ее в этой лощине.

— Ваше величество, мне сказали, что вы еще

на поле боя. — Он повернулся к Баширу, чье лицо побагровело.

— Я не хотел, чтобы вы отправились к ней с этим… — начал было тот.

— Хватит! — Илэйн остановила Лунную Тень между мужчинами. С какой стати Тэм — не кто-то, а Тэм! — пререкается с Баширом? — Башир, вторая армия троллоков уже на подходе.

— Да, — подтвердил Башир, тяжело дыша. — Мне только что доложили. О Свет, Илэйн, это катастрофа. Придется отступать через переходные врата.

— Родня истощена после недавнего марша, — напомнила ему Илэйн. — У женщин едва хватит сил, чтобы согреть чашку чая, так что переходные врата нам никто не откроет. — «О Свет! А я сама даже чай подогреть не сумела бы». Девушка добавила голосу твердости: — И это, напомню, входило в наши планы.

— Я… Да, вы правы, — сказал Башир и опустил глаза на карту. — Дайте подумать. Город. Отступим за городские стены.

— Чтобы отродья Тени отдохнули, объединились и пошли на штурм? — спросила Илэйн. — Разве не к этому нас пытаются принудить?

— Других вариантов не вижу, — ответил Ба-

шир. — Город — единственная наша надежда.

— Город? — подбежал запыхавшийся Талманес. — Неужели вы обсуждаете отступление в город? Быть такого не может!

— Почему нет? — спросила Илэйн.

— Ваше величество, пехота только что взяла в окружение армию троллоков и теперь рвет ее клыками и когтями! У нас не осталось резервов, а конница еле дышит. Мы не сможем выйти из боя без тяжелых потерь! А затем выжившие окажутся заблокированы в городе — между двух армий Тени. Это ловушка!

— О Свет, — прошептала Илэйн, — такое чувство, что все это спланировано.

— Думаю, так оно и есть, — тихо произнес Тэм.

— Что, опять?! — взревел Башир.

Илэйн знала, что салдэйцы отличаются горячим нравом, но великий капитан перестал быть похож на самого себя и словно превратился в другого человека. Подошла его жена, скрестила руки на груди и недовольно уставилась на Тэма.

— Если есть что сказать, Тэм, говорите, — велела ему Илэйн, а когда Башир принялся было возражать, подняла руку, вынудив его замолчать.

— Он знал, ваше величество, — продолжил Тэм,

не повышая голоса. — Других объяснений я не нахожу. Он не отправлял айильцев на разведку.

— Как это не отправлял? — изумилась Илэйн. — Я же читала их донесения!

— Они подделаны или по меньшей мере изменены, — сказал Тэм. — Я говорил с Бэилом. По его словам, за последние дни марша никого из айильцев не посылали на разведку. Он думал, что эту обязанность возложили на моих людей, но ничего подобного. И с Аргандой я тоже говорил. Он думал, что разведкой занимаются белоплащники, а Галад кивает на Отряд Красной руки.

— Он ошибается, — сдвинул брови Талманес. — Моим парням такого не поручали.

Все взоры устремились на Башира.

— Кто, — спросила Илэйн, — присматривал за нашим тылом, Башир?

— У меня… — Он поднял глаза. В них снова разгорался гнев. — У меня где-то были донесения! Я их показывал, и вы остались довольны!

— Слишком уж все гладко, — сказала Илэйн.

Меж лопаток пробежал внезапный холодок и ледяной волной растекся по всему телу. Ее армия оказалась в ловушке, из которой нет выхода. Те, кто может направлять Силу, доведены до истощения, солдаты увязли в ближнем бою, а

вторая вражеская армия скрытно подошла на день раньше, чего никто не ожидал, поскольку, если верить сказанному, донесения разведчиков подделаны…

Даврам Башир — приспешник Темного.

— Я освобождаю Башира от обязанностей командующего, — объявила Илэйн.

— Что?! — взвился было тот, но жена коснулась его руки, не отводя горящего взгляда от королевы. Башир ткнул пальцем в сторону Тэма: — Но я отправлял двуреченцев в разведку! Обвинять следует Тэма ал'Тора, ваше величество! Он пытается сбить вас с толку!

— Талманес, пусть пятеро «красноруких» возьмут лорда Башира и его жену под стражу, — приказала Илэйн. Холод пробрал ее до самых костей.

Башир встретил это решение чередой ругательств, но Илэйн удивлялась собственному спокойствию. Глядя, как Башира силой уводят прочь, она ровным счетом ничего не чувствовала.

Что ж, сейчас не время для переживаний.

— Соберите военачальников, — обратилась она к остальным. — Позовите Галада, Арганду… И уничтожьте окруженных возле города тролло-

ков! Пусть мои слова услышит каждый. Бросьте в бой всех, кто у нас есть. Если не покончить с первой армией в течение часа, мы погибнем! Далее — Талманес! Вряд ли от драконов будет толк против окруженных троллоков, ведь мы рискуем попасть в собственных солдат. Пусть Алудра перевезет орудия на самый высокий холм и готовится стрелять по армии, идущей с юга. Огирам скажите, чтобы оцепили холм с драконами; нельзя, чтобы их захватили троллоки. Тэм, расставьте двуреченских лучников на соседних холмах, а Легион Дракона выдвиньте вперед: сперва арбалетчики, за ними тяжелая конница. Если будет на то воля Света, этого хватит, чтобы выиграть время и покончить с первой армией.

Ситуация выглядела скверно. О Свет! Если второе войско окружит ее людей…

Сделав глубокий вдох, Илэйн открыла себя саидар, и Единая Сила хлынула в нее, хотя удержать получилось лишь тонкий ручеек. Можно делать вид, что ты в норме, и вести себя как обычно, но организм не обманешь.

И все равно Илэйн поведет свою армию в бой.

Глава 27. Удар по своим

Гарет Брин прохаживался по лагерю, устроенному на арафелском берегу, в нескольких сотнях шагов от кандорской границы к востоку от брода, и не обращал внимания на солдат, встречавших его приветственным салютом. Справа семенила Суан, слева шагал вестовой, принесший новые донесения. Следом тащилась разнобоица охранников, писарей и помощников с картами, чернилами и писчей бумагой.

Пылающая равнина содрогалась от разрывов Силы, и грохот стоял — как на склоне горы во

время оползня.

Брина уже не беспокоил вездесущий запах дыма. По крайней мере, некоторые пожары удалось потушить: шончанские владеющие Силой обосновались у реки и черпали оттуда целые потоки воды.

Землю вздыбило новым ударом Единой Силы, теперь ближе, и неподалеку с лязгом обвалилась стойка с алебардами. Брина и Суан осыпало комьями земли, по шлему и кирасе простучали мелкие камешки. Он едва устоял на ногах, но велел вестовому:

— Не умолкай, парень.

— Э-э-э… Слушаюсь, милорд. — У долговязого гонца, носившего имя Холком, была лошадиная физиономия. — Айз Седай на Красном, Зеленом и Голубом холмах еще держатся. Серые отступили, а Белые сообщают, что скоро выбьются из сил.

— Остальные Айз Седай тоже измотаны до предела, — сказала Суан. — Не удивлена, что первыми это признали Белые. В их понимании это не повод для стыда, а лишь очередная констатация факта.

Брин хмыкнул, не обратив внимания на новый град земляных комьев. Стоять на месте было нельзя: слуги Тени имели немалые возможно-

сти для использования переходных врат и они непременно попытаются ударить по тем, кто командует и управляет войсками противника. На их месте Брин поступил бы именно так. Лучшим способом противодействовать подобной стратегии представлялось не иметь командного центра — по крайней мере, такого, который бросается в глаза и который можно легко обнаружить.

В общем и целом битва развивалась по плану. Когда такое случается, непросто сдержать изумление, ведь полководец, как правило, вынужден пересматривать тактику, решая неожиданные проблемы, отвечая на шаги противника, — но в кои-то веки все шло как по маслу.

С вершин холмов к югу от брода Айз Седай исправно громили шарцев, а лучники, стоявшие на склонах этих же холмов, осыпали противника нескончаемым ливнем стрел. Из-за этого командующий силами Тени — Демандред собственной персоной — не мог бросить все свои войска в полномасштабную атаку ни на защитников речной переправы, ни на Айз Седай, поскольку те сбежали бы через переходные врата. Чтобы не подставляться под тяжелый удар ради исчезающе малой выгоды, Демандред разделил свою армию надвое: троллоки отправились на правый

фланг, к холмам, где несли тяжелые потери, но отвлекали на себя Айз Седай, в то время как шарцы подступили к реке и увязли в бою с главными силами Белой Башни.

Шончан отвлекли на себя почти всех владеющих Силой врагов, но кто-то из шарцев все же бил по лагерю Брина с другого берега реки. Тревожиться за свою жизнь не было смысла. Здесь было не опаснее, чем везде, — за исключением, пожалуй, Белой Башни, но Брину претила сама мысль о том, чтобы отсиживаться в тихой и спокойной комнате во многих милях от поля сражения.

«О Свет, а ведь в будущем все, пожалуй, будет именно так, — подумал он. — Полководец отдает приказы из безопасного командного центра, доступ куда открывается только через переходные врата». Но военачальнику необходимо чувствовать, как протекает битва, улавливать ее ритм, а это невозможно, если находишься в нескольких милях от нее.

— Как держатся пикинеры на холмах? — осведомился он.

— Очень стойко, милорд, — ответил Холком. — После стольких часов битвы с троллоками лучшего и желать нельзя.

На склонах холмов Брин разместил оборони-

тельные позиции пикинеров; сумевшие прорвать заслоны троллоки становились мишенями для стрелков, и Айз Седай не приходилось отвлекаться от главной задачи.

— Хотя в скором времени солдатам, защищающим Красную Айя на холме в середине, понадобится подкрепление. В прошлую атаку там немало наших полегло, — добавил гонец.

— Придется им потерпеть. Красным достанет сил, чтобы разобраться с троллоками, сумевшими пробиться через строй пикинеров. — «Уж надеюсь», — добавил про себя Брин. Очередной удар Силы расплющил ближайшую палатку. — Как там наши лучники? — Поддев носком сапога валявшуюся на земле алебарду, Брин пинком отбросил ее в сторону.

— У некоторых отрядов заканчиваются стрелы, милорд.

Что ж, с этим ничего не поделаешь. Брин глянул в сторону брода, но там царил абсолютный хаос. Паршиво, когда до битвы рукой подать, а ты не знаешь, как дела у твоих войск.

— Кто-нибудь знает, что, Света ради, творится на переправе? — вскричал он, обернувшись к помощникам. — Сам я ни рожна рассмотреть не могу! Сплошная круговерть бойцов, да еще эти

треклятые огненные шары туда-сюда летают, так что ослепнуть можно!

Холком побледнел.

— Эти шончанки направляют Силу так, будто им раскаленное железо вставили… то есть задают шарцам жару, милорд. На левом фланге мы понесли серьезные потери, но теперь ребята бьются так, что у них не забалуешь.

— Я разве не отправил туда Джони, командовать копейщиками? — задумался Брин.

— Капитан Шагрин мертв, милорд, — подбежал к нему еще один гонец со свежей ссадиной на голове. — Я только что оттуда.

«Чтоб мне сгореть…» Что ж, Джони всегда хотел погибнуть в бою, а не умереть в постели, и Брин обуздал свои чувства.

— Кто там теперь командует?

— Уно Номеста, — ответил гонец. — Когда погиб Джони, он возглавил нас, но велел передать, что парни едва держатся.

— Хвала Свету! Номеста — хороший командир! — Он много лет занимался обучением солдат в тяжелой кавалерии, и в седле ему, пожалуй, не было равных. — Хорошо, возвращайся и передай ему, что я пришлю подкрепление. — Брин повернулся к Холкому. — Беги к капитану Денхольду.

Пусть отправит эскадрон конницы из резерва через брод на наш левый фланг. Посмотрим, на что способны эти иллианцы! Нельзя, чтобы враг перешел реку.

Вестовой умчался прочь.

«Нужно предпринять еще что-то, чтобы поскорее отвлечь троллоков от Айз Седай».

— Анна! Где ты там? — повысив голос, позвал Брин.

Растолкав двоих солдат, вперед вышла крупная молодая женщина — в прошлом служившая охранником у какого-то купца, а ныне пехотинец и личный ординарец генерала Брина.

— Милорд?

— Анна, ступай к тому имперскому чудищу, что возглавляет шончан, и умоляй ее, не будет ли она любезна поделиться с нами своей, так ее растак, кавалерией!

— Прямо так и спросить? Такими же словами? — улыбнулась Анна, отсалютовав Брину.

— Если рискнешь, девчонка, то сброшу тебя со скалы, чтоб Юкири Седай проверила на тебе новое плетение, помогающее при падении с высоты. Ступай!

Посыльная усмехнулась и убежала в сторону площадки для Перемещения.

Суан смерила Брина взглядом:

— Ты становишься ворчливым.

— Попал под твое влияние, — отрезал он и глянул на тень в небесах. Что, еще один драгкар? Рука легла на меч, но тут Брин понял, что это всего лишь одна из шончанских летающих тварей, и расслабился.

Тут ракена сбил огненный шар, и крылатая зверюга, хлопая горящими крыльями, кувыркаясь и крутясь, устремилась к земле. Брин выругался и отскочил назад, а уродливое животное рухнуло на тропинку, по которой бежала Анна. Громадная тварь перекатилась через посыльную и смяла складскую палатку, полную солдат и квартирмейстеров. Спустя долю секунды на землю упал наездник ракена.

Опомнившись, Брин бросился вперед и склонился над перекрывшей тропинку грудой парусины и палаточных шестов. Двое его телохранителей обнаружили солдата, придавленного мертвой тварью, и вытащили его из-под шипастого крыла. Суан вынула из поясного кошеля свой ангриал и опустилась на колени, чтобы Исцелить раненого.

Брин направился туда, где ракен, как выяснилось, насмерть задавил Анну.

— Чтоб оно все сгорело! — вырвалось у Брина. Но он отогнал скорбные мысли — сейчас не время думать о павших. Надо решить, что делать дальше. — Кого-то нужно отправить к шончан!

Из всей его свиты в лагере остались двое охранников и один секретарь. Понимая, сколь многое зависит от прочности позиций Айз Седай на вершинах холмов — в конце концов, там находится сама Амерлин, — Брин отчаянно нуждался в шончанской коннице.

— Похоже, придется идти самому, — сказал он, отходя от тела Анны. — Суан, тебе хватит сил открыть переходные врата с этим твоим ангриалом?

— Да, хватит, но врата будут такие маленькие, что придется ползти на четвереньках. — Она выпрямилась, скрывая изнеможение, но Брин видел ее насквозь. — Я недостаточно хорошо знаю эту местность. Надо вернуться к центру лагеря.

— Чтоб мне сгореть! — Брин обернулся к реке, где прогремели несколько взрывов. — На это у нас нет времени!

— Могу поискать вестовых, — предложил первый телохранитель. Второй поддерживал солдата, которого Исцелила Суан. Тот едва стоял на подгибающихся ногах.

— Вряд ли кого-то найдешь, — вздохнул Брин. — Пожалуй, придется самому…

— Я пойду!

Неподалеку он увидел Мин Фаршав — та уже поднялась на ноги и отряхивала одежду. Только сейчас Брин вспомнил, что назначил ее писарем в один из отрядов снабжения.

— Похоже, в обозримом будущем писари тут не понадобятся, — сказала Мин, глядя на то, что осталось от палатки, — а бегать я умею не хуже ваших посыльных. Что надо сделать?

— Найти шончанскую императрицу, — ответил Брин. — Ее лагерь в нескольких милях к северу, на арафелском берегу. Ступай на площадку для Перемещения; там знают, куда тебя отправить. Скажи императрице, что мне нужен конный отряд. Наши резервы истощены.

— Будет сделано, — отчеканила Мин.

Она не была воином — как и половина людей в этой армии, ставших солдатами несколько недель назад.

— Беги, — сказал Брин, а затем улыбнулся: — Зачту за рабочий день из тех, что ты мне задолжала.

Мин зарделась. Неужто думала, что он позволит женщине забыть свое обещание? И не важно,

чья она подруга. Клятва есть клятва.

Мин пробежала через тылы армии Белой Башни. Со складов Тира и Тар Валона в лагерь доставили новые шатры и повозки — на замену уничтоженным при первом нападении шарцев, — и они оказались на пути к площадке для Перемещения, и пришлось идти в обход.

Сама площадка представляла собой множество обнесенных веревками квадратов с номерами на вбитых в землю покрашенных колышках. Рядом тихо переговаривались четыре женщины в серых шалях. Одна из этого квартета держала открытыми переходные врата для повозки, груженной стрелами. Флегматичные волы даже глаз не подняли, когда похожий на комету огненный шар врезался неподалеку в землю, породив фонтан разлетевшихся вокруг докрасна раскаленных камней. Какие-то из них угодили на груду скатанных походных одеял, и та задымилась.

— Мне нужно в лагерь шончанской армии, — сообщила Мин Серым сестрам. — По приказу лорда Брина.

Одна из Серых, Ашманайлла, взглянула на Мин, на ее обтягивающие штаны, на кудряшки, и сдвинула брови:

— Элминдреда? Милочка, ты-то что здесь де-

лаешь?

— Милочка? — переспросила другая сестра. — Она же служит писарем, разве нет?

— Мне очень-очень нужно в шончанский лагерь, — повторила Мин, тяжело дыша после пробежки. — По приказу лорда Брина.

На сей раз ее, похоже, услышали, и одна из женщин, вздохнув, спросила у остальных:

— Квадрат номер четыре?

— Номер три, дорогуша, — поправила ее Ашманайлла. — В четвертом в любой момент могут открыться переходные врата из Иллиана.

— Стало быть, номер три, — согласилась первая, жестом подозвала к себе Мин, и воздух распороли небольшие переходные врата. — Все гонцы Перемещаются на четвереньках. Надо беречь силы, и поэтому мы открываем врата минимально приемлемых размеров.

«Приемлемых?» — раздраженно подумала Мин, опустилась на четвереньки, проползла в миниатюрный лаз и очутилась на дочерна выгоревшей проплешине — должно быть, траву выжгли, чтобы отметить местоположение врат. Участок охраняла пара шончанских стражников, вооруженных копьями с кистями ниже наконечников. Лица обоих скрывались под шлемами, похожими

на головы насекомых. Мин двинулась было вперед, но солдат предупреждающе вскинул руку.

— Меня прислал генерал Брин, — сказала Мин.

— Новые гонцы ожидают здесь, — сообщил второй солдат.

— Но это срочно!

— Новые гонцы ожидают здесь.

Не получив других объяснений, Мин вышла из черного круга — на тот случай, если в нем раскроются новые переходные врата, — скрестила руки на груди и стала ждать. С того места, где она стояла, открывался вид на реку и раскинувшийся на ее берегах большой военный лагерь. «Шончан могли бы в корне изменить ход битвы, — подумала Мин. — Их так много…»

Даже здесь, вдали от сражения, в нескольких милях к северу от бивака Брина, виднелись вспышки света — это владеющие Силой обменивались смертоносными плетениями.

Мин заметила, что переминается с ноги на ногу, и велела себе стоять смирно. За каждой вспышкой, будто гром за молнией, следовало глухое бумканье взрыва. Интересно, почему так — сперва свет, а потом уже звук?

«Какая разница?» — подумала Мин. Она пришла за конницей для Брина. По крайней мере,

принесет хоть какую-то пользу. Последнее время она энергично бралась за любое занятие, где требовались помощники. Даже удивительно, сколько в военном лагере дел — помимо сражений, конечно, — и пусть для них не требовался ее дар, помогать другим приятнее, чем сидеть в Тире и волноваться за Ранда… или сердиться на него, что он не взял ее в Шайол Гул.

«Ты стала бы там обузой, — сказала себе Мин. — Да ты и сама это знаешь». Разве смог бы Ранд оберегать ее от Отрекшихся и одновременно с тем спасать мир? Иной раз в мире тех, кто способен направлять, — таких, как Ранд, Илэйн и Авиенда, — трудно не почувствовать себя малозначительным ничтожеством.

Мин взглянула на караульных. Только у одного над головой возник образ. Окровавленный камень. Этот человек погибнет, упав с высоты. Такое чувство, что уже несколько десятилетий Мин не видела над головой у человека хоть что-то, вселяющее надежду. Только смерть и разрушение, символы страха и тьмы.

— А это еще кто? — спросили с тягучим шончанским акцентом, и Мин увидела, что к ней приближается сул'дам — одна, без дамани, но с серебристым ай'дам, которым она похлопывала

по ладони.

— Новый гонец, — ответил стражник. — Пришла впервые. Раньше через врата она не являлась.

— Меня прислал генерал Брин… — начала Мин, набрав полную грудь воздуха, но темнокожая сул'дам с курчавыми волосами до плеч перебила ее:

— Предполагалось, что он заранее познакомит нас со своими гонцами. Императрицу — да живет она вечно — надо защищать, и в лагере должен быть порядок. Если гонцы проверены и сомнений в их надежности нет, сюда не проникнет убийца.

— Никакая я не убийца, — решительно заявила Мин.

— А ножи у тебя в рукавах? — спросила сул'дам.

Мин оторопела.

— Это видно по тому, как свисают у тебя манжеты, дитя мое, — объяснила женщина.

«Дитя? Да она не старше меня!» — подумала Мин, а вслух сказала:

— Только глупец станет бегать по полю боя без оружия. Позвольте передать сообщение кому-нибудь из генералов. Прежняя посыльная погибла, когда ее раздавил один из ваших ракенов. В него попали, и он рухнул на наш лагерь.

Сул’дам приподняла бровь.

— Меня зовут Катрона, — представилась она. — Пока ты в лагере, будешь вести себя в точности так, как я скажу. — Развернувшись, Катрона махнула рукой, и Мин с облегчением последовала за ней.

Шончанский лагерь совершенно не походил на бивак Брина. Для передачи приказов и донесений здесь использовались ракены; вдобавок шончан были помешаны на защите императрицы, а потому обосновались подальше от вражеского войска. В отличие от лагеря Брина — который был почти разрушен, а потом возведен заново и в котором полно было людей из разных стран и с самым разным боевым опытом, — здесь царило единообразие, свойственное хорошо обученным армиям.

По крайней мере, именно такое впечатление производила эта педантичная аккуратность. Шончанские солдаты молча стояли в шеренгах, ожидая, когда их отправят в бой. Лагерь разделялся на отдельные участки, размеченные с помощью кольев и веревок, так что заблудиться было невозможно. И еще Мин не заметила никакой суеты. Все или целеустремленно куда-то шли, или молча стояли по стойке вольно, слегка

расставив ноги и заложив руки за спину. Можно как угодно критиковать шончан — а у Мин имелось что сказать на эту тему, — но чего у них не отнять, так это организованности и пристрастия к дисциплине.

Сул'дам привела девушку в ту часть лагеря, где над разложенными на высоких столах учетными книгами молча корпели мужчины в пышных облачениях и с наполовину выбритыми головами — как видно, служащие высшего ранга. Сновавшие между столами вызывающе одетые молодые женщины с лакированными подносами в руках то и дело ставили перед писцами тонкие белые чашки с дымящейся черной жидкостью.

— Правда ли, что недавно мы потеряли ракена? — обратилась Катрона к мужчинам. — Что его сбили в полете вражеские марат'дамани? И если так, мог ли он упасть на лагерь генерала Брина?

— Нам только что сообщили об этом происшествии, — ответил с поклоном один из писцов. — Удивлен, что вам о нем известно.

Приподняв бровь чуть выше, Катрона внимательно посмотрела на Мин.

— Не ожидали, что я скажу правду? — спросила та.

— Нет. — Сул'дам аккуратно убрала свой нож в

ножны. — За мной.

Мин с облегчением выдохнула. Что ж, ей доводилось иметь дело с айильцами; вряд ли шончан отличаются такой же обидчивостью и вспыльчивостью. Следуя за Катроной по одной из многочисленных дорожек, Мин все сильнее тревожилась. Сколько времени прошло с тех пор, как Брин отправил ее в этот лагерь? Может, уже слишком поздно?

О Свет! Да, шончан нравится держать все под охраной. На каждом пересечении тропинок — по двое бдительных солдат в этих жутких шлемах и с копьями наизготовку. Разве не должны они все готовиться к сражению?

В конце концов Катрона привела ее… нет, не к палатке, а к самому настоящему домику — с деревянным полом, каркасными деревянными стенами, обтянутыми шелковой тканью, и крышей из кровельной дранки. Наверное, всю эту конструкцию можно было быстро собрать и разобрать и легко перевозить, но выглядела она весьма неуместно и даже легкомысленно.

Домик охраняли свирепые на вид громадины в черно-красной броне. Они отсалютовали Катроне; та вместе с Мин вошла в здание, отвесила поклон — не до земли, ведь императрицы

в комнате не оказалось, но довольно-таки глубокий, поскольку здесь находилось множество Высокородных, — и покосилась на Мин:

— Кланяйся, дура!

— Пожалуй, лучше я постою. — Скрестив руки, Мин обвела взглядом военачальников, перед которыми стояла знакомая фигура. Мэт. Мин уже слышала, что он находится здесь, в этом лагере. Мэт был облачен в шончанские шелка, но на голове у него красовалась знакомая шляпа, а один глаз прикрывала повязка. Стало быть, видение сбылось.

Мэт взглянул на нее и расплылся в ухмылке:

— Мин!

— Какая же я глупая! — воскликнула она. — Надо было сказать, что мы с тобой знакомы, и меня привели бы прямо сюда безо всей этой тягомотины.

— Ну, не знаю, Мин, — возразил Мэт. — У них вся эта тягомотина в большом почете. Верно, Галган?

Широкоплечий мужчина с тонким гребнем белых волос на чисто выбритой в остальном голове посмотрел на Мэта так, будто не понял вопроса.

— Мэт, — опомнилась Мин, — генералу Брину нужна конница.

— Кто бы сомневался! — хмыкнул Мэт. — Он своим войскам спуску не дает. В том числе и Айз Седай, и за это надо бы наградить. Ни разу не видел, чтобы эти женщины слушались мужчин — даже когда их просят войти в дом, чтоб не промокли под дождем. Первый легион, Галган?

— Да, вполне, — ответил Галган, — если только шарцы не перейдут через реку.

— Не перейдут, — сказал Мэт. — У Брина хорошая оборонительная позиция, так что Тени там не поздоровится. При условии, что мы ему слегка поможем. *Лаэро лендаэ ан индемела*.

— Что это значит? — насупился Галган.

Мин тоже мало что поняла. Что-то насчет флага?.. В последнее время она изучала древнее наречие, но Мэт произнес свою фразу слишком быстро.

— Мм, что? — спросил он. — Неужели не доводилось слышать? Это же присказка Павшего воинства Кардии.

— Кого? — озадачился Галган.

— Ладно, не важно, — сказал Мэт. — Ну что, Тайли, выведешь свой легион на поле боя — при условии, что наш славный генерал не станет возражать?

— Почту за честь, Принц воронов, — ответила

стоявшая рядом женщина в кирасе. На шлеме, который она держала под мышкой, красовались четыре пера. — Я не прочь поближе познакомиться с тактикой этого Гарета Брина в действии.

Мэт бросил взгляд на Галгана. Тот, потирая подбородок, рассматривал карту. Наконец военачальник сказал:

— Берите свой легион, лейтенант-генерал Хирган, и действуйте в соответствии с предложением Принца воронов.

— И еще, — добавил Мэт, — за теми шарскими лучниками нужен глаз да глаз. Скоро они пойдут на север, вдоль реки, откуда лучше обстреливать правый фланг Брина.

— Откуда вы знаете?

— Это же очевидно. — Мэт постучал пальцем по карте. — Если хочется, отправьте ракена на разведку.

Помедлив, Галган отдал соответствующий приказ. Решив, что ее присутствие уже не требуется, Мин двинулась было к выходу, но Мэт поймал девушку за руку:

— Погоди-ка. Я, пожалуй, мог бы… э-э-э… тобой воспользоваться, Мин.

— Воспользоваться? — возмутилась Мин.

— Вернее, не тобой, а твоей помощью, — стал

оправдываться Мэт. — С недавних пор у меня проблемы со словами. С языка какая-то дурь слетает. В общем, не могла бы ты… это… ну, сама знаешь…

— Ничего нового вокруг тебя я не вижу, — сказала Мин, — хотя готова предположить, что до тебя дошло, к чему был тот глаз на весах.

— Ну да, — поморщился Мэт. — Проклятье, это же очевидно! Что насчет Галгана?

— Кинжал, пронзивший сердце ворона.

— Треклятый пепел…

— Но думаю, к тебе это не относится, — добавила Мин. — Почему? Не знаю.

Галган беседовал с представителями знати, по положению куда ниже его. По крайней мере, волос у них было больше, чем у него, а у шончан чем больше волос, тем ниже статус. Говорили они, понизив голос, и Галган то и дело поглядывал на Мэта.

— Он не знает, как ко мне относиться, — шепнул тот.

— Удивительное дело. Даже не припомню, кто еще так на тебя реагирует, Мэт. Разве что все на свете.

— Ха-ха! Уверена, что этот треклятый кинжал никак со мной не связан? Вороны… Вороны — это

вроде как я, верно? Ну, временами? Ведь я же теперь треклятый принц растреклятых воронов!

— Нет, кинжал у него над головой — это не про тебя.

— Он прикидывает, когда лучше меня убить, — прищурился Мэт, глядя на Галгана. — Боится, что я его подсижу. Ведь в этой армии он единственный, кто выше меня по званию. Туон говорит, он преданный воин — так что подождет с покушением, пока не закончится Последняя битва.

— Какой ужас!

— Знаю, — сказал Мэт. — Он и в карты со мной играть отказался. А я-то надеялся, что поддамся разок-другой — и он подобреет.

— Вряд ли ты смог бы ему проиграть.

— Проклятье! Вообще-то я уже давным-давно научился проигрывать. — Похоже, он не шутил. — По словам Туон, если Галган не попытается меня убить, это расценят как неуважение. Они умалишенные, Мин. Растреклято чокнутые, все как один.

— Мэт, если попросишь Эгвейн, она непременно поможет тебе сбежать.

— Ну… Я же не сказал, что с ними скучно. Просто они с придурью. — Мэт поправил шляпу. — Но если кто-то из этих треклятых безумцев

снова вздумает… — Тут он осекся, увидев, что охранники у двери упали на колени, а затем распластались на земле, и со вздохом продолжил: — «Помяни имя Тьмы — и она воззрится на тебя». *Йалу казат д'Замон патра Даэсейя аса дарши…*

— Чего-чего?.. — переспросила Мин.

— Что, и этого присловья не знаешь? Проклятье! Как погляжу, люди вообще книжек не читают!

На пороге появилась шончанская императрица, и Мин удивилась, увидев на ней не платье, но широкие серебристые штаны. Или… это все же платье? То ли юбка, разделенная надвое для верховой езды, то ли штаны с очень просторными штанинами. А еще облегающая блуза из алого шелка, и поверх нее — голубое облачение с открытым передом и очень длинным шлейфом. Наверное, воинский наряд. Что-то вроде формы.

Все присутствующие в комнате Высокородные, включая генерала Галгана, бухнулись на колени и растянулись на полу. Мэт остался стоять.

Стиснув зубы, Мин тоже опустилась на колено. Как-никак перед ней сама императрица. Кланяться Мэту или военачальникам Мин не собиралась, но выказать уважение Фортуоне требовали правила приличия.

— Эта женщина считает себя птицей высокого полета. Кто она, Кнотай? — с любопытством спросила Фортуона.

— Да так, — беспечно ответил Мэт, — просто подружка Дракона Возрожденного.

Катрона, стоявшая на коленях возле стены и склонившаяся к самому полу, издала сдавленный звук, чуть приподняла голову и уставилась на Мин, выпучив глаза.

«О Свет! Наверное, думает, что нанесла мне какое-то оскорбление», — подумала Мин.

— Как интересно! — заметила Фортуона. — В таком случае по своему положению она ровня тебе, Кнотай. И ты, конечно же, опять забыл поклониться.

— Мой папаша не перенес бы такого унижения, — объяснил Мэт. — Сколько его помню, он всегда был страшно гордый.

— Ты снова прилюдно ставишь меня в неловкое положение.

— Не больше, чем себя, — улыбнулся Мэт и умолк, будто задумавшись над сказанным.

Императрица тоже улыбнулась, отчего у нее сделался необычайно хищный вид, и вошла в комнату, после чего остальные встали. Так что Мин тоже поднялась на ноги, и Мэт тут же начал

подталкивать ее к двери.

— Мэт, погоди, — шепнула Мин.

— Давай-давай, шевелись, — настаивал Мэт. — Не жди, пока она решит тебя прикарманить. Фортуона не слишком охотно расстается с тем, что пришло к ней в руки. — Эти слова он произнес не без гордости.

«Да он такой же полоумный, как и остальные тут», — подумала Мин, а вслух произнесла:

— Окровавленный цветок, Мэт.

— Чего? — спросил Мэт, не переставая толкаться.

— У нее над головой окровавленный цветок, — пояснила Мин. — Смерть-лилия. Очень скоро кто-то попытается ее убить.

Мэт замер. Фортуона резко обернулась.

Мин даже не успела понять, что происходит, как двое стражников сорвались с места. И через миг девушка оказалась сбита с ног и придавлена к полу. И еще Мин сообразила, почему черные доспехи караульных показались ей какими-то странными. Только сейчас, вблизи, она рассмотрела, что на самом-то деле броня у них не черная, а темно-зеленая.

«Вот идиотка, — подумала Мин, когда ее прижали лицом к полу. — Надо было сперва позволить

Мэту вывести меня из комнаты». Уже несколько лет она не допускала подобную ошибку — не говорила о своих видениях при посторонних. Как так случилось? Что с ней вообще творится?

— Хватит! — сказал Мэт. — Дайте ей встать!

Пускай его и возвысили до Высокородного, но стражники, похоже, не видели ничего зазорного в том, чтобы ослушаться его прямого приказа.

— Откуда ей это известно, Кнотай? — сердито и, пожалуй, разочарованно осведомилась Фортуона, подступая к Мэту. — Что происходит?

— Не то, что тебе кажется, Туон, — ответил Мэт.

«Нет, не надо…» — подумала Мин.

— Она видит кое-что, — продолжил Мэт. — И гневаться совсем не обязательно. Это лишь фокус Узора, Туон. Мин видит рядом с людьми разные образы. Что-то вроде картинок. Ничего такого она не хотела. — И он вымученно рассмеялся.

В комнате стало тихо. Так тихо, что Мин снова услышала далекие взрывы.

— Провидица… — прошептала Фортуона.

Стражи вдруг разом отступили, и, освобожденная, Мин со стоном уселась на полу. Оба охранника встали между нею и Фортуоной, заслоняя собой императрицу, а тот, кто удерживал

Мин, сбросил латные рукавицы и вытер руки о нагрудник, словно пытаясь очистить кожу от какой-то скверны.

Но Фортуона, похоже, не испугалась. Разомкнув губы в благоговейном изумлении, юная императрица подступила к Мин и коснулась ее лица:

— То, что он говорит… это правда?

— Да, — нехотя признала Мин.

— Что ты видишь рядом со мной? — спросила Фортуона. — Говори, провидица! Я истолкую знамение и рассужу, лжешь ты или нет!

Ее слова не предвещали ничего хорошего.

— Как я уже сказала Мэту, я вижу окровавленный цветок. Смерть-лилию, — ответила Мин. — Еще три корабля под парусами. Насекомое во тьме. Красные огни по всему полю, где должен колоситься богатый урожай. И человека с волчьими зубами.

Фортуона сделала короткий и резкий вдох. Потом взглянула на Мэта:

— Ты преподнес мне ценнейший дар, Кнотай. Достаточный, чтобы искупить все твои проступки — и в прошлом, и в будущем. Какой драгоценный подарок!

— Вообще-то… мне…

— Я никому не принадлежу, — перебила его

Мин. — Разве что Ранду, ну а он принадлежит мне.

Не обратив внимания на ее слова, Фортуона расправила плечи:

— Эта женщина — моя новая *Соэ'фейя*. Провидица и Говорящая Правду! Святая и неприкосновенная! Да будет всем известно, что на нас сошло благословение, ведь уже больше трех сотен лет при Хрустальном троне не появлялось истинной чтицы знамений!

Не понимая, что происходит, Мин сидела на полу, покуда Мэт не помог ей встать.

— Это хорошо? — шепотом спросила она.

— Чтоб у меня кровь носом пошла, если знаю, — ответил Мэт. — Но помнишь, как я говорил тебе убраться подальше от нее? Что ж, наверное, на какое-то время об этом можно забыть.

Глава 28. Слишком много людей

— Нас прислал сам лорд Агельмар, — сказал арафелец Лану, то и дело поглядывая в сторону передовых рядов, где его товарищи сражались за жизнь.

Здесь, в Шайнаре, поле боя содрогалось от грохота. Повсюду разило горелым мясом и подпаленной шерстью. Повелителям ужаса было плевать, что под их ударами гибнут троллоки, — главное, чтобы и людей задевало.

— Уверен? — спросил сидевший в седле Лан.

— Ну конечно, Дай Шан. — По непонятной для

Лана причине колокольчики в длинных косицах арафелца были выкрашены в красный цвет. Наверное, это как-то связано с арафелскими Домами и их отношением к Последней битве. — Если я лгу, пусть мне всыплют сотню плетей, а потом бросят на солнцепеке. Приказу я удивился, поскольку думал, что мои люди должны защищать фланги. Но гонец знал все нужные пароли, а человек, которого я отправил в штаб, вернулся с подтверждением.

— Спасибо, капитан. — Лан жестом велел ему вернуться к своим, после чего оглянулся на Андера и принца Кайзеля. Вид у обоих был озадаченный. Они слышали, как совсем недавно Лан говорил с командиром кандорского знаменного отряда, рассказавшим примерно то же самое.

Лорд Агельмар действительно бросил в бой два резервных отряда, не знавших, что они отправляются на один и тот же участок. С этой мыслью Лан направил коня к арьергарду войска. Справа, от реки, повеяло прохладой, но ветерок вскоре сгинул под гнетом шайнарской жары. Тучи висели так низко, что, казалось, подними руку — и дотянешься.

— В чем дело, Лан? — спросил Андер, когда он вместе с Кайзелем догнал Мандарба.

— Слишком много людей получили приказ закрыть одну и ту же брешь в наших рядах, — тихо ответил Лан.

— Ошибиться было несложно, — заметил принц Кайзель. — Теперь, когда в битву вступили Повелители ужаса, угроза прорыва троллоков стала вполне реальной. Вот Агельмар и отправил два знамени вместо одного. Для пущей уверенности. Скорее всего, он намеренно так поступил.

Нет. Все же это ошибка. Пусть и несущественная, но ошибка. Правильнее было бы приказать отступить и выровнять фронт, после чего всего один знаменный отряд конницы мог бы отсечь прорвавшихся троллоков от их основных сил. Да и два знамени вполне справились бы — при условии, что оба командира получили соответствующее предупреждение. Без этого они только помешали бы друг другу. Что, собственно говоря, и произошло.

Лан тряхнул головой и обвел глазами поле боя. Неподалеку реял стяг королевы Этениелле. Туда-то и направился Лан. Королева ждала в окружении почетной стражи; рядом находился лорд Балдер, и рукоять меча Кирукан была направлена к Этениелле, хотя та и решила не участвовать самолично в сражении. Признаться, Лан боялся,

что она последует примеру Тенобии, но опасения оказались напрасны. Этениелле была женщиной здравомыслящей — и, что важнее, окружила себя мудрыми советниками.

Лорд Рамсин — ее новый муж — вел разговор с несколькими военачальниками. Мимо Лана проскользнул какой-то проныра, одетый как разведчик: должно быть, умчался передавать приказы. Обычно лорд Агельмар не отдавал распоряжения отдельным подразделениям, он руководил всем сражением сразу: указывал нижестоящим командирам, какого результата ожидает, оставляя им самим разбираться с деталями того, как именно следует добиться поставленных целей.

Сидевшая рядом с королевой полная круглолицая женщина что-то ей говорила. Заметив Лана, она кивнула. Леди Серайлла была главной советницей королевы, и в прошлом у них с Ланом имелись… некоторые разногласия, хотя тот питал к ней уважение — насколько вообще можно уважать человека, которого иной раз хочется взять за глотку и сбросить со скалы.

— Дай Шан. — Королева приветствовала его кивком, а Рамсин, стоявший чуть поодаль, помахал Лану рукой. Прогремел гром. Дождя не было,

и, несмотря на высокую влажность, Лан сомневался, что он начнется. — Вы ранены? Минутку, я пошлю за целителем.

— У целителей и без меня забот хватает, — твердо отказался Лан, отвечая на приветственный салют телохранителей королевы: поверх каждой кирасы — зеленый табар с вышитой эмблемой Красного коня, на каждой пике — красные и зеленые ленты, а шлемы со стальным решетчатым забралом совершенно не похожи на тот, что у Лана — малкирский, широкий и открытый спереди. — Нельзя ли отвлечь лорда Балдера, ваше величество? Хочу задать ему один вопрос.

— Вам незачем спрашивать разрешения, Дай Шан. Он в вашем распоряжении, — ответила королева Этениелле, хотя леди Серайлла прищурилась. По всей очевидности, ей хотелось знать, зачем Лану понадобился Носящий меч королевы Кандора.

Балдер приблизился к Лану, переложив меч Кирукан в другую руку, чтобы его рукоять оставалась направлена в сторону королевы. То была формальность, но Балдер во всем придерживался формальностей. Одновременно с ним подошли Андер и принц Кайзель. «Пусть останутся», — решил Лан и сказал, понизив голос, чтобы его не

услышал никто, кроме этих троих:

— Лорд Агельмар отправил добрую четверть резервов закрыть небольшую брешь в наших рядах. По-моему, вряд ли это было необходимо.

— Он лишь отдал приказы салдэйской легкой коннице отойти с восточного фланга, — сообщил Балдер, — и ударить по левому флангу троллоков, поближе к их тылу. Неожиданная и стремительная атака и быстрый отход. Он сказал, что намерен рассредоточить внимание Повелителей ужаса. По его мнению, лучше сделать вид, что наша оборона дала слабину. Это подтолкнет врага к ошибочным действиям.

— Что думаете? — спросил Лан.

— Решение неплохое, — ответил Балдер, — если мы намерены затянуть битву. Рассматривая его в отрыве от общей картины — и при условии, что салдэйцы сумеют уйти без особых потерь, — я бы не беспокоился. Но о резервах я не знал. Получается, что на востоке мы крайне уязвимы.

— Давайте предположим, — тихо и осторожно начал Лан, — что кто-то занимает такой пост, что он в состоянии устроить диверсию против всей армии. Но он желает сделать все так хитро и незаметно, чтобы его ни в чем не заподозрили. Как бы вы поступили тогда?

— Расположил бы войска спиной к реке, — ответил, размышляя вслух, Балдер. — Занял бы позицию на возвышенности, но с угрозой окружения. Ввязался бы в тяжелый бой, создал уязвимое место в обороне и позволил бы разделить войска надвое — но так, чтобы каждый из этих шагов казался оправданным.

— А затем? — спросил Лан.

— А затем… — Встревоженный Балдер призадумался. — Надо увести лучников с восточных холмов. Местность там пересеченная; обойдя разведчиков — особенно если все взоры устремлены на передовую, — отродья Тени могут приблизиться к нам вплотную. Лучники заметили бы их, подняли тревогу и, пожалуй, продержались бы до подхода подкреплений. Но если лучников там не будет, восточные резервы увязли в бою, а враг обошел нас по восточному флангу и атаковал с тыла… тогда вся армия окажется прижата к реке, а там… А там уже лишь вопрос времени.

— Лорд Мандрагоран. — Принц Кайзель тронул коня пятками и огляделся — так, будто ему стало неловко. — Я ушам своим не верю. Вы же не подозреваете лорда Агельмара в измене?

— Считать, что тот или иной человек находится вне подозрений, — непозволительная

роскошь, — мрачно ответил Лан. — Отнеситесь к моим словам со всей серьезностью. Быть может, все не так плохо. Быть может…

— Нам и сейчас непросто будет выпутаться из сложившейся ситуации, — нахмурился Андер. — А если прижмут к реке…

— Изначально планировалось, что легкая конница из резерва прикроет отступление, — сказал Лан. — Сперва на другой берег уйдет пехота, а затем, через переходные врата, бронированные всадники. Стремнины здесь нет, и кони легкой кавалерии смогут перейти реку вброд — в отличие от троллоков, которые полезут в воду, только когда их туда силком погонят. План был неплохой…

Но если из-за вражеского натиска пехотинцы не смогут выйти из боя, этот план пойдет прахом, а стоит попасть в окружение, и Лан окажется бессилен. При нехватке у него владеющих Силой для Перемещения всего войска ему останется лишь бросить пехоту — то есть половину своей армии — на убой. Нет, он скорее умрет, чем примет такое решение.

— Все недавние действия лорда Агельмара выглядят вполне убедительно, — произнес Балдер с напряжением в голосе. — В достаточной мере,

чтобы не вызвать подозрений. Но они не обеспечат нам победу. Лан… С ним что-то не так. Я знаю его не первый год. Прошу, прислушайтесь. Пока что я списываю все на переутомление, но он делает одну ошибку за другой. Поверьте, я прав. Я знаю, что прав.

Лан кивнул и, оставив лорда Балдера с королевой, в сопровождении своих гвардейцев направился в тыл, к штабной палатке.

В горле камнем застряло чувство ужаса. Казалось, тучи опустились еще ниже, а гром грохотал, как барабаны Темного, явившегося забрать человеческие жизни.

У штабной палатки Лан обнаружил, что за ним следуют больше сотни боевых товарищей. Поблизости он заметил юного шайнарского гонца. Тот был без доспехов, бежал к лошади, и его пучок волос развевался на ветру.

Лан указал на него; Андер бросился парню наперерез и схватил его коня за поводья. Вестовой сдвинул брови.

— Дай Шан? — Он отсалютовал Лану, когда тот подъехал ближе.

— Доставляешь приказы лорда Агельмара? — спросил Лан, спрыгнув с Мандарба.

— Да, милорд.

— Кому именно?

— Восточному отряду кандорских лучников, — ответил гонец. — Их позиция на холме слишком далеко от основного сражения. По мнению лорда Агельмара, правильнее будет вывести их вперед и взять под обстрел Повелителей ужаса.

По всей вероятности, лучники полагали, что легкая конница Салдэйи находится на прежнем месте; салдэйцы же были уверены, что стрелки продолжат стоять на холме; резервные отряды не сомневались, что после их вступления в бой и лучники, и кавалерия останутся там же, где были.

Нельзя исключать, что все это совпадение. Агельмар заработался, или же его общий план неясен военачальникам, отвечающим за отдельные участки сражения. Не смей обвинять человека в убийстве, если не готов прикончить его на месте собственным мечом.

— Отставить, — ледяным тоном произнес Лан. — Вместо этого пусть салдэйские разведчики осмотрят те восточные холмы. Скажи, чтоб проверили, не пробираются ли туда тишком отродья Тени с намерением атаковать нас. Предупреди лучников; они должны быть готовы к неожиданной атаке. Это срочно. Затем вернись и

отчитайся, но только передо мной. О моем приказе должны знать только разведчики и лучники. Больше никому ни слова.

Гонец озадачился, но отсалютовал и умчался исполнять поручение. Должность главнокомандующего занимал Агельмар, но Лан — как Дай Шан — имел право изменить и отменить любой приказ. В этой битве он не подчинялся никому, кроме Илэйн.

Он кивнул двоим малкири из Верховной гвардии — Гералу и Вашиму, к которым проникся немалым уважением. В последние недели эти двое зарекомендовали себя верными боевыми товарищами.

«О Свет… Неужели всего недели? Такое чувство, что несколько месяцев прошло…»

Он отогнал эту мысль. Гвардейцы последовали за гонцом — проверить, не ослушается ли он приказа. Размышлять над тем, что происходит, и о том, как быть дальше, Лан станет лишь после того, как узнает все факты.

И не раньше.

Лойал не особо разбирался в военном деле, но этого и не требовалось: и без того было ясно, что армия Илэйн терпит поражение.

Вместе с другими огирами он сражался с мно-

готысячной ордой троллоков — второй армией, что вступила в бой, обогнув город с юга. Под вражеским натиском арбалетчики Легиона Дракона отступили из передних рядов и теперь поддерживали огиров с фланга. Тяжелая конница Легиона, измученная долгим боем, рассеялась под ударами троллоков; роты пикинеров из последних сил держали строй, а Волчья гвардия несла тяжелые потери, но отчаянно цеплялась за соседний холм.

До Лойала доходили обрывки сведений о том, что творится на других участках сражения. Войска Илэйн сокрушили северную армию троллоков и теперь добивали ее остатки. Пока огиры защищали драконов, что вели огонь с холма за спиной, к ним присоединялось все больше и больше солдат — окровавленных, обессилевших, слишком уставших, чтобы выдержать новую атаку троллочьей орды.

Они были обречены.

Огиры затянули траурную песнь. Ею они прощались с лесами, которые предстояло вырубить, или с великими древами, не пережившими урагана. То была песнь скорби, оплакивающая неизбежную утрату, и голос Лойала слился с последним припевом:

Измельчают реки,
Песни допоются,
Пересохнут корни,
Ветви подогнутся…

Лойал прикончил оскаленного троллока, но еще один впился зубами ему в ногу. Забыв о песне, Лойал взревел и схватил монстра за шею. Он никогда не считал себя особенно сильным — по огирским меркам, — но без труда оторвал мохнатое чудище от земли и запустил им во вражеские ряды.

Повсюду у его ног лежали люди, такие хрупкие, беспомощные, мертвые люди, чья гибель причиняла Лойалу боль, ведь они и пожить-то не успели… Но другие, все еще живые, по-прежнему сражались. Лойал знал, что людям свойственно переоценивать свои размеры. Здесь, среди огиров и троллоков, они походили на малышей, что путаются у всех под ногами.

Нет. Он будет думать о них в ином ключе. Эти храбрецы, мужчины и женщины, сражались как одержимые. Они не дети, а герои. И все же, глядя на искалеченные тела, Лойал невольно прижимал уши. Он снова затянул песню, теперь громче, и она уже не была песнью скорби. Ее он

пел впервые. То была песнь роста и развития, но не из тех, что огиры пели деревьям.

Он громко выводил эту песнь, свирепо рыча и не переставая орудовать топором. Вокруг него позеленела трава и проклюнулись ростки жизни. Рукояти троллочьих секир покрылись свежей листвой, и чудища, изумленно порыкивая, роняли оружие на землю.

Круша троллоков, Лойал сражался и пел — не о победе, но о жизни, ведь он вовсе не собирался расстаться с жизнью на этом холме.

Свет свидетель, ведь ему еще надо непременно закончить свою книгу!

Стоявший посреди штабного домика Мэт поглядывал на других военачальников. Те были настроены скептически. Только что вернулась Мин — после того, как ее увели и одели по шончанской моде. Туон куда-то ушла, по каким-то своим императорским делам.

Глядя на карты, Мэту не хотелось ничего, кроме как ругаться. Карты, карты и снова карты. Всего лишь рисунки на бумаге, по большей части выполненные писцами Туон. Вчера, когда уже смеркалось. Откуда ему знать, что эти карты соответствуют действительности? Однажды в Кэймлине Мэт видел, как уличный художник

рисует какую-то красотку. Происходило все вечером, и результат запросто можно было продать за золото — если б кому-то захотелось купить точный портрет Кенна Буйе в женском платье.

Все чаще и чаще Мэт приходил к выводу, что военные карты приносят не больше пользы, чем теплый плащ в тирскую жару. Ему требовалось видеть само сражение, а не то, как, по мнению невесть кого, оно выглядит. На картах все слишком просто.

— Пойду-ка взгляну на поле битвы, — объявил он.

— Что-что?! — не поверила своим ушам Куртани, знаменный генерал, внешностью походившая на упакованную в полный доспех вязанку хвороста. Мэт склонялся к мысли, что однажды эта красавица съела нечто невероятно кислое, а обнаружив, что ее гримаса отпугивает птиц, решила ходить с такой физиономией всю оставшуюся жизнь.

— Пойду взгляну на поле битвы, — повторил он.

Мэт снял и отложил шляпу, закинул руки за спину, схватился за воротник богато-пышного наряда и стянул его через голову вместе с дурацкими наплечниками, не жалея ни шелка, ни

кружев, после чего на нем остались только шарф, медальон и выданные шончанской портнихой странные штаны из какой-то плотной ткани черного цвета. Глядя на его голую грудь, Мин заломила бровь, и Мэт покраснел. Да какая разница? Мин — девушка Ранда, считай что Мэтова сестра. Правда, была еще Куртани… Честно говоря, Мэт не был уверен, что она женщина. Может, она вообще не человек.

Сунув руку под стол, он вытащил сверток, что запихнул туда перед совещанием, и выпрямился. Мин сложила руки на груди. Ее новый наряд — темно-зеленое платье из блестящего шелка, с черной вышивкой и рукавами такими широкими, что голова пролезет, — смотрелся на девушке очень мило, а роскошью почти не уступал облачению Туон. Еще ей сделали прическу и вплели в волосы сотни огневиков в серебряной оправе, так что если с должностью Провидицы дело не заладится, Мин без труда найдет работу в качестве красивой люстры.

Кстати говоря, сама она выглядела под стать наряду. Что странно. Мэт всегда считал, что Мин похожа на мальчишку, но теперь решил, что она очень даже ничего. Не рассматривал ее, конечно, — так, окинул беглым взглядом.

Присутствующие обмерли от изумления — мол, с чего это Мэт вдруг взял и разделся до пояса. Чему тут удивляться? Непонятно… Шончанские слуги, считай, почти голые ходят, и всех все устраивает. О Свет!

— Как же хочется сделать то же самое, — пробурчала Мин и взялась за ворот платья.

Мэт застыл, потом закашлялся, едва не подавившись. Видать, муху проглотил или что-то в этом роде.

— Чтоб мне сгореть! — Он накинул рубаху, которую выудил из своего узла с одеждой. — Если так сделаешь, дам сотню тарвалонских марок. Просто чтобы было о чем рассказывать.

Этой фразой он заслужил свирепый взгляд, но с чего бы? Ведь Мин сама сказала, что предпочла бы ходить голышом, как какая-нибудь треклятая айильская Дева, идущая в палатку-парильню.

Но раздеваться она передумала, и Мэт было приуныл, но вовремя опомнился. Рядом с Мин расслабляться не следует. Неуместной улыбки хватит, чтобы схлопотать сразу два ножа — один от Мин, другой от Туон, а Мэт предпочитал, чтобы в него втыкали не больше чем по одному ножу зараз.

На шее приятным грузом висел медальон с ли-

сьей головой. Благодарение Свету, Туон поняла, что Мэту без этой побрякушки не обойтись, и вернула ее, отказавшись даже оставить себе копию. Следом за рубахой Мэт надел куртку, также извлеченную из свертка.

— Как Принцу воронов удалось сохранить эти вещи? — спросил капитан-генерал Галган. — Мне казалось, вашу старую одежду предали огню.

С гребнем белых волос на голове у него был ужасно глупый вид, но об этом Мэт предпочитал помалкивать. Так уж заведено у шончан. Иной раз на них без улыбки не посмотришь, но Мэт не сомневался: с хохолком или без, но драться Галган умеет.

— Вот эти? — Мэт указал на рубаху и куртку. — Понятия не имею. Лежали под столом, а как там оказались — ума не приложу.

Отрадно было узнать, что шончанские стражники — гордые, как петухи, и прямые как жердь, — несмотря на свои стоически-каменные лица, падки на взятки так же, как все нормальные люди.

Все, кроме Стражей Последнего часа. Мэт пробовал было к ним подкатить, но его встретили таким свирепым взглядом, что стало ясно: еще одно слово — и его сунут лицом в грязь. Пожалуй,

впредь лучше с ними вообще не заговаривать: очевидно же, что все они обменяли чувство юмора на квадратный подбородок.

Зато теперь Мэт знал, кому — в случае крайней необходимости — можно доверить безопасность Фортуоны.

Он вышел из комнаты, по пути прихватив стоявший у стены ашандарей. Куртани и Мин последовали за ним. Жаль, что Тайли так хорошо знала свое дело. Мэт предпочел бы иметь ее рядом — для приятного общества, — а на ее место отправить это пугало огородное. Наверное, так и надо было поступить. Среди троллоков Куртани сошла бы за свою.

Пришлось ждать, пока конюх не сбегает за Типуном, и кто-то, к сожалению, успел предупредить Туон. Глядя, как она приближается, Мэт подумал, что Туон все равно обещала вернуться с минуты на минуту, так что избежать ссоры не было никакой возможности.

Мин переступила с ноги на ногу и осыпала новое платье негромкой бранью.

— Все еще думаешь, не убежать ли? — вполголоса спросил у нее Мэт, не отводя глаз от императрицы.

— Да, — кисло подтвердила Мин.

— Чтоб ты знала, койки у них добротные. И шончан знают, как угодить человеку, если только не надумают снять ему голову с плеч. Я пока не разобрался, в каких случаях такое происходит.

— Прелестно.

— Ты хоть понимаешь, — повернулся к ней Мэт, — что, будь здесь Ранд, он попросил бы тебя остаться?

Мин ответила ему гневным взглядом.

— Говорю как есть, Мин, правду, и ничего кроме правды, чтоб ей сгореть! Я собственными глазами видел, как Ранд переманивает шончан на свою сторону. Поверь, он сильно волновался. Ведь шончан, если ты вдруг не заметила, не очень-то ладят с Айз Седай.

— Это так же очевидно, как твой задранный нос, Мэт.

— Эй, я помочь нам всем пытаюсь! Прикинь, насколько легче стало бы Ранду, знай он, что доверенный человек в любую минуту может шепнуть кое-что в ухо Туон? В нужное время подсунуть знамение-другое, чтобы она полюбезнее обходилась с Айз Седай. Ты, конечно, можешь вернуться в лагерь, таскать воду и бегать с донесениями. Не сомневаюсь, что это не менее полезно, чем приглядывать за чужеземной монархиней

и убеждать ее доверять Дракону Возрожденному и относиться к нему с уважением, а еще возводить мостик дружбы между нею и остальными правителями.

— Проклятье! — сказала Мин после долгой-долгой паузы. — Знай, Мэтрим Коутон, что я тебя ненавижу.

— Вот это правильный настрой. — Мэт поднял руку, приветствуя Туон. — Теперь давай выясним, какую руку или ногу она мне отрежет за то, что выбросил ее чудной наряд.

Не погорячился ли он? Вышивка на том халате была симпатичная, а парню не повредит немного вышивки, чтобы подчеркнуть свою утонченность. Хотя… Мэт даже думать не хотел, каково идти в бой в этаком шелковом тюке. Уж лучше воевать, закинув за спину Типуна. При удаче шансов остаться в живых будет побольше.

Когда подошла Туон, все вокруг по обыкновению принялись кланяться и расшаркиваться, хотя императрица отсутствовала лишь несколько минут. Мэт встретил ее чинным кивком, и Туон окинула его одежду долгим взглядом — с головы до ног, а потом с ног до головы. Ну почему при виде нормальной рубахи и неплохой куртки все делают такое кислое лицо? Ведь это не те

обноски, в которых Мэт заявился на аудиенцию к Илэйн. Те тряпки он сжег.

— Величайшая, — начала Куртани. Она была из высших Высокородных и могла обращаться к Туон напрямую. — Да не иссякнет ваше дыхание. Принц воронов вознамерился самолично посетить поле боя, поскольку считает, что нашим гонцам и военачальникам недостает мастерства.

Заложив большие пальцы за ремень, Мэт невозмутимо смотрел на императрицу. Наконец-то конюх привел Типуна. Проклятье! Давно пора. Может, заодно мальчишка остановился пообедать? Или поглазеть на выступление менестреля?

— Так чего мы ждем? — спросила Туон. — Если Принц воронов желает увидеть битву, полагаю, верные слуги империи должны спешить сломя голову, дабы доставить его на поле боя!

У Куртани стало такое лицо, будто ей отвесили пощечину. Мэт осклабился, и Туон улыбнулась ему в ответ. О Свет, как же ему нравилась ее улыбка!

— Так ты со мной поедешь? — спросил он.

— Ну конечно. Разве есть причины поступить иначе?

— Ни единой. — Мэт едва сдержал стон. — Ни

единой треклятой причины!

Глава 29. Отступление с холма

— Сосредоточьтесь на Исчезающих! — приказала Эгвейн и накрыла плетением Воздуха взбиравшихся по склону троллоков. Те, попривыкшие к атакам Силы, пробили зияющую брешь в рядах защитников холма и теперь упрямо пробирались вперед, пригибаясь к земле. Эгвейн прекрасно видела весь кулак троллоков, а в самом его центре — мурддраала, для маскировки накинувшего поверх обычных одежд бурый плащ и державшего в руках троллочий боевой ухват.

«Неудивительно, что его трудно заметить». С этой мыслью Эгвейн хлестнула Исчезающего плетением Огня. Получеловек бился в конвульсиях и визжал, подняв к небесам безглазое лицо, пока не сгорел заживо, а вместе с ним рухнул наземь

и весь троллочий кулак.

Эгвейн довольно улыбнулась, но ее радость длилась недолго. У лучников заканчивались стрелы, пикинеров изрядно потрепали, многие Айз Седай едва держались на ногах, а на смену уничтоженной волне троллоков пришла новая. «Простоим ли мы еще один день?» — подумала Эгвейн.

От левого фланга армии Брина, державшей оборону у реки, вдруг отделился знаменный отряд конных копейщиков. Они скакали под стягом с Пламенем Тар Валона — должно быть, та тяжелая конница, которой так гордился Брин. Он собрал ее под началом капитана Джони Шагрина из закаленных ветеранов-кавалеристов из всех стран и тех гвардейцев Башни, кто пожелал присоединиться к этому элитному подразделению.

Обогнув позиции шарцев, копейщики рванули к холмам Эгвейн, прямо в тыл троллочьей армии, которая атаковала Айз Седай. За ними, сквозь поднятые копытами клубы пыли, последовал второй кавалерийский отряд — под темно-зеленым знаменем Иллиана. Похоже, генерал наконец-то отправил к Айз Седай какое-никакое подкрепление.

Но… Стоп. Эгвейн сдвинула брови. С вершины

холма ей было видно, что левый фланг основной армии остался совсем без прикрытия. «Что он задумал? Это… какая-то ловушка для шарцев»?

Если так, капкан не захлопнулся. Вместо этого конница Шары, атаковав открытый левый фланг Брина, принялась громить пехотинцев, оборонявших позицию у реки. А потом Эгвейн окончательно пришла в ужас, заметив на поле сражения новое движение — еще больший знаменный отряд конницы, отделившийся от правого фланга шарцев, настигает копейщиков, что торопились на подмогу Айз Седай.

— Гавин, надо передать тем нашим всадникам, что это ловушка!

Но времени уже не осталось. Не прошло и минуты, как шарская кавалерия налетела с тыла на конных копейщиков Белой Башни. В то же время задние шеренги троллоков развернулись лицом к атакующей коннице Брина. Эгвейн видела, что враги вооружены длинными алебардами, без труда рассекавшими и коня, и человека. Из авангарда копейщиков образовалась кровавая куча-мала, а троллоки, ступая меж мертвых тел, вновь поднимали алебарды, чтобы сокрушить следующие ряды всадников.

Закричав, Эгвейн зачерпнула всю Силу, какую

могла, и обрушила на троллоков страшный удар. Другие женщины последовали ее примеру, но резня с обеих сторон не прекращалась. Чудовищам не было числа, а конница Башни осталась беззащитна. Через несколько минут все кончилось. В живых осталась лишь горстка всадников. Эгвейн смотрела, как они во весь опор мчатся к реке.

Она была в шоке. Бывает, войска кажутся медлительными, словно громадные корабли у причала, — а затем в мгновение ока все меняется, и погибают целые знамена.

Эгвейн отвела глаза от разбросанных внизу трупов. Теперь позиции Айз Седай на вершинах холмов оказались в серьезной опасности. Когда троллоки вновь обратили свое внимание и напор на холмы, Эгвейн приказала открыть переходные врата. Под прикрытием лучников первыми вверх по склону отошли пикинеры. Затем Эгвейн и оставшиеся Айз Седай принялись сеять смерть в троллочьих рядах, давая возможность стрелкам отступить через переходные врата.

Прежде чем уйти в последние врата на своем холме, Эгвейн бросила прощальный взгляд на поле сражения. Что же произошло? Почему? Она покачала головой, и к ней подступил Гавин —

верный, как всегда. В этом бою его меч оставался в ножнах, и оружие Лильвин — тоже; казалось, эти двое ведут безмолвное состязание за звание лучшего телохранителя. Оба не отходили от Эгвейн ни на шаг. Ее это раздражало, но меньше, чем чувство угрюмого сожаления, сопровождавшее Гавина в прошлых стычках.

Хотя… Не слишком ли он бледен? Как в начале болезни. Может, это от недосыпа?

— Мне надо вернуться в лагерь и разыскать генерала Брина, — сказала Эгвейн. — Хочу узнать, как такое могло произойти. А затем отправлюсь к войскам, стоящим у брода, и отомщу за тех, кто погиб у этих холмов.

Оба ответили хмурыми взглядами.

— Эгвейн… — начал Гавин.

— У меня еще остались силы, — перебила его Эгвейн. — Чтобы не слишком переутомиться, я использовала са'ангриал. Те, кто держит оборону у переправы, должны меня увидеть, и я должна приносить пользу везде, где только можно. Телохранителей с собой возьму, сколько скажешь.

Гавин помолчал, бросил взгляд на Лильвин и в конце концов кивнул.

Лан спешился, отдал поводья Андеру и, минуя караульных — те, увидев Лана в сопровожде-

нии большого числа его гвардейцев, многих с кровоточащими ранами, изрядно удивились, — направился к штабной палатке. Вернее, навесу, поскольку парусиновые стенки со всех сторон были теперь подняты, и солдаты сновали туда-сюда, будто муравьи в муравейнике. День выдался для Шайнара жаркий. Сообщений с других полей сражения Лан пока не получал, но из более ранних докладов знал, что тяжелые бои идут не только здесь. В Кайриэне сражалась Илэйн, на арафелской границе — Амерлин. Да ниспошлет Свет, чтобы дела у них шли получше, чем у Лана.

Стоя над разложенными на земле картами, Агельмар то и дело указывал на них тонкой тростью, передвигал разноцветные камешки, обозначавшие тот или иной отряд, и отдавал приказы. Гонцы приносили вести о ходе битвы. Даже самый продуманный план сражения остается в силе ровно до тех пор, пока не обнажен первый клинок, но опытный полководец работает с войсками как гончар с глиной, придавая им нужную форму в соответствии с превратностями судьбы.

— Лорд Мандрагоран? — поднял взгляд Агельмар. — О Свет! На вид ты само Запустение. Не пора ли навестить Айз Седай, чтобы Исцелиться?

— Со мной все в порядке, — ответил Лан. — Как

продвигается битва?

— Признаться, я воодушевлен, — сообщил Агельмар. — Если через час-другой нам удастся остановить Повелителей ужаса, есть неплохие шансы обратить троллоков в бегство.

— Исключено, — сказал Лан. — Их слишком много.

— Дело не в численности. — Агельмар поманил его к себе и указал на карту. — Есть один нюанс, Лан, и его понимают немногие. Даже обладая численным и тактическим преимуществом, даже имея все шансы на победу, войско может дрогнуть и побежать. Зачастую так и происходит. Набираясь полководческого опыта, начинаешь рассматривать армию как единое целое. Как один организм, массивное создание с тысячами конечностей. Это ошибка. Армия состоит из людей — или, в нашем случае, из троллоков, — и каждый из них в ужасе от того, что творится на поле боя. Быть солдатом — значит держать свой ужас под уздой, но животному началу хочется лишь одного: сбежать в безопасное место.

Опустившись на корточки, Лан внимательно осмотрел военные карты. По большей части они соответствовали тому, что он видел своими глазами, — вот только камешек, обозначавший

легкую кавалерию Салдэйи, до сих пор находился на восточном фланге. Ошибка? Лан уже сам убедился, что конницы там больше нет. Разве гонцы не доложили Агельмару, что отряд покинул вверенный ему участок? Или великий капитан каким-то образом отвлек их внимание?

— Сегодня ты кое-что увидишь, Лан, — негромко продолжил Агельмар. — Я покажу тебе то, чему должен научиться самый низкорослый парень на плацу, если он хочет выжить. Пусть враг выше и больше тебя, но он дрогнет, если поверит, что обречен на смерть. Стукни его посильнее, и он сбежит, чтобы не получить нового удара. А если сил на новый удар не осталось… Что ж, об этом ему знать необязательно.

— Значит, таков ваш план? — спросил Лан. — На сегодня?

— Троллоки дрогнут, если напугать их демонстрацией силы, — ответил Агельмар. — Не сомневаюсь, что это сработает, и надеюсь, что мы сумеем убить командира Повелителей ужаса. Стоит троллокам поверить в свое поражение, и они обратятся в бегство. Ведь эти твари трусливы.

Объяснения Агельмара звучали правдоподобно. Быть может, Лан и впрямь не представлял себе общей картины, а гениальность великого

капитана была непостижима для обычных людей. Не ошибся ли Лан, отменив приказ насчет перемещения лучников?

Но тут к палатке галопом примчался гонец, с которым Лан говорил чуть раньше. Сопровождавший его гвардеец придерживал руку, пронзенную стрелой с черным оперением.

— Громадное войско отродий Тени! — доложил вестовой. — Надвигается с востока! Вы были правы, Дай Шан!

«Они знали, откуда зайти, — подумал Лан. — Быть такого не может, чтобы наше слабое место заметили практически сразу, ведь за холмами почти ничего не видно. Все произошло слишком быстро. Силы Тени были осведомлены — или предполагали, чего ожидать». Он взглянул на Агельмара.

— Быть такого не может! — воскликнул тот. — Это еще что? Почему молчала разведка?

— Лорд Агельмар, вы отправили восточный отряд разведчиков обратно к реке, — напомнил один из военачальников. — Чтобы те осмотрели переправу. По вашим словам, лучники… — Он побледнел. — Лучники!..

— Лучники остались на месте, — сообщил Лан, выпрямившись. — Пусть войска начинают от-

ходить с передовой. Выводите салдэйцев из боя. Они должны быть готовы прикрыть отступление пехоты. И верните сюда Аша'манов. Нам понадобятся переходные врата.

— Лорд Мандрагоран, — возразил Агельмар, — эту ситуацию можно обернуть в нашу пользу. Если пошире развести фланги, а затем взять троллоков в клещи, мы сможем…

— Я снимаю вас с поста, лорд Агельмар, — объявил Лан, не глядя на него. — И к сожалению, вынужден требовать, чтобы вы оставались под надзором, пока я не разберусь, что случилось.

В штабной палатке стало тихо. Помощники, офицеры и вестовые молча смотрели на Лана.

— Знаешь, Лан, — сказал Агельмар, — мне показалось, что ты намерен взять меня под арест.

— Не показалось, — ответил Лан и жестом подозвал своих гвардейцев.

Те вошли под навес и расположились так, чтобы никто из присутствующих не мог сбежать. Некоторые из людей Агельмара схватились было за мечи — но не обнажили клинков, поскольку мало кто понимал, что происходит.

— Это возмутительно! — воскликнул Агельмар. — Не глупи! Сейчас не время…

— Что вы предпочли бы, Агельмар? — проры-

чал Лан. — Чтобы я позволил вам похоронить всю армию? Чтобы стоял и смотрел, как нас перемалывает Тень? Зачем вы это сделали? Скажите, зачем?!

— Ты не в себе, Лан. — Агельмар не без труда сохранял спокойствие, но его глаза горели огнем. — Что тебе в голову взбрело? О Свет!

— Зачем вы приказали лучникам уйти с восточных холмов?

— Затем, что они понадобились на другом участке!

— И какой в этом смысл? — осведомился Лан. — Разве не вы говорили мне, что восточный фланг имеет жизненно важное значение?

— Мне…

— И еще вы убрали с той позиции разведчиков. Почему?

— Они… Это… — Агельмар в ошеломлении схватился за голову и окинул изумленным взглядом боевые карты.

— Что с вами творится, Агельмар? — спросил Лан.

— Не знаю, — ответил тот, оторопело глядя на карты у своих ног. Лицо его исказилось от ужаса, глаза распахнулись, челюсть отвисла. — Ох, Свет! Что же я наделал?

— Передай мои приказы, — тут же велел Лан одному из своих гвардейцев, — и приведи сюда лорда Балдера. А заодно с ним королеву Этениелле и короля Изара.

— Лан, тебе надо привлечь… — Агельмар осекся. — О Свет! Я не могу этого посоветовать! Стоит задуматься, как быть дальше, и в голову лезут дурные мысли. Я по-прежнему пытаюсь нас погубить. Я обрек всех на смерть! — Выпучив глаза, он выхватил свой короткий меч из ножен.

Лан, успев схватить оружие за гарду, не дал великому капитану вонзить меч себе в живот и свести счеты с жизнью. Он до крови порезал пальцы там, где они соскользнули с пяты клинка.

— Позволь мне умереть с честью, — взмолился Агельмар. — Я… Я уничтожил нас всех. Я проиграл эту войну, Дай Шан.

— Не войну, только сражение, — поправил его Лан. — С вами что-то не так. То ли приболели, то ли вымотались, то ли стали жертвой происков Тени. Подозреваю, вскоре мы выясним, что ваш рассудок подвергся какому-то воздействию.

— Но…

— Вы же солдат! — прикрикнул на него Лан. — Ведите себя соответственно!

Агельмар замер, посмотрел Лану в глаза и от-

ветил единственным кивком. Лан убрал руку с клинка, и старый воин вернул меч в ножны. Потом он уселся на землю, скрестив ноги, закрыл глаза и застыл в традиционной шайнарской позе для медитаций.

Покинув палатку, Лан принялся выкрикивать приказы, но тут к нему подбежал явно испуганный принц Кайзель.

— Что происходит, лорд Мандрагоран?

— Скорее всего, Агельмара подвергли Принуждению, — ответил Лан. — Мы попали в силки, будто кролики, и петля на нашей шее затягивалась медленно, но верно. Кто-нибудь, пожалуйста, скажите, что у Аша'манов хватит сил открыть переходные врата! И принесите доклады с восточного фланга! Лучникам там не обойтись без поддержки. Отправьте к ним все оставшиеся резервы!

Услышав эти слова, принц Кайзель отшатнулся — ладонь на мече, глаза широко раскрыты. Побледнев, он взглянул на лорда Агельмара, а когда Лан закончил раздавать приказы и гонцы разбежались выполнять порученное, спросил:

— Мы что, и правда проиграли?

— Да, — подтвердил Лан. — Проиграли.

— Лан! — вдруг окликнул его Агельмар, открыв

глаза.

Лан повернулся к нему.

— Королева Тенобия, — сказал Агельмар. — Я отправил ее в самое пекло, не понимая, что творю. Тот, кто вложил эти планы мне в голову, желал ей смерти!

Лан тихо выругался, стрелой вылетел из лагеря и взбежал на вершину ближайшего холма. Миновав расступившихся разведчиков, он сорвал с пояса зрительную трубу, хотя никакой нужды в ней не было: едва взглянув на поле сражения, Лан сразу обнаружил флаг королевы.

Тенобию взяли в кольцо. Быть может, она ожидала подкрепления, но его не прислали. Лан открыл было рот, чтобы прокричать приказы, но слова застряли в горле, когда там, где сражалась королева, небольшое серебристо-белое знамя исчезло в черной массе троллоков. Не прошло и считаных секунд, как помогать стало некому. На том участке боя не выжил ни один солдат.

Так, спокойно. Тенобии он уже помочь не в силах, и спасать кого-то по отдельности уже поздно.

Если Лан сумеет увести отсюда хоть какое-то подобие армии, можно будет считать, что ему повезло.

Мэт и Туон скакали на юг, к полю сражения, вдоль берега реки, по которому проходила западная граница Арафела.

Ясное дело: куда Туон, туда и Селусия. А теперь еще и Мин, поскольку Туон желала, чтобы Провидица всегда была при ней. Она беспрестанно спрашивала о видениях, и Мин, хоть и без особой охоты, рассказывала ей, что видит.

Мэт втихомолку убеждал и упрашивал Мин, чтобы та сказала, мол, видит у него над головой шляпу. Тогда Туон перестанет твердить, чтобы Мэт от нее избавился, так ведь? Всяко лучше, чем выслушивать, как Мин разглагольствует о треклятом глазе на весах, о кинжале и о прочих растреклятых штуковинах, что она видела рядом с Мэтом.

Еще их сопровождали Галган и Куртани — которая сокрушалась, что недостаточно быстро исполнила желание Мэта. И конечно — куда же без них! — сотня Стражей Последнего часа. Их возглавлял Фурик Карид, а находиться рядом с ним так же приятно, как обнаружить у себя в кошельке чужую руку, но солдат он был хороший, и Мэт его уважал. Вот бы свести их с Ланом, чтоб сыграли в гляделки. Годами, наверное, не моргали бы.

— Нужна другая точка обзора, — заявил Мэт, когда они приблизились к полю сражения. Осмотревшись, добавил: — Вон оттуда будет видно получше.

Он направил Типуна к пригорку возле самой воды, неподалеку от того места, где две армии обменивались сокрушительными ударами. Туон, не промолвив ни слова, последовала за ним. Когда все оказались на возвышении, Мэт заметил, что Селусия бросает на него убийственные взгляды.

— Что такое? — спросил Мэт. — Я-то думал, ты обрадуешься моему возвращению. Теперь хотя бы есть на кого смотреть страшными глазами.

— Императрица с тобой неразлучна, — ответила Селусия.

— Так и есть, — подтвердил Мэт. — А я неразлучен с ней. Куда один, туда и другой. Надеюсь, в итоге не окажется, что мы круги наматываем. — И он вернулся к изучению битвы.

Река здесь была не то чтобы сильно широкая — с полсотни спанов, не больше, — но очень быстрая, да еще и с глубиной по обе стороны от брода. Вода — первоклассная преграда, и не только для троллоков, но все портил этот треклятый брод: воды по колено, а ширина такая, что запросто пройдут двадцать конников в один ряд.

Далеко-далеко, посреди войска Шары, Мэт кое-как разглядел в зрительную трубу всадника на ослепительно-белом коне и в сверкающих доспехах. Такой брони Мэт прежде не видел, но из-за расстояния так и не рассмотрел ее во всех подробностях.

— По всей видимости, это и есть наш Отрекшийся, — заключил он, указав на всадника ашандареем.

— Похоже, он выкликает Дракона Возрожденного, — заметил Галган, когда над полем битвы разнесся голос, многократно усиленный специальным плетением. Демандред вызывал Дракона на поединок.

Мэт снова посмотрел на Отрекшегося в зрительную трубу.

— Демандред, значит? Какой-то он придурошный, нет? — заметил он.

Что ж, теперь Мэту понятно, куда соваться не следует. На драку с Отрекшимся он не подписывался. Если так подумать и припомнить, он вообще ни на что не подписывался. Во все эти треклятые приключения его втягивали грубой силой и наглым шантажом, но чаще силком, и всегда это была какая-нибудь дуреха.

С Демандредом могла бы разобраться Эгвейн.

Или, к примеру, кто-то из Аша'манов. Ранд говорил, что с недавних пор эти самые Аша'маны перестали сходить с ума, но верилось в это с трудом. Любого мужчину, возжелавшего владеть Единой Силой, уже можно считать совершенно спятившим. По крайней мере, в глазах Мэта. И добавлять ему безумия — все равно что лить чай в переполненную чашку.

Хорошо хоть, что дамани Туон не давали скучать тем в армии Шары, что были способны направлять Силу. Землю на обоих берегах реки вспарывали огненные шары, но из-за всеобщего хаоса рассмотреть картину в подробностях было невозможно.

Мэт снова направил зрительную трубу на юг, вдоль реки, и нахмурился, увидев военный лагерь всего в нескольких сотнях шагов от брода. Однако его внимание привлекло не беспорядочное скопление палаток, а стоявший без дела на его восточном краю крупный отряд конников. Перед строем кавалеристов расхаживала туда-сюда какая-то женщина. Похоже, настроение у нее было паршивое, и Мэту не требовался второй глаз, чтобы признать в этой особе Тайли.

Он опустил зрительную трубу, потер подбородок, поправил шляпу и закинул ашандарей

на плечо.

— Дайте-ка мне пять минут, — попросил Мэт и стукнул Типуна каблуками, и тот помчался вниз по склону. Оставалось надеяться, что Туон не пустится вдогонку. В кои-то веки этого не случилось, хотя у подножия пригорка Мэт представил себе, как она не сводит с него полных любопытства глаз. Похоже, все его затеи казались ей необычайно интересными.

Галопом Мэт понесся вдоль реки — туда, где заметил Тайли. В ушах неприятно звенело от взрывов, а это значило, что сердце битвы уже рядом.

Направив Типуна влево, Мэт подскакал прямиком к не находившей себе места военачальнице:

— Тайли, ты, Светом ослепленная бестолочь! Какого рожна ты здесь топчешься — вместо того, чтобы пользу приносить?!

— Высочайший! — бухнулась на колени Тайли. — Нам приказали ждать здесь, пока не позовут.

— Кто приказал? Ну-ка встань.

— Генерал Брин, высочайший, — ответила Тайли, поднимаясь на ноги. Мэт уловил в ее голосе недовольство, но лицо она держала под контролем. — Он сказал, что мы всего лишь резервный

отряд и не должны сходить с места ни при каких обстоятельствах, не получив от него прямого приказа. И добавил, что от этого зависит жизнь множества солдат. Но сами посмотрите. — Она указала в сторону реки. — Сражение развивается не самым лучшим образом.

Озадаченный бездействием Тайли и ее отряда, Мэт не удосужился глянуть, как обстоят дела на другом берегу, но теперь обвел поле боя единственным глазом.

Похоже, дамани уверенно держались против владеющих Силой из Шары, а вот регулярные войска попали в переплет: шарцы прорвали оборону на левом фланге Брина ниже по течению и всей массой набросились на солдат Брина.

Где же конница? Предполагалось, что она будет защищать пехотинцев с обеих сторон. И еще, в полном соответствии с предсказаниями Мэта, выдвинувшиеся вперед шарские лучники расстреливали кавалерию правого фланга. Положение Бриновых войск очень напоминало набухший нарыв — стоит на него хорошенько надавить, и он непременно лопнет.

— Проклятье! Ничего не понимаю, — заключил Мэт. — Брин делает все, чтобы погубить свою армию. Где он сейчас, Тайли?

— Не знаю, высочайший. Мои люди разыскивают его, но пока ничего не сообщали. Зато мне сообщили, что на юге наша сторона потерпела крупную неудачу. У подножия холмов возле самой границы шарцы уничтожили два крупных отряда конницы генерала Брина. Говорят, их отправили туда в качестве подкрепления для марат'дамани, ведущих бой с холмов.

— Кровь и треклятый пепел! — Мэт обдумал услышанное. — Ну ладно. Тайли, ждать уже некогда. Вот что мы сделаем. Пусть знаменный генерал Макоти со Вторым отрядом отправляется прямо на центральный участок. Он должен как-то обойти наши войска, что там бьются, и отбросить тех шарцев. Ты с Третьим знаменем возьмешь на себя правый фланг, где втопчешь в землю этих лучников и прочих козлолюбов, что встретятся вам на пути. Я же поведу Первый знаменный отряд на левый фланг и залатаю прореху в обороне. Ясно? Тогда вперед!

— Будет исполнено, высочайший. Но вы же не станете самолично участвовать в бою?

— Еще как стану, Тайли! Вперед, я сказал!

— Позвольте высказать смиренное предложение, высочайший. На вас нет брони, так давайте хотя бы подберем вам подходящий доспех.

Поразмыслив об этом чуток, Мэт пришел к выводу, что знаменный генерал говорит вполне разумную вещь. «На поле боя, где повсюду летают стрелы и машут мечами, человеку недолго и пораниться».

Тайли тем временем подозвала кого-то из своих старших офицеров, ростом и комплекцией примерно с Мэта, и заставила его снять пластинчатую броню, от чьего красно-зелено-золотого разноцветия, да еще с серебристой окантовкой, рябило в глазах. Взамен Мэт вручил ошалевшему офицеру свою куртку и сказал, что вечером намерен забрать ее в точно таком же состоянии, после чего облачился в доспехи, закрывающие грудь, руки сзади и бедра спереди — кстати говоря, вполне себе удобные, — но от предложенного шлема отказался. Он лишь поправил свою широкополую шляпу и повернулся к Тайли.

— Высочайший, еще один момент. Марат'дамани… — начала было та, но Мэт прервал ее:

— С теми, кто направляет Силу, я разберусь.

Тайли вылупилась на него как на помешанного. Кровь и пепел, да он, по всей вероятности, и впрямь умом тронулся.

— Высочайший, но императрица… — Тут Мэт скроил такую физиономию, что она умолкла, а

после паузы добавила: — Позвольте хотя бы приставить к вам нескольких дамани для защиты.

— Большое спасибо, но я и сам в состоянии о себе позаботиться, причем получше многих. Эти треклятые женщины будут лишь под ногами путаться. — Он широко ухмыльнулся. — Ну что, Тайли, готова? Хотелось бы покончить с этим до того, как придет время для кружки эля перед сном.

Вместо ответа Тайли обернулась и выкрикнула:

— По коням!

О Свет, ну и голосина у нее! Сразу после этого тысячи задниц опустились в седла со шлепком, прокатившимся по всему легиону, и каждый всадник застыл, глядя прямо перед собой. Чего у шончан не отнять, так это проклятой любви к дисциплине, благодаря которой из них получаются превосходные солдаты.

Выкрикнув несколько распоряжений, Тайли снова повернулась к Мэту:

— Ждем приказа, высочайший.

– *Лос каба'дрин!* — завопил Мэт.

Мало кто из присутствующих знал эти слова, но все инстинктивно поняли их значение: «Конница, вперед!»

Типун ступил в воду. Мэт поднял над головой ашандарей и почувствовал, как задрожала земля, когда Первый знаменный отряд сомкнул вокруг него свои ряды. Шончанские горнисты за спиной Мэта трубили атаку, и каждый горн звучал чуть иначе, нежели остальные, в результате чего рождался резкий диссонанс, разносившийся на громадные расстояния. Заслышав его, солдаты Белой Башни стали оглядываться, и за те секунды, которые у Мэта и его шончан ушли на переправу через брод, они успели расступиться в стороны, чтобы пропустить всадников.

Стоило забрать немного влево, и Первое знамя оказалось в самой гуще шарской конницы, что перемалывала ряды пехотинцев Эгвейн. Набранная скорость позволила авангарду шончан крепко вломиться в шарские ряды. Натренированные кони вставали на дыбы, а потом обрушивали на врагов передние копыта. Вместе со своими скакунами шарцы падали наземь, где принимали смерть от шончанской кавалерии, продолжавшей неуклонно двигаться вперед.

Свое дело шарцы знали на совесть, однако всадники, обремененные тяжелой броней и вооруженные длинными пиками, хорошо годятся для истребления загнанной в угол пехоты, а в

ближнем бою с крайне подвижной легкой кавалерией испытывают существенные неудобства.

Относившийся к отборным шончанским частям, Первый знаменный отряд использовал в бою самое разнообразное оружие, а его бойцы были превосходно обучены действиям в команде. Воины первых рядов со смертоносной точностью, целясь в забрала вражеских шлемов, метали дротики, и те на удивление часто, пройдя через смотровую щель, поражали жертву в лицо. Дальше в дело вступали солдаты, вооруженные двуручными мечами с изогнутыми клинками, наносили режущие удары по самому уязвимому месту вражеского конника — между шлемом и нагрудником, а порой их целью становилась плохо защищенная грудь в остальном облаченного в доспех вражеского коня, после чего выброшенный из седла наездник был обречен. Третьи, орудуя боевыми баграми и алебардами с крючьями, стаскивали шарцев на землю, где их товарищи дубасили их шипастыми булавами, сминая броню так, что двигаться в ней становилось почти невозможно. Когда же враг пытался встать — впрочем, без особого успеха, — на него набрасывались сноровистые легковооруженные добивальщики, они поднимали ему забрало

и приканчивали бедолагу тонким кинжалом, направленным в беззащитный глаз. В такой обстановке пики шарцев оказались совершенно бесполезны и даже вредны, поскольку многие всадники расставались с жизнью, так и не успев выпустить из рук древко и вытащить меч.

Одному из своих кавалерийских эскадронов Мэт велел проскакать вдоль реки на левый фланг и, обойдя шарскую конницу, ударить по ней сзади. Избавленные от натиска конных копейщиков Шары, пехотинцы Белой Башни снова могли орудовать пиками и алебардами. Под прикрытием шончанских Второго и Третьего знаменных отрядов защитники брода понемногу восстанавливали оборонительные порядки. Работа была грязная и скользкая, поскольку берег перепахали так, что на несколько сотен шагов он превратился в топкое болото. Но силы Света выстояли.

Обнаружив, что его затянуло на самый жаркий участок, Мэт принялся исступленно размахивать ашандареем, но вскоре понял, что проку от его оружия мало. Лишь немногие из его выпадов находили незащищенную плоть. В большинстве своем клинок соскальзывал с вражеской брони, а самому Мэту приходилось то пригибаться, то изворачиваться в седле, чтобы не угодить под

шарскую сталь.

Медленно, но неуклонно он пробирался сквозь это побоище, и почти уже достиг задних рядов шарской кавалерии, когда понял, что трое из его спутников уже не в седле. Странно. Ведь минуту назад все было иначе. Еще двое насторожились, оглядываясь по сторонам, и вдруг вспыхнули огнем, закричали от мучительной боли, свалились на землю и затихли. Мэт глянул направо — как раз вовремя, чтобы увидеть, как невидимая сила подбросила одного из шончанских солдат на добрую сотню футов к небесам. Когда же он снова посмотрел налево, то его единственный глаз встретился со взглядом сногсшибательной красавицы, чье необычное платье из черного шелка отличалось от тела лишь благодаря симпатичным белым ленточкам, поскольку красавица была темнокожая, как Туон. Но черты лица у нее были не тонкие, а напротив, броские: высокие дерзкие скулы, широкий чувственный рот и пухлые губы, как будто надутые от огорчения или обиды, — но тут они изогнулись в улыбке, и вовсе не для того, чтобы порадовать окружающих.

Едва она взглянула на него, как медальон похолодел. Мэт с облегчением выдохнул.

Похоже, удача пока что была при нем, но не

стоит выжимать из нее все соки — и не следует загонять свою лучшую скаковую лошадь. В будущем эта удача ему ой как пригодится.

Поэтому Мэт спрыгнул с коня и направился к женщине. Та охнула, изумленно раскрыла глаза и попыталась поразить его еще одним плетением. Мэт же развернул ашандарей тупым концом вперед, размахнулся и сшиб женщину с ног, а затем, перехватив древко под клинок, ударом справа добавил ей по затылку. Негодница шлепнулась в грязь лицом, но Мэт не успел любезно помочь ей встать, поскольку вдруг оказался в окружении дюжины-другой шарцев. Десять Мэтовых шончан тут же сомкнули строй и двинулись вперед. У врагов не было ничего, кроме мечей, и Мэт ловко отражал их удары неугомонным ашандареем, а его солдаты бились как львы.

Битва превратилась в круговерть сверкающих клинков и размашистых ударов. Пока ашандарей разбрасывал вокруг комья липкой земли, двое шончан подхватили упавшую женщину, не дав ей захлебнуться жидкой грязью.

Мэт напирал на шарцев.

Те голосили, вызывая подкрепление.

Мэт делал шаг за шагом. Осторожно, но неумолимо.

Земля покраснела.

На смену убитым шарцам приходили новые, втаптывая в жадную грязь тела павших соплеменников. В общем и целом никакому солдату не чужда жестокость, но эти парни, как видно, стремились прикончить именно Мэта — пока не перестали вдруг появляться. Мэт огляделся. Рядом с ним осталось лишь четверо шончан.

Несмотря на хаос битвы, Мэт чувствовал, что видит яснее прежнего, и передышка в бою дала ему возможность покомандовать.

— Свяжите этой женщине руки за спиной, — сказал он, тяжело дыша, — и замотайте глаза какой-нибудь тряпкой, чтоб ничего не видела. — Он вытер со лба пот. О Свет, этого пота хватило бы на еще одну реку! — Значит, так. Берем пленницу и пробиваемся обратно к броду. Посмотрим, нельзя ли бросить в бой еще каких-нибудь проклятых дамани. Зря эти шарцы оставили эту свою женщину одну на поле боя, но лучше давайте-ка убираться отсюда, пока не объявились ее подружки.

Мэт потряс рукой — в бою он повредил ноготь, да так, что красивая лакировка пошла трещинами, — и повернулся к стоявшему рядом шончанину, который бился вместе с ним. Тот

оказался офицером. Он ответил Мэту таким благоговейным взглядом, словно смотрел на самого Возрожденного, чтоб ему пропасть, Дракона. Придя в некоторое смятение, Мэт уставился на землю, но разглядывать перемешанную с кровью грязь, усеянную трупами шарцев, оказалось еще неприятнее. Скольких же он сразил своим ашандареем?

— Высочайший… — начал офицер — Великий лорд… Ни единая живая душа на службе империи не осмелится подвергать сомнению решения императрицы, да живет она вечно. Но если кто-то и испытывал неуверенность в ее выборе, такого больше не будет. Принц воронов! — Он воздел меч, и его возглас подхватили остальные.

— Лучше вооружитесь треклятыми алебардами, — пробурчал Мэт. — В этой битве мечи для пехотинцев практически бесполезны. — Он отгрыз обломок пострадавшего ногтя, выплюнул его и продолжил: — Парни, вы молодцы. Кто-нибудь видел моего коня?

Типун обнаружился неподалеку. Взяв его за поводья, Мэт двинулся обратно к броду и по пути даже сумел не ввязаться в бой — ну, более или менее. Тот шончанский капитан напоминал Талманеса, причем довольно сильно, так что

нянек у Мэта хватало. «Интересно, играет ли этот парень в кости», — не к месту подумал он, входя в воду. Сапоги у него были добротные, но вода рано или поздно просачивается и не в такую обувь, и поэтому, когда Мэт переходил реку, сапоги неприятно хлюпали. На берегу, в отдалении, справа от переправы, творилась какая-то сумятица. Присмотревшись, Мэт понял, что собравшиеся там Айз Седай накрывают поле боя своими плетениями, но не нашел в себе никакого желания совать нос в их дела. У него имелись занятия поважнее.

Впереди у дерева стоял человек в широких штанах и куртке очень знакомого вида. Мэт подошел к нему и после недолгих переговоров обменялся с парнем одеждой, после чего, радуясь своему старому доброму двуреченскому наряду, запрыгнул в седло, сунул мокрые ноги в стремена и отправился туда, где оставил Туон. Его люди захватили с собой ту шарскую женщину, умеющую направлять Силу, — как он и распорядился, с заткнутым ртом и завязанными глазами. О Свет, что ему с ней делать? Скорее всего, она станет еще одной дамани.

Оставив солдат позади, Мэт миновал стоявших у пригорка охранников, едва удостоив их кивком. Теперь у него перед мысленным взором разво-

рачивалась сама битва. Это вам не значочки и почеркушки на бумаге. Он видел поле сражения, слышал возгласы солдат и обонял тошнотворное дыхание врага. Сражение стало для него реальным.

— Императрице хотелось бы знать, — заявила Селусия, когда Мэт взошел на пригорок, — причем во всех подробностях, почему именно ты решил отправиться в сражение, да еще столь безответственным образом. Твоя жизнь перестала принадлежать только тебе, Принц воронов. Отныне у тебя нет права разбрасываться ею, как это было в прошлом.

— Я должен был все узнать. — Мэт посмотрел куда-то вдаль. — Прощупать пульс битвы.

— Пульс? — переспросила Селусия, тогда как Туон то так, то эдак складывала пальцы, словно какая-нибудь треклятая Дева Копья. Напрямую она с Мэтом не говорила. Скверный знак.

— У каждой битвы имеется свой пульс, Туон, — ответил Мэт, по-прежнему глядя куда-то в пустоту. — Найнив… Бывало, она брала человека за руку, чтобы проверить, как бьется сердце, и понимала, что у больного что-то не так с ногами. Здесь то же самое. Надо шагнуть в бой, почувствовать его природу, понять…

Слуга с наполовину обритой головой, явившийся от реки, со стороны брода, подойдя к Туон, принялся шептать что-то ей и Селусии.

Мэт же тем временем вспоминал карты, но теперь совмещал их с реальной картиной сражения. Брин не отдал приказ Тайли вступить в битву, подставил под удар свой левый фланг у переправы, отправил свою конницу в западню.

Мэт читал ход сражения как открытую книгу, видел все тактические решения, причем просчитав их на десять шагов вперед. Все равно что заглянул в будущее, подобно Мин, — но в будущее с кровью, плотью, мечами и боевыми барабанами.

— Хм, — наконец изрек он. — А Гарет Брин-то — приспешник Темного.

— Что-что ты сказал?! — возмутилась Мин.

— Еще немного — и исход этой битвы будет предопределен. От поражения отделяет один шаг. — Мэт повернулся к Туон. — Мне нужен полный контроль над нашими армиями. Сейчас же. Никаких больше споров с Галганом. Мин, предупреди Эгвейн, что Брин нарочно старается проиграть этот бой. Туон, ей придется отправиться лично. Вряд ли Эгвейн станет слушать кого-то еще.

Все непонимающе смотрели на Мэта — все, кроме Туон, наградившей его одним из своих душераздирающих взглядов, под которыми Мэт чувствовал себя мышью, пойманной в безупречно чистой комнате. От этого он потел сильнее, чем на поле боя.

«Ну же, давай! — подумал он. — У нас нет времени». Теперь он ясно видел сражение, подобное грандиозной игре в камни, где Брин из раза в раз делал хитрые и коварные ходы, в результате которых армия Эгвейн будет неминуемо уничтожена.

Но Мэт мог изменить ход игры. Если действовать без промедления, прямо сейчас.

— Да будет так, — сказала Туон.

Эта фраза породила не меньшее изумление, чем слова Мэта. У капитан-генерала Галгана сделалось такое лицо, будто он предпочел бы проглотить свои сапоги, нежели подчиниться Принцу воронов. Мин, обнаружив, что ее уводят какие-то слуги вперемешку с солдатами, возмущенно пискнула.

Туон подъехала ближе к Мэту и тихо произнесла:

— Мне сообщили, что в недавнем бою ты не только захватил для себя марат'дамани, но и

возвысил одного из наших офицеров до низших Высокородных.

— Да ну? — не поверил Мэт. — Что-то не припоминаю.

— Ты уронил ноготь к его ногам.

— Ах, ноготь… Это… Может, и уронил. Случайно. А та способная направлять… Кровь и пепел, Туон! Я не хотел, чтобы она… Ну да ладно. Забирай ее себе.

— Нет, — отказалась Туон. — Тебе не помешает обзавестись собственной дамани. Обучать ее ты, конечно, не сможешь, но найдется немало сул'дам, которые будут рады такой возможности. Чтобы мужчина пленил дамани на поле боя… Такое бывает крайне редко. Мне известно о твоем особенном преимуществе, но остальным — нет. И этот случай весьма благоприятно скажется на твоей репутации.

Мэт пожал плечами. Ну а что еще было делать? Быть может, получив дамани в собственность, он будет вправе дать ей свободу — или что-то в этом роде.

— Офицера, которого ты повысил, переведут и причислят к твоей свите, — продолжила Туон. — У него хороший послужной список. Пожалуй, даже слишком хороший. В отряд у брода его

назначили, поскольку сочли… потенциальным сторонником группировки, которая могла бы выступить против нас. Теперь же он не устает восхвалять тебя. Понять не могу, что ты сделал, чтобы он переменил свое мнение. Похоже, в подобном ты весьма искусен.

— Хотелось бы надеяться, что я не менее искусен в том, чтобы добыть победу, — проворчал Мэт. — Дело плохо, Туон.

— Так считаешь только ты. — Она тщательно выбрала слова, чтобы не возразить Мэту, а просто констатировать факт.

— И я прав. Жаль, конечно, однако я прав… Проклятье!

— Если проиграешь, я лишусь своего влияния на подданных.

— Да все будет нормально. — Мэт повернул Типуна к северу, где в нескольких милях от пригорка располагался шончанский лагерь. — Да, временами я могу и накосячить, но в итоге всегда окажется, что я — твоя вернейшая ставка.

Глава 30. Повадка хищника

В тревожной спешке Гаул и Перрин снова осмотрели лагерь Эгвейн — вернее, ту его малую часть, что отражалась в волчьем сне. Ее армию оттеснили далеко на восток, и палатки простояли у реки не так долго, чтобы успеть обрести четкие очертания в Тел'аран'риоде.

Волки видели здесь Грендаль, но Перрин так и не сумел поймать ее за делом, в чем бы оно ни заключалось.

Уже трижды Губитель пытался атаковать Скважину. Волки извещали Перрина о его попытках, но Губитель всякий раз ускользал до его прибы-

тия. Он пытался нащупать слабое место. Такова повадка хищника, выискивающего в стаде больных и слабых.

По крайней мере, Перрин не зря привлек к делу волков. План работал. Возле Скважины время шло медленнее, чем за ее пределами, и, стремясь напасть на Ранда, Губитель неминуемо терял быстроту, что оставляло Перрину шанс перехватить его на подходе.

— Надо предупредить остальных насчет Грендаль, — остановился посреди лагеря Перрин. — Думаю, она сообщается с приспешниками Темного в наших лагерях.

— Может, тогда лучше вернуться к Скважине? Ты же сумел поговорить с Найнив Седай…

— Наверное, — ответил Перрин. — Не знаю, стоит ли снова отвлекать Найнив. Она же занята важным делом.

Он бросил взгляд на походные одеяла. Те замерцали, а потом исчезли из волчьего сна. Гаул с Перрином уже побывали на Поле Меррилор, но переходных врат не обнаружили. Чтобы вернуться в мир яви, придется ждать несколько часов. Непозволительная трата времени…

Разве что Перрин поймет, как самому переместить себя в реальный мир. Ланфир намекнула,

что он в состоянии овладеть этим трюком, но единственным ключом к разгадке оставался Губитель. Перрин постарался вспомнить, что почуял в тот момент, когда охотник на волков покинул Тел'аран'риод. Вот бы сообразить, как Губитель сделал то, что сделал…

Перрин помотал головой. Он раз за разом прокручивал в голове этот эпизод, но так ни к какому выводу и не пришел. Поэтому, вздохнув, он с надеждой спросил у волков: «Кто-нибудь видел Ловчую Сердец»?

Волки ответили веселым изумлением. Он слишком часто задавал этот вопрос.

Ну а другие лагеря двуногих? Их кто-нибудь видел? — осведомился Перрин.

Ответ был расплывчатым. Волки обращали внимание на людей лишь для того, чтобы избегать их, а здесь, в волчьем сне, это не имело особого значения. И все же там, где скапливались люди, кошмары иной раз принимались буйствовать, и волки научились держаться подальше от таких мест.

Перрину хотелось знать, как обстоят дела на других полях сражений. Что там с его людьми, с армией Илэйн, лордом Баширом и его женой? Перрин увел Гаула прочь из лагеря Эгвейн; вме-

сто того чтобы мгновенно смещаться с одного места на другое, они передвигались долгими прыжками. Перрину хотелось подумать.

Чем дольше он оставался в волчьем сне во плоти, тем сильнее чувствовал, что знает, как вернуться в реальный мир. Тело как будто понимало, что пребывание здесь неестественно. Поспать Перрину так и не довелось, хотя прошло уже… сколько же времени прошло? Этого он не знал. Запасы еды почти закончились, но казалось, что они с Гаулом провели в Мире снов считаные часы. Отчасти подобное ощущение было вызвано частыми перемещениями к Скважине для проверки шипа сновидений, да и в целом тут нетрудно потерять счет времени.

И еще Перрин все сильнее уставал. Он не знал, можно ли здесь спать. Его телу требовалось отдохнуть, но Перрин забыл, что такое отдых. Ему вспомнилось, как Морейн сняла охватившую всех усталость во время бегства из Двуречья. Как давно это было? Два года назад?

Но какие же они долгие, эти два года…

Затем Перрин с Гаулом проверили расположение войск Лана, оказавшееся еще более эфемерным, чем лагерь Эгвейн, и в волчьем сне наблюдать за ними было бесполезно. Конники

Лана — а их было множество — быстро отступали, находясь в постоянном движении, не задерживаясь долго на одном месте, а потому не оставляли в Мире снов ничего, кроме мимолетных образов.

Следов Грендаль здесь не обнаружилось.

– *Аан'аллейн* тоже не стоит на месте и отступает, — заключил Гаул, осматривая каменистую почву, где, по их предположению, находился лагерь Лана. Палаток тут не было, лишь иногда возникали и почти сразу исчезали отраженные в волчьем сне походные одеяла, разложенные по кругу возле воткнутого по центру шеста, к которому кавалеристы привязывали коней.

Гаул поднял голову и внимательно посмотрел на запад.

— Если они продолжат так отступать, то рано или поздно снова окажутся на Поле Меррилор. Может, так и задумано?

— Может быть, — сказал Перрин. — Теперь надо осмотреть позиции Илэйн и…

Юный Бык, позвал его волк. Голос казался Перрину почему-то знакомым. *Она здесь.*

Здесь? — переспросил Перрин. *Ловчая Сердец?*

Приходи.

Схватив Гаула за руку, Перрин перенес обоих далеко на север. Грендаль явилась в Шайол Гул?

Чтобы проникнуть внутрь Скважины и убить Ранда?

Очутившись на скале, откуда открывался вид на долину, оба немедленно распластались на камнях, приподняли головы и, выглянув из-за края уступа, стали осматриваться. Рядом с Перрином появился волк, седой и старый. Перрин сразу понял, что знает этого волка, помнит его запах, но имя… Имени он припомнить не мог, а волк не представился.

Где она? — спросил Перрин. *В пещере?*

Нет, ответил старый волк. *Вон там.*

Послание он сопроводил образом палаток, тесно стоявших внизу в долине, как раз под входом в пещеру. В этой долине Грендаль не появлялась с тех пор, как Перрин выследил ее в первый раз.

Войска Итуралде находились здесь довольно долго, и очертания их палаток проступали в волчьем сне все отчетливей. Перрин осторожно *сдвинулся* вниз. Гаул и старый волк последовали за ним, и все трое крадучись пошли вперед, руководствуясь путеводным посланием волка.

Здесь. Волк мотнул головой, указывая на просторный шатер в центре.

Перрин уже видел Грендаль возле этого шатра, который принадлежал Роделу Итуралде.

Зашуршал входной клапан, и Перрин замер. Из шатра вышла Отрекшаяся — в прежнем обличье, с лицом, похожим на выщербленный булыжник.

Перрин создал тонкую маскировочную стену, но в этом не было необходимости, поскольку Грендаль тут же создала переходные врата и сразу шагнула в мир яви. Там была ночь, хотя близ Скважины ход времени менялся самым непредсказуемым образом, и в других местах мира все могло быть иначе.

По другую сторону переходных врат Перрин различил смутные очертания того же самого шатра, перед которым стояли на посту два доманийских часовых. Грендаль повела рукой. Оба солдата вытянулись и отсалютовали ей.

Грендаль скользнула в шатер. Переходные врата начали закрываться. Перрин сместился, оказавшись прямо перед ними, и на миг задумался. Что делать? Следовать за ней?

Нет. Он должен следить за Губителем. Хотя рядом с этими вратами Перрин кое-что ощутил… некое понимание. Шагнуть через них в реальный мир — все равно что…

Все равно что проснуться.

Врата захлопнулись. Перрина кольнуло чувство сожаления, но он сознавал, что сделал

верный выбор. Здесь, в волчьем сне, Ранд был практически беззащитен против Губителя, и ему понадобится помощь Перрина.

— Надо предупредить остальных, — сказал он.

Думаю, я сумею доставить твое сообщение, Юный Бык, откликнулся безымянный волк.

Перрин обмер, затем развернулся и указал на него пальцем:

Илайас!

Здесь я — Длинный Клык, Юный Бык, с явной ноткой веселья ответил Илайас.

По-моему, ты говорил, что не ходишь в волчий сон.

Я говорил, что избегаю этого места. Здесь странно и опасно, а странностей и опасностей мне хватает в другом мире. Волк уселся на камни. *Но кто-то должен был присмотреть за тобой, глупый щенок.*

Перрин улыбнулся. Мысли Илайаса являли собой причудливую смесь волчьего и человеческого. Общался он по-волчьи, но видел себя отдельно от остальных. Слишком индивидуально, слишком по-человечески.

Как проходит битва? — не замедлил спросить Перрин.

Стоявший рядом Гаул настороженно посмат-

ривал по сторонам, выискивая Грендаль или Губителя. В долине наконец-то наступила тишина. Ветры стихли, и пыль на песчаной земле перемещалась миниатюрными волнами, будто рябь по воде.

О других сражениях я ничего не знаю, ответил Илайас. *Волки держатся подальше от двуногих. Мы вступаем в бой в разных местах, но в основном на подступах к битве. По большей части нападаем на Испорченных и Нерожденных на другой стороне каньона, где нет двуногих, кроме этих странных айильцев. Бой идет ожесточенный. Убийце Тени следует поторопиться. Мы продержались пять дней, но силы уже на исходе.*

Выходит, с тех пор, как Ранд отправился в пещеру, минуло пять дней. Но это здесь, на севере, а в других местах — много больше. Сам же Ранд находился так близко к Скважине, что для него прошло, наверное, несколько часов или даже минут. Перрин чувствовал, как по мере приближения к месту схватки Ранда время течет по-иному.

Итуралде, сказал он, почесывая бороду. *Один из великих капитанов.*

Да, с улыбкой ответил Илайас. *Некоторые зовут его Маленьким Волком.*

Башир сейчас там, где Илэйн, продолжил Перрин. *Гарет Брин — там, где Эгвейн. Агельмар — там, где Лан и порубежники.*

Этого я не знаю.

Но это так. Четыре места, где идет сражение. Четыре великих капитана.

— Так вот чем она занимается…

— Грендаль? — спросил Гаул.

— Да. — Перрина охватил закипающий гнев. — Она что-то делает с ними, как-то влияет на их разум, портит планы, подсовывает дурные мысли. Я слышал, как она говорила… Да, так и есть. Точно. Вместо того чтобы сражаться с нашими войсками на поле боя, она нацелила удар на великих капитанов.

Скажи, Илайас, знаешь ли ты, как человек может перемещаться во плоти между волчьим сном и реальным миром?

Даже если знал бы — а я не знаю, — я отказался бы тебя учить, зарычал Илайас. *Тебе что, не говорили, насколько противоестественную и опасную игру ты затеял?*

Говорили, и не раз, ответил Перрин.

— О Свет! Надо предупредить Башира. Я должен…

— Он здесь, Перрин Айбара! — перебил его

Гаул.

Проследив за его жестом, Перрин увидел, как ко входу в Бездну Рока устремилась размытая черная полоса. Волки пронзительно вскрикивали и умирали. Другие завывали, начиная охоту. На сей раз Губитель не отступил.

Повадка хищника. Напрыгнуть два-три раза, чтобы отыскать слабое место, а потом напасть, не жалея сил.

Проснись! — крикнул Илайасу Перрин, взбегая по склону. *Предупреди Илэйн, Эгвейн… Всех, кого можно! А если не получится, найди способ остановить Итуралде. На великих капитанов воздействует Тень! Отрекшаяся контролирует их разум, и поэтому их решениям нельзя доверять!*

Будет сделано, Юный Бык, ответил Илайас и исчез.

— Ступай к Ранду, Гаул! — проревел Перрин. — Охраняй его! Не подпускай к нему тех айильцев в красных вуалях!

Не дожидаясь ответа, он призвал в руки молот и *сдвинулся* к Губителю.

Над темной, холодной, пустой и в то же время бесконечной пропастью, скрывавшей в себе суть Темного, Ранд скрестил мечи с Моридином.

Его распирало от вобранной через кристалличе-

ский меч Единой Силы, но этот запас понадобится для грядущей схватки. Пока что Ранд парировал выпады Моридина Калландором, полагаясь только на его физическую форму, как обыкновенным мечом, клинок которого был будто бы соткан из света.

С каждым шагом камни пятнала его кровь. Найнив и Морейн вцепились в сталагмиты, будто их утягивало прочь ветром, которого Ранд не чувствовал. Найнив зажмурилась, но Морейн смотрела прямо перед собой, будто решив не отворачиваться, чего бы это ни стоило.

Ранд отбил очередной выпад — в Эпоху легенд он фехтовал лучше Моридина, — и от клинков посыпались искры.

Ему недоставало второй руки, хотя благодаря уроку Тэма это не имело прежнего значения. И еще он был ранен. А здесь… Здесь все воспринималось иначе. Камни под ногами как будто двигались сами по себе, отчего Ранд то и дело оступался. Воздух становился то сухим и колючим, то тяжелым и влажным. Ранду казалось, что он видит поток времени, скользящий мимо и омывающий их с Моридином. На каждый удар тратились мгновения, но снаружи пролетало несколько часов.

Калландор задел предплечье Моридина, и на стену брызнула кровь.

— Теперь мы оба окровавили эту пещеру, — сказал Ранд. — Должен поблагодарить тебя за рану в боку, Элан. Ты тогда возомнил себя Темным, да? Скажи, он покарал тебя за такие мысли?

— Да, — прорычал Моридин. — Он вернул меня к жизни.

Держа меч обеими руками, он размахнулся и нанес страшный удар. Ранд сделал шаг назад и парировал выпад Калландором, но то ли не рассчитал наклон пола, то ли тот изогнулся у него под ногами. Он запнулся, а мощный удар противника вынудил его опуститься на колено.

Клинок против клинка. Нога скользнула назад, задев чернильно-черный омут терпеливой тьмы.

И все исчезло во мраке.

Далекая огирская песнь несла успокоение. Илэйн сгорбилась, сидя в седле на вершине холма к северу от Кайриэна.

Окружавшие ее женщины чувствовали себя не лучше, чем королева. Илэйн собрала Родню — всех, кто был в состоянии удерживать саидар, невзирая на усталость и скромные способности, — и сформировала из них два круга. В одном насчитывалось двенадцать участниц, включая ее

саму, но их совокупной Силы в тот момент было едва ли не меньше, чем у одной-единственной Айз Седай.

Чтобы дать женщинам возможность прийти в себя, Илэйн прекратила направлять. Почти все обмякли в седлах или сошли на землю. Перед ними тянулась неровная линия обороны. Пытаясь сдержать накатывающее море троллоков, люди отчаянно бились за кайриэнские холмы.

Радость от победы над северной армией продлилась недолго. Все вымотались физически и пребывали в чудовищном нервном напряжении. Вдобавок ко всему существовала серьезная опасность, что воинов Илэйн окружит второе неприятельское войско.

— Почти справились… — покачал головой стоявший рядом Арганда. — Мы почти успели…

На шлем он нацепил плюмаж, совсем недавно принадлежавший Галленне. Майенский полководец пал в бою, но его гибели Илэйн не видела.

В том-то и досада. Еще чуть-чуть — и все получилось бы. Невзирая на предательство Башира и неожиданное появление южной армии, силы Света почти одержали победу. Будь у Илэйн время расставить войска на новых позициях, если б удалось хоть немного перевести дух после

разгрома северной армии, а потом уже встретить южную…

Но увы. Неподалеку, защищая драконов, сражались огиры, но даже эти могучие и гордые воины не выдерживали вражеского натиска. Древние создания падали один за другим, словно подрубленные деревья, и огирская песнь звучала все тише.

Бледный как смерть Арганда прижимал к боку окровавленную руку. Он едва мог говорить, а у Илэйн не было сил Исцелить его.

— Эта ваша Страж дерется как одержимая, ваше величество. Ее стрелы разят врагов, будто сам Свет. Готов поклясться… — Арганда снова покачал головой. Даже дождавшись Исцеления, вряд ли он вновь сможет поднять меч.

Надо было отправить его с другими ранеными… Куда-нибудь. На самом деле отослать раненых не представлялось возможным: те, кто обладал даром направлять Силу, слишком устали и не могли открыть переходные врата.

Ряды войск Илэйн оказались рассечены. Айильцы сражались небольшими отрядами, белоплащников почти взяли в окружение, да и у Волчьей гвардии дела обстояли не лучше. Тяжелая конница Легиона Дракона оставалась в

строю, но бойцов крепко подкосило предательство Башира.

Время от времени стреляли драконы. Алудра закатила их на вершину самого высокого холма, но драконьи яйца почти закончились, а у тех, кто мог направлять, не было сил открыть переходные врата, ведущие в Байрлон, где находился склад с их запасом. Алудра заряжала драконы обломками доспехов, пока не столкнулась с недостатком горючего порошка. Теперь его хватало лишь на редкие одиночные выстрелы.

Уже скоро троллоки окончательно проломят линию обороны и разорвут армию Света, будто оголодавшие львы. Холм, с которого Илэйн наблюдала за сражением, охраняли десять женщин из ее гвардии. Остальные ушли в бой. Чуть восточнее, совсем рядом с позицией драконiров, троллокам удалось пробиться через ряды айильцев, и чудовища ринулись вверх по склону, убивая немногих огиров и возбужденно рыча от предчувствия скорой победы. Выхватив сабли из ножен, драконiры с мрачной решимостью ждали последнего боя.

Но Илэйн не была еще готова расстаться с драконами. Она вобрала всю имевшуюся мощь круга; женщины рядом с ней застонали. Впитывая

ручеек Силы — куда меньше, чем она рассчитывала, — и чувствуя, что пытается остановить бурю плевком против ветра, Илэйн швырнула в первых троллоков плетение Огня, и оно по дуге устремилось к исчадиям Тьмы.

Одинокий огненный шар ударил в землю…

И та взорвалась, перепахав склон холма и подбросив в воздух десятки троллоков — да, десятки!

Илэйн вздрогнула. Лунная Тень беспокойно переступила с ноги на ногу. Арганда выругался.

На статном черном скакуне к ним приблизился — выехал, будто из клубов дыма, — высокий, хорошо сложенный мужчина с темными волнистыми волосами до плеч.

— Логайн?! — изумленно ахнула Илэйн.

С их последней встречи Логайн похудел, сошел с лица, но по-прежнему был красив. Аша'ман коротко взмахнул рукой, и по всему полю сражения загремели взрывы. Обернувшись, Илэйн увидела больше сотни мужчин в черных мундирах, выходивших из больших переходных врат, которые открылись на вершине холма.

— Отзовите огиров, — хриплым и неприятно звучавшим голосом сказал Логайн. Казалось, его глаза сделались чернее прежнего. — Мы удержим

эту позицию.

Илэйн заморгала, после чего кивнула Арганде, чтобы тот отдал соответствующий приказ. «Логайн не должен мною командовать», — рассеянно подумала она, но пока что решила не обращать на это внимания.

Развернув коня, Логайн подъехал к откосу холма и окинул взглядом поле боя. Не в силах вымолвить ни слова, Илэйн направилась к нему и остановилась рядом. Аша'маны неумолимо двигались вперед, открывая необычные переходные врата, видимо как-то связанные с землей, и уничтожая всех отродий Тени на своем пути.

— Вы в скверной форме, — хмыкнул Логайн.

Илэйн не без труда собралась с мыслями. Значит, так, здесь Аша'маны…

— Вас прислал Ранд?

— Мы сами пришли, — ответил Логайн. — Тень давно уже планировала эту ловушку, если верить записям, найденным в кабинете Таима. Их я расшифровал совсем недавно. — Он посмотрел на Илэйн. — К вам мы отправились в первую очередь, ведь Черная Башня стоит за Льва Андора.

— Надо вывести отсюда моих людей, — сказала Илэйн, принуждая себя мыслить сквозь пелену усталости. Ее армия нуждалась в королеве. —

Материно молоко мне в чашку! Это нам дорого обойдется. — По всей вероятности, при отступлении она потеряет половину солдат. Но лучше половину, чем всех подчистую. — Я наведу порядок в наших рядах. Сможете открыть переходные врата, чтобы мы ушли в безопасное место?

— Это не проблема, — ответил Логайн, задумчиво глядя вниз. Своей бесстрастностью его лицо впечатлило бы любого Стража. — Но будет бойня. Здесь нет пространства для упорядоченного отхода, и по мере отступления строй ваших солдат будет слабеть. Последние ряды сомнут и уничтожат.

— Других вариантов я не вижу, — отрезала Илэйн. О Свет! Как же она устала! К ней пришли с помощью, а она грубит. «Перестань!» Она взяла себя в руки и выпрямилась в седле. — Иначе говоря, ваше прибытие, за которое я премного благодарна, не способно переломить ход событий. Битва зашла слишком далеко. Сотня Аша'манов не остановит сотню тысяч троллоков. Если выровнять наши боевые порядки, дать солдатам хотя бы небольшую передышку… Но нет. Это невозможно. Надо отступать. Если только вы не явите нам чудо, лорд Логайн.

Он улыбнулся — должно быть, слову «лорд» — и

выкрикнул:

— Андрол!

К нему подбежал Аша'ман средних лет в сопровождении пухленькой Айз Седай. «Певара?! — мелькнуло в голове у Илэйн. Из-за усталости она соображала хуже обычного. — Красная сестра?!»

— Милорд? — спросил человек по имени Андрол.

— Надо задержать армию троллоков, чтобы войска успели перегруппироваться и снова занять позиции, — сказал Логайн. — Во что нам обойдется такое чудо?

— Трудно сказать, милорд. — Андрол потер подбородок. — Смотря сколько из этих женщин в состоянии направлять Силу.

О подобном слагали легенды.

Илэйн доводилось слышать, что большой круг, состоящий из мужчин и женщин, способен на поистине великие дела. В Белой Башне каждая сестра изучала труды о лучших временах и деяниях прошлых дней. Тех дней, когда одна половина Истинного Источника не вызывала всеобщего страха; тех дней, когда люди, объединив саидин и саидар, две половины, в единое целое, творили невероятные чудеса.

Илэйн не взялась бы утверждать, что вновь

настали легендарные времена, — вряд ли в ту, минувшую эпоху Айз Седай находились в таком отчаянном положении. Но происходящее повергло ее в благоговейный трепет.

Она присоединилась к кругу, состоявшему теперь из четырнадцати женщин и двенадцати мужчин. Сил у нее почти не оставалось, но ее ручеек влился в могучую стремнину. Что важнее, женщин в круге должно быть больше, чем мужчин — по крайней мере, на одну, — и теперь, когда к нему присоединилась Илэйн, Логайн мог примкнуть последним, значительно усилив общий поток.

Кругом руководил Андрол. Странный выбор. Став частью круга и чувствуя относительные способности каждого, Илэйн понимала, что Андрол чрезвычайно слаб, слабее многих женщин, которых отослали из Башни, отказав в шали, потому что им недоставало врожденного таланта.

Илэйн и остальные переместились на дальнюю сторону битвы. Другие Аша'маны сдерживали натиск наступающей троллочьей орды, выигрывая время для приготовлений Андрола. Чем бы он ни занимался, медлить было нельзя. Илэйн по-прежнему не верила, что ситуацию можно исправить — даже такой мощью, какую пред-

ставляла совокупная сила тринадцати мужчин и четырнадцати женщин.

— О Свет! — прошептал Андрол, стоявший между Лунной Тенью и черным конем Логайна. — Так вот каково это — быть одним из вас… Как вы справляетесь с таким громадным объемом Единой Силы? Что делаете, чтобы она не выжгла вас, не пожрала заживо?

Певара коснулась его плеча, и этот жест был полон нежности. Илэйн настолько выбилась из сил, что почти ничего не соображала, но увиденное потрясло ее до глубины души. Кто мог ожидать, что Красная проникнется теплыми чувствами к мужчине, способному направлять Силу?

— Отводите солдат, — тихо сказал Андрол.

Илэйн отдала соответствующий приказ, с тревогой размышляя, что стоящий рядом с ней человек впервые обрел подобное могущество. А оно может ударить в голову. Такое Илэйн уже видела. Да ниспошлет Свет, чтобы этот Аша'ман понимал, что делает.

Солдаты королевской армии и других отрядов начали отступать; проходя мимо группы, собравшейся вокруг Илэйн, несколько понурых огиров с израненными руками приветствовали Илэйн уважительным кивком. Троллоки ринулись было

вперед, но Аша'маны — те, что не участвовали в круге, — пресекли их атаку плетениями Единой Силы.

Одного этого мало. Парни в черных мундирах держались молодцом, но троллоков было не счесть, и Аша'маны попросту не могли остановить этот прилив. Что же на уме у Логайна?

С широкой улыбкой Андрол выставил перед собой руки — как будто приналег на стену, — закрыл глаза и произнес:

— Три тысячи лет тому назад лорд Дракон создал Драконову гору, чтобы скрыть свой позор. Но его ярость по-прежнему обжигающе горяча. И сегодня, ваше величество, я передаю ее в ваше распоряжение.

Пространство рассек луч света высотой футов сто, если не больше. Лунная Тень испуганно попятилась. Илэйн сдвинула брови. К чему эта световая колонна? Какой от нее толк?.. Но тут яркий луч стал изгибаться, вращаясь вокруг своей оси, и только теперь Илэйн поняла, что видит самое начало открытия переходных врат — таких грандиозных, что они могли бы поглотить целое здание. Да что там здание — в них поместилось бы целое крыло кэймлинского дворца!

Воздух замерцал, как он всегда мерцает с тыль-

ной стороны переходных врат. Илэйн не видела, куда уводит этот портал. Может, на той стороне ожидает целая армия?

Зато она разглядела физиономии подневольных троллоков, заглянувших в этот проем. На них читался абсолютный ужас. Монстры дрогнули, бросились бежать, и тут Илэйн почувствовала, как из переходных врат пышет невыносимым жаром.

На поле сражения, словно вытолкнутый какой-то невероятной силой, из врат вырвался столб раскаленной лавы, ста футов в поперечнике. Утратив первоначальную форму, лава обрушилась на землю и рекой хлынула вперед. Аша'маны, не входившие в круг, творили плетения Воздуха, чтобы защитить людей от раскаленных брызг и придать потоку нужное направление.

Достигнув первых троллочьих рядов, огненная река в мгновение ока поглотила сотни чудовищ. Лава и впрямь находилась под давлением — иначе не объяснить тот напор, с которым она била из грандиозных врат, испепеляя троллоков и проделывая широкую просеку в их рядах.

Долгие минуты Андрол не закрывал переходных врат, покуда армия Тени не отступила. Его товарищи создавали порывы ветра, и те швыряли

троллоков в смертоносную реку, что растекалась все шире и шире. Наконец врата закрылись, и раскаленная докрасна преграда отделила армию Илэйн от основных троллочьих сил, теперь прижатых к северным стенам Кайриэна.

Андрол перевел дух, после чего открыл переходные врата на юго-востоке, а почти сразу — еще одни, на юго-западе.

Из них выплеснулись еще два потока лавы, на сей раз поменьше, поскольку Андрол, как видно, выбился из сил. Обе смертоносные реки потекли по земле к востоку и западу от Кайриэна, пожирая мертвые растения и затмевая небо облаками дыма. Кто-то из троллоков удрал, но остальные погибли, зажатые между городскими стенами и первым потоком лавы. Да, Исчезающие соберут выживших для новой атаки на армию Илэйн, но это произойдет еще нескоро.

Переходные врата закрылись, и Андрол едва не упал, но Певара помогла ему устоять на ногах.

— Вот вам и чудо, милорд, — кое-как тихим голосом выговорил Андрол. — Доставлено по первому требованию и должно задержать врага на несколько часов. Этого хватит?

— Хватит, — сказала Илэйн. — Мы успеем перегруппироваться, доставить припасы для

драконов и привести из Майена побольше Айз Седай, дабы те Исцелили солдат и помогли им набраться сил. Затем отберем тех, кто способен продолжать бой, и перестроим наши ряды.

— Вы намерены сражаться и дальше? — удивился Андрол.

— Да, — кивнула Илэйн. — Я едва держусь на ногах, но да. Эту орду троллоков нельзя отпускать, ее необходимо уничтожить. Вы и ваши люди, Логайн, дали нам преимущество. Пользуясь им — и всем, что у нас есть, — мы непременно разобьем врага.

Глава 31. Водяной шквал

Вернувшись в лагерь на арафелской стороне брода, Эгвейн наблюдала, как на другом берегу ее войска ведут яростный бой с шарцами. Ей страшно хотелось вернуться в сражение с Тенью, но сейчас надо было поговорить с Брином о том, что случилось возле холмов, где располагались позиции Айз Седай. Однако штабная палатка оказалась пуста.

С южных холмов через переходные врата продолжали прибывать выжившие лучники и пикинеры, а также Айз Седай — те бродили по лагерю и что-то друг другу настойчиво втолковывали. Все они выбились из сил, но, судя по частым взглядам на другой берег, хотели вернуться в битву против Тени едва ли не сильнее, чем Эгвейн.

Она подозвала гонца, дежурившего у штабной палатки:

— Сообщи сестрам, что на отдых отведено меньше часа. Теперь, когда на холмах никого не осталось, те троллоки, с которыми мы сражались, уйдут оттуда к переправе.

Эгвейн планировала разместить Айз Седай на арафелском берегу, чуть ниже по реке, чтобы те атаковали троллоков на марше, оставаясь под защитой водной преграды.

— Передай лучникам, что они пойдут с нами, — добавила она. — Найдут применение оставшимся стрелам, пока мы не сможем пополнить их запасы.

Гонец убежал, а Эгвейн повернулась к Лильвин, стоявшей поблизости вместе с мужем, Байлом Домоном.

— Лильвин, солдаты на другом берегу похожи на шончанских кавалеристов. Что ты о них знаешь?

— Да, мать, это шончанский отряд. — Она указала пальцем на мужчину с выбритыми висками; тот стоял ниже по реке, прислонившись к дереву, и его широкие штаны совершенно не подходили к видавшей виды коричневой куртке, весьма похожей на двуреченскую. — Вон тот человек

рассказал мне, что, откликнувшись на призыв генерала Брина, из шончанского лагеря прибыл легион под командованием лейтенант-генерала Хирган.

— И еще он сказал, что с ними Принц воронов, — добавил Домон.

— Мэт?

— Но он не просто сопровождал легион. Он возглавил одно из кавалерийских знамен, славно потрепавшее шарцев на левом фланге нашей армии. И явился он как раз вовремя, чтобы выручить пикинеров, которым приходилось несладко.

— Эгвейн… — промолвил Гавин, указав на юг.

Там, где в нескольких сотнях шагов ниже брода из реки выходила небольшая группа солдат. Они были раздеты до нижнего белья, а мечи несли, закрепив на спинах. Сказать что-то наверняка было трудно, но один из них, шедший впереди, показался Эгвейн знакомым.

— Это Уно? — нахмурилась она и жестом велела привести коня.

Вскочив в седло, Эгвейн в сопровождении Гавина и телохранителей галопом помчалась туда, где на берегу, тяжело дыша, разлеглись мокрые люди, один из которых страшно ругался.

— Уно!

— Ну наконец-то, будь оно все проклято!.. Наконец-то нас заметили! Самое время, чтоб его! — Уно встал и со всем уважением отсалютовал Амерлин. — Нам крепко досталось, мать!

— Знаю, — скрежетнула зубами Эгвейн. — Когда вас атаковали, я была на холме. Мы сделали все, что могли, но их было слишком много. Как вам удалось спастись?

— Как удалось, мать? Проклятье! Когда все вокруг стали падать замертво, мы смекнули, что нам каюк, а потому убрались оттуда с такой быстротой, будто треклятым лошадям молния под хвост залетела, чтоб им сгореть! А как добрались до этого лягушачьего рассадника, разделись, попрыгали в растреклятую воду и поплыли так, будто за нами гонится сам не знаю кто! Проклятье, мать, не сочтите за дерзость!

Пучок волос Уно содрогался, пока тот продолжал сыпать ругательствами, и Эгвейн готова была поклясться, что даже глаз, намалеванный на его глазной повязке, стал краснее прежнего.

Наконец старый солдат перевел дух и продолжил уже спокойнее:

— Одного понять не могу, мать. Какой-то козлоголовый гонец сказал нам, что Айз Седай на

холмах попали в беду и пора бы нам взять троллоков за треклятую задницу и атаковать их. Я говорю: «А как же левый фланг у реки? И раз уж такое хреновое дело, наш треклятый фланг, ведь без нас он заголится». А гонец такой: «У генерала Брина все под контролем, вас заменит у реки резервная конница, а иллианцы, чтоб им сгореть, присмотрят за обоими флангами». Да уж, присмотрят! Ага, конечно! Один треклятый эскадрон! Все равно что проклятущая муха вздумает отгонять сокола, чтоб ему сгореть! И еще нас там ждали, как будто знали, что мы будем с минуты на минуту. Нет, мать, не может такого быть, что во всем виноват Гарет Брин! Нет, нас провел какой-то молоколюб-предатель с овечьими потрохами! И это я со всем уважением, мать!

— Мне тоже в это не верится, Уно. Я только что узнала, что Брин отправил в бой легион шончанской конницы. Наверное, они просто запоздали. Разберемся, когда найду генерала. А пока отведи своих людей к палаткам, чтобы хорошенько отдохнули. Видит Свет, вы заслужили передышку.

Уно кивнул, и Эгвейн галопом умчалась обратно в лагерь.

С помощью са'ангриала Воры Эгвейн сплела витую прядь Воды и Воздуха. Когда к небу от

реки поднял водяной смерч, направила его на троллоков, начавших атаку на левый фланг ее армии, что стояла на кандорском берегу. Врагов захлестнул водяной шквал, недостаточно мощный, чтобы оторвать их от земли — на это у Эгвейн попросту не было сил, — но заставивший их отпрянуть и прикрыть руками почти человеческие глаза.

За спиной у Айз Седай, занявших позиции на арафелском берегу, стояли лучники; они давали один залп за другим, и хотя стрелы не закрывали собою небо, чего хотелось бы Эгвейн, — их было куда меньше, — но каждая атака забирала жизнь у доброй сотни врагов.

Чуть поодаль Пилар и еще двое других Коричневых сестер, превосходно владевших плетениями Земли, взрывали почву под ногами у наступающих троллоков. Рядом Мирелле и ее внушительный контингент Зеленых запускали на другой берег огненные шары, целя в скопления звероподобных тварей, многие из которых, уже объятые пламенем, по инерции покрывали значительное расстояние и лишь после этого падали на землю. Однако их собратья, рыча и завывая, неуклонно теснили оборонявшихся солдат к воде. Однажды несколько рядов шончанской конницы

оторвались от общих порядков и напали на троллоков в лоб — так стремительно, что враги даже не успели встретить атаку поднятыми копьями, и кавалеристы оставили в передовых вражеских рядах широкие просеки, после чего, описав плавный круг, вернулись к прибрежным позициям.

Не переставая направлять Силу, Эгвейн изо всех сил боролась с изнеможением, но троллоки не дрогнули. Напротив, они вошли в боевой раж и набросились на людей с удвоенной силой. За шумом ветра и воды Эгвейн отчетливо слышала их вопли.

«Что, твари, разозлились? Вы не поймете, что такое настоящая злоба, покуда не почувствуете на своей шкуре гнев Престола Амерлин!» Эгвейн зачерпывала все больше Единой Силы, пока не достигла предела своих возможностей, а затем напитала свой водоворот жаром, чтобы кипящая вода ошпарила троллочьи руки, глаза и сердца. И только теперь она поняла, что кричит, выставив перед собой са'ангриал Воры, будто смертоносное копье.

Казалось, прошло несколько часов. Наконец, уже не в силах бороться с изнеможением, Эгвейн поддалась на уговоры своего Стража и решила сделать недолгий перерыв. Гавин ушел привести

ей коня, а когда возвращался, Эгвейн бросила еще один взгляд на другой берег реки.

Сомнений быть не могло: за это недолгое время бойцы левого фланга ее армии уступили очередные тридцать шагов. Даже с поддержкой Айз Седай войска Эгвейн проигрывали эту битву.

И ей давно пора было найти Гарета Брина.

Когда Эгвейн с Гавином вернулись в лагерь, она не без труда спустилась с коня, передала поводья Лильвин и велела ей помочь с переноской раненых. Их было множество — тех, кого удалось перетащить на безопасный берег, окровавленных солдат, потерявших сознание на руках у друзей.

Увы, но у Эгвейн не осталось сил на Исцеление, не говоря уже о том, чтобы открыть для раненых переходные врата в Майен или Тар Валон. Судя по виду большинства Айз Седай, не участвовавших в сражении на берегу, они чувствовали себя не лучше.

— Эгвейн, — тихо сказал Гавин. — Всадница. Шончанская. Похоже, из знати.

Кто-то из Высокородных? Поднявшись на ноги, Эгвейн проследила за взглядом Гавина. У него хотя бы остались силы следить за происходящим. Как вообще женщины добровольно отказываются от Стражей? Уму непостижимо.

К ним приближалась наездница в богатых шончанских шелках, при виде которых у Эгвейн подвело живот. Эта роскошь зиждилась на фундаменте порабощения способных направлять Силу женщин, которых силой заставляют подчиняться Хрустальному трону. Да, всадница определенно была высшей Высокородной, поскольку ее сопровождали Стражи Последнего часа. Стало быть, важная птица…

— О Свет! — воскликнул Гавин. — Это Мин?!

Эгвейн в изумлении воззрилась на гостью. Да, это была Мин. Собственной персоной.

Подъехав к Амерлин в окружении облаченных в темные латы охранников с каменными физиономиями, она нахмурила брови и склонила голову, промолвив:

— Мать.

— Мин… у тебя все хорошо? — спросила Эгвейн. «Осторожнее. Не сболтни лишнего». Мин взяли в плен? Не могла же она присоединиться к шончан по собственной воле?

— Лучше не бывает, — кисло отозвалась Мин. — Меня холят и лелеют. Нарядили как куклу и пичкали всевозможными деликатесами. Должна сказать, что у шончан они далеко не всегда приятны на вкус, а напитки… Ты бы видела, что они

пьют, Эгвейн!

— Я видела, — ответила Эгвейн куда холоднее, чем намеревалась.

— Ой! Да. Конечно. Мать, у нас проблема.

— И в чем она заключается?

— Ну… Все зависит от того, насколько ты веришь Мэту.

— Я верю, что он умеет находить неприятности, — сказала Эгвейн, — а также выпивку и азартные игры, причем где угодно.

— Готова ли ты доверить ему командование армией? — спросила Мин.

Эгвейн задумалась. Готова ли?..

Мин подалась вперед, покосившись на Стражей Последнего часа — те, похоже, не собирались подпускать ее к Эгвейн, — и тихо сказала:

— Мэт считает, что Гарет Брин ведет твои войска к поражению. Он говорит, что… говорит, что Брин — приспешник Темного.

Гавин расхохотался.

Эгвейн вздрогнула. Она ожидала бы от него вспышки гнева, ярости, но никак не искреннего смеха.

— Гарет Брин? — переспросил Гавин. — Друг Темного, да?! Я скорее запишу в приспешницы Темного собственную мать! Передай Коутону,

чтобы держался подальше от императорских запасов бренди. Очевидно, он хлебнул лишнего.

— Я склонна согласиться с Гавином, — добавила после паузы Эгвейн. Она не могла закрыть глаза на вызывающие недоумение действия своего полководца, но непременно выяснит их подоплеку. — Мэту свойственно держать ухо востро, когда его об этом не просят. Он просто пытается защитить меня. Передай ему, что мы благодарны за… это предупреждение.

— Мать, — сказала Мин, — это не шутка. Мэт уверен в своей правоте и хочет, чтобы ты передала ему командование войсками.

— Моими войсками? — недоверчиво спросила Эгвейн.

— Да.

— Мэтриму Коутону?

— Эм-м… Да. Надо упомянуть, что императрица назначила его командовать всеми шончанскими силами. Теперь он — маршал-генерал Коутон.

Та'верен… Эгвейн покачала головой:

— Мэт выдающийся тактик, но передать ему войска Белой Башни… Нет, это за гранью возможного. Кроме того, армия подчиняется не мне, и такой вопрос вправе решать только Совет Башни. А теперь — как бы убедить твоих сопровождаю-

щих, что в моем обществе тебе ничто не грозит?

Совершенно не хотелось этого признавать, но Эгвейн нуждалась в помощи шончан и не готова была рискнуть заключенным альянсом ради спасения Мин — тем более что непосредственная опасность ей, по всей видимости, не грозила. Разумеется, если шончан узнают, что Мин сбежала, нарушив клятвы, принесенные в Фалме…

— Обо мне не беспокойся, — поморщилась Мин. — Пожалуй, будет лучше, если я останусь с Фортуоной. Благодаря Мэту ей стало известно о моем… таланте, и у меня появился шанс помочь и ей, и тебе.

У этого заявления имелся глубокий смысл. Бурной реакции на упоминание Мин имени императрицы не последовало, но исполненные непреклонности Стражи Последнего часа заметно напряглись, а их лица окаменели. «Осторожнее, Мин, — подумала Эгвейн. — Ты угодила в густые заросли терновых кустов, причем по осени, когда они особенно колючие».

— Ты хотя бы обдумаешь слова Мэта? — спросила Мин, не обращая внимания на своих спутников.

— О том, что Гарет Брин — приспешник Темного? — уточнила Эгвейн. Это и впрямь было

смехотворно. — Возвращайся и передай Мэту, чтобы представил нам свой план на битву, раз уж ему так хочется. А пока что я должна собрать военачальников и наметить наши дальнейшие шаги.

«Где же ты, Гарет Брин?»

К небу взмыл почти невидимый рой черных стрел — и тут же прибойной волной обрушился на армию Итуралде, стоявшую у входа в долину Такан'дар. Некоторые стрелы отскочили от щитов, другие нашли человеческую плоть, а одна упала в нескольких дюймах от выхода горной породы, на котором стоял Итуралде.

Он не дрогнул — так и остался стоять, сцепив руки за выпрямленной спиной, — но все же пробормотал:

— Не близковато ли, а?

— Простите, лорд Итуралде, — поморщился Аша'ман по имени Бинде. Этой ночью он должен был отводить вражеские стрелы и пока что неплохо справлялся. Впрочем, временами он с отсутствующим видом принимался бормотать о том, как кто-то «хочет схватить его за руки».

— Будь начеку, — предупредил его Итуралде.

Голова раскалывалась от боли. Сегодня он снова видел невероятно реалистичные сны, в которых

троллоки живьем пожирали его домочадцев, а сам Итуралде не мог их спасти, поскольку вконец обессилел. Он лишь дрожал и плакал, глядя, как эти твари доедают Тамсин и детей, но в то же время его манили ароматы вареного и жареного мяса. И под конец сна он тоже присоединился к пиршеству монстров.

«Выкинь все эти кошмары из головы», — подумал он. Но проще сказать, чем сделать. Сны были настолько яркими… Итуралде даже обрадовался, когда его разбудила троллочья атака.

К ней он был готов. Его люди зажгли костры у баррикад. Ценой огромных потерь троллоки все же прорвались через колючие укрепления, и теперь солдаты Итуралде вели бой у выхода из ущелья, не давая вражеским волнам выплеснуться в долину.

В те несколько дней, когда троллоки пробивались сквозь труднопроходимую преграду, люди даром времени не теряли, и теперь вход в долину был укреплен чередой крутых земляных валов, каждый высотой по грудь человека. Эти сооружения станут превосходным укрытием для арбалетчиков, если пикинеров все же сумеют оттеснить дальше, чем хотелось бы.

Пока что Итуралде разделил армию на отряды

по три тысячи человек, выстроенных в каре и вооруженных пиками, арбалетами и топорами-секачами. Конные арбалетчики перед боевыми порядками и на флангах играли роль застрельщиков, а в авангарде стояли шесть рядов солдат со здоровенными двадцатифутовыми пиками. По Марадону Итуралде помнил, что троллоков не следует подпускать слишком близко.

Длинные пики зарекомендовали себя самым лучшим образом, а ощетинившиеся ими каре имели возможность разворачиваться и вести бой в любую сторону и могли продолжать сражаться, даже оказавшись в окружении. Троллоков можно выстроить для битвы в шеренги, но формации в виде каре — если действовать с умом — способны прорвать их ряды. А как только строй троллоков будет разбит, айильцы смогут беспрепятственно разить рассредоточенных врагов.

Позади пикинеров Итуралде разместил пехотинцев, вооруженных секачами и алебардами. Бывало, троллоки прорывались сквозь пики, расталкивая их в сторону, или же те опускались к земле под тяжестью мертвых тел, и тут приходил черед бойцов с секачами. Выступив вперед — проскользнув мимо пикинеров, — они подрезали передним троллокам поджилки, что позволяло

первым рядам пехоты перегруппироваться, после чего монстров встречала новая волна солдат — еще больше пехотинцев и еще больше пик.

Пока что эта тактика вполне работала. Этой ночью в распоряжении Итуралде имелась дюжина подобных каре, стоявших в обороне и делавших все, что можно, чтобы сдержать накатывающийся прилив троллоков. Те бросались на пикинеров, пытаясь пробить их ряды, но каждый отряд действовал отдельно от остальных. Некоторые прорывались через строй каре, однако Итуралде это не беспокоило: за ними троллоков поджидали айильцы.

Он держал руки за спиной, чтобы никто не видел, как они дрожат. После Марадона все изменилось. Итуралде стал опытнее, но дорого заплатил за эту науку.

«Как же болит голова, чтоб ей сгореть… И ей, и всем этим троллокам».

Трижды он едва не отдал приказ перестроить каре и перейти в полномасштабную атаку, представляя, как его солдаты ринутся в бой и станут убивать. Больше никаких промедлений. Он жаждал крови.

Но всякий раз Итуралде останавливал себя. Ведь он здесь не для того, чтобы проливать кровь.

Его солдаты должны удерживать позиции. Выигрывать время, необходимое тому человеку, который вошел в пещеру. В этом весь смысл — верно ведь?.. Почему же в последнее время Итуралде то и дело забывает об этом?

На людей обрушилась новая волна троллочьих стрел. Исчезающие разместили несколько отрядов наверху, на склонах ущелья, — там, где недавно стояли лучники Итуралде. Загнать их наверх по такой крутизне… Нелегкая задача. Сколько же тварей погибло, сорвавшись и разбившись насмерть? Как бы то ни было, у троллоков появилась возможность обстреливать людей с высоты. Лучники они неважные, но при стрельбе по трехтысячным отрядам особая меткость не требуется.

Алебардщики подняли щиты, до поры до времени закинутые на ремнях за спины, чтобы не сковывать движений. Дождь черных стрел усилился, пронизывая легкий ночной туман. В небе урчала гроза, но Ищущие Ветер снова боролись с непогодой не покладая рук и утверждали, что не раз уже уберегли армию от полновесной разрушительной бури. Однажды на землю яростно посыпались градины размером с человеческий кулак. Они падали около минуты, пока Ищущие

Ветер не вернули себе контроль над стихией.

Раз уж чудодействие Ищущих Ветер с этой их чашей позволяло избежать подобных напастей, то лучше Итуралде не отвлекать Морской народ от столь важного занятия. Темному нет дела до того, сколько троллоков погибнет в буране, смерче или урагане. Главное — уничтожить людей.

— У входа в ущелье собирается еще одна волна! — крикнул кто-то в ночи.

Другие отозвались утвердительными возгласами. Итуралде вгляделся в туман и в свете костров увидел, что троллоки и впрямь затеяли перегруппировку.

— Отведите седьмой и девятый отряды, — велел Итуралде. — Им нужна передышка. Возьмите четвертый и пятый из резерва и поставьте на фланги. Приготовьтесь к новому обстрелу. И… — Он умолк и нахмурился. Что же они замышляют, эти троллоки? Отступив дальше обычного, монстры исчезли во тьме ущелья. Не могли же они сбежать — верно?

Из каньона выплеснулась темная волна. Мурддраалы. Сотни и сотни мурддраалов. Неподвижные, несмотря на ветер, черные плащи. Безглазые лица, глумливые ухмылки, черные мечи. Эти зловещие создания скользили вперед,

извиваясь, будто угри.

Они двигались стремительно, и не было времени ни отдать приказы, ни устроить врагу достойную встречу. Мурддраалы просачивались в ряды каре, уклоняясь от пик и взмахивая смертоносными мечами.

— Айильцы! — взревел Итуралде. — Всех сюда! И всех, кто владеет Силой, тоже — кроме тех, кто охраняет Бездну Рока! Бегом, бегом!

Получив приказ, посыльные умчались, а Итуралде с ужасом смотрел на целую армию мурддраалов. О Свет! Это зрелище ничем не лучше его кошмаров!

Не выдержав атаки, седьмой пехотный отряд нарушил строй, каре начало разваливаться. Итуралде открыл было рот, собираясь приказать главному резерву — тому, что защищал его позицию, — двинуться на помощь товарищам. Кавалерийский рейд должен облегчить положение пехоты.

Пусть конницы у него немного, и он сам согласился, что кавалеристы понадобятся на других полях сражения, но сколько-то всадников имеется, их тут хватит.

Вот только…

Итуралде крепко зажмурил глаза. О Свет, как

же он устал! Ум за разум заходит…

«Отступи, — твердил голос у него в голове. — Отступи к айильцам, а там примешь бой».

— Отступаем… — прошептал он. — Отсту…

И понял, что это решение в корне неверное. Почему же оно так настырно лезет в голову?

«Капитан Тихера, — хотел вымолвить он, — принимай командование». Но слова застряли в горле. Казалось, кто-то накрыл его рот ладонью.

Он слышал людские крики. Что происходит? В схватке с единственным мурддраалом могут погибнуть десятки человек. В Марадоне Итуралде потерял роту лучников — ровно сотню парней, — когда ночью в город прокрались двое Исчезающих. Его отряды были выстроены для оборонительного боя с троллоками — резать им связки, сбивать их с ног.

Исчезающие же сокрушат эти каре пикинеров, словно яичную скорлупу. Противопоставить их атаке было нечего.

— Милорд Итуралде? — обратился к нему капитан Тихера. — Я не расслышал, что вы сказали.

Если отступить, троллоки возьмут людей в окружение. Надо стоять насмерть.

Губы Итуралде разомкнулись, чтобы отдать приказ.

— Отсту…

И тут, словно тени в тумане, появились волки. С рычанием они набросились на мурддраалов, а Итуралде вздрогнул и обернулся, когда на его скалу вскарабкался человек в меховых одеждах.

Тихера нетвердо попятился, подзывая стражу, а незнакомец бросился на Итуралде и столкнул его со скалы.

Итуралде не сопротивлялся. Он был благодарен этому человеку, кем бы тот ни был, и, падая, смаковал миг победы — ведь он так и не отдал приказ к отступлению.

Высота была небольшая, но из него все равно вышибло дух. Волки бережно взяли его зубами за руки и утащили во тьму, где Итуралде лишился чувств.

Битва на кандорской границе продолжалась.

Эгвейн была в лагере.

Ее армия сдерживала троллоков.

С помощью шончан, сражавшихся на другом берегу реки.

В руках Эгвейн держала чашечку с чаем.

О Свет, как же унизительно! Ведь она не кто-то, а сама Амерлин. Но у нее не осталось ни капли сил.

Она так и не отыскала Гарета Брина, но этого

следовало ожидать. Генерал не сидел на месте. Сильвиана отправилась его искать и вскоре сообщит, что к чему.

Айз Седай переправляли раненых в Майен. Солнце, походившее на мало-помалу закрывающийся глаз, висело над самой землей. Чашка дрожала в руках. Эгвейн по-прежнему слышала шум сражения. Казалось, троллоки так увлеклись перемалыванием сил Света возле реки, что собирались продолжать драться еще и ночью.

Издали доносились крики, похожие на гул разгневанной толпы, но взрывы звучали все реже.

Эгвейн взглянула на Гавина. На вид он совсем не устал, но как-то странно побледнел. Потягивая горячую жидкость, Эгвейн мысленно ругала его последними словами. Да, это несправедливо, но в тот момент справедливость волновала ее меньше всего. Она имела полное право ворчать на Гавина. Для этого и существуют Стражи — разве нет?

Задул легкий ветерок, и даже здесь, в нескольких сотнях шагов от брода, пахнуло кровью. Неподалеку отряд лучников по команде своего командира натянул тетивы и выпустил разом стрелы. Несколько мгновений спустя у границы лагеря на землю глухо шлепнулись два чернокрылых драгкара. Скоро прилетят новые, поскольку

смеркается, и силуэты этих тварей становятся почти незаметны на фоне неба.

Мэт. От мысли о нем Эгвейн поплохело. Он же хвастун. Гуляка и бабник, женщины для него все равно что красивые картинки. И еще он… он…

И еще он старый добрый Мэт. Когда Эгвейн было тринадцать, он прыгнул в реку спасать тонувшую Киэм Левин, которая на самом деле не тонула. Просто ее утащила под воду подружка, а Мэт кинулся на помощь. После этого случая в Эмондовом Лугу потешались над ним месяц.

Следующей весной Мэт вытащил из той же реки Джера ал'Хуна. Спас мальчишке жизнь, и тогда подшучивать над ним перестали.

Вот каким был Мэт. Всю зиму жаловался, что над ним подтрунивают, и еще ворчал, что в следующий раз никого спасать не станет. Но как только он увидел, что паренек в опасности, тут же ринулся его выручать. Эгвейн помнила, как долговязый Мэт выбирался на берег, а малыш Джер с диким ужасом в глазах цеплялся за него и тяжело дышал.

Под воду мальчишка ушел, не издав ни звука. Эгвейн знать не знала, что люди тонут именно так: не плещутся, не кричат, не зовут на помощь. Их просто утягивает ко дну, хотя тебе кажется,

что вокруг тихо-мирно и ничего необычного не происходит. Если только рядом нет наблюдательного Мэта.

«Он пришел за мной в Твердыню Тира», — подумала Эгвейн и вспомнила, как еще Мэт пытался спасти ее от Айз Седай, не желая верить, что она и есть Престол Амерлин.

Ну а сейчас? Тонет она или нет?

«Насколько ты веришь Мэтриму Коутону?» — спросила Мин.

«О Свет! Верю. Пусть это глупо, но я ему доверяю».

Иногда Мэт ошибался. За ним такое водилось.

Но когда он бывал прав, тогда он спасал людям жизнь.

Эгвейн заставила себя встать, пошатнулась, и Гавин поддержал ее. Она похлопала его по руке и отодвинулась: не надо показывать солдатам, что Амерлин слаба и нуждается в ком-то для поддержки.

— Какие вести с других полей сражений?

— Сегодня поделиться нечем, — помрачнел Гавин. — Все как в рот воды набрали.

— Предполагалось, что Илэйн примет бой у стен Кайриэна, — сказала Эгвейн. — И это важный этап битвы.

— Может, она слишком занята и ей некогда посылать гонцов.

— Тогда отправь кого-нибудь через переходные врата. Мне надо знать, как у нее дела.

Гавин кивнул и тут же удалился. Эгвейн размеренно зашагала по лагерю, пока не нашла Сильвиану. Та беседовала с двумя сестрами из Голубой Айя.

— Где Брин? — спросила Эгвейн.

— В столовой, — ответила Сильвиана. — Мне только что сообщили. Я отправила к нему гонца с просьбой дождаться твоего прибытия.

— Пойдем.

Дойдя до нужной палатки — на тот момент самой большой в лагере, — она сразу же увидела Брина. Тот не ел, но рассматривал карты, разложенные на разделочном столе, от которого разило луком. Должно быть, только его там и резали. Завидев Эгвейн, Юкири закрыла переходные врата, через которые генерал осматривал поле боя. Теперь, когда владеющие Силой у шарцев были настороже, такие переходные врата открывали ненадолго, чтобы Брина не сразили губительным плетением.

— Созови Совет Башни, — еле слышно шепнула Эгвейн, обращаясь к Сильвиане. — Приведи сюда

всех восседающих, кого сможешь найти. Чем быстрее, тем лучше.

Сильвиана кивнула. По всей вероятности ее обуревало смятение, но на лице оно не отразилось. Она немедленно ушла, а Эгвейн опустилась на скамью.

Суан в палатке не было. Наверное, опять помогала Исцелять раненых. Это хорошо. Эгвейн не хотелось бы вести этот разговор под ее недобрым взглядом. Она и так беспокоилась за Гавина: тот любил Брина как отца, и по узам уже струилась его тревога.

К беседе ей надо подойти очень тактично, и Эгвейн не хотела начинать, пока в шатре не соберется Совет Башни. Обвинять Брина нельзя, игнорировать слова Мэта — тоже. Пускай он дурак и скотина, но Эгвейн верила ему. Да поможет ей Свет, так и есть. Она доверила бы Мэту свою жизнь. К тому же ход битвы и впрямь вызывал некоторые подозрения.

Восседающие не заставили себя ждать — ну, более или менее. Отвечавший за ведение войны Совет Башни ежевечерне принимал у военачальников доклады о ситуации на поле боя. Нисколько не удивленный появлением восседающих, Брин продолжал работать с картой.

Входя в палатку, многие из сестер с любопытством поглядывали на Эгвейн, а та со значением кивала, стараясь наделить каждый кивок авторитетом Престола Амерлин.

Наконец восседающих собралось достаточно для начала собрания. Чтобы не тратить время понапрасну, Эгвейн нужно было или выкинуть Мэтовы обвинения из головы раз и навсегда, или согласиться с ними и принять соответствующие меры.

— Как вы себя чувствуете, генерал Брин? — спросила она. — Найти вас было непросто.

— Приветствую, мать. — Он поднял воспаленные глаза, проморгался и кивнул восседающим. — Я устал, но вряд ли больше вашего. Последнее время я осматривал поле сражения, стараясь ничего не упустить. Ну, вы понимаете, о чем я.

Тут в палатке появился бледный Гавин:

— Эгвейн, у нас беда!

— В чем дело?

— Я… — Он набрал полную грудь воздуха. — Генерал Башир оказался приспешником Темного. О Свет! Он выступил против Илэйн, и она едва не потерпела поражение. Ее выручили появившиеся там Аша’маны.

— О чем речь? — отвлекся от карт Брин. — Приспешник Темного? Кто, Башир?!

— Да.

— Быть такого не может, — заявил Брин. — Он месяцами находился рядом с лордом Драконом. Я не так хорошо его знаю, но… Приспешник Темного? Нет, исключено.

— Это обвинение и впрямь кажется необоснованным… — согласилась Саэрин.

— При желании можете сами поговорить с королевой, — расправил плечи Гавин. — Об этом я узнал непосредственно от нее.

В палатке стало тихо. Восседающие с тревогой посматривали друг на друга.

— Генерал, — начала Эгвейн, — вы отправили два отряда конницы, чтобы помочь нам отбиться от троллоков на южных холмах, но они угодили в ловушку, а левый фланг основных сил остался беззащитен. Как это могло произойти?

— Как? — переспросил Брин. — Любому было ясно: еще немного — и вас сомнут. Да, я велел коннице покинуть левый фланг, но перебросил на этот участок иллианские резервы. А когда увидел, что шарская кавалерия собирается нанести удар по правому флангу Уно, бросил иллианцев им наперерез, и это было правильно. Но разве мог

я подумать, что шарцев будет так много?! — Он повысил голос, едва не срываясь на крик. Его руки дрожали. — Я допустил ошибку, мать, ведь я не идеален!

— Это не просто ошибка, — возразила Фэйзелле. — Я только что говорила с выжившими в той бойне. По словам Уно, он почуял ловушку, как только его солдаты выдвинулись к сестрам, но вы обещали ему подкрепление.

— Говорю же, я отправил иллианцев на подмогу, но не ожидал, что шарцы пустят в дело такой огромный отряд. Кроме того, все было под контролем. Я приказал легиону шончанской конницы поддержать наши войска, и это они должны были разобраться с теми шарцами. Им было велено встать на другом берегу реки, но я и подумать не мог, что они так запоздают!

— Да. — Эгвейн добавила голосу твердости. — Эти люди — многие тысячи людей — оказались между троллоками и шарцами. Без надежды на спасение. Вы потеряли их, и безо всякой на то причины.

— Мне надо было выручать Айз Седай! — воскликнул Брин. — Ведь они — наш ценнейший ресурс! Простите, мать, но вы говорили мне то же самое.

— Айз Седай могли подождать, — сказала Саэрин. — Я была на тех холмах. Да, нам требовалась помощь, поскольку враг не ослаблял натиска, но мы держались и могли бы продержаться дольше. Вы бросили несколько тысяч хороших бойцов на верную смерть, генерал Брин. А знаете, что хуже всего? В этом не было необходимости. Шончан — те самые, что должны были спасти положение, — остались стоять у брода в ожидании вашего приказа. Но вы не отдали его, генерал. Так ведь? Вы подвели шончан так же, как подвели нашу конницу.

— Но я приказал им атаковать; в итоге они вступили в бой, разве нет? Я отправил к ним гонца. Я… Я…

— Нет. Если бы не Мэтрим Коутон, шончан так и стояли бы на другом берегу, генерал, — отвернулась от него Эгвейн.

— О чем ты, Эгвейн? — взял ее за руку Гавин. — Только потому, что…

Брин схватился за голову и обмяк, будто разом лишился сил.

— Не знаю, что со мной творится, — глухо прошептал он. — Я делаю ошибку за ошибкой, мать. Они не фатальные, и я постоянно напоминаю себе об этом. Потом я пытаюсь исправить ситуа-

цию, но ошибаюсь снова и снова.

— Просто вы устали, — с болью в голосе сказал Гавин. — Как и все мы.

— Нет, — тихо ответил Брин. — Дело не в усталости. Мне доводилось уставать, но теперь… Такое чувство, что меня подводит внутреннее чутье. Я отдаю приказ, а затем вижу в нем изъяны, недочеты. Я…

— Это Принуждение, — похолодела Эгвейн. — Вас вынуждают ошибаться. Наши великие капитаны попали под удар.

Несколько восседающих незамедлительно обняли Истинный Источник.

— Разве такое возможно? — не поверил Гавин. — Эгвейн, сестры ведь следят, не направляет ли в лагере кто-то чужой!

— Неизвестно, когда это случилось, — ответила Эгвейн. — Быть может, такое плетение наложили несколько месяцев назад, еще до начала битвы. — Она повернулась к восседающим. — Призываю Совет Башни освободить Гарета Брина от обязанностей командующего нашей армией. Решение за вами, восседающие.

— О Свет! — выдохнула Юкири. — Мы… О Свет!

— Других вариантов у нас нет, — сказала Дозин. — Что сказать, умный ход… Прекрасный

способ уничтожить наши армии, заманив в невидимую ловушку. Нам недостало прозорливости, а великих капитанов следовало бы лучше защищать.

— О Свет! — подхватила Фэйзелле. — Надо передать известия лорду Мандрагорану и в долину Такан'дар. Быть может, враг оказывает свое влияние на всех четырех полях сражения, готовясь к согласованной атаке!

— Я отправлю гонцов, — направилась к выходу Саэрин. — А в обсуждаемом вопросе поддерживаю мать. Брина необходимо освободить от должности.

Остальные восседающие поочередно кивнули. За пределами Зала Башни голосование проводилось неофициально, но возражать никто не стал. Гарет Брин сел у провонявшего луком стола. Бедняга. Вне всяких сомнений, он в шоке.

Но вдруг он улыбнулся.

— Генерал? — окликнула его Эгвейн.

— Спасибо, — сказал Брин. В кои-то веки он расслабился.

— Спасибо? За что?

— Я опасался, что теряю рассудок, мать. Постоянно думал о содеянном. О том, как погубил несколько тысяч бойцов… Но это был не я. Это

был не я…

— Эгвейн… — Гавин неплохо скрывал свою боль. — Не забудь об армии. Если Брина заставили подставить нас под удар, надо срочно менять командный состав.

— Приведите моих военачальников, — сказал Брин. — Я передам им командование.

— А если они тоже находятся под воздействием Тени? — спросила Дозин.

— Поддерживаю, — согласилась Эгвейн. — Здесь попахивает кем-то из Отрекшихся. Быть может, все это устроила Могидин. А ей известно: случись лорду Брину погибнуть в сражении, и его пост займет кто-то из командиров. Нельзя исключать, что всем остальным тоже навязали ложные представления.

— Кому же можно доверять? — покачала головой Дозин. — Проклятье! Любой, кого мы поставим во главе армии, может оказаться под Принуждением!

— Придется командовать самим, — заключила Фэйзелле. — Повлиять на сестер куда труднее, чем на человека, не способного направлять Силу. Ведь мы в состоянии заметить наделенную подобным даром женщину и почувствуем, если враг попробует играть с нашим сознанием по-

средством Силы. Маловероятно, чтобы кто-то из нас находился под влиянием Тени.

— Но что мы понимаем в военном деле? Что мы знаем о тактике? — подала голос Феране. — Я считаю себя в достаточной мере начитанной, чтобы следить за выполнением боевых планов… Но разрабатывать их?

— Все лучше, чем ставить во главе армии марионетку Тени, — заметила Фэйзелле.

— Нет, — сказала Эгвейн и встала, опираясь на руку Гавина.

— И что ты предлагаешь? — спросил тот.

Эгвейн стиснула зубы. Действительно, что? Она знала только одного-единственного человека, который гарантированно не находился под Принуждением. По крайней мере, Могидин никак не могла повлиять на него, поскольку этот человек обладал невосприимчивостью к плетениям саидин и саидар.

— Придется передать наши войска под командование Мэтриму Коутону, — сказала она. — И да обережет нас Свет.

Глава 32. Желтый цветочный паук

Через дыру, которую дамани создала для Мэта на полу, открывался вид на все поле битвы.

По-прежнему находясь под впечатлением, Мэт задумчиво потирал подбородок, хотя подобными дырами-окнами он уже пользовался весь последний час или около того — с тех самых пор, как обезвредил ловушку, подготовленную Брином для войск Эгвейн. За это время он успел укрепить оба фланга у реки, выслав туда несколько знамен шончанской конницы, и отправить в бой новых дамани, чтобы те действовали против шарцев, способных направлять Силу, и ослабили натиск

троллоков.

Но все равно такое наблюдение за битвой никак нельзя сравнить с тем, когда лично находишься на поле сражения. Не пора ли сделать еще одну вылазку, ввязаться в пару-тройку схваток? Мэт покосился на Туон, чей массивный, в десять футов высотой, трон стоял у стены штабного домика. Императрица прищурилась так, будто видела своего Кнотая насквозь и умела читать его мысли.

«Она Айз Седай, — сказал себе Мэт. — Направлять Силу, конечно, не умеет, еще не научилась, но все равно она — треклятая Айз Седай. А я взял ее в жены».

И все же она само совершенство. Что-то с чем-то. Мэта всякий раз охватывал трепет, когда Туон отдавала приказы; командовать другими у нее получалось так естественно, будто только для этого она и родилась. Илэйн с Найнив могли бы у нее поучиться. И еще Туон так красиво смотрелась на троне, что Мэт глазел на нее чуть дольше, чем нужно, за что заработал хмурый взгляд, а это уж вообще ни в какие ворота. Где ж справедливость: ведь если мужчине нельзя пялиться на собственную жену, на кого ему вообще можно пялиться?!

— Славный трюк, — признал он, вновь обратив

взгляд на поле боя, потом наклонился и сунул руку в «окошко» на полу. Ну и высота! Если упадешь, успеешь промычать три куплета песни «Что-то ножек не видать», прежде чем разобьешься в лепешку. А то и до лишнего припева дело дойдет.

— Его она освоила, наблюдая за плетениями Айз Седай, — сказала сул'дам по имени Катрона, имея в виду свою новую дамани. Словами «Айз Седай» она едва не подавилась, и Мэт не мог ее винить, поскольку произносить такие слова бывает весьма непросто.

На дамани — в том числе и на татуировки в виде цветущих ветвей, тянувшиеся от затылка к щекам и как бы обхватывающие снизу лицо, — он особо не засматривался, хотя самолично взял женщину в плен. Но это лучше, чем если бы она сражалась на стороне шончан, верно ведь?

«Кровь и треклятый пепел! — подумал он. — Да-а, Мэтрим Коутон, неплохо у тебя получается убеждать Туон, чтобы она перестала использовать дамани. Так неплохо, что теперь у тебя имеется собственноручно пойманная дамани».

Со своим новым положением женщина из Шары смирилась с поразительной легкостью. Это отметили все сул'дам. Буквально миг протеста, а затем полное раболепие. Обычно для

надлежащего обучения пойманной дамани требуется несколько месяцев, но с этой женщиной разобрались за пару часов. Катрона лучилась самодовольством, будто кроткий нрав пленницы был ее личной заслугой.

А это «окошко» в полу — просто замечательная штука. Мэт стоял у самого края, рассматривал мир у себя под ногами, пересчитывал знаменные отряды и эскадроны, а затем делал пометки у себя в голове. Интересно, как бы этакой возможностью распорядился Классен Байор? Может, битва при Колесаре закончилась бы совершенно иначе? Байор не потерял бы кавалерию на марше, это уж как пить дать.

Силы Мэта продолжали сдерживать Тень на восточной границе Кандора, но радоваться в нынешней ситуации было нечему. Подготовленная Брином ловушка была незаметной, как желтый цветочный паук, затаившийся среди лепестков. Собственно, так Мэт обо всем и догадался. Чтобы поставить армию в тяжелое положение, да так, чтобы этого никто не заметил, требуется недюжинный военный гений. Случайно такие дела не делаются.

О потерях Мэту даже думать было страшно. Его людей прижали к реке, а Демандред, не пе-

реставая распинаться о поединке с Драконом Возрожденным, постоянно прощупывал оборону в поисках слабого места: то бросал в рейд на один фланг тяжелую кавалерию, то атаковал другой троллоками при поддержке шарских стрелков. Вследствие этого Мэту приходилось внимательно следить за его выходками, чтобы вовремя им противодействовать.

Близилась ночь. Возьмет ли Тень паузу? Троллоки могли сражаться в темноте, но шарцы-то — вряд ли. Мэт отдал новые распоряжения, и гонцы с приказами умчались через переходные врата. Казалось, прошли считаные мгновения, а войска уже принялись выполнять поставленную перед ними задачу.

— Так быстро… — сказал Мэт, глядя в «окошко» на полу.

— Мир никогда не станет прежним, — отозвался генерал Галган. — Теперь гонцы стремглав носятся туда-сюда, а командиры, глядя на битву, сразу же вносят изменения в свои планы.

— Бьюсь об заклад, треклятый ужин из столовой быстрее приносить не станут. Весь вечер ждать придется, — проворчал Мэт лишь ради того, чтобы поспорить.

К его изумлению, Галган улыбнулся. Все рав-

но что видеть, как булыжник раскалывается надвое.

— Скажите, генерал, как вы оцениваете способности нашего консорта? — спросила Туон.

— Не знаю, где вы его нашли, Величайшая, но это самородок редчайшей ценности. Последние несколько часов я следил за тем, как он действует, спасая войска Белой Башни. Несмотря на его… нетрадиционный стиль, нечасто мне доводилось видеть столь одаренного полководца.

Туон не улыбнулась, но по глазам Мэт видел, что ей приятно. Красивые у нее глаза, кстати. Да и в целом, раз уж Галган перестал вести себя столь неприветливо, здесь, пожалуй, будет не так плохо.

— Спасибо, — шепнул Мэт Галгану, когда оба, склонившись над «окошком», стали рассматривать поле боя.

— Я всегда стараюсь говорить только правду, мой принц, — отозвался Галган, потирая подбородок мозолистым пальцем. — Вы сослужите Хрустальному трону добрую службу. Будет скверно, если вас убьют раньше времени. Поэтому сперва я подошлю неопытных наемников, чтобы вы справились с ними без особого труда.

У Мэта отвисла челюсть. Галган говорил от

чистого сердца, почти что с симпатией. Как будто он не смерти Мэту хочет, а оказывает ему дружескую услугу!

— Вот эти троллоки, — указал он на отряд под ногами, — вот-вот выйдут из боя.

— Согласен, — подтвердил Галган, и Мэт почесал в затылке:

— Надо посмотреть, как с ними поступит Демандред. Боюсь, ночью в наш лагерь попробуют проникнуть шарские марат'дамани. Они проявляют исключительную преданность своему делу. Или полное отсутствие чувства самосохранения, чтоб им сгореть.

Айз Седай и сул'дам тоже робостью не отличаются, но им хотя бы присуща осторожность, а этим шарцам, способным направлять Силу, — особенно мужчинам — совершенно наплевать на опасность.

— Пусть несколько дамани зажгут огни над рекой, — велел Мэт. — А остальных расставьте по границе лагеря, чтобы высматривали тех, кто владеет Силой. Объявите сегодня в лагере комендантский час. Никаких плетений — даже чтобы треклятую свечу зажечь.

— Но… Айз Седай… это вряд ли понравится, — возразил генерал Галган.

Слова «Айз Седай» ему тоже давались с трудом. Мэт велел всем отказаться употреблять термин «марат'дамани», ожидая, что Туон отменит этот приказ, но ничего подобного не случилось.

Выяснить, что у нее на уме, будет весьма приятно. Если, конечно, они переживут эту треклятую заваруху.

В комнату уверенной поступью бывалого солдата вошла Тайли — в помятых латах и окровавленной одежде, рослая, темнокожая, со шрамами на лице — и тут же простерлась ниц перед Туон. Сегодня ее легион изрядно потрепали, и Тайли, должно быть, чувствовала себя примерно как коврик, выбитый прилежной домохозяйкой.

— Меня беспокоят наши позиции. Вот здесь, — указал Мэт, присев на корточки. Как он и предсказывал, троллоки начали отступать.

— Беспокоят? Почему? — спросил генерал Галган.

— Наши владеющие Силой еле живы, — объяснил Мэт. — А еще мы прижаты к реке, а при длительной обороне, особенно против такой громадной армии, это невыгодно. Если ночью шарцы откроют переходные врата и Переместят часть своей армии на этот берег, то нельзя исключать, что мы проиграем.

— Понимаю, о чем вы, — заметил, покивав, Галган. — Им хватит сил, чтобы измотать нас, а затем взять в окружение и затянуть петлю.

Мэт посмотрел генералу прямо в глаза:

— Думаю, пора оставить эти позиции.

— Согласен, — снова кивнул Галган. — Это единственный разумный ход. Почему бы не выбрать место для сражения, на котором у нас будет преимущество? Но ваши друзья из Белой Башни… Согласятся ли они отступить?

— Вот и посмотрим, — сказал Мэт, выпрямляясь во весь рост. — Кто-нибудь, пошлите за Эгвейн и восседающими.

— Они не придут, — сказала Туон. — Айз Седай откажутся встречаться с нами здесь. И я сомневаюсь, что эта твоя Амерлин примет меня в своем лагере — только не с той охраной, которую я потребую.

— Замечательно. — Мэт указал на переходные врата на полу — дамани как раз их закрывала. — Воспользуемся вратами и поговорим через них, как через дверь.

Возражений от Туон не последовало, и Мэт отправил гонцов. После недолгих переговоров Эгвейн признала, что ей тоже нравится эта мысль. Туон тем временем развлекла себя пере-

мещением трона к другой стене — Мэт так и не понял, зачем ей это понадобилось, — после чего принялась донимать Мин.

— А этот? — Она указала на тощего Высокородного, когда тот вошел в комнату и согнулся в поклоне.

— Он скоро женится, — ответила Мин.

— Сперва описывай знамение, — велела Туон, — а затем его истолковывай, если тебе так хочется.

— Я точно знаю, что означает этот образ, — возразила Мин. Она сидела на собственном троне, хотя размером тот был поменьше императорского. Во всех этих кружевных нарядах девушка походила на мышь, забравшуюся в тюк шелковой ткани. — Иногда я сразу все понимаю, а еще…

— Сперва описывай знамение, — повторила прежним тоном Туон. — И называй меня «Величайшая». Не бери пример с Принца воронов. Помни, что тебе дарована большая честь — говорить со мной напрямую.

Мин умолкла, но, судя по виду, не испугалась. Она достаточно долго пробыла в обществе Айз Седай, а после этого никакая императрица не страшна. Хотя Мэт призадумался. Он примерно представлял, что будет, случись Мин навлечь на

себя гнев Туон. Мэт любил ее — видит Свет, в этом он нисколько не сомневался, — да, любил, но еще и побаивался.

Надо будет проследить, чтобы Туон не вздумала «поучить» Мин уму-разуму.

— Знамение в случае этого человека, — заговорила Мин со спокойствием, которое, похоже, давалось ей не так-то просто, — выглядит как плывущие по озеру белые кружева. Я знаю, что это видение означает женитьбу, причем в ближайшем будущем.

Туон кивнула, после чего принялась беседовать с Селусией на языке жестов. Человек, которого они обсуждали, был из низших Высокородных и по своему положению не мог общаться с императрицей напрямую. При поклоне его голова замерла в такой близости от пола, что со стороны казалось, будто он завороженно изучает жучков на полу, пытаясь найти новый экземпляр для своей коллекции.

— Высокородный лорд Гокхан отправится на передовую, — огласила Селусия. — До окончания нынешнего конфликта ему запрещено жениться. Знамения говорят, что он проживет достаточно долго, чтобы найти жену, а посему его жизни ничто не угрожает.

Мин скроила гримасу и собралась было возразить, мол, видения так не работают. Мэт перехватил взгляд девушки и помотал головой, и она промолчала.

Следующей Туон велела привести молодую женщину — не Высокородную, а простого солдата. Она была светлокожей, с приятным лицом, хотя остального было не разглядеть под доспехами, и Мэт подумал, что зря женские доспехи почти не отличаются от мужских. Он уже спрашивал у шончанского оружейника, нельзя ли как-то выделить некоторые детали женского нагрудника, и оружейник посмотрел на него как на недоумка. О Свет, у этих людей нет никакого представления о моральных правилах! Человеку же надо понимать, с кем он сражается на поле боя — с мужчиной или женщиной. Ведь правильно?

Пока Мин рассказывала о знамениях, Мэт уселся на стул, закинул ноги в сапогах на стол с боевыми картами и стал рыться в кармане в поисках трубки. Да, эта дамочка-солдат и впрямь была симпатичная, хотя самых важных подробностей Мэт, конечно же, не видел. Но Талманесу она, наверное, подошла бы, хотя на женщин тот почти не заглядывается. Застенчивый скромняга он, этот Талманес.

С этой мыслью Мэт принялся набивать трубку, качаясь на стуле и не обращая внимания на взгляды окружающих. Этим шончан вечно что-то не так.

Он до сих пор не определился, нравится ли ему, что в шончанской армии полно женщин. Многие походили на Бергитте, что не так уж плохо. В качестве собутыльника Мэт предпочел бы ее доброй половине знакомых мужчин.

— Ты будешь казнена, — огласила Селусия жесты Туон.

Мэт чуть не грохнулся наземь, но успел рукой схватиться за стол. Передние ножки стула стукнули по дощатому полу.

— Что?! — воскликнула Мин. — Нет!

— Ты видела белого вепря, — объяснила Туон.

— Но я не знаю, что означает это видение!

— Вепрь — эмблема некоего Хандойна, одного из моих соперников в Шончан, — с безграничным терпением объяснила Туон. — А вепрь белого цвета предвещает опасность. Быть может, предательство. Эта женщина работает на Хандойна или переметнется к нему в будущем.

— Но нельзя же просто взять и казнить ее!

Глядя на Мин, Туон сомкнула и разомкнула веки. Мэту показалось, что в комнате не только

стемнело, но и похолодало. Он поежился, думая, что в такие моменты Туон совершенно на себя не похожа. Мэту не нравился ее взгляд — взгляд чужого человека, и сострадания в этом взгляде было меньше, чем в глазах мраморной статуи.

Селусия принялась что-то настойчиво говорить на языке жестов. Глядя на ее неугомонные пальцы, Туон кивнула и без особой охоты обратилась к Мин:

— Как моей Говорящей Правду, тебе дозволяется делать мне замечания прилюдно. Ты считаешь мое решение ошибочным?

— Вот именно, — без промедления подтвердила Мин. — Вы неправильно используете мои способности.

— А как надо? — спросила Туон.

Приговоренная к смерти женщина так и лежала ниц на полу. Она не промолвила ни единого слова против. Не того она ранга, чтобы обращаться к императрице, да и заговорить в присутствии Туон с кем-то другим означало бы нарушить кодекс чести.

— Нельзя казнить человека за то, что он не совершал, а только лишь может совершить, — сказала Мин. — Не сочтите за дерзость, но если из-за моих видений вы собираетесь убивать лю-

дей, больше я ничего не скажу.

— Я могу заставить тебя говорить.

— Попробуйте, — тихо произнесла Мин, и Мэт снова поежился. Кровь и пепел, от нее повеяло тем же холодом, что и чуть раньше от Туон. — Посмотрим, как Узор воздаст вам, императрица, за истязание чтицы знамений.

— Ты неплохо держишься, — неожиданно улыбнулась Туон. — Объясни, чего ты хочешь, чтица знамений.

— Я буду рассказывать вам о своих видениях, — сказала Мин, — но отныне истолкование этих образов — мое или ваше — следует хранить в секрете. Лучше всего, если о видениях будем знать только мы с вами. На основании моих слов вы можете взять кого-то под надзор, но не наказывайте человека — если только его не поймали с поличным. А эту женщину отпустите.

— Да будет так, — согласилась Туон. Ее пальцы пришли в движение, и Селусия огласила:

— Ты свободна. Храни верность Хрустальному трону. За тобой будут следить.

Женщина встала, отвесила земной поклон и, не поднимая головы, вышла из комнаты. На щеке у нее Мэт заметил струйку пота. Стало быть, никакая она не статуя.

Он снова повернулся к Мин и Туон. Эти двое по-прежнему глазели друг на друга. Обнаженных клинков Мэт, разумеется, не увидел, но его не отпускало стойкое ощущение, что здесь кого-то пырнули ножом. А Мин не помешало бы научиться уважению. Близок тот день, когда Мэту придется взять ее за шиворот и уволочь от шончан, опережая палача ровно на один шаг. Это уж точно.

Воздух у стены вдруг рассекли переходные врата, и теперь до Мэта дошло, зачем Туон затеяла переставлять трон. Если отправленную в лагерь Эгвейн дамани захватили бы и заставили рассказать, где сидит Туон, то какая-нибудь Айз Седай могла бы открыть там переходные врата и рассечь императрицу надвое. Мысль, конечно, смехотворная — ведь Айз Седай скорее отрастит крылья, чем убьет человека, который не является приспешником Темного, — однако рисковать Туон не собиралась.

За проемом переходных врат обнаружился шатер, а в шатре — Совет Башни. Позади восседающих, в массивном кресле расположилась Эгвейн. «Это же Престол, — сообразил Мэт. — Кровь и пепел, она велела притащить сюда сам Престол Амерлин!»

Эгвейн неплохо скрывала усталость, но выглядела неважно, как и остальные. Битва отняла у Айз Седай все силы. Будь Эгвейн солдатом, Мэт ни за что не послал бы ее в бой. Кровь и треклятый пепел, солдата с таким взглядом и цветом лица Мэт на неделю отправил бы в постель — отдыхать и набираться сил.

— Нам любопытно узнать цель этой встречи, — ровным тоном произнесла Саэрин.

Сильвиана сидела рядом с Эгвейн — правда, в кресле поменьше, — а прочие сестры разместились согласно своим Айя. Кое-кто отсутствовал, и одной из Желтых тоже не было на месте.

Предполагалось, что собрание проведет Мэт, и Туон кивнула ему, а он в ответ коснулся шляпы, чем заслужил приподнятую бровь. Туон уже не выглядела опасной, хотя оставалась императрицей.

— Айз Седай! — Мэт встал и снова коснулся шляпы, приветствуя восседающих. — Хрустальный трон высоко ценит тот факт, что вы, того-этого, пришли в чувство и разрешили нам возглавить треклятую битву.

Сильвиана выпучила глаза, будто ей только что оттоптали ногу. Мэт, покосившись на Туон, заметил у нее на губах тень улыбки. Кровь и

треклятый пепел, неужто непонятно, что так эти двое еще сильнее его раззадорят?

— Ты, как всегда, красноречив, Мэт, — холодно произнесла Эгвейн. — Тот лис, которого ты приручил… Он при тебе?

— Ага, — подтвердил Мэт. — Свернулся калачиком в укромном месте.

— Заботься о нем хорошенько, — сказала Эгвейн. — Не хотелось бы, чтобы ты разделил судьбу Гарета Брина.

— Так его и правда держали под Принуждением? — спросил Мэт. Эгвейн уже сообщала ему об этом несчастье.

— Мы предполагаем, что да, — ответила Саэрин. — Как мне говорили, Найнив Седай умеет видеть плетения, накинутые на человеческий разум, но остальные лишены этой способности.

— Брина осматривают наши целители, — добавила другая Айз Седай, коренастая доманийка. — Пока мы не выясним, с каких пор он находится под влиянием Тени, нельзя доверять планам сражения, к которым он имел хоть какое-то отношение.

— Правильная мысль, — кивнул Мэт. — И еще нам надо отвести войска от брода.

— Почему? — осведомилась Лилейн. — Оборона

там устойчива.

— Этого мало, — объяснил Мэт. — Мне не нравится местность, и нельзя допускать, чтобы нас заставляли драться, когда нам того не хочется.

— Не хотелось бы уступать Тени ни единого дюйма, — сказала Саэрин.

— Сегодня шаг назад, а назавтра два шага вперед, — ответил Мэт.

Генерал Галган пробурчал нечто утвердительное, и только тогда Мэт сообразил, что процитировал Артура Ястребиное Крыло.

Саэрин сдвинула брови. Как видно, остальные решили, что она будет говорить за всех. Эгвейн почти не вмешивалась в переговоры. По большей части она молча сидела за спиной у других Айз Седай, сложив на коленях руки со сплетенными пальцами.

— Пожалуй, вам следует знать, — сказала Саэрин, — что под удар попал не только наш великий капитан. Даврам Башир и лорд Агельмар также пытались обречь войска под своим командованием на поражение. Илэйн Седай проявила себя с лучшей стороны, уничтожив крупную армию троллоков, но не смогла бы добиться этого без помощи Черной Башни. Порубежники понесли тяжелые потери — почти две трети личного

состава.

«Две трети?!» Мэта пробрал озноб. Порубежники входили в число сильнейших войск Света.

— Ну а Лан?

— Лорд Мандрагоран жив, — ответила Саэрин.

Ну, уже хоть что-то.

— Что творится с той армией, что в Запустении?

— Лорд Итуралде пал в бою, — сообщила Саэрин. — Похоже, никто не знает, что с ним случилось.

— Все это спланировано самым тщательным образом, — сказал Мэт, лихорадочно обдумывая услышанное. — Кровь и проклятый пепел! Враг намеревался разом сокрушить все четыре армии. Для этого требовалась невообразимая слаженность действий…

— Повторюсь, — негромко перебила его Эгвейн, — нам следует соблюдать предельную осторожность. Никогда не расставайся со своим лисом.

— Что решила Илэйн? — спросил Мэт. — Ведь это она руководит всей битвой — верно?

— В настоящее время Илэйн Седай помогает порубежникам, — ответила Саэрин. — Она известила нас, что Шайнар практически потерян и

поэтому Аша'маны уводят войска лорда Мандрагорана в безопасное место. Завтра она собирается двинуть свою армию через переходные врата и удерживать троллоков в Запустении.

— Надо объединить усилия, — покачал головой Мэт, а после паузы добавил: — Нельзя ли позвать ее сюда через переходные врата? Или хотя бы связаться с ней?

Возражать никто не стал, и вскоре в шатре Эгвейн и восседающих открылись еще одни переходные врата, откуда вышла Илэйн, с большим животом и горящими глазами. За спиной у нее Мэт успел заметить изнуренных солдат, тяжело ступавших по сумрачному вечернему полю.

— О Свет! — сказала Илэйн. — Зачем я тебе понадобилась?

— Ты выиграла свое сражение? — спросил Мэт.

— Едва-едва, но да. Шедшие на Кайриэн троллоки уничтожены, и теперь город в безопасности.

Мэт кивнул:

— Мне надо отвести находящиеся здесь войска со своих позиций.

— Ясно, — сказала Илэйн. — Думаю, можно объединить твою армию с остатками войск порубежников.

— По-моему, Илэйн, этого будет недостаточ-

но. — Мэт сделал шаг вперед. — Этот хитрый и коварный ход Тени… Проклятье! Невероятно умный ход! Теперь, когда мы истощены и почти разбиты, одновременно сражаться в нескольких местах — непозволительная для нас роскошь.

— И что ты предлагаешь?

— Последний бой, — тихо ответил Мэт. — Надо всем объединиться и выбрать место, где нам будет выгоднее сражаться.

Илэйн умолкла. Кто-то принес ей стул, и она села рядом с Эгвейн. Держалась Илэйн по-королевски, но, глядя на растрепанные волосы и обгоревшее кое-где платье, нельзя было не прийти к выводу, что ей пришлось несладко. Из проема ее оставшихся открытыми врат явственно тянуло запахом дыма.

— Это отчаянный шаг, — наконец промолвила Илэйн.

— Мы в отчаянном положении, — сказала Саэрин.

— Надо посоветоваться с полководцами… — Илэйн помолчала. — Если у нас остались те, кто точно не находится под Принуждением.

— Такой у нас ровно один, — мрачно сказал Мэт, глядя ей в глаза. — И он втолковывает тебе, что если продолжать в том же духе, с нами бу-

дет покончено. Изначальный план был неплох, но после сегодняшних потерь… Илэйн, если не выбрать место для противостояния и не объединиться, считай, что нам конец.

Последний бросок игральных костей…

— Объединиться? Где? — спросила после долгой паузы Илэйн.

— В Тар Валоне? — предложил Гавин.

— Нет, — сказал Мэт. — Его попросту возьмут в осаду, а сами пойдут дальше. Город не годится. Там нас загонят в угол. Нужна местность, благоприятная для нашего замысла. Земля, где троллоки не смогут прокормиться.

— Пожалуй, для этого подойдет какое-нибудь место в Порубежье, — поморщилась Илэйн. — Чтобы лишить Тень ресурсов, войска Лана сожгли почти все поля и города на своем пути.

— Карты! — взмахнул рукой Мэт. — Кто-нибудь, принесите мне карты! Надо выбрать место в южном Шайнаре или Арафеле. Где-нибудь поближе, и такое, чтобы Тень сочла его соблазнительным. Место, где троллоки смогут атаковать всех нас сразу…

— Мэт, тебе не кажется, что именно этого они и хотят? — спросила Илэйн. — Уничтожить нас одним махом?

— Вот именно, — негромко подтвердил Мэт, забирая у Айз Седай карты с отметками и надписями — судя по содержанию, сделанными рукой генерала Брина. — Надо стать привлекательной мишенью. Подманить их к себе, вступить в бой и победить. Или погибнуть.

Продолжительная битва сыграет на руку Тени. Когда троллоки в большом числе заявятся на южные земли, их будет не остановить. Мэту оставалось или выиграть, или проиграть, причем как можно быстрее.

Да, и впрямь последний бросок игральных костей…

Мэт указал на уже отмеченную Брином точку на карте: удобное пересечение рек с холмистыми берегами и обилием питьевой воды.

— Вот это место. Меррилор. Вы устроили там склад припасов, верно?

— Получается, вернемся туда, откуда начали? — негромко усмехнулась Саэрин.

— Там уже имеются некоторые укрепления, — сказала Илэйн. — С одной стороны солдаты поставили частокол, и его можно расширить.

— То, что нужно, — заявил Мэт, рисуя в воображении картину грядущей битвы.

Поле Меррилор находится между двумя глав-

ными армиями троллоков, вторгшимися из Запустения, и те не устоят перед искушением взять людей в кольцо. Но местность прекрасно подходит для замысла Мэта…

Да. Ему вспомнилась битва в Теснине Прийя. Если поставить на эти утесы лучников — нет, лучше драконов — и дать Айз Седай несколько дней передышки… Да, Теснина Прийя. В том бою он рассчитывал, что полноводная река не позволит армии выйти из ущелья, но когда ловушка захлопнулась, хамарейцы соорудили дамбу по ту сторону Теснины, треклятая река пересохла, и враги удрали прямо по руслу. «Такие уроки не забываются».

— Пойдет, — оперся на карту ладонью Мэт. — Илэйн?

— Приступай, — сказала она. — Надеюсь, Мэт, ты отдаешь себе отчет в своих действиях.

При этих словах в голове у Мэта закувыркались и загремели игральные кости.

Галад закрыл глаза Трому, в поисках которого не меньше часа бродил по полю сражения к северу от Кайриэна. Тром истек кровью, и только уголки его плаща сохранили белый цвет. Галад сорвал у него с плеча знаки офицерского звания — как ни странно, золотые банты остались совер-

шенно чистыми — и выпрямился.

На нетвердых от бесконечной усталости ногах он поплелся обратно, минуя груды мертвых тел. Куда ни глянь, дрожащей, черной, похожей на плесень пеленой землю покрывали во́роны и воро́ны, вместе с другими падальщиками слетевшиеся на мертвечину, отчего издали казалось, что поле выгорело дотла.

Время от времени Галаду встречались люди вроде него, искавшие своих друзей среди мертвецов. Мародеров — а на поле завершившегося боя всегда бывают мародеры — оказалось на удивление мало. Илэйн поймала нескольких мерзавцев, пытавшихся тайком выскользнуть из Кайриэна, и приговорила их к повешению.

«Она стала жестче, — думал Галад, устало шагавший к лагерю. Сапоги были точно свинцовые. — И это хорошо». В детстве она нередко принимала решения не умом, но сердцем. Но теперь Илэйн стала королевой и вела себя соответственно. Вот бы исправить ее моральный компас… Человек она неплохой, но ей, как и прочим монархам, недостает Галадовой ясности в восприятии мира.

Но он понемногу смирялся с тем, что это не изменить. Понемногу понимал, что в этом нет

ничего страшного, если властители искренне стремятся к лучшему. По всей очевидности, его умение отличать правильные поступки от неправильных — дар Света, и не следует презирать тех, кто обделен был при рождении этим даром, так же как нельзя презирать человека, родившегося с одной рукой, а потому не преуспевшего в искусстве фехтования.

Многие из выживших, что попадались Галаду на пути, сидели на тех редких участках, где не было ни трупов, ни крови. Они вовсе не походили на победителей, хотя вовремя подоспевшие Аша'маны спасли положение. Тот фокус с лавой дал армии Илэйн передышку, необходимую для перегруппировки и новой атаки.

Битва была скоротечной и предельно жестокой. Троллоки в плен не сдавались, а позволить им сбежать было недопустимо, так что Галад и другие долго сражались, получали раны и умирали уже после того, как исход победной битвы стал очевиден.

Теперь троллоки были уничтожены, а выжившие бойцы просто сидели и тупо смотрели на груды тел, словно онемев от мысли, что еще предстоит искать немногих раненых среди тысяч мертвецов.

Солнце садилось за густую пелену грозовых туч. Небо покраснело, и человеческие лица приобрели кровавый оттенок.

Наконец Галад дошел до длинной возвышенности, отделявшей одно поле сражения от другого, и стал медленно взбираться по косогору, решительно отгоняя мысли о мягкой постели. Или соломенном тюфяке на полу. Или уединенном месте с плоским камнем, на котором можно уснуть, закутавшись в походный плащ.

Свежесть на вершине холма повергла его в шок. Галад так долго обонял кровь и смерть, что запах чистого воздуха казался теперь неестественным. Покачав головой, он миновал усталых порубежников, тяжелой поступью выходивших из открытых кем-то переходных врат. Аша'маны отправились на север — сдерживать троллоков, чтобы у войск лорда Мандрагорана появилась возможность сбежать.

Галад слышал, что от порубежных армий мало что осталось. Лорд Мандрагоран и его люди сильнее прочих ощутили на себе предательство великих капитанов. Об этом и подумать было тошно — с учетом того, как тяжко пришлось Галаду и остальным солдатам Илэйн. Сражение здесь было чудовищным, но порубежники хлебнули

куда больше лиха.

С холма открылся вид на усеянное падальщиками поле, и Галад не без труда сдержал рвотный позыв. Трупы одних прислужников Темного стали обильным пиршеством для других.

Наконец Галад отыскал Илэйн. Услышав ее напористую речь, адресованную Арганде и Тэму ал'Тору, он даже растерялся от неожиданности.

— Мэт прав, — говорила она. — Поле Меррилор — отличное место для сражения. О Свет! Вот бы дать людям побольше времени на отдых! У нас всего несколько дней, самое большее неделя, а затем троллоки явятся на Поле Меррилор следом за нами. — Она тряхнула головой. — Как же мы проворонили этих шарцев? Ведь если игра идет не в пользу Темного, он непременно, непременно добавит в колоду несколько новых карт.

Гордость диктовала, чтобы Галад выслушал слова Илэйн стоя, но сегодня — в кои-то веки — ее требования не возымели успеха. Он уселся на табурет и сложил руки на коленях.

— Галад, — сказала Илэйн, — не пора ли позволить кому-то из Аша'манов избавить тебя от усталости? Ты упорно продолжаешь считать их изгоями, а это попросту глупо.

— Обойдусь без их помощи, — отрезал Галад, вы-

прямляясь. Фраза прозвучала как приглашение к ссоре. Да, он действительно вымотался. — Эта усталость напоминает мне о сегодняшних потерях. Ее терпят мои люди, так что и я потерплю, чтобы не забыть, в каком они состоянии, и не требовать от них слишком многого.

Илэйн насупилась. Галада давно уже не волновало, что сестру могут обидеть его слова. Такое чувство, что назови день приятным, а чай горячим, и Илэйн непременно сочтет это за оскорбление.

Жаль, что Айбара куда-то ушел. Он настоящий лидер — один из немногих, кого встречал Галад, — и в то же время с ним можно говорить, не опасаясь обид. Если так посмотреть, Двуречье — неплохое место, где можно будет осесть белоплащникам.

Разумеется, сперва придется изрядно потрудиться, чтобы искоренить застарелую вражду…

«Белоплащники, — подумал Галад. — Так я только что назвал Детей Света». Давно уже этого не происходило по случайности.

— Ваше величество, — подал голос Арганда, стоявший подле вождя Аша'манов Логайна и нового командира Крылатой гвардии Хавьена Нурелля. К этой троице подошел измученный

Талманес из Отряда Красной руки в сопровождении нескольких командиров, руководивших отрядами салдэйцев и Легионом Дракона. Сидевший чуть поодаль на земле старейшина огиров Хаман зачарованно любовался закатом.

— Ваше величество, — повторил Арганда, — понимаю, вы считаете исход битвы большой победой…

— Это и есть большая победа, — заявила Илэйн. — И надо, чтобы все относились к ней так же. Каких-то восемь часов назад я считала, что вся наша армия обречена. Но мы разгромили врага.

— Потеряв половину нашей армии, — тихо произнес Арганда.

— И все равно я считаю, что это успех, — настаивала Илэйн. — Мы избежали полного уничтожения.

— Сегодня не победил никто, кроме стервятников и падальщиков, — прошептал Нурелль, глядя в никуда. Похоже, какие-то мысли не давали ему покоя.

— Нет, — возразил Тэм ал'Тор. — Она права. Солдатам надо понимать, ради чего они жертвуют собой. Мы просто обязаны считать этот исход победой. Так должны написать в летописях, и в этом должны быть убеждены солдаты.

— Но это ложь, — вырвалось у Галада.

— Нет, — сказал ал'Тор. — Сегодня мы лишились множества друзей. О Свет, каждый из нас кого-то потерял. Но Темный желает, чтобы мы не думали ни о чем, кроме смерти, и только попробуйте сказать, что это не так. Если забыть о Свете, Тень увлечет нас в свою сумрачную бездну.

— Этой… *победой,* — подхватила Илэйн, намеренно выделив интонацией последнее слово, — мы выиграли время. Теперь можно отправиться на Поле Меррилор, объединиться, возвести укрепления и дать Тени последний бой.

— О Свет, — выдохнул Талманес. — Что, опять?

— Да, — с неохотой признала Илэйн.

Галад обвел взглядом поле, усыпанное мертвыми телами, и поежился:

— На Поле Меррилор будет хуже. Гораздо хуже… И да поможет нам Свет…

Глава 33. Принцев табачок

Перрин преследовал Губителя в небесах.

Он прыгнул, оттолкнувшись от бурлящей серебристо-черной тучи. В угольном небе мелькнула размытая тень Губителя. Воздух пульсировал в ритме сверкания молний и свирепых порывов ветра. В ноздри Перрину били запахи, один за другим, без какой-либо логики или закономерности. Тирская грязь. Подгорелый пирог. Гниющий мусор. Цветок смерть-лилии.

Губитель перескочил на соседнюю тучу, а затем исчез и тут же возник в новом месте, с натянутым луком, лицом к Перрину. Стрела помчалась к

цели так быстро, что с щелчком рассекла воздух, но Перрин сумел отбить ее молотом. В тот же миг он прыгнул туда, где стоял Губитель, вообразив себе под ногами надежную опору. Хмарь грозовой тучи вмиг затвердела.

Сквозь клубившийся поверх этой опоры темно-серый туман Перрин бросился в атаку, и они с Губителем сошлись врукопашную. В руках у охотника на волков появились щит и меч. В такт с раскатами грома Перрин обрушивал на врага свой молот, но всякий раз Губитель закрывался звонким щитом.

Наконец он развернулся, чтобы удрать, но Перрин успел схватить его за край плаща. Губитель попробовал сместиться прочь. Перрин вообразил, что они остались здесь, на этой туче. Он знал, что так и будет. То была не некая возможность, а непреложный факт.

На секунду их силуэты затуманились, а затем вновь проступили на прежних местах. Губитель зарычал, завел руку с мечом за спину, отсек кончик плаща и вырвался на свободу. Повернувшись лицом к Перрину, он отступил в сторону, настороженно выставив перед собой клинок. Грозовая туча содрогнулась, и у ног сражающихся сверкнула через туманное марево призрачная вспышка

молнии.

— Ты все сильнее досаждаешь мне, волчонок, — сказал Губитель.

— Впервые ты дерешься с волком, способным дать сдачи, — ответил Перрин. — Прежде ты убивал волков издали, что было нетрудно. Но теперь нарвался на зубастую добычу.

— Ты как мальчишка с отцовским мечом, — процедил Губитель. — Да, ты опасен, но совершенно не понимаешь, как пользоваться этим оружием. И не знаешь, в чем твоя опасность.

— Еще посмотрим, кто… — начал было Перрин, но Губитель ринулся к нему с занесенным клинком. Не позволив застать себя врасплох, Перрин вообразил, что лезвие меча затупилось, воздух стал вязким, а кожа его тела — достаточно твердой, чтобы выдержать удар.

Мгновением позже он осознал, что кувыркается в воздухе.

«Глупец!» — мелькнуло в голове Перрина. Он так сосредоточился на атаке, что не успел заметить, как Губитель изменил структуру грозовой тучи. Сквозь бурлящую мглу Перрин провалился в небо, и его одежда затрепетала на ветру. Он приготовился к рою стрел, который обрушится на него сверху из тучи. Губитель такой предска-

зуемый…

Но этого не произошло. Несколько секунд Перрин провел в свободном падении, после чего выругался, повернул голову и, увидев, как с земли внизу к нему мчится целый ураган стрел, в последний миг успел *сдвинуться* и появиться в сотне футов от прежнего места. Стрелы просвистели там, где он был секунду назад.

Падение продолжилось, но Перрин и не думал замедлять его; вместо этого он придал телу твердости, чтобы не разбиться, и при ударе почва растрескалась, а Перрина окружило кольцом пыли.

Буря разгулялась не на шутку. Земля, поросшая густым кустарником и ползучими растениями, обвившими и оплетшими древесные стволы, — Перрин с Губителем очутились где-то на юге, — покрылась хаотичными рытвинами от беспрестанных ударов молнии, настолько частых, что между разрядами Перрин не успел бы сосчитать до трех.

Дождя не было, но ландшафт в волчьем сне терял форму. Здесь распадались разом целые холмы. Тот, что высился слева от Перрина, вдруг превратился в громадную кучу песка и пыли. Ветер подхватил ее, разметал и увлек за собой.

Перрин мчался по замусоренным небесам, высматривая Губителя. Может, тот сместился обратно к Шайол Гул? Нет. Воздух пронзили еще две стрелы. Губитель умел делать так, чтобы ветер не влиял на его меткость.

Отбив обе стрелы, Перрин устремился в ту сторону, откуда они прилетели, и заметил врага на самой верхушке скалы. Земля вокруг крошилась, и пыль волнами поднималась к небу.

Перрин с размаху обрушил на него страшный удар, но Губитель, разумеется, исчез, и молот громыхнул о камень. Перрин сердито зарычал.

Да, Губитель отменно быстр. Впрочем, Перрин тоже. Рано или поздно кто-то из них ошибется. Одной ошибки будет достаточно.

Он заметил, как Губитель прыжками уносится прочь, и последовал за ним. Когда же Перрин приземлился на соседнюю скалу, та раскололась, и обломки камней устремились под налетающим ветром к небу. Узор слабел, но теперь, когда Перрин был здесь во плоти, его воля стала куда более могучей. Не было нужды опасаться, что он забудется, слишком сильно зайдя в сон, и потеряет себя — ведь Перрин уже погрузился в Мир снов так глубоко, что глубже некуда.

И даже так, когда он переносил себя с места

на место, окружающий мир трещал по швам. После нового прыжка впереди появилось море. Выходит, они гораздо южнее, чем казалось. Но где? В Иллиане? В Тире?

Губитель стоял на скалистом берегу, где вода накатывалась на утесы. Песок — если здесь был песок — сдуло ветром. Земля словно бы возвращалась к первобытному состоянию. Ветер выкорчевал растения, ободрал траву и сдул почвенный слой, оставив после себя лишь камень и пенистые волны.

Перрин приземлился рядом с Губителем, и теперь тот не исчез. Оба жаждали драки, ударов меча и молота, звона металла о металл.

Перрин едва не пробил вражескую защиту. Его молот чиркнул по одежде Губителя. Тот изрыгнул проклятие, но, мгновенно уклонившись, сделал шаг в сторону, и в руке у него появился громадный топор. Сосредоточившись, Перрин напряг тело и вообразил свою кожу непробиваемой.

Лезвие топора не покрылось кровью, ведь он не дал застать себя врасплох, но удар пришелся ему в бок с такой силой, что Перрина отшвырнуло в сторону океана.

Секундой позже над ним появился Губитель с прежним топором в руках. Падая, Перрин сумел

парировать новую атаку молотом, но силой удара его бросило вниз, к воде.

Он велел воде расступиться, и она отхлынула, забурлив и вспенившись, словно под порывом могучего ветра. Перрин приземлился на ноги, отчего камни еще влажного морского дна пошли трещинами. Вокруг тридцатифутовой стеной вздымались соленые воды.

Неподалеку от Перрина тяжело приземлился Губитель. Он тяжело дышал. Должно быть, начал уставать от схватки. Это хорошо. Однако Перрин тоже чувствовал жжение глубоко в мускулах.

— Рад, что ты здесь, — промолвил Губитель и поднял руку с мечом. Его щит исчез. — Я надеялся, что ты придешь, когда я буду убивать Дракона.

— Кто ты такой, Люк? — Перрин осторожно *сдвинулся* вбок, чтобы оставаться напротив Губителя в каменном кругу, обнесенном водной стеной. — Кто ты такой на самом деле?

— Знаешь, я видел его, — негромко произнес Губитель и сделал еще один шаг. Ясно, что разговор он затеял, чтобы отвлечь внимание жертвы. — Видел Темного. Некоторые зовут его Великим повелителем. Что в первом, что во втором случае это огромное, едва ли не оскорбительное преуменьшение.

— Ты и правда надеешься, что он вознаградит тебя? — презрительно бросил Перрин. — Неужто не понимаешь, что он, получив желаемое, спишет тебя со счетов, отбросит в сторону, как поступил уже со многими?

Губитель рассмеялся:

— Избавился ли он от Отрекшихся, когда те потерпели неудачу и оказались заточены в Скважине вместе с ним? Он мог бы убить их всех, а души обречь на вечные муки. Но разве он так сделал?

Перрин не ответил.

— Темный не избавляется от исправных инструментов, — продолжил Губитель. — Подведи его — и он может тебя наказать. Но он никогда ничего не выбрасывает. Он как рачительная хозяйка, что рассовала по корзинкам битые чайники и клубки спутанной пряжи: пусть лежат, пока не пригодятся. Вот в чем ты ошибаешься, Айбара. Обычный человек может убить подручного, даже если тот полезен, — допустим, из опасений за свою жизнь. Но Темный мыслит иначе. Он непременно вознаградит меня.

Перрин хотел было ответить, но Губитель, решив, что сумел заговорить ему зубы, сместился вперед для атаки. Перрин исчез, и удар пришелся

в пустоту. Враг развернулся, рассек воздух мечом, но Перрин опять *сдвинулся* в сторону. Возле его ног копошились и дергали множеством щупалец какие-то мелкие морские создания, не понимая, куда вдруг подевался океан. В мутной воде за спиной Губителя проплыло что-то большое и темное.

— Ты не ответил на мой вопрос, — напомнил ему Перрин. — Кто ты такой?

— Я храбрец, — шагнул к нему Губитель, — и я устал бояться. В этой жизни есть хищники и есть добыча. Зачастую одни хищники становятся пищей для других. Если хочешь выжить, поднимись по пищевой цепочке и стань охотником.

— И поэтому ты убиваешь волков?

Губитель растянул губы в опасной улыбке, не сулящей ничего хорошего. На лицо ему легла тень. Из-за грозовых туч и высоких водных стен здесь было темновато, хотя чудной свет, присущий волчьему сну, отчасти проникал и на морское дно.

— Волки и люди — самые искусные охотники в этом мире, — тихо ответил Губитель. — Убей волка, убей человека — и возвысишься над обоими. Не каждому из нас выпало счастье вырасти в уютном доме, у теплого очага, в компании весе-

лых братьев и сестер.

Они с Перрином кружили по морскому дну. Их тени танцевали на стенах из воды, пронизанных отсветами от вспышек молний.

— Знал бы ты, как мне жилось, — продолжил Губитель, — взвыл бы от ужаса. Беспросветный ужас, страдания… Но я быстро нашел свой путь. Свою силу. Здесь, в этом месте, я король.

С этими словами он стремительным прыжком пересек разделявшее его и Перрина пространство; его очертания смазались. Перрин приготовился отразить атаку, но Губитель, так и не нанеся удара, врезался в противника всем телом, и оба пробили стену воды. Теперь вокруг них бурлил океан.

Тьма. Перрин создал свет, каким-то образом заставив сиять камни под ногами. Одной рукой Губитель держал его за плащ, а другую занес для удара. От клинка к поверхности тянулись пузырьки воздуха. Меч рассек темную воду с той же быстротой и легкостью, с какой рассекал воздух. Перрин вскрикнул, выпустив изо рта еще одну струйку пузырьков, хотел защититься, но его апатичные, увязшие в воде руки еле двигались.

В то застывшее мгновение он попробовал вообразить, что вода не сковывает его движений, но

сознание отвергло эту мысль как противоестественную. Так не бывает.

В отчаянии, когда меч Губителя готов был ужалить его, Перрин заморозил окружавшую их воду. Лед едва не раздавил его, но задержал Губителя — пусть на миг, но за этот миг Перрин успел сориентироваться и сместился, заставив свой плащ исчезнуть, чтобы Губитель не последовал за ним, а потом *сдвинулся* прочь.

Он очутился на каменистом берегу близ крутого косогора, наполовину разломленного мощью морского прибоя. Приземлившись на четвереньки, он пытался отдышаться. С бороды ручьем лилась вода, а сознание… как будто онемело. Перрин попробовал вообразить, что вода испарилась, а одежда высохла, но этого не случилось.

«Что происходит?» — изумился он, дрожа от холода. Вокруг бушевала буря, обдирая кору с деревьев, уже лишенных ветвей. Просто он… так устал. До смерти устал. Сколько времени он уже не спит? В реальном мире прошло несколько недель, но здесь они не считаются — верно? Или…

Море вскипело, забурлило, и Перрин обернулся. Каким-то образом он сберег молот и теперь поднял его, готовый встретить Губителя.

Вода продолжала волноваться, но из нее никто не вышел. Вдруг косогор за спиной раскололся пополам, и что-то тяжелое, словно кулаком, стукнуло Перрина в плечо. Он упал на колени, обернулся и увидел по ту сторону расщелины Губителя. Тот накладывал на тетиву новую стрелу.

Перрин в отчаянии отправил себя прочь, и его захлестнуло запоздалой болью — сперва в боку, а затем во всем теле.

— Я к тому, что все эти сражения проходят без нас, — произнес Мандеввин.

— Где-то всегда идут какие-нибудь битвы, — откликнулся Ванин, прислонившись к стене тарвалонского склада. Краем уха Фэйли слушала разговор солдат. — Нам с тобой довелось немало повоевать. И вот что скажу: я рад избежать конкретно этой битвы.

— Там гибнут люди, — неодобрительно сказал Мандеввин. — Это не просто битва, Ванин. Это же Тармон Гай'дон!

— Иными словами, нам никто не заплатит, — подытожил Ванин.

— Не заплатит?! — возмутился Мандеввин. — За участие… в Последней битве?! Ах ты, мошенник! Да эта битва идет ради самой жизни!

Просматривая книгу с записями поставщиков,

Фэйли улыбнулась. Двое «красноруких» прохлаждались у двери, а слуги с эмблемой Пламени Тар Валона снаряжали караван. Позади них возвышалась над городом Белая Башня.

Поначалу Фэйли раздражали эти шуточки, но позже она поняла, что Ванин просто подкалывает товарища. В точности как Гилбер, один из квартирмейстеров ее отца в родной Салдэйе.

— Знаешь, Мандеввин, — не унимался Ванин, — судя по твоим речам, ты вообще никакой не наемник. А если бы тебя услышал лорд Мэт?

— Лорд Мэт будет сражаться, — заявил Мандеввин.

— Если не сумеет избежать драки, — сказал Ванин. — А без нас могут обойтись. Глянь-ка на эти припасы. Ценный груз, верно? И кому-то надо его охранять, ведь правильно? Вот мы и охраняем!

— Только я не пойму, зачем сюда назначили именно нас с тобой. Мне бы сейчас помогать Талманесу командовать Отрядом, а тебе и твоим ребятам — охранять лорда Мэта…

Фэйли практически услышала, как оба додумывают последнюю фразу. «Охранять лорда Мэта от этих шончан».

К исчезновению Мэта и его последующему появлению у шончан солдаты отнеслись вполне

спокойно. По всей видимости, от так называемого «лорда» Мэтрима Коутона ожидалось именно такое поведение. Фэйли выделили полсотни лучших людей Отряда, в том числе капитана Мандеввина, лейтенанта Сандипа и нескольких «краснoруких», настоятельно рекомендованных Талманесом. Никто из них не знал, что на самом деле им поручено охранять Рог Валир.

Будь у Фэйли такая возможность, она взяла бы с собой пять сотен солдат, но даже пятьдесят человек — это уже подозрительно. К тому же бойцы были отборные, а некоторых на время даже отозвали с командных должностей. По идее такой охраны должно быть достаточно.

«Идти нам недалеко, — думала Фэйли, проверяя очередную страницу толстого гроссбуха и старательно делая вид, что ее интересуют только припасы. — Почему же я так волнуюсь?»

Теперь, когда наконец-то объявился Коутон, от нее требовалось лишь доставить Рог Валир на Поле Меррилор. Фэйли уже провела три каравана из других мест — с такой же охраной, — так что четвертый выглядел вполне естественно.

Отряд Красной руки она выбрала не наобум, но после долгих размышлений. В глазах большинства эти люди — всего лишь наемники. Для

армии они наименее важны и не вызывают особого доверия. Однако, несмотря на все сомнения в отношении Мэта — Фэйли почти не знала его, но рассказов Перрина было достаточно, — эти люди и впрямь были верны своему командиру. Те, кто сошелся с Коутоном, во многом походили на него: пытались манкировать своими обязанностями, полезным занятиям предпочитали выпивку и азартные игры, но в трудную минуту каждый сражался за десятерых.

Когда Коутон явится на Поле Меррилор, под вполне понятным предлогом проведать Мандеввина и своих людей, Фэйли отдаст ему Рог. Разумеется, в качестве охраны она взяла с собой несколько человек из *Ча Фэйли*. Ей хотелось иметь рядом людей, в которых она нисколько не сомневалась.

Вышедшая из дверей склада Ларас, тучная госпожа кухонь Тар Валона, погрозила пальцем каким-то служанкам, после чего направилась к Фэйли. За ней следовал долговязый хромой юноша с видавшим виды сундучком в руках.

— Это для вас, миледи, — указала на сундучок Ларас. — По запоздалом раздумье Амерлин самолично добавила его к вашему грузу. Что-то для друга ее детских лет?

— Это табак для Мэтрима Коутона, — скривив мину, объяснила Фэйли. — Когда он узнал, что у Амерлин сохранился запас двуреченского листа, сразу решил его выкупить.

— Табачок, говорите? В такие-то времена? — Ларас, качая головой, вытерла руки о передник. — Помню этого парнишку. В свое время повидала парочку этаких любителей вечно шнырять по кухне, будто бродячие коты в поисках объедков. Хорошо бы, чтобы кто-то пристроил его к полезным делам.

— Мы над этим работаем, — сказала Фэйли и поморщилась, когда юноша с гулким стуком небрежно поставил свой груз в ее фургон, а затем отряхнул руки.

Ларас кивнула и зашагала обратно на склад. Фэйли провела по сундучку пальцем. Философы утверждают, что Узор лишен чувства юмора. Они с Колесом просто есть, просто существуют — безразличные ко всему, не принимающие ничью сторону. Однако девушку не оставляла мысль о том, как над нею посмеивается где-то Создатель. Ведь Фэйли покинула родной дом, забив себе голову дурацкими мечтами, — самонадеянная девчонка, считавшая, что отправляется в великое путешествие на поиски этого Рога.

Но жизнь привела ее в чувство. Фэйли повзрослела, поумнела, научилась обращать внимание на по-настоящему важные вещи. А теперь… Теперь равнодушный Узор небрежно бросил Рог Валир ей на колени.

Девушка убрала руку, решив, что не станет открывать этот сундучок. У нее имелся ключ, доставленный отдельно чуть раньше, и она, конечно же, удостоверится, что Рог на месте. Но не сейчас, а когда останется одна, в относительной безопасности.

Фэйли забралась в фургон и уселась, положив ноги на сундучок.

— И все равно мне это не нравится, — сказал стоявший у склада Мандеввин.

— Тебе вообще ничего не нравится, — отозвался Ванин. — Ты глянь, какая у нас важная работа. Ведь солдат надо кормить — верно?

— Полагаю, что да, — согласился Мандеввин.

— Еще как верно! — подошел к ним еще один «краснорукий», по имени Гарнан, и Фэйли отметила, что никто из этой троицы не спешит помогать слугам, грузившим провизию на подводы. — Пожрать-то всяк любит — скажи, Ванин? Ведь коли у нас есть главный знаток по этому делу, так это точно ты.

Гарнан был крепким парнем, с широким лицом и с вытатуированным на щеке ястребом. Талманес поручился за него и добавил, что этот ветеран выжил в некой «Шестиэтажной бойне» и какой-то деревушке под названием Хиндерстап.

— Вот сейчас, Гарнан, ты меня сильно обидел, — сказал Ванин у него из-за спины. — Ранил в самое сердце.

— Это вряд ли, — усмехнулся Гарнан. — Чтобы ранить тебя в самое сердце, надо сперва пробить толстенный слой жира. Сдается мне, даже у троллоков вряд ли найдутся настолько длинные клинки!

Мандеввин расхохотался, и все трое удалились, а Фэйли, просмотрев последние страницы учетной книги, решила позвать Сеталль Анан, помогавшую ей разбираться с грузами караванов. Однако, спускаясь из фургона, она заметила, что ушли только двое «красноруких», а толстяк Ванин стоит неподалеку. Увидев его, Фэйли замерла, и Ванин тут же побрел к другим солдатам. Он что, следил за ней?

— Фэйли! Фэйли! Аравин говорит, что закончила проверять списки грузов. Так что пора в путь!

В фургон на козлы забрался непоседа Олвер, ранее заявивший, что без него караван никуда

не поедет. «Краснорукие» уговорили Фэйли взять мальчугана с собой, и даже Сеталль согласилась, что так будет лучше. По всей видимости, все опасались, что Олвер, оставшись без присмотра, найдет способ удрать туда, где сражаются взрослые. Поэтому Фэйли, хоть и с большой неохотой, взяла его на побегушки.

— Ну и ладно. — Она вернулась в фургон. — Значит, трогаемся с места.

Мало-помалу тяжелые повозки пришли в движение. Всю дорогу Фэйли старалась не смотреть на сундук и даже не думать о нем, но от этого сосредоточилась на другой неотложной заботе. Перрин. Они ненадолго встретились, когда Фэйли была в Андоре, занимаясь поставками в войска нужных припасов. Перрин предупредил жену, что должен кое-что сделать, но распространяться о своих планах не пожелал.

А теперь он пропал. Оставил Тэма за главного вместо себя, ушел через переходные врата, что вели к Шайол Гул, и не вернулся. Фэйли расспросила очевидцев, кто был в долине Такан'дар, но после разговора с Рандом Перрин как в воду канул.

С ним все будет хорошо — ведь так? Отец Фэйли — воин, муж — тоже, и ей известно, что лиш-

ние волнения ни к чему. Но как же человеку не волноваться? Ведь Перрин сам предложил ей присмотреть за Рогом Валир.

Не для того ли, чтобы Фэйли держалась подальше от сражений? Такая отстраненная мысль пришла девушке в голову. Что ж, тогда она совсем не против, хотя признаваться в этом не станет. Более того, когда все выяснится, Фэйли примет оскорбленный вид и посмотрит, как отреагирует Перрин. Пусть знает, что она не из тех неженок, что сторонятся опасности, пусть даже ее настоящее имя намекает на обратное.

Ее фургон, первый в колонне, выехал на мост, ведущий из Тар Валона к Джуалде. На полпути через мост тот задрожал. Придержав лошадей, топавших копытами и мотавших головами, Фэйли глянула за спину и увидела, что качается не только мост, но и дома Тар Валона. Землетрясение?

Другие лошади испуганно ржали, переступая с ноги на ногу. Подводы скрипели и ходили ходуном.

— Надо съехать с моста, леди Фэйли! — крикнул Олвер.

— Он слишком длинный. Мы не выберемся на ту сторону до того, как все кончится, — спокойно ответила Фэйли, пережившая в Салдэйе немало

землетрясений. — Мы скорее пострадаем, если будем ехать дальше. Лучше оставаться здесь. Этот мост строили огиры. Думаю, здесь мы в большей безопасности, чем на твердой земле.

И действительно, когда землетрясение закончилось, мост остался цел и невредим. Фэйли успокоила лошадей, и фургон покатился дальше. Если будет на то воля Света, город не сильно пострадает. Фэйли не знала, обычны ли землетрясения для этих мест. Хотя в такой близости от Драконовой горы должны же время от времени ощущаться толчки или колебания земли, верно?

Однако случившееся землетрясение наводило на неприятные мысли. Поговаривали, что мир теряет устойчивость, что сама земля стонет в унисон с раскатами грома и сверкающими в небесах молниями. Не раз и не два Фэйли слышала рассказы, что на камнях возникает паутина трещин, таких черных, будто за ними нет ничего, кроме вечности.

Когда весь караван выехал из города, Фэйли остановила фургоны неподалеку от наемничьих отрядов, ожидавших, когда придет их черед на Перемещение. Настаивать, чтобы Айз Седай отправили ее подводы в первую очередь, было нельзя; не нужно привлекать лишнего внима-

ния. Придется ждать, хотя промедление изрядно действовало на нервы.

Их караван стоял в очереди последним на сегодня. Через какое-то время к фургону Фэйли подошла Аравин. Олвер подвинулся, освобождая для нее место на сиденье, и Аравин потрепала мальчишку по шевелюре. Многих женщин так и тянуло его приласкать, а парнишка при этом делал самый невинный вид, но обмануть Фэйли не так-то просто; заметив, как Олвер прильнул к женщине, она прищурила глаза. Похоже, этот паренек крепко угодил под влияние Мэта.

— Меня радует наш груз, миледи, — сказала Аравин. — Там столько парусины, что хватит на палатки почти для всей армии. У солдат будет крыша над головой. Но еще нам потребуется кожа. После долгих переходов людям королевы Илэйн понадобятся новые сапоги.

Фэйли рассеянно кивнула. Впереди открылись переходные врата, ведущие на Поле Меррилор. За ними виднелся военный лагерь, куда все прибывали и прибывали войска. Последнюю пару дней потрепанные армии понемногу возвращались, чтобы зализать раны. Три поля сражений, три бедствия разных масштабов. О Свет… Появление шарцев, как и предательство великих капита-

нов, включая отца Фэйли, нанесли силам Света ошеломляющий урон. Они уже потеряли больше трети своих бойцов.

На Поле Меррилор полководцы обсуждали следующий этап битвы, а солдаты чинили доспехи и оружие, ожидая нового боя. Ожидая последнего противостояния.

— …И поэтому нужно больше мяса, — говорила Аравин. — В ближайшие дни надо бы предпринять несколько охотничьих вылазок через переходные врата и посмотреть, не удастся ли найти какую-нибудь дичь.

Фэйли кивнула. Как же славно, что Аравин рядом. Хотя Фэйли просматривала отчеты и навещала квартирмейстеров, благодаря внимательному отношению помощницы эта работа давалась ей куда легче прежнего. Аравин напоминала хорошего сержанта-служаку, готовящего своих солдат к предстоящему строевому смотру.

— Аравин, ты ни разу не отправлялась через переходные врата в Амадицию, чтобы проведать семью, — сказала Фэйли.

— Меня там больше никто и ничто не ждет, миледи.

Аравин упрямо отказывалась признать, что перед тем, как попасть в плен к Шайдо, она бы-

ла знатной леди. Что ж, она хотя бы держалась иначе, чем кое-кто из бывших гай'шайн, с их покорной робостью. Если Аравин решила забыть о прошлом, Фэйли с радостью даст ей такой шанс. Ведь она многим обязана этой женщине.

Пока женщины разговаривали, Олвер слез с козел и ушел поболтать с бойцами Отряда Красной руки, которых он называл «дядюшками». Фэйли покосилась на проезжавшего мимо Ванина. Тот оживленно беседовал с двумя разведчиками из «красноруких».

«Ты неверно толкуешь его поведение, — сказала она себе. — В этом человеке нет ничего подозрительного. Просто ты на взводе из-за Рога Валир».

Однако когда Гарнан спросил, все ли у нее хорошо — он подъезжал к Фэйли каждые полчаса, — она заговорила с ним насчет Ванина.

— Ванин? — переспросил Гарнан, не сходя с коня. — Хороший парень. Временами донимает всех своим нытьем, миледи, но пусть это вас не огорчает. Он наш лучший разведчик.

— Верится с трудом, — призналась Фэйли. — В смысле, с такой-то комплекцией… Неужто он умеет двигаться быстро и бесшумно?

— Вы не поверите, миледи, — усмехнулся Гар-

нан. — Я люблю его поддразнивать, но он мастер своего дела.

— Ну а как у него с дисциплиной? Ничего такого не бывало? — спросила Фэйли, старательно подбирая слова. — Драки? Кражи из чужих палаток?

— С дисциплиной? У Ванина? — Гарнан рассмеялся. — Если позволите ему одолжить фляжку с бренди, он вылакает ее почти до дна. Честно говоря, нельзя исключать, что в прошлом он подворовывал, но чтобы в драку лез… Такого не припомню. Он славный парень. Можете в нем не сомневаться.

Подворовывал? Судя по лицу, Гарнану не хотелось дальше обсуждать эту тему. Фэйли поблагодарила его, но тревожиться не перестала.

Гарнан поднял руку к голове — так своеобразно «краснорукие» отдавали воинский салют — и отъехал в сторону. Миновало три часа, прежде чем к каравану Фэйли подошла Бериша, стройная Айз Седай с грубыми чертами лица. Она прогулялась вдоль вереницы подвод, обводя их критическим взором. Солнце клонилось к закату, и другая Айз Седай, работавшая на площадке для Перемещения, уже вернулась в Тар Валон.

— Груз — провиант и парусина, — сказала Бериша, изучая учетную книгу Фэйли. — Место

назначения — Поле Меррилор. Сегодня мы отправили туда семь караванов. Зачем еще один? Думаю, этот груз пригодился бы кэймлинским беженцам.

— В скором времени на Поле Меррилор начнется грандиозная битва, — ответила Фэйли, еле сдерживаясь. Айз Седай не любят, когда на них повышают голос. — Вряд ли эти припасы окажутся лишними.

— И все равно это перебор, — фыркнула Бериша. Она вечно была чем-то недовольна. Наверное, переживала, что ее не взяли на войну.

— Амерлин придерживается иного мнения, — сказала Фэйли, — так что попрошу открыть переходные врата. Время уже позднее.

«А раз уж речь зашла о переборе, почему бы не вспомнить, что меня заставили тащиться сюда из города и ждать, вместо того чтобы просто отправить груз сразу из владений Белой Башни?»

Но Совет Башни решил выделить отдельную площадку для Перемещения крупных войсковых отрядов и различных грузов и припасов — для того чтобы лучше контролировать, кто покидает Тар Валон и приезжает в город. Фэйли не могла их винить, хотя временами подобные меры предосторожности действовали на нервы.

Бюрократия есть бюрократия. Наконец Бериша приняла сосредоточенный вид, готовясь к открытию переходных врат, но не успела она начать плетение, как под землей что-то зарокотало.

«Только не снова», — вздохнула Фэйли. Ну да ладно. После первого землетрясения нередко бывают небольшие…

Землю пронзило множество черных кристаллических шипов, мигом выросших на десять, а то и все пятнадцать футов. Один проткнул лошадь вместе с сидевшим на ней «красноруким» и устремился к небу, увлекая за собой фонтан крови.

— Пузырь зла! — крикнул оказавшийся неподалеку Гарнан.

Из земли появлялись новые кристаллы толщиной то с копье, то с человека. Фэйли отчаянно вцепилась в поводья, пытаясь удержать ошалевших лошадей, но животные прянули в сторону, и фургон едва не опрокинулся, когда девушка потянула вожжи на себя.

Кругом царило безумие. Бритвенно острые шипы пробивались из земли целыми рощами. Кристаллы раздробили левый борт одной из подвод, и съестные припасы высыпались на мертвую траву; другие телеги перевернулись, поскольку

впряженные в них лошади дико бились в упряжи, обезумев от страха. Шипы вырастали по всему пустому полю. Из деревни у моста, ведущего в Тар Валон, доносились истошные вопли.

— Врата! — закричала Фэйли, еле сдерживая лошадей. — Быстрей!

Бериша отскочила от шипов, выросших у ее ног, побледнела, бросила взор на кристаллы, и только сейчас Фэйли разглядела, как под их черной оболочкой клубятся какие-то смутные тени. Они походили на что-то вроде дыма.

Кристаллический клинок пробил Берише стопу. Женщина с криком упала на колени в тот миг, когда воздух рассекла светящаяся линия. Благодарение Свету, Айз Седай сумела удержать плетение, и — казалось, с ледяной медлительностью — яркая полоска развернулась в проем, достаточно широкий для грузовой подводы.

— Во врата! — крикнула Фэйли, но ее голос затерялся во всеобщем гвалте.

Слева, совсем рядом, выросли новые кристаллы, осыпав ее лицо комьями земли. Лошади затанцевали, потом сорвались на галоп. Чтобы не позволить им полностью выйти из-под контроля, Фэйли направила упряжку к переходным вратам, но прямо перед ними заставила животных

остановиться.

— Врата! — снова крикнула она.

И снова ее почти никто не услышал. К счастью, «краснорукие» подхватили ее возглас и помчались вдоль охваченной хаосом колонны, хватая лошадей за поводья и направляя фургоны в сторону переходных врат. Другие помогали подняться тем, кого швырнуло на землю.

Мимо проскакал Гарнан с Олвером на руках. За ним — Сандип, к чьей спине прижималась Сеталль Анан. Шипы возникали все чаще. Один вымахал совсем рядом с Фэйли, и та с ужасом поняла, что у наполнявших его клубов дыма имеется форма. То корчились в муках мужчины и женщины, заточенные в черных кристаллах.

Охваченная паникой, Фэйли отпрянула. Последняя из уцелевших подвод прогромыхала через переходные врата. Еще немного — и на поле не останется ничего, кроме бритвенно острых шипов. Тут и там «краснорукие» помогали раненым взобраться на коней, но тут из кристаллов во все стороны устремились колючие отростки. Два человека, до которых они дотянулись, упали. Медлить было нельзя. Подбежавшая Аравин выхватила у Фэйли поводья, собираясь увести ее фургон в безопасное место.

— Бериша! — воскликнула Фэйли.

Айз Седай так и стояла на коленях возле сплетенных ею переходных врат. По бледному лицу струился пот. Аравин потянула лошадей за поводья, а Фэйли, спрыгнув с козел, схватила Беришу за плечо:

— Идем! Я понесу вас на руках!

Женщина покачнулась, упала на бок, держась за живот, и Фэйли содрогнулась, увидев, что из-под пальцев у нее струится кровь. Беззвучно шевеля губами, Бериша смотрела в небо.

— Миледи! — подлетел к Фэйли Мандеввин. — Плевать, куда они ведут! Бежим!

— Что…

И тут кристаллы начали взрываться. Мандеввин подхватил Фэйли за талию, втащил на коня и галопом умчался на другую сторону врат.

Мгновением позже те схлопнулись.

Мандеввин опустил Фэйли на землю. Тяжело дыша, девушка уставилась на место, где только что были переходные врата.

И только теперь до нее дошел смысл его слов. «Плевать, куда они ведут…» Мандеввин заметил то, чего не увидела Фэйли, охваченная паническим стремлением спасти караван.

Эти переходные врата открылись не на Поле

Меррилор.

— Где… — прошептала Фэйли, в своем потрясении присоединяясь к остальным, разглядывавшим чудовищный пейзаж. Изнуряющая жара, усеянные черными пятнами растения, зловонный воздух…

Они очутились в Запустении.

Авиенда хрустела овсяными хлопьями, смешанными с медом. Вкусно. Если рядом Ранд, то это значит, что еда не портится.

Она потянулась за фляжкой, затем передумала. Последнее время она пила слишком много воды, почти не задумываясь о ее ценности. Что, уже забыла уроки, усвоенные при возвращении в Трехкратную землю, когда она отправилась в Руидин?

«О Свет! — подумала она, поднося фляжку ко рту. — Кому какое дело? Это же Последняя битва!»

Авиенда сидела на полу в просторной айильской палатке в долине Такан’дар. Рядом уминала свой паек Мелэйн, почти уже готовая разродиться близнецами. Ее живот выпирал из-под платья и шали. По примеру Дев, которым запрещено сражаться во время беременности, Мелэйн тоже велели держаться в стороне от опасных дел, и

поэтому она вызвалась работать в Майене, в лазарет Берелейн, что не мешало ей регулярно проверять, как обстоят дела на поле боя. Многие гай'шайн, пришедшие в долину через переходные врата, помогали по мере возможности — хотя могли они немногое, разве что таскали воду или носили землю для валов, которые возводили по приказу Итуралде, чтобы обороняющиеся имели хоть какое-то укрытие.

Здесь же завтракали Девы, переговариваясь на языке жестов. Авиенда могла бы прочесть их разговор, но не стала. Иначе захотела бы присоединиться к нему. Теперь же она — Хранительница Мудрости, отринувшая прежнюю жизнь, но это не означает полного очищения от зависти. Поэтому она вытерла деревянную миску, сунула ее в мешок с другими своими пожитками и выскользнула из палатки.

Ночной воздух был холоден. Еще один час — и взойдет солнце. Ночью долина очень походила на Трехкратную землю. Авиенда подняла взгляд на высоченную гору, господствующую над долиной. Даже в предрассветных сумерках виден был вход в Бездну Рока.

Ранд вошел в пещеру несколько дней назад, а прошлой ночью обратно в лагерь прибрел Иту-

ралде. Он рассказал, как его похитили волки и какой-то человек, утверждавший, что действует по приказу Перрина Айбара. Потом Итуралде безропотно позволил взять себя под стражу.

Вчера троллоки не нападали весь день. Защитники ущелья по-прежнему не пускали их в долину. Казалось, Тень чего-то ждет. Да ниспошлет Свет, чтобы не было еще одной атаки мурддраалов. Прошлая едва не заставила забыть о всяком сопротивлении. Когда Безглазые набросились на людей, оборонявших выход из ущелья, Авиенда собрала тех, кто обладал способностью направлять, и решила устроить мурддраалам достойную встречу. Должно быть, те сообразили, что подставляться всей гурьбой неразумно, и при первых же плетениях удрали обратно в каньон.

Так или иначе, но сейчас Авиенда наслаждалась редкой возможностью отдохнуть и относительным спокойствием между атаками. Она не отводила глаз от пещеры, в которой сражался Ранд. Из недр горы исходила тяжелая пульсация, могучие волны Силы. Снаружи прошло несколько дней — а внутри? День? Часы? Минуты? Спустившись с горы, Девы, несшие на протяжении четырех часов караул у ведущей в пещеру тропы, обнаруживали, что в долине

прошло восемь часов.

«Надо драться, — подумала Авиенда. — Мы обязаны сдержать врага. Чем больше времени мы выиграем для Ранда, тем лучше».

По крайней мере, она чувствовала, что он еще жив. И как ему больно.

Она отвела взгляд от черного зева.

И тут же поняла, что в лагере направляет Силу какая-то женщина. Ощущение было едва заметным, но Авиенда нахмурилась. В такой час, да еще когда не кипит сражение, направлять могли лишь на площадке для Перемещения, но та находилась в другой стороне.

Ругаясь себе под нос, Авиенда направилась в лагерь, намереваясь проверить, что происходит. Должно быть, опять это кто-то из не занятых делом Ищущих Ветер. На горной гряде, окаймлявшей долину с севера, они посменно дежурили возле Чаши Ветров, чтобы держать бурю под постоянным контролем. Их охранял внушительный отряд Морского народа. Для смены дежурных они пользовались переходными вратами.

Свободные от своих обязанностей Ищущие Ветер коротали время в армейском лагере. Из раза в раз Авиенда втолковывала им, что в долине запрещено направлять Силу без веской на

то причины. Но кто бы мог подумать, что после многолетних пряток от Айз Седай — лишь бы те не узнали об их способностях — эти женщины окажутся настолько несдержанными! Если кто-то из них сейчас направляет Силу, чтобы согреть себе чаю, Авиенда отправит глупышку к Сорилее — поучиться уму-разуму! В лагере должен быть порядок!

Она застыла на месте. Нет, ощущение Силы определенно исходило не из кружка палаток, обжитых Ищущими Ветер.

Что же это? Нападение? Повелительница ужаса или Отрекшаяся вполне могла предположить, что в лагере, полном Айз Седай, Ищущих Ветер и Хранительниц Мудрости, никто не обратит внимания на легкое прикосновение к Источнику. Авиенда тут же присела за ближайшей палаткой, чтобы не попасть под свет висевшего на шесте фонаря. Еще одна тонюсенькая струйка Силы, едва заметная… Девушка осторожно двинулась вперед.

«Если кто-то греет воду для ванны…»

Она пробиралась меж палатками, а приблизившись к месту, где направляли Силу, разулась и обнажила кинжал. Авиенда не могла рисковать и обнять Источник, иначе она выдаст себя той,

на кого охотилась.

На самом деле лагерь не спал. Свободные от караулов и лагерных обязанностей воины сетовали, что уснуть здесь непросто. К тому же их мучили кошмарные сны, и усталость среди бойцов, в том числе и Дев, становилась реальной проблемой.

Авиенда бесшумно скользила меж палатками, обходя те, где горел свет. От этого места всем не по себе. Неудивительно, что людям здесь снятся кошмары. Как вообще можно безмятежно спать в такой близости от обиталища Темного?

Умом она понимала, что Темного здесь нет, что он не заключен в Скважине. Он вовсе не пребывает здесь, но существует за пределами Узора, в своем узилище, но стоило улечься на одеяла, как появлялось чувство, что над тобой стоит убийца с ножом в руке и прикидывает, какого цвета у тебя волосы.

«Здесь», — определила она, приостановившись. Направлять Силу прекратили, но Авиенда была уже близко. Из-за возможного нападения драгкаров, а также опасений, что ночью в лагерь проникнет мурддраал, офицеров расселили по всему биваку, в ничем не примечательных палатках — так что по виду и не скажешь, кто в ней находится — военачальник или простой пехо-

тинец. Но Авиенда знала, что стоит у походного жилища Дарлина Сиснеры.

Теперь, когда Итуралде вышел из игры, войсками в сражении формально командовал Дарлин. Полководцем он не был, но армия тайренцев с ее элитным отрядом Защитников Твердыни составляла костяк обороны. Командир Защитников, Тихера, неплохо разбирался в тактике, и Дарлин прислушивался к его советам. Даже не будучи великим капитаном, Тихера проявлял незаурядный ум. С недавних пор, после падения Итуралде, они с Дарлином и Руарком разрабатывали собственный план сражения…

Во мраке Авиенда чуть было не прошла мимо трех фигур, затаившихся впереди, возле самой палатки Дарлина. Они — почти невидимые, и даже не понять, во что одетые, — общались на языке жестов, не издавая ни звука. Авиенда подняла нож, но тут небо рассекла молния, осветив одного из этой троицы. На нем была вуаль. Айилец.

«Они тоже заметили чужаков», — решила Авиенда и с этой мыслью приблизилась к ним. Подняв руку, чтобы соплеменники впотьмах не приняли ее за врага, она прошептала:

— Я почувствовала, что здесь направляют Силу. Вряд ли это кто-то из наших. Что вы заметили?

Все трое смотрели на нее, будто в ошеломлении, хотя лиц их Авиенда не видела.

А затем они бросились на нее.

Авиенда, ругаясь, отскочила от выставленных копий и увернулась от брошенного в нее ножа. Приспешники Темного? Айильцы? Она чувствовала себя круглой дурой. Головой надо было думать, головой!

Она потянулась к Истинному Источнику. Если рядом Повелительница ужаса, она мгновенно засечет Авиенду, но тут уж ничего не поделаешь. Сперва надо выжить в бою с этой троицей.

Однако стоило ей обратиться к Источнику, как между нею и Единой Силой со щелчком встал барьер, хотя плетений для этого щита Авиенда не видела.

Кто-то из мужчин умел направлять Силу. Повинуясь инстинкту, Авиенда придушила панику и, вместо того чтобы тщетно пробиваться к Истинному Источнику, ринулась на ближайшего противника. Отбив копье свободной рукой и не обращая внимания на боль от скользнувшего по ребрам наконечника, она подтянула врага к себе и вонзила кинжал ему в горло.

Тут один из оставшихся двух выругался, и Авиенда вдруг обнаружила, что ее спеленали пле-

тениями Воздуха, да так, что ни шевельнуться, ни слова сказать. Из раны в боку, пропитывая блузу, сочилась кровь, а тот, кого она ударила ножом, хрипел и корчился на земле, пока не умер. Другие двое даже не попытались ему помочь.

Один из приспешников Темного шагнул вперед — гибкий, почти невидимый во тьме. Взял Авиенду за подбородок, вгляделся ей в лицо и махнул рукой второму, после чего рядом появилась тусклая светящаяся сфера. Теперь он мог получше рассмотреть ее. А она — их. Вуали у этих Айил были красного цвета, но тот, что стоял ближе, опустил свою перед боем. Зачем? Это еще что? Айил — по крайней мере те, кого знала Авиенда, — так не поступают. Может, они из клана Шайдо? Примкнули к силам Тени?

Ближний заговорил с товарищем на языке жестов. Примерно так общаются между собой Девы. Так, но не совсем. Второй кивнул.

Авиенда забилась в невидимых путах, закусила воздушный кляп, попыталась силой воли сокрушить преграду между нею и Источником. Стоявший справа — он был повыше второго и, по всей видимости, удерживал щит — хрипло задышал. Казалось, пальцы Авиенды вцепились в почти закрывшуюся дверь, а там, за этой

дверью, — свет, тепло и сила, но преграда не сдвинулась ни на дюйм.

Высокий прищурился, потушил светящуюся сферу, и все трое погрузились во тьму. Авиенда услышала, как стоявший перед ней айилец вытаскивает из чехла за спиной копье.

Звук шагов. Двое в красных вуалях развернулись. Авиенда смотрела во все глаза, но так и не поняла, кто идет.

Мужчины замерли в полной неподвижности.

— Что здесь происходит? — осведомился женский голос.

Кадсуане. Она приблизилась, повыше подняла фонарь, но мужчина, державший Авиенду в путах, успел оттащить ее в тень, и Кадсуане увидела только одного айильца, стоявшего у самой тропинки. Тот вышел из тени, также опустив вуаль.

— Мне послышался какой-то шум, Айз Седай. Здесь, рядом с палаткой. — Его говор звучал как-то странно. Непривычный акцент, но едва заметный. Мокроземцам не услышать разницы.

«Они не из Айил, — подумала Авиенда. — Какие-то другие люди». Осмыслить такое непросто. Айильцы, которые не Айил? Мужчины, умеющие направлять Силу?

«Те, кого мы отсылаем прочь», — с ужасом

поняла она. Когда среди Айил обнаруживались мужчины, способные направлять Силу, их отсылали убить Темного. Поодиночке они уходили в Запустение, и никто не знал, что с ними случалось потом.

Авиенда снова задергалась в невидимых путах, пытаясь издать хоть какой-то звук и предупредить Кадсуане, но ее старания оказались тщетны. Она висела в воздухе, во мраке, и Кадсуане даже не смотрела в ее сторону.

— Ну и что ты обнаружил? — спросила она у мужчины.

— Ничего, Айз Седай.

— Поговорю с караульными, — недовольно промолвила Кадсуане. — Надо смотреть в оба. Если в лагерь сумеет пробраться драгкар — или, хуже того, мурддраал, — погибнут десятки людей, прежде чем мы успеем принять меры.

Она развернулась и ушла. Авиенда тряхнула головой. На глаза ей навернулись слезы отчаяния. Так близко!

Человек с красной вуалью, разговаривавший с Кадсуане, вернулся с тропинки в тень, направляясь к девушке. Сверкнула молния, и Авиенда успела увидеть у него на губах улыбку. Точно так же улыбался и тот, кто держал ее в плену.

Первый вытянул из-за ремня кинжал и поднес его к горлу Авиенды, беспомощно смотревшей на клинок.

Тут она почувствовала, как кто-то творит плетение.

Путы вмиг исчезли, и Авиенда упала на землю, мельком заметив, как тот, что с кинжалом, изумленно раскрыл глаза. Хотя она, повинуясь слепому, обезумевшему инстинкту, уже обняла Источник, ее руки пришли в движение. Она сломала мужчине запястье, а когда тот заголосил от боли, обезоружила и вонзила нож ему в глаз.

Крик оборвался. Человек с красной вуалью упал к ногам Авиенды, и она с тревогой взглянула на второго — того, что удерживал ее плетением. Он лежал на земле и был мертв.

Задыхаясь, Авиенда метнулась к тропинке, где обнаружила Кадсуане.

— Остановить человеческое сердце проще простого, — заметила Айз Седай, сложив руки на груди. Казалось, она чем-то недовольна. — Это очень похоже на Исцеление, только с обратным эффектом. Говорят, это скверное плетение, но я никогда не понимала, чем оно отличается от сожжения людей Огнем.

— Но как?! — спросила Авиенда. — Как вы по-

няли, кто они такие?

— В отличие от дичков, я обучена по всем правилам, — ответила Кадсуане. — Предпочла бы убить их сразу же, как впервые их увидела, но сперва надо утвердиться в подозрениях, а потом уже действовать. Когда тебе стали грозить ножом, сомнений у меня не осталось.

Авиенда сделала вдох и выдох, пытаясь унять сердцебиение.

— Ну и, конечно, тот, второй, — продолжила Кадсуане, — который направлял Силу. Выходит, айильские воины втайне способны владеть Силой? Много ли таких? Это отклонение от нормы или ваш народ скрывает их существование?

— Что? Нет! Ничего мы не скрываем! По крайней мере, раньше такого не было. — Авиенда точно не знала, как обстоят дела теперь, после очищения Источника. Ясно одно: мужчин уже не нужно отправлять на верную смерть в схватке с Темным.

— Ты уверена? — флегматично спросила Кадсуане.

— Да!

— Жаль. Сейчас это стало бы для нас огромным подарком. — Она покачала головой. — После Ищущих Ветер я уже ничему не удивляюсь. Вы-

ходит, это были заурядные приспешники Тени, один из которых скрывал свои способности направлять? И что же они тут ночью затевали?

— Они кто угодно, только не обыкновенные приспешники Темного, — прошептала Авиенда, осматривая трупы. Красные вуали. У того, который мог направлять Силу, зубы, в отличие от двух других, были подпилены и им была придана треугольная форма. Что бы это значило? — Надо оповестить всех в лагере, — продолжила Авиенда. — Нельзя исключать, что эти трое просто заявились сюда у всех на виду. Многие караульные-мокроземцы не окликают айильцев, предполагая, что все мы служим Кар'а'карну.

Для большинства мокроземцев все Айил одинаковы. Как же это глупо, хотя… Если честно, Авиенда, взглянув на них, поначалу тоже сочла их союзниками. Когда же она изменилась? Каких-то два года назад, заметив неприкаянного и незнакомого *алгай'д'сисвай*, она сразу же напала бы на него.

Авиенда продолжала осматривать мертвецов. При каждом — нож, лук и копья. Однако мысли нашептывали, что она что-то упускает. И вдруг вспомнила.

— Здесь направляла женщина! — Она подняла

глаза. — Меня привлекли плетения женщины, Айз Седай. Это были вы?

— Я обратилась к Источнику, только чтобы убить этого человека, — сдвинула брови Кадсуане.

Авиенда тут же метнулась в тень и приняла боевую стойку. Чего ждать теперь? Хранительницы Мудрости на службе у Тени? Под хмурым взглядом Кадсуане девушка отправилась дальше на разведку. Миновала палатку Дарлина, рядом с которой жались под фонарями солдаты, отбрасывая пляшущие тени на парусину. Затем на тропинке ей встретился патруль. Бойцы шагали молчаливой тесной группой, с факелами в руках — стало быть, в темноте ничего не видят.

Она расслышала разговор тайренских офицеров — мол, как же хорошо, когда не надо беспокоиться, что часовые заснут на посту. С этими молниями, не столь уж и далекими барабанами троллоков и неожиданными набегами отродий Тени, стремящихся проникнуть в лагерь… солдаты понимали, что лучше быть настороже. В морозном воздухе пахло дымом, к которому примешивалось зловоние троллочьих лагерей.

Наконец Авиенда, отчаявшись отыскать таинственную женщину, отказалась от дальнейшей

охоты и вернулась обратно тем же путем. Там она обнаружила, что Кадсуане говорит с какими-то солдатами, но, когда собралась было подойти к Айз Седай, заметила вдруг неподалеку какое-то темное пятно и мгновенно насторожилась. «Вот она-то и направляет Силу».

Авиенда тут же начала готовить щит. Та, что скрывалась во тьме, сплела тесьму Огня и Воздуха и запустила ею в Кадсуане. Авиенда, бросив затею с созданием щита, вместо него сотворила прядь Духа и рассекла ею вражеское плетение, едва только оно было выпущено.

Девушка услышала ругательство, и к ней устремился созданный на скорую руку цветок огня. Авиенда пригнулась, и плетение, шипя в холодном воздухе, пронеслось у нее над головой. Когда жаркая волна схлынула, женщина выскользнула из-под прикрытия теней — должно быть, рассыпалось ее маскировочное плетение, — и Авиенда узнала ту, кого уже видела, с лицом едва ли не уродливее троллочьей морды.

Незнакомка метнулась к ряду палаток, и в тот же миг за спиной у нее взорвалась земля. Это плетение сотворила не Авиенда. В следующий миг женщина, как и прежде, словно бы съежилась, а затем ее не стало. Она просто исчезла.

Авиенда опасливо выпрямилась, затем повернулась к подошедшей Кадсуане.

— Спасибо, — проворчала та. — За то, что уничтожила ее плетение.

— В таком случае мы квиты, — заметила Авиенда.

— Квиты? В смысле — свели счеты? Нет. Для начала проживи еще несколько сотен лет, дитя мое. Но признаю, что благодарна тебе за вмешательство. — Помолчав, Кадсуане нахмурилась и добавила: — Эта женщина исчезла.

— Она уже выкидывала подобный фокус.

— Подобный способ Перемещения нам неизвестен, — с озабоченным видом сказала Кадсуане. — Я не заметила потоков Силы. Быть может, тер'ангриал? Он…

Над передовыми отрядами к небу взвился луч красного света. Троллоки пошли в атаку. В тот же миг Авиенда почувствовала, как в разных местах лагеря создают сразу несколько плетений — одно, второе, третье… Она покрутила головой, пытаясь найти каждое местоположение. Их было пять.

— Направляют Силу, — подобралась Кадсуане. — Десятки человек.

— Десятки? Я почувствовала пятерых.

— По большей части это мужчины, глупое

дитя. — Кадсуане взмахнула рукой. — Ступай! Собери остальных.

С криком «Тревога!» Авиенда сорвалась с места. Позже она скажет Кадсуане пару ласковых насчет этого приказного тона. Может быть. Обычно «сказать пару ласковых» Кадсуане означает выставить себя на посмешище. Когда Авиенда вбежала в айильскую часть лагеря, Эмис и Сорилея уже кутались в шали, поглядывая на небо. Из стоявшей рядом палатки на нетвердых ногах вышел Флинн.

— Мужчины? — непонимающе спросил он, щуря затуманенные глаза. — Способные направлять Силу? Что, прибыли новые Аша'маны?

— Это вряд ли, — ответила Авиенда. — Эмис, Сорилея, мне нужен круг.

Обе, глядя на девушку, заломили бровь. Пусть она теперь одна из них и Кар'а'карн назначил ее главной, но, если напоминать об этом Сорилее, в итоге Авиенду закопают в песок по самое горло. Поэтому она тут же добавила:

— Если вы не против.

— Как скажешь, Авиенда, — кивнула Сорилея. — Я поговорю с остальными и отправлю их к тебе, так что круг ты получишь. Попомнив твои недавние слова, я бы предложила создать сразу

два круга. Так будет лучше.

«Вот же упрямая! Прямо как Кадсуане», — подумала Авиенда. У этих двоих даже деревья могли бы поучиться терпению. Способностями в Силе Сорилея не отличалась — по сути дела, она едва могла направлять, — так что разумнее будет последовать ее совету и дождаться остальных.

Сорилея принялась созывать других Хранительниц Мудрости и Айз Седай. Изводясь от тревоги, Авиенда ждала, пока все соберутся. Из долины уже доносились истошные вопли и оглушительные взрывы. Огненные потоки взмывали к небу, а затем обрушивались на землю.

— Сорилея, — шепнула Авиенда старшей Хранительнице Мудрости, когда женщины начали формировать круг, — в лагере на меня только что напали трое мужчин из Айил. В предстоящем бою мы, скорее всего, встретимся с другими Айил — теми, кто примкнул к Тени.

Сорилея резко повернула голову и посмотрела Авиенде в глаза:

— Объясни.

— Думаю, это те люди, которых мы отправляли убить Ослепляющего, — сказала Авиенда, и Сорилея тихонько зашипела:

— Если это так, дитя мое, тогда эта ночь предъ-

явит нам великий тох — как перед Кар'а'карном, так перед всем миром.

— Знаю.

— Извести меня, — сказала Сорилея. — Я организую третий круг. Быть может, в него войдут Ищущие Ветер, свободные от работы с Чашей Ветров.

Авиенда кивнула, а затем приняла переданный ей контроль над кругом, куда входили три Айз Седай, поклявшиеся в верности Ранду, и две Хранительницы Мудрости. Вместо того чтобы взять в круг Флинна, Авиенда велела ему быть начеку. Заметив плетение саидин, он должен был указать, откуда оно исходит. Нельзя исключать, что, будучи в кругу, он не сможет выполнить это поручение.

Подобно отряду из сестер по копью, они тронулись с места, минуя группы Защитников Твердыни. Те надевали блестящие кирасы поверх форменных курток с широкими полосатыми рукавами. В одном из отрядов выкрикивал приказы король Дарлин.

— Минутку, — сказала Авиенда остальным и подбежала к тайренцу.

— …Всех до последнего! — говорил командирам Дарлин. — И следите за единством рядов! Нельзя

допустить, чтобы эти монстры просочились в долину!

Похоже, когда началась атака, Дарлин спал, поскольку теперь стоял среди солдат в одних только штанах и белой нижней рубашке. Растрепанный слуга протягивал ему кафтан, но король отвернулся от него, выслушивая подбежавшего посыльного.

Заметив Авиенду, Дарлин решительным жестом подозвал ее к себе. С тяжелым вздохом слуга опустил кафтан и перекинул его через руку.

— Не думал, что сегодня ночью они пойдут в атаку. — Дарлин глянул на небо. — Ах да, уже утро. От разведчиков приходят очень путаные донесения. Такое чувство, что меня отправили в курятник, полный сумасшедших кур, приказав поймать среди них птицу с единственным черным пером.

— В этих донесениях не упоминаются Айил, сражающиеся на стороне Тени? — спросила Авиенда. — Быть может, такие, кто может направлять?

— А что, такие бывают? — резко взглянул на нее Дарлин.

— Да.

— Еще и троллоки… Налегают изо всех сил,

пытаясь прорваться в долину, — проворчал Дарлин. — Если их поддержат эти айильские Повелители ужаса, у нас не будет ни единого шанса. Разве что вы и ваши подруги дадите им отпор.

— Уже идем, — кивнула Авиенда. — Пошлите за Эмис и Кадсуане, чтобы было кому открыть переходные врата. Но должна предупредить, что неподалеку от вашей палатки я поймала Повелителя ужаса.

— Спервa Итуралде, а теперь… — Дарлин побледнел. — О Свет! Они не коснулись меня. Клянусь. Я… — Он потер виски. — Что же делать, если нельзя доверять даже собственному разуму?

— Этот танец с копьями должен быть простым. Как можно проще, — сказала Авиенда. — Ступайте к Руарку, соберите своих вождей. Составьте план, как вы хотите вместе противостоять Тени — но так, чтобы битвой руководил не один человек, а несколько. Придерживайтесь своего плана и не вздумайте менять его по ходу дела.

— Это может привести к катастрофе, — возразил Дарлин. — Если не подстраиваться под обстоятельства…

— Какие еще обстоятельства? — мрачно спросила Авиенда. — Мы держим оборону. Изо всех сил. Не отступаем и не придумываем хитрых

ходов. Просто стоим как вкопанные.

— Дев через переходные врата отправим наверх, на те склоны, — кивнул Дарлин. — Пусть уничтожают троллоков, обстреливающих наших ребят. А те, кто направляет Силу у врага? Вы с ними справитесь?

— Да.

Вернувшись к своему кругу, Авиенда начала черпать энергию из общего потока. Чем больше Единой Силы ты удерживаешь, тем труднее отсечь тебя от Истинного Источника, и девушка намеревалась вобрать ее столько, чтобы никто не сумел оградить ее щитом.

Беспомощность. Ее Авиенда терпеть не могла. Чувствуя, как разгорается гнев, подпитываемый воспоминаниями о прошлом, она повела свой отряд к ближайшему источнику мужских плетений, обнаруженному Флинном.

Глава 34. По течению

Ранд стоял в месте, которого не было.

В месте за пределами времени, за пределами самого Узора.

Со всех сторон его окружало безграничное ничто. Оголодавшее, ненасытное, прожорливое небытие. Теперь Ранд видел сам Узор. Он походил на многие тысячи тысяч перекрученных мерцающих лент света; они колебались, сплетались и расплетались, волнами извивались вокруг него и над ним. По крайней мере, так представшую перед ним картину интерпретировал его разум.

Все, что когда-либо произошло, и все, что может случиться или не случиться… Все это находилось

прямо здесь, перед ним.

Ранду не дано было осмыслить увиденное. Вездесущая тьма присосалась к нему, тянула его к себе. Ранд, в свою очередь, потянулся к Узору и каким-то образом скрепился с ним, чтобы не стать пищей для пустоты.

Это помогло ему сосредоточиться и хотя бы отчасти воссоединиться с ходом времени. Рисунок перед ним пошел рябью, и Ранд увидел, как в нем появляются новые плетения. Он понимал, что на самом деле Узор выглядит не так, но его разум воспринимал его именно таким образом. Делал знакомым, как будто подробно описанным, в виде бесчисленного множества нитей, сплетающихся воедино, где каждая нить — это человеческая жизнь.

Зацепившись за реальность, Ранд позволил ей увлечь себя; время снова обрело смысл, и теперь он не мог видеть ни прошлого, ни будущего. Лишь настоящее, причем сразу весь мир, словно человек, что стоит над вращающимся глобусом.

— Так вот оно, место, где все произойдет на самом деле, — обратился Ранд к пустоте. — Из-за Моридина я чуть не поверил, что все решит простая схватка на мечах.

— ОН ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ. НО ЕГО ГЛАЗА

МАЛЫ.

— Да, — сказал Ранд. — Я тоже это заметил.

— НЕБОЛЬШИЕ ИНСТРУМЕНТЫ БЫВАЮТ ЭФФЕКТИВНЫ. ТОНЧАЙШИЙ ИЗ НОЖЕЙ СПОСОБЕН ОСТАНОВИТЬ СЕРДЦЕ. ОН ПРИВЕЛ ТЕБЯ СЮДА, СОПЕРНИК.

В прошлый раз, когда Ранд носил имя Льюса Тэрина, такого не было. Не иначе, хороший знак.

Теперь битва началась по-настоящему. Он заглянул в ничто, почувствовал, как оно сгущается. А потом — внезапно, как налетевшая буря, — Темный обрушил на него всю свою силу.

Привалившись спиной к дереву, Перрин тяжело дышал. Стрела Губителя прошила ему плечо, и ее наконечник торчал из спины. Он не осмеливался вытащить ее, только не…

Перрин не знал, что делать. Мысли были какими-то вялыми, апатичными. Где он? Он перенес себя прочь от Губителя, как можно дальше, но… не узнавал места, где оказался. Таких деревьев, со странными кронами, с обилием листьев на макушках, он прежде не видел, а буря… Здесь она была почти незаметной.

Он поскользнулся, упал и охнул от жгучей боли в плече. Перекатился на спину, уставился в небо. При падении стрела сломалась.

«Это… Это же волчий сон. Я могу сделать так, чтобы стрела исчезла».

Он попробовал сосредоточиться, но сил почти не осталось. Понимая, что вот-вот лишится чувств, Перрин стал мысленно ощупывать пространство в поисках волков. Нескольких нашел, и они ответили изумлением:

Двуногий умеет говорить? Как это? Кто ты такой?

Похоже, их испугала его натура, и они вытолкнули Перрина из своего сознания. Почему же эти волки не знают, кто он такой? У волков долгая, очень долгая память… Ну да… Конечно…

«Фэйли, — подумал он. — Такая умная и красивая… Мне надо к ней. Но сперва я должен… должен закрыть эти Путевые врата… А затем вернусь к ней в Двуречье…»

Он перевернулся на живот, встал на колени. Что это на земле, его кровь? Так много, и такая красная… Перрин в изумлении смотрел на нее.

— Так вот ты где!

Женский голос. Ланфир. Перрин поднял голову. В глазах все плыло.

— Итак, он одолел тебя, — скрестила руки Ланфир. — Я разочарована. Не хотелось выбирать его из-за отсутствия других вариантов. Тебя я нахожу

куда более привлекательным, волк.

— Прошу… — хрипло простонал Перрин.

— Соблазнительная мысль, но не стоит поддаваться искушению, — сказала Ланфир. — Ты доказал свою слабость.

— Я… Я могу победить его.

Вдруг на Перрина обрушился весь позор поражения на глазах у Ланфир. Когда же его начало волновать мнение этой женщины? Он попробовал вспомнить, но не сумел.

Она постукивала пальцем по локтю.

— Прошу… — поднял руку Перрин. — Умоляю.

— Нет, — отвернулась Ланфир. — Я умею учиться на ошибках и не стану дарить свое сердце тому, кто его не заслуживает. Прощай, волчонок.

Она исчезла, а Перрин так и остался стоять на четвереньках в этом странном месте.

«Фэйли, — прозвучал голос в самых отдаленных уголках сознания. — О Ланфир не беспокойся. Ступай к Фэйли».

Да… Да, он может пойти к ней, разве нет? Где она? На Поле Меррилор. Там он с ней расстался. Она должна быть там. Собравшись как-то с последними силами, Перрин *сдвинулся* туда. Но Фэйли там не нашел. Разумеется. Ведь он в волчьем сне.

Портал, открытый по приказу Ранда. Он должен быть здесь. Надо лишь найти его. Надо лишь… Надо…

Снова упав на землю и перевернувшись на спину, он уставился в беспокойное небо. В глазах темнело, и Перрин понял, что уплывает в небытие. «Хотя бы… Я хотя бы помог Ранду», — подумал он.

Волки сумеют удержать Шайол Гул в мире снов — верно? Они защитят Ранда… Ведь у них нет выбора.

Фэйли подбросила хворостину в чахлый костерок. Стемнело, и огонь светился тусклым красным светом. Развести нормальный костер они не рискнули. По Запустению бродят смертоносные твари, в сравнении с которыми троллоки — наименьшее из зол.

В воздухе стояла едкая вонь, и за каждым кустом, покрытым черными пятнами, Фэйли ожидала найти гниющий труп. Земля под сапогами трескалась и рассыпалась в пыль, словно дождя здесь не было несколько столетий. Сидя в лагере, Фэйли заметила, как вдалеке, над рощицей голых деревьев, промчалось скопление тошнотворно-зеленых огоньков. Она много чего слышала о Запустении, а потому старалась не

дышать, пока этот рой светлячков не скрылся из вида. Фэйли не знала, да и не хотела знать, что они собой представляют.

После недолгого перехода ее отряд нашел место для лагеря. Пока они шли, одного из грузчиков убила какая-то ветка, а другой погиб, наступив на нечто, выглядевшее как грязь, и та растворила ему ногу. Несколько капель этой грязи попали ему на лицо. Бедняга бился в конвульсиях и страшно кричал, пока не умер.

Другим пришлось заткнуть ему рот, чтобы на шум не сбежались какие-нибудь кошмарные создания.

Запустение. Им здесь не выжить. После обычной прогулки они недосчитались двоих, а Фэйли предстояло защитить несколько сотен человек — охранников из Отряда, бойцов из Ча Фэйли, возчиков, грузчиков и рабочих из каравана с припасами. Восемь подвод все еще были на ходу. Пока что их оставили у лагеря, но эти громадины слишком уж заметные. Придется их бросить.

Фэйли даже не была уверена, переживут ли они эту ночь. О Свет! Пожалуй, оставалось надеяться только на Айз Седай. Поймут ли они, что случилось? Пришлют ли помощь? Шанс призрачный, но мало ли… Как знать, на что они способны?

Сама Фэйли мало что знала о Единой Силе.

— Ну что ж, — тихо обратилась она к собравшимся возле нее у костра Мандеввину, Аравин, Гарнану, Сеталль и Арреле из Ча Фэйли. — Давайте поговорим.

Все осунулись и походили на призраков. Наверное, их, как и Фэйли, в детстве пугали рассказами о Запустении, а теперь, когда двое товарищей погибли, едва оказавшись в этих землях, детские страхи стали реальностью. Поняв, насколько здесь опасно, все дергались при каждом ночном шорохе.

— Объясню, что смогу, — продолжила Фэйли, пытаясь отвлечь спутников от ощущения вездесущей смерти. — Когда появился пузырь зла, один из тех кристаллических шипов пронзил ногу Берише Седай, когда она открывала переходные врата.

— То есть ее ранило? — спросил Мандеввин, глядя в костер. — И этого оказалось достаточно, чтобы открыть переходные врата не туда? Честно говоря, я мало чего понимаю в делах Айз Седай, да никогда и не хотел о них знать. Если кого из них отвлекли, неужто она нечаянно создаст переходные врата, ведущие невесть куда?

Фэйли приметила, как Сеталль наморщила лоб.

Она не была ни дворянкой, ни военачальницей, но было что-то такое в этой женщине… Чувствовалось, что человек она мудрый и властный.

— Вам что-то известно? — спросила у нее Фэйли.

Сеталль кашлянула и сказала:

— Я… кое-что знаю о плетениях. В прошлом они будили во мне любопытство. Иногда, если в плетении допущена ошибка, ничего не произойдет, но порой последствия бывают катастрофическими. Хотя о подобных случаях, когда плетение срабатывает с произвольным результатом, я не слышала.

— Ну, иначе придется считать, что она нарочно отправила нас в Запустение, — сказал Гарнан, глядя во тьму. Он заметно дрожал.

— Быть может, она растерялась, — предположила Фэйли, — и под влиянием момента ошиблась и отправила нас не туда, куда надо. Однажды мне довелось побывать в опасной ситуации, и я, признаться, совершенно потеряла голову. Побежала совсем в другую сторону. Наверное, с Беришей случилось нечто похожее.

Остальные покивали, но лицо Сеталль оставалось озабоченным.

— Ну что такое? — насела на нее Фэйли.

— Айз Седай прекрасно подготовлены к ситуациям подобного рода, — ответила Сеталль. — Все, кто носит это звание, обучены направлять Силу под предельным давлением. Существуют некоторые… преграды, и женщина должна переступить через них, прежде чем получит кольцо.

«Должно быть, у нее есть родственница из Айз Седай, — решила Фэйли. — Причем близкая подруга, раз уж она поделилась такими сокровенными сведениями. Сестра?»

— Получается, нельзя исключать, что это какая-то ловушка? — озадачилась Аравин. — Что Бериша была приспешницей Темного? Но зачем Тени сбивать с пути самый обычный караван с припасами? Ей что, заняться больше нечем?

Фэйли промолчала. Рог находился в безопасности, в сундучке, что стоял сейчас у нее в палатке. Фургоны расположили кольцом вокруг единственного костра. Остальные в лагере спали или пытались уснуть.

Ветра не было. Из-за неестественной тишины Фэйли чудилось, будто за ней наблюдают тысячи глаз. Если Тень устроила западню для этого каравана, значит ей известно о Роге Валир. В таком случае всем грозит серьезная опасность. Куда более серьезная, чем само пребывание здесь, в

Запустении.

— Нет, — сказала Сеталль. — Аравин права. Все это не могло быть спланировано заранее. Не появись там пузырь зла, мы ни за что не бросились бы во врата, не проверив, куда они ведут. Насколько я знаю, такие пузыри появляются совершенно случайным образом.

«Если только Бериша не воспользовалась удобным случаем», — подумала Фэйли, вспоминая, как погибла эта женщина. Рана в животе выглядела так, будто ее оставил не кристаллический шип, а удар ножа. Словно кто-то зарезал Беришу, когда Рог оказался по ту сторону переходных врат. Возможно, чтобы она не проболталась о содеянном?

«О Свет! — подумала Фэйли. — Я становлюсь слишком недоверчивой».

— Ну и что теперь будем делать? — спросил Гарнан.

— Все зависит от того, способны ли Айз Седай узнать, где мы находимся, — сказала Фэйли, глядя на Сеталль.

Та помолчала, словно не желая демонстрировать, сколь глубоки ее познания, но затем уверенно ответила:

— Любое плетение оставляет след. Что-то вроде

осадка. Поэтому — да, Айз Седай могут нас найти. Но этот след сохраняется недолго. В лучшем случае несколько дней, даже от самого мощного плетения. И не все владеющие Силой могут его истолковать. Это довольно редкий талант.

Ее голос звучал убедительно и авторитетно, с ходу давая понять, что слова этой женщины заслуживают доверия. «Стало быть, дело не в родственнице, — подумала Фэйли. — Она сама обучалась в Белой Башне». Наверное, так же как королева Моргейз. И ей не хватило способностей, чтобы получить звание Айз Седай.

— Подождем один день, — решила Фэйли. — Если за нами не придут, направимся на юг и постараемся как можно быстрее покинуть Запустение.

— Вот бы узнать, как далеко на север нас занесло, — задумался Гарнан, потирая подбородок. — Неохота перебираться через горы, чтобы попасть домой.

— Предпочтешь остаться в Запустении? — спросил Мандеввин.

— Ну уж нет! — воскликнул Гарнан. — Но на обратную дорогу могут уйти месяцы. Несколько месяцев идти через Запустение…

«О Свет, — подумала Фэйли, — несколько ме-

сяцев по таким местам, где считай, что повезло, если потерял всего лишь двоих за один день пути». Ничего не выйдет. Им не выбраться. Даже если бросить фургоны, их отряд посреди Запустения будет бросаться в глаза, как свежая рана на воспаленной коже. В лучшем случае они продержатся день-другой.

Девушка устояла перед искушением оглянуться на свою палатку. Что будет, если она не успеет передать Мэту Рог Валир?

— Есть еще один вариант, — нерешительно сказала Сеталль.

Фэйли посмотрела на нее.

— Вон та гора, что к востоку от нас, — продолжила Сеталль с явной неохотой. — Это Шайол Гул.

Мандеввин прошептал что-то неразборчивое и крепко зажмурился. По лицам остальных скользнуло отвращение, однако Фэйли сообразила, о чем речь.

— Там Дракон Возрожденный вступил в бой с Тенью, — сказала она. — Там будет одна из наших армий, и там есть те, кто владеет Силой. Они помогут нам, отправят куда нужно.

— Вот именно, — подтвердила Сеталль. — Местность вокруг Шайол Гул называют Проклятыми землями. Говорят, жуткие чудовища Запустения

держатся от них подальше.

— Потому, что там царит ужас! — воскликнула Аррела. — Они не забредают туда из страха перед самим Темным!

— Внимание Темного и его войск, скорее всего, приковано к идущей сейчас битве, — медленно произнесла, кивая головой, Фэйли. — В Запустении мы долго не продержимся. Не пройдет и недели, как все мы погибнем. Но если в Проклятых землях нет здешних ужасов и мы сможем выйти к своим…

Пожалуй, это куда лучше, чем перспектива несколько месяцев идти через самое опасное место в мире. У Фэйли снова появилась призрачная надежда. Она сказала остальным, что обдумает этот вариант, после чего совещание закончилось. Все разошлись готовиться к ночлегу. Мандеввин отправился проверять часовых, а Фэйли осталась сидеть у костра. Она смотрела на тлеющие угли, и на душе становилось все тяжелее.

«И все же я уверена, что Беришу убили», — думала она. Да, переходные врата могли открыться в Запустение по несчастливой случайности. Такие бывают даже у Айз Седай, что бы ни воображала себе Сеталль. Но если в караване был приспешник Темного, он мог заглянуть во врата,

увидеть, куда они ведут, и зарезать Беришу, чтобы караван с Рогом Валир так и не прибыл туда, куда должен был попасть.

— Сеталль, — окликнула женщину Фэйли, когда та проходила мимо. — На пару слов.

Сохраняя невозмутимое лицо, Сеталль села рядом.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить, — промолвила она.

— Давно ли вы обучались в Белой Башне?

— Несколько десятилетий назад.

— Вы способны открыть переходные врата?

— Дитя мое, — рассмеялась Сеталль, — я и свечку не сумела бы зажечь. Произошел несчастный случай — и меня выжгло. Я уже больше четверти века не касалась Источника.

Фэйли поблагодарила Сеталль, а когда она ушла, снова задумалась. Насколько правдивы слова этой женщины? Сеталль во многом ей помогала, и нельзя винить ее за нежелание распространяться о своей связи с Белой Башней. В любой другой ситуации Фэйли ни на секунду не усомнилась бы в ее рассказе.

Однако здесь, в Запустении, проверить ее слова было невозможно. Если Сеталль — сестра из Черной Айя, ее слова об утрате способностей могут

оказаться выдумкой. Вдруг она по-прежнему способна направлять Силу? Или же нет — но ее усмирили в качестве наказания? Что, если эта женщина — опаснейшая преступница, беглая узница, шпионка, десятилетиями ждавшая удобного случая нанести сокрушительный удар?

Ведь это именно Сеталль предложила идти к горе Шайол Гул. Не для того ли, чтобы принести Рог Валир своему господину?

Похолодев от этой мысли, Фэйли залезла в палатку, которую охраняли несколько Ча Фэйли, и улеглась, завернувшись в походные одеяла. Девушка отчетливо понимала, что все ее подозрения избыточны, — но как могло быть иначе, в такой-то ситуации?

«О Свет, — подумала она. — Рог Валир затерялся в Запустении. Кошмар».

Авиенда опустилась на колено над дымящимся трупом, сжимая в руке ангриал — брошку в виде черепашки, которую ей дала Илэйн. Стараясь дышать ртом, она вгляделась в лицо мертвеца.

Мужчин с красными вуалями оказалось на удивление много. Откуда бы они не взялись, они точно были не из Айил, поскольку не следовали принципам джи'и'тох. Во время ночного боя Авиенда видела, как две Девы взяли одного из них

в плен. Он стал вести себя как гай'шайн, а затем выхватил припрятанный нож и убил одну из Дев ударом в спину.

— Ну что? — спросила Сарен, с трудом переводя дыхание.

Войска на Поле Меррилор отдыхали перед грядущим испытанием, но здесь, возле Шайол Гул, бой продолжался — мужчины с красными вуалями атаковали всю ночь, весь день и вечер, который переходил в ночь.

— По-моему, я была с ним знакома, — ответила Авиенда. Ей стало не по себе. — Впервые он направил Силу, когда я была еще ребенком. Вырастил *алгод* там, где он не растет. — Она накрыла лицо мертвеца вуалью. — Его звали Соро, и он был добр ко мне. Помню, как на закате, поклявшись плюнуть в глаза Ослепляющему, он бежал по иссохшей земле.

— Соболезную, — произнесла Сарен голосом, напрочь лишенным сочувствия.

Авиенда успела привыкнуть к этой ее особенности. Дело не в том, что Сарен не испытывала никаких чувств: она лишь не позволяла эмоциям отвлечь ее от дел — по крайней мере, когда рядом не было ее Стража. Из этой Айз Седай вышла бы отличная Дева.

— Вперед, — приказала Авиенда, и ее отряд из способных направлять Силу двинулся дальше. За время длившегося дни и ночи сражения его состав менялся, а численность то росла, то уменьшалась, поскольку женщины нуждались в отдыхе. Днем и сама Авиенда выкроила несколько часов на сон.

По общему согласию та, кто возглавляла круг, берегла собственные силы, так что, даже несмотря на многочасовой бой, Авиенда устала меньше остальных. Это помогало ей быть постоянно начеку и выслеживать людей в красных вуалях. Другие женщины в отряде служили для Авиенды источниками, откуда она черпала саидар.

Приходилось следить за собой, чтобы не довести их до изнеможения. Утомленная женщина вернется в строй после нескольких часов сна, но, если вычерпать ее силы без остатка, от нее не будет никакого проку несколько дней. Сейчас Авиенду сопровождали три Айз Седай и еще Флинн. Она научилась определять, когда где-то неподалеку направляет Силу мужчина — это плетение Хранительницы Мудрости освоили у Айз Седай, — но с мужчиной круг действовал куда эффективнее, чем без него.

Флинн указал на огненные вспышки на краю

долины, и все пятеро без промедления бросились туда, минуя трупы и участки выжженной земли. Занимался рассвет, и за пеленой холодного тумана виднелись отряды Дарлина. Они по-прежнему не давали врагу выйти из ущелья.

Троллоки продвинулись к невысоким земляным валам, сооруженным еще по приказу Итуралде. Обе стороны несли тяжелые потери. Троллоки погибали куда чаще людей — но их было гораздо больше. Авиенда окинула происходящее быстрым взглядом. Похоже, силы Тени сумели преодолеть первое заграждение, но резерв доманийской конницы оттеснил их на прежние позиции.

У самого входа в долину сражались отряды Айил — некоторые в красных вуалях, другие в черных. «Их слишком много», — подумала Авиенда, подняла руку, и ее спутники остановились, а сама она крадучись двинулась вперед. Даже в нескольких сотнях шагов от круга у Авиенды сохранялся доступ к его совокупной мощи.

Девушка осторожно пробиралась по бесплодной каменистой земле. Справа лежало три мертвых тела, двое — в черных вуалях. Авиенда по-быстрому обследовала всех троих Искательством; нет, ее не обмануть старым фокусом, когда

живые прячутся среди убитых. Тем более что в прошлом она и сама прибегала к такой уловке.

Эти трое были мертвы по-настоящему, и Авиенда, пригнувшись, пошла дальше. У тайренцев и доманийцев, что сдерживали троллоков в ущелье, имелся еще один отряд, охранявший их лагерь и подступы к пещере, в которой сражался Ранд. Между этими двумя силами сновали, пытаясь уничтожить друг друга, группы Айил и мужчин с красными вуалями — вот только некоторые из последних умели направлять Силу.

Неподалеку раздался глухой удар. Земля содрогнулась и выплюнула фонтан комьев грязи. Пригнувшись ниже прежнего, Авиенда ускорила шаг.

Впереди дюжина сисвай'аман штурмовали позицию двоих красновуальных, которые, владея Силой, взрывали под атакующими землю, отчего тех расшвыривало в стороны.

Авиенда прекрасно понимала, почему ее соплеменники и не думали отступать. Эти, в красных вуалях, — преступный позор всего народа Айил. Они даже омерзительней шончан, нагло берущих в плен Хранительниц Мудрости. Каким-то образом Тень исхитрилась отнять у Айил храбрейших детей народа и превратила их в этих…

этих тварей.

Вобрав Силу через ангриал и свой круг, Авиенда тут же запустила во врагов две огненные пряди, следом, вторым плетением, взорвала почву у них под ногами, а когда те потеряли опору, накрыла их огненным шаром. Один, увязший в рыхлой земле, погиб на месте, но другой успел отскочить. Авиенда пронзила убегавшего копьями из пламени, после чего нанесла по обоим трупам еще один удар Силой — так, на всякий случай. Эти двое не придерживались законов джи'и'тох, а значит, давно уже не были живы. Они превратились в сорную траву, от которой надо избавиться.

Она подбежала к сисвай'аман. Восемь из них остались живы, трое были ранены. Авиенда неважно владела Исцелением, но успела спасти одному жизнь, остановив кровь из раны в горле, после чего выжившие забрали раненых и направились в сторону лагеря.

Она остановилась было над телами врагов, но решила, что не станет их слишком пристально разглядывать. Ей хватило одного знакомого лица, ну а эти…

Тут она испытала шок — одного из ее источников Силы вдруг не стало. Авиенда охнула и содрогнулась всем телом, когда исчез второй.

Она немедленно разорвала связь с кругом и, вздрагивая от вспышек и разрывов, бросилась туда, где оставила спутников. На бегу она ухватилась за Источник, но по сравнению с возможностями круга ее собственные силы казались недостойными упоминания.

Увидев обугленные тела Кируны и Фаэлдрин, девушка застыла как вкопанная. На нее с улыбкой смотрела уродливая женщина — та самая, которую Авиенда уже видела. Теперь она лишь утвердилась во мнении, что перед ней одна из Отрекшихся. Это страшилище держало Сарен за плечо; стройная Белая сестра, повернув голову к Отрекшейся, с благоговением смотрела на нее бездумными глазами. У ног Сарен лежал ее мертвый Страж.

Обе съежились, а затем исчезли, Переместившись без помощи переходных врат. Авиенда упала на колени перед мертвецами. Рядом стонал, пытаясь выбраться из вспученной земли, Дамер Флинн, чье левое плечо дымилось, а руки как не бывало.

Авиенда выругалась и сделала все, что могла, чтобы Исцелить его, а когда Аша'ман потерял сознание, вдруг почувствовала себя безмерно уставшей и очень-очень одинокой.

Глава 35. Наигранная ухмылка

Олвер скучал по Ветерку, хотя Бела — коренастая косматая кобылка, на которой он теперь ездил, — его вполне устраивала. Вот только прыти ей не хватало. Сколько Олвер ни пытался пустить ее рысью, Бела упрямо тащилась позади других лошадей. Что ни делай, не торопится, и все тут. Олвер хотел нестись ураганом, а вместо этого размеренно плыл, будто кряжистый пень по тихой реке.

Он утер потный лоб. Запустение — это жуть что такое, и другие — поскольку большинство было безлошадными, то шли они пешими — ступали

с такой осторожностью, будто каждый шаг мог навлечь на них тысячу троллоков. Все в колонне переговаривались вполголоса и с подозрением поглядывали на склоны холмов.

Караван миновал рощицу иссохших деревьев с изъязвленной корой. Сочившийся из этих язв сок был непривычно красным, почти как кровь. Кого-то из возчиков дернуло рассмотреть эти деревья, и не успел он подойти поближе, как с верхних ветвей свалились лозы — на вид бурые, мертвые, но стремительные, будто змеи. Олвер даже крикнуть не успел, как гибкие плети обхватили возчика, вздернули за шею, и через миг тот болтался на дереве и был мертвее мертвого.

Колонна, охваченная ужасом, остановилась. Все с содроганием смотрели, как дерево буквально затягивает покойника в себя через трещину в коре. Поглощает его. Может, этот красный сок и в самом деле кровь.

Перепуганный Олвер никак не мог отвернуться.

— Спокойно, — приказала леди Фэйли слегка дрожащим голосом. — Я же говорила не подходить к растениям! И ничего не трогать!

Караван обреченно тронулся с места. Сандип — он ехал рядом — бормотал себе под нос:

— Это уже пятнадцатый. Пятнадцать человек за считаные дни… О Свет! Мы считай что покойники!

Вот бы это были троллоки! Не может же Олвер — да и кто угодно — драться с деревьями и насекомыми! А троллоки — дело другое, с ним можно и сразиться, ведь у него есть нож, а еще Олвер научился от Гарнана и Силвика парочке приемов. К тому же он невысок ростом, и поэтому троллоки будут его недооценивать. Троллок и опомниться не успеет, как Олвер поднырнет под его тушу и полоснет ножиком по какому-нибудь важному органу.

Так он твердил себе, стараясь унять дрожь в руках, и понукал Белу в надежде догнать леди Фэйли. Вдалеке раздался пронзительный визг, словно там кто-то умирал, причем самой мучительной смертью. Олвер вздрогнул. Сегодня он уже слышал этот визг, но теперь тот прозвучал чуть ближе. Или показалось?

Когда Олвер настиг первых всадников, Сеталль бросила на него встревоженный взгляд. Взрослые всеми силами старались уберечь мальчишку от опасности. Стараясь не обращать внимания на этот далекий, но жуткий визг, Олвер взял себя в руки. Все считали его слабаком, но это не так.

Они не знали, как прошло его детство. Честно говоря, о нем Олвер предпочитал не вспоминать. Такое чувство, будто он прожил не одну жизнь, а целых три: первую — до смерти родителей, вторую одиноким беспризорником, а теперь, в Отряде, живет третью.

Так или иначе, он умеет драться с людьми выше и крупнее себя. Ведь Последняя битва в самом разгаре и повсюду твердят, что на этой войне пригодится каждый. Ну а Олвер что, исключение? Если объявятся троллоки, он первым делом спрыгнет с этой медлительной клячи. Ведь даже если пустить Белу галопом, Олвер обгонит ее на своих двоих! Кстати говоря, айильцы вообще без лошадей обходятся. У них, у айильцев, Олвер еще не учился, но непременно поучится. Он уже все спланировал. Айильцев он не любил, всех без исключения, но сильнее прочих ненавидел клан Шайдо, а чтобы убить таких врагов, сперва надо выведать их секреты.

Поэтому он придет к айильцам и потребует, чтобы его взяли в ученики. И его возьмут, и поначалу будут обходиться с ним самым скверным образом, но в конце концов зауважают и позволят Олверу тренироваться вместе с айильскими воинами. О подобном он слышал не раз, так что

все это чистая правда.

Узнав их тайны, Олвер отправится к змеям и лисицам и получит от них ответы о том, где найти Шайдо, которые убили его отца. А потом он выследит и прикончит врагов, и его подвиги воспоют в легендах.

«Возьму с собой Ноэла, — подумал он. — Он весь мир обошел. Будет моим проводником. Он…»

Ноэла больше нет.

Олвер смотрел на каменистую тропу, чувствуя, как по щеке бежит струйка пота. Отряд миновал новую рощицу страшных деревьев, но теперь все держались от них подальше. Рядом с тропинкой кто-то заметил большую лужу той хищной грязи, густой и бурой, и Олвер увидел, что из нее выглядывают скелетные кости.

Какое жуткое место!

Жаль, что рядом нет Ноэла. Где он только не был, чего только не видел — и непременно подсказал бы, как выбраться отсюда. Но его больше нет. О смерти Ноэла Олвер узнал совсем недавно, из рассказа леди Морейн о том, что случилось в Башне Генджей.

«Все умирают, — думал он, глядя перед собой. — Один за другим…»

Мэт удрал к шончанской императрице, Тал-

манес сражается вместе с королевой Илэйн. А в этом караване людей постепенно, одного за другим, убивают деревья, монстры или плотоядная грязь.

И в итоге Олвер останется совсем один. Разве так можно?

Он потрогал браслет, который ему подарил Ноэл, незадолго до своей гибели. По словам старика, подобные браслеты, сплетенные из грубых волокон, носили воины в какой-то далекой стране. Такая вещица показывала, что человек побывал в битве и выжил.

Ноэл… погиб. Ну а Мэт? Он тоже погибнет?

Олверу сделалось жарко, тяжко и очень страшно. Он стукнул Белу пятками. Та, на удачу, затрусила вверх по склону чуть быстрее прежнего, понемногу догоняя первых всадников. Оставив фургоны на месте ночевки, они отправились в какие-то Проклятые земли, и по пути приходилось взбираться в гору. Утром отряд вошел в проход меж двумя горными вершинами. Поначалу было тепло, но чем выше они забирались, тем прохладнее становился воздух. Против прохлады Олвер не возражал, зато вонь тут стояла отвратительная. Как от разлагающихся трупов.

Поначалу в отряде было полсотни солдат, а

возниц и грузчиков вполовину меньше, да еще горстка людей вроде Олвера и Сеталль, и это если не считать полдюжины телохранителей леди Фэйли.

Но с тех пор Запустение забрало пятнадцать человек. Пятерых убили какие-то страшные трехглазые чудища, напавшие на лагерь прошлым утром. Олвер подслушал, как леди Фэйли говорила, что пятнадцать погибших — это считай что повезло, и все могло быть куда хуже.

Повезло? Олверу так не казалось. Здесь было жутко, и он хотел поскорее покинуть это место. В Пустыне ведь лучше, чем здесь, верно? Ча Фэйли — что мужчины, что женщины — вели себя как айильцы. Ну, отчасти. Может, они обучались в Пустыне, как хотел того Олвер? Надо будет у них спросить.

Так он ехал, размышляя на подобные темы, и где-то через полчаса все же уломал Белу догнать леди Фэйли. Та ехала на кобыле с лоснящейся черной шерстью. На вид лошадка была бегучая. Почему, спрашивается, Олверу дали Белу, а не нормальную лошадь вроде этой?

Сундучок Мэта леди Фэйли приторочила к седлу. Поначалу Олвер обрадовался, ведь Мэт без табака жить не может и постоянно ноет, что

хороших сортов теперь не сыскать. Но потом он услышал, как леди Фэйли говорит кому-то, что этот сундучок — всего лишь удобное хранилище для ее личных вещей. А табак она что, выбросила? Ну… Мэту такое не понравится.

Фэйли взглянула на мальчишку, и Олвер ответил ухмылкой, вложив в нее как можно больше самоуверенности. Не надо, чтобы леди Фэйли поняла, как ему страшно.

Большинству женщин нравилась эта наигранная ухмылка. Чтобы отточить ее до безупречности, Олвер упорно тренировался, хотя ухмылку Мэта копировать не стал. С такой, как у Мэта, у него делался виноватый вид. Ухмыляться учишься, когда вынужден сам о себе заботиться, а Олверу требовалось, чтобы ухмылка изрядно добавляла ему невинности, поскольку он и есть невинное дитя. Ну, более или менее.

Но леди Фэйли не улыбнулась ему в ответ. Олвер считал, что она миловидная, несмотря на этот орлиный нос. Впрочем, мягкой ее он не назвал бы. Кровь и пепел, только не с этим ее взглядом, от которого даже самое лучшее железо вмиг ржавчиной покроется.

По бокам от Фэйли ехали Ванин и Аравин. Разговаривали они негромко, но Олвер все слышал,

хотя старался на них не смотреть, чтобы не подумали, будто он подслушивает, — ведь он не подслушивал, а просто не хотел глотать пыль, поднятую другими лошадьми.

— Да, — шептал Ванин, — по виду не скажешь, но Проклятые земли уже близко. Чтоб моей матушке сгореть, до сих пор поверить не могу, что мы туда сунемся. А воздух… Чувствуете? Становится холоднее. И после трехглазых монстров — то бишь со вчерашнего утра — нам не встречалось ничего по-настоящему страшного.

— Да, мы уже рядом, — согласилась Аравин. — Глядишь, скоро к Темному поближе подберемся. В Проклятых землях ничего не растет. Нет никаких растений, даже пораженных порчей. И никакой живности там нет. Туда даже самые мерзкие обитатели Запустения не забредают.

— Пожалуй, это к лучшему, — сказала Фэйли.

— Да не особо. — Ванин смахнул пот со лба. — Ведь отродья Тени там куда опаснее. Если выживем, то лишь благодаря треклятой войне, на которую отправились все троллоки. Коли повезет, Проклятые земли, те, что окрест Шайол Гул, окажутся пусты, как твой кошелек после сделки с растреклятым Морским народом. Вы уж простите, миледи. Вырвалось.

Олвер, прищурившись, посмотрел на горный пик, который по мере приближения к нему становился все выше.

«Вот там живет треклятый Темный, — подумал он. — И Мэт, наверное, тоже там, а не на Поле Мерилор». Мэт частенько говорил, что от опасности надо держаться подальше, но всегда находил способ угодить в какую-нибудь передрягу. Олвер пришел к выводу, что Мэт просто скромничает, хотя без особого успеха. Иначе зачем твердить, что ты против всякого геройства, а затем из раза в раз рисковать своей шкурой?

— А эта тропинка? — спросила Фэйли у Ванина. — По твоим словам, ею недавно пользовались. Как так может быть? Сам же ведь расписывал, что Проклятые земли совершенно опустели?

— Здесь и правда кто-то был, — проворчал Ванин.

— Причем у этого «кто-то» с собой еще и повозки были, — добавила Аравин. — Даже не знаю, хорошо это или плохо.

— Ничего хорошего в этих местах нет и быть не может, — сказал Ванин. — Думаю, надо затаиться где-нибудь и подождать.

Он вздохнул и снова вытер лоб, хотя Олвер не понимал, почему Ванин так сильно потеет.

Становилось совсем холодно — конечно, с учетом времени суток. И еще тут, похоже, росло куда меньше растений, и Олвера это вполне устраивало.

Он глянул за плечо, на рощу, забравшую жизнь у последнего бедняги. Поблизости таких рощиц уже не было, ну а впереди — тем более.

— Ждать нам некогда, Ванин, — сказала Фэйли. — Я намерена вернуться на Поле Меррилор во что бы то ни стало. В Такан'даре сражается Дракон Возрожденный. Туда-то нам и надо, чтобы покинуть это Светом забытое место.

Ванин застонал, но Олвер улыбнулся. Он всенепременно отыщет дорогу к Мэту и покажет, насколько он свиреп в бою. А потом…

Ну а потом Мэт, быть может, не бросит его, как бросили остальные. И это будет хорошо, поскольку в охоте на Шайдо ему пригодится помощь Мэта. В конце концов, в Отряде Красной руки Олвер многому научился и поэтому в состоянии постоять за себя и больше никому не позволит собой помыкать. И впредь никто не отберет у него тех, кого он любит.

— В архивах есть отчеты, которые объясняют то, что мы видели. — Кадсуане взяла чашку чая и стала греть о нее ладони.

На полу палатки сидела эта айильская девчонка, Авиенда. «Я бы все отдала, лишь бы заполучить ее в Башню», — подумала Кадсуане. Эти Хранительницы Мудрости… Да, они боевитые штучки. Зубастые, подобно лучшим сестрам из Белой Башни.

Кадсуане все сильнее убеждалась, что Тень, следуя сложнейшему плану, годами расшатывала Белую Башню и ее усилия не ограничились крайне досадным свержением Суан Санчей и правлением Элайды. Пожалуй, всю глубину этого плана можно будет осмыслить лишь спустя десятилетия, если не века, хотя численность Черных сестер — их были сотни, а вовсе не десятки, как в свое время предполагала Кадсуане, — криком кричала о том, что произошло.

Теперь же Кадсуане приходилось работать с тем, что есть, включая этих Хранительниц Мудрости, возмещающих невежество и недостаточные умения в работе с плетениями твердостью характера и железной хваткой. Полезные свойства. Взять, к примеру, Сорилею — вон она, сидит и смотрит из глубины палатки. В использовании Единой Силы весьма слаба, но при всем при том ей палец в рот не клади.

— Я навела кое-какие справки, дитя мое, —

сказала Кадсуане, обращаясь к Авиенде. — Эта женщина действительно применяет Перемещение, но такой способ упоминается лишь в отрывках из документов, восходящих к Войне Силы.

Авиенда нахмурилась:

— Никаких плетений я не видела, Кадсуане Седай.

Кадсуане едва не улыбнулась столь вежливому тону. Этот мальчишка, ал'Тор, назначил свою подругу главной — и, по правде сказать, пусть лучше командует она, чем кто-то другой. Тем не менее он должен был выбрать Кадсуане, и Авиенда, по всей вероятности, это понимала.

— Верно, — кивнула Кадсуане. — Ведь эта женщина не использовала плетения Единой Силы.

— Какие же тогда?

— Тебе известно, как — и почему — впервые освободили Темного?

— Ах да… — Судя по виду, Авиенда шарила в памяти. — Значит, эта сила исходит от него?

— Она называется Истинной Силой, — сказала Кадсуане. — В документах говорится, что Перемещение, творимое Истинной Силой, похоже на то, что ты видела. Но свидетельств совсем немного. Во время Войны Силы Темный скупо

делился своей сущностью. Доступ к ней был дарован лишь тем, кто пользовался наибольшей благосклонностью. Из данного факта следует, что ты, вне всяких сомнений, встретила одну из Отрекшихся. Судя по тому, как она поступила с бедняжкой Сарен, я склонна предположить, что это Грендаль.

— Ни в одной легенде не упоминается, что Грендаль настолько уродлива, — тихо промолвила Сорилея.

— Раз уж ты Отрекшаяся, которую легко узнать по описанию, разве не захочется сменить внешность, чтобы не бросаться в глаза?

— Может быть, — не стала спорить Сорилея. — Но в таком случае я не стала бы использовать эту… Как ты сказала? Истинную Силу. Иначе пропадает весь смысл маскировки.

— Судя по рассказу Авиенды, — заметила Кадсуане, — у той женщины не было выбора. Ей требовалось сбежать, да побыстрее.

Она посмотрела Сорилее в глаза, и обе кивнули. Вдвоем они выследят эту Отрекшуюся. Непременно ее найдут.

«Я не позволю тебе умереть, мальчик, — подумала Кадсуане, глянув туда, где ал'Тор, Найнив и Морейн продолжали выполнять свою работу.

Эту пульсацию чувствовали в лагере все, кто мог направлять Силу. — По крайней мере, пока ты не сделаешь то, что должен сделать». На это поле сражения она явилась только потому, что ожидала встретить здесь Отрекшихся.

Палатку трепал ветер, и Кадсуане совсем замерзла. Даже теперь, когда ход битвы замедлился, долина Такан'дар производила самое тягостное впечатление. Витавший повсюду ужас заставлял чувствовать себя так, словно ты оказался на детских похоронах. Он душил смех, убивал улыбки, и каждый словно ощущал на себе взгляд Темного. О Свет, как же славно будет покинуть это место…

Авиенда пила чай. В глазах у нее было пусто, хотя эта девочка, несомненно, уже теряла в битве соратников.

— Я ушла, и поэтому их убили, — прошептала она.

— Брось! — велела Кадсуане. — Ты не в ответе за деяния Отрекшихся, дитя мое.

— Вы не понимаете, — сказала Авиенда. — У нас был круг. Другие пытались вырваться из него, и я это почувствовала, но не сообразила, что происходит. Я забрала всю их Силу, оставила их беззащитными, и они не смогли дать отпор убийце.

— Что ж… Впредь не бросай своего круга, — тут же посоветовала Кадсуане. — Но ты не могла знать, что случится.

— Если заподозришь, что рядом кто-то из Отрекшихся, — добавила Сорилея, — сообщи об этом мне, Кадсуане или Эмис. Не стыдись признать, что противник слишком силен для боя один на один. Вместе мы одолеем эту женщину и защитим Кар'а'карна.

— Хорошо, — согласилась Авиенда. — Но если ее заметит кто-то из вас, сделайте то же самое. Известите меня. И это касается всех вас.

Она ждала. Наконец Кадсуане неохотно кивнула, а за ней и Сорилея.

Продрогшая Фэйли затаилась в темной палатке. Здесь, в такой близи от долины Такан'дар, совсем похолодало. Она провела большим пальцем по рукояти ножа, сделала медленный глубокий вдох, а затем такой же выдох, не отводя немигающих глаз от входа в палатку.

Сундучок с Рогом она поставила так, чтобы один его угол выглядывал в ночь. Здесь, на границе Проклятых земель, в окружении предполагаемых союзников, Фэйли чувствовала себя еще более одинокой, чем в лагере Шайдо.

Три ночи тому назад ее позвали взглянуть

на какие-то странные следы, встревожившие дозорных. Подойдя к Проклятым землям, отряд перестал терять людей — в этом отношении все шло в соответствии с планом, — но всеобщее напряжение не спадало. Фэйли покинула палатку всего лишь на несколько минут, но по возвращении обнаружила, что сундучок с Рогом Валир едва заметно сдвинут с места.

Кто-то пытался его открыть. О Свет! К счастью, злоумышленник не сумел взломать замок. Заглянув в сундучок, Фэйли убедилась, что Рог на месте.

Предателем мог оказаться кто угодно. «Красноручий», возчик, кто-то из Ча Фэйли. Следующие две ночи Фэйли демонстративно стерегла сундучок, чтобы пощекотать вору нервы. Но сегодня она пожаловалась на головную боль и позволила Сеталль приготовить ей чай, способствующий крепкому сну. Забрала его в палатку, но не сделала ни глоточка. И вот теперь Фэйли затаилась в темноте и стала ждать.

Высунувшись в ночь, сундучок прямо-таки напрашивался на неприятности. Но соблазнится ли вор? Из предосторожности Фэйли, когда выходила по зову природы, забрала Рог с собой и припрятала его в укромном уголке среди камней,

а когда вернулась, отправила Ча Фэйли патрулировать лагерь, подальше от своей палатки. Им не хотелось оставлять Фэйли без охраны, но та объяснила, что опасается стычек между возницами и грузчиками.

Этого должно быть достаточно. О Свет, пусть этого будет достаточно!..

Несколько часов она просидела в одной позе, готовая вскочить и поднять тревогу в тот же миг, как в палатке появится посторонний. Ясное дело, сегодня, когда она сказалась больной, вор не будет сидеть сложа руки.

Никого. Тело затекло, мускулы ныли, но Фэйли не шевелилась. Ведь где-то там, в ночи, таится злодей. Думает: не пора ли схватить Рог и сбежать к своим хозяевам? Он…

Тишину ночи разорвал пронзительный вопль.

Фэйли вздрогнула. Что это? Обманный маневр?

«Этот крик… — Она прикинула направление. — Совсем рядом… к западу отсюда».

Примерно там, где она спрятала Рог Валир. Фэйли выругалась. Решение она приняла молниеносно. Сундучок пуст. Если ее действительно обманывают, и она поведется, то ничего не потеряет. С другой стороны, если вор ожидает от

нее… Девушка выскочила из палатки. Остальные выбирались из-под одеял, а по лагерю метались Ча Фэйли. Снова крик, и снова с запада, а за ним — какой-то потусторонний… то ли визг, то ли скрежет, который они не раз слышали по дороге.

Она бросилась бежать сквозь тонкие, запятнанные порчей Запустения побеги, что было глупо, ведь любой здешний сорняк мог оказаться смертоносным, но Фэйли и думать об этом забыла.

Первой примчавшись туда, где был спрятан Рог, она увидела не только Ванина, но еще и Гарнана. В толстых руках Ванин сжимал Рог Валир, а Гарнан, крича и размахивая мечом, отбивался от какой-то твари, покрытой черной шерстью.

Увидев Фэйли, Ванин сделался белее рубахи белоплащника.

— Вор! — заголосила Фэйли. — Держите его! Он украл Рог Валир!

Ванин охнул, отбросил Рог, будто тот цапнул его за руку, и побежал прочь. О Свет, но какой же он шустрый для своего телосложения! По пути он схватил Гарнана за плечо и увлек за собой, а черная тварь снова издала замогильный визг.

В далекой темноте ей вторили какие-то ревущие создания. Фэйли бросилась на землю, схватила Рог, прижала его к себе… Но эти двое —

не заурядные воришки. Они не только раскусили ее план, но и точно знали, где искать добычу. Фэйли чувствовала себя деревенщиной, попавшейся на удочку городского наперсточника.

Подбежавшие Ча Фэйли остолбенели — то ли от вида монстра, то ли увидев Рог Валир. Незнакомая тварь походила на небывало крупного медведя со множеством лап, но таких громадных медведей Фэйли видеть не доводилось. Зверюга снова заскрежетала, и Фэйли кое-как поднялась на ноги. Затем многолапый медведь бросился на ее телохранителей, с визгом оторвал голову одному из Ча Фэйли, и преследовать воров стало некогда.

Фэйли вскрикнула и метнула в зверя нож, а Аррела мечом рубанула ему по одной из лап у самого плеча. Но в этот момент из-за скал — совсем рядом! — появился его сородич.

Проклятье! Фэйли отскочила, успев швырнуть в него другой нож. Похоже, не промахнулась. Во всяком случае, зверь взвыл, как воют от боли и ярости. Тут прискакал Мандеввин с факелом, в чьем свете обнаружилось, что мордой чудовищные медведи напоминают насекомых с множеством жвал, похожих на клыки. У одного монстра из похожего на луковицу глаза торчал

нож Фэйли.

— Защищайте миледи! — воскликнул Мандеввин и бросил по копью ближайшим «красноруким», и те вонзили их в раненого монстра, вынуждая его отступить от Аррелы. Та, окровавленная, отползла в сторону, но меч не выронила.

Отступив за вставших перед ней телохранителей, Фэйли опустила взгляд на свою ношу: сам Рог Валир, извлеченный из сумки, в которой он хранился. Можно протрубить в него…

«Нет, — подумала она. — Рог связан с Коутоном». В ее руках это обычный горн.

— Держать строй! — Мандеввин отвел коня назад, когда к нему кинулся один из монстров. — Вердин, Лаандон, нам нужно больше копий! Ступайте! Эти твари нападают как кабаны! Подпускайте их ближе и пронзайте копьями!

С первым монстром эта тактика сработала, но пока Мандеввин объяснял, что делать, второй схватил его коня за шею, отмахнулся от кинувшихся на него от копейщиков, и Мандеввин со стоном упал на землю.

Не выпуская Рог из рук, Фэйли метнулась мимо «красноруких», сумевших заколоть одного зверя, схватила недавно зажженный факел и швырнула его во второго монстра. Шерсть у него на спине

занялась, как сухой трут. Огонь взбежал по позвоночнику, и чудовище завыло и выпустило из лап Мандеввинова коня, чья оторванная голова висела на лоскуте кожи, после чего, истошно вопя, принялось кататься по земле.

— Заберите раненых! — приказала Фэйли, потом схватила за плечо одного из «красноруких». — Проверьте, что с Мандеввином!

Парень опустил взгляд на Рог Валир у нее в руках, ахнул от изумления, но тут же встрепенулся, кивнул и крикнул двоим товарищам, чтобы те помогли ему поднять Мандеввина.

— Миледи? — выглянула из кустов Аравин. — Что случилось?

— Двое «красноруких» хотели украсть мой груз, — сказала Фэйли. — А теперь нам надо удирать во все лопатки.

— Но…

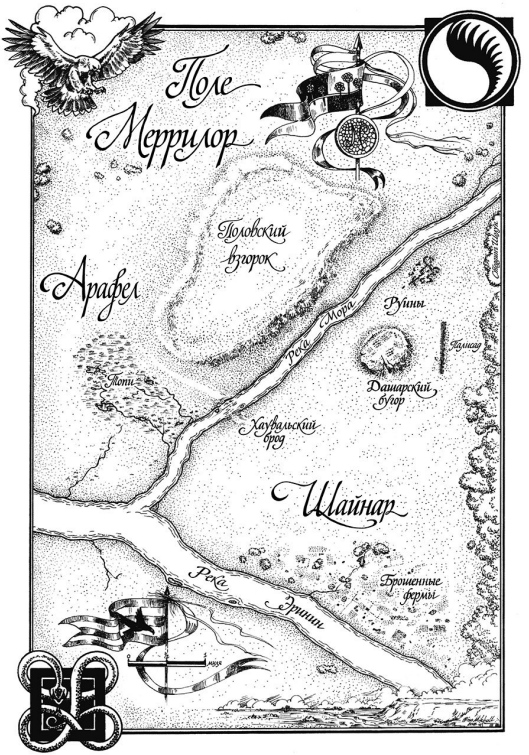
— Слышите? — Фэйли указала во тьму, где, откликаясь на вопли умирающей твари, скрежетал еще десяток таких же. — Шум и запах пролитой крови привлечет новых чудовищ, так что пора бежать. Быть может, мы спасемся, если сегодня же зайдем подальше вглубь Проклятых земель. Снимайте лагерь, сажайте раненых на лошадей, а остальные пусть готовятся к маршу. Двигаться

будем как можно быстрее, не останавливаясь. Не стойте, ступайте!

Аравин кивнула и скрылась в кустах. Фэйли глянула в ту сторону, куда скрылись Гарнан и Ванин. Ей страшно хотелось поймать их, но преследовать их, да еще в темноте, — занятие довольно небыстрое, а этой ночью промедление означало верную смерть. Кроме того, кто знает, что еще имеется в запасе у этих приспешников Темного?

Они сбегут. И — о Свет! — Фэйли надеялась, что ее обманули, но Ванин каким-то образом не обзавелся поддельным Рогом, точной его копией, чтобы подсунуть ее Фэйли перед своим бегством…

Как знать? Быть может, она явится на Последнюю битву с фальшивым Рогом Валир и тем самым обречет всех на погибель. Эта удручающая мысль не шла из головы девушки, когда ее отряд в спешке уходил во тьму, надеясь, что Свет и удача оградят их от кошмаров этой ночи.


Поле Меррилор
Половский взгорок
Арафел
Река Мора
Руины
Холмы
Дашарский бугор
Топи
Хаувальский брод
Шайнар
Река Эринин
Брошенные фермы

Глава 36. Было, есть и будет

Ранд… С ним что-то не так.

В недрах Бездны Рока Найнив крепко держалась за сталагмит, противоборствуя ветрам, увлекавшим ее в пустоту небытия, которую Морейн называла сущностью Темного. Но в таком случае эта пустота — Истинная Сила, верно? И если она появилась в мире Узора, не означает ли это, что Темный вырвался на волю? Чем бы ни была эта сущность, в ее основе лежало абсолютное зло, наполнявшее Найнив ужасом, которого она прежде в своей жизни не испытывала.

С могучей силой эта пустота притягивала к себе все, что ее окружало. Найнив страшилась, что

стоит отпустить сталагмит, и ее увлечет во тьму, уже поглотившую ее шаль. Та попросту исчезла, а если разжать пальцы, с Найнив произойдет то же самое и жизни ее придет конец. И наверное, душа ее тоже исчезнет.

«Ранд!» — подумала она. Но как ему помочь? Они с Моридином стояли, скрестив мечи. Застыли, словно ледяные фигуры. Капельки пота катились по лицу Ранда. Но он не говорил ни слова. Он даже не моргал с тех пор, как его нога коснулась тьмы. В тот миг он замер, будто статуя, неподвластная воющему вокруг ветру, и одновременно с ним замер Моридин. Так они и стояли недвижно. С того мгновения минуло добрых пятнадцать минут.

В общем и целом они провели в этой пещере меньше часа.

На глазах у Найнив камни скользили по полу, а затем растворялись в небытии. Ее платье трепетало, как под порывами ураганного ветра. То же самое происходило с платьем Морейн, вцепившейся в соседний каменный клык. По счастью, этот ветер хотя бы увлек в черную пустоту наполнявший пещеру едкий запах серы.

Использовать Единую Силу Найнив не могла. Ее забрал Ранд, забрал всю, без остатка, хотя, похоже,

в дело еще не пустил. Не стоит ли подобраться к Моридину? Похоже, он не в состоянии двинуться с места. Что, если ударить его камнем по голове? Всяко лучше, чем просто сидеть и ждать.

Чтобы выяснить, справится ли притяжение небытия с весом ее тела, Найнив ослабила хватку и тут же начала скользить к пустоте, однако сумела подтянуться и вернуться на прежнее место.

«Я не собираюсь провести Последнюю битву, цепляясь за каменный отросток! — подумала она. — По крайней мере, не за один и тот же!» Но двигаться — рискованное дело. Вперед? Наверное, слишком опасно. А вот вбок… Да, вот он, еще один сталагмит, справа, совсем рядом. Найнив разжала пальцы и то ли метнулась, то ли скользнула к нему. Потом, наметив следующую цель, осторожно выпустила один каменный нарост и ухватилась за другой.

Медленно, очень медленно… «Ранд, ты, шерстеголовый болван!» — подумала она. Если бы круг возглавила Морейн, они с Найнив могли бы как-то помочь ему в этой схватке. Могли бы хоть что-то сделать!

Найнив дотянулась до следующего сталагмита и чуть не вскрикнула, увидев справа… женщину? Та съежилась у стены. Камни защищали ее от

ветра. Похоже, она плакала.

Бросив взгляд на Ранда — они с Моридином по-прежнему стояли будто изваяния, — Найнив двинулась к женщине. Сталагмитов здесь было предостаточно, а камни защищали от притяжения пустоты, поэтому переползать стало куда легче прежнего.

Наконец Найнив добралась до женщины. Оказалось, та была прикована к стене.

— Аланна?! — позвала Найнив, перекрикивая гул ветра. — О Свет! Откуда ты здесь?

Айз Седай недоуменно заморгала. Глаза у нее покраснели от слез, а взгляд сделался пустым, будто она лишилась рассудка. Осмотрев женщину, Найнив увидела, что вся левая половина ее тела залита кровью. Кто-то ударил Аланну ножом в живот. О Свет, как же Найнив упустила из вида бледность ее лица?

Но зачем ранить ее, а затем бросать здесь, в пещере? «Она же связала Ранда узами, — поняла Найнив. — Ох, Свет…» Очередная ловушка. Моридин сошелся с Рандом, оставив Аланну истекать кровью. Когда она умрет, Ранда — ее Стража — охватит безумная ярость, и Моридин без труда одолеет его.

Как же Ранд этого не заметил? Найнив потя-

нулась было к поясному кошелю с травами, но передумала. В таком состоянии травы уже не помогут. Аланну можно спасти только Исцелением, только Единой Силой. Найнив разорвала подол платья Аланны, наложила повязку, а затем попыталась зачерпнуть саидар.

Но Единой Силой теперь владел Ранд, и делиться ею он не стал. Найнив лихорадочно пыталась отобрать у него Силу, но бесполезно: чем сильнее она налегала, тем крепче становился барьер его воли. Нет, Ранд все-таки направлял Силу, хотя плетений Найнив не видела. Что-то она чувствовала. Из-за воющего ветра и неестественной природы Бездны Рока ей казалось, что вокруг бушует ураган, каким-то образом наполненный Единой Силой.

Вот же проклятье! Ей необходима саидар. Но Ранда винить не следует. Возглавив круг, он уже не мог дать Найнив даже струйки Силы.

Чувствуя себя беспомощной, Найнив зажала ладонью рану Аланны. Может, рискнуть, окликнуть Ранда и попросить, чтобы он выпустил ее из круга? Но в таком случае Моридин непременно прикончит Аланну.

Что же делать? Если эта женщина погибнет, Ранд утратит контроль над собой. И тогда всему

конец — и Ранду, и Последней битве.

Несколькими ударами топора Мэт заострил деревяшку.

— Видите? — сказал он. — Особой красоты тут не требуется. Плотницким мастерством будете хвастаться перед дочкой мэра.

Следившие за его действиями люди отвечали решительными кивками. Мужчины и женщины с мрачными лицами, фермеры-одиночки, поселяне, ремесленники — такие же, как те, кого он знал в родном Двуречье, — многие тысячи, и все под началом Мэта. Он и подумать не мог, что их будет так много. На битву вышли все добрые люди этих земель.

Мэт считал, что они умалишенные, все как один. Будь у него возможность сбежать, он бы спрятался где-нибудь в погребе. Или хотя бы попробовал спрятаться, чтоб ему сгореть.

В голове у него гремели игральные кости — с тех самых пор, как Эгвейн передала ему командование всеми войсками Света. Проклятье! Ну, та'верен он, и что? Какой тут прок? Все это и медяка ломаного не стоит.

Мэт продолжал трудиться над столбом для частокола. Один мужичок — старый фермер с лицом настолько загрубелым, что от такой шкуры

и троллочий клинок отскочит, — все смотрел и смотрел ему под руку. Почему-то он казался Мэту знакомым.

«Чтоб им сгореть, этим воспоминаниям», — подумал Мэт. Этот старикан похож на кого-то из старой памяти, которой наделили Мэта. Да, точно. Вот только на кого? Не припоминается… Что там было? Двуколка? Исчезающий?

— Пошли, Ренальд, — повернулся старик к стоявшему рядом фермеру. Судя по внешности, тот был порубежной породы. — Прогуляемся вдоль этой паланки и глянем, нельзя ли поторопить ребят.

Оба удалились, а Мэт, закончив с первым столбом, вытер потный лоб и потянулся за новой жердиной — надо бы устроить этим овечьим пастухам еще один показ, — но тут заметил, что вдоль почти законченного палисада бежит человек в *кадин'сор* и с ярко-рыжими волосами, коротко стриженными, если не считать хвоста на затылке. Уриен. Не останавливаясь, человек поднял руку:

— Они взволнованы, Мэтрим Коутон. И похоже, идут в эту сторону.

— Спасибо! — откликнулся Мэт. — С меня причитается!

Тут айилец повернулся и на бегу, но уже спиной вперед и лицом к Мэту, добавил:

— Главное, выиграй эту битву! На нашу победу я поставил целый бурдюк *оосквая*.

Потом Уриен развернулся и побежал дальше. Мэт фыркнул. Если есть на свете что-то ужаснее невозмутимого айильца, это айилец с ухмылкой на лице. Пари? Насчет победы в этой битве? Что это за пари такое? Если армию Света разобьют, некому будет забирать выигрыш…

Он нахмурился. Вообще-то пари — очень даже неплохое дело.

— Кто принял у тебя эту ставку? Уриен! — крикнул он, но айилец уже был далеко и не слышал оклика.

Мэт ругнулся и передал топор тому, кто стоял рядом. Это оказалась стройная тайренка.

— Ставь колья ровнее, Синд.

— Будет исполнено, лорд Коутон.

— Никакой я тебе не проклятый лорд, — по привычке ответил Мэт, подхватив ашандарей. Отойдя подальше, он бросил оценивающий взгляд на возводимый палисад, а заодно заметил нескольких Стражей Последнего часа, что шагали мимо работающих людей. Точно волки среди овец. Не теряя времени, Мэт поспешно отправил-

ся осматривать будущее поле сражения.

У его войск почти не осталось времени подготовиться к бою. С помощью переходных врат они опередили троллоков, но не сбежали. О Свет, какое тут сбежать! Бежать-то было некуда. Зато у Мэта появилась возможность выбирать место для сражения, и это Поле Меррилор лучше всего подходило для битвы.

«Все равно что для собственной могилы участок присматривать, — думал Мэт. — Ясное дело, я предпочел бы вообще его не выбирать».

Палисад устанавливали перед лесом на восточной стороне поля. Чтобы обнести частоколом все поле или хотя бы какой-то его участок, у Мэта не хватало времени, да и не было в этом особого смысла. Имея у себя тех шарцев, что способны направлять Силу, Тень пройдет сквозь эти стены, как меч, рассекающий шелковую ткань. Но если оборудовать палисад мостками поверху, то лучники смогут вести по троллокам прицельную стрельбу.

Еще тут было две реки. На юго-запад текла Мора, разделявшая Половский взгорок и Дашарский бугор. Южный берег реки относился к Шайнару, северный — к Арафелу. Мора впадала в реку Эринин, протекавшую по южной границе поля

точно на запад.

Эти реки послужат получше любых стен. Особенно теперь, когда у Мэта имеются ресурсы для правильной обороны берегов. Хотя ресурсы — это слишком громко сказано. Половина солдат — зеленые новобранцы, зеленее весенней травы, а другая половина неделей раньше едва не погибла в бою. Порубежники потеряли две трети своих армий. О Свет — двух человек из троих… Будь их войско поменьше, все уже разбежались бы.

Если верить донесениям Небесных Кулаков, то, когда сюда заявятся те отродья Тени, на каждого Мэтова солдата придется по четыре троллока. Так что сеча будет нешуточная.

Поглубже надвинув шляпу, Мэт погладил пальцем новый подарок Туон: глазную повязку из красной кожи, которая ему очень понравилась.

— Эй, погодите! — крикнул он, проходя мимо недавно принятых в гвардию Башни новичков. Те проводили учебные схватки с боевыми посохами, поскольку наконечники для копий еще отковали не все. Мэт пришел к выводу, что с такими умениями эти ребята скорее поранятся сами, нежели поразят врага.

Он отдал какому-то парню ашандарей, а у другого взял посох. Первый тут же отсалютовал Мэту.

По годам мало кому из этих вояк приходилось бриться чаще, чем раз в месяц. Если паренек, у которого он забрал посох, хотя бы на день старше пятнадцати лет, Мэт готов был съесть собственные сапоги. Он даже варить их сперва не станет!

— Что вы зажмуриваетесь при каждом ударе посоха? — спросил он. — С закрытыми глазами в бою долго не протянешь. Вы что, в прошлый раз совсем меня не слушали?

Он поднял боевой посох, показал парням правильный хват, а затем велел отрабатывать блокирующий прием, которому научил его отец, когда Мэт был еще маленький и считал, что драться — это веселая забава. Теперь же он по очереди бил новобранцев, заставляя каждого парировать удар, а когда вспотел, громко обратился ко всем сразу:

— Чтоб мне сгореть, но вы у меня всему научитесь. Конечно, если вас убьют, невелика потеря, поскольку мозгов у вас не больше, чем у капустных кочерыжек. И мне придется доносить скорбную весть до ваших матерей, чего я делать, конечно же, не стану, но между партиями в кости мне может сделаться совестно, а я такого не люблю, так что смотрите и запоминайте!

— Лорд Коутон? — подал голос парнишка, у

которого Мэт забрал посох.

— Никакой я не… — Он осекся. — Ну да ладно. Что ты хотел?

— Может, поучимся драться на мечах?

— О Свет! — воскликнул Мэт. — Как тебя звать?

— Зигмонт, милорд.

— Сколько, по-твоему, у нас времени, Зигмонт? Или ты намерен сбегать на переговоры к Повелителям ужаса и отродьям Тени — мол, дайте нам пару-тройку месяцев, мне подучиться надобно?

Зигмонт покраснел, и Мэт вернул ему посох и вздохнул. «Городские мальчишки…»

— Поймите, я лишь хочу, чтобы вы могли защитить себя. Делать из вас великих воинов мне некогда, но чему я могу научить, так это слаженности и боевому порядку. Чтоб вы держали строй и действовали вместе, чтоб не разбежались, едва троллоков увидите. И это, поверьте моему слову, поможет вам куда сильнее, чем выкрутасы с мечом.

Пусть и с неохотой, но юноши кивнули.

— Короче, тренируйтесь. — Мэт вытер пот со лба и глянул через плечо. Кровь и пепел! К нему приближались Стражи Последнего часа.

Он схватил ашандарей и торопливо ушагал по-

дальше, а там юркнул было за палатку, но тут же столкнулся с несколькими шедшими по тропке Айз Седай.

— Мэт? С тобой все в порядке? — осведомилась возглавлявшая их Эгвейн.

— Проклятье! Они меня преследуют! — ответил Мэт, выглядывая из-за палатки.

— Преследуют? — переспросила Эгвейн. — Кто?

— Стражи Последнего часа, — ответил Мэт. — Я уже должен был вернуться в шатер Туон.

Эгвейн повела рукой, отсылая от себя всех, кроме своих извечных спутников, Гавина и этой шончанки.

— Мэт, — сказала она преисполненным терпения тоном. — Я очень рада, что ты наконец-то внял гласу рассудка и покинул шончанский лагерь, но нельзя ли было сбежать не сейчас, а после битвы?

— Прости, — брякнул Мэт, не особо прислушиваясь к ее словам, — но давай-ка прогуляемся до лагеря Айз Седай. Туда они соваться не станут.

Наверное. Если все Стражи Последнего часа похожи на Карида, они сунутся куда угодно, а сам Карид сиганет с обрыва вдогонку за сорвавшимся в пропасть человеком, которого ему велели

поймать.

Эгвейн развернулась и пошла обратно. Похоже, Мэт ее рассердил. Как же этим Айз Седай удается, сохраняя полное равнодушие, дать человеку понять, что они недовольны? Если так подумать, Айз Седай тоже сиганет за тобой с обрыва — лишь для того, чтобы объяснить, причем во всех подробностях, в чем ты заблуждался, когда выбрал такой способ покончить с жизнью.

И вообще… В последнее время Мэту все чаще казалось, что он уже сделал роковой шаг с обрыва, а теперь летит в пропасть.

— Мы найдем способ объяснить Фортуоне, почему ты сбежал, — сказала Илэйн, подходя к лагерю Айз Седай, размещенному Мэтом как можно дальше — пусть и в рамках разумного — от шончанских палаток. — Но ваш брак усложняет дело. Я рекомендовала бы…

— Погоди, Эгвейн, — перебил ее Мэт. — Ты о чем вообще?

— Ты же прячешься от шончанских гвардейцев, — ответила Эгвейн. — Что, не слушал?.. Ну конечно не слушал. Приятно знать, что, даже когда рушится весь мир, в нем остается хоть что-то неизменное. Квейндияр и Мэт Коутон.

— Я прячусь от них, — оглянулся Мэт, — потому

что Туон назначила меня судьей. И всякий раз, когда провинившийся солдат просит императрицу сменить гнев на милость, его треклятое дело должен разбирать ваш покорный слуга!

— Ты что, теперь и в суде заседаешь?! — не поверила Эгвейн.

— Да знаю, знаю, — отмахнулся Мэт. — Треклятой работы теперь столько, что головы не поднять. Вот я и бегаю от гвардейцев, чтобы выкроить хоть немного времени для себя.

— Честный труд тебе не повредил бы, Мэт.

— Ты же понимаешь, что это не так? Солдатская служба, к примеру, самый что ни на есть честный труд, но от него люди мрут как распроклятые мухи.

По всей очевидности, в будущем Гавин Траканд собирался получить звание Айз Седай и усердно к этому готовился, поскольку бросал на Мэта настолько обжигающие взгляды, что ими гордилась бы сама Морейн. Ну и пусть. Он же принц, и его с детства готовили ко всяким таким штукам вроде вынесения приговоров. Наверное, перед обедом отправлял на виселицу по несколько человек зараз, и так каждый день — просто чтобы не разучиться.

Но Мэт… Что-что, а отдавать приказы казнить

людей он не собирался. Вот и все. Точка.

Они миновали группу айильцев, отрабатывающих приемы рукопашного боя, — уж не сюда ли бежал Уриен? Потом Мэт, чья летящая походка вынуждала остальных идти быстрее — а все для того, чтобы их не настигли шончанские гвардейцы, — приблизился к Эгвейн и спросил уголком рта:

— Еще не нашелся?

— Нет, — ответила Эгвейн, не поворачиваясь. Пояснять, о чем речь, не было нужды.

— Проклятье! Как вы вообще умудрились его потерять? После всех наших усилий, затраченных на его поиски?

— Чьих усилий? Твоих? Насколько мне известно, Ранд, Лойал и порубежники имеют к этим поискам куда больше отношения, чем ты.

— Я тоже там был, — возразил Мэт. — Верхом проехал через весь треклятый континент. Или скажешь, что это не так? Чтоб мне сгореть! Сперва Ранд, а теперь ты! Что, теперь все будут припоминать мне тогдашнюю историю? Гавин, не хочешь поучаствовать? Твоя очередь!

— Я с удовольствием, — с готовностью отозвался Гавин.

— Ни слова! — тут же рявкнул Мэт. — Такое

чувство, что у всех, кроме меня, что-то с памятью стало! Я гонялся за этим треклятым Рогом как полоумный. И позволю себе заметить, именно я протрубил в него, и в результате все вы сумели сбежать из Фалме.

— Так вот как тебе запомнились те события? — спросила Эгвейн.

— Ну да, — ответил Мэт. — То есть в воспоминаниях имеются пробелы, но я по большей части свел фрагменты воедино.

— А кинжал?

— Та безделушка? Вряд ли она заслуживает упоминания. — Он машинально потянулся к поясу, где в прошлом носил этот кинжал, и Эгвейн, глядя на парня, приподняла бровь. — Но речь не о том. Нам никак не обойтись без этой треклятой трубы, Эгвейн! Она нужна нам позарез.

— Наши люди уже разыскивают Рог Валир, — сообщила она. — Но нам неизвестно, что именно случилось. От Перемещения остался след, но прошло немало времени, и… О Свет, Мэт! Поверь, мы делаем все, что в наших силах. Рог — не единственный артефакт, похищенный у нас Тенью…

Мэт внимательно смотрел на нее, но после этих слов Эгвейн как в рот воды набрала. Ох уж эти растреклятые Айз Седай!

— Ну а Перрина уже отыскали? — спросил он. — Как-то мне не хочется сообщать ему об исчезновении его жены.

— Его никто не видел, — ответила Эгвейн. — Думаю, сейчас он как-то помогает Ранду.

— О-хо-хо… — вздохнул Мэт. — А можешь открыть переходные врата на Дашарский бугор?

— Ты же собирался ко мне в лагерь?

— Это по пути, — сказал Мэт. — Ну, более или менее. Заодно собьем с толку Стражей Последнего часа. Чтоб мне сгореть, Эгвейн, но, по-моему, они догадались, куда мы идем.

По секундном размышлении Эгвейн открыла переходные врата, и все отправились на площадку для Перемещения, устроенную на вершине Бугра.

Будучи повыше холма, но пониже горы, Дашарский бугор представлял собой возвышающееся на добрую сотню футов скальное образование, и находился он примерно в середине предполагаемого поля боя. Из-за неприступности каменных откосов попасть на его вершину можно было лишь через переходные врата. Отсюда Мэт и его военачальники смогут наблюдать за ходом битвы.

— На моей памяти один только ты, Мэтрим

Коутон, тратишь столько сил, чтобы облегчить себе жизнь, — заметила Эгвейн.

— Это ты с солдатами мало общалась, — откликнулся Мэт.

Выйдя на площадку для Перемещения, он помахал рукой отсалютовавшим ему бойцам.

Мэт посмотрел на север, на Мору, за которой находился Арафел; затем взглянул на северо-восток, на руины какого-то укрепления или сторожевой башни. Потом перевел взор на восток, где за строящимся палисадом виднелся густой лес. На юге его глазам предстала текущая в отдалении река Эринин и необычная рощица из высоких деревьев, приводивших Лойала в благоговейный трепет. Говорили, что эти деревья вырастил Ранд, когда в шатре на встрече правителей подписывали мирный договор. На юго-западе имелся единственный приличный брод через Мору — местные фермеры называли его Хаувальским, — а за ним на арафелском берегу на значительном пространстве раскинулись топкие болота.

К западу от Моры высился Половский взгорок — сорокафутовое плато, восточный склон которого был очень крутым, а остальные — более пологими.

Между основанием склона на юго-западе и

топями имелся проход шириной в пару сотен шагов, истоптанный множеством путников, шедших из Шайнара в Арафел или наоборот. Все эти особенности рельефа сыграют Мэту на руку. Но хватит ли этого? Мэт чувствовал, как что-то влечет его на север. В скором времени Ранду понадобится его помощь.

Затем на вершине Дашара появился новый человек, и Мэт чуть было не дал деру, но понял, что перед ним не Страж Последнего часа, а всего лишь Джур Грейди. Лицо у него было морщинистым и обветренным.

— Я привел вон тех солдат, — указал он, и Мэт увидел, как из переходных врат, открытых на площадке для Перемещения возле палисада, выходит небольшое войско: сотня парней из Отряда Красной руки под руководством Деларна. Над ними развевался кроваво-красный флаг. «Красноруких» сопровождали люди в потрепанной одежде — что-то около пяти сотен.

— Для чего все это? — спросил Грейди. — Предполагаю, вы отправили эту сотню в деревню на юге вербовать новобранцев?

И не только. «Я тебе жизнь спас, дружище, — думал Мэт, выискивая взглядом Деларна. — А потом ты сам вызвался на такое дело. Вот ведь

растреклятый дурак!» Деларн вел себя так, словно его судьба была предопределена.

— Отправь их вверх по реке, — велел Мэт. — Судя по картам, там единственное место, где можно перекрыть Мору. Узкий каньон в нескольких лигах к северо-востоку отсюда.

— Хорошо, — согласился Грейди. — Там могут быть те, кто владеет Силой.

— И тебе придется с ними разобраться, — сказал Мэт. — Но в первую очередь дай возможность этому отряду защитить реку. Собой постарайся не рисковать. Пусть всю работу делают Деларн и его люди.

— Прошу прощения, — заметил Грейди, — но шестьсот человек — не так уж много. И большинство из них не назовешь обученными солдатами.

— Я знаю, что делаю, — сказал Мэт, а про себя добавил: «Уж надеюсь».

Грейди с сомнением кивнул и ушел.

Эгвейн с любопытством смотрела на Мэта.

— Выйти из этого боя не получится, — тихо объяснил Мэт. — Мы не отступим. Ведь отступать некуда. Или выстоим, или все потеряем.

— Всегда есть куда отступить, — возразила Эгвейн.

— Нет, — ответил Мэт. — Уже нет.

Он положил ашандарей на плечо, вытянул руку ладонью вперед.

Мэт внимательно обозревал местность, а в голове вспыхивали фрагменты воспоминаний, будто сотканные из света и пыли. Рион при Хунском холме. Наат и Сан д'ма Шадар. Падение Пипкина. Многие сотни сражений, сотни побед. И тысячи погибших.

Мэт глядел на поле, и перед его мысленным взором проносились обрывки воспоминаний.

— Ты говорила с теми, кто отвечает за поставки? У нас заканчиваются съестные припасы, Эгвейн. Продолжительную битву, да еще время от времени отступая, нам не выиграть. Нас тогда попросту сомнут, как Эйала на Майгандском пограничье. Наши войска потрепаны, и сильнее мы уже не станем. Если отступить, обречем себя на голодную смерть, а троллоки нас уничтожат.

— Ранд, — напомнила Эгвейн. — Нам надо лишь продержаться до его победы.

— В каком-то смысле ты права. — Мэт повернулся в сторону Половского взгорка, и перед его внутренним взором возникли картины того, что́ может быть, разные варианты возможных событий. Он представил себе, как на взгорке, точно тени, появляются всадники. Если пытаться

удерживать эту возвышенность, Мэта разобьют, хотя, может… — Случись Ранду проиграть, все утратит смысл. Треклятое Колесо сломается, и мы обратимся в ничто. Это если повезет. И тут уж ничего не поделаешь. Но вот какая штука. Даже если у Ранда все получится, мы все равно можем потерпеть поражение. И мы проиграем, если нам не удастся остановить армии Тени. — Он прищурился, глядя на образы, возникающие перед ним по всему полю сражения. Схватка у брода. Летящие из-за палисада стрелы. — Нельзя просто дать им отпор, Эгвейн. Мы должны уничтожить их, прогнать войско Тени и выследить и прикончить всех троллоков до последнего. Продержаться и выжить?.. Этого мало. Мы должны победить раз и навсегда.

— И как этого добиться? — спросила Эгвейн. — Мэт, твои речи неразумны. Разве не ты вчера говорил, что враг намного превосходит нас числом?

Мэт бросил взгляд в сторону болот, где образы-тени, созданные из пыли и воспоминаний, кое-как пробирались через трясину.

— Надо все поменять, — заявил он. — Нельзя же делать то, чего ожидает Тень. Нельзя, ведь шпионы могли сообщить врагу о его планах. — Кровь

и треклятый пепел… Последний бросок костей, и ставка сделана на все, что у нас есть…

Из переходных врат, возникших на вершине Бугра, появились несколько мужчин в темных доспехах. Они тяжело дышали, будто перед тем, как попасть сюда, им сперва пришлось гоняться за особо прыткой дамани. Их нагрудники покрывал темно-красный лак, но и без этих грозных атрибутов мужчины внушали страх, а вокруг смотрели с такой яростной свирепостью, что одним взглядом могли бы яичницу пожарить.

— Ваше присутствие, — сказал командир отряда по имени Гэлен, указывая на Мэта, — требуется…

Мэт остановил его поднятой рукой.

— На сей раз вы не заставите меня отступиться! — воскликнул Гэлен. — У меня приказ от самой…

Мэт прожег Стража взглядом, а когда тот умолк на полуслове, снова посмотрел на север. Прохладный и почему-то знакомый ветерок налетел на него, поколыхал полы его длинной куртки, задел шляпу. Мэт прищурил глаз. Его влекло к Ранду.

В голове по-прежнему гремели игральные кости.

— Они здесь, — сказал Мэт.

— Что ты сказал? — переспросила Эгвейн.

— Они здесь!

— Но разведчики…

— Разведчики ошиблись. — Подняв голову, Мэт разглядел, что к лагерю стремительно приближаются два ракена. Их наездники все видели. Должно быть, троллоки шли сюда всю ночь.

«Первыми объявятся шарцы, — подумал Мэт, — чтобы дать троллокам перевести дух. И придут они через переходные врата».

— Разошлите гонцов, — велел он Стражам Последнего часа. — Пусть бойцы занимают свои позиции. И предупредите Илэйн, что я намерен изменить план сражения.

— Что? — не поверила своим ушам Эгвейн.

— Да они здесь уже! — сказал Мэт, вновь повернувшись к солдатам в темной броне. — Проклятье! Почему вы еще здесь? Бегом, бегом!

В небесах пронзительно крикнул ракен. К чести Гэлена, он отсалютовал и вместе с товарищами сорвался с места, гремя массивными латами.

— Ну вот и все, Эгвейн, — сказал Мэт. — Сделай глубокий вдох, хлебни напоследок бренди или выкури последнюю трубку. А еще посмотри хорошенько на эти земли вокруг. Ведь скоро они покроются кровью. Через час мы окажемся в самой гуще событий. И да хранит нас всех Свет.

Перрин дрейфовал во тьме. Как же он устал!

Но в глубине сознания крутились мысли: «Губитель еще жив. Грендаль действует на разум великих капитанов. Конец близок. Нельзя сейчас уходить! Надо держаться».

Держаться? За что? Он попробовал открыть глаза, но сил уже не осталось. Он должен… должен как-то выбраться из волчьего сна и поскорее. Все онемело, все тело, кроме…

Кроме его бедра. Непослушными и отяжелевшими, будто кирпичи, пальцами он нащупал источник тепла. Молот. Мах'аллейнир стал обжигающе горячим. Тепло разошлось по пальцам, и Перрин сделал глубокий вдох.

Надо проснуться. Он вцепился в остатки сознания. Так бывает, когда начинаешь засыпать, но еще в какой-то мере бодрствуешь. В этом состоянии Перрину чудилось, что он стоит на развилке. Одна тропа вела еще глубже во мрак, а вторая… Ее он не видел, но знал, что этот путь означает… Означает пробуждение.

Тепло молота распространилось по предплечью. К Перрину вернулась ясность мышления. «Проснись!»

Именно так поступил Губитель. Он… проснулся… но как?..

Перрин чувствовал, как из тела тонкой струйкой утекает жизнь. Времени почти не осталось. Полумертвый, в шаге от объятий смерти, он стиснул зубы, набрал полную грудь воздуха и заставил себя *проснуться*.

Безмолвие волчьего сна разбилось вдребезги.

Упав на мягкую землю, Перрин очутился в мире шума. Здесь громко обсуждали боевой порядок, построение рядов…

Рядом кто-то изумленно вскрикнул. Затем еще кто-то. И еще.

— Перрин?

Он знал этот голос.

— Перрин, мальчик мой!

Мастер Лухан? Отяжелевшие веки не слушались. Перрина обхватили чьи-то руки.

— Держись. Я рядом, парень. Я рядом. Только держись, слышишь?

Глава 37. Последняя битва

Тем утром над Половским взгорком занялась заря, но Защитники Света не увидели солнца. С запада и севера явились воинства Тьмы – с тем чтобы победить в последнем сражении, накрыть землю Тенью и возвестить о начале эпохи, в которую мученические стенания останутся неуслышанными.

Из заметок Лойала, сына Арента, сына Халана, Четвертая эпоха

Воздев меч к небесам, Лан галопом гнал Ман-

дарба через лагерь.

Утренние тучи словно бы истекали кроваво-красным — такой цвет облакам придавали отражающиеся в них громадные огненные шары. Издалека казалось, что багровые сферы, которые запускала приближавшаяся с запада бесчисленная шарская армия, еле движутся, описывая в воздухе изящные дуги.

Покидая лагерь, к Лану присоединялись новые всадники. За спиной у него скакали оставшиеся в живых малкири, но его войско росло как на дрожжах. Державшийся впереди Андер поднял знамя Малкир, и под стяг с Золотым журавлем собирались теперь все воины Пограничных земель.

Израненные, но непобежденные. Сбей человека с ног и сразу поймешь, из какого он теста. Быть может, он попробует сбежать. А если нет, если он встанет, сплюнет кровь и решительно посмотрит тебе в глаза… Вот тогда и узнаешь. Такой человек вот-вот станет чрезвычайно опасен.

Казалось, что огненные шары, устремляясь вниз, начинают двигаться куда быстрее, обрушиваясь на лагерь ярко-красными вспышками гнева. От взрывов содрогалась земля, и теперь топот лошадиных копыт сопровождали человеческие крики. Тем не менее бойцов в отряде

становилось все больше. Мэт Коутон разослал весть по всем лагерям: Лану потребуется больше конницы, чтобы усилить атаку и заменить павших солдат.

И еще он назвал цену, которую предстояло уплатить. Кавалерия должна драться в передних рядах, рассекая боевые порядки шарцев и троллоков, и на отдых можно не рассчитывать. Сегодня конница понесет тяжелейшие потери.

Тем не менее в отряд Лана вливались новые бойцы. Порубежники, с виду староватые для конной атаки. Купцы, отложившие тугой кошелек и взявшие в руки острый меч. Южане, среди которых было на удивление много женщин в кирасах и в стальных или кожаных шлемах, вооруженные обычными копьями, поскольку тяжелых, кавалерийских, на всех не хватило.

— По виду половина из наших — скорее фермеры, а не солдаты! — крикнул Андер поверх топота копыт.

— Ты когда-нибудь видел в конном бою мужчин или женщин из Двуречья? — прокричал Лан в ответ.

— Что-то не припоминаю.

— Ты глазам своим не поверишь!

На берегу Моры конников ждал, сцепив руки

за спиной, длинноволосый человек в черном мундире, а с ним — сорок Аша'манов и Айз Седай. Логайн окинул взглядом войско Лана, затем поднял руку к небу и смял на излете громадный огненный шар — с такой легкостью, будто имел дело с клочком бумаги. С треском, похожим на разряд молнии, пылающая сфера рассыпалась гаснущими искрами, в воздухе заклубился дым, и вскоре бурная река покрылась черно-белыми хлопьями пепла.

Близ Хаувальского брода, к югу от Половского взгорка, Лан придержал Мандарба. Другую руку Логайн выбросил вперед, указывая на Мору. Речные воды взволновались, а затем вздыбились, будто натолкнувшись на невидимую дамбу, и по другую сторону этой преграды обрушились бурным водопадом, выплескиваясь на речные берега.

Лан кивнул Логайну и продолжил путь, направив Мандарба под водяную арку, на еще мокрые камни брода. В мерцании преломленного солнечного света он мчался по возникшему в речной толще водному туннелю. За ним следовали Андер и малкири. Слева, вздымая пелену брызг, ревел водопад.

Когда Мандарб выскочил на другой берег, Лан

дал глазам привыкнуть к новому освещению, после чего направил коня навстречу шарцам. Справа высился Половский взгорок, слева раскинулись топи, а между ними — полоса ровной и твердой земли. Занявшие позиции на взгорке лучники, арбалетчики и драконiры готовились встретить врага дружными залпами.

Впереди — шарцы, за ними — громадная армия троллоков, и все они — к западу от Половского взгорка. Воздух задрожал от грохота драконов, открывших стрельбу с возвышенности, и вскоре шарцы почувствовали на себе удар, по мощи сопоставимый с их огненными шарами.

Лан опустил копье, наметил себе вражеского солдата, бежавшего к Половскому взгорку, и сосредоточился на предстоящей атаке.

Илэйн вздернула голову и повернулась на жуткие звуки негромкого напева, проникновенного и одновременно прекрасного и ужасного, а затем двинулась к нему, пришпорив Лунную Тень. Откуда же оно доносится, это пение?

Кошмарный звук шел откуда-то из глубин шончанского лагеря у основания Дашарского бугра. Пора бы отругать Мэта за то, что скрывает от нее планы сражения, но это позже, а сейчас надо найти источник этого звука, этого прекрасного

напева, этого…

— Илэйн! — окликнула ее Бергитте.

Илэйн снова ударила пятками Лунную Тень.

— Илэйн! Драгкары!

Драгкары. Илэйн встрепенулась, подняла взгляд и увидела этих тварей, падавших на лагерь каплями дождя. Женщины-гвардейцы опустили мечи и, широко раскрыв глаза, прислушивались к чудовищной песне.

Илэйн сплела удар грома, и тот грянул так, что женщины вскрикнули и зажали ладонями уши. Когда голову пронзила боль, Илэйн выругалась, зажмурилась, а затем… Тишина.

Да, так гораздо лучше.

Заставив себя открыть глаза, она увидела повсюду гибких и рослых драгкаров с нечеловеческими глазами. Разомкнув губы, они продолжали тянуть на низких нотах свой напев, но теперь на оглохшую Илэйн он не действовал. Она с улыбкой обрушила на врагов огненные хлысты. Жаль, конечно, что она не слышит, как эти мерзкие твари вопят от боли.

Женщины пришли в себя, поднялись с колен и отняли ладони от ушей. По их растерянным взглядам было ясно, что гвардейцы оглохли, но вскоре Бергитте организовала атаку на изумлен-

ных драгкаров, застигнутых врасплох подобным отпором. Трое из них хотели было улететь, но золотоволосая женщина сразила каждого стрелой с белым оперением, и последний рухнул на стоявшую поблизости палатку.

Илэйн подняла руку, чтобы привлечь внимание Стража. Первые звуки напева драгкаров донеслись не с неба, но откуда-то из лагеря. Указав направление, Илэйн развернула Лунную Тень и повела свой отряд на территорию шончан, где повсюду, открыв рот, лежали на земле люди. Многие еще дышали, но в небо все смотрели мертвыми глазами. Их тела продолжали жить, но драгкары пожрали их души. Теперь их можно было сравнить с коркой, срезанной с ломтя хлеба расточительным богачом.

Но как же они небрежны, эти драгкары! Каждый из них — о Свет, этих монстров было куда больше сотни! — мог бы убить по человеку, а затем отступить, не выдав себя. Нападение прикрыл бы далекий шум битвы: заунывные звуки горнов, грохот драконов, шипение огненных шаров — все то, чего оглушенная Илэйн сейчас почти не слышала, но чувствовала всем телом. Так что драгкары нанесли бы удар и сбежали, но их подвела жадность.

Гвардейцы, рассредоточившись, набросились на удивленных чудовищ, многие из которых прижимали к себе еще живых солдат. Если говорить о грубой силе, в рукопашной эти твари не представляли особой опасности. Илэйн ждала, приготовив плетения. Тех драгкаров, что пытались улететь, она сжигала в небесах.

Когда последний из крылатых был мертв — по крайней мере, живых на виду больше не осталось, — Илэйн жестом подозвала Бергитте. Повсюду стоял резкий запах горелого мяса. Наморщив нос, Илэйн наклонилась в седле, обхватила голову Бергитте ладонями и вернула Стражу слух. В животе зашевелились дети. Так они реагируют всякий раз, когда Илэйн кого-то Исцеляет… или это ей только кажется? Она коснулась живота. Бергитте сделала шаг назад, осмотрелась, наложила на тетиву стрелу, и Илэйн почувствовала ее беспокойство.

Тренькнула тетива. Из палатки вывалился прятавшийся в ней драгкар, а следом на нетвердых ногах вышел шончанский солдат с остекленевшим взглядом. Драгкар не успел до конца поглотить его душу, но рассудок к этому бедняге уже не вернется.

Илэйн развернула Лунную Тень и увидела, как

в очищенную от драгкаров часть лагеря вбегает шончанский отряд. Бергитте перекинулась парой слов с его командиром, а затем обратилась было к Илэйн, но та лишь покачала головой. После паузы Бергитте сказала командиру что-то еще.

Женщины-гвардейцы окружили свою королеву, с недоверием поглядывая на шончан. Илэйн прекрасно понимала, что они чувствуют.

Бергитте взмахнула рукой — мол, вперед, — и они продолжили путь в прежнем направлении, но тут к Илэйн приблизились сул'дам и ее дамани. Как ни странно, обе присели в реверансе. Быть может, Фортуона приказала им проявлять уважение к чужеземным монархам?

Илэйн растерялась, но… какие у нее были варианты? Вернуться в свой лагерь для Исцеления? На это уйдет время, а ей требовалось срочно поговорить с Мэтом. Зачем он днями составлял планы сражения, если теперь хочет от них отказаться? Илэйн доверяла ему — видит Свет, из необходимости, но доверяла, — однако предпочла бы знать, что у него на уме.

Девушка вздохнула и выставила ногу в сторону дамани. Та нахмурилась, затем взглянула на сул'дам. Похоже, обе восприняли этот жест как оскорбление, хотя Илэйн не намеревалась никого

оскорблять.

Сул'дам кивнула, и дамани, протянув руку, коснулась ноги Илэйн над голенищем сапога. Эти крепкие сапоги пристало носить солдату, а не королеве, но воевать в мягких туфлях Илэйн не собиралась.

По телу прокатилась ледяная волна Исцеления, и слух понемногу вернулся. Сперва звуки нижнего регистра. Взрывы. Далекое громыхание драконов, гул текущей реки. Голоса шончан. Затем средний регистр, а с ним целый каскад звуков. Шелест парусины, крики солдат, пронзительные завывания сигнальных труб… Илэйн повернулась к Бергитте:

— Скажи им, чтобы Исцелили остальных.

Бергитте заломила бровь. Наверное, не поняла, почему Илэйн сама не может отдать этот приказ. Да потому, что эти шончан трепетно относятся к тому, кому и с кем положено говорить, так что Илэйн не удостоит их чести обращаться к ним напрямую.

Бергитте передала приказ, и сул'дам поджала губы. Голова у нее была выбрита по бокам, значит она знатного происхождения. Да ниспошлет Свет, чтобы Илэйн не нанесла ей очередное оскорбление.

— Хорошо, — ответила женщина. — Хотя у меня в голове не укладывается, как вы можете принимать Исцеление от животных.

Шончан не допускали и мысли о том, чтобы позволять дамани Исцелять других. По крайней мере, так они утверждали, но это не помешало им, пусть и неохотно, обучить своих пленниц соответствующим плетениям — теперь, когда шончан увидели, какое преимущество они дают в бою. Однако Илэйн слышала, что шончанские аристократы по большей части отказываются от Исцеления.

— Вперед! — Когда Лунная Тень тронулась с места, Илэйн жестом велела гвардейцам остаться и принять помощь дамани.

Бергитте просверлила девушку взглядом, но возражений не последовало. Она вскочила на свою лошадь и вместе с Илэйн поехала к шончанскому штабному домику. Одноэтажный, размером с небольшой фермерский дом, он стоял в просторной и глубокой расселине у южного склона Дашарского бугра. Сюда его перенесли по требованию Мэта, поскольку наверху он бы был слишком уж на виду и привлекал ненужное внимание. Тем не менее вершину Дашара можно будет использовать для недолгих вылазок ради

наблюдения за ходом битвы.

Илэйн ни слова не сказала, когда Бергитте помогла ей спешиться. О Свет, она уже начинала чувствовать себя страшно неповоротливой. Все равно что корабль в сухом доке. Обождав минутку, чтобы надлежащим образом прийти в себя, обуздать чувства и сделать невозмутимое лицо, Илэйн поправила прическу, разгладила платье и вошла в шончанский штаб, где с порога заорала:

— Раздери тебя растреклятый двупалый свинохвостый троллок, что ты такое творишь, Мэтрим Коутон?!

Она нисколько не удивилась, когда Мэт, отвлекшись от стола с картами, встретил это ругательство широкой ухмылкой. Он был в шляпе и куртке, надетой поверх красивого шелкового одеяния, которое, как видно, пошили под цвет головного убора. Кроме того, манжеты и воротник украшала тисненая кожа, чтобы шляпа не выглядела совсем уж неуместно. Здесь попахивало каким-то компромиссом. Но почему на шляпе розовая лента?

— Привет, Илэйн, — сказал Мэт. — Так и знал, что вскорости можно ожидать твоего появления.

И он указал на стоявшее в углу кресло, отделанное в андорских цветах, красном и золотом.

На сиденье лежали дополнительные подушки, а на приставном столике дымилась чашка горячего чая.

«Чтоб тебе сгореть, Мэтрим Коутон! — подумала Илэйн. — Когда это ты так поумнел?»

Трон шончанской императрицы стоял на самом видном месте. Рядом сидела Мин, задрапированная в такое количество зеленого шелка, что его хватило бы на пару недель торговли в кэймлинской лавке. Илэйн не преминула отметить тот факт, что ее кресло было на два пальца ниже трона Фортуоны. Проклятье! Вот же невыносимая женщина…

— Мэт, у тебя в лагере драгкары.

— Чтоб им сгореть! — отозвался Мэт. — Где?

— Вернее сказать, они были у тебя в лагере, но их больше нет, поскольку мы с ними разобрались. Скажи лучникам, чтобы повнимательней следили за небесами.

— Уже говорил, — посетовал Мэт. — Кровь и пепел! Кто-нибудь, сбегайте к лучникам, пока я…

— Великий принц! — влетел в комнату шончанский гонец. Одним заученным плавным движением он упал на колени, а затем простерся на полу, но говорить не перестал. — Резерв лучников уничтожен! Шарские конники налетели

под прикрытием дыма от огненных шаров.

— Кровь и треклятый пепел! — воскликнул Мэт. — Отправьте туда шестнадцать дамани и сул'дам — прямо сейчас! Пошлите за лучниками, что стоят на севере! Приведите сюда два отряда, сорок второй и пятидесятый! А разведчикам передай, что, если подобное повторится, я устрою им показательную порку!

— Вас понял, о великий. — Разведчик вскочил на ноги, отсалютовал и, пятясь, вышел из комнаты, не поднимая глаз, чтобы не встретить взгляд Мэта.

В общем и целом Илэйн впечатлила та легкость, с которой этот парень соединил свой доклад с тем, как у шончан принято выказывать почтение. Но еще ей стало тошно. Правитель не должен требовать от подданных такого раболепия. Сила государства заключена в силе его народа: сломай его волю — и сломаешь собственный хребет.

— Ты ожидал моего прихода, — сказала Илэйн, после того как Мэт отдал помощникам еще несколько приказов. — И предполагал, как сильно я рассержусь. Чтоб тебе сгореть, Мэтрим Коутон, с какой стати тебе понадобилось отказываться от нашего плана? По-моему, он был отличный!

— Так и есть, — согласился Мэт.

— Тогда зачем его менять?!

— Илэйн, — посмотрел на нее Мэт, — все выбрали меня главным — причем против моей воли — только потому, что Отрекшиеся не могут повлиять на мои решения. Верно?

— В целом — да, верно, — подтвердила Илэйн. — Хотя подозреваю, что дело не столько в этом твоем медальоне, сколько в том, что у тебя такая тупая башка, в которую не пробьется никакое Принуждение.

— Истинная, чтоб ее, правда, — кивнул Мэт. — В любом случае, если Отрекшиеся подвергли Принуждению кого-то в нашем лагере, то нельзя исключать, что на наших совещаниях были шпионы.

— Ну… Пожалуй.

— И теперь им известен наш план. Наш великолепный план, на разработку которого ушло столько времени. Они знают его не хуже нас.

Илэйн молчала.

— О Свет! — промолвил Мэт, качая головой. — Первое и главнейшее правило военной победы — знать, что предпримет твой враг.

— Мне казалось, что первое правило — знать местность, на которой развернется сражение, —

заметила Илэйн, сложив руки на груди.

— И это тоже. Так или иначе, если врагу известен наш план, то, по-моему, его нужно менять. Немедленно. Самый скверный план будет лучше того, о котором осведомлен неприятель.

— Почему ты не подумал об этом заранее? — поинтересовалась Илэйн.

Мэт безучастно взглянул на нее. Уголок его рта приподнялся, но затем Мэт поглубже надвинул шляпу, и глазная повязка спряталась в ее тени.

— О Свет! — охнула Илэйн. — Ты все знал. Целую неделю работал над планом вместе с нами, и все это время знал, что результат наших трудов будет выброшен на помойку!

— Проклятье! Не слишком ли я умен в твоих глазах? — сказал Мэт и снова опустил взгляд на карты. — Думаю, в глубине души я знал об этом с самого начала, но окончательно все понял, лишь когда здесь объявились шарцы.

— И каков же новый план?

Мэт не ответил.

— Ты будешь держать его у себя в голове, — заключила Илэйн, чувствуя, как слабеют колени. — Возглавишь битву, и никто из нас не будет знать, что, во имя Света, ты задумал. Так ведь? Иначе кто-нибудь может подслушать, и Тень обо всем

узнает. Да?

Он кивнул.

— Спаси нас Создатель, — прошептала Илэйн, и Мэт нахмурился:

— Знаешь, Туон сказала то же самое.

На Половском взгорке Уно зажал уши, когда стоявшие рядом драконы изрыгнули огонь в сторону подступавших с запада троллоков и шарцев. В воздухе пахло чем-то едким и горелым, а выстрелы были настолько оглушительными, что Уно даже собственной ругани не услышал.

Внизу всадники Лана Мандрагорана охватывали наступающих с обоих флангов, чтобы те держались кучнее и чтобы драконы наносили им как можно больший урон. У шарцев были троллоки. А еще те, кто владел Силой. И таких было очень много. С северо-востока подходила еще одна крупная армия троллоков — та самая, что так потрепала войска Дай Шана. Пока что она находилась выше по реке, но уже скоро явится на Поле Меррилор.

На какое-то время грохотание драконов прекратилось. Драконеры вновь принялись набивать утробы своих питомцев невесть чем. Уно не знал, что заставляет эти штуки работать, но твердо решил, что приближаться к драконам не станет.

Одно невезение от них. Проклятье, это уж точно.

Драконировв возглавлял жилистый кайриэнец, а с кайриэнцами Уно никогда не ладил. Стоило открыть рот, и они, чтоб им сгореть, всегда кроили недовольную физиономию. Этот же с надменным видом восседал на коне и даже не вздрогнул, когда драконы дали очередной залп.

Связавшись с этими ребятами, да еще с шончанской императрицей в придачу, Престол Амерлин испытывала судьбу. Но Уно, так его растак, и не думал сокрушаться по этому поводу, ведь силам Света нужен каждый, кто способен держать меч, пусть даже то будут кайриэнцы и треклятые шончан.

— Как тебе наши драконы, капитан? Нравятся? — крикнул ему тот командир, которого звали Талманес. Ха, капитан. Потому что Уно повысили до треклятого капитана и теперь он возглавлял отряд, состоявший из легкой конницы и недавно набранных Башней пикинеров.

Проклятье! Командирская должность совсем не для него. Уно прекрасно себя чувствовал в качестве рядового солдата. Но он немало повоевал и имел опыт обучения подчиненных, чего нынче, как сказал Брин в Салидаре, крайне недостает. И вот поэтому Уно теперь растреклятый офицер,

командующий сразу и пехотой, и конницей, вот так-то! Что ж, с пехотной пикой обращаться он умел — при необходимости, конечно, поскольку обычно предпочитал сражаться верхом.

Его люди готовились оборонять Половский взгорок, случись врагу взобраться по склону. Пока что наступающих сдерживали стоявшие перед драконирами лучники, но уже скоро им придется отступить, после чего в треклятый бой вступят обычные, чтоб им сгореть, солдаты. Шарцы внизу расступились, пропуская двинувшихся на штурм взгорка основные силы троллоков.

Их атаку отразят вышедшие в первую линию пикинеры, чье оружие придется весьма кстати, ведь троллокам предстоит карабкаться вверх по склону. Добавь сюда треклятую конницу, чтобы наносила удары с флангов, да еще проклятых лучников, пускающих стрелы через переходные врата, открытые высоко в небе, и Половский взгорок можно удерживать несколько дней, а то и недель. Когда же обороняющихся начнет теснить превосходящий числом враг, тогда они будут отступать — дюйм за дюймом, цепляясь за каждый клочок земли.

Уно давно уже пришел к выводу, что в этой растреклятой битве ему суждено погибнуть. Он даже

удивлялся, что еще жив и сумел протянуть так долго. Если так посудить, его жизнь мог забрать треклятый Масима, или шончан возле Фалме, или какие-нибудь троллоки — или тут, или там. Он старался поменьше есть, чтоб от него остались кожа да кости и своим вкусом его труп испортил бы все варево в треклятом троллочьем котле.

Драконы дали новый залп, проделав громадные пробоины в приближавшейся орде троллоков. Уно зажал ладонями уши:

— Проклятье! Хоть предупреждайте перед этим делом! Слышите, вы, растреклятые причиндалы, что у гадского козла…

Его голос утонул в грохоте очередного выстрела.

Драконьи яйца вспахивали землю, и троллоков внизу подбрасывало к небу. Расставшись с жерлом треклятого дракона, такой снаряд не просто летел по воздуху, он еще и взрывался! Что же за сила, кроме Единой, способна взорвать металл? Этого Уно не знал, да и знать не хотел. Будь оно все проклято!

Талманес приблизился к краю взгорка, поглядел вниз, на склон, оценивая причиненный ущерб. Рядом с ним встала та женщина, тарабонка, что изобрела это оружие. Она повертела

головой, заметила Уно и что-то ему бросила. Небольшой кусок воска. Затем тарабонка постучала пальцем себе по уху и, оживленно жестикулируя, завела разговор с Талманесом. Пусть он и командовал людьми, но главной над теми необычными трубами была эта женщина. Именно она говорила солдатам, как расставлять драконов.

Уно хмыкнул, но сунул кусочек воска в карман. Троллочий кулак, добрая сотня этих уродов, пробился через взрывы драконьих яиц, и затыкать уши было некогда. Уно подхватил пику, выставил ее перед собой и жестом велел своим людям сделать то же самое. На всех была белая форма Башни; на самом же Уно сегодня красовался белоснежный табар.

Он выкрикнул приказы и, встав у самого склона и немного повернувшись боком, приопустил оружие так, чтобы нижняя часть древка приподнялась сзади. Одна рука держит пику перед собой, чтобы направлять и усиливать удар. Вторая, ладонью вниз, сжимает древко на расстоянии локтя от его пятки; именно она, вторая рука, вгонит пику в монстра, оказавшегося в пределах досягаемости. За спиной у солдат первой шеренги стояли другие, готовые сменить товарищей после первого столкновения.

— Ровнее пики держите, вы, пастухи растреклятые! — взревел Уно. — Ровнее!

Взбираясь вверх по склону, первые троллоки наткнулись на шеренгу пикинеров и тут же принялись размахивать оружием, пытаясь отбить пики в сторону, но люди Уно шагнули вперед, тесня врагов, и зачастую одного троллока пронзали сразу двое солдат. Крякнув, Уно вогнал наконечник во вражеское горло, потянул пику на себя, чтобы сбросить с нее труп, и завопил:

— Первая шеренга, назад!

По его примеру солдаты высвободили оружие и отступили, а убитые троллоки покатились вниз по склону.

На смену первому ряду пикинеров вышел второй, и рычащих троллоков пронзили новые пики. Шеренги поочередно сменяли друг друга несколько минут, пока не перебили весь троллочий кулак.

— Славно потрудились. — Уно поднял свою пику вертикально, и по древку скользнула струйка зловонной троллочьей крови. — Молодцы.

Он оглянулся на драконировщиков. Те скармливали в жерла тех труб новые яйца, и Уно поспешно полез в карман за воском. Да, они смогут удержать эту распроклятую позицию. Еще как смогут.

Надо лишь…

Когда он затыкал уши, над головой раздался крик, и совсем рядом глухо стукнул о землю упавший с неба свинцовый шар с прикрепленными к нему длинными узкими лентами.

— Козлина ты шончанская! — завопил Уно, задрав голову и потрясая кулаком. — Чуть по макушке мне не попал, ты, трупожорина червивая!

Но ракен уже был таков, и его наездник вряд ли услышал адресованные ему слова. Вот же треклятые шончан! Уно наклонился и открепил от шара записку.

«Отступайте вниз по юго-западному склону Половского взгорка».

— Да вы растреклято издеваетесь, — пробурчал Уно. — Это ж как спящего обухом по голове! Эй, Аллин, дурная твоя башка, прочесть сможешь?

Черноволосый андорец, к которому он обращался, брил щеки, но оставлял козлиную бородку, а Уно всегда считал, что у таких бородачей, чтоб им всем сгореть, растреклято смехотворный вид.

— Отступать? — озадачился Аллин. — Что, сейчас?

— Проклятье! Да у них совсем ум за разум зашел! — заявил Уно.

К стоявшим неподалеку Талманесу и тара-

бонке тоже подбежала женщина-посыльный. И доставила она, судя по мрачному лицу хозяйки драконов, такой же приказ: отступать.

— Лучше бы этому треклятому Коутону знать, что он делает, — покачал головой Уно.

У него до сих пор в голове не укладывалось, с какой такой стати этому самому Коутону доверили командовать хоть кем-то, не говоря уже о целой армии. Он помнил этого мальчишку со впалыми глазами. Вечно всем грубил. Был какой-то полумертвый, попорченный. Уно снова покачал головой.

Но он присягнул треклятой Белой Башне, и полученный приказ выполнит.

— Передай остальным, — сказал он Аллину, затыкая воском уши, в то время как Алудра готовилась дать последний залп. — Отступаем с треклятой высотки, а там…

Уно всем телом ощутил оглушительный хлопок и вибрацию, от которой едва не остановилось сердце. Он стукнулся головой о землю, даже не успев сообразить, что не устоял на ногах.

В глаза набилась пыль. Уно отморгался, застонал и откатился в сторону, когда по тому месту на возвышенности, где стояли драконы, ударила новая вспышка молнии, потом еще одна. Солдаты

Уно попадали на колени, зажмурив глаза и зажав руками уши. Однако Талманес уже вскочил на ноги и выкрикивал приказы, которых Уно почти не слышал, и жестами показывал, что пора отступать.

Над стоявшей позади троллоков шарской армией поднялся десяток огненных шаров, громадных и невероятно быстрых. Не переставая ругаться, Уно кинулся к ближайшей яме и залег в этом укрытии. Через пару секунд весь холм задрожал, как при землетрясении, и на Уно градом посыпались комья земли, едва не похоронившие его заживо.

По драконам шандарахнули изо всех сил. Изо всех треклятых сил. Чуть ли не все в распроклятой армии Шары, кто способен был направлять Силу, взял на прицел Половский взгорок. Для защиты драконов к Талманесу были отряжены Айз Седай, но, как видно, им было не совладать с этакой массированной атакой.

Казалось, она продлилась целую вечность. Когда все стихло, Уно выполз из-под земли. Оказалось, что несколько треклятых драконов разбиты. Драконеры с Алудрой возились среди обломков, собирая то, что уцелело, одновременно стараясь уберечь остальные орудия. Талманес, держась

за голову окровавленной рукой, выкрикивал какие-то команды. Уно направился к нему, пошатываясь и выковыривая из уха воск — похоже, спасший ему барабанные перепонки.

— Где треклятые Айз Седай? — прокричал он. — Вроде как они должны защищать нас от вражеского огня, чтоб им сгореть!

Четырем дюжинам Айз Седай было велено оберегать драконов, рассекая чужие плетения в воздухе или сбивая их. Женщины утверждали, что сумеют удержать Половский взгорок против кого угодно, кроме Темного. Но теперь, после ударов молний, в рядах Айз Седай царил совершенный беспорядок.

На высотку вновь наступали троллоки. Уно приказал Аллину организовать стену пик и отразить вражеский натиск, а сам побежал туда, где вместе с небольшой охраной располагались Айз Седай. Там он вместе со Стражами помог женщинам подняться на ноги, а потом отыскал их предводительницу.

— Квамеза Седай? — окликнул он стройную темнокожую арафелку.

Та что-то бурчала себе под нос и отряхивала платье.

— И что это было?! — осведомилась она.

— Эм-м… — ответил Уно.

— Вопрос адресован не вам, — пояснила Квамеза, внимательно осматривая небо. — Эйнар! Почему ты не заметил этих плетений?

— Они появились слишком быстро, — подбежал к ней Аша'ман, — и так внезапно, что я не успел предупредить. И… О Свет! Кто бы их ни создал, этот человек силен. Сильнее всех, кого я видел. Сильнее, чем…

Воздух у них за спиной рассекла светящаяся черта — огромная, шириной с цитадель в Фал Дара. Она развернулась и раскрылась громадными переходными вратами, срезав землю в самом центре Половского взгорка. По другую сторону врат стоял носатый брюнет; он был без шлема, но в сверкающей броне из серебристых дисков, похожих на монеты. В руке незнакомец держал золотой скипетр с набалдашником в форме то ли песочных часов, то ли изящного винного кубка.

Квамеза мгновенно вскинула раскрытую ладонь, из которой вырвался огненный луч. Взмахом руки мужчина отвел плетение Айз Седай в сторону, после чего равнодушно и даже как-то лениво указал на нее пальцем, и его с Квамезой соединила раскаленная белая нить. Фигура женщины тускло засветилась, а затем исчезла,

если не считать медленно падающих на землю хлопьев пепла.

Уно отскочил в сторону. Эйнар последовал за ним, и оба юркнули за обломки разбитого дракона.

— Я пришел за Драконом Возрожденным! — объявил человек в серебристых доспехах. — Вы пошлете за ним. А иначе я сделаю так, чтобы его привлекли ваши предсмертные вопли!

Земля под драконами вздыбилась буквально в нескольких футах от Уно. Он прикрыл лицо рукой, защищаясь от щепок и комьев почвы.

— И да поможет нам Свет… — прошептал Эйнар. — Я пробую остановить его, но он черпает силу из круга. Полного круга! Из семидесяти двух человек. Никогда прежде не видел такой мощи! Я…

Белая полоса раскаленного света угодила в разбитого дракона, который тотчас же испарился, и ударила Эйнара. Тот в один миг исчез, а Уно выругался и едва успел отскочить в сторону, когда на землю рядом с ним начали падать обломки драконов.

На бегу он кричал своим людям, чтобы те отступали, и отвешивал подзатыльники всем, кто подворачивался под руку, а остановился лишь

для того, чтобы подхватить раненого и увлечь его за собой. Приказ к отступлению уже не вызывал у Уно никаких вопросов. Это был лучший из распроклятых приказов, когда-либо отданных любым, даже самым гениальным полководцем!

Логайн Аблар отпустил Единую Силу. Он стоял на берегу Моры, у подножия Половского взгорка, и чувствовал, как на вершину обрушиваются чьи-то боевые плетения.

Отпустить Единую Силу сегодня оказалось для него труднее всего на свете. Труднее, чем решиться назвать себя Драконом. Труднее, чем удержаться от того, чтобы задушить Таима вскоре после основания Черной Башни.

Сила вытекла из него, будто кровь из перерезанных вен, залившая землю вокруг. Логайн глубоко вздохнул. Распоряжаться таким потоком Единой Силы — какой мог дать круг из тридцати девяти человек… Это опьяняло. А отступиться от нее… Это напомнило Логайну об укрощении, когда у него украли саидин, и тогда при каждом вдохе он думал лишь о том, как бы раздобыть нож и распороть себе горло.

Он подозревал, что дело в безумии. И еще в страхе, что он, отпустив Единую Силу, лишится ее навсегда.

— Логайн? — окликнул его Андрол.

Логайн взглянул на невысокого мужчину и его спутников. Верные, преданные люди. Почему? Логайн не понимал, но они были верны. Все до единого. Глупцы. Преданные глупцы…

— Чувствуете? — спросил Андрол. Остальные — Канлер, Эмарин, Джоннет — глазели на Половский взгорок, где бушевала Сила невообразимой мощи.

— Демандред, — сказал Эмарин. — Должно быть, это он.

Логайн помолчал и кивнул. «Такая мощь…» Даже Отрекшийся не может быть настолько силен. Наверное, он использует невероятно мощный са'ангриал.

«С таким орудием, — нашептывали мысли, — больше никто — ни мужчина, ни женщина — не сумеет отнять у тебя Силу».

Это сделал Таим, когда Логайн томился в заключении. Таим держал его в плену, оградив щитом, не давая коснуться Единой Силы. Его пытались Обратить, и это было больно, тяжело. Но существовать без саидин…

«Могущество», — думал он, наблюдая за теми мощными плетениями, и в этой жажде могущества таяла его ненависть к Таиму, пока не

растворилась почти без остатка.

— Повременим вступать с ним в бой, — сказал Логайн. — Разделитесь на группы в соответствии с планом. — То есть по одной женщине и пятеро или шестеро мужчин в каждом отряде. Женщина и двое мужчин образуют круг, а остальные обеспечат поддержку. — Мы выследим предателей Черной Башни.

Стоявшая рядом с Андролом Певара приподняла бровь:

— Хотите начать охоту на Таима? Разве Коутон не приказал, чтобы вы помогли с передвижением войск?

— Я совершенно ясно дал понять Коутону, — ответил Логайн, — что не собираюсь провести эту битву, препровождая солдат с места на место. Что до приказов, мы получили распоряжение от самого Дракона Возрожденного.

Записку, к которой прилагался маленький ангриал — статуэтка мужчины с мечом, — Ранд ал'Тор назвал «последним приказом». «Тень похитила печати от узилища Темного. Найдите их. Прошу, найдите их, если сумеете».

Андрол вроде бы припоминал, что пока он был в плену, Таим бахвалился этими печатями. То была единственная зацепка. Логайн смотрел вдаль

— туда, где силы Света отступали с Половского взгорка. С того места, где он стоял, драконы были не видны, но густые клубы дыма подсказывали, что орудиям изрядно досталось.

«Он по-прежнему отдает приказы, — подумал Логайн. — Но склонен ли я и дальше подчиняться ему?»

Ради шанса отомстить Таиму? Да, он выполнит приказ Ранда ал'Тора. Когда-то — до пленения и пыток — он не задавал бы себе подобного вопроса.

— Ступайте, — велел он Аша'манам. — Вы прочли записку лорда Дракона. Мы обязаны вернуть печати любой ценой. Нет ничего важнее этой задачи. Будем надеяться, что они и впрямь у Таима. Высматривайте, где появляются мужские плетения, ищите тех, кто их создает, и убивайте их.

Эти мужчины могут оказаться шарцами, но… Какая разница? Уничтожая тех врагов, кто способен направлять Силу, Аша'маны принесут немало пользы в битве. Тактику они уже обсудили заранее. Почуял мужское плетение? Открывай портал туда, где находится тот, кто его породил, застань его врасплох и атакуй.

— Если заметите кого-то из людей Таима, — продолжил Логайн, — постарайтесь взять его в

плен. Быть может, выясним, где Таим окопался. — Он помолчал. — Если повезет, встретим здесь самого М'Хаэля. Помните, что при нем могут быть печати; главное — не допустить их уничтожения во время нашей атаки. Увидев Таима, вернитесь и доложите мне, где он находится.

Аша'маны отправились выполнять приказ. С Логайном остались только Габрелле, Арел Малевин и Карлдин Манфор. Хорошо, что хотя бы некоторые из его опытных бойцов отсутствовали в Башне во время Таимова предательства.

— Что насчет Тувин? — спросила Габрелле, пристально глядя на Логайна.

— Если найдем ее, убьем на месте.

— Для вас все так просто?

— Да.

— Она…

— На ее месте, Габрелле, вы предпочли бы жить дальше, прислуживая Темному?

Она закрыла рот и поджала губы. Логайн чувствовал, что Габрелле по-прежнему боится его. Это хорошо.

«Не этого ли ты желал, — нашептывал голос в голове, — когда, решив спасти человечество, поднял знамя Дракона? Ты сделал это, чтобы тебя боялись? Ненавидели?»

Логайн проигнорировал этот шепот. В жизни он чего-то добивался, лишь когда его боялись. Этот страх стал единственным его преимуществом перед Суан и Лиане. Та глубокая первобытная сущность, что заставляла его жить, нуждалась в человеческом страхе.

— Вы ее чувствуете? — спросила Габрелле.

— Я избавился от уз.

Острый всплеск ее зависти поверг его в шок. Логайн думал, что их связь начала приносить ей удовольствие. Или хотя бы страдание.

Но, разумеется, все это лишь притворство. Очередная попытка манипулировать мужчиной — ну а чего еще ожидать от Айз Седай? Да, в прошлом Логайн чувствовал исходившую от Габрелле волну похоти — быть может, даже привязанности, — но сомневался, что подобным ощущениям можно доверять. Казалось, при всех попытках обрести силу и свободу им постоянно управляли, будто марионеткой. С самой юности.

Плетения Демандреда излучали силу. Такую мощь…

На Половском взгорке раздался громкий взрыв, и мертвые тела взметнуло в воздух, словно осенние листья. Логайн запрокинул голову и расхохотался.

— Соединяйтесь со мной! — приказал он тем, кто оставался рядом. — Создадим круг, а затем выследим М'Хаэля и его людей. Да ниспошлет Свет, чтобы я сумел его найти. У меня на столе должна быть только самая лучшая еда, мясо вожака оленьего стада!

А затем… Как знать? Он всегда хотел померяться силами с кем-нибудь из Отрекшихся. Логайн вновь ухватился за Источник, удерживая пульсирующую саидин, будто змею, что извивалась, пытаясь ужалить его. С помощью ангриала он зачерпнул еще больше Силы, а затем в ее поток влилась мощь других участников круга. Логайн расхохотался громче прежнего.

Гавин страшно устал. В прошлом, будь у него неделя на подготовку к битве, он успел бы отдохнуть, но сегодня чувствовал себя так, будто прошел десятки лиг.

Ничего не поделаешь. Он заставил себя сосредоточиться на переходных вратах на столе перед ним, через которые открывался вид на поле боя.

— Вы уверены, что они невидимы для врага? — спросил он у Юкири.

— Совершенно уверена, — ответила та. — Их проверили самым исчерпывающим образом.

Эти особые плетения удавались ей все лучше.

Нынешние обзорные врата Айз Седай сотворила на крышке письменного стола, принесенного в лагерь из Тар Валона. Гавин смотрел на начавшуюся внизу битву так, будто перед ним развернули ожившую карту.

— Если ты и впрямь сумела сделать обратную сторону невидимой, — задумчиво произнесла Эгвейн, — такие врата могут быть очень даже полезны…

— С близкого расстояния их легче обнаружить, — признала Юкири, — но эти находятся так высоко, что с земли никто ничего не заметит.

Гавину не нравилось, что Эгвейн стоит так близко к вратам и ее голова и плечи находятся прямо над полем боя, но он придержал язык. Обзорные врата были безопасны, насколько это вообще возможно. Нельзя же защитить свою Айз Седай от всего на свете.

— О Свет, — тихо произнес Брин, — они режут нас на куски!

Гавин взглянул на него. Предложения вернуться к себе в поместье, в том числе и самые настоятельные, Брин встретил категорическим отказом, утверждая, что еще может держать меч. Его лишь нельзя назначать на командные посты. Кроме того, настаивал он, под Принуждением

может находиться кто угодно. В каком-то смысле осведомленность о том, что его разум находится под чужим влиянием, можно расценивать как преимущество. По крайней мере, теперь Брина можно было держать под наблюдением.

Чем и занималась Суан, покровительственно положив ладонь ему на руку. Кроме них, в палатке находились еще Дозин и Сильвиана.

Битва развивалась скверно. Коутон уже потерял Половский взгорок — хотя в соответствии с первоначальным планом должен был удерживать высотку как можно дольше, — а вместе с нею и драконов, превратившихся теперь в груду обломков. Никто не ожидал, что атака Демандреда посредством Единой Силы окажется настолько мощной. Вдобавок еще одна крупная армия троллоков, подошедшая с северо-востока, теснила отряды Коутона, стоявшие выше по реке.

— В чем же заключается его план? — промолвила Эгвейн, постукивая кончиками пальцев по столешнице. Из переходных врат доносились далекие вопли. — Если так пойдет и дальше, наши войска окажутся в окружении.

— Он пытается заманить их в ловушку, — ответил Брин.

— И что это за ловушка?

— Это всего лишь догадка, — сказал Брин, — и одному лишь Свету ведомо, можно ли теперь доверять моим суждениям. Однако все выглядит так, будто Коутон планирует бросить в бой все силы сразу, не дожидаясь, пока троллоки устанут от сражения. Таким образом все решится за несколько дней. Или даже часов.

— Именно такие поступки ему и свойственны, — согласилась Эгвейн.

— Сила этих плетений, — начала Лилейн, — их невероятная мощь…

— Демандред действует не в одиночку, — перебила ее Эгвейн. — Свидетели утверждают, что он черпает энергию из круга, причем полного. Такого не бывало со времен Эпохи легенд. И еще солдаты говорят, что видели у него в руках какой-то скипетр. Это са'ангриал.

Положив руку на меч, Гавин смотрел на далекую битву и слышал крики бойцов, когда Демандред обрушивал на них одно огненное плетение за другим.

Вдруг по небу разнесся громогласный клич Отрекшегося:

— Где ты, Льюс Тэрин? Тебя видели на каждом поле сражения, пусть и в ином обличье! Ты сейчас здесь? Да? Сразись со мной!

Гавин еще крепче сжал рукоять меча. С юго-западной стороны взгорка к броду хлынули солдаты. Несколько небольших отрядов остались удерживать склоны, а драконiры — с высоты они казались крошечными муравьями — с помощью мулов увозили уцелевших драконов в безопасное место.

Демандред сеял хаос в бегущих войсках. В одиночку стоивший целой армии, он жег и разрушал, разбрасывая повсюду трупы людей и лошадей, а когда окружавшие его троллоки захватили возвышенность, через переходные врата донеслось их животное улюлюканье.

— Надо остановить его, мать, — сказала Сильвиана. — Чем быстрее, тем лучше.

— Он пытается втянуть нас в бой, — откликнулась Эгвейн. — Да, мы можем создать круг из семидесяти двух человек, но с этим его са'ангриалом… Что дальше? Ринуться в ловушку? Прямо на убой?

— Разве у нас есть выбор, мать? — спросила Лилейн. — О Свет… Он убивает наших тысячами!

Убивает тысячами. А в этом шатре все стоят сложа руки.

Гавин попятился.

Его ухода не заметил никто, кроме Юкири,

тут же занявшей место, освободившееся подле Эгвейн. Гавин выскользнул из шатра, а часовым, что встретили его недоуменными взглядами, объяснил, что должен подышать свежим воздухом. Эгвейн не будет против. Последнее время она чувствовала его усталость и не раз упоминала о ней в разговоре. Гавину казалось, что к его векам привязаны железные гири. Он поднял взор к почерневшему небу. Вдалеке гремели взрывы. Сколько еще он будет бездействовать, когда рядом гибнут люди?

«Ты обещал, — напомнил себе он. — Ты говорил, что охотно останешься в ее тени».

Но это не значило, что он должен пренебречь важными делами, — верно? Гавин выудил из поясного кошеля кольцо Кровавого Ножа. Надел его, и силы в тот же миг вернулись, а усталость отступила.

Помедлив, он достал остальные кольца и добавил их к первому.

На южном берегу Моры, перед развалинами к северо-востоку от Дашарского бугра, Тэм ал'Тор призвал пустоту — в точности так же, как давным-давно учил его Кимтин. Вообразив один-единственный язычок пламени, Тэм отправил в него свои эмоции и обрел спокойствие, а затем

оно сгинуло, оставив после себя ничто. Когда все растаяло, он почувствовал себя стеной, только что выкрашенной в белоснежный цвет.

Тэм и пустота составляли теперь единое целое. Он натянул тетиву. Лук из доброго черного тиса изогнулся, и оперение стрелы коснулось щеки. Тэм прицелился, хотя в этом не было необходимости. Когда он так сливался с пустотой, стрелы выполняли любое его желание. Тэм не осознавал этого — ведь солнце не осознает восхода, а ветви не знают, что сбросят листву. Таков порядок вещей, и понимать его не требуется.

Он спустил тетиву. Та щелкнула, и стрела ввинтилась в воздух. За ней последовали вторая и третья. Наконец их стало пять, и при каждом выстреле Тэм делал поправку на переменчивый ветер.

Первые пять троллоков, что пробрались к одному из наплавных мостов, наведенных здесь через реку силами Тени, упали замертво. Троллоки терпеть не могли воду; их отпугивало даже мелководье, и что бы ни устроил Мэт чуть выше по течению, его план оказался действенным, поскольку река пока что не обмелела. Но Тень попробует перекрыть ее. Вернее сказать, уже пробует: время от времени мимо проплывали

трупы мулов или троллоков.

Тэм продолжал стрелять, Абелл и другие двуреченцы — тоже. Иногда они, не выбирая отдельных троллоков, метили в гущу врагов, хотя такое бывало нечасто. Стрелять без прицела, надеясь в кого-то попасть, может обычный солдат, но не хороший двуреченский лучник. Солдату, в отличие от того, кто живет рядом с лесом и сам изготавливает стрелы, неизвестна их истинная ценность.

Троллоки падали целыми волнами. Рядом с Тэмом и его двуреченцами арбалетчики взводили оружие и разряжали его в отродий Тени, давая один залп за другим. Мурддраалы подхлестывали троллоков, заставляя тех перебраться на другой берег, но без особого успеха.

Стрела Тэма угодила Исчезающему в лицо — туда, где положено быть глазу. Стоявший рядом здоровяк по имени Бэйрд — опираясь на топор, он следил за работой двуреченцев — одобрительно присвистнул. Его отряд, сейчас расположившийся позади стрелков, должен был защитить лучников, когда троллоков все-таки заставят перейти реку.

Бэйрд возглавлял один из наемничьих отрядов, примкнувших к воинству Света. Он был андор-

цем, но никто из его сотни с небольшим человек — включая его самого — не желал говорить, откуда они пришли.

— Надо бы раздобыть такой же лук, — бросил Бэйрд своим спутникам. — Чтоб мне сгореть! Вы это видели, да?!

Не переставая стрелять, Абелл и Ази усмехнулись, но Тэм — нет. В пустоте нет места юмору, хотя за ее пределами промелькнула тень улыбки. Тэм знал, чему улыбаются его товарищи. Лук из Двуречья не сделает тебя двуреченским лучником.

— Думаю, — заметил Галад Дамодред, чей конь стоял неподалеку, — что с подобным оружием ты, Бэйрд, причинишь больше вреда себе, нежели врагу. Сколько еще, ал'Тор?

Тэм в очередной раз спустил тетиву.

— Пять, — сказал он, потянувшись к колчану за новой стрелой. Наложил ее, выстрелил, повторил. Два, три, четыре, пять.

Еще пятеро троллоков мертвы. В целом он потратил чуть больше тридцати стрел. Однажды промазал, но лишь потому, что Абелл первым уложил того троллока, в которого целился Тэм.

— Лучники, отставить! — громко крикнул он.

Двуреченцы отступили, и Тэм вернулся из

пустоты в тот самый миг, когда на берег реки выбралась беспорядочная группа троллоков. Он по-прежнему возглавлял войска Перина — в определенной мере, поскольку у белоплащников, гэалданцев и Волчьей гвардии имелись свои командиры, но все они считали слово Тэма решающим. Сам же он командовал лучниками.

«Смотри, Перрин, чтобы стал как новенький». Днем раньше Харал нашел парня в траве на окраине лагеря, окровавленного, одной ногой в могиле. О Свет, ну и страху же они натерпелись…

Теперь Перрин был в безопасности, в Майене. По всей вероятности, там он и дождется окончания Последней битвы. От такой раны, что парень получил, быстро не оправишься даже с помощью Исцеления от Айз Седай. Наверное, Перрин будет в бешенстве, что пропустил сражение, но чему быть, того не миновать. Такова уж солдатская доля.

Тэм со своими лучниками отступил к развалинам, откуда открывался неплохой вид на битву. Там он расставил своих людей, приказав не расслабляться, — на тот случай, если придется вступить в рукопашный бой, пока им не принесут новые стрелы для пополнения запасов.

Все Перриновы войска Мэт разместил рядом с присягнувшими Дракону, которых возглавляла величественная женщина по имени Тинна. Тэм понятия не имел, кто она, откуда и почему командует войсками, но держалась она как благородная леди, телосложением походила на айилку, цветом кожи — на салдэйку, и остальные, похоже, признавали ее авторитет. Преданные Дракону оставались для Тэма загадкой, и в их дела он старался не вмешиваться.

Его войску было велено удерживать позиции. Мэт ожидал, что сильнее всего шарцы и троллоки ударят на западе, а посему Тэм немало удивился, увидев, как от брода вверх по реке прибывают подкрепления. В числе последних явились белоплащники, чьи белые одежды трепетали на ветру, когда Дети Света, пронесшись вдоль берега, сбрасывали троллоков с зыбких мостов.

С другого берега в Галада и его людей полетели стрелы, чьи звонкие удары о броню и щиты белоплащников напоминали перестук града по железной крыше. Тэм приказал Арганде ввести в бой пехоту, в том числе Бэйрда и его наемников.

Поскольку пик не хватало, бойцы Арганды вооружились копьями и алебардами. Над рекой поднялись завывания троллоков и предсмертные

крики людей. Неподалеку от Тэмова арьергарда объявилась Аллиандре в сопровождении хорошо вооруженных пехотинцев. Тэм отсалютовал ей поднятым луком, и она ответила кивком, после чего окинула происходящее внимательным взглядом. Ей хотелось присутствовать на битве, и Тэм ее понимал — и еще он понимал, почему Аллиандре приказала солдатам увести ее с поля боя, случись событиям принять скверный поворот.

— Тэм! Тэм!

С этим возгласом к двуреченцам скакал Даннил. Тэм жестом велел Абеллу принять командование лучниками и зашагал навстречу Даннилу, встретившись с ним в тени развалин.

Из-за разрушенных стен за сражением напряженно следили бойцы резерва. Почти все они были лучниками из наемничьих отрядов и из числа принявших Дракона. Многие из последних еще не бывали в бою. Что ж… Несколько месяцев назад такими же были почти все двуреченцы. Эти ребята быстро освоят военную науку. По большому счету, пустить стрелу в троллока — примерно то же самое, что застрелить оленя.

Вот только если промажешь, олень тебя не выпотрошит. А троллок — запросто. Не пройдет и нескольких секунд.

— Что такое, Даннил? — спросил Тэм. — Вести от Мэта?

— Он направил к тебе подкрепление. Несколько знаменных отрядов пехоты из Легиона Дракона, — ответил Даннил. — И велел удерживать брод во что бы то ни стало.

— Что он замышляет, этот мальчишка? — Тэм бросил взгляд на Половский взгорок. В Легионе Дракона отменная пехота, хорошо обученные арбалетчики, и они здесь пригодятся. Но что же происходит там, наверху?

В столбах густого черного дыма, тянувшихся к небесам, отражались огненные вспышки. На возвышенности шел серьезный бой.

— Не знаю, Тэм, — ответил Даннил. — Мэт… Он изменился. Такое чувство, что я смотрю на незнакомого человека. Он всегда был плутоват, но теперь… О Свет, Тэм! Он как будто явился к нам из легенд.

— Все мы изменились, — хмыкнул Тэм. — Думаю, о тебе Мэт сказал бы примерно то же самое.

— Это вряд ли, — рассмеялся Даннил. — Хотя иной раз я задумываюсь, что бы стало, присоединись я к этой троице. Я о том, что Морейн Седай искала парней определенного возраста, ну а я был постарше, но совсем чуть-чуть…

Он мечтательно посмотрел куда-то вдаль. Что бы юноша ни говорил, о чем бы ни думал, вряд ли ему понравились бы испытания, сделавшие Мэта, Перрина и Ранда теми, кем они стали.

— Принимай командование этими парнями, — кивнул Тэм на резервных лучников. — А я сообщу Галаду и Арганде, что к нам идет подкрепление.

* * *

Певара торопливо создала плетение Воздуха, и порыв ветра отбросил тяжелые троллочьи стрелы, будто камни, сметенные с доски разъяренным игроком. Покрываясь испариной, она вцепилась в саидар, сплела надежный щит Воздуха и подняла его в небо для защиты от новых залпов, после чего завопила:

— Готово! Вперед!

Солдаты выскочили из-под выступа на крутом прибрежном склоне. С неба опять посыпались черные стрелы, но после столкновения со щитом Певары они замедлялись и, падая на землю, были уже не опаснее птичьих перьев.

Пехотинцы ринулись к месту сбора у Хаувальского брода; другие решили остаться и дать отпор отрядам троллоков, хлынувшим вниз по склонам возвышенности. Основные же силы отродий

Тени остались наверху, чтобы закрепиться и окончательно оттеснить людей.

«Где?» — прозвучал в голове у Певары лихорадочный шепот Андрола.

«Здесь», — откликнулась она даже не мыслью, а скорее образом своей позиции.

Рядом открылись переходные врата. Из них выскочил Андрол, следом за ним — Эмарин. У обоих были мечи, но Эмарин развернулся, поднял руку и запустил в открытые врата тесьмой Огня. Из портала донеслись предсмертные вопли. Кричали люди.

— Вы что, были у шарцев? — осведомилась Певара. — Логайн велел нам держаться вместе!

— Значит, теперь вам есть дело до его приказов? — усмехнулся Андрол.

«Какой же он несносный!» — подумала она. По земле стукали обезвреженные стрелы, и троллоки на взгорке ухали от злобы.

— Неплохое плетение, — заметил Андрол.

— Спасибо. — Певара взглянула на меч.

— Теперь я Страж. — Андрол пожал плечами. — Надо выглядеть соответствующим образом, верно?

С трехсот шагов он мог рассечь троллока пополам переходными вратами, умел призвать огонь

из недр Драконовой горы и все равно предпочел вооружиться мечом. Видать, мужчинам такое свойственно, решила Певара.

«Я все слышал», — подумал Андрол, а вслух произнес:

— Эмарин, за мной. Певара Седай, не будете ли вы любезны составить нам компанию?

Она фыркнула, и все трое побежали вдоль подножия взгорка, с юго-западной его стороны. По пути им встретились раненые, ковылявшие к точке сбора. Глянув на них, Андрол сплел переходные врата, ведущие в лагерь. Изнуренные бойцы ответили возгласами удивления и благодарности, после чего ухромали в безопасное место.

Покинув Черную Башню, Андрол стал более… уверенным в себе. Певара помнила, как раньше он сомневался в каждом своем поступке, но теперь той застенчивости, если не сказать «робости», как не бывало.

— Андрол… — Эмарин указал мечом на склон.

— Вижу.

Словно переливающаяся через край чана кипящая смола, с вершины Половского взгорка хлынули троллоки. Созданные Андролом переходные врата захлопнулись. Те раненые, что

успели уйти, были спасены. Остальные возмущенно заголосили.

«Всех не спасти, — мрачно подумала Певара, чувствуя, что Андрола охватила мучительная тоска. — Сосредоточимся на текущей задаче».

Расталкивая солдат, их троица устремилась туда, где чувствовалась работа владеющих Силой. Джоннет, Канлер и Теодрин уже были там и хлестали троллоков огнем, но против такого числа врагов им было не продержаться.

— Джоннет, Канлер, за мной! — бросил Андрол, пробегая мимо, и открыл перед собой переходные врата. Певара с Эмарином юркнули следом за ним — и оказались у вершины Половского взгорка, в нескольких сотнях шагов от прежнего места.

К ним присоединились Джоннет и остальные, после чего весь отряд промчался мимо группы озадаченных троллоков.

— Направляют! — крикнула Певара. О Свет, как же трудно бегать во всех этих юбках! И Андрол прекрасно об этом знает — верно?

Несколько оказавшихся на возвышенности шарцев запустили огненные снаряды, но Андрол тут же открыл новые переходные врата. Тяжело дыша, Певара вбежала в портал и очутилась за спиной у врагов, поливавших огнем тот участок

склона, где она была секунду назад.

Всеми органами восприятия Певара пыталась обнаружить — или почувствовать — своего оппонента. Шарцы обернулись, указали на нее, но тут же закричали, попав под снежную лавину из открытых Андролом переходных врат. Он не раз пробовал создать те «врата смерти», которые применяли другие Аша'маны, но никак не мог совладать с непривычным плетением и поэтому придерживался того, что умел делать лучше всего.

На вершине по-прежнему вели бой отряды гвардейцев Башни, пытаясь удержать позиции вопреки приказу Коутона. Среди обгорелых трупов дымились обломки драконов и валялись большие бронзовые огневые трубы. Многие тысячи троллоков, столпившись у края взгорка, с завываниями осыпали черными стрелами стоявшие внизу силы Света. Вконец рассвирепев от их радостного рева, Певара сотворила плетение Земли и швырнула его в сторону ближайшей группы отродий Тени. Почва задрожала, раскололась, и два десятка троллоков полетели вниз.

— Мы опять привлекаем внимание! — С этими словами Эмарин поджег скользнувшего к ним мурддраала. Тот забился в пламени, вереща нече-

ловеческим голосом и никак не желая умирать. Поэтому Певара, обливаясь потом, добавила свой Огонь к Эмаринову и жгла безглазого, покуда от него не остались одни лишь кости.

— Это не так уж плохо! — отозвался Андрол. — Если продолжать в том же духе, рано или поздно мы выманим кого-нибудь из Черной Айя или людей Таима.

— Проклятье! — выругался Джоннет. — Все это слегка похоже на прыжок в муравейник, где тебя непременно покусают!

— Похоже, — согласился Андрол, — и не слегка, а даже очень. Смотрите в оба, а с троллоками я разберусь!

«Не сильно ли сказано?» — мысленно спросила у него Певара.

«Зато по-героически», — откликнулся Андрол с теплом, похожим на жар, исходящий от раскаленной плиты.

«Полагаю, дополнительная сила вам не помешает?»

«Да, буду признателен», — ответил он.

Певара установила соединение, и Андрол, приняв контроль над их кругом, вобрал ее силу. Как и в прошлом, ощущения при соединении были ошеломительными. Чувствуя, как ее эмоции пе-

редаются Андролу и обратно, Певара покраснела. Интересно, понимает ли он, какие чувства начал в ней вызывать?

«Глупая, как девчонка в юбке по колено, — отчитала себя она, не забыв предусмотрительно скрыть эту мысль от Андрола, — едва понявшая, в чем разница между мальчиками и девочками». К тому же посреди войны.

Айз Седай пристало контролировать чувства, но, вступив в соединение, это было непросто. Их с Андролом личности смешивались, будто две краски в одной чаше. Певара решительно этому препятствовала, стараясь оградить собственное «я». Такое происходило не впервые, и опыт подсказывал, что утрата самоощущения во время связи недопустима.

Андрол повел рукой, и портал, возникший перед троллоками с луками, поглотил летевшие к Аша'ману стрелы. Обернувшись на миг, Певара увидела, как эти стрелы пронзают троллоков из другого отряда.

Еще один портал раскрылся у монстров под ногами. Троллоки исчезли и тут же появились в сотнях футов над землей. Крошечными переходными вратами Андрол обезглавил мурддраала, и тот забился в конвульсиях, забрызгивая землю

чернильной кровью. Андрол и его группа находились на западной стороне Половского взгорка — там, где раньше стояли драконы, — и со всех сторон их окружали шарцы и отродья Тени.

«Андрол, направляют!» — сообщила Певара, чувствуя, как над ними появляется мощное плетение.

«Таим!» Его ответ сопровождался такой яростью, что Певара испугалась, как бы не выгореть от этой вспышки, полной скорби по друзьям и яростной злости на предателя, который должен был защищать своих подопечных.

«Осторожнее, — предупредила она. — Мы не знаем, он ли это».

Атакующий находился в круге, состоящем из мужчин и женщин, иначе Певара не почувствовала бы его, поскольку — что само собой разумеется — могла видеть только плетения саидар. На нее обрушился толстый столб огня, имевший целый шаг в поперечнике и настолько горячий, что под ним покраснела каменистая почва.

Едва успев открыть переходные врата, Андрол перехватил огненное плетение и отправил его в исходную точку, где раскаленная колонна испепелила трупы троллоков и подожгла сорную траву.

Певара не заметила, что произошло дальше, но врата Андрола исчезли, будто их вырвали у него из рук. Совсем рядом ударила молния — с такой силой, что Певара растянулась на земле, а затем в нее врезался Андрол.

Тут-то она и утратила самоконтроль.

Это произошло случайно, из-за неожиданного падения. В большинстве случаев связь, соединяющая мужчину и женщину, разорвалась бы, но Андрол отличался цепкой хваткой. Разделявшая их самоощущения преграда рухнула, и обе личности смешались воедино. Певаре показалось, что она вошла в зазеркалье, а затем обернулась и увидела саму себя.

С неописуемым усилием она высвободилась и, не прерывая связи с Андролом, подумала: «Надо выбираться отсюда». Остальные вроде бы были живы; но если враг снова ударит молнией, кто-нибудь непременно погибнет. Певара инстинктивно начала сложное плетение для переходных врат, уже понимая, что ничего не выйдет, ведь кругом руководил Андрол, и только он в состоянии…

Но тут переходные врата вмиг распахнулись, и Певара охнула от изумления. Да, их открыла она, а не Андрол. Это плетение было, пожалуй, самым

сложным, трудоемким и требующим больше всего Силы из всех, которыми она владела, но портал возник как будто по мановению ее руки — притом что Певара входила в состав круга под началом другого человека.

Первой в переходные врата нетвердо шагнула гибкая доманийка Теодрин, потянувшая за собой растерянного Джоннета. За ними последовал охромевший Эмарин с безвольно повисшей рукой.

Андрол ошеломленно смотрел на переходные врата.

— Я думал, что нельзя направлять Силу, когда энергией круга распоряжается кто-то другой.

— Так и есть, — подтвердила Певара. — Это вышло случайно.

— Случайно? Но…

— Во врата, болван! — подтолкнула его Певара, прошла следом и на другой стороне портала без сил опустилась на землю.

— Оставайтесь на своих местах, Дамодред. — Мэт не поднимал головы, но слышал, как по другую сторону переходных врат фыркает Галадов конь.

— Мне трудно не усомниться в здравости вашего рассудка, Коутон, — заметил Галад.

После этих слов Мэт наконец-то отвлекся от карт. Вряд ли он когда-нибудь привыкнет вести разговоры через переходные врата. Сам он находился в штабном домике, возведенном Фортуоной в расселине у подножия Дашарского бугра. В стене зияла дыра, а с той ее стороны сидел на коне Дамодред, в белом с золотом облачении Детей Света. Его отряд до сих пор занимал позиции возле развалин, близ которых армия троллоков пыталась переправиться через Мору.

Галад Дамодред выглядел как человек, которому не помешал бы стакан-другой чего-нибудь покрепче. С этим своим неизменным выражением на красивом лице он походил на изваяние. Хотя нет, в изваяниях жизни будет побольше.

— Вы обязаны выполнять приказ, — снова уткнулся в карты Мэт. — Удерживать берег реки и во всем слушаться Тэма. И мне плевать, что, по вашему мнению, эта задача недостаточно важна.

— Ну хорошо, — ответил Галад голосом холодным, как мертвец на снегу, развернул коня, и дамани, по имени Мика, закрыла врата.

— Там кровавая баня, Мэт, — сказала Илэйн. О Свет, ее голос был даже холоднее, чем у Галада.

— Раз уж меня назначили главным, не мешай работать.

— Ты всего лишь командуешь войсками, — заметила Илэйн. — Главным тебя никто не назначал.

В этом все Айз Седай: спорят по каждой мелочи, и еще… Мэт снова отвлекся от карт и сдвинул брови, увидев, что Мин придвинулась к Туон и что-то ей нашептывает.

— В чем дело? — спросил он.

— Я видела его одинокое тело на поле боя, — ответила Мин. — По-моему, мертвое.

— Мэтрим, — сказала Туон, — я… обеспокоена.

— В кои-то веки мы сходимся во мнении, — подала голос Илэйн, сидевшая на троне у противоположной стены. — Мэт, их главнокомандующий превосходит тебя умением.

— Проклятье! Все не так просто, — постучал по карте Мэт. — И никогда не бывает просто. Проклятье!

Главарь сил Тени и впрямь был мастером своего дела. Очень искусным. «Это Демандред, — подумал Мэт. — Я сражаюсь с треклятым Отрекшимся».

Вдвоем они создавали грандиозное полотно, и каждый чутко реагировал на действия противника, но Мэт пытался добавить к одному из своих мазков чуть больше красной краски.

Он стремился нарисовать свою собственную картину — неверно-обманную, но вместе с тем убедительную.

Но это было непросто. Мэту требовалось не только демонстрировать силу, сдерживая атаки Демандреда, но и проявлять некоторую слабость, чтобы спровоцировать его на агрессивные действия. Уловка чрезвычайно искусная и хитроумная. Столь опасная затея могла повлечь за собой катастрофические последствия. Мэту приходилось ступать по лезвию бритвы — а там, как ни старайся, не избежать порезов на ногах. Так что вопрос был не в том, сумеет ли он не перепачкаться в своей крови, а в том, одолеет ли он этот путь.

— Введите в бой огиров, — тихо сказал Мэт, не отнимая пальцев от карты. — Пусть присоединятся к защитникам брода.

Там сражались айильцы, прикрывая бойцов Отряда Красной руки и солдат Белой Башни, по приказу Мэта отступавших с Половского взгорка.

Его приказ передали огирам. «Береги себя, Лойал», — подумал Мэт, делая соответствующую пометку на карте, а вслух произнес:

— Предупредите Лана. Он все еще у западного склона. Теперь, когда основные силы Тени заняли

возвышенность, пускай Лан обогнет взгорок и вернется к реке чуть дальше и позади троллочьей армии, что пытается перейти Мору возле развалин. В бой не вступать. Ему надо лишь занять позицию и не показываться врагу на глаза.

Посыльные убежали передавать приказ, а Мэт сделал на карте еще одну пометку. Со'джин — та самая, хорошенькая, с веснушками — подала ему *каф*, но Мэт был так поглощен сражением, что даже не улыбнулся ей.

Потягивая черное питье, он велел дамани, чтобы та открыла на столе переходные врата, чтобы взглянуть на ход битвы. Он склонился над порталом, не забыв взяться одной рукой за столешницу, поскольку лишь треклятый идиот позволит столкнуть себя с высоты в две сотни футов.

Отставив чашку с кафом на приставной столик, Мэт вооружился зрительной трубой. С Половского взгорка троллоки спускались к болотам. Да, этот Демандред умен. Громадные твари, которых он отправил в топи, проворством не отличались, зато были сильными и напористыми, как горный оползень. Кроме того, с возвышенности уже готовился спуститься отряд конных шарцев. Легкая кавалерия. Они ударят по войскам Мэта,

удерживающим Хаувальский брод, и не позволят им атаковать левый фланг троллоков.

Битва походила на поединок двух мечников, только в гигантском масштабе. Каждый выпад можно парировать своим ударом, и зачастую вариантов могло быть три или четыре. Отвечая на вражеские действия и стремясь отразить угрозу, ты отправлял один отряд туда, а другой сюда, не забывая при этом оказывать давление на слабые места в неприятельских рядах. Вперед-назад, вперед-назад. Мэта превосходили числом, но это можно обернуть в свою пользу.

— Передайте Талманесу вот что, — сказал он, не опуская зрительной трубы. — «Помнишь, как ты побился об заклад, что я не смогу попасть монетой в чашку через весь трактир?»

— Будет сделано, о великий, — отозвался шончанский вестовой.

В тот вечер Мэт ответил Талманесу, что попробует, но только когда выпьет лишнего — дескать, иначе в пари нет никакого интереса. А затем притворился пьяным и уломал Талманеса поставить на кон золото вместо серебра.

Раскусив его замысел, Талманес настоял, чтобы Мэт напился по-настоящему.

«В тот раз я вроде бы задолжал ему несколько

марок», — отстраненно подумал Мэт. Он направил зрительную трубу на северную часть Половского взгорка, где готовился к спуску шарский отряд тяжелой кавалерии, вооруженный длинными копьями со стальными наконечниками.

Эти всадники собирались перехватить войско Лана, когда тот будет огибать возвышенность с севера. Вот только Лан еще не успел получить соответствующий приказ.

Тем самым Мэт утвердился в своих подозрениях. У Демандреда имеются шпионы, и не только в лагере, но и в самом штабе, или совсем рядом с ним. Этот враг способен посылать свои сообщения сразу же после того, как Мэт отдает приказ. По всей вероятности, здесь действует тот, кто владеет Силой, он находится здесь, в самом штабе, и умеет скрывать свои способности.

«Кровь и пепел! — подумал Мэт. — Вот только этого мне не хватало».

Тем временем гонец вернулся и сообщил, простершись на полу:

— О великий, ваш человек велел передать, что его отряд полностью разбит. Он хотел бы выполнить приказ, но говорит, что сегодня от драконов уже не будет никакого прока. Чтобы их починить,

потребуется несколько недель. Им… Простите, о великий, но я передаю дословно. Им пришлось хуже, чем девушке за стойкой в Сабинеле. Что означает эта фраза, я не знаю.

— Тамошние служанки работают за чаевые, — проворчал Мэт, — но в Сабинеле не дают чаевых.

Разумеется, он соврал. В том городке, Сабинеле, Мэт как-то просил Талманеса, чтобы тот помог ему завоевать благосклонность парочки служанок. И Талманес посоветовал притвориться, что Мэта ранили на войне. Мол, тогда тебя пожалеют.

Молодчина. Значит, драконы еще могут стрелять, хоть и выглядят не самым лучшим образом. Это весомое преимущество. Никто, кроме Мэта и Алудры, не знал, как они действуют. Кровь и пепел, даже Мэт всякий раз, когда они бабахали, опасался, как бы что-нибудь не взорвалось там, где не надо.

Пять или шесть драконов были в полном порядке; Мэт вывел их через переходные врата. Разместив эти орудия к югу от брода, Алудра нацелила их на Половский взгорок. Мэт найдет им применение, но пусть шпион думает, что основная часть драконов уничтожена. А Талманес сумеет подлатать их и привести в рабочее состо-

яние, а потом Мэт опять пустит их в ход.

«Как только мы снова откроем огонь, — думал Мэт, — Демандред ударит по драконам изо всех сил». Поэтому, чтобы ввести их в бой, надо дождаться подходящего момента. Кровь и пепел! С недавних пор вся жизнь Мэта сводилась к ожиданию подходящих моментов, а тех становилось все меньше. Пока что он велел Алудре с ее полудюжиной еще действующих драконов обстреливать троллоков на другом берегу, тех, которые спускаются по юго-западному склону взгорка.

Во-первых, драконы Алудры находились достаточно далеко от Половского взгорка, а во-вторых, они не будут стоять на месте, так что Демандреду непросто будет найти их и уничтожить. К тому же позицию очень быстро скроет дым, производимый драконами при каждом выстреле.

— Мэт, — окликнула его Илэйн из другого конца комнаты. Он не сдержал улыбки, заметив, что Бергитте, «устраивая поудобнее» свою подопечную, каким-то образом приподняла ее трон, и теперь они с Туон сидели на одинаковой высоте, а то и с разницей в целый дюйм в пользу королевы Андора. — Прошу, объясни хотя бы некоторые из своих действий.

«Да так, чтобы шпион тоже все услышал», —

подумал Мэт и обвел присутствующих в комнате взглядом. Кто же действует на стороне Тени? Дамани? Сул'дам? Здесь их было три пары. Способна ли сул'дам почувствовать, что ее дамани — приспешница Темного? А наоборот? Вон та знатная дама с проседью в волосах — разве у нее не подозрительный вид?

Или лазутчика Тени надо искать среди многочисленных генералов? Это Галган? Тайли? Знаменный генерал Гериш? Вон она свирепо зыркает на него из угла. Нет, ну честное слово — ох уж эти женщины! Ведь у нее и впрямь очень милая задница, и Мэт упомянул об этом исключительно из вежливости, поскольку он теперь человек женатый.

По сути, в этой комнате топталось такое количество людей, что если рассыпать по полу просо, к вечеру его смололи бы в муку. Предположительно каждый здесь заслуживал полного доверия и не мог предать императрицу, да живет она вечно — чему не бывать, если по штабу продолжат рыскать шпионы.

— Мэт? — повторила Илэйн. — О твоих планах должен знать кто-то еще. Чтобы продолжить битву в случае твоей гибели.

Что ж, аргумент весомый. Мэта уже посеща-

ла примерно такая же мысль. Убедившись, что только что отданные приказы выполняются, он подошел вплотную к Илэйн и оглядел присутствующих — с невинной улыбкой, ведь им совершенно незачем знать, что их подозревают в предательстве.

— Ты чего скалишься так, будто съесть нас всех собрался? — тихо спросила Илэйн.

— Проклятье! Ничего я не скалюсь, — ответил Мэт. — Выйдем? Хочу прогуляться и подышать воздухом.

— Кнотай? — поднялась на ноги Туон.

Избегая ее взгляда, поскольку тот мог бы просверлить крепчайшую сталь, Мэт вальяжно покинул помещение, а несколько мгновений позже к нему присоединились Илэйн и Бергитте.

— В чем дело? — вполголоса осведомилась Илэйн.

— Там слишком много ушей, — объяснил Мэт.

— Думаешь, в штабе завелся…

— Погоди. — Мэт схватил ее за руку и оттащил в сторону, по пути дружелюбно кивнув Стражам Последнего часа. В ответ те пробурчали нечто невнятное. Сегодня они были на редкость разговорчивы.

— Можешь говорить не таясь, — сказала Ил-

эйн. — Я только что сплела малого стража против подслушивания.

— Спасибо, — поблагодарил ее Мэт. — Мне надо, чтобы ты держалась подальше от штаба. Я расскажу о своем замысле. Если что-то случится, ты выберешь нового военачальника. Договорились?

— Мэт, — начала Илэйн, — если думаешь, что там шпион…

— Не думаю, а знаю, — перебил ее Мэт, — и собираюсь этим воспользоваться. Поверь, у меня все получится.

— Ну да, ну да… И ты настолько уверен в себе, что уже приготовил запасной план. На случай неудачи.

Не ответив, Мэт кивнул Бергитте. Та с ленивым видом посматривала по сторонам, следя, чтобы никто не подходил слишком близко.

— Хорошо ли ты играешь в карты, Илэйн? — спросил он.

— В карты? Мэт, сейчас не время для азартных игр.

— Нет, Илэйн, сейчас самое время. Разве ты не видишь, что на стороне врага подавляющее численное превосходство? Разве не чувствуешь, как дрожит земля при каждой атаке Демандреда? Нам еще повезло, что он не решил Переместиться

прямиком в штаб и ударить разом по всем командующим. Думаю, он опасается, что Ранд прячется где-то здесь и не хочет угодить в засаду. Но, кровь и треклятый пепел, он невероятно силен! Если не рискнуть, нам конец. Считай, что мы мертвы и уже в могиле.

Услышав эти слова, Илэйн утихомирилась.

— У карточных игр есть одна особенность, — поднял палец Мэт. — Они отличаются от игры в кости, где для выигрыша нужно сделать как можно больше бросков. Множество бросков — это множество побед. Все дело в случае, поняла? Но с картами все иначе. В карточной игре тебе надо, чтобы остальные начали делать ставки, причем серьезные. Для этого позволь противнику выиграть. Немножко. Или много. Сейчас это нетрудно, поскольку мы находимся в невыгодном положении. Нас тут превосходят числом и уже изрядно потрепали. Единственный способ победить — это ставка на то, что придут нужные карты. Даже проиграв девяносто девять раз кряду, дождись хорошей раздачи и останешься в прибытке. При условии, что враг начнет делать сумасбродные ставки. И если первоначальный проигрыш тебе по карману.

— Так вот чем ты занят? — спросила Илэйн. —

Делаешь вид, что мы проигрываем?

— Кровь и пепел! Нет! — ответил Мэт. — Никакого притворства. Враг мигом раскусил бы такое. Я действительно проигрываю, но еще и наблюдаю за ходом игры. Готовлюсь к последней ставке, чтобы сорвать весь банк.

— И когда это произойдет?

— Когда придут нужные карты. — Мэт поднял руку, пресекая возможные возражения. — И я об этом узнаю, Илэйн. Проклятье! Просто узнаю, и все тут. Больше ничего сказать не могу.

— Ну ладно. — Она сложила руки на большом животе. О Свет, такое чувство, что этот живот растет не по дням, а по часам. — Замечательно. Какое место в твоем плане отведено андорским войскам?

— Тэм и его люди уже стоят у развалин на берегу реки, — ответил Мэт. — Что до других твоих войск, я предпочел бы послать их к броду. По всей вероятности, Демандред рассчитывает, что северное войско троллоков перейдет реку и атакует наших солдат ниже по течению, с шайнарской стороны, в то время как шарцы и остальные отродья Тени спустятся с Половского взгорка и оттеснят нас от брода и вверх по реке. Они попробуют зажать нас в тисках, окружить и

прикончить. Кстати, Демандред велел одному из своих отрядов перегородить реку, и уже скоро она обмелеет. Посмотрим, нельзя ли обернуть это в свою пользу. Но когда Мора пересохнет, троллоки ринутся через ее русло, и нам понадобится крепкая оборона. Тут-то и пригодятся твои войска.

— Значит, туда мы и отправимся, — сказала Илэйн.

— Мы?! — гаркнула Бергитте.

— Куда мои солдаты, туда и я, — подтвердила Илэйн, направляясь в сторону коновязи. — Становится все очевиднее, что здесь я не принесу никакой пользы, и Мэт хочет, чтобы я держалась подальше от штаба. Поэтому я пойду к треклятой реке.

— В гущу сражения?! — воскликнула Бергитте.

— Мы и так в самой гуще сражения, Бергитте, — сказала Илэйн. — Быть может, через несколько минут те из Шары, что умеют направлять Силу, — а с ними еще десять тысяч человек — начнут штурмовать Дашарский бугор и эту расселину. Пойдем. Разрешаю окружить меня гвардейцами так, что я чихнуть не смогу, не забрызгав десяток телохранителей.

Бергитте вздохнула, а когда Мэт бросил на нее сочувственный взгляд, кивнула ему на прощание

и ушла следом за Илэйн.

«Вот и ладно», — подумал Мэт по пути к штабному домику. Илэйн сделает, что должна, а Талманес понял его сигнал и сообразил, что от него требуется. Осталось самое трудное.

Как бы теперь уговорить Туон сделать то, чего он хочет?

Галад вел конницу Чад Света в стремительную атаку вдоль Моры, неподалеку от руин. Троллоки соорудили тут еще несколько наплавных мостов, а мертвых тел в воде было больше, чем по осени листьев в пруду. Лучники поработали на совесть.

Отродий Тени, наконец-то сумевших пересечь реку, встретили Дети Света. Галад пригнулся, покрепче сжал копье, пронзил шею громадного троллока с медвежьей мордой и помчался дальше. С наконечника копья струилась кровь, а оставшийся позади враг упал на колени.

Своего коня, по кличке Сидама, Галад направил в самое скопище троллоков, сбивая их с ног или вынуждая отскочить в сторону. Мощь кавалерийского удара напрямую зависит от числа всадников, а их было предостаточно, и врагов, увернувшихся от копыт Сидамы, затаптывали следующие кони.

За этой атакой последовал залп лучников Тэма по основным силам троллоков, выбиравшимся на берег. Задние ряды ломанулись вперед, попирая раненых.

Наконец рейд вдоль первых рядов троллоков закончился — поскольку закончились враги, — и Галада догнал Голевер, а с ним еще несколько Детей Света. Всадники осадили лошадей и развернулись, подняли копья и галопом бросились на подмогу разъединенным группам людей, сражавшимся в одиночку.

Пространство, на котором шла битва, казалось бескрайним, и Галад битый час выискивал разрозненные отряды, выручал их и отсылал потом к развалинам, чтобы Тэм или его капитаны сформировали из уцелевших новые знамена. Понемногу ряды людей таяли и изначальные подразделения смешивались друг с другом. Теперь Детей Света сопровождали не только наемники, но еще гэалданцы, солдаты из Крылатой гвардии и даже двое Стражей — Клайн и Аликс. Оба потеряли своих Айз Седай. Галад думал, что долго они не продержатся, но эти двое бились как рассвирепевшие львы.

Отправив к руинам очередную группу выживших, Галад пустил Сидаму шагом и прислушался

к его тяжелому дыханию. Берег реки превратился в месиво из грязи, крови и мертвых тел. Коутон был прав, когда приказал Детям Света остаться на этой позиции. Быть может, Галад его недооценил?

— Как долго, по-твоему, мы деремся? — спросил ехавший рядом Голевер. Через прореху в его табаре виднелась правая сторона кольчуги, помятой после удара троллочьего клинка. Кольчуга выдержала удар, хотя по пятнам крови было ясно, что некоторые кольца, пробив стеганый поддоспешник, впились Голеверу в бок. Кровотечение опасным не выглядело, и Галад решил, что рана не заслуживает упоминания.

— Недавно был полдень, — прикинул он. Солнце пряталось за тучами, но Галад почти не сомневался, что провел на этом берегу четыре или пять часов.

— По-твоему, на ночь они сделают перерыв? — спросил Голевер.

— Вряд ли, — ответил Галад. — Да и не факт, что битва продлится так долго.

— Полагаешь… — с тревогой посмотрел на него Голевер.

— Я в толк не возьму, что происходит. Коутон отправил сюда множество солдат и, насколько

я понял, приказал оставить Половский взгорок. Почему? Не знаю. А вода в реке… Тебе не кажется, что она течет как-то неравномерно? Похоже, бой у верховья идет хуже, чем хотелось бы. — Он покачал головой. — Вот бы глянуть на всю битву целиком. Тогда я, наверное, сообразил бы, в чем заключается план Коутона.

Он был солдатом. А солдату для выполнения приказа не требовалось видеть все сражение. Однако в прошлом у Галада обычно имелась возможность сложить из отдельных приказов картину общей стратегии.

— Мог ли ты представить, что бывают настолько грандиозные битвы? — Голевер обвел глазами поле сражения. Пехотинцы Арганды сошлись с троллоками у реки. Отродий Тени на этом берегу становилось все больше, и Галад вдруг понял, что вода убывает.

За последний час троллоки сумели закрепиться на этом берегу. Бой будет тяжким, но более или менее равным, если учесть, сколько врагов полегло при переправе. Коутон знал, что реку перекроют запрудой. Вот почему он отправил сюда столько войск — для того, чтобы сдержать натиск с противоположного берега.

«О Свет! — подумал Галад. — Да это же Игра

Домов, только на поле боя». Да, он и впрямь недооценил этого Коутона.

Шагах в двадцати от него с неба вдруг упал, стукнув по голове мертвого троллока, свинцовый шар с красной лентой. Высоко в небе раздался крик удаляющегося ракена. Галад направил Сидаму вперед, а Голевер спешился и поднял послание. Переходные врата — штука удобная, но со спины ракена вся битва видна как на ладони, и его наезднику проще передать приказ определенному человеку, отыскав нужный знаменный отряд.

Голевер протянул ему записку, и Галад достал из кожаного мешочка, что носил за голенищем сапога, лист с записанными ключами для расшифровки. Ничего сложного в шифре не было: список чисел и соответствующих им слов. Если слова в приказе не сопровождались нужными числами, его подлинность вызывала сомнения.

«Дамодред, — говорилось в послании, — возьмите дюжину лучших людей из двадцать второго эскадрона и направляйтесь вдоль реки к Хаувальскому броду. Остановитесь, как только увидите знамя Илэйн, и ждите там дальнейших указаний. P.S. Если заметите троллоков с боевыми посохами, пусть их возьмет на себя Голевер. Насколько мне

известно, такие враги причиняют вам немало неприятностей. Мэт».

Галад вздохнул и показал записку Голеверу. В кодовом листе число «двадцать два» соответствовало слову «посох», так что приказ был настоящим.

— Чего он от нас хочет? — спросил Голевер.

— Вот бы узнать, — искренне ответил Галад.

— Я соберу бойцов, — сказал Голевер. — Пожалуй, тебе понадобятся Гарнеш, Маллоун, Брокел… — Он продолжал, пока не перечислил дюжину имен.

— Славная компания, — кивнул Галад. — Что ж, не могу сказать, что этот приказ меня огорчает. Как видно, в бой вступила моя сестра, и я за ней присмотрю.

Кроме того, ему хотелось взглянуть на другой участок битвы. Быть может, тогда он разгадает замысел Коутона.

— Как прикажешь, лорд капитан-командор, — отозвался Голевер.

* * *

Темный нанес удар.

Он пытался разорвать Ранда на части и разрушить их. Он стремился разъять его на те

элементы, что составляли самое существо Ранда, и уничтожить их один за другим.

Ранд не мог ни вскрикнуть, ни даже вздохнуть. Эта атака не была нацелена на его тело, поскольку здесь, в этом месте, он не имел физического тела, от него остались только воспоминания.

Он удержал свою личность от распада. Это было непросто. Перед лицом настолько мощной атаки он лишился всякой надежды одержать победу над Темным, не говоря уже о том, чтобы убить его. Ранд не сумел бы его одолеть. Он едва держал удар.

При всем желании он не смог бы описать свои ощущения. Казалось, Темный разбирает его на мелкие кусочки, в то же время пытаясь сокрушить его целиком, и нападает единой и неделимой волной, со всех сторон сразу.

Ранд упал на колени. Вернее, на колени упало его отображение, но Ранд не отделял его от самого себя.

Миновала вечность.

Ранд вытерпел и сокрушительное давление, и сопровождавшую его разрушительную какофонию. Стоя на коленях, скрючив пальцы в подобие птичьих когтей, обливаясь потом, он пережил эту бурю, перетерпел ее, поднял глаза и прорычал:

— Это все, на что ты способен?

— ПОБЕДА БУДЕТ ЗА МНОЙ.

— Ты закалил меня, — прохрипел Ранд. — Всякий раз, когда ты или твои подручные пытались меня уничтожить, ваша неудача становилась ударом молота по металлической заготовке. А эта твоя последняя попытка… — Ранд перевел дух. — Эта попытка — ничто. Тебе не сломить меня.

— ОШИБАЕШЬСЯ. Я НЕ ХОТЕЛ СЛОМИТЬ ТЕБЯ. ЭТО БЫЛА ПОДГОТОВКА.

— К чему?

— К ТОМУ, ЧТОБЫ ТЫ УЗРЕЛ ИСТИНУ.

Перед Рандом закружились фрагменты Узора… сотни тончайших нитей, отделившихся от светового потока. Он понимал, что это не Узор, а лишь его отображение — как и его тело, которое он тут видел и которое не было здесь настоящим. Но для представления чего-то столь масштабного, как полотно мироздания, человеческий разум нуждался в точке опоры, и сознание выбрало наиболее привычные образы.

Эти неугомонные паутинки походили на нити плетения Единой Силы, вот только их насчитывались тысячи тысяч, и цвета их отличались большей яркостью и разнообразием. Каждая паутинка была прямой, как натянутая струна.

Или луч света.

Они сплелись воедино, будто ткань, выходящая из ткацкого станка, и Ранду явилось видение: вязкая почва, растения, испещренные черными крапинками, деревья, чьи ветви поникли, словно обессилевшие руки.

Став явным, осязаемым, образ превратился в реальность. Ранд с трудом выпрямился и ощутил землю под ногами. Почуял запах дыма. Услышал… услышал горестные стоны. Обернувшись, он понял, что стоит на почти лишенном растительности склоне холма над темным городком, обнесенным стеной из черного камня, за которой жались один к другому мрачные, приземистые, похожие друг на друга строения.

— Что это? — прошептал Ранд. Место казалось ему знакомым. Он поднял взгляд, но солнца не увидел, поскольку в небе господствовали тучи.

— ТО, ЧТО БУДЕТ.

Ранд потянулся к Единой Силе, но с омерзением отпрянул. Порча вернулась, и теперь она стала сильнее. Куда сильнее. Из темной пленки на расплавленном сиянии саидин она теперь превратилась в толстый непроницаемый слизистый налет. И Ранду пришлось бы впитать его и полностью погрузиться в эту темную скверну,

чтобы отыскать под ней Единую Силу, если она там еще осталась. От одной этой мысли к горлу подступил горький комок, и Ранда едва не вывернуло наизнанку.

Его влекло к той крепостце за каменной стеной. Почему это место кажется ему знакомым? Ранд находился в Запустении; это было ясно по листве, но в первую очередь — по вездесущему запаху гниения. Жара стояла — как на болотах летним днем — тяжелая, гнетущая, несмотря на затянутое облаками небо.

Спускаясь с невысокого холма, Ранд заметил, что неподалеку работают какие-то люди. Дровосеки, человек десять. Рубят деревья. Ранд приблизился к ним, бросил взгляд в сторону и заметил вдали небытие Темного, поглотившее часть ландшафта. Будто черная брешь в линии горизонта. Напоминание о нереальности этого видения?

Он миновал пеньки от срубленных деревьев. Чем занимаются эти люди? Заготовкой дров? Вялый стук топоров — тюк, тюк — и поникшие плечи работников никак не соответствовали представлению Ранда о присущей дровосекам могучей силе.

Человек слева… Подступив ближе, Ранд узнал

его, несмотря на согбенную спину и морщинистую кожу. О Свет… Тэм выглядел лет на семьдесят, а то и на все восемьдесят. Зачем он взялся за такой тяжелый труд?

«Это видение, — напомнил себе Ранд. — Не реальность, а кошмар, созданный Темным».

Но, находясь здесь, в этой фантасмагории, трудно было усомниться в ее подлинности. В каком-то смысле она и была подлинной, ведь при ее создании Темный пользовался затененными, второстепенными нитями Узора — возможными вариантами будущего, расходившимися по мирозданию, как круги по воде.

— Отец?

Старик обернулся, но, судя по взгляду, не увидел Ранда, и тот положил руку ему на плечо:

— Отец!

Какое-то время Тэм тупо смотрел в пустоту, а затем поднял топор и вернулся к работе. Рядом рубили обломанное дерево Даннил и Джори. Оба тоже повзрослели и выглядели теперь как мужчины средних лет. Даннил, похоже, страдал от какой-то страшной болезни. Лицо бледное, кожа покрыта какими-то язвами.

Топор Джори зарылся в бесплодную землю возле пня, из-под которой хлынул черный поток

насекомых, таившихся среди корней. Должно быть, топор повредил их гнездо.

Черной массой они стремительно покрыли топорище, а затем и самого Джори. Он закричал, пытаясь стряхнуть насекомых, и те набились ему в разинутый рот. Это был так называемый «тлетворный рой», одна из многих опасностей Запустения, о которой не раз слышал Ранд. Он поднял было руку, но Джори уже завалился на бок и умер быстрее, чем Ранд сумел бы сделать единственный вдох.

Тэм завопил от ужаса и бросился прочь от тлетворного роя, но на глазах у Ранда врезался в густой кустарник, и одна из ветвей, стремительная, будто щелкающий хлыст, остановила его, намертво обвив шею.

— Нет! — крикнул Ранд.

Пусть это не реальность, но нельзя же просто смотреть, как гибнет твой отец! Ранд впился в Источник, пробиваясь через тошнотворный мрак порчи, где было нечем дышать, и с громадным трудом, потратив мучительное количество времени, нащупал саидин. Но получил он от нее лишь тончайшую струйку Силы.

И все равно Ранд сотворил огненную тесьму и с ревом хлестнул ею по лозе, схватившей его

отца. Побеги съежились и засохли, а Тэм упал на землю.

Он не двигался. Мертвые глаза смотрели в небо.

— Нет! — Ранд повернулся к тлетворному рою и уничтожил его плетением Огня. За считаные секунды от Джори остались одни только кости.

Насекомые трещали и лопались, погибая в пламени.

— Направляющий, — выдохнул Даннил.

Съежившись рядом, он смотрел на Ранда круглыми от потрясения глазами. Другие дровосеки сбежали невесть куда. Слышны были только их крики.

Ранд не сумел побороть рвотные позывы. Порча… Какая… отвратительная мерзость. Больше он не мог удерживать Источник и отпрянул от него.

— Пойдем, — схватил его за руку Даннил. — Пойдем, ты мне нужен!

— Даннил, — просипел Ранд, распрямляясь, — ты что, не узнаешь меня?

— Пойдем, — повторил Даннил и потянул его к городским стенам.

— Я Ранд, Даннил. Ранд. Дракон Возрожденный.

Судя по мутному взгляду, Даннил не понимал,

о чем речь.

— Что он с тобой сделал? — прошептал Ранд.

— ОНИ НЕ ЗНАЮТ ТЕБЯ, СОПЕРНИК. Я ПЕРЕСОЗДАЛ ИХ ЗАНОВО. ЗДЕСЬ ВСЕ В МОИХ СИЛАХ, И ВСЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО МНЕ. ОНИ НЕ УЗНА́ЮТ, ЧТО ПОТЕРЯЛИ. ОНИ НЕ УЗНА́ЮТ НИ О ЧЕМ, КРОМЕ МЕНЯ.

— Я отвергаю тебя, — тихо сказал Ранд. — Слышишь? Отвергаю!

— ОТВЕРГАЯ СОЛНЦЕ, ТЫ НЕ ПРИБЛИЗИШЬ ЗАКАТ.
ОТВЕРГАЯ МЕНЯ, ТЫ НЕ ВОСПРЕПЯТСТВУЕШЬ МОЕЙ ПОБЕДЕ.

— Пойдем, — не унимался Даннил. — Умоляю. Ты должен спасти меня!

— Заканчивай, — велел Ранд.

— ЗАКАНЧИВАТЬ? ЭТОМУ НЕТ КОНЦА, СОПЕРНИК. ВСЕ БУДЕТ ТАК, КАК ЕСТЬ. ЭТО МОЕ ТВОРЕНИЕ.

— Нет, это плод твоего воображения.

— Умоляю, — повторил Даннил.

Не сопротивляясь, Ранд последовал за ним к темной твердыне.

— Как ты там оказался, Даннил? — спросил он. — Зачем собирать дрова в Запустении? Там опасно!

— Так нас наказывают, — прошептал Даннил. — Те, кто подводит господина, должны принести ему дерево, срубленное своими руками. Если тебя не прикончит лоза или тлетворный рой, стук топоров привлечет других тварей…

Ранд нахмурился. Они вышли на дорогу, что вела к поселению и мрачной крепости. Да, Ранд и впрямь знал эти места. «Карьерная дорога, — удивился он, — а за ней…»

Крепость стояла в центре Эмондова Луга, господствуя над площадью, некогда называвшейся Лужайкой.

В Двуречье пришло Запустение.

На Ранда будто навалились тяжелые тучи, что висели над головой. Он снова услышал вопли Джори. Снова увидел, как Тэма душит лоза.

«Это не реальность».

Вот что будет, если Ранд потерпит поражение. От него зависели все эти люди. Так много людей… Некоторых он уже подвел. Трудно было удержаться и не вспомнить имена тех, кто погиб, служа Дракону Возрожденному. Даже если он спасет остальных, этих уже не вернуть.

Эта попытка уничтожить его «я» отличалась от предыдущих. Ранд чувствовал, как Темный, впиваясь в него своими щупальцами, заражает

разум тревожным беспокойством, сомнением, страхом.

Даннил привел его к окружавшей деревню стене. Ворота охраняла пара мурддраалов в неподвижных плащах. Оба скользнули вперед.

— Тебя отправили по дрова, — прошипел один, пошевеливая слишком белесыми губами.

— Я… Смотрите, кого я привел! — испуганно попятился Даннил. — Подарок нашему господину! Он может направлять. Это я отыскал его для вас!

Ранд зарычал, а затем снова окунулся в ту мерзость, что окружала Единую Силу. Он нащупал ручеек саидин и ухватился за нее.

И в тот же миг ручейка не стало. Между Источником и Рандом опустился щит.

— Это не реальность, — прошептал он, поворачиваясь к тому, кто отсек его от Единой Силы.

Из ворот вышла Найнив, вся облаченная в черное.

— Дичок? — осведомилась она. — Как его раньше не обнаружили? Как он сумел выжить так долго? Ты молодец, Даннил, и я возвращаю тебе жизнь. Смотри не подведи нас снова.

Даннил заплакал от радости и, минуя Найнив, бросился в городок.

— Это не реальность, — сказал Ранд, когда Най-

нив спеленала его плетениями Воздуха, а затем втащила в Эмондов Луг — такой, каким его создал Темный. Впереди скользили двое мурддраалов. Эмондов Луг превратился в крупный город. Одинаково бесцветные дома напоминали мышей, застывших перед кошкой. Люди жались по переулкам, боясь поднять глаза.

Все расступались перед Найнив; некоторые называли ее «госпожой», другие — Избранной. Двое мурддраалов неслись по городу, будто тени. Когда Ранд с Найнив добрались до крепости, в ее внутреннем дворе их поджидала небольшая группа людей. Их было двенадцать. Ранд чувствовал, что четверо мужчин из них удерживают саидин, хотя узнал одного лишь Дамера Флинна. С двумя из женщин он был знаком в Двуречье, когда они были еще детьми.

Итого тринадцать, считая Найнив. И тринадцать мурддраалов, собравшихся под сумрачным небом. Впервые с тех пор, как он очутился в этом видении, Ранду стало страшно. Только не это. Что угодно, только не это.

Что, если его Обратят? Нет, это не реальность, но все же одна из ее версий. Зеркальный мир, созданный Темным. Что станет с тем, настоящим Рандом, если здешнего Ранда Обратят ко Тьме?

Неужели он вот так запросто угодил в ловушку?

Охваченный паникой, он стал метаться в путах Воздуха. Конечно же безрезультатно.

— Ты и впрямь любопытный экземпляр, — заметила, повернувшись к нему Найнив. С тех пор как они расстались в Бездне Рока, она не состарилась ни на день, но заметно изменилась. Волосы снова заплетены в косу, но лицо вытянулось, стало более жестким, а глаза…

Страшнее всего были ее глаза.

— Как ты там выжил? — спросила она. — Как тебе удалось так долго скрываться?

— Я пришел из мест, которыми не правит Темный.

— Глупости! — рассмеялась Найнив. — Детские сказки. Великий повелитель правил всегда и везде.

Ранд видел ее — свою связь с Узором, видел мерцающую полуправду и паутину теневых троп. Эта вероятность… Перед ним был вариант того, что могло случиться. Один из тех путей, куда мог свернуть мир. Здесь Темный победил в Последней битве и сломал Колесо Времени.

Затем он воссоздал Колесо, раскрутил его, соткал Узор иным образом. Все живые забыли о прошлом, и у них не осталось никаких знаний,

кроме тех, что навязал им Темный. Ранд мог прочесть истину, правдивую историю этого мира — в нитях Узора, которых успел коснуться чуть раньше.

Найнив, Эгвейн, Логайн и Кадсуане примкнули к Отрекшимся. Их насильно обратили ко Тьме. Морейн казнили, поскольку сочли недостаточно сильной.

Илэйн, Мин, Авиенда… Они заперты в Шайол Гул и обречены на вечные муки.

Этот мир был кошмаром наяву. Все Отрекшиеся получили в собственность по небольшому наделу, где правили железной рукой и мерились друг с другом силами, обмениваясь ударами войск и Повелителей ужаса. Здесь, в этом мире бесконечной осени, шла вечная битва.

Запустение расползлось по всей земле. Континент Шончан разорили и выжгли до такой степени, что там не выживали даже ворóны и крысы. Любого, кто обладал даром направлять Силу, выявляли еще в детстве и Обращали против его воли, ведь такие люди могли вернуть миру надежду, а Темный не собирался идти на подобный риск.

Поэтому надежды не осталось.

Тринадцать человек начали направлять, и

Ранд закричал:

— Это все, на что ты способен?!

На него навалилась воля тринадцати человек. Ранду казалось, что в голову ему вбивают гвозди, терзающие плоть и кость. Он сопротивлялся изо всех сил, но пульсирующий натиск походил на удары топора, и с каждым таким ударом совокупная воля тринадцати проникала все глубже ему в сознание.

— ВИДИШЬ? Я ПОБЕДИЛ.

Неудача потрясла Ранда до глубины души. Все увиденное произошло по его вине. Из-за него Найнив и Эгвейн Обращены ко Тьме. Те, кого он любил, стали игрушками Тени.

Ранд должен был их защитить.

— Я ПОБЕДИЛ. СНОВА.

— По-твоему, я тот же юнец, которого так старался напугать Ишамаэль?! — громко спросил Ранд, отгоняя ужас и угрызения совести.

— БИТВА ОКОНЧЕНА.

– *ОНА ЕЩЕ НЕ НАЧАЛАСЬ!* — прокричал Ранд.

Окружавшая его реальность вновь распалась на световые полосы. Лицо Найнив распустилось, будто неподшитая кружевная ткань. Земли не стало, и крепость перестала существовать.

Ранд освободился от пут Воздуха, никогда не

существовавших по-настоящему. Хрупкая реальность, созданная Темным, расплелась на составные части. Нити света завились спиралями, дрожа, будто струны арфы.

Эти нити ждали, когда их снова сведут воедино.

Сделав глубокий вдох сквозь стиснутые зубы, Ранд поднял глаза к мраку за этими нитями.

— На сей раз я не буду сидеть сложа руки и страдать, Шайи'тан. Я стал куда сильнее, чем когда-то, и отказываюсь быть пленником твоих кошмаров!

С этими словами он сгреб в горсть сотни и сотни окружавших его нитей. Среди них не было ни Огня, ни Воздуха, ни Земли, ни Воды, ни Духа… Они представляли собой нечто более примитивное и в то же время разнообразное, и каждая нить была уникальной и неповторимой. Вместо Пяти Сил здесь были тысячи.

Ранд ухватил их, собрал — и держал в руке ткань самого мироздания.

— А теперь… — Тяжело дыша, пытаясь отогнать панику, порожденную недавним видением, Ранд начал плести другую версию того, что будет. — Теперь моя очередь показать тебе то, что будет.

— Мать, отряды уже на месте, — склонил го-

лову Брин.

Эгвейн глубоко вздохнула. По приказу Мэта войска Белой Башни пересекли высохшую реку чуть ниже брода и расположились к западу от топей. Пора к ним присоединиться. Пару секунд Эгвейн стояла перед переходными вратами, ведущими в штаб Мэта, и смотрела в глаза высокомерной шончанке, чинно сидевшей на своем троне.

«С тобой мы еще не закончили», — подумала она, повернулась к Юкири и жестом велела закрыть портал.

— Пойдем. — Крепко сжимая в руке са'ангриал Воры, Эгвейн вышла из палатки и тут же замерла, увидев под ногами нечто едва заметное. Она наклонилась, присматриваясь к паутине крошечных трещин на камнях.

— Их становится все больше, мать, — присела рядом Юкири. — Мы считаем, что они разрастаются, когда Силу направляют Повелители ужаса. Особенно если в ход пускают погибельный огонь.

Эгвейн потрогала камень. На ощупь — самые обычные трещины, а за ними, если присмотреться, — пустота, ничто. Кромешная тьма, созданная не игрой света и тени, но полным отсутствием чего бы то ни было.

Сотворив плетение всех Пяти Сил, Эгвейн обследовала эти трещины. Да…

Она не вполне понимала, что делает, но это новое, впервые созданное плетение легло на камень, как ложится на рану целительная повязка. Тьма отступила, оставив после себя обычные трещины — и тонкую кристаллическую пленку.

— Любопытно, — сказала Юкири. — Что это за плетение?

— Не знаю, — промолвила Эгвейн. — Я создала его, поскольку чувствовала, что так надо. Гавин, ты не…

Она осеклась.

Гавин!

Эгвейн тут же распрямилась. Она смутно припомнила, как Гавин вышел из палатки, чтобы подышать воздухом. Давно ли это было? Медленно поворачиваясь на месте, она старалась ощутить, где находится ее Страж, пока узы не подсказали ей направление. Эгвейн замерла лицом к пересохшей реке, чуть выше брода, где Мэт разместил войска Илэйн.

«Ох, Свет…»

— Что такое? — спросила Сильвиана.

— Гавин ушел сражаться, — спокойно ответила Эгвейн, но спокойствие далось ей с немалым

трудом. Ох уж этот шерстеголовый идиот! Разве не мог он подождать час-другой, пока в битву не вступят войска Белой Башни? Конечно, ему не терпелось взяться за оружие, но Гавину стоило хотя бы спросить разрешения!

Брин тихо застонал.

— Пусть кто-нибудь приведет его обратно, — продолжила Эгвейн. Теперь тон ее был ледяным, она едва сдерживала гнев. — По всей видимости, он присоединился к андорским войскам.

— Я съезжу за ним. — Взявшись за меч, Брин взмахнул другой рукой, подзывая конюха. — Раз уж мне нельзя командовать армией, позвольте принести хоть какую-то пользу.

Разумная мысль.

— Возьмите с собой Юкири, — сказала Эгвейн. — Когда отыщете моего глупого Стража, Переместитесь к западу от топей. Мы будем там.

Брин поклонился и ушел. Суан проводила его нерешительным взглядом.

— Если хочешь, ступай с ним, — разрешила Эгвейн.

— Ты уверена, что я не понадоблюсь где-то еще? — уточнила Суан.

— Вообще-то, — понизила голос Эгвейн, — мне надо, чтобы рядом с Мэтом и шончанской импе-

ратрицей был человек, умеющий слышать то, о чем не говорят напрямую.

Суан кивнула — с одобрением и даже гордостью. Как Престол Амерлин, Эгвейн вовсе не нуждалась в подобной похвале, но, глядя на Суан, почувствовала, как усталость становится чуть менее невыносимой.

— У тебя довольный вид, — заметила она.

— Когда мы с Морейн отправились искать этого мальчишку, — сказала Суан, — я даже представить не могла, что Узор пошлет нам не только его, но и тебя.

— Тебе на замену? — спросила Эгвейн.

— С возрастом любая королева начинает задумываться о своем наследии, — ответила Суан. — О Свет, да что там королева! Такие мысли, пожалуй, свойственны любой хорошей матери семейства. Сумеет ли ее наследник сохранить и приумножить то, что было ею создано? Становясь мудрее, женщина осознает, что все ее свершения — лишь бледная тень того, на что способна ее преемница. Что ж… Не могу сказать, что мы с тобой похожи, и не буду утверждать, что с радостью рассталась со званием Престола Амерлин, но… приятно знать, что я приложила руку к формированию грядущего. И если говорить о преемственности,

я не представляю, кто справился бы с этой ролью лучше тебя, и говорю эти слова с благодарностью. Да, я выполню твою просьбу. Прослежу за шончанской императрицей и, быть может, помогу бедняжке Мин выпутаться из той сети для клыкрыб, в которую она угодила.

С этими словами Суан отошла в сторону и окликнула Юкири, чтобы та, прежде чем уйти с Брином, открыла для нее переходные врата. Глядя, как она целует военачальника, Эгвейн не сдержала улыбки: Суан целует мужчину у всех на виду.

Сильвиана направила Силу, создавая для Амерлин другой портал. Взобравшись в седло, Эгвейн коснулась Источника, выставила перед собой са'ангриал Воры и направила Дайшара вперед, следом за гвардейцами Башни. В ноздри немедленно ударил запах дыма.

По другую сторону переходных врат ее ждал верховный капитан Чубейн. Эгвейн всегда казалось, что этот темноволосый мужчина слишком молод для своего звания, — но, с другой стороны, военачальнику необязательно быть седовласым, как Брин. В конце концов, командование битвой доверили человеку, который был чуть-чуть старше Эгвейн, а сама она — самая молодая Амерлин

в истории Белой Башни.

Повернувшись к Половскому взгорку, Эгвейн обнаружила, что возвышенности почти не видно за пожарами на склоне и на восточном краю болотины.

— Что случилось?

— Наши войска у реки обстреливают взгорок зажигательными стрелами, — объяснил Чубейн. — Поначалу я решил, что Коутон свихнулся, но теперь понимаю, зачем он отдал этот приказ. Пожары на склонах и у подножия дают нам прикрытие. Растительность здесь сухая, ломкая и горит не хуже трута. На какое-то время огонь заставит троллоков и шарскую кавалерию сидеть на вершине. И по-моему, Коутон хочет, чтобы дым замаскировал перемещение наших войск вокруг болота.

Тень, конечно, заметит какое-то движение, но численность войск и состав отрядов останутся для нее загадкой. Вместо того чтобы видеть все как на ладони с высоты взгорка, враг будет вынужден полагаться на донесения разведчиков.

— Какой у нас приказ? — спросил Чубейн.

— Разве он вам не сказал? — удивилась Эгвейн, и верховный капитан помотал головой:

— Нет. Велел только ждать на этой позиции.

— Мы обогнем топи с запада и зайдем шарцам в тыл, — сказала Эгвейн.

— При этом значительно рассредоточим наши силы, — хмыкнул Чубейн. — Сперва Коутон сдал возвышенность, а теперь, получается, решил взять ее штурмом?

Ответа на этот вопрос у Эгвейн не было. Что ж… По существу, именно она назначила Мэта главнокомандующим. Она бросила еще один взгляд за топи, туда, где чувствовала Гавина. Наверное, он сражается возле…

Она призадумалась. Еще недавно ей казалось, что Гавин где-то у реки, но теперь стало ясно, что это не так. Гавин не присоединился к войскам Илэйн.

Нет, он отправился на Половский взгорок — туда, где Тень закрепилась лучше всего.

«Ох, Свет!.. — подумала она. — Что же ты делаешь, Гавин?»

Гавин шагал сквозь дым, который черными щупальцами обвивался вокруг него, ногам было жарко от тлеющей травы, хотя здесь, на вершине Половского взгорка, пожар почти закончился, укрыв землю слоем темного пепла.

Повсюду лежали мертвые тела и разбитые драконы, черные, будто груды шлака или угля.

Гавин знал, что иногда фермеры поджигают прошлогоднюю траву — дескать, это способствует обновлению почвы. Теперь же горел весь мир, и Гавин — обвязав лицо мокрым платком, скользя меж клубов черного дыма — молился, чтобы этот пожар стал началом обновления.

Куда ни глянь, по камням расползалась паутина трещин. Тень уничтожала эти земли.

Почти все троллоки сгрудились на той стороне возвышенности, которая смотрела на Хаувальский брод, хотя некоторые деловито сновали по склонам, осматривая трупы. Должно быть, монстров привлек запах горелого мяса. Вышедший из дыма мурддраал принялся бранить их на языке, которого Гавин не знал, перемежая ругательства ударами хлыста по троллочьим спинам.

Гавин замер, но Получеловек, не заметив его, погнал отставших туда, где собрались остальные троллоки. Придется ждать. Гавин тихо дышал сквозь носовой платок, чувствуя, как его оплетают тени, порожденные тер'ангриалами Кровавых Ножей. Из-за этих трех колец с ним происходили неприятные вещи. Кружилась голова, и при каждом шаге ноги двигались быстрее обычного. Чтобы привыкнуть к переменам, потребовалось некоторое время, и Гавин не сразу наловчился

сохранять равновесие.

Из-за ближайшей груды обломков приподнялся троллок с волчьим рылом, посмотрел вслед Исчезающему, повел носом. Потом он выполз из укрытия и забросил на плечо мертвое тело. Троллок прошел в каких-то пяти футах от Гавина, но вдруг встал и снова принялся принюхиваться, после чего, пригнувшись пониже к земле, отправился своей дорогой. За телом, что он нес на плече, волочился плащ Стража. Бедный Симон. Не сыграть ему больше в карты. Гавин тихонько зарычал и, не успев одернуть себя, метнулся вперед. «Поцелуй гадюки», разворот — и обезглавленная туша троллока рухнула на землю.

Гавин застыл над ней с обнаженным мечом, проклиная себя за безрассудство, а затем, пригнувшись, юркнул обратно в дым. Тот скроет его запах, а черные клубы спрячут размытый силуэт. Глупец! Чуть не разменял свою жизнь на какого-то троллока. Труп Симона в любом случае окажется в варочном котле. Гавину не перебить всю армию. Он здесь ради одного-единственного человека.

Не разгибаясь, он ждал, силясь понять, заметили его нападение или нет. Быть может, исчадия Тени вообще не способны увидеть его — ведь

Гавин не знал, до какой степени его скрывают кольца-тер'ангриалы, — но падающее тело троллока мог увидеть кто угодно.

Нет, все тихо. Никто не поднял тревогу. Гавин выпрямился и продолжил путь. И лишь тогда он заметил, как покраснели его пальцы на фоне черного пепла. Ожог? Боли он почти не чувствовал. Кольца… Сознание туманилось, но это — к счастью — не сказалось на его боевых навыках. Даже наоборот. Все инстинкты обострились.

Демандред. Где же Демандред? Гавин рыскал по вершине Половского взгорка. Коутон разместил у реки возле брода какие-то войска. Какие именно? Из-за дыма не видать. С другой стороны высотки порубежники бились с шарской кавалерией. Однако здесь, наверху, было спокойно, даже несмотря на обилие шарцев и отродий Тени. Стараясь держаться мест, где было больше сухостоя и бурьян погуще, Гавин крался позади арьергарда троллоков. Похоже, его никто не замечал. Здесь кругом были тени, а где тени, там защита от чужих глаз. Внизу, в проходе между взгорком и трясиной, затухали огни пожара. Не рановато ли? Быть может, их гасят плетениями Силы?

Гавин планировал найти Демандреда там, откуда исходили его атаки, но если он воздействием

Силы борется с пожаром, то…

Армия Тени ринулась в атаку на Хаувальский брод. Шарцы остались на месте, но основная масса троллоков мчалась вниз по склону — очевидно, намереваясь пересечь высохшую реку и вступить в бой с войсками Света.

Если Коутон собирался выманить все силы Демандреда с Половского взгорка, то он потерпел неудачу. Многие шарцы — что пехота, что конница — остались на месте и бесстрастно смотрели, как отродья Тьмы с оглушительным топотом несутся навстречу битве.

На склоне загрохотали взрывы, разбрасывая троллоков, будто хлопья грязи из выбиваемого коврика. Гавин остановился и присел. Драконы. Те немногие, что еще остались. Мэт разместил их где-то за рекой, а где именно — не понять из-за дымовой завесы. Судя по звуку, их было с полдюжины, не больше, но урон они наносили огромный, особенно с учетом расстояния.

Неподалеку на вершине возникла вспышка красного света, и боевое плетение устремилось в дым, за которым скрывались драконы. Гавин улыбнулся. «Премного благодарен». Он положил ладонь на эфес. Пора проверить, насколько хороши эти кольца.

Не выпрямляясь, он выскочил из укрытия. Почти все троллоки уже спустились по склону и теперь вприпрыжку мчались к пересохшему руслу. Войска Света осыпали их стрелами и арбалетными болтами, драконы дали новый залп, но теперь с несколько иной позиции. Коутон перемещал орудия, чтобы Демандреду было труднее их уничтожить.

Гавин бежал меж завывающих отродий Тени. Земля за спиной пульсировала от взрывов, будто гигантское сердце, в клубящемся вокруг густом дыму стало нечем дышать. Руки почернели, и Гавин предположил, что с лицом произошло то же самое. Пусть же это поможет ему оставаться незамеченным.

Чувствуя движение, троллоки оборачивались, фыркали, порыкивали, но Гавин оставался для них неразличимой тенью.

По узам струился гнев Эгвейн. Гавин улыбнулся. Он и не ожидал, что она обрадуется. На бегу, уклоняясь от впивавшихся в землю стрел, он обрел покой. В прошлом он, быть может, сделал бы такой выбор ради боевой доблести и шанса померяться силами с Демандредом.

Но сегодня Гавин думал только о необходимости своего поступка. Кто-то должен сразиться с

этим существом и убить его. Иначе битва будет проиграна, и это понимали все без исключения.

Ставить на кон жизнь Эгвейн или Логайна было неприемлемо. Но Гавин — всего лишь Гавин. Почему бы ему и не рискнуть? Никто не отправил бы — не осмелился бы отправить — его на такое задание, но так было надо. У Гавина появился шанс все изменить. Принести настоящую пользу. Он сделает это ради Андора, ради Эгвейн, ради всего мира.

Где-то впереди Демандред гулко распинался на привычную тему:

— Дайте мне ал'Тора, а не этих так называемых драконов!

За этими словами последовала новая огненная вспышка.

Гавин миновал бежавших в атаку троллоков и очутился в тылу большого отряда шарцев, вооруженных странного вида луками, почти такими же большими, как у двуреченцев. Они окружали всадника в доспехе из перекрывающих друг друга монет, соединенных через пробитые в центре отверстия, дополненном наручами, латным воротником и страшного вида шлемом. Забрало шлема было поднято. Лицо за ним — красивое, гордое, властное — показалось Гавину до жути

знакомым.

«Надо закончить все как можно быстрее, — подумал он. — О Свет! Нельзя, чтобы он успел сотворить какое-нибудь плетение».

Шарские лучники были настороже, но лишь двое повернули голову, когда Гавин скользнул промеж них, по пути выхватив нож из поясных ножен. Сперва надо стащить Демандреда с коня, а затем ударить ножом в лицо. Да, это подло, трусливо, но более эффективного способа не существует. Когда Демандред упадет, Гавин сумеет…

Вдруг Отрекшийся резко обернулся и посмотрел прямо на него, а секундой позже выбросил вперед руку, и луч добела раскаленного огня — тонкий, как хворостинка, — устремился к Гавину. Тот едва успел отскочить, и, когда луч ударил рядом в землю, вросшие в нее камни покрылись глубокими черными трещинками, за которыми, казалось, не было ничего, кроме самой вечности.

Стремительный рывок — и Гавин рассек подпругу Демандреда, пока тот в изумлении смотрел на него. Ну и быстрота! Благодаря кольцам реакция Гавина стала молниеносной.

Седло поползло вниз, и следующим движением Гавин вонзил нож в конский бок. Скакун пронзительно заржал, встал на дыбы и сбросил

Демандреда вместе с седлом.

Шарские лучники взволнованно заголосили, раненый конь умчался прочь, а Гавин уже нависал над врагом, сжимая в руках окровавленный нож.

Тело Отрекшегося вдруг подбросило, оно отлетело в сторону. Над почерневшей землей, вздымая пепельные хлопья, промчался порыв ветра. Плетения Воздуха подхватили Отрекшегося, развернули и с отчетливым звяканьем поставили на ноги. В руке Демандреда уже был обнаженный меч. Стоя на полусогнутых ногах, Отрекшийся создал новое плетение, и Гавин почувствовал — воздух рядом закручивается, словно пытаясь обвить и схватить его своими потоками, но он снова успел уклониться. Кольца позволяли ему двигаться с невероятной быстротой, и атаки Демандреда приходились в пустоту.

Гавин отступил на шаг-другой, переложил нож в левую руку, а правой выхватил меч.

— Ах вот как? — сказал Демандред. — Ко мне подослали убийцу. В то время как Льюс Тэрин всегда разглагольствовал о «честной» схватке лицом к лицу.

— Я здесь вовсе не по приказу Дракона Возрожденного.

— Да? Окутанный Ночной тенью? Плетением, которого не помнит ни один человек этой эпохи? Известно ли тебе, что сделанное Льюсом Тэрином с тобой понемногу погасит искру твоей жизни? Ты уже мертв, человечек.

— В таком случае составишь мне компанию в могиле, — сказал Гавин.

Демандред распрямился, взял меч двуручным хватом и принял незнакомую боевую стойку. Несмотря на кольца, он все равно успевал следить за Гавином, но реагировал чуть медленнее, чем надо.

«Лепестки яблони на ветру», три стремительных выпада — и Демандред отступил. Подбежали шарцы с обнаженными мечами, но Отрекшийся остановил их, предостерегающе подняв руку в латной рукавице. Не улыбнувшись Гавину — выглядел он так, будто вообще никогда не улыбался, — Демандред нанес удар, чем-то напоминающий «Трехзубцовую молнию», и Гавин парировал его приемом «Вепрь несется с горы».

Фехтовать Демандред умел. Даже с учетом преимущества, дарованного кольцами, Гавин едва уклонился от его контратаки. Склон возвышенности терзали железные сферы, и под далекий грохот выстрелов двое мечников грациозно

кружили в небольшом кольце, образованном шарскими солдатами. Те смотрели во все глаза. По звуку Гавин прикинул, что драконов осталось немного, но все они стреляли в одну точку.

С негромким рыком он попробовал пройти защиту Демандреда приемом «Буря качает ветку», намереваясь сблизиться с противником и вогнать клинок ему в подмышку или в один из швов монетной кольчуги.

Отрекшийся филигранно отточенным движением отразил атаку. Вскоре Гавин почувствовал, что тело под кольчугой взмокло от пота. Он перемещался быстрее, чем когда-либо, молниеносными рывками, напоминавшими движения колибри, но при этом, как ни старался, никак не мог нанести решающий удар.

— Драться ты умеешь, — признал Демандред, шагнув вбок и отведя руку с мечом в сторону. — Кто ты такой, человечек?

— Гавин Траканд.

— Братец той маленькой королевы, — заключил Отрекшийся. — Ты хоть понимаешь, кто я?

— Ты убийца.

— А этот твой Дракон — он что, не убийца? А твоя сестра — что, никого не убила, чтобы удержать — вернее, захватить — свой трон?

— Это другое!

— Все так говорят.

Демандред шагнул вперед. Его выпады были текучими, как вода, спина оставалась прямой, но расслабленной, а движения походили на размашистые шаги опытного танцора. Мечом он владел как собственным телом; Гавину не доводилось слышать, чтобы Демандред славился искусством фехтования, но таких умелых противников у него еще не было.

Гавин взмахнул мечом — «Кот танцует на стене», быстрый выпад, грацией не уступавший движениям Демандреда, — после чего перешел в низкую стойку, выполняя прием «Танец змеиного жала», надеясь, что Отрекшийся, не успев отреагировать на такую перемену, пропустит удар.

Но тут что-то врезалось в него, швырнув на землю. Гавин тут же перекатился, вскочил на ноги и подобрался. Дышать стало труднее. Благодаря кольцам он не чувствовал боли, но, вероятно, ребро было сломано.

«Камень, — подумал Гавин. — Пользуясь Силой, он запустил в меня камнем». Из-за окружавших Гавина теней попасть по нему плетением было непросто, поэтому Демандред решил швырнуть в тени что-то крупное, предполагая хоть так уго-

дить в противника.

— Плутуешь, — презрительно усмехнулся Гавин.

— Я? Плутую? — переспросил Демандред. — Разве мы деремся по правилам, солдатик? Насколько помню, это ты хотел ударить меня в спину, скрываясь за пеленой тьмы!

Гавин вдохнул, выдохнул и взялся за бок. Неподалеку грохнулось на землю драконье яйцо. За этим последовал взрыв, прикончивший нескольких шарцев, чьи тела закрыли Гавина и Демандреда от ударной волны. Обоих осыпало землей, как обдает брызгами от набежавшей волны корабельную палубу. По меньшей мере один из драконов оставался в строю.

— Ты называешь меня убийцей, — продолжил Демандред. — Так и есть. Я убийца, и еще я ваш спаситель, желаете вы того или нет.

— Да ты спятил!

— Едва ли. — Кружа вокруг него, Демандред рассек воздух несколькими взмахами меча. — Твой предводитель, Льюс Тэрин Теламон — вот кто спятил. Он надеется победить Великого повелителя. Но не сможет. И это не предположение, а констатация факта.

— Ты бы предпочел, чтобы мы примкнули к

Тени?

— Да, — подтвердил Демандред, холодно глядя на Гавина. — Убив Льюса Тэрина, я одержу победу и получу возможность изменить мир по собственному желанию. Великий повелитель не собирается править вами. Ему это неинтересно. Защитить этот мир можно, лишь уничтожив мироустройство, а затем взяв под крыло населяющих его людей. Разве не об этом твердит твой Дракон?

— Почему ты из раза в раз называешь его моим? — Гавин сплюнул кровавую слюну. Кольца влекли его в бой, переполняли силой, и тело пульсировало от энергии. «Сражайся! Убивай!»

— Ты его последователь, — ответил Демандред.

— Это не так!

— Ты лжешь, — заявил Отрекшийся, — или тебя попросту обвели вокруг пальца. Мне известно, что этой армией командует Льюс Тэрин. Поначалу я не был так уверен, но теперь сомнений не осталось. Доказательством является окружающее тебя плетение, и более того — ни один из смертных полководцев не обладает искусством, которое я вижу на этом поле боя. Сегодня мне противостоит настоящий мастер военного дела. Возможно, Льюс Тэрин скрывается под Маской

зеркал или передает приказы Коутону посредством Единой Силы. Без разницы. Я вижу истину. Сегодня я играю с самим Льюсом Тэрином. Но я всегда превосходил его военным талантом и снова докажу это. Хотел бы я, чтобы ты передал ему мои слова, но жить тебе, солдатик, осталось недолго. Готовься. — И Демандред воздел клинок.

Гавин выпрямился, отбросил нож и обеими руками взялся за рукоять меча. Демандред приближался к нему, принимая какие-то неизвестные стойки. Отчасти они казались знакомыми, и Гавин наносил удары один за другим — но, несмотря на его преимущество в быстроте, из раза в раз Демандред не позволял атаке достигнуть цели, с легкостью отводя вражеский клинок в сторону.

Сам он не нападал. Лишь едва заметно двигался, широко расставив ноги, держа меч двумя руками и без труда отражая атаки Гавина. «Голубь отправляется в полет», «Падающий лист», «Поглаживание леопарда»… Гавин зарычал сквозь стиснутые зубы. Силы колец должно было хватить для его замысла. Почему же ее не хватает?

Он отступил и пригнулся, уворачиваясь от очередного булыжника. Тот пролетел совсем близко,

в нескольких дюймах. «Благодарение Свету за эти кольца», — подумал Гавин.

— Драться ты умеешь, — повторил Демандред. — Для человека своей эпохи. Но ты по-прежнему размахиваешь мечом.

— А что я должен делать?

— Ты сам должен стать оружием, — объяснил Демандред. Похоже, он удивился такому вопросу.

С возгласом досады Гавин обрушил на него новый град ударов. Он все еще превосходил противника в быстроте. Демандред закрылся в обороне; он не нападал, но и не отступал. Просто стоял на месте, отражая все атаки.

Вдруг он закрыл глаза. Гавин улыбнулся, а затем нанес «Последний удар черной копьеголовки».

Меч Демандреда лишился очертаний.

Что-то ударило Гавина. Он охнул, замер, покачнулся, упал на колени. Опустив глаза, Гавин посмотрел на рану в животе. Одним плавным движением Демандред нанес колющий удар, пробивший кольчугу, и сразу же затем высвободил свой меч.

«Почему я… Почему я ничего не чувствую?»

— Если сумеешь выжить и увидишь Льюса Тэрина, — сказал Отрекшийся, — передай, что я жду не дождусь дуэли между нами. Один меч

против другого. С последней нашей встречи мое мастерство возросло.

Он резко взмахнул мечом, потом поймал клинок между большим и указательным пальцами, провел ими по стали. Очистив меч от крови, он стряхнул ее на землю.

Клинок скользнул в ножны. Демандред покачал головой, а затем запустил огненный шар в последнего из уцелевших драконов.

Тот умолк. Окруженный шарскими телохранителями Демандред прошелся по краю склона, круто спускавшегося к реке. Ошеломленный Гавин упал, чувствуя, как на горелую траву выплескивается его жизнь, и попытался зажать рану дрожащими пальцами.

Каким-то образом он сумел снова встать на колени. «Ты должен вернуться к Эгвейн!» — кричало сердце, и Гавин пополз вперед. Сочившаяся из раны кровь впитывалась в землю. Глаза застилал холодный пот, но в двадцати шагах от себя Гавин заметил коновязь. Кавалерийские кони стояли, опустив головы к черным пучкам травы у копыт. После бесконечных минут мучительной борьбы, от которой Гавин вконец лишился сил, он сумел отвязать первого же коня, до которого добрался, и влезть в седло. Какое-то время он

полулежал, цепляясь за гриву, а затем, собрав остатки сил, стукнул животное каблуками по ребрам.

— Миледи, — говорил Мандеввин, — я не первый год знаю этих ребят. Да, их прошлое не лишено темных пятен, но в Отряде нет людей с безупречной репутацией. Светом клянусь, никакие они не приспешники Темного!

Фэйли молча жевала обеденный паек и выслушивала эти возражения, изо всех сил стараясь не выйти из себя. Жаль, что рядом нет Перрина, чтобы было с кем хорошенько поскандалить. Как бы не лопнуть от такого напряжения.

Они находились недалеко от долины Такан'дар, ужасно близко от нее. В черных небесах рокотал гром, сверкали молнии, и отряду уже несколько дней не встречалось ни единого живого существа, опасного или нет. Гарнан и Ванин тоже не объявлялись, но Фэйли еженощно выставляла двойной караул, считая, что прихвостни Темного вряд ли откажутся от своей затеи.

Теперь она носила Рог Валир в большой сумке, привязанной к поясу. Зная об этом, остальные чувствовали нечто среднее между гордостью от поручения и ужасом перед его важностью. Теперь, когда ее спутники обо всем узнали, Фэйли

разделяла их чувства.

— Миледи, — преклонил колени Мандеввин, — Ванин где-то поблизости. Он одаренный разведчик, самый лучший в Отряде. Мы его не увидим, если он того не захочет, но могу поклясться, что он следует за нами. Куда тут еще идти? Давайте я покричу ему, позову вернуться, а там выслушаем его рассказ и утрясем это недоразумение.

— Я подумаю, Мандеввин, — сказала Фэйли.

Мандеввин кивнул. Этот одноглазый парень был неплохим командиром, но живостью воображения не особо отличался от кирпича. Чем проще человек, тем проще его представление о мотивах других, и Мандеввин подумать не мог, что люди вроде Ванина и Гарнана так долго служили в Отряде — несомненно, усыпляя бдительность окружающих по воле своего господина — лишь для того, чтобы совершить одну-единственную подлость.

По крайней мере, теперь Фэйли знала, что волновалась не без причины. Лютый ужас в глазах застигнутого врасплох Ванина говорил сам за себя, а Рог в его руках — и подавно. Фэйли не ожидала, что столкнется сразу с двумя приспешниками Темного, и воры перехитрили ее — но и недооценили опасности Запустения. Не хотелось

думать, что случилось бы, не привлеки они внимание медведеподобного существа. Фэйли сидела бы в палатке, поджидая злоумышленников, а те уже скрылись бы, завладев одним из мощнейших артефактов в мире.

В небе погромыхивало. Впереди вырисовывались темные очертания Шайол Гул, нависшего над долиной Такан'дар в череде вершин пониже. Было зябко, почти по-зимнему. Добраться до этой горы будет непросто, но так или иначе Фэйли доставит Рог Валир силам Света, ведущим Последнюю битву. Она коснулась пальцами сумки на поясе и почувствовала под тканью металл.

Неподалеку носился по безжизненным серым камням Проклятых земель Олвер. Нож он подвесил к поясу, будто меч. Быть может, не стоило брать паренька с собой? С другой стороны, в Порубежье мальчишки его возраста уже доставляли донесения и припасы в осажденную крепость. Потом им давали поручения серьезнее, а в военные отряды их принимали только после двенадцати лет, однако обучение начиналось гораздо раньше.

— Миледи?

Фэйли подняла глаза. К ней приближались Аррела и Селанда, сменившая разоблачивше-

го себя предателя Ванина на посту командира разведчиков. Внешностью эта бледная невысокая женщина походила на айилку куда меньше других Ча Фэйли, но работу свою выполняла на совесть.

— Да?

— Мы заметили какое-то движение, миледи, — тихо сообщила Селанда.

— То есть? — вскочила на ноги Фэйли. — Что за движение?

— Какой-то караван.

— Где, здесь? В Проклятых землях?! — изумилась Фэйли. — Показывайте!

* * *

Там обнаружился не только караван, но и самая настоящая деревенька, хотя Фэйли, рассматривая ее в зрительную трубу, вместо зданий видела лишь размытые черные пятна. Поселение примостилось у подножия холмов близ долины Такан'дар. Целая деревня… О Свет!

Фэйли направила зрительную трубу чуть ниже — туда, где по бесплодной земле тащился караван. Он направлялся к временному складу с припасами, расположенному на приличном отдалении от городка.

— Занимаются тем же, чем занимались мы, — прошептала она.

— То есть, миледи? — Аррела лежала на животе рядом с Фэйли. По другую сторону от нее расположился Мандеввин, тоже со зрительной трубой.

— Это главный склад, — объяснила Фэйли, глядя на штабели ящиков и связки стрел. — Отродья Тени не способны Перемещаться через переходные врата, но припасов и обозов это ограничение не касается. У вражеских войск нет нужды при вторжении тащить с собой запасы стрел и оружия. Вместо этого припасы стекаются сюда, а потом их отправляют на то поле сражения, где в них будет нужда.

И действительно — там, внизу, полоска света возвестила об открытии переходных врат. Из них потянулась длинная вереница усталых и чумазых людей с заплечными мешками на спинах. За ними последовали десятки других — тащивших небольшие тележки.

— Кому бы ни предназначались эти припасы, — сказала по размышлении Фэйли, — они окажутся на поле боя. В тачках стрелы, но никакого провианта. Ведь троллоки питаются трупами, что собирают по ночам на поле боя.

— Значит, если мы сумеем проскользнуть в

один из таких порталов… — начал Мандеввин.

Аррела усмехнулась, будто весь этот разговор затеяли шутки ради, но затем взглянула на Фэйли — и улыбки как не бывало.

— Вы что, серьезно?

— Такан'дар все еще далеко, — сказала Фэйли, — а эта деревня — прямо перед нами. Пожалуй, будет проще проскользнуть в переходные врата, чем топать через Проклятые земли пешим ходом.

— Но мы окажемся в тылу у врага!

— Мы и так уже в тылу у врага, — мрачно произнесла Фэйли, — так что в этом отношении ничего не изменится.

Аррела умолкла.

— Но это будет непросто, — тихо сказал Мандеввин, рассматривая что-то в зрительную трубу. — Гляньте на тех ребят, что идут к лагерю со стороны деревни.

Фэйли последовала его совету.

— Айильцы? — прошептала она. — О Свет! Шайдо присоединились к силам Темного?

— На такое не пошли бы даже эти псы Шайдо, — заявила Аррела и сплюнула в сторону.

Новоприбывшие и впрямь выглядели как-то необычно. Мало того что вуали у них были

красного цвета, они еще и подняты, будто их обладатели собираются кого-то убить. Так или иначе, проскользнуть мимо айильцев будет почти невозможно. Скорее всего, отряд Фэйли остался незамеченным лишь благодаря тому, что находился на довольно большом расстоянии от поселения, а еще потому, что никто не ожидал встретить здесь подобную процессию.

— Назад, — приказала Фэйли и осторожно попятилась вниз по склону. — Надо все обдумать.

Перрин очнулся. У него было такое чувство, что его окунули в прорубь. Он тяжело задышал.

— Не вставай, глупец. — Джанина, Хранительница Мудрости с волосами соломенно-желтого цвета, положила ладонь ему на руку. Судя по лицу, она была измучена не меньше Перрина.

Он лежал на чем-то мягком. Слишком мягком. Удобная кровать, чистые простыни. За окнами кричали чайки и шумел легкий прибой. А еще где-то неподалеку кто-то постанывал.

— Где я? — спросил Перрин.

— У меня во дворце, — ответила Берелейн. Она стояла возле двери — в темно-красном платье с желтой оторочкой и диадеме Первенствующей с изображением ястреба в полете.

Перрин заметил ее только сейчас — и еще

обратил внимание на роскошную обстановку, золото и бронзу на зеркалах, оконных рамах и кроватных столбиках.

— Должна добавить, лорд Айбара, — продолжила Берелейн, — что в некоторой степени эта ситуация кажется мне знакомой. Предвосхищая твой вопрос, скажу, что на сей раз я приняла меры предосторожности.

Предосторожности? Перрин повел носом. Уно? Да, это его запах. Проследив за взглядом Берелейн, он обнаружил, что в кресле сидит Уно, с рукой на перевязи.

— Уно! Что с тобой случилось? — спросил Перрин.

— Треклятые троллоки со мной случились, вот что, — пробурчал Уно. — Вот, жду очереди на Исцеление.

— Сперва мы заботимся о тех, чьи ранения опасны для жизни, — сказала Джанина. Талантом Исцеления она обладала в большей мере, нежели другие Хранительницы Мудрости. Видать, поэтому и решила остаться в майенском лазарете вместе с Айз Седай и Берелейн. — Тебе, Перрин Айбара, спасли жизнь, но не более того. И только сейчас я смогла заняться ранами, не представляющими непосредственной опасности.

— Погоди! — Перрин попробовал сесть. О Свет, как же он обессилел! — Давно я здесь?

— Десять часов, — ответила Берелейн.

— Десять часов?! Мне нужно идти. Сражение…

— Прости, но сражаться пока будут без тебя, — перебила его Берелейн.

Перрин тихо зарычал. Такое бессилие…

— Морейн умела снимать усталость. Тебе известен этот способ, Джанина?

— Даже будь он мне известен, я не применила бы его к тебе, Перрин Айбара, — сказала Джанина. — Тебе нужен сон. Ты уже сыграл свою роль в Последней битве.

Перрин скрипнул зубами и начал было вставать, но Хранительница Мудрости продолжила, твердо глядя на него:

— Еще одно движение — и я свяжу тебя путами Воздуха. Будешь часами висеть над кроватью.

Перрин инстинктивно решил перенести себя прочь отсюда и уже начал оформлять в голове соответствующую мысль, но почувствовал себя чрезвычайно глупо. Каким-то образом он вернулся в реальный мир, а здесь нельзя переместиться по одному лишь желанию. Сейчас он был беспомощнее младенца.

Перрин в отчаянии откинулся на подушку.

— Не унывай, Перрин, — ласково произнесла Берелейн, приближаясь к его кровати. — Ты чудом остался в живых. Как ты оказался на поле боя? Если бы не Харал Лухан и не его люди, которые тебя увидели…

Перрин качнул головой. Как он оказался на поле боя? Тому, кто не знаком с волчьим сном, этого не понять.

— Что происходит, Берелейн? Как идет битва? Как дела у наших армий?

Она поджала губы.

— Я же чую в тебе правду, — сказал Перрин. — Беспокойство, тревогу… — Он вздохнул. — Я видел, что положение войск изменилось. Раз двуреченцы тоже пришли на Поле Меррилор, значит все три наши армии — то есть все, кроме тех, кто у Такан'дара, — отступили в одно и то же место.

— Мы не знаем, как обстоят дела у лорда Дракона, — негромко промолвила Берелейн и грациозно опустилась на табурет у кровати. Стоявшая у стены Джанина взяла Уно за руку, и тот задрожал, когда по телу прокатилась ледяная волна Исцеления.

— Ранд еще сражается, — сказал Перрин.

— Слишком много времени прошло. — Берелейн что-то недоговаривала. Перрин чуял, что

она старательно обходит некую тему.

— Ранд еще сражается, — повторил он. — Проиграй он, нас бы тут не было. — Он снова опустил голову, чувствуя, как изнеможение пробирает его до самого нутра. О Свет! Нельзя же валяться в постели, когда кругом гибнут люди! — Близ Скважины время течет по-иному. Поверь, я был там и видел все своими глазами. Здесь прошло много дней, но там, для Ранда, — всего один. А то и меньше.

— Это хорошо. Я передам твои слова остальным.

— Окажи мне услугу, Берелейн, — попросил Перрин. — Я отправил Илайаса с вестью для наших армий, но не знаю, справился ли он с поручением. Грендаль воздействует на разум наших великих капитанов. Прошу, убедись, что мое послание доставлено.

— Его получили, — подтвердила Берелейн. — Хотя еще чуть-чуть — и было бы слишком поздно. Ты молодец, Перрин. А теперь спи. — Она встала.

— Берелейн?

Она снова взглянула на него.

— Фэйли. Что скажешь о Фэйли?

Острый запах тревоги. «О нет…»

— Ее караван сгинул в пузыре зла, Перрин, —

прошептала Берелейн. — Соболезную.

— Тело нашли? — через силу спросил он.

— Нет.

— Значит, она жива.

— Но…

— Она жива, — твердо повторил Перрин. Надо исходить из того, что Фэйли выжила. А иначе…

— Надежда, конечно же, имеется, — сказала Берелейн, потом подошла к разминавшему исцеленную руку Уно и кивнула ему, после чего оба вышли из комнаты.

Джанина возилась с какими-то предметами на столике для умывания. Из коридора по-прежнему доносились стоны. Пахло болью и лекарственными травами.

«О Свет…» — подумал Перрин. Караван Фэйли перевозил Рог Валир. Неужто теперь он у Тени?

И еще Гаул. Перрин должен, просто обязан вернуться к нему. Айилец остался в волчьем сне, охранять Ранда — и, если судить по самочувствию Перрина, долго Гаул не продержится.

Перрину казалось, что он мог бы проспать несколько недель кряду. Джанина вернулась к его постели и покачала головой.

— Почему ты так стараешься не закрывать глаза, Перрин Айбара? Это не принесет тебе пользы.

— Мне слишком многое нужно сделать, Джанина. Прошу, дай вернуться на поле боя и…

— Ты останешься здесь. Здесь, Перрин Айбара. В таком немощном состоянии ты никому не поможешь. И не заработаешь джи, пытаясь доказать обратное. Если тот кузнец, что принес тебя сюда, узнает, что я отпустила тебя на верную смерть, он придет и подвесит меня за пятки из окна. — Она помолчала. — И, вспоминая его, могу допустить, что у него получилось бы.

— Мастер Лухан, — сказал Перрин, смутно припоминая последние моменты перед тем, как у него все потемнело в глазах. — Я его видел. Это он меня нашел?

— Он спас тебе жизнь, — поправила его Джанина. — Этот человек закинул тебя на плечо, разыскал Айз Седай и потребовал открыть переходные врата в Майен. Жить тебе оставалось несколько секунд. Учитывая твой рост и сложение, даже оторвать тебя от земли — уже небольшой подвиг.

— Вообще-то, в сне я не нуждаюсь, — промямлил Перрин, чувствуя, как слипаются глаза. — Мне надо… надо попасть…

— Несомненно, — подтвердила Джанина.

Перрин сомкнул веки. Пусть Хранительница Мудрости думает, что он послушался, а затем,

когда она уйдет, он сможет встать.

— Несомненно, — повторила Джанина, и по некой причине ее голос прозвучал чуть мягче.

«Сон, — подумал Перрин. — Я засыпаю». Он снова увидел перед собой развилку, но на сей раз дорог было три. Одна вела в обычный сон, вторая — та, которую он привык выбирать, — в волчий.

А между ними — третья дорога. Волчий сон во плоти.

Перрину мучительно хотелось ступить на нее, но он справился с искушением и выбрал обычный сон, поскольку в миг просветления понял, что, если лишить тело полноценного отдыха, он неминуемо умрет.

После падения с вершины Половского взгорка Андрол лежал, хватая ртом воздух, и смотрел в небо где-то далеко за полем сражения.

Та атака… Она оказалась невероятно сильна.

«Что это было?» — мысленно спросил он у Певары.

«Не Таим. — Она встала и отряхнула юбки. — Думаю, это был Демандред».

«Я же нарочно выбрал место подальше от него…»

«Ну да, ну да. Как он только смел воспрепятствовать нападению владеющих Силой на свои

войска?!»

Андрол уселся и застонал.

«Знаете, Певара, для Айз Седай вы необычайно остры на язык».

«Вы знаете Айз Седай вовсе не так хорошо, как вам кажется», — с удивившей его неожиданной улыбкой ответила Певара и отправилась взглянуть на раны Эмарина.

Андрол глубоко вдохнул запах стоялой воды и осыпавшихся листьев. Запах осени, наступившей куда раньше обычного. Этот склон спускался к долине, где, словно наперекор происходящему в мире, какие-то фермеры распахали землю на большие квадраты.

Где ничего не выросло.

— Там творится безумие… — Рядом поднялась на ноги раскрасневшаяся Теодрин. — Форменное безумие!

Андрол почувствовал, что Певара не одобряет ее поведения. Этой девочке следовало бы получше контролировать эмоции. Теодрин еще не научилась крепко держать их в узде и вести себя, как подобает Айз Седай.

«Она не настоящая Айз Седай, — тут же отозвалась Певара. — Что бы там ни говорила Амерлин. Она еще не прошла испытание».

Казалось, Теодрин прочла ее мысли. Эти двое сторонились друг друга. Певара Исцелила Эмарина, стоически принявшего ее помощь, а Теодрин занялась порезом на руке Джоннета, безмерно смутив его такой материнской заботой.

«Оглянуться не успеем, как она свяжет его узами, — мысленно заметила Певара. — Вы обратили внимание, что она позволила другим женщинам выбирать из ваших пятидесяти, а затем стала ходить по пятам за Джоннетом? С тех пор как мы покинули Черную Башню, она почти всегда рядом с ним».

«Что, если он тоже свяжет ее?» — спросил Андрол.

«Тогда узнаем, насколько уникальны наши с вами взаимоотношения. — После паузы она добавила: — Мы ступаем по совершенно неизведанной территории».

Он заглянул ей в глаза. Певара имела в виду случившееся, когда они в последний раз вступали в соединение, когда она открыла переходные врата — но так, как это сделал бы сам Андрол.

«Надо будет попробовать повторить», — предложил он.

«В самом скором времени», — отозвалась она, обследуя Эмарина Искательством, чтобы убе-

диться, что Исцеление дало нужный результат.

— Я в полном порядке, Певара Седай, — сказал Эмарин с присущей ему вежливостью, — но, если позволите заметить, вам тоже не помешает Исцелиться.

Певара опустила глаза на обгоревший рукав. Она еще стеснялась при мысли о том, чтобы принять Исцеление от мужчины, но и сердилась на свою застенчивость.

— Благодарю вас, — спокойно произнесла она, позволив Эмарину коснуться ее руки и направить Силу.

Андрол отстегнул от ремня маленькую жестяную кружку. Не задумываясь, поднял руку с опущенными вниз пальцами. Сжал большой и указательный, будто набирал щепотку соли, а затем развел их, открыв крошечный портал, откуда в кружку хлынула вода.

Усевшись рядом, Певара не отказалась от предложенного Андролом питья. Сделав глоток, она вздохнула:

— Прохладная. Как вода из горного родника.

— Это она и есть, — сказал Андрол.

— Кстати говоря, я все собиралась спросить… Как у вас это получается?

— Это? — переспросил он. — Это лишь скром-

ные переходные врата.

— Я не о том. Андрол, вы здесь совсем недавно. У вас не было времени изучить окружающую местность настолько хорошо, чтобы открыть переходные врата, ведущие к горному источнику в сотне миль отсюда.

Андрол непонимающе смотрел на Певару, будто услышал неожиданную новость.

— Не знаю. Может, это как-то связано с моим талантом…

— Понятно. — Певара помолчала. — А куда подевался ваш меч?

Андрол машинально коснулся пустых ножен. Меч он выронил, когда рядом ударила молния, а при бегстве совсем забыл подобрать его.

— Узнай об этом Гарфин, — простонал он, — отправил бы меня к обозникам, молоть ячмень. На целый месяц.

— Это не так уж важно, — сказала Певара. — У вас имеется оружие получше.

— Дело в принципе, — возразил Андрол. — Меч напоминает, кто я такой. Так же, как… как невод напоминает о рыбалке близ Майена, а родниковая вода — о Джейине Далекоходившем. Это мелочи, но вся соль в мелочах. Я должен снова стать солдатом. Мы обязаны найти Таима, Пева-

ра. Печати…

— Если продолжать в том же духе, мы его не найдем. Согласны?

Андрол со вздохом кивнул.

— Вот и замечательно, — сказала она. — Терпеть не могу, когда меня пытаются убить.

— И что вы предлагаете?

— Попробуем решить вопрос умом и хитростью, а не силой оружия.

Пожалуй, она была права.

— А то… что мы с вами сделали? Певара, вы сумели воспользоваться моим даром!

— Там будет видно. — Она отхлебнула воды. — Вот бы это был чай!

Андрол приподнял брови. Забрав у Певары кружку, между двух пальцев он создал миниатюрные переходные врата, и в воду упали несколько сухих чайных листиков. Плетение Огня — и вода вскипела, а затем Андрол открыл еще один портал и добавил в чай немного меда.

— Был у меня в мастерской, в Черной Башне. — Он протянул кружку Певаре. — Хорошо, что банку никто не переставил.

Певара попробовала чай, улыбнулась и с теплотой произнесла:

— Андрол, вы просто чудо!

Он улыбнулся. О Свет! Сколько же времени прошло с тех пор, как он испытывал такие чувства по отношению к женщине? Любовь же — удел юных глупцов, разве нет?

Но юные глупцы не ищут и не видят ничего, кроме милой мордашки. Что касается Андрола, с возрастом он научился понимать, что милая мордашка — ничто по сравнению с присущей такой женщине, как Певара, основательностью. Самообладание, спокойствие, целеустремленность… Такое приходит лишь с многолетним опытом.

Это же относится и к кожевенному ремеслу. Новенькая кожа — неплохой материал, но по-настоящему добротной она становится, когда изделием из нее какое-то время уже пользовались. К примеру, ремень, за которым ухаживали несколько лет. Никогда не знаешь, можно ли доверять новому ремню, но когда носишь его годами, вопрос отпадает сам собой.

— Я пробую читать ваши мысли, — заметила Певара. — Вы только что… сравнили меня со старым кожаным ремнем?

Андрол покраснел.

— Будем считать, что кожевникам такое свойственно. — Она сделала глоточек чая.

— Ну а вы? С чем вы меня сравнивали? С набо-

ром фигурок?

— Со своей семьей, — улыбнулась она.

Убитой приспешниками Темного.

— Простите…

— Это случилось давно, Андрол. Давным-давно.

— О Свет, — сказал он, чувствуя, что Певара еще гневается на убийц, — я все время забываю, что вы старше большинства деревьев.

— Хм… — протянула она. — Сперва я — кожаный ремень, а теперь — старше деревьев? Чем вы только в своей жизни не занимались, Андрол, кем только не трудились, но, как вижу, так и не овладели искусством общения с дамой.

Он пожал плечами. Прежде он смутился бы из-за своего косноязычия, но с годами понял, что бороться с ним бессмысленно. Как ни старайся, выйдет только хуже. Тем не менее Певара осталась довольна его реакцией. Наверное, женщинам нравится ставить мужчин в неловкое положение.

Певара ненароком взглянула в небо, и ей стало уже не так весело. Андрол вдруг вспомнил о бесплодных полях и мертвых деревьях. О беспрестанном рычании грома. Сейчас не время любить и радоваться, но именно поэтому он так

цепляется за любовь и радость.

— Еще немного — и выдвигаемся, — сказал он. — Каков ваш план?

— Таим постоянно окружен прислужниками. Если атаковать в лоб, от нас мокрого места не оставят. Надо подобраться к нему скрытно.

— И как это сделать?

— Ситуация подскажет. А там поглядим, есть ли пределы у вашего сумасбродства.

В долине Такан'дар царили дым, хаос и смерть.

Руарк пробирался сквозь черно-серые клубы, а рядом шагали Траск и Баэлдер, его собратья по Красным Щитам. Прежде он с ними не встречался и познакомился только здесь, в этой долине, но все равно они братья, и это братство окроплено кровью предателей и отродий Тени.

Сверкнула молния, ударила рядом, превращая песок в стекло, хрустевшее под ногами. Руарк присел, укрываясь за грудой троллочьих трупов. Траск и Баэлдер последовали его примеру. Наконец-то грянула настоящая буря, и долину терзали свирепые ветра, едва не срывающие вуаль с лица.

Разглядеть хоть что-то было непросто. Туман сдуло ветром, но небеса потемнели, а буря взбила клубы дыма и пыли. Многие сражались, объеди-

нившись в блуждающие отряды.

Линия обороны перестала существовать. Немногим ранее атака мурддраалов и решительное наступление троллоков прорвали ряды Защитников Твердыни у входа в Такан'дар. Тайренцы и преданные Дракону отступили вглубь долины, к Шайол Гул. Сейчас почти все они сражались у подножия горы.

К счастью, превосходство троллоков, чье войско поуменьшилось после долгой осады и резни в ущелье, было уже незначительным. В общем и целом их число теперь примерно соответствовало числу оборонявшихся.

Но все равно это будет проблемой, однако, по убеждению Руарка, куда бóльшую угрозу представляли Бесчестные — те, которые носили красные вуали. Подобно Айил, они рыскали по всей долине. Здесь, на этом поле брани, в непроглядном тумане и клубах пыли, Руарк был охотником. Время от времени ему попадались группы троллоков, но почти всех исчадий Тьмы Исчезающие отправили в бой с регулярными войсками, тайренцами и доманийцами.

Руарк подал знак собратьям, и сквозь бурю они двинулись по кромке долины. Да ниспошлет Свет, чтобы армейские отряды при поддержке способ-

ных направлять Силу удержали тропу к горной пещере, где Кар'а'карн бился с Ослепляющим.

Похоже, в скором времени Тень захватит долину, решил Руарк, так что Ранд ал'Тор должен поскорее закончить свою битву.

Он и его собратья миновали группу Айил. Те вели танец копий с предателями, которые носили красные вуали. Многие из Бесчестных умели направлять Силу, но в этом отряде таких не оказалось. Руарк и два его товарища тоже вступили в танец.

Драться красновуальные умели. В том бою Траск проснулся ото сна, хотя забрал с собой одного врага. Схватка закончилась, когда выжившие пустились в бегство. Руарк уложил одного из лука, а Баэлдер сразил еще одного. Стрелять людям в спину… В бою с истинными Айил такое немыслимо, но эти существа были еще хуже отродий Тени.

Трое оставшихся в живых Айил кивнули, благодаря Руарка за помощь, присоединились к ним с Баэлдером, и вместе они отправились к Шайол Гул — проверить, все ли там в порядке.

Благодарение Свету, армия тут еще держалась. Многие отряды состояли из присягнувших Дракону, самых обычных мужчин и женщин,

вооруженных старыми мечами, много лет не пившими крови, или дубинами и посохами, вероятно изготовленными из земледельческих инструментов. Эти люди явились на битву последними, однако среди них Руарк заметил несколько Айз Седай и пару Аша'манов. Были там даже и Айил.

Все они дрались с троллоками как загнанные в угол волки. Руарк покачал головой. Если бы древоубийцы сражались с таким же рвением, Ламан, быть может, до сих пор бы сидел на троне.

Нескольких защитников сожгло ударом молнии. Руарк уберегся от вспышки и, щурясь от ветра, повернул голову и внимательно осмотрел окрестности. «Вон там».

Жестом он велел собратьям оставаться на месте, а сам пригнулся и скользнул вперед. По пути зачерпнул горсть серого пепла — тот покрывал землю, будто слой пыли, — втер его в лицо и одежду, а остатки пустил по ветру, после чего улегся на живот и затаился, зажав в зубах кинжал.

Вот она, его добыча, стоит на пригорке и с ухмылкой наблюдает за боем, опустив красную вуаль. Зубы у этого существа не были подпилены. Все, что с подпиленными остроконечными зубами, умели направлять Силу; некоторые из тех, чьи зубы оставались обычными, тоже обладали

подобным даром. В чем разница между первыми и вторыми, Руарк не знал.

Да, этот точно умел направлять. Это выяснилось, когда он запустил в сражающийся неподалеку тайренский отряд огненным копьем. Скрываясь в расселине в скале, Руарк дюйм за дюймом полз вперед.

Ему пришлось смотреть, как красновуальный убивает одного Защитника за другим, но торопиться Руарк не стал. Двигаясь с мучительной медлительностью, он вслушивался в шипение огня. Бесчестный стоял, сцепив руки за спиной, и вокруг него бушевали плетения Единой Силы.

Руарка он не видел. Некоторые из ему подобных дрались как истинные Айил. Некоторые, но далеко не все. Двигались они шумно, а копьем и луком владели хуже, чем следовало. Люди, подобные тому, на кого смотрел Руарк… Вряд ли они способны бесшумно подкрасться к врагу или убить газель в пустыне. Зачем им это, если они умеют направлять Силу?

Человек не заметил, как Руарк выскользнул из-за троллочьей туши возле его ног и, взмахнув кинжалом, рассек Бесчестному сухожилия. Красновуальный вскрикнул, упал и, наверное, сотворил бы какое-нибудь плетение, вот только

Руарк перерезал ему горло, после чего опять затаился среди трупов.

Двое троллоков подошли посмотреть, из-за чего шум. Первого Руарк убил сразу, второго — когда тот оборачивался. Ни у того ни у другого не было ни единого шанса его увидеть. Затем Руарк снова слился с ландшафтом.

Новых отродий Тени не объявлялось, и Руарк решил вернуться к своим. Возвращаясь — уже не ползком, а бегом, пригнувшись, — он миновал небольшую стаю волков, только что прикончившую двух троллоков. Волки повернули к нему окровавленные морды, настороженно подняли уши, но позволили пройти, а сами продолжили охоту, беззвучно растворившись в порывах ветра.

Волки. Они явились вместе с бурей, так и не пролившейся дождем, и сражались заодно с людьми. Цельного представления о том, как проходит битва, у Руарка не было. Вдалеке он заметил несколько отрядов из армии Дарлина Сиснеры. Они по-прежнему держали строй. Рядом с преданными Дракону стояли арбалетчики. Когда Руарк видел их в прошлый раз, у них почти не осталось арбалетных стрел, а необычные, изрыгавшие пар повозки, что доставляли припа-

сы, теперь превратились в груды обломков. Айз Седай и Аша'маны продолжали направлять Силу, сдерживая натиск отродий Тени, но уже не столь активно, как раньше.

Айил же занимались тем, что умели лучше всего: убивали врагов. Пока те армии перекрывают вход в пещеру, этого, пожалуй, будет достаточно. Хотелось бы верить…

На него обрушился удар. Руарк охнул и упал на колени, глядя, как из бури к нему выходит прекраснейшее создание. Женщина оценивала его взглядом, и Руарк заметил, что у нее поразительные, хотя и неровно посаженные глаза. Никогда прежде он не понимал, насколько уродливы лица с симметричными глазами, но теперь от одной мысли о них становилось тошно. И еще у других женщин слишком много волос на голове. Эта же, лысеющая, выглядела так, что глаз не отвести.

Она приблизилась — дивная, сногсшибательная, невероятная. Пальцами мягче облаков она взяла стоявшего на коленях Руарка за подбородок.

— Да, сгодишься, — заключила женщина. — Пойдем к остальным, мой питомец.

Она указала на сопровождавшую ее свиту — несколько Хранительниц Мудрости, пара Айз

Седай и вооруженный копьем мужчина. Руарк зарычал. Не собрался ли этот малый отбить у него возлюбленную? Надо бы… Точно. Надо бы его прикончить. И еще…

Его госпожа тихонько рассмеялась.

— А Моридин думает, что эта внешность — наказание. Но тебе же безразлично, какой у меня облик — верно, питомец? — Ее голос стал мягче и в то же время резче. — Когда я закончу, это станет безразлично всем и каждому. И даже сам Моридин будет воспевать мою красоту. Ведь он увидит ее через дарованные мною глаза. В точности как ты, мой питомец. В точности как ты.

Она погладила Руарка по голове, а затем все они ушли в долину, оставив позади людей, которых он совсем недавно называл братьями.

Перед Рандом открылась дорога, сплетенная из нитей света, и он ступил на этот ведущий из ничего к величию путь, поставив ногу на чистый камень аккуратной мостовой, достаточно широкой, чтобы разъехались полдюжины подвод. Но подвод здесь не было. Только люди. Оживленные люди в ярких нарядных одеждах переговаривались и весело окликали друг друга. Пустоту небытия наполнил звук жизни.

Ранд повернулся, глядя на выраставшие вокруг

него здания. По обе стороны оживленной улицы появлялись дома с колоннами вдоль фасадов. Высокие и стройные, они примыкали друг к другу, а за ними тянулись к небу величественные купола и прочие чудеса архитектуры. Город не походил на те, которые прежде доводилось видеть Ранду, хотя работа была явно огирская.

Вернее, огирская, но отчасти. Неподалеку строители ремонтировали побитый бурей каменный фасад. Толстопалые огиры, утробно посмеиваясь, трудились заодно с людьми. Когда они пришли в Двуречье, чтобы отплатить Ранду за его жертву, главы города, выказав мудрость, обратились к ним с просьбой не воздвигать памятник, а помочь вместо этого с улучшением здешних зданий.

Не первый год двуреченцы работали бок о бок с огирами, и в результате местные мастера стали пользоваться высоким спросом по всему миру. Ранд шагал по проспекту среди людей из всех стран: здесь были доманийцы в их свободных нарядах из тонких цветастых тканей, тайренцы — чье разделение на простолюдинов и аристократов становилось все менее заметным день ото дня — в мешковатых одеждах и рубахах с полосатыми рукавами, шончан в причудливых шелках, величественные порубежники. Встрети-

лось даже несколько шарцев.

Все они пришли в Эмондов Луг. Городок теперь мало соответствовал своему названию, но все же сохранил некоторые особенности прошлого — к примеру, обилие деревьев и поросших травой лужаек, нетипичное для других великих городов вроде Тира или Кэймлина. В Двуречье к ремесленникам относились с благоговейным почтением, а здешние стрелки почитались лучшими в мире. Элитный отряд двуреченцев, вооруженных новыми стреляющими палками, получившими название «винтовки», служил вместе с айильцами в миротворческом корпусе где-то в Шаре — единственном месте, где случались войны. Нет-нет, междоусобных разногласий хватало. Пятью годами раньше вспышка напряжения между Тиром и Муранди едва не стала причиной войны — первой настоящей войны за сотню лет, минувших с Последней битвы.

С гордой улыбкой на устах Ранд пробирался сквозь толпу, не расталкивая людей, но прислушиваясь к их голосам. По меркам Четвертой эпохи та «вспышка» в Муранди была довольно жаркой, но на самом деле не представляла собой ничего серьезного. Какой-то разгневанный дворянин обстрелял айильский патруль, ранив

троих и не убив ни одного, но, если не считать шарских кампаний, этот эпизод называли самым кровопролитным за много лет.

Из-за полупрозрачных облаков на проспект светило ласковое солнце. Наконец Ранд добрался до городской площади, в прошлом Эмондовом Луге носившей название «Лужайка». Что уж говорить о Карьерной дороге, если теперь ее ширины хватало, чтобы пропустить целую армию? Ранд обошел вокруг огромного фонтана в центре площади, воздвигнутого огирами в честь павших в Последней битве.

Увидев на изваянии в центре фонтана знакомые лица, он отвернулся и подумал, что этого еще не случилось. Эта версия будущего пока что не стала реальной. Сотканная из вероятностных нитей, зеркальных отражений нынешнего мира, эта реальность не являлась предопределенной.

Впервые с того момента, как Ранд вошел в сотворенное им видение, его уверенность пошатнулась. Он знал, что Последняя битва идет не зря, но в ней погибали люди. Неужели он надеялся, что их не коснется боль и смерть?

«Эта битва будет моей и только моей, — подумал он. — Почему же им пришлось умереть?» Разве недостаточно его самопожертвования?

Такой вопрос он задавал себе далеко не впервые.

Видение дрогнуло, гладкие камни под ногами загудели, здания пошли рябью, люди застыли, и над проспектом повисла тишина. Ранд увидел, как в переулке возникла тьма — сперва она была с игольное ушко, но разрасталась, поглощая все, что было рядом. Вот она уже размером с дом, но продолжает медленно расти.

— ТВОИ МЕЧТЫ СЛАБЫ, СОПЕРНИК.

Ранд поднапряг волю, и дрожь прекратилась. Замершие было на полушаге люди снова пришли в движение, тишина сменилась дружелюбными разговорами, а возвещавшие о празднике транспаранты затрепетали на легком ветру.

— Я прослежу, чтобы все было именно так, — сказал Ранд темной пустоте. — Плодородие, счастье, любовь… Все это — признаки твоего поражения.

— ТЕПЕРЬ ЭТИ ЛЮДИ ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ, И Я ИХ ЗАБЕРУ.

— Ты — всего лишь тьма, — повысил голос Ранд, — а тьма не способна одолеть Свет. Она существует, лишь когда Свет бежит прочь, потерпев неудачу. Но я не проиграю и не сбегу. Не бывать этому. Ты не победишь, Шайи'тан, покуда

я стою у тебя на пути.

— ПОСМОТРИМ.

Ранд отвернулся от темной пустоты и, решительно обогнув фонтан, увидел на другой стороне площади величественные белые ступени, ведущие к четырехэтажному зданию невероятной красоты, украшенному прекрасной резьбой и лепниной и увенчанному сверкающей медной крышей. Со стен свисали флаги. Минуло сто лет, целых сто лет мира и спокойной жизни…

Черты женщины, стоявшей на верху белой лестницы, показались Ранду знакомыми. В ней определенно текла салдэйская кровь, но курчавые темные волосы свидетельствовали о двуреченском происхождении. Это была леди Адора, внучка Перрина и мэр Эмондова Луга. Женщина произносила торжественную речь. Ранд поднялся к ней. Его никто не замечал. Он сам сделал так, чтобы его не замечали. Подобно Серому Человеку, он скользнул за спину леди Адоре, объявившей, что праздник начался, и вошел внутрь.

Снаружи его можно было принять за здание, в котором разместилось какое-нибудь правительственное учреждение, но на деле оно оказалось куда важнее.

Школа.

По правую руку гигантский коридор украшали орнаменты и картины, сделавшие бы честь любому дворцу, но изображались на них великие наставники и сказители прошлого, от Анлы до Тома Меррилина. Ранд прошелся по этому коридору, заглядывая в классы, где любой — хоть беднейший крестьянин, хоть отпрыск мэра — мог набираться знаний. Здание было достаточно просторным, чтобы вместить всех, кто пожелал учиться.

— ТВОЙ РАЙ НЕ ЛИШЕН ИЗЪЯНОВ, СОПЕРНИК.

В зеркале справа от Ранда проступила чернота. Теперь в нем отражался не коридор, но присутствие Темного.

— ДУМАЕШЬ, У ТЕБЯ ПОЛУЧИТСЯ ИСКОРЕНИТЬ СТРАДАНИЯ? ДАЖЕ ПОБЕДИВ, ТЫ ЭТОГО НЕ ДОБЬЕШЬСЯ. НА ЭТИХ ИДЕАЛЬНЫХ УЛИЦАХ ЛЮДЕЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ БУДУТ УБИВАТЬ ПО НОЧАМ, А ГОЛОДАЮЩИХ ДЕТЕЙ НЕ СТАНЕТ МЕНЬШЕ, КАК БЫ НИ СТАРАЛИСЬ ТВОИ ПОДРУЧНЫЕ. БОГАТЫЕ ПРОДОЛЖАТ ЖИТЬ В СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ, ЭКСПЛУАТИРУЯ БЕДНЫХ, РАЗВЕ ЧТО СТАНУТ ДЕЛАТЬ ЭТО СКРЫТНО.

— Так будет лучше, — прошептал Ранд. — Так будет хорошо.

— ЭТОГО НЕДОСТАТОЧНО. И НИКОГДА НЕ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО. В ТВОИХ МЕЧТАХ ИМЕЕТСЯ ИЗЪЯН. ТВОИ МЕЧТЫ — ЛЖИВЫ. А Я — ЕДИНСТВЕННАЯ ИСТИНА, ИЗВЕСТНАЯ ТВОЕМУ МИРУ.

И Темный нанес удар.

Он напал подобно урагану. Порыв ветра — такой силы, что он едва не сорвал плоть с костей, но Ранд стоял, скрестив руки за прямой спиной, и твердо смотрел в небытие. Атака Темного уничтожила прекрасный город, смеющихся людей, памятник знаниям и мирной жизни. Темный пожрал это видение, и оно опять стало одним из бесконечных вариантов будущего.

Сильвиана вбирала Единую Силу, чувствуя, как та наполняет ее и мир становится светлее и ярче. Удерживая саидар, она видела все в мельчайших подробностях. Великолепное ощущение. Главное, помнить, что на самом деле это не так, все это лишь кажется. Соблазнительная мощь саидар не раз подталкивала женщин к необдуманным поступкам. В тот или иной момент их совершали почти все Голубые сестры.

Сидя в седле, она свила огонь, и тот сровнял шарских солдат с землей. Своего мерина, по кличке Жало, Сильвиана обучила не пугаться, когда рядом направляют Силу.

— Лучники, назад! — крикнул у нее за спиной Чубейн. — Бегом, бегом! Тяжелая пехота, поротно, вперед!

Мимо Сильвианы промаршировали закованные в латы пехотинцы. Вооруженные топорами и булавами, они должны были вступить в бой с дезориентированными шарцами на склонах. Лучше бы у этих парней имелись пики, но, увы, пик на всех не хватало.

Сильвиана сплела и направила во врагов еще один огненный шар, расчищая путь пехоте, а затем обратила свое внимание на шарских лучников, стоявших немного выше по склону.

Обойдя топи, войско Эгвейн разделилось на две ударные группы. Айз Седай и пехота Белой Башни отправились бить шарцев на западном склоне. К тому времени пожары успели погаснуть и почти все троллоки ушли в бой, покинув Половский взгорок.

Вторую половину армии Эгвейн, по большей части конницу, отправили через проход, идущий вдоль края болота и выходивший к броду: она должна была нанести удар по уязвимому тылу троллоков, спустившихся со взгорка и напавших на войска Илэйн, которые держали оборону у реки.

Первой группе поставили задачу занять западный склон. Сильвиана принялась прицельно разить сериями молний тех шарцев, что выступили вперед для защиты от ее плетений.

— Как только пехота хотя бы немного поднимется по склону, — сказал Чубейн, чей конь стоял рядом с конем Эгвейн, — Айз Седай начнут… Мать? — вдруг спросил он, повысив голос.

Сильвиана развернулась в седле и с тревогой взглянула на Эгвейн. Амерлин не направляла Силу. Она побледнела и вся дрожала. Неужто ее зацепили плетением? Нет. По крайней мере, такого Сильвиана не заметила.

Шарская пехота расступилась, пропуская вперед нескольких человек, и те принялись направлять Силу, и на армию Белой Башни обрушились ослепительные молнии, от разрядов которых содрогался воздух.

— Мать! — Сильвиана тронула Жало коленями, и тот подошел к коню Эгвейн. По всей видимости, ее атаковал сам Демандред. Коснувшись са'ангриала в руках у Эгвейн, чтобы вобрать побольше силы, Сильвиана сплела переходные врата. Ехавшая позади Амерлин шончанка тут же схватила ее коня за узду и увела в портал. Сильвиана последовала за ними и крикнула:

— Держать оборону против шарцев! Сообщите владеющим Силой мужчинам, что Демандред напал на Престол Амерлин!

— Нет, — слабым голосом вымолвила Эгвейн, еле держась в седле, когда кони, цокая копытами, вошли в громадный шатер. Сильвиана предпочла бы увести ее подальше, но недостаточно хорошо знала эту местность и не решилась на длинный прыжок. — Нет, дело не в этом…

— Что случилось? — Позволив вратам закрыться, Сильвиана остановилась рядом с Амерлин. — Мать?

— Это Гавин. — Побледневшую Эгвейн била дрожь. — Он сильно ранен. Он умирает, Сильвиана…

«Ох, Свет!» — подумала Сильвиана. Стражи! Она боялась, что случится нечто подобное. Боялась с тех самых пор, как впервые увидела этого глупого мальчишку.

— Где? — спросила она.

— На взгорке. Я должна его отыскать. Пойду через врата, Перемещусь в нужном направлении…

— О Свет, мать! — воскликнула Сильвиана. — Ты хоть понимаешь, как это опасно? Останься здесь, во главе Белой Башни, а я попытаюсь его найти.

— Ты его не чувствуешь.

— Так передай мне узы!

Эгвейн окаменела.

— Ты же знаешь, что так надо, — продолжила Сильвиана. — Его гибель может уничтожить тебя, поэтому отдай узы мне. Я отыщу его, а если Гавин умрет, ты не пострадаешь.

Эгвейн ошеломленно смотрела на нее. Как Сильвиана вообще посмела об этом заикнуться? Хотя она Красная, а Красные сестры не особо осведомлены в тонкостях отношений со Стражами. Она попросту не понимала, о чем просит.

— Нет, — отрезала Эгвейн. — Даже думать об этом не стану. Кроме того, случись ему умереть, вся защита сведется к тому, что моя боль будет переложена на тебя.

— Но я не Амерлин!

— Говорю же — нет. Если Гавина не станет, я выживу и продолжу бой. Ты правильно сказала, что Перемещаться к нему опасно, и я не дам тебе совершить подобную глупость. Гавин на Половском взгорке. Мы силой пробьемся наверх, ведь таков приказ Мэта. Так и доберемся до Гавина. Пожалуй, это лучшее решение.

После паузы Сильвиана кивнула. Да, годится. Вместе они вернулись к западному склону Взгор-

ка. Сильвиана с трудом прятала кипевшую в ней тревогу. Глупец! Если он погибнет, Эгвейн будет весьма непросто продолжить битву.

Чтобы остановить Амерлин, Тени не надо ее убивать. Достаточно прикончить одного мальчишку-идиота.

— Те шарцы, вон там… Что они делают? — тихо спросила Илэйн.

Остановив коня, Бергитте взяла у нее зрительную трубу, взглянула на другой берег пересохшей реки — туда, где на склоне взгорка собралось крупное шарское войско, — и хмыкнула:

— Наверное, ждут, пока наши не перестреляют всех троллоков.

— У тебя не самый уверенный тон, — заметила Илэйн, забирая зрительную трубу.

Девушка удерживала Единую Силу, но пока что не применяла ее на деле. Третий час ее войска вели бой у реки. Троллоки прибывали по руслу Моры с обеих сторон, но солдаты Илэйн не позволяли им ступить на шайнарскую землю. Топи мешали врагу обойти королевскую армию по левому флангу, но за правым, более уязвимым, требовалось постоянное наблюдение. Было бы куда хуже, навались троллоки всем числом, но конница Эгвейн терзала их с тыла, тем самым

снимая давление с союзных войск, обороняющих реку.

Троллоков пронзали пиками, и хилый ручеек, струившийся по дну Моры, сделался совершенно красным. Илэйн с полным решимости лицом наблюдала за битвой — так, чтобы оставаться на виду у солдат. Лучшие люди Андора истекали кровью и погибали, с трудом сдерживая натиск троллоков. Похоже, шарские войска готовились спуститься с Половского взгорка, но Илэйн сомневалась, что атака начнется прямо сейчас, поскольку шарцев отвлекло нападение Белой Башни на западный склон. Решение Мэта отправить армию Эгвейн в тыл врага оказалось гениальным.

— Потому что я не уверена в своих словах, — прошептала Бергитте. — Совсем не уверена. Почти ни в чем.

Илэйн сдвинула брови. Она было решила, что беседа уже окончена. Что Бергитте имеет в виду?

— Как насчет твоих воспоминаний?

— Первое, что я теперь помню, — это как очнулась рядом с тобой и Найнив, — так же тихо ответила Бергитте. — Припоминаю разговоры о пребывании в Мире снов, но само то место… Эти воспоминания ускользнули от меня, как вода

меж пальцев.

— Ох, Бергитте…

— Нельзя тосковать по тому, чего не помнишь, — пожала плечами она, но боль в ее голосе противоречила этим словам.

— А Гайдал?

— Вообще ничего, — покачала головой Бергитте. — Чувствую, что вроде как должна знать кого-то с этим именем, но не знаю. — Она усмехнулась. — Я же говорила. Я не понимаю, чего лишилась, так что все нормально.

— Ты не врешь?

— Кровь и пепел, ну конечно вру! У меня в груди пустота, Илэйн, громадная зияющая дыра, из которой вытекают воспоминания, да и сама жизнь. Вытекают, будто кровь.

Она отвернулась.

— Бергитте… Мне так жаль.

Страж отъехала в сторону — по всей видимости, не желая больше говорить на эту тему, — но в сознании Илэйн накрепко засели шипы ее страданий.

Каково это, мириться с подобной потерей? У Бергитте не было ни детства, ни родителей. Вся ее жизнь — та, которую она помнила, — обычно длилась не больше года. Илэйн направилась

было следом за ней, но тут телохранители расступились, и появился Галад — в доспехах, табаре и плаще лорда капитан-командора Детей Света.

— Галад, — поджала губы Илэйн.

— Сестра, — отозвался Галад. — Полагаю, будет совершенно бессмысленно упоминать о том, что женщине в твоем положении не место на поле боя.

— Стоит нам проиграть, Галад, и мои дети с самого рождения станут пленниками Темного. Если вообще родятся. Полагаю, ради них стоит пойти на этот риск.

— Главное, воздержись от личного участия в битве, — произнес Галад таким тоном, будто давал ей разрешение — подумать только, разрешение! — возглавить войска, после чего приставил ладонь ко лбу и обвел взглядом поле сражения.

Раскаленные лучи с Половского взгорка ударяли в последних драконов, которые еще вели стрельбу позади отрядов Илэйн. Такая мощь! Сила Демандреда затмевала могущество Ранда. «Если он нацелит свою мощь на мои войска…»

— Зачем Коутон велел мне прийти сюда? — вполголоса спросил Галад. — Да еще с дюжиной моих лучших людей?

— Неужели ты думаешь, что я читаю мысли Мэтрима Коутона? — изумилась Илэйн. — Он, знаешь ли, только строит из себя простачка, чтобы ему все сходило с рук.

Галад сокрушенно покачал головой. Его спутники, стоявшие неподалеку, указывали на троллоков, медленно пробиравшихся вверх по реке на арафелском берегу. Илэйн сообразила, что правый фланг находится под угрозой.

— Отправь шесть рот арбалетчиков, — сказала она, обращаясь к Бергитте. — Гэйбону надо укрепить позиции выше по реке.

«О Свет! Похоже, дело принимает скверный оборот». На западном склоне возвышенности, где находились войска Белой Башни, Сила бушевала яростнее всего. Плетений Илэйн почти не видела, но чувствовала, что там идет нешуточный бой.

Над вершиной клубился дым, озаренный сполохами молний, будто в этой черноте пробуждался, сверкая глазами, свирепый голодный зверь.

На Илэйн вдруг обрушилось все сразу: всепроникающий запах дыма, крики боли, гром в небесах, дрожь земли, зябкий воздух над бесплодной почвой, лязг ломающегося оружия, скрежет пик, соскальзывающих со щитов… Конец. Он и впрямь наступил, и Илэйн стояла на самом краю

пропасти.

Примчался гонец с очередной депешей. Назвал телохранителям соответствующие пароли, спешился и получил разрешение приблизиться к Илэйн и Галаду, которому и передал послание:

— От лорда Коутона, милорд. Он сказал, что я найду вас здесь.

Галад, хмуря брови, выудил из конверта лист бумаги.

С безграничным терпением Илэйн досчитала до трех, а затем подвела Лунную Тень к коню Галада и вытянула шею, чтобы прочесть приказ Мэта. Честно говоря, лорд капитан-командор мог бы и позаботиться о том, чтобы беременной женщине было удобнее смотреть ему через плечо.

Письмо было написано Мэтом собственноручно. Илэйн с удивлением отметила, что его почерк стал гораздо аккуратнее, а правописание — куда лучше, по сравнению с посланием, полученным ею несколько недель тому назад. Как видно, напряжение битвы пробудило в Мэтриме Коутоне способности образцового писаря.

Галад!

Сейчас не время для высокопарных речей. Это задание я не могу доверить никому, кроме тебя, ведь только ты поступишь правильно, невзирая на любые препятствия. Только ты. Подозреваю, что у порубежников для такого кишка тонка, но готов спорить, что на белоплащника можно положиться. Пусть Илэйн откроет переходные врата. Возьми эту вещицу и сделай то, что должно быть сделано.

Мэт

Помрачневший Галад перевернул конверт, откуда выпал серебряный медальон на цепочке из того же металла, а с ним — тарвалонская марка.

Илэйн выдохнула, затем коснулась лисьей головы и попробовала направить Силу. Ничего не вышло. Это была одна из копий, которые она создала самолично, после чего отдала ее Мэту. Другую такую стащил Меллар.

— Надень этот медальон, и будешь защищен от плетений Силы, — сказала Илэйн. — Но почему Мэт прислал его именно тебе?

Галад повертел записку в руках и заметил, что на обороте наспех накарябано следующее:

P.S. Если ты до сих пор не понял, что значит «сделай то, что должно быть сделано», то объясняю: тебе надо убить как можно больше тех растреклятых шарцев, которые способны направлять Силу. Ставлю целую тарвалонскую марку – да, ее подкорнали по краям, но совсем чуть-чуть, – что ты не сможешь прикончить два десятка. – М. К.

— Проклятье! Так нечестно! — охнула Илэйн. — Кровь и распроклятый пепел! Нечестно, и все тут!

— Едва ли монарху пристало выражаться подобным образом. — Галад сложил письмо, спрятал в карман плаща. Помедлив, он надел медальон на шею. — Интересно, понимал ли он, что творит, передавая Чаду Света артефакт, дающий защиту от прикосновений Айз Седай. Что ж, приказ хороший. Я позабочусь, чтобы он был выполнен.

— Получается, ты на такое способен? — спросила Илэйн. — Сможешь убить женщину?

— В прошлом я бы, пожалуй, задумался, — ответил Галад, — но это был бы неверный выбор. Женщины способны творить зло в той же мере,

что и мужчины. Почему же одних убивать можно, а других нельзя? Свет судит людей по душевной чистоте и добродетельности, а не исходя из того, какого они пола.

— Любопытно…

— Что в этом любопытного? — осведомился Галад.

— В кои-то веки мне не хочется придушить тебя за твои речи. Возможно, ты не безнадежен, Галад Дамодред.

— Сейчас не время и не место для легкомыслия, Илэйн, — сдвинул брови Галад. — Лучше удели внимание Гарету Брину. По-моему, он взволнован.

Илэйн обернулась и с удивлением обнаружила, что пожилой военачальник говорит с ее телохранителями.

— Генерал? — окликнула она.

Брин поднял взгляд и, не спешиваясь, отвесил официальный поклон.

— Вас остановили гвардейцы? — спросила Илэйн, когда он приблизился. Неужели они тоже слышали о наложенном на Брина Принуждении?

— Нет, ваше величество, — ответил седой полководец. Его взмыленный конь, похоже, скакал

сюда во весь опор. — Не хотелось отвлекать вас от дел.

— Что-то вас тревожит, — угадала Илэйн. — Выкладывайте.

— Не появлялся ли здесь ваш брат?

— Гавин? — Она взглянула на Галада. — Нет, я его не видела.

— И я не видел, — добавил Галад.

— Амерлин решила, что он присоединился к вашему войску, — качнул головой Брин. — Он отправился биться на передовую. Вероятно, под маскировкой.

«С чего бы ему…» Ну, это же Гавин! Ясное дело, он рвался в бой. Но тайком улизнуть на передний край? Да еще изменив облик? На него это не похоже. Скорее он собрал бы верных людей и нанес несколько ударов по врагу. Но чтобы Гавин действовал украдкой? Уму непостижимо.

— Я поспрашиваю, — сказала Илэйн, когда Галад, отвесив ей поклон, отправился выполнять приказ Мэта. — Быть может, его видел кто-то из моих командиров.

«Ага!» — подумал Мэт, так склонившись над картой, что едва не уткнулся в нее носом, а затем махнул рукой, и дамани по имени Мика открыла переходные врата. Мэт мог бы Переместиться на

вершину Дашарского бугра, откуда открывался вид на битву. Но в последний раз, когда он так сделал, его взяли на прицел владеющие Силой враги, после чего сглаженный бугор приобрел несколько иные очертания. К тому же, несмотря на высоту, с Дашарского бугра не было видно, что происходит на западном склоне Половского взгорка. Поэтому Мэт навис над столом, оперся руками на края переходных врат и стал рассматривать местность с высоты птичьего полета.

Враг пытался отодвинуть войска Илэйн от реки. Лучников она перебросила на правый фланг. Это хорошо. Кровь и треклятый пепел… Эти троллоки напирали с эффективностью атакующей конницы. Надо бы передать Илэйн, что за рядами пикинеров следует разместить кавалерию.

«Как в тот раз, когда я бился с Саной Ашрафом у водопадов Пеновой пади», — подумал он. Тяжелая кавалерия, конные лучники, снова тяжелая кавалерия и опять конные лучники. Волна за волной. *«Тэйр'аин дхай хочин диеб сене»*.

Впервые в жизни Мэт настолько увлекся битвой. Сражение с Шайдо было далеко не таким захватывающим, ведь в тот раз Мэт не командовал всеми войсками сразу. Бой с Эльбаром тоже не принес ему сопоставимого удовольствия, хотя

— ясное дело — те события были куда менее значимы и масштабны, чем нынешние.

Судя по тому, как Демандред распоряжался войсками, он знал толк в азартных играх. Сегодня Мэт схлестнулся с одним из лучших игроков за всю историю человечества. И ставкой в этой игре были не деньги, а человеческие жизни, а главным призом — весь мир. Кровь и, чтоб его, кровавый пепел! Как же волнующе! Неловко это признавать, но Мэт раззадорился не на шутку.

— Лан уже на месте. — Мэт выпрямился и, вернувшись к картам, сделал несколько пометок на них. — Передайте, чтобы вступал в бой.

Троллочью армию, которая перешла русло близ развалин, требовалось уничтожить. Мэт велел порубежникам обогнуть Половский взгорок и нанести удар по уязвимым тылам неприятельского войска, в то время как объединенные силы Тэма продолжат бить врага в лоб. Тэм уложил немало этих чудищ — и когда река оставалась полноводной, и теперь, когда ее перекрыли. Троллочья орда была на грани поражения, и теперь оставалось нанести согласованный удар с обеих сторон.

Люди Тэма, должно быть, выбились из сил. Продержатся ли они до подхода порубежников?

О Свет, Мэт надеялся, что продержатся. А если нет…

В штабном домике сделалось чуть темнее. В дверях стоял высокий курчавый брюнет в мундире Аша'мана и с таким лицом, будто ему только что пришли самые бросовые карты. О Свет! Да от такого взгляда даже троллок растерялся бы.

Мин говорила с Туон, но вмиг умолкла; похоже, Логайн приберег для нее особо свирепый взгляд. Мэт распрямился и отряхнул ладони.

— Надеюсь, ты не сотворил с нашей охраной чего-нибудь излишне скверного.

— Плетения Воздуха распустятся через минуту-другую, — хрипло ответил Логайн. — Я подумал, что вряд ли стражники позволят мне войти.

Мэт бросил взгляд на Туон. Она одеревенела, будто накрахмаленный передник. Шончан не доверяли даже женщинам, способным направлять Силу; что уж говорить о Логайне и ему подобных?

— Логайн, — сказал он, — твоим людям надо примкнуть к силам Белой Башни, иначе шарцы от них мокрого места не оставят.

Аша'ман твердо смотрел в глаза Туон.

— Логайн! — повысил голос Мэт. — Если ты вдруг не заметил, у нас тут треклятая война!

— Это не моя война.

— Верно. Эта война — наша, — отрезал Мэт. — Каждого из нас.

— Однажды я решил вступить в бой, — сказал Логайн. — И какова же была моя награда? Спроси у Красной Айя. Они расскажут, какие почести полагаются марионетке Узора. — Он зловеще усмехнулся. — Узору требовался Дракон. Вот я и пришел! Но поспешил. Совсем чуть-чуть, но поторопился.

— Так, послушай, — подступил к нему Мэт, — ты что, злишься, что Драконом оказался другой человек?

— Не настолько я мелочен, — ответил Логайн. — Я следую за лордом Драконом. Пусть он погибнет. Не желаю участвовать в этом пиршестве. Но я и мои приверженцы должны быть с ним, а не сражаться здесь. Битва за жизнь маловажных людей — ничто по сравнению с тем, что происходит у горы Шайол Гул.

— И все же ты знаешь, что нужен именно здесь, — сказал Мэт. — Иначе уже ушел бы.

Логайн промолчал.

— Ступай к Эгвейн, — велел Мэт. — Бери всех, кто у тебя есть, и задай жару тем шарцам, кто владеет Силой, — понял?!

— А как же Демандред? — тихим голосом осведомился Логайн. — Он не перестает выкликать Дракона, и сил у него как у десятерых. Его не одолеть никому из нас.

— Разве тебе не хочется попробовать? — спросил Мэт. — Вот почему ты здесь. Надеешься, что я прикажу тебе сразиться с Демандредом.

После паузы Логайн кивнул:

— Дракона Возрожденного он не получит. Так что пусть довольствуется мной. Его… заместителем, если угодно.

«Кровь и треклятый пепел… Да они все ненормальные!» Увы, но что еще мог предпринять Мэт против Отрекшегося? Пока что его план битвы строился вокруг Демандреда, которого надо было отвлекать и провоцировать на ответные действия. Пока Отрекшийся занят управлением войсками как военачальник, он будет меньше направлять Силу, а значит, станет приносить меньше вреда.

Пора найти способ разобраться с Отрекшимся. И Мэт старается что-нибудь измыслить. С самого начала треклятой битвы Мэт думает, как бы от него избавиться, но так ничего и не выдумал.

Он снова заглянул в свои обзорные врата. Войскам Илэйн приходилось совсем туго. Надо хоть

как-то им помочь. Отправить туда шончан? Мэт велел им ждать на южном краю Поля Меррилор, на берегу реки Эринин. Их вступление в битву станет для Демандреда сюрпризом, и он не сможет бросить всю армию Тени в бой у подножия Взгорка. Кроме того, на шончанских солдат у Мэта имелись планы, причем немаловажные.

Он сомневался, что у Логайна есть шансы на победу в схватке с Отрекшимся, но с Демандредом надо что-то делать. Раз уж Логайн готов пойти на этот риск, так тому и быть.

— Можешь сразиться с ним, — разрешил Мэт. — Или сейчас, или чуть позже, когда он станет чуток послабее. О Свет, надеюсь, мы сумеем его измотать. Так или иначе, решение за тобой. Выбери момент и нападай.

Логайн улыбнулся, затем создал переходные врата прямо посреди комнаты и шагнул в них, положив руку на меч. Чем-чем, а гордостью он не уступал Дракону Возрожденному, это уж точно. Мэт покачал головой. Он готов был отдать что угодно, лишь бы держаться подальше от всех этих важных птиц. Да, теперь он, может, и один из них, но это дело поправимое. Надо лишь уговорить Туон отречься от трона и сбежать вместе с ним. Дело непростое, но… Кровь и пепел, Мэт

командует войсками в Последней битве, и в сравнении с этим испытанием Туон — не самый крепкий орешек.

— Слава людская… — прошептала Мин. — Она еще впереди.

— Кто-нибудь, проверьте, как там наши часовые, — велел Мэт, возвращаясь к изучению карт. — Пора бы переправить тебя в другое место, Туон. Вряд ли здесь безопасно, и Логайн наглядно это продемонстрировал.

— Я сумею постоять за себя, — надменно ответила императрица.

Чересчур надменно. Он заломил бровь, и Туон кивнула.

«Да ну? — подумал Мэт. — Значит, вот он, повод для ссоры?»

Слишком неубедительный. И совсем не факт, что шпион примет его за чистую монету.

Они с Туон собирались последовать примеру Ранда — тот однажды провернул хитрый трюк вместе с Перрином. Если Мэт сумеет изобразить размолвку с императрицей и в результате Туон отведет войска, Тень — хотелось бы верить! — перестанет обращать внимание на шончанские силы. Но для конфликта требовался повод.

Вошли двое телохранителей. Нет, трое. Третий

не привлекал к себе внимания. Глядя на Туон, Мэт покачал головой — мол, давай-ка найдем более реалистичное основание для ссоры — и опять уткнулся в карту.

Почему-то что-то в третьем охраннике не давало ему покоя. Какой-то он невысокий. «Больше похож на слугу, а не солдата», — подумал Мэт и заставил себя поднять взгляд, хотя вообще-то отвлекаться на слуг было некогда. Да, вот он, этот парень, стоит поблизости у стола Мэта и совершенно не заслуживает внимания, даже если и вытаскивает кинжал.

Кинжал.

Едва увернувшись от удара Серого Человека, Мэт вскрикнул, выхватил один из своих ножей, но тут Мика завопила:

— Направляют! Совсем рядом!

Мин закрыла Фортуону своим телом, когда стена штабного домика вспыхнула. В образовавшуюся дыру с обгорелыми краями хлынули шарцы в чудно́й броне из металлических кружков, окрашенных в золотистый цвет. Их сопровождали бойцы с татуированными лицами, способные направлять Силу: женщины в длинных платьях из плотной черной ткани и мужчины в истрепанных штанах, но без рубашек. Все это Мин

увидела за миг до того, как опрокинула трон императрицы.

Над головой у нее промчался огненный поток, опалил шелковые одежды и уничтожил стену позади трона. Фортуона высвободилась из объятий изумленно заморгавшей Мин, оставив у нее в руках только громоздкое парадное облачение, сшитое так, что его можно было сбросить в любой момент.

Уже сжимая в руке нож, Туон, оказавшаяся теперь в глянцевито блестящих штанах из черного шелка и облегающей блузе того же цвета, негромко зарычала по-звериному. Мэт тем временем повалился навзничь, и какой-то человек с кинжалом собирался его прикончить. Откуда он взялся, этот человек? Мин не помнила, как он вошел.

Туон бросилась к Мэту, а владеющие Силой шарцы принялись предавать штабной домик огню. Во всей этой кошмарно неудобной одежде Мин не без труда поднялась на ноги, вытащила свой нож и спряталась за троном, прижавшись к нему спиной и чувствуя, как пол ходит ходуном.

Помочь Фортуоне она не могла, а поэтому приняла решение выбраться из домика. Бросившись всем телом на заднюю стенку, девушка пробила ее — та была сделана из материала, похожего на

бумагу. Шончан называли его *«тенми»*.

Оказавшись снаружи, она закашлялась из-за дыма, но тут, снаружи, воздух был чище, чем внутри. По эту сторону от домика шарцев не было. Они атаковали с других направлений. Мин припустила вдоль стенки. Тот, кто способен направлять Силу, — опасный противник, но, если пронзить его ножом, вся Единая Сила в мире перестанет иметь какое-либо значение.

Мин выглянула из-за угла и вздрогнула, увидев притаившегося у стены человека с бешеным взглядом, угловатым лицом и кроваво-красной татуировкой на шее — что-то вроде птичьих когтей, что тянулись по щекам к подбородку и как будто поддерживали светлокожую голову.

Человек зарычал. Мин бросилась на землю, уклоняясь от огненной ленты, и метнула нож.

Татуированный мужчина с безумной ухмылкой поймал его в воздухе и, по-звериному пригнувшись, направился к Мин.

Но тут он вдруг дернулся, упал и забился в конвульсиях. Изо рта у него вытекла струйка крови.

— Такого мне знать не положено, — произнесла женщина, в чьем голосе звучала крайнее отвращение, — но остановить сердце с помощью Единой Силы совсем несложно. Это происходит

без лишнего шума и требует на удивление мало Силы. Что для меня весьма уместно.

— Суан! — воскликнула Мин. — Тебя здесь быть не должно!

— И все же я здесь. Считай, что тебе повезло, — усмехнулась Суан и, пригнувшись, взглянула на труп. — Фу… Скверное дело, но, если хочешь съесть рыбку, будь готова ее выпотрошить. Что-то не так, девочка? Теперь ты в безопасности, и незачем так бледнеть.

— Тебя здесь быть не должно! — повторила Мин. — Я же говорила: держись поближе к Гарету Брину!

— Я следовала твоему совету. Держалась к нему едва ли не ближе нижнего белья. Да будет тебе известно, что мы спасли друг другу жизнь, так что, полагаю, видение было истинным. Ты когда-нибудь ошибаешься?

— Нет, — шепнула Мин. — Никогда. И об этом я тоже говорила. Суан… Та аура, которую я видела вокруг Брина, означает, что вам нельзя разлучаться. Иначе вы оба погибнете. Эта же аура окружает и тебя — прямо сейчас. Что бы ты ни думала, видение исполнено не до конца. Оно по-прежнему здесь.

На мгновение Суан замерла.

— Коутон в опасности.

— Но…

Земля содрогнулась под ударом плетения Единой Силы. В бой вступили дамани.

— Никаких «но», девочка! Если Коутон погибнет, мы проиграем битву. Надо выручить его, пусть даже это будет стоить нам жизни. Мы просто обязаны ему помочь. Вперед!

Мин кивнула и следом за Суан обошла полуразрушенное здание. Здесь, в дыму и языках пламени, шел бой и гремели взрывы. Стражи Последнего часа налетели на шарцев, обнажив клинки и не обращая внимания на гибель товарищей. Их контратака по меньшей мере отвлекла на себя тех вражеских бойцов, кто мог направлять Силу.

Штабной домик горел так жарко, что Мин отпрянула, заслонив лицо ладонью.

— Погоди-ка, — сказала Суан и с помощью Единой Силы Суан зачерпнула воду из ближайшей бочки, и обеих осыпало брызгами. — Попробую усмирить пламя. — Она направила водяной столб к пылающему зданию. — Все, теперь идем.

Мин кивнула и бросилась в огонь. Суан последовала за ней. Внутренние перегородки из тенми быстро догорали. С потолка капало жидкое

пламя.

— Туда, — сказала Мин, смаргивая слезы, что навернулись на глаза из-за жара и жгучего дыма, и указала на темные фигуры в центре комнаты, где горел стол с боевыми картами. Рядом трое или четверо человек пытались одолеть Мэта. О Свет, это были Серые Люди — и не один, а сразу несколько! Что касается Туон, та лежала на полу.

Мин пробежала мимо мертвецов — одной сул'дам и нескольких телохранителей, — а Суан, накинув плетение Воздуха на одного из Серых Людей, оттащила его от Мэта. Тени погибших Стражей Последнего часа, озаренных языками пламени, тянулись к стене, где сжалась перепуганная дамани, чей поводок лежал на полу. Неподалеку лежало недвижимое тело ее сул'дам. Как видно, поводок вырвали у нее из рук, а затем женщина погибла, пытаясь добраться до своей подопечной.

— Сделай что-нибудь! — крикнула Мин, схватив ее за руку.

Плачущая дамани помотала головой.

— Чтоб тебе сгореть!.. — выпалила Мин, и тут затрещал потолок.

Мин бросилась к Мэту. Один Серый Человек был мертв. Остались еще двое — в форме шончан-

ских гвардейцев. Глаз не мог ни за что зацепиться в их ничем не примечательном облике; они были нечеловечески усредненные — настолько, что Мин толком не могла их рассмотреть.

Мэт взвыл и ударил одного ножом, но копья при нем не было. Мин не знала, где оно, это копье. Мэт безрассудно ринулся вперед, при этом схлопотав порез на боку. Но зачем?

«Туон», — сообразила Мин и замерла на месте. Серый Человек, стоя на коленях над неподвижным телом императрицы, занес кинжал, и…

Мин метнула нож.

Мэт упал в нескольких футах от Туон; последний из Серых Людей схватил его за ноги, в то время как нож Мин, в чьем клинке отразились языки пламени, пролетел через всю комнату и вонзился в грудь тому, кто собирался прикончить императрицу.

Мин выдохнула. Никогда в жизни она не испытывала такого счастья при попадании ножа в цель. Мэт с руганью развернулся, пнул нападавшего в лицо и резанул ножом, после чего доковылял до Туон и взвалил ее на плечо.

— Суан тоже здесь, — подбежала к нему Мин. — Она…

Мэт кивнул в сторону. На полу, безжизненно

глядя в пустоту, лежала Суан, и над ней уже не было никаких образов.

Мертва. Мин застыла, и у нее зашлось сердце. Суан! Не в силах поверить, что ее больше нет, девушка шагнула к ней, хотя прекрасно видела, что платье Суан почти сгорело в огненном взрыве, который сразил ее и уничтожил половину бумажной стены рядом.

— Уходим! — Нежно придерживая Туон, Мэт закашлялся, ударил плечом в полусгоревшую стену и вырвался на воздух.

Мин со стоном сморгнула слезы, что навернулись от горя и дыма на воспаленные глаза, и, кашляя, последовала за Мэтом. Прохладный воздух… Как же он прекрасен на вкус!

Домик за спиной заскрипел и обрушился. Не прошло и нескольких секунд, как Мэта и Мин окружили Стражи Последнего часа. Никто не посмел забрать у Принца воронов его ношу. Туон еще дышала, пусть и неглубоко, и по взгляду Мэта было ясно, что любому, кто надумает ее тронуть, не поздоровится.

«Прощай, Суан, — оглянулась Мин, когда Стражи уводили ее от подножия Дашарского бугра, где продолжался бой. — Да укроет Создатель твою душу».

Она передаст другим, чтобы оберегали Брина, но в глубине души Мин понимала, что ее слова будут напрасны. Когда погибла Суан, великий капитан должен был впасть в мстительную ярость; вдобавок к этому Мин прекрасно помнила о своем видении.

Она никогда не ошибалась. Временами Мин ненавидела себя за такую точность. Но не ошибалась она никогда.

* * *

— Отражайте их плетения, — крикнула Эгвейн, — а я буду атаковать!

Что она и сделала, не дожидаясь, пока другие выполнят ее приказ. В свой удар она вложила всю возможную мощь, какую зачерпнула через са'ангриал Воры, и на склоне, где окопались шарцы, расцвели три огненных полосы.

Вокруг нее хорошо обученные войска Брина, пытаясь сохранить боевой порядок, понемногу теснили шарских солдат вверх по западному склону Половского взгорка, испещренному сотнями глубоких борозд и рытвин, что остались от плетений, запущенных с обеих сторон.

Эгвейн отчаянно пробивалась к вершине. Она чувствовала, что Гавин там, наверху, — но, как

видно, без сознания. Искорка его жизни тлела настолько тускло, что угадать направление было труднее трудного. Оставалось лишь надеяться, что Эгвейн сумеет прорвать ряды шарцев и воссоединится со своим Стражем.

Под рокочущие стоны земли она уничтожила сражавшуюся Силой женщину из Шары, и та обратилась в пар. Саэрин, Дозин и другие сестры сосредоточились на том, чтобы отбивать вражеские плетения, в то время как сама Эгвейн сосредоточенно расправлялась с живыми врагами. Шаг за шагом. Она шагнула вперед и подумала, дрожа от ярости: «Я уже иду, Гавин. Уже иду».

— Мы с донесением, Дивий.

Какое-то время Демандред, не обращая внимания на гонцов, осматривал поле сражения глазами парившего в небесах сокола. Во́роны были предпочтительней, но всякий раз, когда Демандред пробовал использовать ворона, кто-нибудь из порубежников сбивал птицу метким выстрелом. Почему же из всего многообразия обычаев минувших эпох до нынешних дней сохранился именно этот?

Какая разница… Сойдет и сокол, пусть даже он противится приказам чужого сознания. Поль-

зуясь его зрением, Демандред осматривал поле битвы, инспектировал боевые порядки, отслеживал развертывание и продвижение войск. Ему не приходилось полагаться на слова разведчиков.

Такое преимущество неоспоримо и неодолимо. Льюс Тэрин не умел видеть мир глазами птиц и животных; такую способность дарует только Истинная Сила. Демандред был в состоянии направить лишь тоненькую струйку Истинной Силы — недостаточную для разрушительных плетений, но существуют и другие способы продемонстрировать, насколько ты опасен. К несчастью, у Льюса Тэрина тоже имеются свои преимущества. Переходные врата в небесах, позволяющие обозревать поле сражения. Доставляли определенные неудобства и некоторые вещи, которые изобрели люди этого времени, вещи, которые не были известны в Эпоху легенд.

Открыв глаза, Демандред разорвал узы, связующие его с соколом. Его войска наступали, но каждый шаг вперед давался им большой кровью и невероятными усилиями. В битве полегли десятки тысяч троллоков. Ему надо быть осторожнее; их число не безгранично.

Сейчас он стоял на восточной оконечности Половского взгорка, глядя вниз на реку и на севе-

ро-восток от того места, где подосланный Льюсом Тэрином убийца пытался забрать его жизнь.

Здесь он оказался почти напротив возвышенности, которая, по утверждению Могидин, звалась Дашарским бугром. Каменистая формация тянулась к небу, а место у ее подножия идеально подходило для командного пункта, защищенного от ударов Единой Силой.

Демандреду не терпелось уничтожить этот штаб своими руками, Переместиться туда и сровнять его с землей, но… Что, если именно этого хочет Льюс Тэрин? Демандред сразится с ним. Непременно сразится. Но Перемещаться во вражеский опорный пункт — и, по всей вероятности, в ловушку, окруженную высокими каменными стенами… Нет. Лучше привлечь Льюса Тэрина к себе. Господствуя на поле боя, Демандред мог выбрать наилучшее место для предстоящей дуэли.

Полноводная река превратилась в грязный ручеек. Троллоки Демандреда завоевывали южный берег. Силы Света еще держались, но скоро все изменится. Выше по течению М'Хаэль прекрасно справился со своей задачей и отвел воду, хотя сообщил о неожиданном сопротивлении. Какие-то горожане и небольшой отряд солдат? Странное дело. Демандреду еще предстояло разобраться,

что все это значит.

Отчасти он желал М'Хаэлю неудачи. Когда Демандред вербовал этого человека в свои ряды, он не ожидал, что тот так быстро возвысится до звания Избранного.

Он повернул голову. Перед ним склонились три женщины в черных платьях с белыми ленточками. А рядом с ними — Шендла.

Шендла. Он думал, что давно утратил интерес к женщинам. Разве могут любовь и привязанность мириться с этой жгучей страстью, с его ненавистью, направленной на Льюса Тэрина? И все же Шендла… Заблудшая, способная, могучая, и этого хватило, чтобы Демандред изменил свое мнение.

— Докладывайте, — обратился он к согбенным женщинам в черном.

— Охота не увенчалась успехом, — произнесла, не поднимая головы, Галбрейт.

— Он сбежал?

— Да, Дивий. Я подвела тебя, — с болью в голосе ответила она. Галбрейт была предводительницей женщин из Айяд.

— От тебя и не требовалось убивать его, — сказал Демандред. — Такой враг тебе не по зубам. Штаб разрушен?

— Да, — подтвердила Галбрейт. — Мы убили

возле него полдюжины тех, кто умел направлять Силу, подожгли здание и уничтожили карты.

— Ну а он? Коснулся Источника? Выдал себя?

Галбрейт помешкала, потом помотала головой.

Значит, совсем не факт, что Льюс Тэрин нацепил внешность этого Коутона. Демандред подозревал, что это так, пока из долины Такан'дар не пришли новые вести. Льюса Тэрина видели на склонах горы Шайол Гул. Хотя с начала Последней битвы он не раз выказывал коварство, показываясь то на одном поле сражения, то на другом.

Чем больше Демандред реагировал на маневры вражеского генерала, тем сильнее убеждался, что имеет дело с Льюсом Тэрином. Очень похоже на то, что Дракон отправил на север подставное лицо, наделив его своей внешностью, а сам находится здесь и командует битвой.

Льюс Тэрин не любил, когда вместо него сражаются другие. Он предпочитал делать все собственными руками, возглавлять любую битву, а по возможности — каждую атаку.

Да… Как иначе объяснить мастерство вражеского полководца? Лишь человек, обладающий древним опытом, умеет так искусно танцевать на поле боя. По сути своей применяемая в сражении

тактика редко отличается сложностью: следи, чтобы враг не ударил с флангов, встречай тяжелые войска пиками, пехоту — рядами обученных солдат, а врагам, кто способен направлять, противопоставь своих владеющих Силой. И все же изящество решений… мельчайшие нюансы… все это требует многовекового опыта. В эту эпоху никто не жил так долго, чтобы с должным тщанием изучить все эти мелочи.

Во время Войны Силы Демандред не превосходил бывшего друга ни в чем, кроме полководческого мастерства. Горько это признавать, но ему уже не хотелось отворачиваться от этой истины. Льюс Тэрин был выше его в Силе, он лучше умел завоевывать людские сердца. И Льюс Тэрин увел у него Илиену.

Но Демандред… Демандред воевал искуснее Льюса Тэрина, тот никогда не знал, как найти правильный баланс между храбростью и осмотрительностью. Он никогда не спешил, все обдумывал, мучился над каждым решением, а затем, горячась, бросался в какое-нибудь военное безрассудство.

Если этот Коутон — и впрямь Льюс Тэрин, то он набрался ума. Вражеский полководец знал, когда подбросить монетку и довериться судьбе,

но играл по маленькой и никогда не шел ва-банк. Должно быть, этот человек знает толк в карточных играх.

Разумеется, Демандред все равно одолеет его. Просто битва станет более… интересной.

Положив ладонь на меч, он задумался о том, что видит на поле сражения. Троллоки продолжали свою атаку у реки. Им противодействовали пикинеры Льюса Тэрина, выстроившиеся в дисциплинированные каре и ведущие оборонительный бой. За спиной Демандреда, где шла серьезная схватка между Айяд из Шары и Айз Седай, громыхало так, что земля ходила ходуном.

Там у Демандреда имелось существенное преимущество. Его Айяд воевали куда лучше, нежели Айз Седай. Когда же Коутон введет в бой этих своих дамани? Могидин сообщала, что между ними и Айз Седай имеются некие разногласия. Нельзя ли как-то усугубить этот конфликт?

Выслушав его приказы, Айяд ретировались, но Шендла осталась, ожидая персонального разрешения. По приказу Демандреда она следила за окрестностями, высматривая новых убийц.

— Волнуешься? — спросил он ее. — Ты же знаешь, на чьей стороне мы сражаемся. Насколько мне известно, ты не примкнула к Тени.

— Я примкнула к тебе, Дивий.

— И ради меня дерешься бок о бок с троллоками? Полулюдьми? Существами из кошмаров?

— Ты говорил, что некоторые назовут твои поступки злодеяниями, — ответила она. — Но я вижу все в ином свете. Наш путь ясен. Одержав победу, ты перестроишь мир и сохранишь наш народ. — Шендла взяла его за руку. В глубине души у него что-то шевельнулось, но тут же сгорело в огне ненависти.

— Я пожертвовал бы всем на свете, — сказал Демандред, глядя ей в глаза, — отказался бы от чего угодно ради шанса убить Льюса Тэрина.

— Ты обещал, что попытаешься, — произнесла Шендла. — И этого достаточно. Уничтожив его, ты уничтожишь один мир и сохранишь другой. Я последую за тобой. Как и все мы.

Она как будто намекала, что Демандред, победив Льюса Тэрина, вновь обретет возможность не принадлежать никому, кроме себя.

В этом он сомневался. Власть интересовала его лишь как средство, которое можно использовать против древнего врага. Верные и преданные шарцы служили ему очередным инструментом, но в самой глубине души укоренилось нечто, желавшее, чтобы все изменилось. Нечто, чего

раньше не было. Определенно.

Воздух перед ним изогнулся и покоробился, хотя плетений Демандред не увидел. Так разрывалась сама ткань Узора, когда кто-то Перемещался с помощью Истинной Силы. Прибыл М'Хаэль.

Демандред обернулся. Шендла отпустила его руку, но в сторону отходить не стала. М'Хаэлю предоставили доступ к сущности Великого повелителя. Это не вызывало у Демандреда зависти, ведь М'Хаэль — всего лишь очередной инструмент, но не призадуматься тут нельзя. Что, теперь эту привилегию раздают всем подряд?

— Бой у развалин ты проиграешь, Демандред, — надменно улыбнулся М'Хаэль. — Троллоков там разобьют. Ты превосходил противника числом, причем кардинально, и все же он выигрывает! Я-то думал, ты наш величайший полководец. Как вышло, что этот сброд теснит наши ряды? Я разочарован.

Демандред небрежно поднял два пальца.

М'Хаэль вздрогнул, когда две дюжины владеющих Силой обрушили на него щиты, отсекая от Источника, опутали тесьмами Воздуха и оттащили назад. Он пробовал отбиваться, ведь его по-прежнему окружала деформирующая пространство аура энергии Темного, но Демандред

оказался быстрее. Из пылающих нитей Духа он сотворил щит Истинной Силы.

Плетение задрожало в воздухе. Каждую нить усеивали гибкие энергетические шипы, такие мелкие, что их кончики сужались до исчезающе малых размеров. Истинная Сила — изменчивая, непостоянная — опасная штука. У сплетенного из нее щита имеется необычная особенность: он пьет энергию тех, кто пробует воспользоваться квинтэссенцией Темного.

Созданный Демандредом щит похитил мощь М'Хаэля, используя его в качестве своеобразного канала. Демандред, вобрав Истинную Силу, сплел над ладонью потрескивающий шар чистой энергии. Его видел только М'Хаэль, и этот гордец широко раскрыл глаза, чувствуя, как Демандред осушает его досуха.

Все это чем-то напоминало круг. Теряя энергию, М'Хаэль, висевший в воздухе на плетениях Айяд, дрожал и обливался потом. Будь этот поток бесконтрольным, он мог бы выжечь М'Хаэля изнутри и освежевать его душу напором Истинной Силы, точно вышедшей из берегов полноводной реки. Нити в руках Демандреда извивались, потрескивали и пульсировали, искажая воздух и начиная расплетать сам Узор.

Земля у его ног покрылась паутиной крошечных трещин, ведущих в небытие.

Он приблизился к М'Хаэлю. Тот уже бился в конвульсиях, и на губах у него пузырилась пена.

— Ты прислушаешься к моим словам, М'Хаэль, — тихо начал Демандред. — Я не похож на других Избранных. Меня ничуть не интересуют ваши политические игрища. Мне нет дела, кому из вас благоволит Великий повелитель. Плевать, кого из вас поглаживает по голове Моридин. Мне нужен только Льюс Тэрин. Это моя битва. Ты принадлежишь мне. Я привел тебя к Тени, и я могу уничтожить тебя. Если помешаешь мне закончить здесь начатое, я задую тебя, как свечу. Понимаю, ты считаешь себя сильным — с украденными тобой Повелителями ужаса и теми недоучками, которые способны направлять Силу. Но на самом деле ты — дитя. Младенец. Бери своих людей, твори любой хаос, делай что хочешь, но не стой у меня на пути. И держись подальше от моей добычи. Вражеского полководца уничтожу я, и только я.

Хотя М'Хаэля била дрожь, его глаза полнились не страхом, а ненавистью. Да, этот человек всегда казался Демандреду многообещающим.

Выставив перед собой ладонь, Демандред со-

здал луч погибельного огня, вложив в него весь накопленный запас Истинной Силы. Добела раскаленный луч жидкой смерти прошелся по войскам у реки, испаряя каждого, кого коснулся. Фигуры мужчин и женщин превратились в яркие штрихи, а затем осыпались пеплом. Под тем ударом сгинули сотни людей. Луч оставил за собой длинную полосу выжженной земли, будто борозду, проделанную исполинским плугом.

— Отпустите его, — приказал Демандред, распуская щит Истинной Силы.

Обливаясь потом, М'Хаэль нетвердо попятился, но устоял на ногах. Он охнул и схватился рукой за грудь.

— Переживи эту битву. — Демандред отвернулся и начал создавать плетение, чтобы вновь призвать к себе сокола. — Если останешься жив, я, быть может, покажу тебе, как делается то, что сделал я. Допускаю, сейчас ты хочешь убить меня, но помни, что за нами наблюдает Великий повелитель. Кроме того, не забывай, что у тебя сотня ручных Аша'манов, а у меня — четыреста Айяд, и я — спаситель этого мира.

Когда он оглянулся, М'Хаэля уже не было. Он куда-то сбежал с помощью Истинной Силы. Удивительно, что он сумел воспользоваться ею после

учиненного над ним издевательства. Демандред надеялся, что ему не придется убивать этого человека. Он может оказаться весьма полезным.

— В ИТОГЕ ПОБЕДА БУДЕТ ЗА МНОЙ.

Ранд стоял лицом к порывам ветра, стоял крепко, недвижимо, выпрямившись во весь рост, и смотрел во тьму, хотя у него слезились глаза. Сколько времени он провел здесь, в этом месте? Тысячу лет? Десятки тысяч?

В тот момент он сосредоточился на одной лишь непокорности. Он не склонится перед этим ветром. Не сдастся ни на мгновение, ни на долю секунды.

— НАКОНЕЦ-ТО ВРЕМЯ ПРИШЛО.

— Что для тебя время? Ничто! — бросил Ранд.

То была истина, но не вся. На глазах у Ранда вившиеся вокруг него нити начали сплетаться в новый Узор. Пока он формировался, Ранд увидел под собой не вероятные варианты будущего, а нынешние поля сражений, где те, кого он любил, дрались за свою жизнь. Вот это была истина, вот что сейчас происходило в действительности.

Темный обернулся вокруг Узора, неспособный ни захватить его, ни уничтожить, зато он мог коснуться его. По всей длине Узора Темный запустил в него шипастые щупальца мрака. Густой тенью

лег на Узор.

При каждом прикосновении Темного к Узору время обретало для него существование. И таким образом, хотя время и не значило ничего для Темного, он (или «оно», поскольку Темный — бесполая сущность, но пусть будет «он») мог действовать только в его пределах, подобно… Подобно скульптору, чьи видения и образы невероятной красоты все равно ограничены природой материалов, с которыми он работает.

Глядя на Узор, Ранд противостоял атаке Темного. Он не двигался и не дышал. Дышать здесь не требовалось.

Там, внизу, умирали люди. Ранд слышал их крики. Столько погибших…

— В ИТОГЕ ПОБЕДА БУДЕТ ЗА МНОЙ, СОПЕРНИК. СМОТРИ, КАК ОНИ КРИЧАТ. СМОТРИ, КАК ОНИ УМИРАЮТ. МЕРТВЕЦЫ ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ.

— Ложь, — сказал Ранд.

— НЕТ. Я ПОКАЖУ ТЕБЕ.

С этими словами Темный сплел очередную вероятность, новую версию будущего, собрав воедино то, что могло быть, и втолкнул Ранда в новое видение.

Джуилин Сандар не был военачальником. Он — ловец воров, а не какой-то аристократ. Опреде-

ленно не аристократ. Он сам по себе и работает один.

Вот только теперь он оказался на поле битвы и командует целым отрядом — ведь в прошлом он, ловец воров, успешно занимался поимкой опасных людей. Нацелившись на Айз Седай, шарцы напирали на его солдат. Они сражались на западном склоне взгорка, и отряд Сандара должен был защитить Айз Седай от шарской пехоты.

Айз Седай. Как он только умудрился связаться с Айз Седай? Он, благопристойный тайренец?

— Стоять! — крикнул Джуилин солдатам. — Держать строй!

Этим криком он подбадривал и самого себя. Его отряд, вооруженный копьями и пиками, заставил шарскую пехоту отступить вверх по склону. Джуилин не понимал, зачем он здесь и почему его люди сражаются на этом участке. Он просто хотел остаться в живых!

Шарцы голосили и ругались на незнакомом языке. Владевших Силой у них хватало, но Сандару противостоял отряд, составленный из регулярных войск, которые имели самое разнообразное вооружение, но по большей части это были мечи и щиты. Землю устилали трупы, затруднявшие продвижение для обеих сторон.

В соответствии с приказом Джуилин и его люди напирали на шарские войска, в то время как Айз Седай и те враги, кто умел направлять Силу, обменивались губительными плетениями.

В руках у Джуилина было копье — оружие, которым он владел хуже, чем хотелось бы. Промеж пик Мика и Чарна ломилась группа облаченных в доспехи шарцев: офицеры в нагрудниках, непонятно зачем обернутых разноцветной тканью, а рядовые в коже, отделанной полосками металла. На спине у каждого какие-то странные узоры.

Орудуя страшной булавой, вождь шарского отряда сокрушил одного пикинера, затем другого и выкрикнул в адрес Джуилина ругательство, которого тот не понял. Зато успел сделать ложный выпад, а когда шарец вскинул щит, Джуилин вонзил копье в зазор между рукой и нагрудником, но… О Свет! Враг даже не поморщился! Вместо этого он ударил Джуилина щитом, вынудив того отступить.

Копье выскользнуло из потных пальцев. Джуилин, ругаясь, схватился за мечелом — оружие, которым владел лучше, чем копьем. Рядом, отбивая удары вражеских солдат, сражались Мик и остальные. Чарн хотел было подсобить Джуилину, но этот ополоумевший шарец жахнул его

булавой по голове, и та раскололась надвое, будто надтреснутый каштан.

— Умри, треклятый монстр! — выкрикнул Джуилин, прыгнул вперед и вонзил мечелом в шею врага, прямо над латным воротником. Другие шарцы прорывались к его позиции. Их командир упал и умер, а Джуилин отступил — и вовремя: подоспевший слева вражеский солдат едва не обезглавил его широким взмахом меча, чье острие просвистело прямо над ухом. Джуилин машинально вскинул мечелом, и меч противника разломился надвое. Осталось прикончить неприятеля, полоснув его по горлу лезвием клинка, что Джуилин и сделал, после чего нагнулся за копьем.

Вокруг терзали землю огненные шары, запущенные Айз Седай, что стояли позади Джуилинова отряда, и шарцами, оседлавшими Половский взгорок. Земля набилась Джуилину в волосы и комьями прилипла к окровавленным рукам.

— Держать строй! — крикнул он своим. — Держать строй, чтоб вам сгореть!

Джуилин атаковал очередного шарца, который оказался перед ним. Какой-то пикинер вовремя поднял свое оружие, ударив врага в плечо, и Джуилин вонзил копье в грудь, закрытую кожаным

доспехом.

Воздух дрожал, в ушах звенело из-за взрывов. Джуилин попятился, не переставая выкрикивать приказы.

Его здесь не должно быть. Он должен быть где-нибудь в тепле, рядом с Аматерой, и раздумывать, какого бы преступника изловить следующим.

Ему пришло в голову, что каждый на этом поле должен быть не здесь, а где-то еще. А для этого надо победить. Иных вариантов нет.

* * *

«Черное вам к лицу», — сообщил Андрол Певаре, продвигаясь через ряды вражеской армии, расположившейся на вершине Половского взгорка.

«Такие слова, — отозвалась она, — не следует произносить в адрес Айз Седай. Никогда-никогда. Вообще никогда».

Единственным его ответом была скользнувшая по узам нервозность. Вполне понятное чувство. Они — под прикрытием инвертированных плетений Маски зеркал — шагали среди приспешников Темного, шарцев и отродий Тени. И пока что у них все получалось. Белое платье Певары под черным плащом не было частью плетения, но

любой, заглянув ей под капюшон, увидел бы лицо Алвиарин, сестры из Черной Айя. Что касается Теодрин, та приняла обличье Рианны.

Андрол и Эмарин превратились в Ненсена и Каша, прихлебателей Таима. Джоннет — замаскированный под неприметного друга Темного — совершенно не походил на себя, отлично справляясь с ролью лодыря-оруженосца. Никто не заподозрил бы, что под личиной человека с хищной физиономией, нервным взглядом и сальными волосами скрывается дружелюбный парень из Двуречья.

Скорым шагом они двигались вдоль тыловых рядов армии Тени. Троллоки тащили на передовую связки стрел; другие, покинув строй, пировали на грудах трупов. Вид бурлящих котлов поверг Певару в изумление. Перерыв на обед? Сейчас, в разгар битвы?

«Не у всех, — откликнулся Андрол. — Такое — обычное явление и в человеческих армиях, хотя подобные моменты не воспевают в балладах. Битва длится весь день, и солдатам необходимо подкреплять свои силы. Обычно все проходит в три смены. Сначала сражаешься на передовой, потом находишься в резерве, а потом тебя отводят передохнуть — убредаешь подальше от

схватки и стараешься по-быстрому перекусить и урвать немного сна. Затем опять твой черед возвращаться на передний край».

В прошлом Певара представляла себе войну совершенно иначе. Думала, что каждый полностью посвящает себя битве. Однако реальное сражение — это не один рывок изо всех сил, а долгий, неспешный, изматывающий бег трусцой.

День уже клонился к вечеру. На востоке, у подножия взгорка, вдоль пересохшего русла в обе стороны тянулись боевые порядки войск. Там обменивались ударами многие тысячи людей и троллоков, коих насчитывалось предостаточно, в то время как другие исчадия Тени возвращались на вершину, чтобы подкрепиться и поспать — вернее, провести какое-то время в бессознательном состоянии.

Певара не присматривалась к варочным котлам, но Джоннет, заметив томившиеся в густой подливе части тел, упал на колени, и его вывернуло наизнанку под насмешливое уханье проходивших мимо троллоков.

«Почему они так рвутся на другой берег реки? — мысленно спросила Певара у Андрола. — Ведь здесь, на вершине, более выгодная позиция».

«Может, и выгодная, — откликнулся Андрол, —

но Тень нападает, а не защищается. Если ее войска останутся здесь, это сыграет на руку Коутону. Демандреду нельзя ослаблять натиск на силы Света, а для этого необходимо перейти реку».

Выходит, Андрол и в тактике разбирается. Любопытно…

«Нахватался по верхам, — пояснил он. — Но в обозримом будущем вести армию в бой я не готов».

«Трудно представить, Андрол, сколько жизней вы прожили».

«Странно слышать такое от женщины, которая мне в прапрабабки годится».

Они продолжали путь по восточной стороне возвышенности. Вдалеке, на западе, к вершине пробивались Айз Седай, но пока что Половский взгорок крепко удерживали войска Демандреда, и здесь, на востоке, кишмя кишели троллоки. Некоторые неуклюже кланялись Певаре и ее спутникам; другие, свернувшись калачиком, спали на камнях — без одеял и без подушек, но с оружием под рукой.

— Не назвал бы эту картину многообещающей, — тихо молвил под своей маской Эмарин. — Вряд ли Таим станет действовать сообща с троллоками больше, чем того требует необхо-

димость.

— Глянь вперед, — сказал Андрол. — Вон туда.

Наверху, отдельно от троллоков, расположилась группа шарцев в непривычной на вид униформе. Их доспехи были обернуты тканью так, что металл виднелся только на спине, хотя по очертаниям было ясно, что под материей находятся кирасы. Певара посмотрела на спутников.

— Среди них вполне может быть Таим, — сказал Эмарин. — По крайней мере, там пахнет куда менее скверно, чем здесь, среди троллоков.

Певара не обращала внимания на вездесущую вонь. Не обращать внимания на жар и холод, а заодно и на сильные запахи она научилась много лет назад. Однако после слов Эмарина отголоски зловония просочились через ее защитные барьеры, и Певара поспешила отогнать их. Запах тут стоял невыносимый.

— Шарцы нас пропустят? — спросил Джоннет.

— Скоро узнаем, — ответила Певара и направилась к означенным шарцам; остальные последовали ее примеру.

Стоявшие в оцеплении шарские караульные с тревогой посматривали на троллоков. Должно быть, так и не научились видеть в них союзников, и этот альянс — или как он там называется

— не вызывал у них особого восторга. Солдаты из Шары не пытались скрывать свое отвращение, а многие, спасаясь от жуткого запаха, прикрывали нос повязанным на лицо платком.

Когда Певара проходила мимо, человек в доспехах из медных колец — она решила, что это, наверное, офицер или кто-то из знати, — шагнул ей навстречу, но опешил, напоровшись на отработанный многолетней практикой взгляд Айз Седай. «Уймись, — говорил этот взгляд. — Я тебе не ровня». Сработал он прекрасно, и они беспрепятственно миновали караульных.

В лагере шарского резерва царил порядок. Здесь отдыхали те, кто сменялся после боя на западе с силами Белой Башни. В той стороне бушевали плетения, и они привлекали внимание Певары, будто яркие огни.

«Что думаете?» — спросил Андрол.

«Надо с кем-нибудь поговорить. Поле битвы слишком велико, и мы не найдем Таима без подсказки».

Андрол ответил согласием. В который раз Певара пришла к выводу, что их узы мешают сосредоточиться. Ей приходилось обуздывать не только собственную нервозность, но еще и справляться с эмоциями Андрола, что копоши-

лись где-то в глубине ее сознания и пытались выползти оттуда, и Певара усиленно сдерживала их, используя освоенные в Башне дыхательные упражнения.

Она остановилась посреди лагеря и осмотрелась, думая, к кому бы обратиться за нужными сведениями. Подойти к слуге — а Певара вполне могла отличить слуг от знати — не так опасно, но даст ли это нужный результат? Возможно, если…

— Эй, ты!

Певара вздрогнула и обернулась.

— Тебя здесь быть не должно. — Пожилой шарец был совершенно лыс и носил короткую седую бороду. Над плечами у него виднелись два меча — они висели крест-накрест за спиной и имели рукояти, сработанные в виде змеиных голов. В руке старик держал посох со странными отверстиями по всей длине. Что-то наподобие флейты.

— Пойдем, — сказал он с таким тяжелым акцентом, что Певара едва поняла, о чем речь. — Дивий захочет увидеть тебя.

«Кто такой Дивий?» — мысленно спросила Певара у Андрола.

Тот покачал головой. Как видно, он тоже ничего не понимал.

«Все это может закончиться самым печальным

образом».

Старик остановился чуть поодаль. У него был недовольный вид. Что он станет делать, если они откажутся? Певара задумалась, не пора ли открыть переходные врата для бегства.

«Последуем за ним, — подумал Андрол и пошел вперед. — Чтобы найти тут Таима, надо с кем-нибудь поговорить».

Другие Аша'маны присоединились к нему. Певара нахмурилась и догнала товарищей. «По-моему, мы решили, что командовать буду я», — сердито указала она Андролу.

«Нет, — отозвался он, — по-моему, мы решили, что вы сделаете вид, будто командуете».

Она ответила взвешенной толикой холодного недовольства: дескать, разговор еще не окончен.

«Вы что, мысленно прожгли меня взглядом? — с веселым изумлением спросил Андрол. — Впечатляет».

«Мы сильно рискуем, — ответила Певара. — Этот человек может привести нас куда угодно».

«Запросто», — согласился Андрол. Внутри его разгорался огонь, о котором Певара прежде лишь подозревала.

«Вам так сильно нужен Таим?»

«Да. Очень нужен», — подтвердил он.

Певара кивнула.

«Вы понимаете меня?» — спросил Андрол.

«Он забрал не только ваших друзей, Андрол, но и моих подруг, — ответила она. — У меня на глазах. Но давайте будем осторожны. Пока что не время идти на серьезный риск».

«Миру приходит конец, Певара, — возразил Андрол. — Когда еще рисковать, если не сейчас?»

Спорить она не стала. Вместо этого задумалась об охватившей его целеустремленности. Забрав друзей Андрола и Обратив их к Тени, Таим пробудил в нем нечто новое.

Следуя за стариком-шарцем, Певара сообразила, что не до конца понимает чувства Андрола. Да, она тоже потеряла Айз Седай, которых знала и с которыми дружила, но Эвин… Эвин — совсем другое дело. Он доверял Андролу. Верил, что тот не даст его в обиду.

Старик привел их к большой группе людей, многие из которых были в богатых одеждах. Оружия Певара не заметила. Как видно, высшая шарская знать не участвовала в сражении. Расступаясь перед пожилым проводником, некоторые с презрительной усмешкой поглядывали на его мечи.

Джоннет с Эмарином шагали справа и слева

от Певары и Теодрин, будто телохранители, и, держась за рукояти мечей, окидывали шарцев внимательными взглядами. Певара подозревала, что оба удерживают Единую Силу — что вполне естественно для Повелителей ужаса, оказавшихся среди союзников, которым они доверяют не в полной мере. В подобной защите Певара не нуждалась, но… Жест, конечно, приятный. Она всегда думала, что обзавестись Стражем было бы весьма полезно, да и в Черную Башню отправилась, намереваясь взять в Стражи сразу нескольких Аша'манов. Быть может…

«Кто вы такая? — тут же ревниво подумал Андрол. — Зеленая с целой свитой подхалимов?»

«Почему бы и нет?» — мысленно улыбнулась Певара.

«Для вас они слишком молоды, — ответил он. — Джоннет — так уж точно. И Теодрин не отдаст его без боя».

«Речь о том, чтобы связать их узами, — объяснила Певара, — а не затащить в постель. Честное слово, Андрол… К тому же Эмарин предпочитает мужчин».

«Да ну?» — оторопел Андрол.

«Ну конечно. Трудно поверить, что вы этого не заметили».

Андрол ответил смятением. Какие же они слепцы порой, эти мужчины! Даже те, кому свойственна наблюдательность, — такие как Андрол.

Оказавшись среди разнаряженных шарцев, Певара обняла Единую Силу. Успеет ли она открыть переходные врата, если что-то пойдет не так? Местности она не знала, но при Перемещении на небольшое расстояние это не имеет значения. Певаре казалось, что она подошла к виселице и рассматривает свисающую с перекладины петлю, прикидывая, годится ли эта петля для ее шеи.

В центре группы раздавал приказы рослый мужчина в броне из серебристых дисков с отверстиями посередине. На глазах у Певары к нему подлетела чашка с какой-то жидкостью.

«Певара, он направляет Силу», — напрягся Андрол.

Значит, Демандред? Должно быть, это он. Певара позволила теплой и яркой волне саидар смыть ненужные эмоции. Пожилой проводник шагнул к Демандреду и что-то ему прошептал. Несмотря на обостренный благодаря саидар слух, Певара не услышала ни слова.

Демандред повернулся к новоприбывшим:

— Что такое? Неужели М’Хаэль успел забыть о моих приказах?

Андрол упал на колени. Остальные поступили точно так же — включая Певару, хотя при этом она вскипела от злости.

— Великий, — начал Андрол, — мы просто…

— Довольно оправданий! — взревел Демандред. — Довольно игр! М'Хаэль должен собрать всех своих Повелителей ужаса и уничтожить силы Белой Башни. Если увижу, что хоть кто-то из вас отлынивает от битвы, то пожалеете, что вас не скормили троллокам!

Андрол энергично закивал и принялся пятиться. Плети Воздуха Певара не увидела, хотя узы позволили ей почувствовать, как та больно хлестнула Андрола по лицу. Остальные тоже удалились следом за Андролом, смиренно понурив головы.

«Это было глупо и опасно», — упрекнула Певара Андрола.

«И действенно, — добавил Андрол, глядя вперед и зажимая кровоточащую рану на щеке. — Теперь нам точно известно, что Таим на поле боя. И мы знаем, где его найти. Вперед».

Галад продирался сквозь весь этот кошмар. Он знал и понимал, что Последняя битва может обернуться концом всего мира, но сейчас… Сейчас он это чувствовал.

Стремясь поразить противника, те, кто владел Силой, обменивались смертоносными плетениями, и Половский взгорок содрогался от беспрестанных атак. Молнии ударяли вокруг так часто, что Галад почти оглох, а воспаленные глаза слезились от ярких вспышек.

Впереди прогремели сразу несколько взрывов, и Галад едва успел укрыться, зарывшись плечом в рыхлую землю на склоне холма. Его спутники — двенадцать человек в изорванных белых плащах — сделали то же самое.

Силы Белой Башни изнывали под вражескими атаками, но и шарцам приходилось несладко. Тех, кто владел Силой, здесь было очень много, и мощь, которую они вместе обрушивали друг на друга, была просто-таки невероятна.

Здесь, на западном склоне, сошлись основная часть пехоты Белой Башни с многочисленным войском шарцев. Держась на периферии сражения, Галад высматривал среди врагов тех, кто действовал Единой Силой, — одиночек или входивших в состав небольших отрядов. Тут на многих участках боевые порядки с обеих сторон были нарушены, рассыпавшись на разрозненные группы. Неудивительно: при обмене настолько мощными ударами держать единый строй прак-

тически невозможно.

Повсюду сновали солдаты, пытаясь найти укрытие в оставшихся от взрывов воронках среди камней. Были и другие отряды, которые защищали небольшие группки владеющих Силой, что уничтожали вражескую пехоту огнем и молниями.

На них-то и охотился Галад.

Мечом он указал на троицу шарок, засевших у самой вершины Половского взгорка. Он и его люди уже успели преодолеть половину склона.

Три. Три противницы — это непросто. Женщины заметили невдалеке отряд людей, на форме которых была эмблема Пламени Тар Валона, и неудачливых солдат поразила молния.

Галад поднял руку с четырьмя оттопыренными пальцами. План номер четыре. Выскочив из укрытия, он бросился к трем женщинам из Шары. Остальные досчитали до пяти и последовали за командиром.

Женщины заметили его. Жаль. Было бы куда лучше, гляди они в другую сторону. Одна вскинула руку, призвала Огонь и запустила в Галада тесьмой пламени. Плетение ударило его, и он даже успел почувствовать жар, но оно тут же распустилось, и огонь развеялся. Если не считать

легких ожогов, Галад остался цел и невредим.

Шарка изумленно раскрыла глаза. Это выражение лица… Галад начал к нему привыкать. Такое лицо бывает у солдата, чей клинок сломался в самом разгаре боя. Или у человека, увидевшего то, чего не бывает. Что случится, если ты останешься без Единой Силы — которая делала тебя исключительным, на которую ты полагался и которая возвышала тебя над обычными людьми?

Ты умрешь. Галад обезглавил первую женщину, в то время как вторая пыталась спеленать его плетением Воздуха. Металл на груди похолодел, и Галад ощутил, как его обдало порывом ветра.

«Скверный выбор», — подумал он и вонзил меч в грудь второй женщине. Третья — она оказалась умнее остальных — запустила в него здоровенным камнем. Галад приподнял было щит, и тяжелый осколок скалы врезался в руку и отбросил его назад. Женщина подхватила еще один булыжник, но распорядиться им не успела. Ее зарубили люди Галада.

Он запрокинул голову и перевел дух. От того места, куда попал камень, по всему телу растекалась боль. Галад сел и застонал. Его спутники кромсали тело третьей шарки на куски. Такой доскональности не требовалось, но у некоторых

Чад имелись странные представления о способностях Айз Седай. Совсем недавно Галад видел, как Лэйрд отрубил мертвой шарке голову и закопал ее отдельно от тела, утверждая, что в ином случае при следующем полнолунии эта женщина вернется к жизни.

Покончив с одной, Чада занялись остальными двумя, а подошедший Голевер протянул Галаду руку.

— Чтоб мне сгореть! — воскликнул он с ухмылкой во всю бородатую физиономию. — Если это не самая славная наша работа, милорд капитан-командор, даже не знаю, что и сказать!

— Мы делаем, что должны, Чадо Голевер, — поднялся на ноги Галад.

— Вот бы почаще таким заниматься! Ведь именно этого Дети Света ждали уже несколько веков. А ты первый, при ком это случилось. Да осияет тебя Свет, Галад Дамодред. Да осияет тебя Свет!

— Пусть лучше Свет осияет тот день, когда людям больше не потребуется убивать других, — устало молвил Галад. — Нам не пристало находить радость в чужой смерти.

— Ну конечно, милорд капитан-командор, — подтвердил Голевер, ухмыляясь шире прежнего.

Галад обвел глазами кровавое столпотворение

на западном склоне взгорка. Да ниспошлет Свет, чтобы Коутон хоть что-то понимал в этой битве, поскольку сам Галад не видел в ней совершенно никакой логики.

— Лорд капитан-командор! — испуганно вскрикнули за спиной, и Галад развернулся, взявшись за рукоять меча.

— В чем дело, чадо Алганра? — спросил он у длинного и тощего разведчика, когда тот подбежал к нему. Лошадей у них не было. Отряд Галада свою битву вел на склоне, а лошади пугаются молний, так что лучше довериться собственным ногам.

— Вам надо это видеть, милорд, — сказал Алганра, тяжело дыша. — Там… Там ваш брат.

— Гавин?

Невозможно. «Нет, — подумал Галад. — В этом нет ничего невозможного. Гавин там, где Эгвейн, а она сражается где-то здесь». С этой мыслью Галад побежал за Алганрой, а Голевер и остальные последовали за ним.

В расселине меж двумя скалами лежал Гавин, с пепельно-серым лицом. Неподалеку щипал траву конь, по чьему боку стекала струйка крови. Судя по виду, кровь принадлежала не животному. Галад опустился на колени подле тела юноши.

Гавин принял не самую легкую смерть. Но как же Эгвейн?

— Мир, брат. — Галад положил руку на мертвое тело. — Пусть Свет да…

— Галад, — прошептал Гавин, распахнув глаза.

— Гавин? — промолвил потрясенный до глубины души Галад.

Его брат получил смертельную рану в живот. На пальцах у него какие-то странные кольца. Повсюду кровь… на руке, на груди, по всему телу…

Как вышло, что он до сих пор жив?

«Узы Стража», — понял Галад, склонился над расселиной и подхватил брата.

— Надо отнести тебя на Исцеление! К какой-нибудь Айз Седай.

— Галад… У меня не вышло. — Пустыми глазами Гавин смотрел в небо.

— Ты молодец!

— Нет. Я не справился. Надо было… Надо было остаться с ней. Я убил Хаммара. Ты знал об этом? Это я его убил. О Свет… Надо было выбрать сторону…

С братом на руках Галад побежал вниз по склону — туда, где находились Айз Седай, — стараясь защитить Гавина от вражеских плетений. Но через несколько мгновений земля вспучилась и

разбросала Детей Света в стороны. Не устояв на ногах, Галад уронил Гавина и упал рядом с ним.

Гавин дрожал. Его глаза смотрели в пустоту.

Галад подполз к нему, хотел было снова взять на руки, но Гавин схватил его за рукав и посмотрел брату в глаза:

— Я и правда любил ее, Галад. Так ей и передай.

— Если вы по-настоящему связаны узами, она уже все знает.

— Ей будет больно, — сказал Гавин, едва шевеля бледными губами. — В итоге я не справился. Не смог его убить.

— Его? Кого?

— Демандреда, — прошептал Гавин. — Я пытался сразить его, но умения не хватило. Мне никогда… не хватало… умения…

Галаду сделалось очень холодно. Он видел, как умирают люди, и не раз терял друзей, но таких страданий прежде не испытывал. О Свет, как же больно! Он любил брата, любил всем сердцем — и Гавин, в отличие от Илэйн, отвечал ему взаимностью.

— Я отнесу тебя в безопасное место, Гавин. — Поднимая его, Галад с изумлением понял, что в глазах у него стоят слезы. — Не хочу, не желаю

остаться без брата!

— Не останешься. — Гавин закашлялся. — У тебя, Галад, есть еще один брат. Ты о нем не знаешь. Это сын… Тигрейн… которая ушла в Пустыню… Сын Девы… Рожденный на Драконовой горе…

«Ох, Свет!»

— Не надо ненавидеть его, Галад, — шептал Гавин. — Я всегда ненавидел его, но перестал. Я… перестал…

Его глаза застыли, остекленели.

Галад прощупал пульс, а затем сел на землю, не отводя глаз от мертвого брата. Из-под повязки на боку, наложенной на скорую руку самим Гавином, сочилась кровь, и почва жадно впитывала ее.

Подошел Голевер. Он поддерживал угодившего под удар молнии Алганру, чье лицо почернело, а от обгоревшей одежды разило дымом.

— Уводи раненых, Голевер, — вставая, сказал Галад, потом коснулся висевшего на груди медальона. — Забирай всех наших и уходи в безопасное место.

— А ты, лорд капитан-командор? — спросил Голевер.

— Я сделаю то, что должно быть сделано. — Галад был холоден, как сталь на морозе. — Принесу

Свет в пределы Тьмы и призову Отрекшегося к ответу.

Нить жизни Гавина оборвалась.

Эгвейн покачнулась и замерла посреди поля сражения. Ее словно чего-то лишили. Внутри стало пусто. Будто в тело вдруг вонзился нож, вырезал ту его часть, что была связана с Гавином, и не оставил после себя ничего, кроме пустоты.

Эгвейн закричала и упала на колени. Нет. Нет, не может быть. Она же чувствовала, что Гавин впереди, совсем недалеко! Она бежала к нему, она могла… могла…

Его не стало.

Эгвейн взвыла, открывая себя Единой Силе, зачерпывая столько, сколько могла удержать, и превратила ее в стену пламени, которую направила в шарцев, которые рыскали теперь повсюду. Совсем недавно они удерживали склон возвышенности против наступавших снизу Айз Седай, но теперь, когда ряды перемешались, началось форменное безумие.

Сжимая в руках са'ангриал Воры, Эгвейн яростно ударила по врагам Единой Силой. Она их уничтожит! О Свет! Больно. Как же больно…

— Мать! — схватила ее за руку Сильвиана. — Ты себя не контролируешь! Так ты перебьешь своих,

мать. Умоляю, хватит!

Эгвейн прерывисто дышала. Неподалеку по склону спускалась группа белоплащников с ранеными на руках.

Так близко… Ох, Свет! Гавин мертв!

— Мать?

Эгвейн едва слышала голос Сильвианы. Коснувшись лица, она обнаружила на щеках слезы.

В прошлом она храбрилась. Твердила, что продолжит бой, невзирая на потерю. Какая наивность… Она позволила огню саидар внутри себя погаснуть, и вместе с ним душу покинула жизнь. Эгвейн завалилась набок и вскоре почувствовала, как ее, подхватив на руки, уносят — через переходные врата, прочь с поля сражения.

Кто бы мог подумать, что последним выстрелом Тэм спасет белоплащника? Но как есть, так есть. Получив стрелу в глаз, троллок с волчьей мордой попятился и пошатнулся, но упал он лишь после того, как молокосос в белом табаре восстал из грязи и рубанул монстра по ногам.

Люди Тэма разместились на мостках, устроенных вдоль палисада, — оттуда они обстреливали троллоков, хлынувших по речному дну на другой берег. Чудовищ стало меньше, но все равно их было слишком много.

До сего момента битва шла неплохо. Объединенные силы Тэма стойко удерживали шайнарский берег. Ниже по реке натиску троллоков противостояли знаменные отряды арбалетчиков, тяжелые конники и Легион Дракона. То же самое происходило и здесь, ближе к устью — лучники, пехотинцы и кавалерия не давали троллокам перейти через русло, — но стрелы подходили к концу, и Тэму пришлось увести людей в относительно безопасное укрытие за частоколом.

Он глянул вбок. Абелл качнул своим луком и пожал плечами. Стрелы закончились. По всем мосткам двуреченцы поднимали бесполезные луки. Нет стрел.

— И не будет, — тихо сказал Абелл. — Тот парень сказал, что на складе шаром покати.

У реки отчаянно дрались белоплащники вперемешку с волчьими гвардейцами Перрина, но троллоки, нанося удар за ударом, теснили их к палисаду. Чудовища охватили войска Света с трех сторон, а только что подоспевший четвертый отряд замыкал окружение. Ближе к развалинам реял стяг Гэалдана. Там держали позицию Арганда, Нурелль и остатки Крылатой гвардии Майена.

В любом другом сражении Тэм велел бы своим

беречь стрелы, чтобы было чем прикрыть отступление, но сегодня… Сегодня об отступлении речь не шла, и приказ обстреливать врага виделся ему единственно верным. За несколько часов боя парни не спеша перебили несколько тысяч троллоков.

Но кто такой лучник без лука? «Все еще двуреченец, — подумал Тэм, — не желающий проиграть эту битву».

— Спускайтесь с мостков, берите оружие и стройтесь! — крикнул он своим ребятам. — Луки оставьте здесь. Заберем, когда принесут новые стрелы.

Новых стрел не будет, но двуреченцы предпочитали делать вид, что еще вернутся к привычному оружию. С копьями, топорами, мечами, а некоторые даже с косами, они, памятуя Тэмову науку, построились в отряды. Тем, кому достался меч или топор, выдали по щиту, и всех обеспечили добротными кожаными доспехами. А вот с пиками, увы, было совсем худо: почти все они ушли на снаряжение тяжелой конницы.

— Смыкаем ряды, — сказал Тэм. — Образуем два клина, после чего врезаемся в троллоков, которые окружили белоплащников.

Правильней всего — вернее сказать, ничего

лучшего Тэму не придумалось, — будет ударить по тем троллокам, которые только что обошли белоплащников с тыла, рассеять их ряды и помочь Детям Света вырваться из окружения.

Парни ответили кивками, хотя вряд ли они разбирались в тактике. Ну да ладно. Главное, чтоб дисциплинированно держали строй, как учил их Тэм.

Они побежали вперед, и Тэму вспомнилось другое сражение, другое поле боя. Пронизывающий сильный ветер и хлесткий, секущий лицо снег. В каком-то смысле там все и началось. А закончится здесь.

На острие первого клина — во главе второго он поставил Деоэна, уроженца Дивен Райд, служившего в андорской армии, — Тэм повел людей вперед, да побыстрее, чтобы никто — в том числе и он сам — не задумывался о том, что сейчас начнется.

Приближаясь к огромным троллокам с их мечами, алебардами и боевыми топорами, Тэм погрузился в пустоту и в пламя. Нервозности как не бывало. Все эмоции испарились. Из ножен с нарисованными на них драконами он выхватил меч — подарок Ранда. Столь великолепное оружие ему встретилось впервые. Узоры

на поверхности металла шептали о древнем происхождении. Превосходный клинок казался слишком хорошим для Тэма. Заслуженно ли достался ему этот меч? Так Тэм думал о любом мече, который попадал ему в руки.

— Помните — держать строй! — крикнул он своим. — Не дайте им расчленить вас на небольшие группы! Случись кому-то упасть, другой из следующего ряда немедленно занимает его место, а третий утаскивает павшего к центру клина!

Ему снова ответили кивками. Отряд Тэма врезался в задние ряды троллоков, окруживших Детей Света у пересохшей реки.

Вклинился и, не останавливаясь, пошел в гущу врагов. Здоровенные троллоки, начав разворачиваться, приняли бой.

Фортуона отмахнулась от со'джин, пытавшейся переодеть ее в новое царственное облачение. От императрицы пахло дымом. Пожар оставил на предплечьях несколько ожогов. Хотя Фортуона, как и некоторые ее подданные, изменила отношение к целительным плетениям, она по-прежнему считала, что императрице негоже принимать Исцеление от рук дамани. Кроме того, раны не настолько серьезные.

Преклонивших перед ней колени Стражей

Последнего часа надо будет как-то наказать. Уже второй раз они прозевали убийцу; и пусть она не видела в этом их вины, избавить этих парней от взыскания — все равно что обесчестить. У Фортуоны сжималось сердце, но она хорошо понимала, что нужно сделать.

Приказ она отдала самолично. Вообще-то огласить его должна была Селусия, но сейчас ей залечивали раны, а Карид заслужил эту небольшую честь: выслушать приказ о своей казни из уст самой императрицы.

— Все, кто был сегодня на посту, отправятся к вражеским марат'дамани и вступят с ними в бой, — обратилась к нему Фортуона. — Проявите героическую доблесть во славу империи и убейте как можно больше марат'дамани у врага.

Карид заметно расслабился. Ему разрешили продолжить службу; если бы выбор предоставили ему самому, он, скорее всего, бросился бы на собственный меч. Можно считать, что Фортуона пощадила его.

Она отвернулась от человека, который заботился о ней в юности, который поступил вопреки всему, чего от него ожидали, — только ради нее. Позже Фортуона найдет способ искупить этот свой вынужденный поступок. Теперь же она

могла лишь дать Кариду шанс сохранить лицо.

— Дарбинда, — повернулась она к женщине, продолжавшей настаивать, чтобы ее называли Мин, несмотря на почетное новое имя, дарованное ей Фортуоной. На древнем наречии оно означало «Живописующая». — Ты спасла мою жизнь. И вероятно, жизнь Принца воронов. Нарекаю тебя Высокородной, Провидица, и пусть твое имя чтят в грядущих поколениях.

Дарбинда скрестила руки на груди. Они с Кнотаем так похожи! Застенчивые упрямцы, эти обитатели континента. И они еще гордятся — подумать только, гордятся! — своим низким происхождением. Уму непостижимо.

Кнотай, рассевшись на соседнем пеньке, принимал донесения и отдавал короткие приказы. Битва Айз Седай на западном склоне взгорка низвергалась в хаос. Кнотай посмотрел в глаза Фортуоне — их разделяло совсем небольшое расстояние — и подкрепил этот взгляд единственным кивком.

Если здесь есть шпион — а не будь это так, Фортуона изрядно удивилась бы, — тогда его пора направить по ложному следу. Вокруг собрались все, кто выжил при нападении на штаб. Фортуона настояла, чтобы все держались поблизости

— дабы, дескать, вознаградить отличившихся и наказать малодушных, — и теперь ее слово слышали все слуги, телохранители и особы благородного звания.

— Кнотай, — произнесла она, — нам еще предстоит кое-что обсудить. Вопрос в том, как мне обойтись с тобой. За безопасность императрицы отвечает Стража Последнего часа, но охрана и оборона лагеря возложена на тебя. Если ты предполагал, что наш командный пункт находится под угрозой, почему не высказал своих подозрений заранее?

— Проклятье! Хочешь сказать, что это я виноват? — Кнотай вскочил и жестом велел разведчикам умолкнуть.

— Я передала тебе командование, — напомнила Фортуона. — Вкупе с полной ответственностью за подобные происшествия. Разве нет?

Стоявший неподалеку генерал Галган нахмурил брови, поскольку придерживался иного мнения, но остальные принялись бросать на Кнотая укоряющие взгляды. Придворные лизоблюды; они готовы обвинить его хотя бы потому, что Кнотай не был рожден подданным империи Шончан. Даже не верится, что он так быстро заручился поддержкой Галгана. Или же генерал

нарочно демонстрирует свои чувства? Неужели он шпионит для врага? Быть может, это он манипулировал Сюрот? Или просто его держали про запас, на случай ее неудачи?

— Я не приму на себя вину за это, Туон, — заявил Кнотай. — Проклятье! Ты же сама настояла, что будешь наблюдать за битвой из этого лагеря! Хотя могла бы остаться в безопасном месте!

— Пожалуй, так и следовало поступить, — ледяным тоном ответила Фортуона. — Вся эта битва — сплошная катастрофа. Ты постоянно теряешь позиции, остришь, разглагольствуешь, не соблюдаешь надлежащих формальностей и условностей. По-моему, ты не подходишь к делу с той серьезностью, каковая подобает человеку твоего положения.

Кнотай расхохотался. Громко и искренне. Что-что, а хохотать он умел. Фортуона надеялась, что никто, кроме нее, не заметил двух столбов дыма, поднимавшихся над Половским взгорком прямо за спиной у Кнотая. Подходящее для Кнотая знамение: чем рискованнее ставка, тем крупнее выигрыш. Или проигрыш.

— Все, разговор окончен, — махнул рукой Кнотай. — Ты и твои треклятые шончанские правила только мешаете, в ногах у меня путаетесь.

— В таком случае с меня тоже хватит, — вздернула подбородок Фортуона. — Нам не следовало вступать в эту битву. Лучше готовились бы к защите своих земель на юго-западе. Я не позволю тебе разбрасываться жизнью моих солдат.

— Так уходи, — прорычал Кнотай. — Без тебя обойдусь.

Фортуона резко развернулась.

— Пойдемте, — обратилась она к остальным. — Соберите наших дамани. Все, кроме этих Стражей Последнего часа, Переместятся в наш лагерь у реки Эринин, а оттуда мы вернемся в Эбу Дар. Там мы и вступим в настоящую Последнюю битву — после того, как эти глупцы обескровят армию отродий Тени.

Ее люди последовали за ней. Убедительно ли Фортуона сыграла эту роль? Шпион должен был видеть, как она обрекла на смерть людей, которые любят ее. Придет ли он к выводу, что императрице свойственны взбалмошные поступки? Настолько безрассудные и себялюбивые, что она способна лишить Кнотая военной поддержки? Похоже, все выглядело правдоподобно. В какой-то мере и самой Фортуоне хотелось поступить именно так: уйти отсюда и принять бой на юге.

Но для этого, разумеется, надо забыть о рас-

колотых небесах, дрожащей земле и схватке Дракона Возрожденного. А с такими знамениями не шутят.

Этого шпион не знал. Он не мог знать, что у Фортуоны на уме. Шпион видел лишь молодую женщину, в достаточной мере сумасбродную, чтобы противостоять Тени без союзников. По крайней мере, она надеялась, что это так.

* * *

Темный оплел Ранда паутиной вероятных вариантов будущего.

Ранд знал, что эта схватка между ними — борьба за то, что может случиться, — жизненно важна для Последней битвы. Он не мог сплести будущее. Ведь он — не Колесо и даже не подобие Колеса; даже после всего пережитого он остался обычным человеком.

И все же он олицетворял надежду людей мира. У человечества есть судьба, но в то же время есть и возможность выбора, предопределяющая эту судьбу. Путь, по которому пойдут люди… Этот путь зависит от исхода нынешней дуэли, столкновения воли Ранда с волей Темного. Пока что любая возможность оставалась эфемерной вероятностью; но если проиграть, враг сможет

выбрать для человечества будущее по своему усмотрению.

— УЗРИ, — сказал Темный. Линии света сошлись воедино, и Ранд ступил в следующий мир. Этого мира не существовало, но в самом скором времени он мог обрести реальность.

Ранд бросил хмурый взгляд на небо. В этом видении оно не было красным, и пейзаж оставался узнаваемым. Ранд оказался в Кэймлине — город был знакомым, хотя имелись и отличия. И еще какие отличия! Среди пешеходов и запряженных лошадьми повозок по улицам грохотали паровые фургоны.

Стоя на вершине центрального холма, Ранд видел, что город выплеснулся за пределы новой стены. Он видел даже место, где Талманес пробил в стене брешь для бегства. Стену так и не заделали. Там, где некогда город окружали поля, теперь выросли здания.

Не переставая хмуриться, Ранд развернулся и зашагал по улице. Что за игру затеял Темный? Разве может так быть, чтобы в его картину мира укладывался этот город, вполне нормальный и даже процветающий, с опрятными жителями, которых, похоже, никто не угнетает? Ранд не видел здесь ни намека на безнравственность,

характерную для прежнего мира, показанного ему Темным.

С любопытством он подошел к прилавку с разложенными фруктами. Стройная торговка дружелюбно улыбнулась ему и широким жестом обвела свои товары:

— Милости просим, любезный господин. Меня зовут Ренель, а моя лавка — второй дом для тех, кто ищет лучшие фрукты со всего мира. А вот и свежие персики из самого Тира!

— Персики?! — ужаснулся Ранд. Всем известно, что любые персики — смертельная отрава.

— Ха! Не пугайтесь, любезный! Из них удалили весь яд, и теперь эти плоды не опаснее меня, уж поверьте! — В подтверждение своих слов женщина с улыбкой надкусила персик, но тут из-под прилавка выскользнула немытая рука. Там прятался беспризорник, которого Ранд прежде не заметил.

Мальчишка цапнул какой-то красный фрукт — такие плоды Ранд видел впервые — и припустил прочь. Он был такой худющий и изголодавшийся, что на тщедушной спине проступали ребра, а ноги у него были как лучинки, и просто чудо, что мальчуган вообще мог ходить.

Не переставая мило улыбаться Ранду, женщина

выхватила из-за пояса металлическую трубку с рычажком на боку, направила ее на мальчугана и нажала пальцем на рычажок. Бах!

Брызнула кровь, и беспризорник упал ничком. Огибая распростертое тело, люди шагали по своим делам, хотя один, окруженный телохранителями, все же поднял фрукт, стер с него кровь, надкусил и продолжил путь. Спустя несколько мгновений паровой фургон проехал по трупу, вдавив в уличную грязь.

Ранд с ужасом взглянул на женщину. Та с улыбкой спрятала оружие и спросила:

— Так что вас интересует? Какие-то конкретные фрукты?

— Вы только что убили этого ребенка!

— Ну да. — Женщина непонимающе сдвинула брови. — А что, любезный, он был ваш?

— Нет, но…

О Свет! Ни тени сожаления, ни угрызений совести! Ранд огляделся и понял, что никому нет ни малейшего дела до случившегося.

— Любезный! — окликнула его женщина. — Такое чувство, что я вас знаю. Одежда у вас хорошая, пусть и слегка старомодная. Из какой вы фракции?

— Фракции? — снова повернулся к ней Ранд.

— И где ваша охрана? — не отставала женщина. — У такого богача непременно должна быть охрана.

Ранд посмотрел ей в глаза и бросился бежать, как только женщина опять потянулась за оружием. Он шмыгнул за угол. Эти ее глаза… Они полностью лишены человеческого сочувствия. Ранд ясно понял, что та женщина убила бы его без зазрения совести.

Прохожие смотрели на него, подталкивали спутников локтями, указывали в его сторону.

— Назови свою фракцию! — крикнул один, а другие бросились вдогонку за Рандом.

Ранд свернул в первый попавшийся проулок. Единая Сила… Может, рискнуть и коснуться Источника? Он не понимал, что творится в этом мире. Как и прежде, он воспринимал себя частью видения, просто не мог иначе, хоть и понимал, что все это не вполне реально.

Нет, обратиться к Единой Силе он не решился. Вместо этого доверился собственным ногам. Не сказать, чтобы он знал Кэймлин как свои пять пальцев, но эту часть города помнил неплохо. Если добежать до перекрестка и свернуть… Ага, здесь! Впереди он увидел знакомое здание с вывеской, где был изображен мужчина, прекло-

нивший колени перед женщиной с золотисто-рыжими волосами. «Благословение королевы».

Когда Ранд почти добежал до входных дверей, преследователи всей толпой вывернули из-за угла. Они остановились, увидев, как он протиснулся ко входу в гостиницу мимо угрюмого здоровяка. Новый вышибала? Ранд его не знал. По-прежнему ли этой гостиницей владеет Базел Гилл, или она перешла в другие руки?

Под гулкий стук сердца Ранд ворвался в просторную общую залу. Его появление привлекло взгляды нескольких мужчин, сидевших в обнимку с кувшинами послеобеденного эля. Ему повезло: за стойкой стоял сам Базел Гилл — он протирал тряпкой пустую кружку.

— Мастер Гилл! — окликнул его Ранд.

Толстяк обернулся и сдвинул брови.

— Мы знакомы? — Он окинул Ранда взглядом — с головы до ног. — Милорд?

— Это же я, Ранд!

Гилл склонил голову к плечу, затем усмехнулся:

— Ах да, точно! Я и забыл. Ты сегодня без друга — того, с мрачным взглядом?

Выходит, здешние не узнают в нем Дракона Возрожденного. Что же сделал с ними Темный?

— Надо поговорить, мастер Гилл, — сказал Ранд, направляясь к кабинету для клиентов, предпочитающих приватную обстановку.

— Что такое, парень? — последовал за ним Гилл. — У тебя какие-то неприятности? Снова?

Они вошли в кабинет, и Ранд притворил дверь.

— Какая сейчас эпоха?

— Само собой, Четвертая.

— То есть Последняя битва состоялась?

— Да, и мы победили! — Гилл, прищурив глаза, пристально смотрел на Ранда. — С тобой все хорошо, сынок? Как вышло, что ты не знаешь…

— Последние годы я прожил в лесу, — объяснил Ранд. — Из страха перед происходящим.

— Ах вот оно что! И про фракции, стало быть, не знаешь?

— Нет.

— О Свет, сынок! У тебя и правда неприятности. Погоди, я принесу эмблему фракции. Она тебе понадобится — чем быстрее, тем лучше!

Мастер Гилл распахнул дверь и убежал, а Ранд, сложив руки, с досадой уставился в камин, где не было ничего, кроме небытия.

— Что ты с ними сделал? — осведомился он.

— ПОЗВОЛИЛ ИМ ДУМАТЬ, ЧТО ОНИ

ПОБЕДИЛИ.

— Зачем?

— МАЛО КТО ИЗ МОИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПОНИМАЕТ, ЧТО ТАКОЕ ТИРАНИЯ.

— Какое отношение это имеет…

Ранд осекся. Дверь открылась, и на пороге появился Гилл — без «эмблемы фракции», чем бы она ни являлась, но с тремя толстошеими парнями. Он указал на Ранда.

— Гилл… — Ранд попятился и ухватился за Источник. — Что у тебя на уме?

— Я тут подумал, что твоя куртка денег стоит, — заявил Гилл тоном человека, которому ни капли не совестно.

— И решил меня ограбить?

— Ну да, — несколько озадаченно подтвердил Гилл. — Почему бы и нет?

С подозрением поглядывая на Ранда, громилы, с дубинками в руках, вошли в кабинет.

— А как же закон? — спросил Ранд.

— Нет такого закона, чтобы людей не грабить, — покачал головой Гилл. — Ну ты даешь! Только глянь, что тебе в голову взбрело! Если человек не может защитить свое имущество, значит оно ему не надо. А если жизнь не способен защитить — зачем она ему, эта жизнь?

Гилл взмахнул рукой — мол, взять его, — и Ранд связал троих головорезов путами Воздуха, после чего тихо поинтересовался:

— Ты забрал у них совесть, да?

Увидев, как его подручные повисли в воздухе, Гилл широко раскрыл глаза и хотел сбежать, но Ранд спеленал его еще одной тесьмой Воздуха.

— ТОТ, КТО СЧИТАЕТ СЕБЯ УГНЕТЕННЫМ, ОДНАЖДЫ ВОССТАНЕТ. Я ОТБЕРУ У НИХ НЕ ТОЛЬКО ЖЕЛАНИЕ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ, НО И САМУ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАПОДОЗРИТЬ НЕЛАДНОЕ.

— Иначе говоря, отнимешь у них сострадание? — осведомился Ранд, глядя Гиллу в глаза. Тот — как и остальные трое — был в ужасе, что его убьют, но раскаяния Ранд не заметил. Ни малейшего.

— В СОСТРАДАНИИ НЕТ НУЖДЫ.

— Этот мир отличается от показанного тобою в прошлый раз, — с замогильным холодом произнес Ранд.

— ПРЕЖДЕ Я ПОКАЗАЛ, ЧЕГО ОЖИДАЮТ ЛЮДИ. ОНИ ЖДУТ ЗЛА И ДУМАЮТ, ЧТО СРАЖАЮТСЯ С НИМ. НО Я СОЗДАМ МИР, ГДЕ НЕ БУДЕТ НИ ЗЛА, НИ ДОБРА. МИР, ГДЕ БУДУ ТОЛЬКО Я.

— Знают ли об этом твои слуги? — прошептал Ранд. — Те, кого ты называешь Избранными?

После битвы они надеются стать владыками и правителями мира, созданного по их усмотрению. А ты преподнесешь им… вот это. Тот же мир… разве что лишенный Света.

— МИР, ГДЕ ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

Ни Света, ни любви человеческой… Ранд содрогнулся от глубинного ужаса. Темный, случись ему победить, вполне может выбрать такую версию будущего. Не факт, что он победит, и не факт, что подобная возможность обретет воплощение, но… О Свет, какой кошмар! Куда кошмарнее, чем мир невольников с его выжженной землей и угрюмым пейзажем.

Настоящая жуть. Полностью разложившийся, лишенный всего прекрасного мир, от которого осталась только скорлупа. Пусть симпатичная, но всего лишь скорлупа.

Ранд предпочел бы провести тысячу лет под пытками, сохранив ту часть себя, что наделяла его возможностью творить добро, нежели просуществовать единственную секунду в этом мире, лишенном Света.

Он, разъяренный, повернулся к темноте. Та разрасталась и уже поглотила всю стену.

— Ты ошибся, Шайи'тан! — крикнул он в ничто. — Думал, я впаду в отчаяние? Хотел сокру-

шить мою волю? Клянусь, не выйдет! Теперь я ринусь в бой с удвоенной силой!

Небытие грозно заурчало. Ранд пронзительно вскрикнул и ударом воли вдребезги разбил мир Темного, и этот мрачный мир, где царит ложь и где люди, глазом не моргнув, убивают друг друга, раскололся, расплелся на нити, и Ранд вновь очутился за пределами времени, в окружении подрагивающего Узора.

— Значит, ты показал мне свою истинную суть? — бросил Ранд в черную пустоту, сгребая нити Узора в горсть. — Я покажу тебе свою, Шайи'тан. Вместо мира без Света, который ты так хочешь сотворить, ты увидишь нечто противоположное! Мир без Тени.

Мэт отошел в сторонку и велел себе успокоиться. Туон, похоже, рассердилась всерьез. О Свет! Она же вернется, когда Мэту потребуется, чтоб она вернулась? Верно?

— Мэт? — подбежала к нему Мин.

— Ступай с остальными, — сказал он. — И присмотри за ней — ладно, Мин?

— Но…

— Защищать ее не потребуется, — продолжил Мэт. — Она сильная. Кровь и пепел, сильнее многих! Но присмотреть не помешает. Что-то

волнуюсь я за нее, Мин. Но пойти с ней не могу, ведь мне надо выиграть эту треклятую битву. Так что пригляди за Туон, ладно? Ну пожалуйста!

Мин постояла рядом и вдруг ни с того ни с сего заключила его в объятия.

— Удачи, Мэтрим Коутон.

— Удачи, Мин Фаршав, — отозвался он, отодвинулся от нее и закинул на плечо ашандарей.

Шончан уже начали покидать Дашарский бугор, направляясь обратно к реке Эринин. Вскоре они покинут Поле Меррилор, и Демандред позволит им уйти — не дурак же он, в конце концов! «Кровь и треклятый пепел, во что ты ввязался, Мэт? Ты только что лишился доброй четверти своих войск».

«Они вернутся», — подумал он. Если сыграет его ставка. Если кости лягут как надо.

Вот только эта битва — не игра в кости. Слишком уж много в ней нюансов. Скорее — это игра в карты. А в карты Мэт тоже выигрывал. Обычно. Как правило.

Справа от него строевым шагом шел в битву отряд мужчин в почти черной шончанской броне.

— Эй, Карид! — завопил Мэт.

Здоровяк ответил мрачным взглядом, и Мэт вдруг понял, как себя может чувствовать же-

лезная болванка, когда на нее смотрит Перрин, прикидывая, как половчее ударить по ней молотом. Карид приблизился, и хотя он явно прилагал все усилия, чтобы лицо оставалось невозмутимым, Мэт чувствовал, как в глубине души Страж Последнего часа мечет громы и молнии.

— Благодарю, — натянуто произнес он, — что помог защитить императрицу, да живет она вечно.

— По-твоему, ее надо было держать там, где безопасно, — заключил Мэт. — Подальше от штаба.

— Кто я такой, чтобы усомниться в решении кого-то из Высокородных, о великий? — спросил Карид.

— Это не вопрос, а утверждение, — объявил Мэт. — На самом деле ты думаешь совсем не об этом. А о том, не проткнуть ли меня чем-нибудь острым.

Карид выдохнул, долго и тяжело.

— Прошу прощения, о великий, — промолвил он и развернулся, собираясь уйти. — Мне и моим людям пора принять смерть.

— Это вряд ли, — сказал Мэт. — Пойдешь со мной.

— Императрица, — снова повернулся к нему Карид, — да живет она вечно, приказала…

— Приказала вам отправиться на передовую. — Приставив ладонь ко лбу, Мэт окинул взглядом пересохшее русло, кишевшее троллоками. — Вот и славно. А куда, чтоб оно все сгорело, по-твоему, собрался я?

— Помчитесь в бой? — спросил Карид.

— Скорее прогуляюсь, — покачал головой Мэт. — Надо прочувствовать, что на уме у Демандреда… В общем, я иду туда, Карид, а если ты со своими парнями встанешь между мною и троллоками, это будет замечательно. Ну как?

Карид ничего не ответил, но и не ушел.

— Сам подумай, какой у тебя выбор? — не унимался Мэт. — Ворваться в самое пекло и умереть ни за что? Или постараться сохранить мне жизнь — ради императрицы? Я почти уверен, что она от меня без ума. Наверное. Хотя по ней не скажешь. Такая уж она, наша Туон.

— Не смейте называть ее этим именем! — мрачно заметил Карид.

— Проклятье! Буду называть ее как пожелаю!

— Нет, не будете — если мы пойдем с вами, — молвил Карид. — Если я поскачу вместе с вами, Принц воронов, то предпочел бы, чтобы мои люди не слышали этого имени из ваших уст. Это дурное знамение.

— Ну, дурных знамений нам не надо, — согласился Мэт. — В общем, так, Карид. Давай-ка окунемся в это безобразие и посмотрим, что можно сделать. Во имя Фортуоны.

* * *

Тэм поднял меч, как поднимают его перед началом поединка, но достойных противников тут и в помине не было. Только завывающие, рычащие, свирепые троллоки, которых отвлекли от белоплащников, окруженных близ развалин, и которые набросились на двуреченцев.

Находившийся на острие клина Тэм принял стойку «Тростник на ветру». Он не собирался отступать ни на шаг. Смещаясь то в одну, то в другую сторону, он неуклонно пробивался вперед через ряды троллоков, а стремительные взмахи его меча из раза в раз находили новых жертв.

Двуреченцы — заноза в пятке у Темного и ежевичный шип у него в ладони — напирали на врага. В начавшемся хаосе они кричали и ругались, всеми силами стараясь расчленить боевые порядки троллоков.

Но вскоре, когда враги обступили их с трех сторон, двуреченцам пришлось сосредоточиться на удержании позиций. Обычно строй клина

используется при наступлении, и здесь он тоже оказался весьма эффективен. По обе стороны от клина монстры гибли под ударами двуреченских копий, мечей и топоров.

Тэм полагался на опыт, полученный его парнями во время обучения. Он предпочел бы находиться в центре клина и выкрикивать ободряющие слова — делать то, чем сейчас занимался Даннил, — но был одним из немногих, кто обладал реальным боевым опытом, а надежность всего построения клином зависит от стойкости тех, кто действовал на его острие.

Так что погрузившийся в пустоту и обретший спокойствие Тэм держался как незыблемый утес, о который разбивались троллочьи волны. «Стряхивание росы с ветки», «Лепестки яблони на ветру», «Камни падают в пруд» — все эти приемы и выпады помогали не отступить в бою с несколькими противниками.

Несмотря на тренировки последних месяцев, к Тэму, само собой, не вернулись юношеские силы. К счастью, тростнику сила не нужна. И пусть практиковался он куда меньше, чем когда-то, и ловкость была уже не та, но разве тростнику надо оттачивать навык сгибаться на ветру?

Нет. Он просто сгибается, и все.

С годами к Тэму пришла зрелость, а с нею — и понимание пустоты, и теперь он осознавал ее сущность куда лучше прежнего. Годы, что ушли на обучение Ранда ответственности и дисциплине, годы, прожитые без Кари, когда он вслушивался в шелест листьев и порывы ветра…

Тэм ал'Тор умел превращаться в пустоту, и теперь он принес ее врагам. Теперь он показывал им эту пустоту и отправлял троллоков в ее глубины.

Уклонившись, словно в танце, от троллока с козлиным рылом, он рубанул мечом вбок и рассек вражескую ногу чуть выше пятки, после чего повернулся, оставляя товарищам добить потерявшего опору врага. Потом Тэм резким движением вскинул окровавленный клинок, отчего черные капли брызнули в глаза следующего троллока с мордой из ночных кошмаров. Ослепленный, тот взвыл, а Тэм плавно шагнул вперед и, вытянув руки, единственным ударом вспорол монстру брюхо чуть ниже нагрудника. Троллок завалился под ноги соплеменнику; тот уже занес топор, метя в Тэма, но удар пришелся в тушу его собрата.

Каждый шаг был частью танца, и Тэм приглашал троллоков присоединиться к нему. Так он сражался лишь однажды, давным-давно, но вос-

поминаниям в пустоте не место. Тэм не думал о былых временах. Он вообще ни о чем не думал. Если он и осознавал, что когда-то раньше так делал, то лишь потому, что его движения порождали какие-то отголоски, и это осознание как будто пронизывало сами его мускулы.

Тэм ткнул мечом в горло троллока с лицом, которое могло бы сойти за человеческое, не будь оно чересчур волосатым. Монстр упал навзничь, и Тэм вдруг понял, что врагов больше нет. Он остановился и поднял меч, чувствуя, как лицо овевает ласковый ветер. Оглушительно топоча, враги беспорядочно отступали вниз по реке, а за ними гнались всадники, над которыми развевались знамена порубежников. В скором времени троллоки наткнутся на стену легионеров Дракона, после чего окажутся между наковальней пехоты и молотом конницы Пограничных земель.

Тэм очистил клинок, отринул пустоту, и тут на него обрушилась вся серьезность недавнего положения. О Свет! Не подоспей так вовремя эти порубежники, его люди были бы мертвы…

Он убрал меч в лакированные ножны. Красно-золотой дракон сверкнул, поймав солнце, хотя… какое тут солнце, если в небе сплошные тучи? Он поискал взглядом светило и нашел его — за

облаками, возле самого горизонта. Еще немного — и наступит ночь!

По счастью, троллоки у развалин наконец-то дрогнули. И без того заметно ослабленные долгим сражением при переправе через реку, они не выдержали удара с тыла, нанесенного людьми Лана.

Вскоре все было кончено. Тэм выстоял.

К нему рысью подскакал черный конь. Всадник на нем — Лан Мандрагоран, которого сопровождали знаменосец и телохранители, — обвел взглядом отряд двуреченцев и повернулся к Тэму:

— Я немало думал о человеке, который дал Рэнду тот меч, отмеченный знаком цапли. Гадал, кто он такой. Спрашивал себя, заслуженно ли этот человек владел таким мечом. Теперь я знаю ответ.

С этими словами Лан отсалютовал ему воздетым клинком.

Тэм повернулся к своим парням, сжимавшим окровавленное оружие в натруженных руках. Проделанный его отрядом путь оставил четкий след на истоптанной равнине; там, где клин врезался во вражеские ряды, остались лежать десятки троллочьих трупов. На севере потрясали оружием бойцы второго клина. Их оттеснили

назад, почти к самому лесу, но они продержались, а некоторые сумели выжить. Тэм не мог не подумать о множестве хороших ребят, погибших в этой атаке.

Измученные бойцы уселись прямо на поле боя, среди трупов. Некоторые кое-как накладывали себе повязки или обихаживали раненых, которых оттащили к центру клина. Глянув на юг, Тэм пришел в смятение. Почему шончан покидают свой лагерь, разбитый у Дашарского бугра?

— Мы что, победили? — спросил он.

— Куда там! — ответил Лан. — Да, мы захватили участок реки, но это не самый важный бой. Демандред бросил сюда побольше троллоков, чтобы мы не отправили подкрепление к переправе, где идет более серьезная битва. — Он развернул коня. — Собирай своих людей, мастер клинка. Солнце вот-вот сядет, но сражение не закончится, и вскоре нам опять понадобится твоя помощь. *Тай'шар Манетерен.*

Он ускакал к порубежникам, а Тэм запоздало крикнул ему вдогон:

– *Тай'шар Малкир!*

— Выходит… мы еще не закончили? — спросил Даннил.

— Нет, парень. Не закончили. Но пока что

отдохнем, отправим ребят для Исцеления и раздобудем какой-нибудь еды. — Он увидел, как на краю поля раскрываются переходные врата. Коутону хватило ума прислать владеющих Силой, чтобы дать Тэму возможность отослать раненых в Майен. Он…

Из переходных врат хлынули люди, их были сотни и тысячи. Тэм сдвинул брови. Неподалеку приходили в себя изрядно потрепанные атаками троллоков белоплащники; маневр Тэма спас их от неминуемой гибели. У развалин строилось войско Арганды, а Волчья гвардия подняла свой окровавленный флаг над грудами троллочьих трупов.

Тэм побрел к переходным вратам. Такое чувство, что к ногам прикованы гири, да и вообще устал он сильнее, чем если бы целый месяц выкорчевывал пни.

У первых врат стояла сама Берелейн в окружении нескольких Айз Седай. Здесь, посреди всей этой грязи и смерти, красавица-королева выглядела крайне странно. Черное с серебром платье, диадема в волосах… О Свет, ей здесь совсем не место, это уж точно.

— Тэм ал'Тор, — сказала она, — кто командует этим войском? Вы?

— В общем и целом я, — подтвердил Тэм. — Прошу прощения, миледи, но кто все эти люди?

— Беженцы из Кэймлина, — ответила Берелейн. — Я прислала несколько человек узнать, не нуждаются ли они в Исцелении, но они отказались и потребовали, чтобы я отвела их на битву.

Тэм почесал в затылке. На битву? Все мужчины, способные держать меч, — да и многие женщины тоже — уже примкнули к той или иной армии. Из переходных врат выходили в основном старики, подростки и немолодые женщины, оставшиеся присмотреть за малышами.

— Снова прошу прощения, — сказал Тэм, — но у нас тут кровавая баня.

— Я пыталась это объяснить, — с некоторым недовольством произнесла Берелейн, — но они твердят, что способны принести пользу. Всяко лучше, чем жаться друг к другу на дороге к Беломостью, пережидая Последнюю битву. Вот что они говорят.

Тэм хмуро смотрел, как по полю разбегаются дети. Когда они стали осматривать искромсанных мертвецов, его замутило, да и многие из новоприбывших поначалу пришли в ужас, но другие принялись бродить среди павших, выискивая тех, кому еще можно было помочь. Их сопровож-

дали несколько пожилых солдат, приставленных следить за беженцами; эти высматривали недобитых троллоков.

Женщины с детьми собирали стрелы, выдергивая их из мертвых тел. Дело нужное. Очень-очень нужное. Тэм изумленно смотрел, как из других переходных врат выходят сотни Лудильщиков. Под руководством нескольких Желтых сестер они отправились искать раненых.

Тэм поймал себя на том, что с одобрением кивает, хотя беспокойство не покидало его. Не надо бы детям видеть такое зрелище. «Впрочем, — подумал он, — случись нам проиграть, они увидят кое-что похуже». Раз хотят приносить пользу, пусть так и будет.

— Кстати говоря, Тэм ал'Тор, — промолвила Берелейн, — жив ли… Галад Дамодред? Здесь Дети Света, но его знамени я не вижу.

— Он отправился по другому поручению, миледи, — ответил Тэм. — Вниз по реке. Простите, но уже несколько часов я о нем ничего не слышал.

— Понятно… Что ж, давайте Исцелим и накормим ваших людей. Быть может, тем временем объявится и лорд Дамодред.

Илэйн с нежностью коснулась щеки Гарета Брина. Закрыла ему глаза — один, затем второй

— и кивнула солдатам, обнаружившим его тело.

Брина унесли на щите. С одного края свисали ноги, с другого — голова.

— Он как с цепи сорвался, — сказала Бергитте. — Заорал и бросился на вражеский отряд. Его было не остановить.

— Суан погибла, — сказала Илэйн, и ее захлестнуло ошеломляющее чувство утраты. Суан… Она всегда была такой сильной. Илэйн с трудом обуздала свои чувства. Нельзя отвлекаться от битвы. — Есть ли новости от командования?

— Шончан покинули лагерь у Дашарского бугра, — ответила Бергитте. — Они нас бросили. Спросишь, где Коутон? Не знаю.

— Пусть повыше поднимут мое знамя, — велела Илэйн. — Пока Мэт не даст о себе знать, я беру командование битвой на себя. И пускай сюда явятся мои советники.

Бергитте отправилась передавать приказы. Нервно переминаясь с ноги на ногу, женщины-гвардейцы смотрели, как троллоки наседают на андорцев у реки. Исчадия Тени заполнили проход между болотом и Половским взгорком, того и гляди выплеснутся на шайнарскую землю. Несколько отрядов Эгвейн ударили по троллокам с другой стороны прохода, на время облегчив

жизнь остальной части войска, но со склонов прибывали новые враги, и силам Белой Башни, похоже, приходилось совсем худо.

Хотя Илэйн и не обладала сколько-нибудь солидным полководческим опытом, она прилежно изучала тактику и в достаточной мере понимала, насколько все скверно. Да, ей доложили, что появившиеся порубежники Лана разгромили троллоков выше по реке, но на ситуацию у брода это почти не повлияло.

Солнце ускользало за горизонт. Как видно, отступать монстры не намеревались, и солдаты Илэйн с неохотой принялись разводить костры и зажигать факелы. Построение войск в отрядные каре обеспечивало лучшую защиту, но исключало возможность перейти в наступление. Здесь же сражались айильцы и кайриэнцы, но весь план битвы зиждился на действиях составленных из пикинеров каре.

«Нас понемногу окружают», — подумала Илэйн. А окружив, троллоки будут давить, пока андорские войска не лопнут. «О Свет, как же все это паршиво!»

За тучами над горизонтом вдруг нежданно сверкнуло солнце. Ночью у троллоков появится еще одно преимущество. Зябкий воздух возве-

стил о скором наступлении темноты. Прежние предположения Илэйн о том, что битва продлится несколько дней, казались теперь совершенной глупостью. Тень навалилась всей мощью, и у человечества остались не дни, а считаные часы.

— Ваше величество.

Это прибыл капитан Гэйбон, а с ним другие военачальники. Помятые доспехи и испачканные кровью табары свидетельствовали, что никто, включая даже старших офицеров, не избежал рукопашной схватки.

— Нужен совет. — Илэйн взглянула на него, командира конницы Тэодора и Бергитте, носившую звание капитан-генерала.

— Отступаем? — предложил Гэйбон.

— Вы и правда думаете, что нам удастся выйти из боя? — заметила Бергитте.

Подумав, Гэйбон помотал головой.

— В таком случае как нам победить? — спросила Илэйн.

— Стоять и держаться, — сказал Тэодор. — И надеяться, что Белая Башня возьмет верх в сражении с владеющими Силой из Шары, после чего придет на помощь.

— Мне не нравится просто сидеть на месте, — заявила Бергитте. — Я…

Слепящий луч жаркого белого огня прорезал ряды телохранителей Илэйн, испарив десятки человек. Гэйбона чудом не задело, зато исчез конь, на котором он сидел. Лунная Тень встала на дыбы.

Илэйн, ругаясь, не без труда вернула себе контроль над лошадью. То был погибельный огонь!

— Льюс Тэрин! — прогремел над полем боя усиленный плетением Силы голос. — Я охочусь на женщину, которую ты любишь! Приди ко мне, трус! Приди и сражайся!

Рядом взорвалась земля. Знаменосца Илэйн подбросило к небу, а флаг сгинул в языках пламени. На сей раз Илэйн все же вылетела из седла, грохнулась оземь и сильно ушиблась.

«Мои малыши!» — со стоном подумала она и перекатилась на бок. Ее подхватили чьи-то руки. Бергитте. С помощью нескольких женщин-гвардейцев она усадила Илэйн на коня позади себя, обернулась и спросила:

— Направлять можешь? Хотя нет, забудь. Они высматривают проявления Силы. Селебрейн, подними новое знамя! Возьми эскадрон гвардейцев и скачи вниз по реке! Королеву я повезу в другую сторону.

Женщина, стоявшая рядом с лошадью Бергитте,

отсалютовала. Но это же смертный приговор!

— Бергитте, нет! — сказала Илэйн.

— Демандред решил воспользоваться тобой, чтобы выманить Дракона Возрожденного, — сказала Бергитте, разворачивая свою лошадь. — И я не допущу, чтобы ему это удалось. Н-но!

Бергитте пустила лошадь галопом в тот самый миг, когда молния ударила в телохранителей Илэйн и те разлетелись во все стороны.

Илэйн скрипнула зубами. Андорскую армию того и гляди возьмут в окружение и разобьют, а теперь еще и Демандред бичует ее то погибельным огнем, то молниями, то плетениями Земли. Этот человек опаснее целого войска.

— Я не могу покинуть поле боя, — сказала Илэйн, глядя в затылок Бергитте.

— Нет, можешь. И уже покидаешь его, — проворчала та поверх топота копыт. — Если Мэт погиб — да ниспошлет Свет, чтобы это было не так, — нам понадобится новый штаб. Демандред не без причины ударил по Дашарскому бугру, а сразу после этого — туда, где находилась ты. Он пытается уничтожить тех, кто командует нашими войсками. Твоя задача — руководить битвой из какого-нибудь тайного и безопасного места. Подчеркиваю — тайного и безопасного. Отъедем

подальше — туда, где тебя не почувствуют разведчики Демандреда, — откроем переходные врата, и ты снова будешь командовать. А пока что закрой рот и позволь защитить тебя.

Она была права. Права, чтоб ей сгореть. Илэйн вцепилась в седло. Взбивая копытами комья грязи, лошадь стремительно уносила их с Бергитте прочь от опасности.

«По крайней мере, он не скрывается», — подумал Галад, глядя на огненные лучи, бьющие с вражеской позиции по солдатам Илэйн.

Его каблуки ударили по бокам чужого коня, и тот помчался к восточному краю Половского взгорка. Снова и снова Галад видел, как Гавин умирает у него на руках.

— Покажись, Льюс Тэрин! — Голос Демандреда гремел впереди так, что дрожала земля. Этот монстр забрал у Галада родного брата, а теперь охотился на его сестру.

Галад всегда умел найти верный путь, но сегодня видел его яснее, чем когда-либо. Эти огненные росчерки были для него чем-то вроде отметок на карте, стрелочек, указывающих дорогу. Им руководил сам Свет. Свет привел его сюда и подготовил к тому, что будет.

Как ножом разрезав ряды шарцев в тылу их

войск, Галад прорвался туда, где находился Демандред. Тот, стоя над руслом реки, смотрел вниз, на армию Илэйн. Стрелы вонзались в землю рядом с Галадом — лучники не считались с риском попасть в своих. С обнаженным мечом Галад высвободил ногу из стремени, готовясь соскочить на землю.

Коня зацепило стрелой, и Галад спрыгнул с седла. Тяжело приземлившись, он проскользил по грязи и остановился, тут же отсек руку оказавшемуся рядом арбалетчику. Обнаружившийся поблизости мужчина, способный направлять Силу, с громогласным ревом сотворил какое-то плетение, и висевший у Галада на груди медальон похолодел.

Галад вонзил меч в горло врагу. Тот нечленораздельно вскрикнул. С каждым ударом сердца из раны выплескивалась кровь. Похоже, мужчина не удивился собственной смерти, лишь разгневался пуще прежнего. Его вопли привлекли внимание других.

— Демандред! — громко крикнул Галад. — Демандред! Ты требуешь поединка с Драконом Возрожденным, но его тут нет! Зато здесь его брат! Сразишься ли ты со мной?

На него нацелились десятки арбалетчиков.

За спиной у Галада упал украденный им конь, пуская из ноздрей кровавую пену.

Ранд ал'Тор. Его брат. Потрясение от смерти Гавина затмило это откровение, но рано или поздно его придется принять. Если Галад останется жив. Он до сих пор не понял, что чувствует. То ли гордость, то ли стыд.

Из шарских рядов выступил человек в странной кольчуге из соединенных вместе продырявленных монет. Демандред был гордецом; чтобы понять это, достаточно было глянуть на его лицо. Как ни странно, он походил на ал'Тора. Оба производили примерно одинаковое впечатление.

Он смерил взглядом Галада, стоявшего перед ним с окровавленным мечом. Умирающий шарец — которому не помогла способность направлять Силу — царапал землю скрюченными пальцами.

— Его брат? — спросил Демандред.

— Сын Тигрейн, — ответил Галад. — Той, что стала Девой Копья. Той, что родила моего брата на Драконовой горе, гробнице Льюса Тэрина. У меня было двое братьев. Одного ты убил на этом поле боя.

— Как вижу, при тебе любопытный артефакт, — заметил Демандред, и медальон снова похолодел. — Только не надейся, что он избавит

тебя от участи твоего презренного брата. Я о том, который погиб.

— Так будем болтать или драться, сын Тени?

— Пускай же ты окажешься более достойным соперником, нежели твой брат, человечек. — Демандред обнажил меч с цаплями на клинке и на эфесе. — Мое недовольство растет. Льюс Тэрин имеет вправе ненавидеть и проклинать меня, метать громы и молнии, но ему не следует меня игнорировать.

Галад ступил в круг, образованный арбалетчиками и теми, кто мог направлять Силу. Даже победив, он все равно погибнет, но — если будет на то воля Света — заберет с собой одного из Отрекшихся. Это будет достойная смерть.

Демандред шагнул навстречу Галаду, и схватка началась.

Прижимаясь спиной к сталагмиту, в сиянии одного лишь Калландора, отраженном от стен пещеры, Найнив пыталась спасти жизнь Аланне.

Некоторые в Белой Башне посмеивались: дескать, не слишком ли она полагается на заурядные приемы целительства? Разве могут две руки и одна нить соперничать с возможностями, дарованными Единой Силой?

Будь сейчас кто-то из них на месте Найнив,

миру пришел бы конец.

Условия были ужасные. Полумрак и никаких инструментов, кроме тех, что она носила с собой в поясном кошеле. И все же Найнив зашивала рану, орудуя иголкой и нитью, с которыми не расставалась. Чуть раньше она приготовила целительное питье и силой влила его в рот Аланне. Особого эффекта ждать не приходилось, но на счету была каждая мелочь. Настой придаст Аланне сил, притупит боль и поможет сердцу не остановиться, пока Найнив будет заниматься раной.

А рана была скверной, однако ей уже доводилось иметь дело со скверными ранами. Найнив вытаскивала из смертельной бездны Аланну, повисшую на краю обрыва, и, хотя внутри она вся дрожала, руки оставались спокойны.

Ранд и Моридин не двигались. Но Найнив чувствовала, что от них исходит монотонная пульсация. Ранд сражался. Сражался в бою, которого она не видела.

— Мэтрим Коутон, балбес ты треклятый! Еще жив?

Вместе со Стражами Последнего часа Мэт присоединился к арьергарду андорских войск, что вели бой у реки. Оглянувшись, в сумерках раннего вечера он увидел Даврама Башира, который

подъехал к нему в сопровождении жены и отряда телохранителей-салдэйцев. Судя по окровавленной одежде, ей тоже довелось побывать в бою.

— Да, жив, — подтвердил Мэт. — Что-что, а выживать я умею. Насколько помню, я умер лишь однажды, а один раз не считается. Что вы здесь делаете? Разве вы не…

— Эти мерзавцы влезли мне в голову, — поморщился Башир. — Да-да, в самую голову влезли, дружище. Мы с Дейрой все обсудили. Командовать войсками я не могу, но почему бы не зарубить несколько троллоков?

Мэт кивнул. Когда погибла Тенобия, Башир стал королем Салдэйи, но пока что отказывался принимать корону. Вмешательство в разум потрясло его до глубины души. Он сказал лишь, что теперь Салдэйя сражается заодно с Малкир, и велел своим равняться на Лана и его людей. А вопрос с троном так или иначе разрешится, если все они переживут Последнюю битву.

— Что с тобой случилось? — спросил Башир. — Говорят, враги уничтожили твой штаб.

— Верно говорят, — кивнул Мэт. — И еще от нас ушли шончанские войска.

— Кровь и пепел! — воскликнул Башир. — Только этого не хватало. Шончанские псы, чтоб им

сгореть!

Окружавшие Мэта Стражи Последнего часа никак не отреагировали на его слова.

Силы Илэйн цеплялись за берег у пересохшего русла, но едва-едва: выше по реке троллоки постепенно обходили их с фланга. Отряды Андора — громадные людские квадраты, что щетинились пиками, будто ежи, — держались только благодаря отменной выучке и упорству бойцов.

Подобное построение Демандред мог бы рассечь, надлежащим образом вбив клинья между отдельными каре. Сам Мэт тоже отправлял в стремительные атаки конницу Отряда Красной руки и андорскую кавалерию, не давая троллокам прорвать ряды каре пикинеров или мешая окружить силы Илэйн.

Ритм битвы пульсировал у него на кончиках пальцев. Мэт даже не предвидел, а предчувствовал решения Демандреда. Всем остальным исход битвы, пожалуй, был очевиден: атака превосходящими силами, прорыв строя пикинеров и разгром Мэтовой обороны. Однако на деле все было куда тоньше.

Порубежники Лана добили троллоков выше по реке и теперь нуждались в новых приказах. Это хорошо. Эти воины потребуются Мэту на следую-

щем этапе его плана.

Сопротивление трех громадных щетинистых каре понемногу слабело, но если он сможет поставить в центре каждого по паре-тройке тех, кто владеет Силой, то пикинеры воспрянут духом. Да обережет Свет того, кто сумел отвлечь Демандреда. Кем бы он ни был. Атаки Отрекшегося уничтожали андорских солдат целыми отрядами. Демандреду не требовалось убивать их поодиночке; достаточно было разбить каре плетениями Единой Силы, а там уже за дело принимались многочисленные троллоки.

— Башир, — произнес Мэт, — умоляю, скажите, что ваша дочь дала о себе знать.

— Никто ничего о ней не слышал, — ответила Дейра. — Мне очень жаль.

«Кровь и пепел! — подумал Мэт. — Бедный Перрин».

И бедный Мэт. Как тут справишься без Рога Валир? О Свет! Мэт крепко сомневался, что сумеет победить даже с помощью треклятого Рога!

— Поезжайте вверх по течению, к Лану, — велел он. — Передайте, чтобы ударил по троллокам, пытающимся обойти правый фланг андорцев. И еще скажите, чтобы в скором времени ожидал новых приказов.

— Но я…

— Плевать, что вы тронуты Тенью, слышите? — перебил его Мэт. — Проклятье! Так или иначе Темный касался каждого сердца, и это истинная правда. Но его касаниям можно противостоять. А теперь отправляйтесь к Лану и скажите ему, что надо сделать!

Сперва Башир напрягся, но затем — как не странно — расплылся в широкой улыбке за повислыми усами. Вот ведь треклятые салдэйцы. Это ж надо — любят, когда на них повышают голос! Похоже, слова Мэта приободрили великого капитана, и они с женой стремительно ускакали прочь, но перед этим Дейра бросила на Мэта нежный взгляд, от которого ему стало неуютно.

Теперь… Теперь ему требовалась армия. И переходные врата. Ему нужны треклятые переходные врата. «Дурак», — подумал он. Сам же отослал всех дамани. Ну почему не оставил при себе хотя бы одну? Хотя от них мурашки по коже, как будто под рубахой снуют пауки.

Мэт осадил Типуна, и рядом остановились Стражи Последнего часа. Некоторые из них зажгли факелы. Когда вместе с Мэтом они вступили в бой с шарцами, это, несомненно, стало для них заслуженным наказанием. Но похоже, этого им

было мало. Им хотелось еще.

«Туда», — решил Мэт и направил коня к воинству, расположившемуся южнее всех каре пикинеров Илэйн. Это были преданные Дракону. Прежде чем шончан покинули Дашарский бугор, Мэт отправил сюда эту армию в качестве подкрепления для андорских войск.

Он до сих пор не знал, как относиться к этим бойцам. Когда они собирались на Поле Мерриллор, Мэта тут не было, но донесения он получал исправно. Люди из самых разных стран, самого разного звания и положения в обществе, они объединились, чтобы сразиться в Последней битве, невзирая на былую верность правителям и лордам и на разделяющие их границы. Их преданность Ранду попирала любые клятвы и обязательства.

Мэт пустил Типуна быстрой рысью вдоль тыловых андорских рядов. Следом рысили Стражи Последнего часа. О Свет, шеренги андорцев прогнулись. Паршиво. Что ж, Мэт сделал свою ставку, а теперь мог лишь оседлать треклятую битву и надеяться, чтобы она не сильно брыкалась.

Скача галопом к преданным Дракону, он услышал нечто совершенно неуместное. Пение? Мэт остановил коня. Огиры вели бой с троллоками,

продвинувшись к высохшему руслу реки, чтобы помочь солдатам Илэйн, сражавшимся напротив болот, и не дать врагу обойти левый фланг Илэйн.

Там они и стояли, недвижимые, словно дубы в половодье, пели и орудовали топорами. Вокруг них громоздились завалы из мертвых троллоков.

— Лойал! — завопил Мэт, привстав на стременах. — Эй, Лойал!

Один из огиров отвлекся от сражения, опустил топор и обернулся. Мэт оторопел. Его друг — обычно само спокойствие — прижал уши, гневно оскалился, и с его топора на пальцы струилась кровь. О Свет, от этакого зрелища по телу прокатилась волна ужаса. Мэт предпочел бы поиграть в гляделки с десятью игроками, решившими, что он их обмишурил, нежели сразиться с одним-единственным разъяренным огиром!

Лойал крикнул что-то остальным, после чего продолжил крушить троллоков, до которых только мог дотянуться. Троллоки и огиры примерно одинакового размера, но тем вечером казалось, что огиры возвышаются над отродьями Тени, будто великаны. Они походили не на солдат, а на лесорубов, валящих деревья. Удар справа, удар слева, был троллок — и нет его. Мэт знал, что

огиры терпеть не могут рубить лес, но троллоков они, похоже, рубили с немалым удовольствием.

Наконец троллочий кулак, попавший под огирскую ярость, пустился в бегство. Солдаты Илэйн продвинулись вперед и перекрыли путь остальным вражеским войскам, и несколько сотен огиров направились в сторону Мэта. Среди них он заметил довольно много шончанских огиров-Садовников, хотя не отдавал им никаких приказов. Обе группы сражались вместе, но теперь почти не смотрели друг на друга.

У всех до единого огиров, что у мужчин, что у женщин, были иссечены руки и ноги. Гиганты сражались без доспехов, но почти все раны выглядели поверхностными, ведь кожа у огиров едва ли не крепче древесной коры.

Лойал, закинув топор на плечо, приблизился к Мэту и Стражам Последнего часа. Штаны его потемнели до колен, будто огиру пришлось перейти вброд глубокую лужу красного вина.

— Мэт, — глубоко вздохнул Лойал, — мы сделали, как ты просил. Приняли бой и не пропустили ни одного троллока.

— Вы отлично справились, Лойал, — сказал Мэт. — Спасибо вам.

Он ждал ответа — вне всяких сомнений, энер-

гичного и витиеватого. Лойал же стоял, дыша во все легкие, а они у него такого размера, что можно наполнить воздухом целую комнату, и просто молчал. Другие огиры тоже не произнесли ни слова, хотя многие были старше Лойала. Некоторые подняли повыше факелы. Отблески солнца скрылись за горизонтом, и ночь вступила в свои права.

Молчаливые огиры? Да-а, страннее некуда. Хотя огиры в бою… Такого Мэт тоже не видел. И не помнил — даже в тех воспоминаниях, что ему не принадлежали.

— Вы нужны мне, — сказал он. — Надо переломить ход битвы, или нам конец. Пойдем.

— Приказ Того-Кто-Трубил-в-Рог! — взревел Лойал. — Воздеть топоры!

Мэт поморщился. Теперь он знал, кого позвать на помощь, если надо будет докричаться из Кэймлина до Кайриэна. Вот только врагам до самого Запустения тоже будет слышно.

Он стукнул Типуна каблуками, и тот тронулся с места в окружении огиров и Стражей Последнего часа. В отличие от последних, огиры поспевали за Мэтом без особого труда.

— Досточтимый, — заговорил Карид, — мне и моим людям приказано…

— Пойти и умереть в первых рядах. Проклятье, Карид, я над этим работаю! Только будь любезен, не спеши вспарывать себе живот мечом.

Шончанин помрачнел, но прикусил язык.

— Ты же понимаешь, что на самом деле она не желает тебе смерти, — добавил Мэт. Большего он не мог сказать из опасения проговориться и раскрыть их с Фортуоной замысел.

— Если моя смерть послужит императрице, да живет она вечно, я охотно приму ее.

— Проклятье! Ты спятил, Карид, — заявил Мэт. — И я тоже, как это ни прискорбно. Так что ты оказался в приятном обществе. Эй, ты! Кто командует этим войском?

Они добрались до тылов армии преданных Дракону, где располагались их резервы, раненые и те, кто отдыхал от боя на передовой.

— Наверное, леди Тинна, милорд, — откликнулся один из разведчиков.

— Веди ее сюда, — распорядился Мэт. В голове продолжали греметь те игральные кости, а еще его страшно тянуло на север, будто грудь оплели какими-то ремнями.

«Не сейчас, Ранд, — подумал он. — Я занят, чтоб мне сгореть».

Цветная круговерть не появилась. Только чер-

нота. Беспросветно-темная, как душа мурддраала. Мэта потянуло на север с удвоенной силой, но он отогнал видение. «Нет. Не сейчас».

У него хватало дел. И еще у него был план. Да ниспошлет Свет, чтобы он сработал.

Тинна оказалась милой девушкой — моложе, чем ожидал Мэт, — рослой, крепкого сложения, с сильными руками и ногами. Длинные каштановые волосы были собраны в конский хвост, из которого тут и там выбивались шальные кудряшки. Судя по мечу у бедра и черной троллочьей крови на рукавах и штанинах, эта Тинна не сидела сложа руки.

Она подъехала к Мэту и окинула его оценивающим взглядом.

— Что, наконец-то вспомнили про нас, лорд Коутон?

Честное слово, вылитая Найнив.

Мэт посмотрел на вершину Половского взгорка. Огненная битва между шарцами и Айз Седай перешла в хаотичную стадию.

«Смотри не проиграй, Эгвейн. Я на тебя рассчитываю».

— Твоя армия, — повернулся он к Тинне. — Слышал, к ней присоединились несколько Айз Седай?

— Есть такое, — осмотрительно ответила Тинна.

— Ты одна из них?

— Нет. Не совсем.

— Не совсем? Это как? Послушай, женщина, мне нужны переходные врата. В ином случае мы можем проиграть эту битву. Прошу, скажи, что у вас есть те, кто способен направлять Силу, и они могут переправить меня в нужное место.

— Я и не думала вас сердить, лорд Коутон, — поджала губы Тинна. — Привычка — вторая натура, а я привыкла помалкивать о некоторых вещах. Меня выставили из Белой Башни… по совокупности причин. Прошу простить, но я не умею плести переходные врата. И знаю наверняка, что почти все, кто присоединился к нам, слишком слабы для создания подобного плетения. Тут требуется огромный объем Единой Силы, превышающий пределы возможностей большинства…

— Я могу открыть переходные врата.

От группы раненых отделилась женщина в красном платье. Должно быть, она занималась Исцелением. Тощая, костлявая, с кислой физиономией, но Мэт так обрадовался, что едва не расцеловал ее. Едва сдержался. Пусть это все

равно что целовать битое стекло.

— Теслин! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Как видишь, сражаюсь в Последней битве. — Она отряхнула руки. — Как и все остальные.

— Но… Присягнувшие Дракону? — спросил Мэт.

— По возвращении в Белую Башню мне стало там неуютно, — объяснила Теслин. — Она изменилась. Пользуясь случаем, я предложила этим людям свою помощь, поскольку здесь принесу больше пользы, чем где-либо еще. Итак, тебе нужны переходные врата? Насколько широкие?

— Достаточно широкие, чтобы пропустить как можно больше войск. Преданных Дракону, огиров и вон то кавалерийское знамя из Отряда Красной руки, — ответил Мэт.

— Мне понадобится круг, Тинна, — сказала Теслин. — И не говори, что не способна направлять Силу; я чувствую ее в тебе, а о прошлых клятвах и обещаниях здесь лучше не вспоминать. Собери других женщин. Куда отправимся, Коутон?

— На вершину Половского взгорка, — усмехнулся Мэт.

— На взгорок?! — ошеломленно переспросил

Карид. — Но вы же сами оставили его в самом начале битвы! Отдали возвышенность отродьям Тени!

— Да, так оно и было.

А теперь… Теперь у Мэта появился шанс все закончить. У реки держатся войска Илэйн, Эгвейн сражается на западе… А Мэт должен захватить северную часть взгорка. Он понимал, что теперь, когда шончан ушли, а почти все силы Света увязли в бою на склонах, Демандред отправит крупные силы шарцев и троллоков на северо-восток, чтобы те спустились к руслу и, пройдя в обход, атаковали армию Илэйн с тыла. Тогда армии Света окажутся в окружении, и Демандред сможет делать с ними все, что пожелает. Единственный шанс — не позволить его войскам спуститься с возвышенности, несмотря на их численное превосходство. О Свет… Это очень рискованная ставка, но иной раз тебе только и остается, что поставить все на одну-единственную карту.

— Распылять силы небезопасно, — заметил Карид. — Перемещая на взгорок войска, которым есть чем заняться внизу, вы ставите под угрозу исход всего дела.

— Ты же сам стремился на передовую, — на-

помнил ему Мэт. — Лойал, ты с нами?

— Предлагаешь ударить врага в самую сердцевину? — спросил огир, поигрывая топором. — Это не худшая ситуация, в которой я оказывался, странствуя вместе с кем-то из вас троих. Надеюсь, Ранд в порядке. Ты же думаешь, что он в порядке? Верно?

— Если бы он погиб, — сказал Мэт, — мы бы уже узнали об этом. На сей раз Ранду придется действовать самостоятельно, поскольку Мэтрим Коутон не примчится его спасать. Теслин, займись вратами! Тинна, строй своих солдат. Пусть готовятся сразу же атаковать. Надо захватить северный склон этого взгорка, причем быстро, а затем удерживать его, как бы Тень ни старалась нас оттуда выбить!

Эгвейн открыла глаза. Она не должна была оказаться в комнате, но оказалась именно в ней — прекрасной комнате, где было прохладно и пахло солью, а Эгвейн лежала на мягкой перине.

«Я сплю», — подумала она. Или, наверное, умерла. Но как объяснить эту боль? Невыносимую боль, по сравнению с которой небытие стало бы настоящим избавлением?

Гавина больше нет. А вместе с ним исчезла и часть ее души.

— Я все время забываю, насколько она молода, — донесся до нее шепот. Знакомый голос. Сильвиана? — Поухаживай за ней. Мне надо вернуться на поле боя.

— Как у нас дела? — Еще один знакомый голос. Росил из Желтой Айя. Вместе с послушницами и принятыми она отправилась в Майен Исцелять раненых.

— Ты о битве? Она проходит скверно. — Сильвиана была не из тех, кто старается подсластить пилюлю. — Присмотри за ней, Росил. Она сильная. Не сомневаюсь, что она справится, но забота ей не помешает.

— Мне уже доводилось помогать женщинам, потерявшим Стражей, — сказала Росил. — Поверь, Сильвиана, опыта мне не занимать. Следующие несколько дней от нее не будет никакого толку, но затем она начнет приходить в себя.

— Этот мальчишка… — фыркнула Сильвиана. — Так и знала, что он ее погубит. Когда я впервые увидела, как она на него смотрит, надо было взять этого Гавина за ухо, утащить на какую-нибудь далекую ферму и определить там на работу. Лет на десять.

— Контролировать человеческое сердце не так-то просто.

— Стражи — наше слабое место, — заявила Сильвиана. — Так всегда было, и так всегда будет. Этот мальчишка… Этот глупый мальчишка…

— Этот глупый мальчишка, — подала голос Эгвейн, — спас меня от шончанских убийц. Если бы не Гавин, меня бы здесь не было. И оплакивали бы не его, а меня. Не забывай об этом, Сильвиана, когда говоришь о мертвых.

Обе женщины умолкли. Эгвейн пыталась справиться с болью утраты. Да, она в Майене. Ну конечно. Сильвиана переправила ее к Желтым сестрам.

— Не забуду, мать. — Как ни странно, в голосе Сильвианы прозвучало раскаяние. — Набирайся сил, отдыхай, а я…

— Пусть отдыхают павшие, — уселась на перине Эгвейн.

Сильвиана и Росил стояли в дверях прекрасной комнаты, забранной голубой тканью до самого потолка, инкрустированного перламутром. Обе женщины, сложив руки на груди, буравили Эгвейн строгими взглядами.

— Ты перенесла невероятную боль, мать, — сказала Росил. У стены перед дверью дежурила Лильвин. — Потери Стража достаточно, чтобы вывести из строя любую женщину. Нет ничего

постыдного в том, чтобы взять паузу и справиться с горем.

— Да, Эгвейн ал'Вир горюет, — встала Эгвейн, — поскольку она не только потеряла любимого, но и познала его смерть через связующие узы. Амерлин соболезнует Эгвейн ал'Вир — так же, как соболезнует любой Айз Седай, пережившей такую утрату. Но она же ожидает, что сейчас, во время Последней битвы, Айз Седай возьмет себя в руки и вернется в бой.

Она сделала несколько шагов — каждый последующий был тверже предыдущего — и, протянув руку, кивнула на са'ангриал Воры, бывший теперь у Сильвианы:

— Он мне понадобится.

Сильвиана молчала.

— Если только вы двое не хотите узнать, на что я сейчас способна, — тихо произнесла Эгвейн, — советую подчиниться.

Сильвиана взглянула на Росил. Та вздохнула и ответила неохотным кивком. Сильвиана отдала жезл Эгвейн.

— Потворствовать этому я не намерена, — сказала Росил, — но если ты настаиваешь, мать…

— Да, настаиваю.

— В таком случае выслушай мое предложение.

Опасность в том, что эмоции могут сокрушить тебя. После потери Стража призвать саидар будет непросто; и даже если ты сумеешь зачерпнуть Силу, сохранить нужную Айз Седай безмятежность не получится. Это рискованно. Очень рискованно.

Эгвейн открыла себя для саидар. Росил была права: обнять Источник оказалось куда труднее прежнего. Слишком уж ошеломляющие чувства соперничали между собой, пытаясь завладеть ее вниманием и не оставляя места для спокойствия. Эгвейн попробовала снова, и опять ничего не получилось. Она покраснела.

Сильвиана открыла было рот — вне всякого сомнения, чтобы предложить Эгвейн вернуться в постель. Но в этот миг та обрела саидар, бутон в сознании распустился, и Единая Сила хлынула в нее. Бросив на Сильвиану вызывающий взгляд, Эгвейн начала плести переходные врата.

— Ты не дослушала мой совет, мать, — продолжила Росил. — Ты не сможешь в полной мере изгнать тревожащие тебя чувства. У тебя лишь один вариант, причем весьма дрянной. Придется подавить боль и горе еще более сильными эмоциями.

— Это будет совсем несложно. — Поглубже

вздохнув, Эгвейн зачерпнула еще больше Единой Силы. Она позволила себе разгневаться. И она выпустит на волю свой гнев, прольет его на отродий Тени, угрожающих существованию мира, и обрушит свою ярость на тех, кто забрал у нее Гавина.

— Нужно, чтобы за мной присмотрели, — сказала Эгвейн в опровержение недавних слов Сильвианы. Гавин определенно не был ее уязвимым местом. — Мне потребуется новый Страж.

— Но… — начала Росил.

Эгвейн остановила ее взглядом. Да, почти все женщины не спешили обзаводиться новым Стражем. Да, Эгвейн ал'Вир страдала от утраты, и Гавина не заменить. Но она верила в саму концепцию Стражей, и Престолу Амерлин нужен тот, кто прикроет в трудную минуту. Кроме того, связанные узами Стража сражаются намного лучше обычных бойцов. Отправиться в сражение без Стража означало лишить Свет еще одного отменного солдата.

Здесь, в этой комнате, находился человек, однажды спасший ей жизнь. «Нет, — сказал внутренний голос, когда взгляд Эгвейн остановился на Лильвин. — Только не шончанка».

«Перестань глупить! — рассмеялся еще один внутренний голос. Голос Амерлин. — Ты не ребе-

нок». Ей нужен Страж.

— Лильвин Бескорабельная, — громко сказала Эгвейн, — займешь ли ты место моего Стража?

— Я… — Женщина опустилась на колени и склонила голову. — Да.

Эгвейн сформировала нужное плетение для уз. Лильвин встала и вздохнула полной грудью. Теперь у нее был уже не такой усталый вид. Эгвейн открыла переходные врата, ведущие в другой угол комнаты, а затем, выяснив свое точное местоположение, открыла еще один портал — туда, где сражались люди. В открытые переходные врата ворвались звуки взрывов, вопли и стук клинков о щиты.

Неся в себе ярость Амерлин, Эгвейн вновь ступила на поле боя.

Демандред оказался мастером клинка. Галад предполагал, что так оно и будет, но предпочитал проверять свои предположения.

Оба начали танец, то сближаясь, то расходясь в кругу наблюдавших за поединком шарцев. Доспехи у Галада были полегче, обычная кольчуга под табаром, и поэтому двигался он легче и быстрее. Броня Демандреда из сплетенных друг с другом монет весила побольше, но лучше держала удар меча.

— Ты искуснее, чем твой брат, — заметил Демандред. — Он дешево продал свою жизнь.

Он пробовал разъярить Галада, но ничего не вышло. Спокойнее, осторожнее… Галад сделал выпад. «Придворный постукивает веером». Парирующим ударом, очень схожим с «Летящим вниз ястребом», Демандред отвел атакующий клинок Галада. Шагнув назад, он двинулся по кругу, отставив меч в сторону. Поначалу он много говорил, теперь же лишь время от времени отпускал насмешку.

Они кружили в темноте, освещенные факелами в руках у шарцев. Один круг. Второй.

— Ну, иди сюда, — сказал Демандред. — Я жду.

Галад промолчал. Каждое мгновение стоило губительного плетения, которое Демандред мог бы обрушить на Илэйн или ее армию. Похоже, Отрекшийся это понимал. Он провел стремительную атаку. Три удара: вниз, справа налево, слева направо. Галад отбил их все. Руки противников двигались так быстро, что их очертания расплывались в воздухе.

Движение сбоку. Камень, запущенный плетением Демандреда. Едва успев уклониться, Галад поднял меч навстречу новой атаке — яростным, рубящим ударам сверху — «Вепрь несется с горы».

Под звон клинков Галад отразил их, но предплечья не уберег: следующим поворотом клинка Демандред оставил на нем глубокий порез и тут же отступил, роняя на землю Галадову кровь.

Они снова закружились в танце, пристально глядя друг на друга. Галад чувствовал, как натекшая из раны в латную рукавицу теплая кровь теперь сочится по руке. Даже из-за пустячной кровопотери можно утратить быстроту движений, и тем самым она ослабит его.

Галад вдохнул и выдохнул, отгоняя мысли, избавляясь от тревоги. Предвосхитив следующий удар Демандреда, он отступил в сторону, перехватил меч обеими руками и нанес размашистый удар сверху вниз. Его клинок вонзился в кожаную накладку за наколенником Демандреда, скользнул по броне, но все же добрался до тела. Гавин тут же развернулся и увидел, что Отрекшийся прихрамывает.

— Ты пустил мне кровь. — Он скроил гримасу. — Такого не случалось уже очень-очень давно.

Под ногами дрогнула и раскололась земля. В отчаянии Галад прыгнул на Демандреда, надеясь, что тот прервет плетение, дабы устоять на ногах. Отрекшийся хмыкнул и взмахнул мечом, но Га-

лад уже был слишком близко.

Пространства для полноценного замаха не оставалось, поэтому Галад поднял меч и ударил Демандреда в лицо головкой эфеса. Отрекшийся перехватил его руку, но Галад крепко вцепился в шлем Демандреда, пытаясь надвинуть его врагу на глаза. Тот захрипел, и на какое-то время оба замерли, тяжело дыша.

И тут Галад отчетливо услышал тошнотворный звук, с которым лопнула мышца в раненой руке. Меч выскользнул из онемевших пальцев, руку свело судорогой, и Демандред оттолкнул Галада и взмахнул сверкнувшим клинком.

Галад упал на колени, а рядом шлепнулась его правая рука, отсеченная по локоть.

Демандред, отдуваясь, сделал шаг назад. Галад сумел его отвлечь. Это хорошо. Держась за кровоточащий обрубок, он плюнул Отрекшемуся на сапоги.

Демандред презрительно усмехнулся и снова взмахнул мечом.

На Галада сошла тьма.

Андролу казалось, что он уже забыл, каково это — дышать свежим воздухом. Земля вокруг дымилась и содрогалась, а дым клубился на ветру, приносившем запах горелой плоти.

В поисках Таима Андрол и его спутники дошли до западного склона взгорка. Здесь шел жаркий бой: с одной стороны — почти все шарцы, с другой — армия Белой Башни.

Группы владеющих Силой обменивались огненными ударами. Поэтому Андрол решил, что лучше пересечь эту ужасающую местность поодиночке. Он ступал по изрытой, дымящейся земле, пригнувшись пониже и притворяясь раненым, который ищет укрытия. На нем по-прежнему была личина Ненсена, но при такой походке, да еще и с опущенной головой, это не имело особого значения.

Он почувствовал острую вспышку тревоги, дошедшую до него от Певары, которая неподалеку пробиралась по полю сражения.

«Что такое? — спросил он. — С вами все в порядке?»

«Все хорошо, — откликнулась та после секунды напряженного ожидания. — Испугалась каких-то шарцев. Но прежде чем они напали, сумела объяснить, что я на их стороне».

«Даже не верится, что здесь кто-то может отличить друга от врага». Андрол надеялся, что Эмарин с Джоннетом целы и невредимы. Они шли вместе, но если вдруг…

Он замер, заметив в клубящемся дыму троллоков на каменном выходе, выступавшем из склона, будто сиденье стула. Они стояли, окружив кольцом скалистое обнажение.

Андрол осторожно стал красться вперед, надеясь подсмотреть, кого охраняют эти монстры.

«Андрол!» От мысленного возгласа Певары он едва из кожи не выпрыгнул.

«Что?»

«Вас что-то встревожило, — ответила она. — Вот я и отреагировала».

Чтобы успокоиться, он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. «Я кое-что нашел. Минутку…»

Андрол подкрался достаточно близко, чтобы почувствовать, что внутри кольца троллоков направляют Силу. Не пора ли…

Кто-то выкрикнул отрывистый приказ. Троллоки расступились. В просвет между ними выглянул Мишраиль и тут же нахмурился:

— Это всего лишь Ненсен!

Сердце у Андрола заколотилось.

Человек в черном отвлекся от созерцания битвы. Таим. В руках он держал тонкий черно-белый диск. Потирая его большим пальцем и глядя на сражение, Таим кривил губы в высокомерной

ухмылке. Видать, старания тех, кто уступал ему во владении Силой, не пробуждали в нем ничего, кроме презрения.

— Ну? — рявкнул он, глядя на Андрола, после чего отвернулся и спрятал диск в поясную сумку.

— Я видел Андрола, — брякнул Андрол, лихорадочно думая, что делать дальше.

О Свет, Таим и его люди ожидали, что он подойдет к ним. Так он и поступил — миновал оцепление троллоков и оказался в чреве зверя. Если подойти вплотную…

— Какое-то время я следил за ним, — продолжил он, стараясь подражать сиплому и скрипучему голосу Ненсена. Певара могла бы подправить звук соответствующим плетением, вот только она недостаточно хорошо знала Ненсенову манеру речи.

— Плевать мне на твоего Андрола! Глупец! Чем сейчас занят Демандред?

— Он видел меня, — ответил Андрол. — И остался недоволен. Мол, шастаю где ни попадя. Велел идти обратно и добавил, что если кто-то покинет эту позицию, он нас убьет, всех до единого.

«Андрол…» — встревоженно подумала Певара, но он не рискнул отвлечься на ответ. Всеми силами он сдерживал дрожь, которая усиливалась по

мере того, как он приближался к Таиму.

— А я-то думал, ты справишься с таким простым поручением. — Таим потер двумя пальцами лоб и закрыл глаза, после чего создал сложное плетение из Духа и Огня, и оно набросилось на Андрола ядовитой змеей.

Его охватила внезапная боль. Она началась в ступнях и расползлась по рукам и ногам. Андрол с криком упал на землю.

— Нравится? — спросил Таим. — Этому я у Моридина научился. По-моему, он хочет настроить меня против Демандреда.

Андрол пришел в ужас, поняв, что кричит собственным голосом, но другие, похоже, ничего не заметили. Наконец Таим распустил плетение, пытка прекратилась, и Андрол понял, что корчится в грязи, а конечности его содрогаются от фантомных воспоминаний о мучительной боли.

— Встань! — рыкнул Таим.

Андрол начал подниматься на ноги. Те едва слушались.

«Уже иду», — сообщила ему Певара.

«Оставайтесь на месте», — ответил он. О Свет, он чувствовал себя совершенно беспомощным. Ноги отказывались слушаться, и Андрол, распрямляясь, завалился на Таима.

— Болван! — Тот оттолкнул Андрола, и его поймал Мишраиль. — Стой смирно. — Таим начал творить новое плетение, подробности которого Андрол не рассмотрел, поскольку слишком разнервничался. Плетение зависло перед ним, а затем обернулось вокруг тела.

— Что ты делаешь? — спросил он. Дрожь в голосе симулировать не пришлось. Та жуткая боль…

— Говоришь, ты видел Андрола, — ответил Таим. — Вот я и накладываю на тебя Маску зеркал и инвертирую плетение. Чтобы ты выглядел как он. Значит так: прикинешься пажом, найдешь Логайна и убьешь его. Ножом или плетением, мне без разницы.

— Ты… наделил меня внешностью Андрола, — заключил Андрол.

— Он — один из любимчиков Логайна, — сказал Таим. — И так ты не вызовешь подозрений. Я даю тебе исключительно простое поручение, Ненсен. Как думаешь, ты сумеешь не запороть дело? Хотя бы раз?

— Да, М’Хаэль.

— Хорошо. Ведь в ином случае я прикончу тебя своими руками.

Плетение встало на место и исчезло. Мишраиль отпустил Андрола, попятился и хмыкнул:

— По-моему, Андрол будет поуродливей, М'Хаэль.

— Сойдет, — фыркнул Таим и повел рукой. — Прочь с глаз моих. Возвращайся с головой Логайна или вовсе не возвращайся.

И Андрол с трудом ушел, тяжело дыша и чувствуя, как ему смотрят в спину. Удалившись на приличное расстояние, он шагнул за полуобгоревший куст и едва не споткнулся о прятавшихся там Певару, Эмарина и Джоннета.

— Андрол! — прошептал Эмарин. — Твоя маскировка! Что случилось?! Ты нашел Таима?

Андрол сел на землю и сгорбился, пытаясь унять сердцебиение, а затем показал остальным сумку, что стащил с Таимова ремня, когда облапил его, поднимаясь на ноги.

— Да, нашел. Вы не поверите, но…

* * *

Сидя в седле Могучего, Арганда в одной руке сжимал лист бумаги, а другую сунул в карман, где хранился кодовый список. Троллоки продолжали пускать стрелы, но пока что Арганду не зацепило. И королеву Аллиандре тоже. Она была рядом, но хотя бы держалась чуть позади, возле резервных войск, где опасность ей грозила поменьше.

В ходе сражения у развалин силы Арганды вместе с порубежниками и Легионом Дракона, а также Волчья гвардия и белоплащники продвинулись вниз по течению. Сам Арганда держался за пехотинцами, которых у него насчитывалось больше, чем у остальных.

Здесь, в русле пересохшей реки, они на славу подрались и с троллоками, и с шарцами, пытавшимися окружить андорские войска. Когда село солнце и сгустились тени, Арганда сражался уже несколько часов. Однако, получив послание, он сразу же вышел из боя.

— Ну что это за растреклятый почерк! — проворчал он, поднося поближе к свету факела маленький листик со списком кодов. Приказ был подлинный, если только враги не разгадали шифр.

— Ну что? — спросил Турн.

— Коутон жив, — хмыкнув, пробурчал Арганда.

— Где он?

— Знать не знаю. — Арганда сложил записку и убрал список с кодами. — Гонец говорит, что перед ним открылись переходные врата, Коутон бросил ему в лицо это послание и велел передать мне.

Повернувшись на юг, он вгляделся во тьму. Солдаты готовились к ночи: выносили из порталов масло и поджигали груды дров. В свете костров Арганда увидел, что к нему приближаются двуреченцы — в полном соответствии с тем, что значилось в приказе.

— Эй, Тэм ал'Тор! — поднял руку Арганда. Своего командира он не видел уже несколько часов — с тех пор, как они расстались после сражения у развалин.

Арганда безмерно устал. Двуреченцы, судя по виду, — тоже. День выдался долгий, невероятно долгий, и сражению не было видно ни конца ни края. «Вот бы сюда Галленне, — подумал Арганда, дожидаясь людей ал'Тора и внимательно глядя на троллоков у реки. — Хоть было бы с кем поспорить».

Ниже по течению раздавались крики и лязг металла: андорские пикинеры с немалым трудом противостояли волнам троллоков. Сражение шло по всему берегу Моры, почти до Дашарского бугра. Войска Арганды защитили андорцев от ударов с фланга.

— Какие новости, Арганда? — спросил Тэм, приблизившись.

— Коутон жив, и это треклятое чудо: ведь его

штабную палатку взорвали и сожгли, вдобавок перебили множество дамани и прогнали его жену. Но Коутону все это как с гуся вода.

— Ха! — подал голос Абелл Коутон. — Узнаю своего парнишку!

— Он сказал, что вы придете, — продолжил Арганда. — И что у вас есть стрелы. Это так?

— Да, — кивнул Тэм. — Последним приказом он отправил нас через переходные врата в Майен — подлечиться и пополнить припасы. Понятия не имею, как Мэт узнал про стрелы, но женщины Двуречья прислали их, когда мы готовились к возвращению. У нас есть длинные луки — на тот случай, если они тебе понадобятся.

— Еще как понадобятся! Коутон хочет, чтобы наши войска направились вверх по реке, к руинам, перешли русло и поднялись на взгорок по северо-восточной стороне.

— Не знаю, к чему все это, но рискну предположить, что Мэт действует не наобум, — сказал Тэм.

Сквозь ночную тьму оба войска двинулись вверх по реке, оставив позади сражавшихся андорцев, кайриэнцев и айильцев. «Да укроет вас Создатель, друзья мои», — подумал Арганда.

Перейдя через высохшее русло, они стали под-

ниматься по темному северо-восточному склону. На этой стороне возвышенности было тихо, но наверху тускло мерцали ряды факелов.

— Если там шарцы, то этот крепкий орешек расколоть будет непросто, — тихо сказал Тэм, подняв глаза к темной вершине.

— В записке Коутона говорится, что можно рассчитывать на помощь, — ответил Арганда.

— Что за помощь?

— Не знаю. Он не…

Неподалеку грянул гром, и Арганда поморщился. Предполагалось, что почти все владеющие Силой сражаются на другой стороне взгорка, но это не значило, что здесь никого не осталось. Арганда всей душой ненавидел это чувство. Ощущение, что где-то рядом тот, кто способен направлять. Следит за тобой и раздумывает, как тебя прикончить — огнем, землей или молнией.

Те, кто может направлять Силу… Без них мир был бы куда лучше. Но оказалось, что раскатистый звук — это не гром, а топот копыт. Из темноты галопом выехали всадники с факелами, пересекли высохшую реку и нагнали людей Арганды. Над конницей реяли флаги порубежников, а в центре — знамя Золотого журавля.

— Чтоб я шерстью зарос, что твой троллок! —

воскликнул Арганда. — Вы что, порубежники, решили к нам присоединиться?!

В свете факелов Лан Мандрагоран отсалютовал ему серебристо сверкнувшим мечом, после чего бросил взгляд на вершину.

— Так вот где будет бой.

Арганда кивнул.

— Это хорошо, — сказал Лан и тихо продолжил, не спешиваясь: — Мне только что доложили, что по вершине движется на северо-восток крупное шарское войско. У меня нет сомнений, что они хотят зайти в тыл к нашим людям, что сдерживают троллоков у реки; тогда мы попадем в окружение и станем беззащитны. Похоже, наша задача — сделать так, чтобы этого не случилось. — Он повернулся к Тэму. — Ну что, лучник, готов приласкать их, прежде чем мы приступим к делу?

— Это запросто, — ответил Тэм.

Лан кивнул и воздел меч. Сопровождавший его малкири поднял знамя Золотого журавля к небесам, а затем все они устремились вверх по склону. А навстречу им, растянувшись по всей ширине взгорка и озаряя небо тысячами факелов, неслось громадное вражеское войско.

Тэм ал'Тор приказал двуреченцам построиться и изготовиться к стрельбе, а затем громко ско-

мандовал: «Пускай!» — и к шарцам устремились тучи стрел.

Когда расстояние между армиями сократилось, враг ответил тем же. Арганда понимал, что в темноте меткость лучников будет совсем не та, что днем, но это касалось обеих сторон.

Двуреченцы осыпали врага градом стрел, быстрых, словно падающий на добычу сокол.

— Стоп! — крикнул Тэм, и лучники прекратили стрелять в тот самый миг, когда конница Лана врезалась в потрепанные шарские ряды.

«Где же Тэм набрался боевого опыта?» — задумался гэалданец, прикидывая, сколько раз он видел этого овечьего пастуха в битве, — а тот, говоря начистоту, выказывал на поле боя куда больше соображения, чем многие бывалые военачальники, которых знавал Арганда.

Порубежники отступили, после чего двуреченцы дали новый залп, и Тэм подал знак Арганде.

— Вперед! — крикнул тот своим пехотинцам. — Все роты, вперед!

Сдвоенные удары лучников и тяжелой кавалерии дают неплохой результат, но при всей своей мощи они становятся бесполезными, когда враг переходит к обороне. Вскоре шарцы выстроят крепкую стену щитов и копий, способную устоять

против атак конницы, а иначе их перестреляют лучники. Тогда-то и приходит время для пехоты.

Арганда вытянул из петли булаву — шарцы сражались в кольчугах и в кожаных доспехах — поднял ее повыше и повел своих людей вверх по склону, навстречу вражеским войскам, также пошедшим в наступление. Они встретились на полпути к вершине. Под началом Тэма собрались белоплащники, гэалданцы, Волчья гвардия Перрина и Крылатая гвардия Майена, но все они считали себя солдатами одной и той же армии. Еще полгода назад Арганда поклялся бы могилой отца, что эти люди никогда не станут сражаться заодно — не говоря уже о том, чтобы протянуть другим руку помощи, как это сделала Волчья гвардия, когда враг чуть было не взял белоплащников числом.

Послышался вой, и среди шарцев замелькали громадные тени. О Свет! Еще и троллоки?

Арганда размахивал булавой, пока не разболелась рука, а затем перебросил оружие из правой ладони в левую и продолжил ломать кости и крушить вражеские руки, локти и плечи, пока шкура Могучего не зарябила кровавыми веснушками.

С другой стороны взгорка в сторону оборонявшихся андорцев вдруг устремились вспышки

света. Поглощенный боем Арганда заметил их лишь краем глаза, но внутри у него что-то дрогнуло. Должно быть, Демандред возобновил свои атаки.

— Я победил твоего брата, Льюс Тэрин! — прогремел над полем сражения голос едва ли не громче раскатов грома. — Сейчас он умирает, и вместе с кровью земля впитывает его недолгую человеческую жизнь!

Арганда заставил Могучего отступить и развернулся, когда массивный троллок с почти человеческим лицом, взревев, оттолкнул раненого шарца. Из раны в плече монстра хлестала кровь, но троллок, похоже, этого не замечал. Выгнув спину, он занес кистень с короткой цепью и билом, похожим на усаженное шипами полено.

Оно ударило в землю рядом с конем, и Могучий испугался. Пока Арганда приводил его в чувство, троллок — он был поистине огромный, а кулаки как кувалды — шагнул вперед и вломил Могучему с левой. Удар пришелся в голову сбоку и сшиб коня на землю.

— Тебе что, нет дела до родной крови и плоти? — громыхал вдали Демандред. — Ужель в тебе нет ни капли любви к этому человеку в белом, который назвал тебя братом?

Череп Могучего треснул, как куриное яйцо. Ноги судорожно задергались. Арганда с трудом поднялся с земли. Он не помнил, как спрыгнул с падающего коня. Его спас инстинкт. К несчастью, при падении Арганда откатился от телохранителей, которые пытались выжить в схватке с группой шарцев.

Его люди продвигались вперед, понемногу тесня противника, но рассматривать происходящее было некогда, поскольку к Арганде приближался все тот же троллок.

С булавой в руке Арганда поднял взгляд на гигантское создание. Троллок переступил через умирающего коня и замахнулся кистенем.

Никогда еще Арганда не чувствовал себя таким маленьким.

— Трус! — ревел Демандред. — Называешь себя спасителем этих земель? Я заявляю права на этот титул! Сразись со мной! Или сперва мне надо прикончить этого твоего родственника?

Арганда набрал полную грудь воздуха и метнулся вперед, решив, что этого троллок ожидает меньше всего. И действительно, кистень угодил в пустоту, а булава Арганды с громким хрустом раздробила троллоку тазовую кость.

А потом монстр ударил его тыльной стороной

ладони. В глазах у Арганды побелело, и шум битвы стих. Крики, вопли, топот сапог… Крики, вопли… Вопли, крики… И тишина.

Позже — он не знал, сколько времени прошло, — Арганда почувствовал, что его поднимают. Троллок? Он проморгался, намереваясь хотя бы плюнуть в морду своему убийце, но обнаружил, что его усаживают на коня, за спину ал'Лана Мандрагорана.

— Неужели я жив? — По левому боку прокатилась волна боли, подтверждая, что да, он действительно жив.

— Ты сразил по-настоящему крупную тварь, гэалданец. — Лан пустил коня галопом в тыл армии. Арганда заметил, что за ним следуют и другие порубежники. — Троллок зашиб тебя во время предсмертных конвульсий. Я решил, что ты мертв, но не мог подойти к телу, пока мы не оттеснили врага. Нам пришлось бы несладко, но второе войско застало шарцев врасплох.

— Второе войско? — переспросил Арганда, потирая руку.

— Коутон велел ему затаиться и ждать на северном склоне взгорка. Похоже, оно состоит из принявших Дракона и целого знамени кавалерии — по-моему, из Отряда Красной руки. Пока

ты возился с тем троллоком, они обрушились на левый фланг шарцев, и вражеские ряды рассыпались. Пока они перегруппируются, пройдет какое-то время.

— О Свет! — выдохнул Арганда и застонал. Левая рука сломана, это наверняка, но он жив, и при нынешнем раскладе это неплохо. Он глянул на передний край, где его пехота упрямо держала строй, а в ее рядах, ободряя солдат, разъезжала туда-сюда королева Аллиандре. О Свет… Лучше бы она согласилась помогать в майенском лазарете.

Пока что на склоне было спокойно. Шарцы отступили, не выдержав мощного удара, и теперь противостоящие армии разделяло открытое пространство. Видать, враги не ожидали столь внезапной и сильной атаки.

Но… Погодите. Справа от Арганды замаячили тени, и они приближались. Из темноты выходили крупные фигуры. Еще троллоки? Арганда стиснул зубы от боли. Булаву он выронил, но запасной нож оставался за голенищем. Он не отдаст свою жизнь без…

«Огиры! — с изумлением понял он. — Это не троллоки. Это огиры». Троллоки не явились бы сюда с факелами в руках.

— Слава Строителям! — крикнул им Лан. —

Значит, вы были в том войске, что ударило по флангу шарцев? Где Коутон? Мне хотелось бы с ним поговорить!

Кто-то из огиров раскатисто рассмеялся:

— Не только тебе, Дай Шан! Коутон мечется по полю сражения, будто белка, собирающая орехи в подлеске. Он то тут, то там, потом еще где-то. Могу лишь сказать, что наша задача — остановить наступление шарцев любой ценой.

На дальней стороне взгорка стало светлее из-за новых огненных вспышек. Там шел бой между шарцами и Айз Седай. Коутон и впрямь пытался зажать силы Тени. Стараясь не обращать внимания на боль, Арганда погрузился в размышления.

Как быть с Демандредом? На глазах у Арганды новое плетение Отрекшегося, сея опустошение, прожгло ряды защитников на другом берегу реки. С каждым ударом погибали сотни человек, и боевой порядок пикинеров начал распадаться.

— С одной стороны — шарские владеющие Силой, а с другой — Отрекшийся, — пробурчал Арганда. — О Свет! Я и не представлял, сколько здесь троллоков. Ни конца ни края… — В свете взрывов Единой Силы он теперь видел, как далеко внизу многие тысячи монстров дерутся с

войсками Илэйн. — У нас нет шансов, верно?

В граните лица и в сланце глаз Лана отражался свет факелов. Спорить Дай Шан не стал.

— Что же нам делать? Чтобы победить… — Арганда задумался. — О Свет, чтобы победить, надо расправиться с этими шарцами и спасти пикинеров. Ведь еще немного — и их окружат троллоки. Каждому из наших придется убить по меньшей мере пять этих тварей! И это не считая Демандреда!

Лан не ответил.

— Мы обречены, — заключил Арганда.

— Даже если так, — сказал Лан, — мы занимаем господствующую высоту. И будем сражаться, пока не погибнем, гэалданец. Не отступая и не сдаваясь. Далеко не каждому выпала такая честь.

Сводя воедино непокорные нити вероятностей, Ранд выплетал мир своей мечты. Он не знал, почему они непослушны, эти нити. Быть может, он требует от них чего-то маловероятного. Сейчас он создавал не простую иллюзию, но заглядывал в миры, которые были прежде, миры, которые могли случиться вновь. Зеркальные отражения реальности, в которой он существовал.

Ранд не создавал эти миры. Он лишь… помогал им обрести очертания, принуждал нити выявить

нужную ему реальность, и в итоге они подчинились. В очередной раз тьма превратилась в свет, и из ничего возникло нечто.

Ранд ступил в мир, не знавший Темного.

Точкой входа он выбрал Кэймлин. Быть может, потому, что в последнем видении Темный продемонстрировал ему именно этот город, и Ранд хотел доказать себе, что кошмар не является неизбежным. Ему требовалось снова увидеть Кэймлин, но теперь не затронутый порчей.

Глубоко дыша, он шагал по дороге, что вела к дворцу. Цвели масляные бобовники, чьи ярко-желтые цветы выглядывали из каждого сада, а ветви нависали над стенами, окружавшими внутренние дворики. В садах, подбрасывая лепестки в воздух, играли дети.

В ясном небе ни облачка. Ранд поднял руки, вышел из-под цветущих ветвей и подставил лицо яркому теплому солнцу. Охраны возле дворца не было. Посетителей встречал привратник, любезно отвечавший на все вопросы.

Ранд направился к входу, оставляя следы на золотистых лепестках. Навстречу бежала девочка. Ранд остановился и улыбнулся ей.

Приблизившись, девочка с недоумением коснулась меча у него на поясе, подняла на Ранда

огромные глаза и спросила:

— Что это?

— Пережиток прошлого, — прошептал Ранд.

Тут вниманием девочки завладел смех других детей, и она убежала, а затем звонко рассмеялась, когда кто-то подбросил пригоршню лепестков к небу.

Ранд пошел дальше.

— ВОТ ОН КАКОВ, ТВОЙ ИДЕАЛ? — донесся откуда-то издали голос Темного. Он мог пронзить эту реальность, чтобы говорить с Рандом, но появиться здесь, как в других видениях… Нет, такой возможности он не имел. Это место было ему полной противоположностью.

Ибо таким являлся мир, который будет существовать, если Ранд убьет Темного в Последней битве.

— Пойдем посмотрим, — с улыбкой ответил Ранд.

Молчание. Позволив себе проникнуть в эту реальность чуть глубже, Темный перестанет существовать. Ведь в этом мире он уже погиб.

Свершится новый оборот, и все начнется заново. Такова суть Колеса Времени. Зачем выигрывать единственную битву против Темного, зная, что он вернется? Ранд был способен на большее. На

то, что видел теперь собственными глазами.

— Мне хотелось бы встретиться с королевой, — сказал Ранд служителю у дворцовых дверей. — Она у себя?

— Вы найдете ее в садах, молодой человек, — ответил привратник, глянув на меч Ранда, но без тревоги. Скорее с любопытством. В этом мире у людей в голове не укладывалось, что кто-то может захотеть причинить вред другому. Такого здесь не случалось.

— Спасибо, — поблагодарил Ранд и вошел во дворец, чьи коридоры выглядели знакомо, но в то же время как-то иначе. Во время Последней битвы Кэймлин был разрушен почти до основания, а дворец предали огню. Воссозданная версия походила на прежнюю, но не являлась ее копией.

Ранд неторопливо шагал по дворцу, чувствуя смутное беспокойство. Какое-то неуютное ощущение в глубине души. Что же…

«Не забывайся, — понял он. — Самодовольство здесь неуместно». Этот мир не был реальным. Не в полной мере. Пока еще нет.

Может, таков план Темного? Хитростью сделать так, чтобы Ранд создал для себя персональный рай, вошел и застрял в нем, пока в реальности бушует Последняя битва? Пока там, снаружи,

сражаются и гибнут люди?

Нужно помнить об этом. Нельзя раствориться в этой фантазии. Но Ранд едва не забыл обо всем на свете, когда вошел в галерею — длинный коридор с множеством окон, вот только эти окна лишь казались окнами и выходили они не на Кэймлин. Эти новые стеклянные порталы позволяли увидеть другие земли — будто переходные врата, всегда открытые на одном и том же месте.

Ранд миновал окно, за которым открывался вид на подводное царство с его юркими разноцветными обитателями. Следующее окно смотрело на безмятежную лужайку где-то высоко в Горах тумана. Из травы, будто капли краски на полу мастерской живописца, выглядывали красные цветы.

За окнами в другой стене открывался вид на величайшие города мира. Ранд прошел мимо Тира, чью Твердыню превратили в музей Третьей эпохи, а его смотрителями работали Защитники. В этом поколении никто не имел при себе оружия, и рассказы о том, как воевали деды, воспринимались с оторопью. За другим окном Ранд увидел Семь Башен Малкир, отстроенные заново, но теперь в качестве памятника, а не укрепленной крепости. Запустение, как и отродья Тени, сгину-

ло вместе с гибелью Темного — как будто он был связан с каждым чудовищем, словно мурддраал, возглавляющий кулак троллоков.

На дверях не было замков. Монеты казались почти забытым экстравагантным обычаем. Способные направлять Силу помогали создавать пищу для всех и каждого. Ранд миновал окно в Тар Валон, где Айз Седай Исцеляли всех, кто обращался за помощью, и открывали переходные врата для соединения любящих сердец. Никто ни в чем не нуждался.

Ранд задержался у следующего окна, выходившего на Руидин. Неужели этот город когда-то находился в пустыне? Теперь от Шары до Кайриэна простирались цветущие сады.

И здесь же, в окне, Ранд увидел Поля чоры — целый лес этих деревьев вокруг легендарного города. И еще он увидел, как поют айильцы, хотя не услышал слов.

Никакого оружия. Никаких больше танцев копий. Айил вновь стали народом мира.

Он пошел дальше. Бандар Эбан, Эбу Дар, Шара, земли континента Шончан… Здесь были представлены все страны, хотя люди теперь почти не обращали внимания на границы государств. Очередной пережиток прошлого. Кому какое дело,

кто где живет, в какой стране и почему кому-то вообще взбредет в голову «владеть» землей? Ее и так на всех хватает. В цветущей Пустыне появилось место для новых городов, для новых чудес. Многие из окон, мимо которых шагал Ранд, смотрели на неизвестные ему места, хотя он с радостью отметил, насколько похорошело Двуречье — почти как во времена Манетерен.

У последнего окна он в смятении остановился. За ним виднелась долина, в прошлом известная как Проклятые земли. Здесь стояла одинокая каменная плита, на которой давным-давно сожгли мертвое тело. Вокруг кипела жизнь. Все заросло травой, плющом, лозами дикого винограда, цветами. По камням спешил куда-то мохнатый паук размером с детскую ладонь.

Могила Ранда. Место, где его тело предали огню по окончании Последней битвы. Он долго стоял у этого окна, пока наконец не заставил себя выйти из галереи, после чего направился в дворцовые сады. Слуги, к которым он обращался, с готовностью и вежливо отвечали на его вопросы. Никто не интересовался, зачем он хочет видеть королеву.

Ранд предполагал, что найдет ее в окружении множества людей. Если любой может встретить-

ся с королевой, разве не будет все ее время занято подобными аудиенциями? Но когда Ранд нашел ее в саду, сидящей на скамейке под ветвями дворцовой чоры, она была одна.

В этом мире не существовало проблем. Здесь люди быстро справлялись со своими обидами. Это был мир дающий, мир единства, а не разногласий. Зачем кому-то королевское внимание?

Илэйн была прекрасна, как в тот день, когда они расстались. Разумеется, уже не беременная. С Последней битвы минуло сто лет, но Илэйн выглядела так, будто нисколько не состарилась.

Ранд подошел к ней, поглядывая на стену сада, с которой однажды сверзился, после чего и состоялось их с Илэйн знакомство. Сад был совсем другим, но стена осталась прежней. Эта многострадальная стена повидала и разорение Кэймлина, и пришествие новой эпохи.

Илэйн взглянула на него, не вставая со скамьи, изумленно раскрыла глаза и вскинула ладонь к губам:

— Ранд?!

Он твердо смотрел на нее, положив руку на навершие меча Ламана. Официальная поза. Почему он встал именно так, а не иначе?

— Это розыгрыш? — улыбнулась Илэйн. — Где

ты, дочь? Снова развлекаешься с Маской зеркал, чтобы надо мной подшутить?

— Это не шутка, Илэйн. — Ранд опустился на колено и заглянул ей в глаза.

Что-то было не так.

— Ой, но этого не может быть! — воскликнула Илэйн.

Вот только перед ним не Илэйн, верно? Другие интонации, непривычные манеры… Разве могла она настолько измениться? С другой стороны, прошло целых сто лет…

— Что с тобой случилось, Илэйн? — спросил Ранд.

— Случилось? Ничего не случилось! День сегодня замечательный. Просто великолепный. Прекрасный мирный день. Как же я люблю сидеть в саду и наслаждаться солнечными лучами!

Ранд сдвинул брови. Этот жеманный тон, банальные фразы… Илэйн никогда не вела себя подобным образом.

— Надо устроить пир! — воскликнула она и захлопала в ладоши. — Приглашу Авиенду! На этой неделе она отдыхает от пения, хотя, скорее всего, дежурит по детям. Она всегда вызывается дежурить.

— Дежурить? По детям?

— В Руидине, — объяснила Илэйн. — Все просто обожают играть с детьми, причем повсеместно. На такие дежурства всегда полно желающих, страшная конкуренция! Но все понимают, что радостью надо делиться.

Авиенда. Присматривает за детьми и поет деревьям чора. Ну а что в этом плохого? Разве нельзя ей получать удовольствие от подобных вещей?

И все же здесь что-то не так. Ранд всегда считал, что Авиенда станет замечательной матерью, но представить, что она днями возится с чужими детьми…

Он снова заглянул в глаза Илэйн. Хорошенько так заглянул, до самой души, и где-то глубоко увидел в них притаившуюся тень. Пусть невинную, но все же тень. Похожую… Похожую на…

На тень, что появляется в глазах у тех, кого силой Обратили к Темному.

Ранд вскочил и нетвердо попятился.

— Что ты здесь устроил?! — крикнул он в небеса. — Отвечай, Шайи'тан!

— Шайи'тан? — Илэйн склонила голову к плечу. Она не испугалась. В этом мире не существовало страха. — Клянусь, я помню это имя! Столько времени прошло… Иной раз память подводит.

— ШАЙИ'ТАН! — проревел Ранд.

—

Я НИЧЕГО ЗДЕСЬ НЕ УСТРАИВАЛ, СОПЕРНИК, — ответил далекий голос. — ВСЕ ЭТО СОЗДАЛ ТЫ, И ТОЛЬКО ТЫ.

— Чушь! — заявил Ранд. — Ты изменил ее! Изменил их всех!

— ТЫ ДУМАЛ, ЧТО, ЕСЛИ УБРАТЬ МЕНЯ ИЗ ЖИЗНИ ЭТИХ ЛЮДЕЙ, ОНИ НЕ ИЗМЕНЯТСЯ?

Эти слова отозвались в душе Ранда раскатами грома. Он в ужасе отступил. Взволнованная его поведением, Илэйн встала со скамейки. Да, теперь он ясно видел ее, эту сущность у нее в глазах. Илэйн перестала быть собой… Потому что Ранд отнял у нее возможность быть собой.

— Я ОБРАЩАЮ ЛЮДЕЙ К СЕБЕ, — продолжил Шайи'тан. — ДА, ЭТО ТАК. СДЕЛАВШИСЬ МОИМИ, ОНИ УЖЕ НЕ СПОСОБНЫ ВЫБРАТЬ ДОБРО. В ЧЕМ ЖЕ НАШЕ С ТОБОЙ РАЗЛИЧИЕ, СОПЕРНИК? ЕСЛИ ТЫ ДЕЛАЕШЬ ТО ЖЕ САМОЕ, МЫ С ТОБОЙ ОДИНАКОВЫ.

— Нет! — закричал Ранд, схватился за голову и упал на колени. — Нет! Без тебя мир станет совершенным!

—

СОВЕРШЕННЫМ. НЕИЗМЕННЫМ. ПОГИБШИМ. УБЕЙ МЕНЯ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, СОПЕРНИК. СДЕЛАЙ

ЭТО, И Я ОДЕРЖУ ПОБЕДУ. ЧТО БЫ ТЫ НИ СДЕЛАЛ, ПОБЕДА ОСТАНЕТСЯ ЗА МНОЙ.

За этими словами последовала очередная атака. Ранд вскрикнул и сжался в комок. Созданный им кошмар разлетелся вдребезги, и световые полосы прянули во все стороны, будто струйки дыма.

Тьма вокруг него содрогнулась и запульсировала.

— ТЕБЕ ИХ НЕ СПАСТИ.

Ранда вновь обвил сияющий, полный энергии Узор. Не воображаемый, а самый настоящий. Истинный смысл того, что случилось. Создав образ мира, в котором нет Темного, Ранд сотворил нечто ужасное. Нечто омерзительное. Еще хуже, чем то, что видел прежде.

Темный вновь атаковал.

Закинув ашандарей на плечо, Мэт вышел из боя. Треклятый Карид требовал битвы — чем безнадежнее, тем лучше. Что ж… Теперь он должен быть совершенно счастлив. Должен приплясывать и заливаться хохотом! Его желание сбылось. О Свет, еще как сбылось! Что правда, то правда.

Поскольку стульев поблизости не имелось, Мэт уселся на мертвого троллока и от души приложился к бурдюку с водой. Он чувствовал пульс битвы, ощущал ее ритм, и этот ритм не сулил

ничего хорошего. Демандред был умен. Он избежал Мэтовой ловушки у брода, где стояло не самое большое войско. Демандред отправил туда троллоков, но шарцев оставил при себе. Если бы он покинул взгорок и напал на армию Илэйн, войска Мэта поднялись бы на вершину с запада и северо-востока и разбили Тень стремительным ударом в спину. Теперь же Отрекшийся хотел обойти Илэйн с тыла, и на какое-то время Мэт его остановил — но долго ли он продержится?

Дела у Айз Седай оставляли желать лучшего. Шарские владеющие Силой выигрывали этот бой. «Не покидай меня, удача, — подумал Мэт. — Сегодня ты нужна как никогда».

Да, это была бы подходящая кончина для Мэтрима Коутона. Узор и впрямь обожал насмехаться над ним. Мэт вдруг понял эту грандиозную шутку: если везение не играет значимой роли, оно всегда с тобой, а когда удача нужна по-настоящему, ее как не бывало.

«Кровь и треклятый пепел!» — подумал он, отбросив пустой бурдюк. Единственным источником света был факел в руках у Карида. В тот момент Мэт не чувствовал своей удачи. Такое иногда случалось. Он не понимал, везет ему сейчас или нет.

Что ж, даже утратив присущее ему везение, Мэтрим Коутон останется тем еще упрямцем. Умирать он не собирался. Не сегодня. Ему еще предстоит спеть немало песен, разучить новые танцы и расцеловать множество женщин. Ну ладно, пускай не множество, а одну — но тем не менее.

Он встал и снова отправился в бой вместе со Стражами Последнего часа, огирами, войском Тэма, Отрядом Красной руки, порубежниками — короче говоря, со всеми, кого собрал на этом участке. Битва возобновилась, и все они отчаянно сражались — и даже оттеснили шарцев на пару сотен шагов. Но Демандред, заметив, что происходит, начал снимать троллоков с позиции у реки и отправлять их в новую мясорубку, вверх по склону. Тот был крутой — самый трудный для подъема, — но Отрекшийся понимал, что на Мэта надо давить изо всех сил.

Троллоки представляли собой реальную угрозу. Внизу, у реки, их было предостаточно, чтобы пробиться по склону на вершину, в то же время не оставляя попыток взять силы Илэйн в окружение. Если любая из армий Мэта дрогнет, ему конец.

Ну что ж… Он уже бросил кости и отдал приказы. Оставалось лишь драться, истекать кровью и

надеяться на лучшее.

На западной стороне взгорка что-то полыхнуло — нечто вроде жидкого огня, и темнота ночи наполнилась горящими каплями расплавленного камня. Сперва Мэт подумал, что Демандред решил ударить по здешним войскам, но Отрекшийся, как видно, не отказался от желания уничтожить андорцев.

Еще одна вспышка, теперь на позициях Айз Седай. Сквозь темноту и дым Мэт ясно увидел, как шарцы спасаются бегством — с западного склона взгорка на восточный, — и сообразил, что улыбается.

— Глянь-ка. — Он похлопал Карида по плечу, чтобы привлечь его внимание.

— Что случилось?

— Не знаю, — сказал Мэт. — Но что бы ни случилось, шарцы теперь объяты пламенем, и мне это определенно нравится. Продолжаем!

С этими словами он повел Карида и остальных в новую атаку на шарских солдат.

Олвер брел, сгорбившись под тяжестью связки стрел. Он сам настоял, чтобы у его ноши был реальный вес. Мало ли, вдруг кто-то из людей Тени решит проверить груз и обнаружит, что под первым слоем стрел нет ничего, кроме легкой и

тонкой материи?

Сеталль и Фэйли поглядывали на него, будто опасаясь, что в любой момент он упадет без сил. Ну и напрасно. Не настолько она тяжелая, эта вязанка. Ясное дело, это не помешает ему развести Сеталль на сочувствие, когда они вернутся в лагерь сил Света. В подобных делах нужна тренировка, иначе станешь таким же безнадежным, как Мэт.

Их отряд гуськом двигался к тому складу посреди Проклятых земель. Со временем Олвер признал, что и впрямь предпочел бы ношу полегче. Чуть-чуть, но полегче. И вовсе не потому, что он начал уставать. Допустим, начнется бой, и Олверу придется по-быстрому избавиться от своей ноши. Но разве можно сделать хоть что-то по-быстрому с такой вязанкой на спине?

Босые ноги покрылись серой пылью, а одежда выглядела так, что от нее даже нищий отказался бы. Чуть раньше Фэйли и ребята из Отряда Красной руки напали на один из жалких караванов, тянувшихся к складу Тени. Бой был так себе, лишь трое приспешников Темного да ушлая купчиха, а под их надзором — вереница измученных и полуголодных пленников.

На многих грузах стояло кандорское клеймо

в виде красного коня, да и невольники по большей части были кандорцами. Их освободили и отправили на юг, но ушла только половина. Остальные заявили, что примкнут к отряду Фэйли и отправятся на Последнюю битву, хотя Олверу доводилось видеть уличных попрошаек поупитанней этих ребят. Так или иначе, с ними караван Фэйли выглядел как настоящий.

А это важно. Они приближались к складскому центру, и Олвер поднял взгляд. В студеной ночи тропу освещали ряды факелов. Стоявшие неподалеку айильцы с красными вуалями внимательно следили за вереницей носильщиков. Олвер снова уставился в землю, чтобы враги не заметили ненависти в его взоре. Он-то знал, что айильцы не заслуживают никакого доверия.

Двое часовых — не айильцы, а какие-то другие приспешники Темного — приказали отряду остановиться. Вперед вышла Аравин в одежде торговки, которую они убили. Почему Аравин, а не Фэйли? Да потому, что у Фэйли слишком запоминающаяся салдэйская внешность. Поэтому решили, что роль приспешницы Темного, да еще и купчихи, ей не подходит.

— Где ваша охрана? — спросил караульный. — Это же караван Лифы, верно? Что случилось?

— Придурки они, вот кто! — заявила Аравин и сплюнула в сторону. Олвер едва не улыбнулся себе под нос. Что-что, а свою роль Аравин играло умело, даже лицо стало совсем другое. — Валяются мертвые — там, где я их бросила! Говорила же, что нечего шастать в ночи. Понятия не имею, кто на них напал, на этих троих, но нашли мы их на краю лагеря. Трупы раздутые, кожа черная. — Она с омерзением поморщилась. — По-моему, какие-то твари отложили яйца у них в животах. А выяснять, кто из них вылупится, нам как-то не захотелось.

Солдат понимающе хмыкнул:

— А ты кто?

— Пансай, — ответила Аравин. — Деловой партнер Лифы.

— С каких это пор у Лифы деловой партнер появился?

— С тех самых, как я прирезала ее и забрала дело себе.

Сведениями о Лифе поделились освобожденные пленники, и были они скудными. Олвер чувствовал, что покрывается испариной. Караульный долго смотрел на Аравин, а потом решил пройтись вдоль вереницы кандорских пленников и солдат Фэйли — эти горбились и смотрели в

землю, стараясь не выделяться из общей массы.

— Ты, — указал караульный на Фэйли, — салдэйка, да? — Он усмехнулся. — Я-то думал, что салдэйка прикончит любого, кто попробует взять ее в плен. — И он грубо толкнул Фэйли в плечо.

Олвер затаил дыхание. Ох, кровь и треклятый пепел! Такого леди Фэйли не стерпит. Охранник решил проверить, действительно ли пленники забиты и запуганы как следует. Осанкой и манерой держаться Фэйли непременно выдаст себя, ведь она благородная дама, и…

Фэйли съежилась, стала очень-очень маленькой и проскулила что-то неразборчивое.

Обнаружив, что у него отвисла челюсть, Олвер заставил себя закрыть рот и снова уставился в землю. Но как?! Каким образом леди Фэйли научилась вести себя как служанка?

— Ступайте, — проворчал солдат, повернулся к Аравин и махнул рукой. — Ждите вон там, пока не позовем.

Отряд перебрался на утоптанный пятачок земли, где Аравин приказала всем сесть, а сама остановилась рядом, сложила руки и стала ждать, нетерпеливо постукивая ногой. В небесах заурчал гром, и Олвер почувствовал какой-то странный озноб. Он поднял взгляд. И увидел, что над ним

маячит безглазое лицо мурддраала.

Олвера пробрала такая дрожь, будто его швырнули в ледяное озеро. От потрясения он даже дышать не мог. В мертвенно-неподвижном плаще Исчезающий обошел всю группу. Казалось, он не идет, а скользит по земле. Наконец жуткий осмотр закончился, и мурддраал удалился в сторону складского лагеря.

— Искал тех, кто может направлять, — шепнула Фэйли Мандеввину.

— Да поможет нам Свет, — отозвался тот.

Ждать было невыносимо. В конце концов к ним подошла пухлая женщина в белом. Когда она сплела переходные врата, Аравин грубо велела всем встать, а затем повела рукой — мол, шагайте в портал. Олвер догнал Фэйли; вместе они перешли оттуда, где была красная земля и холодный воздух, туда, где пахло пожарищем, и оказались в неряшливом лагере, где кишмя кишели троллоки. Поблизости булькали громадные котлы, а дальше, сразу за лагерем, круто поднимался склон, ведущий к чему-то вроде громадного плоскогорья. Над вершиной поднимались столбы дыма; оттуда же — и еще откуда-то слева от Олвера — доносились звуки битвы. Отвернувшись от склона, Олвер увидел вдалеке темные очертания

высокой, но узкой горы. Она вздымалась над плоской равниной, как свеча посреди обеденного стола.

Олвер снова поднял взгляд на плоскогорье за лагерем, и у него заколотилось сердце. По склону катилось тело человека, еще сжимавшего в руке знамя — полотнище с изображением большой красной ладони. Отряд Красной руки! Вместе со знаменем человек упал к ногам троллоков, пожиравших возле костра шкворчащее мясо. Когда тело закатилось в огонь, во все стороны полетели искры, и разъяренные чудища выхватили незваного гостя из пламени, но ему было уже все равно, что с ним сделают.

— Фэйли! — прошептал Олвер.

— Вижу. — В своей ноше она прятала сумку с Рогом Валир. Помолчав, Фэйли продолжила, обращаясь скорее к себе, нежели к Олверу: — О Свет… Как же нам добраться до Мэта?

Они посторонились и стали ждать, пока из переходных врат не выйдут остальные их спутники. У них были мечи — но их уложили вместе, как связки стрел, на спинах у нескольких человек, притворявшихся, что они несут новое оружие для троллоков.

— Кровь и пепел! — прошептал Мандеввин,

подойдя к Олверу и Фэйли. Из сооруженного неподалеку загончика доносились стоны пленных. — Может, нас посадят вон туда, к остальным? Ночью мы могли бы сбежать.

— Нас не тронут, — покачала головой Фэйли. — Просто заберут ношу.

— И что теперь делать? — Мандеввин глянул на группу троллоков. Те тащили в лагерь трупы, подобранные на передовой. — Затеять бой? Надеяться, что лорд Мэт заметит нас и пришлет подмогу?

Олвера этот план не впечатлил. Ему хотелось сражаться, но эти троллоки… Какие же они здоровенные! Один, проходя мимо, повернул к Олверу волчью морду — хотя его глаза вполне могли сойти за человеческие — и окинул мальчишку голодным взглядом. Олвер попятился, а затем потянулся к связке стрел, где спрятал нож.

— Мы сбежим, — шепнула Фэйли, когда троллок удалился. — Дадим деру в разные стороны и заодно попытаемся запутать следы. Может, кто-то из нас сумеет спастись. — Она сдвинула брови. — Где же Аравин? Почему она так долго?

Легка на помине, из переходных врат вышла Аравин, а за ней — та женщина в белом, которая могла направлять Силу. Аравин указала пальцем

на Фэйли, и ту вздернуло над землей.

Олвер ахнул. Мандеввин с руганью бросил свою ношу и полез за мечом. Аррела и Селанда подняли крик. Через мгновение все трое оказались висящими в воздухе, а из переходных врат высыпали айильцы в красных вуалях и с копьями наготове.

Началось светопреставление. Несколько солдат Фэйли попытались дать отпор голыми руками и были убиты. Олвер бросился на землю, пытаясь нащупать нож; но когда его пальцы обхватили деревянную рукоять, схватка уже закончилась. Все его товарищи оказались сбиты с ног или подвешены в воздухе.

«Так быстро!» — в отчаянии подумал Олвер. Почему же ему не говорили, что бой происходит так быстро?

О нем, похоже, забыли, но он понятия не имел, что делать.

Аравин подошла к Фэйли, по-прежнему висевшей в воздухе и связанной невидимыми путами. Что происходит? Аравин?.. Она что же, их предала?

— Простите, миледи, — обратилась Аравин к Фэйли.

Олвер едва слышал ее голос. На него никто не

обращал внимания; айильцы присматривали за солдатами, согнав их вместе немного в стороне. Многие из людей Фэйли истекали кровью.

Сама же Фэйли раскраснелась, пытаясь высвободиться из пут. Во рту у нее, по всей очевидности, был кляп, ведь в такой ситуации она просто не сумела бы хранить молчание.

Аравин, распустив завязки, сняла у нее со спины сумку с Рогом, заглянула внутрь. Глаза у нее расширились. Она потуже затянула горловину и прижала сумку к груди.

— Я надеялась забыть о своей прошлой жизни, — прошептала она, по-прежнему обращаясь к Фэйли. — Хотела начать все заново. Думала, сумею спрятаться, обо мне забудут и я смогу вернуться к Свету. Но Великий повелитель ничего не забывает, и спрятаться от него невозможно. Меня нашли той самой ночью, когда мы добрались до Андора. Я не собиралась этого делать, но придется. — Аравин отвернулась и крикнула: — Коня! Эту вещь, как мне и было приказано, я лично доставлю лорду Демандреду.

К ней подошла женщина в белом, и обе, понизив голос, принялись спорить. Олвер стрельнул глазами по сторонам. На него никто не смотрел.

Его пальцы дрожали. Конечно, он слыхал, что

троллоки — здоровенные уроды, но… Эти же твари — оживший кошмар! И они повсюду! Ох, Свет!

Как поступил бы Мэт?

– Довай'анди се товиа сагайн, — прошептал Олвер, вынимая нож из ножен, после чего, издав боевой клич, метнулся к женщине в белом и вонзил клинок ей в поясницу.

Женщина завизжала. Путы Воздуха исчезли, и Фэйли упала на землю, а затем вдруг распахнулись воротца загончика с пленниками, и люди, крича во все горло, вырвались на волю.

— Подними повыше! — громко приказала Дозин. — Проклятье, быстрее!

Лиане повиновалась. Вместе с другими сестрами она творила плетение Земли. Почва перед ними дрожала, дыбилась, оседала и шла складками, будто коврик, из которого вытряхивают пыль. Закончив, они спрятались за свежесозданным курганом, едва успев спастись от огненных зарядов, прилетевших со склона сверху.

Дозин руководила разношерстным отрядом из десятка Айз Седай, небольшого числа Стражей и горстки обычных солдат. Мужчины сжимали оружие, но с недавних пор оно было не эффективнее хлебного мякиша. В воздухе шипела и

потрескивала Единая Сила. Импровизированный защитный вал содрогался под огненными ударами шарцев.

Лиане выглянула поверх него, удерживая Силу. Она уже оправилась от встречи с Отрекшимся. Опыт был не из приятных — какое-то время Лиане находилась в полной власти Демандреда, и тот запросто мог задуть свечу ее жизни. Кроме того, Лиане беспокоило то, до какого исступления тот доходил в своей неприязни к Дракону Возрожденному. Прежде ей не доводилось видеть человека, охваченного ненавистью подобной силы.

По склону, не переставая наносить удары по наскоро возведенному укреплению, спускалась группа шарцев. С аккуратностью хирурга, удаляющего отмершую плоть, Лиане вырезала из воздуха вражеское плетение, заодно отметив, что ее способности заметно поуменьшились и поэтому распоряжаться ими надо эффективнее. Даже довольствуясь малым, женщина способна на многое.

Оборонительный вал взорвался.

Под градом сыпавшихся вокруг комьев земли Лиане метнулась в сторону и укатилась в клубы дыма, кашляя, но не отпуская саидар. Это были те мужчины из Шары!.. Их плетений она не

видела и не могла видеть! Лиане с трудом поднялась на ноги. После взрыва на руках появилось множество царапин, а от платья остались одни лохмотья. Неподалеку из воронки выглядывало что-то голубое. Дозин. Лиане пробралась к ней.

Тело Дозин она нашла, но головы не было.

Лиане захлестнуло невыносимое чувство горя и утраты. Они с Дозин не были близкими подругами, но сражались тут вместе. Все эти потери и разрушения навалились на Лиане тяжким бременем. Как долго она продержится? Сколько еще людей погибнет у нее на глазах?

Лиане кое-как сумела взять себя в руки. О Свет, но это катастрофа! Айз Седай готовились к противостоянию с Повелителями ужаса, но вместо этого столкнулись с сотнями, даже тысячами шарцев — по сути, с собранными со всей страны, обладателями способности направлять Силу, отменно подготовленными к войне. На поле сражения повсюду виднелись разноцветные пятна — тела погибших Айз Седай, — а их Стражи, рыча и крича, в ярости от своей потери, рвались к вершине навстречу взрывам Единой Силы, навстречу верной смерти.

Лиане побрела к отряду Красных и Зеленых, наносивших удары из небольшой ложбинки на

западном склоне. Пока что их защищал рельеф местности, но долго ли они продержатся?

Тем не менее Лиане обуревала гордость. Перед лицом подавляющего численного превосходства, противостоя врагу, много их сильнее, Айз Седай продолжали сражаться. Сегодняшняя ночь совершенно не походила на ту, когда шончан напали на Тар Валон и раздираемая противоречиями Белая Башня раскололась изнутри. Теперь все женщины действовали заодно: остатки разгромленных отрядов примыкали к уцелевшим и снова вступали в бой. С небес падал огонь, били молнии, но Айз Седай отвечали ударами почти такой же силы.

Лиане благополучно добралась до другого отряда Айз Седай, где и присоединилась к Рэйхин Коннорал — та, присев за валуном, хлестала наступавших шарцев бичами Огня. Высматривая ответные плетения, Лиане быстро отразила одно их них простенькой вязью Воды, и огненный шар рассыпался крошечными искрами. Рэйхин кивнула ей:

— Я-то думала, теперь ты ничего не умеешь, разве что мужчин одним взглядом приручать.

— Искусство доманийки, Рэйхин, заключается в том, чтобы получать, что хочешь, — прохладно

отозвалась Лиане, — прилагая при этом как можно меньше усилий.

Рэйхин фыркнула и запустила в шарцев несколько огненных сфер.

— Надо бы обсудить с тобой эту тему, — сказала она. — Если и впрямь существует способ заставить мужчин делать все, что ты хочешь, мне необходимо о нем знать.

Эти слова прозвучали так абсурдно, что Лиане едва не расхохоталась, невзирая на чудовищные обстоятельства. Красная сестра? Красится, пудрит нос, изучает доманийские приемы манипуляции? «Почему бы и нет?» — подумала она, отбивая очередной огненный шар. Мир меняется, и каждая Айя меняется вместе с ним, пусть и едва заметно.

Удары сестер привлекли внимание других владеющих Силой шарцев.

— Скоро придется сменить позицию, — сказала Рэйхин.

Лиане молча кивнула.

— Эти шарцы… — прорычала Красная сестра. — Ты только глянь!

Лиане изумленно разинула рот. Чуть раньше отсюда отступили почти все шарские войска — видимо, их перебросили на другой участок, —

но вместо пехоты шарцы теперь выставили вперед толпу испуганных людей, прикрывшись ими как живым щитом. В руках у этих горе-воякбыли палки и какие-то приспособления для смертоубийства, но несчастные толком не знали, как держать оружие, и трусливо жались друг к другу.

— Кровь и треклятый пепел! — ругнулась Рэйхин, чем заслужила от Лиане приподнятую бровь, и продолжила творить плетения, стараясь, чтобы молнии били поверх перепуганных людей, но ее удары все равно задевали их. Лиане стало тошно, но она присоединилась к атакам.

Тут к ним подползла Менда Вон. Вся вымазанная в саже, Зеленая сестра производила жуткое впечатление. «Должно быть, я выгляжу не лучше», — подумала Лиане, бросив взгляд на свои исцарапанные и почерневшие руки.

— Отступаем, — сообщила Менда. — Наверное, придется открывать переходные врата.

— И куда мы отправимся? — спросила Лиане. — Покинем битву?

Все трое умолкли. Нет. Отступать было некуда. Здесь, на этом поле боя, вариантов было ровно два: победа или смерть.

— Мы слишком рассредоточены, — сказала

наконец Менда. — Надо хотя бы отойти и перегруппироваться. Собрать всех наших вместе. Других соображений у меня нет. Может, у тебя появится мысль получше.

Она взглянула на Рэйхин. Мнение Лиане, чьи способности в Силе сейчас были слишком слабы, не имело особого веса в этом разговоре. Пока эти двое совещались приглушенными голосами, она срезала несколько вражеских плетений. Другие Айз Седай начали выбираться из ложбинки и отходить вниз по склону. Перегруппируются, откроют переходные врата на Дашарский бугор и решат, что делать дальше.

Так, постойте. А это еще что?! Лиане почувствовала неподалеку невероятно мощный поток Силы. Неужели шарцы объединились в круг? Она глянула в сторону. Наступила глубокая ночь, но из-за пожаров на склоне было довольно светло. Лиане сплела было прядь Воздуха, чтобы сдуть вездесущий дым, но тот поднялся к небу сам собой, будто его подхватил мощный порыв ветра.

По склону поднималась Эгвейн ал'Вир, сиявшая ярче сотни костров. Лиане впервые видела, чтобы женщина удерживала такой объем Силы. Амерлин шагала вперед, выставив перед собой руки. В одной она держала белый жезл. Казалось,

светятся даже ее глаза.

Со вспышкой света и энергии Эгвейн создала десяток — десяток! — огненных плетений, и они ударили в склон, подбросив тела умевших направлять шарцев к небу.

— Менда, — сказала Лиане, — по-моему, у нас появилось более подходящее место для сбора.

* * *

Талманес зажег от фонаря прутик и с его помощью раскурил трубку. Затянулся разок, закашлялся и вытряхнул содержимое чашечки трубки на каменный пол. Каким-то образом табак испортился. Совсем испортился, превратившись в нечто совершенно непригодное. Продолжая кашлять, Талманес сердито растер табачные крошки каблуком.

— Все нормально, милорд? — спросил проходивший мимо Мелтен, беспечно жонглируя двумя молотками и пользуясь при этом одной лишь правой рукой.

— Проклятье! Я все еще жив, — ответил Талманес. — А это куда лучше, чем можно ожидать при подобных обстоятельствах.

Мелтен невозмутимо кивнул и направился к одной из групп, что ремонтировали драконов.

Парни из Отряда делали все возможное, и в стенах глубокой пещеры эхом раскатывались гулкие удары молотков по дереву. Талманес постучал пальцем по фонарю, прикидывая, сколько осталось масла. Сгорая, оно источало жуткое зловоние, хотя к нему Талманес уже привык. Похоже, масла хватит еще на несколько часов.

Это хорошо, ведь вернуться отсюда на поле сражения можно только через переходные врата. Об этой пещере не знал никто, кроме одного из Аша'манов. Странный он парень. Что это за человек, знающий о подземных пещерах, попасть в которые можно лишь с помощью Единой Силы?

Как бы то ни было, Отряд оказался заперт тут — в безопасном уединенном месте. О происходящем можно было узнать лишь из посланий Мэта, а сведения в них были скудные и разрозненные.

Талманес насторожился — ему показалось, что до его слуха донеслись далекие звуки боя с использованием Единой Силы. Нет, послышалось. Земля молчала. Эти древние камни не видели света со времен Разлома, а то и дольше.

Покачивая головой, он подошел к одной из команд:

— Ну как дела?

Дэннел кивнул на листы бумаги, выданные ему

Алудрой: инструкции по починке вверенного ему дракона. Сама Алудра что-то втолковывала другой группе, и эхо слов, произнесенных с легким акцентом, раскатывалось по всей пещере.

— Почти все трубы целые, — сказал Дэннел. — Если подумать, они сделаны так, чтобы выдерживать и огонь, и постоянные взрывы… — Он усмехнулся и умолк, глядя на Талманеса.

— Не слишком-то пялься на мою хмурую рожу, а не то все настроение себе испортишь, — проворчал Талманес, убирая трубку. — И еще не думай о том, что мы сражаемся за будущее всего мира, что врагов несравнимо больше и что, если проиграем, наши души уничтожит сам Темный властелин всего плохого.

— Прошу прощения, милорд.

— Это я пошутил.

— Пошутили? — оторопел Дэннел.

— Ну да.

— То была шутка?

— Ну да.

— Занятное у вас чувство юмора, милорд, — заметил Дэннел.

— Да, об этом я слышу не впервые. — Талманес наклонился к обгоревшей тележке, на которой покоился дракон. Почерневшее дерево было

укреплено болтами и дополнительными досками. — На вид как-то не очень… Сработает?

— Поехать оно поедет, милорд, разве что медленнее прежнего. Как я и говорил, с самими трубами ничего страшного не произошло, но вот тележки… В общем, мы восстановили их как могли — из того, что уцелело и что нашлось среди припасов, доставленных из Байрлона. Но вот времени у нас…

— Времени у нас нет, — договорил за него Талманес. — Мы можем понадобиться лорду Мэту в любой момент.

— Если он еще жив — там, наверху. — Дэннел поднял взгляд к потолку.

Неприятная мысль. Дни Отряда могут закончиться прямо здесь, в этой каменной ловушке. Что ж… Их, этих дней, останется не так уж много. Или миру наступит конец, или у Отряда кончатся съестные припасы. Они и недели не протянут. В этом склепе. В кромешной тьме.

«Кровь и пепел, Мэт! Смотри не проиграй битву. Смотри не проиграй!» В парнях еще кипел боевой задор, и они не планировали закончить это сражение под землей, умерев голодной смертью.

Талманес поднял фонарь и повернулся, чтобы отойти, но тут заметил, что от сгорбившихся над

драконами бойцов на стену падает причудливая тень — похожая на человека в широком плаще и шляпе, под которой прячется лицо.

Дэннел проследил за взглядом Талманеса:

— О Свет… Похоже, за нами присматривает сам старина Джак. Ведь похоже?

— Похоже, — согласился Талманес и повысил голос: — Эй! Не слишком ли у нас тихо? А не спеть ли нам, парни?

Кто-то из ребят прекратил работу. Алудра выпрямилась и подбоченилась, бросив на Талманеса недовольный взгляд.

И тут Талманес затянул:

Стакан винишка на обед,
Девицам пламенный привет,
Бросок костей – и нас тут нет —
Мы пляшем с Джаком-из-Теней!

Молчание.

Затем ребята подхватили:

«Ах, чтоб вас всех!» – несется вслед,
Где был кошель, там его нет,
Остался Темный без монет,
Мы пляшем с Джаком-из-Теней!

Громкие голоса отражались от стен. Парни энергично взялись за работу, готовясь к той роли, которую им предстояло сыграть.

И они непременно сыграют ее. Талманес за этим проследит. Даже если придется пробивать дорогу из этой гробницы с помощью яростного драконьего огня.

Когда Олвер ударил ножом женщину в белом, путы исчезли. Фэйли упала на землю, пошатнулась, но устояла на ногах. Рядом шлепнулся Мандеввин и тут же разразился бранью.

Аравин. О Свет… Аравин! Любезная, заботливая, способная. Аравин — приспешница Темного.

И у нее Рог Валир.

Аравин глянула на Айз Седай, сраженную ударом Олвера, в панике выхватила у слуги поводья лошади и вскочила в седло.

Фэйли метнулась к ней, в то время как пленники с ревом вырывались из загонов и бросались на троллоков, пытаясь отобрать у них оружие. Она почти успела схватить беглянку, но Аравин галопом умчалась прочь, увозя с собою Рог. Она направилась к пологому склону, позволявшему подняться на самую вершину Половского взгорка.

— Нет! — завопила Фэйли. — Не надо, Аравин!

Она побежала следом, уже понимая, что это бесполезно.

Конь. Ей нужен конь. Лихорадочно озираясь, Фэйли увидела несколько вьючных лошадей, которых привели через переходные врата. Подбежав к Беле, девушка несколькими взмахами ножа срезала с нее седло вместе с притороченными вещами, после чего вскочила кобылке на спину, схватила уздечку и стукнула Белу пятками.

Косматая лошадка галопом помчалась следом за Аравин. Фэйли пригнулась и прошептала ей в ухо:

— Беги, Бела. Если у тебя остались силы, сейчас самое время их потратить. Умоляю — беги, девочка, беги!

Бела неслась по истоптанной земле. Ее копыта стучали в такт с раскатами грома в выси. Если не считать редких факелов и костров для приготовления пищи, в троллочьем лагере царила тьма. Фэйли казалось, что она мчится сквозь кошмарный сон.

Впереди, преграждая путь, на тропу выскочили несколько троллоков. Пригнувшись ниже прежнего, Фэйли взмолилась Свету, чтобы при атаке враги промахнулись. Бела замедлила бег, и тут ее догнали два всадника, вооруженных кавале-

рийскими копьями. Один пронзил троллочью шею, и хотя удар второго не достиг цели, его конь отбросил врага в сторону, расчистив путь. Бела галопом промчалась между двумя растерявшимися троллоками и настигла ускакавших вперед конников. Один был потолще, другой постройнее. Гарнан и Ванин.

— Эй, вы двое! — пронзительно завопила Фэйли.

— Приветствую, миледи! — рассмеялся Гарнан.

— Откуда вы взялись? — продолжила она, перекрикивая топот копыт.

— Устроили так, чтобы нас нашел караван, — крикнул Гарнан в ответ, — и сдались в плен! Пару часов назад нас привели сюда через переходные врата, и мы успели подготовить узников к побегу. А когда появились вы, тогда нам и подвернулась возможность дать стрекача!

— Но… Рог! Вы хотели украсть Рог!

— Нет! — отозвался Гарнан. — Мы хотели позаимствовать горстку Мэтова табака!

— Я думал, вы закопали его, чтоб с собой не везти! — крикнул Ванин, ехавший с другой стороны. — Решил, что Мэт не осерчает. Он и так задолжал мне несколько марок. А когда я открыл тот мешок и обнаружил треклятый Рог Валир…

Кровь и пепел! Бьюсь об заклад, мой вопль слышали в самом Тар Валоне!

Фэйли застонала, вообразив эту картину. Выходит, тот крик, привлекший медведеподобную тварь, был возгласом изумления!

Ладно… В прошлое уже не вернуться. Фэйли стиснула коленями бока Белы, и та побежала быстрее. Аравин скакала туда, где крутой склон сменялся пологим, лавируя промеж троллоков и не переставая истошно призывать их помочь ей, но настичь разогнавшуюся лошадь… Такое даже троллокам не под силу.

Демандред. Аравин сказала, что доставит Рог Демандреду, одному из Отрекшихся. Глухо рыча, Фэйли припала к лошадиной гриве, и Бела, как ни удивительно, сумела обогнать Гарнана и Ванина. Фэйли не стала спрашивать, где они взяли коней. Все ее внимание было сосредоточено на Аравин.

По лагерю разнесся тревожный клич. Ванин и Гарнан разделились, чтобы перехватить всадников, мчавшихся в сторону Фэйли, а сама она свернула вбок, заставив Белу перепрыгнуть через груду припасов и проскакать сквозь группу людей в причудливых одеждах, ужинавших у небольшого костра. Люди стали орать ей вслед, но из-за жуткого акцента слов было не разобрать.

Дюйм за дюймом, Фэйли настигала Аравин. Бела сопела и фыркала. Ее шкура потемнела от пота. Салдэйская конница — пожалуй, лучшая в этих краях, и Фэйли разбиралась в лошадях. Ей довелось поездить на представителях всех пород, и в те минуты на поле сражения Бела вполне могла потягаться с лучшими тайренскими скакунами. Эта косматая кобылка с не пойми какой родословной заняла бы первое место в любой скачке.

Всем телом ощущая ритмичный стук копыт, Фэйли выхватила нож из рукава. Бела прыгнула через неглубокую расселину, и за этот миг полета Фэйли успела оценить ветер, уклон склона и момент для броска. Отведя руку назад, она метнула нож как раз перед тем, как копыта Белы коснулись земли.

Она не промахнулась. Клинок вонзился в спину Аравин. Соскользнув с седла, женщина свалилась на землю, и сумка выпала у нее из рук.

Фэйли спрыгнула со скачущей Белы, по инерции проскользила по земле и остановилась подле Аравин. Подхватила сумку, расшнуровала, заглянула внутрь — там поблескивал Рог Валир.

— Мне… жаль… — прошептала Аравин, перекатившись на спину. Ее ноги не двигались. — Не

рассказывай Алдину о моем поступке. Он совершенно… не разбирается… в женщинах…

Фэйли выпрямилась, бросила на нее полный сожаления взгляд.

— Молись, чтобы Создатель принял твою душу, Аравин, — сказала Фэйли и взобралась на Белу. — Ведь иначе она достанется Темному. Вот ему и оставляю тебя.

Она стукнула Белу пятками, и кобыла тронулась с места.

Впереди появились еще троллоки, и они, заметив Фэйли, подняли шум. Из-за их спин выскользнуло несколько мурддраалов. Указывая на девушку, они двинулись к ней, расходясь в стороны. Вперед дороги не было.

Фэйли решительно стиснула зубы и направила Белу обратно, надеясь встретить Гарнана, Ванина или кого-нибудь еще, кто сумел бы ей помочь.

Лагерь гудел, будто растревоженный улей. За Фэйли погнались какие-то всадники, крича, что у нее Рог Валир.

Где-то на вершине холма войска Мэта Коутона вели бой с силами Тени. Так близко!

Рядом вонзилась в землю стрела, за ней — еще несколько. Фэйли подскакала к загону для пленников. Повсюду лежали обломки ограды и

мертвые тела. Бела тяжело дышала. Видать, у нее уже не осталось сил. Неподалеку Фэйли заметила еще одну лошадь. Чалый мерин под седлом тыкался мордой в тело павшего солдата.

Фэйли осадила Белу. Что делать? Пересесть на мерина? И что потом? Она глянула за спину, пригнулась, когда над головой просвистела еще одна стрела, и увидела, что ее преследуют человек десять шарских всадников в войлочных доспехах, усиленных нашитыми мелкими кольцами. За ними бежали сотни троллоков.

«Даже сменив лошадь, — подумала девушка, — я никуда от них не денусь». Фэйли завела Белу за фургоны с припасами и спрыгнула с кобылы, собираясь метнуться к новому скакуну.

— Леди Фэйли? — окликнул ее тонкий голосок.

Она опустила взгляд. Под фургоном сжался Олвер с ножом в руке.

Всадники почти настигли ее. Времени на раздумья не осталось. Фэйли выхватила из сумки Рог и сунула его в руки Олверу.

— Возьми, — сказала она мальчишке. — Спрячь. А позже отнеси Мэту Коутону.

— Вы меня бросаете? — спросил Олвер. — Я останусь один?

— Так надо. — Под гулкий стук сердца Фэйли

сунула в сумку несколько связок стрел. — Когда те всадники ускачут, найди другое укрытие. Они вернутся, чтобы обыскать это место, когда…

«Когда поймают меня».

Что ж, у нее есть нож. Придется лишить себя жизни. Иначе под пытками она расскажет, куда делся Рог. Она схватила Олвера за руку.

— Прости, что поручаю тебе такое, малыш, но больше некому. Раньше ты держался молодцом, так что справишься. Отнеси Рог Мэту. Иначе всему конец.

Она выбежала на открытое пространство, держа сумку на самом виду. Несколько причудливо одетых чужеземцев заметили ее, замахали руками, указывая на нее другим. А Фэйли, подняв сумку повыше, вскочила в седло чалого, ударила его каблуками по бокам, и тот сорвался с места.

За ней погнались троллоки и приспешники Темного, а Олвер и его тяжелое бремя остались лежать под фургоном посреди троллочьего лагеря.

Логайн крутил в пальцах тонкий диск. Одна половина черная, другая белая, разделенные посередине волнистой линией. Как считается, квейндияр. Чешуйки, что отставали от диска под прикосновениями пальцев, как будто были насмешкой над нерушимой природой этого ма-

териала.

— Почему Таим не сломал их? — спросил Логайн. — Мог бы и сломать. Они хрупкие, как старая кожа.

— Не знаю. — Андрол окинул взглядом свой отряд. — Может, время еще не пришло.

— Если сломать их в нужное время, мы поможем Дракону, — сказал мужчина, называвший себя Эмарином. В голосе его слышалась тревога. — А если выбрать неверный момент… Что тогда?

— Подозреваю, что ничего хорошего, — сказала Певара. Красная сестра.

Станет ли Логайн однажды мстить тем, кто его укротил? Когда-то выжить ему позволяла ненависть — и только она одна, — но теперь в душе у него пробудился иной голод. Логайн победил Айз Седай, приручил их и объявил своей собственностью. Месть казалась… лишенной смысла. Пустой. Отчасти эту пустоту заполнила жажда убить М'Хаэля. Но лишь отчасти. Что же еще появится в этой пустоте?

Когда-то Логайн назвал себя Драконом Возрожденным и готовился к господству над миром, считая, что тот окажется под его пятой. Теперь он поглаживал пальцами печать от узилища

Темного, стоя в стороне от битвы. Логайн находился от нее далеко к юго-западу, за топями, где Аша'маны разбили небольшой лагерь. Со взгорка доносились отзвуки грохота, с которым взрывались плетения, творимые шарцами и Айз Седай.

Там сражались многие Аша'маны, но даже вместе с Айз Седай их было заметно меньше, чем тех, кто в войске Шары обладал способностью направлять Силу. Остальные люди Логайна рыскали по полю сражения, выслеживая и убивая Повелителей ужаса.

Логайн терял бойцов быстрее, чем Тень. Врагов было слишком много.

Он поднял печать. Это могущественный предмет. Способен ли он как-то защитить Черную Башню? «Если нас не будут бояться… Если не будут бояться *меня*… Что станет с нами, когда Дракон будет мертв?»

Узы напитались недовольством. Логайн заглянул в глаза Габрелле. Совсем недавно она изучала поле боя, но теперь смотрела на него. С вопросом во взгляде. Или с угрозой?

Он только что говорил себе, что приручил Айз Седай. Смех, да и только. Ни одну Айз Седай нельзя приручить. Это невозможно.

Логайн демонстративно убрал печать к осталь-

ным, в кошель на поясе, и затянул завязки, продолжая смотреть на Габрелле. По узам скользнула ее тревога, и на мгновение Логайн почувствовал, что он — не причина, а объект этого чувства.

Быть может, Габрелле понемногу училась пользоваться узами в собственных целях. Манипулировать Логайном, посылать ему убаюкивающие сигналы. Нет, Айз Седай не приручить. Узы их не сдерживают. Лишь все усложняют и добавляют хлопот.

Он поднял руку к высокому вороту своего мундира, снял значок в виде дракона и протянул его Андролу.

— Андрол Генхальд, ты побывал в утробе смерти и вышел из нее живым. Уже второй раз я оказываюсь у тебя в долгу. Провозглашаю тебя полноправным Аша'маном. Носи этот знак с гордостью. — Чуть раньше Логайн уже вернул Андролу булавку в виде меча, восстановив в статусе посвященного.

Андрол пару мгновений колебался, потом протянул руки и с благоговением принял значок.

— А печати? — скрестила руки Певара. — Они принадлежат Белой Башне. Амерлин — их Блюстительница.

— Амерлин… — промолвил Логайн. — Насколь-

ко мне известно, она считайте что мертва. И в ее отсутствие я стану подходящим наместником. — Логайн ухватился за Источник, подчинил его себе, воцарился над ним и открыл переходные врата на вершину Половского взгорка.

Война вернулась к нему в полной мере: смятение, дым, возгласы и вопли. Он шагнул вперед, и остальные последовали за ним. Могучие плетения Демандреда сияли путеводным маяком, и его раскатистый голос продолжал выкликать Дракона Возрожденного. Которого тут не было. Ближайшим его подобием являлся Логайн. Замещающий Ранда ал'Тора.

— Я сражусь с ним, — сказал он спутникам. — Габрелле, ты останешься здесь и будешь ждать, поскольку мне может понадобиться Исцеление. Пусть остальные разберутся с людьми Таима и теми шарцами, которые владеют Силой. Не оставляйте в живых никого из переметнувшихся к Тени, добровольно или вынужденно. Свершите правосудие над первыми и даруйте вторым удар милосердия.

Ему ответили кивками. Похоже, Габрелле была впечатлена его решением нанести удар в самое сердце врага. Она не понимала. Даже Отрекшийся не способен обладать той силой, какой сейчас

распоряжался Демандред.

Он использовал са'ангриал, причем мощный. Что-то вроде Калландора, а то и посильнее. Заполучив этот артефакт, Логайн сумеет многое изменить в этом мире. Узнав о нем и о Черной Башне, мир будет дрожать перед ним так, как не дрожал перед Престолом Амерлин.

Атаки, подобной той, которую возглавила Эгвейн, мир не видел уже несколько тысяч лет. Вышедшие из укрытий Айз Седай следом за Амерлин неуклонно поднимались по западному склону. Плетения наполнили пространство, словно бесчисленное множество подхваченных ветром лент.

Небо раскололи тысячи молний, под чьими разрядами стонала и содрогалась земля. С другой стороны плоскогорья Демандред продолжал выкашивать ряды андорцев, и после каждого удара погибельным огнем воздух шел рябью. По земле расползалась черная паутина, откуда теперь вырастали какие-то тошнотворные усики. Эти трещины распространялись по разбитым камням склона, будто заразная болезнь.

Сила будто наполнила воздух жизнью. Еще немного — и Эгвейн решила бы, что настолько пропитанные энергией плетения видны всем

и каждому. С помощью са'ангриала Воры она зачерпнула столько Единой Силы, сколько могла удержать, испытывая примерно такие же чувства, как во время битвы с шончан, хотя на сей раз она более уверенно контролировала ситуацию. В тот раз ее ярость питалась ужасом и отчаянием, но теперь она раскалилась добела — сильнее, чем металлический брусок в кузнечном горниле.

Она, Эгвейн ал'Вир, получила в управление эти земли.

Она, Престол Амерлин, отказывалась трепетать перед Тенью.

Она не отступит. И не склонит голову, глядя, как редеет строй ее соратников.

Нет, она будет сражаться.

Она сплела пряди Воздуха, создав вихрь пыли, дыма и мертвых растений, и закрылась этой пеленой от тех, кто старался нанести по ней смертельный удар. Над головой сверкнула молния, но Эгвейн сотворила плетение Земли; из-под камней вырвался фонтан расплавленного железа, и оно тут же застыло, превратившись в остроконечный шпиль. Молния ударила в этот импровизированный громоотвод, а маскировочный вихрь с воем устремился вверх по склону.

Движение справа. Эгвейн ощутила прибли-

жение Лильвин. Эта женщина… Она оказалась верным телохранителем. Вот так сюрприз. Обретение нового Стража не приглушило отчаяния от потери Гавина, но в остальном Лильвин была очень полезной. Тот клубок эмоций в глубине сознания Эгвейн сменился новым, совершенно иным, но все же это были чувства Стража, безмерно преданного своей Айз Седай.

Подняв са'ангриал Воры и не прекращая уничтожать врагов, Эгвейн продвигалась к вершине. Лильвин не отставала. Спасаясь от порывов ветра, шарцы припадали к земле, и Эгвейн сжигала их огненными лентами. Те, кто владел Силой, пытались наносить ответные удары, однако пыль застила им глаза, и плетения пропадали втуне. Откуда-то сбоку из пелены выскочили трое обычных пехотинцев, но с ними расправилась Лильвин.

Пользуясь порывами ветра, будто могучими руками, Эгвейн подхватывала тех, кто сражался с ней Единой Силой, и подбрасывала их к небу, навстречу огненным объятиям молний, после чего наземь падали чадящие трупы. Она неумолимо шагала вверх по склону, возглавляя наступающее войско Айз Седай, чьи плетения походили на яркие стрелы.

К сестрам присоединились Аша'маны. Кто-то из них иногда сражался на стороне Белой Башни; теперь же все они — десятки мужчин — следовали за Эгвейн, внося свой вклад в общее дело. В воздухе стало тесно от плетений Единой Силы.

Ветер стих.

Пыльная буря разом задохнулась, как задыхается пламя, если накрыть свечу одеялом. Этого не могло произойти по естественным причинам. Взойдя на каменистый выступ, Эгвейн увидела на вершине человека в черно-красной одежде. Он стоял, выставив перед собой руку. Наконец-то Эгвейн сумела привлечь внимание того, кто интересовал ее куда сильнее, нежели Повелители ужаса, примкнувшие к рядам шарцев. Ей удалось выманить их предводителя. Таима по прозванию М'Хаэль.

— Он плетет молнию! — крикнул кто-то за спиной.

Эгвейн тотчас создала очередной шпиль из вытянутого из глубин скалы расплавленного железа, и мгновением позже тот принял удар на себя. Оглянувшись, Эгвейн увидела, что ее предупредил Джахар Наришма, Аша'ман и Страж Мерисы.

Она снова взглянула на Таима, улыбнулась и

громко приказала:

— Всем отойти от меня подальше. Останутся только Мериса и Наришма. Его предупреждения пригодятся.

Собравшись с силами, она обрушила на вероломного М'Хаэля ураган плетений.

Ила ходила по полю сражения близ развалин. Выше по реке продолжалось сражение, и в ночи до нее доносились далекие крики и отзвуки взрывов.

Она выискивала среди мертвых раненых, не обращая внимания на попадавшиеся ей мечи и стрелы. Их соберут другие, хотя ей хотелось бы, чтобы оружие так и осталось тут лежать, ведь именно мечи и стрелы отняли жизнь у многих, кто лежал на этом поле.

Рядом трудился муж Илы, Райн: он склонялся над каждым телом и слушал, не бьется ли сердце, прижимая ухо к груди мертвеца, отчего его цветастый наряд покрылся кровавыми разводами, а перчатки окрасились в багровый цвет. Убедившись, что человек мертв, Ила и Райн рисовали крест у него на щеке — зачастую его собственной кровью, — чтобы другие знали, что павшему уже не помочь.

За последний год Райн словно бы состарился

лет на десять. Ила чувствовала, что с ней произошло то же самое. Временами Путь листа — благосклонный господин, обеспечивающий мирную и радостную жизнь, но лист падает что при дуновении легкого ветерка, что во время урагана, и приверженность этому Пути требует принимать второе с той же легкостью, что и первое. Их гнали из одной страны в другую, они испытывали голод, когда умерла, став бесплодной, земля, в итоге они надолго задержались в землях под властью шончан… Вот во что превратилась их жизнь.

Но все эти невзгоды — ничто по сравнению с гибелью Айрама, принесшей куда больше боли, чем гибель его матери от лап троллоков.

Они прошли мимо Моргейз. Бывшая королева сама организовала эти поиски и теперь раздавала приказы. Ила не остановилась. Ей не было дела до королев, ничего не сделавших ни для нее, ни для ее народа.

Райн остановился и поднял фонарь, глядя на полный колчан стрел, что остался у солдата после смерти. Ила зашипела, подхватила юбки и, переступая через мертвые тела, приблизилась к мужу.

— Райн!

— Успокойся, Ила, — ответил он. — Подбирать их я не собираюсь. Но все же любопытно… — Подняв голову, он посмотрел на далекие вспышки ниже по течению, а затем на вершину Половского взгорка, где воины обеих армий продолжали творить чудовищные смертоубийства. Столько огней сверкало в ночи… как будто сотни молний. Было уже далеко за полночь. На этом поле они искали выживших уже несколько часов.

— Тебе любопытно? — переспросила Ила. — Райн…

— Что, по-твоему, нам надо было делать, Ила? Троллоки никогда не выберут Путь листа.

— Места для бегства предостаточно, — сказала Ила. — Глянь на них. Они схватились с троллоками, едва те вышли из Запустения. Могли бы потратить эти силы, чтобы собрать людей и увести их на юг…

— Троллоки последовали бы за ними, — возразил Райн. — И что тогда?

— Мы мирились с властью самых разных правителей, — ответила Ила. — Может, Тень и скверно обращалась бы с нами, но разве это было бы хуже, чем пережитое под гнетом других?

— Да, — тихо молвил Райн. — Да, Ила. Это хуже. Хуже некуда.

Ила взглянула на мужа.

Райн со вздохом покачал головой:

— Я не собираюсь отказываться от Пути листа. Таков мой выбор, и я считаю его верным. Но пожалуй… Пожалуй, я не стану плохо думать о тех, кто выбрал иную дорогу. Если переживем эти времена, то лишь благодаря тем, кто погиб на этом поле. И не важно, готовы мы принять их жертву или нет.

Он отошел в сторону. «Это всего лишь ночная тьма, — подумала Ила. — Он придет в себя, когда выйдет солнце. Так все устроено — разве нет?»

Она подняла взор к черному небу. Солнце… Поймут ли они, что начался рассвет? Тучи, подсвеченные снизу яркими вспышками, продолжали сгущаться. Иле вдруг стало зябко, и она запахнула ярко-желтую шаль.

«Пожалуй, я не стану плохо думать о тех, кто выбрал иную дорогу…»

— О Свет! — прошептала она, сморгнув слезы и чувствуя, как в душе копошится нечто незнакомое. — Нельзя было отворачиваться от него. Надо было не изгонять его, а постараться вернуть. О Свет, о Свет, прими его…

Шатавшиеся неподалеку наемники набрели на колчан со стрелами.

— Эй, Ханлон! — крикнул один. — Глянь-ка сюда!

Когда эти грубияны начали помогать людям Туата'ан с их работой, Ила испытала за них гордость. Искать раненых, вместо того чтобы убивать в битве других. Как видно, они отринули свое прошлое, преисполненное насилия.

Теперь же, присмотревшись, она поняла, что на самом деле эти малодушные трусы предпочли не драться, а шарить по карманам мертвецов. Что хуже? Люди, пусть и сбившиеся с истинного пути, но готовые дать отпор троллокам и стремящиеся обратить их в бегство? Или эти наемники, что отказались сражаться, потому что предпочли выбрать для себя путь полегче?

Ила покачала головой. Она всегда считала, что знает ответ на любой вопрос, поставленный жизнью. Но сегодня ответов у нее почти не было. Хотя спасение человеческой жизни достойно того, чтобы сосредоточить на нем все свое внимание.

С этой мыслью она вернулась к осмотру тел, выискивая живых среди мертвых.

Крепко сжимая Рог Валир, Олвер забился обратно под фургон. Леди Фэйли умчалась прочь. За ней гнались десятки всадников и сотни троллоков. И еще стало очень темно.

Один. Он снова остался совсем один.

Он крепко зажмурился, но это не помогло, ведь издали все равно доносились людские крики, а в ноздри бил запах крови пленников, убитых троллоками, когда те пытались сбежать. От густого дыма чесалось в носу. Такое чувство, что весь мир объят огнем.

Земля дрогнула, словно поблизости упало нечто тяжелое. В небе загромыхал гром, а затем раздался сухой треск множества молний, раз за разом ударяющих по Половскому взгорку. Олвер заскулил от страха.

А раньше-то как храбрился… Теперь же, попав на настоящую битву, он едва сдерживал дрожь в руках. Ему хотелось лишь одного: зарыться поглубже в землю и переждать этот кошмар.

Но Фэйли велела ему спрятаться в другом месте, потому что враги вернутся сюда в поисках Рога.

Хватит ли ему смелости выползти из укрытия? Или остаться тут? Олвер приоткрыл глаза и едва не завопил во весь голос, увидев прямо перед собой пару ног, что оканчивались копытами. Секундой позже под фургон заглянул троллок. Посмотрел прямо на Олвера, прищурил блестящие круглые глаза и, раздувая ноздри, повел кабаньим рылом.

Олвер завопил и отполз подальше, но Рог не выронил. Троллок что-то прокричал, а затем опрокинул фургон, да так, что Олвер чудом жив остался. Повсюду рассыпались стрелы, а Олвер незамедлительно дал деру — куда угодно, лишь бы в безопасное место.

Но таких поблизости не было. Десятки троллоков мигом заметили его и стали перекрикиваться на незнакомом языке. Сжимая в одной руке нож, а в другой Рог Валир, Олвер лихорадочно озирался. Никакого укрытия.

Рядом фыркнула лошадь. Это была Бела. Жует зерно, что просыпалось из повозки с припасами. Седла нет, только недоуздок и уздечка. Бела подняла голову, посмотрела на Олвера, и мальчишка сорвался с места.

«Кровь и пепел, — думал он на бегу, — вот бы это была не Бела, а Ветерок!» Из-за этой толстогузой кобылки Олвер непременно окажется в варочном котле. Он сунул нож в ножны, запрыгнул на лошадь и схватил поводья — одной рукой, поскольку в другой по-прежнему был Рог Валир.

Троллок со свиным рылом — тот, что заглядывал под фургон, — едва не поймал Олвера за руку, но мальчик вскрикнул, стукнул Белу пятками, и лошадь помчалась прочь. Троллоки, подвывая

и повизгивая, бросились вдогонку. Над лагерем разнеслись новые крики, и почти все, кто был поблизости, бросились догонять Олвера.

Он действовал так, как учили — пригнулся пониже и правил коленями, — ну а Бела продемонстрировала, на что способна. О Свет, как она бежала! Оказалось, Олвер ее недооценивал. Мэт говорил, что лошади зачастую пугаются троллоков и могут сбросить седока, если направить их навстречу этим чудищам. Но ничего подобного! Не обращая внимания на завывающих троллоков, Бела промчалась мимо них через самый центр лагеря.

Олвер глянул через плечо. Там, за спиной, гремели копытами и сапогами сотни и сотни троллоков, и все они гнались за одним-единственным мальчуганом.

— О-ох, Свет!

Он ясно видел, что над тем плоскогорьем развевается флаг Мэта. Однако путь к нему преграждали полчища троллоков. Олвер повернул Белу в ту сторону, куда чуть раньше ускакала Аравин. Быть может, получится объехать вражеский лагерь и подняться на взгорок с другой стороны.

«Отнеси Рог Мэту. Иначе всему конец».

Олвер то и дело понукал Белу, и та неслась во

весь опор.

«Больше некому».

Впереди показался громадный отряд троллоков. Он двигался наперерез одинокому всаднику. Олвер хотел было развернуться, но увидел, что его нагоняют враги. Он заорал, снова повернул Белу, и тут ей в бок угодила толстая черная стрела. Лошадь пронзительно заржала, споткнулась, грохнулась оземь, и Олвер грохнулся вместе с ней. При ударе о землю из легких у него вышибло весь воздух, а из глаз посыпались искры. Из последних сил мальчишка поднялся на четвереньки и пополз вперед.

«Рог необходимо доставить Мэтриму Коутону…»

Олвер схватил Рог Валир и вдруг понял, что плачет.

— Прости, — сказал он Беле. — Ты была славной лошадкой. Ветерку такая быстрота и не снилась. Прости…

Бела тихонько заржала, вздохнула в последний раз и умерла.

Оставив ее, Олвер пробежал под ногами у первого троллока. Он уже понял, что сражаться с ними бесполезно, поэтому даже не стал вытаскивать нож из ножен. Просто бросился вверх

по крутому склону — туда, где на вершине он заметил знамя Мэта.

Но это было все равно что пробежать через целый континент. Троллок схватил Олвера за рукав, потянул к себе, но мальчишка вырвался, оставив в хищных когтях клок материи. Пробираясь по изрытой земле, он приметил у подножия холма неглубокую расселину в камне, глядевшую в черное небо.

Мальчик метнулся к ней и заполз в эту трещину, прижимая к животу Рог Валир. Еле поместился. Троллоки, кружа рядом с расселиной, расталкивая друг друга, потянулись к нему и стали хватать за одежду.

Олвер захныкал и зажмурился.

С плетениями наготове Логайн ринулся в переходные врата и обрушился на Демандреда.

Отрекшийся стоял на дымящемся склоне, глядя на пересохшую реку и остатки андорских пикинеров, рядом с которыми сражались айильцы, кайриэнцы и Легион Дракона, и всем им грозило окружение.

Ряды пикинеров уже были расстроены. Скоро начнется беспорядочное бегство.

Двумя толстыми огненными лучами Логайн атаковал Демандреда, однако шарцы помешали

ему, закрыв Отрекшегося своими телами. Плоть сгорела, кости обуглились, рассыпаясь золой, но их гибель дала Демандреду время обернуться и ответить плетением Воды и Воздуха. Оно обратилось в пар при встрече с огнем Логайна.

Тот надеялся, что после многочисленных ударов по силам Света Демандред будет ослаблен. Как бы не так! Перед Отрекшимся возникло сложное плетение. Такую вязь Логайн видел впервые. В воздухе повисла дрожащая пелена; и когда Логайн атаковал вновь, его плетение отлетело от нее, будто палка, брошенная в кирпичную стену.

С небес ударила молния, и Логайн едва успел отскочить и откатиться в сторону, где под градом каменных осколков сплел воедино Дух, Огонь и Землю, рассек и разорвал странный барьер, потом ему пришлось защититься от огненного удара, воздвигнув перед собой преграду из раздробленных камней.

«Это для отвода глаз», — подумал он, уже понимая, что, помимо Огня, Демандред создает еще одно, более сложное плетение. В земле раскрылся портал в пламенеющую бездну и устремился вперед. Логайн отскочил в сторону, и губительные «врата смерти» сомкнулись, оставив на земле полосу кипящей лавы.

Дальше Демандред ударил противника потоком воздуха, толкнув в лаву. Чтобы остудить бурлящий огонь, Логайн лихорадочно сотворил плетение Воды. Головой вперед он пролетел сквозь облако пара, и тот ошпарил ему кожу, но поверхность лавы успела остыть и затянуться прочной коркой, под которой бушевал яростный жар. Стараясь не вдыхать пар, Логайн снова отпрыгнул в сторону, и новые молнии сокрушили скалу там, где он только что находился.

Стрелы молний раскололи и насквозь пробили созданную Логайном твердую корку. Вырвавшись на свободу, капельки лавы забрызгали Логайна, опалили ему кожу и выжгли в нескольких местах плоть на руке и лице. Он завопил от боли и, охваченный яростью, обрушил на врага удар молнии, но Отрекшийся распорол его плетение в воздухе полосой из Духа, Земли и Огня. Демандред был невероятно силен. Этот его са'ангриал — нечто невообразимое.

Следующая вспышка молнии ослепила Логайна и отбросила его назад. Он упал на раздробленный сланец, и острые осколки впились ему в кожу.

— Ты могуч, — признал Демандред. Логайн почти не слышал его слов. Его уши… Гром… — Но ты не Льюс Тэрин.

Сморгнув слезы, Логайн с ревом запустил во врага очередной молнией, а вдогонку еще одной, и хотя Отрекшийся отразил первую, вторая угодила точно в цель.

Но… что это за плетение? Его Логайн тоже не знал. Молния ударила в Демандреда, но исчезла, каким-то образом ушла в землю и рассеялась в ней. Простое плетение из Воздуха и Земли, но против него разряд молнии оказался бесполезен.

Логайн почувствовал, как щит отсекает его от Источника. Обожженными глазами он увидел, как Отрекшийся начинает плести погибельный огонь. Зарычав, Логайн подхватил с земли обломок сланца размером с кулак и швырнул его в Демандреда.

Как ни странно, Отрекшийся пропустил бросок. Камень угодил ему в голову; брызнула кровь, и Демандред попятился. Он был силен, но все же допускал ошибки, присущие обычным людям. Что бы там ни твердил Таим, нельзя сосредотачивать на Единой Силе все внимание без остатка. Стоило Демандреду отвлечься, и щит, отделявший Логайна от Источника, исчез.

Откатываясь вбок, Логайн начал сразу два плетения. Первое — щит, который он не собирался использовать, а второе — переходные врата для

панического бегства. Выбор труса.

Демандред взревел, схватился за лицо и хлестнул тесьмой Единой Силы по щиту, сразу же расценив его источником наибольшей угрозы. Логайн скользнул в открывшиеся переходные врата, а когда те захлопнулись у него за спиной, без сил упал на землю: тело обожжено, руки изодраны, в ушах звон, глаза почти ничего не видят.

Немного полежав, он заставил себя сесть. Он снова очутился в лагере Аша'манов за топями, где Габрелле и остальные ждали его возвращения. Логайн взвыл от ярости. По узам скользнула озабоченность Айз Седай. О Свет! Кто бы мог подумать, что ее тревога окажется неподдельной…

— Тише, тише. — Габрелле опустилась рядом с ним на колени. — Глупец. Почему ты себя не бережешь?

— Я не справился, — сказал Логайн. Он почувствовал, как вдалеке Демандред возобновил атаки, продолжая раскатисто выкликать Льюса Тэрина. — Исцели меня.

— Ты же не полезешь к нему снова? — спросила она. — Не хотелось бы Исцелять тебя лишь для того, чтобы…

— Нет, не полезу, — просипел Логайн. Боль была жуткая, но что такое боль по сравнению

с настолько унизительным поражением? — Не полезу, Габрелле. Хватит сомневаться в моем слове. Демандред мне не по зубам.

— Некоторые ожоги очень скверные, Логайн. И глубокие. Даже не знаю, смогу ли Исцелить их полностью. У тебя останутся шрамы.

— Вот и хорошо, — прорычал он. Должно быть, Габрелле говорила об участках кожи, куда попал брызги лавы. На руке и на щеке.

«О Свет! — подумал Логайн. — Как же нам остановить этого монстра?»

Габрелле возложила на него руки, и по телу разлился холод Исцеления.

Грохот сражения между Эгвейн и М'Хаэлем соперничал с раскатами грома среди туч. М'Хаэль. Новый Отрекшийся, чье имя превозносили все Повелители ужаса на этом поле боя.

Эгвейн запускала в Аша'мана-отступника одно плетение за другим. Ветер она не призывала, но тот все равно бушевал и ревел вокруг нее, трепал волосы и платье, дергал палантин, а Наришма, залегший рядом с Мерисой и Лильвин, называл плетения, которые творил М'Хаэль, но его голос — хоть он и кричал — был едва различим за шумом битвы.

Восхождение завершилось, и теперь Эгвейн

стояла на вершине Половского взгорка, на одном уровне с Таимом. Глубоко в душе она понимала, что вскоре ее телу потребуется отдых.

Но пока что он оставался непозволительной роскошью. Значение имела только эта схватка.

К Эгвейн с ревом устремился огонь, и она отмахнулась от него тесьмой Воздуха, а затем, в окружении подхваченных ветром мелких искр, сотворила плетение Земли, запустившее рябь по изрытой почве, но М'Хаэль, устояв на ногах, рассек эту волну собственным плетением.

«Он становится менее проворен», — подумала Эгвейн и шагнула вперед. Ее распирало от впитанной энергии. Создав над каждой ладонью по плетению, она ударила врага огненными струями.

Тот ответил ослепительно-белым лучом толщиной с проволоку. Пройдя в какой-то пяди от Эгвейн, погибельный огонь оставил перед глазами яркий послеобраз; земля застонала, воздух деформировался, и по камням расползлась паутина трещин, ведущих в пустоту.

— Глупец! — крикнула Эгвейн. — Ты уничтожишь сам Узор!

Их схватка и без того причиняла миру немалый вред. Воздух стал неестественно горячим. Тре-

щины в земле, что брали начало там, где стоял М'Хаэль, стали расширяться.

— Он снова плетет то же самое! — закричал Наришма, и его слова подхватила буря.

Вторым лучом погибельного огня М'Хаэль расколол землю, но Эгвейн была к этому готова. Она отступила в сторону, чувствуя, что закипает от гнева. Погибельный огонь. Надо остановить его каким-нибудь контрплетением!

«Им без разницы, что уничтожать. Они здесь ради разрушения. Таков приказ их властелина — ломай, сжигай, убивай!»

«Гавин…»

С воплями ярости она создавала огненные колонны, одну за другой, а Наришма выкрикивал названия плетений М'Хаэля, но Эгвейн не слышала его из-за звона в ушах, хотя вскоре все равно заметила, что враг закрылся от ее атак, возведя барьер из Воздуха и Огня.

Эгвейн шагала вперед, не переставая наносить удары, и у Таима не было возможности ни ответить, ни даже прийти в себя. Она сбилась с ритма лишь однажды — когда сформировала щит, что держала теперь наготове. Наконец под огненным натиском барьер Таима треснул; ренегат попятился и поднял руку — наверное, чтобы снова

сотворить погибельный огонь.

И Эгвейн обрушила свой щит между Таимом и Источником. Он не отсек М'Хаэля от Источника полностью, поскольку тот сдержал его могучим усилием воли. Теперь Эгвейн оказалась достаточно близко от Таима и видела, что обозленный противник теряет веру в себя. Он отбивался, но был слабее Престола Амерлин. Эгвейн налегала на щит, все ближе и ближе подталкивая его к той невидимой нити, что соединяла Таима с Истинным Источником. Надавила что было сил — и…

Напоследок М'Хаэль выпустил тонкий луч погибельного огня вверх — туда, где барьер еще не встал на место, — и уничтожил плетение Эгвейн, а вместе с ним сгорел воздух, да и часть самого Узора.

Когда он направил плетение на Эгвейн, та отшатнулась, попятилась, но добела раскаленный луч оказался слишком слабым и слишком коротким и не достиг ее. Он попросту сгинул, не долетев до цели. М'Хаэль зарычал от досады и тут же исчез, словно растворившись в деформированном воздухе. Такой способ Перемещения Эгвейн видела впервые.

Тяжело дыша, она схватилась за грудь. О Свет! Ее едва не выжгли из Узора!

«Он улизнул, не открывая переходных врат! — подумала она. — Истинная Сила?» Иного объяснения нет. Эгвейн почти ничего не знала о ней, о самой сущности Темного — той, что в Эпоху легенд стала для обладавших способностью направлять громадным соблазном, заставившим их пробурить Скважину в его узилище.

«Погибельный огонь! О Свет… Я едва не умерла. Нет, такая участь хуже смерти!»

Ей нечего противопоставить этому плетению.

«Это же просто плетение… Просто плетение». Так говорил Перрин.

Но все это осталось в прошлом, и М'Хаэль сбежал. Надо, чтобы Наришма держался поблизости и предупредил Эгвейн, если почует, что рядом кто-то направляет Силу.

«Если только М'Хаэль опять не воспользуется Истинной Силой. Сможет ли Наришма почувствовать такое плетение?»

— Мать!

Эгвейн обернулась. Мериса указывала туда, где почти все Айз Седай и Аша'маны продолжали грандиозный бой с владеющими Силой из Шары. Склон усеивали тела погибших сестер в ярких платьях.

Мысль о гибели Гавина затаилась в ее сознании,

как наемный убийца в черном. Стиснув зубы, Эгвейн совладала с приступом гнева, зачерпнула Единую Силу и набросилась на шарцев.

Заткнув нос обрывками тряпок, Хурин сражался на Половском взгорке вместе с остальными порубежниками.

Даже через ткань он чувствовал запах неописуемо жестокой бойни. Столько насилия кругом… Запахи войны, запахи крови, разлагающейся плоти… Они повсюду. Пропитывают землю, одежду, даже клинок. За время, прошедшее с начала битвы, Хурину несколько раз становилось совсем худо и его выворачивало наизнанку.

Но он продолжал драться. Из-за груды мертвых тел вылез троллок с медвежьей мордой и замахнулся на Хурина мечом, намереваясь разрубить его надвое. Тот с криком отскочил, и меч ударил в землю с такой силой, что она содрогнулась.

Решив, что Хурин вскрикнул от испуга, монстр разразился нечеловеческим хохотом и ринулся вперед. Хурин же метнулся ему навстречу и, скользнув под гигантские руки, вспорол чудовищу брюхо. Троллок остановился, изумленно глядя на свои зловонные внутренности.

«Надо выиграть время для лорда Ранда», — подумал Хурин и вернулся на исходную позицию,

где стал ждать, пока из-за кучи трупов не вылезет новый троллок. Враги поднимались по восточному склону возвышенности, откуда открывался вид на реку. Подъем был крутой, восхождение давалось им непросто, но… О Свет, как же их много!

«Продолжай драться. Продолжай драться».

Подумать только, сам лорд Ранд пришел к нему, чтобы извиниться! Что ж, Хурин его не посрамит. Дракон Возрожденный не нуждался в прощении обыкновенного ловца воров, но Хурин считал, что, когда лорд Ранд снова сделался похож на самого себя, жизнь стала налаживаться. Лорд Ранд защитит их всех. Главное, чтобы ему хватило времени.

В бою наступило затишье. Хурин нахмурился. Этих тварей было не счесть. Не может такого быть, что все они погибли. Он шагнул вперед и осторожно выглянул из-за трупов.

О нет, до победы еще далеко. В свете огней океан троллоков казался почти бескрайним. Троллоки приостановили восхождение, чтобы расчистить склон, убрав трупы своих собратьев. Многих сразили стрелы лучников Тэма. Внизу, у русла, с войсками Илэйн сражалась еще одна троллочья армия. Монстров там было даже больше, чем

здесь, на склоне.

— Похоже, у нас есть несколько минут, — сказал пехотинцам сидевший на коне Лан Мандрагоран.

Подъехав к нему, рядом остановилась королева Аллиандре. Она негромко переговаривалась со своими людьми. Сразу два монарха, и оба прекрасно знают, как командовать войсками. Хурину полегчало.

— Они готовятся к последней атаке, — продолжил Лан. — Хотят согнать нас со склона, чтобы сражаться потом на ровной земле. Отдыхайте, пока они убирают трупы. Да покровительствует мир вашим мечам, друзья мои. Следующий бой будет самым трудным.

Труднее прежних? О Свет!

За спиной у них, ближе к середине плато, остатки войск Мэта пытались оттеснить шарскую армию обратно на юго-запад. Если все сложится удачно, шарцы скатятся по склону в самую гущу троллоков, сражающихся с войсками Илэйн. Возникнет неразбериха, и Мэт сумеет ею воспользоваться. Но пока что шарцы не уступали ни дюйма земли. Если уж на то пошло, это они теснили армию Света, чьи ряды уже начали разваливаться.

Хурин лег на землю, слушая вездесущие стоны, далекие крики, звон клинков о щиты и кольчуги и вдыхая гнусную вонь насилия, висящую вокруг него в океане из бессчетного множества не менее гнусных запахов.

Худшее еще впереди.

И да поможет им Свет…

* * *

Вытирая окровавленные руки тряпьем, Берелейн вошла в парадную трапезную своего дворца. Столы разрубили на топливо для огромных каминов в обоих концах длинного зала. Там, где раньше стояла мебель, теперь в несколько рядов лежали раненые.

Кухонные двери распахнулись, и в трапезной появились Лудильщики: некоторые с носилками, другие поддерживали тех, кто мог ходить. «О Свет! — подумала Берелейн. — Их все больше и больше!» От наплыва раненых дворец трещал по швам.

— Нет-нет! — шагнула она навстречу Лудильщикам. — Не сюда. В дальний коридор. Теперь туда. Здесь уже нет места. Росил! У нас еще раненые!

Лудильщики направились в коридор, нашеп-

тывая страдальцам успокоительные слова. Сюда приносили только тех, кого можно было спасти. Берелейн пришлось объяснить матронам Туата'ан, какие виды ран потребуют при Исцелении слишком много сил. Ведь лучше спасти десяток тяжелораненых, нежели затратить столько же энергии, пытаясь помочь одному человеку, чья жизнь висит на единственном волоске.

Это объяснение было, пожалуй, одним из самых ужасных и жестоких ее поступков.

Глядя на вереницу Лудильщиков, Берелейн высматривала, не мелькнет ли где кто-то в белой одежде. Среди раненых то и дело попадался белоплащник, но не тот, кого она искала.

«Их так много…» — снова подумала она. Лудильщикам никто не помогал. Все здоровые мужчины и почти все женщины отправились из дворца на Поле Меррилор, чтобы сражаться или собирать стрелы вместе с кэймлинскими беженцами.

В трапезную, нисколько не стесняясь кровавых пятен на платье, вбежала Росил и тут же занялась ранеными, высматривая тех, кому немедленно требовалось уделить внимание. Увы, но ведущие на кухню двери опять распахнулись, и в зале появилась группа едва державшихся на ногах

окровавленных андорцев и айильцев, присланных Родней с других участков битвы.

Началось форменное столпотворение. Размещая новоприбывших, Берелейн привлекла к этому всех, кто был во дворце — конюхов, престарелых слуг и даже пятилетних детей. Среди айильцев были только тяжелораненые, поскольку люди этого народа предпочитали оставаться на поле боя, пока были в состоянии держать оружие. Это значило, что многим уже нельзя было помочь. Приходилось размещать их где только возможно — притом что свободного места почти не осталось, — а затем смотреть, как они, захлебываясь кровью, испускают последний вздох.

— Что за бестолковщина! — воскликнула Берелейн, вскочив на ноги. Ее пальцы снова были в крови, а чистой ветоши не осталось. О Свет! — Нам нужны помощники. Ты! — Она указала на айильца. В бою тот лишился зрения и теперь сидел с повязкой на глазах, прислонившись спиной к стене. — Ты, слепой айилец!

— Меня зовут Ронья.

— Значит, так, Ронья, нам помогают несколько гай'шайн, но по моим подсчетам их должно быть гораздо больше. Где они?

— Ждут окончания битвы, после чего станут

служить победителям.

— Надо послать за ними, — заявила Берелейн. — Нам нужен каждый, кто способен помочь в бою.

— Быть может, они придут к тебе, Берелейн Пейндраг, и помогут ухаживать за больными, — ответил слепец. — Но сражаться они не станут. На поле брани им не место.

— Они поймут, что к чему, — твердо сказала Берелейн. — Ведь это Последняя битва!

— Пускай здесь ты и вождь клана, — улыбнулся айилец, — но ты не Кар'а'карн. И даже он не сумел бы заставить гай'шайн сойти с пути джи'и'тох.

— А кто сумел бы?

Казалось, этот вопрос удивил айильца.

— Никто, — ответил он. — Это невозможно.

— Как насчет Хранительниц Мудрости?

— Они не станут этого делать. Никогда.

— Это мы еще посмотрим, — отрезала Берелейн, и айилец улыбнулся шире прежнего:

— Никто не пожелал бы ощутить на себе твой гнев, Берелейн Пейндраг. Ни мужчина, ни женщина. Но если бы у меня появились новые глаза, я скорее вырвал бы их, нежели увидел, как гай'шайн вступают в битву.

— В таком случае им не надо сражаться, — ска-

зала Берелейн. — Допустим, они помогут носить раненых. Росил, займешься новоприбывшими?

Изнуренная женщина кивнула в ответ. Все Айз Седай во дворце выглядели так, будто вот-вот упадут, стоит только им сделать еще один шаг. Сама Берелейн держалась на ногах благодаря кое-каким травам, но сомневалась, что Росил одобрит их употребление.

Что ж, здесь она больше ничего не могла сделать. Пора проверить раненых, размещенных в кладовых. У них…

— Миледи? — раздался женский голос. Это была Китэн, одна из служанок, оставшихся во дворце ухаживать за пострадавшими. Стройная женщина взяла Берелейн за руку. — Вам надо кое-что увидеть.

Берелейн вздохнула, но ответила кивком. Ну что там еще за беда? Новый пузырь зла, окруживший раненых стенами, которых прежде не было? Или опять закончились бинты? Вряд ли в городе осталась хоть одна простыня, занавеска или бельевая мелочь, которую еще не пустили на перевязки.

Девушка отвела ее наверх, в личные покои королевы, где разместили нескольких раненых. Берелейн вошла в одну из комнат и удивилась,

увидев знакомое лицо. У кровати сидела Анноура, в красном платье с серыми вставками в разрезах. Волосы она по обыкновению заплела в косы, но убрала их назад и завязала в неаккуратный пучок, так что узнать ее было непросто.

Увидев вошедшую Берелейн, Айз Седай встала и поклонилась, хотя выглядела так, будто вот-вот упадет от усталости.

На кровати лежал Галад Дамодред.

Берелейн ахнула и подбежала к нему. Да, это был Галад, пусть и со страшной раной на лице. Он дышал, но был без сознания. Берелейн хотела взять его за руку, но та оканчивалась культей. Кто-то из хирургов успел прижечь ее, чтобы Галад не истек кровью.

— Но как? — Закрыв глаза, Берелейн сжала его другую руку. На ощупь та была теплой. Когда Берелейн услышала, как Демандред громогласно объявил о победе над человеком в белом…

— Мне вспомнилось, что долг платежом красен, — промолвила Анноура. — Его я нашла на поле битвы — после того, как Демандред возвестил о своем деянии, — и оттащила в безопасное место, пока Отрекшийся сражался с кем-то из Черной Башни. — Она опустилась на табурет у кровати, а затем устало понурилась. — Я не смог-

ла Исцелить его, Берелейн. Сил хватило лишь на то, чтобы открыть переходные врата. Мне очень жаль.

— Не стоит сокрушаться, — ответила Берелейн. — Китэн, приведи еще одну сестру. Анноура, отдых пойдет тебе на пользу. Спасибо.

Анноура кивнула, закрыла глаза, и потрясенная Берелейн увидела, что по щекам ее катятся слезинки.

— Что такое? Анноура, что случилось?

— Тебя это не должно беспокоить, Берелейн. — Анноура выпрямилась. — Видишь ли, этому учат всех нас. Не направляй, если слишком устала, иначе могут возникнуть сложности. Но мне требовалось открыть переходные врата во дворец. Спасти Галада, вернуть…

Не договорив, она упала с табурета. Берелейн едва успела уберечь ее голову от удара и только теперь поняла, что Анноура выглядит иначе не только из-за кос. Ее лицо тоже изменилось. Теперь оно стало не безвозрастным, а моложавым.

— Ох, Свет! — прошептала Берелейн. — Анноура, ты выжгла себя, да?

Но Анноура уже потеряла сознание. У Берелейн екнуло сердце. В последнее время между ними появились разногласия, но до этого Анноура мно-

го лет была ее наперсницей и близкой подругой. Бедняжка. Айз Седай говорили, что выжечь себя — это хуже смерти.

Берелейн перенесла женщину на стоявшую в комнате кушетку и накрыла одеялом, чувствуя себя совершенно бессильной. «Быть может… Быть может, ее удастся как-то Исцелить?..»

С этой мыслью она вернулась к постели, подняла табурет, села и снова взяла Галада за руку, решив недолго подержать ее в своих руках. Просто немного передохнуть. «Жив, — думала она, закрыв глаза. — Пусть он заплатил чудовищную цену, но все же остался жив».

— Как?

Берелейн вздрогнула, открыла глаза и обнаружила, что Галад смотрит на нее.

— Как я здесь оказался? — тихо спросил он.

— Анноура, — ответила Берелейн. — Она нашла тебя на поле боя.

— Я сильно ранен?

— При первой возможности тобой займутся другие Айз Седай. Твоя рука… — Берелейн собралась с духом. — Она потеряна навсегда, но рану на лице сумеют Исцелить.

— Не надо, — прошептал он. — Это всего лишь… царапина. Пусть целители помогают тем, кто

иначе умрет.

— Конечно, — кивнула Берелейн, закусив губу. Как же он устал… Еще немного — и снова уснет. — Скажи, как идет битва? Все плохо?

— Да.

— То есть… нам осталось лишь надеяться?

Он высвободил руку, сунул ее под рубаху. Когда придет Айз Седай, ей придется раздеть его, чтобы заняться ранами. Пока что обработали только культю, поскольку это ранение представляло наибольшую угрозу для жизни.

Галад вздохнул, задрожал, и его рука выскользнула из-под рубахи. Он что, хотел ее снять?

— Надеяться… — прошептал он и потерял сознание.

Ранд плакал.

Он съежился во мраке. Перед ним разворачивался Узор, сплетенный из нитей человеческих жизней. И многие, очень многие нити внезапно обрывались.

Слишком многие.

Он обязан был их защитить. Почему не сумел? Против воли в памяти стали всплывать имена. Имена тех, кто отдал за него жизнь. Сначала женские, но потом имена всех и каждого, кого он должен был спасти — но не спас.

Пока человечество сражалось на Поле Мерилор и у горы Шайол Гул, Ранд был вынужден смотреть, как люди гибнут один за другим. Отвернуться он не мог.

Темный в очередной раз решился на полновесную атаку. Натиск был таким чудовищным, что Ранд едва не сгинул в пустоте. Он не мог пошевелиться. Все его существо, вся его сила и целеустремленность сосредоточились на том, чтобы не позволить Темному разорвать его на части.

Ранд мог лишь смотреть, как умирают люди.

Он видел, как в атаке погиб Даврам Башир, а сразу за ним — его жена. Глядя на смерть верного друга, Ранд вскрикнул от боли. И оплакал Даврама Башира.

Хурин, славный и верный Хурин, погиб, сдерживая атаку троллоков на вершине Половского взгорка, где Мэт решил принять последний бой. И Ранд оплакал Хурина — человека, который так верил в него, что последовал бы за ним куда угодно.

Джори Конгар лежал, придавленный трупом троллока, и жалобно звал на помощь, пока не истек кровью и не умер. И Ранд оплакал Джори, глядя, как обрывается и исчезает нить его

жизни.

Энайла, решившая покинуть *Фар Дарайз Май*, чтобы положить брачный венок к ногам Лейрана, одного из сисвай'аман, приняла смерть, пронзенная копьями четырех троллоков. И Ранд оплакал ее.

Карлдин Манфор, который так долго следовал за ним и сражался у Колодцев Дюмай, погиб, когда, обессилев от беспрестанных плетений, в изнеможении упал на землю. Шарцы навалились на него и закололи Манфора черными кинжалами. Несколькими мгновениями позже пошатнулась и упала его Айз Седай по имени Белдейн. Ранд оплакал обоих.

Он оплакал Суан и Гарета Брина. Он оплакал Гавина.

Так много. Как же их много…

— ТЫ ПРОИГРЫВАЕШЬ.

Ранд сжался в комок. Что он мог сделать? Он мечтал остановить Темного… но тогда бы это породило бы новый кошмар. Ранда подвели его мечты.

— СДАВАЙСЯ, СОПЕРНИК. ЗАЧЕМ ПРОДОЛЖАТЬ? ПЕРЕСТАНЬ СРАЖАТЬСЯ И ОТДОХНИ.

Искушение. Ох, какое же это было искушение! О Свет… Что подумала бы Найнив? Ранд видел,

как она бьется, стараясь изо всех сил спасти Аланну. Как стыдно стало бы им с Морейн, узнай они, что в тот момент Ранд просто хотел все бросить?

Нахлынула боль, и он снова закричал:

— Прошу, пусть это закончится!

— ЭТО МОЖНО ОСТАНОВИТЬ.

Ранд извивался и дрожал, но крики звучали все громче. Смерть за смертью. Он держался, но едва-едва.

— Нет, — прошептал он.

— НУ ХОРОШО, — сказал Темный. — Я ДОЛЖЕН ПОКАЗАТЬ ТЕБЕ ЕЩЕ КОЕ-ЧТО. ВОТ ЕЩЕ ОДИН ОБРАЗ ТОГО, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ…

И Темный в последний раз соткал из нитей возможностей новое полотно.

Вокруг не стало ничего, кроме мрака.

— Возвращайся, ты, идиот! — Таим зло хлестнул Мишраиля витыми плетениями Воздуха. — Ступай и дерись! Мы не сдадим эту позицию!

Повелитель ужаса ответил раболепным поклоном и вместе с двумя сотоварищами побрел выполнять приказ. Едва не дымясь от гнева, Таим раздробил валявшийся рядом камень. Ох уж эта шелудивая Айз Седай! Как она только смеет превосходить его силой?

— М’Хаэль, — спокойно окликнули его.

Таим… М’Хаэль. Надо помнить, что его зовут М’Хаэль. Он направился навстречу голосу, что звал его. Чуть раньше он в панике Переместился на другую сторону Половского взгорка и теперь находился на самом верху юго-восточного склона. Отсюда Демандред наблюдал за ходом идущей внизу битвы, время от времени нанося удары смертоносными плетениями по отрядам андорцев, кайриэнцев и айильцев.

Его троллоки уже взяли под контроль весь проход между топями и взгорком, и теперь перемалывали силы Света у пересохшей реки. Победа на этом участке — лишь вопрос времени. К северо-востоку отсюда сражалась шарская армия, и Таима беспокоила быстрота, с которой Коутон подтянул силы, остановившие наступление шарцев. Ну да ладно. На этот отчаянный шаг Коутон явно пошел от безысходности. Ему не выстоять против шарской армии. Но важнее всего уничтожить Айз Седай на противоположном склоне взгорка. Это ключ к победе во всей битве.

М’Хаэль миновал настороженных шарцев с их татуировками и странными нарядами. В центре образованного ими круга сидел, скрестив ноги, сам Отрекшийся. Закрыв глаза, он медленно вдыхал и выдыхал воздух. Этот его са’ангриал…

Он что-то забирал у Демандреда, забирал нечто большее, нежели просто энергию, что требовалась для того, чтобы направлять Силу.

Не пора ли воспользоваться подвернувшейся возможностью? М'Хаэлю стало тошно подчиняться Демандреду. Да, он многому научился у этого человека, но теперь Отрекшийся явно не годился на роль лидера. Он баловал своих шарцев, и еще тратил силы на вендетту с ал'Тором. Его слабость открывала перед М'Хаэлем возможность воспользоваться удобным случаем.

— Говорят, у тебя ничего не получается, — молвил Демандред.

Внизу, на той стороне пересохшего русла, линия андорской обороны наконец-то начала прогибаться. Троллоки не переставали прощупывать ее, и теперь прорывались через отряды пикинеров сразу в нескольких слабых местах, выше и ниже по течению. Тяжелая кавалерия Легиона и кайриэнская легкая конница, находясь в постоянном движении, наносили отчаянные удары по троллокам, трепавшим андорскую оборону. Айильцы все еще сдерживали войско Тени у топей, а арбалетчики Легиона вкупе с андорскими пикинерами не давали обойти их с правого фланга. Однако натиск троллоков не ослабевал, и

ряды Илэйн понемногу сдавали назад, все глубже отступая на шайнарскую территорию.

— М'Хаэль? — Демандред открыл глаза. Древние глаза, но, глядя в них, М'Хаэль противился страху. Нет, его не запугать! — Расскажи мне о своей неудаче.

— Все эта ведьма Айз Седай! — прошипел М'Хаэль. — У нее невероятно сильный са'ангриал. Еще немного — и я убил бы ее, но меня подвела Истинная Сила.

— Тебе дарован лишь ее ручеек, и не без причины. — Демандред снова закрыл глаза. — Истинная Сила непредсказуема для того, кто не привык к ее особенностям.

М'Хаэль промолчал. Он изучит Истинную Силу и выведает все ее секреты. Другие Отрекшиеся слишком стары и медлительны. Вскоре воцарится новая кровь.

Демандред встал, являя собой воплощение расслабленной неизбежности. Не человек, а массивная глыба, меняющая свое местоположение.

— Ты вернешься и убьешь ее, М'Хаэль. Я прикончил ее Стража, и теперь она легкая добыча.

— Но са'ангриал…

Демандред протянул ему скипетр. Вместо набалдашника тот был увенчан золотым кубком.

Что это, проверка? Такая мощь… М'Хаэль чувствовал, как Демандред, держа в руках этот скипетр, прямо-таки лучился Силой.

— Говоришь, у нее са'ангриал? — спросил Отрекшийся. — С этим у тебя тоже будет са'ангриал. Вручаю тебе Сакарнен. Возьми его, чтобы впредь тебе нечем было оправдывать неудачи. Преуспей или умри, М'Хаэль. Докажи, что ты достоин входить в ряды Избранных.

М'Хаэль облизнул пересохшие губы.

— А если к тебе наконец явится Дракон Возрожденный? — спросил он.

— Думаешь, я стал бы пользоваться этим предметом в битве с Драконом? — рассмеялся Демандред. — Как тогда доказать, что я сильнее его? Нет, мы должны быть в равных условиях. По всем свидетельствам, пользоваться Калландором небезопасно, а вдобавок Льюс Тэрин сдуру уничтожил Чойдан Кэл. Он непременно придет, а когда это случится, я сражусь с ним без посторонней помощи и докажу, что я истинный владыка этого царства.

«Внутренняя тьма… — подумал Таим. — Видать, он совершенно обезумел». Странно смотреть в эти как будто ясные глаза и одновременно слушать, как с уст Демандреда слетает подобная чушь.

Когда Отрекшийся впервые явился к М'Хаэлю с предложением служить Великому повелителю, он произвел иное впечатление. Да, он был надменным. Как и все Избранные. Желание собственными руками убить ал'Тора пылало в душе Демандреда ярким пламенем.

Но теперь… Теперь он вел себя иначе. На нем сказалось время, прожитое среди шарцев. Он определенно стал слабее. А теперь такое… Кем надо быть, чтобы отдать сопернику столь могущественный артефакт?

«Глупец, — думал М'Хаэль, протягивая руку к са'ангриалу. — Убить тебя, Демандред, — все равно что прикончить лошадь, у которой переломаны три ноги. Это будет удар милосердия. А я-то надеялся одолеть тебя в равном бою».

Демандред отвернулся, и М'Хаэль вобрал через Сакарнен Единую Силу, жадно отпив от щедрот Источника. Бурным потоком прихлынула к нему сочная сладость саидин. Со скипетром в руках он стал всемогущ и непобедим! Он мог что угодно, ему под силу было ровнять горы с землей и в одиночку уничтожать целые армии.

Его подзуживало объединить энергетические потоки в плетение чудовищной силы и убить Демандреда.

— Осторожнее, — предупредил Отрекшийся голосом жалким и слабым, будто мышиный писк. — Не пользуйся скипетром, чтобы направить Силу мне во вред. Сакарнен связан со мною узами. Обрати его против меня — и он выжжет тебя из Узора.

Это ложь? Разве можно привязать са'ангриал к конкретному человеку? Этого М'Хаэль не знал. Он задумался, а затем опустил Сакарнен — с горечью, несмотря на переполнявшую его Силу.

— Я не глуп, М'Хаэль, — сухо заметил Демандред. — Я не дал бы тебе петлю, которой ты бы меня удавил. Ступай и сделай, что тебе велено. Здесь ты мой слуга. Вернее сказать, рука, что держит топор и срубает дерево. Уничтожь Амерлин, используй погибельный огонь. Нам дали приказ, и ему мы повинуемся. Мир необходимо расплести, а затем сплести его вновь, в соответствии с нашим представлением.

В ответ М'Хаэль оскалился, но решил не спорить и открыл переходные врата. Да, он уничтожит эту ведьму Айз Седай, а затем… Затем решит, что делать с Демандредом.

Илэйн в отчаянии смотрела, как теснят ее пикинеров. Бергитте с трудом уговорила ее покинуть участок, где вовсю шел бой, ведь с минуты на

минуту троллоки могли окончательно прорвать ряды защитников, но королеву подобное положение решительно не устраивало.

Илэйн отступила почти до самых развалин, где в данный момент непосредственная опасность ей не грозила. Ее окружало двойное кольцо гвардейцев. Большинство солдат уселись на землю, чтобы перекусить и пополнить силы в недолгий перерыв между схватками.

Своего знамени Илэйн не поднимала, но отправила гонцов к своим военачальникам, дабы те знали, что королева еще жива. Как ни старалась она руководить войсками, ее усилий в сражении с троллоками оказалось недостаточно. Андорские войска выдохлись, и это было очевидно.

— Мы должны вернуться, — сказала она. — Им надо видеть меня, Бергитте.

— Не понимаю, как им это поможет, — ответила Страж. — Вряд ли что-то изменится. Наши отряды попросту не выдерживают натиска троллоков и тех треклятых владеющих Силой. Я…

— Что такое? — спросила Илэйн, и Бергитте отвернулась:

— Готова поклясться, что раньше я помнила о подобной ситуации.

Илэйн поджала губы. Да, она искренне сочув-

ствовала Бергитте с ее потерей памяти, но это проблема одной-единственной женщины, в то время как вокруг гибнут тысячи людей.

Неподалеку кэймлинские беженцы продолжали искать раненых и собирать стрелы. Некоторые подходили к охране Илэйн и негромко интересовались о ходе битвы или самочувствии королевы. Глядя на их стойкость, Илэйн чувствовала прилив гордости. Город разрушен, но его можно отстроить заново, в то время как сломить людей, являвших собой истинное сердце Кэймлина, оказалось не так-то просто.

В отряды пикинеров вонзилось новое копье смертоносного света. На дальнем склоне взгорка способные направлять Силу женщины увязли в жестоком бою, хотя Илэйн не видела почти ничего, кроме вспышек в ночи. Не пора ли присоединиться к сестрам? Нет. Пусть ее приказы не могли спасти солдат, но само присутствие королевы благотворно влияло на боевой дух андорских войск.

— Боюсь за нашу армию, Илэйн, — призналась Бергитте. — Похоже, сегодня мы проиграем.

— Поражение недопустимо, — возразила Илэйн, — ведь сегодня оно будет окончательным и бесповоротным. Даже думать об этом не желаю.

Мы с тобой вернемся в бой. Пускай Демандред попробует нас убить. Быть может, когда солдаты увидят меня, у них откроется второе дыхание и они…

В этот миг на гвардейцев королевы набросилась группа кэймлинских беженцев.

Илэйн, ругаясь, развернула Лунную Тень и обратилась к Единой Силе. На людях, которых она поначалу приняла за беженцев, под черным от сажи тряпьем блеснули кольчуги. Никакие это были не беженцы, а самые настоящие наемники, и они обрушили на гвардейцев удары мечей и топоров.

— Измена! — Бергитте вскинула лук и пустила стрелу в горло одному из нападавших. — К оружию!

— Нет, не измена, — сказала Илэйн, сразив плетением Огня трех врагов. — Это не наши люди! Берегись вора, ряженого под попрошайку!

Обернувшись, она увидела, что ослабленных гвардейцев атакует еще один отряд лжебеженцев. Они были повсюду! Подобрались вплотную, пользуясь тем, что всеобщее внимание было сосредоточено на побоище у реки.

Когда наемники прорвали оборону, Илэйн решила показать им, насколько глупая затея

нападать на Айз Седай, и сотворила мощное плетение Воздуха.

Однако, ударив одного из устремившихся к Илэйн врагов, оно распустилось. Илэйн снова выругалась и развернула лошадь, намереваясь пуститься в бегство, но один из нападавших метнулся к ней и пронзил клинком шею Лунной Тени. Та с пронзительным ржанием встала на дыбы, и Илэйн вылетела из седла, страшно переживая за благополучие малышей и успев разглядеть, что все до единого гвардейцы втянуты в бой. Грубые руки схватили ее за плечи и придавили к земле.

Илэйн заметила в ночной темноте серебристый блеск. Медальон с лисьей головой. Другая пара рук прижала эту вещицу к коже Илэйн прямо над грудью. Металл был обжигающе холодным.

— Здравствуй, моя королева, — присев рядом с ней, произнес Меллар. Бывший гвардеец — многие по-прежнему считали его отцом детей Илэйн — презрительно усмехнулся. — Выследить тебя оказалось не так-то просто.

Илэйн плюнула ему в лицо, но Меллар, ожидавший подобной выходки, прикрылся от плевка рукой. Потом он улыбнулся и встал, оставив Илэйн в руках у двоих наемников. Хотя некоторые

гвардейцы продолжали сопротивляться, многих убили или оттеснили от королевы.

Еще двое подтащили к Меллару Бергитте. Та вырывалась, и на подмогу товарищам подоспел третий. Меллар вынул из ножен меч, какое-то время смотрел на него, словно любовался собственным отражением в мерцающей стали, а затем вонзил клинок Бергитте в живот.

Она охнула и упала на колени. Меллар злобно усмехнулся, а следующим ударом снес ей голову с плеч.

Не в силах двигаться, думать или хоть как-то реагировать на происходящее, Илэйн смотрела, как тело Бергитте падает, заливая все вокруг фонтаном крови. Померкшие узы сменила… боль. Жуткая боль.

— Давненько я этого ждал, — сказал Меллар. — Наконец-то дождался. Кровь и треклятый пепел! Что может быть приятнее?

«Бергитте…» Ее Страж мертва. Ее Стража убили. Нет больше этого сурового, но благородного сердца, этой безграничной преданности. Всему конец. Немыслимая утрата… Об этом даже думать не хотелось.

Меллар пнул тело Бергитте. К нему подъехал человек в андорской форме с перекинутым через

седло трупом женщины с золотистыми волосами. Кем бы ни была эта бедняжка, на ней было платье точь-в-точь как у Илэйн.

«О нет…»

— Приступай, — велел Меллар, и человек пустил коня шагом. Его обступили другие, переодетые в форму гвардейцев королевы. Один поднял флаг Илэйн, а другой начал выкрикивать:

— Королева убита! Королева погибла!

— Твои солдаты еще держатся, — сказал Меллар, поворачиваясь к Илэйн. — Что ж… После такого их ряды непременно дрогнут. Что касается тебя… Судя по всему, у Великого повелителя имеются планы на твоих детей. Мне приказано доставить их в Шайол Гул. И у меня сложилось впечатление, что твое присутствие там не требуется. — Он взглянул на одного из своих спутников. — Посмотри, что можно сделать.

Тот опустился на колени подле Илэйн и надавил ей на живот. Вызванное потрясение сменилось вспышкой ужаса. Ее малыши!

— Да, срок подходящий, — сообщил мужчина. — Если вырежешь детей из ее утробы, я, вероятно, сумею сохранить им жизнь с помощью плетения. Хотя сделать все будет непросто. Еще маленькие. Шесть месяцев, не больше. Но пле-

тение, которому обучил меня Избранный… Да, в течение часа я смогу поддерживать в них жизнь. Но чтобы они попали в Шайол Гул, придется сперва отнести их М'Хаэлю. Войти в пещеру через обычные переходные врата уже не получится.

— Меня это вполне устраивает. — Меллар убрал меч в ножны и вытащил из-за пояса охотничий нож. — Детей отправим к Великому повелителю, как он того желает. Но ты, моя королева… Ты принадлежишь мне.

Илэйн задергалась, но ее держали крепкие мужские руки. Снова и снова цеплялась она за Источник, но медальон действовал как настой корня вилочника. Как бы отчаянно Илэйн ни тянулась к саидар, с тем же успехом она могла пытаться обнять саидин.

— Нет! — крикнула она. — НЕТ!

— Вот и славно, — сказал Меллар. — Я надеялся услышать твои крики.

Ничего.

Ранд повернулся. Вернее, попробовал повернуться. У него не было ни формы, ни очертаний.

Ничего.

Он хотел заговорить, но у него не было рта. В конце концов он сумел произнести слова у себя в голове и сделать так, чтобы они проявились в

этой реальности.

— Что это, шайи́тан? — воплотил он свой вопрос.

— НАШЕ СОГЛАШЕНИЕ, — ответил Темный. — НАШ ДОГОВОР.

— Наш договор — ничто? — осведомился Ранд.

— ДА.

И тут Ранд все понял. Темный предлагал сделку, и та могла устроить обоих. Они сражались за судьбу человечества. Ранд стремился к миру, любви и процветанию. Темный искал противоположного — боли и страданий.

В каком-то смысле они находились в равновесии. Темный даст согласие не перекраивать Колесо по лекалам своих мрачных желаний. Он не станет порабощать людей и создавать мир без любви. Он сделает так, что мир исчезнет.

— Так вот что ты пообещал Элану, — понял Ранд. — Ты пообещал положить конец всему сущему.

— ТЕБЕ Я ПРЕДЛАГАЮ ТО ЖЕ САМОЕ, — сказал Темный. — И ТЕБЕ, И ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ. ВЫ ХОТЕЛИ МИРА И ПОКОЯ. Я ПРЕДОСТАВЛЮ ЕГО ВАМ. ПОКОЙ ПУСТОТЫ, КОТОРЫЙ ВЫ ТАК ЧАСТО ИЩЕТЕ. Я ПОДАРЮ ВАМ НИЧТО — И ВСЕ СРАЗУ.

Ранд не торопился отвергать предложение.

Сперва надо осмыслить его. Никакой больше боли, страданий, тяжкого бремени…

Конец. Разве не этого он желал? Разве не искал он способа раз и навсегда покончить с циклами Колеса?

— Нет, — наконец ответил он. — Конец всего сущего — это не покой. Такой выбор я уже делал. Мы продолжим.

Темный навалился на него со всех сторон, грозя смять Ранда и разорвать на куски.

— ВТОРОЙ РАЗ ПРЕДЛАГАТЬ НЕ СТАНУ, — предупредил он.

— Этого я и не жду, — сказал Ранд, когда ткань из нитей вероятностей померкла, и он вернулся в собственное тело.

Тут-то и пришла настоящая боль.

Мин томилась в ожидании среди шончанских солдат. Офицеры с фонарями прохаживались вдоль рядов, проверяя, все ли в порядке. Вместо того чтобы вернуться в Эбу Дар, они Переместились на бескрайнюю равнину, которой Мин не узнала. Здесь росли деревья со странной корой и крупными плоскими и длинными листьями, — может, это вообще не деревья, а просто очень высокие папоротники. Трудно сказать, особенно учитывая увядание; листья оставались на дере-

вьях, но совсем поникли, будто много недель им не хватало влаги. Мин попробовала представить, как они выглядят в здоровом состоянии.

У здешнего воздуха был иной запах, запах морской воды и каких-то неизвестных Мин растений. Готовясь выступать, шончанская армия выстроилась познаменно, в строгом порядке; каждый четвертый солдат имел при себе фонарь, хотя зажжен был только один из десятка. Даже используя переходные врата, Перемещение войск занимает немало времени, однако в распоряжении Фортуоны было несколько сотен дамани. Отступление прошло как по маслу, и Мин подозревала, что на поле сражения войска могут вернуться в кратчайшие сроки.

Если, разумеется, Фортуона отдаст такой приказ. В окружении голубых фонарей императрица расположилась на пьедестале, куда ее подняли в паланкине. То был не трон, но белоснежная шестифутовая колонна, установленная на вершине небольшого пригорка. Сидевшая рядом Мин слышала все, о чем докладывали императрице.

— Для Принца воронов битва развивается не самым лучшим образом, — сказал генерал Галган, обращаясь напрямую к стоявшим перед Фортуоной военачальникам, чтобы любой мог ответить

ему, не нарушая формальностей придворного этикета в присутствии императрицы. — Только что мы получили его просьбу вернуться. Он слишком долго ждал, прежде чем позвать на помощь.

— Не знаю, допустимо ли говорить об этом, — начал Йулан. — Хотя мудрость императрицы не ведает границ, уверенности в способностях принца у меня нет. Да, императрица избрала его своим консортом, и он как будто рожден для этой роли. Однако в сражении он действует крайне безрассудно. Быть может, происходящее влияет на него сильнее, чем хотелось бы.

— Я уверен, что у него есть план, — искренне заявил Беслан. — Поверьте, Мэт знает, что делает.

— В прошлом он произвел на меня благоприятное впечатление, — добавил Галган. — Нельзя отрицать, что знамения на его стороне.

— Он проигрывает, капитан-генерал, — возразил Йулан, — причем с разгромным счетом. А благоволящим человеку знамениям свойственно быстро меняться — равно как и судьбе целого народа.

Прищурив глаза, Мин смотрела на капитана воздуха. Два последних ногтя на обеих его руках были теперь покрыты лаком. Именно этот невысокий человек возглавлял нападение на Тар

Валон и благодаря успеху той атаки заслужил благосклонность императрицы и заметно вырос в глазах Фортуоны. Над головой у него кружились символы и знамения, подобные тем, что Мин видела над Галганом. Да и над Бесланом тоже.

«О Свет! — подумала девушка. — Знамения? Я что, начинаю мыслить как Фортуона? Пора бежать от этих людей. Они умалишенные».

— Такое чувство, что принц смотрит на битву как на азартную игру, — сказал Йулан. — Поначалу он делал продуманные ставки, но теперь вошел в неоправданный азарт. Многим доводилось стоять у стола для игры в *дактолк* и выглядеть благодаря своим ставкам гениями в глазах окружающих, когда в действительности все дело было в случайности. Поначалу принц выигрывал, но теперь мы видим, сколь опасно руководить битвой в подобном стиле.

Покосившись на императрицу, он склонил голову. Его заявления становились все более смелыми, поскольку Фортуона не давала ему знака придержать язык, а в подобной ситуации такое расценивалось как дозволение продолжать.

— До меня доходили… некоторые слухи о нем, — заметил Галган.

— Да, Мэт — игрок, — согласился Беслан. — Но

игрок сверхъестественно хороший и удачливый. И сейчас он выигрывает, генерал. Умоляю, вернитесь и помогите ему.

— Императрица — да живет она вечно — увела нас оттуда не без причины, — решительно покачал головой Йулан. — Если принц не в состоянии защитить свой командный пункт, о каком контроле над битвой может идти речь?

Совсем распоясался. Галган потер подбородок, после чего перевел взгляд на стоявшую рядом женщину. Мин мало что знала о Тайли; на подобных совещаниях эта седеющая, широкоплечая, темнокожая военачальница, явно обладавшая немалой внутренней силой, предпочитала помалкивать, а ее шрамы доказывали, что она многажды самолично водила солдат в самое пекло.

— Жители континента сражаются лучше, чем я предполагала, — сказала она. — Мне довелось драться бок о бок с солдатами Коутона. Думаю, они способны удивить вас, генерал. И я тоже смиренно предлагаю вернуться и помочь ему.

— Но будет ли это в интересах империи? — не унимался Йулан. — Сражение с войсками Коутона и поход от Поля Меррилор к Эбу Дар ослабят Тень, а по пути мы будем наносить по троллокам

удары с воздуха. Наша цель — не сиюминутная выгода, а победа в итоге всех действий. Быть может, отправить за принцем кого-то из дамани? Пусть приведут его сюда, в безопасное место. Он храбро сражался, но в этой битве его превосходят и числом, и умением. Спасти его армию мы, конечно, не сможем. Эти люди обречены.

Мин сдвинула брови, подавшись вперед и присматриваясь к образам над головой Йулана. Один из них был… таким странным… Цепь. Почему над ним цепь?

«Он пленник, — вдруг поняла она. — Безвольная игрушка, инструмент в чьих-то руках. О Свет!»

Мэт опасался шпиона. Мин похолодела.

— Императрица, да живет она вечно, уже приняла решение, — сказал Галган. — Мы возвращаемся. Или — в мудрости своей — она передумала?.. — Он бросил на Фортуону вопросительный взгляд.

«Лазутчик умеет направлять Силу, — поняла Мин, глядя на Йулана. — Этот человек находится под Принуждением».

Человек, способный направлять. Кто-то из Черной Айя? Дамани, принявшая сторону Темного? Повелитель ужаса? Шпионом мог быть кто

угодно, — скорее всего, он вдобавок прячется под плетением, изменяющим внешность.

Как же Мин вывести его на чистую воду?

С помощью видений. Айз Седай и других способных владеть Силой сопровождают видения — всегда, без исключений. Осталось найти соответствующий образ. Сумеет ли она? Мин же поняла, пусть и инстинктивно, что цепь над Йуланом означает пленение. Значит, он не шпион, а марионетка.

Она принялась рассматривать знать и военачальников. Разумеется, над многими реяли знамения, ведь такого рода людям они свойственны, но Мин выискивала в этой толпе нечто необычное. Наконец ее взгляд задержался на молодой веснушчатой со'джин, и у нее перехватило дух. Мин не узнала эту женщину, но заметила у нее над головой множество образов.

Была ли она здесь с самого начала? Мин не сомневалась, что уже заметила бы ее, подойди эта женщина ближе; людям, которые не являлись Стражами, обладателями дара направлять Силу или та'веренами, крайне редко сопутствовало такое многообразие видений. Однако, по недосмотру или по стечению обстоятельств, Мин даже в голову не приходило обращать особое

внимание на слуг.

Итак, лазутчик найден — для Мин очевидно, что шпионка выдает себя за служанку. Девушка отвела взгляд, дабы не пробудить в со'джин ненужных подозрений, и задумалась о том, что делать дальше. Инстинкты нашептывали, что надо атаковать, просто выхватить нож и метнуть его в женщину. Если эта служанка — Повелительница ужаса или, чего доброго, одна из Отрекшихся, одолеть ее можно, лишь нанеся удар первым.

Но нельзя исключать, что эта женщина — самый обычный человек. Мин взвесила все «за» и «против» и поднялась на ноги, игнорируя ропот нескольких Высокородных, возмущенных нарушением правил поведения. Девушка встала на подлокотник кресла, чтобы оказаться вровень с Фортуоной и, стараясь не упасть, тихо произнесла:

— Мэт просил нас вернуться. Как долго вы собираетесь обсуждать его просьбу?

Туон пристально посмотрела на нее и ответила:

— До тех пор, пока не удостоверюсь, что так лучше для империи.

— Но он ваш муж!

— Жизнь одного человека не стоит жизни нескольких тысяч людей, — сказала Туон, но в ее голосе слышалось неподдельное волнение. — Если разведчики Йулана не лгут и битва и впрямь идет скверно…

— Вы назвали меня Говорящей Правду, — сказала Мин. — Поясните, что это значит?

— Если я делаю что-то неправильное, то ты обязана вслух сделать мне замечание. Таков твой долг. Однако этому ты не обучена, поэтому лучше сдерживайся, покуда я не смогу обеспечить…

С колотящимся сердцем Мин повернулась к военачальникам и собравшимся рядом придворным:

— Как Говорящая Правду при императрице Фортуоне, теперь я скажу правду. Чтобы сберечь силы, императрица в час нужды отвернулась от армий Света. Из-за ее гордыни человечество будет уничтожено.

Высокородные оторопели.

— Не все так просто, юная леди, — возразил генерал Галган. Судя по взглядам остальных присутствующих, ему не следовало вступать в полемику с Говорящей Правду, но Галган тем не менее продолжил: — Мы оказались в неоднозначной ситуации.

— Я с пониманием отнеслась бы к вашим словам, — сказала Мин, — не будь мне известно, что среди нас шпион Тени.

Веснушчатая со'джин вздрогнула и подняла взгляд.

«Попалась», — подумала Мин и указала на генерала Йулана:

— Абалдар Йулан, я разоблачаю тебя! Я видела знамения, и они доказывают мне, что ты действуешь против интересов империи!

Лазутчица расслабилась, и Мин заметила тень улыбки у нее на губах. Неплохо. Йулан принялся громко возражать, а Мин уронила в ладонь из рукава нож и метнула его в женщину.

Тот, вращаясь, устремился к цели — но не долетел до нее. Прямо перед женщиной нож остановился, зависнув в воздухе.

Стоявшие поблизости дамани и сул'дам изумленно ахнули. Шпионка бросила на Мин взгляд, полный ненависти, открыла переходные врата и прыгнула в них. Вслед ей полетели плетения дамани, но портал сомкнулся прежде, чем остальные сообразили, что вообще происходит.

— Прошу прощения, генерал Йулан, — объявила Мин, — но вы находитесь под Принуждением. Видите, Фортуона? Тень делает все, что в ее силах,

лишь бы мы не вступили в битву. Уместна ли ваша нерешительность?

Она посмотрела императрице в глаза.

— Ты неплохо играешь в подобные игры, — прошептала ледяным тоном Фортуона. — Подумать только… Приняв тебя в число своих придворных, я опасалась за твою безопасность. Похоже, надо было опасаться за свою. — Она еле слышно вздохнула. — Ты даешь мне возможность… или даже наделяешь правом… действовать по велению сердца, будь оно мудрым или не очень. — Она встала. — Генерал Галган, собирайте войска. Мы возвращаемся на Поле Меррилор.

Плетением Земли Эгвейн уничтожила валуны, за которыми прятались шарцы. Другие Айз Седай тут же нанесли удар, в искрящемся воздухе стало тесно от плетений, и враги сгинули в огне, вспышках молний и грохоте взрывов.

Изрытый воронками и бороздами, усыпанный осколками камней склон походил на развалины города, погибшего в страшном землетрясении. Была еще ночь, и бой длился… О Свет! Сколько же времени прошло с тех пор, как убили Гавина? Много часов…

Не позволяя воспоминаниям сбить ее с намеченного курса, Эгвейн удвоила усилия. Вот уже

несколько часов Айз Седай продолжали бить шарцев на западном склоне взгорка; враги отвечали тем же. Но Эгвейн понемногу теснила их на восток.

Временами ей казалось, что сестры побеждают, но с недавних пор Айз Седай все чаще падали от усталости или вражеских плетений.

Где-то в дыму появился новый отряд тех, кто мог направлять. Эгвейн не столько видела их, сколько чувствовала, как они вбирают Единую Силу.

— Отражайте чужие плетения! — шагнув вперед, крикнула она остальным. — Я атакую, вы прикрываете!

Другие женщины подхватили ее клич и разнесли приказ по рядам Айз Седай. Они уже не прятались по выбоинам; с сосредоточенным выражением на нестареющих лицах женщины всех Айя выстроились по обе стороны от Эгвейн. Впереди шли Стражи; они не могли предложить иной защиты, кроме как останавливать вражеские плетения своими телами.

Эгвейн почувствовала, что ее догоняет Лильвин. К обязанностям Стража эта женщина относилась со всей серьезностью. Шончанка. Сражается как Страж Эгвейн в Последней битве.

Почему бы и нет? Сейчас расплетался весь мир, и это подтверждали черные трещины под ногами. Они уже не меркли, как прежде, и в их глубине продолжала таиться кромешная тьма. На этом склоне слишком часто использовали погибельный огонь.

Эгвейн отправила вперед огненную стену, и та пожирала трупы, оставляя за собой чадящие груды костей. Атака выжгла землю дочерна, и шарцы объединились, чтобы отбить ее, но перед тем Эгвейн успела сразить нескольких врагов, умевших направлять Силу.

Другие Айз Седай отражали или уничтожали летевшие в ответ плетения. Эгвейн собралась с силами, намереваясь повторить. «Так устала, — прошептал голосок в глубине души. — Эгвейн, ты страшно устала, и опасность растет с каждой минутой».

К ней подступила Лильвин, запнулась о камень, но устояла на ногах, и сказала, по-шончански растягивая слова:

— Вести от Аша'манов, мать. Они отыскали печати и отдали их своему предводителю.

Со вздохом облегчения Эгвейн сплела Огонь и на сей раз отправила вперед не стену, а несколько столбов, осветивших истерзанную землю.

Оставленные М’Хаэлем трещины тревожили ее все сильнее. Эгвейн начала новое плетение, но что-то почувствовала и остановилась.

Она развернулась в тот самый миг, когда погибельный огонь — луч толщиной с мужскую руку — впился в ряды Айз Седай, испарив полдюжины женщин. Из ниоткуда возникли языки пламени и загремели взрывы, мгновенно унесшие жизнь других сестер.

«Погибельный огонь выжег тех, кто останавливал вражеские плетения… но их удалило из Узора прежде, чем они отразили атаку шарцев». Стало быть, погибельный огонь обратил вспять выжигание нитей Узора.

Последовательность событий оказалась катастрофической. Убитые шарцы снова стали живыми и хлынули вперед — мужчины на четвереньках, будто гончие псы, а женщины двигались, организовавшись в группы по четыре-пять человек. Эгвейн поискала взглядом источник этого могучего погибельного огня. Она впервые видела луч такой толщины. Должно быть, он, воздействовав на сожженные нити, вернул их на несколько часов назад.

Наконец она заметила М’Хаэля. Тот, окруженный пузырем деформированного воздуха, стоял

на вершине Половского взгорка, а из окружавших его расселин выползали черные завитки, похожие на лишайник или мох. Темное ничто. Мрак распространялся, и он пожрет всех без исключения.

Новая полоса погибельного огня прожгла отверстие в земле, зацепив нескольких женщин. Их силуэты тускло засветились, а затем исчезли. Под натиском силы, исходившей от М'Хаэля, сам воздух лопнул, будто мыльный пузырь, и стихшая буря возобновилась с новой силой.

— Ты еще не понял, что лучше не высовываться? — прорычала Эгвейн, встала и вобрала Силу. Земля у ее ног покрылась трещинами, ведущими в пустоту.

О Свет! Эгвейн прямо-таки ощущала таившееся в той дыре небытие. Она начала плетение, но по склону прошелся очередной луч, убивая женщин, которых она любила. Холм под ногами содрогнулся, и Эгвейн упала на землю. Шарцы не переставали уничтожать соратниц Эгвейн, и крики звучали все громче. В поисках убежища Айз Седай бросились врассыпную.

Трещины расползались по камням, будто вершина Половского взгорка угодила под удар гигантского молота.

Погибельный огонь. Эгвейн нуждалась в оружии аналогичной силы, иначе М'Хаэля не остановить! Она встала на колени и с болью в сердце принялась творить запретное плетение.

Нет! Погибельный огонь лишь подтолкнет мир к уничтожению.

В таком случае — что?

«Это просто плетение, Эгвейн». Так сказал Перрин, когда встретил ее в Мире снов и остановил направленный на него удар погибельного огня. Но нет, это все-таки не просто плетение. Оно единственное в своем роде.

Так устала… Теперь, на мгновение остановившись, девушка не чувствовала ничего, кроме апатии. И глубокой и горькой скорби по Гавину.

— Мать! — Лильвин — она держалась рядом — потянула Эгвейн за плечо. — Мать, пора уходить! Айз Седай не выдержали удара. Шарцы нас сомнут!

С вершины на них смотрел М'Хаэль. Он с улыбкой шагнул вперед — в одной руке скипетр, другая, повернутая ладонью к небу, указывает на Эгвейн. Что случится, если он выжжет ее погибельным огнем? Исчезнут последние два часа — то есть время, за которое она созвала Айз Седай и уничтожила десятки шарцев…

«Просто плетение…»

Единственное, ни на что другое не похожее.

«Нет, этого не может быть, — думала Эгвейн. — У всякой монеты две стороны. Единая Сила состоит из двух половинок. Жар и холод, свет и тьма, мужчина и женщина… Если существует плетение, должна существовать его противоположность».

М'Хаэль выпустил в нее луч погибельного огня, и Эгвейн сотворила… нечто. Плетение, раньше испытанное ею на трещинах в камне, но куда мощней и масштабней, изумительное, грандиозное плетение, сочетавшее в себе все Пять Сил. Когда оно обрело форму перед ней, Эгвейн с криком отпустила его — белоснежный столб, словно бы из самой ее души ударивший в центр плетения М'Хаэля.

Два плетения взаимоуничтожились, как бывает при соприкосновении кипятка со льдом. Вспышка ярче любых огней ослепила Эгвейн, и она почувствовала, как плетение залатало Узор. Трещины перестали расползаться, и пустоту наполнила стабилизирующая сила. Словно короста на ране. Не идеальное решение, но хотя бы временная заплатка.

С новым криком Эгвейн поднялась на ноги, не

желая встречать М’Хаэля на коленях. Потом она зачерпнула всю Силу, что могла удержать, до последней капли, и выплеснула на Отрекшегося гнев Амерлин.

Два яростных потока схлестнулись в ослепительной вспышке. Камни вокруг М’Хаэля пошли трещинами; земля близ Эгвейн обрела изначальный вид. Она по-прежнему не знала, что это за плетение. Противоположность погибельного огня. Ее собственный огонь, плетение, несущее свет и возрождение.

Пламя Тар Валона.

На бесконечное мгновение обе силы застыли в равновеличии, и Эгвейн почувствовала, как на нее нисходит покой. Боль от смерти Гавина исчезла, скорбь померкла. Он переродится. Узор продолжит существовать. Использованное Эгвейн плетение уняло гнев и наполнило ее покоем и безмятежностью. Она еще глубже окунулась в саидар, чья сияющая благость с давних пор указывала ей путь.

И зачерпнула еще больше Силы.

Ее энергетический поток пронзил плетение погибельного огня, будто клинок, разбил его вдребезги и вонзился в протянутую руку, прошил ее насквозь и поразил М’Хаэля в грудь.

Погибельный огонь исчез. М'Хаэль изумленно разинул рот, пошатнулся, раскрыл глаза, а затем… А затем как будто начал вмерзать в лед, и из груди у него стал расти прекрасный многоцветный кристалл. Неограненный и необработанный, будто рожденный от самой земли, и он увеличивался, пока не поглотил М'Хаэля целиком. Каким-то образом Эгвейн понимала, что действие пламени на человека, не отдавшего себя Тени, было бы куда менее впечатляющим.

Она вцепилась в Силу, которой вобрала слишком много, и попыталась удержать ее, понимая, что если ослабить хватку, то ее выжжет и она больше не сумеет сплести даже самую простую тесьму. В этот последний миг Сила захлестнула ее могучей волной.

Далеко на севере что-то содрогнулось. Ранд продолжал схватку. По земле расползались трещины. Погибельный огонь Демандреда и М'Хаэля сделал свое дело. Мир распадался на части. От Половского взгорка во все стороны разбежались черные расселины, и Эгвейн уже видела, как они раскрываются, раскалывая землю, и появившаяся оттуда пустота поглощает все живое.

— Дождись света, — прошептала Эгвейн.

— Мать? — Лильвин по-прежнему стояла на

коленях у ее ног. Вокруг них поднимались с земли сотни шарцев.

— Дождись света, Лильвин, — повторила Эгвейн. — Как Престол Амерлин, я приказываю тебе: найди печати от узилища Темного и сломай их, слышишь? Сломай! Сделай это в тот момент, когда воссияет свет. Ведь лишь тогда это сможет нас спасти.

— Но…

Эгвейн спеленала Лильвин путами Воздуха и толкнула ее в портал, что открыла за спиной у шончанки, а заодно рассекла узы, прервав недолгую связь с новым Стражем.

— Нет! — крикнула Лильвин.

Переходные врата захлопнулись, и Эгвейн осталась наедине с сотнями шарцев. Вездесущие черные трещины, ведущие в пустоту, умножались. В бою Айз Седай воплощали собой доблесть и отвагу, но шарские владеющие Силой восстали из мертвых и теперь сжимали кольцо вокруг Престола Амерлин, некоторые осторожно, другие — торжествующе улыбаясь.

Эгвейн зажмурилась и зачерпнула Силу. Вобрала объем куда больший, чем способна удержать женщина. Больше, чем то количество, с которым способен хоть кто-то справиться. Такая мощь

попросту выходила за пределы допустимого, пределы разумного. И имеющийся у Эгвейн са'ангриал не мог уберечь ее от этого.

Отдав неудержимому потоку Силы измученное тело, Эгвейн превратилась в колонну света. Пламя Тар Валона ударило в землю и взмыло к небесам; Сила оставила Эгвейн в тихом и прекрасном взрыве, что стер шарцев со склона Половского взгорка и запечатал трещины, возникшие во время боя с М'Хаэлем.

Душа Эгвейн, расставшись с падающим телом, обрела в этой волне пламени покой и устремилась на ней в Свет.

Эгвейн погибла.

— Не верю! — закричал Ранд, терзаемый скорбью и гневом. — Только не она! Только не она!

— МЕРТВЫЕ ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ.

— Но не она, Шайи'тан! — крикнул Ранд.

— Я УБЬЮ ИХ ВСЕХ, СОПЕРНИК.

Ранд сжался в комок и зажмурился. «Я спасу тебя, — подумал он. — Что бы ни случилось, я прослежу, чтобы тебе ничто не грозило. Клянусь! Клянусь…»

Ох, Свет… Имя Эгвейн пополнило список мертвых, и этот список продолжал расти. Он гремел в сознании Ранда, будто гром. Виноват. Это он во

всем виноват…

Он должен был спасти их.

Темный не прекращал атак, пытаясь сокрушить Ранда и одновременно разорвать его на части.

О-о-о Свет, только не Эгвейн…

Не открывая глаз, Ранд упал. Он едва пережил новый удар.

Его окутала тьма.

Лиане подняла руку, прикрывая глаза, защищая их от величественной вспышки света, которая омыла склон и очистила его от тьмы, не оставив здесь ничего, кроме ярчайшего света и густых теней, отброшенных шарцами, когда те замерли и превратились в кристаллы.

Слепящий столб Силы взмыл к небесам, будто маяк, а затем померк.

Лиане опустилась на колени и, чтобы не упасть, оперлась рукой о землю, укрытую теперь сияющей пеленой. Мерцая на расколотых скалах, кристаллы усеивали обезображенную почву и заполняли все трещины, походившие теперь на крошечные реки.

С трудом поднявшись на ноги, Лиане побрела вперед, мимо шарцев, вмороженных в кристаллы и застывших во времени.

Там, где был центр взрыва, она обнаружила кристаллическую колонну высотой в полсотни футов и толщиной с древний болотный мирт. Внутри покоился рифленый жезл — са'ангриал Воры, — и, хотя от самой Амерлин здесь не осталось и следа, Лиане все поняла.

— Престол Амерлин пала, — возвестила одна из сестер из гущи кристаллизованных шарцев. — Престол Амерлин погибла!

Прогремел гром. Берелейн подняла взор, затем отпустила безвольную руку Галада, встала и подошла к окну в каменной стене.

Кипучие волны накатывали на каменистый берег со звуком, похожим на гневный рев. Или крик боли. Пенистые фонтаны яростно вздымались к расколотым молнией тучам. На глазах у Берелейн они сгустились и почернели, хотя прежде ей казалось, что они уже достигли предела тьмы.

До рассвета оставался час, но Берелейн понимала, что черная пелена не даст ей увидеть солнце. Она вернулась к постели, села и снова взяла Галада за руку. Где же та Айз Седай, что Исцелит его? Если не считать бессвязного шепота, Галад по-прежнему был без сознания. Он дернулся, и что-то сверкнуло у него на шее.

Берелейн вытянула у него из-под рубахи ме-

дальон, сработанный в виде лисьей головы. Провела пальцем по серебристой поверхности.

— …Вернуть Коутону… — прошептал Галад, не открывая глаз. — Надежда…

На мгновение Берелейн задумалась. Казалось, эта ночная тьма снаружи являет собой сущность Темного, наброшенную на землю душным покрывалом. Она вползала в окна и просачивалась под двери. Берелейн вскочила и стремительно вышла из комнаты, сжимая медальон в руке.

* * *

— Престол Амерлин погибла, — доложил Арганда.

«Кровь и треклятый пепел! — подумал Мэт. — Эгвейн… Что, и Эгвейн тоже?» Такое чувство, что его хлестнули по лицу.

— Более того, — продолжил Арганда, — Айз Седай сообщают, что потеряли больше половины участвовавших в сражении сестер. Выжившие говорят… позвольте процитировать… что «того количества Единой Силы, которое они еще способны направить, не хватит даже на то, чтобы поднять перышко». Другими словами, они вышли из боя.

— Сколько шарских владеющих Силой они

сумели уничтожить? — хрипло спросил Мэт, взяв себя в руки.

— Всех.

Мэт воззрился на Арганду и нахмурился:

— Чего-чего?

— Всех, кто мог направлять Силу, — повторил Арганда. — Всех, кто сражался против Айз Седай.

— Вот это да… — протянул Мэт.

Но Эгвейн…

Нет. Сейчас не время горевать. Эгвейн и ее люди нанесли врагу катастрофический урон.

Шарское воинство и троллоки отступили, чтобы перегруппироваться, и Мэт воспользовался передышкой, чтобы сделать то же самое.

Его войска — вернее, их остатки — растянулись по всему взгорку. Мэт собрал вместе всех, кто у него оставался, — порубежников, преданных Дракону, Лойала и его огиров, отряды Тэма, белоплащников, бойцов Отряда Красной руки. Стойкости и отваги им было не занимать, но враг давил силы Мэта численным превосходством. Дела шли неважно, даже когда приходилось драться с одними шарцами, но теперь троллоки прорвались по восточному краю возвышенности, и войскам Света приходилось сдерживать врага еще и там. За минувший час их оттеснили боль-

ше чем на тысячу шагов к северу, и последние ряды оказались у самого края плато.

Следующая атака будет последней. Конец битвы. Поскольку у шарских войск больше нет владеющих Силой, немедленного разгрома можно не опасаться, но… этих растреклятых троллоков оставалось слишком много. До сей поры Мэт неплохо танцевал этот танец, да, весьма неплохо, но всему есть предел, и не факт, что их спасет даже возвращение Туон — если она вообще вернется.

Из-за тяжелых ран Арганда не мог сражаться, а Исцелить его было некому, поэтому он принимал донесения с других участков сражения и неплохо справлялся со своей задачей. Молодец. Ему нашлось бы применение в Отряде Красной руки.

Расчистив склон от мертвых тел, троллоки собирались в свои отряды-кулаки под началом мурддраалов и готовились к наступлению. У Мэта оставалось пять, от силы десять минут на подготовку к решающему бою.

К нему подошел угрюмый Лан:

— Что делать мне и моим людям, Коутон?

— Собираться с духом перед дракой вон с теми троллоками, — ответил Мэт. — Нет ли новостей из Майена? Самое время пополнить наши ряды

теми, кого Исцелили.

— Я все выясню, а затем оповещу своих людей, — пообещал Лан и удалился.

Мэт порылся в седельных сумках и достал знамя Ранда — вернее сказать, древних Айз Седай, — которое возил с собой, считая, что рано или поздно оно пригодится.

— Кто-нибудь, поднимите повыше эту штуку. Проклятье! Мы ж за Ранда как-никак воюем, и пускай Тень знает, что мы этим гордимся!

Даннил взял знамя и прицепил полотнище к копью. Мэт тяжело вздохнул. Судя по разговорам порубежников, они полагали, что дело кончится славной, героической, самоубийственной атакой. Так всегда завершались баллады Тома, и раньше Мэт надеялся, что о нем не будут слагать подобных песен. Но теперь эта надежда становилась все более призрачной.

«Думай, думай!» Вдали загудели троллочьи горны. Туон задерживалась. Когда же она придет? В глубине души Мэт надеялся, что никогда. Битва развивалась так погано, что даже шончанская армия вряд ли переломила бы ее ход.

Мэту требовался счастливый случай. «Ну же, удача, куда ты запропастилась?!»

Открылись новые переходные врата, и Арганда

шагнул навстречу гонцу. Слышать донесение Мэту не требовалось: судя по лицу гэалданца, новости были не из приятных.

— Ну ладно, — вздохнул Мэт, когда хмурившийся Арганда вернулся. — Выкладывайте.

— Королева Андора мертва, — сказал тот.

«Кровь и пепел! Только не Илэйн! — В душе у Мэта что-то оборвалось. — Ранд, мне так жаль…»

— Кто теперь возглавляет войска? Башир?

— Он убит, — сообщил Арганда. — И его жена тоже. Погибли при вражеской атаке на андорских пикинеров. И еще мы потеряли шестерых вождей айильских кланов. Теперь андорцами и айильцами никто не командует, и оборона у реки считайте что рассыпалась.

— Это конец! — долетел до Мэта усиленный плетением голос Демандреда, стоявшего на другом краю плоскогорья. — Льюс Тэрин отвернулся от вас! Взывайте к нему перед смертью! Пусть прочувствует вашу боль!

До конца партии осталось несколько ходов, и Демандред зарекомендовал себя умелым игроком. Мэт обвел взглядом своих изнуренных и потрепанных солдат. Многие были ранены. Что тут скажешь… Положение и впрямь безнадежное.

— Пошлите за Айз Седай, — велел он. — Плевать, что они не в состоянии поднять перышко. Быть может, когда встанет вопрос жизни и смерти, они наскребут немного сил для пары-тройки огненных шаров. Кроме того, их Стражи еще способны драться.

Арганда кивнул. Рядом открылись еще одни переходные врата, откуда нетвердо вышли два Аша'мана. Вид у них был совсем измученный. За ними появилась и одна Айз Седай. Все трое — и Наэфф, и Неалд, и связанная с ним узами сестра — пострадали от ожогов. Айз Седай Наэффа с ними не было.

— Ну? — спросил Мэт у этой троицы.

— Готово, — прохрипел Неалд.

— Какие новости от Туон?

— Судя по всему, они обнаружили шпиона, — сказал Наэфф. — Императрица готова вернуться и ждет вашего сигнала.

Мэт глубоко вздохнул, пробуя на вкус воздух сражения и чувствуя заданный им ритм битвы. Он не знал, сумеет ли победить. Даже с помощью Туон. Ведь армия Илэйн находилась в совершенном беспорядке, Айз Седай ослабели так, что больше не могли направлять Силу, а еще рядом не было Эгвейн с ее несгибаемым хребтом и дву-

реченским упрямством. Иными словами, Мэту требовалось чудо.

— Отправляйся за ней, Наэфф, — сказал Мэт, потом велел подать перо и бумагу, нацарапал записку и протянул ее Аша'ману, поборов эгоистичное желание написать Туон, чтобы спасалась бегством. Кровь и пепел! Было бы куда бежать… — Передай это императрице, Наэфф, и скажи, чтобы в точности выполнила все эти указания. — Затем он повернулся к Неалду. — Ступай к Талманесу. Пусть начинает действовать согласно плану.

Оба Аша'мана отправились выполнять приказ.

— Этого будет достаточно? — спросил Арганда.

— Нет, — ответил Мэт.

— В таком случае зачем это все?

— Затем, что я скорее подамся в приспешники Темного, нежели откажусь от любого, пусть даже самого призрачного шанса, Арганда.

— Льюс Тэрин! — гремел Демандред. — Приди и сразись со мной! Я знаю, что ты следишь за этой битвой! Так прими в ней участие! Сражайся!

— Знаете, я начинаю от него уставать, — признался Мэт.

— Смотрите, Коутон, троллоки перегруппировались, — сказал Арганда. — По-моему, вот-вот пойдут в атаку.

— Значит, пора строиться, — подытожил Мэт. — А где Лан? Еще не вернулся? Очень не хотелось бы начинать без него.

Он обвел взглядом ряды порубежников, выискивая Лана, но тут Арганда перестал выкрикивать команды, потянул Мэта за рукав и указал в сторону троллоков. Увидев, что к правому флангу троллочьей орды, на восточный склон взгорка скачет в свете костров одинокий всадник на черном жеребце, Мэт похолодел. Стало быть, Лан отправился к Демандреду — в одиночку сражаться на этой войне.

Ночью троллоки, пытаясь вытащить Олвера наружу, расцарапали ему всю руку. Другие раскапывали расселину по краям, и земля сыпалась на Олвера, смешиваясь со слезами на щеках и с кровью из ссадин.

Он никак не мог унять дрожь. И заставить себя шевельнуться тоже не мог. Содрогаясь от ужаса, он смотрел, как грязные пальцы чудовищ подбираются все ближе и ближе.

Лойал присел на пенек, чтобы отдохнуть перед боем.

Атака. Да, это неплохой способ все закончить. Тело раскалывалось от боли. Лойал много читал

о битвах, да и повоевать ему довелось, так что он знал, чего ожидать. Но знать и пережить — совершенно разные вещи; в первую очередь именно поэтому он и ушел из стеддинга.

Непрерывная битва длилась уже больше суток, и мышцы Лойала горели от глубокой усталости. Поднимая оружие, он не переставал удивляться, как от тяжести топора не переламывается топорище.

Война. Лойал предпочел бы прожить всю жизнь, не участвуя в войне. Она оказалась куда масштабнее, чем та безумная схватка в Двуречье. Там хотя бы оставалось время убрать мертвецов и подлечить раненых, а тут требовалось лишь твердо стоять на месте, сдерживая волны атакующих монстров.

Здесь не было времени — ни на отдых, ни на раздумья. Рядом опустилась на землю Эрит, и Лойал положил ладонь ей на плечо. Закрыв глаза, Эрит прильнула к нему — красивая, с идеальной формой ушей и чудесными бровями. Лойал нарочно отводил глаза от пятен крови на ее одежде, опасаясь, что отчасти это была ее кровь. Он помассировал Эрит плечо, хотя пальцы так устали, что Лойал их почти не чувствовал.

На поле боя он сделал кое-какие заметки — для

себя и для других, чтобы не потерять нить хода битвы. Да, последняя атака. Хороший финал для книги, когда Лойал ее напишет.

Он продолжал делать вид, что непременно напишет свою книгу. Пусть это неправда, но разве кому-то вредит такая мелочь?

От союзного войска отделился всадник — и помчался в сторону правого фланга троллоков. Мэту такое не понравится. Этот человек, если будет один, непременно погибнет. Лойал даже удивился, что при этой мысли ему стало горько, ведь он уже успел насмотреться на вездесущую смерть.

«Этот человек выглядит знакомо», — подумал Лойал. Да, все дело в коне. Он уже видел этого коня, причем много раз. «Лан, — оцепенело подумал Лойал. — Этот одинокий всадник — Лан».

Встав с пенька, он закинул топор на плечо. Эрит подняла на него взор.

— Останься, — сказал ей Лойал. — Сражайся вместе с другими. Мне надо идти.

— Идти? Куда?

— Я должен увидеть это своими глазами, — ответил он.

Гибель последнего короля Малкир. Этот эпизод необходимо включить в книгу.

— Приготовиться к атаке! — крикнул Аранда. — Всем построиться! Лучники — в первый ряд, за ними конница, за конницей — пехота!

«Атака, — подумал Тэм. — Да, это наша единственная надежда». Нельзя прекращать натиск, но людей осталось так мало… Тэм понимал задумку Мэта — и еще понимал, что этот план не сработает.

Но никуда не денешься. Надо драться.

— Он так уж точно мертвец. — Стоявший рядом с Тэмом наемник кивком указал туда, где Лан Мандрагоран приближался к правому флангу троллоков. — Треклятые порубежники.

— Тэм… — коснулся его плеча Абелл.

Небеса потемнели. Неужто ночью так бывает? Казалось, эти жуткие бурлящие тучи опускаются все ниже и ниже к земле. Тэм еле различал силуэт Лана верхом на жеребце цвета полуночи, несмотря на горящие на взгорке костры, чей свет отчего-то померк и потускнел.

«Он скачет к Демандреду, — подумал Тэм. — Но перед ним стена троллоков». Он вытянул стрелу с намотанной за наконечником просмоленной тряпицей и наложил ее на тетиву.

— Двуреченцы, готовьтесь стрелять!

— Дотуда по меньшей мере сотня шагов! — рас-

смеялся наемник. — Если куда и попадете, то скорее в этого парня.

Тэм смерил его взглядом, а затем коснулся стрелой факела, и тряпичная его обмотка воспламенилась.

— Первый ряд, по моей команде! — крикнул он, не обращая внимания на приказы, что передавали по шеренге. — Давайте хоть как-то осветим путь лорду Мандрагорану!

Плавным движением Тэм натянул тетиву так, что пламя опалило пальцы, а затем выпустил стрелу.

Лан мчался навстречу троллокам. Все его копья — основное и три запасных — были разломаны в щепки несколько часов назад. На шее у него висел, холодя кожу, медальон, присланный Берелейн через переходные врата вместе с короткой запиской:

«Не знаю, откуда у Галада эта вещь, но, по-моему, он хотел, чтобы я передала ее Коутону».

Лан не задумывался о том, что делает. В пустоте не место подобным мыслям. Кто-то назвал бы его поступок дерзкой и самоубийственной авантюрой, но мир не изменить, если ты не дерзок, не способен на авантюру, не готов рискнуть жизнью. Он — как мог — утешил через узы далекую

Найнив, а затем приготовился к бою.

Заметив одинокого всадника, троллоки выставили против него шеренгу копейщиков. Прорываясь через нее, конь непременно пострадает. Лан сделал глубокий вдох, напитываясь спокойствием пустоты, и решил, что срубит наконечник первого копья, а дальше пойдет напролом.

Маневр из разряда неосуществимых. Троллокам останется лишь сомкнуть ряды, замедлить Лана, а потом они навалятся на Мандарба и стащат всадника с седла.

Но кто-то должен убить Демандреда. С медальоном на груди, Лан поднял меч.

Упав с неба, пылающая стрела пробила горло троллока, что стоял прямо перед Мандарбом. Лан без раздумий направил коня в образовавшуюся в стене копий брешь, затоптав сраженного врага, и вломился в ряды отродий Тени. Ему придется…

Еще одна стрела — и еще один мертвый троллок. Затем еще и еще. Враги падали один за другим. Мандарб давил и топтал растерянных, горящих, умирающих троллоков, а перед ним шел дождь из пылающих стрел.

— Малкир! — пронзительно кричал Лан и гнал коня по трупам, не сбавляя хода. Опережая его, лился огненный дождь, и стрелы сражали трол-

локов, пытавшихся встать на пути у Мандарба.

Расталкивая умирающих чудовищ, Лан мчался в темноте сквозь вражеские ряды по коридору, озаренному пылающими стрелами. По обе стороны от него троллоки стояли плотными рядами, но те, кому не посчастливилось оказаться перед ним, продолжали падать, покуда путь не стал свободен.

«Спасибо, Тэм».

Лан пустил коня легким галопом вверх по восточному склону возвышенности, мимо солдат и отродий Тени. Теперь он был один и стал един с ветром, что ворошил ему волосы, с мускулистым Мандарбом, несшим его вперед, с намеченной целью и со своей судьбой.

Заслышав стук копыт, Демандред встал, и его шарские телохранители встали перед ним.

Лан с ревом врезался в шарцев, заступивших ему дорогу. В прыжке жеребец сбил нескольких врагов на землю и развернулся, расталкивая одних своим крупом и затаптывая других передними копытами.

С мечом в руке Лан спрыгнул с коня — его, не имевшего защиты от Единой Силы, Демандред убил бы первым, — и, не останавливаясь, побежал вперед.

— Еще один?! — громогласно изумился Демандред. — Льюс Тэрин, ты начинаешь…

Он осекся, когда Лан обрушил на него вихрь ударов — «Пух чертополоха в смерче». Демандред успел выхватить меч и отбил атаку, но под натиском Лана был вынужден отступить на несколько шагов. Они обменялись тремя ударами, быстрыми, как разряды молний, и в последнем выпаде Лан почувствовал сопротивление кожи под клинком и увидел брызнувшую кровь.

Коснувшись раны на щеке, Демандред изумленно раскрыл глаза:

— Кто ты?!

— Тот, кто убьет тебя.

Мин сидела на спине *торма*, вприпрыжку бежавшего к переходным вратам, что вели на Поле Меррилор, и надеялась, что животное не испугается шума неистовой битвы. Вдалеке сияли костры и факелы — светлячки, озарявшие эпизоды, полные доблести и отваги. Мин смотрела, как мерцает этот свет, будто последние уголья угасающего костра.

Далеко на севере Ранда била дрожь.

Узор стянулся вокруг него, стиснул, вынуждая смотреть на происходящее, и он смотрел, а из

глаз текли слезы. Смотрел, как сражаются люди и видел, как они гибнут. Видел Илэйн, одинокую пленницу, и видел, как Повелитель ужаса готовится вырезать детей из ее утробы. Видел Руарка, ставшего игрушкой одной из Отрекшихся, которая забрала его разум.

Видел, как Мэт отчаянно пытается найти выход из безвыходного положения.

Видел, как Лан едет умирать.

В сознание впились слова Демандреда. Темный продолжал разрывать его на части.

Ранд потерпел неудачу.

Но где-то в глубине души прозвучал голос. Слабый голос, почти забытый.

«Забудь».

Лан не сдерживал себя.

Он учил Ранда оценивать ситуацию, врага, местность, учил его просчитывать каждый шаг, но сегодня дрался совсем иначе. Демандред умел направлять Силу, и даже с медальоном на груди нельзя допустить, чтобы у врага появилось время подумать, сотворить плетение и запустить в Лана обломком скалы или взорвать землю у него под ногами.

Лан с головой погрузился в пустоту и отдался во власть инстинктов. Он и так был очень сдер-

жанным человеком, но теперь сжег все эмоции дотла. Ему не требовалось оценивать местность, поскольку чувствовал ее так, словно бы слился с ней воедино. Лану незачем оценивать силы и мастерство Демандреда, ведь и без того ясно, что Отрекшийся — с его многолетним опытом — окажется одним из лучших фехтовальщиков в мире.

Краем глаза Лан заметил, что шарцы расходятся, образуя широкое кольцо вокруг поединщиков. По всей видимости, Демандред был настолько уверен в собственных силах, что запретил другим вмешиваться в подобные схватки.

Лан провел серию атак. «Поток сбегает с холма» превратился в «Вихрь на горе», потом сразу последовал «Ястреб ныряет в подлесок». Его движения и приемы были как ручьи, что стекаются в полноводную реку, но мастерство Демандреда оправдывало худшие ожидания Лана. Хотя приемы и связки Отрекшегося слегка отличались от тех, что знал Лан, за все эти годы суть фехтования не изменилась.

— А ты… неплох… — хмыкнул Демандред, увернувшись и отступив от «Ветра и дождя». С подбородка у него капала кровь. Меч Лана рассекал воздух, и на его клинке отражались красноватые отблески от ближайшего костра.

Отрекшийся ответил ударом «Высечь искру», но Лан ожидал этого и парировал вражеский выпад, отделавшись лишь пустяковой царапиной на боку. Этот обмен ударами заставил его отступить на шаг, и Демандред, пользуясь случаем, подхватил Единой Силой камень и запустил им в Лана.

Благодаря пониманию природы боя, бравшему начало в самой сердцевине его души, погруженный в пустоту Лан предчувствовал приближение булыжника. Сами движения Демандреда и направление его быстрого взгляда подсказали Лану, что произойдет дальше.

Перетекая в следующую стойку, Лан поднял оружие на уровень груди, отступил на шаг, и перед лицом у него промелькнул камень размером с человеческую голову. Затем Лан плавно скользнул вперед и заученным движением вскинул руку, под которой пролетел, обдав его волной воздуха, следующий камень. Потом он поднял меч и уклонился от третьего камня — тот пролетел в полудюйме от Лана, и плащ затрепетал от поднятого им ветра.

Демандред заблокировал атаку Лана, но дышал уже с хрипом.

— Ты кто? — снова прошептал Отрекшийся. — В

эту эпоху никто не обладает подобным мастерством. Асмодиан? Нет-нет… Он не выказал бы такого мастерства. Льюс Тэрин? Не ты ли скрываешься за этим лицом?

— Я просто человек, — тихо ответил Лан. — И всегда был просто человеком.

Отрекшийся с ревом бросился в атаку. Лан парировал, ответив «Лавиной, катящейся с горы», но яростные удары Демандреда заставили его отступить на несколько шагов.

Несмотря на первоначальный успех Лана, Демандред превосходил его умением. Лан понимал это так же, как понимал, когда ударить, когда парировать, когда отступить или сделать шаг вперед. Наверное, начни они бой на равных условиях, все могло сложиться иначе, но условия не были равны. Лан сражался весь день, и хотя ему Исцелили серьезные раны, мелкие продолжали его донимать. Да и само по себе Исцеление отнимает немало сил.

Что касается Демандреда, тот по-прежнему был энергичен и бодр. Замолчав, Отрекшийся полностью отдался поединку. И еще он больше не пользовался Единой Силой, сосредоточив все внимание на танце клинков. Получив в схватке преимущество, он не улыбался. Он вообще не

походил на улыбчивого человека.

Лан ускользнул от Демандреда, но Отрекшийся провел прием «Вепрь несется с горы» и снова оттеснил Лана к кольцу окружавших их шарцев. Потом, проломив защиту, поранил ему руку, затем плечо и, наконец, бедро.

«У меня время для одного, последнего урока…»

— С тобой все кончено. Ты мертвец! — прорычал Демандред, тяжело дыша. — Кто бы ты ни был, я уже одолел тебя! Тебе не победить!

— Ты не слушал меня, — прошептал Лан.

«Один, последний урок. Самый трудный…»

Демандред нанес удар, но при этом чуть приоткрылся, и Лан, увидев возможность, рванул вперед — прямо на острие клинка, который вошел ему в бок.

— Я здесь не для того, чтобы победить, — улыбнувшись, прошептал он. — Я здесь для того, чтобы убить тебя. Смерть легче перышка.

Демандред изумленно выкатил глаза и хотел было отступить — но поздно. Клинок Лана пронзил ему горло.

Мир потемнел. Отступив и соскальзывая с меча, Лан почувствовал боль Найнив, ощутил ее страх и ответил ей бесконечной любовью.

Глава 38. Место, которого не было

Ранд увидел, как падает Лан, и его пронизала мучительная боль. Темный напирал, и не было ничего труднее, чем сдерживать эту атаку. Он старался поглотить его, искромсать. У Ранда не осталось сил.

«Забудь». Отцовский голос.

— Я должен их спасти… — прошептал Ранд.

«Позволь им пожертвовать собой. Ты не можешь сделать это за них».

— Я должен… Ведь в этом весь смысл…

Разрушительная сила Темного надвинулась на него тысячей воронов, впивающихся клювами в

плоть, срывающих ее с костей. Из-за этого напора и чувства утраты Ранд едва не утратил способность мыслить. Столько смертей… Эгвейн и все остальные…

«Забудь».

«Этот их выбор, они сами его сделали».

Ранд так хотел спасти их, защитить поверивших в него людей. Их смерть — и опасность, которой они подвергались, — легла на него тяжелейшим бременем. Разве можно просто взять и… забыть? Забыть, что отвечаешь за них?

Или «забыть» означает позволить этим людям распоряжаться своей судьбой?

Ранд зажмурился, думая обо всех, кто отдал за него жизнь. Об Эгвейн, которую он поклялся защищать.

«Глупец!» — прозвучал в сознании ее голос. Строго, но с любовью.

— Эгвейн?

«Разве только тебе дозволено быть героем?»

— Дело не…

«Ты, идущий навстречу смерти, запретил другим следовать твоему примеру?»

— Я…

«Забудь, Ранд. Не кради у нас это право — отдать жизнь за то, во что мы верим. Ты объял свою

смерть, так что смирись с моей».

— Прости… — прошептал Ранд. Из глаз у него выкатились слезы.

«За что?»

— Я не справился!

«Нет, это не так. Не торопись с выводами».

Темный хлестал Ранда так, что еще немного — и от кожи ничего не останется. Не в силах двинуться с места, Ранд сжался перед бескрайним небытием и закричал от боли.

А затем — забыл.

Забыл о чувстве вины. Забыл об угрызениях совести из-за гибели Эгвейн и остальных. Забыл о потребности защищать ее и всех на свете.

И дал им право стать героями.

Имена выпорхнули у него из памяти. Эгвейн, Хурин, Башир, Исан из Чарин Айил, Сомара, тысячи других имен. По одной строке — сперва медленно, потом быстрее — он в обратном порядке прочитывал список, что держал у себя в голове. Когда-то в этом перечне упоминались только женщины, но потом он разросся, и теперь включал в себя имена всех, кто отдал за него жизнь. До сей поры Ранд не осознавал, насколько велик этот список и как тяжело бремя, которое он носил.

Имена буквально выдирались у него из памяти, будто что-то существующее физически, подобно взлетающим голубям, и каждый уносил с собой частичку его ноши. С плеч Ранда свалилась целая гора, и он задышал полной грудью. Такое чувство, что явился Перрин со своим молотом и раздробил тысячу цепей, что волочились за Рандом.

Последним было имя Илиены. «Мы перерождаемся, — подумал Ранд, — чтобы не оплошать в следующей жизни. Смотри не оплошай».

Он открыл глаза и заслонился ладонью от монолитной тьмы. Его «я», затуманенное и размытое, когда его терзал Темный, вновь обрело цельность. Опираясь на здоровую руку, он поднялся на колени.

А затем Ранд ал'Тор — Дракон Возрожденный — встал и выпрямился во весь рост перед новой схваткой с Тенью.

* * *

— Нет, нет, — шептала прекрасная Шендла, глядя на тело Демандреда. Она раскачивалась из стороны в сторону и рвала на себе волосы обеими руками, изнывая от невыносимой боли в сердце. Не отводя глаз от возлюбленного, она медленно набрала полную грудь воздуха, а затем испустила

ужасающий вопль, от которого, казалось, замерли все на поле сражения.

— Бао Дивий мертв!

Ранд сошелся с Темным в месте, которого не было. Его тело по-прежнему оставалось в пещере Шайол Гул, где замерло в застывшем мгновении схватки с Моридином, но душа его находилась здесь, в окружении разом и небытия, и всевременья.

Он существовал в этом несуществующем месте, месте вне пределов Узора, в месте, где зародилось зло. Ранд всматривался в это зло и узнавал его. Темный был не существом, а силой — сущностью размером с саму вселенную, и теперь Ранд мог рассмотреть его во всех подробностях. Планеты и звезды кружили во множестве в этой сущности, будто мотыльки над горящим костром.

Темный все еще стремился уничтожить его, но под этими атаками Ранд обретал силу, цельность и успокоение. Теперь, сбросив с плеч тяжкую ношу, он снова мог сражаться. Он держал удар. Было трудно, но теперь он знал, что победит.

Ранд шагнул вперед.

Тьма поежилась, задрожала, завибрировала, будто ей не верилось в происходящее.

— Я УНИЧТОЖУ ИХ.

Темный был не существом, но тьмой между. Между огнями и мгновениями, тьмой, что мелькает перед глазами, случись тебе моргнуть.

— НА ЭТОТ РАЗ ВСЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ. ТАК ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ С НАЧАЛА ВРЕМЕН. И ТАК БУДЕТ ВСЕГДА.

Ранд почтил тех, кто погиб. Почтил кровь, текущую по скалам, и слезы тех, кто видел, как умирают другие. Тень явила Ранду эти образы, намереваясь уничтожить его. Но не уничтожила.

— Мы никогда не сдадимся, — прошептал Ранд. — Я никогда не сдамся.

Безмерная Тень громыхала, содрогалась, ударяла по всему миру мириадами молний, раскалывая землю и попирая законы природы. Мечи оборачивались против своих владельцев, портилась пища, и камни превращались в липкую грязь.

Всей силой небытия навалилась Тень на Ранда, пытаясь порвать его в клочья. Мощь атаки осталась прежней, однако теперь Ранд вдруг стал воспринимать ее праздным жужжанием насекомых.

Люди не сдадутся. И дело не только в Ранде. Они не перестанут сражаться. Атаки Темного утратили всякий смысл. Если они не способны заставить Ранда отступить и сдаться — к чему

они вообще, эти атаки?

Вспомнив наставления Тэма, Ранд отыскал пустоту в самом сердце бури и все эмоции, все тревоги, всю боль сжег в пламени единственной свечи.

Он обрел мимолетный покой, присущий капле воды при падении в озеро. Покой мгновения, покой пустоты.

— Я не сдамся, — повторил он, любуясь чудесной красотой этих слов.

— Я ВЛАСТВУЮ НАД НИМИ. Я ПОДЧИНЮ ИХ СВОЕЙ
ВОЛЕ. ТЫ ПРОИГРАЛ, ДИТЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.

— Если ты так думаешь, — прошептал Ранд в темноту, — то лишь потому, что не в состоянии видеть.

Запыхавшийся Лойал вернулся на северный склон взгорка. Он рассказал Мэту, как сражался отважный Лан, как он пал в бою, но забрал с собой Демандреда. Эта весть ударила Мэта в самую душу, да и всех остальных тоже, особенно порубежников, потерявших брата и короля. В рядах шарцев тоже началось волнение: видать, к ним просочились новости о гибели Демандреда.

Мэт заставил себя унять скорбь. Лан не хотел бы, чтобы по нему горевали. Вместо этого Мэт

воздел ашандарей, и над притихшей армией разнесся его истошный вопль:

– *Тай'шар Малкир*! Лан Мандрагоран, поразительный ты человек! Ты сумел это сделать!

С этим воплем он бросился в атаку на армии Тени. За ним, с кличем «Тай'шар Малкир!», устремились люди всех народов и стран, порубежники и все остальные. Накатившись на взгорок, они совокупной силой Света обрушились на ошеломленного врага.

Глава 39. Те, кто сражается

— Ты не способен этого осознать, верно? — спросил Ранд у тьмы. — Для тебя это непостижимо. Ты истребляешь нас, но мы продолжаем сражаться. Почему? Разве ты не убил нас? Разве не уничтожил?

— ТЫ, — ответил Темный. — ТЫ В МОЕЙ ВЛАСТИ.

— Вот твой изъян, Шайи'тан. — Ранд шагнул вперед. Здесь, в этой пустоте, где царит ничто, узор окутывал его богатой тканью. — Ты властелин тьмы! Властелин зависти! Властелин небытия! Вот почему ты проиграл! Дело не во мне

— и с самого начала было не во мне!

Дело в истерзанной и запуганной королеве, которую низложили и сделали послушной куклой. В женщине, которой пришлось ползать на коленях. Эта женщина по-прежнему сражалась.

Дело в мужчине, которому из раза в раз не везло в любви. В мужчине, умевшем видеть смысл и красоту мира там, где их не замечают другие. В мужчине, который знал множество сказаний и легенд и взял глупых мальчишек под свое крыло, когда разумнее было просто пройти мимо. Этот мужчина по-прежнему сражался.

Дело в женщине, которая хранила свою тайну и лелеяла надежду на будущее. В женщине, что пустилась на поиски истины прежде всех остальных. В женщине, что пожертвовала своей жизнью и получила ее обратно. Эта женщина по-прежнему сражалась.

Дело в мужчине, который потерял семью, но не дрогнул перед лицом этой утраты. В мужчине, который защитил тех, кого мог защитить.

Дело в женщине, которая отказалась верить, что она не может помочь тем, кто нуждается в Исцелении.

Дело в герое, который неустанно твердит, что никакой он не герой.

Дело в женщине, не склонившейся перед побоями и даривший Свет всем, кто в нем нуждался. Всем, включая Ранда.

Дело во всех этих людях.

Снова и снова Ранд видел это в вездесущем Узоре. Он шагал из одной эпохи в другую, из одной эры в другую, перебирая рукой бесконечные светящиеся ленты Узора.

— Открою тебе истину, Шайи'тан. — Ранд сделал еще один шаг и поднял оплетенные узором руки. — Ты не победишь, пока мы не сдадимся. Вот, собственно, и все. Верно? Дело не в том, чтобы победить в битве или забрать мою жизнь. Для тебя главное — не одолеть меня, а сломить мою волю. И ты пытался сделать это с каждым из нас. Вот почему временами ты стремился убить нас, а временами делал вид, что мы тебе безразличны. Ты победишь, сломив нашу волю. Но ты так и не сумел этого сделать. У тебя это не получится.

Тьма задрожала. Небытие завибрировало так, будто разломился сам небесный свод. Темный кричал, не желая признавать истинность этих слов.

В пустоте Ранд продолжал двигаться вперед, и тьма задрожала пуще прежнего.

— Я ЕЩЕ МОГУ УБИВАТЬ! — взревел Темный. —

Я ЕЩЕ МОГУ ЗАБРАТЬ ИХ ВСЕХ! Я — ВЛАДЫКА СМЕРТИ! ТВОЙ БОЕВОЙ ЛОРД, ТЕПЕРЬ ОН ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ, И ТАК БУДЕТ С КАЖДЫМ!

Новый шаг, и Ранд поднял и вытянул руку. На ладони у него покоился мир, в мире — континент, на континенте — поле сражения, а на этом поле — два тела на земле.

Рядом с Мэтом дрался Тэм, сменивший лук на меч. К ним присоединились Стражи Последнего часа под началом Карида, а затем Лойал и огиры. Здесь сражались войска дюжины государств, и почти все последовали за Мэтом, вступившим в бой на плоскогорье.

На каждого приходилось трое врагов.

— За Свет! — выкрикивал Мэт на древнем наречии. — За честь и славу! За саму жизнь!

Он прикончил троллока, затем еще одного, потом еще где-то с полдюжины, но чувствовал, что сражается с морским прибоем. Стоило убить черную тварь, и ее место занимали другие. Троллоки сновали в тенях, освещенные случайным фонарем или вонзившейся в землю горящей стрелой.

Но им недоставало боевой дисциплины. Троллоки дрались поодиночке. «Мы сможем их разбить, — думал Мэт. — Мы обязаны их разбить!»

Вот он, его шанс. Приналечь, пока шарцы не

пришли в себя после гибели Демандреда.

— СЫН БИТВ. Я ЗАБЕРУ ЕГО. ЗАБЕРУ ИХ ВСЕХ, СОПЕРНИК, КАК ЗАБРАЛ КОРОЛЯ БЕЗ КОРОЛЕВСТВА.

Кровь и треклятый пепел! Почему в сознании стало так пусто? Мэт обезглавил троллока, потом утер лоб, дав себе краткую передышку под прикрытием Карида и Стражей Последнего часа.

Он даже не видел, а чувствовал эту ночную битву. Троллоков и шарцев было столько, что не сосчитаешь.

— Их слишком много! — крикнул откуда-то сбоку Арганда. — О Свет, от нас мокрого места не оставят! Надо отступать! Слышите, Коутон?

«Мне это по плечу, — подумал Мэт. — Я в состоянии выиграть эту битву». Численное превосходство врага — еще не приговор. Нужен лишь один толчок, счастливая возможность. Удачный бросок игральных костей.

Ранд стоял над Узором, опустив взор на павших там, где, казалось, умерла всякая надежда.

— Ты был невнимателен. Смотрел, но кое-чего не увидел. Ты заблуждаешься. Очень сильно заблуждаешься…

В скальной расселине сжался загнанный в угол одинокий мальчик. Клыкастые и когтистые чудовища с кинжалами — сама Тень во плоти — раздирали тонкую кожу, пытаясь достать его из трещины в камнях.

Охваченный ужасом, плачущий, окровавленный мальчик поднес к губам золотой рог.

Мэт прищурился. Похоже, битва поутихла.

«Очень сильно заблуждаешься, Шайи'тан», — прозвучал у него в голове шепот Ранда.

А затем — не только в голове у Мэта. Этот шепот отчетливо услышали все на поле сражения.

— Тот, кого ты столько раз пытался убить, — сказал Ранд, — тот, кто потерял свое королевство, тот, у кого ты забрал все, что было…

Пошатываясь, с кровоточащей раной в боку, последний король народа малкири поднялся на ноги и поднял руку, в которой держал за волосы голову Демандреда, военачальника армий Тени.

— Этот человек, — прокричал Ранд, — он еще сражается!

Мэт почувствовал, как битва прекратилась, и все застыли как вкопанные.

В этот миг до него долетел негромкий, но мощный звук, протяжная, прозрачная, золотистая нота, которая объяла собой все поле сражения,

вообще все вокруг. Голос рога, чистый и прекрасный.

Однажды Мэт уже слышал этот звук.

— Все могло сложиться совершенно иначе, моя королева. — Меллар стоял на коленях, прижав медальон ко лбу Илэйн, чтобы девушка не могла направить Силу. — Жаль, что ты оказалась такой несговорчивой.

О Свет… Страшнее всего эта его ухмылка. Разумеется, Меллар заткнул ей рот, но Илэйн не кричала. Решила не доставлять ему такого удовольствия.

Она непременно найдет способ сбежать. Для начала надо как-то стряхнуть с себя медальон. Ясное дело, рядом этот, который способен направлять. Но если избавиться от воздействия медальона, а затем нанести стремительный удар…

— Жаль, что до этой минуты не дожила твоя малышка капитан-генерал, — продолжил Меллар. — Хотя она была дура. По-моему, и впрямь считала себя той самой Бергитте, воспетой в легендах.

Издали донесся негромкий звук. Земля завибрировала. Землетрясение?

Илэйн постаралась сосредоточиться, но могла думать только о том, что все это время Бергитте

была права. Вполне вероятно, что с детьми все будет в порядке, как и предсказывала Мин, но сама Илэйн умрет.

Вокруг стал подниматься и заклубился белый туман. Казалось, из-под земли восстают души мертвецов.

Меллар вдруг оцепенел.

Илэйн изумленно моргнула, подняла на него взгляд. Из груди у Меллара торчало что-то серебристое. Это было очень похоже на… наконечник стрелы.

Меллар обернулся и выронил из пальцев нож. За спиной у него над своим обезглавленным телом стояла Бергитте Серебряный Лук. Подняв оружие, сиявшее, будто отполированное серебро, она выпустила еще одну сверкающую стрелу, и та, оставив за собой яркий след, ударила Меллара в голову и сшибла его на землю. Следующим выстрелом Бергитте убила явившегося с Мелларом Повелителя ужаса. Тот так и не успел сообразить, что происходит.

Вокруг, разинув рты, окаменели люди Меллара. Одежда Бергитте — короткий белый камзол, черный плащ и свободные светло-желтые шаровары — словно лучилась неярким светом, а длинные золотистые волосы были заплетены в затейли-

вую косу, доходящую до пояса.

— Меня зовут Бергитте Серебряный Лук, — возвестила она, как будто развеивая все сомнения. — Прозвучал Рог Валир, призывая героев на Последнюю битву. И мы откликнулись на его зов!

Лан Мандрагоран повыше поднял голову Отрекшегося — командующего армиями Тени, которого мнили неуязвимым.

Случившееся не могло не привлечь всеобщее внимание — всех из воинства Тени, в каком бы месте на поле сражения они ни находились. Глас, прозвучавший из ниоткуда, возвестил о гибели Избранного, и тот лежал у ног своего убийцы… Троллоки и шарцы, ошеломленные, оцепенели от страха.

А затем вдалеке протрубили в Рог.

— Вперед! — заорал Мэт. — В атаку!

И его разъяренное войско набросилось на врага.

— Коутон, что это за звук? — поинтересовался подошедший к Типуну Арганда. Хромой, одна рука на перевязи, в другой окровавленная булава. Вокруг Мэта дрались Стражи Последнего часа. То и дело кто-то из них удовлетворенно хмыкал, прикончив очередного троллока.

— Этот треклятый Рог Валир! — крикнул ему Мэт, устремляясь в бой. — У нас еще есть шанс выиграть эту битву!

Рог Валир. Выходит, кто-то протрубил в этот треклятый Рог… Но как?! Что ж, похоже, Мэт больше с ним не связан, — должно быть, эта ниточка оборвалась, когда он умер в Руидине. Теперь бремя Рога легло на плечи еще одного несчастного глупца.

С оглушительным ревом Мэт отсек троллочью лапу и воткнул клинок ашандарея в мохнатую грудь. При звуках Рога вся армия Тени словно растерялась, и троллоки, что оказались рядом с Ланом, беспорядочно отступили, расталкивая друг друга в отчаянной попытке избежать встречи с королем Малкир. Их поредевшие шеренги остались без подкрепления — и, похоже, без командования.

Исчезающие повернули черные клинки против своих троллоков, пытаясь вернуть бегущих в бой, но мурддраалов изрешетили пылающие стрелы, выпущенные двуреченскими лучниками.

«Тэм ал'Тор, проклятье, я подарю тебе свою лучшую пару сапог! Подарю, чтоб мне сгореть!» — подумал Мэт, а вслух прокричал:

— Ко мне! Все конники, кто способен держать

растреклятое оружие, ко мне!

Пустив Типуна галопом, он стал прокладывать путь через троллоков, еще не пустившихся наутек, и благодаря этому рывку Фурик Карид и его немногочисленные спутники сумели расширить брешь во вражеских рядах. И туда, устремившись к Лану, хлынули следом за Мэтом оставшиеся порубежники.

Заметно ослабевшая армия шарцев продолжала атаку, но уже не по зову сердца, а повинуясь железной дисциплине. Победа Лана еще не означала, что силы Света выиграли битву, — врагов было слишком много. Но без Демандреда в рядах Тени начался разброд, и отсутствие военачальника сказывалось даже на мурддраалах. Троллоки откатились, собираясь перегруппироваться.

Мэт с порубежниками галопом помчались через плато на юго-запад, к Лану. Когда они добрались до него, малкирский король пошатнулся, но Мэт успел спрыгнуть с коня и подхватить его за плечо. Лан глянул на него с суровой признательностью, а затем выронил голову Демандреда, закатил глаза и обмяк.

Рядом появился человек в черном мундире. Только теперь Мэт сообразил, что Наришма остался здесь и сражался вместе с порубежниками. Мэт

быстро сорвал лисий медальон, а Аша'ман-арафелец мигом спешился, схватил Лана за другую руку и сосредоточенно наморщил лоб.

Краткого Исцеления оказалось достаточно, чтобы Лан снова пришел в чувство.

— Посади его на коня, Наришма, — велел Мэт. — Займешься им по-настоящему, когда вернемся к нашим. Как-то не хочется застрять в тылу врага, если те троллоки внизу надумают вернуться на взгорок.

Они поскакали обратно на северо-восток, а по пути рубили мечами и сражали копьями троллоков, добавляя проблем в тылу правого фланга Тени. На вольном пространстве порубежники развернули коней и снова набросились на троллочьи орды, в то время как монстры озирались по сторонам, не понимая, откуда ждать следующей атаки. Мэт с Наришмой и Ланом отправились прямиком к рядам своих войск. Там Аша'ман снял малкири со своего коня, уложил на землю и продолжил Исцеление, а Мэт задержался, чтобы все обмозговать.

За спиной сгущался туман, и Мэта посетила чудовищная мысль. Он совсем не подумал о жуткой возможности. Вдали по-прежнему гудел Рог Валир. Этот звук ни с чем не перепутаешь.

«Ох, Свет! — думал Мэт. — Ох, растреклятые кровавые культяпки… Кто же в него трубит? Друг или враг?»

Туман обретал очертания, копошась, подобно червям, что выползают на поверхность земли после дождя, и наконец собрался в беспокойное облако — вернее сказать, спустившуюся с небес грозовую тучу, в которой проступили образы легендарных воителей. Буад из Албайна, величественная, как и подобает королеве. Амарезу, воздевшая сияющий меч. Темнокожий Генд Разящий с молотом в одной руке и гвоздем в другой.

Первым из тумана, впереди прочих героев, выехал рослый мужчина с надменным лицом и крючковатым носом. На плече у Артура Ястребиное Крыло покоился меч по имени Справедливость. Героев насчитывалось больше сотни; одна фигура полосой тумана отделилась от других и умчалась прочь. Всадника Мэт не рассмотрел. Кто это был и куда он так торопился?

Надвинув шляпу на лоб, Мэт положил ашандарей поперек седла и направил Типуна навстречу древнему королю. «Если попробует убить меня, — подумал он, — тогда и станет ясно, на чьей он стороне». Справится ли он с Артуром Ястребиное Крыло? О Свет, можно ли вообще победить одного

из героев Рога?

— Приветствую тебя, Ястребиное Крыло, — сказал Мэт.

— Игрок, — отозвался Артур. — Мой тебе совет: получше следи за тем, что тебе дано. Я уж беспокоился, думал, что нас не призовут на этот бой.

— Кровь и пепел, Ястребиное Крыло! — с облегчением выдохнул Мэт. — Незачем было этак тянуть с объяснениями, растреклятый ты козолюб! Значит, вы на нашей стороне?

— Ну конечно, мы на стороне Света, — ответил Артур. — Мы никогда не стали бы поддерживать Тень.

— Но мне говорили… — начал Мэт.

— Тебе говорили неверно, — перебил его Ястребиное Крыло.

— К тому же, — усмехнулся Генд, — если другая сторона ухитрилась нас призвать, ты бы уже был мертв!

— Я и так уже умер. — Мэт потер рубец на шее. — Видать, мою жизнь забрало то треклятое дерево.

— Не дерево, Игрок, — сказал Артур. — Ты умер в другой момент, которого не помнишь. Что вполне логично, поскольку в обоих случаях Льюс Тэрин вернул тебя к жизни.

— Не забывай об этом, — нравоучительно добавила Амарезу. — Я слышала, как ты опасливо сетуешь на его безумие, но помни, что каждый вдох и каждый шаг ты делаешь по его милости. Твоя жизнь, Игрок, — дар Дракона Возрожденного. Подарок, дарованный дважды.

Кровь и треклятый пепел… Даже мертвые женщины обращаются с ним так же, как Найнив. Где они все такому научились? На каких-то секретных уроках?

— Наше место под этим стягом. — Ястребиное Крыло кивнул на знамя Ранда в руках у Даннила. — Благодаря ему мы будем драться на твоей стороне. Хотя Дракона нет рядом, он ведет тебя, Игрок. И этого нам достаточно.

— Ну… — Мэт глянул на знамя. — Раз уж вы здесь — вперед, сражайтесь, а я отведу своих людей на передышку.

— По-твоему, наша сотня способна выиграть эту битву? — рассмеялся Ястребиное Крыло.

— Вы же треклятые герои Рога, — сказал Мэт. — И ваша работа — выигрывать битвы, разве нет?

— Думаешь, мы непобедимы? — спросила, подъехав к Артуру, красавица Блайс из Матучина. Лошадь под ней танцевала. Вряд ли Туон рассердится, если Мэт немного поглазеет на героиню

Рога, верно? Ведь люди для того и существуют, чтобы на них глазеть. — Это не так. Получив тяжелые раны, мы будем вынуждены вернуться в Мир снов.

— Тени известно, как противостоять нам, — добавил Генд. — Если связать кого-то из нас по рукам и ногам, он ничем не поможет в битве. Что толку от бессмертия, когда ты пошевелиться не можешь?

— Мы будем драться на совесть, — сказал Мэту Артур, — и подчиняться твоим приказам. Но эта война не только наша. Мы лишь принимаем в ней участие.

— Чудесно, чтоб мне сгореть! — Мэт прислушался к по-прежнему звучащим призывам Рога. — Скажи-ка, если в эту штуковину протрубил не я и не Тень… То кто это сделал?

Толстые троллочьи ногти царапали руку Олвера. Забившись в узкую расселину в скальном выступе и зажмурив глаза, он сквозь слезы продолжал трубить в Рог Валир.

«Прости меня, Мэт», — подумал он, когда черная волосатая рука ухватилась за Рог. Другая лапа впилась ему в плечо, глубоко запустив острые когти, и по коже потекла кровь.

Рог вырвали у него из рук.

«Прости!»

Троллок рывком поднял Олвера.

И выронил его.

Ничего не соображающий мальчуган шлепнулся на землю и тут же подскочил, когда на колени ему упал Рог Валир. Он схватил его дрожащими руками, сморгнул слезы…

Вокруг, порыкивая, клубились тени. Что происходит? Осторожно приподняв голову, Олвер обнаружил, что над ним кто-то стоит — одна нога справа, другая слева. Человек ловко отбивался сразу от десятка троллоков, защищая мальчишку, и его посох мелькал с такой быстротой, что очертания оружия сливались в расплывчатое пятно.

Олвер всмотрелся в лицо своего спасителя, и у него перехватило дух.

— Ноэл?!

Ноэл стукнул троллока по руке, вынудив того отступить, после чего бросил взгляд на Олвера и улыбнулся. Он по-прежнему выглядел стариком, но в глазах его уже не было стариковской усталости. Такое чувство, что с его плеч сняли тяжкий груз. Рядом стоял белоснежный конь с золотыми седлом и уздечкой. Олвер в жизни не видел такого роскошного коня.

— Ноэл, мне сказали, что ты погиб! — восклик-

нул Олвер.

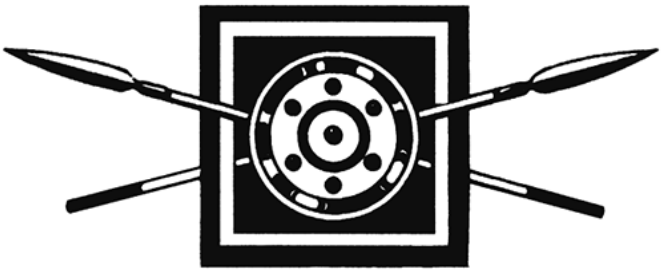
— Я и правда погиб, — подтвердил Ноэл и рассмеялся. — Узор еще нуждается во мне, сынок. А теперь труби в Рог! И труби в него с гордостью, Тот-Кто-Трубил-в-Рог!

Так Олвер и поступил, а Ноэл тем временем отбивался от троллоков, что окружили их тесным кольцом. Ноэл! Подумать только! Ноэл стал одним из героев Рога!

Топот копыт — лошади неслись галопом — возвестил о скорой подмоге.

Олверу вдруг сделалось очень тепло на душе. Он много кого потерял, но один из этих людей… один из них… вернулся, чтобы прийти на помощь.

Глава 40. Волчий брат



Пока растерянные наемники пялились на Бергитте, Илэйн, воспользовавшись случаем, отползла вбок и встала на колени. Беременность не добавляла ей ловкости, но вряд ли сделала ее ни на что не способной. Медальон, который прижимал к ней Меллар, соскользнул на землю, и Илэйн тут же почувствовала свечение саидар, ожидавшую ее касания. Наполнив себя Силой, она притронулась к животу, где шевельнулись дети. Сплетя воедино потоки Воздуха, девушка отшвырнула своих пленителей. Ее гвардейцы тем временем, сплотившись вместе, набросились на солдат Меллара. Увидев Бергитте, некоторые

остановились.

— Сражайтесь, вы, козлиные отпрыски! — крикнула Бергитте, пуская стрелы в наемников. — Проклятье! Может, я и мертва, но все равно ваш командир — и вы обязаны выполнять мои приказы!

Эти слова мигом вывели гвардейцев из ступора. Клубы тумана поднимались к небесам, затягивая поле сражения непроглядной пеленой. Казалось, он слегка светится в темноте. За несколько мгновений плетения Илэйн, лук Бергитте и клинки гвардейцев обратили оставшихся наймитов Меллара в бегство.

Шестерых убегающих Бергитте сразила своими серебристыми стрелами.

— Бергитте, — прошептала сквозь слезы Илэйн, — мне так жаль…

— Жаль? — повернулась к ней Бергитте. — Почему? О чем ты горюешь, Илэйн? Ко мне вернулась память! — Она рассмеялась. — Как это чудесно! Понять не могу, как ты терпела меня последние несколько недель. Я хандрила, будто девчонка, сломавшая любимый лук!

— Я… Ох, Свет! — выдохнула Илэйн. Потеря Стража причиняла ей неописуемую боль. И не важно, что вот она, Бергитте, стоит прямо перед

ней. — Может, мне снова тебя связать узами?

— Не получится, — отмахнулась Бергитте. — Ты ранена?

— Жива-здорова, если не считать уязвленной гордости.

— Повезло тебе. А еще сильнее повезло, что в Рог протрубили в самый подходящий момент.

Илэйн оставалось лишь согласно кивнуть.

— Ладно, мне пора к остальным героям, — сказала Бергитте. — А ты побудь здесь и приди в себя.

— Ничего подобного, испепели меня Свет! — Илэйн не без труда поднялась на ноги. — Отсиживаться в тылу? Ну уж нет, будь оно все проклято! С малышами все в порядке, так что я поеду с тобой.

— Илэйн…

— Солдаты думают, что я мертва, — сказала Илэйн. — Оборона трещит по швам, мои люди гибнут один за другим. Пускай увидят меня и поймут, что у нас еще осталась надежда. Они же не знают, что это за туман, так что сейчас для них нет ничего важнее, чем увидеть королеву. И меня не остановит никто, кроме Темного!

Бергитте помрачнела.

— Ты мне больше не Страж, — продолжила Ил-

эйн, — но разве это скажется на нашей дружбе? Так что приглашаю составить мне компанию.

— Дура ты упрямая!

— Кто бы говорил! Это ж не я отказалась оставаться среди мертвых. Ну что, погнали?

— Погнали, — кивнула Бергитте.

Авиенда замерла, прислушиваясь к новым завываниям, лишь отчасти похожим на волчьи.

Вокруг Шайол Гул бушевал ураган. Кто побеждает? Этого Авиенда не знала. Повсюду лежали мертвые тела, истерзанные волками или сожженные плетениями и еще дымящиеся. Дождя не было, но штормовые ветра хлестали Авиенду волнами песка и мелких камешков.

Она чувствовала, что в Бездне Рока направляют Силу, но теперь это была не та буря, что разразилась при очищении Источника, но едва ощутимая пульсация. Ранд. В порядке ли он? Что происходит?

Над горной вершиной водили исполинский затейливый хоровод угольно-черные грозовые тучи и белые облака, призванные Ищущими Ветер. Авиенда слышала, что теперь они расположились на скальном выступе над входом в пещеру Бездны Рока. Они до сих пор работали с Чашей Ветров, но сил у них почти не осталось.

Две трети от их числа лишились сознания от изнеможения. Похоже, вскоре ураган войдет в полную силу.

Авиенда крадучись шагала сквозь пылевую завесу, выискивая источник этих завываний. Теперь, когда Рафела ушла к присягнувшим Дракону, принявшим последний бой у пещеры, объединиться в круг было не с кем. Здесь, в долине, уничтожали друг друга разрозненные отряды Дев, Хранительниц Мудрости, сисвай'аман, троллоков и мурддраалов. И еще волки. К битве присоединились сотни волков. И это не считая доманийцев, тайренцев и преданных Дракону, хотя почти все они сражались возле тропы, ведущей в пещеру.

Рядом приземлился драгкар, затянул свой вкрадчивый напев, и Авиенда без раздумий хлестнула его плетью Огня, отчего монстр вспыхнул, будто сухая хворостина, сотню дней пролежавшая на солнцепеке. Девушка перевела дух и огляделась. «Опять вой». Теперь завывали многие сотни глоток.

Она побежала на этот вой, пересекая дно долины, но тут из клубов пыли выступил жилистый человек с седой бородой и золотистыми глазами. Его сопровождала небольшая стая волков. Все они

взглянули на Авиенду и пошли своей дорогой.

Золотистые глаза. Авиенда остановилась.

— Эй, ты, бегущий с волками! — крикнула она человеку. — Ты привел с собой Перрина Айбара?

Седобородый застыл на месте. Он вел себя как волк, настороженный и опасный.

— Я знаю Перрина Айбара, — откликнулся он, — но его здесь нет. Он охотится в другом месте.

Авиенда приблизилась. Человек с подозрением смотрел на нее. Несколько волков зарычали. Похоже, ей — и таким, как она, — эти звери доверяли не больше, чем троллокам.

— Этот вой, — громко спросила она, чтобы слова не унес ветер, — его издают твои… друзья?

— Нет. — Человек посмотрел куда-то вдаль. — Нет, айилка, они не друзья мне. Если знаешь женщин, способных направлять Силу, сейчас самое время призвать их на помощь. — С этими словами он побежал в ту сторону, откуда доносился вой, и стая последовала за ним.

Авиенда отправилась туда же, держась подальше от волков, но доверяя их чутью больше, чем своему. Они поднялись на пригорок, откуда Итуралде, бывало, наблюдал за обороной входа в долину.

Из ущелья выскальзывали десятки темных

силуэтов. Черные волки размером с небольших лошадей. Они перепрыгивали с одной скалы на другую, и Авиенда знала — хоть и не могла этого видеть, — что на камнях отпечатываются оплавленные следы.

Волки сотнями набросились на эти черные силуэты, запрыгивая им на спину и тут же скатываясь на землю. Похоже, их клыки не причиняли созданиям Тени почти никакого вреда.

Человек, сопровождавший волков, зарычал.

— Гончие Тьмы? — прокричала Авиенда.

— Да! — отозвался он, перекрикивая бурю. — Дикая охота, самые опасные твари этого племени. Оружие смертных их не берет, и от волчьих укусов они почти сразу оправляются.

— Но зачем тогда волки дерутся с ними?

— А зачем дерется каждый из нас? — рассмеялся волчий брат. — Затем, что нам надо как-то победить! Ступай! Созови Айз Седай, приведи Аша'манов — всех, кого сумеешь найти! Эти твари накроют все наши армии, как волна накрывает береговую гальку!

Человек побежал вниз по склону, волки последовали за ним, и Авиенда поняла, что у них на уме. Пускай им не убить гончих Тьмы, но волки могут их задержать. А весь смысл этой битвы в

том, чтобы выиграть время, в котором нуждается Ранд.

Встревоженная, она бросилась собирать других, но вскоре замерла на месте, почувствовав, что где-то рядом направляли саидар. И эта женщина была очень сильна. Авиенда завертела головой, пытаясь понять, откуда исходит это ощущение.

Впереди стояла Грендаль. Едва заметная во тьме, она размеренно накрывала смертоносными плетениями строй Защитников Твердыни. Отрекшаяся собрала вокруг себя небольшую группу из Айз Седай и Хранительниц Мудрости, а также нескольких мужчин-воинов. Женщины стояли рядом с нею на коленях и, судя по разрушительной мощи плетений Грендаль, отдавали ей свою силу.

Их охраняли четверо Айил. Вуали черные, не красные. Эти люди, несомненно, находились под Принуждением. Авиенда растерялась, не зная, что делать. А как же гончие Тьмы?

«Нельзя упускать такой шанс», — наконец решила она и пронзила небо лучом голубого света. То был сигнал, о котором они условились с Кадсуане и Эмис.

Разумеется, он не мог не привлечь внимание Грендаль. Отрекшаяся резко развернулась и

хлестнула Авиенду Огнем, но та пригнулась и откатилась в сторону, уйдя из-под удара, за которым последовал щит — попытка отсечь ее от Источника. Через брошку-черепашку Авиенда отчаянно вобрала всю Единую Силу, что могла удержать. Поставить барьер между Источником и женщиной — все равно что разрезать веревку ножницами. Чем толще веревка, тем труднее ее расположинить, и сейчас Авиенда сумела зачерпнуть такой объем саидар, что щит оказался бессилен.

Скрипнув зубами, девушка принялась творить ответные плетения. О Свет, только сейчас ей стало ясно, что она совершенно выбилась из сил. Авиенда едва держалась на ногах, и потоки Единой Силы грозили выйти из-под контроля.

Усилием воли она вернула пряди на место и ударила плетением Огня и Воздуха, хотя понимала, что среди пленников находятся ее друзья и союзники.

«Они предпочли бы умереть, а не прислуживать Тени», — сказала она себе, уворачиваясь от новой атаки. Рядом взорвалась земля, и Авиенда едва успела упасть ничком.

«Нет. Не останавливайся».

Вскочив на ноги, айилка бросилась бежать, и

это спасло ей жизнь: за спиной засверкали молнии, и могучая взрывная волна опять швырнула ее на землю.

Не думая о кровоточащих порезах на руке, Авиенда вскочила и принялась создавать новые плетения, но тут же отказалась от своей затеи, заметив, что к ней приближается кружевная вязь Принуждения. Угодив под нее, Авиенда станет еще одной невольницей Грендаль и обратит свою силу против Света.

Плетением Земли она взорвала почву у себя под ногами, создав завесу из дыма, пыли и каменных осколков, а сама откатилась в замеченную прежде ложбинку и перестала направлять. Потом, затаив дыхание, осторожно выглянула наружу.

Пелену развеяло порывами ураганного ветра. Грендаль растерянно осматривала поле боя. Авиенду она не чувствовала: чуть раньше та замаскировала свою способность соответствующим плетением. Стоит ей направить хоть каплю Силы, и Грендаль тут же ее обнаружит, но если этого не делать, то Авиенда будет в безопасности.

Подняв вуали, айильцы Грендаль отправились на поиски Авиенды. Она хотела было поразить их Силой прямо там, понимая, что любой соплеменник поблагодарил бы ее за подобную услугу,

но сдержалась. Нельзя себя выдавать. Грендаль слишком сильна. В одиночку Авиенде с ней не справиться. Но если подождать…

На Грендаль обрушилось плетение Духа и Воздуха. Ее пытались отсечь от Истинного Источника. Прошипев проклятие, Отрекшаяся повернулась к новому источнику угрозы. В бой вступили Эмис и Кадсуане.

— Стоять! Держать строй! Ради Андора и королевы! — разносился над полем битвы усиленный посредством Силы голос Илэйн.

Она галопом скакала среди разрозненных отрядов пикинеров, с развевающимися волосами и воздев меч, хотя одному Свету было ведомо, как Илэйн, никогда не державшая до этого меч в руках, собиралась использовать его в бою.

Солдаты оборачивались ей вслед. Некоторых тут же сразили троллоки. Они сминали оборону, упиваясь своим превосходством в этой бойне.

«У моих людей почти не осталось сил, — подумала Илэйн. — Ох, Свет, бедные мои солдаты…» Картина, что открылась ее взору, повествовала о смерти и отчаянии. Отряды андорских и кайриэнских пикинеров рассыпались после чудовищных потерь; теперь солдаты сбились в небольшие группы, а многие бросились врассыпную, надеясь

уцелеть.

— Держать строй! — кричала Илэйн. — С вами королева!

Некоторые из бегущих остановились, но не вернулись в бой. Что же делать?

Сражаться!

Илэйн атаковала ближайшего троллока с головой вепря — не плетением, но мечом, хотя секунду назад прекрасно помнила, что совершенно не умеет обращаться с этим оружием. За эту секунду ничего не изменилось, и ее выпады не причинили удивленному монстру никакого вреда.

К счастью, рядом была Бергитте, и троллок, уже занесший секиру, получил стрелу в предплечье, так что Илэйн осталась жива, но прикончить эту треклятую тварь все равно не сумела. Ее конь, позаимствованный у кого-то из гвардейцев, исправно гарцевал, уходя от ударов троллока, а Илэйн продолжала размахивать мечом, но тот никак не хотел попадать в цель. Единая Сила — куда более надежное оружие, и при необходимости Илэйн воспользуется ею, но в тот момент надо было продемонстрировать, что королева сражается наравне с остальными.

Благодарение Свету, это продлилось недолго.

Солдаты окружили ее, прикончили троллока и устроили достойную встречу еще четверым. Илэйн вытерла испарину со лба и отъехала в сторону.

— Что это было? — осведомилась, догнав ее, Бергитте — и тут же застрелила троллока, прежде чем тот успел зарубить одного из солдат. — Клянусь ногтями Рэтлиффа, Илэйн, я-то думала, что уже знакома с пределами твоей глупости!

Илэйн подняла меч, и все, кто был поблизости, стали выкрикивать: «Королева жива! За Свет и Андор! В бой, за королеву Илэйн!»

— Что бы ты почувствовала, — тихо спросила она, — увидев, как твоя королева пытается зарубить троллока, в то время как ты уносишь ноги?

— Проклятье! Почувствовала бы, что пора перебираться в другую страну, — процедила Бергитте, выпустив очередную стрелу, — где у монарха в голове не пудинг, а нормальные мозги.

Илэйн фыркнула. Сколько бы ни ворчала Бергитте, этот поступок принес свои плоды. Число людей, собравшихся вокруг королевы, росло как на дрожжах, и солдаты уже строились в боевой порядок. С мечом в поднятой руке Илэйн продолжала призывать своих подданных к оружию и — по секундном размышлении — сотворила

плетение в виде гигантского знамени Андора. Ночная тьма отступила перед заплескавшимся над головой Белым львом.

Этот стяг вызовет на себя огонь Демандреда и его прихвостней, способных направлять Силу, но людям требовался маяк, а вражеские атаки… Илэйн надеялась, что сумеет их отразить.

Но атак не последовало, и королева пустила коня вдоль строя, выкрикивая слова, вселявшие надежду в ее солдат.

— За Свет и Андор! Встаньте и сражайтесь! Ваша королева цела и невредима!

С остатками некогда громадной армии Мэт скакал через плато на вершине взгорка, направляясь на юго-запад. Впереди слева собралась огромная масса троллоков, справа стояла армия Шары. На врага шли герои Рога, порубежники, Карид и его Стражи, огиры, двуреченские лучники, белоплащники, гэалданцы и майенцы, наемники, Тинна со своими присягнувшими Дракону беженцами. И еще Отряд Красной руки. Люди самого Мэта.

Чужие воспоминания подсказывали, что ему доводилось вести в бой куда более могучие войска. Армии, обученные по всем правилам, действующие как единое целое, состоящие из

отдохнувших и бодрых солдат. Но — помоги ему Свет — никогда еще он не испытывал такой гордости. Невзирая на все пережитое, его люди подхватили боевой клич и ринулись в атаку так, будто у них открылось второе дыхание.

Гибель Демандреда предоставила Мэту шанс. Он чувствовал, как войска интуитивно подчиняются ритму битвы. Этого момента он и ждал, на эту карту и хотел поставить все, что имелось в его распоряжении. Да, десять к одному, но у армии Шары, у Исчезающих и троллоков больше не было командующего. Не было полководца, направлявшего войска. Одни их отряды мешали другим, пока Исчезающие и Повелители ужаса отдавали противоречивые приказы.

«За этими шарцами нужен глаз да глаз, — подумал Мэт. — Среди них непременно найдутся генералы, готовые покомандовать».

Но пока что ему требовалось нанести удар, причем изо всех сил. Нужно сбросить оба вражеских войска с Половского взгорка. Троллоки внизу, заполнившие проход между возвышенностью и топями, напирали на войско Света у речного русла. Известие о гибели Илэйн оказалось ложью. Ее армия, потерявшая больше трети своих солдат, пребывала в полном беспорядке — но,

когда троллоки уже считай что победили, из тумана выехала сама королева и вернула войска в бой. Теперь они каким-то чудом держали удар, хотя их оттеснили на шайнарскую территорию. Но долго это не продлится, с Илэйн или без нее; пикинеров все чаще одолевали числом, солдаты гибли один за другим, а кавалерия и айильцы изо всех сил препятствовали продвижению врага, но это давалось им все труднее. «О Свет! Вот бы сбросить Тень с этого треклятого взгорка, чтобы враги смешались в кучу-малу!»

— Лорд Коутон! — окликнула его скакавшая рядом Тинна и указала окровавленным копьем на юг.

Вдали замерцал свет, и он приближался к реке Эринин. Мэт смахнул пот со лба. Что за…

Врата в небесах. Десятки переходных врат, откуда потоком вылетали боевые звенья *то'ракенов* с подвешенными к сбруе фонарями. Проносясь над бродом и коридором, отделявшим возвышенность от топей, наездники крылатых созданий дали по троллокам залп огненных стрел.

За шумом битвы Мэт расслышал звуки, от которых у врагов, наверное, кровь застыла в жилах. В ночи раздался рев сотен, если не тысяч сигнальных рогов. За ним последовал гром барабанов, и в

такт с ним загрохотали, все громче и громче, солдатские сапоги и лошадиные копыта огромной армии, приближавшейся к Половскому взгорку. Пока что она скрывалась в предрассветном сумраке, но каждый на поле боя понимал, зачем сюда явилось это войско.

Мэт испустил радостный вопль, и перед его мысленным оком развернулись дальнейшие маневры. Половина шончанской армии отправится прямиком на север от реки Эринин, где встретится с потрепанными силами Илэйн на берегу Моры и разгромит троллоков, пытающихся прорваться в Шайнар. Тем временем вторая половина обойдет топи с запада, выйдет к западному же склону взгорка и ударит в тыл троллокам, втянувшимся в тот самый проход.

Ливень стрел сопровождался множеством вспыхнувших огней. Дамани создавали освещение для войск императрицы, и этому зрелищу позавидовала бы даже гильдия иллюминаторов. По Полю Меррилор маршировала грандиозная шончанская армия, и под ее поступью размеренно дрожала земля.

На правом фланге Мэта раздался гром — вернее сказать, звук, похожий на гром, но куда более гулкий. Талманес и Алудра починили драконов,

а теперь открыли огонь, не выходя из подземной пещеры. Орудия били по шарской армии через переходные врата.

Почти все детали головоломки встали на место. Осталась еще одна, последняя, а затем можно сделать решающий бросок костей.

Войска Мэта шли в атаку.

Джур Грейди погладил пальцами письмо жены, доставленное Андролом из Черной Башни. В этой тьме его нельзя было прочесть, но какая разница? Грейди успел заучить это письмо наизусть.

Каньон, куда отправил его Коутон, находился в десятке миль к северо-востоку вверх по Море, на приличном отдалении от Поля Меррилор и кипевшей там битвы.

Грейди не сражался. О Свет, это было непросто, но он не сражался. Лишь наблюдал, стараясь не думать о бедных людях, что погибли, удерживая позицию у реки. Здесь, где Мора текла через ущелье, было самое подходящее место, чтобы перекрыть реку, и Тень этим воспользовалась. Конечно, Мэт отправил сюда солдат. Да, те попытались дать отпор силам Повелителям ужаса и шарцам, но это была безнадежная затея. Глупее не придумаешь! В душе у Грейди по-прежнему тлел гнев. Все кругом твердят, что Коутон блестя-

щий полководец, а он тем временем допускает такие ошибки!

Что ж, если он гений, почему отправил сюда пять сотен простых мурандийцев из горной деревушки с приказом охранять реку? Да, их сопровождала сотня бойцов Отряда Красной руки, но этого было недостаточно. Вернее сказать, ничтожно мало. Продержавшись несколько часов, все эти люди погибли — ведь ущелье штурмовали многие сотни троллоков, а с ними несколько Повелителей ужаса!

Всех этих ребят перебили. Всех до единого. О Свет! В том отряде были дети! При поддержке немногих солдат крестьяне дрались отчаянно и удерживали ущелье куда дольше, чем предполагал Грейди, но в итоге все они полегли. А ему, Грейди, было приказано не вступать в бой.

Что ж… Теперь он ждал во тьме над ущельем, спрятавшись за нагромождением камней. Неподалеку, примерно в сотне шагов, троллоки освещали факелами дорогу Повелителям ужаса, не способным видеть в темноте. Они тоже находились высоко над ущельем, откуда открывался вид на реку, что превратилась в озеро, когда трое Повелителей ужаса запрудили ее отбитыми со стен каньона громадными обломками скал.

В результате участок русла на Поле Меррилор обмелел, и троллоки без труда перебрались на другой берег Моры. Грейди мог разрушить импровизированную дамбу в любой момент: один удар Единой Силы — и вода хлынет из каньона. Но пока что Аша'ман не решался на такой поступок. Во-первых, Коутон запретил ему атаковать, а во-вторых, Грейди не в состоянии справиться с тремя сильными Повелителями ужаса. Его убьют, а реку перекроют снова.

Нежно поглаживая письмо жены, Грейди собрался с духом. По приказу Коутона на рассвете он должен был открыть переходные врата в ту же самую деревню, хотя плетение выдаст его позицию. В чем смысл этого приказа, Грейди не знал.

Дно ущелья, превратившегося в водохранилище, усеивали тела павших.

«Пожалуй, сейчас самое время», — подумал Грейди и глубоко вздохнул. Вот-вот наступит рассвет, хотя из-за этих туч светлее не станет.

Он выполнит приказ. Выполнит. Пусть испепелит его Свет, но приказ он выполнит. Но если Коутон выживет в той битве ниже по реке, им с Грейди предстоит серьезный разговор. Крайне серьезный. Люди вроде Коутона, дети самых обыкновенных родителей, должны понимать,

что нельзя так разбрасываться человеческими жизнями.

Испустив еще один вздох, Грейди приступил к плетению переходных врат. Открыл их в ту же деревню, откуда днем раньше явились мурандийцы. Но зачем? После вчерашней бойни там вряд ли остался кто-то живой. Как, по словам Мэта, называлась эта деревушка? Хиндерстап?..

Из портала с ревом хлынули люди — кто с тесаком, кто с вилами, кто с поржавевшим мечом, а с ними — солдаты Отряда Красной руки, примерно в том же числе, что вчера, вот только…

Вот только в свете факелов, зажженных для Повелителей ужаса, Грейди увидел знакомые лица тех людей, что сражались здесь и погибли — все до единого.

Разинув рот, он стоял в темноте и смотрел, как ожившие мертвецы идут в атаку. Это были те же люди, что и вчера. Те же матроны, те же кузнецы и прочие ремесленники. Абсолютно те же самые. Грейди своими глазами видел гибель каждого из них — и вот они снова тут как тут.

Для троллоков, наверное, все люди на одно лицо, но Повелители ужаса, увидев лица тех, кого убили вчера, смекнули, что здесь что-то не так, и растерялись не меньше, чем Грейди. Один

стал вопить, что Темный повелитель отвернулся от них, а затем принялся хлестать атакующих боевыми плетениями.

Однако эти люди ломились вперед, невзирая на опасность, хотя многих разорвало в клочья. Они набросились на Повелителей ужаса с вилами, лопатами и кухонными ножами. К тому моменту как в бой вступили троллоки, три Повелителя ужаса были мертвы. Вот теперь Грейди мог…

Выйдя из ступора, Грейди собрался с силами и уничтожил дамбу, перекрывавшую ущелье.

После чего река вырвалась на волю.

Глава 41. Улыбка

— Коутон снова ввел в бой драконов, — сказал Джоннет, всматриваясь в дымную пелену. — Вы только послушайте!

По вершине Половского взгорка раскатывались гулкие отзвуки выстрелов. Певара улыбнулась. Они с Андролом, Джоннетом, Эмарином и Канлером присоединились к Логайну и другим Аша'манам, а также связанным с ними Айз Седай, и теперь стояли на краю крутого склона напротив Дашарского бугра, в полумиле от того места, где лежал обезглавленный труп Демандреда.

Над взгорком разнесся грохот еще одного драконьего залпа.

— Если к шарцам примкнули люди Таима, драконы долго не продержатся, — заметила Певара. — Драконiры не в состоянии защититься от тех, кто направляет Силу, а шумят так, что обнаружить их проще простого.

— Не думаю, что у Коутона есть выбор, — сказал Андрол. — Теперь он должен пустить в ход все, что у него есть.

— Аша'маны! — Из дыма вышел Логайн в сопровождении Габрелле. — Пора выдвигаться.

— Пойдем защищать драконов? — спросил Андрол, когда десятки изнуренных Аша'манов не без труда поднялись на ноги и повернулись к Логайну.

— Нет, — ответил тот. — Отправимся на запад.

— На запад? — Певара скрестила руки на груди. — Значит, прочь от битвы?

— Туда, где Амерлин сражалась с Таимом, — сказал, отворачиваясь от нее, Логайн. — Тамошняя земля покрылась кристаллами. С шарцами произошло то же самое. Я хочу, чтобы все Аша'маны, посвященные и рядовые солдаты, все, у кого нет других приказов, приступили к поискам. Там…

Земля содрогнулась, издав зловещее урчание,

и Певара чуть не упала, но Андрол поймал ее за руку. Узы дали понять, что сил у уставшего Аша'мана осталось не больше, чем у нее. Иначе говоря, почти нисколько.

Когда дрожь земли утихла, Логайн продолжил:

— Там, внутри одного из кристаллов, находится золотой скипетр. Говорят, он был в руках у Таима, когда с ним расправилась Эгвейн ал'Вир. Мы должны отыскать этот скипетр. Если найдете, ни в коем случае не вздумайте прикасаться к нему. Зовите меня.

Такой же приказ он отдал другому отряду Аша'манов. Андрол проводил Логайна взглядом, и Певара чувствовала его недовольство.

— Если этот скипетр — некий ангриал или са'ангриал, — предположил Эмарин, — он мог бы быть для нас очень полезен.

— Не исключено, — допустила Певара. — Но, по-моему, драконы нуждаются в защите куда больше, нежели мы — в этой вещице. Готова поклясться, что тот звук Рога был неспроста. Сейчас надо идти в атаку, а не бродить по полю сражения в поисках трофеев.

— Пускай скипетр ищут другие Аша'маны, — сказал Андрол. — Нам необязательно этим заниматься.

— Что? — нахмурился Канлер. — Ты намерен ослушаться?

— Нет, — ответил Андрол. — Логайн говорил о тех, у кого нет других приказов. А у нас они есть. В самом начале битвы он велел нам выслеживать прислужников Таима и разбираться с ними.

— Вряд ли он об этом помнит, Андрол, — потер подбородок Эмарин. — А если и помнит, сомневаюсь, что тот приказ остался в силе. По-моему, все внимание Логайна сосредоточено на этом скипетре.

— Но, как ни крути, приказ мы получили, — возразил Андрол.

— Андрол, — подал голос сидевший на корточках Канлер, — я так устал, что не смог бы выбранить тебя, даже будь у меня такое желание. Судя по виду, остальные парни чувствуют себя не лучше, а ты едва способен открыть крошечные переходные врата. Что мы противопоставим Мишраилю и его людям?

Андрол нахмурил брови, но ответить было нечего. Певаре, однако, пришла в голову неожиданная мысль. Быть может, существует способ принести пользу даже в состоянии крайнего истощения…

Изумленно раскрыв глаза, Андрол вскинул

голову и усмехнулся:

— Певара, вы гений!

— Спасибо, — чопорно отозвалась она. — Канлер, поднимайтесь на ноги. Поверьте, господа, мы найдем тех, кто пытается уничтожить наших драконов. Более того, мы сумеем застать их врасплох.

Нет, ну что за хаос тут теперь творится!

Носком сапога Могидин сердито поддела труп Демандреда. Бросив его, шарцы отправились мстить Коутону за своего предводителя.

Демандред. Этот глупец позволил себе отвлечься от главной цели. Если внимание сосредоточено на личной вражде или ничтожествах, с которыми приходится иметь дело… Что ж, Демандред заслужил свою награду — смерть и, пожалуй, вечные муки в руках Великого повелителя.

Теперь, когда он и впрямь был мертв, Могидин потянулась к Единой Силе — и обнаружила кое-что еще. Сияющую реку в десять раз мощнее и в десять раз слаще. Теперь, когда погибло столько Избранных, Великий повелитель наделил Могидин доступом к своей сущности. Да, действительно… Умение выжить — вернейший признак твоей ценности.

Ее планы изменились самым радикальным

образом. Для начала Могидин испепелила обезглавленный труп, а затем быстренько сплела Маску зеркал — о, что за чудо эта Истинная Сила! — и приняла облик павшего Демандреда. Она не сомневалась, что сумеет сыграть роль других Избранных, хотя в случае с Демандредом придется постараться. В последнее время он сильно изменился, но Могидин внимательно следила за его повадками, и, если никто не прикоснется к ней, все будет хорошо. Главное — избегать физического контакта.

Изменив внешность, Могидин Переместилась в тыл шарской армии, сражавшейся с войсками Коутона. Здесь находились резервные подразделения, ожидавшие отправки на передовую, а также обозные подводы и некоторое количество раненых.

Перестав сортировать припасы, шарцы уставились на нее полными изумления взглядами. Они уже готовились покинуть Поле Меррилор, поскольку знали — как и все прочие, — что в сражение вступила огромная шончанская армия. Еще Могидин заметила здесь горстку Айяд. Их было всего лишь трое: две татуированные женщины и один чумазый мужчина, сидевший на корточках у их ног. Почти все остальные погибли

в бою с Айз Седай.

Шончан. При мысли о них и этой их властолюбивой предводительнице Могидин поежилась. Когда Великий повелитель прознает о ее неудаче…

Нет. Он же подарил ей Истинную Силу. Лишь потому, что Могидин продержалась дольше остальных. И только это важно. Великий повелитель не всеведущ. Вряд ли ему известно, что Могидин раскрыли. Как же та девчонка распознала в ней лазутчицу, несмотря на всю маскировку? Это попросту невозможно!

Наверное, кто-то предал ее. Тем не менее в этой битве Могидин тесно сотрудничала с Демандредом, и, хотя уступала ему в тактической смекалке — как и все Избранные, за исключением, быть может, Саммаэля, — она понимала ход битвы в достаточной мере, чтобы возглавить войска Тени. Могидин никогда не любила быть на виду, и подставляться под удар противника ей совсем не хотелось, но отчаянные времена требуют отчаянных действий.

К тому же, если задуматься, дела идут не так уж плохо. Демандред пал жертвой собственной гордыни. Этот выскочка, М'Хаэль, тоже мертв — и, отчасти благодаря его стараниям, предводитель-

ница Айз Седай погибла вместе с ним, что весьма кстати. В распоряжении Могидин осталась основная масса отродий Тени, повиновавшихся Демандреду, плюс несколько Повелителей ужаса, кое-кто из Черной Айя и десяток тех, кого Обратил и привел сюда М'Хаэль.

— Это не он! — заявил, указывая на Могидин, какой-то старик в облачении шарского монаха. — Это не наш Дивий! Это…

Огненное плетение Могидин отправило его в небытие.

Когда обугленные кости упали на землю, она запоздало вспомнила о донесении кого-то из своих глаз-и-ушей, где говорилось, что Демандред выказывал привязанность к этому монаху.

— Лучше тебе умереть, старик, — обратилась она к трупу, имитируя голос Демандреда, — чем жить в отречении от того, кого ты любил. Кто еще желает усомниться во мне?

Шарцы молчали.

— Айяд, — обратилась Могидин к татуированной троице, — вы видели, как я творю плетение?

Обе женщины и чумазый мужчина помотали головами.

— Я убиваю без плетений, — продолжила Могидин. — На такое способен только я, ваш Дивий.

Глядя, как склоняются перед ней шарцы, она едва удержалась от ликующей улыбки — ведь Демандред всегда сохранял торжественно-мрачный вид. Когда же все они опустились на колени, Могидин с трудом обуздала захлестнувший ее восторг. Да, Демандред неплохо потрудился. И оставил ей в наследство армию целого государства. Забавляйся сколько хочешь. Да, все и впрямь будет хорошо!

— Убийца Дракона, — молвила коленопреклоненная Айяд. Подумать только, она плакала! Какие же они слабаки, эти шарцы! — Мы видели, как ты погиб в бою…

— Разве мог я погибнуть? Неужели вы не знакомы с пророчествами?

Женщины переглянулись.

— В пророчествах сказано, что ты будешь сражаться, — сказала одна. — Но…

— Ступай к троллокам, что стоят в тылу, и собери пять полновесных кулаков, — повернулась Могидин к командиру резервного отряда, — а затем отправь их вверх по реке, к развалинам.

— К развалинам? — переспросил офицер. — Но там нет никого, кроме кэймлинских беженцев.

— Вот именно, глупец. Беженцы. Старики, дети, женщины, осматривающие мертвецов. Они

беззащитны и не дадут отпор. Скажи троллокам, чтобы убивали всех подряд. Наш враг слаб; подобная атака вынудит его отправить часть сил на защиту тех, до кого нет дела истинным воинам.

Прежде чем уйти, офицер кивнул, и Могидин перехватила его одобрительный взгляд. Этот человек поверил, что перед ним Демандред. Отлично.

— Объясните мне, — продолжила Могидин, когда где-то вдалеке загрохотали драконы, — почему никто из Айяд не противодействует этим орудиям?

— Нас осталось не больше десятка, Дивий, — посетовала коленопреклоненная женщина, склонив голову еще ниже.

— Твои оправдания ничтожны, — заявила Могидин, и тут грохот стих. Наверное, проблему с драконами решил кто-то из уцелевших Повелителей ужаса.

Могидин извелась от нетерпения, глядя, как шарский офицер шагает на другой край поля, к одному из мурддраалов. Она терпеть не могла находиться на самом виду. Ее предназначение — таиться в тенях, а битвами пусть руководят другие. Однако Могидин осадила бы любого, дерзнувшего сказать, что при необходимости она не

сумеет совладать с этим страхом, и…

За спиной у нее возникла светящаяся линия, раскрывшаяся в переходные врата, и по рядам шарцев прокатился испуганный вопль. Обернувшись, Могидин изумленно раскрыла глаза. Перед ней была какая-то темная пещера, откуда выглядывали жерла драконов, а потом кто-то громогласно скомандовал:

— Пли!

* * *

— Закрыть врата! — заорал Талманес, и портал захлопнулся.

— Одна из придумок лорда Мэта? — крикнул стоявший рядом Дайрид, когда драконiры взялись перезаряжать орудия.

— А сам-то как думаешь? — прокричал в ответ Талманес, уши у которого, как и у Дайрида, были заткнуты воском.

Что делать, если драконы уязвимы при стрельбе? Правильно, вести огонь из потайного места.

Неалд сплел новые переходные врата перед установленным в ряд десятком драконов, и Талманес улыбнулся. Да, тележки большинства орудий пришли в негодность, но теперь, когда перед драконами открывались порталы, наве-

денные прямо на цель, это не имело никакого значения.

За переходными вратами обнаружились несколько троллочьих кулаков, увлеченных яростной схваткой с белоплащниками. Некоторые из отродий Тени заметили драконов, и глаза их полезли на лоб от ужаса.

— Огонь! — прокричал Талманес и в качестве зримого подтверждения махнул рукой — на тот случай, если кто-то из драконiров не услышал его приказ.

Пещера наполнилась дымом, а в заполненных воском ушах Талманеса эхом отозвался грохот выстрелов. Драконы содрогнулись, отскочив назад, и на троллоков обрушилась смертоносная буря. Она смела их отряды, не оставив после себя ничего, кроме искалеченных туш при последнем издыхании. Белоплащники приветствовали это событие радостными возгласами и воздетыми мечами.

Драконiры взялись перезаряжать орудия, а Неалд, закрыв переходные врата, тут же создал еще одни, теперь под сводом пещеры, чтобы ее проветрить. Заполнивший пещеру дым быстро уносило куда-то далеко прочь.

— Вы что, улыбаетесь?! — не поверил своим

глазам Дайрид.

— Да, — ответствовал довольный Талманес.

— Кровь и треклятый пепел, лорд Талманес… Как-то жутковато от этого зрелища. — Дайрид помолчал. — Знаете что? Надо вам почаще улыбаться.

Следуя его совету, Талманес улыбнулся шире прежнего, а Неалд открыл новые переходные врата, ведущие теперь на Дашарский бугор, где стоявшая в компании разведчиков Алудра, вооружившись зрительной трубой, выбирала новую цель. Она крикнула что-то в портал, Неалд кивнул, и драконiры приготовились к новому залпу.

Глава 42. То, чего не может быть

Авиенде казалось, что мир с треском рассыпается на части, будто его поглощает некая сущность.

Молнии, что обрушивались на окрестности горы Шайол Гул, вышли из-под контроля. Их больше не сдерживали ни Ищущие Ветер, ни кто-то еще. Сделавшись неуправляемыми, они разили теперь всех без разбора — и отродий Тени, и людей, оборонявших вход в пещеру. Повсюду пахло огнем, горелой плотью и чем-то еще — Авиенда явственно ощущала тот отчетливый и своеобразный запах, который, по ее наблюдениям, возникает при каждом разряде молнии.

Сама Авиенда, двигаясь быстрее ветра, пы-

талась опередить Грендаль, в то время как Отрекшаяся пускала в нее раскаленные лучи погибельного огня. С каждым таким плетением земля явственно содрогалась, и по камням расползались черные трещины.

Защитников долины почти не осталось. Тех, кто не успел отступить в дальний ее конец, к шедшей в гору тропе, уничтожали гончие Тьмы. Снова дрогнула земля, и Авиенда чуть не упала. Поблизости вынырнули из пронизанных ветром теней несколько рычащих троллоков; не заметив девушку, они обернулись и напали на кого-то еще… На своих собратьев? Да, вот именно.

Ничего удивительного. Бывает, троллоки цапаются друг с другом, случись Безглазому ослабить поводок. Но что это за туман? Какой-то он странный…

Авиенда вскочила на ноги и бросилась прочь от троллоков, вверх по ближайшему склону. Она рассчитывала, что с возвышения сумеет засечь местонахождение Грендаль, но наверху обнаружила, что стоит на том, чего не может быть. В воздухе, почти ни на что не опираясь, зависла громадная каменная глыба, вырванная из земли и водруженная на это место.

Подобные невозможные вещи творились

повсеместно. Когда несколько доманийских всадников, пустившихся в бегство, мчались по вышедшей из-под земли каменной плите, ее поверхность пошла рябью, будто вода, и поглотила всех четверых вместе с лошадьми. Тот густой туман вполз в долину и начал растекаться дальше. От него с воплями разбегались что люди, что троллоки.

В парящую над землей глыбу угодил расплавленный луч погибельного огня, пройдя в нескольких дюймах от виска Авиенды. Она охнула, спрыгнула с камня и распласталась на земле, но тут неподалеку раздался подозрительный шум. Авиенда перекатилась на спину, приготовила плетение и… увидела, что к ней торопится Эмис. Одежда Хранительницы Мудрости почернела от сажи и обгорела, а половину лица опалило пламя.

— Ты видела Кадсуане или кого-то из наших? — спросила она, присев рядом с Авиендой. Услышав отрицательный ответ, Эмис тихо выбранилась и продолжила: — Надо объединиться и разом напасть на Предавшуюся Тени. Обойди ее справа, я обойду слева. Как почувствуешь мое плетение, присоединяйся. Быть может, вместе мы сумеем ее прикончить.

Авиенда кивнула, и на этом они расстались. Где-то здесь сражались женщины, выбранные самой Кадсуане: Ищущая Ветер Талаан, каким-то образом попавшая в ряды принявших Дракона, и бывшая дамани по имени Аливия. Подобно Эмис и Авиенде, они входили в число сильнейших способных направлять женщин на стороне Света.

Лучи погибельного огня помогали как-то определить местоположение Грендаль. Авиенда обогнула парящую скалу — раскаленное плетение пронзило монолит, но не уничтожило, — и с тревогой увидела, что по всей долине поднимаются из земли другие такие же каменные глыбы. Все это походило на накрывший местность пузырь зла, но неожиданно громадных размеров. Ползком продвигаясь вперед, айилка услышала исходивший от горы басовитый… то ли гул, то ли напев, то ли речитатив. Землю начала бить дрожь, да такая, что принялись подскакивать мелкие камешки. Авиенда не поднимала головы, но тут она увидела, как повсюду проклевывается молодая зелень. Быть такого не может! Голая земля окрасилась в зеленый цвет жизни, и растения, словно извиваясь, тянулись все выше и выше.

Подобные пятна мощно пробивающейся зелени появились по всей долине. В небесах сошлись

черные тучи и белые облака, и они кружились вместе, то и дело перекрывая друг друга — черное на белом, белое на черном. Ударила молния — и вмерзла в землю, превратившись в небывалую стеклянную колонну зигзагообразной формы, уже не обжигая глаз ослепительным светом.

Тучи и облака образовали знакомый узор. Черное на белом, белое на черном…

«Это символ, — неожиданно поняла Авиенда. — Древний символ Айз Седай».

Под этим знаком… он победит.

Она вцепилась в Единую Силу. Источником этого гула — и расцветавшей повсюду жизни — был он. Темный раздирал мир на части, но каким-то образом Ранд собирал, сшивал эти части воедино.

Стоять на месте было нельзя, и Авиенда побежала, пригнувшись к земле и пользуясь свежей растительностью в качестве укрытия. Побеги появились именно там, где ей требовалась спрятаться. Счастливый случай? Нет. Она будет думать, что это не случайность. Авиенда чувствовала Ранда где-то в глубине души. Ранд сражается изо всех сил, он великий воин. Его битва напитывала Авиенду энергией, и она в свою очередь делилась новообретенными силами с Рандом.

Целеустремленность. Честь. Слава. «Сражайся, прохлада моего сердца. Не отступай».

Наконец Авиенда увидела Грендаль. Все так же окруженная телохранителями, находящимися под Принуждением, та обменивалась смертоносными потоками Единой Силы с Кадсуане и Аливией. Замедлив бег, Авиенда смотрела, как эти трое хлещут друг друга тесьмами Огня и рассекают их плетениями Духа — с такой быстротой, что в жарком дрожащем мареве непросто было разглядеть, что происходит.

Ей страшно хотелось помочь своим, но Эмис была права: если они с Авиендой нанесут удар сообща, в особенности когда Грендаль занята отражением другой атаки, у них будет наилучший шанс убить Отрекшуюся. Так что правильнее выждать подходящий момент — при условии, что Кадсуане и Аливия сумеют продержаться.

Но сумеют ли? Прежде Авиенда и подумать не могла, что Кадсуане настолько сильна. Среди украшений у нее в прическе наверняка имелись ангриалы и тер'ангриалы, пусть Авиенде и не выдалось случая изучить их с помощью своего таланта.

Пленницы Грендаль приникли к земле. По всей видимости, они слабели. Две, совсем выбившиеся

из сил, свалились на камни; Сарен, упав на колени, устремила безжизненный взгляд в пустоту.

Похоже, Кадсуане и Аливию не беспокоило, что их удары могут задеть пленниц. Верное решение, но все же — нельзя ли как-нибудь…

Рядом с ней шевельнулись высокие травы.

Авиенда обернулась, машинально сплела Огонь и сразила им человека в черной вуали за миг до того, как его копье пронзило бы ей шею. Наконечник скользнул по плечу. В груди у нападавшего появилась обожженная дыра размером с кулак. Мужчина покачнулся и упал навзничь.

В схватку вступила еще одна женщина, владеющая Силой. Наконец-то подоспела Эмис, яростно атакуя своими плетениями Грендаль. Отрекшаяся, сосредоточившись на ней, не успела ударить по Авиенде, только что выдавшей свое местонахождение.

И это было к лучшему, поскольку Авиенде стало не до боя. Она смотрела на убитого ею человека — мужчину, которого Отрекшаяся подчинила своей воле посредством Принуждения. Мужчину, который показался Авиенде знакомым.

Вздрагивая от ужаса, Авиенда протянула руку и сдвинула вуаль с его лица.

Перед ней лежал Руарк.

— Я ухожу, — заявил Мишраиль, бросив хмурый взгляд на спины устремившихся в атаку шарских кавалеристов. Он вместе с другими стоял на западном краю Половского взгорка, в стороне от левого фланга армии Шары. — Никто не говорил, что мы будем драться с треклятыми героями Рога.

— Это же Последняя битва, дитя, — ехидно заметила Алвиарин.

«Дитя»! В последнее время Алвиарин взяла в привычку называть этим словом всех и каждого. Мишраиль готов был ее придушить. Ну почему М'Хаэль позволил ей связать Ненсена узами? Как вышло, что теперь ими командует женщина?!

Они стояли, сбившись в тесную кучу: Алвиарин, Ненсен, Каш, Рианна, а также Донало и Аяко — Обращенные, как и сам Мишраиль. Он не особо разбирался в нюансах тактики на поле боя; когда он убивал людей, то предпочитал дождаться, пока они не забредут в какое-нибудь темное место, где никто не увидит убийцу. Здесь же, на самом виду, посреди всего этого хаоса, Мишраилю постоянно казалось, что в спину ему тычут острием кинжала.

— Вон там, — сказала Алвиарин Ненсену, указывая на вспышку. Те драконы дали через пе-

реходные врата новый залп, и грохот раскатился по всей округе. — По-моему, в центре плоскогорья. Откройте портал и ступайте туда.

— Мы же не станем… — начал было Мишраиль, но Алвиарин, покраснев от гнева, перебила его:

— Ступайте!

Ненсен отошел в сторону и сделал как велено. Ему нравилось выполнять приказы, зная, что решение принял не он, а кто-то другой.

«Пожалуй, придется мне убить ее, — подумал Мишраиль. — А заодно и Ненсена». Нехватка боевого опыта не мешала ему понять, что сражение будет нелегким. Теперь, когда погиб Демандред, шончан вернулись на Поле Меррилор, а оставшиеся без присмотра троллоки творят что хотят… Да, у Тени сохранялся численный перевес, но Мишраиль предпочел бы куда более неравную битву. Одно из первых усвоенных им в жизни правил звучало так: никогда не вступай в драку, если твои шансы победить равны шансам на поражение.

Все шестеро гурьбой ввалились в переходные врата и очутились в центре плато. Земля, изрытая ямами от взрывов драконов и опаленная жаркими плетениями, источала дым, и тот смешивался с наползающим неестественным туманом, созда-

вая завесу, из-за которой трудно было понять, что происходит.

Повсюду мертвые тела — вернее сказать, части тел. И какой-то непривычный запах. Солнце уже встало, но тучи почти не пропускали свет.

С неба доносились вопли диковинных летающих существ, что появились здесь вместе с шончанской армией. Мишраиль поежился. Свет… Все равно что стоять в доме без крыши, зная, что сверху в тебя целятся вражеские лучники. Сбив одну из крылатых тварей плетением Огня, Мишраиль с удовольствием наблюдал, как она падает, переворачиваясь в воздухе, крутясь и пытаясь взмахнуть смятыми крыльями.

Вообще-то, подобными атаками можно накликать беду на свою голову. Пожалуй, пора уже убить остальных Повелителей ужаса, а потом сбежать. Мишраиль же рассчитывал, что будет на стороне победителя!

— За работу! — приказала Алвиарин. — Делайте, как я сказала. Эти штуки стреляют через переходные врата. Надо найти место, где открывался последний портал, чтобы Донало изучил оставленный вратами след.

Все разошлись осматривать землю, пытаясь отыскать признаки недавно открытых переход-

ных врат. Неподалеку от шарцев бил отряд под знаменем с изображением волка, а если бой переместится сюда… Думать об этом было крайне неприятно.

Не прекращая поисков, Донало — тайренец с широким лицом и седеющей остроконечной бородкой — приблизился к Мишраилю. Оба удерживали Единую Силу.

— Когда погиб Демандред, — прошептал Донало, — я сообразил, что все это ловушка. Все туфта и ложь, от начала и до конца. Нас поимели.

Мишраиль кивнул. Пожалуй, Донало сгодится в качестве союзника. Вместе они сумеют сбежать. Потом, конечно, Донало придется убить. Нельзя оставлять свидетелей, способных доложить Великому повелителю о том, что натворит Мишраиль.

Да и доверия этот парень не заслуживает. Донало присоединился к ним только потому, что с ним насильно провернули тот фокус с мурддраалами. Если человек переметнулся с такой легкостью, ничто не помешает ему переметнуться еще раз. К тому же Мишраилю не нравилось… чувство, которое он испытывал, глядя на Донало и других подвернутых Обращению. Глубоко в этих людях таилось нечто неестественное, и оно изучало

окружающий мир, высматривая добычу.

— Надо уматывать отсюда, — вполголоса отозвался он. — Это сражение — удел глупцов… — И осекся, заметив, что в дыму кто-то движется.

Высокий мужчина с золотисто-рыжими волосами. Знакомый человек, израненный, в обгорелой и почерневшей одежде. Мишраиль выпучил глаза, Донало выругался, а Дракон Возрожденный, заметив их, вздрогнул и бросился бежать по плоскогорью. К тому времени как Мишраиль решился на атаку, ал'Тор уже создал переходные врата и скрылся в них.

Из-под земли донесся жуткий рокот, плато стало раскалываться, и часть восточного склона обрушилась на троллоков внизу. Половский взгорок становился все более неустойчивым и непредсказуемым. Еще одна причина убраться отсюда.

— Это был треклятый Дракон! — воскликнул Донало. — Алвиарин! Сюда заявился сам проклятый Дракон Возрожденный!

— Что за чушь? — спросила Алвиарин, приближаясь к ним вместе с остальными.

— Мы видели тут Ранда ал'Тора, — потрясенно вымолвил Мишраиль. — Кровь и треклятый пепел, Донало, ты был прав! Только из-за него мог

погибнуть Демандред.

— Избранный постоянно твердил, что Дракон где-то здесь, на этом поле битвы, — заметил Каш.

Донало шагнул вперед и склонил голову к плечу, словно изучая нечто висящее в воздухе.

— Я заметил точное место, где он открыл врата для бегства. Где-то тут. Ага, вот здесь… Да! Чувствую резонанс! Я знаю, куда он отправился!

— Он одолел Демандреда, — с сомнением произнесла Алвиарин, сложив руки на груди. — Разумно ли вступать с ним в бой?

— Вид у него был усталый, — сказал Мишраиль. — Даже более чем усталый. Когда ал'Тор увидел нас, его охватила паника. Наверное, схватка с Демандредом отняла у него все силы.

Алвиарин рассматривала место, где исчез ал'Тор, и Мишраиль прекрасно понимал, о чем она думает. Если убить Дракона Возрожденного, М'Хаэль, быть может, не останется единственным Повелителем ужаса, возвышенным до Избранного. Великий повелитель будет благодарен, очень благодарен тем, кто сразит ал'Тора.

— Нашел! — крикнул Донало, открывая переходные врата.

— Для сражения с ним понадобится круг, — заметила Алвиарин и, помолчав, добавила: — Но в

него я возьму только Рианну и Ненсена. Если объединить всех в один круг, мы рискуем лишиться тактической гибкости. Этого я не допущу.

Мишраиль презрительно хмыкнул, собрался с духом и шагнул в переходные врата. На самом деле Алвиарин не хотела, чтобы кто-то из мужчин, возглавив круг, получил возможность лишить ее добычи. Ладно, Мишраиль еще посмотрит, кому суждено убить Дракона.

Он ступил с поля сражения на незнакомую полянку. Влияние Великого повелителя на здешние деревья казалось менее глубоким, чем в других местах. Интересно — почему? Над головой, однако, громыхало все то же черное небо, и вокруг стояла такая темень, что Мишраилю пришлось сплести сферу тусклого света, чтобы хоть что-то разглядеть.

Неподалеку на пеньке отдыхал ал'Тор. Подняв взгляд, он увидел Мишраиля, вскрикнул и сорвался с места. Мишраиль запустил ему вдогонку расцветающий огненный шар, но ал'Тор успел сбить его собственным плетением.

«Ха! Он действительно слаб!» — подумал Мишраиль и рванул следом за Драконом Возрожденным. Из переходных врат высыпали остальные и женщины, соединенные в круг с Ненсеном;

тот бежал за Алвиарин, будто щеночек. Последним выскочил Донало, кричавший, чтобы его подождали.

Через мгновение все они остановились.

Мишраилю показалось, что его окатило ледяной водой. Так бывает, если с разбегу угодить под водопад. Единая Сила исчезла. Оставила его. Раз — и нет ее.

Охваченный паникой, он оступился, пытаясь понять, что произошло. Его отсекли щитом? Нет, щита он не чувствовал. Он вообще не чувствовал… ничего.

Деревья шевельнулись. Из теней появились какие-то фигуры. Меж стволов шагали крупные толстопалые создания — с густыми вислыми бровями, морщинистой кожей и белыми волосами. Древние, как сами деревья.

Мишраиль оказался в стеддинге.

Он хотел бежать, но его схватили крепкие руки. Мишраиля и остальных окружили старейшины огиров. Из леса вышел ал'Тор, вот только это был не он. Совсем не он. Это был Андрол, снявший личину Дракона Возрожденного. Андрол, одурачивший Повелителей ужаса.

Другие кричали и били огиров кулаками, но Мишраиль просто упал на колени, глядя в пусто-

ту, где совсем недавно сияла Единая Сила.

Стоя рядом с Андролом, Певара смотрела, как огиры, не принимавшие участия в битве из-за преклонного возраста, крепкими руками волокут Повелителей ужаса вглубь стеддинга Шолун. Через некоторое время к Андролу подошла, опираясь на трость толщиной с человеческое бедро, самая древняя из огиров, носившая имя Линдсар.

— О пленниках мы позаботимся, мастер Андрол, — сказала она.

— Вы казните их? — спросила Певара.

— Во имя древнейших деревьев, нет! — оскорбилась огирша. — Нет, только не здесь, нет. Здесь нельзя никого убивать. Мы будем держать их в плену и следить, чтобы они не сбежали.

— Они очень, очень опасные люди, любезная Линдсар, — сказал Андрол. — Не следует недооценивать их коварство.

— Люди считают, что раз мы такие спокойные, то не сумеем себя защитить, — усмехнулась огирша и, прихрамывая, направилась к по-прежнему прекрасным деревьям стеддинга. — Пора бы им узнать, насколько изобретателен ум, обремененный многовековым опытом. Не беспокойтесь, мастер Андрол. Мы будем осторожны. Мир и покой стеддинга пойдет этим беднягам на пользу.

Думаю, несколько десятилетий покойной жизни помогут им изменить взгляд на действительность.

С этими словами она скрылась за деревьями.

Лицо Певары оставалось безмятежным, но Андрол чувствовал, что она очень довольна.

— Вы умница, — сказал он. — План сработал безупречно.

Певара удовлетворенно кивнула, и они покинули стеддинг, миновав невидимый барьер, непроницаемый для Единой Силы. Хотя Андрол вымотался так, что даже думать толком не мог, ему не составило труда вобрать саидин. Он вцепился в нее, как голодающий хватается за ломоть хлеба, хотя провел без Единой Силы каких-то несколько минут.

Отчасти он сожалел о том, как пришлось поступить с Донало и остальными.

«Отдохни хорошенько, друг мой, — подумал он, оглянувшись через плечо. — Быть может, когда-нибудь мы найдем способ освободить тебя из тюрьмы, в которую заключили твое сознание».

— Ну? — подбежал к ним Джоннет.

— Готово, — ответил Андрол.

Певара молча кивнула, и они вышли из рощи, на берег Моры, к развалинам близ стеддинга. И

Айз Седай замерла как вкопанная, увидев, что творится там, где кэймлинские беженцы искали раненых и собирали оружие.

Теперь здесь кишмя кишели троллоки.

И убивали всех подряд.

Авиенда опустилась на колени перед мертвым телом.

Телом убитого ею Руарка.

«Это был уже не он, — твердила она себе. — Его убила Отрекшаяся. Плетение Грендаль все равно что выжгло его. Это лишь оболочка».

Это лишь…

Это лишь…

Это лишь…

«Крепись, Авиенда». Девушку наполнила целеустремленность Ранда, источаемая узами в самой глубине ее сознания. Она подняла взор, чувствуя, как отступает усталость, а вместе с ней исчезают ненужные мысли.

Грендаль сражалась против Эмис, Талаан, Аливии и Кадсуане — и побеждала. Освещая переполненный пылью воздух, из стороны в сторону носились плетения, но те, что были созданы Кадсуане и ее союзницами, понемногу утрачивали яркость и все чаще предназначались для защиты, а не нападения. На глазах у Авиенды круговерть

молний захлестнула Эмис и швырнула ее наземь. Стоявшая рядом с Отрекшейся Сашалле Андерли содрогнулась и упала набок; сияние саидар больше не окружало ее. Грендаль выжгла женщину, вобрав из нее слишком много Силы.

Она сильна и коварна. И еще Отрекшаяся необычайно, невероятно искусна в отражении атак — она рассекает чужие плетения в воздухе, едва те формируются.

Авиенда выпрямилась, расправила плечи, простерла руку вбок, сплела вместе Огонь, Воздух и Дух, и в ладонь ей легло пылающее копье из пламени и света. Приготовив еще пять других плетений Духа, девушка бросилась вперед.

Ее поступи вторил гул дрожащей земли. С небес сыпались молнии и тут же застывали, принимая кристаллическую форму. Под звериный вой и людские вопли гончие Тьмы добрались до последних рядов, оборонявших тропу, что вела к Бездне Рока, к Ранду.

Заметив Авиенду, Грендаль стала плести погибельный огонь. Потоком Духа Авиенда вырезала плетение из воздуха. Грендаль, ругаясь, вновь взялась за свое, но Авиенда опять рассекла ее плетение.

Талаан и Кадсуане стремились поразить Отрек-

шуюся огненными тесьмами. Плененный айилец закрыл Грендаль своим телом и умер, испустив долгий крик, когда его поглотило пламя.

Сжимая в руке копье из света, Авиенда бежала так быстро, что земля под ногами казалась размытым пятном. Ей вспомнилось то первое состязание в беге — одно из испытаний, которые проходят перед тем, как вступить в сообщество Дев Копья. В тот день Авиенде казалось, что ее несет сам ветер.

Но сегодня она не чувствовала ветра. Казалось, ее подгоняли боевые кличи сражающихся воинов Айил. Они словно несли ее навстречу Отрекшейся.

Та сотворила плетение, помешать которому Авиенда не успела, — мощную вязь Земли, направленную девушке под ноги.

Так что Авиенда прыгнула.

Земля раскололась, исторгла фонтан камней, и айилку толкнуло вперед силой взрывной волны. Кожу посекло острыми осколками, и пыльный воздух пронизали кровавые нити. Кости ступней затрещали, ушибленные ноги загорелись огнем, юбка порвалась на лоскуты, но Авиенда лишь крепче сжала обеими руками копье, сотворенное из огня и молнии.

Глядя на ее приближение в эпицентре каменной бури, Грендаль изумленно выкатила глаза и приоткрыла рот. Авиенда поняла, что Отрекшаяся вот-вот сбежит неведомым способом, предоставленным Истинной Силой. До сей поры она не сделала этого лишь потому, что при подобном способе Перемещения, чтобы забрать с собой своих спутников, требовалось, видимо, физически касаться их, а расставаться с ними Грендаль не собиралась.

В одно из мгновений своего недолгого полета Авиенда заглянула в глаза Предавшейся Тени и увидела в них неподдельный ужас.

Воздух начал меняться, как-то сворачиваться.

Наконечник копья Авиенды погрузился в бок Отрекшейся.

Мгновением позже обе исчезли.

Глава 43. Кристальное поле

Сцепив руки за спиной, Логайн стоял посреди поля кристаллов. На Половском взгорке кипел свирепый бой. Похоже, шарцы отступали под натиском отрядов Коутона, а разведчики только что сообщили, что по всему Полю Меррилор Тень несет тяжелые потери.

— Полагаю, ты был прав, — сказала Габрелле Логайну, когда его разведчики удалились. — Они и впрямь обойдутся без тебя.

По узам скользнуло недовольство и даже разочарование.

— Я должен позаботиться о будущем Черной

Башни, — произнес Логайн.

— Не этого ты хочешь, Логайн, — возразила Габрелле с легкой угрозой в голосе. — Ты хочешь и дальше представлять собой силу, с которой считаются в этих землях. Не забудь — тебе не скрыть от меня того, что ты чувствуешь.

Логайн подавил вспышку гнева. Нет, он не подчинится чужому могуществу. Только не снова. Сперва Белая Башня, затем М'Хаэль и его люди…

Дни и недели под пытками.

«Я стану сильнее остальных, — подумал он. — Ведь это единственный выход, верно? Сделаю так, чтобы меня боялись».

О Свет… Логайн воспротивился любым попыткам сбить его с пути, не дал обратить себя к Тени… но он боялся, что в душе у него надломилось нечто фундаментальное. Пристальным взглядом он обвел поросшее кристаллами поле.

Из-под земли опять донесся рокот. Некоторые кристаллы раскололись. Скоро весь этот участок обрушится, и вместе с ним сгинет скипетр.

«Могущество».

— Предупреждаю тебя, обитатель материка, — раздался у него за спиной спокойный голос, — мне надо доставить сообщение. Если для этого придется сломать тебе руку, я так и поступлю.

«Шончанский акцент», — нахмурился Логайн и обернулся. С его телохранителем спорила шончанка, которую сопровождал рослый иллианец. Эта женщина знала, как донести свои слова, не повышая голоса, и Логайн счел ее самообладание весьма занятным.

Он приблизился, и шончанка взглянула на него:

— У тебя властный вид. Не ты ли зовешься Логайном?

Он ответил кивком.

— Амерлин передала тебе свой последний наказ, — громко произнесла женщина. — Ты должен доставить печати в Белую Башню, где они будут сломаны. Сигналом к действию будет появление света. Амерлин сказала, что его узнают, когда увидят.

Логайн приподнял бровь. Кивнул женщине — по большей части для того, чтобы избавиться от нее, — а затем зашагал обратно, в сторону от шончанки.

— Ты не собираешься этого делать, — поняла Габрелле. — Глупец. Печати принадлежат…

— Мне, — заключил он.

— Логайн, — тихо сказала Габрелле, — я знаю, что ты затаил обиду. Но сейчас не время для игр.

— Не время? Почему? Разве Белая Башня с самого начала не играла со мной, как с живой игрушкой?

— Логайн… — коснулась его руки Габрелле.

Да испепелит Свет эти треклятые узы! Ох, не следовало принуждать Габрелле к этой связи, ведь теперь Логайн чувствовал ее искренность. Насколько легче стала бы жизнь, останься у него возможность смотреть на всех Айз Седай с подозрением!

Искренность. Не обернется ли эта искренность крушением надежд?

— Лорд Логайн! — окликнул его Десаутель, здоровенный Аша'ман-посвященный, телосложением похожий на кузнеца. — Лорд Логайн, похоже, я его нашел!

Логайн отвел глаза от глаз Габрелле и повернулся к Десаутелю. Тот стоял возле крупного кристалла.

— Вот он, — сказал подошедшему Логайну Десаутель, стирая пыль со стеклянистой поверхности. — Здесь, видите?

Логайн опустился на колени и сплел светящуюся сферу. Да… Действительно, в глубине кристалла мерцала рука, будто созданная из кристалла несколько иной природы, и она сжимала

золотой скипетр с навершием, отдаленно напоминавшим кубок для вина.

С широкой улыбкой Логайн вобрал Единую Силу и направил ее в кристалл, используя то же плетение, которым он дробил камень.

Земля задрожала, но кристалл, из чего бы он ни был, остался цел и невредим. Чем больше усилий прилагал Логайн, тем сильнее дрожала земля.

— Логайн… — сказала Габрелле.

— Посторонись, — ответил тот. — Похоже, здесь не обойтись без погибельного огня.

По узам скользнула паника. К счастью, Габрелле не стала выговаривать ему насчет запретных плетений. Аша'маны не обязаны подчиняться законам Белой Башни.

— Логайн!

Еще один голос. Ну почему его никак не оставят в покое? Он приготовил плетение.

— Логайн! — Подбежавший Андрол, тяжело дыша, упал на колени. Лицо в ожогах, одежда в подпалинах, выглядит хуже, чем сама смерть. — Логайн… Тень отправила троллоков к развалинам… О Свет! Кэймлинские беженцы… Там устроили форменную бойню!

Логайн почти закончил творить погибельный огонь, но придержал плетение, глядя на запертый

в кристалле золотой трофей.

— Логайн… — с болью в голосе продолжил Андрол. — Мои друзья остались, чтобы дать отпор троллокам, но они совершенно выбились из сил. Коутона я найти не могу, а все солдаты и так уже вовлечены в бой. По-моему, никто из военачальников не знает, что возле руин зверствуют троллоки. О Свет…

Логайн удерживал плетение, чувствуя, как в теле пульсирует Единая Сила. Могущество. Страх.

— Умоляю, — еле слышно прошептал Андрол. — Там дети, Логайн. Их жестоко убивают…

Логайн закрыл глаза.

Мэт мчался в бой вместе с героями Рога. По всей видимости, былое звание Того-Кто-Трубил-в-Рог обеспечило ему особое место в их рядах. Герои не чурались его, окликали по имени, говорили с ним, да и в целом вели себя будто старые знакомые. В этом тумане, сиявшем в первых лучах утренней зари, эти рослые всадники имели самый что ни на есть героический вид.

Посреди боя Мэт наконец рискнул задать вопрос, мучивший его с давних пор.

— Я же… Проклятье, я же не один из вас? — обратился он к Генду Разящему. — В том смысле, что… время от времени рождаются герои, а потом уми-

рают и… и занимаются тем, чем занимаетесь вы.

— Так и знал, что ты об этом спросишь, Игрок! — рассмеялся гигант, чей гнедой конь мог бы потягаться размерами с шончанской кабанолошадью.

— Ну, тогда наверняка у тебя уже и треклятый ответ заготовлен, — заявил Мэт, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

— Нет, ты не один из нас, — сказал Генд. — Можешь успокоиться. Твоих деяний более чем достаточно, чтобы заслужить место в наших рядах, но ты не был избран. Почему? Понятия не имею.

— Может, потому, что мне не хочется подскакивать всякий раз, когда кто-то продудит в эту растреклятую дудку?

— Может быть, — усмехнулся Генд и галопом рванул к шеренге вражеских копейщиков.

Мэт уже не управлял перемещением войск на поле боя. Да будет на то воля Света, он сумел устроить все так, что необходимость в непосредственном командовании отпала сама собой. И теперь он мог со спокойной душой разъезжать по плоскогорью в компании героев Рога, драться и орать во всю глотку.

Мало того что Илэйн вернулась в строй, так

она еще и привела в чувство свои войска. И теперь Мэт видел, как высоко в небе развевается ее стяг, созданный с помощью Единой Силы, и еще заметил в гуще войск всадницу, похожую на Илэйн. Казалось, ее волосы светятся, будто на них направили луч фонаря, да и сама она походила на треклятую героиню Рога.

Глядя, как шончанская армия марширует на север и вот-вот сольется с войсками Илэйн, Мэт испустил радостный вопль и направил коня вдоль восточного склона взгорка. Однако вскоре — сразу после того, как Типун затоптал троллока, — замедлил коня. Что это за плеск?.. Он глянул вниз, где стремительно наполнявшаяся река разделила армию троллоков, многие из которых приняли смерть в мутной воде.

Какое-то время Рогош смотрел, как речной поток располовинивает силы Тени, а затем уважительно кивнул Мэту, тряхнув снежно-белыми волосами:

— Хвалю, Игрок.

В ответ на похвалу Мэт кивнул и вернулся в битву. Галопируя по плоскогорью, он заметил, что шарцы — вернее, их остатки — убегают через переходные врата, и решил, что преследовать их не станет.

Глядя, как шарцы уносят ноги, оставшиеся на Половском взгорке троллоки — загнанные в угол и крепко потрепанные объединенными силами Мэта — ударились в панику и бросились бежать к пологому юго-западному склону, поскольку других вариантов у них не имелось.

Внизу же тем временем началась мясорубка. Шончанская армия соединилась с силами Илэйн, и оба разъяренных войска набросились на троллоков, создав вокруг них быстро сжимавшийся кордон, не оставлявший исчадиям Тьмы ни единого шанса выжить. Троллоки гибли тысячами, и вскоре земля превратилась в темно-красное месиво.

Но схватка на шайнарском берегу Моры не шла ни в какое сравнение с побоищем, что развернулось на противоположной стороне реки. В проход между топями и Половским взгорком набились троллоки, искавшие спасения от шончанской атаки с запада.

В авангарде шончан шли не солдаты, но команды лопаров *и морат'лопаров*. Встав на задние лапы, эти животные не становились выше троллоков, но они значительно превосходили их по весу и вдобавок обладали бритвенно-острыми когтями. Исполосовав и обескровив жертву, ло-

пар хватал троллока лапами за шею и откусывал ему голову, находя в этом немалое удовольствие.

Когда троллочьи трупы загромоздили дальнюю часть прохода, лопаров сменили стаи *корлмов* — крупных пернатых созданий без крыльев, но с длинными кривыми клювами, предназначенными для раздирания плоти. Хищники с легкостью пробежали по грудам мертвых тел, скопившихся на этой скотобойне, после чего принялись отделять мясо от костей тех троллоков, что еще пытались отразить атаку. Пехота почти не участвовала в этом избиении — разве что солдаты выставили пики, чтобы ни один монстр не сбежал из прохода и не поднялся по западному склону взгорка, хотя под звериным натиском враги совершенно утратили боевой дух, и мало кто из них рискнул броситься навстречу шончанским войскам.

Троллоки, в ужасе бежавшие вниз по склону от Мэтовых отрядов, смешались со своими собратьями, застрявшими в коридоре меж топей и взгорком, где немедленно образовалась свалка, и исчадия Тени передрались друг с другом за возможность оказаться выше остальных и сделать лишний глоток воздуха.

Тем временем Талманес и Алудра, установив-

шие драконов в другом конце прохода, стали обстреливать бурлящую массу насмерть перепуганных врагов драконьими яйцами.

Вскоре все было кончено. Число троллоков сократилось со многих тысяч до нескольких сотен. Глядя, как смерть подбирается к ним с трех сторон, выжившие удрали в болото, где многие нашли бескровную, но оттого не менее ужасающую кончину в непролазных зыбунах. Остальных, бредущих по трясине навстречу сладкому запаху свободы, милосердно прикончили стрелами, копьями и арбалетными болтами.

Мэт опустил окровавленный ашандарей и глянул в небо. Где-то там было солнце, но оно пряталось за тучами, и Мэт не мог точно сказать, как давно он сражается бок о бок с героями Рога.

Надо было поблагодарить Туон за возвращение, но Мэт не отправился искать ее, опасаясь, что императрица потребует от него выполнения каких-нибудь принцевых обязанностей.

Вот только… странное напряжение в груди никуда не делось. Напротив, оно становилось все сильнее.

«Кровь и треклятый пепел, Ранд! — подумал Мэт. — Я сделал свое дело. Теперь ты сделай свое».

«Помни, что каждый вдох и каждый шаг ты делаешь по его милости. Твоя жизнь, Игрок, — дар Дракона Возрожденного», — всплыли в памяти слова Амарезу.

Мэт всегда был добрым другом Ранду — разве нет? Ну, по большей части. Кровь и пепел, можно ли ожидать, что парень не станет опасаться… и, быть может, в какой-то мере избегать… приятеля, у которого не все дома? Верно?

— Ястребиное Крыло! — окликнул Мэт Артура, подъехал к нему, отдышался и продолжил. — Эта битва… Она окончена, так?

— Ты крепко затянул этот узел, Игрок, — ответил Ястребиное Крыло, сидевший на коне с царственно-прямой спиной. — Ах… Чего бы я не отдал, чтобы сойтись с тобой на поле боя. Это была бы великая сеча!

— Отлично. Просто замечательно. Но я говорю не об этом сражении. Я имею в виду Последнюю битву. Она окончена, верно?

— Ты задаешь этот вопрос под сумрачными небесами, стоя на дрожащей от страха земле? Какой ответ подсказывает тебе душа, Игрок?

В голове у Мэта продолжали греметь игральные кости.

— Душа подсказывает, что я болван, — про-

ворчал он. — И еще треклятая кукла для битья. Стою и жду, пока меня не начнут пинать. — Он посмотрел на север. — Мне надо туда, где Ранд. Можно попросить тебя об одолжении, Ястребиное Крыло?

— Проси, Трубящий.

— Знаешь, кто такие шончан?

— Мне… знакомы эти люди.

— Думаю, их императрица очень хотела бы с тобой познакомиться. Если поговоришь с ней, буду премного благодарен. И еще… Будь так добр, скажи, что это я тебя прислал, — добавил Мэт и умчался прочь.

— НАДЕЕШЬСЯ, ЧТО Я ОТСТУПЛЮ? — спросил Темный.

Сущность, произносившая эти слова, оставалась для Ранда непостижимой. Даже увидев Вселенную во всей ее бесконечности, он не сумел в полной мере осмыслить природу абсолютного зла.

— Я никогда на это не надеялся, — ответил он. — По-моему, ты не способен отступить. Жаль, что ты не видишь, что не можешь понять, почему из раза в раз терпишь неудачу.

Там, внизу, на поле боя, юный игрок из Двуречья одержал победу над троллоками. Это было

лишено всякого смысла. С таким превосходством в численности Тень попросту не могла проиграть.

Но троллоки сражались только потому, что их заставляли мурддраалы. Сам по себе троллок не полезет в драку с тем, кто сильнее его, — так же, как лис не станет нападать на льва.

Таково фундаментальное правило хищников. Ешь того, кто слабее. Убегай от того, кто сильнее.

Темный исходил кипучей злобой, и Ранд физически ощущал ее присутствие.

— Удивляться тут нечему, — продолжил он. — Разве ты хоть однажды пробудил в людях лучшие чувства? Нет, на такое ты не способен. Это за пределами твоих возможностей, Шайи'тан. Твои прислужники не станут сражаться в безнадежной ситуации. Они побросают оружие и сбегут, поскольку поступить так для них правильно. Тебя побеждают не силой, но благородством души и достоинством.

— Я буду уничтожать, буду жечь и разрывать на части! Я принесу всем тьму, и смерть станет тем горном, что возвестит о моем прибытии. А ты, соперник… Другие могут избежать этой участи, но ты умрешь. И ты сам об этом знаешь.

— О да, я знаю, Шайи'тан, — тихо сказал Ранд. —

И уже принял это знание, ведь смерть всегда была легче перышка. Смерть приходит в мгновение ока, бестелесная, как мерцание свечи. У нее нет ни веса, ни осязаемой формы… — Ранд сделал шаг вперед и повысил голос: — Смерти не удержать меня, и она не воцарится надо мной. Вот к чему все сводится, отец лжи. Когда ты вдохновлял человека на самопожертвование? Не ради данных тобой обещаний, не ради алкаемого ими богатства или обретенной власти, но ради тебя? Случалось ли такое хоть однажды?

Тьма молчала.

— Ну давай, убей меня, Шайи'тан, — прорычал Ранд, бросаясь в эту черноту, — ибо я тоже принес тебе гибель!

Авиенда упала на каменный выступ высоко над долиной Такан'дар. Попробовала встать, но израненные ноги не держали ее, и она свалилась на камень. Копье из света исчезло из рук, а ступни горели так, будто их сунули в костер.

Грендаль отползла от девушки, жадно хватая ртом воздух и держась за рану в боку. Авиенда немедленно сотворила несколько языков пламени, но Грендаль — пусть раненая, но все еще полная сил — отразила атаку защитным плетением и прошипела:

— Ты! Ничтожество, мерзкое дитя!

Авиенда отчаянно нуждалась в помощи Эмис, Кадсуане и остальных. Несмотря на мучительную боль, она вцепилась в Единую Силу и принялась плести переходные врата, ведущие туда, где она только что находилась. Это было совсем рядом, и ей не требовалось знать местность во всех подробностях.

Грендаль не стала ей мешать. Из-под ее ладони хлынула кровь. Пока Авиенда отворяла портал, Грендаль сплела тонкую струйку Воздуха и закрыла ею рану, после чего указала окровавленным пальцем на айилку:

— Надумала сбежать?

И начала плести щит.

Чувствуя, как ее покидают остатки сил, Авиенда лихорадочно закрепила свое плетение, и оставила переходные врата раскрытыми. «Обрати на них внимание, Эмис, умоляю!» — думала она, отражая щит Грендаль.

Авиенда едва сумела остановить его. Она слишком слаба. Последняя схватка отняла у нее почти все силы, в то время как Грендаль пользовалась чужой энергией. Авиенда понимала, что в нынешнем состоянии ей не сравниться с Отрекшейся. Даже с помощью ангриала.

Морщась от боли, Грендаль встала во весь рост. Авиенда плюнула ей под ноги и отползла на пару шагов, оставляя за собой кровавый след.

Из портала никто не вышел. Может, она ошиблась с местоположением?

Авиенда замерла у кромки уступа. Далеко внизу, в Такан'даре, шел бой. Еще одно движение — и она упадет. «Всяко лучше, чем оказаться среди ее питомцев…»

Грендаль обхватила ее за ноги прядями Воздуха, дернула, потянула к себе, и Авиенда извернулась, вскрикнув сквозь стиснутые зубы. Толку от раненых ног было не больше, чем от окровавленных обрубков. Боль волной окатила Авиенду, и в глазах у нее потемнело. Из последних сил она потянулась к Истинному Источнику.

Грендаль продолжала удерживать ее, но вдруг охнула, обмякла и, тяжело дыша, осела на камни. Закрывшее рану плетение оставалось на месте, но Отрекшаяся сильно побледнела. Казалось, что еще чуть-чуть — и она лишится чувств.

Открытые переходные врата манили Авиенду: «Ну же, убегай!» — но с таким же успехом они могли находиться в миле отсюда. Чувствуя, как туманится сознание, а ноги горят огнем, Авиенда вытянула нож из ножен.

Тот выпал из ее дрожащих пальцев. У нее не было сил удержать нож.

Глава 44. Два ремесленника

Перрин проснулся от какого-то шороха. Осторожно приоткрыл глаза и понял, что лежит в темной комнате.

«Дворец Берелейн», — вспомнил он. Шум прибоя за окном стал тише, чайки умолкли. Вдали погромыхивал гром.

Который час? Запахи утренние, но за окном по-прежнему темно. Перрин с трудом различил приближавшийся к нему темный силуэт. Сперва он напрягся, но затем почуял знакомый запах, сел и спросил:

— Чиад?

Айилка не вздрогнула, хотя и остановилась, и Перрин был уверен, что застал ее врасплох.

— Мне здесь не место, — прошептала она. — Еще немного — и я выйду за грань того, что допускает моя честь.

— Идет Последняя битва, Чиад, — напомнил Перрин, — и сейчас допустимо раздвинуть некоторые границы… учитывая, что мы еще не победили.

— В сражении на Поле Меррилор одержана победа, но главная битва — в долине Такан'дар — еще в самом разгаре.

— Я должен вернуться к делам, — сказал Перрин. Он был в одном белье… Ну да ладно. Таким видом айилку не смутишь, поэтому он сбросил одеяло.

Увы, но отдых почти не повлиял на усталость, крепко вцепившуюся в него глубоко внутри и словно въевшуюся в кости.

— Ты же не станешь говорить мне, чтобы я оставался в постели? — спросил он, не без труда отыскав штаны и рубаху. Вместе с молотом они, аккуратно сложенные, покоились у изножья кровати. Чтобы добраться до них, пришлось опираться на матрас. — Не станешь твердить, что в сражении проку от меня, такого усталого,

никакого не будет? А то, похоже, все знакомые женщины считают своим долгом напомнить мне об этом.

— Опыт подсказывает, — сухо ответила Чиад, — что, если указать мужчине на его глупость, он станет вести себя глупее прежнего. К тому же я гай'шайн, и не мне на чем-то настаивать.

Перрин взглянул на айилку и, хотя в темноте не увидел покрасневших щек, почуял запах ее смущения. Похоже, Чиад повела себя отнюдь не как гай'шайн.

— Ранду следовало освободить всех вас от этих клятв.

— Это не в его власти! — с жаром заявила Чиад.

— Что толку от чести, если Темный победит в Последней битве? — буркнул Перрин, натягивая штаны.

— Нет ничего превыше чести, — тихо ответила Чиад. — За нее не жалко отдать жизнь и рискнуть целым миром. Чем лишиться чести и достоинства, пусть лучше мы проиграем.

Что ж... О некоторых вещах Перрин был примерно такого же мнения. Речь, конечно, не о дурацких белых одеждах, но он не стал бы делать кое-что из того, чем занимались белоплащники,

даже будь на кону весь мир. Поэтому он решил не настаивать, а вместо этого спросил, надевая рубаху:

— Зачем ты здесь?

— Гаул, — ответила Чиад. — Он…

— Ох, Свет! — воскликнул Перрин. — Надо было раньше тебе рассказать. В последнее время у меня чугун вместо мозгов, Чиад. Когда мы расстались, он был жив-здоров. Он все еще во сне, а время там тянется медленнее, чем здесь. Там, в Мире снов, вряд ли прошло больше часа, но мне пора возвращаться.

— В таком состоянии? — спросила Чиад, забыв, что совсем недавно обещала не докучать Перрину подобными ремарками.

— Нет. — Он сел на кровать. — В прошлый раз я чуть шею себе не свернул. Надо, чтобы какая-нибудь Айз Седай сняла мне усталость.

— Это опасно, — заметила Чиад.

— Опаснее, чем обречь Ранда на гибель? — спросил Перрин. — Опаснее, чем бросить Гаула в Мире снов без союзников, чтобы он один охранял Кар'а'карна?

— Если оставить его сражаться в одиночку, он наверняка напорется на собственное копье, — сказала Чиад.

— Я не о том, что…

— Молчи, Перрин Айбара. Я попробую.

Шелест одежды возвестил о том, что она ушла, а Перрин снова улегся на кровать, потирая глаза подушечками ладоней. В последнем бою с Губителем он был куда уверенней в своих силах, но все же проиграл. Он стиснул зубы, надеясь, что Чиад скоро вернется.

Из коридора донеслись чьи-то шаги. Перрин взял себя в руки и не без усилий снова уселся на кровати.

Дверной проем перекрыла массивная фигура. Затем вошедший убрал заслонку с ближайшей лампы. Сложением мастер Лухан — с его плотным, но могучим торсом и могучими руками — напоминал наковальню. Перрин не припоминал, чтобы у него было столько седых волос. С годами мастер Лухан не одряхлел, и Перрин сомневался, что его наставнику суждено превратиться в слабосильного старика.

— Лорд Златоокий?

— О Свет! Уж пожалуйста, мастер Лухан! — откликнулся Перрин. — Кому, как не вам, называть меня Перрином? Или даже «этот мой бестолковый ученик»!

— Да ладно! — Кузнец прошел в комнату. — По-

моему, так я тебя назвал лишь однажды.

— Когда я испортил новую косу, что ковали для мастера ал'Мура, — с улыбкой добавил Перрин. — Хотя я не сомневался, что сделаю все как надо.

Мастер Лухан усмехнулся. Постоял над молотом Перрина, все еще лежавшим на столике у изножья кровати, провел по нему пальцами. Потом уселся на табурет и сказал:

— Ты стал настоящим мастером. Между нами, ремесленниками, должен признать, что я впечатлен. Вряд ли я сумел бы выковать такую красоту, как этот молот.

— Но вы создали топор.

— Да, было дело, — признал Лухан. — Но в нем не было красоты. Он предназначался для убийства.

— Иной раз без убийства не обойтись.

— Да, но оно никогда не бывает красивым. Никогда.

— Спасибо, — кивнул ему Перрин. — Спасибо, что нашли меня, принесли сюда. Что спасли мне жизнь.

— Это было в моих интересах, сынок! — возразил мастер Лухан. — Если мы выберемся из этой передряги живыми, то только благодаря вам, мальчишкам! Попомни мое слово!

Он покачал головой, будто сам себе не верил. Что ж… Хотя бы кто-то помнил их мальчишками, влипавшими в неприятности куда чаще, чем хотелось бы. По крайней мере, в случае с Мэтом.

«Вообще-то, — подумал Перрин, — не удивлюсь, если вот с Мэтом до сих пор творится то же самое». По крайней мере, в данный момент он не сражался, а беседовал с какими-то шончан, если верить образам, сложившимся в той разноцветной круговерти.

— Чиад сказала, что битва на Поле Меррилор окончилась? — спросил Перрин.

— Так и есть, — подтвердил мастер Лухан. — Я как раз оттуда, принес раненых. Надо бы поскорее вернуться к Тэму и Абеллу, да мне захотелось тебя проведать.

Перрин кивнул. Это влечение в груди… Теперь оно стало сильнее, чем когда-либо. Ранд отчаянно нуждался в помощи друга. Война-то еще не окончена. Даже близко не окончена.

— Я сделал ошибку, мастер Лухан, — вздохнув, признался Перрин.

— Ошибку?

— Довел себя до крайности, — объяснил Перрин. — Перенапрягся. — Он стукнул кулаком по кроватному столбику. — Это все по недомыслию,

мастер Лухан. Со мной всегда так. Сегодня уработался, а назавтра встать не можешь.

— Знаешь что, парень? — подался вперед мастер Лухан. — Сейчас меня больше волнует то, что никакого «завтра» может и не быть.

Перрин поднял на кузнеца взгляд и нахмурился.

— Когда напрягаться, если не сейчас? — спросил мастер Лухан. — Нашу битву мы выиграли, но если Дракон Возрожденный не победит в своей… О Свет, не сделал ты никакой ошибки. Сегодня наш последний шанс у наковальни. Утро того дня, когда предстоит важная работа. И ты просто работаешь, пока она не будет готова.

— Но если я свалюсь в изнеможении…

— В таком случае ты сделал все, что мог.

— А если проиграю из-за того, что выбился из сил?

— В таком случае хотя бы не проиграешь из-за того, что сдерживал себя, остановившись на полпути. Знаю, это звучит некрасиво, и нельзя исключать, что я не прав. Но… Все, о чем ты говоришь, разумно для самого обычного дня. Но сегодня день не такой. Клянусь Светом, совсем не такой день. — Мастер Лухан взял Перрина за руку. — Положим, ты видишь в себе человека,

который может ненароком перегнуть палку, но в моих глазах это не так. Наоборот, Перрин, передо мной парень, научившийся сдерживать себя. Я видел, как ты с великой осторожностью берешь чайную чашку, словно опасаешься раздавить ее. Видел, как ты пожимаешь руку другим людям — аккуратно, чтобы не сделать им больно. Видел, как ты следишь за собой при ходьбе, чтобы никого не толкнуть и ничего не опрокинуть. И я рад, что ты усвоил эти уроки, сынок. Тебе недоставало самоконтроля. Однако, наблюдая за тобой, я видел, как мальчик превращается в мужчину, который не знает, как избавиться от этих преград. Мужчину, который страшится того, что произойдет, если он слегка ослабит контроль. Понимаю, все это вызвано боязнью навредить людям. Но, Перрин… сейчас не время сдерживать себя.

— Я не сдерживаю себя, мастер Лухан! — возразил Перрин. — Честное слово!

— Ах вот как? Ну, может, ты и прав. — От мастера Лухана вдруг пахнуло смущением. — Ты только глянь на меня. Веду себя так, будто это мое дело. Я тебе не отец, Перрин. Прости.

— Нет, не отец, — сказал Перрин, когда старый кузнец поднялся, собираясь уйти. — Отца у меня больше нет.

— То, что сотворили эти троллоки… — с болью взглянул на него Лухан.

— Мою семью убили не троллоки, — тихо промолвил Перрин. — Это сделал Падан Фейн.

— Что? Ты уверен?

— Об этом мне рассказал один белоплащник, — произнес Перрин. — И он не лгал.

— Ну, тогда… — задумался Лухан. — Этот Фейн — он еще жив, верно?

— Да, — кивнул Перрин. — Он ненавидит Ранда. И есть еще один человек. Лорд Люк. Помните такого? Ему приказали убить Ранда. Думаю… Думаю, оба попробуют напасть на него прежде, чем все закончится.

— Ну а ты сделай так, чтобы у них ничего не вышло. Ладно?

Перрин улыбнулся, а затем снова услышал в коридоре шаги и взглянул на дверь. Через мгновение вошла Чиад, и он учуял ее недовольство; айилка рассчитывала, что ее возвращение будет внезапным. Следом появилась еще одна фигура в белом — Байн, а за ней…

Масури. Перрин предпочел бы увидеть какую-нибудь другую Айз Седай. Он невольно поджал губы.

— Ты меня недолюбливаешь, — сказала Масу-

ри, — и мне об этом известно.

— Такого я не говорил, — ответил Перрин. — Ты очень помогла во время наших странствий.

— И все же ты не доверяешь мне. Но это к делу не относится. Хочешь восстановить силы? Пожалуй, я единственная, кто пойдет тебе навстречу. Хранительницы Мудрости и Желтые сестры отшлепали бы тебя как ребенка, дойди до них весть, что ты надумал сбежать.

— Не сомневаюсь. — Перрин уселся на постели и, помолчав, добавил: — Мне надо знать, зачем ты втайне от меня встречалась с Масимой.

— Я пришла, чтобы выполнить просьбу, — сказала Масури, и от нее повеяло изумлением. — Хочешь сказать, что не дашь оказать тебе эту услугу, не подвергнув меня допросу?

— Зачем ты это сделала, Масури? — повторил Перрин. — Выкладывай.

— Я планировала использовать пророка в собственных целях, — ответила стройная Айз Седай.

— Использовать, значит?

— Иметь влияние на человека, называющего себя пророком Дракона… Это могло быть очень полезным. — От нее повеяло смущением. — Времена были другие, лорд Айбара. Тогда я не знала, кто ты такой на самом деле. И никто не знал.

Перрин хмыкнул.

— То был глупый поступок, — добавила Масури. — Не это ли ты хотел услышать? Да, я была глупа, но с тех пор поумнела.

То был ответ, свойственный Айз Седай, но далеко не самый уклончивый. Какое-то время Перрин смотрел на Масури, а затем вздохнул и протянул ей руку:

— Приступим. И спасибо тебе.

Масури взялась пальцами за его предплечье, и Перрин ощутил, как усталость улетучивается — вернее сказать, уменьшается, будто ее запихивают в сундучок, как старое лоскутное одеяло. Чувствуя знакомый прилив сил, он одним прыжком вскочил с кровати.

Обмякшая Масури опустилась на матрас. Перрин размял руки и взглянул на свой кулак. Теперь он мог вызвать на бой кого угодно, включая даже Темного.

— Чувствую себя прекрасно!

— Говорят, я владею этим плетением лучше остальных, — сказала Масури. — Но будь осторожен. Оно…

— Да-да, знаю, — перебил ее Перрин. — Телесная усталость никуда не делась. Просто я ее больше не ощущаю.

Но если задуматься, последние слова не соответствовали истине. Перрин все же чувствовал усталость, будто змею, что затаилась, выжидая глубоко в своем логове, и при первом же удобном случае эта змея вновь накинется на него.

А это значило, что пора завершить начатое. Перрин сделал глубокий вдох, после чего призвал в руку молот, но тот не шевельнулся.

«Естественно. Это же реальный мир, а не волчий сон». Перрин подошел к столику и закрепил молот в петлях на ремне — новых, подогнанных под более толстую рукоять. Потом он повернулся к стоявшей в дверях Чиад; Байн вышла в коридор, но Перрин чуял ее запах.

— Я найду его, — пообещал он. — Если Гаул ранен, принесу его сюда.

— Так и сделай, — кивнула Чиад, — но имей в виду, что нас ты здесь не найдешь.

— Отправитесь на Поле Меррилор? — с удивлением спросил Перрин.

— Кто-то должен приводить сюда раненых для Исцеления. В прошлом гай'шайн таким не занимались, но сегодня, думается, можно пренебречь этим ограничением.

Перрин кивнул, затем закрыл глаза и вообразил, что уплывает в сон. За время, проведенное

в волчьем сне, он натренировал сознание и научился обводить его вокруг пальца. Стоило только сосредоточиться. Мир от этого не менялся; менялось лишь восприятие Перрина.

Да… Уплывает в сон… и вот они, тропинки. Он выбрал ту, что вела в волчий сон во плоти, и услышал эхо изумленного возгласа Масури, когда почувствовал, как переносится между мирами.

Подхваченный хлестким ветром, Перрин открыл глаза, создал вокруг себя пузырь спокойствия и опустился на землю, наслаждаясь новообретенной силой в ногах. Здесь, в Мире снов, от дворца Берелейн осталось несколько шатких стен. Одна обвалилась, камни рассыпались в пыль, и та, потревоженная порывом ветра, устремилась к небу. Города по большей части не было, он лежал в руинах; там, где раньше стояли здания, громоздились беспорядочные кучи камней. Небо стонало, будто изгибаемый металл.

Перрин призвал в руку свой молот и в последний раз вышел на охоту.

Сидя на почерневшем от сажи громадном валуне, Том Меррилин покуривал трубку и наблюдал за тем, как миру приходит конец.

Он умел выбрать место, откуда лучше всего смотреть представление, и сегодня таким местом

оказался этот валун, возле самого входа в Бездну Рока. Если отклониться назад и скосить глаза, можно заглянуть в пещеру и полюбоваться игрой света и тени внутри нее. Так он и сделал. В пещере ничего не изменилось.

«Прошу, Морейн, береги себя», — подумал он.

И еще с валуна, лежавшего около тропы, открывался превосходный вид на долину внизу. Попыхивая трубкой, Том разгладил усы костяшкой согнутого пальца.

Кто-то должен это описать. Нельзя же провести всю Последнюю битву в переживаниях за Морейн. Поэтому Том стал рыться в памяти, подыскивая нужные слова для того, что предстало его глазам. Какая она, Последняя битва? Эпическая, грандиозная… От этих эпитетов он отмахнулся. Слишком затасканные.

Проносившийся по долине ветер трепал кадин'сор айильцев, сражавшихся с неприятелями в красных вуалях. По рядам присягнувших Дракону, что удерживали ведущую к пещере тропу, били молнии — да так, что люди разлетались во все стороны. Затем такие же молнии стали бить в троллоков. Тучи метались по небу то в одну сторону, то в другую. Контроль за погодой переходил от Ищущих Ветер к Тени и обратно. До сей поры

ни тем ни другим не удалось надолго завладеть явным преимуществом.

Громадные черные зверюги носились по долине и убивали всех на своем пути. Гончим Тьмы пытались противостоять слаженные отряды из десятков человек, но тщетно. Правую половину долины затянуло плотным туманом. По неизвестной причине штормовые ветры никак не могли развеять эту густую пелену.

«Решающая?» — подумал Том, покусывая мундштук трубки. Нет. Слишком ожидаемо. Когда слушатели слышат такие слова, им становится скучно. Хорошая баллада должна развиваться в самом неожиданном ключе.

Избегай предсказуемости, иначе люди привыкнут к твоему красноречию и ловкости рук, станут предугадывать забавные повороты в твоих историях, и тебе не останется ничего, кроме как сложить плащ, еще разок раскланяться напоследок и уйти своей дорогой. По крайней мере, такого от тебя точно не ожидают.

Он снова вгляделся в туннель. Морейн, разумеется, не увидел — она была слишком далеко, — но почувствовал ее в своем сознании благодаря связующим их узам.

Она лицезрела конец света, вцепившись в

этот мир железной хваткой. Против воли Том улыбнулся.

Битва у подножия горы напоминала громадную мясорубку, перемалывающую людей и троллоков в безжизненный фарш. На одном краю сражения айильцы противостояли своим братьям, подпавшим под Тень. Казалось, что их силы были равны — до тех пор, пока не появились гончие Тьмы.

Но какие же они неутомимые, эти айильцы! Такое чувство, что ни капельки не устали, хотя прошло уже… Том и сам толком не знал, сколько времени прошло. С тех пор как они поднялись к Шайол Гул, он спал раз пять или шесть, но не был уверен, что подобный сон знаменует собой окончание дня. Том посмотрел на небо. Солнца не видать, хотя Ищущие Ветер призвали с помощью Чаши Ветров громадный фронт белых облаков, вступивших в противоборство с черными тучами. Они клубились в сумрачном небе, будто вели свое сражение, зеркально отображавшее бой в долине. Черное против белого.

«Пагубная?» — предположил Том. Нет, неправильное слово. Он непременно сочинит эту балладу. Ранд ее заслужил. И Морейн тоже. Это будет их общая победа — и ее, и Дракона. Но нужны слова. Правильные слова…

Том искал верные слова, слушая, как айильцы бегут в атаку, стуча копьями о щиты. Слушая, как в туннеле завывает ветер, и чувствуя, что Морейн стоит на самом краю бездны.

Внизу лихорадочно щелкали доманийские арбалеты. Совсем недавно арбалетчиков были тысячи. Теперь осталась горстка.

«Быть может… „ужасающая“?»

Да, слово подходящее, хоть и не самое правильное. Не сказать, что оно неожиданное, но в то же время очень точно описывает ситуацию. Том прочувствовал это слово всей душой. Его жена сражалась за жизнь. Силы Света находились на грани гибели. О Свет! Том был в ужасе. Он страшно боялся и за Морейн, и за всех остальных.

Но это слово чересчур прозаичное. Неинтересное. Надо найти что-то получше, что-то идеальное.

Внизу тайренцы отчаянно рубили и пронзали троллоков алебардами. Преданные Дракону били врага самым разнообразным оружием. Неподалеку лежал опрокинутым последний паровой фургон, через открывшиеся в последний раз переходные врата доставивший из Байрлона стрелы и арбалетные болты. Новых поставок не было уже несколько часов. Здешнее искажение времени,

да еще и буря… Все это влияло на Единую Силу самым необъяснимым образом.

На фургон Том обратил особое внимание. Надо бы вставить этот образ в балладу — рассказать, как стрелы отскакивали от холодного железного корпуса, пока диковинная штуковина не завалилась набок.

Вот он, героизм. В каждой шеренге бойцов, в каждой натянутой тетиве, в каждой руке, держащей оружие. Как же его передать? И как передать страх, повсеместную смерть и ощущение абсолютной неестественности происходящего? Днем раньше, заключив нечто вроде вынужденного перемирия, обескровленные стороны взяли паузу, чтобы убрать трупы.

Тому требовалось слово, описывающее безоглядную отвагу и хаотичную какофонию смерти.

Внизу отряд измочаленных Айз Седай поднимался по тропе к тому месту, где ждал Том. Женщины миновали лучников. Те зорко высматривали на поле сражения Исчезающих.

«„Величественная“, — подумал Том. — Вот оно, нужное слово. Неожиданное, но верное. „Полная изысканного величия“. Нет. Лучше просто „величественная“. Пусть слово говорит само за себя.

Если оно верное, сработает без дополнений. А если неподходящее, дополнения лишь подчеркнут его нелепый вид».

Таким и должен быть конец всего сущего. Раздираемое на части небо, две силы в борьбе за контроль над основами мироздания, люди всех стран, не щадящие себя в жестокой битве. Если Свет и одержит победу, то исключительно чудом.

Ясное дело, подобные мысли приводили Тома в ужас. Хорошее чувство. В балладе ему самое место. Том глубоко затянулся, понимая, что делает это, чтобы унять внутреннюю дрожь. Неподалеку взорвалась скальная стена, окаймлявшая долину, и на людей обрушился град каменных осколков. Том понятия не имел, чьих это рук дело. Зато знал, что на поле боя вышли Отрекшиеся, а от них он предпочел бы держаться подальше.

«Вот что бывает, старик, — напомнил он себе, — когда не понимаешь, что пора завязывать». Он был рад, что так и не сумел сбежать, что все его попытки расстаться с Мэтом, Рандом и остальными закончились неудачей. Разве хотел бы он пересидеть Последнюю битву в какой-нибудь тихой таверне? Пока Морейн сражалась бы в одиночестве?

Том покачал головой. Он такой же глупец, как все мужчины и женщины. Просто ему хватает опыта, чтобы это осознать. Не один год потребуется, чтобы до человека дошла эта истина.

Направлявшаяся в его сторону группа Айз Седай разделилась, некоторые остановились внизу, но одна из последних сил ковыляла к пещере. Кадсуане. Число Айз Седай поуменьшилось; мертвых стало куда больше, чем живых. Разумеется, большинство пришедших сюда знали, что их ждет смерть. В долине развернулась самая отчаянная битва, и те, кто сражался близ Шайол Гул, имели наименьшие шансы выжить. Из каждого десятка бойцов в строю ныне остался только один. Том знал наверняка, что старый Родел Итуралде, прежде чем принять командование, отправил супруге прощальное письмо. Ну и правильно сделал.

Удостоив Тома кивком, Кадсуане направилась к пещере, где Ранд сражался за судьбу всего мира. Как только она повернулась спиной к менестрелю, тот, придерживая трубку, чтоб не выпала изо рта, другой рукой метнул нож. Клинок угодил Айз Седай в самую середину спины, перебив позвоночник.

Она шлепнулась оземь, будто мешок картош-

ки.

«Избитая фраза, однако, — думал Том, попыхивая трубкой. — Мешок картошки? Надо поискать другое сравнение. К тому же, часто ли мешки с картошкой шлепаются оземь? Не особо». Она упала, как… Как что? Как ячмень, что просыпался из порванного мешка и горкой скопился на дороге? Да, уже получше.

Когда Айз Седай умерла, ее плетение исчезло, и под личиной Кадсуане обнаружилось другое лицо. Том смутно помнил эту женщину. Доманийка. Как же ее звали? Джини Кайд. Точно, она. Симпатичная была.

Том снова покачал головой. Все бы хорошо, но Джини не угадала с походкой. Неужели они не понимают, что походка отличает одного человека от другого не хуже, чем форма носа? Все женщины, пытавшиеся проскользнуть мимо Тома, считали, что для обмана достаточно изменить лицо, одежду и, быть может, голос.

Спрыгнув со своего насеста, менестрель подхватил мертвое тело под руки и оттащил его в ближайшую расселину, где скопилось уже пять трупов — и где теперь стало явно тесновато, — после чего пыхнул трубкой и, скинув плащ, прикрыл им торчавшую из-за камней руку

Черной сестры.

Том снова заглянул в туннель — хотя Морейн не было видно, эти взгляды успокаивали его, — а затем вернулся на каменную глыбу. Там он опять уселся, достал лист бумаги, вооружился пером и — под громыхание грома, крики солдат, грохот разрывов и завывание ветра — приступил к сочинению баллады.

Глава 45. Завитки тумана

Когда на взгорке Мэт обнаружил Грейди вместе с Олвером и Ноэлом, в голове у него не унимались игральные кости. Под мышкой он держал небольшой сверток, а в свертке — распроклятое знамя Ранда. Повсюду лежали мертвые тела, валялось оружие и части доспехов. Камни пятнала кровь. Но бой здесь закончился, и на Половском взгорке не осталось ни единого врага.

Ноэл, восседавший верхом, встретил Мэта широкой улыбкой. Сидевший перед ним Олвер сжимал в руках Рог Валир, а рядом с их конем стоял Грейди. После Исцеления Олвер выглядел изможденным, но заметно было, что мальчуган

страшно гордится собой.

Ноэл. Еще один герой Рога Валир. Проклятье, почему бы и нет?! Это же сам Джейин Далекоходивший! Но Мэт ни за что не хотел бы махнуться с ним местами. Может, Ноэлу такое по душе, но Мэт не намерен плясать под чужую дудку. Даже в обмен на бессмертие. Ну уж нет!

— Грейди! — крикнул он. — Там, у реки, ты славно потрудился. Вода хлынула в самый подходящий момент.

Аша'ман кивнул. Его лицо приобрело пепельно-серый оттенок — как у человека, увидевшего нечто, чего ему совсем не хотелось видеть.

— Что… Что это было?..

— В другой раз объясню, — сказал Мэт. — А сейчас мне нужны треклятые переходные врата.

— Куда? — спросил Грейди.

Мэт глубоко вздохнул и выпалил:

— К Шайол Гул.

А про себя добавил: «Куда мне, дураку, и дорога».

— Не выйдет, Коутон, — помотал головой Грейди.

— Что, слишком устал?

— Да, я устал, — подтвердил Грейди. — Но дело не в этом. Близ Шайол Гул творится нечто стран-

ное. Какая-то сила препятствует открытию там переходных врат. Если можно так выразиться, там деформировался сам Узор. Долина уже не является чем-то единым. Она превратилась во множество разрозненных, отдельных от других мест, недоступных для создания порталов.

— Грейди, — признался Мэт, — говорить мне эти умные слова так же бессмысленно, как беспалому играть на арфе.

— Коутон, в долину Такан'дар переместиться нельзя, — растолковал ему Аша'ман. Похоже, он начал сердиться. — Выбирай другое место.

— Какое будет ближе всего?

Грейди пожал плечами:

— Наверное, один из лагерей разведчиков. Это в дне пешего пути от Шайол Гул.

Один день пешего пути. Мэта все сильнее тянуло к Ранду.

— Мэт, а разве мне не надо отправиться в Запустение вместе с тобой? — спросил Олвер. — Ведь там потребуется помощь героев!

Дельная мысль. Тяготение стало невыносимым. «Кровь и пепел, Ранд, оставь меня в покое, ты…»

Мэт взял себя в руки и призадумался. Лагерь разведчиков…

— Имеешь в виду какой-то бивак шончанского

патруля?

— Да, — ответил Грейди. — Теперь, когда нельзя рассчитывать на переходные врата, оттуда присылают донесения о ходе битвы.

— Ну что ты стоишь с таким глупым видом?! Давай открывай врата! — приказал Мэт. — Поехали, Олвер. Нам надо еще кое-что сделать.

— Э-эх-х-х-х! — Со вздохом восхищения Шаисам выполз на поле сражения у Такан'дара. Все складывалось идеально. Его враги убивали друг друга, а он… Он вырос до громадных размеров.

Его сознание гнездилось в каждом завитке тумана, постепенно скатывавшегося по склону и заполнявшего долину Такан'дар. Души троллоков были… недостаточно сытными, хотя можно удовольствоваться и простым зерном, имея его в достатке. И Шаисам уже поглотил немало этих душ.

Обернутые туманом, по склону безвольно спускались его болваны. Троллоки с изъязвленной, будто ошпаренной, кожей и мертвыми белыми глазами. В этих куклах он больше не нуждался, ведь их души уже придали ему сил для воссоздания физической формы. Безумие отступило. По большей части. Вернее сказать, в достаточной мере.

Он находился в самом центре туманного вала. Перерождение еще не завершилось. Нужно найти место для проникновения, место, где грань между мирами особенно тонка, найти и заполнить его собой, впитаться в землю и в самые камни, превратить это место новым вместилищем своего «я». На это уйдут годы, но когда это случится, то убить Шаисама станет намного труднее, чем прежде.

Пока что он был уязвим. Привязан к смертной оболочке, что переставляла ноги в центре его сознания. В прошлом эту оболочку звали Фейн. Падан Фейн.

И все же… Подумать только, каким он сделался громадным! Туман разрастался, поглощая эти души, и в этой пище не было недостатка, ведь они находили для него новые души. По всей долине люди сражались с отродьями Тени. И те, и другие придавали Шаисаму силы.

Его болваны, спотыкаясь, вышли на поле боя и немедленно привлекли к себе внимание обеих сторон — и Света, и Тени. Глядя, как люди и троллоки бьются с белоглазыми созданиями, Шаисам подрагивал от восторга. Слепцы. Не понимают, что эти ни то ни сё здесь не для того, чтобы сражаться.

Они — не угроза, а отвлекающий маневр.

По ходу битвы он напитывал своей сущностью завитки тумана, а затем принялся пронзать ими людей и троллоков. Он захватывал мурддраалов. Трансформировал их. Подчинял своей воле.

Еще немного — и вся эта армия, вся эта сила будет принадлежать ему.

Что необходимо на тот случай, если древний враг… если добрый друг решит напасть на него.

Великолепно. Пока эти двое — друзей? врагов? — были заняты друг другом, Шаисам продолжал разить и поглощать всех, кто встречался ему на пути. Некоторые пробовали напасть на него, вбегая в туман, прямиком в его объятия. Разумеется, они тут же умирали. Ведь это его истинная сущность. В прошлом, в бытность свою Фейном, он уже пробовал создать такой туман, но ему недоставало зрелости.

Им его не погубить. Никто до него не доберется. Никакому живому существу не выжить в этом тумане. Когда-то — когда это нечто еще не стало Шаисамом — оно не обладало сознанием, но теперь все изменилось. Оно оказалось в ловушке вместе с ним, внутри унесенного прочь семени, и та смерть — та прекрасная, дивная смерть — наделила плодородной почвой в человеческой плоти.

В нем сплелись все трое. Туман. Человек. Повелитель. Тот великолепный кинжал — который сейчас несло при себе его физическое тело — превратился в нечто восхитительное, одновременно древнее и совершенно новое.

Туман — это он? И да, и нет. Неразумный туман — лишь его тело, вместилище сознания, а благодаря этим дивным тучам, закрывшим собою небеса, нет нужды беспокоиться, что его выжжет солнце.

Как же хорошо, что старый враг встречает его таким приветствием! Его физическое тело рассмеялось в глубине ползучего тумана, а разум — сам туман — не уставал восхищаться тем, как идеально все складывается.

Это место будет принадлежать ему. Но лишь после того, как он насытится самой питательной пищей — душой Ранда ал'Тора.

И это будет превосходное пиршество!

Гаул вцепился в камни у входа в Бездну Рока. Ветры трепали его, иссекая кожу песчинками и мелкими камешками, но Гаул хохотал, подняв лицо к черной воронке неба.

— Покажи, на что способен! — крикнул он. — Но помни, что я жил в Трехкратной земле! И слышал, что Последняя битва — это не прогулка

на материнскую крышу за симоцветиками. Я всегда знал, что она будет грандиозной!

Ветры задули сильнее прежнего, будто гневаясь на эти слова, но Гаул, не сдаваясь, намертво вжался в камень. Шуфу он потерял — ее унесло очередным порывом — и поэтому закрыл лицо лоскутом, оторванным от рубахи. У него осталось одно копье. Другие потерялись, сломались или улетели вместе с ветром.

Он придвинулся ко входу в пещеру, не защищенному ничем, кроме тонкой фиолетовой преграды. Перед черным зевом появился человек в темной коже — человек, которого даже ветер обходил стороной.

Прищурив глаза, чтобы их не залепил песок, Гаул бесшумно подполз сзади к человеку и ударил его копьем.

Губитель развернулся и отбил копье в сторону — рукой, ставшей вдруг крепче стали.

— Чтоб тебе сгореть! — заорал он на Гаула. — Ну что ты все лезешь и лезешь?!

Гаул отскочил, Губитель шагнул к нему, но тут появились волки, и айилец, отступив, слился со скалами. В этом мире враг был очень силен, но убить мог только тех, кого видел.

Волки не оставляли Губителя в покое, пока тот

не исчез. Здесь, в истерзанной ветром долине, рыскали сотни волков. Губитель убил несколько десятков. Гаул проводил добрым словом еще одного, павшего в этой атаке. В отличие от Перрина Айбара, он не умел разговаривать с волками, но они были его братьями по копью.

Медленно и осторожно Гаул пробирался вперед. Его одежда и кожа цветом не отличались от окружающих скал. Так было надо, и поэтому кожа и одежда приняли этот цвет. Вряд ли они с волками сумеют одолеть Губителя, но кто мешает попробовать? Постараться изо всех сил?

Сколько времени минуло с тех пор, как ушел Перрин Айбара? Часа два, наверное?

«Если тебя забрала Тень, друг мой, — подумал он, — да ниспошлет Свет, чтобы перед пробуждением ты плюнул в глаза Ослепляющему».

У входа в пещеру снова появился Губитель, но Гаул не купился. Он не впервые видел эти неподвижные фигуры, обманки из камня. Он осмотрелся — медленно, осторожно, — а рядом со статуей Губителя появились волки. Понюхали ее…

И статуя начала убивать.

Гаул, ругаясь, выскочил из укрытия. Губитель, видать, только этого и ждал. Он запустил в Гаула

его же копьем. Чувствуя, как острие пробило бок, тот охнул и упал на колени.

Губитель рассмеялся, потом поднял руки, и поток воздуха, рожденный в его ладонях, сбросил волков с горы. За шумом ветра Гаул почти не слышал, как они скулят в последнем полете.

— Здесь, — крикнул Губитель, обращаясь к буре, — я — король! Отрекшиеся тут мне в подметки не годятся! Этот мир принадлежит мне, и я…

Видать, сознание Гаула затуманилось из-за боли; ему показалось, что ветер начал успокаиваться.

— Здесь я буду…

Ветер совсем успокоился.

В долине стало тихо. Губитель насторожился, затем с беспокойством заглянул в пещеру у себя за спиной. Там ничего не изменилось.

— Ты не король, — раздался негромкий голос.

Гаул обернулся. На каменном выступе стоял человек в буро-зеленой одежде двуреченского дровосека. Его изумрудного цвета плащ едва заметно шевелился на стихающем ветру. Перрин стоял, закрыв глаза и слегка приподняв лицо, будто навстречу солнцу — хотя, если солнце и было в небесах, его заслоняли тучи.

— Этот мир принадлежит волкам, — сказал

он. — Не тебе, не мне, никому из людей. Ты не станешь здесь королем, Губитель. У тебя нет подданных. И никогда не будет.

— Наглый щенок! — прорычал Губитель. — Сколько еще раз мне придется тебя убивать?

Перрин вобрал полную грудь воздуха.

— Как я смеялся, когда узнал, что Фейн убил твою семью! — выкрикнул Губитель. — Как я хохотал! Предполагалось, что я лишу его жизни — знаешь? Тень считает его обезумевшим отщепенцем, но он первый, кто сумел причинить тебе настоящую боль!

Перрин молчал.

— Люку хотелось участвовать в каком-нибудь важном деле! — не унимался Губитель. — В этом мы с ним похожи — с тем отличием, что я всегда искал умения направлять Силу. Этого Темный предложить не мог, но подыскал для нас нечто иное. Нечто лучшее. Но это «нечто» надлежит сплавить с человеческой душой. Так же, как в твоем случае, Айбара.

— Между нами нет ничего общего, Губитель, — тихо молвил Перрин.

— Ох, как ты заблуждаешься! Потому я и хохотал, узнав о гибели твоей семьи. Известно ли тебе, что Люк упомянут в пророчестве? Там говорится,

что он сыграет важную роль в Последней битве. Вот почему мы здесь. Мы убьем вас — сперва тебя, а затем ал'Тора. Так же, как убили твоего волка.

Не сходя с каменного выступа, Перрин открыл глаза, и Гаул отпрянул. Эти желтые глаза светились как два сигнальных костра.

Снова грянула буря, но она не шла ни в какое сравнение с той, что бушевала в глазах Перрина. Гаул видел ее, и он почувствовал исходившую от друга… тягость? Как тягость полуденного солнца после четырех дней без капли воды.

Несколько мгновений он, подняв голову, смотрел на Перрина, а потом зажал ладонью рану и пустился бежать.

— Ох, кровь и треклятый пепел! — голосил Мэт в сотнях футов над землей, одной рукой придерживая шляпу, чтобы ее не сорвало ветром, а другой вцепившись в заднее седло крылатой твари. Хотя его пристегнули ремнями. Двумя кожаными ремешками. Совсем тоненькими. Ну почему нельзя было взять больше ремней? К примеру, десять или двадцать? А лучше сотню-другую?

А проклятые *морат'то'ракены* вытворяют такое каждый день! Где это вообще видано? Нет, они точно умалишенные, все без исключения!

Олвер, пристегнутый к переднему седлу, заливался веселым смехом.

«Бедняга, — подумал Мэт, глядя в спину мальчишке. — Так испугался, что сошел с ума. Или на него так действует недостаток воздуха».

— Мы на месте, мой принц! — сообщила морат'то'ракен, по имени Сулаан, со своего места у самой головы то'ракена. Красотка, но совершенно чокнутая. — Вот она, долина. Уверены, что хотите приземлиться именно здесь?

— Нет! — крикнул Мэт.

— Хороший ответ! — отозвалась Сулаан и направила то'ракена к земле.

— Кровь и треклятый…

Олвер продолжал хохотать.

То'ракен летел над вытянутой долиной, где кипела жестокая битва. Мэт постарался сосредоточиться на созерцании сражения, гоня от себя мысли о том, что летит на крылатой ящерице в компании с двумя полоумными, чтоб им обоим сгореть!

Груды троллочьих трупов рассказывали о ходе этого сражения получше любых карт. Силы Тени прорвали оборону у выхода из ущелья, над которым только что пролетел то'ракен. Теперь он направлялся к горе Шайол Гул, справа и слева от

него высились скалы.

Внизу же царил сущий хаос. Разрозненные отряды айильцев и троллоков блуждали по долине, время от времени вступая в бой между собой. Какие-то солдаты — определенно не айильцы — защищали тропу, что вела к Бездне Рока, но других организованных формирований Мэт не увидел.

На дно долины со склона наползал густой туман. Поначалу Мэт пришел в замешательство, решив, что этот туман сопровождает героев Рога, но нет — вот он, Рог Валир, пристегнут к седлу рядом с ашандареем. И еще этот туман… какой-то он слишком серебристый, что ли. Да, точно. Мэт подумал, что такой туман он видит не впервые.

А затем он кое-что почувствовал. Ощутил исходивший от тумана колючий холод, и еще услышал — и готов был в этом поклясться — шепот у себя в голове. И тут Мэт сразу смекнул, с чем имеет дело.

Ох, Свет!

— Смотри, Мэт! Волки! — крикнул Олвер, указывая вниз, где стая иссиня-черных зверей, размером лишь немного уступающих лошадям, набросилась на солдат, оборонявших тропу к Бездне Рока. Людей убивали одного за другим. О

Свет! Только этого не хватало!

— Это не волки, — мрачно сказал Мэт. В Такан'дар явилась Дикая охота.

Быть может, эти твари и Машадар уничтожат друг друга? Стоит ли на это надеяться? Теперь, когда в голове гремели игральные кости, Мэт не рискнул бы делать такую ставку. Силы Ранда — остатки айильцев, доманийцев, преданных Дракону и пришедших сюда тайренских солдат — не выдержат натиска гончих Тьмы, неуязвимых перед человеческим оружием. А если выживут, их заберет Машадар, противостоять которому невозможно.

Но этот шепот… Здесь не только Машадар, этот безмозглый туман. Где-то в нем скрывается Фейн. С кинжалом.

Впереди вздымалась гора Шайол Гул. Высоко в небесах клубились тучи. Как ни странно, с юга накатывал белый грозовой фронт, сталкиваясь с чернотой, сливаясь и закручиваясь с нею в единое целое. Кстати говоря, вся эта картина очень походила на…

То'ракен повернул, взмахнул крыльями и рванул к земле, до которой теперь оставалась примерно сотня футов.

— Осторожней! — заорал Мэт, стараясь не по-

терять шляпу. — Проклятье! Ты что, смерти нам желаешь?

— Прошу прощения, мой принц! — крикнула в ответ Сулаан. — Просто ищу безопасное место, чтобы приземлиться.

— Какое? Безопасное? — не поверил своим ушам Мэт. — Ну, желаю удачи!

— Будет непросто. Дхана сильна, но я…

Пущенная откуда-то снизу стрела с черным оперением попала наезднице в голову, и еще штук десять таких же стрел прожужжали мимо Мэта. Одна из них прошила крыло то'ракена.

Олвер вскрикнул от ужаса. Мэт выбранился и, забыв про шляпу, потянулся к Сулаан, обмякшей и выпустившей поводья из рук. Внизу айильцы с красными вуалями готовились дать новый залп.

Мэт, расстегнув ремешки, перескочил — вернее сказать, переполз — через Олвера, через потерявшую сознание женщину, и схватился за узду перепуганного то'ракена. Вряд ли управлять им сложнее, чем ездить на лошади, — верно? Он потянул поводья на себя — так же, как это делала Сулаан, — и то'ракен свернул в сторону. Позади засвистели стрелы. Несколько штук вонзились ящеру в крылья.

Теперь тот несся прямиком на горную стену.

Действуя по наитию, Мэт встал на седле и крепко сжал поводья, пытаясь уберечь раненое существо и его седоков от верной, чтоб ее, гибели. Поворачивая, он едва не свалился с крылатой твари, но удержался, упершись ногами в седло и крепче прежнего вцепившись в поводья.

При повороте стремительный поток воздуха подхватил и унес вопли Олвера. То'ракен заверещал дурным голосом, бешено забил израненными крыльями и устремился, извиваясь, к земле. Тут-то до Мэта дошло, что крылатый зверь тоже потерял контроль над ситуацией.

Со всего маху они врезались в каменистое дно долины. Хрустнули кости — о Свет, очень хотелось бы надеяться, что это были кости то'ракена, — и Мэт кубарем покатился по неровной, в рытвинах земле.

Наконец перестав кувыркаться, он замер, растянувшись во весь рост. Сделал вдох, выдохнул, потом как следует отдышался и очумело простонал:

— Проклятье! Пожалуй, это была худшая из всех идей, что приходили мне в голову! — Он задумался. — Нет, не худшая. Худшая — это когда он решил похитить Туон.

Мэт нетвердо поднялся на ноги. Те вроде бы слу-

шались, и он, прихрамывая, бросился к то'ракену, содрогавшемуся в предсмертных судорогах.

— Олвер? Олвер!

Мальчишка, по-прежнему пристегнутый к седлу, моргал и тряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Мэт, — в конце концов промолвил он, — когда полетим в следующий раз, править дашь мне. По-моему, у тебя плохо получается.

— Если он будет, этот следующий раз, — ответил Мэт, — то я съем целую сумку тарвалонского золота.

Он расстегнул ремни, что удерживали ашандарей и Рог Валир, после чего передал горн Олверу, а сам потянулся к свертку со знаменем Ранда, что был привязан к поясному ремню, и обнаружил, что никакого свертка там больше нет.

— Знамя! — лихорадочно заозирался Мэт. — Я выронил треклятое знамя!

Олвер улыбнулся и поднял взор к черно-белому символу, сотканному в небесах неугомонно кружащими облаками, и сказал:

— Не переживай. Мы и так уже под его знаменем.

Он поднес к губам Рог Валир и сыграл красивейшую ноту.

Глава 46. Пробуждение

Ранд вырвался из тьмы небытия и снова полностью вернулся в Узор, где находился теперь и телом, и духом.

Наблюдения за Узором подсказали ему, что с тех пор, как он ступил в пещеру, здесь прошли считаные минуты, в долине за ее пределами — несколько дней, а в остальном мире — куда больше времени, и чем дальше от нее, тем больше.

Ранд оттолкнул Моридина с того места, где они, скрестив клинки, простояли несколько тех напряженных минут, и, переполненный сладостью Единой Силы, взмахнул Калландором, намерева-

ясь сразить старого друга.

Моридин успел блокировать удар своим клинком, но едва-едва. Он зарычал, выхватил из-за пояса нож и перешел в стойку, предназначенную для схватки одновременно с мечом и кинжалом.

— Давай заканчивать, Элан, — предложил Ранд, наслаждаясь бурным потоком саидин. — Ты ничего не сможешь сделать, Элан.

— Не смогу? — рассмеялся Моридин, а потом повернулся и метнул нож в Аланну.

Найнив с ужасом смотрела, как нож Моридина, по некой причине неподвластный ветру, стремительно приближается, вращаясь в воздухе.

«Нет!» Только не теперь, когда она едва вернула Аланну к жизни. «Мне нельзя ее потерять!»

Она попыталась перехватить нож, отбить его, но ей не хватило сноровки. Совсем чуть-чуть.

Нож погрузился в грудь Аланны.

Найнив в шоке опустила глаза на рукоять. Такую рану не залечить, зашив и наложив целебные травы. Клинок пробил сердце.

— Ранд! Мне нужна Единая Сила! — крикнула Найнив.

— Все… хорошо, — выдохнула Аланна.

Найнив заглянула в ее ясные глаза. «Андилей, — сообразила она, вспомнив, как дала эту

травку Аланне, чтобы придать ей сил. — Он вывел ее из ступора. Пробудил ее».

— Я могу… — прошептала Алання. — Могу… освободить его…

Свет в ее глазах померк.

Найнив снова взглянула на Ранда и Моридина. Ранд бросил на мертвую женщину взгляд, полный скорби и сожаления, но Найнив не заметила в его глазах безумной ярости. Алання разорвала узы прежде, чем Ранд ощутил последствия ее гибели.

Моридин повернулся опять к нему, сжимая в левой руке еще один нож. Ранд поднял Калландор для решающего удара.

Моридин, выронив меч, пронзил ножом свою правую ладонь. Ранд вдруг дернулся. Калландор выпал у него из руки — так, будто рану получил не Моридин, а Ранд.

Кристаллический меч со звоном упал на камни, и исходящее от него сияние померкло.

В бою с Губителем Перрин не сдерживал себя.

Он уже не пытался провести черту между волком и человеком. Теперь он вложил в схватку все, что месяцами копилось в душе, оставаясь незамеченным. Весь гнев на Губителя, всю боль и скорбь о погибшей семье. До последней капли.

Теперь он пустил эти чувства в дело. О Свет, наконец-то они выплеснулись наружу. Как в ту страшную ночь, когда Перрин убил белоплащников. С тех пор он держал себя и свои эмоции на коротком поводке. Мастер Лухан был совершенно прав.

Теперь, в этом застывшем мгновении, Перрин все понял. Увидел себя, мягкого и спокойного Перрина, что всегда опасался сделать кому-нибудь больно. Увидел кузнеца, что научился контролировать себя. Нечасто он позволял себе ударить в полную силу.

Но сегодня он спустил волка с цепи. Все равно там ему не место — волк не живет на привязи.

Его ярость уподобилась вездесущей буре, и Перрин даже не пытался сдерживать ее. Зачем? Эта ярость идеально отвечала охватившим его чувствам. Молот гремел как раскаты грома, глаза вспыхивали как разряды молний. Вместе с порывами ветра над долиной летел волчий вой.

Губитель защищался изо всех сил. Он *сдвигался* в пространстве, наносил удар за ударом, перепрыгивал с места на место, но всякий раз Перрин поджидал его, набрасывался на него — как волк, бил его молотом — как человек, терзал его — как само воплощение бури. В глазах Губителя по-

явился какой-то безумный блеск. Он поднял щит, стараясь держать его между собой и Перрином и закрываться им от ударов.

Перрин продолжал атаковать врага, ни о чем не задумываясь и повинуясь только инстинкту. Из раза в раз он с ревом молотил по щиту. Гоня Губителя перед собой. Обрабатывал щит, будто неподатливую железную заготовку. Вымещал на нем гнев и ярость.

Последним ударом он отбросил Губителя назад, выбил у него из рук исковерканный щит, отшвырнул его на сотню футов. Изумленный Губитель шлепнулся на землю и выкатился на самую середину долины, где появлялись и пропадали призрачные фигуры тех, кто сражался в реальном мире. Он бросил на Перрина панический взгляд, а затем исчез.

Перрин последовал за ним в мир яви и оказался посреди сражения, прямо в жаркой схватке айильцев с отрядом троллоков. Здесь, на этой стороне, ветер оказался удивительно силен. Над вершиной Шайол Гул, тянувшейся к небу скрюченным перстом, клубились черные тучи.

Айильцы в большинстве своем едва обратили внимание на появление Перрина. Им было не до того. По всей долине грудами лежали тела людей

и троллоков. Смрадно разило смертью. Пыль, покрывавшая прежде землю, смешалась с кровью павших, и под ногами чавкала жидкая грязь.

Губитель протискивался через группу айильцев, порыкивая и орудуя длинным ножом. Он не оглядывался. Похоже, он не знал, что Перрин последовал за ним в реальный мир.

Из серебристого тумана на склоне выкатилась новая волна исчадий Тьмы — с молочно-белыми глазами и кожей, покрытой какими-то странными язвами. Не обращая внимания на троллоков, Перрин бросился вдогонку за Губителем.

Юный Бык! — воззвали к нему волки. *Здесь Братья Тени! Мы сражаемся!*

Гончие Тьмы. Волки ненавидели всех отродий Тени; целая стая могла пожертвовать собой, чтобы убить мурддраала. Но гончих Тьмы они боялись.

Перрин огляделся в поисках этих существ. Обычные люди не могли противостоять гончим Тьмы — даже слюна этих тварей представляла для человека смертельную опасность. Неподалеку силы Света дрогнули под натиском черных волков размером с лошадь. Дикая охота.

О Свет, какие же они громадные, эти гончие Тьмы! Десятки угольно-черных переиначенных

волков прорывали линию обороны, расшвыривая тайренцев и доманийских солдат, будто тряпичных кукол. Волки набрасывались на гончих Тьмы, но тщетно — подобные атаки заканчивались для них воем, визгом и неизбежной гибелью.

Перрин взревел от ярости, и его рев перекрыл крики умирающих. Пока что он никак не мог помочь ни волкам, ни людям. Его влекли инстинкты и эмоции. Губитель. Он просто обязан одолеть Губителя. Если Перрин его не остановит, тот вернется в Мир снов и прикончит Ранда.

Расталкивая убивающих друг друга воинов, Перрин побежал за далеким силуэтом. Пока он отвлекся на гончих Тьмы, Губитель оторвался от него, но теперь замедлил бег. Он еще не понял, что Перрин тоже умеет перемещаться между мирами.

Наконец Губитель остановился и обвел поле боя внимательным взглядом. Оглянулся. Заметил преследователя, широко раскрыл глаза. За шумом битвы Перрин не расслышал его слов, но прочел по губам: «Нет. Нет, не может быть».

«Да, — подумал Перрин. — Куда бы ты ни бежал, я последую за тобой. Это охота, и ты в конце концов превратился в добычу».

Губитель исчез. Следом за ним Перрин сместился в волчий сон. Сражавшиеся вокруг воины обернулись силуэтами из пыли, что распадались и возникали вновь. Увидев Перрина, Губитель испуганно вскрикнул и опять сбежал в реальный мир.

Перрин сделал то же самое. Он чуял запах своей жертвы, шел по следу. Запах паники и скользкого пота. В сон и опять в реальный мир. Во сне Перрин превращался в Юного Быка и бегал на четырех лапах. В реальном мире он был Перрином с занесенным молотом в руке.

В погоне за Губителем он в мгновение ока перемещался между мирами. Наткнувшись на группу бойцов, прыгал в волчий сон, пробегал сквозь фигуры из песка и невесомой пыли и тут же *сдвигался*, возвращаясь в мир яви, чтобы не сбиться со следа. Такие прыжки случались все чаще. Наконец Перрин стал перемещаться между мирами с каждым ударом сердца.

Бум. Перрин с воздетым молотом спрыгнул с небольшой скалы, догоняя жертву, которая улепетывала со всех ног.

Бум. Юный Бык завыл, призывая стаю.

Бум. Перрин был уже близко. В нескольких шагах. Едкое зловоние Губителя.

Бум. Юный Бык окружен призраками волков, подвывающими, жаждущими охоты, ведь эта добыча заслуживала смерти как никто другой. Ни одна добыча не причиняла волкам столько боли. Ни один человек не вселял в их сердца такого страха.

Бум. Губитель споткнулся. Падая, он извернулся и неосознанно сместился в волчий сон.

Бум. Перрин занес Мах'аллейнир, украшенный силуэтом волка в прыжке. Того, кто парил.

Бум. Юный Бык прыгнул, целя в горло убийце своих братьев. Губитель сбежал в реальный мир.

Молот нашел цель.

В этот миг и в этом месте нечто отправило Перрина и Губителя в постепенно убыстряющуюся череду мгновенных перемещений между мирами. Они словно замерцали — туда-сюда, туда-сюда, вспышки мыслей и мгновений, серия всполохов, один за другим.

Вокруг погибали люди. Одни из пыли и песка, другие из плоти и крови. Их мир, посреди отражений других миров. Люди в чудно́й одежде и не менее странной броне сражались с монстрами всевозможных форм и размеров. Мгновения, где айильцы превратились в шончан, а те — в нечто среднее между этими двумя народами: копья,

светлые глаза и при этом шлемы будто головы чудовищных насекомых.

Во всех этих мгновениях и во всех этих местах молот Перрина ударил в цель, а клыки Юного Быка впились в горло долгожданной добыче. Перрин чувствовал, как на языке кровь Губителя, теплую и солоноватую, и еще он чувствовал, как от соударения вибрирует в руке молот, и слышал, как ломаются кости. Миры сменяли друг друга с быстротой вспышек молний.

Все загремело, задрожало, а затем слилось воедино.

На камнях долины Такан'дар, тяжело дыша, стоял Перрин, все еще охваченный азартом охоты, а перед ним лежало безвольное тело Губителя с размозженной головой. Все было кончено.

Перрин осмотрелся и с удивлением понял, что его окружают айильцы.

— Как вы здесь оказались? — нахмурился он.

— Ты выглядел так, будто торопился на славный танец, Перрин Айбара, — засмеялась одна из Дев. — В сражении принято следовать за такими воинами, как ты, ведь зачастую рядом с ними — самое веселье.

Он мрачно усмехнулся и обвел взглядом поле боя. Дела у его соратников обстояли не лучшим

образом. В безжалостной горячке битвы гончие Тьмы рвали защитников на куски, и ведущая к Ранду тропа осталась беззащитной.

— Кто здесь командует? — спросил Перрин.

— В данный момент никто, — ответила Дева. Ее имени он не знал. — Поначалу командовал Родел Итуралде, затем его сменил Дарлин Систера, но его штаб был уничтожен драгкаром. Уже несколько часов я не видела ни вождей кланов, ни Айз Седай.

Голос Девы был мрачнее тучи. Присутствия духа лишились даже стойкие айильцы. Беглый взгляд на поле битвы сказал Перрину, что оставшиеся в живых айильцы сражаются без какой-либо системы, зачастую небольшими группами и перед смертью пытаются забрать с собой как можно больше врагов. Бившиеся здесь волчьи стаи утратили присутствие духа, от них приходили послания, пронизанные страхом и болью. И еще Перрин не знал, что это за отродья Тени с изъязвленными лицами.

Битва закончилась, и силы Света проиграли.

Неподалеку гончие Тьмы прорвали последнюю шеренгу преданных Дракону. Некоторые пытались сбежать, но черная тварь с легкостью настигла их, свалила на землю, а одного загрыз-

ла. Остальные, забрызганные каплями пенистой слюны, бились в предсмертных конвульсиях.

Перрин опустил молот, встал на колени, сдернул с Губителя плащ, разодрал ткань на полосы и обернул ими свои руки.

— Смотрите, чтобы их слюна не попала на кожу, — сказал он, вновь подхватывая молот. — Она смертельно опасна.

Айильцы, кивая, принялись обматывать оголенные руки тряпками. От них пахло решимостью и в то же время смирением. Если не осталось иных вариантов, айилец с хохотом побежит навстречу верной гибели. Мокроземцы считали их умалишенными, но чутье Перрина подсказывало, что это не так. Айильцы действовали от чистого сердца. Они не стремились умереть, но и не боялись смерти.

— Коснитесь меня, все разом, — велел Перрин.

Айильцы послушались, и он перенес их в волчий сон. Взять с собой столь многих оказалось не проще, чем согнуть стальной брусок, но Перрин справился. И потом его маленький отряд сразу перенесся на тропу, ведущую к Бездне Рока. Здесь собрались молчаливые призраки убитых волков. Их были сотни.

Перрин перенес айильцев в реальный мир,

и теперь его спутники стояли между Рандом и гончими Тьмы. Перековерканные твари Дикой охоты посмотрели на Перрина, их глаза сверкнули серебром.

— Будем стоять здесь, — сказал Перрин айильцам, — и надеяться, что другие придут на подмогу.

— Мы выстоим, — кивнул один, рослый мужчина, на голове которого была повязка с изображением эмблемы Ранда.

— А если нет, — добавил второй, — если нам суждено пробудиться, наша кровь оросит эту землю, а нашими телами станут питаться растения, что появятся в здешних местах.

Только теперь Перрин заметил, что повсюду проклевываются ярко-зеленые ростки, совершенно неуместные в этой долине. Молодые, полные жизни, подтверждающие, что Ранд продолжает сражаться.

Гончие Тьмы стали красться вверх по тропе: хвосты опущены, уши прижаты, обнаженные клыки сверкают, будто окровавленный металл. Но что это за звук за гулом ветра? Настолько тихий, что его, казалось, не должно быть слышно, но все же он пронзил разноголосицу битвы, далекий и такой знакомый…

— Я знаю этот звук, — сказал Перрин.

— Звук? — переспросила одна из Дев. — Что за звук? Волчий вой?

— Нет, — ответил Перрин, глядя на убыстривших свой бег гончих Тьмы. — Это Рог Валир.

Значит, скоро явятся герои. Но где они будут сражаться? Вряд ли они станут оборонять вход в пещеру. Разве что…

Веди нас, Юный Бык!

Кто сказал, что среди героев одни только люди?

В унисон со звучащим Рогом над долиной разнесся протяжный вой, и повсюду вдруг стали во множестве появляться сияющие светло-серые создания размером с гончих Тьмы. Души погибших волков, что собирались здесь и ждали знака, ждали возможности сражаться.

Их призвал Рог.

Перрин издал свой собственный вой, в котором триумфально звучали радость и желание, и потом устремился навстречу гончим Тьмы.

Наконец-то Последняя охота началась всерьез.

* * *

Герои атаковали троллоков, не давая им подняться по тропе к Бездне Рока и убить Ранда,

и Мэт решил, что оставит Олвера на их попечение, — сидевший на коне Ноэла мальчишка выглядел как настоящий принц.

Сам же он, одолжив лошадь у одного из немногих уцелевших кавалеристов, поскакал искать Перрина. Ясное дело, его друг будет где-то среди тех волков. Непонятно, откуда взялись тут сотни этих сияющих созданий, но жаловаться было не на что, поскольку волки мигом принялись рвать и терзать Дикую охоту, рыча и завывая так, что Мэт едва не оглох.

Неподалеку отряд айильцев сражался с гончей Тьмы, но у людей не было ни единого шанса. Они сбили черную тварь с ног, изрубили ее ножами, но та опять собралась воедино, будто состояла не из плоти, а из бесплотной черноты, и набросилась на айильцев с удвоенной силой. Кровь и треклятый пепел! Айильское оружие не оставило на ней ни царапины. С этой мыслью Мэт помчался галопом дальше, избегая завитков серебристого тумана, расползавшихся по всей долине.

О Свет, этот туман приближался к тропе, ведущей наверх, к Ранду. Двигаясь все быстрее, он накрывал всех подряд — айильцев, троллоков и гончих Тьмы.

«Ага», — подумал Мэт, заметив человека, ко-

торому хватило дурости в одиночку драться с громадной черной тварью. Перрин с размаху обрушил свой молот ей на голову, тварь с пробитым черепом упала замертво и, как ни странно, осталась лежать на месте. Перрин поднял молот, за которым тянулся дымный шлейф, обернулся и удивленно воскликнул:

— Мэт! Ты-то здесь что делаешь?

— Пришел на подмогу! — отозвался Мэт, подъезжая ближе. — Вопреки здравому, чтоб его, смыслу!

— Тебе не одолеть гончих Тьмы, — предупредил Перрин. — Они по зубам только мне и волкам Последней охоты. — Прислушиваясь, он склонил голову к плечу, а затем глянул в ту сторону, откуда доносился звук Рога.

— Теперь он не у меня, — объяснил Мэт. — Трудно поверить, но это треклятое бремя перешло к тому, кто получает от него удовольствие.

— Дело не в этом. — Перрин подошел к сидевшему в седле Мэту и взял его за руку. — Моя жена… Рог был у нее. Прошу, Мэт, скажи, что с ней стало.

— Если верить Олверу… — Мэт хмуро потупился. — О Свет, Перрин. Фэйли была на Поле Меррилор, она увела за собой троллоков, чтобы

парнишка успел сбежать вместе с Рогом.

— Значит, она может быть жива, — произнес Перрин.

— Да. Конечно, — подтвердил Мэт. Ну а что еще тут скажешь? — Перрин, тебе нужно знать кое-что еще. Сюда заявился Фейн.

— Фейн? — прорычал Перрин. — Где он?!

— Там, в этом тумане! Каким-то образом он приволок с собой Машадар. Смотри, чтобы он тебя не коснулся.

— Я тоже был в Шадар Логоте, Мэт, — напомнил ему Перрин, — и у Фейна передо мной должок. Надо бы с этим уладить.

— А мне, что, не надо? Я…

Тут Перрин широко раскрыл глаза и опустил потрясенный взгляд на грудь Мэта, откуда торчал серебристо-белая полоска тумана — тумана Машадара, — пронзившая его друга со спины.

Мэт тоже взглянул на туманный завиток, дернулся разок и повалился с седла.

Глава 47. Наблюдая за извивающимся потоком

На одном из склонов, окружавших долину Такан’дар, Авиенда изо всех сил противостояла барьеру Духа, которым Грендаль пыталась отсечь ее от Источника. Кружевное плетение пресекало любые попытки дотянуться до Единой Силы. Не в силах встать на израненные ноги, Авиенда изнывала от боли и почти не могла двинуться с места.

Она отбила щит, но едва-едва.

Уже некоторое время Отрекшаяся сидела на уступе, прислонившись к валуну, и что-то

бормотала себе под нос. Из раны у нее в боку выплескивалась ярко-красная кровь. Внизу, в долине, бушевала битва. Серебристо-белый туман катился по трупам, поглощая тех немногих, кому случилось выжить.

Авиенда пыталась подползти к своему порталу. Тот оставался открытым, и за ним виднелось ложе долины. Наверное, Кадсуане и остальные ушли на другой участок сражения, или же Авиенда, открывая переходные врата, просчиталась с местоположением.

Отрекшуюся опять окружило сияние саидар. Новые плетения; Авиенда уничтожила их, но это задержало ее на пути к переходным вратам.

Обессиленная изрядной потерей крови, Грендаль со стоном все же встала на ноги и нетвердо побрела к Авиенде.

Та беспомощно смотрела на нее. Тоже ослабевшая и потерявшая немало крови, она мало чем могла защитить себя.

Разве что…

А если распустить плетение переходных врат? Авиенда успела закрепить их кружевную окантовку, чтобы портал не закрывался. Отчаянная мера, но все же…

Осторожно — если не сказать «нерешитель-

но» — Авиенда потянулась сознанием к одной из свободных нитей. Все непременно получится. Тончайший энергетический поток замерцал, дрогнул, а затем исчез.

Такое практиковали Хранительницы Мудрости, хотя Айз Седай считали подобные фокусы невероятно опасными. Результат мог оказаться совершенно непредсказуемым. Вспышка, взрыв, фонтанчик искр… Нельзя исключать и того, что дело кончится усмирением Авиенды. А могло вообще ничего не произойти. Когда Илэйн сотворила нечто подобное, все обернулось разрушительным взрывом.

Последнее Авиенду вполне устраивало. Если она заберет с собой одну из Отрекшихся, это будет прекрасная смерть.

Надо попытаться.

Грендаль остановилась подле Авиенды, зажмурилась и проворчала что-то себе под нос. Затем женщина открыла глаза и начала выплетать новую вязь. Принуждение.

Авиенда торопливо вытягивала из плетения портала нить за нитью. Две, три, полдюжины… Еще, еще чуть-чуть…

— Что это ты делаешь? — осведомилась Грендаль.

В спешке Авиенда ошиблась с выбором нити, и замерла, глядя, как извивающийся поток выводит из равновесия все сотканное ею плетение.

Грендаль зашипела и почти уже набросила Принуждение на Авиенду, но тут переходные врата взорвались, оставив после себя вспышку света и волну обжигающего воздуха.

Шаисам захватил поле сражения. Завитки тумана пронзали волков и людей, вздумавших преградить ему путь к ал'Тору.

Да, к нему. К ал'Тору. К тому, кого он убьет, уничтожит и будет упиваться его смертью. Да, к ал'Тору!

На краю ощущений, на самой грани, что-то дрогнуло. Шаисам остановился и сдвинул брови. Что-то не так. Что же не так? Одна его часть… Одна его часть перестала что-либо чувствовать.

Что произошло? Он велел своей физической форме бежать сквозь туман. Кровь сочилась из его пальцев, иссеченных кинжалом, — дивное семя, последнее, что осталось от его прошлого «я».

Он подбежал к мертвому телу одного из поверженных туманом. Нахмурился, наклонился, присматриваясь. Где-то он уже видел этого человека…

И тут мертвец схватил Шаисама за горло. Тот

захрипел и задергался, пытаясь освободиться, а труп открыл свой единственный глаз.

— Как-то я слыхал, Фейн, что у болезней есть одна особенность, — прошептал Мэтрим Коутон. — Если однажды заразился, но выжил, больше эту болезнь не подцепишь.

Шаисам в панике вырывался из захвата. Нет. Нет, не так должна пройти встреча со старым другом! Царапая ногтями державшую его руку, он с ужасом понял, что выронил кинжал.

Коутон повалил его на спину и прижал к земле. Шаисам воззвал к своим тунеядам. Слишком медленно! Слишком поздно!

— Я здесь, чтобы вернуть твой подарок, Мордет, — тихо сказал Коутон. — Считаю, что долг уплачен сполна.

С этими словами он вогнал кинжал промеж ребер, в самое сердце Шаисама. Связанный с этой жалкой смертной формой, Мордет пронзительно закричал, а Падан Фейн взвыл, чувствуя, как с костей сходит плоть. Туман задрожал и распался на разрозненные завитки.

Умерли они одновременно.

Перрин *сдвинулся* в волчий сон и стал искать Гаула, ориентируясь по запаху его крови. Ему страшно не хотелось оставлять друга наедине

с Машадаром, но по взгляду, что Мэт бросил на Перрина, упав с коня, было ясно, что он выживет в этом тумане. И что он знает, что делает.

Чтобы спрятаться, Гаул выбрал лучшее место — расселину в скале, у самого входа в Бездну Рока, — и вдобавок изменил цвет одежды на более темный, в тон окружавшим его камням. В руке он сжимал последнее копье.

Когда Перрин нашел его, айилец был на грани потери сознания. Мало того что Гаул был ранен — он слишком долго пробыл в волчьем сне. Если у Перрина мышцы снова ныли от усталости, то Гаулу явно было гораздо хуже.

— Идем, Гаул, — сказал Перрин, помогая ему выбраться из расселины.

— Я никого не пропустил, — проговорил Гаул, еле ворочая языком. — Я смотрел в оба, Перрин Айбара. Кар'а'карн в безопасности.

— Ты отлично справился, друг мой, — ответил Перрин. — Лучше, чем можно было ожидать. И обрел немало чести.

— Я беспокоился… — Гаул с улыбкой оперся ему на плечо. — Обеспокоился, когда исчезли волки.

— Они сражаются в мире яви.

Перрин понимал, что ему нужно вернуться сюда, в волчий сон, и не только ради Гаула. Он

чувствовал какую-то необъяснимую тягу. Что-то влекло его.

— Держись, — сказал Перрин, обхватив Гаула за пояс.

Он *сдвинулся* на Поле Меррилор, а затем перенесся в реальность, в центр двуреченского лагеря.

Их немедленно окружили люди. Поднялся шум, кто-то крикнул: «О Свет, Перрин!» — а затем подбежал Грейди, у которого были темные мешки под глазами и набухшие веки.

— Я чуть было не поджарил вас, лорд Златоокий. Как вы здесь оказались?

Перрин помотал головой, опуская Гаула на землю. Грейди осмотрел рану в боку у айильца, после чего позвал кого-то из Айз Седай, чтобы та занялась Исцелением. Кругом началась сумятица: двуреченцы успели разнести весть о возвращении лорда Златоокого.

Фэйли. Она была здесь, на Поле Меррилор, вместе с Рогом Валир.

«Я должен ее найти».

Ранд остался один. В волчьем сне у него не было никакой охраны.

«Проклятье, это не имеет значения! — подумал Перрин. — Если я потеряю Фэйли…»

Если Ранд погибнет, Перрин, несомненно, потеряет Фэйли. И всех остальных. Где-то по-прежнему рыщут Отрекшиеся. Перрин никак не мог решиться. Ему надо найти Фэйли — верно? Не таков ли его долг, долг мужа? Разве за Рандом не в состоянии присмотреть кто-то другой?

Но… Если не он, тогда кто?

С невыносимой болью в сердце Перрин снова отыскал тропинку, ведущую в волчий сон.

Моридин подхватил Калландор, и тот вспыхнул, наполнившись Единой Силой.

Ранд нетвердо попятился, прижимая раненую руку к груди, а Моридин рассмеялся и воздел меч.

— Теперь ты мой, Льюс Тэрин. Наконец-то ты мой. Я… — Он осекся и поднял взгляд на Калландор — похоже, с благоговением. — Он способен умножать Истинную Силу. Са'ангриал Истинной Силы? Неужели? Но как?! — Он снова рассмеялся, теперь громче.

Вокруг бушевал энергетический водоворот.

— Направлять Истинную Силу в этой пещере — верная смерть, Элан! — крикнул Ранд. — Она сожжет тебя дотла!

— И предаст забвению! — откликнулся Моридин. — Знаю, она освободит меня, Льюс Тэрин. И

я заберу тебя с собой.

Меч ярко засиял малиновым светом. Ранд чувствовал, как Моридин, черпая Истинную Силу, становится невероятно могуч.

В схватке наступил критический момент, и это была самая опасная часть плана, который придумала Мин. Она выяснила, что у Калландора имеются недостатки, просто немыслимые изъяны. Чтобы использовать эту вещь Силы, мужчине требовалась помощь женщин, которые будут его контролировать. Этот меч создали так, что когда Калландор в руке у Ранда, другие могут подчинить его своей воле…

Но для чего ему оружие с подобным пороком? Почему оно из раза в раз упоминается в пророчествах? Са'ангриал Истинной Силы… Зачем он вообще ему нужен?

Ответ был на удивление прост.

— Давайте! — пронзительно крикнул Ранд.

Найнив и Морейн вместе направили Силу, используя изъян Калландора, когда Моридин попытался обернуть кристаллический меч против Ранда. В туннеле завывал ветер. Земля задрожала, и Моридин изумленно вскрикнул, не понимая, что происходит.

Его взяли под свой контроль. В этом заклю-

чался недостаток Калландора. Любого мужчину, который использует Калландор, можно против его воли включить в связь с женщинами, подчинить его их воле. Ловушка… И Ранд заманил в нее Моридина.

— Все на связи! — приказал он.

И они отдали ему Силу. Мощь.

Саидар от женщин.

Истинную Силу от Моридина.

Саидин от самого Ранда.

Направляемая Моридином Истинная Сила грозила уничтожить их всех, но ее умерили с помощью саидин и саидар, а затем перенаправили совокупное течение на Темного.

Ранд пробился сквозь черноту и создал канал неостановимого потока — потока света и тени, — обратив против Темного его же сущность.

Ранд чувствовал, насколько безмерен Темный, насколько необъятен его враг — и во времени, и в пространстве, — и осознавал, что эти критерии утратили теперь всякий смысл.

С оглушительным ревом — переполненный тремя текущими через него Силами, с кровоточащей раной в боку — Дракон Возрожденный воздел могучую длань, запустил ее в Скважину и схватил Темного, как ныряльщик хватает желан-

ную добычу, найденную на дне глубокой реки.

Темный пытался отпрянуть, но Истинная Сила наделила Ранда железной хваткой. Отныне враг уже не запятнает саидин. Темный пробовал отнять Истинную Силу у Моридина, но поток энергии вырвался на волю, и его уже не остановить. Этого не мог сделать даже сам Шайи'тан.

Овладев сущностью Темного, Ранд направлял ее что было сил, держа врага крепче, чем ястреб держит пойманного голубя.

И свет вырвался из него.

Глава 48. Ослепительный шпиль

Конь Илэйн осторожно ступал меж многочисленных троллочьих трупов. Победа в битве одержана. Все, кто еще стоял на ногах, отправились искать живых среди мертвых.

Столько погибших… Поле Меррилор усеивали груды мертвых тел, сотен тысяч людей и троллоков. Берега реки походили на скотобойню, а переполненные трупами топи превратились в общую могилу. Впереди, за рекой, стонал и содрогался Половский взгорок. Илэйн — она едва держалась в седле — уже приказала солдатам

покинуть плато.

У нее на глазах вся возвышенность обрушилась, обвалилась внутрь себя, погребя под собой мертвецов. Илэйн настолько устала, что почти не чувствовала, как дрожит земля. Она…

«О Свет!»

Она распрямилась, чувствуя, как Ранда захлестнуло мощной волной, и перевела взгляд от Взгорка на север, туда, где был он. Всем ее вниманием завладел всплеск невероятной силы, напитанный прелестью владычества. Далеко на севере к небу взметнулся сияющий шпиль, такой ослепительно-яркий, что Илэйн не сдержала изумленного возгласа.

Наступил конец.

Прикрыв глаза рукой, Том отшатнулся от Бездны Рока. Из пещеры вырвался свет — яркий, как само солнце. Морейн!

— О Свет… — прошептал Том.

Да, это был ослепительный луч света, который, расплавив и пробив вершину горы Шайол Гул, устремился в небо.

Мин схватилась за грудь и отошла от раненых, которым меняла перевязку.

«Ранд», — подумала она, чувствуя его пре-

дельную сосредоточенность. Далеко на севере вознесся к небу луч настолько яркий, что он осветил даже Поле Меррилор. Раненые и те, кто им помогал, обернулись на эту вспышку; все, кто мог стоять, поднялись на ноги, моргая и щурясь, прикрыв глаза ладонями, и глядели на ослепительный шпиль.

Этот свет, сияющим копьем уходящий ввысь, выжигал тучи и вызволял небеса из плена тьмы.

Авиенда, моргая, смотрела на свет и понимала, что источник этого света — Ранд.

Этот свет наполнил ее теплом, не позволив провалиться во тьму. Ранд побеждал. О да, он побеждал. Как же он силен… Теперь Авиенда видела в нем истинного воина.

Грендаль кое-как встала на колени. Ее глаза остекленели. Расплетенные врата взорвались, но с меньшей силой, нежели в прошлый раз. Плетения Единой Силы разлетелись во все стороны в тот самый миг, когда Грендаль готовилась завершить Принуждение.

Отрекшаяся повернулась к Авиенде, с обожанием взглянула на девушку и благоговейно поклонилась.

«Взрыв», — не без труда сообразила Авиенда. Он как-то повлиял на созданное Грендаль плетение

Принуждения. Откровенно говоря, Авиенда предполагала, что погибнет под выбросом шальной энергии. Но произошло нечто иное.

— Повелевайте мною, ваше великолепие, — произнесла Грендаль. — Только скажите, и я сделаю все, что вам угодно. Позвольте служить вам!

Авиенда снова взглянула на свет, что являлся воплощением Ранда, и затаила дыхание.

Логайн вышел из развалин с ребенком на руках — малышу было года два. Он передал его плачущей матери, и та прижала сына к груди.

— Спасибо! Благослови тебя Свет, Аша'ман. Благослови тебя Свет!

Логайн остановился среди множества людей. Повсюду стоял запах горелого мяса и мертвых троллоков.

— Половского взгорка больше нет? — спросил он.

— Разрушился при землетрясении, — неохотно подтвердил стоявший рядом Андрол.

Логайн вздохнул. Стало быть, желанная добыча сгинула вместе с взгорком. Сумеет ли он когда-нибудь откопать этот скипетр?

«Какой же я глупец!» — подумал он. Отказался от такого могущества — и ради чего? Чтобы

спасти этих беженцев? Людей, что презирают и ненавидят его за то, кем он является. Людей, которые…

…Смотрят на него с благоговейным трепетом.

Логайн сдвинул брови. Его окружали не обитатели Черной Башни, привычные к мужчинам, способным направлять Силу, а самые обычные люди, но в тот момент он не увидел бы разницы между теми и другими.

Он зачарованно смотрел, как люди толпятся вокруг Аша'манов и со слезами на глазах благодарят их за спасение. От избытка чувств старики хватали мужчин в черных мундирах за руки и превозносили их самыми хвалебными словами.

Какой-то мальчишка не отводил восхищенных глаз от Логайна. Нет… мальчишек было человек десять. О Свет, их были сотни, и ни в одной паре глаз Логайн не видел ни малейшего намека на страх.

— Спасибо вам, спасибо! — твердила молодая мать.

— Черная Башня существует, чтобы защищать, — услышал собственный голос Логайн. — И будет защищать всегда.

— Когда сын подрастет, пришлю его к вам для испытания, — пообещала женщина. — И если он

окажется одаренным, буду настаивать, чтобы он стал одним из вас.

Одаренным. Не проклятым, а одаренным.

Толпу у развалин озарило светом.

Логайн замер. Тот луч на севере… Прежде он никогда не чувствовал потока такой силы. Даже во время очищения Источника. Такая мощь…

— Время пришло, — подступила к нему Габрелле.

Логайн потянулся к кошелю на поясе, затем достал из него три диска, наполовину черные, наполовину белые. Стоявшие рядом Аша'маны повернулись к нему, на время прекратив Исцелять раненых и утешать перепуганных людей.

— Пора, — сказала Габрелле и повторила: — Пора, Ломающий печати.

Одну за другой Логайн разломил нерушимые в прошлом печати от узилища Темного и уронил обломки на землю.

Глава 49. Свет и Тень

Кругом было мертвым-мертво. В волчьем сне Перрин пробирался по каменистым пустошам, лишенным растительности, да и самого плодородного слоя почвы. Небеса совершенно почернели, и темные тучи растворились в этой пустоте. Когда Перрин взобрался на гребень скалы, немалый участок земли у него за спиной раскрошился, а камень под ногами завибрировал, и Перрина подбросило в воздух.

Внизу не осталось ничего, кроме пустоты.

В волчьем сне все пожирало небытие. Перрин продолжил двигаться к Шайол Гул. Он видел

ее, гора светилась во тьме, будто путеводный маяк. Как ни странно, за спиной виднелись очертания Драконовой горы, хотя та должна была находиться очень далеко, за пределами видимости. Пространство между двумя вершинами как будто съежилось, да и весь мир последовал его примеру.

Два горных пика стремились навстречу друг другу, а все, что находилось между ними, шло трещинами и распадалось на части. Перрин сместился ко входу в туннель, ведущий к Бездне Рока, и шагнул за возведенный им не так давно фиолетовый барьер.

Внутри с праздным видом стояла Ланфир — те же угольно-черные волосы, что при первой встрече с Перрином, и знакомое лицо, выглядевшее так же, как в прошлом.

— Надоел мне этот шип сновидений, — посетовала она. — Обязательно было ставить его здесь, в этой пещере?

— Он не дает пройти другим Отрекшимся, — рассеянным тоном ответил Перрин.

— Пожалуй, так. — Ланфир сложила руки на груди.

— Он еще там, впереди? — спросил Перрин.

— Это конец, — кивнула она и прищурилась. —

Произошло нечто изумительное. Быть может, сейчас самый важный момент для человечества — с тех пор, как мы проделали Скважину.

— В таком случае давай убедимся, что все идет как надо, — сказал Перрин, и они с Ланфир начали долгий спуск в каменную утробу.

В конце туннеля их взорам открылась неожиданная картина. Калландор был в руках у человека, с которым Ранд уже сражался раньше. Демандред? Этого Перрин не знал. Но определенно перед ним был один из Отрекшихся — коленопреклоненный, на плече рука Найнив, державшейся чуть позади и слева от Ранда. Справа стояла Морейн. Все трое расправили плечи и смотрели прямо перед собой, устремив взоры в ничто.

Из недр горы доносился зловещий рокот.

— Идеально, — прошептала Ланфир. — Я и мечтать не могла, что все так удачно сложится. — Она смерила взглядом обеих женщин. — Атака должна быть молниеносной. Я прикончу ту, что повыше, а тебе надо убить вторую.

Перрин нахмурился. Что-то здесь нечисто. И это еще мягко сказано.

— Убить?..

— Ну конечно, — ответила Ланфир. — Если

поторопимся, успеем перехватить контроль над Моридином, пока тот меч у него в руках. И тогда я заставлю Льюса Тэрина склониться передо мной. — Она прищурила глаза. — Он держит Темного в своей руке, достаточно сжать пальцы, чтобы забрать его жизнь. Если это можно назвать жизнью. Спасти Великого повелителя не может никто, кроме меня. И в то мгновение я получу свою награду и стану величайшей из великих!

— Ты… ты хочешь спасти Темного? — спросил Перрин и почесал в затылке. — Разве ты не перешла на нашу сторону? Как я помню…

— Да, инструмент из тебя никудышный, — повернулась к нему Ланфир. От нее запахло недовольством. — Терпеть не могу, когда приходится творить это плетение. Такое чувство, будто я опускаюсь до уровня Грендаль. — Она поежилась. — Будь у меня больше времени, ты стал бы моим по-настоящему. — Ланфир любовно потрепала Перрина по щеке. — Ты обеспокоен. Помнится, та, что повыше, твоя односельчанка. Вы, наверное, выросли вместе? Поэтому я не стану требовать, чтобы ты убил ее, мой волк. Убей вторую. Ведь ты ненавидишь ее, верно?

— Я… Да, ненавижу. Она увела меня из дома. Из-за нее убили мою семью. Иначе меня бы здесь

не было.

— Вот именно, — кивнула Ланфир. — Давай-ка поторопимся, чтобы не упустить такой удобный случай.

Она снова взглянула на женщин. Найнив и Морейн. Друзья Перрина. А затем… А затем Ранд. Перрин знал, что Ланфир убьет Ранда. Заставит его склониться перед собой, а затем убьет. С самого начала она ждала, пока Темный не окажется беспомощен, чтобы явиться тогда перед ним и даровать ему спасение. Такова была цель Ланфир.

Перрин подступил к ней.

— Атакуем одновременно, — вполголоса произнесла Ланфир. — Здесь сломаны барьеры между мирами. Если промедлить, они ответят ударом на удар. Поэтому убить их надо одновременно.

«Так нельзя, — подумал Перрин. — Это немыслимо». Он не мог этого допустить, но все же чувствовал, как у него поднимаются руки.

«Так нельзя!» Почему? Он не знал. Разум избегал ответа на этот вопрос.

— Готов? — спросила Ланфир, не отводя глаз от Найнив.

Перрин повернулся к Ланфир.

— На счет «три», — сказала та, не глядя на него.

«Я должен сделать то, — подумал Перрин, — че-

го не может сделать Ранд».

Здесь — волчий сон. А в волчьем сне его чувства обретают материальную форму.

— Раз, — шепнула Ланфир.

Он любит Фэйли.

— Два.

Он любит Фэйли.

— Три.

Он любит Фэйли. Принуждение мгновенно исчезло, развеялось, как дым на ветру. Слетело, будто сброшенная на пол грязная одежда. Прежде чем Ланфир успела нанести удар, Перрин схватил ее за шею, сдавил, повернул… и услышал, как хрустнули под пальцами позвонки.

Ланфир обмякла, и он подхватил ее на руки. Да, она и впрямь была красива. После смерти к ней вернулось прежнее обличье. Ее новое тело.

Перрина захлестнуло невыносимое чувство утраты. Воспоминания о том, что сделала Ланфир, еще не до конца стерлись из памяти. Но он справится. Перекроет эту память другой, памятью о достойных поступках. Лишь волчий сон и способность видеть себя таким, каким он должен быть, помогли Перрину довести это дело до конца.

К сожалению, в глубине души он все еще чувствовал любовь к этой женщине — даже близко

не такую сильную, как любовь к Фэйли, но все же любовь, — и от этого было больно. Опуская на каменный пол тело в складках блестящего серебристо-белого одеяния, Перрин понял, что плачет.

— Прости, — прошептал он. Убить женщину… Тем более ту, что не угрожала ему лично… Перрин и подумать не мог, что способен совершить такой поступок.

Но кто-то должен был это сделать. К чему подвергать Ранда еще одному испытанию? Ранд не нуждается в очередном бремени, и поэтому Перрин взял его на себя.

— Действуй, — прошептал он, глядя на старого друга. — Делай, что должен, а я тебя прикрою. Как всегда.

Печати раскрошились, и Темный вырвался из узилища.

Но Ранд держал его крепкой рукой.

Стоя в центре световой колонны, переполненный Силой, он затянул Темного в Узор. Только здесь существует время, и только здесь можно убить саму Тень.

Сила, некогда безграничная, но по сути своей крошечная, билась и трепетала в его длани. Вопли ее походили на звуки, с которыми перемалываются небесные тела.

Объект, едва достойный жалости. Ранду вдруг показалось, что в руке у него не одна из изначальных сил мироздания, а вертлявый паразит, копошащийся в навозе в нечищеной овчарне.

— На самом деле ты ничто, — сказал Ранд, познавший все секреты Темного. — Сколько бы обещаний ты мне ни давал, ты никогда не оставил бы меня в покое, отец лжи. Ты поработил бы меня — так же, как поработил бы других. Тебе не дано дарить покой и забвение. Ты способен лишь причинять боль.

Темный дрожал в его руке.

— Ты мерзкое и жалкое ничтожество, — произнес Ранд.

Он умирал. Жизнь покидала его, вытекая вместе с кровью, а совокупность могучих Сил, что он удерживал, грозила выжечь его с минуты на минуту.

Ранд начал было сжимать руку, в которой бился Темный. Но перестал.

Теперь он знал все тайны. Он мог узреть все деяния Темного. И, о Свет, Ранд понял… Почти все, что показывал ему Темный, было ложью.

Но видение, созданное самим Рандом, — то, где не было Темного, — не лгало. Оно было правдой. Сделай он так, как хотел, — и в таком мире людям

жилось бы не лучше, чем под гнетом Тени.

«Каким же я был глупцом…»

Ранд вскрикнул и зашвырнул Темного в ту бездну, из которой он явился, а затем, раскинув руки в стороны, своим сознанием обнял столпы саидар и саидин, покрытые налетом Истинной Силы. Ее Ранд вбирал через Моридина, а тот стоял на коленях, вытаращив глаза, и не мог шевельнуться из-за чудовищного напора той мощи, что текла через него.

Усилием воли и мысли Ранд бросил перед собой все три Силы и переплел их воедино. Разом — и саидин, и саидар, обернув их Истинной Силой и сформировав щит, который наложил на Скважину.

Он сотворил нечто величественное — небывалый узор, сплетенный из саидар и саидин в их чистейших формах. Это был не Огонь, не Дух, не Вода, не Земля, не Воздух. То была чистота и безупречность. То был сам Свет.

Не подновление, нет, не временная заплата. Свет был выкован заново.

И с помощью этой новой формы Силы Ранд устранил разрыв, давным-давно проделанный здесь неразумными людьми.

Наконец-то он понял, что Темный не враг.

И никогда им не был.

Морейн притянула Найнив к себе, двигаясь ощупью, поскольку свет слепил глаза. Она помогла Найнив подняться на ноги, после чего обе бросились бежать. Бежать прочь от жгучего сияния позади. Вверх по туннелю, спотыкаясь о сталагмиты.

Она сама не поняла, как вырвалась на свежий воздух, и едва не выскочила за пределы тропы, после чего непременно сорвалась бы с крутого склона. Но ее удержали чьи-то руки.

— Поймал! — объявил Том, когда совершенно опустошенная Морейн рухнула в его объятия. Найнив, тяжело дыша, повалилась на землю.

Том встал так, чтобы Морейн не видела туннеля, но она отказывалась отвести взгляд. Она смотрела широко раскрытыми глазами, хотя понимала, что такой яркий свет губителен для зрения, — и все же сумела кое-что разглядеть. Ранда и Моридина, стоящих посреди сияния. А сама колонна света, где они остались, ширилась и охватывала собой всю гору.

Чернота маячила перед Рандом, будто дыра, засасывающая в себя все сущее. Понемногу, дюйм за дюймом, она уменьшалась, пока не стала размером с булавочную головку.

А затем исчезла.

Эпилог. В поисках ответа

Ранд поскользнулся на собственной крови.

Он ничего не видел. Он что-то нес. Что-то тяжелое. Человеческое тело. Спотыкаясь, он брел по туннелю.

«Закрывается, — подумал он. — Проход закрывается». Потолок сближался с полом, будто смыкались челюсти, камни крошились друг о друга. С тяжелым вздохом Ранд выбрался наружу, и скалы захлопнулись у него за спиной, точно клацнули исполинские зубы.

Казавшееся невероятно тяжелым тело оттягивало руки. Обессилевший Ранд оступился и упал.

Видеть… Видеть он мог, но смутно. Кто-то опустился рядом с ним на колени.

— Да, — прошептал незнакомый женский голос. — Да, это хорошо. Именно это ты и должен был сделать.

Он поморгал, но в глазах все расплывалось. Что это, айильская одежда? Старая женщина с седыми волосами? Фигура отступила, и Ранд потянулся к ней, не желая оставаться в одиночестве. Желая объясниться.

— Я искал ответ, и теперь нашел его, — хрипло прошептал он. — Я задал Элфин неправильный вопрос. Выбор — это наше предназначение. Если у тебя нет выбора, ты вообще не человек. Ты кукла на веревочках…

Послышались крики.

На Ранда будто навалилось что-то тяжелое, и он провалился в беспамятство.

Мэт стоял и смотрел, как вокруг него развеивается и исчезает туман. Поле было усеяно тушами тех жутких изъязвленных троллоков.

Сквозь исчезающие завитки Машадара он бросил взгляд в небеса и увидел солнце.

— Что ж, ты просто загляденье, — улыбнулся он светилу, что появилось прямо у него над головой. — Почаще бы ты показывало нам свою

симпатичную мордашку.

Затем он посмотрел на мертвеца у своих ног. Теперь, когда с костей сходила плоть, Падан Фейн напоминал груду замшелых сучьев и веточек. Чернота кинжала распространилась по источавшей зловоние гниющей коже.

Мэт чуть было не потянулся за этим кинжалом, но вместо этого плюнул на рукоять.

— В кои-то веки у меня нет желания играть в эти игры, — произнес он, отвернулся и пошел прочь.

Через три шага нашлась его шляпа. Мэт ухмыльнулся, подхватил ее и водрузил на голову, после чего закинул на плечо ашандарей и побрел дальше, насвистывая себе под нос. Он понял, что у него в голове перестали греметь игральные кости.

За спиной у Мэта кинжал с рубином в рукояти и со всем прочим растворился в неприглядных останках того, кто некогда был Паданом Фейном.

С трудом переставляя ноги, Перрин вошел в лагерь, разбитый у подножия Шайол Гул после того, как закончилось сражение. Он скинул куртку, подставил обнаженную грудь приятному ветерку. Молот он подвесил на место, на пояс. Хороший кузнец не забывает про свои инструменты и все-

гда держит их при себе, хотя иной раз кажется, что они сведут его в могилу.

Он подумал, что неплохо бы проспать сотню дней кряду. Но нет. Еще не время.

Фэйли.

«Нет». Глубоко в душе он понимал, что с Фэйли случилось нечто ужасное, и это придется как-то пережить. Но не сейчас. Пока что он задвинул это беспокойство — этот кошмар — как можно дальше.

Последние призраки волков скрывались в волчьем сне.

Прощай, Юный Бык.

Найди, что ищешь, Юный Бык.

Охота окончена, но мы поохотимся снова, Юный Бык.

Перрин тяжело шагал среди лежавших рядами раненых и айильцев, что праздновали победу над отродьями Тени. Из некоторых шатров доносились стоны, из других — торжествующие вопли. Люди разных народов сновали по расцветающей долине Такан'дар; кто-то искал раненых, а кто-то радостно гикал, встречая друзей, переживших последние и самые мрачные мгновения битвы.

— Эй, кузнец, иди к нам! — звали Перрина айильцы, но он не присоединился к их торжеству.

Он высматривал охрану: у кого-то должно было хватить ума, чтобы проявить осторожность, — вдруг какой-нибудь неприкаянный мурддраал или драгкар вздумает хоть как-то отомстить. Ну да, вот и Защитники — в центре лагеря, кольцом охраны окружили просторный шатер. Как же там Ранд?

На сей раз в голове не возник его образ, сопровождаемый разноцветной круговертью. Перрин уже не чувствовал тяги, влекущей его в том или ином направлении.

И это очень скверный знак.

Он, чувствуя какое-то онемение, протолкался через охрану и вошел в шатер. Тот и впрямь оказался громадным. Откуда он взялся здесь, на поле сражения, где все затоптано, сожжено или унесено ветром?

Пространство внутри было разделено несколькими занавесками. Пахло травами.

— Чего я только не пробовал, — прошептал голос. Это был голос Дамера Флинна. — Но повлиять на происходящее не в моих силах. Он…

Перрин приблизился к Найнив и Флинну, которые стояли у койки в одной из секций шатра. Там с закрытыми глазами лежал Ранд, вымытый и одетый во все чистое. Рядом на коленях стояла,

положив ладонь ему на лицо, Морейн, и шептала так тихо, чтобы не слышал никто, кроме него:

— Ты справился, Ранд. Ты справился.

— Жив? — спросил Перрин, вытирая ладонью пот с лица.

— Перрин! — ахнула Найнив. — Ох, Свет! Выглядишь ужасно. Присядь, увалень, а не то упадешь, а ухаживать за вами обоими… Только этого мне не хватало!

Ее глаза покраснели от слез.

— Он обречен, верно? — уточнил Перрин. — Вы унесли его оттуда живым, но он все равно умрет.

— Сядь, — велела Найнив, указывая на табурет.

— Таким командам повинуются псы, Найнив, но не волки.

Перрин опустился на колени, тронул Ранда за плечо и подумал: «Больше я не чувствую влечения и не вижу разноцветных образов. Ты уже не та'верен. И я, наверное, тоже».

— Вы уже послали за ними? — продолжил он вслух. — За Мин, Илэйн и Авиендой? Надо, чтобы они попрощались с Рандом.

— Это все, что ты можешь сказать? — сухо осведомилась Найнив.

Перрин поднял взгляд. Она обхватила себя ру-

ками с таким видом, будто боялась развалиться на части. И еще это помогало сдерживать слезы.

— Кто еще погиб? — спросил Перрин, готовый услышать самое худшее. По лицу Найнив было ясно, что Ранд — не единственная ее потеря.

— Эгвейн.

Перрин крепко зажмурился, вздохнул. Эгвейн. О Свет…

«Любой шедевр имеет свою цену, — подумал он. — И это не значит, что его не следует создавать». Но все же… Эгвейн?

— В этом нет твоей вины, Найнив, — сказал он, открывая глаза.

— Ну конечно, в этом нет моей вины, и я об этом прекрасно знаю, болван! — отвернулась Найнив.

Перрин встал, обнял ее и погладил по спине натруженной ладонью кузнеца:

— Прости.

— Я покинула Двуречье, чтобы спасти вас, — прошептала Найнив. — Ушла только затем, чтобы вас защитить.

— Верно, Найнив. И благодаря твоим стараниям Ранд сумел исполнить свой долг.

Она задрожала, и Перрин дал ей выплакаться. О Свет! Он и сам уронил пару слезинок. Через некоторое время Найнив отпрянула и стрелой

вылетела из шатра.

— Я очень старался, — сокрушенно произнес Флинн, глядя на Ранда. — И Найнив тоже. Мы приложили все усилия, а Морейн Седай одолжила нам свой ангриал. Ничего не вышло. Никто не знает, как его спасти.

— Вы сделали все, что могли. — Перрин заглянул за соседнюю занавеску. Там на соломенном тюфяке лежал еще один мужчина. — Он-то как здесь оказался?

— Мы нашли их вместе, — ответил Флинн. — Должно быть, Ранд вынес его из пещеры. Трудно сказать, зачем лорду Дракону понадобилось спасать Отрекшегося, но это не имеет значения. Его мы тоже не в состоянии Исцелить. Так что они умирают. Оба.

— Пошлите за Мин, Илэйн и Авиендой, — снова сказал Перрин, а после паузы спросил: — Они ведь живы?

— Айильской девушке крепко досталось, — ответил Флинн. — Она кое-как добралась до лагеря с помощью страхолюдной Айз Седай, которая открыла для нее переходные врата. Она выживет, хотя не знаю, сможет ли она в будущем нормально ходить.

— Известите их. Всех трех.

Флинн кивнул, и Перрин вышел из шатра вслед за Найнив. Там он увидел то, что надеялся увидеть. И понял, почему она так стремительно выскочила наружу. Неподалеку от шатра Найнив обрела утешение в крепких объятиях Лана. Судя по лицу и пятнам крови на одежде, тот устал не меньше Перрина. Их взгляды пересеклись, и они кивнули друг другу.

— Ищущие Ветер создали переходные врата, ведущие на Поле Меррилор, — сообщил Лан Перрину. — Темный вновь запечатан в узилище. Проклятые земли расцветают, и здесь снова можно открывать порталы.

— Спасибо, — отозвался Перрин. — Кто-нибудь… знает, что случилось с Фэйли?

— Нет, кузнец. Последним ее видел Трубящий-в-Рог, но они расстались, когда на поле сражения Фэйли увела за собой троллоков. Мне очень жаль.

Перрин кивнул. Он уже переговорил с Мэтом и с Олвером. Наверное… Наверное, он просто гнал от себя мысли о том, что могло случиться — и, скорее всего, случилось.

«Не думай об этом, — сказал он себе. — Даже не смей».

Взяв себя в руки, Перрин отправился искать

упомянутые Ланом переходные врата.

— Прошу прощения, вы не подскажете, где найти Мэтрима Коутона? — спросил Лойал у Дев, сидевших возле шатра.

– *Оосквай* будешь? — Одна из них со смехом подняла бурдюк.

— Нет-нет, — отказался Лойал. — Видите ли, мне нужно найти Мэтрима Коутона и расспросить его о битве. Пока свежи воспоминания. Надо, чтобы все мне поведали об увиденном и услышанном, а я запишу их рассказы. Сейчас для этого — самое лучшее время.

И еще, признал Лойал, ему хотелось увидеть Мэта и Перрина. Убедиться, что они в порядке. Столько событий, столько всего случилось… Надо поговорить с друзьями и узнать, все ли у них хорошо. Ведь если вспомнить, что происходит с Рандом…

Айилка ответила ему нетрезвой улыбкой. Лойал вздохнул и отправился бродить по лагерю. День клонился к вечеру. День Последней битвы. Началась Четвертая эпоха, верно? Но может ли такое быть, чтобы эпоха началась посреди дня? Это же неудобно для календарей, но все сошлись на том, что эпоха уже началась, поскольку Ранд запечатал Скважину ровно в полдень.

Лагерь, где слонялся Лойал, по-прежнему стоял у подножия Шайол Гул. Найнив опасалась переносить Ранда в другое место. Продолжая поиски, Лойал заглядывал в палатки. В одной из них обнаружился седой генерал Итуралде в окружении четырех Айз Седай.

— Послушайте, — говорил Итуралде, — всю жизнь я служил королям Арад Домана. Я давал клятвы.

— Алсалам мертв, — заметила Саэрин Седай, опиравшаяся на спинку стула. — Кто-то же должен занять опустевший трон.

— Теперь, когда у Салдэйи появились связи с Андором, началась путаница с престолонаследием, — добавила Элсвелл Седай. — В такой ситуации недопустимо, чтобы Арад Доман оставался без короля. Вы должны занять трон, Родел Итуралде, и чем быстрее, тем лучше.

— Но Купеческий совет…

— Все они погибли или пропали, — перебила его третья Айз Седай.

— А как же клятвы?

— Что приказал бы вам король? — спросила Юкири Седай. — Допустить, чтобы королевство распалось на части? Мужайтесь, Родел Итуралде. Сейчас не время оставлять Арад Доман без

руководства.

Тут Лойал решил, что хватит подглядывать, и отошел в сторонку, качая головой. Жаль, конечно, этого полководца. Четыре Айз Седай… Итуралде коронуют еще до наступления темноты.

Он снова заглянул в шатер Исцеления — узнать, не видел ли кто Мэта. Ведь он был здесь, на этом поле сражения. Говорили, что он жив-здоров — более того, бодр и весел, но… В общем, Лойалу хотелось увидеть его своими глазами. Хотелось поговорить с ним.

В шатре ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть потолок. Для людей палатка была просторная, но для огиров маловата.

Он проведал Ранда. Его друг выглядел хуже прежнего. У стены стоял Лан. Хадори он сменил на корону — простой серебряный обруч. Ничего странного. Но, увидев такой же венец на челе Найнив, Лойал изрядно удивился.

— Это несправедливо, — прошептала Найнив. — Почему он умирает, а тот, второй, идет на поправку?

У нее был озабоченный вид и покрасневшие глаза, но раньше Найнив коршуном набрасывалась на всех, кто заикался о пролитых ею слезах, и поэтому Лойал промолчал. Зачастую людям

хотелось, чтобы он помалкивал. Что странно для существ, ведущих настолько торопливую жизнь.

Найнив взглянула на него, и он поклонился.

— Как твои поиски, Лойал? — спросила она.

— Похвастаться нечем, — поморщился огир. — Мэта нигде нет, а Перрин меня игнорирует.

— Твоя книга может подождать день-другой, Строитель, — заметил Лан.

Лойал не стал спорить. В конце концов, Лан теперь король, но… Нет, подождать книга не могла. Записи надо делать по горячим следам, чтобы рассказ вышел предельно точным.

— Просто ужас, — сказал Флинн, не отводивший глаз от Ранда. — Но странное дело, Найнив Седай. Такое чувство, что тем троим все равно. Они нисколько не волнуются. Разве так можно?..

Затем Лойал навестил сидевшую в соседней палатке Авиенду, над чьими окровавленными и переломанными ногами трудились какие-то женщины. Авиенда — теперь она недосчитывалась нескольких пальцев на ногах — кивнула огиру; по всей видимости, Исцеление помогло справиться с болью, хотя вид у девушки был по-прежнему измученный.

— Мэт? — с надеждой спросил Лойал.

— Я не видела его, Лойал, сын Арента, сына

Халана, — ответила Авиенда. — По крайней мере, за то недолгое время, что миновало с твоего прошлого визита.

Лойал покраснел и покинул палатку. Неподалеку от нее обнаружились Илэйн и Мин. Он непременно выслушает их рассказы — он уже задал им несколько вопросов, — но три та'верена… Разве они не важнее всех остальных?! Почему люди постоянно снуют туда-сюда, не желая спокойно посидеть на месте? Разве им не надо все обдумать? Ведь сегодня такой важный день!

Хотя… Странное зрелище. Илэйн и Мин. Разве не должны они быть рядом с Рандом? Илэйн, похоже, принимала донесения о числе погибших и снабжении беженцев, а Мин сидела, устремив отсутствующий взгляд на Шайол Гул. Никто из них не держал Ранда за руку, в то время как тот расставался с жизнью.

«Быть может, — подумал Лойал, — Мэт ускользнул от меня и отправился на Поле Меррилор?» Что ж им, этим людям, на месте не сидится? Вечно куда-то спешат…

Неспешной походкой Мэтрим Коутон вошел в шончанский лагерь на южной окраине Поля Меррилор, разбитый подальше от груд мертвых тел.

Завидев его, мужчины и женщины охали, аха-

ли, хватались за сердце, а в ответ он вежливо касался полей шляпы.

— Принц воронов! — разлеталась по лагерю весть, передаваемая приглушенными голосами, из уст в уста, как передают из рук в руки зябким вечером последнюю бутылку бренди.

Мэт направился прямиком к Туон, в центр лагеря. Та, стоя у большого стола с картами, беседовала с Селусией. Рядом застыл Карид. Наверное, ему было совестно, что он не погиб в бою.

Туон посмотрела на Мэта и хмуро осведомилась:

— Где тебя носило?

Мэт поднял руку и указал вверх. Туон подняла взгляд и насупилась пуще прежнего, не увидев в небесах ничего интересного. Мэт крутанулся на месте, стараясь поднять руку к небу еще выше.

Над лагерем начали распускаться ночные цветки.

Мэт расплылся в улыбке. Да, Алудру пришлось уговаривать, но совсем чуть-чуть. Она обожала взрывать всякие штуки.

Смеркаться только-только начало, но зрелище оказалось великолепным. Половину драконiров Алудра обучила тонкостям работы со своими порошками и созданию фейерверков. По-видимому,

в последнее время она стала не такой скрытной, как раньше.

— Фейерверк? — скептически произнесла Туон, когда до них донеслись звуки разрывов.

— Не просто фейерверк, а лучший растреклятый фейерверк за всю историю наших с тобою стран! — заявил Мэт.

Туон вконец помрачнела. В ее темных глазах отражались ночные цветки.

— Я беременна, — сообщила она. — Провидица это подтвердила.

Мэта тряхнуло так, будто ночной цветок распустился у него в желудке. Наследник? Сын, не иначе! Каковы шансы, что это будет мальчик? Мэт заставил себя ухмыльнуться:

— Что ж, теперь, когда у тебя есть наследник, полагаю, я волен делать, что хочу?

— Наследник у меня есть, — подтвердила Туон, — но это я теперь вольна делать, что хочу. Так что я запросто могу казнить тебя. Если пожелаю.

— Посмотрим, что тут можно придумать, — сказал Мэт, чувствуя, как ухмылка расползается от уха до уха. — Как насчет того, чтобы сыграть в кости? Умеешь?

Какое-то время Перрин сидел среди мертвецов и наконец разрыдался.

Горожанки и гай'шайн в белых одеждах осматривали павших, но Фэйли нигде не было. Вообще нигде.

«Надо остановиться. Я больше не могу». Когда он спал в последний раз? Той ночью, в Майене. Но тело настаивало, что этого ничтожно мало. Перед тем отдыхом Перрин провел в волчьем сне время, соответствующее нескольким неделям в реальном мире.

Лорд и леди Башир погибли. Будь Фэйли жива, она стала бы королевой. Перрина затрясло. Он не мог заставить себя двинуться с места. После битвы на этом поле остались сотни тысяч мертвецов. На тех, кто не подавал признаков жизни, не обращали внимания. Просто ставили на теле соответствующую метку и шли дальше. Перрин просил, чтобы те, кто тут трудился, высматривали Фэйли, но в первую очередь эти люди должны были искать выживших.

В темнеющем небе шумно распустился фейерверк. Перрин спрятал лицо в ладонях, а затем почувствовал, что заваливается на бок, и потерял сознание в окружении мертвых тел.

Глядя на небо, Могидин поморщилась. Каждый разрыв фейерверка напоминал ей о смертоносном огне, искалеченных телах шарцев. О той

вспышке света, том приступе паники.

А затем… Затем темнота. Спустя какое-то время она очнулась. Должно быть, среди множества трупов шарцев ее приняли за мертвую. Придя в себя, Могидин обнаружила, что по всему полю бродят какие-то идиоты, поздравляя друг друга с победой.

«С победой? — подумала она. С громким треском вспыхнул очередной ночной цветок, и Могидин опять поморщилась. — Великий повелитель повержен». Теперь все потеряно.

Нет. Нет. Стараясь не вызвать подозрений, она твердым шагом пошла вперед. Чуть раньше она придушила какую-то женщину, после чего приняла ее облик, направив чуточку Силы и инвертировав плетение. Это должно помочь ей сбежать отсюда. Она пробиралась среди мертвых тел, не обращая внимания на вездесущий смрад.

Все потеряно? Ну уж нет. Она-то жива. И она — Избранная! А это значит… это значит, что теперь она императрица, а все вокруг — ее подданные. Разве нет? Великий повелитель снова заключен в узилище, и он не сможет ее наказать. И почти все — если не все — другие Избранные, наверное, погибли или попали в плен. Если так, на свете нет человека, способного тягаться с нею в знаниях.

Поэтому нельзя исключать, что все будет хорошо и поражение обернется победой. Могидин остановилась у перевернутой подводы с припасами и ощупала кор'совру. К счастью, та уцелела. С широкой улыбкой Могидин сплела миниатюрный огонек, чтобы осветить себе дорогу.

Да… Только гляньте на это чистое небо, уже не затянутое грозовыми тучами. Она сможет обернуть это в свою пользу. Почему бы и нет… Может, через несколько лет Могидин будет править миром!

На шее у нее защелкнулось что-то холодное.

Могидин в ужасе схватилась за горло.

— Нет! Только не снова! — крикнула она, чувствуя, как распускается маскировочное плетение, и Единая Сила покидает ее.

— Нам нельзя забирать тех, кто называет себя Айз Седай, — самодовольно произнесла сул'дам, стоявшая у нее за спиной. — Но ты… У тебя на пальце я не вижу их кольца, и ты шныряешь здесь как преступница. Вряд ли тебя кто-то хватится.

— Освободи меня! — закричала Могидин, царапая ай'дам. — Освободи меня, ты…

Боль швырнула ее, корчащуюся, на землю.

— Меня зовут Шанан, — представилась сул'дам. Рядом с ней появилась еще одна женщина с

дамани на поводе. — Но ты можешь называть меня «госпожа». Думаю, нам следует поскорее вернуться в Эбу Дар.

Ее спутница кивнула, и дамани открыла переходные врата.

Втроем они справились, хотя Могидин пришлось волочь волоком.

Когда солнце почти уплыло за горизонт, Найнив покинула отведенный для Исцеления шатер близ горы Шайол Гул.

— Умер, — прошептала она, обращаясь к небольшой толпе, что собралась снаружи.

Вымолвить это слово было все равно что уронить кирпич себе на ногу. Найнив не заплакала. Она давно уже выплакала все слезы. Но это не значило, что ей не больно.

Из шатра вышел Лан и положил руку ей на плечо. Она накрыла его ладонь своей. Стоявшие неподалеку Илэйн и Мин переглянулись.

Грегорин прошептал что-то Дарлину — его, полумертвого, обнаружили под остатками палатки. Оба, глядя на женщин, помрачнели. Краем уха Найнив услышала слова Грегорина:

— …Ожидаемо, что айильская дикарка окажется бессердечной. Допустим, королева Андора тоже, но эта, третья? Только гляньте на нее! Ни

слезинки!

— Они в шоке, — ответил Дарлин.

«Нет, — подумала Найнив, окинув Илэйн и Мин внимательным взглядом. — Эти трое знают то, чего не знаю я. Придется как следует их расспросить».

— Извини, — сказала она и отошла от Лана.

Тот последовал за ней.

Найнив заломила бровь.

— Следующие несколько недель, Найнив, даже не надейся избавиться от меня, — произнес Лан, и узы наполнились его любовью, — как бы тебе того ни хотелось.

— Вот же бычок упрямый! — проворчала она. — Насколько помню, именно ты настаивал на том, чтобы в одиночку отправиться навстречу своей предполагаемой судьбе.

— Насчет этого ты права, — ответил Лан. — Ты часто бываешь права.

Он произнес эти слова с таким спокойствием, что сердиться было невозможно.

К тому же сейчас Найнив сердилась на женщин. Для начала она решила подойти к Авиенде. Лан последовал за ней.

— …Теперь, когда Руарк мертв, — говорила Авиенда Сорилее и Бэйр, — думаю, видение должно

измениться. По-моему, оно уже изменилось.

— Я видела то же, что и ты, Авиенда, — сказала Бэйр. — Или нечто подобное, но другими глазами. Думаю, это предупреждение. О том, чего нельзя допустить.

Все трое покивали, потом покосились на Найнив и сделали непроницаемые лица — ни дать ни взять Айз Седай. Авиенда вела себя не лучше остальных. Совершенно спокойная, она сидела на специально принесенном стуле. Найнив бросила взгляд на ее перебинтованные ноги. Когда-нибудь она снова сможет ходить… но сражаться? Исключено.

— Найнив ал'Мира, — приветствовала ее Авиенда.

— Ты слышала мои слова? О том, что Ранд умер? — осведомилась Найнив. — Он покинул нас, не сказав ни слова.

— Раненый пробудился от сна, — ровно ответила Авиенда, — как пристало любому из нас. Его смертью разрешился великий подвиг, и мы отпразднуем ее славным празднеством.

— Ну хорошо… — зло прошипела Найнив, шагнула вперед и склонилась к девушке, обнимая Источник. — Выкладывай! Думаешь, почему я подошла именно к тебе? Да потому, что ты не

сумеешь сбежать!

На лице Авиенды промелькнуло нечто похожее на испуг. Миг — и снова абсолютное спокойствие.

— Пора готовить погребальный костер, — сказала она.

* * *

Перрин бежал по волчьему сну. Один.

Другие волки соболезновали ему скорбным воем. Когда он скрывался из вида, они возвращались к торжеству, но от этого их сочувствие не становилось менее реальным.

Перрин не выл. Не кричал. Превратившись в Юного Быка, он просто бежал вперед.

Ему не хотелось здесь находиться. Он хотел уснуть, уснуть по-настоящему. Так, чтобы не чувствовать боли, — ведь здесь, в Мире снов, боль никуда не делась.

«Зря я оставил ее. Не надо было».

Человеческая мысль. В волчьей голове ей не место.

«Но что я мог сделать? Я же обещал, что не буду обращаться с ней как со стеклянной».

Беги. Беги быстрее! Беги, пока не упадешь от усталости.

«Мне надо было к Ранду. Я обязался защитить его. Но, спасая его, я подвел Фэйли!»

Стрелой в Двуречье и назад, вдоль реки. В Запустение и обратно. Долгая пробежка в сторону Фалме.

«Как мог я предполагать, что удержу обоих, а потом одного потерять?»

В Тир. Потом в Двуречье. Неясные очертания рычащего волка. Бегущего изо всех сил. Быстрее. Вот. Здесь он взял ее в жены.

Здесь он взвыл.

Кэймлин, Кайриэн, Колодцы Дюмай.

Здесь он спас Ранда.

Кайриэн, Гэалдан, Малден.

Здесь он спас Фэйли.

Две силы в его жизни, и каждая тянула его к себе. В конце концов Юный Бык выдохся и упал среди холмов где-то в Андоре. Знакомое место.

«В этом месте я встретил Илайаса».

Он снова стал Перрином — человеком, а не волком, с человеческими мыслями и тревогами. Он смотрел в небо, где, благодаря самопожертвованию Ранда, уже не было туч. Раньше он хотел быть рядом с другом, когда тот умрет.

Теперь же он будет с Фэйли — там, где она погибла.

Ему хотелось кричать, но в этом не было смысла.

— Надо просто… пережить боль утраты? — прошептал он, обращаясь к небу. — О Свет… Не хочу. Я научился. Еще в Малдене научился не повторять ошибок. И не повторил! На этот раз я сделал то, что должен был сделать.

С неба, откуда-то рядом, донесся птичий крик. Взвыли волки. Началась охота.

— Я научился…

Птичий крик.

Похоже на сокола.

Перрин вскочил на ноги и обернулся. «Вон там». Он мгновенно исчез и появился в чистом поле, которого не узнал. Нет, он знал это поле! Да, знал! Поле Меррилор, только без крови, без втоптанной в грязь травы, без рытвин и ям, оставленных драконьими яйцами и плетениями Единой Силы.

Здесь он нашел крошечного сокола — размером с ладонь. Тот слабо вскрикивал, пытаясь высвободить из-под камня сломанную лапку. Птичье сердце еле билось.

Перрин взревел, просыпаясь и вырываясь из волчьего сна. Теперь он стоял в поле среди трупов и кричал в ночное небо, распугивая поисковые отряды.

Где? Сумеет ли он найти то самое место? Темно. Он бежал, спотыкаясь о мертвые тела и перепрыгивая через рытвины. Остановился, глянул в одну сторону, в другую… «Где же, где?!»

Аромат цветочного мыла. Едва заметный запах духов. Перрин метнулся на запах и всем телом навалился на труп громадного троллока, что возвышался до уровня его груди. Под ним обнаружился мертвый конь. Толком не понимая, что делает, и какие силы прилагает, Перрин оттащил коня в сторону.

Под ним в неглубокой ямке лежала окровавленная Фэйли. Она едва дышала. Перрин вскрикнул, упал на колени и подхватил ее, вдыхая знакомый аромат.

Ему хватило двух ударов сердца, чтобы *сдвинуться* в волчий сон, далеко на север, туда, где была Найнив, и вернуться в реальный мир. Несколькими секундами позже он смотрел, как Фэйли Исцеляют у него на руках, но и теперь не мог даже подумать о том, чтобы разжать объятия.

Фэйли, его сокол, вздрогнула и шевельнулась. Потом открыла глаза и улыбнулась ему.

Герои Рога ушли, но Бергитте задержалась до вечера. Неподалеку солдаты готовили погребаль-

ный костер для Ранда ал'Тора.

Остаться здесь навсегда Бергитте не могла, но задержаться ненадолго… Почему бы и нет? Как видно, Узор счел такую заминку приемлемой.

— Ты что-то знаешь, Илэйн? — спросила Бергитте. — О Драконе?

Илэйн пожала плечами. Смеркалось. Они стояли позади толпы, собравшейся, чтобы увидеть, как зажгут последний костер Дракона Возрожденного.

— Мне известно о твоих планах, — сказала Бергитте. — Насчет Рога Валир.

— И какие же они, мои планы?

— Ты хочешь оставить его себе, — ответила Бергитте. — Вместе с мальчиком. Как сокровище Андора и, пожалуй, как оружие для своей страны.

— Ну… допустим.

Бергитте улыбнулась:

— Значит, я была права, когда решила отослать его.

— Что-что? — повернулась к ней Илэйн, забыв о костре.

— Я велела Олверу уехать, — сказала Бергитте. — С телохранителями, которым доверяю. Сказала ему, чтобы нашел какое-нибудь укром-

ное место, о котором и сам сумеет забыть — лучше всего на дне океана, — и оставил там Рог Валир.

— Невыносимая женщина! — выдохнула Илэйн и опять устремила взгляд на костер. Потом промолвила: — Спасибо, что взяла это решение на себя.

— Так и знала, что ты меня поблагодаришь. — Вообще-то, Бергитте предполагала, что Илэйн еще нескоро осмыслит всю верность этого поступка. Но за последние недели королева Андора заметно повзрослела. — Кстати говоря, не такая уж я невыносимая, поскольку ты прекрасно терпела меня эти несколько месяцев.

— Такое чувство, что ты прощаешься, — снова повернулась к ней Илэйн.

— Так и есть, — улыбнулась Бергитте. Иногда она чувствовала приближение перемен.

— Это необходимо? — с печалью спросила Илэйн.

— Я перерождаюсь, Илэйн, — прошептала Бергитте. — Прямо сейчас. Какая-то женщина вот-вот родит, и я переселюсь в тело младенца. Этого не остановить.

— Но я не хочу тебя потерять!

— Быть может, мы встретимся снова, — усмехнулась Бергитте. — А теперь просто порадуйся

за меня, Илэйн. Ведь цикл продолжается, и мы с ним снова будем вместе. Гайдал… Старше меня всего лишь на пару лет…

— Мир и любовь, Бергитте. — Со слезами на глазах Илэйн взяла ее за руку. — Спасибо тебе.

Бергитте улыбнулась. Закрыла глаза и позволила себе уйти.

Когда вечер вступил в свои права, Тэм окинул взглядом сумеречную долину Такан'дар и Шайол Гул, что до недавних пор считались самым страшным местом на свете. В последних отблесках света было видно, что теперь здесь росли растения, цвели цветы, а среди брошенного оружия и мертвых тел пробивалась свежая трава.

«Это твой подарок нам, сынок? — мысленно спросил Тэм. — Последний твой подарок?»

От язычка пламени, что трепетал и потрескивал в ближайшем кострище, он зажег факел и зашагал вперед, мимо собравшихся в ночи. О похоронах Ранда сообщили немногим, иначе все пожелали бы прийти сюда, — и, пожалуй, все этого заслуживали. Айз Седай планировали устроить для Эгвейн пышную церемонию, но Тэм решил, что со своим сыном попрощается без лишнего шума.

Пускай Ранд наконец-то отдохнет.

Он шел мимо людей, стоявших со склоненными головами. Факелов не было ни у кого, кроме Тэма. Другие ждали во тьме. Костер окружили человек двести, не больше. На серьезных лицах дрожали оранжевые отблески.

Даже при свете факела в вечернем сумраке трудно было отличить айильцев от Айз Седай, а двуреченцев — от короля Тира. Все они были силуэтами в ночи, провожавшими Дракона Возрожденного в последний путь.

Тэм подошел к погребальному костру, где стояли, держась за руки, торжественные Том и Морейн.

Морейн протянула руку и ласково сжала плечо Тэма.

При свете факела Тэм вгляделся в лицо своего сына. Он не стал вытирать слез.

«Ты молодец, мой мальчик. Какой же ты молодец…»

Благоговейной рукой он зажег погребальный костер.

Стоя в переднем ряду, Мин смотрела, как Тэм, понурив плечи, склоняет голову перед пламенем и наконец уходит к другим двуреченцам. Абелл Коутон обнял старого друга и стал что-то шептать ему на ухо.

Все головы, будто ночные тени, повернулись к Мин, Илэйн и Авиенде. От них чего-то ждали. Наверное, какого-то зрелища.

Все трое торжественно вышли вперед. Авиенда передвигалась с помощью двух Дев, но могла стоять, опираясь на плечо Илэйн. Девы отступили, оставив трех женщин перед костром — смотреть, как огонь пожирает тело Ранда.

— Это я уже видела, — сказала Мин. — И с тех самых пор, как познакомилась с ним, знала, что наступит этот день. Что мы будем стоять здесь втроем. Илэйн кивнула и спросила:

— И что теперь?

— Теперь… — задумалась Авиенда. — Теперь сделаем так, чтобы все по-настоящему поверили, что его больше нет.

Мин кивнула, чувствуя пульсацию уз в глубине своего сознания, и с каждым мгновением это ощущение становилось все сильнее.

Ранд ал'Тор — обычный парень по имени Ранд ал'Тор — очнулся в темном шатре. Он был один. Кто-то оставил у койки горящую свечу.

Он сделал глубокий вдох и потянулся, чувствуя себя так, будто хорошенько выспался. Ни боли, ни онемения… Все тело как новенькое.

Ощупав бок, он не обнаружил ран. Вообще

никаких. Впервые за долгое время он совсем не чувствовал никакой боли. И не знал, как это понимать.

Затем он опустил взгляд, увидел, что трогает бок левой рукой, поднял ее перед собой и рассмеялся. «Зеркало, — пришла ему в голову мысль. — Неплохо бы поглядеться в зеркало».

Оно обнаружилось за занавеской, в соседнем закутке. Да, Ранда и впрямь оставили в одиночестве. Он поднял свечу, заглянул в маленькое зеркальце и увидел там Моридина.

Ранд потрогал его лицо, тщательно ощупал. В правом глазу висела крупинка саа, черная, формой напоминавшая драконий клык. Она не двигалась.

Ранд тихо вернулся туда, где пришел в себя. На аккуратно сложенных вещах лежал меч Ламана. Одежда была самая разнообразная. По всей видимости, Аливия не знала, что ему захочется надеть. Разумеется, именно она оставила здесь все эти вещи — вместе с кошелем, набитым монетами чуть ли не всех государств. Она не особо интересовалась одеждой или деньгами, но знала, что Ранду пригодится и то и другое.

«Она поможет тебе умереть». Покачав головой, Ранд оделся, забрал деньги и меч, а затем

выскользнул из шатра. Снаружи он увидел хорошего коня — неподалеку стоял привязанным крапчатый мерин. Тоже пригодится. Из Дракона Возрожденного — в конокрады, усмехнулся Ранд. Что ж, придется ехать без седла.

Он медлил, оглядываясь вокруг. Это была гора Шайол Гул, но совсем не та, какая ему запомнилась. Цветущий Шайол Гул, полный жизни.

Где-то рядом, в темноте, пели люди. Это была погребальная песнь порубежников. Ранд подвел скакуна чуть ближе и выглянул в просвет между палатками — там стояли три женщины и пылал погребальный костер.

«Моридин, — подумал он. — Его кремируют со всеми почестями, как Дракона Возрожденного».

Ранд попятился, затем вскочил на крапчатого мерина и только тут заметил еще одну фигуру, которая стояла поодаль от костра. Одинокую женщину, что смотрела на него, когда все другие отвернулись.

Кадсуане. Она окинула его взглядом. В ее глазах отражалось пламя погребального костра. Ранд кивнул, подождал секунду, а затем развернул мерина и был таков.

Кадсуане смотрела ему вслед.

«Любопытно…» — подумала она. Увидев эти

глаза, она утвердилась в своих подозрениях. Что ж, полезное знание, наверняка пригодится. Значит, продолжать смотреть на эти фальшивые похороны нет нужды.

Поэтому она направилась вглубь лагеря — и несколькими шагами позже угодила в засаду.

— Саэрин, — промолвила Кадсуане, когда ее окружили женщины. — Юкири, Лирелле, Рубинде. В чем дело?

— Нам требуются указания, — ответила Рубинде.

— Указания? — фыркнула Кадсуане. — Обращайтесь к новой Амерлин, когда найдете на это место какую-нибудь бедняжку.

Женщины продолжали идти рядом с ней.

И тут Кадсуане замерла. Ее словно ударили — наконец-то до нее дошло, что к чему.

— О нет, кровь и пепел, нет! Нет и еще раз нет! — Она резко развернулась к четырем Айз Седай.

Женщины ответили улыбками, и эти улыбки вполне сошли бы за хищный оскал.

— Ты так хорошо растолковывала Дракону Возрожденному понятие долга и ответственности… — начала Юкири.

— И постоянно говоришь, что женщины этой

эпохи нуждаются в надлежащем обучении… — добавила Саэрин.

— А эпоха-то новая, — заключила Лирелле. — Предстоит масса непростых дел, и нам не обойтись без руководства сильной Амерлин.

Кадсуане со стоном закрыла глаза.

Отъехав на приличное расстояние, Ранд с облегчением выдохнул. Кадсуане не подняла тревогу, хотя еще долго смотрела ему вслед. Глянув за спину, Ранд увидел, что она наконец-то уходит в сопровождении каких-то Айз Седай.

Это его встревожило. Пожалуй, Кадсуане заподозрила то, что он предпочел бы держать в тайне. Но это лучше, чем если бы она кликнула часовых.

Ранд вздохнул, порылся в кармане и нашел курительную трубку. «Спасибо тебе, Аливия, за это», — подумал он. В другом кармане обнаружился кисет с табаком. Ранд набил трубку и машинально потянулся к Истинному Источнику за огоньком.

Но ничего не почувствовал. Никакой саидин в пустоте… Вообще ничего. Он окаменел, затем улыбнулся и ощутил неописуемое облегчение. Способность направлять Силу исчезла. На всякий случай он осторожно потянулся к Истинной Силе,

и тоже безрезультатно.

Взбираясь на пологий склон Такан'дара, теперь покрытый зеленью, Ранд задумчиво смотрел на трубку. Что, теперь и не закурить? В темноте он вертел трубку в руках, потом *подумал*, что она горит. Так и случилось.

Ранд с улыбкой повернул на юг. Бросил взгляд за плечо. Все три женщины, отвернувшись от костра, смотрели прямо на него. Ранд отчетливо видел их в свете пламени, хотя все остальное пряталось в сумраке.

«Интересно, которая из них последует за мной, — подумал он и улыбнулся шире прежнего. — Не слишком ли ты зазнался, Ранд ал'Тор? С чего ты взял, что нужен одной из них — или всем троим?»

Быть может, никому из них ты уже не интересен. Или интересен каждой, но в свое время. Сам того не ожидая, он усмехнулся.

Кого же выбрать? Мин? Нет, разве можно бросить Авиенду? А как же Илэйн? Ну уж нет! Он расхохотался в голос. Выбирать бесполезно. Все эти женщины любили его, и он не знал, кого предпочел бы взять с собой. Любую. Всех троих. «О Свет, парень, ты безнадежен. Безнадежно влюблен во всех троих, и никуда от этого не де-

нешься».

Не сворачивая, он пустил мерина легким галопом. Теперь у него имелся туго набитый кошель, отменный конь и добрый меч. Меч Ламана. Ранд предпочел бы меч попроще. Этот, породистый, меченный клеймом цапли и с первоклассным клинком, мог привлечь ненужное внимание.

Поняла ли Аливия, сколько монет ему отсыпала? Она совсем не разбирается в деньгах. Наверное, стащила их у кого-то, так что Ранд теперь не только конокрад, но еще и вор. Велел Аливии найти немного золота, и она выполнила его поручение. С таким капиталом в Двуречье можно купить целую ферму.

На юг. Восток и запад — тоже неплохо, но Ранду хотелось куда-нибудь подальше отсюда, раз и навсегда. Сперва на юг, а потом, наверное, на запад вдоль побережья. Может, удастся найти корабль? Ведь он, считай, почти не видел мира. Да, побывал в нескольких битвах и поучаствовал в масштабной Игре Домов, причем не по своей воле. Да, было немало такого, к чему ему не хотелось иметь никакого отношения. Он хорошо знал ферму своего отца. И еще дворцы. Ему довелось повидать множество дворцов.

Но так и не хватило времени по-настоящему

взглянуть на мир вокруг. «Это будет в новинку», — подумал он. Путешествовать, не опасаясь погони. Или того, что тебя посадят на трон и заставят править — или тут, или там. Путешествовать так, чтобы переночевать у кого-нибудь в сарае с сеном, а взамен наколоть дров. Думая об этом, он снова расхохотался и поехал дальше на юг, попыхивая невесть как раскуренной трубкой. И вокруг него — вокруг человека, которого называли лордом, Драконом Возрожденным, королем, убийцей, возлюбленным и другом, — поднялся ветер.

Вольный, он высоко взлетел в безоблачное небо и помчался над истерзанной землей, усеянной телами, что еще не успели захоронить, и над живыми людьми, празднующими победу. По пути он щекотал ветви деревьев, где наконец-то стали набухать почки.

На юг дул ветер, и через лесные чащобы, над сверкающими под луной равнинами летел он к неизведанным землям. Этот ветер, он не был концом. Нет конца — и никогда не будет конца — оборотам Колеса Времени.

Но все-таки это был конец.

И явилось это в те дни, как являлось раньше и как будет являться не раз, – Тьма тяжко легла на землю и омрачила сердца людей, и увяли листья, и пожухли травы, и умерла надежда. И возопили люди к Создателю, говоря: о Свет Небес, Свет Мира, пусть гора родит Обещанного, о котором говорят пророчества, как то было в эпохах прошедших и как то будет в эпохах грядущих. Пусть Принц утра споет земле о зеленеющей траве и о долинах, полнящихся агнцами. Пусть длань Повелителя рассвета укроет нас от Тьмы и великий меч справедливости защитит нас. Пусть вновь несется Дракон на ветрах времени.

Из «Харал Дрианаан тэ Каламон, Цикл Дракона». Неизвестный автор, Четвертая эпоха

Подобно ветру, явился он, подобно ветру, коснулся всего и, подобно ветру, исчез.

Из книги «Дракон Возрожденный». Лойал, сын Арента, сына Халана. Четвертая эпоха

Конец книги четырнадцатой, цикла «Колесо Времени»

Глоссарий

Замечание к датам в глоссарии. Томовский календарь (разработанный Томой дур Ахмид) был принят примерно два столетия спустя после смерти последнего мужчины Айз Седай, и в нем отсчитывались годы после Разлома Мира (Р. М.). Многие, очень многие записи погибли во время Троллоковых войн, и поэтому точная датировка окончания войн по старой системе летосчисления стала предметом споров. Тиам Газарский предложил новый календарь, за точку отсчета приняв год освобождения от угрозы троллоков — год Свободы (Г. С.). Газаранский календарь был

признан повсеместно в течение двадцати лет после окончания Троллоковых войн. Артур Ястребиное Крыло предпринял попытку ввести новый календарь, опирающийся на год основания его империи (О. О. — от Основания), но теперь этот календарь известен лишь историкам, которые на него ссылаются. После всеобщего разорения, смертей и раскола в период Столетней войны Урен дин Джубай Парящая Чайка, ученый из Морского народа, разработал третий календарь, обнародованный панархом Фаридэ Тарабонским. Фаридовский календарь, ведущий отсчет времени от произвольно установленной даты окончания Столетней войны и отмечающий годы Новой эры (Н. Э.), используется и по сей день.

Авендесора. На древнем языке — «Древо жизни». Находится в Руидине.

Авендоралдера. Дерево, выращенное в городе Кайриэне из ростка Авендесоры. Этот росток был преподнесен айильцами в дар Кайриэну в 566 г. Н. Э., хотя ни в одной из летописей не указывается на возможную связь между Айил и Авендесорой.

Ай'дам. Приспособление, предназначенное для контролирования женщины, способной направлять Силу. Воспользоваться им может любая женщина, обладающая подобным даром, а так-

же та, которую возможно обучить направлять. На женщину, лишенную такого дара, ай'дам не действует. Он создает связующее двух женщин соединение. Шончанская разновидность данного приспособления состоит из ошейника и соединенного с ним поводком браслета, все — из серебристого металла. *См. также* соединение; Шончан.

Айз Седай. Владеющие Единой Силой. После Разлома Мира все они — женщины. К Айз Седай многие относятся с уважением, их почитают, однако им не доверяют, их боятся, даже ненавидят. Очень многие винят их за Разлом Мира, и считается, будто они вмешиваются в отношения между государствами. В то же время немногие правители обходятся без советниц Айз Седай, даже там, где подобную связь вынуждены держать в тайне. По-видимому, через несколько лет использования Единой Силы Айз Седай перестают стареть, поэтому возраст Айз Седай, которая по годам может быть бабушкой, внешне не проявляется, за исключением, возможно, нескольких седых прядей. *См. также* Престол Амерлин.

Айил. Народ Айильской пустыни, суровый и выносливый, также прозываемый айильцами. Прежде чем убить, они закрывают лица вуалями.

Смертельно опасные бойцы — с любым оружием и без него, даже с голыми руками, — они никогда не прикасаются к мечу, даже когда им грозит гибель, а верхом ездят только в самом крайнем случае. Во время сражения волынщики Айил играют плясовую мелодию, а битва у Айил зовется «танцем» или «танцем с копьями». Айил разделены на двенадцать кланов: Чарин, Кодарра, Дэрайн, Гошиен, Миагома, Накай, Рийн, Шаарад, Шайдо, Шианде, Таардад и Томанелле. Каждый клан подразделяется на септы. Иногда говорят о тринадцатом клане, Клане-Которого-Нет, Дженн Айил — это те, кто построил Руидин. Известно, что Айил, по-видимому, некогда подвели Айз Седай и за это прегрешение были изгнаны в Айильскую пустыню, и если они вновь не оправдают ожиданий Айз Седай, те их уничтожат. *См. также* айильские общества воинов; Айильская пустыня; гай'шайн; Руидин.

Айильская пустыня. Бесплодная, сильно пересеченная и почти безводная местность к востоку от Хребта Мира. Айильцы называют ее Трехкратной землей. Немногие чужестранцы заходят туда: Айил считают себя в состоянии войны со всеми прочими народами и чужаков не привечают. Только торговцы, менестрели и Туата'ан могут

без опаски заходить туда, но последних айильцы всячески избегают, называя их «потерянными». Насколько известно, никаких карт Пустыни не существует.

Айильские общества воинов. Все воины Айил являются членами одного из воинских объединений, таких как Каменные Псы, Красные Щиты, Девы Копья и другие. У каждого общества свои обычаи, а порой и особенные обязанности. Например, Красные Щиты ведут себя как своеобразная полиция. Каменные Псы часто при отступлении действуют в арьергарде или прикрывают отход с тыла, а Девы часто являются разведчиками. Айильские кланы нередко воюют между собой, но члены одного общества не станут сражаться друг с другом, даже если их кланы и объявили войну. Таким образом, между кланами, даже и находящимися в состоянии войны между собой, всегда существуют связующие нити. *См. также* Айил; Айильская пустыня; Фар Дарайз Май.

Аланна Мосвани. Айз Седай из Зеленой Айя.

Алгай'д'сисвай. На древнем языке означает «воины копья», «сражающиеся копьем». Так называют тех айильцев, которые не расстаются с копьем и принимают участие в сражениях, в противоположность тем, кто занимается ремеслами.

Алтара. Государство у Моря штормов, хотя эту страну, кроме названия, мало что объединяет. Люди, населяющие Алтару, считают себя прежде всего жителями того или иного города или деревни, или подданными этого лорда или той леди, и только потом алтарцами. Очень немногие знатные господа платят налоги короне, а если и признают над собой власть, то лишь на словах и относятся к ней с пренебрежением. Правитель Алтары (в настоящее время — король Беслан из Дома Митсобар) обычно представляет могущественнейший в стране род, и не более того, а порой — и не из самых влиятельных. После вторжения шончан страна оказалась под их властью. Знамя Алтары — два золотых леопарда на поле, разделенном на четыре части, где красный и голубой цвета расположены в шахматном порядке. Герб Дома Митсобар — зеленые перекрещенные якорь и меч.

Ангриал. Очень редкий предмет, который позволяет любому, способному направить действие Единой Силы, справиться с бóльшим количеством Силы, чем то, с которым он мог бы совладать без посторонней помощи и без риска для собственной жизни. Некоторые были созданы для использования только женщинами,

другие — только мужчинами. Слухи об ангриалах, которыми могут пользоваться и мужчины, и женщины, не имели подтверждения. Способ изготовления подобных предметов давно утерян, и известно, что уцелели ныне не многие. *См. также* са'ангриал; тер'ангриал.

Андор. Богатая страна, которая раскинулась от Гор тумана до реки Эринин — по крайней мере, если судить по карте, хотя вот уже несколько поколений власть королевы не простирается к западу далее реки Манетерендрелле.

Арад Доман. Государство на побережье океана Арит. В настоящее время охвачено гражданской войной, одновременно ведется война и с теми, кто провозгласил себя сторонниками Дракона Возрожденного. Столицей является город Бандар Эбан, куда в поисках убежища перебрались многие жители страны. Ситуацию осложняет нехватка продовольствия. В Арад Домане существует противостояние между теми, кто ведет свое происхождение от знатных семейств времен образования страны, — они известны как «чистокровные», — и теми, кто возвысился позже. Правитель (король или королева) избирается Советом, состоящим из глав купеческих гильдий (Купеческий совет), каковыми почти всегда

являются женщины. Правитель должен принадлежать к нобилитету (а не быть купеческого рода) и избирается пожизненно. По закону король или королева являются абсолютными монархами, за исключением того, что их можно низложить, если за такое решение проголосует три четверти состава Совета. В настоящее время правителем является король Алсалам Саид Альмадар, лорд Альмадара, верховная опора Дома Альмадар. Доманийки широко — и, можно сказать, скандально — известны своей обольстительной красотой и вызывающими нарядами.

Арафел. Одна из Пограничных земель. На знамени Арафела, разделенном на красные и белые четверти, — три красные розы на белой четверти и три белых розы на красной.

Артур Ястребиное Крыло. Легендарный король, Артур Пейндраг Танриал. Правил в 943–994 Г. С. Объединил все страны к западу от Хребта Мира. Он даже послал войска за Аритский океан (992 Г. С.), но все контакты с ними были потеряны после его смерти, которая вызвала Столетнюю войну. Его герб — золотой ястреб в полете.

Аша'ман. 1. На древнем языке означает «хранитель» или «защитник»; причем это слово всегда употреблялось в смысле защитника истины и

справедливости. 2. Так называют себя мужчины, пришедшие в Черную Башню, которая находится в Андоре, возле Кэймлина; там они главным образом учатся направлять Силу. Это же слово используется и для обозначения у них высшего ранга. Обучают в основном способам владения Единой Силой как оружием. Другая характерная черта, отличающая их подготовку от обучения в Белой Башне: едва они овладевают умением обращаться к саидин — мужской половине Силы, то выполнения всех хозяйственных работ от них требуют исключительно посредством Силы. Новички, зачисленные в Башню, получают звание солдата; они носят простые черные мундиры по андорскому образцу, с высоким воротом. Возведенные в ранг посвященных получают право носить на вороте мундира серебряный значок в виде меча. С получением звания Аша'мана мужчина вправе прикрепить на ворот, с другой стороны от меча, красно-золотую эмалевую эмблему дракона. Многие женщины, в том числе и жены, бежали от своих мужчин, узнав, что те и в самом деле способны направлять Силу. Тем не менее многие мужчины из Черной Башни женаты, и с женами их объединяют узы, в чем-то похожие на узы Стражей. Практически теми же самыми

узами, но предусматривающими полное подчинение, были также связаны захваченные Айз Седай. Отдельные Аша'маны соединились узами с Айз Седай, но при этом использовались традиционные узы Стражей. Аша'манов возглавляет Мазрим Таим, который величает себя М'Хаэлем, что на древнем языке означает «предводитель».

Балвер, Себбан. Бывший секретарь Пейдрона Найола, однако на самом деле он возглавлял шпионскую сеть главы белоплащников. Ныне служит секретарем Перрина т'Башир Айбара и Фэйли ни Башир т'Айбара. Но обязанности его стали намного шире, и в настоящее время он руководит действиями Ча Фэйли, возглавив разведывательную сеть Перрина, хотя тот и не подозревает о его истинной роли. *См. также* Ча Фэйли.

Белая Башня. Средоточие власти и могущества Айз Седай, расположена в центре огромного островного города Тар Валон.

Белоплащники. *См.* Дети Света.

Бергитте. Страж Илэйн Траканд и, по всей вероятности, вообще первая женщина-Страж — факт, послуживший причиной многих трудностей, некоторые — вполне предсказуемые. Бергитте — поистине героиня легенд и сказаний, одна из тех, кто должен откликнуться на зов Рога Валир, — во

время сражения с Могидин была вырвана из Тел'аран'риода в мир яви, от неминуемой смерти ее спасло только то, что Илэйн связала ее узами. Если не считать красоты и непревзойденного мастерства в искусстве стрельбы из лука, она мало похожа на ту Бергитте, какой ее рисуют предания. *См. также* Отрекшиеся; Рог Валир; Страж.

Берелейн сур Пейндраг. Первенствующая Майена, благословенная Светом, защитница волн, верховная опора Дома Пейерон. Красивая и своевольная молодая женщина и, кроме того, незаурядная правительница. *См. также* Майен.

Брин, Гарет. В Андоре был некогда капитан-генералом гвардии королевы. Ныне командует армией Айз Седай. Его называют одним из «великих капитанов» — величайших полководцев современности. Герб Дома Брин — дикий бык, шею которого охватывает андорский Розовый венец. Личный герб Гарета Брина — три золотые пятилучевые звезды.

Бэйр. Хранительница Мудрости из септа Хайдо, из Шаарад Айил. Ходящая по снам. Способностью направлять Силу не обладает.

Великое Запустение. Область далеко на севере, совершенно испорченная Темным. Место обитания троллоков, мурддраалов и прочих созданий

Тени.

Вес, меры веса. 10 унций = 1 фунт; 10 фунтов = 1 стоун; 10 стоунов = 1 центнер; 10 центнеров = 1 тонна.

Война Силы. *См.* Война Тени.

Война Тени. Также известна как Война Силы. Началась вскоре после попытки освободить Темного, и через некоторое время в нее был вовлечен весь мир. В мире, где даже сама память о войнах давно стерлась, вновь были открыты все грани войны, оказавшиеся подчас искаженными прикосновением Темного к миру, и Единая Сила использовалась тогда как оружие. Война закончилась водворением Темного обратно в его узилище, эту атаку возглавлял Льюс Тэрин Теламон, Дракон, а с ним было сто мужчин Айз Седай, прозванных Сотней спутников. Ответный удар Темного запятнал саидин и вверг Льюса Тэрина и Сто спутников в безумие; и так начались Времена безумия и Разлом Мира. *См. также* Дракон; Единая Сила.

Высокородные. Так у шончан называют знать. Существуют четыре степени знатности, по две — у верховных Высокородных и у низших, или меньших, Высокородных. Верховные отращивают ногти на руках на один дюйм, покрывая их

лаком, и выбривают голову по бокам, оставляя от волос гребень на макушке, причем у мужчин он у́же, чем у женщин. Длина этого гребня меняется в зависимости от веяний моды. Низшие Высокородные также имеют право отращивать ногти, но волосы сбоку и сзади состригают так, что прическа напоминает «горшок», отпуская широкий «хвост» на затылке, зачастую длиной по плечи у мужчин и до пояса у женщин. Верховные Высокородные, имеющие наивысший ранг, именуются верховными лордами или верховными леди, и они покрывают лаком ногти на двух первых пальцах на каждой руке. Стоящих ниже их верховных Высокородных называют просто «леди» или «лорд», и они имеют право покрывать лаком только ногти на указательных пальцах. Высокородных низших рангов тоже титулуют «лорд» и «леди», но старшинство среди них можно определить по тому, сколько ногтей покрыто лаком: занимающие более высокое положение имеют право красить лаком ногти на двух последних пальцах на каждой руке, а последние по рангу — только на мизинцах. Императрица и члены императорской семьи целиком бреют голову, а лаком покрывают ногти на всех пальцах. Титул приобретается по праву рождения, но

также возможно пожалование им, и зачастую включение в списки Высокородных является наградой за выдающиеся заслуги или за службу императрице.

Гавин из Дома Траканд. Сын королевы Моргейз, брат Илэйн. Единокровный брат Галада Дамодреда. Гавин безумно любит Эгвейн ал'Вир, чьим Стражем он стал. Его герб — белый вепрь.

Гай'шайн. Это слово древнего языка возможно перевести по-разному, но наиболее близко его общий смысл может быть передан как «принесший обет мира». Согласно джи'и'тох, от айильца, захваченного в плен другим айильцем во время набега или сражения, требуется год и один день покорно и смиренно служить тому или той, кто его пленил, не касаться оружия и не применять силу. Хранительница Мудрости, кузнец, ребенок или женщина с ребенком в возрасте младше десяти лет не могут быть обращены в гай'шайн. С тех пор как стало известно, что предки айильцев фактически были приверженцами Пути листа, сторонниками сугубо мирного решения всех проблем, очень многие гай'шайн отказываются снимать белое, когда заканчивается их срок.

Галад. Лорд Галадедрид Дамодред; единокровный брат Илэйн и Гавина, сын Таринге́йла

Дамодреда и Тигрейн. Лорд капитан-командор Детей Света. Личный герб Галада — крылатый серебряный меч, обращенный острием вниз.

Гаул. Айилец из септа Имран, из Шаарад Айил; Каменный Пес.

Гвардия королевы. Элитное воинское формирование в Андоре. В мирное время гвардия поддерживает закон королевы и отвечает за сохранение спокойствия во всей стране. Форма королевской гвардии включает в себя красный мундир, начищенные до блеска кольчужно-пластинчатые доспехи, ярко-красный плащ и конический шлем с решетчатым забралом. Офицеры высокого ранга имеют на плече знаки различия в виде бантов и обладают правом носить золотые шпоры в виде львиных голов. Недавним пополнением королевской гвардии стала личная охрана королевы. После ареста прежнего командира отряда телохранителей, капитана Дойлина Мелларa, он целиком состоит из женщин. В отличие от сослуживцев-мужчин, женщины-гвардейцы носят более нарядную и изысканную форму, в которую входят широкополые шляпы с белым плюмажем, украшенные красным лаком кирасы, отделанные белым шлемы и отороченные кружевами кушаки с эмблемами Белого льва Андора.

Гончие Тьмы. Отродья Тени, происходящие от волков, которые подверглись нечистому воздействию Темного. Обладая общим внешним сходством с гончими псами, они чернее ночи, размерами не уступают пони и весят несколько сотен фунтов. Обычно они охотятся сворами в десять или двенадцать голов, хотя были отмечены следы стай большей численности. На земле следов гончие Тьмы не оставляют, но они отпечатываются на камне, и часто им сопутствует запах горелой серы. Их кровь и слюна — яд, если они попадут на кожу, то жертва будет умирать долго и в страшных мучениях. *См. также* Дикая охота.

Грегорин. Полное имя — Грегорин Панар ден Лушенос. Член Совета девяти в Иллиане, в настоящее время он занимает пост наместника Дракона Возрожденного в Иллиане.

Грендаль. Одна из Отрекшихся. Некогда носившая имя Камарайл Марадим Ниндар и известная своим аскетизмом, она решила служить Темному, став второй из Отрекшихся. Безжалостная убийца, Грендаль несет ответственность за смерть Аран'гар и Асмодиана, а также за поражение Месаны. Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

Да'ковале. 1. На древнем языке — «тот, кто

принадлежит» или «человек, который есть собственность». 2. У шончан данным словом, помимо собственности, называют рабов. В Шончан рабство имеет долгую и необычную историю; для рабов возможно добиться высокого положения, дающего громадную власть, в том числе и над свободными. Но и для тех, кто обладает огромной властью, существует возможность быть обращенными в да'ковале. *См. также* Со'джин.

Далекоходивший, Джейин. Герой из северных стран, который путешествовал по многим землям и прошел через многие приключения; он пленил Ковина Честное Сердце и доставил его на королевский суд. Автор нескольких книг, о нем рассказывают многочисленные книги и истории. Он пропал в 981 г. Н. Э. после возвращения из странствия по Великому Запустению. По мнению некоторых, во время своего странствия он доходил чуть ли не до самой горы Шайол Гул.

Дамани. На древнем языке буквально означает «обузданные». Этим термином шончан называют женщин, способных направлять Силу, которых надлежащим образом держат под контролем посредством ай'дам. Женщины, обладающие даром направлять, но которых еще не сделали дамани, называются марат'дамани, буквально — «те, кто

должен быть обуздан». *См. также* ай'дам; Шончан; сул'дам.

Денежное обращение. В процессе многовековой торговли во всех странах сформировались стандартные названия для монет: кроны (самая большая по размеру монета), марки и пенни. Кроны и марки чеканятся из золота или серебра, а пенни могут быть серебряными или медными, последние тогда просто называют медяками. Однако в разных странах эти монеты могут разниться по размерам и весу. Даже в одном государстве в обороте находятся монеты одного номинала, выпущенные разными правителями и отличающиеся по весу и размерам друг от друга. Благодаря торговле почти повсюду встречаются монеты многих стран, и по этой причине банкиры, ростовщики и купцы для определения стоимости какой-либо монеты используют весы. Поэтому взвешиваются даже большие количества монет.

Самая весомая монета чеканится в Андоре и в Тар Валоне, и там относительная их ценность такова: 10 медных пенни = 1 серебряное пенни; 100 серебряных пенни = 1 серебряная марка; 10 серебряных марок = 1 серебряная крона; 10 серебряных крон = 1 золотая марка; 10 золотых марок

= 1 золотая крона. Если сравнивать с Алтарой, где более крупные монеты содержат меньше золота или серебра, то соотношение между монетами различных достоинств таково: 10 медных пенни = 1 серебряное пенни; 21 серебряное пенни = 1 серебряная марка; 20 серебряных марок = 1 серебряная крона; 20 серебряных крон = 1 золотая марка; 20 золотых марок = 1 золотая крона.

Единственными «бумажными» средствами расчета являются «доверительные письма» (или «векселя»), которые выдают банкиры. Они гарантируют предоставление определенного количества золота или серебра предъявителю данного документа. Из-за удаленности крупных городов друг от друга, значительного времени, которое необходимо потратить на путешествие из одного города в другой, и трудностей, связанных с перемещением денежных средств на большие расстояния, доверительное письмо может быть принято по полной стоимости только в городах, расположенных близко к выдавшему его банку, но в отдаленном от него городе такой вексель примут по более низкой стоимости. В общем, если кто-то собирается в длительное путешествие, то он возьмет с собой одно или несколько доверительных писем, дабы при необходимости

обменять векселя на звонкую монету. Векселя обычно принимают лишь банкиры или купцы, расплатиться же ими с лавочниками не удастся.

Дети Света. Также — Чада Света. Общество, придерживающееся строгих аскетических верований, ставящее себя вне рамок любых государств и провозгласившее своей целью нанести поражение Темному и истребить всех приспешников Тьмы. Основанное во время Столетней войны Лотэйром Мантиларом для привлечения своих сторонников и сплочения их против все возрастающего числа друзей Темного, оно за годы войны превратилось во всецело военную организацию. Члены сообщества, крайне закосневшие в своих догмах, непоколебимо уверены в том, что только им ведомы истина и справедливость. Айз Седай, как и любого, кто их поддерживает или оказывает им помощь, Чада Света считают приспешниками Темного. Детей Света пренебрежительно называют белоплащниками — к этому прозвищу сами они относятся с презрением. В недавнем прошлом их главные силы и штаб располагались в Амадоре, столице Амадиции, но Дети Света были вынуждены бежать из города, когда его захватили шончан. Возглавляет Детей Света лорд капитан-командор, которым в настоящее время

является Галад Дамодред. Герб Детей Света — золотое многолучевое солнце на белом поле.

Джи'и'тох. На древнем языке — «честь и повиновение», или «честь и долг». Сложный кодекс всего жизненного уклада Айил, для разъяснения которого потребовалась бы целая полка книг. Рассмотрим такой пример. Существует несколько способов заслужить честь в бою. В том, чтобы убить противника, — мало почета для любого, кто может убить. Наибольшей чести удостаивается тот, кто прикоснется к вооруженному и живому врагу, не причинив тому вреда. Несколько меньшая честь — заставить сражающегося противника стать гай'шайн. Другой пример. В джи'и'тох существует также множество уровней бесчестия, и позор считается намного страшней, чем боль, ранение или даже смерть. Имеется и множество ступеней для тох, или для долга, но даже малой из них нужно соответствовать в полной мере. Тох перевешивает прочие соображения настолько, что айильцы зачастую готовы принять позор, если это необходимо, лишь бы исполнить обязательство, которое чужестранцам может показаться незначительным. *См. также* гай'шайн.

Джуилин Сандар. Ловец воров из Тира.

Дикая охота. Многие верят, будто Темный (в Тире, Иллиане, Муранди, Алтаре и Гэалдане часто называемый Древний Враг, или Враг) выезжает по ночам на охоту за людскими душами в сопровождении «черных собак», или гончих Тьмы. Это и есть Дикая охота. Существует разделяемое многими поверье, что даже зрелище несущейся мимо Дикой охоты предвещает близкую смерть либо самого очевидца, либо кого-то из дорогих ему людей. *См. также* гончие Тьмы.

Длина, единицы длины. 10 дюймов = 1 фут; 3 фута = 1 шаг; 2 шага = 1 спан; 1000 спанов = 1 миля; 4 мили = 1 лига.

Дракон. Имя, под которым был известен Льюс Тэрин Теламон во время Войны Тени три тысячи или более лет назад. В безумии, которое охватило всех мужчин Айз Седай, Льюс Тэрин убил всех людей, в ком была хоть капля его крови, и всех, кого он любил, получив за это прозвище Убийца Родичей. *См. такж*е Дракон Возрожденный. Драконьи яйца.

Дракон Возрожденный. Согласно пророчествам о Драконе, мужчина, в котором возродится Льюс Тэрин Убийца Родичей.

Драконы. Новое мощное оружие, способное посылать заряды взрывчатого вещества на значи-

тельные расстояния, нанося тем самым немалый урон врагу.

Драконьи яйца. Название, данное зарядам взрывчатого вещества, которые выпускают драконы.

Древний язык. Язык, на котором говорили в Эпоху легенд. Вообще-то людям благородным и образованным полагается его знать, но многим на самом деле известно лишь по нескольку слов древнего наречия. Перевод с этого языка сопряжен с трудностями, поскольку его слова обладают множеством тонко уловимых смысловых различий. *См. также* Эпоха легенд.

Древоубийцы. Этим словом, наряду с «клятвопреступниками», айильцы презрительно называют кайриэнцев. Оба эти прозвища появились тогда, когда король Ламан срубил Авендоралдеру, дар Айил, и этим поступком нарушил клятвы, данные в то время, когда было принесено в дар Древо жизни.

Единая Сила. Сила, имеющая начало в Истинном Источнике. Подавляющее большинство людей совершенно неспособны научиться направлять Единую Силу. Очень немногих можно обучить направлять ее, и буквально считаные единицы обладают этой способностью с рожде-

ния. У них нет никакой необходимости в обучении; рано или поздно они обратятся к Истинному Источнику и направят Силу, захотят они этого или нет, зачастую даже не осознавая того, что делают. Эта врожденная способность обычно проявляется в юношестве или в ранней молодости. Если человек не обучен контролировать Силу или если он самоучка (что чрезвычайно трудно, успеха добивается один из четырех), то неминуема смерть. *См. также* Айз Седай; Истинный Источник; направлять; Пять Сил.

Запустение. *См.* Великое Запустение.

Защитники Твердыни. Элитное воинское формирование Тира. В настоящее время капитаном Твердыни (командиром Защитников) является Родривар Тихера. В число Защитников набирают исключительно тайренцев, а офицерами становятся люди знатного происхождения, хотя подчас из мелких Домов или из захудалых ветвей сильных Домов. Задачей Защитников является оборона громадной крепости, которая находится в столице Тира и называется Тирской Твердыней, а также защита самого города и охрана порядка — то, что в других городах обычно поручено городской страже. За исключением военного времени, возложенные задачи редко требуют от них

покидать город и его окрестности. В случае войны Защитники, как и другие элитные части, становятся ядром армии. Форма Защитников — черная куртка с пышными рукавами в черно-золотую полоску и с черными обшлагами, начищенная до зеркального блеска кираса и характерный шлем с решетчатым забралом. Капитан Твердыни носит на шлеме три коротких белых пера, а на обшлагах мундира — три переплетенных золотых галуна на белой подкладке. Капитанам положены два белых пера в плюмаже и один золотой галун на белых манжетах, лейтенантов отличают одно белое перо и одинарный черный галун на белых манжетах. Подлейтенантов можно отличить по одному короткому черному перу и белым манжетам без галунов. Знаменщики имеют отвороты золотистого цвета, а десятники — в черно-золотую полоску.

Золотой журавль. Знамя несуществующей ныне страны Малкир, ранее бывшей одной из Пограничных земель.

Игра Домов. Название, данное интригам, заговорам и махинациям, осуществляемым благородными знатными Домами для приобретения преимуществ и выгод. Большое значение придается утонченности и ловкости действий,

внешне направленных на одно, но имеющих целью другое, и достижению поставленной цели с наименьшими видимыми усилиями. Также известна как Великая игра. Иногда упоминается ее название на древнем языке: Даэсс Дей'мар.

Иллиан. Крупный порт у Моря штормов, столица одноименного государства. Издревле был враждебен Тиру. Знамя Иллиана — девять золотых пчел на зеленом поле.

Иллюминаторы, гильдия иллюминаторов. Объединение, по сути цеховое, хранившее секрет изготовления фейерверков. Гильдия оберегала эту тайну как зеницу ока, всеми средствами, вплоть до убийства. Свое название гильдия получила от грандиозных представлений, называемых иллюминациями, которые устраивались для правителей и — изредка — для наиболее могущественных лордов. Менее, намного менее впечатляющие фейерверки продавались для людей иного звания, но покупателей строго-настрого предупреждали, что неминуемо случится страшная беда, если кто-то попытается узнать, что находится внутри фейерверков. Некогда у гильдии были свои кварталы-поселения в Кайриэне и в Танчико, но в настоящее время они разрушены. Кроме того, члены гильдии в Танчи-

ко оказали сопротивление наступавшим войскам шончан, в результате чего уцелевшие иллюминаторы были обращены в да'ковале, а гильдия более не существует. Тем не менее отдельные иллюминаторы бежали из-под владычества шончан и трудятся ныне над тем, чтобы память о гильдии сохранилась надолго. *См. также* Да'ковале.

Именование Темного. Произнесение истинного имени Темного (Шайи'тан) привлекает его внимание, приводя в лучшем случае к неудаче, в худшем — к бедствию. По этой причине в ходу множество эвфемизмов, среди них: Темный, Отец Лжи, Затмевающий Зрение, Повелитель Могил, Пастырь Ночи, Губитель Душ, Клык-для-Душ, Древний Враг, Выжигатель Травы, Погубитель Листьев. Приспешники Темного называют его Великим повелителем Тьмы.

Искательство. 1. Использование Единой Силы для определения физического состояния человека и для распознавания болезней. 2. Способность обнаруживать рудные залежи при помощи Единой Силы. Возможно, то, что одним словом называют два совершенно разных таланта, связано с тем, что второй дар считается у Айз Седай давно утраченным.

Истинный Источник. Движущая сила Все-

ленной, которая вращает Колесо Времени. Она разделена на мужскую (саидин) и женскую (саидар) половины, которые действуют одновременно и воедино, и друг против друга. Только мужчина может прикоснуться к саидин, и только женщина — к саидар. Более трех тысячелетий саидин запятнана прикосновением Темного. *См. также* Единая Сила.

Кадин'сор. Одеяние айильских алгай'д'сисвай: куртка и штаны коричневых и серых оттенков, окраска которых позволяет оставаться незамеченным на фоне скал или в тени, к нему полагается мягкая, высотой по колено обувка на шнуровке. На древнем языке — «рабочая одежда», хотя это, разумеется, неточный и приблизительный перевод. *См. также* алгай'д'сисвай.

Кадсуане Меледрин. Айз Седай из Зеленой Айя, о которой среди Айз Седай уже сейчас, при ее жизни, ходят легенды, хотя большинство сестер были убеждены, что она давно умерла. Полагают, что она родилась в 705 г. Н. Э. в Гэалдане; и если это правда, она — старейшая из ныне живущих Айз Седай. Она была также самой могущественной в использовании Единой Силы на протяжении тысячи или более лет — пока не появились Найнив, Илэйн и Эгвейн, хотя и они ненамного превос-

ходят ее.

Кайриэн. Государство, расположенное вдоль Хребта Мира, и столица этого государства. Во время Айильской войны город была разграблен и еще не до конца оправился от потрясений, когда убийство короля Галдриана (998 г. Н. Э.) ввергло Кайриэн в гражданскую войну за престолонаследие. Эта междоусобица была прервана вторжением Шайдо Айил, которое многие называют Второй Айильской войной, хотя сама столица Кайриэна была спасена другими айильцами, под командованием Ранда ал'Тора. Впоследствии большая часть знати Кайриэна, так же как и Тира, присягнула на верность Дракону Возрожденному. После восстановления порядка трон Кайриэна заняла Илэйн Траканд, королева Андора. Знамя Кайриэна — многолучевое золотое солнце, восходящее из-за кромки небесно-голубого поля.

Календарь. В неделе 10 дней, в месяце 28 дней, в году 13 месяцев. Некоторые праздничные дни не относятся ни к одному из месяцев; в число таких праздников входят День солнца (самый длинный день в году), Праздник благодарения (раз в четыре года в день весеннего равноденствия) и Праздник спасения всех душ, также называе-

мый Днем всех душ (раз в каждые десять лет в день осеннего равноденствия). Месяцы имеют названия (тайшам, джумара, сабан, айне, адар, савен, амадайн, таммаз, майгдал, чорен, шалдин, несан и дану), но употребляют их редко, разве что указывают в официальных документах или отмечают должностные лица. Большинству людей в повседневной жизни хватает и времен года.

Калландор. Меч-Который-Не-Меч, Меч-Которого-Нельзя-Коснуться. Кристаллический меч, некогда хранившийся в Тирской Твердыне; могущественный са'ангриал, который предназначен для использования мужчинами, способными направлять Силу. Известно, что у него есть изъяны: он не имеет буфера, который позволял бы без риска для себя применять са'ангриал, а также усиливает воздействие порчи. Подозревают, что Калландору свойственны и другие недостатки.

Кандор. Одна из Пограничных земель. Герб Кандора — вставший на дыбы красный конь на бледно-зеленом поле.

Капитан-генерал. 1. В Андоре — воинское звание офицера, командующего гвардией королевы. В настоящее время этот пост занимает леди Бергитте Трагелион. 2. Титул, данный главе Зеленой Айя. В настоящее время его носит Аделорна Ба-

стине.

Кар'а'карн. На древнем языке: «вождь вождей». Согласно айильскому пророчеству, мужчина, явившийся на рассвете из Руидина и отмеченный двумя Драконами; он поведет айильцев за Драконову Стену. Пророчество Руидина гласит, что он объединит Айил и погубит их, а в живых останутся очень немногие. *См. также* Айил; Руидин.

Каф. Шончанский напиток, заваривается до черноты, подается обжигающе горячим, иногда подслащивается; оказывает возбуждающее действие.

Квейндияр. Считающийся неразрушимым материал, созданный в Эпоху легенд. При попытке разбить его с помощью любой известной силы — в том числе и Единой Силы, — он поглощает ее, становясь крепче. Хотя способ изготовления квейндияра, как полагают, был навсегда утрачен, в последнее время появились новые предметы, созданные из этого вещества. Известно также иное название квейндияра — камень мужества.

Колесо Времени. Время — колесо с семью спицами, каждая спица — эпоха. Колесо вращается, эпохи приходят и проходят, и каждая оставляет каждая воспоминания, которые блекнут, становясь легендами, затем мифами, и которые

забываются к тому времени, когда эпоха наступает вновь. С наступлением новой эпохи ее Узор всегда слегка отличается от прежнего, и с каждым разом он изменяется все больше.

«Краснорукие». Солдаты Отряда Красной руки, которых отбирали для временной службы по поддержанию порядка, дабы другие солдаты Отряда не причиняли беспокойства жителям городков и деревень, в которых он останавливался, и не наносили ущерба их имуществу. Такое название они получили потому, что при исполнении своих обязанностей носили на рукавах очень широкие красные повязки, от локтя до обшлагов. Обычно их подбирали из числа самых опытных и надежных солдат. Поскольку всякий причиненный ущерб должен был быть возмещен из жалованья «красноруких», то свои обязанности по сохранению мира и спокойствия они выполняли весьма ревностно. *См. также* Шен ан Калхар.

Кровавые Ножи. Элитное подразделение шончанских солдат. Каждый из воинов имеет при себе тер'ангриал в виде кольца, который увеличивает силу и быстроту действий носителя, а также укрывает его пеленой тьмы. Кольцо-тер'ангриал активируется каплей крови солдата, после чего оно понемногу вытягивает жизнь из

своего носителя. Смерть наступает в течение нескольких дней.

Крылатая гвардия. Личные телохранители Первенствующей Майена и элитное воинское формирование Майена. Солдаты и офицеры Крылатой гвардии носят окрашенные в красный цвет кирасы и красные шлемы в виде каски с кованым околышем, которая закрывает заднюю часть шеи, и вооружены пиками с красными вымпелами. У офицеров вдобавок шлемы украшены по бокам крыльями, а их звание обозначается тонкими плюмажами.

Лан; ал'Лан Мандрагоран. Некоронованный король Малкир, страны, поглощенной Запустением в год его рождения (953 г. Н. Э.), Дай Шан (боевой лорд) и последний оставшийся в живых лорд малкири. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он начал в одиночку воевать с Запустением и Тенью; эта борьба продолжалась вплоть до того, как Морейн в 979 г. Н. Э. связала его узами, сделав своим Стражем. *См. также* Морейн; Страж.

Ланфир. На древнем языке — «Дочь Ночи». Одна из Отрекшихся. В отличие от прочих Отрекшихся имя выбрала себе сама. Поговаривают, что она была влюблена в Льюса Тэрина Теламона и

ненавидела его жену, Илиену. *См. также* Отрекшийся; Дракон.

Легион Дракона. Крупное воинское формирование, целиком состоящее из пехоты. Все, кто в него входит, принесли обет верности Дракону Возрожденному. Обучением их занимался Даврам Башир, по плану, разработанному совместно с Мэтом Коутоном, — и кардинально отличающемуся от обычной подготовки пехотинца. Многие записываются в Легион добровольцами, но значительное число легионеров набрано рекрутскими командами из Черной Башни. Вербовщики сначала собирали мужчин, желающих последовать за Драконом Возрожденным, а потом, доставив их через переходные врата в район Кэймлина, отсеивали тех, кого можно обучить направлять Силу. Остальных, а их гораздо больше, направляли в учебные лагеря Башира. В настоящее время Легион Дракона готовится к Последней битве.

Логайн Аблар. Родился в 972 г. Н. Э. в Гэалдане, некогда провозгласил себя Возрожденным Драконом. После того как кровопролитная война охватила весь Гэалдан, а также и Алтару с Муранди, был схвачен, отвезен в Белую Башню и укрощен, но позже бежал оттуда во время сумятицы, возникшей при низложении Суан Санчей.

Случайное восстановление его способности направлять Силу стало первым доказательством, что эта способность в принципе восстановима. Логайн сумел вновь бежать и позднее стал одним из Аша'манов. *См. также* Аша'ман.

Лойал, сын Арента, сына Халана. Огир из стеддинга Шангтай; мечтает стать автором книги о Драконе Возрожденном.

Лудильщики. Более точно — Туата'ан, также известны как Странствующий народ. Бродячий народ, который исповедует философию непротивления и ненасилия, называемую Путем листа.

Лухан, Харал. Кузнец из Эмондова Луга, что в Двуречье. У него учился кузнечному ремеслу Перрин Айбара.

Майен. Город-государство на побережье Моря штормов; граничит с Тиром, испытывает постоянную угрозу со стороны могущественного соседа. Правитель Майена именуется Первенствующим Майена, или Первым Майена; в прошлом этот титул звучал как Первый лорд или Первая леди. Они утверждают, будто являются потомками Артура Ястребиное Крыло. Знамя Майена — золотой ястреб в полете на голубом поле.

Малкир. Государство, некогда бывшее Пограничной землей, теперь захваченное Великим

Запустением. Гербом Малкир был золотой журавль в полете. *См. также* Лан.

Марат'дамани. На древнем языке — «те, кто должен быть обуздан» или «тот, кто должен быть обуздан». Так шончан называют способных направлять Силу женщин, которым еще не надели ошейник дамани.

Меллар, Дойлин. *См.* Ханлон, Давед.

Мелэйн. Хранительница Мудрости из септа Джирад, из Гошиен Айил; ходящая по снам. Обладает средними способностями во владении Единой Силой. Замужем за Бэилом, вождем клана Гошиен.

Морат. На древнем языке — «дрессировщик». У шончан этим словом называют тех, кто занимается экзотическими животными, например морат'ракен, то есть дрессировщик или наездник ракена.

Морейн Дамодред. Айз Седай из Голубой Айя, родом из Кайриэна. Долгое время считалась погибшей — в Кайриэне она вступила в схватку с Ланфир и вместе с Отрекшейся пропала в тер'ангриале, который при этом был уничтожен. Однако, несмотря ни на что, Морейн не погибла, а попала в плен к Илфин. Тому Меррилину она оставила письмо, в котором рассказала, как ее

можно спасти. Мэт Коутон, Том и Ноэл Чарин проникли через Башню Генджей во владения Илфин и Элфин и освободили Морейн. *См. также* Том Меррилин.

Мудрая женщина. Так уважительно называют в Эбу Дар женщин, известных благодаря своим невероятным способностям излечивать любые раны. Традиционно их отличает красный пояс. Только недавно и лишь немногим стало известно, что все Мудрые женщины в действительности входят в Родню и используют различные варианты Исцеления, а травы и всякие снадобья больным дают главным образом для вида. После бегства Родни из Эбу Дар, когда столицу захватили шончан, в городе не осталось ни одной Мудрой женщины. *См. также* Родня.

Мурддраалы. Создания Темного, командиры троллоков. Измененные потомки троллоков, в которых людское начало, использованное для их выведения, вновь заговорило о происхождении от человеческого племени, но они по-прежнему испорчены злом, породившим троллоков. У них нет глаз, но они могут видеть, как орлы, — на свету и в темноте. Они имеют определенные способности, полученные от Темного, включая свойство взглядом вызывать парализующий

страх и способность исчезать там, где есть тени. Мурддраалы неохотно пересекают текущую воду — это одно из их известных слабых мест. В зеркалах они отражаются как смутные расплывчатые фигуры. В разных краях известны под различными прозвищами, очень многими, среди них: Получеловек, Безглазый, Человек Тени, Таящийся, Исчезающий.

Направлять. Контролировать поток Единой Силы. *См.* Единая Сила.

Небесные Кулаки. Легковооруженная шончанская пехота, к месту боя ее доставляют на своих спинах летающие создания, называющиеся то'ракенами. Все они низкорослы, и мужчины, и женщины, потому что вес, который может перенести на определенное расстояние то'ракен, ограничен. Небесные Кулаки считаются одними из самых подготовленных солдат, их используют главным образом для набегов, вылазок, засад, неожиданных ударов в тыл вражеских позиций, а также там, куда важно быстро перебросить войска.

Огир. 1. Нечеловеческая раса, для которой характерны громадный рост (средний рост взрослого мужчины-огира — десять футов), широкий,

похожий на звериное рыло нос и длинные уши с кисточками на кончиках. Живут огиры в местах, называемых стеддингами, которые они покидают крайне редко; с родом людским огиры общаются крайне мало. Люди сохранили очень скудные и обрывочные сведения об этой расе, и многие считают огир всего лишь еще одной легендой, хотя огиры — выдающиеся мастера-каменщики, и именно они построили большинство крупнейших городов, возведенных после Разлома Мира. Полагают, что огиры — народ миролюбивый, рассердить их крайне трудно, но отдельные старинные предания утверждают, что в Троллоковы войны огиры сражались на стороне людей, и называют их безжалостными и яростными бойцами. Большинство огир отличает тяга ко всякому знанию, поэтому их книги и рассказы содержат сведения, давно утраченные человечеством. Обычная для огир продолжительность жизни раза в три-четыре превышает срок жизни человека. 2. Всякий представитель этой нечеловеческой расы. *См. также* стеддинг.

Отрекшийся. Прозвище, данное тринадцати самым могущественным Айз Седай, и мужчинам, и женщинам, которые в Эпоху легенд переметнулись на сторону Тени и оказались в ловушке,

когда Скважина в узилище Темного была запечатана. Хотя издавна повелось считать, будто в Войну Тени лишь они одни покинули Свет, на деле были и другие; эти тринадцать занимали среди них наиболее высокое положение. Отрекшиеся (которые себя называют Избранными) после своего появления в настоящие дни несколько уменьшились в числе. Некоторые из ранее убитых были возрождены, получив новые тела.

Отряд Красной руки. *См. Шен ан Калхар.*

Пень. Общественное собрание у огиров. Руководит им Совет старейшин стеддинга, но любой взрослый огир вправе выступить на нем или же может поручить кому-то говорить вместо себя. Часто Пень проводят возле самого большого древесного пня в стеддинге, и собрание может продлиться несколько лет. Для обсуждения вопроса, который касается всех огиров, созывают Великий Пень, где присутствуют представители всех стеддингов. Великий Пень поочередно принимают у себя различные стеддинги.

Пламя Тар Валона. Символ Тар Валона, Престола Амерлин и Айз Седай. Стилизованное изображение пламени; белая капля острым концом вверх.

Площадь, единицы площади. 1. Земля: 1 поло-

са = 20 шагов × 10 шагов (200 кв. шагов); 1 корд = 20 шагов × 50 шагов (1000 кв. шагов); 1 гайд = 100 шагов × 100 шагов (10 000 кв. шагов); 1 руд = 100 шагов × 1000 шагов (100 000 кв. шагов); 1 марч = 1000 шагов × 1000 шагов ($^1/_4$ квадратной мили). 2. Ткани: 1 шаг = 1 шаг и 1 ладонь × 1 шаг и 1 ладонь.

Повелители ужаса. Способные направлять Единую Силу мужчины и женщины, которые перешли на сторону Тени во время Троллоковых войн, сделавшись военачальниками армий троллоков и приспешников Тьмы. Малосведущие часто путают их с Отрекшимися.

Пограничные земли. Страны, находящиеся на границе Великого Запустения: Салдэйя, Арафел, Кандор, Шайнар. Вся их история — это нескончаемые набеги троллоков и мурддраалов и беспрерывная война с вражескими ордами. *См. также* Великое Запустение.

Преданные Дракону. Общее название приверженцев Дракона Возрожденного, обычно употребляемое теми, кто либо является его противником, либо, по крайней мере, надеется остаться нейтральным. На самом деле немалое число тех, кого так называют, никогда никому на верность не присягало, и нередко так называют

разбойников, которые пользуются этим именем просто для устрашения тех, кого они грабят.

Престол Амерлин. 1. Глава Айз Седай. Избирается пожизненно Советом (или Залом) Башни, в который входят по три представительницы от каждой Айя (называемых восседающими, например: восседающая от Зеленой). Престол Амерлин имеет, по крайней мере теоретически, верховную власть среди Айз Седай. По своему положению она равна королю или королеве. Немного менее официальное использование титула — просто «Амерлин». 2. Трон, на котором восседает глава Айз Седай.

Принятые. Обучающиеся на Айз Седай молодые женщины, которые достигли определенного уровня владения Силой и прошли установленные испытания. Обычно на то, чтобы послушница поднялась до ступени принятой, уходит от пяти до десяти лет. От принятых не требуют такого строгого и неукоснительного соблюдения всех правил, как от послушниц, им предоставлена также определенная свобода в выборе предмета своих занятий. *См. также* Айз Седай.

Приспешники Тьмы. Те, кто последовал за Темным и верят, что они, когда Темный освободится, обретут великую власть над миром и бессмертие.

Их также называют друзьями Темного. Между собой они зовутся приверженцами Тьмы.

Пророк (или более точно — пророк лорда Дракона). В прошлом — шайнарский солдат, известный как Масима Дагар. На него снизошло откровение, и он решил, что призван распространять слово о том, что Дракон Возрожденный вновь появился в мире. Он верил, что нет ничего — ничего! — более важного, чем признание Дракона Возрожденного воплощением Света, и что каждый должен откликнуться на призыв Дракона Возрожденного. Вместе с последователями он готов был применить любые средства, дабы заставить остальных воздать славу Дракону Возрожденному. Те, кто отвергал это требование, приговаривались к смерти, а у тех, кто медлил и не торопился с признанием Дракона, в одночасье могли сгореть дотла дома и лавки, самих же их могли подвергнуть порке кнутом. Отказавшись от всех имен, за исключением звания пророка, он вверг в хаос бóльшую часть Гэалдана и Амадиции, едва ли не половина территории которых на какое-то время оказалась в его власти. Впрочем, когда пророк покинул эти области, то шончан восстановили порядок в Амадиции, а Коронный верховный совет — в Гэалдане. Он присоединился

к Перрину Айбара, который был послан привести его к Ранду, и по неизвестным причинам оставался с Айбара, пусть даже задержка откладывала его встречу с Драконом Возрожденным. За пророком следовали мужчины и женщины, принадлежавшие едва ли не к самому «дну» общества; до их морального уровня под влиянием пророка скатились и другие, кто прежде, до того как подпасть под воздействие его харизмы, занимал в обществе более достойное место. Пророк погиб при невыясненных обстоятельствах.

Пять Сил. Иначе — Пять стихий; это нити-жилы Единой Силы, названные соответственно тому, как их можно использовать, — Земля, Воздух (иногда называемый Ветром), Огонь, Вода и Дух, которые все вместе именуются Пятью Силами. Любой владеющий Единой Силой обладает бóльшим умением в обращении с одной или, может, двумя из них, но очень редко — с тремя и более, и менее уверенно использует другие. В Эпоху легенд Дух проявлялся в мужчинах и в женщинах в равной степени, однако большие способности в использовании Земли и/или Огня намного чаще встречались у мужчин, а Воды и/или Воздуха — у женщин. Несмотря на немногие исключения, часто Земля и Огонь считались

мужскими Силами, а Воздух и Вода — женскими.

Рог Валир. Легендарная цель Великой охоты за Рогом. Полагают, что Рог Валир способен призвать мертвых героев подняться из могил на бой с Тенью. Была объявлена новая Охота за Рогом, и во многих странах встречаются те, кто дал торжественную клятву охотника за Рогом. Даже среди Айз Седай немногие знают, что на самом деле Рог уже найден, использован и сейчас хранится в тайне в Белой Башне и ждет того часа, когда он понадобится в Последней битве.

Родня. Даже во время Троллоковых войн, более двух тысячелетий назад (ок. 1000–1350 гг. после Р. М.), Белая Башня продолжала придерживаться своих стандартов и отказывала в обучении женщинам, которые не соответствовали установленным требованиям. Одна группа таких женщин, страшась возвращаться по домам, когда в мире кипела война, бежала в Барашту (рядом ныне расположен Эбу Дар), как можно дальше от полей сражений. Назвав себя Родней, они скрывались сами и предлагали убежище тем, кого не допустили в Башню. Со временем, через женщин, которых Башня отказалась принять, Родня вышла на беглянок и по какой-то, в точности неизвестной причине начала также принимать

и их. Они прилагали огромные усилия, чтобы эти девушки ничего не узнали о Родне, пока не станет ясно, что Айз Седай не вернут их. В конце концов, всем известно, что рано или поздно беглянок ловят, и Родня понимала, что если не хранить тайну, то их самих строго накажут.

Но Родня не знала, что Айз Седай в Белой Башне были осведомлены о существовании такой группы едва ли не с самого начала, но военные действия не оставляли времени, чтобы разобраться с нею. К концу войны Башня поняла, что, возможно, не в ее интересах расправляться с Родней. В то время большинству беглянок, вопреки пропагандистским заявлениям Башни, действительно удавалось скрыться, но поскольку Родня стала оказывать им помощь, то в Башне точно знали, куда направляются беглянки, и начали с тех пор возвращать девять из десяти сбежавших. Женщины Родни не оставались постоянно в Бараште (а впоследствии — в Эбу Дар), а то появлялись там, то покидали город, стараясь скрыть и само свое существование, и свою численность; нигде они не жили на одном месте больше десяти лет кряду, дабы кто-нибудь не заметил, что они не стареют. Поэтому в Башне считали, что число Родни невелико и что эти женщины стараются

вести незаметный образ жизни. И для того чтобы Родня оставалась приманкой в западне для беглянок, Башня решила оставить Родню в покое, в отличие от прочих подобных Родне групп, которых за историю Башни было несколько. Само же существование Родни стало секретом, известным лишь полноправным Айз Седай.

Законов у Родни нет, скорее, они подчиняются правилам, основанным большей частью на правилах для послушниц и принятых в Белой Башне. Свою роль в установлении правил сыграла и необходимость сохранения тайны. И правила свои женщины Родни соблюдали строго, что неудивительно, если принять во внимание историю возникновения их сообщества.

При непосредственном контакте между Айз Седай и Родней, контакте, который имел место совсем недавно и о котором известно очень немногим сестрам, открылось немало фактов, потрясших обе стороны. Например, то обстоятельство, что численностью Родня вдвое превышает Айз Седай, а также то, что некоторые женщины из Родни прожили на сотню лет больше, чем какая-либо Айз Седай со времен Троллоковых войн. Пока еще никто не знает, как подобные открытия скажутся и на Айз Седай, и на Родне.

Руарк. Айилец, вождь клана Таардад Айил.

Руидин. Огромный город, единственный в Айильской пустыне и совершенно неизвестный для всего мира за ее пределами. Оставался покинутым и заброшенным около трех тысяч лет. Прежде мужчине у Айил лишь раз позволено было войти в Руидин — чтобы в огромном тер'ангриале пройти испытание — достоин ли он стать вождем клана (из трех выживал только один). Женщина имела право вступить в город дважды: пройти проверку в том же тер'ангриале и еще раз — чтобы стать Хранительницей Мудрости, хотя, по-видимому, в живых после этих испытаний оставалось гораздо больше женщин. Теперь город вновь населен айильцами; огромное озеро, занимающее один конец долины Руидина, питается подземным океаном пресной воды, а из самого озера вытекает единственная в Пустыне река. *См. также* Айил.

Са'ангриал. Реликт Эпохи легенд, который позволяет своему обладателю направлять намного больше Единой Силы, чем возможно или безопасно без него. Са'ангриал схож с ангриалом, но более, гораздо более могуществен. Количество Единой Силы, которую возможно направлять с помощью са'ангриала, сравнимо с количеством

Силы, управляемой с помощью ангриала, соотнесенной с возможностями направлять без использования ангриала. Способ их изготовления давным-давно утрачен. Как и в случае с ангриалами, са'ангриалы бывают мужские и женские. Са'ангриалов остались считаные единицы, куда меньше, чем ангриалов.

Саидин; саидар. *См.* Истинный Источник.

Салдэйя. Одна из Пограничных земель. Столица страны — Марадон, а королевский дворец Салдэйи известен под названием Кордамора (на древнем языке — «Сердце народа»). Форма правления — наследственная монархия, и главой государства является король или королева. Коронный верховный совет (также известный под названием «Совет лордов») служит при монархе совещательным органом и помогает ему управлять страной. Муж или жена правителя Салдэйи — не просто консорт или супруга, но почти равный ему властитель. В настоящее время Салдэйей правит ее осиянное величество Тенобия си Башир Казади, королева Салдэйи, щит Севера, меч Рубежа Запустения, верховная опора Дома Казади и леди Шахайни, Аснелле, Кунвара и Ганаи. Маршалом-генералом Салдэйи и предводителем ее войск является ее дядя и наследник,

Даврам Башир.

Серый Человек. Тот или та, кто добровольно отказался от своей души, чтобы стать наемным убийцей на службе Тени. Внешность Серых Людей столь заурядна, что взор скользит мимо, даже не замечая их. Подавляющее большинство Серых Людей — мужчины, но есть среди них и малое число женщин.

Сисвай'аман. С древнего языка это слово переводится как «копья дракона» в значении принадлежности. Такое название приняли многие мужчины из Айил, но не женщины. Эти мужчины на самом деле не признают такого имени, как, впрочем, и никаких других. Они носят красную головную повязку с черно-белым кружком, расположенным на лбу. Хотя гай'шайн обычно запрещено носить что-либо носимое алгай'д'сисвай, большое число гай'шайн стали носить такие головные повязки. *См. также* гай'шайн.

Сиснера, Дарлин. Благородный лорд Тира, в прошлом участвовал в мятеже против Дракона Возрожденного. Недолгое время он занимал пост наместника Дракона Возрожденного в Тире, затем был избран первым королем Тира.

Со'джин. Наиболее близко с древнего языка это слово можно перевести как «высота среди

низины», хотя некоторые переводы, среди прочих, допускают истолкование «и небо, и долина». Словом «со'джин» у шончан называют высших слуг, это звание передается по наследству. Они — да'ковале, собственность, но могут занимать важные должности и наделены определенной властью. Даже Высокородные ведут себя осторожно с со'джин императорской семьи, а с со'джин самой императрицы разговаривают как с равными. *См. также* да'ковале.

Соединение. Способность женщин, которые могут направлять, объединять свои потоки Единой Силы. Хотя объединенный поток Силы меньше суммы индивидуальных потоков, женщина, которая возглавляет соединение и управляет общим потоком, имеет возможность действовать несравненно более точно и эффективно, чем с помощью отдельных потоков. Мужчины не могут соединять свои способности, если в создаваемом ими круге нет хотя бы одной женщины. При соединении до тринадцати женщин участие мужчины не требуется. Если в круг включен один мужчина, число соединившихся женщин возможно увеличить до двадцати шести. Если в круге имеется двое мужчин, то он может состоять из тридцати четырех женщин,

и т. д.; пределом является круг из шести мужчин и шестидесяти шести женщин. Существуют соединения, которые включают больше мужчин и меньше женщин, но, за исключением соединения одной женщины с одним мужчиной, одной женщины с двумя мужчинами или, разумеется, двух женщин и двух мужчин, женщин в круге всегда должно быть хотя бы на одну больше, чем мужчин. В большинстве кругов соединением может руководить как женщина, так и мужчина, но кругом из семидесяти двух человек, так же как и смешанными кругами, состоящими менее чем из тринадцати человек, должен управлять мужчина. Хотя мужчины в основном обладают в Силе большей мощью, чем женщины, самыми мощными кругами являются те, что состоят из как можно более близкого к равному числу мужчин и женщин. *См. также* Айз Седай.

Сорилея. Хранительница Мудрости из холда Шенде, из Джарра Чарин. Обладает весьма слабой способностью направлять Силу; она также старше всех из ныне живущих Хранительниц Мудрости, хотя и не столь стара, как думают многие.

Стеддинг. Родина огир. После Разлома Мира многие стеддинги были покинуты. Каким-то,

теперь уже непонятным образом они защищены, и поэтому ни одна Айз Седай, оказавшись в стеддинге, не может там направлять Единую Силу, даже не способна почувствовать Истинный Источник. Попытки воспользоваться Единой Силой снаружи стеддинга и потом перейти границу стеддинга эффекта не имеют. Ни один троллок не входит в стеддинг, если его не гонят, и даже мурддраал поступает так лишь в случае крайней нужды и с величайшим нежеланием и отвращением. И приспешники Тьмы, если они всей душой преданы Тени, чувствуют себя неуютно в стеддинге.

Страж. Воин, соединенный узами с Айз Седай. Узы — порождение Единой Силы, и благодаря им он получает такие дары, как быстрое заживление ран, способность долгое время обходиться без еды, воды или отдыха, а также способность на расстоянии ощущать порчу Темного. Пока жив Страж, Айз Седай, с которой он связан, знает, что он жив, независимо от того, насколько тот далеко, а когда он умирает, ей становится известно о моменте его смерти и о том, как она наступила. Тогда как большинство Айя полагают, что Айз Седай могут в одно и то же время иметь связанным с собой только одного Стража, Красные сестры

вообще отказываются от соединения узами со Стражами, а Зеленая Айя считает, что Айз Седай может связывать себя узами со столькими Стражами, сколько она захочет. С точки зрения этики, Страж должен по доброй воле согласиться связать себя этими узами, но известно, что это совершалось и без его согласия. Что получают от уз Айз Седай — тщательно оберегаемая тайна. *См. также* Айз Седай.

Стража Последнего часа. Элитное воинское формирование Шончанской империи, включающее в себя как людей, так и огиров. Все люди в Страже Последнего часа — да'ковале, как находящиеся в собственности от рождения, так и выбранные в юности для службы императрице, чьей личной собственностью они являются. Фанатично ей преданные и гордые своей судьбой, они часто выставляют на всеобщее обозрение вытатуированных на плечах воронов — знак да'ковале императрицы. Стражи-огиры известны как Садовники, и они не являются да'ковале. Тем не менее, Садовников отличает такая же горячая преданность, что и людей из Стражи Последнего часа, и их страшатся еще больше. Стражи Последнего часа, будь то люди или огиры, не просто готовы умереть за императрицу или за членов

императорской семьи, а верят, что самые их жизни — собственность императрицы, которыми она вольна распоряжаться по собственному усмотрению. Шлемы и доспехи Стражей Последнего часа покрыты темно-зеленым (настолько темным, что нередко его принимают за черный) и кроваво-красным лаком, щиты выкрашены черным лаком, а мечи, копья и алебарды украшены черными кистями. *См. также* Да'ковале.

Сул'дам. Дословно: «вожатая». Так шончан называют ту, которая способна посредством ай'дам контролировать женщину, обладающую даром направлять Силу. В шончанском обществе сул'дам занимают весьма почетное положение. Только немногим известно, что на самом деле *сул'дам* — это женщины, которых можно обучить направлять Силу. *См. также* ай'дам; дамани; Шончан.

Та'верен. Личность, вокруг которой Колесо Времени свивает нити жизней всех, кто находится рядом с ним, а может, и *все* жизненные нити. Это сплетение нитей жизни — вещь довольно трудная для понимания. Ясно одно: само присутствие та'верена во многих отношениях способно изменить возможное течение событий; часто случается то, вероятность чего очень

мала, может быть, один случай на миллион. Иногда происходят события, которые кажутся совершенно невероятными: например, ребенок падает с высоты в сотню футов без малейшего вреда для себя. В некоторых случаях эффект этого воздействия настолько велик, что изменяет ход самой истории, хотя часто он носит локальный характер. Как говорят, в этом и состоит истинная причина рождения та'верена — он появляется для того, чтобы изменить исторический процесс и восстановить нарушенное равновесие, требующееся для вращения Колеса Времени.

Тарабон. Государство на побережье Аритского океана. Некогда обширная страна с процветающей торговлей; среди прочего отсюда по миру расходились ковры, всевозможные красители, здесь торговали фейерверками, изготовленными мастерами гильдии иллюминаторов. Потом для нее наступили тяжелые времена. Погрузившаяся в пучину анархии и гражданской войны страна, чьи бедствия были усугублены ведущимися одновременно войнами против Арад Домана и против преданных Дракону, оказалась легкой добычей для высадившихся шончан. В настоящее время Тарабон находится под уверенной властью шончан; квартал гильдии иллюминаторов

уничтожен, а сами иллюминаторы обращены в да'ковале. По-видимому, большинство тарабонцев испытывают к шончан благодарность — за то, что те восстановили порядок, а поскольку захватчики позволили им жить по-старому, как прежде, почти не вмешиваясь в повседневную жизнь, то они не имеют никакого желания начинать новую войну, чтобы попытаться изгнать шончан.

Тай'шар. На древнем языке — «Истинной крови».

Тармон Гай'дон. Последняя битва. *См. также* Дракон; Рог Валир.

Теламон, Льюс Тэрин. *См.* Дракон.

Тел'аран'риод. На древнем языке — «Незримый мир», или «Мир снов». Мир, или место, мельком предстающий в снах; он, как полагали древние, проникает во все прочие возможные миры и охватывает их. Многие в своих снах могут на несколько мгновений прикоснуться к Тел'аран'риоду, но считаные единицы обладают способностью вступать в него по своей воле, хотя некоторые тер'ангриалы наделяют владельца подобной возможностью. В отличие от других снов, то, что случается с живым существом в Мире снов, — реально; рана, полученная там,

при пробуждении остается, а тот, кто погибает в Незримом мире, не просыпается вовсе. В ином же отношении, что бы там ни было сделано, это никак не сказывается на реальном мире. *См. также* тер'ангриал.

Темный. Самое общепринятое имя, используемое во всех странах, для Шайи'тана. Источник зла, противоположность Создателю. В момент Творения заключен Создателем в Шайол Гул. Попытка освободить его привела к Войне Тени, к запятнанию саидин, к Разлому Мира и к концу Эпохи легенд.

Тер'ангриал. Один из немногочисленных реликтов Эпохи легенд, который использует Единую Силу. В отличие от ангриалов и са'ангриалов, каждый тер'ангриал был создан для выполнения отдельной, особой цели. Некоторые используются Айз Седай, но первоначальное предназначение многих тер'ангриалов неизвестно. Какие-то в случае своего применения требуют направлять Силу, в то время как другими может воспользоваться любой. Некоторые тер'ангриалы убивают воспользовавшихся ими женщин или уничтожают в них способность направлять. Как и в случае с ангриалами и са'ангриалами, после Разлома Мира умение изготовлять тер'ангриалы

было утрачено. *См. также* ангриал; са'ангриал.

Тир. Государство на побережье Моря штормов; также столица этой страны, огромный морской порт. На знамени Тира, полотнище которого наполовину красное, наполовину золотое, наискось расположены три белых полумесяца. *См. также* Тирская Твердыня.

Тирская Твердыня. Огромная крепость в городе Тир. Как утверждает молва, возведена с использованием Единой Силы вскоре после Разлома Мира. Твердыня выдержала бесчисленные осады и штурмы, но пала в одну ночь перед Драконом Возрожденным и несколькими сотнями айильцев.

Том Меррилин. Менестрель и путешественник; не так прост, как кажется с виду.

Троллоки. Создания Темного, выведенные в ходе Войны Тени. Существа громадного роста, они представляют собой извращенную помесь рода людского и зверей. Злобные по натуре, они убивают ради собственного удовольствия. Крайне вероломны, положиться на них нельзя, если только не добиться от них подчинения страхом. Они едят все — и всех. *См. также* Троллоковы войны.

Троллоковы войны. Ряд войн, начавшихся около 1000 г. после Р. М. и длившихся более трех

сотен лет, в течение которых армии троллоков, возглавляемые мурддраалами и Повелителями ужаса, опустошали мир. В конечном итоге троллоки были перебиты или отогнаны обратно в Великое Запустение, но некоторые государства исчезли с лица земли, а те, что пережили войны, почти совсем обезлюдели. Все записи об этом времени носят фрагментарный характер. *См. также* мурддраалы; Повелители ужаса; троллоки.

Тэм ал'Тор. Фермер и пастух из Двуречья. В молодости ушел из родных краев и стал солдатом, вернулся домой с женой (Кари, ныне покойной) и с ребенком (Рандом).

Узор эпохи. Колесо Времени свивает нити человеческих жизней в Узор эпохи, который образует суть реальности для этой эпохи. Часто называется просто Узор. *См. также* та'верен.

Фар Дарайз Май. Буквально — «Девы Копья». Айильское воинское общество, в которое, в отличие от всех прочих подобных объединений воинов-Айил, принимают одних только женщин. Дева не может выйти замуж и остаться в сообществе, также ей нельзя сражаться, когда она вынашивает ребенка. Любой ребенок, рожденный Девой, передается на воспитание другой

женщине, причем так, чтобы никто не знал, кто мать ребенка. («Ты не можешь принадлежать ни одному мужчине, и никакой мужчина, никакой ребенок не может принадлежать тебе. Копье — твой любовник, твое дитя и твоя жизнь».) *См. также* Айил; айильские общества воинов.

Фейн, Падан. В прошлом — бродячий торговец, приезжавший торговать в Двуречье, приспешник Тьмы. Он был преображен в Шайол Гул, в результате чего получил способность разыскивать юношу, которому предстояло стать Драконом Возрожденным, причем разыскивать с настойчивостью охотничьего пса, преследующего добычу, и цель эта сделалась для Фейна жизненной необходимостью. Страдания, которые он испытал во время этой трансформации, породили в Падане Фейне маниакальную ненависть и к самому Темному, и к Ранду ал'Тору. Теперь же Фейн превратился в нечто гораздо более худшее, чем друг Темного. Преследуя ал'Тора, он неожиданно столкнулся в Шадар Логоте с томящейся в западне душой Джераала Мордета, и эта душа попыталась завладеть телом Фейна. Однако из-за того, что было сделано с Фейном в Шайол Гул, произошло их слияние в одном теле; возникшее в результате существо является в большей степени

Фейном и обладает возможностями, значительно превосходящими те, какие первоначально имелись у обоих. В последний раз его видели в Фар Мэддинге вместе с Торамом Райатином, который там погиб.

Фэйли. На древнем языке — «сокол». Это имя взяла себе Заринэ Башир, молодая женщина из Салдэйи.

Хадори. Плетеный кожаный шнурок, который мужчины народа малкири повязывают вокруг головы, чтобы волосы не падали на лицо. Пока Малкир не пала перед Запустением, все взрослые мужчины-малкири носили волосы до плеч, подвязывая и удерживая их с помощью хадори. Как и ритуал вручения меча, разрешение носить хадори означало для мужчины-малкири переход из детства во взрослую жизнь. Оно символизировало для мужчины долг и обязательства, которыми он связан как взрослый человек, а также свидетельствовало о его принадлежности к народу малкири.

Ханлон, Давед. Приспешник Темного, также известный как Дойлин Меллар. Ему велели вернуться в Кэймлин и под этим именем снискать расположение Илэйн, тогда являвшейся дочерью-наследницей. Если верить слухам, он не просто

добился ее расположения, а и достиг гораздо большего. Был захвачен вместе с леди Шиайн, Чесмал Эмри, Элдрит Джондар, Тимэйл Киндероде, Фалион Бода и Мариллин Гемалфин, которые содержались как пленники в королевском дворце Андора. Впоследствии ему удалось бежать.

Ходящая по снам. Так айильцы называют женщину, способную входить в Тел'аран'риод, истолковывать сны и разговаривать с другими людьми в их снах. Айз Седай тоже используют подобный термин, говоря о Сновидицах, однако редко. *См. также* Тел'аран'риод.

Хранительницы Мудрости. У Айил — женщины, отобранные другими Хранительницами и обученные целительству, знанию трав и прочему; во многих отношениях похожи на Мудрых. На них лежит большая ответственность, и обладают они огромной властью. Хранительницы имеют немалое влияние на вождей кланов и септов, хотя те и поругивают их частенько за вмешательство не в свои дела. Значительное число Хранительниц в той или иной степени обладает даром направлять, хотя и не афиширует своей способности; они отыскивают всех айилок, обладающих этим даром с рождения, и большинство тех, кого можно обучить. Согласно обычаю,

среди айильцев не принято говорить о том, что Хранительницы Мудрости умеют направлять Силу. Также согласно обычаю, Хранительницы избегают общения с Айз Седай — даже больше прочих айильцев. Хранительницы Мудрости стоят вне всякой кровной вражды и сражений, и согласно джи'и'тох к ним запрещено применять силу, им нельзя чинить какие бы то ни было препятствия и иным способом. Для Хранительницы Мудрости принять участие в битве означало бы неслыханное нарушение обычаев. Три из ныне живущих Хранительниц — ходящие по снам, способные, кроме прочего, входить в Тел'аран'риод и говорить во снах с другими людьми. *См. также* Тел'аран'риод; ходящая по снам.

Хурин. Шайнарец, обладающий способностью ощущать насилие как запах, определять, где оно было совершено, и таким образом по этому запаху выслеживать тех, кто совершил злодеяние. Прозывается «нюхачом», в Фал Дара он служил правосудию короля Шайнара.

Ча Фэйли. 1. На древнем языке — «Соколиный Коготь». 2. Название, принятое группой молодых кайриэнцев и тайренцев, которые пытаются следовать джи'и'тох. Они дали клятву верности Фэйли ни Башир т'Айбара. Втайне они выступают

в качестве ее личных разведчиков и шпионов. Пока Фэйли находилась в плену у Шайдо, они продолжали свою деятельность под руководством Себбана Балвера. *См. также* Балвер, Себбан.

Чаарин, Джейин. *См.* Далекоходивший, Джейин.

Шайи'тан. *См.* Темный.

Шайнар. Одна из Пограничных земель. Герб Шайнара — стремительно снижающийся черный ястреб.

Шайол Гул. Гора в Проклятых землях, расположенных за Великим Запустением. Там находится узилище Темного.

Шара. Загадочная страна, которая лежит восточнее Айильской пустыни. Оттуда, помимо прочих товаров, привозят шелк и драгоценную поделочную кость. Ее защищают как негостеприимные природные особенности, так и рукотворные стены. О Шаре известно мало, так как народ этого края сознательно стремится сохранять в тайне любые сведения о своей стране и ее культуре. Жители Шары отрицают, что Троллоковы войны как-то затронули их, вопреки тому, что айильцы утверждают обратное. Они также заявляют, что им ничего не известно о попытке вторжения, предпринятой Артуром

Ястребиное Крыло, несмотря на сообщения об этом очевидцев из Морского народа. Основываясь на просочившихся обрывочных сведениях, можно заключить, что Шарой правит один абсолютный монарх, который называется Ш'боан, если это женщина, и Ш'ботэй, если мужчина. Этот монарх правит ровно семь лет, а затем умирает. Власть переходит к супругу (или супруге) этого правителя, который также правит семь лет, по истечении которых умирает. Подобный порядок правления повторяется со времен Разлома Мира. Жители Шары убеждены, что эти смерти есть «Воля Узора».

В Шаре есть люди, способные направлять Силу, они известны как Айяд, и им при рождении татуируют лица. Женщины из Айяд обеспечивают неукоснительное соблюдение законов, касающихся Айяд. Сексуальные отношения между Айяд и тем, кто не является Айяд, караются смертью для последнего; Айяд также подлежит казни, если выяснится, что с его или ее стороны имело место принуждение. Если от подобной связи рождается ребенок, то его оставляют на произвол стихий, и он погибает. Мужчины Айяд рассматриваются исключительно как орудие для продолжения рода, как племенной скот. Никакого образования

им не дают, их даже не учат ни читать, ни писать, а по достижении ими двадцати одного года либо когда они начинают направлять Силу — в зависимости от того, что случится раньше, — их убивают женщины Айяд, а тела сжигают. Считается, что Айяд направляют Единую Силу только по приказу Ш'боан или Ш'ботэя, которых всегда окружают женщины Айяд.

Впрочем, даже само название страны вызывает сомнения. Известно, что уроженцы Шары именуют ее по-разному, среди многих различных названий — Шамара, Ко'дансин, Томака, Кигали и Шибоуйя.

Шен ан Калхар. На древнем языке — «Отряд Красной руки». 1. Легендарная группа героев, совершивших множество подвигов и в конце концов погибших при обороне Манетерен, когда во время Троллоковых войн эта страна была уничтожена. 2. Воинская часть, которую почти случайно собрал под своим командованием Мэт Коутон. В основу ее организации положены достижения в тактике времен Артура Ястребиное Крыло и предшествующих веков, считающихся эпохой наивысшего расцвета военного искусства.

Шондар. Имперская столица Шончан, расположена на северо-востоке континента Шончан.

Это также крупнейший город империи. После смерти императрицы Радханан столица погрузилась в хаос.

Шончан. 1. Потомки солдат, которых Артур Ястребиное Крыло послал за Аритский океан и которые завоевали земли за океаном. Шончан убеждены, что всякую женщину, способную направлять, нужно обязательно взять под контроль, дабы обезопасить всех прочих; любого же мужчину, наделенного таким даром, необходимо убить — из тех же самых соображений. 2. Страна, из которой явились шончан.

Шуфа. Одеяние Айил, кусок ткани, обычно цвета песка или скал, которая оборачивается вокруг головы и шеи, оставляя открытым только лицо.

Эбу Дар. Столица Алтары, огромный морской порт. Город, где странные местные обычаи чужестранцам представляются немыслимыми. *См. также* Алтара.

Эмис. Хранительница Мудрости из холда Холодные Скалы, ходящая по снам; из септа Девять Долин, из Таардад Айил. Она — жена Руарка и приходится сестрой-матерью Авиенде.

Эпоха легенд. Эпоха, закончившаяся Войной Тени и Разломом Мира. Время, когда Айз Седай творили чудеса, о которых ныне лишь мечтают.

Эрит. Дочь Ивы, дочери Алар. Привлекательная молодая женщина-огир, на которой женился Лойал, хотя какое-то время он от нее скрывался.

Ястребиное Крыло, Артур. Легендарный король (правил в 943–994 Г. С.), который объединил все страны к западу от Хребта Мира. Он даже послал войска за Аритский океан (992 Г. С.), но все контакты с ними были потеряны после его смерти, которая вызвала Столетнюю войну. Его герб — золотой ястреб в полете.

* * *

Роберт Джордан родился в городе Чарлстон, штат Южная Каролина. Читать научился в четырехлетнем возрасте, подтолкнул его к этому двенадцатилетний брат. В пять лет Роберт взялся за Марка Твена и Жюля Верна. Учился в Цитадели, военном колледже Южной Каролины, по специальности «физика». Отслужил два срока во Вьетнаме. Среди его наград Крест лётных заслуг с бронзовыми дубовыми листьями, Бронзовая звезда с литерой «V» и дубовыми листьями и два Креста за храбрость с пальмовой ветвью. Страстно любил историю, писал критические статьи, увлекался охотой, рыбалкой, парусным спортом, покером, шахматами, бильярдом. Коллекционировал курительные трубки.

В литературу Роберт Джордан пришел в 1977 году. Его цикл «Колесо Времени», один из самых главных бестселлеров в истории жанра фэнтези, опубликован в Северной Америке суммарным тиражом свыше 14 миллионов экземпляров, а книги, изданные и проданные за рубежом, не поддаются подсчету.

Писатель умер 16 сентября 2007 года после отважной и упорной борьбы с амилоидозом,

редким заболеванием крови.